ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1959

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

14

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четырнадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит цикл статей, написанных ими для прогрессивного буржуазного издания «Новая американская энциклопедия», и большое полемическое произведение Маркса «Господин Фогт». По времени написания (июль 1857 — ноябрь 1860 гг.) эти работы примыкают к произведениям, входящим в состав 12, 13 и отчасти 15 томов настоящего издания.

Как и другие произведения основоположников марксизма этого периода, работы, входящие в данный том, относятся к началу оживления пролетарского и демократического движений. Первый в истории капиталистической экономики мировой экономический кризис 1857 — 1858 гг. подготовил почву для начинавшегося нового подъема революционной классовой борьбы пролетариата, для усиления антифеодального народного движения в ряде стран и национально-освободительной борьбы угнетенных народов. С особой остротой вновь выдвигаются задачи уничтожения остатков феодализма, ликвидации национального гнета, объединения политически раздробленных стран — Германии и Италии. Главным борцом за революционное разрешение этих задач — в силу прогрессирующего контрреволюционного перерождения буржуазии — становился европейский пролетариат, для которого завершение буржуазных преобразований, оставшихся неосуществленными в результате поражения революций 1848 — 1849 гг., было необходимой ступенью на пути к пролетарской революции.

Приближение революционных событий, осложнявшаяся международная обстановка, чреватая, как показала война Франции

и Пьемонта против Австрии в 1859 г., крупными военными столкновениями, побуждали вождей рабочего класса Маркса и Энгельса усилить свою деятельность по подготовке международного пролетариата к новым классовым боям. Особую важность в этих условиях приобрела разработка Марксом и Энгельсом революционной теории, их борьба за создание пролетарской партии, обоснование ими тактики пролетариата по коренным вопросам внутреннего и международного положения различных стран, выяснение причин и классового характера международных конфликтов и войн, раскрытие закономерностей вооруженной борьбы, наконец, страстная отповедь, которую они давали идейным противникам рабочего класса. Публикуемые в 14 томе произведения отражают многие стороны революционной теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса этого периода. Памфлет «Господин Фогт» явился ярким выступлением Маркса в защиту формирующейся пролетарской партии против клеветников и хулителей из лагеря буржуазии. Сотрудничество в «Новой американской энциклопедии», служившее для Маркса в то время одним из источников существования, а для Энгельса — средством для оказания помощи своему великому соратнику, использовалось ими, подобно корреспондентской работе для газеты «New-York Daily Tribune», как легальная возможность пропаганды, — нередко по необходимости в завуалированной форме, — революционно-материалистических идей. Поскольку это зависело от Маркса и Энгельса, они старались избирать для своих статей в энциклопедию такие проблемы, разработка которых была важна для теоретического вооружения пролетариата.

Статьи из «Новой американской энциклопедии» составляют содержание первой половины тома. При их написании Марксу и Энгельсу постоянно приходилось сталкиваться с классовой ограниченностью редакторов энциклопедии (Ч. Дана и др.), предъявлявших своим авторам требование в духе фальшивого буржуазного объективизма — не проявлять партийных тенденций. Несмотря на подобные требования редакции, допускавшей к тому же произвольные вторжения в авторский текст, несмотря на известные рамки, в которые ставил революционную публицистику специфически справочный характер такого издания, основоположники марксизма умели в строго энциклопедических по форме и стилю статьях проводить революционно-пролетарскую точку зрения.

Большинство статей для энциклопедии было написано Энгельсом, хотя официальным сотрудником числился Маркс. Энгельс взял на себя основную часть этой работы, чтобы высво-

бодить Марксу время для занятий экономическими вопросами, поскольку создание пролетарской политической экономии являлось тогда главной теоретической задачей вождей пролетариата. Многие статьи создавались в тесном сотрудничестве обоих основоположников марксизма, оказывавших друг другу помощь в самых различных формах. Нередко эта помощь носила характер прямого соавторства.

Среди статей Энгельса центральное место занимают работы по военным вопросам: «Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Военно-морской флот» и другие. Являясь результатом глубокого обобщения Энгельсом истории войн, начиная с древнейших времен, истории возникновения и развития армий, а также анализа организации и состояния современных ему вооруженных сил, методов и форм ведения войны и боя, эти работы, наряду с другими военными произведениями Энгельса, заложили основы марксистской военной науки и подлинно научной истории военного искусства. На основании огромного фактического материала Энгельс раскрыл в них исторические условия возникновения войн и вооруженных сил, проследил важнейшие этапы и особенности развития армий, показал изменения в их организации, стратегии и тактике на протяжении различных исторических эпох. Обобщающие статьи по военным вопросам, написанные Энгельсом для «Новой американской энциклопедии», целиком отражают его роль как первого военного теоретика пролетариата и выдающегося историка военного искусства, революционера и новатора в области военной и военно-исторической науки. Занимаясь плодотворной разработкой многих отраслей знаний, подчиняя свою научную деятельность интересам революционной борьбы пролетариата, Энгельс одной из своих специальностей сделал, как указывал Маркс в письме к Лассалю от 25 февраля 1859 г., «изучение военных вопросов». В. И. Ленин называл Энгельса великим знатоком военного дела.

Большой заслугой Энгельса является то, что он первый применил к изучению военной истории и к анализу современных ему армий единственно научный метод — метод диалектического и исторического материализма. В отличие от буржуазных историков-идеалистов, неспособных представить развитие вооруженных сил как закономерный процесс, Энгельс показал, что это развитие, как и другие общественные явления, в конечном счете определяется изменениями в способе материального производства, составляющем экономический базис общества. «История *армии,* — писал Маркс Энгельсу 25 сентября 1857 г., прочтя работу Энгельса «Армия», — всего нагляднее

подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений».

Энгельс первый в военно-исторической науке полностью раскрыл тот факт, что характер и тип вооруженных сил, их специфические черты, вооружение и тактика, способ комплектования и обучения войск зависят от уровня развития производительных сил, от общественного строя и классовой структуры общества. На многочисленных исторических примерах Энгельс вскрывает классовую природу армий, начиная со времени появления первых организованных вооруженных сил в рабовладельческих государствах Древнего Востока. Диалектически рассматривая вооруженные силы в их развитии, Энгельс поставил это развитие в конкретную связь с историей общественно-экономических формаций. Он показал, что расцвет и упадок армий определялся процессом становления и разложения той или иной формации. Армии Древней Греции с их фаланговой тактикой, древнеримская армия с ее более прогрессивной легионной системой пришли в упадок, подчеркивает Энгельс, в результате роста противоречий в рабовладельческом обществе, приведших его к гибели. Разложение феодализма привело к распаду феодальной военной системы, к исчезновению потерявшей свою боеспособность рыцарской конницы. В эпоху становления капитализма вооруженные силы, как отмечает Энгельс, претерпели значительную эволюцию, от наемных войск до массовых армий, комплектовавшихся на основе всеобщей воинской повинности, — эволюцию, отразившую процесс складывания и развития буржуазного общества.

Огромную роль в развитии военного дела Энгельс отводит периодам смены одной общественно-экономической формации другой, более прогрессивной, эпохам революционной ломки устаревшего общественного строя и создания нового. Такие эпохи, показывает Энгельс в своих произведениях, давали особенно сильный толчок прогрессу в военной области, причем инициаторами и носителями этих прогрессивных изменений были революционные классы, ведущие борьбу против отживших сил общества. Энгельс выявляет эту закономерность на примере ранних буржуазных революций, в первую очередь на примере французской буржуазной революции конца XVIII века и войн революционной Франции против коалиции феодально-абсолютистских государств Европы. Он показывает, что именно в этих войнах особенно проявлялось военное творчество самих народных масс, непосредственных участников вооруженной борьбы, искавших и находивших новые формы боя и тактического построения, которые соответствовали новым условиям.

Позднее это находило свое оформление в организации и уставах армий, приводилось в систему в результате деятельности военных руководителей и полководцев и т. д. Большое значение придавал Энгельс освободительной борьбе народов против иноземных захватчиков, например, войнам швейцарцев против австрийских и бургундских феодалов, войне Нидерландов против испанского владычества в XVI веке, войне за независимость североамериканских колоний Англии в конце XVIII века, войнам европейских народов против наполеоновского гнета в начале XIX века, национально-освободительной войне Венгрии в 1848 — 1849 годах и т. д. Истории этих войн Энгельс касается не только в своих крупных работах для энциклопедии, но и в ряде мелких статей («Альбуэра», «Буда» и другие).

Военные работы Энгельса опровергли концепции многих буржуазных военных теоретиков о неизменности и вечности принципов военного искусства. Вскрывая присущие стратегии и тактике диалектические закономерности, Энгельс подчеркивает, что стратегические и тактические правила, пригодные в одних исторических условиях, терпели банкротство, будучи применены в изменившейся обстановке. Так например, в статье «Бленхейм», анализируя одно из крупных сражений начала XVIII века, Энгельс обращает внимание на то, что обстоятельства, которые при тогдашней линейной тактике явились причиной поражения французской армии, в XIX веке, в период применения рассыпного строя в сочетании с колоннами, расценивались бы «как одно из крупнейших преимуществ» (см. настоящий том, стр. 255). Развитие военного искусства Энгельс представлял в целом как сложный поступательный процесс постоянного совершенствования. Он вскрывал тесную взаимную связь различных сторон этого процесса. В своих работах Энгельс показывает роль в военном деле взаимодействия различных родов войск и взаимную обусловленность их исторического развития.

Статьи Энгельса охватывают самые различные области военного дела. В них рассмотрены, как правило в историческом развитии, проблемы формирования, организации и вооружения армий, их комплектования и обучения, управления вооруженными силами, стратегия и тактика, организация и тактика отдельных родов наземных войск и военно-морского флота, устройство фортификационных сооружений, а также многие другие вопросы, включая материальное обеспечение и снабжение войск (см. статьи «Боевые припасы», «Эри»), расквартирование и расположение их на отдых (статьи «Бивуак», «Лагерь») и т. д. Исключительное внимание уделял Энгельс военной

технике. Важнейшие стороны ее истории были прослежены им в его уже упомянутых крупных статьях, а некоторые детали освещены в ряде небольших статей, посвященных отдельным видам оружия («Катапульта», «Штык», «Аркебуз», «Карабин», «Карронада», «Бомба», «Картечь» и т. д.), отдельным наступательным и оборонительным средствам борьбы («Батарея», «Бомбардирский корабль», «Бастион», «Блиндаж», «Укрытие от бомб» и т. д.) и вспомогательно-техническим средствам («Военный мост» и т. д.). На многочисленных примерах Энгельс раскрывает то революционизирующее влияние, которое оказывали важнейшие технические открытия — изобретение пороха, применение и усовершенствование огнестрельного оружия, прогресс в артиллерийской науке и военно-инженерном деле, использование паровых двигателей в военно-морском флоте — на развитие вооруженных сил и военного искусства. Зависимость военной тактики от военной техники, неизбежные изменения в тактических формах боя в результате появления новых видов массового оружия, как это доказал Энгельс в своих статьях, является одной из закономерностей, отражающих воздействие на военное дело экономического развития общества, роста его производительных сил.

Энгельс, однако, не сводил законы вооруженной борьбы только к влиянию военной техники на способы боя. Состояние той или иной армии, ее боеспособность, подчеркивал он, определяется прежде всего общественным и политическим строем, теми общественными условиями, в которых она возникла и действует. Боевые качества той или иной армии обусловливаются, наряду с вооружением, ее составом, социальными элементами, из которых она вербуется, степенью боевой выучки, уровнем сознания и моральным обликом ее бойцов, во многом зависящим от характера войн. Большое значение придавал Энгельс боевому духу армии. Так, говоря о кавалерийских сражениях, Энгельс подчеркивал, что в решающий момент столкновения двух кавалерийских масс «моральный фактор, храбрость, здесь сразу же превращается в материальную силу» (см. настоящий том, стр. 318). Энгельс отмечает и другие факторы, действующие в бою: влияние местности, наличие резервов, оперативность командования, искусство полководцев.

Значительное место уделяет Энгельс в своих работах оценке деятельности крупных полководцев, военных реформаторов, инженеров, изобретателей, внося в эту оценку подлинно научное понимание роли масс и личности в истории. Энгельс показывает, что деятельность выдающихся полководцев определяется отнюдь не произвольным творчеством их фантазии, а прежде

всего материальными предпосылками, не зависящими от их воли. Роль полководца, подчеркивает Энгельс, заключается в умелом применении тех форм и методов ведения войны и боя, которые выдвинуты объективным историческим развитием вооруженных сил, а также в наиболее целесообразном использовании новых технических средств и тех изменений в составе и боевых качествах армий, которые происходят под влиянием перемен в общественном строе. Заслугой Наполеона Энгельс, например, считал то, что он превратил в «регулярную систему» новый способ ведения войны, выдвинутый французской буржуазной революцией конца XVIII века (см. настоящий том, стр. 38). Выступая в то же время против типичных для буржуазной историографии культа и идеализации полководцев, Энгельс в деятельности даже крупных из них отмечал черты ограниченности и противоречивости, имеющие свои классовые корни. Так он указывал, что наряду со своими военными успехами Фридрих II «не только заложил основы того педантизма и муштры, которыми с тех пор отличались пруссаки, но и фактически подготовил их к беспримерному позору Йены и Ауэрштедта» (см. настоящий том, стр. 374). В стратегии и тактике Наполеона Энгельс подчеркивал элементы авантюризма, наличие односторонних решений и промахов, вроде построения огромных колонн, которые «способствовали проигрышу им не одного сражения» (см. настоящий том, стр. 322).

Публикуемые в томе небольшие статьи Энгельса на военные темы дополняют и конкретизируют содержание его крупных произведений. Некоторые из этих статей — «Альма», «Асперн», «Бидасоа», «Бородино» и др. — посвящены анализу отдельных сражений. Часть статей была написана Энгельсом с целью пояснения ряда военных и военно-технических терминов. В статьях Энгельса «Кампания», «Сражение», «Атака» содержатся важные военно-теоретические выводы, касающиеся форм и методов ведения боя, применения различных боевых порядков и использования резервов. В них имеется ряд ценных с точки зрения стратегии и тактики положений.

В своих военных работах Энгельс проанализировал опыт истории войн различных эпох, в первую очередь эпохи капитализма. Он критически переработал и обобщил достижения военно-теоретической мысли, начиная с военных писателей древности и кончая современными ему буржуазными военными теоретиками и историками. Энгельс проследил развитие армий многих народов, стремясь отразить вклад каждого из них в военные науки и военное искусство. Обобщения и выводы, сделанные Энгельсом, а также примененный им метод исследования

военно-исторических событий имеют неоценимое теоретическое и политическое значение. Весьма большой интерес как образец научного предвидения представляют высказанные Энгельсом в отдельных статьях прогнозы относительно некоторых направлений дальнейшего развития вооруженных сил, например, мнение о предстоящих изменениях в тактике пехоты под влиянием роста эффективности стрелкового оружия (статья «Пехота»), а также в тактике морских сражений и в типе судов в связи с возрастающей мощностью артиллерийского вооружения военных кораблей (статья «Военно-морской флот»), В то же время следует учесть, что в работах Энгельса, жившего в эпоху домонополистического капитализма, обобщен опыт войн, предшествующих периоду массового применения машинной техники и автоматического оружия. Поэтому некоторые положения и суждения Энгельса, отражающие особенности военного дела в доимпериалистическую эпоху, не могут быть механически перенесены в современные условия и безоговорочно применены в современной стратегии и тактике.

Следует также сказать, что неразработанность в то время истории военного искусства многих стран помешала Энгельсу в надлежащей мере учесть военный опыт ряда народов. В своих статьях Энгельс лишь бегло касается, например, русского военного искусства, затрагивая историю русской армии преимущественно в написанных им совместно с Марксом биографиях некоторых военных деятелей России (статьи «Барклай-де-Толли», «Беннигсен»). В отдельных случаях, пользуясь тенденциозными работами западноевропейских историков и не имея возможности сопоставить их с более объективными исследованиями, Энгельс допускал неточности в освещении некоторых сторон русской военной истории. Такие неточности содержатся, например, в статье «Бородино». В этой статье дана односторонняя оценка результатов Бородинского сражения и принижена, как и в статье «Барклай-де-Толли», роль великого русского полководцам. И. Кутузова. Не мог Энгельс в силу тогдашнего состояния военно-исторической науки полностью отразить и вклад в военное искусство народов Востока, хотя в различных местах своих работ он отмечает великое историческое значение открытия в Китае пороха, и сделанных китайцами, а также индийцами и арабами, изобретений в области применения огнестрельного оружия.

Ряд работ Энгельса для «Новой американской энциклопедии» посвящен странам Востока, ставшим объектом завоевательных устремлений европейских капиталистических государств. Эти работы направлены против хищнической системы порабоще-

ния и эксплуатации народов Азии и Африки буржуазией экономически развитых стран, против политики колониальных захватов и авантюр. Они являются одним из свидетельств того пристального внимания, с которым относились Маркс и Энгельс к судьбам народов Востока, к их национально-освободительному движению.

В статьях «Афганистан», «Алжир», «Бирма» Энгельс указывает на природные ресурсы этих стран, пробудившие колонизаторские вожделения капиталистических хищников, которые, воспользовавшись их экономической отсталостью и полупатриархальным строем, превратили их в арену колониального грабежа. Энгельс отмечал, что английские колонизаторы в результате первой и второй англо-бирманской войны (1824 — 1826, 1852) ограбили Бирму, «отняв у нее территорию, отличающуюся наибольшим плодородием», и лишив ее выхода к морю (см. настоящее издание, стр. 285 — 286). Энгельс разоблачил происки английских агентов в Афганистане, грубое вмешательство английских колонизаторов во внутренние дела этой страны, коварные и провокационные методы, посредством которых они развязали англо-афганскую войну 1839 — 1842 гг., предпринятую с целью колониального захвата Афганистана. Вторжение англичан в Афганистан Энгельс рассматривал как составную часть английской колониальной экспансии в Центральной Азии. Особенно наглядно раскрыл Энгельс варварские методы колониального господства и последствия колониального порабощения на примере французского завоевания Алжира. «Начиная с момента первой оккупации Алжира французами до настоящего времени несчастная страна является ареной непрерывных кровопролитий, грабежей и насилий, — писал Энгельс о действиях французских колонизаторов. — Каждый город, большой и малый, завоевывается пядь за пядью ценой огромных жертв. Арабские и кабильские племена, которые дорожат независимостью, как сокровищем, а ненависть к иноземному господству ставят выше самой жизни, подавляются и усмиряются посредством свирепых набегов, во время которых сжигаются и разрушаются их жилища и имущество, вытаптывается их урожай, а уцелевшие несчастные существа подвергаются либо истреблению, либо всем ужасам разврата и жестокости» (см. настоящий том, стр. 104).

Горячо сочувствуя народам, попавшим под колониальное ярмо или под угрозу колониального порабощения, Энгельс в своих статьях подчеркивает освободительный характер и широкий размах сопротивления этих народов колонизаторам. Он с удовлетворением отмечал позорный провал английской

авантюры в Афганистане, подробно остановившись на всеобщем восстании афганцев против иноземных захватчиков в 1840 г., в результате которого «храбрый, энергичный и свободолюбивый народ», как отзывался Энгельс об афганском народе, преподал суровый урок колонизаторам, уничтожил их армию и добился их изгнания из страны. Указывая на непрерывные восстания местного алжирского населения против колониального владычества, Энгельс констатировал, что, несмотря на три десятилетия кровавых войн (начиная с 1830 г.), несмотря на крупнейшие военные силы, брошенные Францией на покорение Алжира, и потраченные ею на это колоссальные средства, французское господство в этой стране благодаря сопротивлению алжирцев «носит совершенно иллюзорный характер, если не считать побережья, городов и их окрестностей», а алжирские племена «продолжают отстаивать свою независимость и ненавидеть французский режим» (см. настоящий том, стр. 109).

Статьи «Алжир» и «Афганистан» проникнуты уверенностью их автора в нарастающую силу и неодолимость освободительного движения против колонизаторов — движения, которое, как показал Энгельс, имеет глубокие корни в народных массах, ненавидящих колониальный гнет и стремящихся к свободе. Эти статьи, хотя они и предназначались для буржуазного издания, написаны с позиций пролетарского интернационализма. Они отражают борьбу великих вождей пролетариата против колониализма, их благородное стремление воспитать в трудящихся метрополий чувство солидарности с борющимися за свое освобождение народами колониальных и зависимых стран.

Помимо работ Энгельса в «Новой американской энциклопедии» была опубликована группа статей Маркса. Это — преимущественно биографии военных и политических деятелей конца XVIII — первой половины XIX века. Многие из них — «Барклай-де-Толли», «Беннигсен», «Бем», «Боске», «Блюхер», «Бересфорд» — были написаны Марксом при участии Энгельса. Совместно с Энгельсом Марксом были написаны также статьи «Армада» и «Аякучо» (последняя посвящена решающему сражению освободительной войны стран Латинской Америки против испанского господства).

Публикуемые в томе биографические очерки представляют собой образцы яркой исторической характеристики участников различных военных и политических событий, образцы умения наряду с индивидуальными особенностями выделять в биографиях отдельных лиц черты, отражающие эпоху, дух времени, свойства того класса, представителями которого являлись эти

деятели. Эти биографии показывают, что Маркс и Энгельс — основоположники пролетарской исторической науки — были выдающимися мастерами исторического портрета.

В статьях Маркса «Бертье», «Бернадот», «Брюн», «Бесьер», «Бурьенн» представлена галерея военных и государственных деятелей наполеоновской Франции. Жизненный путь многих из них, как показывает Маркс, отразил эволюцию тех кругов французской буржуазии, которые в 1789 — 1794 гг. приняли участие в революционных событиях, а позднее стали опорой контрреволюционного бонапартистского режима. Большинство из этих деятелей сделало военную или дипломатическую карьеру только благодаря революции, которая «открыла широкие возможности для военных талантов» (см. настоящий том, стр. 95). В условиях установившегося господства крупной контрреволюционной буржуазии из них выросли алчные стяжатели и рыцари наживы (Бурьенн, Брюн), честолюбцы, жаждущие чинов, титулов и «вакантных» тронов (Бернадот), беспринципные карьеристы, готовые служить любому режиму (Бертье). Биографии наполеоновских маршалов, написанные Марксом, дают наглядное представление о нравах буржуазной верхушки империи Наполеона I.

В статье «Бюжо» Маркс ярко обрисовал облик тупого и жестокого реакционера, верного слуги режима буржуазной Июльской монархии, отличившегося кровавыми расправами с французскими рабочими, вероломными и свирепыми методами покорения Алжира и колониальной авантюрой в Марокко. Другой характерной контрреволюционной фигурой того времени был английский генерал Бересфорд, руководитель ряда колониальных захватнических экспедиций и участник подавления революционного движения в Бразилии и Португалии.

Широким историческим полотном является биография маршала Блюхера, написанная Марксом и Энгельсом. Деятельность этого выдающегося немецкого полководца и патриота показана в ней на фоне освободительной войны немецкого и других народов против наполеоновского господства. Отмечая крупную роль Блюхера в кампаниях 1813 — 1815 гг. против наполеоновской Франции, подчеркивая, что он разделял «в полной мере народную ненависть к Наполеону» и пользовался популярностью в массах «за свои плебейские симпатии», Маркс и Энгельс считали, что «Блюхер был как нельзя более подходящим генералом для боевых действий 1813 — 1815 гг., носивших наполовину характер регулярной, наполовину повстанческой войны» (см. настоящий том, стр. 194 — 195).

Статья Маркса «Блюм» и написанная им совместно с Энгельсом статья «Бем» посвящены биографиям революционных деятелей. Характеристика Роберта Блюма, видного деятеля революции 1848 г., павшего жертвой контрреволюционного террора, показывает, что Маркс, ясно сознавая ограниченность и умеренность взглядов представителей немецкой мелкобуржуазной демократии, высоко ценил тех из них, кто — в противоположность вульгарным демократам — хранил верность интересам народа. В статье, посвященной Юзефу Бему, отмечается выдающееся полководческое искусство этого польского генерала, проявившего себя во время революционной войны в Венгрии в 1849 г. «первоклассным военачальником в партизанской и малой горной войне» (см. настоящий том, стр. 136). В статье «Боливар-и-Понте» Маркс показал роль народных масс в борьбе стран Латинской Америки против испанского колониального владычества (1810 — 1826) и отметил революционный, освободительный характер этой борьбы. Однако, введенный в заблуждение распространенной в то время тенденциозной литературой, Маркс односторонне оценил деятельность и личность руководителя национально-освободительного движения латиноамериканцов Симона Боливара. Известное влияние на отрицательное отношение Маркса к этому деятелю имела антибонапартистская направленность публицистики основоположников марксизма в эти годы, их стремление развенчать реакционный культ Наполеона I и его подражателей, к которым Маркс на основании своих источников (в необъективности их он не мог в то время удостовериться) причислял и Боливара.

Содержание второй половины данного тома составляет памфлет К. Маркса «Господин Фогт». Этот выдающийся документ отражает борьбу Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, выступление основоположников марксизма с защитой пролетарских революционеров от злостных вылазок идеологов и агентов буржуазии. Написанное в остро сатирической форме, произведение Маркса является примером сокрушительной отповеди врагам пролетарского движения, прибегающим к гнусным приемам клеветы и фальсификации фактов.

Памфлет Маркса был написан в начале нового этапа развития международного рабочего движения, когда Маркс и Энгельс усилили свою деятельность по собиранию, сплочению и воспитанию кадров пролетарских борцов. Опираясь на сохранившееся после роспуска Союза коммунистов с 1852 г. ядро пролетарских революционеров, они стремятся расширить и укрепить международные пролетарские связи. Маркс ищет новых средств и возможностей для более широкой пропаганды коммунисти-

ческих идей, новых организационных форм партийной деятельности, соответствующих изменившимся условиям. Ведя борьбу за формирование пролетарской партии, которая была бы историческим и идейным преемником Союза коммунистов — зародыша такой партии, — Маркс отнюдь не представлял ее себе в виде возрожденного Союза коммунистов. Он считал необходимым создать более широкую, более боеспособную, теснее связанную с массами организацию, способную выполнить всемирно-историческую роль руководителя массового революционного пролетарского движения и привести его к победе. Говоря о пролетарской партии в эти годы, Маркс указывал, что он не подразумевает Союз коммунистов, а понимает под ней «партию в великом историческом смысле» (см. письмо Маркса Ф. Фрейлиграту от 29 февраля 1860 года).

На этом этапе борьбы за партию Маркс считал особенно важным ограждать складывающиеся и еще неокрепшие партийные ряды от клеветнической травли, вносящей дезорганизацию в рабочее движение и подрывающей доверие рабочих к своим руководителям. В интересах укрепления влияния и авторитета партии в массах Маркс стремился к тому, чтобы в глазах рабочих и трудящихся масс пролетарские революционеры, их прошлая и настоящая деятельность, их моральный облик, их взгляды и цели выглядели в подлинном, не искаженном клеветой виде. Донести до масс дело пролетарской партии во всем его величии и чистоте, не позволить врагам пролетариата очернить и опорочить его — таковы были благородные мотивы, побудившие Маркса выступить с памфлетом «Господин Фогт».

Свой памфлет Маркс написал в ответ на клеветническую брошюру Карла Фогта «Мой процесс против «Allgememe Zeitung»», вышедшую в декабре 1859 года. В этой брошюре Фогт, прибегая к подтасовке фактов и прямой лжи, пытался распространить о Марксе и его соратниках множество злобных и грязных вымыслов, представить в грубо извращенном виде их деятельность в Союзе коммунистов, приписать им корыстные, чуть ли не преступные цели. Инсинуации Фогта перекликались с теми сфабрикованными прусскими полицейскими агентами фальшивыми обвинениями, которые были выдвинуты против деятелей Союза коммунистов во время провокационного процесса коммунистов в Кёльне в 1852 г., а также с клеветническими измышлениями, неоднократно пускавшимися в ход против Маркса и его сторонников лидерами враждебной пролетариату мелкобуржуазной эмиграции. Буржуазная пресса в Германии подхватила клевету Фогта. Брошюрой Фогта широко воспользовались — и продолжали пользоваться впоследствии — ярые враги рабочего движения.

Маркс расценивал возобновленную Фогтом травлю пролетарских революционеров как стремление буржуазии нанести формирующейся пролетарской партии решительный удар и морально уничтожить ее в глазах общества. «Во все времена и повсюду, — пишет Маркс в памфлете «Господин Фогт», — сикофанты господствующего класса так же подло клеветали на передовых политических борцов и писателей, защищавших интересы угнетенных классов» (см. настоящий том, стр. 442). Большую опасность выступление Фогта представляло еще и потому, что автор клеветнической брошюры слыл демократом, имел влияние в демократических кругах, пользовался среди буржуазной публики авторитетом ученого-естествоиспытателя и политического деятеля. Особенно важным было разоблачить Фогта и его подголосков в Германии, где пролетарским революционерам предстояла острая борьба за революционно-демократическое объединение страны и необходимо было укрепить их влияние в массах. Маркс писал Фрейлиграту 23 февраля 1860 г., что борьба с Фогтом имеет «решающее значение для *исторического оправдания* партии и для ее будущего положения в Германии». Таким образом, в полемике против Фогта Маркс защищал не только прошлую революционную деятельность пролетарских революционеров, но и будущее пролетарской партии.

В своем памфлете Маркс полностью раскрывает лживый характер всех утверждений Фогта, изобличая его как преднамеренного фальсификатора и клеветника. Измышлениям Фогта Маркс противопоставляет подлинную картину развития международного коммунистического движения, возникновения и деятельности Союза коммунистов. В главе IV своей работы («Письмо Техова») Маркс дает краткий, но весьма содержательный очерк истории этой первой международной коммунистической организации. Как в этой главе, так и в ряде других (глава III «Полицейщина», глава VI «Фогт и «Neue Rheinische Zeitung»») Маркс рисует исторические условия, в которых протекала деятельность Союза коммунистов, показывает его характер и цели, борьбу в нем пролетарского направления против сектантских элементов. Касаясь причин раскола в Союзе коммунистов, вызванного дезорганизаторскими действиями фракции Виллиха — Шаппера, Маркс подчеркивает вредность авантюристско-заговорщической тактики этой сектантской фракции и доказывает несовместимость такой тактики с подлинными задачами пролетарской партии. На примере кёльнского процесса, преследования редакторов «Neue Rheinische Zeitung» и других актов травли деятелей Союза коммунистов Маркс

разоблачает подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством, господствующими классами Германии и других стран против коммунистического движения.

Книга Маркса «Господин Фогт», в которой впервые в марксистской литературе было дано цельное описание раннего этапа борьбы основоположников марксизма за пролетарскую партию, является одной из работ, заложивших основы подлинно научного изучения истории Союза коммунистов. Наряду с брошюрой Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» и статьей Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» эта книга положила начало марксистской историографии в области истории международного коммунистического движения.

Изобличая Фогта как злостного клеветника и злопыхателя, Маркс раскрывает весь отталкивающий облик этого героя немецких обывателей и мещанских эмигрантских кругов. Он разоблачает фальшивый демократизм Фогта, показывая ту неприглядную роль, которую играл Фогт в германской революции 1848 — 1849 гг. и в швейцарской эмиграции. Развенчивая Фогта, Маркс остроумно высмеивает его деятельность в качестве одного из типичных трусливых и ограниченных лидеров левой мелкобуржуазной фракции Франкфуртского парламента и члена эфемерного правительства («имперского регентства»), созданного «охвостьем» парламента на завершающем этапе революции. В главе VI («Фогт и «Neue Rheinische Zeitung»») Маркс показывает, что деятельность Фогта в 1848 — 1849 гг. носила фактически контрреволюционный характер. В ряде разделов своего памфлета Маркс приводит документы, доказывающие, что Фогт, который клеветнически обвинял пролетарских революционеров в связях с полицией, сам неоднократно оказывал полицейские услуги контрреволюционным швейцарским властям в их борьбе с рабочими и демократическими организациями. Памфлет Маркса содержит острые сатирические высказывания, бичующие мировоззрение Фогта, тот плоский вульгарный материализм, которым были проникнуты его работы в области естествознания. Эти высказывания метко били не только по Фогту, но и по всему направлению немецких вульгарных материалистов (Бюхнер, Молешотт и др.).

Центральное место в памфлете Маркса занимает разоблачение Фогта как платного бонапартистского агента, ставшего таковым в 50-е годы. Этому посвящены главы VIII, IX и X книги («Да-Да Фогт и его исследования», «Агентура», «Патроны и сообщники»). Еще из выпущенных Фогтом в марте 1859 г. — накануне войны Франции и Пьемонта против Австрии — «Исследований о современном положении Европы», а также из других его

устных и печатных выступлений Маркс убедился в тесной связи Фогта с бонапартистскими кругами. В своем памфлете Маркс доказывает, что «Исследования» Фогта являются не чем иным, как переложением на немецкий язык статей из официального органа Второй империи «Moniteur» и пропагандистских бонапартистских брошюр, выпущенных издательством Дантю в Париже. Маркс подчеркивает, что печатные выступления Фогта понадобились его хозяевам для идеологической обработки общественного мнения Европы и особенно Германии, чтобы облегчить Наполеону III проведение его внешнеполитических авантюр. *«Фогт,* — по меткому выражению Маркса, — был лишь одним из бесчисленных рупоров, которыми шутовской чревовещатель из Тюильри пользовался для вещания на чужих языках» (см. настоящий том, стр. 527 — 528).

Маркс указывает, что Фогт связан с разветвленной агентурой, созданной заправилами Второй империи в разных странах. Фогт играл роль вербовщика бонапартистских агентов, которым он подставлял «французское кормовое корыто». С неподражаемым сарказмом рисует Маркс «патронов и сообщников» Фогта, среди них и такого деятеля, как главу женевского правительства Джемса Фази, вступившего в прямой сговор с Наполеоном III и предававшего национальные интересы Швейцарии. Разоблачая Фогта и его сообщников как пособников происков Наполеона III, показывая, что во всей своей политической деятельности Фогт был орудием бонапартистских интриг среди демократических кругов, Маркс предупреждал об опасности проникновения бонапартистских агентов в демократическую и пролетарскую среду. Произведение Маркса, нанесшее удар бонапартистской агентуре, служит до настоящего времени образцом обличения широко применяемых и по сей день правящей буржуазией методов подкупа, использования платных агентов, наемных писателей и журналистов в целях реакционной пропаганды и подрывной деятельности.

Обнародованные позднее документы, неизвестные Марксу в момент написания памфлета, целиком подтвердили правильность его мнения о том, что Фогт являлся платным бонапартистским агентом. В опубликованных французским правительством после падения Второй империи ведомостях о расходовании секретных фондов Луи-Наполеона указывалось, что Фогт в августе 1859 г. получил из этих фондов 40000 франков.

Разоблачение связей Фогта с бонапартистскими кругами переросло в памфлете Маркса в широкое всестороннее обличение бонапартистского режима во Франции. Бонапартистскую Францию Маркс и Энгельс считали в то время одним из главных опло-

тов реакции в Европе. При этом бонапартизм — «форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции» (В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 233), — становился тогда не только французским, но и международным явлением. В фарватере политики Второй империи, раскинувшей свои сети по всей Европе, оказались правительства ряда мелких государств. Господствующие классы ряда стран — Сардинии, Пруссии и др. — обнаруживали бонапартистские тенденции и склонность подражать правителям Второй империи. Борьбу с бонапартизмом Маркс и Энгельс считали одной из главных задач международного пролетариата.

В «Господине Фогте» Маркс как бы подвел итог своим многократным публицистическим выступлениям против режима Наполеона III. Развивая глубокую характеристику сущности бонапартизма, данную им еще в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Маркс показал, что отличительными чертами бонапартистского режима являются политика лавирования между классами, кажущаяся самостоятельность государственной власти, демагогическая апелляция ко всем общественным слоям, прикрывающая защиту интересов эксплуататорской верхушки, использование в качестве главной опоры наиболее реакционных элементов армии. Разоблачая методы господства контрреволюционной крупной буржуазии в форме бонапартистской диктатуры, Маркс показывает, что режим Второй империи является царством полицейского террора, безудержных биржевых спекуляций, разгула военщины и оголтелых авантюристов, что в арсенал политических средств этого режима входит шантаж, подкуп, грубая демагогия, показное и двуличное заигрывание с национальным и революционным движением, развращение подачками отдельных слоев общества, использование уголовных элементов.

Вскрывая всю гнилость и непрочность бонапартистского режима во Франции, раздираемого внутренними противоречиями, Маркс показывает, что антинародная внешняя и внутренняя политика Наполеона III к концу пятидесятых годов зашла в тупик, выход из которого правящие круги Второй империи надеялись найти путем развязывания «локализованной» войны с Австрией. Вопреки всем утверждениям Фогта и других бонапартистских пропагандистов, эта война, указывал Маркс, не имела ничего общего с освобождением Италии от австрийского господства. Лицемерно прикрывая свои цели в войне этим флагом, Луи Бонапарт и его клика в действительности стремились упрочить бонапартистский режим во Франции

путем купленных дешевой ценой побед, расширить французскую территорию за счет итальянских земель и помешать развитию революционного движения в Италии. Маркс до конца разоблачает подлинную сущность демагогической игры бонапартистских кругов с пресловутым «принципом национальностей». Выставляя себя в фальшивой роли «защитника национальностей», спекулируя на национальных интересах, Луи Бонапарт стремился направить национальные движения в контрреволюционное русло и использовать их для укрепления гегемонии Франции и округления ее границ. На деле, как показала уже итальянская политика Луи Бонапарта, Вторая империя была злейшим врагом подлинно национально-освободительных движений. Маркс считал серьезной угрозой для интересов угнетенных народов то обстоятельство, что некоторые лидеры этих движений поддавались бонапартистской демагогии.

Маркс клеймит также другие европейские реакционные силы, оказывающие влияние на мировую политику. Он разоблачает, в частности, сговор Луи-Наполеона с представителем английской буржуазно-аристократической олигархии Пальмерстоном, развязавший Наполеону III руки в осуществлении итальянской авантюры, а также служившее тем же целям соглашение между бонапартистской Францией и царской Россией.

Страницы памфлета «Господин Фогт», посвященные разоблачению бонапартизма, являются боевым и острым оружием против всякой попытки реакционных сил возродить и использовать осужденные историей бонапартистские традиции, антинародные методы и приемы бонапартистской политики.

Выступления Маркса и Энгельса против бонапартизма были тесно связаны с их борьбой за революционно-демократическое решение вопроса о воссоединении Германии, а также и Италии. Бонапартистскую Францию и ее гегемонию в Европе Маркс и Энгельс считали одним из главных препятствий на пути национального объединения каждой из этих стран и осуществления в них необходимых революционно-демократических преобразований. В памфлете «Господин Фогт» Маркс разоблачил пробонапартистскую позицию Фогта в этом вопросе. Он отметил также, что эта позиция соответствовала той антинародной и контрреволюционной политике, которую в период итальянского кризиса проводили поддерживаемые либеральной буржуазией прусские правящие круги, стремившиеся воспользоваться ослаблением Австрии для объединения Германии династическим путем под главенством юнкерской Пруссии. Выступление Маркса против Фогта и его единомышленников по вопросу о германском и итальянском единстве явилось своего рода

ответом и «королевско-прусскому социалисту» Лассалю, шатавшемуся в сторону прусского национализма и либерализма. В своей брошюре «Итальянская война и задачи Пруссии» Лассаль по существу оправдывал политику Наполеона III в Италии и поддерживал династический путь объединения Германии, пропагандируемый пруссофильской либеральной буржуазией. Маркс писал Энгельсу 26 ноября 1859 г., что Лассаль на деле «дует в одну дудку с Фогтом». Антипролетарским взглядам Лассаля, которого Маркс подверг критике в своей книге, открыто не называя его имени, основоположники марксизма противопоставили план революционно-демократического объединения как Германии, так и Италии путем народных революций и свержения реакционных монархических режимов. В противовес тактике Лассаля, ориентировавшегося на победу Пруссии и не верившего в революционно-демократические силы Германии, Маркс «поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику» (В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 121).

Опровергая пробонапартистские внешнеполитические концепции Фогта, Маркс значительное место в своей работе — особенно в главе VIII («Да-Да Фогт и его исследования») — уделяет раскрытию подлинного характера внешней политики европейских государств с середины XVIII века до 60-х годов XIX века. Основоположники марксизма считали одной из важнейших задач пролетарских революционеров овладение тайнами международной политики, чтобы иметь возможность разоблачать дипломатические козни и захватнические планы господствующих классов. Считая, что пролетариат способен оказывать активное противодействие шовинистической и агрессивной политике правящих классов, Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость для него придерживаться в международных конфликтах своей собственной революционной линии, рассчитанной на полное осуществление буржуазно-демократических преобразований в Европе, освобождение угнетенных наций и на подготовку условий для победы пролетарской революции. Именно с таких позиций, с позиций пролетарского интернационализма, подходит Маркс к освещению международных проблем и в памфлете «Господин Фогт». Он решительно осуждал политику захватов и аннексий, разоблачая применяемые дипломатией господствующих классов методы запугивания и шантажа, грубого вмешательства во внутренние дела малых стран, натравливания одних наций на другие.

В памфлете «Господин Фогт» (глава X «Патроны и сообщники») Маркс дает яркую характеристику буржуазной печати,

выполняющей функцию проводника реакционной политики господствующих классов и распространителя клеветы и дезинформации о деятелях революционного движения. Маркс беспощадно разоблачает продажность, беспринципность, низкопробность. бонапартистской прессы, представители которой «вместе и порознь черпают свое вдохновение из одной и той же августейшей **кассы**» (см. настоящий том, стр. 578), а также буржуазной прессы Германии и Англии. Отзываясь об английском «либеральном» органе «Daily Telegraph», как о «большой бумажной центральной клоаке, куда стекаются все социальные нечистоты», Маркс показывает, что такая оценка этой типичной буржуазной газеты может быть распространена и на многие другие немецкие, английские, французские, швейцарские и т. д. органы печати. Нарисованные Марксом картины грязных нравов буржуазной печати и портреты литературных дельцов, прожженных политиканов и ловких предпринимателей, задающих тон в мире буржуазной журналистики, составляют одну из сильных, в полной мере сохранивших свою остроту и меткость, обличительных сторон памфлета «Господин Фогт».

Важное место в книге «Господин Фогт» занимает разоблачение тех мелкобуржуазных и буржуазных кругов, которые Маркс относил к категории вульгарных демократов (см. его письма Энгельсу от 28 января и 3 февраля 1860 г.). Имея в виду немецкую вульгарную демократию, Маркс писал в предисловии к своему памфлету, что одна из причин, побудившая его дать отповедь Фогту, заключалась в возможности развенчать таким путем целое политическое направление, к которому принадлежал Фогт. Выступление против вульгарных демократов представлялось Марксу необходимым ввиду особой важности в тот момент отстаивания самостоятельности идейных и тактических позиций формирующейся пролетарской партии и ограждения ее от мелкобуржуазного влияния, а также ввиду той эволюции вправо, которую претерпело к тому времени большинство немецких демократов. Со времени революции 1848 — 1849 гг. немецкая мелкобуржуазная демократия, многие представители которой уже тогда играли по существу предательскую роль, переживала процесс разложения и деградации. Значительная часть демократов как в Германии, так и в эмиграции выродилась в придаток буржуазных либералов. Многие из них выступали, подобно Фогту, как подголоски бонапартистских кругов и немецкой контрреволюционной буржуазии. Маркс, в прошлом вместе с Энгельсом разоблачавший вульгарный демократизм ряда лидеров немецкой мелкой буржуазии (см. памфлет «Великие мужи

эмиграции», настоящее издание, т. 8), счел своим партийным долгом и на этот раз подвергнуть бичующей критике представителей этого направления. Маркс ясно сознавал, что за спиной клеветника Фогта наряду с либералами стоят многие вульгарные демократы.

В главах IV и XII своей книги («Письмо Техова», «Приложения») Маркс с блеском и остроумием высмеивает ограниченность, пошлость, филистерство, политическую неустойчивость вульгарных демократов — идеологов и представителей немецкого мещанства. Касаясь авантюристической затеи мелкобуржуазных эмигрантов Кинкеля, Шиммельпфеннига, Гёгга, Руге с «революционным займом» и другими подобными планами, Маркс показывает, что их псевдореволюционная деятельность, сопровождавшаяся мелочными ссорами и дрязгами, была по существу на руку контрреволюционным силам.

Памфлет «Господин Фогт» отличается не только глубиной и разносторонностью содержания, но и блестящей формой: по своим художественным достоинствам он стоит в одном ряду с лучшими образцами мировой сатирической литературы. Использованные в нем Марксом афоризмы и литературные образы из многих известных и малоизвестных художественных произведений делают его критику Фогта и других врагов рабочего движения еще более острой и меткой. «Господин Фогт» свидетельствует о колоссальной эрудиции Маркса в области художественной литературы. «Это — лучшее полемическое произведение, которое ты когда-либо написал», — отзывался о памфлете Энгельс в письме Марксу от 19 декабря 1860 года.

Памфлет Маркса «Господин Фогт» — произведение, проникнутое боевым духом партийности и непримиримости к врагам пролетарского движения. Этим, главным образом, и объясняется то пренебрежение, с которым относились к нему оппортунистические лидеры II Интернационала и германской социал-демократии. Отражая важный этап в борьбе Маркса за освобождение пролетариата от влияния мелкобуржуазной идеологии, за создание пролетарской партии, памфлет «Господин Фогт» сохранил свое огромное значение не только как важный источник по изучению истории международного рабочего движения, выступлений Маркса и Энгельса против бонапартизма и других реакционных сил, но и вместе с тем как образец страстной защиты интересов рабочего класса и сокрушительного отпора злобствующим противникам коммунизма.

* * *

В настоящий том включены 42 статьи Маркса и Энгельса из «Новой американской энциклопедии» и 4 заявления Маркса в связи с клеветнической кампанией Фогта, не вошедшие в первое издание Сочинений. Из них статья «Военный мост» и отрывок из статьи «Алжир» были в русском переводе опубликованы в советских журналах, а заявления — в приложениях к отдельному изданию книги «Господин Фогт», выпущенному в 1936 году;

остальные работы публикуются на русском языке впервые. Опубликованная в первом издании статья «Аустерлиц», принадлежащая другому автору, а также статьи «Ожеро» и «Бадахос», авторство которых без достаточных оснований было приписано Марксу и Энгельсу, в настоящее издание не включены. Не публикуется также напечатанная в «Военно-историческом журнале» № 11 за 1940 г. статья «Орудие», необоснованно приписанная Энгельсу.

Статьи из «Новой американской энциклопедии» публикуются — за исключением обобщающей статьи «Армия», помещаемой в начале тома, — по датам их написания в хронологической последовательности, не совпадающей с порядком их опубликования в энциклопедии, где они печатались по алфавиту в соответствии с заглавиями. К некоторым из статей Энгельса редакция «Новой американской энциклопедии» сделала добавления, опущенные в данном издании, что оговорено в каждом случае в примечаниях. В целях облегчения чтения текста статей из энциклопедии, в отдельных случаях введены дополнительные абзацы. Документы, приводимые Марксом в работе «Господин Фогт» не на немецком языке, даются, как и весь текст, в русском переводе; язык оригинала указан в сносках. Когда документ приводится Марксом и на немецком языке и в оригинале, в последнем случае сохраняется язык оригинала.

Выявленные в тексте статей из «Новой американской энциклопедии» и в работе «Господин Фогт» опечатки в именах собственных, датах, географических названиях, цитатах исправлены на основании сопоставления с источниками, которыми пользовались Маркс и Энгельс, и проверки фактических данных.

Примечания о сражениях и договорах даются, как правило, без отсылок при повторных упоминаниях; страницы, к которым даны такие примечания, обозначены в указателе географических названий.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЮЛЬ 1857—НОЯБРЬ 1860

THE NEW

AMERICAN CYCLOPÆDIA:

A

Popular Dictionary

OF

GENERAL KNOWLEDGE.

EDITED BY

GEORGE RIPLEY AND CHARLES A. DANA.

VOLUME I.

A-ARAGUAY.

NEW YORK:
D. APPLETON AND COMPANY,
346 & 348 BROADWAY.
LONDON: 16 LITTLE BRITAIN.
M.DCCC.LVIII.

Титульный лист первого тома
«Новой американской энциклопедии»

Титульный лист первого тома
«Новой американской энциклопедии»

Ф. ЭНГЕЛЬС

АРМИЯ [1]

Армия — организованное объединение вооруженных людей, содержащееся государством в целях наступательной или оборонительной войны. Из армий древнего мира первой, о которой мы имеем сколько-нибудь достоверные сведения, является армия Египта. Эпоха ее славы совпадает с царствованием Рамсеса II (Сесостриса); рисунки и надписи на многочисленных памятниках его царствования, повествующие о его подвигах, являются главным источником наших сведений о состоянии военного дела у египтян. Военная каста Египта делилась на два разряда — хермотибов и каласиров[2]; в лучшие времена первый насчитывал 160000 человек, второй — 250000. Эти два разряда, по-видимому, отличались друг от друга исключительно возрастом или продолжительностью службы, так что каласиры через определенное количество лет переходили в разряд хермотибов или в запас. Вся армия размещалась в своего рода военных поселениях, причем каждый воин получал обширный участок земли в качестве вознаграждения за свою службу. Поселения эти были расположены главным образом в нижней части страны, где можно было ожидать нападений со стороны соседних азиатских государств; лишь несколько поселений было основано по Верхнему Нилу, так как эфиопы являлись не очень грозным противником. Сила армии была в ее пехоте, особенно — в ее лучниках. Помимо последних в ней имелись отряды пехотинцев, различно вооруженных и сформированных в батальоны[3] в зависимости от их вооружения: копейщики, меченосцы, воины, вооруженные палицами, пращники и т. д. Пехоту поддерживали многочисленные боевые колесницы, с двумя воинами на каждой: возницей и стрелком из лука.

Изображение конницы на памятниках не встречается. Единственный рисунок, изображающий человека верхом на лошади, относят к римской эпохе, и по-видимому правильно предположить, что использование лошади для верховой езды и применение конницы стало известно египтянам только благодаря их азиатским соседям. В более поздний период, как это несомненно явствует из единодушных свидетельств на этот счет древних историков, египтяне располагали многочисленной конницей, которая действовала, как и всякая кавалерия древнего времени, на флангах пехоты. Защитное вооружение египтян состояло из щитов, шлемов, нагрудников или кольчуг, изготовлявшихся из различного материала. Их способ атаки укрепленной позиции обнаруживает многие из приемов и ухищрений, известных грекам и римлянам. У них имелись testudo, или таран, винея[4] и штурмовая лестница; но утверждение сэра Г. Уилкинсона, что они также были знакомы с применением подвижных башен и умели вести подкопы стен, является всего лишь гипотезой[5]. Со времен Псамметиха египтяне содержали отряд греческих наемников, которые тоже были поселены в Нижнем Египте.

Ассирия дает нам самый ранний образец тех азиатских армий, которые свыше тысячи лет боролись за обладание странами между Средиземным морем и Индом. Здесь, как и в Египте, главным источником наших сведений служат материальные памятники. Судя по ним, пехота была вооружена подобно египетской, хотя лук, по-видимому, играл меньшую роль, а защитное и наступательное вооружение, как правило, отличалось лучшей выделкой и более изящным внешним видом. Кроме того, здесь было больше разнообразия в вооружении ввиду больших размеров империи. Главным оружием были копье, лук, меч и кинжал. Ассирийцы в армии Ксеркса изображены также с окованными железом палицами. Защитное вооружение состояло из шлема (часто изготовленного с большим вкусом), войлочного или кожаного панциря и щита. Боевые колесницы все еще составляли важный элемент армии; в колеснице помещалось два человека, причем возница должен был-прикрывать щитом лучника. Многие воины, сражавшиеся на колесницах, изображены в длинных чешуйчатых панцирях. Кроме того, существовала конница, с которой впервые мы встречаемся именно здесь. На более ранних скульптурных памятниках всадник сидит на неоседланной лошади; позднее вводится нечто вроде мягкого седла, а на одной скульптуре изображено высокое седло, похожее на употребляемые ныне на Востоке. Кавалерия вряд ли значительно отличалась от кавалерии персов и более поздних восточных народов. Это была легкая, иррегулярная

конница, атакующая беспорядочными группами, легко отражаемая хорошо вооруженной и стойкой пехотой, но грозная для приведенной в расстройство или разбитой армии. В соответствии с этим она изображалась в строю позади воинов, сражавшихся на колесницах, которые, по-видимому, составляли аристократический род войск. В тактике пехоты был, очевидно, достигнут некоторый прогресс в смысле правильности движений и построений. Лучники либо сражались впереди, тогда каждого из них прикрывал щитоносец, либо же составляли заднюю шеренгу, и тогда воины первой и второй шеренг, вооруженные копьями, нагибались или становились на колено, чтобы они могли стрелять. Ассирийцы несомненно были знакомы с использованием при осадах подвижных башен и устройством подкопов, а из одного места в книге Иезекииля[6] можно, пожалуй, заключить, что они воздвигали нечто вроде насыпи или искусственного холма для того, чтобы господствовать над стенами осаждаемого города, — примитивный зачаток римского agger[*]. Их подвижные и неподвижные башни также сооружались вышиной до уровня стены осаждаемой крепости и еще выше, чтобы они господствовали над нею. Ассирийцы применяли также тараны и винеи; так как их армии были многочисленны, то они отводили целые рукава рек в новые русла, чтобы овладеть подступами к слабому участку фронта атакуемой крепости или воспользоваться сухим руслом реки как проходом в эту крепость. Армии вавилонян были, видимо, подобны ассирийским, но конкретные подробности о них неизвестны.

Персидская империя обязана своим величием ее основателям — воинственным кочевникам нынешнего Фарсистана, страны наездников, в которой конница сразу приобрела то господствующее положение, какое она с тех пор занимала во всех восточных армиях вплоть до недавнего времени, когда в этих армиях было введено современное европейское военное обучение. Дарий Гистасп создал постоянную армию, чтобы держать в повиновении завоеванные провинции, а также предупреждать частые мятежи сатрапов, или гражданских губернаторов. Каждая провинция, таким образом, имела свой гарнизон под командой особого начальника; кроме того, отряды войск размещались в укрепленных городах. Расходы по содержанию этих войск должны были нести провинции. В эту постоянную армию входила также гвардия царя — 10000 отборных пехотинцев («бессмертные», Athanatoi), блиставших золотыми доспехами; в походах их сопровождали длинные вереницы

[*] — вала. *Ред.*

повозок с гаремами и слугами, а также караваны верблюдов с припасами; в царскую гвардию входили, кроме того, 1000 воинов, вооруженных алебардами, 1000 всадников конной гвардии и многочисленные боевые колесницы, причем некоторые из них были вооружены косами. Для больших экспедиций этих вооруженных сил считалось недостаточно, и во всех провинциях империи производился общий набор. В совокупности эти разнообразные контингенты образовывали подлинно восточную армию, составленную из самых разнородных частей, которые отличались друг от друга вооружением и способом ведения боя; ее сопровождали громадный обоз и бесчисленное множество обслуживающих армию людей. Именно присутствием этих последних мы должны объяснить ту громадную численность персидских армий, о которой говорят греки. Воины, в зависимости от своей национальной принадлежности, были вооружены луками, дротиками, копьями, мечами, палицами, кинжалами, пращами и т. п. Контингент каждой провинции находился под отдельным командованием; эти контингенты, согласно Геродоту, по-видимому, подразделялись на десятки, сотни, тысячи и пр., причем каждая десятичная воинская единица имела во главе офицера[7]. Командование крупными соединениями или крыльями армии обыкновенно поручалось членам царской семьи. В пехоте персы и другие арийские народы (мидяне и бактряне) составляли elite[*]. Они были вооружены луками, копьями средней величины и короткими мечами; голову защищали чем-то вроде тюрбана, туловище — одеждой, покрытой железными пластинками; щит большей частью делался из плетеных прутьев. И все же эта elite, как и остальная персидская пехота, терпела жестокое поражение всякий раз, когда ей приходилось иметь дело даже с самыми немногочисленными отрядами греков; против зарождающейся фаланги Спарты и Афин эти неповоротливые и беспорядочные толпы были способны только на пассивное сопротивление, свидетельство тому — Марафон, Платеи, Микале и Фермопилы[8]. Боевые колесницы, которые в персидской армии появляются в последний раз в истории, могли быть полезны на совершенно ровной местности против такой пестрой толпы, какой была сама персидская пехота, но против плотной массы копейщиков, которую образовывали греки, или против легких войск, использовавших неровности местности, они были более чем бесполезны. Малейшее препятствие останавливало их. Во время сражения лошади пугались и, не слушаясь возниц, топтали собственную пехоту.

[*] — отборную часть. *Ред.*

Что касается кавалерии, то более ранние периоды империи дают нам мало доказательств ее высоких качеств. На Марафонской равнине, — удобной для конницы местности, — у персов было 10000 всадников, и все же последние не смогли прорвать ряды афинян. В более поздние времена конница отличилась в сражении на Гранике[9], где, построенная в одну линию, она напала на головные части македонских колонн, поднимавшихся на берег после перехода реки вброд, и опрокинула их прежде, чем они смогли развернуться. Таким образом она в течение длительного времени успешно действовала против авангарда Александра, которым командовал Птолемей, пока не подошли главные силы, а на ее флангах не появились легкие войска, после чего ей пришлось отступить ввиду отсутствия второй линии или резерва. Но в этот период персидская армия была усилена влившимся в нее греческим элементом, а именно греческими наемниками, которых, вскоре после Ксеркса, цари стали нанимать на службу, и кавалерийская тактика, примененная Мемноном в сражении на Гранике, отличается столь неазиатским характером, что мы можем, даже при отсутствии достоверных сведений, смело приписать ее греческому влиянию.

Греческие армии являются первыми, об организации которых во всех ее деталях мы имеем обширные и точные сведения. Можно сказать, что вместе с ними начинается история тактики, в особенности тактики пехоты. Не останавливаясь на описании военной системы героического периода Греции, как она изображена Гомером, когда кавалерия была еще неизвестна, когда знать и вожди сражались на боевых колесницах или сходили с них для поединка с равным по знатности противником и когда пехота, по-видимому, была не многим лучше азиатской, мы сразу перейдем к военным силам Афин в эпоху их величия. В Афинах каждый свободнорожденный мужчина был обязан нести военную службу. Только лица, занимавшие определенные государственные должности, а в более ранний период и четвертый, или беднейший, класс свободных освобождались от воинской повинности[10]. Это была милиционная система, основанная на рабстве. Каждый юноша по достижении 18 лет должен был отбывать военную службу в течение двух лет, особенно по охране границ. В течение этого времени он завершал свое военное обучение и в дальнейшем оставался военнообязанным вплоть до 60 лет. В случае войны собрание граждан устанавливало число людей, подлежащих призыву; только в крайних случаях прибегали к levees en masse* (панстратия).

* — всеобщему набору. *Ред.*

Десять стратегов, ежегодно избиравшихся народом, должны были производить набор этих войск и формировать их, причем члены каждого племени, или филы, составляли отряд под командой особого филарха. Филархи, как итаксиархи, или командиры рот, также избирались народом. Все призванные составляли тяжелую пехоту (гоплиты), предназначенную для образования фаланги, или глубокого линейного строя копейщиков; из этой пехоты первоначально состояли все вооруженные силы, а позднее, когда к ней были добавлены легкие войска и конница, она оставалась их основным стержнем — родом войск, решавшим исход сражения. Фаланга имела различную глубину; мы встречаем упоминания о фалангах глубиной в 8, 12, 25 шеренг. Вооружение гоплитов состояло из нагрудника или панциря, шлема, овального щита, копья и короткого меча. Сила афинской фаланги заключалась в атаке; она славилась своим бешеным натиском при нападении, в особенности после того, как Мильтиад ввел при Марафоне ускорение шага во время атаки, так что пехота устремлялась на врага бегом. Но в обороне афинскую фалангу превосходила спартанская, более устойчивая и теснее сомкнутая. В то время как при Марафоне все войско афинян состояло из тяжеловооруженной фаланги в 10000 гоплитов, при Платеях они имели, кроме 8000 гоплитов, такое же число легкой пехоты. Страшная угроза персидских вторжений вызывала необходимость увеличения числа военнообязанных; в их списки был внесен беднейший класс населения — феты. Из последних формировались легкие войска (гимнеты, псилы); они либо совсем не имели защитного вооружения, либо у них был один только щит; они имели копье и дротики. С расширением власти Афин их легкие войска были усилены контингентами союзников[11] и даже наемными войсками. В армию были включены жители Акарнании, Этолии и Крита, славившиеся как стрелки из лука и пращники. Была сформирована промежуточная — между легковооруженными и гоплитами — разновидность войск, пелтасты, вооруженная как легкая пехота, но способная захватывать и удерживать позиции. Однако эти войска не имели большого значения до тех пор, пока после Пелопоннесской войны[12] Ификрат не реорганизовал их. Легкие войска афинян пользовались хорошей репутацией за сметливость и быстроту, как в принятии боевых решений, так и в их выполнении. В ряде случаев, — вероятно на пересеченной местности, — они с успехом противостояли даже спартанской фаланге. Создание афинской конницы относится к тому времени, когда республика была уже богата и могущественна. Гористая поверхность Аттики была неблагоприятна для этого

рода войск, но соседство Фессалии и Беотии — областей, богатых лошадьми, и поэтому первыми сформировавших конницу, — скоро привело к созданию ее и в других государствах Греции. Афинская конница, сначала насчитывавшая 309, затем 600 и даже 1000 всадников, комплектовалась из самых богатых граждан и существовала постоянно, даже в мирное время. Это была весьма боеспособная часть армии, чрезвычайно бдительная, сметливая и инициативная. В бою она, как и легкая пехота, обыкновенно занимала позицию на крыльях фаланги. В более поздний период афиняне содержали также наемный отряд в 200 конных лучников (гиппотоксотов). Вплоть до эпохи Перикла афинский воин не получал никакой платы. Позже ему стали платить 2 обола (кроме того еще 2 обола на продовольствие, которое воин должен был сам добывать), а иногда гоплиты получали даже 2 драхмы. Командиры получали двойную, воины-кавалеристы — тройную, а военачальники — четырехкратную плату. Одна только тяжеловооруженная конница обходилась в мирное время в 40 талантов (40000 долларов) в год, а во время войны — значительно дороже. Боевой порядок и способ ведения боя были чрезвычайно просты: фаланга образовывала центр, причем воины выдвигали свои копья и прикрывали весь фронт стеной своих щитов. Они атаковали вражескую фалангу параллельным фронтом. Если при первом натиске не удавалось расстроить боевой порядок противника, то исход сражения решала рукопашная схватка мечами. Одновременно легкая пехота и конница либо атаковали соответствующие войска противника, либо старались действовать на флангах и в тылу его фаланги и использовать малейшее замешательство в ее рядах. В случае победы они осуществляли преследование, в случае поражения по возможности прикрывали отступление. Они использовались также для разведки и набегов, беспокоили противника, когда он находился на марше, в особенности когда ему случалось проходить через дефиле, и старались перехватывать его обозы и отставших. Таким образом, боевой порядок был крайне прост; фаланга всегда действовала как одно целое; расчленение ее на более мелкие единицы не имело тактического значения; их начальники были обязаны лишь наблюдать за тем, чтобы строй фаланги не нарушался или чтобы он по крайней мере быстро восстанавливался. Выше на нескольких примерах мы показали, какова была численность афинской армии во время персидских войн. В начале Пелопоннесской войны она насчитывала 13000 гоплитов для полевой службы, 16000 (из самых молодых и самых старых солдат) для гарнизонной службы, 1200 всадников и 1600 лучников. По подсчетам Бека войско,

посланное против Сиракуз, насчитывало 38560 человек, отправленные затем подкрепления доходили до 26000 человек, а всего — около 65000. После полного провала этой экспедиции[13] Афины поистине были истощены не меньше, чем Франция после русской кампании 1812 года.

Среди государств Греции Спарта была военным государством par excellence*. Если общее физическое воспитание афинян развивало ловкость наравне с физической силой, то спартанцы направляли свое внимание преимущественно на развитие силы, стойкости и выносливости воинов. Стойкость в строю и соблюдение воинской чести они ценили выше, чем сметливость. Афинянин воспитывался так, как если бы ему предстояло сражаться в рядах легких войск, хотя он был подготовлен, чтобы во время войны занять строго определенное место в тяжеловооруженной фаланге; спартанец, напротив, воспитывался исключительно для службы в фаланге. Отсюда явствует, что пока фаланга решала исход боя, спартанец в конечном счете одерживал верх. В Спарте каждый свободный гражданин числился в списках армии с 20 до 60 лет. Эфоры определяли число подлежащих призыву, который обыкновенно производился среди людей среднего возраста, от 30 до 40 лет. Как и в Афинах, люди одного и того же племени или одной и той же местности зачислялись в один и тот же отряд. В основе организации армии лежали братства (эномотии), созданные Ликургом; два братства составляли пентекостис, 2 пентекостиса соединялись в лох, а 8 пентекостисов, или 4 лоха, составляли мору. Такова была организация во времена Ксенофонта; в более ранние периоды она, по-видимому, была иной. Численность моры определяют различно — от 400 до 900 человек; а количество мор одно время доходило, как утверждают, до 600. Эти различные отряды свободных спартанцев составляли фалангу; гоплиты, образовывавшие ее, были вооружены копьями, короткими мечами и щитами, привязанными к шее. Позднее Клеомен ввел в употребление широкий карийский щит, закрепленный повязкой на левой руке и оставлявший кисти обеих рук воина свободными. Спартанцы считали позором для своих воинов, если они возвращались после поражения без щита; сохранение щита служило доказательством того, что отступление было совершено в полном порядке и в сплоченной фаланге, тогда как одиночные беглецы, спасая бегством собственную жизнь, конечно, были вынуждены бросать свои неуклюжие щиты. Спартанская фаланга обыкновенно имела 8 шеренг в глубину, но иногда глубина ее удваивалась разме-

* — по преимуществу. *Ред.*

щением одного крыла позади другого. Воины, вероятно, двигались в ногу; применялись также некоторые простейшие перестроения, как, например, перемена фронта полуоборотом каждого воина, выдвижение или оттягивание крыла путем захождения плечом и т. д., но они, по-видимому, были введены только в более поздний период. В свои лучшие времена спартанская фаланга, как и афинская, знала только атаку параллельным фронтом. Дистанции между шеренгами фаланги были: в походе — 6 футов, во время атаки — 3 фута, а при отражении атаки — лишь $1^1/_2$ фута. Армией командовал один из царей; он и его свита (дамозия) находились в центре фаланги. Впоследствии, когда число свободных спартанцев значительно уменьшилось, численность фаланги поддерживалась путем отбора воинов среди зависимых периэков[14]. Численность конницы никогда не превышала 600 человек, разделенных на отряды (уламы) по 50 человек. Она только прикрывала фланги. Кроме того существовал отряд в 300 всадников — elite спартанской молодежи, но в бою они спешивались и образовывали нечто вроде отряда гоплитов-телохранителей, окружавших царя. Из легких войск у спартанцев имелись скириты — жители гор, расположенных близ Аркадии, — которые обычно прикрывали левый фланг; кроме того гоплиты фаланги имели слуг-илотов[15], которые в бою должны были играть роль застрельщиков. Так в сражении при Платеях 5000 гоплитов привели с собой 35000 легковооруженных илотов, но в истории мы не находим никаких сведений о действиях этих последних.

После Пелопоннесской войны несложная тактика греков претерпела значительные изменения. В сражении при Левктрах[16] Эпаминонду с небольшими силами фиванцев пришлось иметь дело с гораздо более многочисленной и до того времени непобедимой спартанской фалангой. Обыкновенная атака параллельным фронтом здесь означала бы верное поражение, ибо оба крыла Эпаминонда подверглись бы охвату со стороны более протяженного фронта противника. Эпаминонд вместо того, чтобы наступать в линейном строю, построил свою армию в глубокую колонну и двинулся против одного из крыльев спартанской фаланги, где находился царь. Ему удалось прорвать линию спартанцев в этом решающем пункте; затем он повернул свое войско п, двигаясь в обе стороны от прорыва, сам обошел с флангов прорванную линию фаланги, которая не могла образовать нового фронта, не расстраивая своего тактического порядка. В сражении при Мантинее[17] спартанцы придали своей фаланге более глубокое построение, но фиванская колонна все-таки снова прорвала ее. Агесилай в Спарте, Тимофей, Ификрат,

Хабрий в Афинах тоже внесли изменения в тактику пехоты. Ификрат усовершенствовал организацию пелтастов — вида легкой пехоты, способной, однако, в необходимых случаях сражаться в линейном строю. Они были вооружены небольшим круглым щитом, панцирем из плотного холста и длинным деревянным копьем. В обороне Хабрий заставлял первые шеренги фаланги становиться на колено для отражения неприятельской атаки. Были введены полные каре, а также другие виды колонны и т. п., и в соответствии с этим развертывание разных боевых порядков стало составной частью элементарной тактики. В то же время уделялось больше внимания легкой пехоте всех видов; у своих варварских и полуварварских соседей греки заимствовали различные виды вооружения, ввели конных и пеших лучников, пращников и т. п. Большинство воинов этого периода составляли наемники. Богатые граждане, вместо того, чтобы самим отбывать воинскую повинность, находили для себя более удобным оплачивать заместителей. Характер фаланги как преимущественно национальной части армии, в которую допускались только свободные граждане государства, таким образом пострадал от этой примеси наемников, не имевших права гражданства. Накануне македонской эпохи Греция и ее колонии, подобно Швейцарии XVIII и XIX веков, являлись рынком для воинов-авантюристов и наемников. Египетские фараоны еще в ранний период формировали отряд греческих войск. Впоследствии персидский царь придал своей армии известную устойчивость, включив в нее отряд греческих наемников. Предводители этих отрядов были настоящими кондотьерами, подобно кондотьерам Италии XVI века. В этот период были введены в употребление, особенно афинянами, различные военные машины для метания камней, дротиков и зажигательных снарядов. Уже Перикл пользовался некоторыми из таких машин при осаде Самоса[18]. Осады велись посредством сооружения контрвалационной линии со рвом или парапетом, тянувшейся вокруг крепости; при этом стремились разместить военные машины на господствующей позиции вблизи стен. Для разрушения стен обыкновенно прибегали к подкопам. При штурме колонна образовывала синаспизм, то есть наружные ряды держали щиты перед собой, а внутренние — над головами, образуя, таким образом, крышу (у римлян она называлась testudo) для защиты от снарядов противника.

В то время как греческое военное искусство было таким образом направлено прежде всего в сторону создания из податливого материала наемных отрядов разного рода новых и искусственных формирований, в сторону заимствования или изобре-

тения новых разновидностей легких войск, в ущерб древней дорической тяжеловооруженной фаланге, которая в ту эпоху одна могла решать исход сражений, — в это время выросла монархия, которая, усвоив все подлинные усовершенствования, создала из тяжеловооруженных пехотинцев формирование таких громадных размеров, что ни одна из армий, пришедших с ним в столкновение, не могла противостоять его натиску. Филипп Македонский сформировал постоянную армию, состоявшую из 30000 пехотинцев и 3000 кавалеристов. Главную часть армии составляла громадная фаланга, насчитывавшая примерно 16000 или 18000 человек и построенная по принципу спартанской фаланги, но лучше вооруженная. Небольшой греческий щит был заменен большим продолговатым карийским щитом, а копье средних размеров — македонским копьем (сариссой) длиною в 24 фута. Глубина этой фаланги колебалась при Филиппе от 8 до 10, 12, 24 шеренг. При чрезвычайной длине копья каждая из шести передних шеренг, опуская копья, могла выдвигать их острия впереди первой шеренги. Стройное движение таким растянутым фронтом в 1000 — 2000 человек предполагает совершенство элементарного обучения, которым поэтому непрерывно и занимались. Александр завершил создание этой организации. Его фаланга обычно насчитывала 16384 человека и имела в глубину 16 шеренг, по 1024 человека в каждой. Ряд из 16 человек — лох — находился под командой лохагоса, который стоял в передней шеренге. Два таких ряда составляли дилох, 2 дилоха — тетрарх, 2 тетрарха — таксиарх, 2 таксиарха — ксенагу, или синтагму, то есть построение, имевшее 16 человек по фронту и 16 в глубину. Это была эволюционная единица; на марше войска передвигались ксенагами, составлявшими колонны с фронтом по 16 человек. Шестнадцать ксенаг (составлявшие 8 пентекосиархов, или 4 хилиарха, или 2 теларха) образовывали малую фалангу; 2 малых фаланги — дифалангарх, а 4 — тетрафалангарх, или собственно фалангу. Каждая из этих единиц имела своего командира. Дифалангарх правого крыла называли головой, дифалангарх левого крыла — хвостом, или тылом. Всякий раз, когда требовалась особая устойчивость, левое крыло занимало место позади правого; образовывалось построение в 512 человек по фронту и 32 — в глубину. С другой стороны, развертыванием 8 задних шеренг влево от передних можно было удвоить протяженность фронта и уменьшить глубину до 8 шеренг. Расстояния между шеренгами и рядами были те же, что и у спартанцев, но сомкнутый строй был так плотен, что внутри фаланги отдельный воин не мог повернуться, Во время сражения интервалы между составными

единицами фаланги не допускались: фаланга образовывала одну непрерывную линию, которая атаковала en muraille*. Фаланга состояла исключительно из македонских добровольцев, однако после завоевания Греции в нее могли входить и греки[19]. Ее воинами были только тяжеловооруженные гоплиты. Кроме щита и копья они носили шлем и меч, хотя после атаки этого леса копий необходимость в рукопашном бое мечами не могла возникать очень часто. Но когда фаланге пришлось встретиться с римским легионом, положение оказалось совсем иным. Вся фаланговая система, с ранней дорической эпохи вплоть до распада Македонской империи, страдала одним крупным недостатком: ей не хватало гибкости. Эти длинные и глубокие линии могли равномерно передвигаться, сохраняя строй лишь на ровной и открытой местности. Каждое встречное препятствие заставляло фалангу строиться в колонну, но в таком построении она не была пригодна к действию. Кроме того фаланга не имела второй линии или резерва. Поэтому, как только ей приходилось встречаться с армией, подразделенной на менее крупные единицы, способной обходить неровности местности, не нарушая своего боевого порядка, и построенной в несколько линий, поддерживающих одна другую, фаланге приходилось вступать на пересеченную местность, где этот новый противник полностью рассекал ее на части. Но для таких противников, каких Александр имел перед собой в сражении при Арбелах[20], его две большие фаланги явно были непобедимыми. Кроме тяжелой линейной пехоты Александр располагал гвардией в 6000 гирасписто в, носивших еще более тяжелое вооружение: более крупные щиты и более длинные копья. Его легкая пехота состояла из аргираспидов, имевших небольшие, окованные серебром щиты, и многочисленных пелтастов; оба эти вида войск были организованы в полуфаланги, обычно численностью в 8192 человека; они могли сражаться либо в рассыпном, либо в линейном строю подобно гоплитам, и их фаланга часто достигала такого же успеха. Македонская конница вербовалась из македонской и фессалийской знатной молодежи; впоследствии к ней был присоединен также отряд всадников из собственно Греции. Она делилась на эскадроны (илы), причем одна македонская знать формировала восемь таких эскадронов. Эта конница представляла собой то, что мы назвали бы тяжелой кавалерией; конные воины носили шлемы, латы с набедренниками из железных пластинок для защиты ног и были вооружены длинным мечом и копьем. Лошади тоже имели

* — стеной. *Ред.*

железные налобники. Этот вид кавалерии, катафракты, был предметом серьезной заботы как Филиппа, так и Александра; последний использовал катафрактов для своего решающего маневра в сражении при Арбелах, когда он сперва разбил и подверг преследованию одно крыло персов, а затем, обойдя их центр, обрушился с тыла на другое крыло. Конница эта атаковала в различных строях: в линейном строю, обыкновенной прямоугольной колонной, ромбовидной, или клинообразной, колонной. Легкая конница не имела защитного вооружения, она была снабжена дротиками и легкими короткими копьями; существовал также отряд акробалистов, или конных лучников. Этот вид войск использовался для охранения, патрулирования, разведки и вообще для иррегулярных боевых действий. Он комплектовался из фракийских и иллирийских племен, из которых, кроме того, набирали несколько тысяч человек иррегулярной пехоты. Новым родом войск, изобретенным Александром. были димахи — конные войска, которые предназначались для боя как в конном, так и в пешем строю; этот род войск привлекает наше внимание в силу того обстоятельства, что он нашел подражание в новое время. Драгуны XVI и последующих столетий являются, как мы это увидим в дальнейшем, его точной копией. Мы, однако, не располагаем никакими данными, которые свидетельствовали бы, что этот войсковой гибрид античности удачнее справлялся со своей двойной задачей, чем современные драгуны.

Таков был состав армии, с помощью которой Александр завоевал страну, простиравшуюся от Средиземного моря до Оксуса и Сатледжа. Что касается численности этой армии, то в сражении при Арбелах она состояла из двух больших фаланг гоплитов (около 30000 человек), двух полуфаланг пелтастов (16000), 4000 конницы и 6000 иррегулярных войск, — всего около 56000 человек. В сражении на Гранике его армия, состоявшая из всех родов войск, насчитывала 35000 человек, в том числе 5000 конницы.

О карфагенской армии мы не имеем никаких подробностей; споры вызывает даже численность войск, с которыми Ганнибал перешел через Альпы. Армии преемников Александра не обнаруживают никаких усовершенствований по сравнению с введенной им организацией; использование слонов было лишь кратковременным, так как, пугаясь огня, эти животные оказывались более опасными для собственных войск, чем для противника. Позднейшие греческие армии (в период Ахейского союза[21]) были организованы частью по македонскому, частью по римскому образцу.

Римская армия дает нам образец самой совершенной из всех систем тактики пехоты, изобретенных в эпоху, не знавшую употребления пороха. Она сохраняет преобладание тяжелой пехоты и сомкнутых формирований, но добавляет к ней: подвижность отдельных небольших единиц, возможность сражаться на пересеченной местности, расположение нескольких линий одна позади другой, отчасти для поддержки и замены, отчасти же в качестве мощного резерва, и наконец, еще более целенаправленную, чем спартанская, систему обучения каждого отдельного воина. Благодаря этому римляне побеждали любые вооруженные силы, выступавшие против них, — как македонскую фалангу, так и нумидийскую конницу.

В Риме каждый гражданин в возрасте от 17 до 45 или 50 лет был военнообязанным, если только он не принадлежал к самому низшему классу или не участвовал уже в 20 кампаниях в качестве пехотинца либо в 10 кампаниях в качестве кавалериста. Но обычно в войска отбирались только люди помоложе. Обучение воина было очень суровым и было рассчитано на развитие в нем всеми возможными способами физической силы. Помимо регулярного обучения обращению с оружием и различным движениям широко практиковались бег, прыганье, прыжки с шестом, скалолазанье, борьба, плаванье — сначала без одежды, потом во всем снаряжении. Продолжительные марши в полном походном снаряжении, когда каждый воин нес на себе от 40 до 60 фунтов, совершались со скоростью 4 мили в час. В военное обучение входило также обращений с шанцевым инструментом и быстрое устройство укрепленного лагеря. И не только новобранцы, но и ветераны-легионеры должны были проделывать все эти упражнения, чтобы сохранять физическую бодрость и ловкость и быть привычными к утомительным занятиям и лишениям. Такие воины действительно могли покорить мир.

В лучшие времена республики обычно существовали две консульские армии, причем каждая состояла из 2 легионов и из контингентов союзников (численность пехоты в них была равна римской, а численность конницы вдвое большей). Набор войск производился на общем собрании граждан на Капитолии или Марсовом поле; из каждой трибы[22] брали одинаковое число людей; эти рекруты поровну распределялись между четырьмя легионами, до полного их укомплектования. Довольно часто граждане, освобожденные от службы по возрасту или в силу их участия в многочисленных кампаниях, вновь вступали в армию добровольцами. Рекрутов приводили к присяге и отпускали до вызова. Когда их призывали, самых молодых и бедных

зачисляли в разряд велитов, следующая группа по возрасту и имущественному положению попадала в разряд хастатов и принципов, самые старшие и самые богатые зачислялись в разряд триариев. Каждый легион насчитывал 1200 велитов, 1200 хастатов, 1200 принципов, 600 триариев и 300 кавалеристов (всадников)[23], всего 4500 человек. Хастаты, принципы и триарии, каждые в отдельности, подразделялись на 10 манипул, или рот, к каждому манипулу добавлялось одинаковое число велитов. Велиты (rorarii, accensi, ferentarii[*]) составляли легкую пехоту легиона и вместе с конницей находились на его флангах. Хастаты образовывали первую, принципы — вторую линию; первоначально они были вооружены копьями. Триарии составляли резерв и были вооружены пилумом — коротким, но чрезвычайно тяжелым и грозным копьем, которое они метали в передние шеренги противника непосредственно перед тем, как вступить с ним в рукопашную схватку мечами. Каждый манипул находился под командой центуриона, имевшего второго центуриона в качестве помощника. Старшинство центурионов определялось их положением в легионе; самым младшим был второй центурион последнего, или десятого, манипула хастатов, а самым старшим — первый центурион первого манипула триариев (primus pilus), который в отсутствие старшего командира даже принимал на себя командование всем легионом. Обыкновенно primus pilus командовал всеми триариями, точно так же как primus princeps (первый центурион первого манипула принципов) — всеми принципами, а primus hastatus — всеми хастатами легиона. В более раннюю эпоху легионом командовали но очереди его шесть военных трибунов, каждый из них в течение двух месяцев. После первой гражданской войны[24] во главе каждого легиона в качестве постоянных начальников были поставлены легаты; трибунами теперь являлись большей частью лица, на которых были возложены штабные или административные обязанности. Различие в вооружении трех линий исчезло еще до времен Мария. Пилумом стали вооружать все три линии легиона; с этих пор он стал национальным оружием римлян. Качественное различие между тремя линиями, в той мере, в какой оно основывалось на различии в возрасте и в продолжительности службы, вскоре тоже исчезло. Хастаты, принципы, триарии, согласно Саллюстию, в последний раз появились в сражении Метелла против Югурты[25]. Марий свел 30 манипулов легиона в 10 когорт и расположил их в две линии, по 5 когорт в каждой. В то же время нормальная численность когорты

[*] — легкие войска, располагавшиеся за триариями, легкие вспомогательные войска, стрелки. *Ред.*

была увеличена до 600 человек; первая когорта, находившаяся под командой primus pilus, несла легионного орла[26]. Конница, как и раньше, была объединена в турмы по 30 воинов и по три декуриона в каждой, причем первый из декурионов командовал турмой. Защитное вооружение римской пехоты состояло из деревянного щита полуцилиндрической формы длиной в 4 фута и шириной в $2^1/_2$, обтянутого кожей и укрепленного железными скрепами; в середине его имелась выпуклость (umbo) для парирования ударов копьем. Шлем был медный, обыкновенно с удлинением сзади для защиты шеи; укреплялся он на голове кожаными ремнями, покрытыми медными пластинками. Нагрудник размером около квадратного фута был укреплен на кожаном панцире чешуйчатыми ремнями, протянутыми через плечо. У центурионов защитное вооружение состояло из кольчуги, покрытой медными пластинками. Правая нога, подверженная ударам меча при выставлении ее вперед, защищалась медной пластиной. Кроме короткого меча, которым больше пользовались для того, чтобы колоть, чем рубить, солдаты имели пилум — тяжелое копье с древком длиной в $4^1/_2$ фута и железным наконечником в $1^1/_2$ фута, всего, следовательно, длиной около 6 футов, при $2^1/_2$ квадратных дюйма в поперечнике деревянной части, весом около 10 или 11 фунтов. Брошенное на расстояние 10 — 15 шагов, оно часто пробивало щиты и нагрудники и почти всегда повергало противника. Велиты — легковооруженные — имели легкие короткие дротики. В более поздние периоды республики, когда службу легких войск стали нести вспомогательные войска из варваров, этот вид пехоты совершенно исчез. Конница была снабжена таким же защитным вооружением, как и пехота, копьем и более длинным мечом. Но римская национальная конница отличалась не очень высокими качествами и предпочитала сражаться в пешем строю. Позднее она была совсем упразднена, и ее заменили нумидийские, испанские, галльские и германские всадники.

Тактическое построение римских войск допускало значительную подвижность. Манипулы строились с интервалами между ними, равными протяжению фронта каждого из них, глубина их колебалась от 5 — 6 до 10 шеренг. Манипулы второй линии располагались за интервалами первой линии; триарии строились еще дальше в тылу, но уже сплошным фронтом. Смотря по обстоятельствам, манипулы каждой линии могли сомкнуться, то есть образовать непрерывную линию, или же манипулы второй линии могли продвинуться вперед и заполнить интервалы первой линии, либо, наконец, когда требовалась большая глубина, каждый из манипулов принципов примыкал

к тылу соответствующего манипула хастатов, удваивая его глубину. Когда пришлось иметь дело со слонами Пирра[27], все три линии строились с интервалами, причем каждый манипул прикрывал впереди стоящий, так что для животных оставался прямой проход через весь боевой порядок. В таком строю была во всех отношениях успешно преодолена неповоротливость фаланги. Легион мог двигаться и маневрировать, не нарушая своего боевого порядка, на такой местности, где фаланга не могла на это отважиться, не подвергая себя крайнему риску. Чтобы обойти препятствие, обычно приходилось сокращать свой фронт самое большее одному или двум манипулам; но через несколько минут фронт восстанавливался. Легион мог прикрыть весь свой фронт легкими войсками, так как последние при продвижении вперед линий манипулов могли отойти назад через интервалы. Но главное преимущество состояло в расположении войск в несколько линий, вводимых в действие одна вслед за другой, в зависимости от требовании момента. При фаланговой системе дело решалось одним ударом. В резерве не было свежих войск, вводимых в бой в случае неудачи, — фактически такая возможность вообще не предусматривалась. Легион мог завязать борьбу с противником по всей ширине своего фронта, пустив в ход свои легкие войска и конницу; он мог противопоставить наступающей фаланге противника свою первую линию хастатов, которых не так-то легко было одолеть, ибо надо было сначала разбить поодиночке по меньшей мере 6 из 10 манипулов; он мог измотать противника, выдвинув принципов, и в конечном счете добиться победы с помощью триариев. Таким образом полководец сохранял в своих руках управление войсками и ходом сражения, в то время как фаланга, раз вступив в бой, оказывалась безвозвратно втянутой в него всеми своими силами и должна была вести бои до конца. Если римский полководец хотел прервать сражение, то легионная организация позволяла ему занять позицию резервами, после чего ранее вступившие в бой войска могли отойти через интервалы и, в свою очередь, занять позицию. При всех обстоятельствах часть войск всегда была в полном порядке, ибо если даже триарии оказывались отброшенными, перестроившиеся первые две линии находились позади них. Когда легионы Фламинина встретились на равнинах Фессалии с фалангой Филиппа[28], их первая атака была сразу же отражена; но атака следовала за атакой; македоняне стали уставать и частично утратили сплоченность своего боевого порядка; а всюду, где только обнаруживались признаки расстройства, появлялся римский манипул, пытавшийся вклиниться в эту неповоротливую

массу. Наконец, когда 20 манипулов атаковали фалангу с флангов и с тыла, сохранение боевого порядка стало невозможным, глубокое построение распалось, превратившись в толпу беглецов, и сражение было проиграно. Против конницы легион строился в orbis — своего рода каре с обозом в центре. На марше, когда можно было ожидать нападения, легион строился в legio quadrata — своего рода удлиненную колонну с широким фронтом и с обозом в центре. Это было осуществимо, разумеется, лишь на открытой равнине, там, где можно было двигаться напрямик.

Во времена Цезаря легионы комплектовались в большинстве случаев путем добровольного набора в Италии. После Союзнической войны[29] право гражданства, а вместе с ним и обязанность нести военную службу, было распространено на всю Италию, и потому пригодных людей теперь оказывалось гораздо больше, чем требовалось. Жалованье почти равнялось заработку работника; поэтому рекрутов, было более чем достаточно, так что не приходилось даже прибегать к принудительному, набору. Только в исключительных случаях легионы вербовались в провинциях; так, например, свой пятый легион Цезарь набрал в Римской Галлии[30], но впоследствии воины этого легиона en masse* получили права римского гражданства. Легионы отнюдь не достигали своей номинальной численности в 4500 человек; так, легионы Цезаря редко насчитывали многим более 3000. Из новобранцев предпочитали формировать новые легионы (legiones tironum**), нежели смешивать их с ветеранами в старых легионах; эти новые легионы на первых порах не допускались к участию в сражениях в открытом поле, их использовали главным образом для охраны лагеря. Легион делился на 10 когорт, по 3 манипула в каждой. Наименования хастаты, принципы, триарии сохранились лишь постольку, поскольку это было необходимо для обозначения ранга командиров согласно указанной выше системе; в отношении же рядовых воинов эти наименования утратили всякое значение. Шесть центурионов первой когорты каждого легиона имели право присутствовать на военном совете. Центурионы были выходцами из рядовых солдат и редко достигали более высокого положения; школой для высших офицеров служил личный штаб военачальника, состоявший из молодых образованных людей, которые быстро продвигались до чина военного трибуна, а затем и до чина легата. Вооружение воина оставалось прежним — пилум и меч. Помимо снаряжения воин нес на себе лич-

* — все без исключения. *Ред.*
** — легионы новобранцев. *Ред.*

ный багаж весом от 35 до 60 фунтов. Приспособление для ношения его было настолько неудобным, что воин, чтобы быть готовым к бою, должен был сперва спять с себя свой багаж. Лагерные принадлежности армии перевозились на лошадях и мулах, которых для одного легиона требовалось до 500. Каждый легион имел своего орла, а каждая когорта свое знамя. Для легкой пехоты Цезарь отбирал из своих легионов определенное число воинов (антесигнанов), одинаково пригодных как для службы в легких войсках, так и для ближнего боя в линейном строю. Кроме них у него были вспомогательные войска из провинций: критские лучники, балеарские пращники, контингенты из Галлии и Нумидии, германские наемники. Конница его состояла частью из галльских, частью из германских войск. Римские вылиты и римская кавалерия исчезли незадолго до этого.

Штаб армии состоял из легатов, назначаемых сенатом; они были помощниками военачальника, который их использовал в качестве командиров отдельных отрядов или единиц боевого порядка. Цезарь первый дал каждому легиону особого легата в качестве постоянного командира. Если не хватало легатов, то команду над легионом принимал на себя квестор. Он собственно являлся казначеем армии и главой интендантства, и в этой должности ему помогали многочисленные чиновники и ординарцы. К штабу были прикомандированы военные трибуны и упомянутые выше молодые вольноопределяющиеся (contubernales, comites praetorii*), исполняющие обязанности адъютантов, дежурных офицеров; но во время битвы они сражались в строю наравне с простыми воинами в рядах cohors praetoria**, состоявшей из ликторов, чиновников, слуг, лазутчиков (speculatores) и ординарцев (apparitores) главной квартиры. Военачальник, сверх того, имел нечто вроде личной охраны, состоявшей из ветеранов, которые добровольно снова вступали в армию по призыву своего прежнего командира. Этот отряд, в походе передвигавшийся верхом, но сражавшийся в пешем строю, считался elite армии; он носил и охранял vexillum — знамя, являвшееся отличительным знаком всей армии. Для боя Цезарь обыкновенно строил армию в три линии: 4 когорты каждого легиона стояли в первой линии и по 3 когорты во второй и третьей линиях; при этом когорты второй линии становились за интервалами первой линии. Вторая линия должна была поддерживать первую; третья линия составляла главный резерв

* — буквально: сотоварищи, сопровождающие; здесь: лица, входившие в свиту военачальника. *Ред.*

** — когорты, сопровождающей военачальника. *Ред.*

для решающих маневров против фронта или фланга противника и для отражения его решающих ударов. Если случалось, что противник настолько обходил фланги, что возникала необходимость удлинения линии фронта, то армия располагалась лишь в две линии. К построению в одну линию (acies simplex*) прибегали лишь в случае крайней необходимости, и тогда между когортами не оставлялось интервалов; при обороне лагеря, однако, такое построение было правилом, так как линия все еще имела в глубину 8 — 10 шеренг и могла образовать резерв из воинов, которые не помещались на парапете.

Август завершил дело превращения римских вооруженных сил в постоянную регулярную армию. Он разместил 25 легионов . по всей империи: 8 были расположены на Рейне (они считались опорой и костяком — praecipium robur — армии), 3 — в Испании, 2 — в Африке, 2 — в Египте, 4 — в Сирии и Малой Азии, 6 — в Дунайских провинциях. В Италии были расположены гарнизонами отборные войска, которые набирались исключительно в самой Италии и составляли императорскую гвардию; последняя сначала состояла из 12, позднее из 14 когорт; кроме того в городе Риме имелась муниципальная гвардия (vigiles**) в составе 7 когорт, формировавшаяся первоначально из освобожденных рабов. Помимо этой регулярной армии, провинции должны были по-прежнему выставлять свои легкие вспомогательные войска, теперь большей частью превращенные в своего рода милицию для несения гарнизонной и полицейской службы. Но на границах, находившихся под угрозой нападения, для боевой службы пользовались не только этими вспомогательными войсками, но и иноземными наемниками. Число легионов возросло при Траяне до 30, при Септимии Севере — до 33. Легионы, кроме своих номеров, носили наименования по месту их расположения (L. Germanica, L. Italica***), по имени императора (L. Augusta****), по имени богов (L. Primigenia, L. Apollinaris*****), либо же присвоенные им как почетное отличие (L. fidelis, L. pia, L. invicta******). Организация легиона подверглась некоторым изменениям. Командир его назывался теперь префектом. Первая когорта численно была удвоена (cohors milliaria*******), а нормальная численность легиона повышена до 6100 человек пехоты и 726 человек конницы; это

* — простой боевой порядок. *Ред.*
** — стражники. *Ред.*
*** — Германский легион, Итальянский легион. *Ред.*
**** — Легион Августа. *Ред.*
***** — Легион Юпитера, Легион Аполлона. *Ред.*
****** — Надежный легион, Благочестивый легион, Непобедимый легион. *Ред.*
******* — тысячная когорта. *Ред.*

считалось минимумом, и в случае нужды к легиону добавлялась одна или более cohortes milliariae. Cohors milliaria находилась под командой военного трибуна, остальные когорты — под командой трибунов или praepositi*; чин центуриона, таким образом, стал теперь чином младших командиров. Стало правилом допущение в легионы вольноотпущенников и рабов, уроженцев провинций и вообще людей всякого звания; римское гражданство требовалось только для преторианцев в Италии, но даже и там в более поздние времена отказались от этого требования. Таким образом, римляне в армии весьма скоро были поглощены потоком варварских и полуварварских, романизованных и неромализованных элементов; римлянами оставались одни только офицеры. Это ухудшение состава армии весьма скоро отразилось на ее вооружении и тактике. Тяжелый нагрудник и пилум были отброшены; утомительной системой обучения, создавшей завоевателей мира, стали пренебрегать; обслуживающий персонал и роскошь сделались необходимыми для армии, а impedimenta (обоз) увеличивался одновременно с ослаблением и уменьшением выносливости войск. Как и в Греции, упадок характеризовался пренебрежением к тяжелой линейной пехоте, нелепым увлечением всякого рода легким вооружением и заимствованием вооружения и тактики у варваров. Отсюда бесчисленные виды легких войск (auxiliatores, exculcatores, jaculatores, excursatores, praecursatores, scutati, funditores, balistarii, tragularii**), вооруженных всевозможным метательным оружием, а Вегеций сообщает нам, что усовершенствование конницы шло по линии подражания готам, аланам и гуннам[31]. В конце концов исчезло всякое различие в снаряжении и вооружении между римлянами и варварами, и германцы, физически и морально стоявшие выше, перешагнули через останки дероманнзованных легионов.

Таким образом, завоеванию Запада германцами противостояла лишь смутная традиция древней римской тактики, ее жалкий пережиток; но даже и этот жалкий пережиток был теперь уничтожен. В отношении развития тактики все средневековье является столь же бесплодным периодом, каким оно было для любой другой науки. Феодальная система, хотя по самому своему происхождению она и являлась военной организацией, в сущности была враждебна всякой дисциплине. Мятежи и отложения крупных вассалов вместе с их

* — начальников. *Ред.*

** — воины вспомогательных отрядов (буквально: помощники), авангардные части, метатели (копий, дротиков), разведчики, застрельщики, щитоносцы, пращники, стрелки из баллист, метатели копий с подвязным ремнем. *Ред.*

военными отрядами были обычным явлением. Отдача приказаний предводителям превращалась обыкновенно в шумный военный совет, что делало невозможными какие бы то ни было крупные операции. Поэтому войны редко велись на решающих участках; борьба за обладание каким-нибудь одним пунктом заполняла целые кампании. За весь этот период (если лишь бегло касаться смутных времен с VI по XII столетие) единственными значительными операциями являются походы германских императоров в Италию и крестовые походы[32], причем как те, так и другие были одинаково безрезультатны.

Средневековая пехота, комплектовавшаяся из феодальной челяди и частью из крестьянства, состояла главным образом из копейщиков и в большинстве случаев ни на что не годилась. У рыцарей, покрытых с ног до головы железом, было любимым видом спорта въезжать поодиночке в эту незащищенную толпу и рубить направо и налево. Часть пехоты на континенте Европы была вооружена арбалетами, тогда как в Англии национальным оружием крестьянства сделался большой лук. Этот большой лук был весьма грозным оружием и он обеспечил англичанам превосходство над французами при Креси, Пуатье и Азенкуре[33]. Легко защищаемый от дождя, который время от времени делал арбалет непригодным, этот лук метал стрелу на расстояние свыше 200 ярдов, что было не намного меньше дальности действительного огня старого гладкоствольного мушкета. Стрела пробивала доску в дюйм толщиной и простреливала даже нагрудники. Благодаря этому большой лук долго еще сохранял превосходство даже над первым ручным огнестрельным оружием, тем более, что за время, пока мушкет того времени заряжался и производил один выстрел, можно было выпустить шесть стрел; даже еще в конце XVI столетия королева Елизавета пыталась вновь ввести в качестве боевого вооружения национальный большой лук. Особенно эффективным оружием он был против кавалерии; стрелы, если даже броня тяжеловооруженных всадников служила защитой от них, ранили или убивали лошадей; а спешенные рыцари оказывались в силу этого неспособными к бою, и их обычно брали в плен. Лучники действовали или в рассыпном, или в линейном строю. В средние века решающим родом войск являлась кавалерия. Сплошь покрытые доспехами рыцари явились первым в истории видом боеспособной тяжеловооруженной кавалерии, атаковавшей в правильном строю, так как катафракты Александра, хотя они и решили исход сражения при Арбелах, были столь исключительным явлением, что с тех пор мы ничего о них больше не слышали, и в течение всего последующего периода древней истории

пехота сохраняла свою преобладающую роль на поле сражения. Таким образом, единственный прогресс, которым мы обязаны средним векам, состоит в создании кавалерии, от которой по прямой линии происходят наши конные войска. Однако насколько неповоротлива была эта кавалерия, доказывает уже тот факт, что в течение всего средневековья кавалерия была тяжелым, малоподвижным родом войск, тогда как вся служба легких войск и быстрые передвижения выполнялись пехотой. Рыцари, впрочем, не всегда сражались в сомкнутом строю. Они предпочитали вступать в поединки один на один или же гнать своих коней в гущу вражеской пехоты; таким образом, метод ведения боя был возвратом к гомеровским временам. Когда же рыцари действовали в сомкнутом строю, то они атаковали либо линейным фронтом (рыцари — в первой шеренге, оруженосцы, имевшие более легкое вооружение, — во второй), либо глубокой колонной. Подобная атака предпринималась, как правило, только против рыцарей (тяжеловооруженных всадников) неприятельской армии; против ее пехоты она была бы бесполезной тратой сил. Лошади, обремененные своими доспехами и доспехами своих всадников, могли двигаться лишь медленно и только на небольшие расстояния. Поэтому во время крестовых походов и в войнах с монголами в Польше и Силезии[34] эта малоподвижная кавалерия постоянно находилась в состоянии крайнего утомления и в конце концов ее побеждала подвижная легкая конница Востока. В войнах Австрии и Бургундии против Швейцарии[35] тяжеловооруженным всадникам, скованным на труднопроходимой местности в своих действиях, приходилось спешиваться и образовывать фалангу, еще более неповоротливую, чем македонская; в горных ущельях на них сбрасывали сверху обломки скал и стволы деревьев, в результате чего фаланга теряла свой тактический порядок, а затем рассеивалась решительной атакой.

К XIV столетию был введен род кавалерии более легкого типа, а часть лучников, для облегчения их передвижения, была посажена на лошадей; но эти и другие изменения скоро стали бесполезными, были отброшены или приобрели иное значение благодаря применению того нового элемента, которому суждено было изменить всю систему ведения войны, — пороха.

От арабов Испании знакомство с изготовлением и применением пороха проникло во Францию и в остальную Европу; сами арабы приобрели его от пародов, расположенных восточное их, которые в свою очередь заимствовали его от первоначальных изобретателей — китайцев. В первой половине XIV столетия в европейских армиях впервые начали применяться пушки;

это были тяжелые громоздкие артиллерийские орудия, стрелявшие каменными ядрами и пригодные только для осадной войны. Вскоре однако было изобретено ручное огнестрельное оружие. Город Перуджа в Италии приобрел в 1364 г. 500 ручных бомбард, стволы которых имели в длину не более 8 дюймов; это оружие затем дало толчок производству пистолетов (получивших это название от города Пистоя в Тоскане), Несколько позже стали изготовлять более длинные и более тяжелые ручные бомбарды (аркебузы), соответствующие нашему современному ружью; по имея короткий и тяжелый ствол, они обладали лишь незначительной дальнобойностью, а фитильный запал служил почти непреодолимым препятствием для точного прицеливания; к тому же им почти целиком были свойственны и другие всевозможные недостатки. К концу XIV столетия в Западной Европе уже не существовало армий, не имевших своей артиллерии и аркебузиров. Но влияние нового оружия на общую тактику было весьма мало ощутимым. Как артиллерийское, так и ручное огнестрельное оружие требовало очень много времени для заряжания, а из-за своей громоздкости и дороговизны оно и к 1450 г. не смогло заменить арбалета.

Между тем общее крушение феодальной системы и рост городов способствовали изменению состава армий. Крупные вассалы были либо подчинены центральной властью, как во Франции, либо превратились в подобие независимых суверенов, как в Германии и Италии. Сила низшего дворянства была сломлена центральной властью, действовавшей в союзе с городами. Феодальные армии перестали существовать, новые армии формировались из многочисленных наемников, которым разложение феодализма предоставило свободу служить тому, кто им платит. Так возникло некое подобие постоянных армий; по эти наемники, люди всевозможных национальностей, среди которых трудно было поддерживать дисциплину и которым не очень аккуратно платили, совершали весьма крупные бесчинства. Поэтому во Франции король Карл VII сформировал постоянное войско из местных уроженцев. В 1445 г. он произвел набор 15 compagnies d'ordonnance*, по 600 человек каждая, всего же 9000 кавалеристов, размещенных гарнизонами в городах королевства и регулярно получавших жалованье. Каждая рота делилась на 100 копий; копье состояло из тяжеловооруженного всадника, трех лучников, одного оруженосца и одного пажа. Таким образом, они представляли собой смесь тяжелой

* — ордонансовых рот, т. е. кавалерийских рот, сформированных по королевскому указу (ордонансу). *Ред.*

кавалерии с конными лучниками, причем оба эти рода войск, разумеется, действовали в сражении отдельно. В 1448 г. он добавил к этим силам 16000 вольных стрелков под командой четырех капитан-генералов, в подчинении каждого из которых находилось 8 рот по 500 человек. Все лучники были вооружены арбалетами. Они набирались и вооружались приходами и освобождались от всех налогов. Эти войска можно считать первой постоянной армией нового времени.

К концу этого первого периода развития современной тактики, в том ее виде, как она вышла из средневекового хаоса, положение вещей сводилось приблизительно к следующему. Основная масса пехоты, состоявшая из наемников, была вооружена пиками и мечами, нагрудниками и шлемами. Сражалась она густыми, сомкнутыми массами, но, будучи вооружена и обучена лучше, чем феодальная пехота, проявляла в бою большую стойкость и дисциплинированность. Рекруты, набираемые путем регулярного набора, и наемники, бывшие профессиональными солдатами, превосходили, понятно, рекрутов, набиравшихся от случая к случаю, и беспорядочные толпы феодальной челяди. Тяжелая кавалерия теперь иногда считала необходимым атаковать пехоту сомкнутым строем. Легкая пехота все еще состояла главным образом из лучников, но для вооружения застрельщиков стали широко применяться ручные бомбарды. Кавалерия все еще оставалась главным родом войск; тяжелая кавалерия — тяжеловооруженные всадники, закованные в железо, — уже не обязательно во всех случаях состояла из дворян и должна была перейти от своего прежнего рыцарского и гомеровского метода ведения боя к более прозаической необходимости атаковать в сомкнутом строю. Но неповоротливость такой кавалерии теперь признавалась всеми, и выдвигалось много различных проектов создания более легкого вида конницы. Этот пробел, как было упомянуто, должны были отчасти восполнить конные лучники; в Италии и соседних странах охотно стали брать на службу страдиотов — легкую кавалерию турецкого типа, состоявшую из боснийских и албанских наемников, — род башибузуков; ее очень боялись, особенно во время преследования. Польша и Венгрия, кроме тяжеловооруженной кавалерии, заимствованной у Запада, сохранили свою национальную легкую кавалерию. Артиллерия была еще в младенческом состоянии. Тяжелые пушки того времени, правда, вывозились на поле сражения, но они не могли менять раз занятую позицию; порох был плохим, заряжались пушки с трудом и медленно, а вести огонь каменными ядрами можно было лишь на короткое расстояние.

Конец XV и начало XVI столетия характеризуются прогрессом сразу в двух областях: французы усовершенствовали артиллерию, а испанцы придали новый характер пехоте. Французский король Карл VIII сделал свои пушки настолько подвижными, что мог не только доставлять их на поле сражения, но и менять их позиции во время боя и везти их за остальными войсками во время передвижения последних, которое, впрочем, совершалось не очень быстро. Таким образом, Карл VIII явился основателем полевой артиллерии. Его пушки, поставленные на колесные лафеты и перевозимые большим количеством лошадей, неизмеримо превосходили старомодную неуклюжую артиллерию итальянцев (перевозимую волами) и производили такое опустошение в глубоких колоннах итальянской пехоты, что Макиавелли написал свое «Искусство войны»[36] главным образом для того, чтобы предложить построения, посредством которых можно было бы нейтрализовать воздействие на пехоту такой артиллерии. В сражении при Мариньяно[37] французский король Франциск I разбил швейцарских пикинеров благодаря эффективности огня и подвижности этой артиллерии, которая с фланговых позиций обстреливала швейцарские боевые порядки. Но господству пики в пехоте приходил конец. Испанцы усовершенствовали распространенное в то время ручное огнестрельное оружие (аркебуз) и снабдили им регулярную тяжеловооруженную пехоту. Их мушкет (hacquebutte) представлял собой тяжелое, длинноствольное оружие, с каналом ствола для пуль весом в 2 унции; из него стреляли с подставки, образуемой вилкообразным шестом. Пули, выпущенные из такого мушкета, пробивали самые прочные нагрудники, и потому он приобрел решающее значение для борьбы с тяжелой кавалерией, которая приходила в расстройство, как только всадники начинали падать. Каждой роте пикинеров придавалось 10 — 15 мушкетеров, и действие их огня при Павии[38] изумило как союзников, так и врагов. Фрундсберг передает, что в этом сражении один выстрел из такого мушкета, как правило, выводил из строя несколько человек и лошадей. С этого времени ведет свое начало превосходство испанской пехоты, длившееся свыше 100 лет.

Война, вызванная восстанием Нидерландов[39], оказала большое влияние на организацию армий. Как испанцы, так и голландцы значительно усовершенствовали все рода войск. До этого времени каждый желавший завербоваться в армию наемников должен был являться полностью экипированным, вооруженным и обученным обращению со своим оружием. Но в этой длительной войне, продолжавшейся 40 лет на небольшой территории, скоро не стало хватать подходящих рекрутов такого рода.

Голландцам приходилось довольствоваться теми физически годными добровольцами, которых они могли найти, и правительство оказалось вынужденным заняться их обучением. Мориц Нассауский составил первый строевой устав нового времени и этим заложил основы единообразного обучения целой армии. Пехота снова начала маршировать в ногу; она стала значительно более однородной и сплоченной. Теперь она подразделялась на более мелкие единицы: роты, насчитывавшие до этого от 400 до 500 человек, были уменьшены теперь до 150 — 200 человек, причем 10 рот составляли полк. Усовершенствованный мушкет оттеснил пику; треть всей пехоты состояла из мушкетеров, соединенных в каждой роте с пикинерами. Эти последние, нужные только для рукопашного боя, сохранили свои шлемы, нагрудники и стальные рукавицы; мушкетеры освободились от всякого защитного вооружения. Пикинеры строились обыкновенно в две шеренги, мушкетеры в 5 — 8 шеренг; произведя залп, первая шеренга отходила назад, чтобы снова зарядить свои мушкеты. Еще большие перемены произошли в кавалерии, и здесь опять-таки Мориц Нассауский сыграл ведущую роль. Ввиду невозможности сформировать тяжелую кавалерию из тяжеловооруженных всадников, он организовал легкую конницу, которую набрал в Германии, снабдив ее шлемами, кирасами, наручниками, стальными рукавицами и высокими сапогами; а так как с одним копьем она не могла бы тягаться с тяжеловооруженной испанской кавалерией, то он дал ей палаш и длинные пистолеты. Этот новый вид кавалеристов, близкий нашим современным кирасирам, скоро показал свое превосходство над значительно менее многочисленными и менее подвижными испанскими тяжеловооруженными всадниками, лошадей которых новая конница успевала перестрелять прежде, чем на нее могла обрушиться эта медленно движущаяся масса. Мориц Нассауский обучал своих кирасиров так же тщательно, как и пехоту; он достиг в этом таких успехов, что мог отважиться в сражении на перемену фронта и на другие эволюции мелкими и крупными отрядами. Также и Альба быстро убедился в необходимости усовершенствовать свою легкую конницу; до этого она была пригодна лишь для действий в рассыпном строю и для единоборства, но под его командованием она скоро выучилась атаковать в сомкнутом строю, наподобие тяжелой кавалерии. Кавалерия по-прежнему строилась в 5 — 8 шеренг. Примерно в это же время французский король Генрих IV создал новый вид кавалерии — драгун; первоначально это была пехота, посаженная на лошадей, исключительно в целях более быстрого передвижения; но уже через

несколько лет после появления драгун их стали использовать и как кавалерию, снабдив для этой двойной роли соответствующим снаряжением. Они не имели ни защитного вооружения, ни высоких сапог, но были вооружены кавалерийским палашом, а иногда и копьем; кроме того у них были пехотные мушкеты или более короткие карабины. Войска эти, однако, не оправдали тех надежд, которые связывались с их созданием; они скоро стали частью регулярной кавалерии и перестали сражаться в качестве пехоты. (Русский император Николай пытался возродить первоначальных драгун, сформировав корпус в 16000 человек, пригодный для действий в конном и пешем строю; но им ни разу не пришлось спешиться в бою, они всегда сражались как кавалерия, и корпус этот теперь расформирован и присоединен, в качестве конных драгун, к остальной русской кавалерии.) В артиллерии французы сохраняли достигнутое ими превосходство. Примерно в это время ими был изобретен отвоз, а Генрих IV стал применять картечь. Испанцы и голландцы тоже упростили и сделали более легкой свою артиллерию, но она все же оставалась громоздкой, а легкие подвижные пушки, имеющие достаточные калибр и дальнобойность для эффективной стрельбы, были еще неизвестны.

С Тридцатилетней войны[40] начинается период Густава-Адольфа, великого военного реформатора XVII столетия. Его пехотные полки состояли на две трети из мушкетеров и на одну треть из пикинеров. Некоторые полки состояли только из мушкетеров. Мушкеты были настолько облегчены, что для ведения огня из них подставка стала излишней. Густав-Адольф ввел также бумажные патроны, чем значительно облегчил заряжание. Глубокое построение было упразднено; его пикинеры строились в 6 шеренг, а мушкетеры только в 3 шеренги. Эти последние обучались стрельбе повзводно и шеренгами. Громоздкие полки, насчитывавшие 2000 или 3000 человек, были уменьшены до 1300 или 1400 человек, сведенных в 8 рот, причем из двух полков была образована бригада. При помощи такого строя он побеждал густые массы своих противников, построенных часто, подобно колонне или каре, в 30 шеренг, среди которых его артиллерия производила страшное опустошение. Кавалерия была реорганизована на тех же началах. Тяжеловооруженные всадники были совсем упразднены. Кирасиры лишились наручников и некоторых других бесполезных частей своего защитного вооружения, что сделало их значительно более легкими и подвижными. Драгуны Густава-Адольфа сражались почти всегда как кавалеристы. И кирасиры, и драгуны строились лишь в три шеренги, и им строго приказывалось не терять

времени на стрельбу, а сразу атаковать с палашом в руке. Они были подразделены на эскадроны по 125 человек. Артиллерия была усовершенствована придачей ей легких пушек. Прославились кожаные пушки Густава-Адольфа, но они недолго оставались на вооружении. Их заменили чугунными 4-фунтовыми пушками, настолько легкими, что они могли перевозиться двумя лошадьми; эти пушки были в состоянии производить шесть выстрелов за то время, пока мушкетер делал два выстрела; каждому полку пехоты было придано по две таких пушки. Так было установлено деление полевой артиллерии на легкую и тяжелую; легкие пушки сопровождали пехоту, тогда как тяжелые оставались в резерве или занимали какую-либо позицию на все время сражения. В армиях этого времени начинает обнаруживаться все возрастающее преобладание, пехоты над кавалерией. В сражении при Лейпциге в 1631 г. Густав-Адольф имел 19000 пехоты 11000 кавалерии, Тилли — 31000 пехоты и 13000 кавалерии. В сражении при Лютцене в 1632 г. Валленштейн располагал 24000 пехоты и 16000 кавалерии (170 эскадронов). Число пушек также увеличилось с введением легких орудий; у шведов часто было от 5 до 12 пушек на каждую тысячу солдат, а в сражении на Лехе Густав-Адольф форсировал эту реку под прикрытием огня 72 тяжелых орудий[41].

В течение второй половины XVII и первой половины XVIII столетия с повсеместным введением штыка в пехоте были окончательно упразднены пики и всякое защитное вооружение. Изобретенный примерно в 1640 г. во Франции штык должен был бороться против пики в течение 80 лет. Австрийцы первыми приняли его на вооружение всей своей пехоты, за ними пруссаки; французы сохраняли на вооружении пику до 1703 г., а русские — до 1721 года. Ружейный кремневый замок, изобретенный во Франции почти одновременно со штыком, тоже был до 1700 г. постепенно введен в большинстве армий. Он существенно сокращал процедуру заряжания, предохранял до известной степени порох на полке от дождя и этим значительно содействовал упразднению пики. Однако стрельба все еще производилась так медленно, что солдат за все сражение обыкновенно мог израсходовать не более 24 — 36 патронов; только во второй половине этого периода улучшение военных уставов, лучшее обучение и дальнейшее усовершенствование конструкции ручного огнестрельного оружия (особенно железный шомпол, впервые введенный в Пруссии) позволили солдату стрелять с значительной быстротой. Это сделало необходимым дальнейшее уменьшение глубины построения, и пехота теперь стала строиться лишь в 4 шеренги. Была создана своего рода elite

пехоты в виде гренадерских рот, первоначально предназначенных для бросания ручных гранат перед началом рукопашного боя; но скоро они стали сражаться с одними лишь ружьями. В некоторых германских армиях уже во время Тридцатилетней войны были сформированы стрелки, вооруженные нарезными ружьями; само же нарезное ружье было изобретено в Лейпциге в 1498 году. Это оружие теперь стали применять наряду с обыкновенным ружьем, им вооружались лучшие стрелки в каждой роте; но вне Германии это оружие не пользовалось большим успехом. Австрийцы имели также род легкой пехоты, носившей название пандуров. Это были хорватские и сербские иррегулярные войска с прилегающей к Турции Военной границы[42], пригодные для совершения набегов и преследования, но бесполезные в регулярном сражении с точки зрения тактики того времени, а также в силу абсолютного отсутствия у них выучки. Французы и голландцы создали для тех же целей иррегулярную пехоту, получившую название compagnies franches[*]. Вооружение кавалерии также было во всех армиях облегчено. Тяжеловооруженные всадники совершенно исчезли; кирасиры сохранили лишь нагрудник и шлем; во Франции и Швеции были упразднены также и нагрудники. Все возрастающая эффективность и скорость огня пехоты весьма отрицательно сказывались на кавалерии. Вскоре было признано совершенно бесполезным для этого рода войск атаковать пехоту с палашом в руке; мнение о непреодолимости огневого рубежа стало столь распространенным, что кавалерию также приучили больше полагаться на карабин, чем на палаш. Таким образом, в этот период часто случалось, что две линии кавалерии подобно пехоте вели между собой огневой бой; считалось большой смелостью подъезжать к неприятелю на 20 ярдов, давать залп и атаковать рысью. Однако Карл XII придерживался правила своего великого предшественника[**]. Его кавалерия никогда не останавливалась для стрельбы: она всегда атаковала с палашом в руке, что бы ни находилось на ее пути — кавалерия, пехота, батареи, траншеи, — и всегда успешно. Французы тоже отказались от новой системы и вновь стали полагаться на один лишь палаш. Глубина боевого порядка кавалерии была еще более уменьшена — с 4 до 3 шеренг. В артиллерии стало теперь общим явлением уменьшение веса орудий, применение патронов и картечи. Другим крупным нововведением было включение этого рода войск в состав армии. До этого времени, хотя пушки и принадлежали государству, люди, обслуживающие их,

[*] — вольных рот. *Ред.*
[**] — Густава-Адольфа. *Ред.*

не были собственно солдатами, а составляли род цеховой корпорации, и артиллерия считалась не родом войск, а одним из ремесел. Ее офицеры не имели армейского чина, и их относили скорее к мастерам — портным и плотникам, чем к дворянам с офицерским патентом в кармане. Однако примерно к этому времени артиллерия сделалась составной частью армии и стала подразделяться на роты и батальоны; артиллерийская прислуга была превращена в регулярных солдат, а офицеры получили те же чины, что и в пехоте и кавалерии. Централизация артиллерии и устойчивость ее личного состава, явившиеся следствием этой реформы, проложили путь артиллерийской науке, которая при старой системе не могла развиваться.

Переход от глубокого построения к линейному, от пики к ружью, от преобладания кавалерии к преобладанию пехоты постепенно завершился к тому времени, когда Фридрих Великий начал свои кампании и вместе с ними открыл классическую эру линейной тактики. Он строил свою пехоту в три шеренги и довел стрельбу до 5 выстрелов в минуту. В первых же боях его при Мольвице[43] эта пехота развернулась в линию и своим частым огнем отразила все атаки австрийской кавалерии, которая только что наголову разбила прусскую конницу; покончив с кавалерией австрийцев, прусская пехота атаковала австрийскую пехоту, нанесла ей поражение и таким образом выиграла сражение. К построению в каре против кавалерии в крупных сражениях никогда не прибегали; им пользовались лишь в тех случаях, когда на марше пехота оказывалась застигнутой врасплох неприятельской кавалерией. Во время сражения крайние фланги пехоты, которым угрожала кавалерия, растягивались и загибались en potence*, и обычно этого считалось достаточным. Для борьбы с австрийскими пандурами Фридрих сформировал подобные же иррегулярные войска — пехоту и кавалерию, но никогда не рассчитывал на них в регулярных сражениях, в которых они редко принимали участие. Исход его сражений решало медленное продвижение ведущей огонь линии. Кавалерии, которой пренебрегали при его предшественнике**, ныне пришлось пережить полную революцию. Она стала строиться лишь в две шеренги, и ведение огня было строго запрещено, кроме случаев преследования врага. Обучению искусству верховой езды, которому до сих пор придавали мало значения, стали теперь уделять величайшее внимание. Все перестроения должны были производиться на полном скаку, и от солдат требовалось при этом тщательное

* — в виде буквы Г. *Ред.*
** — Фридрихе-Вильгельме I. *Ред.*

соблюдение сомкнутого строя. Благодаря усилиям Зейдлица кавалерия Фридриха затмила всякую другую кавалерию, существовавшую как в то время, так и когда-либо в прошлом: своим лихим галопом, соблюдением строя, стремительностью атаки и быстротой сбора после нее она не имеет себе равных и в кавалерии последующих времен. Артиллерия была столь значительно облегчена, что некоторые из пушек крупного калибра не могли выдерживать полного заряда, и от них пришлось впоследствии отказаться. Однако тяжелая артиллерия оставалась все еще весьма медлительной и неповоротливой в своих движениях, в силу плохого качества и громоздкости своих лафетов и несовершенства организации. В сражении она сразу же занимала свои позиции, а иногда меняла их на другие, расположенные впереди, но никакое маневрирование не практиковалось. Легкая артиллерия — полковые пушки, приданные пехоте, — размещалась впереди пехотной линии, в 50 шагах перед интервалами, образуемыми батальонами; она продвигалась вперед вместе с пехотой, причем пушки перетаскивались солдатами, и открывала огонь картечью на дистанцию в 300 ярдов. Число орудий было очень велико: от 3 до 6 пушек на каждую тысячу солдат. Пехота, как и кавалерия, была подразделена на бригады и дивизии; но так как после завязки сражения войска почти совсем не маневрировали и каждый батальон должен был оставаться на своем месте в общей линии, то эти подразделения не имели тактического значения; что касается кавалерии, то командир бригады во время атаки мог в том или ином случае действовать по собственной инициативе; в пехоте, однако, такие случаи не могли иметь места. Линейное построение — в центре пехота в 2 линии, на флангах кавалерия в 2 или 3 линии — представляло собой значительный прогресс по сравнению с глубоким построением прежних времен; такое построение обеспечивало наибольшую эффективность огня пехоты, а также атаки кавалерии, позволяя одновременно действовать возможно большему количеству людей; но при всем его совершенстве в этом отношении оно, именно в силу этого, связывало армию в целом, подобно смирительной рубашке. Каждый эскадрон, батальон и орудие имели свое определенное место в боевом порядке, который нигде не мог быть нарушен или каким-либо образом приведен в расстройство без того, чтобы это не отразилось на боеспособности всей армии. Поэтому в походе приходилось так все организовывать, чтобы при развертывании фронта армии для расположения лагерем или для сражения каждая единица попадала бы точно на предназначенное ей место. Таким образом, если нужно было выполнить какой-либо маневр,

приходилось выполнять его всей армией; выделение какой-то ее части для фланговой атаки, образование специального резерва для атаки превосходящими силами какого-либо слабого пункта было бы невыполнимым и ошибочным при столь медлительных войсках, пригодных лишь для боя в линейном строю, и при столь негибком боевом порядке. Кроме того продвижение таких длинных линий во время сражения совершалось очень медленно, чтобы не нарушать равнения. Палатки всегда следовали за армией и разбивались каждую ночь; лагерь окружался легкими укреплениями. Войска снабжались продовольствием из магазинов; за армией двигалось возможно большее количество походных пекарен. Одним словом, возимое имущество и остальной обоз армии были весьма громоздки и создавали для ее передвижения такие трудности, какие неизвестны в настоящее время. Однако при всех этих недостатках военная организация Фридриха Великого была наилучшей для своего времени, и все остальные европейские правительства ревностно перенимали ее. Комплектование войск почти повсюду производилось путем записи добровольцев, дополняемой вербовкой при помощи обмана и силы; и только после очень тяжелых потерь Фридрих прибег к принудительному набору рекрутов в своих провинциях.

Когда началась война коалиции против Французской республики[44], французская армия была дезорганизована потерей своих офицеров и насчитывала менее 150000 человек. Неприятель обладал значительно большей численностью; возникла необходимость в новых наборах, которые и производились в громадных масштабах в виде призыва национальных волонтеров; в 1793 г., по-видимому, имелось по меньшей мере 500 батальонов таких волонтеров. Войска эти не были обучены, да и не было времени обучать их в соответствии со сложной системой линейной тактики и с той степенью совершенства, какая требовалась при движении в линейном строю. Все попытки померяться силами с противником в линейном строю оканчивались полным поражением, несмотря на значительное численное превосходство французов. Возникла необходимость в создании новой тактической системы. Американская революция[45] показала, какие преимущества можно извлечь даже с плохо обученными войсками из применения рассыпного строя и беглого огня стрелков. Французы переняли это и поддержали стрелков глубокими колоннами, которым небольшой беспорядок приносил не так много вреда, пока масса держалась сплоченно. Применяя такое построение, французы бросали свои численно превосходящие силы на противника и, как правило, оказывались победителями.

Это новое построение и отсутствие опытности у войск побуждали их сражаться на пересеченной местности, в деревнях и лесах, где они находили укрытие от неприятельского огня и где линейный строй противника неизменно приходил в беспорядок; отсутствие у французов палаток, полевых пекарен и т. п. заставляло их располагаться бивуаком под открытым небом и жить тем, что давала им окружающая местность. Таким путем они достигали подвижности, несвойственной их противникам, обремененным палатками и всякого рода возимым имуществом. Когда революционные войны выдвинули, в лице Наполеона, человека, который превратил этот новый способ ведения войны в регулярную систему, сочетая ее с тем, что оставалось еще полезным в старой системе, и сразу довел новый метод до такой степени совершенства, до какой Фридрих довел линейную тактику, — тогда французы стали почти непобедимыми, пока их противники не переняли их опыт и не организовали свои армии по новому образцу. Основные черты этой новой системы состоят в следующем: восстановление старого принципа, что каждый гражданин, в случае необходимости, подлежит призыву для защиты страны, и, как следствие этого, комплектование армии путем принудительных наборов больших или меньших масштабов среди всего населения, — изменение, которое сразу втрое увеличило среднюю численность армий по сравнению с временами Фридриха, причем в случае необходимости эта численность могла быть увеличена еще в большей степени. Далее, отказ от лагерных принадлежностей, прекращение зависимости войск от магазинных складов в отношении снабжения продовольствием, практика расположения войск бивуаком и принятие за правило, что войну кормит война. Подвижность и самостоятельность армии благодаря этому возросли не в меньшей степени, чем выросла ее численность в результате введения всеобщей воинской повинности. В тактической организации стал правилом принцип сочетания пехоты, кавалерии и артиллерии в более мелких единицах армии — в корпусах и дивизиях. Каждая дивизия стала, таким образом, настоящей армией в уменьшенных масштабах, способной действовать самостоятельно и оказывать серьезное сопротивление даже численно превосходящему противнику. Основу боевого порядка теперь составляла колонна; колонна служила резервуаром, из которого выходили и куда возвращались отряды стрелков; она являлась компактной клинообразной массой, которую бросали на определенный пункт неприятельской линии; она служила формой для сближения с противником и последующего затем развертывания, если местность и обстановка боя делали желательным

противопоставление противнику стрелковых линий. Взаимная поддержка трех родов войск, получившая свое полное развитие благодаря сочетанию этих родов войск в небольших войсковых единицах, а также сочетание трех форм боя — в рассыпном строю, в линейном строю и в колонне — в этом состояло великое тактическое превосходство современных армий. Благодаря этому любая местность сделалась теперь пригодной для боя; и одним из главных требований, предъявляемых военачальнику, стало умение быстро оценивать все преимущества и неудобства местности и сразу же располагать свои войска в соответствии с этим. И эти качества, наряду с общей способностью к самостоятельному командованию, теперь сделались необходимыми не только для главнокомандующего, но и для нижестоящих офицеров. Корпуса, дивизии, бригады, отдельные части постоянно попадали в положения, при которых их командирам приходилось действовать на свой собственный страх и риск; поле сражения уже не представляло собой длинные непрерывные линии пехоты, расположенной на обширной равнине, с кавалерией на флангах; теперь отдельные корпуса и дивизии, построенные колоннами, стояли в укрытом месте за деревнями, дорогами или холмами, отделенные друг от друга, казалось бы, значительными интервалами, тогда как лишь небольшая часть войск фактически участвовала в перестрелке и в артиллерийской дуэли, пока не наступал решительный момент. Боевые порядки растянулись с увеличением численности армии и с введением такого построения; отныне уже не было необходимости заполнять каждый интервал линией войск, на виду у противника, ибо войска были под рукой и могли занять нужное место, когда это потребуется. Обход флангов сделался теперь обычным стратегическим маневром; более сильная армия целиком вклинивалась между более слабой армией и ее коммуникациями, так что одно поражение могло привести к уничтожению всей армии и решить судьбу кампании. Излюбленным тактическим маневром был прорыв свежими войсками центра противника, как только из положения дел становилось ясно, что он ввел в бой свои последние резервы. Резервы, которые при линейной тактике были бы неуместны и лишь ослабляли бы в решительный момент боевую силу армии, теперь превратились в главное средство, с помощью которого решался исход боя. Боевой порядок, растянутый по фронту, растягивался также в глубину: от линии стрелков до расположения резервов часто было 2 и более мили. Одним словом, если новая система требовала меньшей муштровки и парадной педантичности, то она требовала гораздо большей быстроты, большего напряжения

сил, большей сообразительности от каждого, начиная с главнокомандующего и кончая рядовым стрелком; и каждое новое усовершенствование системы после Наполеона шло в том же направлении.

Изменения в материальной части армий были за этот период незначительны; постоянные войны оставляли мало времени для таких усовершенствований, осуществление которых требует времени. Во французской армии незадолго до революции имели место два весьма важных нововведения. Было принято на вооружение ружье нового образца с уменьшенным калибром и с меньшим зазором для пули в канале ствола, а также с изогнутым прикладом вместо прямого, до сих пор бывшего в употреблении. Это оружие, изготовлявшееся с большей тщательностью, немало способствовало установлению превосходства французских стрелков и оставалось образцом, по которому, вплоть до изобретения ударного замка, конструировались с ничтожными изменениями ружья, употреблявшиеся во всех других армиях. Во-вторых, Грибовалем была упрощена и усовершенствована артиллерия. Французская артиллерия при Людовике XV находилась в совершенно запущенном состоянии: пушки были самых различных калибров, с устаревшими лафетами, отсутствовало даже единообразие моделей, по которым они изготовлялись. Грибовалю, который во время Семилетней войны[46] служил в австрийской армии и видел там лучшие образцы, удалось уменьшить число калибров, сделать более единообразными и улучшить модели, а также значительно упростить всю систему. Именно с его пушками и лафетами Наполеон вел свои войны. Английская артиллерия, которая, когда вспыхнула война с Францией, находилась в наихудшем состоянии, была значительно усовершенствована, правда, постепенно и медленно; в ней впервые появились лафеты с однобрусными хоботами, принятые потом во многих континентальных армиях, а также приспособления для посадки пеших артиллеристов на передки и зарядные ящики. Конная артиллерия, созданная Фридрихом Великим, усиленно вводилась в течение всего наполеоновского периода, особенно самим Наполеоном, и тогда же впервые была разработана свойственная ей тактика. Когда война закончилась, то оказалось, что самым эффективным этот род войск был у англичан. Из всех крупных европейских армий одна лишь австрийская заменила конную артиллерию батареями, в которых прислуга помещается на повозках, предназначенных для ее перевозки.

Германские армии все еще сохраняли особый вид пехоты, вооруженной нарезными ружьями, и новый способ ведения боя

в рассыпном строю придал этому оружию особое значение. Оно стало специально распространяться, и в 1838 г. его переняли французы, которые нуждались в дальнобойном ружье для Алжира. Сначала были сформированы tirailleurs de Vincennes*, а затем — chasseurs a pied**; оба эти вида стрелков были доведены до небывалого совершенства. Их создание послужило толчком для значительных усовершенствований нарезного ружья, благодаря которым в необычайной степени возросли как дальность, так и меткость стрельбы. Эти усовершенствования прославили имена Дельвиня, Тувенена, Минье. Для всей массы пехоты ударный замок был введен в большинстве армий между 1830 и 1840 годами; по обыкновению, последними оказались англичане и русские. В то же время в различных странах прилагались большие усилия, направленные на еще большее усовершенствование ручного огнестрельного оружия и на создание еще более дальнобойного ружья, которым можно было бы вооружить всю пехоту. Пруссаки приняли на вооружение игольчатое ружье — нарезное оружие, заряжавшееся с казенной части и отличавшееся большой скорострельностью и дальнобойностью; это первоначально бельгийское изобретение было ими значительно усовершенствовано. Таким ружьем были вооружены все легкие батальоны прусской армии; остальная часть пехоты незадолго до того была снабжена своими старыми ружьями, превращенными при помощи несложной переделки в винтовки системы Минье. Англичане на этот раз первыми вооружили всю свою пехоту наиболее совершенным оружием — винтовками Энфилд, представлявшими собой несколько видоизмененную модель Минье; их превосходство было вполне доказано в Крыму и спасло англичан при Инкермане[47].

В области тактики никаких существенных изменений в пехоте и кавалерии не произошло, если не считать значительного усовершенствования тактики легкой пехоты французскими chasseurs и новой прусской системы ротных колонн; эта система построения, возможно с некоторыми изменениями, несомненно в скором времени станет общепринятой в силу своих больших тактических преимуществ. Русские и австрийцы сохраняют еще построение в 3 шеренги, англичане еще со времен Наполеона строились в 2 шеренги, пруссаки строятся в походе в 3 шеренги, но сражаются большей частью в 2, в то время как третья состоит из стрелков и их поддержки; французы, прежде строившиеся в 3 шеренги, в Крыму сражались в 2, и это

* — венсеннские стрелки. *Ред.*
** — пешие стрелки, шассеры. *Ред.*

построение ныне вводится ими во всей армии. Что касается кавалерии, то о русском опыте восстановления драгун XVII века и о неудаче этого опыта уже упоминалось выше.

В артиллерии во всех армиях имели место значительное усовершенствование деталей, а также упрощение калибров, образцов колес, лафетов и т. д. Артиллерийская наука значительно продвинулась вперед. Однако никаких серьезных перемен не произошло. Большинство континентальных армий снабжено орудиями 6- и 12-фунтового калибра; пьемонтская — 8- и 16-фунтовыми орудиями, испанская — 8- и 12-фунтовыми; французы, до сих пор имевшие 8- и 12-фунтовые пушки, теперь вводят так называемую гаубичную пушку Луи-Наполеона — простое легкое 12-фунтовое орудие, способное стрелять также небольшими бомбами и предназначенное заменить все другие виды полевых орудий. Английская армия имеет в колониях 3- и 6-фунтовые орудия, но в войсках, отправляемых за пределы Англии, теперь используются только 9-, 12- и 18-фунтовые. В Крыму англичане имели даже полевую батарею 32-фунтовых орудий, но она всегда глубоко увязала в земле.

Общая организация современных армий весьма однотипна. За исключением английской и американской, армии комплектуются путем принудительного набора, основанного либо на рекрутском наборе — в этом случае лица, отслужив в армии определенный срок, освобождаются до конца своей жизни, — либо на системе резервов, когда срок действительной службы короток, но уволенные в запас подлежат в дальнейшем новому призыву в армию на известный срок. Франция представляет собой наиболее яркий пример первой системы, Пруссия — второй. Даже в Англии, где как регулярные, так и милиционные войска обычно комплектуются путем записи добровольцев, в том случае, если последних не хватает, законом предусмотрено пополнение милиции путем рекрутского набора (или жеребьевки). В Швейцарии вовсе нет постоянной армии; все ее вооруженные силы состоят из милиции, обучающейся лишь короткое время. Вербовка иностранных наемников до сих пор еще является правилом в некоторых странах: Неаполь и папа и поныне имеют свои швейцарские полки, французы — иностранный легион, а Англия, в случае серьезной войны, обычно вынуждена прибегать к этому средству. Срок действительной службы весьма различен: он равен двум неделям у швейцарцев, от 18 месяцев до 2 лет в небольших германских государствах, 3 годам в Пруссии, и доходит до 5 — 6 лет во Франции, 12 лет в Англии и 15 — 25 лет в России. Офицеры комплектуются различными способами. В большинстве армий в настоящее время

не существует никаких юридических препятствий к производству в офицеры из рядовых, но на практике таких препятствий бывает очень много. Во Франции и Австрии известная часть офицеров должна пополняться из числа унтер-офицеров; в России отсутствие достаточного количества образованных кандидатов делает это необходимым. В Пруссии экзамен на получение в мирное время патента на офицерский чин служит преградой для недостаточно образованных людей; в Англии производство в офицеры из рядовых является редким исключением. Для подготовки остальной части офицеров в большинстве стран существуют военные школы, хотя повсюду, за исключением Франции, прохождение курса обучения в них не является обязательным. В отношении военного образования впереди идут французские офицеры, в отношении образования общего — прусские; англичане и русские в том и другом отношении стоят на последнем месте. Что касается необходимых для армии лошадей, то, как нам кажется, Пруссия представляет собой единственную страну, в которой конский состав тоже подлежит принудительному набору, причем владельцы лошадей получают за них определенную плату. За указанными выше исключениями, вооружение и снаряжение современных армий в настоящее время повсюду почти одинаковы. Существует, разумеется, большое различие в качестве и в отделке материальной части армий. В этом отношении русские стоят на последнем месте, а англичане, которые действительно используют преимущества своей развитой промышленности, стоят выше всех.

Пехота во всех армиях разделяется на пехоту линейную и легкую. Первый вид является правилом и составляет основную массу пехоты, настоящая легкая пехота — всюду исключение. Из легкой пехоты в наше время лучшая по качеству и наиболее многочисленная бесспорно французская: она состоит из 21 батальона стрелков, 9 батальонов зуавов и 6 батальонов алжирских туземных стрелков. Австрийская легкая пехота, особенно стрелки, тоже очень хороша; она насчитывает 32 батальона. Пруссаки имеют 9 батальонов егерей и 40 батальонов легкой пехоты; последняя, однако, недостаточно отвечает своему специальному назначению. У англичан нет настоящей легкой пехоты, если не считать их 6 батальонов стрелков; и они, после русских, несомненно наименее пригодны для такого рода службы. У русских, можно сказать, нет какой-либо настоящей легкой пехоты, ибо имеющиеся у них 6 батальонов стрелков теряются в их громадной армии.

Кавалерия также подразделяется повсюду на тяжелую и легкую. Кирасиры всегда относятся к тяжелой, гусары, стрелки,

chevaux-legers* — к легкой кавалерии. Драгуны и уланы в некоторых армиях считаются легкой кавалерией, в других — тяжелой; русские не имели бы совсем легкой кавалерии, не будь у них казаков. Наилучшей легкой кавалерией является несомненно австрийская — национальные венгерские и польские гусары. Такое же деление существует и в артиллерии, за исключением французской, в которой, как отмечают, имеется лишь один калибр. В других армиях до сих пор еще различаются легкие и тяжелые батареи в зависимости от калибра их орудий. Легкая артиллерия все еще делится на конную и пешую, причем первая специально предназначается для действий совместно с кавалерией. Австрийцы, как указывалось, не имеют конной артиллерии; англичане и французы не имеют пешей артиллерии в собственном смысле слова, ее орудийная прислуга посажена на передки и зарядные ящики.

Пехота сводится в роты, батальоны и полки. Батальон является тактической единицей; он служит той формой, в которой войска ведут бой, если не считать немногих исключительных случаев. Поэтому батальон не должен быть численно слишком велик, чтобы его командир мог управлять им с помощью голоса и зрительной связи, но должен быть и не слишком малочисленным, чтобы он мог действовать в бою как самостоятельная единица, даже после потерь, понесенных в ходе кампании. Поэтому численность батальона колеблется от 600 до 1400 человек; в среднем она равняется 800 — 1000 человек. Деление батальона на роты имеет целью закрепление его эволюционных подразделений, лучшее обучение солдат элементам военной службы и более удобное хозяйственное управление. На практике роты играют роль самостоятельных единиц только при перестрелке, а у пруссаков — при построении в ротные колонны, когда каждая из четырех рот образует колонну в три взвода; этот строй предполагает большие по численности роты, и в Пруссии рота насчитывает 250 человек. Количество рот в батальоне колеблется, как и их численность. Английский батальон имеет 10 рот, по 90 — 120 человек, русский и прусский батальоны — 4 роты по 250 человек, французский и австрийский — 6 рот различной численности. Батальоны сводятся в полки, больше в административных и дисциплинарных целях, а также для обеспечения единообразия в обучении, чем с какой-либо тактической целью; поэтому в формированиях военного времени батальоны одного и того же полка часто отделены друг от друга. В России и Австрии каждый полк имеет 4, в Пруссии — 3, во Франции — 2

* — всадники легкой кавалерии. *Ред.*

строевых батальона, не считая учебно-запасных подразделений; в Англии большинство полков в мирное время состоит лишь из одного батальона. Кавалерия разделена на эскадроны и полки. Эскадрон, численностью от 100 до 200 человек, составляет тактическую и административную единицу; одни только англичане подразделяют эскадрон в административных целях на 2 роты. В полку обычно насчитывается от 3 до 10 строевых эскадронов; у англичан полк в мирное время имеет лишь 3 эскадрона, примерно по 120 всадников в каждом; у пруссаков — 4 эскадрона по 150 всадников, у французов — 5 эскадронов по 180 — 200 всадников, у австрийцев — 6 или 8 эскадронов по 200 всадников, у русских от 6 до 10 эскадронов по 150 — 170 всадников. В кавалерии единицей тактического значения является полк, ибо он располагает средствами для самостоятельной атаки, причем эскадроны поддерживают друг друга; поэтому кавалерийский полк формируется в достаточно многочисленном составе, насчитывая от 500 до 1600 всадников. Только у англичан полки столь малочисленны, что они вынуждены соединять 4 или 5 таких полков в одну бригаду; с другой стороны, австрийские и русские полки во многих случаях имеют ту же численность, что и средняя бригада. Французы имеют номинально очень большой численный состав полков, но до сих пор они появлялись на поле сражения в значительно уменьшенном составе, ввиду недостатка у них лошадей. Артиллерия сводится в батареи; сведение в полки или бригады практикуется для этого рода войск только в мирное время, ибо в период боевых действий батареи почти во всех случаях оказываются отделенными друг от друга и всегда используются именно в таких условиях, Наименьшее количество орудий в батарее — 4, но у австрийцев оно доходит до 8, французы и англичане имеют по б орудий в батарее. Стрелки и другие виды настоящей легкой пехоты организованы обычно только в батальоны и роты, но не в полки; характер этого рода войск несовместим с объединением их в крупные единицы. То же самое относится к саперам и минерам, которые составляют вдобавок лишь весьма незначительную часть армии. Исключение в данном случае представляют одни французы; но их 3 полка саперов и минеров насчитывают всего лишь 6 батальонов. В мирное время в большинстве армий обычно высшей единицей формирования считается полк. Более крупные единицы — бригады, дивизии, армейские корпуса — формируются, в большинстве случаев, когда вспыхивает война. Только русские и пруссаки имеют до конца организованные армии, укомплектованные высшим командным составом, как и во время войны. Но в Пруссии это носит чисто иллюзорный

характер до тех пор, пока не произведена мобилизация по крайней мере целого армейского корпуса, что предполагает призыв ландвера целой провинции; если в России войска действительно сведены в полки, то все же последняя война* показала, что первоначальные дивизии и корпуса весьма скоро оказывались перемешанными, так что преимущества такой организации имеют значение скорее для мирного, чем для военного времени.

Во время войны несколько батальонов или эскадронов соединяется в бригаду: в пехоте — от 4 до 8 батальонов, в кавалерии — от 6 до 20 эскадронов. Там, где существуют крупные кавалерийские полки, последние вполне могут заменять бригады, но весьма часто их численность уменьшается в результате выделения отрядов для дивизий. Легкая и линейная пехота могут быть с некоторой выгодой соединены в одной бригаде, но этого нельзя сделать в отношении легкой и тяжелой кавалерии. Австрийцы почти всегда придают каждой бригаде по одной батарее. Несколько бригад образуют дивизию. В большинстве армий дивизия состоит из всех трех родов войск, например: из 2 бригад пехоты, из 4 — 6 эскадронов кавалерии и 1 — 3 батарей. Французы и русские совсем не вводят кавалерию в состав своих дивизий, англичане формируют их исключительно из пехоты. Поэтому, если эти нации не хотят вести борьбу в невыгодных для себя условиях, они должны придавать кавалерию (и соответственно артиллерию) дивизиям всякий раз, когда представляется случай; а этот случай легко упустить, да и нередко бывает трудно или невозможно использовать. Сравнительная численность дивизионной кавалерии, однако, повсюду незначительна, а потому остальная часть этого рода войск сводится в кавалерийские дивизии, в составе 2 бригад каждая, с целью создания кавалерийского резерва, Две или 3 дивизии, а иногда и 4, составляют в более крупных армиях армейский корпус, Такой корпус всегда имеет свою кавалерию и артиллерию, даже тогда, когда их не имеют дивизии; а в тех случаях, когда последние представляют собой смешанные формирования, все же имеется резерв из кавалерии и артиллерии, находящийся в распоряжении командующего корпусом. Наполеон первым создал такой корпусной резерв и, не довольствуясь этим, организовал всю оставшуюся кавалерию в резервный кавалерийский корпус из 2 или 5 дивизий кавалерии с конной артиллерией. Русские сохранили такую же организацию для своей резервной кавалерии; остальные армии, по-видимому, вновь

* Крымская война 1853 — 1856 годов. *Ред.*

прибегнут к ней в случае серьезной войны, хотя достигнутые результаты так и не были пропорциональны той громадной массе всадников, которая таким образом сосредоточивалась в одном пункте. Такова современная организация боевой части армии. Но, несмотря на упразднение палаток, магазинных складов, полевых пекарен и провиантских фургонов, армию все еще сопровождает большой обоз из нестроевых и повозок, необходимых для обеспечения боеспособности армии во время кампании. Для того чтобы дать об этом некоторое представление, мы укажем здесь, какой обоз, согласно существующим уставам, требуется для одного армейского корпуса прусской армии:

Артиллерийский парк: 6 парковых колонн в 30 повозок, 1 парковая лаборатория на 6 повозках.

Понтонный парк: 34 понтонных повозки, 5 повозок с инструментами, 1 кузница.

Пехотный обоз: 116 повозок, 108 упряжек лошадей.

Санитарный обоз: 50 повозок (на 1600 или 2000 больных).

Резервный интендантский обоз: 159 повозок.

Резервный обоз: 1 повозка, 75 запасных лошадей.

Всего 402 повозки, 1791 лошадь, 3000 человек.

Чтобы дать возможность командующим армиями и армейскими корпусами и командирам дивизий руководить, каждому в пределах его компетенции, вверенными им войсками, во всех армиях, кроме английской, создана особая служба, состоящая исключительно из офицеров и называемая штабом. В задачу этих офицеров входят разведка и глазомерная съемка местности, по которой передвигается или может передвигаться армия; помощь в выработке плана операций и такое уточнение его деталей, чтобы не было потери времени, не возникало среди войск беспорядка и не происходило их бесцельного изматывания. Эти офицеры, таким образом, занимают весьма важное положение и должны обладать вполне законченным военным образованием, а также отличным знанием возможностей каждого рода войск в походе и в бою. Поэтому во всех странах они набираются из числа наиболее способных лиц и тщательно обучаются в высших военных школах. Только англичане воображают, что каждый младший или старший офицер, взятый из любой части армии, пригоден для такой должности; в результате этого английские штабы стоят на самом низком уровне, армия же способна выполнять лишь самые медленные и простые маневры, в то время как командир, если он вообще отличается добросовестностью, вынужден сам проделывать всю штабную работу.

Дивизия редко может располагать более чем одним штабным офицером; армейский корпус имеет свой собственный штаб под начальством старшего или штабного офицера, а армия располагает полным штабом с несколькими генералами, находящимися в подчинении у особого начальника, который в случае необходимости отдает приказания от имени командующего армией. В английской армии начальнику штаба подчинены генерал-адъютант и генерал-квартирмейстер; в других армиях генерал-адъютант является в то же время начальником штаба. Во Франции начальник штаба соединяет в своем лице обе эти функции и для осуществления каждой из них имеет в своем ведении специальный отдел. Генерал-адъютант является начальником личного состава армии; он принимает рапорты от всех подчиненных отделов и воинских единиц и ведает всеми вопросами, касающимися дисциплины, обучения, формирования, снаряжения, вооружения и т. п. Все подчиненные сносятся с командующим армией через его посредство. Если он совмещает и должность начальника штаба, то он вместе с командующим армией составляет и разрабатывает планы операций и передвижений армии. Надлежащая детальная разработка планов передвижения является обязанностью генерал-квартирмейстера: им разрабатываются все подробности маршей, расквартирования, лагерного расположения. К главной квартире прикомандировано необходимое количество штабных офицеров для разведки местности, для составления планов обороны или атаки позиций и т. п. Кроме того существуют еще должности главного начальника артиллерии и начальника инженерной службы, ведающих соответствующими отделами; затем имеется несколько помощников начальника штаба, представляющих начальника в различных пунктах на поле сражения, и некоторое количество офицеров для связи и ординарцев для передачи приказов и донесений. К главной квартире, далее, относятся также начальник интендантства и его канцелярские служащие, казначей армии, начальник медицинской службы и военный прокурор, или начальник военно-юридической службы. Штабы армейских корпусов и дивизий организованы по этому же образцу, но они значительно проще и имеют меньший штат; штабы бригад и полков еще малочисленное, а штаб батальона может состоять лишь из командира батальона, его адъютанта, одного офицера, выполняющего обязанности казначея, унтер-офицера в качестве писаря и барабанщика или горниста.

Для содержания вооруженных сил крупной нации и управления ими требуются многочисленные учреждения, кроме уже названных. Существуют чиновники для производства рекрут-

ских наборов и для пополнения армии конским составом, причем последние часто связаны с администрацией государственных конных заводов; военные школы для офицеров и унтер-офицеров, учебные батальоны, эскадроны и батареи, школы верховой езды и школы для ветеринарных врачей. В большинстве стран существуют государственные литейные мастерские и предприятия для производства ручного огнестрельного оружия и пороха; имеются различные казармы, арсеналы, склады, крепости со своим оборудованием и своим штатом офицеров, которые командуют ими; наконец, имеются интендантство и генеральный штаб армии, которые, обслуживая все вооруженные силы страны, гораздо более многочисленны и должны выполнять гораздо более важные функции, чем штаб и интендантство отдельной действующей армии. Особенно важные обязанности лежат на штабе. Он делится обыкновенно на исторический отдел (собирающий материалы по истории войн, по организации армий и пр. в прошлом и настоящем), топографический отдел (на который возложены составление карт и топографическая съемка всей страны), статистический отдел и т. п. Все эти учреждения, как и все вооруженные силы, подчинены военному министерству, организованному в разных странах по-разному, но имеющему, как должно быть видно из предыдущих замечаний, весьма широкий круг обязанностей. В качестве примера приведем организацию французского военного министерства. Оно состоит из семи управлений, или отделов: 1) личного состава, 2) артиллерийского, 3) инженерно-крепостного, 4) интендантского, 5) по делам Алжира, 6) военного депо (военно-исторический, военно-топографический отделы и т. д. и отделы штаба), 7) военно-финансового, Непосредственно при министерстве находятся следующие совещательные комитеты, составленные из генералов, старших офицеров и специалистов: комитеты по личному составу пехоты, кавалерии, артиллерии, фортификационной службы, военно-медицинской службы, а также комитеты по ветеринарии и организации общественных работ. Таков тот огромный механизм, который создан для комплектования, пополнения конским составом, снабжения провиантом современной первоклассной армии, для управления ею и для ее постоянного воспроизводства. Такая организация соответствует большому количеству собранных в армиях людей. Хотя громадная армия, которую в 1812 г. имел Наполеон, — 200000 человек в Испании, 200000 человек во Франции, Италии, Германии и Польше и 450000 человек с 1300 пушек при вторжении в Россию, — никогда еще не была превзойдена, хотя по всей вероятности мы никогда не увидим снова подобную армию в 450000 человек, сосредоточенную для

одной только операции, все же каждое из крупных континентальных государств Европы, в том числе и Пруссия, может набрать, вооружить и обучить армию в 500000 человек и даже больше; хотя армии этих государств составляют но более $1^1/_2$% — 3% всего их населения, все же никогда в истории они не достигали таких размеров.

Военная система Соединенных Штатов строит защиту страны в основном на милиционных войсках отдельных штатов и на армиях добровольцев, собираемых, когда этого требуют обстоятельства; постоянные вооруженные силы, используемые главным образом для поддержания порядка среди индейских племен Запада, насчитывают, согласно отчету военного министра, в 1857 г. лишь около 18000 человек.

Написано Ф. Энгельсом в августе — не позднее 24-го сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II. 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АДЪЮТАНТ

Адъютант — помощник, или aide-de-camp, командира большой или малой войсковой единицы. Обычно адъютанта имеет каждый командир пехотного батальона или кавалерийского полка; командиры бригад и дивизий и командующие corps d'armee*, а также главнокомандующий имеют в зависимости от ранга одного или более адъютантов. В обязанности адъютанта входит передавать по назначению приказы своего начальника и следить за их выполнением, а также получать или собирать адресованные его начальнику донесения. Таким образом, в его ведении в значительной мере находится внутренний распорядок соответствующей войсковой единицы. Он устанавливает очередность несения службы между ее составными частями и отдает ежедневные приказы; в то же время он является своего рода секретарем своего начальника, ведет переписку с нижестоящими и вышестоящими командирами, организует составление ежедневных отчетов и рапортов в форме сводок, ведет дневник и учетную ведомость своей войсковой единицы. В более крупных войсковых единицах в настоящее время обычно имеется постоянный штаб, выделенный из общего штаба армии и возглавляемый «начальником штаба», который берет на себя более сложные обязанности адъютанта, оставляя последнему только передачу приказов и регулирование внутренней службы в данном соединении. Однако распределение обязанностей в этих случаях настолько различно в разных армиях, что здесь невозможно охарактеризовать его даже в общих чертах. Так,

* — армейских корпусов. *Ред.*

например, нельзя назвать и двух армий, в которых обязанности адъютанта командующего corps d'armee были бы совершенно одинаковы. Помимо этих реальных адъютантов почти во всех государствах Европы в соответствии с потребностями монархических учреждений возникло множество лиц, титулующихся генерал-адъютантами при монархе, обязанности которых мнимые, кроме тех случаев, когда они несут службу при особе своего монарха; но даже в этих случаях их функции носят чисто формальный характер.

Написано Ф. Энгельсом между 11 июля и 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

АЛЬБУЭРА

Альбуэра — деревня и небольшая речка в испанской провинции Эстремадура, милях в 12 к юго-востоку от Бадахоса. Весной 1811 г. англичане обложили Бадахос, находившийся в то время в руках французов, и предприняли весьма энергичную осаду этой крепости[48]. Бересфорд примерно с 10000 английских и немецких и 20000 испанских и португальских солдат прикрывал осаду у Альбуэры. Сульт выступил с той частью андалузской армии, которую можно было для этого использовать, и 16 мая атаковал его. Правый фланг англичан был расположен на круглой возвышенности, седловидное продолжение которой тянулось вдоль их центра и левого фланга. С фронта позицию прикрывала река Альбуэра. Сульт сразу понял, что этот круглый холм является командующей точкой и ключом ко всей позиции; поэтому в центре и против левого фланга он лишь занял позиции, а атаку en masse* подготовил против правого фланга англичан. Бересфорд, несмотря на возражения своих офицеров, расположил почти все английские и немецкие войска в центре и на левом фланге, так что оборона холма была возложена почти исключительно на испанских новобранцев. Поэтому, когда пехота Сульта пошла в атаку на холм густыми сосредоточенными колоннами, испанцы очень скоро отступили, и вся английская позиция сразу оказалась обойденной, В этот критический момент, после того как Бересфорд несколько раз отказывался послать на правый фланг английские или немецкие части, один из подчиненных ему офицеров его штаба** на свою

* — основной массой. *Рвд.*
** — Хардинг. *Ред*.

ответственность отдал приказ о наступлении примерно 7000 английских солдат. Они развернулись позади седловидной высоты, смели своим огнем первые французские батальоны, и, подойдя к холму, обнаружили, что он занят довольно нестройной группой глубоких колонн, которым негде было развернуться. Англичане двинулись на эти колонны. Огонь их развернутой линии произвел убийственное действие на густые массы; и когда англичане, наконец, перешли в штыковую атаку, французы в беспорядке бежали вниз по склону холма. Этот завершающий удар стоил англичанам около четырех пятых состава их войск — таковы были их потери убитыми и ранеными. Но исход сражения был решен, и Сульт отступил, хотя несколько дней спустя осада Бадахоса и была снята.

Написано Ф. Энгельсом между 11 июля и 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

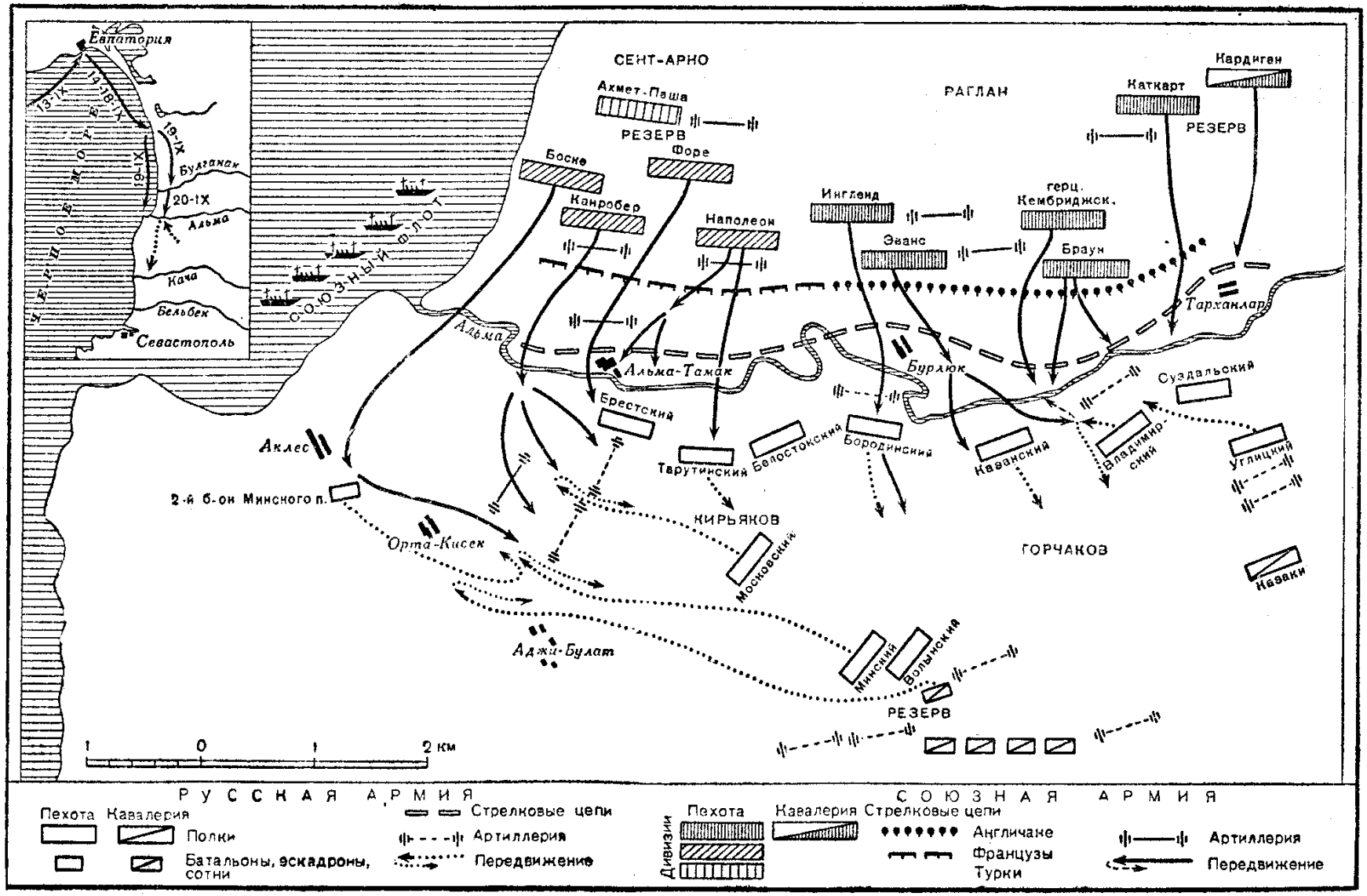
АЛЬМА

Альма — небольшая река в Крыму, текущая с возвышенной местности в окрестностях Бахчисарая в западном направлении я впадающая в Каламитский залив, между Севастополем и Евпаторией. Южный берег этой реки, который круто поднимается в направлении к ее устью и на всем протяжении господствует над противоположным берегом, был избран князем Меншиковым во время последней русско-турецкой войны в качестве оборонительной позиции для отражения атаки союзных армий, только что высадившихся в Крыму.

Находившиеся под его командованием войска насчитывали 42 батальона, 16 эскадронов, сотню казаков и 96 орудий, всего 35000 человек. 14 сентября 1854 г. союзники высадили несколько севернее Альмы 28000 французов (четыре дивизии), 28000 англичан (пять пехотных дивизий и одну кавалерийскую) и 6000 турок. Их артиллерия имела ровно столько же пушек, сколько русская — 72 французских и 24 английских. Позиция русских казалась очень сильной, но в действительности имела много слабых пунктов. Ее фронт был растянут почти на 5 миль — протяжение чрезмерное для небольшого числа войск, которыми располагал Меншиков. Правое крыло не имело никакой опоры, между тем как левое (в силу присутствия союзного флота, державшего побережье под огнем) не могло довести свои позиции до самого моря и потому страдало от того же недостатка. На этом и был построен план союзников. Они предполагали отвлечь внимание русских ложными атаками с фронта, а в это время французы, под прикрытием пяти флотилий, должны были обойти левый фланг русских, англичане же, под прикрытием своей кавалерии, — их правый фланг.

Атака была произведена 20 числа. Она намечалась на рассвете, но, вследствие медлительности англичан, французы не отважились заранее перейти реку раньше этого времени. На крайнем правом фланге французов дивизия Боске переправилась через реку, почти всюду проходимую вброд, и взобралась на крутые склоны южного берега, не встретив никакого сопротивления. С большими усилиями удалось также поднять на плато 12 орудий. Влево от Боске Канробер переправил свою дивизию через реку и стал развертываться на возвышенности, в то время как дивизия принца Наполеона занялась очисткой от русских стрелков садов, виноградников и домов в деревне Альма. Всем этим атакам, произведенным силами 29 батальонов, Меншиков противопоставил в своей первой и второй линиях только 9 батальонов, в подкрепление которым скоро подошли еще 7, Эти 16 батальонов, поддержанные 40 орудиями и 4 эскадронами гусар, должны были выдерживать всю тяжесть атаки неизмеримо превосходивших их по численности французов, которые вскоре были поддержаны остальными 9 батальонами дивизии Форе. Таким образом все войска маршала Сент-Арно были введены в бой, за исключением турок, оставленных в резерве. Результат не заставил себя ждать. Русские стали постепенно сдавать и отступили, сохраняя такой порядок, какой только был возможен. Тем временем начали свою. атаку англичане. Примерно в 4 часа залпы орудий Боске с вершины плато, на левом фланге русской позиции, дали знать, что бой завязался не на шутку; приблизительно через час английская стрелковая цепь атаковала русскую. Англичане отказались от плана обхода правого крыла русских, так как русская кавалерия, и без казаков в два раза превосходившая английскую своей численностью, прикрывала это крыло и даже угрожала левому флангу англичан. Вследствие, этого лорд Раглан решил повести против русских прямую фронтальную атаку. Он обрушился на их центр, имея в первой линии легкую дивизию Брауна и дивизию Эванса. Две дивизии, герцога Кембриджского и генерала Ингленда, составляли вторую линию, тогда как резерв (дивизия Каткарта), поддерживаемый кавалерией, следовал позади левого крыла. Первая линия развернулась, атаковала расположенные перед ней две деревни и, выбив русских, перешла Альму, Здесь описания расходятся. Англичане решительно настаивают на том, что их легкая дивизия достигла бруствера, за которым русские поставили свою тяжелую артиллерию, но здесь была отброшена. Русские же утверждают, что легкой дивизии не удалось даже полностью переправиться через реку, а не то что достичь кручи, на которой был расположен бруствер. Во всяком случае вторая

СРАЖЕНИЕ НА р. АЛЬМЕ 20 СЕНТЯБРЯ 1854 г.



линия двигалась непосредственно за первой; она развернулась, должна была опять построиться в колонну, чтобы перейти Альму и подняться на высоты; затем она развернулась вновь и, после нескольких залпов, пошла в атаку. Прежде всего именно дивизия герцога Кембриджского (гвардия и шотландцы) пришла на выручку легкой дивизии. Эванс, хотя и продвигался медленно, все же не был отброшен, поэтому дивизии Ингленда, действовавшей у него в тылу, едва ли пришлось оказать ему какую-либо поддержку. Бруствер был взят гвардией и шотландцами и после короткого, но ожесточенного боя позиция была оставлена русскими. 18 русских батальонов имели здесь дело против такого же количества английских, и если английские батальоны численно превосходили русские примерно на 50 человек каждый, то русские с избытком возмещали этот численный перевес превосходством своей артиллерии и силой своей позиции. Тем не менее, огонь английской пехоты, вообще известный своим уничтожающим действием, был особенно смертоносным в данном случае. Большая часть участвовавших в сражении войск была вооружена винтовкой Минье, и ее пули, пробивная сила которых позволяла поражать сразу целые ряды, были особенно губительны для глубоких русских колонн. Русские, вся пехота которых, за исключением 6 батальонов, была введена в дело, не могли рассчитывать отразить новую волну атаки и вышли из боя; отступление под прикрытием кавалерии и легкой артиллерии, а также небольшого пехотного резерва, совершалось беспрепятственно. Англичане в этом сражении, бесспорно, дрались лучше других, но они применили свой обычный неуклюжий способ маневрирования, развертываясь, строясь в колонны и вновь развертываясь под огнем неприятеля без всякой на то надобности, вследствие чего они теряли и время, и людей. В результате этого сражения незащищенная территория Крыма, пока русские оставались без подкреплений, была в полной власти союзников и они открыли себе путь на Севастополь. Из первого преимущества они не извлекли для себя никакой выгоды, зато без промедления воспользовались вторым.

Написано Ф. Энгельсом между 11 июля и 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АРКЕБУЗ

Аркебуз — от французского arquebuse, иногда пишется, но неправильно, harquebuse, а в искаженной форме у англичан, особенно на границах Шотландии, hagbut или hackbut — самая ранняя разновидность мушкета, которая действительно оказалась пригодной на поле боя для военных целей. Еще во времена битвы при Босуэрте в 1485 г.[49] он был применен под названием ручной бомбарды, которая представляла собой не что иное, как короткий железный цилиндр, закрытый с одного конца чем-то вроде казенной части и имевший запал; бомбарда закреплялась на конце крепкой деревянной подставки, подобной древку копья или алебарды. Это ручное огнестрельное оружие, или миниатюрная пушка, заряжалось самодельными пулями, или небольшими ядрами, прилегавшими к заряду из крупного пороха; выстрел производился с помощью фитиля, который прикладывали к запальному отверстию. Оружие клалось на плечо солдата переднего ряда — пикинера или алебардиста, — направлялось с помощью рукоятки, и из него стрелял, конечно, без прицеливания, солдат заднего ряда. Даже в еще более ранний период, во времена битвы при Азенкуре, согласно хронике Холла, британцы были вооружены «огнестрельным ручным оружием»[50]. Однако это старинное огнестрельное оружие было до того громоздким и медленным в действии, что несмотря на страшный шум, который оно производило, и его необычайный вид, оно давало мало, или вовсе не давало никакого эффекта, В царствование Генриха VIII, несмотря на то, что в ранний период этого царствования сражение при Павии и было выиграно с помощью огня испанских аркебузиров, большой лук все еще

оставался лучшим оружием, благодаря его меткости, дальности действия и пробивной силе. Даже в царствование Елизаветы о большом луке говорили как о «королеве оружия», хотя в ее армии и были мушкетеры и она послала на помощь французскому королю Генриху IV отряд конных аркебузиров под командованием полковника Джемса, предка известного романиста*. Во время ее царствования это оружие было значительно усовершенствовано, хотя и продолжало оставаться до того длинным и громоздким, что из него можно было стрелять только с вилкообразной подставки, воткнутой в землю перед стрелком; это необходимое приспособление снабжалось иногда остриями пик или алебард, с тем чтобы, укрепив его в наклонном положении в земле, можно было использовать его в качестве палисада.

Стволы этих старинных аркебузов чрезвычайно длинны, они изготовлялись из очень прочного металла и обычно мелкого калибра, а некоторые из них уже имели нарезы; таким, например, является хранящийся и по сей день во дворце Гамильтон в Шотландии аркебуз, из которого Гамильтон из Ботуэлхо застрелил в 1570 г. регента Меррея. Выстрелы из них производились с помощью крученого шнура, или фитиля, из обработанной пеньки, пропущенного под курок, подобный тому, который применяется в современном кремневом замке; фитиль, освобождаемый нажатием спускового крючка, выбрасывал зажженный конец на полку и разряжал аркебуз. Со временем фитильный замок уступил место колесцовому замку, в котором кремень укреплялся неподвижно над полкой, а колесцо с насечкой у его кромки приводилось в быстрое вращение с помощью пружины так, чтобы высекать дождь искр на находящийся под ним порох. За колесцовым замком последовал так называемый пружинный замок. Это были первые грубые зачатки кремневого и стального замка, который был столь усовершенствован Джозефом Мантоном и всего несколько лет как совершенно вытеснен пистоном — наиболее быстрым и надежным средством для воспламенения, какой только можно себе представить. Пружинный замок вошел в употребление во время гражданских войн в Англии[51] для небольших пистолетов, охотничьих ружей и отборных мушкетонов, но вследствие редкости и высокой цены это оружие не нашло широкого применения; мм пользовались только дворяне и офицерский состав, в то время как фитильный мушкет продолжал оставаться оружием рядовых. Примечательно, что в самой выделке ствола и точности направления полета пули с момента первого изобретения усовершенствованного

* — Дж. П. Р. Джемса. *Ред.*

аркебуза вплоть до самого недавнего времени было достигнуто гораздо меньше прогресса, чем можно было бы предположить. Трудность точного прицеливания возникала, по-видимому, исключительно из-за несовершенного способа стрельбы, громоздкости оружия и исключительной медленности воспламенения, ибо многие стволы аркебузов весьма давнего происхождения, в особенности испанского производства, переделанные в соответствии с принципом ударного действия, снабженные новым ложем и соразмерно измененные в длине, стреляют, как оказалось, очень метко и даже с необычайной пробивной силой на больших дистанциях.

Написано Ф. Энгельсом между 11 июля и 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЭРИ [52]

Эри, сэр Ричард, кавалер ордена Бани 2-й степени — генерал-майор, в настоящее время генерал-квартирмейстер английской армии. Начал военную службу в 1821 г. в чине прапорщика, в 1825 г. был произведен в капитаны, в 1851 г. — в подполковники; в этом чине принял в 1854 г. командование одной из бригад армии, посланной на Восток. Накануне отправления крымской экспедиции из Варны он был в сентябре 1854 г. назначен генерал-квартирмейстером экспедиционных сил; занимая этот пост, он явился одним из тех шести или восьми офицеров, которых обвиняют в том, что они под командой лорда Раглана довели английскую армию до гибели посредством рутины, формализма при выполнении обязанностей, отсутствия здравого смысла и инертности. На долю Эри выпало установление норм, по которым между полками распределялись различные предметы лагерного снаряжения: палатки, шинели, одеяла, обувь. Согласно его собственному признанию (перед следственной комиссией в Челси),

«начиная с первой недели декабря 1854 г., не было ни одного дня, когда в Балаклаве отсутствовали бы значительные запасы теплой одежды, и в то же время на фронте в окопах некоторые полки жестоко страдали от недостатка именно этих предметов, которые хранились для них на расстоянии каких-нибудь 7 — 8 миль».

Но это, заявляет он, не его вина, так как получить его подпись, санкционирующую выдачу таких предметов, никогда не представляло ни малейшего затруднения. Напротив, он ставит себе в заслугу то, что по мере возможности сократил и упростил установленную процедуру утверждения, частичного удовлетворения или отклонения поступавших к нему из дивизий и полков заявок.

Написано Ф. Энгельсом между 11 июля и 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

АСПЕРН

Асперн и *Эслинг* — город и селение на северном берегу Дуная; первый на расстоянии около полулиги*, второе — около 2 лиг ниже Вены, оба расположены на большой, покрытой лугами равнине Мархфельд, простирающейся от реки до лесистых горных высот Бизамберга; знамениты ожесточеннейшим двухдневным сражением между французами и австрийцами 21 и 22 мая 1809 г. и первым поражением императора Наполеона, который был разбит здесь эрцгерцогом Карлом и вынужден отступить.

В начале кампании Наполеон, во главе большой армии[53], продвинулся через Тироль вверх по рекам Инну и Изару, разбил эрцгерцога Карла при Экмюле, принудил его при Регенсбурге, который Наполеон взял штурмом, отступить за Дунай в Богемские горы, заняв, таким образом, позицию между австрийской армией и столицей[54]. После этого, выделив Даву с 40000 человек, чтобы отвлечь внимание австрийского генерала, он спустился вниз по Дунаю и овладел Веной. Между тем его помощники Евгений Богарне и Макдональд победоносно продвигались из Италии через Далмацию, Крайну и вверх по долине Мура, — где ими был наголову разбит Елачич, — на соединение со своим главнокомандующим. Тем временем эрцгерцог Карл, медленно двигавшийся после поражения при Экмюле вниз по северному берегу реки, надеясь, что ему представится случай дать удачное сражение и спасти империю под стенами самой столицы, занял со своей армией позицию на

* Лига равна 4,83 *км. Ред.*

Бизамберге, выше острова Лобау и другого еще меньшего островка, разделяющих здесь Дунай на четыре русла.

Эрцгерцог, во главе армии в 100000 человек, с часу на час ожидал присоединения своего брата эрцгерцога Иоганна с армией в 40000 человек, которая была бы увеличена до 60000, если бы эрцгерцог Иоганн, согласно полученному им точному предписанию, соединился с Коловратом у Линца, и которая должна была бы занять позицию, расположенную на самом высоком месте в тылу Наполеона, на главной линии его коммуникаций.

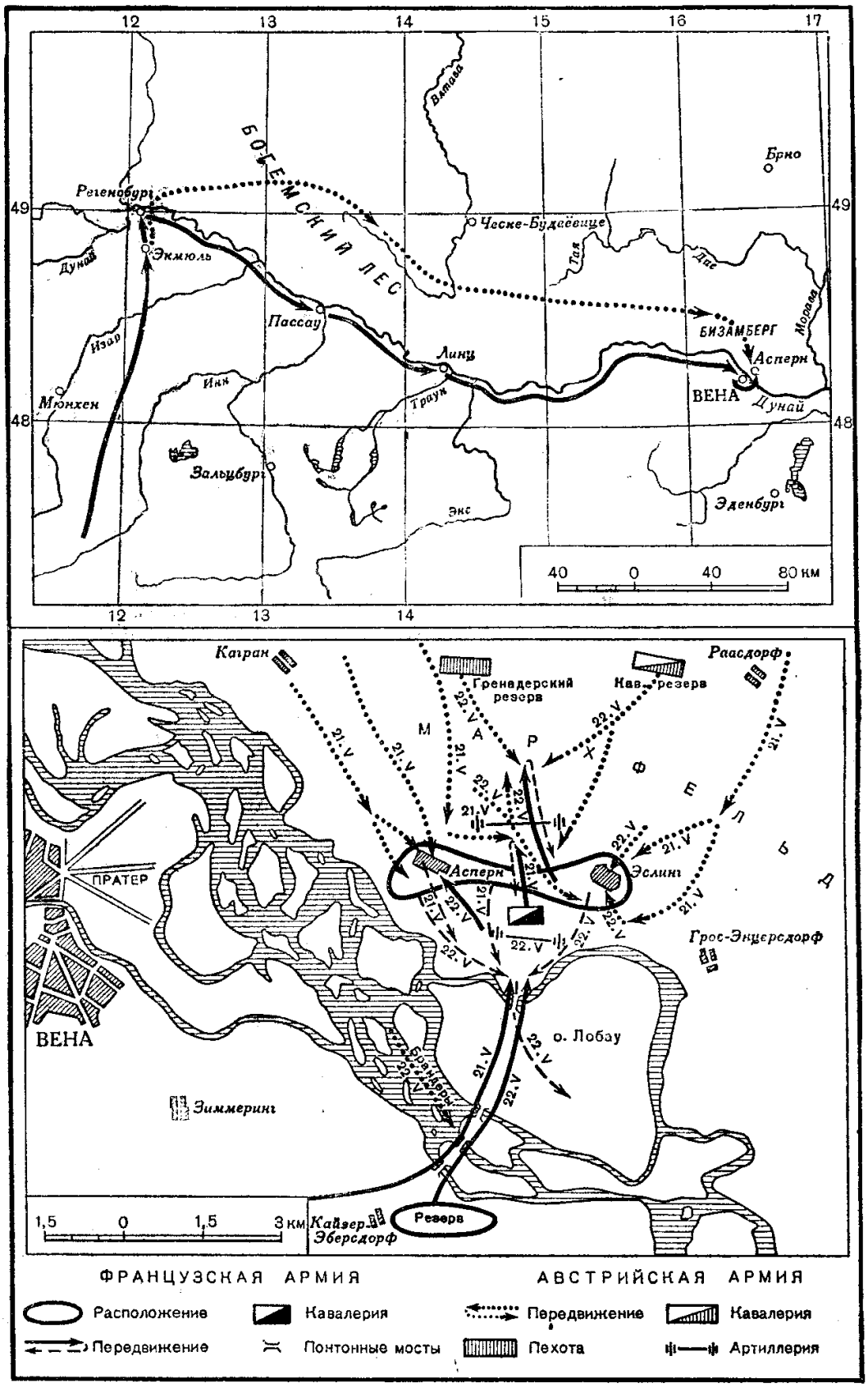
Наполеон, сосредоточивший под своим личным командованием 80000 превосходных, готовых к бою солдат, в том числе императорскую гвардию и кавалерийский резерв Бесьера, намеревался перейти Дунай и дать эрцгерцогу сражение, в надежде уничтожить его до прибытия к нему подкреплений. С этой целью он приказал навести с правого берега реки на остров Лобау мост, построенный из самых прочных материалов на 68 больших лодках и 9 огромных плотах, а с Лобау на Мархфельд, в месте, расположенном на полпути между населенными пунктами Асперн и Эслинг, — более легкий понтонный мост; утром 21 он с величайшим рвением и тщательностью начал переправлять войска. Со своей возвышенной позиции австрийский командующий заметил опрометчивость маневра, состоявшую в том, что император переправлял свою огромную армию через широкую и быструю реку по единственному мосту, допускавшему лишь медленное движение всех родов войск друг за другом по его длинным и узким мосткам, по которым с трудом могла передвигаться кавалерия, и с еще большим трудом — артиллерия; в случае вынужденного отступления этот мост едва ли дал бы возможность спасти армию. Подметив это, он тотчас же решил воспользоваться случаем и уничтожить половину французских сил на северном берегу, пока остальная часть армии была еще занята переправой, либо же оставалась на южном берегу. Отправив Коловрату, Нордману и другим офицерам, командовавшим войсками, которые находились выше по реке, распоряжения приготовить лодки с тяжелым грузом и горючими веществами для разрушения в подходящий момент мостов, эрцгерцог укрыл свои главные силы и отдал приказ кавалерии и аванпостам оказать сопротивление лишь для вида и затем отойти перед наступающими французами, которых вел Массена. К 12 часам, когда движение неприятеля уже достаточно далеко зашло — свыше 40000 французов были уже на северном берегу, — эрцгерцог Карл мог взять инициативу в свои руки. В этот момент он и спустился с лесистых высот Бизамберга

с 80000 человек, в том числе с 14000 прекрасной кавалерии и 288 орудиями, и устремился на неприятеля, выбрав главными объектами атаки два населенных пункта на флангах Наполеона — Асперн и Эслинг; центральное пространство между этими двумя укрепленными пунктами, каменные здания, окруженные стенами сады и множество изгородей, было занято мощными австрийскими батареями, которые прикрывались преимущественно кавалерией, а в тылу в качестве резерва находилась пехота Гогенцоллерна. Бой, завязавшийся на обоих крыльях во время фланговой атаки, был страшен: ярость нападения, как и упорство обороны, почти не имеют примеров в истории войн. Оба населенных пункта несколько раз переходили из рук в руки, а австрийская артиллерия производила такое ужасное опустошение в рядах французов, что Наполеон приказал произвести общую кавалерийскую атаку с целью попытаться взять батареи. Превосходные французские гвардейские кирасиры атаковали со своей обычной стремительностью и храбростью, опрокинули австрийскую конницу и захватили бы пушки, если бы последние не были поспешно увезены, а пехота не образовала каре, которые, как впоследствии при Ватерлоо[55], отразили все попытки прорвать их неприступный строй; в конце концов они разбили конницу и принудили ее отступить в полном расстройстве и с большими потерями к своим линиям. Тем временем Асперн был взят австрийскими войсками; их центр постепенно, но неудержимо продвигался вперед, несмотря на доблестную самоотверженность кирасиров, которые, с каждым разом все с меньшим числом, вновь и вновь предпринимали атаки и одни предупредили прорыв французских линий.

Ночь на короткое время прервала борьбу; но французы уже потерпели явное поражение в решающем сражении; их левый фланг был обойден, а центр отброшен почти до мостов; и хотя Эслинг, на их правом фланге, и оборонялся благодаря геройству Ланна, он был окружен австрийцами, которые дремали, опираясь на ружья, среди трупов французов, ожидая только рассвета, чтобы снова начать наступление.

Однако в течение всей ночи свежие войска двигались через мосты и выходили на Мархфельд, так что к рассвету, после всех потерь предшествующего дня, у Наполеона было в строю целых 70000 человек, не считая 30000 под командой Даву, приступившего к переправе. Сражение началось возобновлением атак на оба оспариваемых населенных пункта; Эслинг был взят австрийскими войсками, а Асперн вновь занят французами. В течение всего дня оба пункта были ареной отчаянной борьбы, оба несколько раз переходили из рук в руки в резуль-

СРАЖЕНИЕ ПРИ АСПЕРНЕ 21–22 МАЯ 1809 г.



тате штыкового удара, но в конечном счете были удержаны австрийцами, которые вечером подтянули свою артиллерию к обоим пунктам и взяли тыл французов под перекрестный огонь. Но во время этой кровопролитной борьбы Наполеон, избавленный благодаря сильным подкреплениям от необходимости действовать оборонительно, прибегнул к своему излюбленному маневру — сокрушающей атаке центра. Он бросил Ланна и Удино, во главе огромной колонны, насчитывавшей свыше 20000 пехоты, с 200 пушек впереди и массой кавалерии в тылу, прямо на центр австрийцев, в то место, между левым флангом Гогенцоллерна и правым флангом Розенберга, где их фронт выглядел всего слабее. Сначала эта страшная атака, казалось, полностью удалась; линии австрийцев были прорваны, между войсками Розенберга и Гогенцоллерна образовался большой разрыв и в этот промежуток с неистовой стремительностью ворвалась кавалерия, пробившая себе путь глубоко в тыл, вплоть до самых резервов князя Рейса; повсюду уже распространился слух, что сражение проиграно, но эрцгерцог Карл оказался на высоте положения: с удвоенной быстротой гренадеры резерва были брошены в прорыв и образовали ряд каре, расположенных в шахматном порядке; вслед за ними примчались во весь опор многочисленные драгуны князя Лихтенштейна и, со знаменем полка Цаха в руках, отважный князь восстановил положение.

Грозная колонна Ланна не могла продвигаться дальше, она остановилась и стала обмениваться залпами с каре и, не имея возможности развернуться, была разгромлена сосредоточенным огнем батарей, бивших по ней с половины дистанции ружейного огня. Тщетно кавалерия атаковала каре, наскакивая на самые штыки, — ни одно каре не дрогнуло и не было сломлено; наконец, австрийские драгуны резерва, прискакав с громкими криками, в свою очередь атаковали кирасиров, смяли их и погнали в беспорядке на их собственную пехоту, окончательно приведя все в смятение. Тотчас же после отражения атаки Гогенцоллерн с шестью венгерскими гренадерскими полками прорвал французские линии вправо от центра и завладел всей местностью вплоть до тыла Эслинга, который вместе с Асперном был окончательно взят австрийскими войсками. В то время как австрийский центр, несмотря на беспримерные усилия французской армии, которая теперь повсюду отступала к острову Лобау, сметал все перед собой, австрийские батареи направили из этих пунктов на мосты перекрестный огонь, действие которого было уничтожающим: каждый выстрел поражал скученные массы людей и лошадей.

Тем временем, в довершение всех бедствий французов, мост, соединяющий остров с южным берегом, был разрушен брандерами и плотами австрийцев, и французы временно лишились всякой возможности отхода с острова. И все же французский арьергард с исключительной стойкостью до полуночи одерживал австрийцев, пока последние французские части не покинули поля сражения и не перешли на остров и пока не стих гром австрийских батарей, а измученные артиллеристы не заснули рядом с пушками, изнуренные боевыми трудами этого беспримерного и славного дня.

7000 французов были погребены победителями на поле сражения; 29793 раненых и пленных были доставлены в Вену. Ланн и Сент-Илер получили смертельные раны и умерли несколько дней спустя. У австрийцев было убито 87 высших офицеров и 4200 рядовых; ранено было 16300. Но победа, одержанная под самыми стенами столицы и почти на виду у нее, была полной; неприятель, сломленный, разбитый и павший духом, был заперт на тесном пространстве острова Лобау, и если бы эрцгерцог Иоганн появился с 60000 свежих войск в тылу французов на следующее утро после их поражения при Асперне, как того требовал данный ему приказ, то нетрудно сказать, каков был бы результат.

Но час Наполеона еще не пробил, и народы были обречены еще на четыре года страданий, пока окончательное падение военного колосса не вернуло им на полях Лейпцига[56] и Ватерлоо утраченную свободу.

Написано Ф. Энгельсом между 14 июля и 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АТАКА

Термин *«атака»,* в общем стратегическом смысле этого слова, применяется для обозначения захвата инициативы в любой отдельной стычке, схватке, бою или решающем сражении; причем в любом случае одна сторона обязательно должна начинать с наступательных действий, а другая — с оборонительных. Обычно считается, что наступление приносит больший успех, в потому армии, действующие оборонительно, то есть ведущие войну строго оборонительного характера, часто предпринимают наступательные кампании и даже в оборонительных кампаниях проводят наступательные операции. В первом случае обороняющаяся армия имеет своей задачей, меняя место и театр военных действий, расстраивать расчеты неприятеля, отвлекать его подальше от его операционной базы и принуждать сражаться в такие моменты и в таких местах, которые совершенно но соответствуют тому, что он ожидал и к чему готовился, и которые могут быть для него определенно невыгодны.

Два самых замечательных примера наступательных операций и непрерывных атак, применявшихся в строго оборонительных кампаниях, дают две изумительных кампании Наполеона — кампания 1814 г., которая закончилась его ссылкой на Эльбу, и кампания 1815 г., которая окончилась поражением при Ватерлоо и сдачей Парижа. В обеих этих выдающихся кампаниях полководец, действовавший исключительно в целях обороны страны, подвергшейся неприятельскому вторжению, атаковал своих противников во всех пунктах и при всяком удобном случае; всегда будучи в целом значительно численно слабее вторгшегося неприятеля, он каждый раз умел оказываться

сильнее его в данном пункте атаки, где обычно и одерживал победу. Неблагоприятный исход обеих этих кампаний нисколько. не умаляет достоинства их общего замысла или значения проведенных в них частных операций. Обе они были проиграны по причинам, совершенно не зависевшим от их плана или его выполнения, по причинам как политического, так и стратегического характера; главными из этих причин были огромное превосходство в средствах на стороне союзников и невозможность для одной нации, истощенной войнами, которые длились четверть столетия, противостоять наступлению всего вооружившегося против нее мира.

Существует взгляд, что когда две армии встречаются лицом К лицу на поле сражения, то та армия, которая захватывает инициативу или, другими словами, *атакует,* получает решающее преимущество. Однако те, которые придерживаются такого взгляда, по-видимому, находятся под неотразимым впечатлением блестящих достижений немногих великих полководцев и одной или двух великих военных наций, которые были обязаны своими успехами атакам в самом широком масштабе. Это мнение, очевидно, нуждается в значительных поправках. Эпаминонд, Александр, Ганнибал, Цезарь и, последний по счету, но не по значению. Наполеон I были полководцами, особенно предпочитавшими атаку; они одерживали все свои великие победы и, в большинстве случаев, терпели все свои крупные неудачи в действиях, в которых они сами захватывали инициативу. Всеми своими победами французы обязаны бурному порыву своего почти неодолимого натиска и умению, быстро сориентировавшись, развить успех и превратить поражение противника в окончательный разгром. Но в обороне французы далеко не так сильны. История величайших сражений мира показывает, как нам кажется, что в тех случаях, когда атакуемая армия обладает стойкостью и выдержкой, достаточными для того, чтобы обеспечить ее непрекращающееся сопротивление до тех пор, пока огонь нападающих не начнет ослабевать и не наступят истощение и упадок их сил, а затем оказывается в состоянии перейти в наступление и в свою очередь атаковать, оборонительный способ действий является самым надежным. Однако существует мало армий или даже народов, на которых можно было бы возложить ведение такого рода сражений. Даже римляне, которые великолепно оборонялись в укрепленных городах и изумительно проводили наступательные операции в полевых условиях, ни разу не прославились в операциях оборонительного характера; в их истории нет ни одного сражения, в котором, после оборонительной борьбы при неблагоприятных усло-

виях в течение целого дня, они под конец перешли бы в атаку и выиграли сражение. То же самое в общем можно сказать и о французских армиях и об их полководцах. Напротив, греки провели многие из своих самых удачных сражений, как например, при Марафоне, Фермопилах, Платеях и другие, в особенности последнее из названных, по следующему плану: сначала они отражали натиск противника, пока он не ослабевал, а затем сами неожиданно для нападающих атаковали их наполовину истощенные войска. Подобную же систему применяли в течение многих веков англичане и в широких масштабах швейцарцы и немцы; как правило, она приносила успех армиям этих народов, а в более позднее время с успехом применялась и американцами. Сражения при Креси, Пуатье, Азенкуре, Ватерлоо, Асперне и Эслинге*, а также многие другие, которых слишком много, чтобы их здесь перечислять, были проведены в точности по такому же принципу, К этому можно еще добавить, что в войне 1812 — 1814 гг.[57] американцы успешно применяли против англичан, — которые почти неизменно атаковали их, и притом, вопреки своей обычной практике, колонной, — их же метод, оказавшийся столь действенным против французов и недавно проверенный англичанами также в действиях против русских.

Когда во время войны две армии расположены друг против друга, и обе намерены сразиться, то обычно применяются следующие способы атаки. Во-первых, самый простой способ — атака параллельным фронтом, когда нападающие завязывают сражение одновременно вдоль всего фронта от одного фланга до другого и решают исход сражения одной лишь силой. Во-вторых, атака флангами, либо обоими одновременно, либо поочередно сначала одним, а затем другим, причем центр держится отодвинутым назад. Это была излюбленная тактика сражения Наполеона: он заставлял неприятеля ослабить свой центр с целью усиления флангов, а сам держал собственный центр отодвинутым, подкреплял его огромными резервами кавалерии и в конце концов устремлялся в разрыв, образовавшийся в центре противника, завершая дело сокрушительным ударом. В-третьих, атака центром, при которой фланги отодвигаются назад и держатся в резерве. Из всех способов атаки последний имеет больше всего недостатков; он применялся очень редко и, как полагают, никогда не приносил успеха. Если армия вынуждена запять такую позицию, она обычно бывает окружена и уничтожена, как это было с атаковавшей римской армией

* О последнем сражении см. настоящий том, стр. 64 — 70. *Ред.*

при Каннах*. Наоборот, такая позиция великолепна для обороны. Четвертый способ — косая атака, изобретенная Эпаминондом и с блестящим успехом примененная им при Левктрах и Мантинее. Она состоит в том, что атакуется один фланг неприятеля, причем один из собственных флангов тайно и постепенно получает подкрепления, а центр и другой фланг в это время отодвигаются назад, но ими маневрируют таким образом, что создают постоянную угрозу атаки и не позволяют обороняющейся стороне усилить свои собственные слабые пункты до тех пор, пока делать это не будет уже слишком поздно. Таков был излюбленный прием австрийца Клерфе, с помощью которого он постоянно разбивал турок, и Фридриха Великого, который обычно говорил о своих самых блестящих победах, что «он только снова разыгрывал сражения Эпаминонда». Заслуживает внимания тот факт, что греки, французы, а равно русские и австрийцы, как правило, выигрывали все свои лучшие сражения посредством атаки колоннами; эти колонны, если только они не встречали действительного препятствия и их не удавалось остановить, прорывали центр и сметали все перед собою. Римляне, англичане и американцы почти неизменно, в наступлении или в обороне, сражались, а англичане и американцы продолжают сражаться, в линейном строю; в таком построении им всегда удавалось отражать своим центром натиск атакующей колонны и сдерживать ее до тех пор, пока, выдвинув свои фланги, они не оказывались в состоянии охватить фланги неприятеля и раздавить его. Следует отметить, что всякий раз, когда англичане отступали от этого, так сказать, своего национального способа атаки линией в две шеренги и атаковали колонной, как при Фонтенуа и Чиппеве[58], они терпели поражение. Почти неопровержимым является вывод, что атака центра колонной в корне ошибочна, когда она направлена против обладающих выдержкой и стойкостью войск, хотя ей надежно обеспечен успех против неприятеля, уступающего по своим физическим качествам и дисциплине, в особенности когда он бывает деморализован.

При атаке редута, или полевого укрепления, обороняемого только пехотой, нападающие могут идти в атаку немедленно; если же укрепление имеет для защиты также артиллерию, то необходимо, чтобы орудия нападающих заставили сначала замолчать орудия обороняющихся. Артиллерийский огонь надо вести таким образом, чтобы разрушить палисады, подбить орудия и разрушить парапет и таким образом заставить обороняющуюся сторону убрать свои орудия внутрь укрепления. После

* См. настоящий том, стр. 301 — 302. *Ред.*

того, как артиллерия атакующих сделала свое дело, легкая пехота, главным образом стрелки, обходит часть укрепления и направляет свой огонь на гребень парапета, чтобы заставить обороняющихся либо вовсе не показываться, либо стрелять наспех. Постепенно стрелки приближаются и сосредоточиваются в намеченном пункте, в это время формируются штурмовые колонны, впереди которых идут люди, вооруженные топорами и несущие лестницы. Передняя шеренга может быть снабжена также фашинами, которые служат одновременно в качестве щитов и для заполнения рва. Пушки укрепления теперь отвозят назад и направляют против штурмовых колонн, а участвующие в атаке стрелки усиливают свой огонь, целясь главным образом в артиллеристов обороняющегося пункта, которые могут пытаться перезарядить свои орудия. Если нападающим удастся достигнуть рва, то весьма важно, чтобы во время приступа они действовали сообща и бросились на укрепление одновременно со всех сторон. Поэтому на краю рва они некоторое время выжидают условного сигнала; когда они поднимаются на парапет, их встречают бомбами из гаубиц, на них скатывают камни и бревна, а на вершине защитники пускают против них в ход штык и приклад. Позиционное преимущество все еще на стороне обороняющихся, однако наступательный дух дает нападающим большое моральное превосходство; и если укрепление не прикрывается другими укреплениями с флангов, то обычно как раз на этой стадии бывает трудно, хотя и не совсем невозможно, о чем говорят некоторые примеры, отбить решительный приступ. Временные укрепления можно атаковать внезапно или открытой силой, и в обоих случаях первая обязанность командира заключается в том, чтобы с помощью лазутчиков или разведки добыть возможно более полные сведения относительно характера укрепления, его гарнизона, оборонительных средств и ресурсов. В атаке пехота часто бывает вынуждена полагаться на свои собственные средства, когда солдатам приходится рассчитывать на свою изобретательность: поджигать засеки с помощью горящих пучков прутьев, заполнять небольшие рвы охапками сена, преодолевать палисады с помощью лестниц под прикрытием групп стрелков, взрывать забаррикадированные двери и окна, используя мешки с порохом; с помощью таких средств, применяемых решительно и смело, пехота, как правило, бывает способна преодолеть любое из обычных препятствий.

Написано Ф. Энгельсом между 14 июля и 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АФГАНИСТАН

Афганистан — обширная страна в Азии, к северо-западу от Индии, расположенная между Персией и Индией, а в другом направлении между Гиндукушем и Индийским океаном. В прошлом в Афганистан входили персидские области Хорасан и Кохистан, вместе с Гератом, а также Белуджистан, Кашмир, Синд и значительная часть Пенджаба. В своих нынешних границах он имеет не более 4000000 жителей. Поверхность Афганистана весьма неровная: возвышенные плато, огромные горы, глубокие долины и ущелья. Подобно всем гористым тропическим странам, он отличается большим разнообразием климата. В Гиндукуше на вершинах гор снег лежит круглый год, а в долинах температура поднимается до 130°*, Жара сильнее в восточных, нежели в западных районах, но вообще климат прохладнее, чем в Индии, и хотя различие между летней и зимней температурой, а также дневной и ночной очень велико, в общем страна имеет здоровый климат. Главные болезни — лихорадки, катары и офтальмия. Временами большие опустошения производит оспа. Почва отличается чрезвычайным плодородием. В оазисах песчаных пустынь великолепно растут финиковые пальмы, в долинах с жарким климатом — сахарный тростник и хлопок; а на террасах по склонам гор до высоты в 6000 или 7000 футов обильно произрастают европейские плоды и овощи. Горы покрыты величественными лесами, в которых часто встречаются медведи, волки и лисицы, в то время как львы, леопарды и тигры обитают в местностях, благоприятных для этих живот -

* — по Фаренгейту. *Ред.*

ных. Нет также недостатка в полезных для человека животных. Здесь имеется замечательная разновидность овец персидской, или курдючной, породы. Лошади великолепного роста и породы. В качестве вьючных животных используются верблюд и осел; в большом количестве имеются козы, собаки и кошки. Кроме Гиндукуша, который является продолжением Гималаев, на юго-западе тянется горная цепь, называемая Солимановыми горами, а между Афганистаном и Балхом проходит цепь, называемая Паропамизским хребтом, о котором, однако, в Европе известно очень мало. Реки немногочисленны; самые значительные из них — Гильменд и Кабул, Они берут свое начало в Гиндукуше, причем Кабул течет на восток и впадает в Инд близ Аттока, а Гильменд — на запад через область Сейстан и впадает в озеро Зирра. Особенностью Гильменда является то, что он, подобно Нилу, ежегодно выходит из берегов, принося плодородие почве, которая за пределами районов наводнения представляет собой песчаную пустыню. Главные города Афганистана — его столица Кабул, Газни, Пешавар и Кандагар. Кабул — прекрасный город, расположенный на 34°10' северной широты и 60°43' восточной долготы, на реке того же названия. Здания в нем построены из дерева, они опрятны и удобны, и сам город, окруженный великолепными садами, имеет очень привлекательный вид. Он окружен деревнями и находится в центре обширной равнины с невысокими возвышенностями вокруг. Главным его памятником является гробница императора Бабура. Пешавар — большой город, с населением, насчитывающим 100000. Газни — город, хорошо известный с весьма давних времен, некогда столица великого султана Махмуда — утратил свое прежнее выдающееся положение и выглядит в настоящее время весьма убого. Неподалеку от него находится гробница Махмуда. Кандагар основан сравнительно недавно, в 1754 г., и расположен на месте одного древнего города. В течение нескольких лет он был столицей, но в 1774 г. местопребывание правительства было перенесено в Кабул. Полагают, что Кандагар насчитывает 100000 жителей. Близ города находится гробница Ахмад-шаха, основателя города, — убежище настолько священное, что даже король не может изъять оттуда преступника, который укрылся за его стенами.

Географическое положение Афганистана и характерные черты народа придают этой стране такое политическое значение в делах Центральной Азии, которое едва ли можно переоценить. Форма правления — монархия, по власть короля над его отважными и беспокойными подданными носит личный и чрезвычайно непрочный характер. Королевство делится на провинции;

во главе каждой из них стоит представитель государя, который собирает подати и пересылает их в столицу.

Афганцы — храбрый, энергичный и свободолюбивый народ; они занимаются только скотоводством или земледелием и всячески сторонятся ремесла и торговли, заниматься которыми они с пренебрежением предоставляют индийцам и другим жителям городов. Война для них является развлечением и отдыхом от однообразных занятий хозяйственными делами. Афганцы разделяются на кланы[59], причем различные вожди осуществляют нечто вроде феодального господства над ними. Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией; но именно эта стихийность и непостоянство поведения превращают их в опасных соседей, поддающихся влиянию минутных настроений и легко увлекаемых политическими интриганами, которые искусно возбуждают их страсти. Главными племенами являются дуррани и гильзаи, находящиеся в постоянной вражде друг с другом. Племя дуррани более могущественно, и в силу его преобладания его эмир, или хан, сделался королем Афганистана. Его доход равен примерно 10000000 долларов. Всей полнотой власти он пользуется только в своем племени. Военные контингенты поставляются главным образом племенем дуррани; остальная часть армии пополняется либо за счет других кланов, либо за счет военных авантюристов, которые поступают на службу в надежде на жалованье или на грабеж. Правосудие в городах отправляют кади, однако афганцы редко прибегают к помощи закона. Их ханам принадлежит право устанавливать наказания, вплоть до смертной казни. Кровная месть является обязанностью рода. Тем не менее афганцы слывут щедрым и великодушным народом, если их не провоцировать, и законы гостеприимства среди них настолько священны, что смертельный враг, который,, хотя бы с помощью хитрости, стал гостем, является неприкосновенным для мести и может даже требовать у своего хозяина защиты против всякой другой опасности. По религии афганцы мусульмане и принадлежат к секте суннитов; однако ханжество им чуждо, и брачные союзы между суннитами и шиитами[60] представляют нередкое явление.

Афганистан попеременно находился под владычеством моголов[61] и персов. До появления британцев на берегах Индии чужеземные вторжения, которым подвергались равнины Индостана, всегда совершались из Афганистана. Султан Махмуд Великий, Чингис-хан, Тамерлан и Надир-шах — все шли этой дорогой. В 1747 г., после смерти Надира, Ахмад-шах, научив-

шийся военному искусству под начальством этого военного авантюриста, решил сбросить персидское иго. При нем Афганистан достиг своего наивысшего величия и процветания за весь период нового времени. Он принадлежал к роду садозаев и его первым актом был захват добычи, которую его покойный повелитель награбил в Индии. В 1748 г. ему удалось выгнать из Кабула и Пешавара могольского губернатора, а затем, переправившись через Инд, он совершил стремительное вторжение в Пенджаб. Его королевство простиралось от Хорасана до Дели, и он мерился силами даже с государствами маратхов[62]. Однако эти великие военные предприятия не мешали ему заботиться о развитии ряда мирных искусств, и он снискал популярность как поэт и историк. Он умер в 1773 г., оставив корону своему сыну Тимуру, которому, однако, оказалось не по плечу возложенное на него бремя. Тимур покинул город Кандагар, основанный его отцом и за несколько лет превратившийся в богатый и густонаселенный центр, и вновь перенес местопребывание правительства в Кабул. Во время его царствования возобновились внутренние раздоры между племенами, которые в свое время были пресечены твердой рукой Ахмад-шаха. В 1793 г. Тимур умер, и ему наследовал Земан. Этот государь задумал укрепить власть мусульман в Индии, и к этому плану, который мог поставить под серьезную угрозу британские владения, отнеслись как к чему-то настолько значительному, что сэр Джон Малколм был отправлен на границу, чтобы сдержать афганцев в случае, если бы они предприняли какое-либо движение, и в то же самое время были начаты переговоры с Персией, с помощью которой афганцы могли быть поставлены между двух огней. Однако эти предосторожности оказались напрасными; Земан-шах имел более чем достаточно внутренних хлопот из-за заговоров и беспорядков в самой стране, и его грандиозные планы погибли в зародыше. Брат короля, Махмуд, вторгся в Герат с намерением создать независимое княжество, но, потерпев неудачу в этой попытке, бежал в Персию. Земан-шах достиг в свое время трона при поддержке рода баракзаев, во главе которого стоял Сарафраз-хан. Назначение Земаном одного непопулярного лица визирем возбудило ненависть его прежних приверженцев, которые устроили заговор; заговор был раскрыт, и Сарафраз казнен. После этого Махмуд был вызван заговорщиками из Персии, Земан же взят в плен, и ему выкололи глаза. Из оппозиции к Махмуду, которого поддерживали дуррани, племя гильзаи, со своей стороны, выдвинуло шаха Шуджу, который некоторое время держался на троне; однако в конце концов он потерпел поражение, главным

образом вследствие измены своих собственных сторонников, и был принужден искать убежища у сикхов[63].

В 1809 г. Наполеон отправил в Персию генерала Гардана, рассчитывая побудить шаха* вторгнуться в Индию, а английские власти в Индии послали своего представителя** ко двору шаха Шуджи, чтобы организовать противодействие Персии. К этому времени относится установление власти и распространение славы Ранджит Сингха. Это был сикхский вождь, который благодаря своему таланту сделал страну независимой от афганцев, основал в Пенджабе королевство, добившись для себя титула махараджи (великого раджи), и сумел заставить считаться с собой англо-индийское правительство. Узурпатору Махмуду не суждено было, однако, долго наслаждаться триумфом. Его визирь, Фатх-хан, который колебался между Махмудом и шахом Шуджей, переходя на сторону то того, то другого, сообразно честолюбивым побуждениям или интересам данного момента, был схвачен сыном короля Камраном, ослеплен и затем предан жестокой казни. Могущественный род убитого визиря поклялся отомстить за его смерть. Марионеточный шах Шуджа был снова выведен на сцену, а Махмуд изгнан. Но ввиду того, что шах Шуджа держал себя вызывающе, он был вскоре низложен, и вместо него был коронован другой его брат. Махмуд бежал в Герат, которым он продолжал владеть, а в 1829 г. после его смерти его сын Камран наследовал управление этой областью. Теперь род баракзаев достиг высшей власти; его представители поделили между собой территорию, однако, следуя национальному обычаю, начали междоусобные распри и объединялись только перед лицом общего врага. Один из братьев, Мухаммед-хан, владел городом Пешаваром, за который он платил дань Ранджит Сингху; другой брат владел городом Газни, третий — Кандагаром, а в Кабуле правил самый могущественный представитель рода — Дост-Мухаммед.

К этому-то государю был отправлен в 1835 г. в качестве посла капитан Александр Бёрнс, в период, когда Россия и Англия интриговали друг против друга в Персии и Центральной Азии. Он предложил Досту союз, который тот готов был с величайшей охотой заключить; но англо-индийское правительство требовало от него всего, что только возможно, в то время как само ничего не предлагало ему взамен. Тем временем персы, в 1838 г., пользуясь помощью и советами русских, осадили Герат, ключ к Афганистану и Индии[64]; персидский и русский агенты прибыли в Кабул, и Дост, вследствие неизменного от-

* — Фетх-Али-шаха. *Ред.*
** — М. Элфинстона. *Ред.*

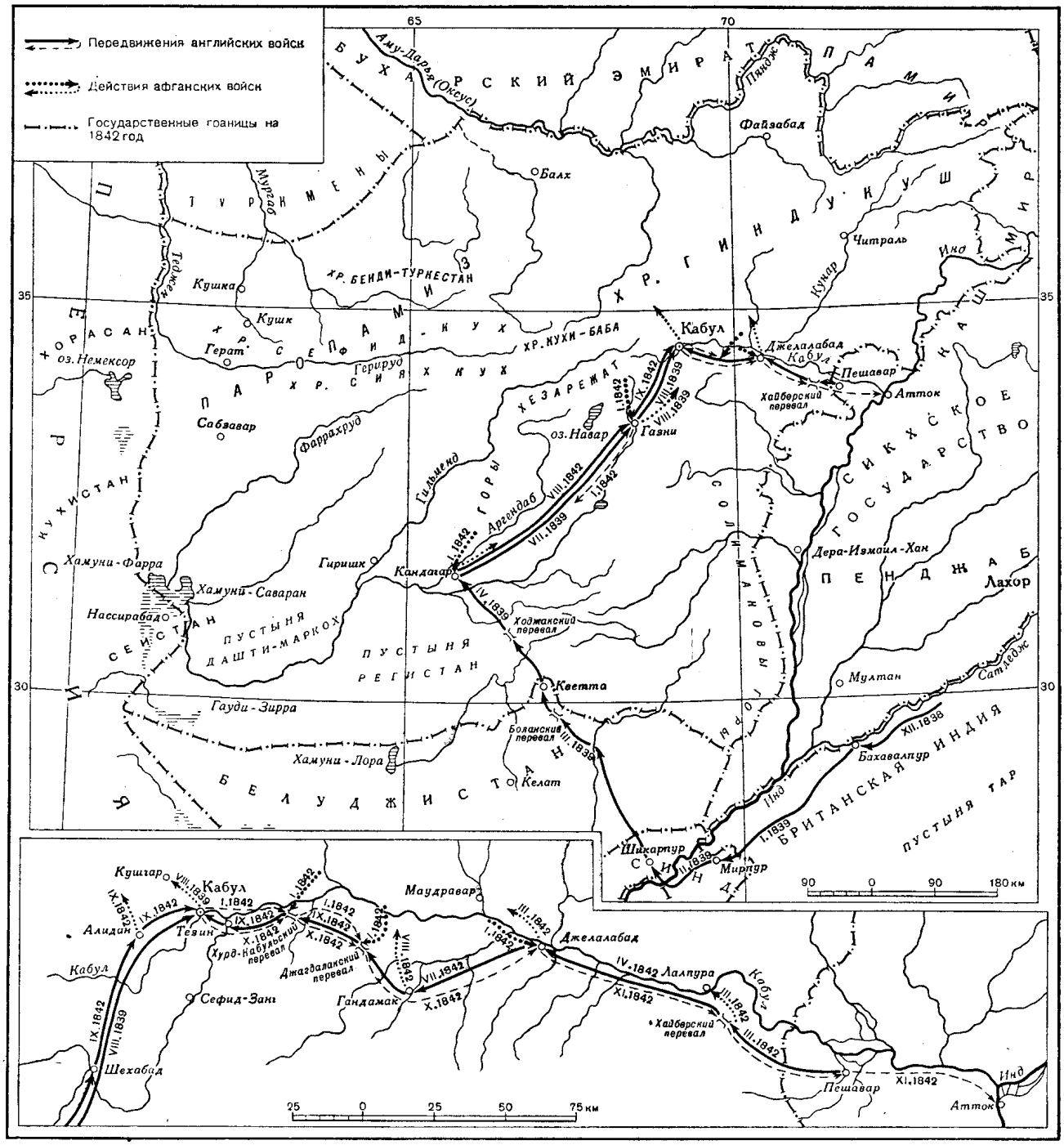
каза англичан взять на себя какие-либо определенные обязательства, был в конце концов принужден принять предложения, исходившие от другой стороны. Берне покинул Кабул, и тогда генерал-губернатор Индии лорд Окленд, под влиянием своего секретаря У. Макнотена, решил покарать Дост-Мухаммеда за тот шаг, который он сам же вынудил его сделать. Окленд решил низложить его и посадить на его место шаха Шуджу, состоявшего в то время пенсионером индийского правительства. С шахом Шуджей и с сикхами был заключен договор; шах начал собирать армию, оплачиваемую англичанами и возглавляемую их офицерами, а на реке Сатледж были сосредоточены англоиндийские войска. Макнотен, имея помощником Бёрнса, должен был сопровождать экспедицию в качестве посланника в Афганистане. Тем временем персы сняли осаду Герата, и таким образом был устранен единственный веский предлог для вмешательства в афганские дела. Тем не менее в декабре 1838 г. армия вступила в Синд, принудив эту страну к подчинению и обложив ее контрибуцией в пользу сикхов и шаха Шуджи[65]. 20 февраля 1839 г. английская армия перешла Инд. Она насчитывала около 12000 солдат и свыше 40000 обслуживающих армию лиц, не считая новобранцев шаха. В марте армия перешла через перевал Болан; стал ощущаться недостаток провианта и фуража; верблюды гибли сотнями, и значительная часть обоза была потеряна. 7 апреля армия приблизилась к Ходжакскому перевалу, перешла его, не встретив сопротивления, и 25 апреля вступила в Кандагар, покинутый афганскими правителями, братьями Дост-Мухаммеда. После двухмесячного отдыха сэр Джон Кин, командующий армией, выступил с главными силами на север, оставив одну бригаду под командой Нотта в Кандагаре. Неприступная твердыня Афганистана Газни была взята 22 июля, после того как один перебежчик сообщил, что из всех ворот только одни Кабульские не забаррикадированы; ворота были взорваны, и крепость взята штурмом. После этой катастрофы армия, собранная Дост-Мухаммедом, тотчас же рассеялась, и 6 августа Кабул тоже открыл свои ворота. Шах Шуджа с надлежащими церемониями был водворен на трон, но подлинные бразды правления оставались в руках Макнотена, который также оплачивал все расходы шаха Шуджи из индийского казначейства.

Завоевание Афганистана казалось законченным, и значительная часть войск была отправлена обратно. Однако афганцы вовсе не соглашались находиться под властью Feringhee Kaffirs (неверных-европейцев), и в течение 1840 и 1841 гг. одно восстание следовало за другим во всех частях страны, Англо-

индийским войскам приходилось постоянно быть в движении. Тем не менее Макнотен заявлял, что таково обычное состояние афганского общества, и писал в Англию, что дела идут отлично и власть шаха Шуджи укрепляется. Предостережения английских офицеров и других политических агентов были тщетны. В октябре 1840 г. Дост-Мухаммед сдался англичанам и был отправлен в Индию; все восстания в течение лета 1841 г. были подавлены в результате успешных действий, и к октябрю Макнотен, назначенный губернатором Бомбея, предполагал с другой группой войск отправиться в Индию. Но тут разразилась буря. Оккупация Афганистана стоила индийскому казначейству 1250000 ф. ст. в год: приходилось покрывать расходы на содержание в Афганистане 16000 англо-индийских войск и войск шаха Шуджи; еще 3000 находились в Синде и на Боланском перевале; монаршья пышность шаха Шуджи, жалованье его чиновникам и все расходы на содержание его двора и правительства оплачивались индийским казначейством, и, наконец, из того же источника субсидировали или, точнее, подкупали афганских вождей, чтобы удерживать их от враждебных действий. Макнотену сообщили, что тратить деньги в таких количествах долее невозможно. Он попытался навести экономию, но единственным возможным путем для ее осуществления было прекращение выплаты субсидий вождям. В тот самый день, когда он попробовал прибегнуть к этой мере, вожди составили заговор с целью истребления англичан, и таким образом, Макнотен сам явился орудием объединения тех мятежных сил, которые до сих пор боролись против завоевателей в одиночку без всякого единства и согласия; впрочем, несомненно также, что к этому времени ненависть к британскому господству достигла среди афганцев кульминационного пункта.

Англичане в Кабуле находились под командой генерала Элфинстона, страдавшего подагрой, совершенно беспомощного и нерешительного старика, приказы которого постоянно противоречили один другому. Войска занимали нечто вроде укрепленного лагеря, столь обширного, что гарнизона едва хватало для обороны валов, и было совершенно недостаточно, чтобы выделять отряды для действий в открытом поле. Укрепления были столь несовершенны, что ров и парапет можно было преодолеть верхом. Словно в довершение всех бед, над лагерем господствовали высоты, расположенные почти в пределах ружейного выстрела; венцом же нелепости всего расположения было то обстоятельство, что все запасы продовольствия и медикаментов находились в двух отдельных фортах, на некотором расстоянии от лагеря, вдобавок отделенных от него обнесен-

АФГАНИСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ АНГЛО-АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ 1838 – 1842 гг.



ными оградой садами и другим маленьким фортом, не занятым англичанами. Цитадель Кабула, или Балагисар, могла бы послужить надежной и превосходной зимней квартирой для целой армии, но в угоду шаху Шудже ее оставили незанятой. 2 ноября 1841 г. восстание разразилось. Дом Александра Бёрнса в городе подвергся нападению, и сам он был убит. Британский генерал ничего не предпринимал, и восстание, не встречая противодействия, усилилось. Совершенно растерявшийся Элфинстон, слепо следуя всевозможным противоречивым советам, вскоре привел все в состояние такого расстройства, которое Наполеон характеризовал тремя словами: ordre, contre-ordre, desordre*. Даже тогда Балагисар оставался незанятым. Против тысяч повстанцев было послано несколько рот, и они, конечно, были разбиты. Это придало афганцам еще больше смелости. 3 ноября они заняли форты, прилегающие к лагерю. 9 ноября афганцами был взят интендантский форт (гарнизон которого насчитывал всего 80 человек), в результате чего англичане оказались обреченными на голод. 5 ноября Элфинстон уже поговаривал о том, чтобы купить право на беспрепятственное отступление из страны. Фактически к середине ноября, в результате его нерешительности и неспособности, войска были настолько деморализованы, что ни европейцы, ни сипаи[66] уже не могли вести борьбу с афганцами в открытом бою. Тогда начались переговоры, в ходе которых Макнотен был убит во время одной из встреч с афганскими вождями. Землю начал покрывать снег, продовольствия не хватало. Наконец 1 января было заключено соглашение о капитуляции. Все наличные деньги, 190000 ф. ст., должны были быть переданы афганцам, и кроме того были подписаны векселя еще на 140000 фунтов стерлингов. Вся артиллерия и боевые припасы, за исключением шести 6-фунтовых и трех горных пушек, оставлялись афганцам. Англичане должны были полностью эвакуировать Афганистан. Со своей стороны вожди обещали безопасность, продовольствие и вьючный скот.

5 января англичане выступили, насчитывая в своих рядах 4500 солдат и 12000 обслуживающих лиц. Одного перехода оказалось достаточно, чтобы уничтожить последние остатки порядка; солдаты смешались с обслуживающим персоналом, и создалась безнадежная путаница, сделавшая всякое сопротивление невозможным. Холод и снег, а также недостаток продовольствия действовали так же, как при отступлении Наполеона из Москвы. Но вместо казаков, державшихся на

* — приказ, контрприказ, беспорядок. *Ред.*

почтительном расстоянии, англичан беспокоили ожесточенные афганские стрелки, которые были вооружены дальнобойными мушкетами и занимали каждую высоту. Вожди, подписавшие соглашение о капитуляции, не могли, да и не хотели сдерживать горные племена. Хурд-Кабульский перевал стал могилой почти всей армии, а небольшой ее остаток — менее 200 европейцев — был уничтожен у входа на Джагдалакский перевал. Только один человек, доктор Брайдон, добрался до Джелалабада и рассказал о происшедшем. Многие офицеры, однако, были захвачены афганцами и держались в плену. Джелалабад удерживала бригада Сейла. От него потребовали капитуляции, но он отказался очистить город; так же поступил и Нотт в Кандагаре. Газни пал; в этом городе не оказалось ни одного человека, который хоть что-нибудь смыслил в артиллерии, а составлявшие гарнизон сипаи не смогли выдержать климата.

Тем временем при первом известии о кабульской катастрофе британские пограничные власти сосредоточили в Пешаваре войска для оказания помощи полкам, находящимся в Афганистане. Однако недоставало перевозочных средств, а заболеваемость среди сипаев была очень велика. В феврале командование принял генерал Поллок, а в конце марта 1842 г. он получил новые подкрепления. Тогда он форсировал Хайберский перевал и двинулся вперед на выручку Сейлу в Джелалабад, где несколькими днями раньше Сейл нанес полное поражение осаждавшей его афганской армии. Новый генерал-губернатор Индии лорд Элленборо приказал английским войскам отступить; но как Нотт, так и Поллок воспользовались тем благовидным предлогом, что у них не хватало перевозочных средств, чтобы не подчиниться. К началу июля общественное мнение в Индии в конце концов заставило лорда Элленборо кое-что предпринять для восстановления национальной чести и престижа английской армии; поэтому он санкционировал поход на Кабул одновременно из Кандагара и Джелалабада. К середине августа Поллок и Нотт согласовали между собой план действий, и 20 августа Поллок выступил в направлении Кабула, достиг Гандамака и разбил 23-го отряд афганцев; 8 сентября он захватил Джагдалакский перевал, разбил 13-го у Тезина объединенные силы неприятеля и 15-го стал лагерем под стенами Кабула. Тем временем Нотт 7 августа покинул Кандагар и со всеми своими силами направился к Газни. После нескольких мелких стычек он 30 августа разбил большой отряд афганцев, овладел 6 сентября Газни, оставленным неприятелем, разрушил укрепления и город, нанес еще одно поражение афганцам на их сильной позиции у Алидана и 17 сентября подошел к окрест-

ностям Кабула, где Поллок немедленно установил с ним связь. Задолго до того шах Шуджа был убит одним из вождей, и с тех пор в Афганистане уже не существовало постоянного правительства; номинально королем был его сын Фатх Джунг. Поллок отправил кавалерийский отряд на выручку кабульским пленникам, но последним уже удалось подкупить свою стражу, и они встретили отряд в пути, В знак мести был разрушен кабульский базар, причем солдаты разграбили часть города и перебили многих жителей. 12 октября англичане оставили Кабул и через Джелалабад и Пешавар направились в Индию. Находясь в отчаянном положении, Фатх Джунг последовал за ними, Дост-Мухаммед был теперь освобожден из плена и возвратился в свое королевство. Так закончилась попытка англичан посадить на королевский престол в Афганистане своего ставленника.

Написано Ф. Энгельсом около 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАСЕКА

Засека, abattis, — в военном деле — препятствие, сооружаемое из сваленных деревьев и часто применяемое в качестве примитивного средства в горной войне. В неотложных случаях деревья укладываются в длину, ветвями наружу, чтобы затруднить продвижение противника, а стволы служат брустверами для обороняющихся. Когда устройство засеки заранее предусматривается, например, в качестве средства обороны горного перевала, сучья очищаются от листьев и заостряются, стволы вкапываются в землю, а ветви переплетаются так, чтобы получилось нечто вроде chevaux de frise*.

Написано Ф. Энгельсом около 10 августа 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — рогаток. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БАРБЕТ

Когда на батарее пушки установлены достаточно высоко, чтобы вести огонь поверх гребня парапета, а не как обычно — через амбразуры, то говорят, что они расположены en barbette*. Чтобы поднять пушки на такую высоту, применяются различные способы. В полевых укреплениях местом для установки пушки служит расположенная позади парапета земляная платформа. В долговременных укреплениях пушку поднимают на необходимую высоту с помощью обычного высокого скользящего лафета или поворотной платформы. Пушки, расположенные en barbette, не имеют такого прикрытия от огня неприятеля, какое имеют пушки, ведущие огонь через амбразуры; поэтому их располагают таким образом лишь в тех случаях, когда в парапете нельзя проделать амбразуры, так как это чрезмерно ослабило бы его, или когда желательно распространить действие огня пушек вправо и влево на большее расстояние, чем позволяют амбразуры. Вследствие этого расположение пушек en barbette применяется в полевой фортификации, у исходящих углов укреплений и на береговых батареях, предназначенных для ведения огня по кораблям, особенно если парапет сделан из каменной кладки. Для защиты пушек от продольного огня в случае необходимости сооружаются траверсы и бонеты.

Написано Ф. Энгельсом около 14 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — барбетом. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БАСТИОН

В древней фортификации стены городов защищались с флангов круглыми или квадратными башнями, с которых осажденные могли из луков и с помощью военных машин осыпать метательными снарядами штурмующего неприятеля в момент, когда он был вынужден останавливаться перед рвом. Когда в Европе появилась артиллерия, эти башни стали строиться значительно больших размеров, а в конце концов, в начале XVI века итальянские инженеры придали им вместо круглой или квадратной многоугольную форму, создав таким образом бастион. Последний представляет собой неправильный пятиугольник, одна сторона которого обращена внутрь в сторону крепости, так что противолежащий исходящий угол выступает в открытом поле. Две длинные стороны, образующие исходящий угол, носят название фасов, а две короткие, соединяющие их с городской стеной или валом, называются фланками. Фасы служат для противодействия дальнему огню неприятеля, а фланки своим огнем прикрывают ров. Первые итальянские бастионы еще носили следы своего происхождения от старинных башен. Их строили совсем близко от главных стен, исходящий угол был очень тупым, фасы — короткими, а парапет до самого верха облицовывался камнем. В таких небольших бастионах основное назначение фланка заключалось в том, чтобы защищать ров, расположенный перед куртиной, соединяющей два бастиона. Поэтому фланки строились перпендикулярно к куртине. Эти бастионы либо располагались по углам многоугольника, образующего всю крепостную ограду, либо, в том случае, если одна из сторон многоугольника была настолько длинной, что часть ее оказывалась вне сферы действительного ружейного огня двух выступающих фланков, посередине возводили промежуточный бастион, носивший название piatta forma*.

* — платформа. *Ред.*

С усовершенствованием в XVII веке осадной артиллерии возникла необходимость в более крупных бастионах, а куртина очень скоро утратила свое значение, так как отныне основными объектами атаки стали бастионы. Назначение фланков также изменилось: теперь они должны были вести продольный огонь главным образом вдоль рва, расположенного перед фасом соседнего бастиона, и они стали возводиться перпендикулярно не к куртине, а к продолжению этого фаса, носившему название оборонительной линии. Высота каменной одежды была уменьшена с таким расчетом, чтобы от настильного огня ее прикрывал либо гласис, либо парапет более низких внешних укреплений. Таким образом представители старой французской и немецкой школ, а затем Вобан и Кухорн подвергали форму и размеры бастионов многочисленным изменениям, пока приблизительно в 1740 г. Кормонтень не опубликовал свой труд о системе бастионной фортификации[67]; его система обычно рассматривается как наиболее совершенная в этой области. Бастионы Кормонтеня таких крупных размеров, какие только возможны; фланки их почти, но не абсолютно, перпендикулярны оборонительным линиям; внешние укрепления также значительно усовершенствованы.

Бастионы бывают полные или полые. В первых вся внутренняя часть достигает высоты вала, в последних вал тянется вдоль внутренней стороны бастиона и имеет достаточную ширину для размещения пушек, а в центре сооружение остается незаполненным. В полных бастионах иногда строятся кавальеры, то есть сооружения, стороны которых параллельны сторонам бастиона и достаточно высоки, чтобы с них можно было вести огонь из пушек поверх парапета бастиона. Ввиду командующего положения таких кавальеров в них обычно устанавливают самые дальнобойные орудия, чтобы тревожить противника огнем с дальнего расстояния.

Система фортификации, основанная на бастионах, была единственно признанной с XVI и вплоть до конца XVIII века, когда Монталамбер выдвинул несколько новых методов фортификации без бастионов. Среди них наибольшее одобрение встретили полигональная, или капонирная, система для расположенных вдали от моря крепостей и система казематированных береговых фортов с несколькими ярусами орудий.

Написано Ф. Энгельсом около 14 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ШТЫК

Обычно считается, что этот вид оружия, ныне применяемый всей линейной пехотой, был изобретен около 1640 г. во Франции (по-видимому, в Байонне, откуда и название*). По другим сведениям, голландцы переняли этот тип оружия у малайцев, которые прикрепляли свой «kris», или кинжал, к мушкету, а во Франции он был введен около 1679 года. До этого времени у мушкетеров не было эффективного оружия для рукопашного боя, а следовательно, чтобы защитить их от противника в таком бою, приходилось соединять их с пикинерами. Штык дал мушкетерам возможность противостоять кавалерии или пикинерам и таким образом постепенно вытеснил этот последний вид войск. Первоначально штык прикреплялся к палке и вместе с ней вводился в ствол мушкета, но так как это лишало солдата возможности вести огонь с примкнутым штыком, впоследствии была изобретена трубка, охватывающая ствол. Тем не менее, пика еще более полувека сохранялась в качестве пехотного оружия. Австрийцы первыми заменили ее для всей своей линейной пехоты ружьями со штыком; пруссаки последовали их примеру в 1689 году; у французов пики окончательно вышли из употребления лишь в 1703 г., а у русских — в 1721 году. В битве на Шпейербахе в 1703 г. пехота впервые шла в атаку с примкнутыми штыками[68]. В легкой пехоте штык в настоящее время, как правило, заменен коротким, прямым, остро-

* «Штык» по-английски «bayonet» (от французского «baionnette»). *Ред.*

конечным кинжалом, который прикрепляется на подвижной втулке к одной стороне дула винтовки. Поэтому держится он, конечно, менее крепко, но поскольку этот вид пехоты атакует в сомкнутом строю лишь в исключительных случаях, считается, что такой недостаток возмещается разнообразием способов применения этого оружия.

Написано Ф. Энгельсом около 14 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ [69]

Барклай-де-Толли, Михаил — русский князь и фельдмаршал; родился в Ливонии в 1759 г., умер в Инстербурге, в Восточной Пруссии, 25 мая 1818 года. В 1769 г., еще не достигнув 11 лет, он поступил в русскую армию и в течение 29 лет участвовал, находясь в ее рядах, в различных кампаниях против турок, шведов, поляков, но до 1798 г. оставался в небольших чинах. Он отличился в кампании 1806 года. Его военная слава берет свое начало с 1807 г., когда во главе русского авангарда он с величайшей доблестью защищал Прёйсиш-Эйлау, оказывая длительное сопротивление на улицах, в церкви и на кладбище этого города[70]. В 1808 г. он принудил шведов отступить в Карелию, а в 1809 г., в качестве генерала от инфантерии, повторил в гораздо более широком масштабе знаменитый переход Карла-Густава по замерзшим водам Малого Бельта, переправив 12000 русских с артиллерией, боевыми припасами, провиантом и обозом через покрытый льдом Ботнический залив. Он взял Умэо, ускорил своим появлением готовившийся против Густава IV переворот и принудил шведов просить мира[71]. После 1810 г. ему было поручено управление русским военным министерством.

В 1812 г. он принял командование 1-й Западной армией, Ее главные силы, находившиеся под его непосредственным командованием и, согласно преувеличенным официальным сообщениям, насчитывавшие будто бы 550000 человек, как оказалось в действительности, состояли всего из 104000 человек, а общее число войск, расположенных между берегами Балтики и рекой Прутом, не превышало 200000 человек. Поэтому

отступление русской армии, — первоначальный план которого Наполеон в своих мемуарах, написанных им на острове Св. Елены[72], ошибочно приписывал Барклаю-де-Толли, тогда как он был разработан задолго до разрыва между Россией и Францией прусским генералом Фулем[73], а после объявления войны на его осуществлении снова настаивал перед Александром Бернадот, — стало теперь делом не свободного выбора, а суровой необходимости. Великой заслугой Барклая-де-Толли является то, что он не уступил невежественным требованиям дать сражение, исходившим как от рядового состава русской армии, так и из главной квартиры; он осуществил отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело некоторую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность соединиться с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тылы противника. Когда он оказывался вынужденным дать сражение, как это было под Смоленском[74], он занимал позицию, которая не позволяла сражению стать решающим. Когда, недалеко от Москвы, нельзя уже было избежать решающего сражения, он выбрал сильную позицию у Гжатска, почти недоступную атаке с фронта, обойти которую можно было только обходными путями большой протяженности[75]. Он уже расположил свои войска, когда прибыл Кутузов, в руки которого благодаря интригам русских генералов и ропоту русской армии по поводу того, что священной войной руководит иностранец, было теперь передано верховное командование. В пику Барклаю-де-Толли Кутузов покинул позицию при Гжатске, в результате чего русской армии пришлось принять сражение на невыгодной позиции у Бородина. В этом сражении 26 августа* Барклай, командовавший правым крылом, был единственным из генералов, который удержал свою позицию и не отступал до 27-го, прикрыв таким образом отступление русской армии, которая, если бы не он, была бы полностью уничтожена. После отступления от Бородина за Москву именно Барклай-де-Толли снова предупредил всякие бесполезные попытки защитить священную столицу.

Во время кампании 1813 г. Барклай 4 апреля взял крепость Торн, разбил Лористона при Кёнигсварте; после поражения при Бауцене 8 мая он прикрыл отступление союзной армии, выиграл сражение при Гёрлице, способствовал капитуляции Вандама и отличился в сражении при Лейпциге[76]. Во время кампании 1814 г. он не командовал какой-либо самостоятельной группой войск, и деятельность его носила скорее

* — по старому стилю; о сражении см. настоящий том, стр. 256 — 261. *Ред.*

административный и дипломатический, нежели военный характер. Строгая дисциплина, которой он подчинил войска, находившиеся под его непосредственным контролем, снискала ему доброе имя среди французского населения. По возвращении Наполеона с Эльбы он прибыл слишком поздно из Польши, чтобы принять участие в сражении при Ватерлоо, однако участвовал во втором вторжении во Францию. Он умер во время путешествия на воды в Карлсбад. Последние годы его жизни были омрачены клеветой. Он был бесспорно лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 10 — 15 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

К. МАРКС

БЕРТЬЕ

Бертье, Луи Александр — маршал Франции, князь и герцог Невшательский и Валанженский, князь Ваграмский; родился в Версале 20 ноября 1753 г., убит в Бамберге 1 июня 1815 года. Он получил военное воспитание благодаря заботам отца, начальника инженерно-топографического корпуса во время царствования Людовика XVI. Из королевского топографического бюро он перешел в армию, сначала в чине лейтенанта генерального штаба, а затем драгунского капитана. В американской войне за независимость[77] он служил под командованием Лафайета. В 1789 г. Людовик XVI назначил его начальником национальной гвардии Версаля, а 5 и 6 октября 1789 г., равно как 19 февраля 1791 г., он оказал большие услуги королевской семье[78]. Однако он понял, что революция открыла широкие возможности для военных талантов, и мы находим его поочередно начальником генерального штаба при Лафайете, Люкнере и Кюстине. Во времена террора он избежал подозрений, проявив большое усердие в вандейской войне. Проявленная им личная храбрость при обороне Сомюра 12 июня 1793 г. получила одобрительный отзыв в сообщениях комиссаров Конвента[79]. После 9 термидора[80] он был назначен начальником генерального штаба Келлермана, и, настояв на занятии французской армией линии Боргетто, содействовал тому, что наступление неприятеля было приостановлено. Таким образом, его репутация как начальника генерального штаба установилась еще до того, как Бонапарт выдвинул его на этот пост. В кампании 1796 — 1797 гг., в сражениях при Мондови (22 апреля 1796 г.), Лоди (10 мая 1796 г.), Кодоньо (9 мая 1796 г.)

и Риволи (14 января 1797 г.), он показал себя также хорошим дивизионным генералом[81].

Слабохарактерный, но упорный и энергичный, наделенный геркулесовским здоровьем, что позволяло ему работать по восемь ночей подряд, обладавший изумительной памятью на все, что касалось деталей военных действий, как-то: движения корпусов, численности войск, расквартирования, командного состава, быстрый в исполнении, так что на него всегда можно было положиться, аккуратный и точный, очень сведущий в пользовании картами, весьма проницательный в оценке особенностей местности, усвоивший искусство доносить о самых сложных военных движениях простым и ясным языком, достаточно опытный и сообразительный, чтобы знать во время боя куда следует направить полученные приказы, и умевший лично проследить за их выполнением, живой телеграф своего начальника на поле сражения и его неутомимо пишущий автомат за рабочим столом штаба, он был образцом штабного офицера для генерала, который все высшие штабные функции оставлял за собой. Несмотря на его возражения, Бонапарт в 1798 г. поставил его во главе армии, предназначенной для овладения Римом, провозглашения там республики и пленения папы[82]. Будучи одинаково не в силах ни предотвратить грабежи, совершенные в Риме французскими генералами, интендантами и поставщиками, ни прекратить бунта среди французских солдат, он передал командование генералу Массена и отправился в Милан, где влюбился в прекрасную г-жу Висконти; его экстравагантное длительное страстное увлечение ею снискало ему во время египетской экспедиции[83] прозвище вождя faction des amoureux* и стоило ему большей части тех 40000000 франков, которые в разное время пожаловал ему его высочайший повелитель.

По возвращении из Египта он поддерживал интриги Бонапарта в дни 18 и 19 брюмера[84] и был назначен на пост военного министра, который занимал до 2 апреля 1800 года. Вновь назначенный начальником генерального штаба во время второй итальянской кампании, он в известной степени содействовал тому, что Бонапарт попал в явно ложное положение при Маренго, доверившись ложным донесениям относительно маршрута и расположения австрийской армии[85]. Заключив после победы перемирие с генералом Меласом, он выполнял ряд дипломатических поручений, а затем возвратился в военное министерство, которым управлял до провозглашения империи.

* — партии влюбленных. *Ред.*

С этого времени он неотлучно находился при особе императора, которого сопровождал во всех его кампаниях в качестве начальника генерального штаба в чине генерал-майора большой армии[86]. Наполеон щедро осыпал его титулами, званиями, наградами, пенсиями и дарами. 19 мая 1804 г. он был произведен в маршалы империи, был награжден лентой большого креста Почетного легиона и получил звание обер-егермейстера Франции. 17 октября 1805 г. ему выпала честь принять участие в выработке с Макком условий капитуляции при Ульме[87]. Из прусской кампании 1806 г., он вернулся домой с титулом суверенного князя Невшателя и Валанжена. В 1808 г. ему было приказано вступить в брак с принцессой Марией-Елизаветой Баваро-Биркенфельдской, племянницей баварского короля[*], и ему было пожаловано звание вице-коннетабля Франции. В 1809 г. Наполеон назначил его главнокомандующим большой армией, предназначенной действовать из Баварии против Австрии. 6 апреля он объявил войну, а уже 15 умудрился поставить всю кампанию под угрозу. Он разделил армию на три части, поместив Даву с половиной французских сил у Регенсбурга, Массена с другой половиной — у Аугсбурга, а между ними, у Абенсберга, расположил баварцев, так что эрцгерцог Карл при быстром продвижении вперед мог бы разбить все три группы войск поодиночке. Медлительность австрийцев и прибытие Наполеона спасли французскую армию. Однако под непосредственным наблюдением своего начальника и в должности, более соответствующей его способностям, он в этой же кампании превосходно выполнял свои обязанности и к длинному списку своих титулов прибавил еще титул князя Ваграмского[88].

Во время русской кампании он потерпел провал и в должности начальника генерального штаба. После сожжения Москвы он даже оказался неспособным правильно истолковывать приказы своего начальника; однако, несмотря на его настойчивые просьбы позволить ему вернуться с Наполеоном во Францию, последний приказал ему оставаться вместе с армией в России. Ограниченность его ума и приверженность к рутине теперь полностью проявились в условиях грозного превосходства сил, против которых пришлось бороться французам. Верный своим привычкам, он отдавал батальонам, а иногда и ротам арьергарда такие приказания, словно этот арьергард состоял по-прежнему из 30000 человек; он отводил позиции полкам и дивизиям, которых давно уже не существовало,

[*] — Максимилиана I Иосифа. *Ред.*

и чтобы возместить чем-нибудь свою собственную бездеятельность, увеличивал число курьеров и предписаний. В 1813 — 1814 гг. мы опять застаем его на его обычном посту*. После объявления сенатом о низложении Наполеона Бертье под ложными предлогами улизнул от своего покровителя и еще до его отречения заявил о своей верности сенату и временному правительству[89], а затем, во главе маршалов империи, отправился в Компьен, чтобы приветствовать Людовика XVIII в самых раболепных выражениях. 4 июня 1814 г. Людовик XVIII сделал его пэром Франции и командиром роты вновь созданной королевской гвардии. Свое Невшательское княжество он уступил королю Пруссии в обмен на пенсию в 34000 флоринов. По возвращении Наполеона с Эльбы он последовал за Людовиком XVIII в Гент. Однако за сокрытие письма, полученного от Наполеона, он впал у короля в немилость и удалился в Бамберг, где 1 нюня 1815 г. был убит шестью лицами в масках, которые выбросили его из окна дворца его тестя. Мемуары Бертье были изданы в Париже в 1826 году[90].

Написано К. Марксом около 15 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

* — то есть на посту начальника генерального штаба. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

АЛЖИР [91]

Алжир — часть Северной Африки, бывшая в прошлом турецким Алжирским пашалыком, но с 1830 г. включенная в состав заморских владений Франции. На севере она омывается Средиземным морем, на востоке граничит с Тунисом, на западе с Марокко, на юге с великой пустыней Сахарой. Максимальная протяженность территории с востока на запад равняется 500 милям, с севера на юг — 200 милям. Атласский горный хребет составляет важную особенность физической географии страны, он отделяет прибрежные пахотные земли от пустыни. Он образует также водораздел для рек севера и юга страны. Главная горная цепь тянется с востока на запад, но вся страна пересекается во всех направлениях отрогами центрального хребта. Самыми высокими из гор являются Маунт Ванашрис — Mons Zaiacus Птолемея — на западе, а на востоке — Джурджура и Аурес. Они достигают почти 7000 футов высоты. Наиболее важной рекой является Шелифф. Имеются также довольно крупные реки, которые стекают с южного склона гор Атласа и теряются в пустыне. Ни одна из этих рек не судоходна. Они почти высыхают летом, но весной затопляют значительную часть страны и делают почву плодородной.

Климат некоторые путешественники не считают нездоровым. Широко распространены офтальмия и кожные болезни. Говорят, что эндемических лихорадок не бывает, но большая смертность из-за болезней во французской армии, по-видимому, дает основание для другого вывода. Воздух чист и прозрачен, лето очень жаркое, зимой временами бывает холодная погода, особенно в горной местности. На границе с пустыней почва

бесплодна и песчана, но в местностях, расположенных между гор, она плодородна, в особенности там, где поблизости протекают реки. В Алжире произрастают всевозможные зерновые растения, европейские и тропические фрукты, изумительно красивые цветы, в особенности розы, а также тот сорт сахарного тростника, который считается наиболее крупным и сахароносным из всех известных сортов. Имеется большое количество домашних животных всех видов. Лошади, разумеется, великолепны; ослы прекрасной породы и широко используются для верховой езды. Алжирский верблюд и дромадер превосходны. Мериносовая овца ведет свое происхождение отсюда, и в Испанию она попала впервые из Алжира. Нумидийский лев, пантера и леопард, страусы, а также скорпионы, змеи и другие ядовитые пресмыкающиеся встречаются в большом количестве.

Коренными жителями страны, как полагают, были берберы, иначе говоря, кабилы или мацид — они известны под этими тремя названиями. Об истории этой расы имеется мало сведений, известно лишь, что она некогда занимала всю Северо-Западную Африку и что она встречается также и на восточном побережье. Кабилы живут в горных районах. Остальные жители — арабы, потомки мусульманских завоевателей. В Алжире встречаются также мавры, турки, куллуглу[92], евреи, негры и, наконец, французы. В 1852 г. население составляло 2078035 человек, из которых 134115 были европейцы всех национальностей, кроме армии, насчитывавшей 100000 человек. Кабилы трудолюбивы, живут они в обычных деревнях; они прекрасные земледельцы и работают также в рудниках, на металлообрабатывающих предприятиях и в мастерских по обработке грубой шерсти и хлопка. Они изготовляют порох и мыло, собирают мед и воск и снабжают города домашней птицей, фруктами и другими продуктами. Арабы, следуя обычаям своих предков, ведут кочевой образ жизни и переносят свои стоянки с места на место по мере того, как их вынуждают к этому потребность в пастбищах или другие обстоятельства. Из жителей, пожалуй, наименьшим уважением пользуются мавры. Живя в городах и пользуясь большими удобствами, чем арабы и кабилы, они, вследствие постоянного гнета со стороны их турецких правителей, отличаются робостью и тем не менее сохранили свою жестокость и мстительность; в моральном же отношении они стоят очень низко.

Главными городами Алжира являются: Алжир — столица, Константина с населением около 20000 и Бон, укрепленный город на морском побережье, население которого в 1847 г.

составляло около 10000 человек. Близ него находятся коралловые промыслы, которые часто посещают занимающиеся этим промыслом французы и итальянцы. Бужи расположен в заливе того же названия. Захват этого пункта был ускорен актом насилия, совершенным в его окрестностях кабилами, которые вызвали крушение французского брига, перерубив его якорный канат, а затем разграбили его, перебив экипаж.

Внутри страны, в особенности в провинции Константина, имеются некоторые памятники древности, среди прочего развалины древнего города Ламбессы с остатками городских ворот, частями амфитеатра и мавзолеем, который поддерживают коринфские колонны. На побережье расположены Колеа и Шершель — древняя Юлия Цезарея — пункт, имеющий известное значение для французов. Здесь была резиденция Юбы, и в окрестностях ее находятся древние развалины. Оран — укрепленный город, до 1792 г. он оставался во владении испанцев, Тлемсен, бывший некогда резиденцией Абд-эль-Кадира, расположен в плодородной местности; древний город был в 1670 г. разрушен пожаром, а новый почти целиком разрушили французы. Здесь производятся ковры и одеяла. К югу от Атласа находится Заб, древняя Гетулия. Наиболее важным пунктом является Бискра, населенная миролюбивыми жителями, которых очень ценят в северных портах как слуг и носильщиков.

Алжир поочередно завоевывали римляне, вандалы и арабы. Когда в 1492 г. мавров изгнали из Испании, Фердинанд направил экспедицию против Алжира и, захватив Оран, Бужи и Алжир, стал угрожать покорением страны. Не в силах вести борьбу с могущественным завоевателем, Селим Кутеми, эмир Метиджи, плодородной равнины поблизости от города Алжира, обратился за поддержкой к туркам, и знаменитый корсар Барбаросса Орудж был послан ему на помощь. Орудж прибыл в 1516 г. и прежде всего завладел страной, собственноручно убив Селима Кутеми, после чего он напал на испанцев и в результате войны, протекавшей с переменным успехом, был вынужден укрыться в Тлемсене, где был осажден испанской армией, взят в плен и казнен в 1518 году. Его брат Хайр-эд-Дин стал его преемником. Он обратился за помощью к султану Селиму I и признал этого государя своим сувереном. В результате Селим назначил Хайр-эд-Дина пашой Алжира и послал ему войска, с помощью которых тот смог отбросить испанцев и в конце концов стать хозяином страны. За свои подвиги против христиан на Средиземном море он получил от Сулеймана I титул капудан-паши. Карл V предпринял попытку восстановить власть испанцев, и в 1541 г. мощная экспедиция,

насчитывавшая 370 кораблей и 30000 человек, пересекла Средиземное море. Но страшная буря и землетрясение рассеяли флот и нарушили всякую связь между ним и армией. Не имея убежища, подвергаясь изматывающим нападениям смелого врага, войска были вынуждены вернуться на корабли и обратиться в бегство, потеряв 8000 человек, 15 военных кораблей и 140 транспортных судов. С этого времени ведут свое начало непрерывные военные действия между берберийскими государствами[93] и мальтийскими рыцарями, что породило ту систему пиратства, благодаря которой алжирские корсары стали внушать столь большой ужас на Средиземном море и которой в продолжение столь длительного времени должны были подчиняться христианские государства. Англичане под командованием Блэка, французы под командованием Дюкена, голландцы и представители других государств в различное время совершали нападения на Алжир; Дюкен дважды подверг Алжир бомбардировке, после чего дей послал за французским консулом — представителем Людовика XIV — и, узнав от него, во сколько обошлась бомбардировка, сказал, насмехаясь, что за половину этих денег он сам бы сжег город.

Система каперства продолжала существовать, несмотря на постоянное сопротивление европейских государств; и даже берега Испании и Италии подвергались иногда нападениям головорезов, посвятивших себя этому ужасному занятию — войне и грабежу. Тысячи рабов-христиан постоянно томились в неволе в Алжире; религиозно настроенными людьми были созданы общества со специальной целью совершать ежегодно поездки в Алжир и обратно, для того чтобы выкупать пленников на средства, которые им предоставляли родственники. Тем временем власть турецкого правительства сделалась лишь номинальной. Деи, которых избирали янычары, объявили себя независимыми от Порты. Последнего турецкого пашу изгнал дей Ибрагим в 1705 году; янычары на бурных выборах избирали новых предводителей, которых они нередко убивали во время своих мятежей. Янычары вербовались среди переселенцев из Турции, и ни один местный житель, будь он даже сыном янычара и местной женщины, не допускался в их ряды. Дей время от времени посылал подарки в Константинополь в знак своей номинальной вассальной зависимости; но выплата постоянной дани была полностью прекращена, и турки, скованные своей непрерывной борьбой с Россией, были слишком слабы, чтобы покарать мятежников в далекой провинции. Указать путь к уничтожению чудовищной тирании выпало на долю молодой республики Соединенных Штатов. Во время

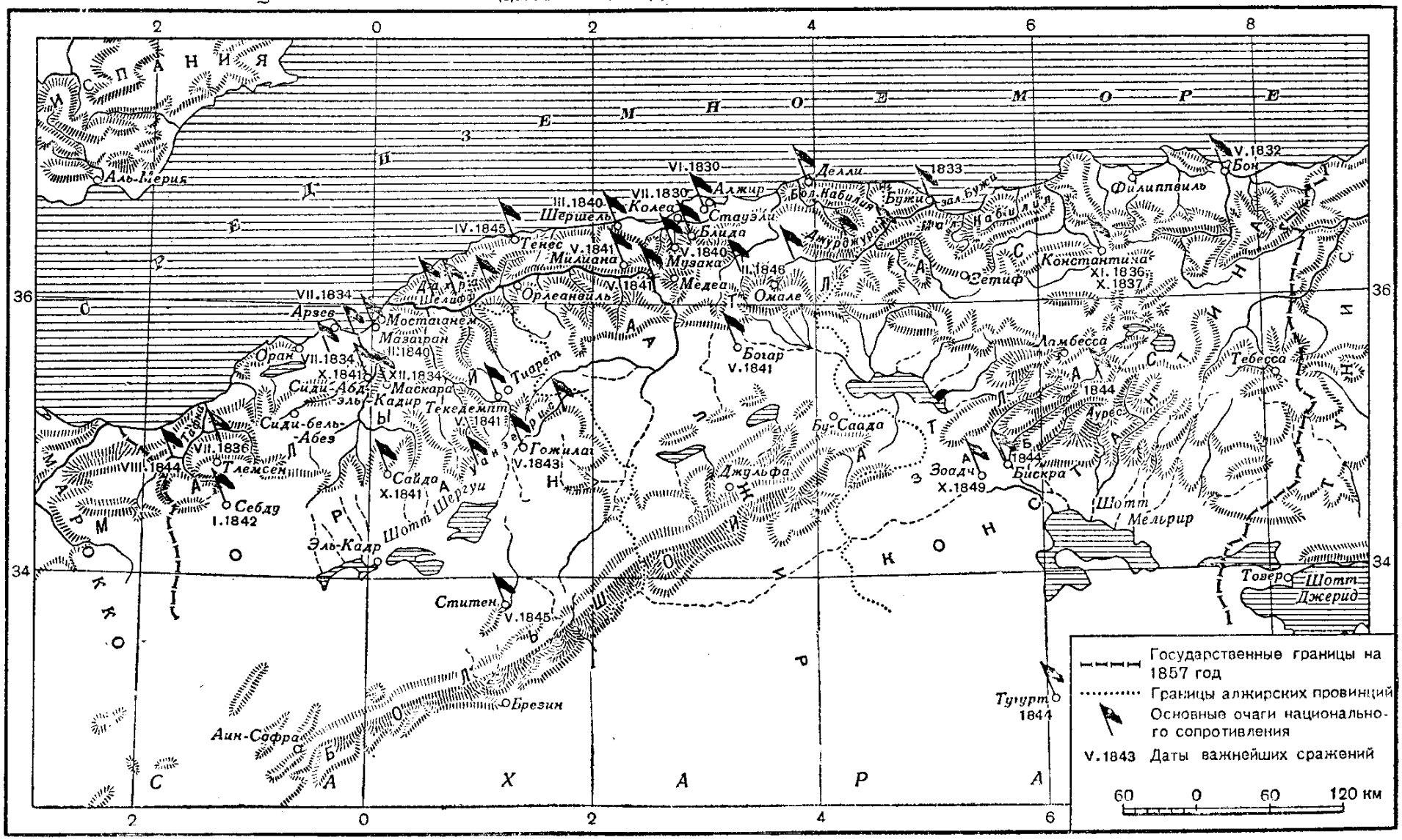
войн французской революции и наполеоновских войн могущественные флоты, находившиеся в Средиземном море, охраняли торговлю, и алжирцам пришлось временно прекратить свои незаконные вымогательства. По восстановлении мира алжирцы приступили к своим грабежам; и американцы, которые еще в 1795 г. были вынуждены, следуя примеру европейских наций, платить дею субсидию ради поддержания мира, теперь отказались выплачивать эту дань. В 1815 г. коммодор Декатур в схватке с алжирской эскадрой захватил фрегат и бриг и вошел в Алжирскую бухту, где принудил дея выдать всех американских пленников и отказаться в будущем от всяких притязаний на дань. Этому смелому примеру последовали англичане, которые под командованием лорда Эксмаута бомбардировали город в 1816 г. и, обратив его в пепел, заставили дея выдать своих пленников. Но это все же явилось лишь мерой наказания, ибо пиратство не было уничтожено; еще в 1820 г. алжирцы открыто захватывали итальянские суда в Средиземном море и даже совершали вторжения в Северное море. В 1818 г. правителем стал Хусейн-бей; в 1823 г. ввиду разграбления дома французского консула и ряда нападений на корабли, плававшие под французским флагом, ему было предъявлено требование о возмещении убытков, но безуспешно. Дело кончилось тем, что деи Алжира лично нанес оскорбление французскому консулу и употребил непочтительные выражения в адрес французского короля, не ответившего на письмо дея по поводу долга французского правительства еврейским купцам, бывшим в свою очередь должниками Хусейна[94]. Чтобы заставить дея принести извинение, была послана французская эскадра, которая блокировала Алжир. Были начаты переговоры между Францией, Мухаммедом-Али и Портой, в ходе которых Мухаммед-Али взялся завоевать при поддержке Франции Алжир и выплачивать постоянную дань султану в качестве его наместника. Этот план не был осуществлен отчасти из-за сопротивления Англии, отчасти же потому, что Мухаммед-Али и Франция не могли прийти к соглашению относительно конкретных мер по его осуществлению. Тогда правительство Карла X самостоятельно предприняло экспедицию против Алжира, и 13 июня 1830 г. армия в 38000 пехотинцев и 4000 кавалеристов под командованием генерала Бурмона высадилась у стен города Алжира. Для борьбы с этой армией Хусейн-бей набрал 60000 человек, но, допустив высадку французов, не мог оказать им эффективного сопротивления; 4 июля Алжир капитулировал на том условии, что частная собственность жителей и их религия будут уважаться и что дей и его турецкая свита должны

быть удалены. Французы завладели городом. В числе захваченной ими добычи было 12 военных кораблей, 1500 бронзовых пушек и звонкая монета стоимостью почти в 10000000 долларов. Они немедленно же разместили в Алжире гарнизон и ввели военное управление. Правительство Карла X намеревалось отдать Алжир султану, и такого рода инструкции находились уже на пути в Константинополь, когда в результате июльских событий 1830 г. Карл X был свергнут с престола[95]. Одним из первых актов его преемника[*] было решение сохранить завоеванное, и на место Бурмона в Алжир главнокомандующим был послан Клозель.

Начиная с момента первой оккупации Алжира французами до настоящего времени несчастная страна является ареной непрерывных кровопролитий, грабежей и насилий. Каждый город, большой и малый, завоевывается пядь за пядью ценой огромных жертв. Арабские и кабильские племена, которые дорожат независимостью, как сокровищем, а ненависть к иноземному господству ставят выше самой жизни, подавляются и усмиряются посредством свирепых набегов, во время которых сжигаются и разрушаются их жилища и имущество, вытаптывается их урожай, а уцелевшие несчастные существа подвергаются либо истреблению, либо всем ужасам разврата и жестокости. Французы упорно придерживаются этой варварской системы ведения войны, вопреки всем нормам гуманности, цивилизации и христианства. В оправдание прибегают к утверждениям, будто кабилы жестоки, будто им свойственна склонность к убийствам и они пытают своих пленных, и было бы, дескать, ошибкой проявлять снисходительность к дикарям. Политика цивилизованного правительства, прибегающего к lex talionis[**], вряд ли может найти оправдание, А если судить о дереве по его плодам, то можно сказать, что, после того как было израсходовано примерно 100000000 долларов и принесены в жертву сотни тысяч жизней, Алжир сделался лишь военной школой для французских генералов и солдат, в которой прошли воинскую подготовку и приобрели свои военный опыт все французские офицеры, стяжавшие лавры в Крымской войне. Что касается попытки колонизации, то сравнение числа европейцев с численностью местного населения свидетельствует о ее почти полном провале в настоящее время, и это в одной из самых плодородных стран мира, древней житнице Италии, расположенной от Франции в 20 часах пути, где недостает лишь одного: безопасности для жизни и иму-

[*] — Луи-Филиппа. *Ред.*
[**] — праву тождественного возмездия. *Ред.*

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЛЖИРЕ в первой половине XIX в.



щества, которым угрожают как друзья-военные, так и враги-дикари. Не в нашей компетенции судить, можно ли приписать эту неудачу врожденному недостатку характера французов, делающему их непригодными для эмиграции, или же неблагоразумию местной администрации. Все значительные города — Константина, Бон, Бужи, Арзев, Мостаганем, Тлемсен — были взяты штурмом и подвергнуты всем сопутствующим ему ужасам. Местные жители с чувством глубокой неприязни подчинялись своим турецким правителям, которые, по крайней мере, имели то достоинство, что были их единоверцами; но они не обнаружили никакого преимущества в так называемой цивилизованности нового правления, к которому они к тому же в полной мере питали отвращение, порожденное религиозным фанатизмом. Каждый новый губернатор являлся лишь для того, чтобы повторить все жестокости своего предшественника; в прокламациях говорилось о самых благих намерениях, но оккупационная армия, передвижения войск, ужасные жестокости, совершавшиеся обеими сторонами, — все это опровергало заявления о мире и доброй воле.

В 1831 г. барон Пишон был назначен гражданским интендантом; он пытался организовать систему гражданской администрации, которая должна была бы действовать наряду с военным управлением, но так как его мероприятия привели бы к установлению контроля над главнокомандующим, то это вызвало раздражение Савари, герцога де Ровиго, прежнего наполеоновского министра полиции, и по его предложению Пишона отозвали. При Савари Алжир был превращен в место ссылки для всех, кого подвела под бич закона неблагонадежность в политическом или социальном отношении; в Алжир был введен иностранный легион, солдатам которого было запрещено посещать города. В 1833 г. в палату депутатов была подана петиция, в которой говорилось:

«В продолжение 3 лет мы терпели всевозможные несправедливости. Стоит только подать жалобы властям, как на них отвечают новыми зверствами, направленными прежде всего против тех, кто их подавал. В результате никто не решается что-либо сделать; именно поэтому под этой петицией нет подписей. О господа, умоляем вас во имя гуманности освободить нас от этой гибельной тирании, снять с нас эти рабские цепи. Если страна будет оставаться на военном положении, если в ней не будет гражданской власти, то мы погибли; для нас никогда не настанет мира».

Эта петиция привела к созданию комиссии по расследованию, в результате чего была введена гражданская администрация. После смерти Савари, при ad interim* управлении

* — временном. *Ред.*

генерала Вуароля было положено начало некоторым мероприятиям, рассчитанным на то, чтобы успокоить возбуждение: были начаты осушение болот, улучшение дорог, создание местной милиции. Но все это было прекращено, когда вернулся маршал Клозель, под командованием которого была предпринята первая и весьма неудачная экспедиция против Константины[96]. Его управление было столь неудовлетворительным, что в 1836 г. в Париж была направлена петиция, подписанная 54 видными лицами, имеющими отношение к административным вопросам, с просьбой расследовать его злоупотребления. Это привело в конечном счете к отставке Клозеля. В течение всего периода царствования Луи-Филиппа предпринимались попытки колонизации, единственным результатом которых явилась земельная спекуляция; бесполезными оказались попытки создания военных колоний, так как колонисты-земледельцы были в безопасности лишь поблизости от орудий своих блокгаузов; предпринимались также попытки заселения восточной части Алжира и изгнания Абд-эль-Кадира из Орана и с запада[97]. В результате поражения этого неутомимого и бесстрашного вождя страна была в такой мере усмирена, что большое племя гамианов-гарабов тотчас же изъявило покорность.

Во время революции 1848 г. генерал-губернатором провинции вместо герцога Омальского был назначен генерал Кавеньяк. Позднее он и принц Жуанвильский, также пребывавший в Алжире, ушли в отставку. Но республика оказалась не более удачливой в управлении этой провинцией, чем монархия. Несколько губернаторов сменили один другого в продолжение ее недолгого существования, В Алжир отправляли колонистов обрабатывать землю, но они либо умирали, либо бросали начатое дело, проникшись к нему отвращением. В 1849 г. генерал Пелисье выступил против нескольких племен и деревень Бени Силлема; их урожай и все имущество, которое удалось захватить, были по обыкновению сожжены и уничтожены, так как они отказались платить подать. В Забе — плодородной местности, расположенной на границе с пустыней, — вспыхнули крупные волнения, вызванные проповедью одного марабута[98]; туда была отправлена экспедиция, насчитывавшая 1200 человек, которую повстанцам удалось разбить. Оказалось, что восстание широко распространено и что его вдохновителями были тайные организации, называемые «Сиди Абдеррахман», главной целью которых являлось истребление французов. Восставших удалось сломить лишь после того, как против них была выслана экспедиция под командованием генералов Канробера и Эрбийона; осада же арабского города Зоадча пока-

зала, что коренные жители отнюдь не утратили храбрости и не прониклись любовью к своим завоевателям. Город отбивал атаки осаждающих в течение 51 дня и в конце концов был взят штурмом. Малая Кабилия не сдавалась вплоть до 1851 г., когда генерал Сент-Арно покорил ее и таким путем установил линию коммуникаций между Филиппвилем и Константиной.

Французские сводки и французские газеты полны заявлений о мире в Алжире и о процветании этой страны. Но это является данью национальному тщеславию. Внутренние районы страны до сих пор, как и прежде, не колонизованы. Господство французов носит совершенно иллюзорный характер, если не считать побережья, городов и их окрестностей. Племена продолжают отстаивать свою независимость и ненавидеть французский режим, а зверская система набегов все еще практикуется. Например, в 1857 г. маршалом Рандоном был предпринят увенчавшийся успехом набег на деревни и селения еще не покоренных кабилов с целью присоединения их территории к французским владениям. Местным населением до сих пор управляют железной рукой, а непрерывные восстания свидетельствуют о непрочности французской оккупации и призрачности мира, который поддерживается такими средствами. Так, в Оране в августе 1857 г. происходил процесс, на котором капитан Дуано, начальник Bureau Arabe[99], был признан виновным в убийстве видного и богатого местного жителя; этот процесс показал, с какой крайней жестокостью и деспотизмом обычно пользуются своей властью французские чиновники, даже чиновники низших рангов, что не могло не привлечь внимания всего мира.

В настоящее время губернаторство разделено на три провинции: Константина на востоке, Алжир в центре и Оран на западе. Страна подчинена власти генерал-губернатора, который является также главнокомандующим; его помощники — секретарь и гражданский интендант; при нем имеется также совет, состоящий из руководителя ведомства внутренних дел, командующего военно-морскими силами, командующего сухопутными силами и руководителя ведомства юстиции; в обязанность совета входит утверждение актов губернатора. В Conseil des contentieux* рассматриваются гражданские и уголовные правонарушения. В провинциях, где было организовано гражданское управление, имеются мэры, судьи и полицейские комиссары. Племена, исповедующие магометанскую религию, продолжают иметь своих кади: но у них введена система

* — Совете по разбирательству тяжб. *Ред.*

третейского суда, которую они будто бы предпочитают, и имеется чиновник (l'avocat des Arabes*), на которого специально возложена защита интересов арабов во французских трибуналах.

Торговля Алжира, как это установлено, значительно возросла со времени французской оккупации. Стоимость импорта равняется примерно 22000000 долларов, стоимость экспорта — 3000000 долларов. Предметами импорта являются хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые изделия, зерно, мука, известь и рафинированный сахар; экспортируются необработанные кораллы, кожи, пшеница, растительное масло, шерсть и некоторые другие мелкие предметы.

Написано Ф. Энгельсом около 17 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке впервые частично опубликовано в журнале «Советское востоковедение» № 5, 1958 г.

* — адвокат арабов. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОЕВЫЕ ПРИПАСЫ

Боевые припасы — необходимые для применения огнестрельного оружия снаряды, заряды и средства для затравки, причем в обычном своем понимании данный термин означает все эти предметы в готовом для использования виде. Так, боевые припасы для стрелкового оружия составляют патроны и пистоны (для ружей с кремневым замком или игольчатых ружей эти последние, разумеется, не нужны); боевые припасы для полевой артиллерии составляют ядра, заряженные бомбы, картечь, шрапнель, заряды, снарядные трубки, фитили, воспламенители и т. д., а также ракеты для ракетных батарей. В крепостях и во время осады порох обычно хранится в бочках, а когда это необходимо, из него составляют заряды; таким же образом поступают и с различными боевыми смесями, требуемыми при осаде; полые снаряды также начиняются на месте. Количество боевых припасов, имеющихся. у действующей армии, зависит от обстоятельств. Обычно пехотинец несет на себе 60 патронов, изредка больше; и столько же патронов на каждого солдата везут на повозках, сопровождающих армию; остальные запасы их находятся позади, в парковых колоннах, на расстоянии в один — два перехода. В полевой артиллерии 150 — 200 снарядов на орудие всегда имеется при батарее, частью в коробах орудийных передков, частью в отдельных зарядных ящиках; еще по 200 снарядов обычно находится в армейских резервах боевых припасов, а третья партия следует в парковых колоннах. Так обычно обстоит дело в

большинстве цивилизованных армий, но, разумеется, только в начале кампании; после нескольких месяцев военных действий запасы боевых припасов обычно оказываются сильно истощенными, иногда теряются после проигранных сражений, а пополнение их часто затруднено и происходит медленно.

Написано Ф. Энгельсом около 17 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

БЕННИГСЕН [100]

Беннигсен, Левин Август Теофиль, граф — русский генерал; родился 10 февраля 1745 г. в Брауншвейге, где его отец служил в гвардии полковником, умер 2 октября 1826 года. Он провел пять лет в качестве пажа при ганноверском дворе Георга II; поступил на службу в ганноверскую армию и, продвинувшись до чина капитана пешей гвардии, принял участие в последней кампании Семилетней войны. Его чрезмерная страсть к прекрасному полу вызвала в то время больше толков, нежели его военные подвиги. Для того, чтобы жениться на дочери барона Штейнберга, ганноверского посла при венском дворе, он оставил службу в армии и удалился в свое ганноверское имение Бантелн; вследствие расточительного образа жизни, он безнадежно запутался в долгах и после смерти жены решил для восстановления своего состояния поступить на русскую военную службу. Произведенный Екатериной II в подполковники, он служил сначала под командованием Румянцева против турок, затем под командованием Суворова против повстанца Пугачева. Получив отпуск, он отправился в Ганновер, чтобы добиться руки мадемуазель фон Швигельт, славившейся своей красотой. По возвращении в Россию он, благодаря протекции Румянцева и Потемкина, получил командование полком. Отличившись в 1788 г. при осаде Очакова[101], он получил звание бригадира. Во время польской кампании 1793 — 1794 гг. командовал отрядом легких войск, а после боев под Ошмянами и Солами был произведен в генералы; прорвав, во главе конницы, центр польской армии, он обеспечил победоносный исход сражения при Вильно[102], а в результате нескольких смелых

неожиданных нападений, успешно осуществленных на берегах нижнего Немана, был награжден Екатериной II орденом св. Владимира, почетным оружием и 200 крепостных крестьян. Во время польской кампании он обнаружил качества хорошего кавалерийского офицера — пыл, отвагу, быстроту, — но не выявил более высокого призвания, необходимого для командующего армией. После польской кампании он был отправлен в действовавшую в Персии армию, где десятидневной бомбардировкой принудил к сдаче Дербент, на Каспийском море[103]. Орден св. Георгия 3-й степени был последней наградой, полученной им от Екатерины II, после смерти которой он был отозван и подвергнут опале ее преемником.

Военный губернатор С.-Петербурга граф Пален организовал в то время заговор, который стоил жизни Павлу. Зная решительный характер Беннигсена, Пален посвятил его в тайну и дал ему почетное поручение — ввести заговорщиков в спальню императора. Именно Беннигсен вытащил Павла из камина, куда тот спрятался, и, когда после отказа Павла отречься от престола другие заговорщики стали колебаться, Беннигсен воскликнул: «довольно разговоров!», снял свой шарф, бросился на Павла и после борьбы, в которой ему помогали остальные, задушил жертву. Чтобы ускорить дело, Беннигсен ударил Павла по голове тяжелой серебряной табакеркой. По восшествии на престол Александра I Беннигсен сразу же получил пост командующего в Литве.

В начале кампании 1806 — 1807 гг. он командовал одним из корпусов первой армии, находившейся под начальством Каменского, вторым корпусом командовал Буксгевден. После тщетных попыток прикрыть Варшаву от французов, он был принужден отступить к Пултуску на Нареве и здесь, 26 декабря 1806 г., сумел отразить атаку Ланна и Бернадота, ибо значительно превосходил их численностью, так как главные силы Наполеона наступали на вторую русскую армию. Беннигсен отправлял Александру хвастливые донесения и, с помощью интриг против Каменского и Буксгевдена, вскоре добился назначения главнокомандующим армией, которой предстояло действовать против Наполеона. В конце января 1807 г. он предпринял наступательный маневр против войск Наполеона, стоявших на зимних квартирах, и чисто случайно избежал ловушки, устроенной ему последним, после чего между ним и противником произошло сражение при Эйлау. Эйлау пал 7 февраля, главное же сражение, которое Беннигсену пришлось принять, чтобы остановить ожесточенное преследование со стороны Наполеона, разыгралось 8 февраля. Стойкость русских

войск, прибытие пруссаков под командованием Лестока и медлительность, с которой отдельные французские корпуса прибывали на поле боя, сделали победу сомнительной. Каждая из сторон претендовала на право считаться победительницей, но как бы то ни было, по словам самого Наполеона, битва при Эйлау была самым кровопролитным из всех его сражений. Беннигсен отслужил Te Deum* и получил от царя русский орден, пенсию в 12000 рублей и поздравительное письмо, восхваляющее его как «победителя того, кто еще никогда не был побежден».

Весной он укрепился в Хейльсберге и упустил случай атаковать Наполеона, пока часть французской армии была занята осадой Данцига[104], но после падения Данцига и соединения всех сил французской армии он решил, что время для атаки наступило. Сначала его задержал авангард Наполеона, численность которого равнялась только трети его собственных войск, а вскоре маневр Наполеона вынудил его отступить назад к своему укрепленному лагерю. Здесь Наполеон 10 июня безрезультатно атаковал его силами всего двух корпусов и нескольких батальонов гвардии, но на следующий день принудил его оставить свой лагерь и отступить. Однако совершенно неожиданно, не дождавшись корпуса в 28 000 человек, который дошел уже до Тильзита, Беннигсен вновь перешел в наступление, занял Фридланд, где и расположил свою армию, имея в тылу реку Алле и фридландский мост в качестве единственного пути отхода. Вместо того, чтобы быстро продвинуться вперед, прежде чем Наполеон мог сосредоточить свои войска, он позволил Ланну и Мортье в продолжение пяти-шести часов отвлекать его внимание до тех пор, пока к пяти часам Наполеон не подготовил свои войска и не приказал им перейти в атаку. Русские были отброшены к реке, Фридланд взят, а мост разрушен самими же русскими, хотя все их правое крыло находилось еще на противоположном берегу. Так было проиграно сражение 14 июня при Фридланде, стоившее русской армии свыше 20000 человек. Говорили, что Беннигсен находился в то время под влиянием своей жены, польки. Во время всей этой кампании Беннигсен делал ошибку за ошибкой, причем все его поведение представляло удивительное сочетание безрассудной опрометчивости и беспомощной нерешительности.

В течение кампании 1812 г. его деятельность протекала по преимуществу в главной квартире императора Александра, где он интриговал против Барклая-де-Толли с целью занять

* — молебен, во время которого поют гимн: «Te Deum laudamus» («Тебя, бога, хвалим»). *Ред.*

его место. Во время кампании 1813 г. он командовал русской резервной армией, и на поле сражения под Лейпцигом был возведен Александром в графское достоинство. Получив после этого приказ вытеснить Даву из Гамбурга, он осаждал его до тех пор, пока отречение Наполеона в апреле 1814 г. не положило конец военным действиям. Тогда он без боя занял Гамбург, за что потребовал новых почестей и наград и получил их С 1814 до 1818 г. Беннигсен командовал Южной армией в Бессарабии, после чего, наконец, удалился в свое ганноверское имение, где и умер, растратив большую часть своего состояния и оставив своих детей без средств на русской службе.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 10 — 22 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

К. МАРКС

БЛЮМ

Блюм, Роберт — один из мучеников германской революции; родился в Кёльне 10 ноября 1807 г., казнен в Вене 9 ноября 1848 года. Он был сыном бедного подмастерья-бондаря, умершего в 1815 г., и оставившего после себя в нужде троих детей и вдову, которая в 1816 г. снова вышла замуж за простого грузчика на лихтере. Этот второй брак оказался несчастливым, и нищета семьи достигла предела во время голода 1816 — 1817 годов. В 1819 г. юный Роберт, будучи католического вероисповедания, получил место церковного служителя; затем он поступил учеником к позолотчику, позднее — к портупейному мастеру и, согласно немецкому обычаю, сделался странствующим подмастерьем, но не справился с требованиями своего ремесла и после непродолжительной отлучки вынужден был вернуться в Кёльн. Здесь он нашел себе работу на фонарном предприятии и снискал расположение своего хозяина, который выдвинул его на работу в конторе; ему довелось сопровождать своего патрона в его поездках по южногерманским государствам, а в 1829 — 1830 гг. он жил с ним в Берлине. В течение этого времени он старался упорным трудом приобрести нечто вроде энциклопедического образования, не обнаруживая, однако, явного призвания или выдающихся способностей в какой-либо конкретной научной области. В 1830 г. он был призван на военную службу, которая является обязательной для каждого прусского подданного, и его отношения с его покровителем прервались. Через шесть недель он был уволен из армии и, потеряв свое место, вернулся в Кёльн почти в таком же положении, в каком он дважды покидал этот город.

Нищета его родителей и его собственное отчаянное положение заставили его принять от директора Кёльнского театра Рингельгардта должность человека на побегушках при театре. Связь Блюма со сценой, хотя и в качестве скромного служащего, привлекла его внимание к драматургии, а политическое оживление, которое французская июльская революция вызвала во всей Рейнской Пруссии, открыло ему доступ в некоторые политические кружки и позволило поместить свои стихотворения в местных газетах.

В 1831 г. Рингельгардт, который тем временем переехал в Лейпциг, назначил Блюма кассиром и секретарем в Лейпцигском театре; эту должность он занимал до 1847 года. С 1831 по 1837 г. он сотрудничал в таких лейпцигских газетах для семейного чтения, как «Komet», «Abend-Zeitung»[105] и др., выпускал «Театральную энциклопедию», «Друга конституции», альманах под заглавием «Vorwarts» и прочие издания. На его произведениях лежит печать известной обывательской посредственности. Более поздние из них были кроме того испорчены избытком плохого вкуса. Начало его политической деятельности относится к 1837 г., когда в качестве представителя делегации лейпцигских граждан он вручил почетный подарок двум оппозиционным депутатам саксонского ландтага. В 1840 г. он стал одним из основателей, а в 1841 г. одним из руководителей Шиллеровского общества и Союза немецких литераторов[106]. Его сотрудничество в политической газете «Sachsische Vaterlands-Blatter»[107] сделало его самым популярным журналистом Саксонии и предметом особых преследований со стороны правительства. Так называемый немецкий католицизм[108] нашел в его лице горячего сторонника. Он основал немецко-католическую общину в Лейпциге и в 1845 г. стал ее духовным главой. 12 августа 1845 г., когда перед стрелковыми казармами в Лейпциге состоялось огромное собрание вооруженных граждан и студентов, грозивших разнести казармы, чтобы отомстить за кровопролитие, учиненное накануне ротой стрелков[109], Блюм, благодаря присущему ему народному красноречию, убедил возбужденные массы не отклоняться от дозволенных законом методов сопротивления и взял на себя инициативу в ведении судебного процесса о законном возмещении. В награду за его усилия саксонское правительство возобновило против него свои преследования, которые завершились закрытием в 1848 г. «Vaterlands-Blatter».

Когда вспыхнула февральская революция 1848 г., Блюм стал центральной фигурой либеральной партии Саксонии; он основал Отечественный союз[110], который вскоре охватил свыше

40000 членов, и вообще проявил себя как неутомимый агитатор. Посланный городом Лейпцигом в Предпарламент, он выполнял в нем функции вице-председателя и, предупредив уход en masse* оппозиции, способствовал сохранению этого учреждения. После его роспуска он стал членом оставшейся после него комиссии, а позднее депутатом Франкфуртского парламента, в котором был лидером умеренной оппозиции[111]. В своей политической теории он ставил целью увенчать устройство Германии республикой, имеющей, однако, своей основой различные традиционные королевства, герцогства и т. п., ибо, по его мнению, только эти последние могли сохранить в неприкосновенности то, что он считал особо привлекательной чертой немецкого общества, а именно независимое развитие его различных сословий. Как оратор, он отличался доходчивостью, был довольно театрален и пользовался большой популярностью.

Когда весть о восстании в Вене[112] достигла Франкфурта, ему было поручено, совместно с несколькими другими депутатами германского парламента, отвезти в Вену адрес, составленный парламентской оппозицией. В качестве представителя делегации он вручил адрес общинному совету Вены 17 октября 1848 года. Он вступил в ряды студенческого корпуса и во время боев командовал баррикадой. После захвата Вены Виндишгрецем он спокойно сидел за беседой в гостинице, как вдруг гостиница была окружена солдатами, и сам он арестован. Представ перед военным судом, он не пожелал унизить себя отказом от своих слов и поступков. Его приговорили к виселице, но казнь через повешение была заменена расстрелом. Казнь состоялась в Бригиттенау на рассвете.

Написано К. Марксом 22 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии.

Перевод с английского

* — массовый. *Ред.*

К. МАРКС

БУРЬЕНН

Бурьенн, Луи Антуан Фовеле — личный секретарь Наполеона; родился в Сансе 9 июля 1769 г., умер близ Кана 7 февраля 1834 года. В 1778 г. он поступил в военную школу в Бриенне и пробыл там около шести лет, будучи школьным товарищем Наполеона. С 1789 по 1792 г. он находился в качестве атташе французского посольства в Вене, изучал международное право и языки северных народов в Лейпциге, побывал при дворе Понятовского в Варшаве. После своего возвращения в Париж он возобновил близкие отношения с Наполеоном, который в то время был бедным офицером и не имел друзей; но решительный оборот, который приняли революционные события после 20 июня 1792 г.[113], заставили Бурьенна возвратиться в Германию. В 1795 г. он опять вернулся в Париж и здесь снова встретился с Наполеоном, который впрочем обошелся с ним холодно; но к концу 1796 г., после того как Бурьенн вновь обратился к Наполеону, он был вызван в главную квартиру и тут же назначен его личным секретарем. После второй итальянской кампании[114] Бурьенн получил титул члена Государственного совета, поселился в Тюильри и был принят в семейном кругу первого консула. В 1802 г. торговый дом Кулонов, поставщиков армии, тайным компаньоном которого стал Бурьенн и которому он устроил выгодную сделку на поставку всего кавалерийского снаряжения, обанкротился с дефицитом в 3 миллиона. Глава дома скрылся, а Бурьенна выслали в Гамбург, В 1806 г. ему было поручено наблюдать за точным соблюдением в Гамбурге континентальной системы Наполеона[115]. Гамбургский сенат, с которого Бурьенн взыскал 2000000 франков,

и император Александр, родственника которого, герцога Мекленбургского, Бурьенн также оштрафовал, возбудили против него обвинение в хищениях; Наполеон послал комиссию для расследования его поведения и приказал ему возвратить 1000000 франков в императорскую казну.

Попав таким образом в немилость и потеряв свое состояние, Бурьенн жил в Париже вплоть до падения Наполеона в 1814 году; тогда он снова появился на сцене, вернул свой миллион, получив его от французского временного правительства[116], и был назначен генеральным директором почт. С этого поста он был смещен Людовиком XVIII, но при первых же слухах о возвращении с Эльбы Наполеона назначен им же префектом парижской полиции; на этом посту он оставался в течение восьми дней. Так как Наполеон в своем декрете, подписанном в Лионе 13 марта, исключил его из числа лиц, подлежащих общей амнистии, то он последовал за Людовиком XVIII в Бельгию, оттуда был отправлен в Гамбург, а после возвращения в Париж назначен членом Государственного совета, а затем министром. Денежные затруднения заставили его в 1828 г. искать убежища в Бельгии в имении герцогини Бранка в Фонтен-л'Эвек, неподалеку от Шарлеруа. Здесь при содействии г-на де Вильмаре и других он написал свои «Мемуары» (10 томов in 8°), которые вышли в 1829 г. в Париже и вызвали большую сенсацию[117]. Он умер в доме для умалишенных.

Написано К. Марксом 22 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III. 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ

Столкновение двух групп войск противников называется сражением, когда эти группы составляют главные силы армий обеих сторон или по крайней мере действуют самостоятельно на своем особом театре военных действий. До применения пороха исход сражений решался подлинно рукопашной борьбой. У греков и македонян дело решала атака ощетинившейся копьями сомкнутой фаланги и последующая непродолжительная схватка мечами. У римлян построение легиона в три линии позволяло при нападении повторять атаку силами второй линии и осуществлять решающий маневр третьей линией. Римская линия подходила к неприятелю на расстояние 10 — 15 ярдов, метала в него свои пилу мы — очень тяжелые метательные копья, — а затем вступала в рукопашный бой мечами. Если первая линия бывала отброшена, то через ее интервалы наступала вторая, если же и тогда сопротивление оказывалось не сломленным, то третья линия, или резерв, атаковала центр противника или обрушивалась на один из его флангов. В течение средних веков исход основных боев должна была решать атака одетой в стальную броню рыцарской кавалерии, пока применение артиллерии и ручного огнестрельного оружия не вернуло преобладание пехоте. С этих пор превосходство к количестве и в конструкции огнестрельного оружия у той или другой армии являлось главным элементом в сражении, пока в XVIII столетии все армии Европы не вооружили свою пехоту ружьями и почти сравнялись друг с другом по качеству своего огнестрельного оружия. Именно тогда решающим элементом сделалось число выстрелов в данный промежуток

времени при наличии известной средней точности попадания. Пехота стала выстраиваться в длинные линии глубиной в три шеренги; ее обучали с величайшей тщательностью для того, чтобы обеспечить непрерывность и частоту огня, доходившую до пяти выстрелов в минуту. Длинные линии медленно наступали друг на друга, все время ведя огонь, при поддержке артиллерии, стрелявшей картечью; в конце концов потери, понесенные одной из сторон, заставляли ее дрогнуть, а другая сторона пользовалась этим моментом, чтобы броситься в штыки, чем обычно и решалось дело. Если одна из двух армий занимала позицию еще до начала сражения, то другая обычно пыталась атаковать ее под острым углом так, чтобы обойти с фланга и затем окружить одно из ее крыльев; это крыло, а также прилегающая часть центра таким образом приводились превосходящими силами в беспорядок и превращались в скученную толпу, по которой наступающая сторона била из своей тяжелой артиллерии. Это был любимый маневр Фридриха Великого, особенно успешно примененный им при Лейтене[118]. Кроме того, на дрогнувшую неприятельскую пехоту иногда пускали кавалерию и во многих случаях добивались блестящих успехов; однако в общем исход сражения решался частым огнем пехотных линий, и этот огонь был столь действенен, что сражения этого периода являлись самыми кровопролитными сражениями нового времени. При Колине Фридрих Великий потерял 12000 человек из 18000, а при Кунерсдорфе 17000 из 30000[119], между тем как в самом кровопролитном сражении всех кампаний Наполеона, при Бородине[*], русские потеряли не многим меньше половины своих войск убитыми и ранеными.

Французская революция и Наполеон полностью изменили картину сражений. Армия была организована в дивизии, численностью около 10000 человек, включавшие пехоту, кавалерию и артиллерию; она уже сражалась не только в линейном строю, но также в колоннах и в рассыпном строю. При таких боевых порядках уже не было необходимости избирать полем сражения только открытые равнины; для этой цели стали предпочитать леса, деревни, фермы, любую пересеченную местность. С тех пор как этот новый боевой порядок был принят всеми армиями, сражение сделалось совершенно иным по сравнению с тем, чем оно было в XVIII столетии. Тогда, хотя армия обычно и выстраивалась в три линии, судьба сражения решалась одной или, самое большее, двумя или тремя атаками, быстро следовавшими одна за другой; теперь же сражение может

[*] См. настоящий том, стр. 256 — 261. *Ред.*

длиться целый день и даже два или три дня, причем в течение всего этого времени атаки, контратаки и маневры следуют друг за другом с переменным успехом. В настоящее время сражение обычно завязывается авангардом наступающей стороны, который высылает вперед стрелков и поддерживающие их группы. Как только стрелки наталкиваются на серьезное сопротивление, что обычно случается на местности, благоприятной для обороны, вперед выдвигается легкая артиллерия под прикрытием стрелков и небольших отрядов кавалерии, а главные силы авангарда занимают позицию. Затем, как правило, начинается канонада, причем известное число боевых припасов расходуется с целью облегчить разведку и заставить неприятеля обнаружить свои силы. Тем временем одна за Другой прибывают дивизии, которые направляют на те или иные боевые позиции в зависимости от характера уже разведанных данных о действиях противника, В удобных для атаки пунктах высылаются вперед стрелки, поддерживаемые, где это необходимо, линейной пехотой и артиллерией; подготовляются атаки на флангах, войска сосредоточиваются для атаки важных пунктов перед главной позицией неприятеля, который тоже принимает соответствующие меры. Осуществляется ряд маневров с целью поставить под угрозу оборонительные позиции или в ответ на ожидаемую атаку создать для противника опасность контратаки. Постепенно армия сближается с неприятелем, пункты атаки окончательно определяются, и ударные группы выступают с укрытых позиций, которые они занимали до сих пор. На этой стадии боя преобладает огонь линейной пехоты и артиллерии, направленный на пункты, намеченные для атаки; затем следует выдвижение войск, предназначенных для атаки, причем время от времени происходят атаки небольших отрядов кавалерии. Завязывается борьба за важные пункты; они переходят из рук в руки, причем обе стороны поочередно подбрасывают свежие силы. Интервалы между такими пунктами становятся теперь полем сражения для развернутых линий пехоты, а иногда и для штыковых ударов, которые впрочем редко выливаются в настоящую рукопашную схватку, тогда как в деревнях, на фермах, в окопах и т. д. штык действительно пускается в ход довольно часто. На этой открытой местности, как только представляется удобный случай, вперед устремляется также и кавалерия, меж тем как артиллерия продолжает вести огонь и продвигаться на новые позиции. Пока сражение таким образом протекает с переменным успехом для сторон, все более выясняются намерения, расположение и особенно силы обеих сражающихся армий;

в сражение вводится все большее количество войск, и вскоре становится ясным, какая сторона располагает более крупными резервами нетронутых сил для окончательной и решающей атаки. Либо наступающая сторона до сих пор имела успех, и тогда она может отважиться на то, чтобы бросить свои резервы против центра или фланга обороняющейся стороны, либо атаки все это время отражались и не могут быть поддержаны свежими силами, и в этом случае обороняющаяся сторона может двинуть вперед свои резервы и мощной атакой превратить отражение противника в его разгром. В большинстве случаев решающая атака направляется против какого-либо участка неприятельского фронта с целью прорвать его. Против избранного участка сосредоточивается как можно больше артиллерии; пехота наступает сомкнутыми боевыми порядками, и как только ее атака окажется успешной, кавалерия устремляется в образовавшийся таким образом прорыв, разворачиваясь направо и налево, атакует линии неприятеля с фланга и тыла, заставляя его, так сказать, свертываться в направлении его обоих крыльев. Однако, чтобы такая атака действительно могла стать решающей, ее необходимо предпринимать со значительными силами и не раньше, чем неприятель ввел в дело свои последние резервы; иначе понесенные потери совершенно не будут соответствовать достигнутым, весьма ничтожным в этом случае, результатам и могут даже явиться причиной проигрыша сражения. В большинстве случаев полководец предпочтет прервать сражение, принимающее явно неблагоприятный оборот, нежели вводить в дело свои последние резервы и ждать решающего удара противника; при современной организации и тактике это, большей частью, можно осуществить со сравнительно небольшими потерями, так как после упорного сражения неприятель обычно также находится в состоянии сильного расстройства. Резервы и артиллерия занимают новые позиции в тылу; под их прикрытием войска последовательно выводятся из сражения и отступают. Совершится отступление в надлежащем порядке или нет, зависит в таких случаях от быстроты преследования. Против войск, пытающихся выйти из сражения, неприятель вышлет свою кавалерию, и потому для оказания поддержки этим войскам должна быть также наготове кавалерия. Но если кавалерия отступающей стороны будет разгромлена, а пехота настигнута раньше, чем она окажется вне досягаемости, то в таком случае разгром становится всеобщим, и арьергарду, как это обычно бывает, на его новой оборонительной позиции приходится очень туго, пока не наступит ночь.

Таков обычный тип современного сражения при условии, что стороны приблизительно равны по численности и по уровню командования. При явном превосходстве одной из сторон все дело значительно упрощается, и имеют место бесчисленные варианты различных комбинаций; однако при всех обстоятельствах современные сражения между армиями цивилизованных стран носят в целом описанный выше характер.

Написано Ф. Энгельсом около 21 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

БАТАРЕЯ [120]

В полевой артиллерии этот термин означает известное число орудий, от 4 до 12, с необходимым количеством лошадей, артиллеристов и снаряжения, обычно предназначенных для совместного действия в бою. У англичан и французов в батарее 6 орудий, у пруссаков и австрийцев — 8, у русских — 8 или 12 орудий. Полевые батареи делятся на легкие, тяжелые и гаубичные; в некоторых странах кроме того имеются горные батареи. При описании боевой позиции слово батарея употребляется также для обозначения любого места, где располагаются орудия. В осадной артиллерии батарея означает либо один из фронтов крепости, вооруженный орудиями, либо же специально некоторое количество орудий, расположенных в линию для ведения огня по крепости и прикрытых парапетом. Под сооружением батареи подразумевается именно устройство этого парапета и площадок для орудий. По своим профилям батареи бывают возвышенные, полууглубленные и углубленные; по вооружению — пушечные, гаубичные, мортирные; по способам укрытия — батареи с амбразурами, барбетные батареи (без амбразур) и казематированные батареи (с укрытием от бомб). По своему назначению батареи бывают демонтирные, предназначенные для выведения из строя орудий одного из фронтов крепости, параллельно которому они сооружаются; рикошетные батареи, устанавливаемые на продолжении одного из фронтов и предназначенные для обстрела его продольным огнем, их ядра и бомбы пролетают как раз над парапетом вдоль фронта, отскакивая от земли на небольшую высоту; мортирные батареи для бомбардировки внутренней части бастионов и строений

внутри крепости; брешь-батареи для разрушения облицованных камнем стенок эскарпа крепостного вала; контрбатареи, сооруженные на гребне гласиса против фланков, для подавления огня с фланка, прикрывающего ров перед брешью. Береговые батареи являются укреплениями, которые возводятся в определенных пунктах морского побережья для действий против вражеских военных кораблей; они бывают либо постоянными, — в этом случае они обычно сооружаются из камня и часто имеют казематы с орудиями, расположенными в несколько ярусов, — либо временными земляными сооружениями, как правило, с барбетным расположением орудий, обеспечивающим более широкий обстрел; в обоих случаях они обычно прикрываются с тыла от внезапной атаки пехотного десанта.

Для устройства батареи, представляющей собой земляное сооружение, производится трассировка основных размеров, а землю для него берут из рва, расположенного впереди или сзади будущего парапета. Наружный скат парапета остается необложенным, но внутренний скат и щеки, то есть внутренние стороны амбразур, обкладываются фашинами, турами, плетнем, бочками с землей, мешками с песком или торфяным покровом, так, чтобы земля не осыпалась даже при крутом скате. Между наружным скатом парапета и расположенным впереди рвом обычно для укрепления парапета оставляется берма, или горизонтальный выступ. Внутри батареи между амбразурами устроен банкет — такой высоты, чтобы человек, стоя на нем, мог смотреть поверх парапета. Чтобы защитить батарею от фланкирующего огня, на одном или обоих ее флангах часто сооружается эполемент, или парапет, расположенный под тупым углом к парапету батареи. Там, где батарея может быть обстреляна продольным огнем, траверсы или эполементы необходимо сооружать между орудиями. В бербетных батареях это прикрытие усиливается тем, что траверсы поднимаются над уровнем парапета еще на несколько футов; эта возвышенная часть своим продолжением пересекает парапет, доходя до его внешнего гребня, и называется бонетом. Орудия помещаются на платформах, сделанных из досок, шпал или других материалов из дерева, чтобы обеспечить устойчивое положение орудия. Часть боевых припасов находится в нишах под парапетом, другая часть — во врытом в землю деревянном сооружении с земляным укрытием от бомб. Для защиты артиллеристов от ружейного огня, амбразуры часто закрыты блиндажами из прочных досок, которые открываются в обе стороны, когда орудие выдвигается, или имеют отверстие, через которое проходит дуло орудия. Защитой от огня противника служат

блиндажи из бревен, которые одним концом укладываются на внутренний гребень парапета, а другим под углом упираются в землю. В батареях, где применяются гаубицы, основания амбразур имеют наклон снизу вверх, а не сверху вниз; в мортирных батареях вовсе нет амбразур: большой угол возвышения обеспечивает перелет ядра над гребнем парапета. Чтобы служить эффективной защитой от огня тяжелых орудий, парапет должен иметь толщину по меньшей мере в 17 или 18 футов; но если орудия противника имеют очень крупные калибры, а грунт плохой, может потребоваться толщина в 24 фута. Высота в 7 или 8 футов обеспечивает достаточную защиту, Между орудиями должно быть свободное пространство в 10 — 14 футов; если необходимы траверсы, то парапет соответственно удлиняется.

Написана Ф. Энгельсом около 28 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БИВУАК

Бивуак (французское слово*, вероятно от немецких bei и Wache**) — стоянка войск для ночлега под открытым небом, без палаток, когда солдаты спят в одежде, положив оружие подле себя. Во время войн древнего мира воины размещались в палатках, служивших как бы переносным городом. В средние века армии феодалов и королей находили приют в замках и монастырях, встречавшихся им на пути. Народные массы, которые под влиянием религиозного энтузиазма устремлялись в крестовые походы в Азию[121], представляли собой скорее толпу, чем войско; вся эта толпа, за исключением предводителей — рыцарей и королей, — а также их ближайшей свиты, располагалась бивуаком прямо на земле, подобно диким кочевым племенам, населяющим равнины Азии. С возвратом к правильной войне палаточные лагери снова появились и были обычным явлением в Европе в течение двух последних веков. Но во время грандиозных наполеоновских войн пришли к выводу, что быстрота передвижения важнее, чем здоровье солдат, и палатки, как излишняя роскошь, исчезли с полей Европы, если не считать отдельных случаев использования их английскими армиями. Целые армии располагались бивуаком у костров, или, если этого требовала близость неприятеля, и без костров, и спали на соломе, а иногда, вероятно, и на голой земле, причем часть солдат стояла на часах. Ни один исторический бивуак не прославлен в поэзии и живописи больше, чем бивуак накануне сражения при Аустерлице[122].

Написано Ф. Энгельсом, около 28 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* По-французски «bivouac». *Ред.*
** — «bei» — «при», «у»; «Wache» — «стража», «караул», «бдение». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БЛИНДАЖ

Блиндаж — в фортификации — любое приспособление, мешающее противнику видеть, что происходит в данном месте. Таковы, например, фашины, помещенные на внутреннем гребне батареи и выдвинутые вперед поверх амбразур; они делают более трудным просматривать на расстоянии что-либо через амбразуры. Иногда к амбразурам прикрепляются более сложные блиндажи, состоящие из двух толстых досок, которые передвигаются по желобам с обеих сторон так, что ими можно совершенно закрыть амбразуру. Если направление стрельбы всегда одно и то же, то их не нужно открывать при выдвижении орудия, так как для дула в них прорезается отверстие. В случае необходимости это отверстие закрывается подвижной заслонкой. Другие блиндажи применяются для прикрытия орудийной прислуги батареи от навесного огня. Они состоят из гладких прочных бревен, один конец которых кладется на внутренний гребень парапета, а второй упирается в землю. Если снаряды не слишком велики и не падают почти вертикально, они не пробьют такой блиндаж, а лишь заденут его и отскочат под углом. Блиндажи определенного типа применяются для защиты саперов от огня при сооружении траншей; их можно передвигать на катках и переносить вперед по мере прокладывания траншеи. Для защиты от ружейного огня достаточно щита из крепких досок, обитого с наружной стороны листовым железом и с толстыми бревнами в качестве подпорок. Для защиты от орудийного огня необходимы большие квадратные ящики, или рамы, заполненные землей, мешки с песком, или фашины. Самый обычный тип саперного блиндажа представляет собой очень большой тур, или плетеный цилиндр,

заполненный фашинамн, который рабочие команды катят впереди саперов. Когда сапу нужно прикрыть сверху, блиндаж сооружается следующим образом: сверху кладутся квадратные балки, которые покрываются фашинами, а поверх фашин насыпается земля, что делает эти балки достаточно надежным укрытием от ядер и бомб.

Написано Ф. Энгельсом около 28 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОНЕТ

Бонет — в фортификации — поперечная возвышенная часть парапета, или траверс и парапет, сооружаемые либо с целью лишить противника возможности видеть внутреннюю часть укрепления с какого-нибудь возвышенного пункта, либо в целях защиты прислуги и орудий барбетных батарей от фланкирующего огня. На этих батареях орудия, ведущие огонь поверх гребня парапета, приходится устанавливать на высоких поворотных платформах, на которых лафет покоится, откатывается и возвращается вперед. Поэтому артиллеристы частично не защищены от огня противника в момент, когда они обслуживают орудия, особенно же опасен для них фланговый или рикошетный огонь, потому что в данном случае цель, по которой он ведется, почти вдвое выше, чем в батареях с амбразурами и низкими лафетами. В целях предотвращения этой опасности, между орудиями возводятся траверсы или поперечные парапеты, которые необходимо сооружать с таким возвышением над парапетом, чтобы они полностью прикрывали орудийную прислугу, когда она находится на платформе. Эта надстройка тянется от траверса через всю толщу парапета. Если бонеты имеются с обеих сторон орудия, они ограничивают его горизонтальный поворот углом от 90 до 120°.

«Bonnet-a-Pretre» или «Queue d'Hirondelle» (хвост ласточки) — в полевой фортификации — укрепление с двумя исходящими углами и одним входящим углом между ними. Последний всегда имеет 90°, оба исходящих угла обычно — 60°, так что два внешних фаса длиннее внутренних и сзади расходятся. Это сооружение иногда используется для устройства небольших предмостных укреплений или, в других случаях, для защиты входа в дефиле.

Написано Ф. Энгельсам около 28 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

БЕМ [123]

Бем, Юзеф — польский генерал; родился в Тарнове, в Галиции, в 1795 г., умер 10 декабря 1850 года. Страстью его жизни была ненависть к России. В ту эпоху, когда Наполеон победами и прокламациями пробуждал веру в воскрешение Польши, Бем поступил в кадетский корпус в Варшаве и получил военное образование в артиллерийской школе, руководимой генералом Пеллетье. По окончании этой школы он был назначен лейтенантом конной артиллерии; в этой должности служил под командой Даву и Макдональда в кампании 1812 года; своим участием в обороне Данцига[124] заслужил крест Почетного легиона и после сдачи этой крепости возвратился в Польшу. Когда затем царь Александр, прикидывавшийся горячим доброжелателем польской нации, реорганизовал польскую армию, Бем вступил в нее в 1815 г. в качестве артиллерийского офицера, но вскоре был уволен за дуэль со старшим по званию офицером. Однако вслед за тем он был назначен преподавателем военных наук в артиллерийской школе в Варшаве и произведен в капитаны. Он ввел в употребление в польской армии ракету Конгрива; произведенные в связи с этим опыты он описал в книге, первоначально изданной на французском языке, а затем переведенной на немецкий[125]. Он был раздражителен, не любил повиноваться и с 1820 по 1825 г. несколько раз предавался военному суду, был приговорен к тюремному заключению, освобожден, снова заключен в тюрьму и наконец отправлен в Коцк, глухую польскую деревню, где обречен был на прозябание под строгим надзором полиции. Увольнение из польской армии он получил только после смерти Александра, когда восстание в Петербурге[126] заставило Константина выпустить его из поля зрения. Покинув русскую Польшу, Бем удалился в Лемберг, где сделался управляющим большого винокуренного завода и написал книгу о применении пара при дистиллировании спирта.

Когда в 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание, он присоединился к нему, через несколько месяцев был произведен в майоры артиллерии и в мае 1831 г. участвовал в сражении при Остроленке, где отличился искусством и стойкостью, с которыми он вел бой против превосходивших его артиллерию русских батарей[127]. Когда атаки польской армии против русских были окончательно отражены и русские перешли Нарев, он прикрыл отступление поляков, смело выдвинув вперед всю свою артиллерию. После этого Бем был произведен в полковники, вскоре затем в генералы и назначен на пост начальника всей польской артиллерии. Во время штурма Варшавы русскими он сражался храбро, но как командир совершил ошибку, оставив в бездействии свои 40 пушек и позволив русским взять Волю, главный пункт обороны. После падения Варшавы он с оставшейся частью армии отошел в Пруссию, убедил солдат не складывать оружия перед пруссаками и тем вызвал кровавое и ненужное столкновение, названное в то время сражением при Фишау. Затем он оставил армию и организовал в Германии комитеты по оказанию помощи польским эмигрантам, после чего уехал в Париж.

Его необычный характер — трудолюбие и любовь к точным наукам сочетались в нем с неугомонной жаждой деятельности — побуждал его с готовностью пускаться в авантюристические предприятия, неудачей которых пользовались его враги. Так, в 1833 г. он на собственный страх и риск предпринял, впрочем безуспешно, вербовку польского легиона для дона Педру[128] и был при этом обвинен в измене; один из разочаровавшихся в нем соотечественников стрелял в него в Бурже, куда он явился для вербовки поляков в свой легион. Период с 1834 по 1848 г. он провел в путешествиях по Португалии, Испании, Голландии, Бельгии и Франции.

В 1848 г. при появлении первых признаков революции в австрийской Польше он поспешил в Лемберг, а оттуда 14 октября прибыл в Вену. Все, что здесь было предпринято для укрепления оборонительных сооружений и организации революционных сил, было сделано благодаря его личным усилиям. Беспорядочное бегство, которым 25 октября закончилась вылазка возглавляемой им венской мобильной гвардии[129], заставило его высказать в резких выражениях ряд упреков; в ответ он был громогласно обвинен в измене. Эти обвинения, несмотря на всю их нелепость, приобрели столь серьезный характер, что если бы не страх перед восстанием польского легиона, он был бы привлечен к военному суду. После замечательно проведенной им обороны 28 октября большой

баррикады, воздвигнутой на Егернцайле, и открытия переговоров между венским общинным советом и князем Виндишгрецем он скрылся. Подозрения, усиленные его таинственным исчезновением, преследовали его из Вены в Пешт, где, ввиду того, что он дал венгерскому правительству благоразумный совет не допускать организации специального польского легиона, один поляк, по имени Колодецкий, выстрелил в него из пистолета, как в предполагаемого изменника, и тяжело его ранил.

Война в Трансильвании, командование в которой венгерское правительство поручило Бему, предоставив, однако, его собственной изобретательности найти армию для ее ведения, является самым важным периодом его военной деятельности и проливает яркий свет на своеобразные черты его полководческого искусства. Начав первую кампанию в конце декабря 1848 г. с отрядом приблизительно в 8000 человек, плохо вооруженных, спешно набранных и состоявших из самых разнородных элементов: необученных мадьярских новобранцев, гонведов[130], эмигрантов из Вены и небольшой кучки поляков, — пестрым формированием, пополнявшимся во время его продвижения через Трансильванию последовательными дополнительными наборами среди секлеров[131], саксонцев, славян и румын, — Бем приблизительно два месяца спустя завершил эту кампанию, одержав победу над Пухнером с австрийской армией в 20000 человек, Энгельгардтом с вспомогательным отрядом из 6000 русских и Урбаном с его разбойничьим войском. Принудив последнего искать убежища в Буковине, а двух первых удалиться в Валахию, он завладел всей Трансильванией, за исключением небольшой крепости Карлсбург. Смелые внезапные нападения, отважные маневры, форсированные марши, а также глубокое доверие, которое он умел внушить своим войскам личным примером, искусным выбором укрытых участков и умением всегда обеспечить артиллерийскую поддержку в решительный момент, — все это доказывает, что он был первоклассным военачальником в партизанской и малой горной войне, какую он и вел в этой первой кампании. Равным образом он показал себя мастером в искусстве быстро создавать и дисциплинировать армию; но так как он довольствовался первым грубым наброском организации и не заботился о том, чтобы сформировать ядро отборных войск, что было делом настоятельной необходимости, то его импровизированная армия должна была неминуемо рассеяться, как призрак, при первых же серьезных поражениях.

Пока Трансильвания была в его руках, он снискал себе уважение, предупредив бессмысленные и политически бестактные

жестокости, которые намеревались учинить мадьярские уполномоченные. Политика примирения враждующих национальностей помогла ему в несколько месяцев увеличить численность своей армии до 40000 — 50000 человек, причем она имела достаточное количество кавалерии и артиллерии. Если, несмотря на несколько замечательных маневров, предпринятая им с этой многочисленной армией экспедиция в Банат[132] не дала прочных результатов, то для объяснения этого следует принять во внимание, что его руки были связаны необходимостью согласовывать свои действия с неспособным венгерским генералом.

Вторжение в Трансильванию крупных русских сил и последовавшие за этим поражения мадьяр заставили Бема вернуться на театр военных действий, где протекала его первая кампания. После тщетной попытки вторжением в Молдавию произвести диверсию в тылу неприятеля он возвратился в Трансильванию и был там 29 июля наголову разбит при Шессбурге втрое превосходившими его по численности силами русских под командой Лидерса, причем сам он избежал плена только благодаря тому, что увяз в болоте, откуда его случайно вытащили несколько мадьярских гусаров из разбитых частей. Собрав остатки своих войск, он вторично взял штурмом Германштадт 5 августа, однако за недостатком подкреплений ему вскоре пришлось оставить его, и после неудачного боя 7 августа он снова направился в Венгрию, куда прибыл как раз вовремя, чтобы стать свидетелем поражения в решающем сражении при Темешваре[133]. После тщетной попытки оказать с остатками мадьярских войск последнее сопротивление у Лугожа он опять вступил в Трансильванию и держался здесь против значительно превосходящих сил до 19 августа, когда был вынужден искать убежища на турецкой территории.

Чтобы открыть для себя новое поле деятельности против России, Бем принял мусульманство, был возведен султаном в достоинство паши, под именем Амурата, получив командный пост в турецкой армии; однако в результате протестов европейских держав он был отправлен в Алеппо. В ноябре 1850 г. он успешно пресек там кровавые эксцессы мусульманского населения, жертвами которых были местные христиане[134]; около месяца спустя он умер от жестокой лихорадки, отказавшись воспользоваться медицинской помощью.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом во второй половине сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

К. МАРКС

БЕСЬЕР

Бесьер, Жан Батист — маршал Французской империи; родился в Прессеке, в департаменте Ло, 6 августа 1768 г., убит под Лютценом 1 мая 1813 года. В 1791 г. он поступил на службу в «конституционную гвардию»[135] Людовика XVI, служил унтер-офицером в полку конных стрелков в Пиренеях и вскоре получил чин капитана стрелков. 4 сентября 1796 г. после победы под Роверето тут же на поле боя Бонапарт произвел его в полковники. Состоял во время итальянской кампании 1796 — 1797 гг. командиром гидов[136] при главнокомандующем; являясь полковником этих же войск в Египте, Бесьер был связан с ними большую часть своей жизни. В 1802 г. ему был пожалован чин дивизионного генерала, а в 1804 — звание маршала империи. Он участвовал в сражениях при Роверето, Риволи, Сен-Жан-д'Акр, Абукире, Маренго, — здесь он руководил последней решающей атакой кавалерии, — при Аустерлице, Йене, Эйлау и Фридланде[137]. В 1808 г. он получил назначение на должность командира дивизии численностью в 18000 человек, расположенной в испанской провинции Саламанка; когда он прибыл на место, то оказалось, что генерал Куэста, заняв позицию между Вальядолидом и Бургосом, угрожал коммуникациям между Мадридом и Францией. Бесьер атаковал генерала Куэста и одержал победу при Медина-де-Рио-Секо. После провала английской валхеренской экспедиции[138] Наполеон назначил Бесьера вместо Бернадота командующим армией в Бельгии. В том же (1809) году Бесьер получил титул герцога Истрийского. В сражении под Эслингом*, командуя

* См. настоящий том, стр. 64 — 70. *Ред.*

кавалерийской дивизией, он нанес поражение австрийскому генералу Гогенцоллерну. Во время русской кампании он был командующим конной гвардией, а когда в 1813 г. началась германская кампания, он занимал пост командующего французской кавалерией. Он умер на поле боя, во время наступления на ущелье Риппах в Саксонии, накануне сражения под Лютценом[139]. Насколько он был популярен среди рядовых солдат, можно судить по тому факту, что было сочтено целесообразным в течение некоторого времени не сообщать армии о его смерти.

Написано К. Марксом около 29 сентября 1857 г.

Напечатало в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС

БОСКЕ [140]

Боске, Мари Жозеф — маршал Франции, родился в 1810 г. в По, в департаменте Нижних Пиренеев. В 1829 г. он поступил в политехническую школу в Париже, в 1831 г. — в военную школу в Меце, в 1833 г. был произведен в лейтенанты артиллерии и в этой должности отправился в 1834 г. с 10-м артиллерийским полком в Алжир. Однажды, когда небольшой французский отряд очутился там в весьма критическом положении, а его командир растерялся и не знал, каким образом выйти из боя, молодой Боске вмешался и предложил план, благодаря которому противник потерпел полное поражение. В 1836 г. Боске получил чин лейтенанта, в 1839 г. — капитана, в 1842 г. — майора, в 1845 г. — подполковника, в 1848 г. — полковника и вслед за тем, при республиканском правительстве — бригадного генерала. Во время кампании в Кабилии в 1851 г.* он был ранен, когда вел свою бригаду в атаку на ущелье Монагал. Производство Боске в дивизионные генералы было отложено вследствие сдержанности, проявленной им в отношении Луи-Наполеона; но когда в связи с войной началась посылка войск в Турцию, он был назначен командиром 2-й дивизии.

В сражении при Альме**, командуя правым крылом французов, он провел фланговую атаку левого крыла русских с быстротой и энергией, получившими высокую оценку со стороны самих русских; Боске удалось даже доставить свою артиллерию на плато через бездорожные и считавшиеся непроходимыми ущелья. Однако следует отметить, что его войска

* См. настоящий том, стр. 108 — 109. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 55 — 59. *Ред.*

в этом бою значительно превосходили своей численностью войска противника. Под Балаклавой он поспешил на выручку правого крыла английских войск, так что уцелевшая часть английской легкой кавалерии получила возможность отступить под прикрытием его войск, а русские были вынуждены прекратить преследование[141]. В сражении под Инкерманом он уже рано утром выразил готовность оказать поддержку англичанам пятью батальонами и двумя батареями. Когда же это предложение было отклонено, он расположил три французские бригады в качестве резерва в тылу правого крыла англичан. Две из этих бригад он в 11 часов утра вывел на линию баталии, заставив тем самым русских отступить. Не будь этой помощи, англичане понесли бы полное поражение, потому что в бой были введены все их войска и у них не оставалось никаких резервов, в то время как у русских имелось еще 16 нетронутых батальонов. В качестве командира корпуса, который должен был прикрывать силы союзников, расположенные на крутом берегу реки Черной, Боске постоянно отличался быстротой действий, бдительностью и активностью. Он участвовал в штурме Малахова кургана[142]; после этого события он был произведен в маршалы, а в 1856 г. стал сенатором.

Написано К. Марксом и. Ф. Энгельсом 22 — 29 сентября 1857 г.

Напечатано е «New American Cyclopedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

БРЮН

Брюн, Гийом Мари Анн — маршал Французской империи; родился в Брив-ла-Гайард 13 марта 1763 г., умер в Авиньоне 2 августа 1815 года. Отец послал его в Париж изучать юридические науки, но, оставив университет, он вынужден был вследствие финансовых затруднений сделаться типографским рабочим. В начале революции он вместе с Готье и Журниаком де Сен-Меар издавал «Journal general de la Cour et de la Ville»[143]. Вскоре он вступил в революционную партию, записался в национальную гвардию и сделался ревностным членом Клуба кордельеров[144]. Благодаря своему высокому росту, воинственному виду и бурному патриотизму он сделался одним из военных вождей народа во время демонстрации 1791 г. на Марсовом поле, которая была разгромлена национальной гвардией Лафайета[145]. Когда его заключили в тюрьму и стали ходить слухи, что сторонники двора пытались отделаться от него с помощью гнусных средств, Дантон помог добиться его освобождения. Благодаря протекции последнего, одним из видных приверженцев которого он стал, Брюн получил назначение на военную должность во время знаменитых сентябрьских дней 1792 г.[146], а 12 октября был внезапно возведен в чин полковника и старшего адъютанта. Он служил под командованием Дюмурье в Бельгии; был послан против федералистов Кальвадоса, наступавших под командованием генерала Пюизе на Париж, и легко одержал над ними победу. Затем он был произведен в бригадные генералы и принял участие в битве при Гондсхооте[147]. Комитет общественного спасения поручил Брюну

подавление мятежных волнений в Жиронде, что он выполнил с чрезвычайной суровостью[148].

Когда Дантон был заключен в тюрьму, ожидали, что Брюн бросится на выручку своего друга и покровителя, но он предусмотрительно держался в стороне в первые моменты опасности и ухитрился уцелеть во времена террора. После 9 термидора он снова присоединился к одержавшим тогда победу дантонистам[149] и сопровождал Фрерона в Марсель и Авиньон. 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) в качестве одного из подчиненных Бонапарту генералов он действовал против мятежных секций Парижа[150]. После того как он помог Директории подавить заговор в Гренельском лагере (9 сентября 1796 г.)[151], он вступил в Итальянскую армию, в дивизию Массена, и в продолжение всей кампании отличался большой храбростью. Желая умилостивить вождей кордельеров, Бонапарт приписал часть своего успеха под Риволи усилиям Брюна, произвел его прямо на поле боя в дивизионные генералы и побудил Директорию назначить его командиром 2-й дивизии Итальянской армии, когда эта должность стала вакантной с отъездом Ожеро в Париж.

По заключении Кампоформийского мира[152] Директория возложила на него миссию сначала усыпить бдительность швейцарцев, уверив их в безопасности, затем внести раскол в их советы и, в конце концов, когда для этой цели была сконцентрирована армия, напасть на кантон Берн и захватить его общественную казну; при этом Брюн забыл составить опись награбленного. Помимо этого посредством маневров, имевших скорее дипломатический, чем военный характер, он принудил Карла-Эммануила, короля Сардинии и мнимого союзника Франции, отдать в его руки цитадель Турина (3 июля 1798 г.). Батавская кампания[153], которая продолжалась около двух месяцев, явилась крупным событием в военной биографии Брюна. В этой кампании он нанес поражение объединенным английским и русским силам под командованием герцога Йоркского, который капитулировал перед ним, обязавшись вернуть всех французских пленных, захваченных англичанами с начала антиякобинской войны. После coup d'etat* 18 брюмера Бонапарт назначил Брюна членом вновь образованного Государственного совета и затем отправил его против роялистов Бретани.

Посланный в 1800 г. в Итальянскую армию Брюн занял три вражеских лагеря, укрепился на Вольте, оттеснил противника

* — государственного переворота. *Ред.*

за эту реку и принял меры к незамедлительному ее форсированию. Согласно его приказам, армия должна была переправиться через реку в двух пунктах: правое крыло под командованием генерала Дюпона — между мельницей, расположенной на берегу Вольты, и деревней Поццалло; левое крыло под командованием самого Брюна — у Монбозона. Когда проведение второй части операции встретило затруднения, Брюн приказал отложить ее осуществление на 24 часа, хотя правое крыло, которое в другом пункте начало переправу, уже вступило в бой с гораздо более многочисленными силами австрийцев. Только благодаря усилиям генерала Дюпона правее крыло не было уничтожено или взято в плен, что поставило бы под угрозу успех всей кампании. Эта ошибка привела к отозванию Брюна в Париж.

С 1802 по 1804 г. Брюн играл ничтожную роль на посту посла в Константинополе, где его дипломатические таланты не поддерживались штыками, как в Швейцарии и Пьемонте. По его возвращении в Париж в декабре 1804 г. Наполеон произвел его в маршалы, отдав ему предпочтение перед такими генералами, как Лекурб. Пробыв некоторое время начальником Булонского лагеря[154], он был в 1807 г. послан в Гамбург губернатором ганзейских городов и командующим резервом большой армии. Занимая этот пост, он энергично помогал Бурьенну расхищать государственные средства. С целью урегулирования некоторых спорных пунктов соглашения о перемирии, заключенного с Швецией в Шлахтене, Брюн имел продолжительное личное свидание с королем Густавом, который фактически предложил ему предать своего повелителя. Способ, которым он отклонил это предложение, возбудил подозрения Наполеона; последний пришел в страшную ярость, когда Брюн, составляя конвенцию относительно передачи острова Рюгена французам, упомянул лишь французскую и шведскую армии в качестве договаривающихся сторон, без всяких ссылок на «его императорское и королевское величество». Брюн немедленно был отозван письмом Бертье, в котором последний по специальному приказу Наполеона отметил, что «такого скандала не было со времен Фарамонда».

Вернувшись во Францию, Брюн ушел в частную жизнь. В 1814 г. он присягнул сенатским актам[155] и получил от Людовика XVIII крест св. Людовика. Во время Ста дней[156] он снова стал бонапартистом и был назначен командующим обсервационным корпусом на Варе, где преследовал роялистов с такой же беспощадностью и энергией, как в те времена, когда он был якобинцем. После сражения при Ватерлоо он

объявил себя сторонником короля. Отправившись из Тулона в Париж, он прибыл 2 августа в Авиньон в момент, когда город находился во власти роялистской черни, чинившей в течение 15 дней убийства и поджоги. Его узнали, и он был застрелен. Толпа схватила его тело, потащила по улицам и бросила в Рону. «Брюн, Массена, Ожеро и многие другие», — сказал Наполеон на острове Св. Елены, — «были неустрашимыми разрушителями». Относительно же его военных способностей он заметил: «Брюн имел известные заслуги, но в общем был скорее general de tribune*, чем внушающим страх воином», В 1841 г. в его родном городе ему был воздвигнут памятник.

Написано К. Марксом 23 — 29 сентября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — генералом трибуны. *Ред*.

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОМБА

Бомба, или разрывной снаряд, — полый железный снаряд для тяжелых орудий и мортир, начиненный порохом; выбрасывается под значительным углом возвышения и рассчитан на действие силой своего падения и взрыва. Бомбы — самые крупные из применяемых снарядов, потому что мортира, которая короче орудий любого другого типа, может иметь значительно больший диаметр и калибр. В настоящее время, как правило, применяются бомбы диаметром в 10, 11 и 13 дюймов; в 1832 г. при осаде Антверпена[157] французы применяли отлитые в Бельгии мортиру и бомбы калибром в 24 дюйма. Заключенный в бомбе порох взрывается от снарядной трубки — полого цилиндра, наполненного медленно горящим составом, который воспламеняется при выстреле мортиры. Действие таких трубок рассчитывается таким образом, чтобы бомба взрывалась как можно скорее по достижении цели, иногда непосредственно перед тем, как коснуться земли. Кроме пороха в бомбу иногда закладывают несколько порций валансьеннского состава[158] для поджигания горючих предметов, но существует мнение, что они бесполезны, так как при взрыве распадаются на мельчайшие частицы, и что зажигательное действие разрывного снаряда ничуть не меньше и без этого состава. Обстрел бомбами ведут под углом от 15° до 45°, но чаще от 30° до 45°, причем более крупные бомбы с уменьшенными зарядами имеют относительно большую дальность полета при 45°, а более мелкие бомбы с увеличенным зарядом — при 30° или около того. Заряды во всех случаях сравнительно невелики: 13-дюймовая бомба весом в 200 фунтов при выстреле из мортиры под углом

возвышения в 45° с пороховым зарядом в $3^1/_2$ фунта имеет дальность полета в 1000 ярдов, а с зарядом в 20 фунтов, то есть равным $^1/_{10}$ веса бомбы, — 4200 ярдов. Поражающее действие такой бомбы, падающей с огромной высоты, если она падает на что-нибудь поддающееся разрушению, очень велико. Она пробивает все этажи дома и крепкие сводчатые перекрытия, и, хотя 13-дюймовый разрывной снаряд содержит всего около 7 фунтов пороха, результаты его разрыва подобны результатам взрыва мины, и его осколки, если они не встречают препятствий, отлетают на 800 и 1000 ярдов. С другой стороны, если бомба падает на мягкую землю, она зарывается в нее на глубину от 8 до 12 футов и либо гаснет, либо взрывается, не причиняя вреда. В то же время бомбы часто используются как небольшие мины, или фугасы, — их зарывают в землю на глубину примерно одного фута в местах, по которым должен пройти неприятель; для взрывания их используется медленно горящий фитиль или шнур. Именно таким был первый способ употребления бомб. Согласно китайским летописцам, китайцы еще за несколько веков до нашей эры применяли наполненные взрывчатым составом и небольшими кусками металла металлические шары, которые взрывали с помощью медленно горящего фитиля. Ими пользовались при обороне дефиле, закладывая их там при приближении противника. В 1232 г. при обороне Кай-фын-фу китайцы во время приступов обычно скатывали с парапета бомбы на штурмовавших их крепость монголов. Махмуд, шах Гуджерата, ведя в 1484 г. осаду Чампанира, забрасывал бомбы в город. В Европе, оставляя в стороне более ранние примеры, имеющие меньшую достоверность, арабы в Испании, а вслед за ними и испанцы стреляли из пушек бомбами и зажигательными снарядами с начала XIV столетия, однако дороговизна и трудность изготовления полых снарядов долгое время препятствовали их широкому применению. Они стали важной составной частью осадной артиллерии лишь с середины XVII века.

Написано Ф. Энгельсом около 5 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОМБАРДИР

Бомбардир — первоначально солдат, обслуживающий мортиру в мортирной батарее; однако в настоящее время этим словом в некоторых армиях называют унтер-офицера артиллерии, имеющего звание несколько ниже сержанта. Главней обязанностью бомбардира обычно является наводка орудия. В Австрии создан бомбардирский корпус как школа для обучения артиллерийских унтер-офицеров — учреждение, в значительной степени способствовавшее выработке эффективного и научного способа обслуживания артиллерии, которым выделяется этот род войск в австрийской армии.

Написано Ф. Энгельсом около 5 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОМБАРДИРОВАНИЕ

Бомбардирование — обстрел города или крепости бомбами с целью вызвать пожар. Бомбардирование бывает либо несистематическое, когда корабли, полевые батареи и относительно малое количество осадных батарей подвергают обстрелу бомбами тот или иной пункт, чтобы запугать жителей и гарнизон и добиться быстрой капитуляции, а также с какой-нибудь другой целью, — либо регулярное, когда оно является одним из способов ведения атаки крепости. Атака крепости посредством регулярного бомбардирования была впервые применена пруссаками в 1815 г. после Ватерлоо, при осаде крепостей Северной Франции. Поскольку французская армия и сторонники Бонапарта в то время сильно пали духом, а все остальное население жаждало мира, было решено на этот раз отбросить формальности методичной осады старого типа и заменить их кратковременным и мощным бомбардированием, которое вызвало бы пожары и взрывы пороховых погребов, лишило бы всех жителей крепости ночного отдыха и таким образом обеспечило бы быструю капитуляцию, вызванную либо моральным давлением жителей на командование, либо количеством фактических разрушений и измотанностью гарнизона. Хотя правильная атака оборонительных сооружений настильным огнем и продолжала практиковаться, но она стала второстепенным способом по сравнению с обстрелом навесным огнем бомбами из тяжелых гаубиц. В одних случаях бывало достаточно несистематического бомбардирования, в других приходилось прибегать к регулярному бомбардированию, но цель в обоих случаях достигалась неизменно, и теперь в теории осады

признано в качестве одного из принципов, что уничтожать ресурсы противника посредством навесного огня и делать с его помощью пребывание внутри крепости опасным столь же (если не более) важно, как и разрушать внешние укрепления настильным и рикошетным огнем. Наибольший эффект дает бомбардирование крепости среднего размера с многочисленным гражданским населением, поскольку моральное воздействие обстрела является одним из средств принудить командование к капитуляции. Бомбардирование большой крепости требует огромных материальных ресурсов. Лучшим примером тому служит осада Севастополя, во время которой было израсходовано неслыханное дотоле количество снарядов[159]. Та же война дает нам самый яркий пример несистематического бомбардирования во время атаки Свеаборга англо-французскими мортирными лодками, когда по этой крепости было выпущено более 5000 бомб и столько же сплошных ядер[160].

Написано Ф. Энгельсом около 5 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОМБАРДИРСКИЙ КЕЧ

Бомбардирский кеч — этот термин теперь обычно употребляется для обозначения мортирных судов более старого типа (galiotes a bombes*). Они строились достаточно прочными для того, чтобы выдерживать толчки, вызываемые откатом мортиры, имели в длину 60 — 70 футов, грузоподъемность от 100 до 150 тонн, осадку от 8 до 9 футов и обычно две мачты. На них устанавливали две мортиры и несколько пушек. Мореходные качества этих судов были, конечно, очень низки. Их сопровождало вспомогательное судно — обычно бриг, — на котором до начала боя находились артиллеристы и большая часть боевых припасов.

Написано Ф. Энгельсом около 5 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — бомбардирских галиотов. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОМБАРДИРСКИЙ КОРАБЛЬ

Бомбардирский корабль, или мортирная лодка, — термин, применяющийся для обозначения более современного класса судов, вооруженных мортирами. До русской войны* такие суда в британском военном флоте имели осадку в 8 — 9 футов, и на них, кроме двух 10-дюймовых мортир, устанавливались четыре 68-фунтовых пушки и шесть 18-фунтовых карронад. Когда война с Россией сделала необходимыми действия военно-морского флота в мелких водах и извилистых проходах, а мощные береговые крепости русских, неприступные для любого фронтального нападения кораблей, потребовали применения мортирных лодок, пришлось изобрести новый класс бомбардирских кораблей. Эти новые суда имеют в длину около 60 футов при большой ширине, нос у них закругленный, как у голландских галиотов, дно плоское, осадка 6 — 7 футов, и движутся они паром. Они вооружены двумя 10- или 13-дюймовыми мортирами и несколькими полевыми орудиями или карронадами для отражения абордажных отрядов картечью; тяжелых орудий на них нет. Они с большим эффектом действовали против Свеаборга, обстреляв эту крепость с дистанции в 4000 ярдов.

Написано Ф. Энгельсом около 5 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* Крымской войны 1853 — 1856 годов. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

УКРЫТИЕ ОТ БОМБ

Укрытие от бомб — покрытие определенной конструкции, достаточно прочное для того, чтобы противостоять удару падающих на него бомб. При существующих весьма крупных калибрах почти невозможно — да, очевидно, и нецелесообразно — добиваться для большинства строений, укрытых от бомб, абсолютной безопасности от навесного огня. Круглый свод в $3^1/_2$ фута толщиной у ключевого камня устоит против большинства бомб, и даже один 13-дюймовый снаряд может не пробить его, но второй в большинстве случаев пробьет. Поэтому к абсолютно укрытым от бомб сооружениям относятся только пороховые погреба, лаборатории и т. д., где одна бомба вызвала бы взрыв огромной силы. Наибольшую безопасность дают прочные своды, на 3 — 4 фута засыпанные землей. Своды обычных казематов не обязательно должны быть такими прочными, так как вероятность повторного попадания бомб в одно и то же место очень мала. Для временной защиты от бомб сооружения перекрываются прочными балками, которые укладывают вплотную одну к другой и обкладывают фашинами, а сверху устилают навозом и, наконец, засыпают землёй. С введением казематированных батарей и фортов, а также казематированных оборонительных казарм, обычно расположенных вдоль внутреннего ската крепостного вала и на близком расстоянии от него, количество укрытых от бомб сооружений в крепостях сильно возросло; да и нельзя ожидать, чтобы при теперешнем

методе сочетания правильной осады крепости с мощными круглосуточными бомбардировками, гарнизон мог выдержать такую осаду, если он не обеспечен надежными укрытиями, в которых сменившиеся подразделения могли бы отдохнуть и восстановить свои силы. Поэтому при постройке современных крепостей число такого рода сооружений будет, по всей вероятности, все возрастать.

Написано Ф. Энгельсом около 5 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЙ МОСТ [161]

Искусство постройки временных мостов для переправы войск через большие реки и узкие морские проливы было хорошо известно еще древним, чьи сооружения такого рода иногда поражают своими размерами. Дарий перешел через Босфор и Дунай, а Ксеркс через Геллеспонт по мостам из судов; описание этих мостов мы находим у Геродота[162]. Армия Ксеркса построила 2 моста через Дарданеллы. Первый состоял из 360 судов, закрепленных якорями с носа и с кормы и расположенных борт о борт друг к другу, килем по течению; суда были соединены крепкими канатами, поверх которых были настланы доски, скрепленные с обеих сторон перекладинами и покрытые слоем земли. Второй мост состоял из 314 судов и был построен таким же способом. По словам Арриана, при армии Александра имелся постоянный понтонный парк из легких судов[163]. У римлян были плетеные суда, обтянутые шкурами животных и служившие для поддержки досчатого настила моста; эти суда, вплоть до периода падения империи, входили в состав обоза их армий. Впрочем, если нужно было переправляться через быструю реку, римляне умели строить и более прочные военные мосты; тому свидетельством знаменитые мосты на сваях, по которым Цезарь перешел Рейн[164].

Мы не находим сведений о наличии в средневековых армиях специального переправочно-мостового имущества, но во время Тридцатилетней войны воюющие армии возили с собой материалы для наведения мостов через большие реки Германии. Применявшиеся суда были очень тяжелые, обычно они изготовлялись из дуба. Настил моста укладывался на козлы,

стоявшие на дне этих судов. Голландцы первыми начали применять суда более легкого типа, плоскодонные, с почти вертикальными бортами и заостренными носом и кормой, причем обе оконечности возвышались под углом над поверхностью воды. Они состояли из деревянного каркаса, обитого листами жести, и назывались понтонами. Французы, согласно Фолару[165], тоже считают себя изобретателями понтонов, но с медной обшивкой, и есть указания, что около 1672 г. они располагали полным понтонным парком. К началу XVIII века уже все европейские армии обзавелись такими судами, как правило, представлявшими собой деревянный каркас, обитый жестью или медью, покрытый кожей или просмоленной парусиной. Последний из перечисленных материалов употребляли русские. Суда были небольшие, и для того, чтобы мост мог в какой-то мере держаться на поверхности воды, их нужно было располагать близко друг к другу, оставляя между ними свободное пространство не более чем в 4 — 5 футов; это сильно затрудняло проток воды, ставило под угрозу безопасность моста и давало противнику возможность разрушить его, пустив на него плавучие предметы.

Понтоны, ныне применяемые в континентальных армиях Европы, имеют большие размеры, но в принципе подобны тем, что применялись 100 лет назад. Французы с 1829 г. используют плоскодонные суда с почти вертикальными бортами, сужающимися к носу, а также, хоть и в несколько меньшей степени, к корме; обе оконечности судна выше планширов и загнуты, как у челна. Размеры судна следующие: длина — 31 фут, ширина сверху — 5 футов 7 дюймов, у днища — 4 фута 4 дюйма. Каркас дубовый, покрытый еловыми досками. Каждый понтон весит 1658 фунтов и имеет плавучесть (способность нести груз, при котором судно уходит в воду до верха планшира) в 18675 фунтов. При наведении моста они располагаются с промежутками в 14 футов свободного пространства от планшира до планшира. Ширина проезжей части — 11 футов. Авангард армии для переправы через менее крупные реки использует понтоны меньшего размера. Австрийские понтоны сходны с более крупными французскими, но для удобства перевозки они разделены посредине в поперечном направлении на две части, которые соединяются уже в воде. Два судна, поставленные борт к борту и соединенные короткими деревянными брусьями, причем продольные брусья поддерживают балки настила, образуют плавучую опору моста. Эти понтоны, изобретенные Бираго, были впервые применены в 1825 году. Понтоны русских имеют деревянный каркас, конструкция кото-

рого позволяет снимать центральные поперечины, или распоры; на этот каркас натягивается парусина, пропитанная смолой или раствором резины. Каждый понтон имеет в длину 21 фут 9 дюймов, в ширину 4 фута 11 дюймов, в высоту 2 фута 4 дюйма и весит 718 фунтов. Ширина проезжей части моста — 10 футов, расстояние между понтонами — 8 футов. У русских имеются и понтоны с подобным каркасом, но обтянутым кожей. Пруссаки, как утверждают, первыми разделили свои понтоны поперечными перегородками на отсеки, чтобы они не тонули от течи в одном месте. Понтоны у них деревянные, плоскодонные. При наведении мостов они оставляют между понтонами пролет, или свободное пространство, длиной от 8 до 16 футов, смотря по обстоятельствам. У голландцев с 1832 г. и у пьемонтцев имеются понтонные парки, сходные с теми, которые применяются в австрийской армии. Бельгийский понтон заострен к носу, но не сужается к корме. Во всех континентальных армиях понтонным паркам придаются небольшие лодки для перевозки якорей.

В армиях Англии и США совершенно отказались от использования в понтонных парках лодок, а для поддержки мостов приняты полые цилиндры из легкого материала, закрытые со всех сторон. В Англии в 1836 г. взамен всех других видов понтонов были приняты цилиндрические понтоны с коническими, полусферическими или параболическими концами, сконструированные в 1828 г. полковником Бланшардом. Большой английский понтон имеет $24^1/_2$ фута в длину и 2 фута 8 дюймов в диаметре. Он сделан из листовой жести, набитой на ряд жестяных колес, спицами которых служат полые жестяные цилиндры; более крупный жестяной цилиндр диаметром в $1^3/_4$ дюйма образует их общую ось и тянется ве всю длину понтона.

В США производились опыты с резиновыми цилиндрическими понтонами. В 1836 г. капитан (впоследствии полковник) Лейн построил на таких понтонах мосты через глубокую и быструю реку в Алабаме, а в 1839 г. г-н Армстронг представил проект подобных же поплавков, имеющих каждый, в надутом виде, 18 футов в длину и 18 дюймов в диаметре и весивших 39 фунтов; три поплавка образовывали одно звено моста. В 1846 г. в армии США были приняты надувные резиновые понтоны, которые применялись в войне против Мексики[166]. Они очень легко перевозятся ввиду их незначительного веса и небольшого места, занимаемого ими в сложенном виде, но подвержены порче и приводятся в негодность в результате трения о гравий и т. п., а также имеют недостатки, свойственные

всем цилиндрическим понтонам. Эти недостатки следующие: после того как понтоны погружаются в воду до половины своей высоты, осадка их становится все больше при одинаковом увеличении нагрузки, тогда как требуется обратное; далее, на концах цилиндров легко застревают всякие плавучие предметы; и, наконец, чтобы передвигать их в воде, их нужно предварительно соединять попарно настилом, образуя плоты, в то время как лодочные понтоны способны самостоятельно передвигаться по воде, как обыкновенные лодки, и могут быть использованы для быстрой перевозки отряда войск через реку на веслах. Для сравнения плавучести цилиндрического и лодочного понтонов достаточно привести следующие данные: французский понтон держит около 20 футов моста и имеет плавучесть (за вычетом веса верхнего строения моста) более чем в 150 английских центнеров*; английский плот из двух понтонов держит примерно такой же отрезок моста, но плавучесть его, без верхнего строения, равна всего 77 английским центнерам, из которых только половина является допускаемой нагрузкой.

Понтонный парк включает, кроме понтонов, весла, багры, якоря, канаты и прочие предметы, необходимые для передвижения понтонов по воде и закрепления их на месте, а также балки и обшивку (доски) для настила моста. Лодочные понтоны обычно сначала устанавливают каждый в отдельности на месте, а затем их соединяют балками и досками; цилиндрические же понтоны соединяют попарно, образуя плот, который затем ставится на якорь на соответствующем расстоянии от конца моста и соединяется с ним балками и досками. Если позволяет обстановка, целые звенья из 3, 4 или 5 понтонов, соединенных настилом, строятся в укрытой местности выше пункта, намеченного для наведения моста, и затем сплавляются туда одно за другим. В некоторых случаях, при наличии очень опытных понтонеров, весь мост строится на одном берегу реки и к моменту переправы разворачивается силой течения. Так был наведен мост для переправы армии Наполеона через Дунай накануне сражения при Ваграме. Вся эта кампания чрезвычайно поучительна с точки зрения переправ через большие реки по военным мостам на виду у неприятеля.

Однако понтонный парк не всегда оказывается под рукой, и военный инженер должен уметь в случае необходимости навести мост через реку и без него. Для этого существуют самые разнообразные материалы и способы постройки. Для мостов

* Английский центнер равен 112 фунтам, или 50,8 *кг. Ред.*

из лодок используются большие лодки, обычно имеющиеся на судоходных реках. Если нельзя найти лодок, а глубина или конфигурация дна реки требуют создания плавучих опор, можно использовать для этого деревянные плоты, поплавки из бочек и другие плавучие предметы. Если река мелкая и дно у нее твердое и достаточно ровное, строятся неподвижные опоры, состоящие либо из свай, которые обеспечивают сооружение наиболее прочных и надежных мостов, но требуют большой затраты времени и труда, либо из козел, изготовить которые можно быстро и легко. Иногда подходящей опорой для настила моста служат повозки, наполненные фашинами и т. п. и погруженные в воду в более глубоких местах реки. Мосты через затопленные места, болота и т. п. наводятся посредством туров. Для перехода через узкие реки и ущелья, когда через них предстоит переправляться только пехоте, применяются разные типы висячих мостов; обычно они подвешиваются на крепких канатах.

Постройка военного моста в условиях, когда противник ведет действительный огонь, в настоящее время осуществляется редко, хотя необходимо всегда предусматривать возможности для его отражения. Поэтому мост обычно строится на излучине реки, обращенной в сторону своих войск, так чтобы артиллерия, расположенная справа и слева, могла обстреливать противоположный берег близ того места, где должен кончаться мост, и тем самым прикрывать его сооружение. Кроме того, вогнутый берег излучины обычно выше противоположного, и поэтому к преимуществу перекрестного огня в большинстве случаев прибавляется еще преимущество командующего положения. Пехота перевозится на противоположный берег в лодках или понтонах на веслах и занимает позицию прямо перед мостом. Для переправы небольшого количества кавалерии и нескольких легких орудий иногда сооружается паром. Много преимуществ дают также острова, разделяющие реку на несколько рукавов, или место, расположенное ниже впадения какой-нибудь меньшей реки. В последнем, а иногда и в первом, случае отдельные звенья моста можно построить в укрытом месте реки и сплавить по течению. Наступающая сторона, у которой обычно имеется на выбор много удобных пунктов на большом отрезке реки, может легко ввести противника в заблуждение ложными атаками и затем осуществить действительную переправу в каком-нибудь отдаленном пункте; а для обороняющихся опасность распыления своих сил на этом большом отрезке реки так велика, что в настоящее время предпочитают сосредоточивать их на некотором отдалении от

реки и бросать в полном составе к месту фактической переправы, как только удается его установить и еще до того, как неприятель успеет переправить всю свою армию. Этими причинами и объясняется, почему ни в одной войне со времени французской революции наведение мостов через любую из больших европейских рек не встречало серьезного сопротивления.

Написано Ф. Энгельсом около 14 октября 1857 г.

Напечатана в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в «Военно-историческом журнале» № 11, 1940 г.

К. МАРКС

БЕРНАДОТ [167]

Бернадот, Жан Батист Жюль — маршал Французской империи, князь Понтекорво и, под именем Карла XIV Иоанна, король Швеции и Норвегии; родился 26 января 1764 г. в По, департаменте Нижних Пиренеев, умер 8 марта 1844 г. в королевском дворце в Стокгольме. Будучи сыном адвоката, он проходил необходимое для этой профессии обучение, но увлечение военным делом побудило его в 1780 г. тайно поступить на службу в королевскую морскую пехоту, где он достиг чина сержанта к моменту, когда вспыхнула французская революция. С этих пор началось его быстрое продвижение по службе. В 1792 г. он служил уже в чине полковника в армии Кюстина, в 1793 г. командовал полубригадой, в том же году, благодаря покровительству Клебера, был произведен в бригадные генералы и в качестве дивизионного генерала Самбромаасской армии, под командованием Клебера и Журдана, содействовал победе при Флёрюсе, одержанной 26 июня 1794 г., успеху при Юлихе и капитуляции Маастрихта[168]. Ему принадлежат также большие заслуги в кампании 1795 — 1796 гг. против австрийских генералов Клерфе, Края и эрцгерцога Карла. В начале 1797 г. он получил приказ Директории вести 20000 человек в качестве подкрепления для Итальянской армии; в Италии он впервые встретился с Бонапартом, и эта встреча определила их будущие отношения. Несмотря на свое природное величие, Бонапарт относился к Рейнской армии и ее генералам с мелочной ревностью и подозрительностью. Он сразу понял, что Бернадот стремится к независимой карьере. Последний, со своей стороны, был слишком гасконцем, чтобы

верно определить расстояние между гением, подобным Бона-нарту, и просто даровитым человеком, каким был он сам. Отсюда их взаимная неприязнь. Во время вторжения в Истрию[169] Бернадот отличился на переправе через Тальяменто, где он командовал авангардом, и при взятии крепости Градиски 19 марта 1797 года.

После так называемой революции 18 фрюктидора[170] Бонапарт приказал своим генералам собрать адреса от своих дивизий в поддержку этого coup d'etat*; однако Бернадот сначала заявил протест против этого, затем демонстративно выразил свое крайнее нежелание выполнить это распоряжение и, в конце концов, отправил Директории адрес, однако с содержанием, совершенно обратным тому, какое от него требовалось, и притом переслал его не через Бонапарта. Последний, проездом в Париж, куда он направлялся, чтобы вручить Директории Кампоформийский договор, посетил Бернадота в его главной квартире в Удине и осыпал его лестью, но на следующий день приказом из Милана лишил его половины его дивизии из Рейнской армии, а другую половину приказал отвести обратно во Францию. После долгих увещеваний, улаживаний разногласий и новых распрей Бернадота, наконец, убедили принять пост посла в Вене. Здесь, действуя согласно инструкциям Талейрана, он занял примирительную позицию, которую парижские газеты, по наущению Бонапарта и его братьев, объявили преисполненной роялистскими тенденциями, причем в доказательство этого обвинения стали широко распространять слухи о снятии им трехцветного флага, висевшего над входом в его отель, и республиканских кокард с шляп его свиты. Получив за это выговор от Директории, Бернадот 13 апреля 1798 г., в годовщину антиякобинской демонстрации в Вене, поднял трехцветный флаг с надписью: «Свобода, равенство, братство», после чего его отель подвергся нападению венской толпы, флаг был сожжен, а его жизни угрожала опасность. Так как австрийское правительство отказалось дать требуемое удовлетворение, то Бернадот вместе со всем своим посольством удалился в Раштатт; однако Директория, по совету Бонапарта, который сам приложил руку к тому, чтобы вызвать этот скандал, замяла дело и оставила своего представителя без поддержки.

Вступление Бернадота в родственные отношения с семьей Бонапарта благодаря его браку, в августе 1798 г., с мадмуазель Дезире Клари, дочерью марсельского купца и свояченицей Жозефа Бонапарта, по-видимому, только усилило его

* — государственного переворота. *Ред.*

враждебность к Наполеону. Занимая пост командующего обсервационной армией на Верхнем Рейне в 1799 г., он оказался неспособным выполнять возложенные на него обязанности и, таким образом, заранее подтвердил правильность мнения Наполеона, высказанного им на острове Св. Елены, что он больше подходил для роли подчиненного, чем главнокомандующего. Возглавив военное министерство, после emeute* в Директории 30 прериаля[171], он в меньшей степени проявил себя своими планами военных операций, чем своими интригами с якобинцами, опираясь на возрождающееся влияние которых, он пытался завербовать себе личных сторонников в армии. И вот однажды утром, 13 сентября 1799 г., он в «Moniteur» прочел сообщение о своей отставке, и не подозревая о том, что подал о ней прошение. Эту шутку сыграли с ним связанные с Бонапартом члены Директории Сиейес и Роже Дюко.

В качестве командующего Западной армией Бернадот подавил последние очаги вандейского восстания. После провозглашения империи, которая принесла ему звание маршала, ему было поручено командование Ганноверской армией. В этой роли, а также во время своего последующего пребывания на посту командующего Северогерманской армией, он старался создать себе среди северных народов репутацию человека независимого, умеренного, владеющего административным искусством. Во главе корпуса, расположенного в Ганновере и являвшегося 1-м корпусом большой армии, он участвовал в кампании 1805 г. против австрийцев и русских. Он был направлен Наполеоном в Иглау для наблюдения за движениями эрцгерцога Фердинанда в Богемии; затем, вызванный обратно в Брюнн, он во время сражения при Аустерлице был поставлен со своим корпусом в центре между Сультом и Ланном и содействовал отражению попыток правого крыла союзной армии обойти с фланга французскую армию. 5 июня 1806 г. ему был присвоен титул князя Понтекорво. В кампании 1806 — 1807 гг. против Пруссии он командовал 1-м corps d'armee**. Он получил от Наполеона приказ идти от Наумбурга на Дорнбург, в то время как Даву, тоже стоявший у Наумбурга, должен был двигаться на Апольду; в полученном Даву приказе было прибавлено, что если Бернадот уже соединился с ним, то они могут идти на Апольду вместе. Разведав направление движения пруссаков и удостоверившись, что по пути на Дорнбург никакой встречи с противником не может произойти, Даву предложил Бернадоту совместно совершить марш на Апольду

* — столкновения, бунта, переворота. *Ред.*
** — армейским корпусом. *Ред.*

и даже выразил готовность подчиниться его командованию. Но последний, упорно придерживаясь буквального толкования приказа Наполеона, двинулся в направлении Дорнбурга, не встретив неприятеля в течение всего дня, между тем как Даву один должен был выдержать главный натиск противника в сражении при Ауэрштедте[172], которое ввиду отсутствия Бернадота не закончилось решающей победой. Только благодаря столкновению потоков беглецов — из-под Ауэрштедта и из-под Йены, — а также стратегическим комбинациям Наполеона были предотвращены последствия преднамеренной грубей ошибки Бернадота. Наполеон уже подписал приказ о предании Бернадота военному суду, но по дальнейшем размышлении отменил его. После сражения при Йене Бернадот совместно с Сультом и Мюратом 17 октября разбил пруссаков при Галле, преследовал прусского генерала Блюхера до Любека и способствовал его капитуляции при Ратекау 7 ноября 1806 года. Он также разбил русских 25 января 1807 г. на равнинах Морунгена, недалеко от Торна.

После Тильзитского мира, согласно условиям союзного договора, заключенного Наполеоном с Данией, французские войска должны были занять датские острова, чтобы оттуда действовать против Швеции[173]. В соответствии с этим 23 марта 1808 г., в тот самый день, когда Россия вторглась в Финляндию, Бернадот получил приказ двинуться в Зеландию для того, чтобы вместе с датчанами вторгнуться в Швецию, низложить короля* и поделить страну между Данией и Россией — странная миссия для человека, которому предназначено было в недалеком будущем царствовать в Стокгольме. Он переправился через Бельт и прибыл в Зеландию во главе 32000 французов, голландцев и испанцев; однако 10000 испанцев удалось под командой генерала де ла Романа с помощью английского флота покинуть армию Бернадота. Во время своего пребывания в Зеландии Бернадот ничего не предпринял и ничего не достиг. Отозванный в Германию, чтобы участвовать в новой войне между Францией и Австрией, он получил командование 9-м корпусом, состоявшим главным образом из саксонцев,

Сражение при Ваграме 5 и 6 июля 1809 г. дало новую пищу для его размолвок с Наполеоном. В первый день сражения Евгений Богарне, выйдя из дефиле в непосредственной близости от Ваграма и вклинившись в центр вражеских резервов, не получил должной поддержки со стороны Бернадота, который вводил в бой свои войска слишком поздно и слишком вяло.

* — Густава IV Адольфа. *Ред.*

Атакованный с фронта и с фланга, Евгений был энергично отброшен назад к гвардии Наполеона; таким образом, первый натиск французской атаки был сломлен из-за медлительности Бернадота, который тем временем занял деревню Адлерклаа, в центре расположения французской армии, но несколько впереди французской линии фронта. На следующий день, в 6 часов утра, когда австрийцы стали выдвигаться для атаки сосредоточенными силами, Бернадот развернул свои войска перед Адлерклаа, вместо того, чтобы, прочно закрепившись в этой деревне, иметь ее на линии своего фронта. Сочтя с приближением австрийцев избранную им позицию слишком рискованной, он отступил на плато позади Адлерклаа, которую оставил незанятой, так что она немедленно была захвачена австрийцами Белльгарда. Вследствие этого французский центр оказался в опасном положении и командовавший им Массена выслал вперед дивизию, чтобы снова взять Адлерклаа, но эта дивизия была вновь выбита из нее гренадерами Д'Аспре. В этот момент прибыл сам Наполеон, он принял на себя общее командование, составил новый план сражения и парализовал маневр австрийцев. Таким образом, Бернадот снова, как и при Ауэрштедте, поставил под угрозу успех сражения. С своей стороны он выразил недовольство тем, что Наполеон, в нарушение всех военных правил, приказал генералу Дюпа, французская дивизия которого входила в состав корпуса Бернадота, действовать, не считаясь с его приказаниями. Поданное им прошение об отставке было принято, после того как Наполеон узнал об изданном Бернадотом для своих саксонцев приказе, который по своему содержанию расходился со сводкой императора.

Вскоре по прибытии Бернадота в Париж, где он затеял интриги с Фуше, валхеренская экспедиция (30 июля 1809 г.) заставила французское министерство, в отсутствие императора, поручить ему оборону Антверпена[174]. Грубые ошибки англичан сделали излишними какие-либо действия с его стороны; однако он воспользовался этим случаем, для того чтобы в обращение, адресованное к своим войскам, вставить между строк слова, обвинявшие Наполеона в том, что тот не позаботился принять надлежащие меры для обороны бельгийского побережья. Он был отстранен от командования; получив, по возвращении в Париж, приказание покинуть столицу и отправиться в свое княжество Понтекорво, он отказался подчиниться этому приказу и был вызван в Вену. После нескольких бурных и резких объяснений с Наполеоном в Шёнбрунне[175] он принял пост генерал-губернатора Римской области — род почетной ссылки.

Обстоятельства, приведшие к его избранию наследным принцем Швеции, и после его смерти долгое время оставались не вполне выясненными. Карл XIII, после усыновления им Карла-Августа, герцога Аугустенборгского, и признания его наследником шведского престола, отправил графа Вреде в Париж, чтобы просить для герцога руки принцессы Шарлотты, дочери Люсьена Бонапарта. 18 мая 1810 г. последовала внезапная смерть герцога Аугустенборгского, и Россия стала настаивать, чтобы Карл XIII усыновил герцога Ольденбургского; Наполеон же поддерживал притязания датского короля Фредерика VI. Сам старый король предложил объявить наследником брата покойного герцога Аугустенборгского и отправил барона Мёрнера к генералу Вреде с инструкцией, предлагавшей последнему заручиться согласием Наполеона на выбор, сделанный королем. Однако Мёрнер, молодой человек, принадлежавший к той весьма влиятельной в Швеции партии, которая ожидала в то время возрождения своей страны только от тесного союза с Францией, по прибытии в Париж, взял на себя инициативу, в сговоре с Лапи, молодым французским военным инженером, с шведским генеральным консулом Синьёлем и самим графом Вреде, предложить в кандидаты на шведский престол Бернадота, причем все они старались скрыть свои шаги от шведского посла при Тюильрийском дворе графа Лагербьельке; к тому же все они, в силу ряда заблуждений, искусно поддерживаемых Бернадотом, были твердо убеждены, что последний и в самом деле был кандидатом Наполеона. В соответствии с этим 29 июня Вреде и Синьёль в своих депешах шведскому министру иностранных дел сообщали, что Наполеон был бы очень рад, если бы сан королевского наследника был предложен его родственнику и помощнику. Несмотря на сопротивление Карла XIII, государственный сейм в Эребру 21 августа 1810 г. избрал Бернадота наследным принцем Швеции. Король также принужден был усыновить его под именем Карла-Иоанна. Наполеон с большой неохотой и неудовольствием приказал Бернадоту принять предложенный ему сан. Покинув Париж 28 сентября 1810 г., Бернадот высадился в Хельсингборге 21 октября, отрекся здесь от католической веры, 1 ноября прибыл в Стокгольм, 5 ноября присутствовал на собрании сословий и с этого момента взял бразды правления в свои руки. Со времени злополучного Фридрихсгамского мира[176] в Швеции господствовала идея вновь овладеть Финляндией, без которой, по общему мнению, «Швеция перестала существовать», как выразился Наполеон в письме Александру от 28 февраля 1811 г., по крайней мере в качестве независимой

от России державы. Швеция могла надеяться возвратить себе эту провинцию лишь путем тесного союза с Наполеоном. Этому убеждению Бернадот был обязан своим избранием. Во время болезни короля, продолжавшейся с 17 марта 1811 г. до 7 января 1812 г., Карл-Иоанн был назначен регентом; однако это назначение было лишь вопросом этикета, ибо он руководил всеми делами уже со дня своего приезда в Швецию.

Наполеон сам был слишком выскочкой, чтобы щадить самолюбие своего бывшего подчиненного, и он принудил Бернадота — вопреки взятым на себя раньше обязательствам — присоединиться 17 ноября 1810 г. к континентальной системе и объявить войну Англии. Он лишил Бернадота также доходов, следуемых ему как французскому князю, отказывался принимать его послания, адресованные ему непосредственно, под предлогом, что Бернадот «не равный ему государь», и отослал обратно орден Серафима, преподнесенный Карлом-Иоанном новорожденному римскому королю*. Эти мелочные уколы дали Бернадоту только повод для действий в соответствии с задолго до того принятым решением. Едва лишь он водворился в Стокгольме, как дал открытую аудиенцию русскому генералу Сухтелену — ненавистному шведам за то, что он подкупил коменданта Свеаборга, — и даже согласился на аккредитование этого лица послом при шведском дворе. 18 декабря 1810 г. он имел беседу с Чернышевым, во время которой заявил о своем «горячем желании заслужить доброе мнение царя» и о согласии отказаться навсегда от Финляндии при условии, что Норвегия будет отделена от Дании и присоединена к Швеции. Через того же Чернышева он отправил царю Александру в высшей степени льстивое письмо. Когда таким образом он сблизился с Россией, шведские генералы, низложившие Густава IV и содействовавшие избранию Бернадота, перестали его поддерживать. Их оппозиция, нашедшая отклик в армии и народе, уже грозила стать опасной, когда вторжение 27 января 1812 г. французской дивизии в шведскую Померанию, — мера, принятая Наполеоном по тайному совету из Стокгольма, — доставило, наконец, Карлу-Иоанну благовидный предлог для официального провозглашения нейтралитета Швеции. Однако втайне и за спиной у сейма он заключил с Александром договор о наступательном союзе против Франции, подписанный 27 марта 1812 г. в С.-Петербурге, в котором было также оговорено присоединение Норвегии к Швеции.

* — герцогу Рейхштадтскому, сыну Наполеона I. *Ред.*

Объявление Наполеоном войны России сделало Бернадота на время вершителем судеб Европы. Наполеон предложил ему, при условии, что он нападет на Россию с 40000 шведских войск, Финляндию, Мекленбург, Штеттин и все территории между Штеттином и Вольгастом. Бернадот мог бы решить исход кампании и занять С.-Петербург раньше, чем Наполеон достиг бы Москвы, Он предпочел роль Лепида в триумвирате, который образовали вместе с ним Англия и Россия.: Побудив султана ратифицировать Бухарестский мир[177], он этим дал возможность русскому адмиралу Чичагову увести свои войска с берегов Дуная и действовать на фланге французской армии, Он был также посредником при заключении 18 июля 1812 г. в Эребру мира между Англией, с одной стороны, и Россией и Швецией — с другой[178]. Александр, напуганный первыми успехами Наполеона, пригласил Карла-Иоанна на свидание и в то же время предложил ему пост главнокомандующего русскими армиями. Оказавшись достаточно благоразумным, чтобы отклонить второе предложение, он принял приглашение на свидание. 27 августа он прибыл в Або, где застал Александра в крайне подавленном состоянии и весьма склонного просить мира. Сам Карл-Иоанн зашел слишком далеко, чтобы отступать, и он вдохнул мужество в колеблющегося царя, указав ему на то, что кажущиеся успехи Наполеона должны привести к его гибели.; Результатом встречи явился так называемый Абоский договор[179], к которому была приложена секретная статья, придавшая союзу характер семейного соглашения. На самом же деле Карл-Иоанн не получил ничего, кроме обещаний, тогда как Россия, без малейших жертв, обеспечила себе неоценимый в тот момент союз с Швецией. Не так давно на основании подлинных документов было доказано, что в то время только от Бернадота зависело вернуть Швеции Финляндию; однако правитель-гасконец, обманутый льстивыми уверениями Александра, что «однажды императорская корона Франции, упавшая с головы Наполеона, может оказаться на его голове», рассматривал уж Швецию как простое pis aller*.

После отступления французов из Москвы он официально прервал дипломатические отношения о Францией, а когда договором от 3 марта 1813 г. Англия гарантировала ему Норвегию[180], вступил в коалицию. Получив английскую субсидию, он в мае 1813 г. высадился в Штральзунде с шведской армией приблизительно в 25000 человек и стал продвигаться к Эльбе, Во время перемирия 4 июня 1813 г.[181] он играл важную

* — владение на самый худой конец. *Ред.*

роль на свидании в Трахенберге, где Александр представил его прусскому королю* и где был принят общий план кампании. Будучи главнокомандующим Северной армии, состоявшей из шведских, русских, прусских, английских, ганзейских и северогерманских войск, он поддерживал весьма двусмысленные связи с французской армией через одно лицо, часто посещавшее его главную квартиру на правах друга; он поддерживал эти связи, основываясь на предположении, что французы с радостью променяли бы власть Наполеона на власть Бернадота, если бы только он дал им доказательства терпимости и милосердия. В соответствии с этим он мешал подчиненным ему генералам переходить в наступление, и когда Бюлов, вопреки его приказам, дважды, при Грос-Берене и Денневице одержал победу над французами, он остановил преследование разбитой армии. Когда Блюхер, с целью побудить его к действию, совершил марш к Эльбе и соединился с ним, то только угроза английского уполномоченного в его армии, сэра Чарлза Стюарта, прекратить снабжение заставила его двинуться вперед. Тем не менее шведы появились на поле боя под Лейпцигом только для вида, и в течение всей кампании не потеряли в боевых действиях и 200 человек. Когда союзники вступили во Францию, Бернадот задержал шведскую армию на ее границах. После отречения Наполеона он лично отправился в Париж, чтобы напомнить Александру о данных ему в Або обещаниях. Талейран сразу положил конец его ребяческим надеждам, заявив совету союзных государей, что «нет другого выбора, как только между Бонапартом и Бурбонами, все иное явилось бы лишь интригой».

Когда после сражения при Лейпциге Карл-Иоанн вторгся в герцогства Шлезвиг и Гольштейн во главе армии, состоявшей из шведов, немцев и русских, датский король Фредерик VI перед лицом значительно превосходящих сил противника вынужден был подписать 14 января 1814 г. Кильский мир, по которому Норвегия передавалась Швеции. Однако норвежцы, не пожелавшие, чтобы ими распоряжались столь бесцеремонно, провозгласили независимость Норвегии под главенством Кристиана-Фредерика, датского наследного принца. Представители нации, собравшиеся в Эйдсволле 17 мая 1814 г., приняли действующую по сей день и самую демократическую в современной Европе конституцию. Приведя в движение шведскую армию и флот и захватив крепость Фредерикстад, господствующую над подступами к Христиании, Карл-Иоанн вступил с норвежцами

* — Фридриху-Вильгельму III. *Ред.*

в переговоры, согласился рассматривать Норвегию как самостоятельное государство и признать Эйдсволльскую конституцию; добившись 7 октября санкции собравшегося стортинга, он 10 ноября 1814 г. отправился в Христианию, чтобы там от своего имени и от имени короля принести присягу конституции.

Когда 5 февраля 1818 г. Карл XIII умер, Бернадот, под именем Карла XIV Иоанна, был признан Европой королем Швеции и Норвегии. Теперь-то он и попытался изменить норвежскую конституцию, восстановить упраздненное дворянство, обеспечить за собой абсолютное вето и право увольнять всех гражданских чиновников и офицеров армии. Эта попытка повлекла за собой серьезные столкновения и привела даже 18 мая 1828 г. к нападению кавалерии на жителей Христианин, праздновавших годовщину своей конституции. Взрыв казался неминуемым, но французская революция 1830 г. заставила короля временно предпринять шаги к примирению. Все же Норвегия, ради приобретения которой он шел на всякие жертвы, в течение всего его царствования оставалась постоянным источником затруднений. С первых дней французской революции 1830 г. в Европе был лишь один человек, считавший шведского короля подходящим претендентом на французский престол, и этим человеком был сам Бернадот. Не один раз повторял он французским дипломатическим представителям в Стокгольме: «Как это случилось, что Лаффит не подумал обо мне?» Изменившийся облик Европы и прежде всего польское восстание внушили ему на момент мысль образовать союз против России. Его предложения в этом смысле, сделанные лорду Пальмерстону, встретили решительный отказ, поэтому ему пришлось искупить свою мимолетную идею о самостоятельности заключением 23 июня 1834 г. с императором Николаем конвенции о союзе, которая превратила его в вассала России. С этих пор его политика в Швеции отличалась посягательствами на свободу печати, преследованиями за преступления, состоящие в lese majeste*, и сопротивлением прогрессивным мерам, даже таким, как избавление промышленности от старых законов о цехах и корпорациях. Играя на соперничестве различных сословий, представленных в шведском сейме, он долгое время с успехом парализовывал всякое движение; однако либеральные постановления сейма 1844 г., которые, согласно конституции, сейм 1845 г. должен был превратить в законы,

* — оскорблении величества. *Ред.*

поставили его политику под угрозу окончательного краха; но в этот момент последовала его смерть.

Если во время царствования Карла XIV Швеция отчасти оправилась от полуторастолетия бедствий и неудач, то этим она обязана не Бернадоту, но исключительно врожденной энергии самого народа и влиянию длительного мира.

Написано К. Марксом 17 сентября — 15 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

АРМАДА [182]

Армада испанская — крупные военно-морские силы, Отправленные в 1588 г. испанским королем Филиппом II для завоевания Англии, чтобы таким образом

«послужить господу и вернуть в лоно его церкви великое множество страждущих душ, которые угнетаются еретиками, врагами нашей святой католической веры, подчинившими их своим сектам и навлекшими на них страдания» («Правдивое описание испанской экспедиции в Англию» 1588 г. от р. х.[183]).

Самый полный отчет об этих силах дан в книге, опубликованной по приказу Филиппа, почти одновременно с отплытием флота, под заглавием «Счастливейшая армада, которую наш повелитель король дон Филипп приказал собрать в Лиссабонском порту в 1588 году. Написано Педро Пас Саласом»[184]. Один экземпляр этого произведения был доставлен лорду Бёрли, так что английское правительство заблаговременно ознакомилось со всеми деталями экспедиции, (Этот экземпляр, содержащий данные вплоть до марта 1588 г., хранится в настоящее время в Британском музее.) Флот, как указано в этой работе, состоял из 65 галеонов и больших кораблей, 25 уркасов, водоизмещением от 300 до 700 тонн каждый, 19 вспомогательных судов, водоизмещением от 70 до 100 тонн, 13 малых фрегатов, 4 галеасов и 4 галер — всего 130 судов общим тоннажем в 75868 тонн. Суда были вооружены 2431 орудием, из которых 1497 было из бронзы — большей частью самые крупные пушки (48-фунтовые), кулеврины (длинноствольные 30- и 20-фунтовые орудия) и т. д.; боевые припасы состояли из 123790 сферических

ядер и 5175 центнеров* пороха, что дает около 50 выстрелов на пушку при среднем заряде в $4^1/_2$ фунта. Экипажи кораблей состояли из 8052 моряков; кроме того на кораблях находилось 19295 солдат и 180 священников и монахов. На кораблях имелись мулы и повозки, предназначенные для передвижения полевой артиллерии после ее выгрузки на берег. Вся экспедиция, согласно вышеупомянутому источнику, была снабжена продовольствием на шесть месяцев. Этот флот, в то время не имевший себе равного, должен был плыть к фламандскому берегу, где другая армия, насчитывавшая 30000 пехоты и 4000 кавалерии, под командованием герцога Пармского, должна была под защитой этого флота погрузиться на построенные специально для этой цели плоскодонные суда, экипажи которых были укомплектованы моряками с Балтики. Затем все эти силы должны были двинуться к Англии.

В Англии королева Елизавета энергичными усилиями увеличила свой флот, насчитывавший первоначально 30 кораблей, приблизительно до 180 судов; они были разной величины, но, как правило, по размерам уступали испанским кораблям. Однако английские суда имели на борту 17500 моряков и, таким образом, обладали гораздо более многочисленными экипажами, нежели испанский флот. Английские вооруженные силы были разделены на две армии: одна — из 18500 человек под командой графа Лестера — предназначалась для непосредственного оказания сопротивления неприятелю, другая — из 45000 человек — для личной охраны королевы. Кроме того, согласно хранящейся в Британском музее рукописи, озаглавленной «Подробное описание английских сил, собранных для борьбы с испанской армадой» (отдел рукописей, опись 18, гл. XXI)[185], 2000 пехоты ожидалось из Нидерландов.

Армада должна была отплыть из Лиссабона в начале мая, но, ввиду смерти адмирала Санта Крус и его вице-адмирала, отплытие было отсрочено. Командующим флотом был теперь назначен герцог Медина-Сидония, человек совершенно несведущий в морском деле; впрочем, его вице-адмирал Мартинес де Рекальде был опытным моряком. По отплытии 29 мая 1588 г. из Лиссабона в Корунью для погрузки припасов флот был рассеян сильной бурей, и хотя все корабли, за исключением четырех, собрались в Корунье, они были сильно потрепаны штормом и нуждались в ремонте. Так как до Англии дошли вести, что флот полностью приведен в негодность, правительство приказало поставить на прикол также и свои корабли; однако лорд

* Английский центнер равен 112 фунтам или 50,8 кг. *Ред.*

Хауард, адмирал, воспротивился этому приказу, он отплыл к Корунъе, разузнал истинное положение и по возвращении стал продолжать военные приготовления. Получив вскоре после этого известие, что армада показалась на горизонте, он поднял якоря и стал следовать за ней на ее пути вдоль Ла-Манша, беспокоя испанские суда всякий раз, когда представлялся удобный случай. Тем временем испанцы двигались к берегам Фландрии, держась как можно ближе друг к другу. В различных мелких стычках, происшедших при этом, англичане, благодаря своим более подвижным кораблям, а также более многочисленным и более искусным в морском деле экипажам, постоянно одерживали победу над неповоротливыми испанскими галеонами с недостаточно укомплектованными экипажами, хотя эти суда и были битком набиты солдатами. Кроме того, испанская артиллерия имела плохую орудийную прислугу, которая большей частью целила слишком высоко. Близ Кале армада стала на якорь, ожидая, когда флот герцога Пармского выйдет из фламандских гаваней; однако она вскоре получила известие, что его суда, не приспособленные для боя, не могут выйти до тех пор, пока армада не пройдет через пролив и не отгонит англо-голландскую блокирующую эскадру. Поэтому армада снова подняла якоря, но около Дюнкерка попала в штиль, оказавшись между английским флотом, с одной стороны, и голландским, с другой. Лорд Хауард приготовил брандеры, и когда ночью 7 августа ветер снова поднялся, он пустил восемь из них на неприятельские корабли. Брандеры вызвали настоящую панику в испанском флоте. Некоторые корабли подняли якоря, другие обрубили свои канаты и были подхвачены ветром; весь флот пришел в расстройство, несколько кораблей столкнулись друг с другом и вышли из строя. К утру порядок отнюдь не был восстановлен, и отдельные флотилии армады оказались разбросанными на обширном пространстве. Тогда лорд Хауард, получив в подкрепление корабли, экипажи которых состояли из титулованных и нетитулованных дворян, а также блокирующую эскадру под командой лорда Байрона, при искусном содействии сэра Фрэнсиса Дрейка, в четыре часа утра вступил в бой с неприятелем. Сражение, или, скорее, охота (ибо англичане имели явное превосходство во всех пунктах атаки), длилось до наступления темноты. Испанцы дрались храбро, по их неуклюжие корабли были непригодны для плавания в узких проливах и для маневренного боя. Испанцы потерпели полное поражение и понесли тяжелые потери.

Соединение с транспортами герцога Пармского стало, таким образом, невозможным, о высадке же на английском

берегу силами одной армады не могло быть и речи. Оказалось, что большая часть имевшихся на кораблях запасов провианта израсходована, и так как доступ к испанской Фландрии был теперь отрезан, не оставалось ничего иного, как вернуться в Испанию за свежими припасами. (См. «Достоверные сообщения из Ирландии относительно потерь и бедствий, которые испанский флот потерпел у берегов Ирландии». Лондон, 1588. Показания Эммануэля Фремосы, служившего на корабле «Сан-Хуан», водоизмещением в 1100 тонн, флагманском корабле адмирала Рекальде[186].) Поскольку же проход через Ла-Манш был тоже заперт английским флотом, то оставался лишь один путь домой — вокруг Шотландии. Флот лорда Сеймура, посланный в погоню, лишь незначительно тревожил армаду, ибо этот флот был плохо снабжен боевыми припасами и не мог отважиться на атаку. Но после того как испанцы обогнули Оркнейские острова, поднялась ужасная буря и рассеяла весь флот. Несколько кораблей буря погнала назад до самых берегов Норвегии, где они наскочили на скалы; другие затонули в Северном море или разбились о скалы у берегов Шотландии и Гебридских островов. Вскоре после этого новая буря настигла испанцев у западного побережья Ирландии, где погибло свыше 30 кораблей. Те из состава экипажей, кому удалось добраться до берега, были большей частью перебиты; около 200 человек было казнено по приказу наместника Ирландии*. Из всего флота не более 60 судов, да и те в самом потрепанном виде, с измученными голодом людьми на борту, достигли Сантандера примерно в середине сентября, когда в Испании окончательно отказались от плана вторжения в Англию.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между концом июля и 23 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

* — Фицуильяма. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

АЯКУЧО [187]

Аякучо — департамент в республике Перу; население — 131921 человек. Вблизи его главного города, также называющегося Аякучо, произошло сражение, которое окончательно обеспечило независимость испанской Южной Америке. После сражения при Хунине (6 августа 1824 г.)[188] испанский вице-король генерал ла Серна пытался путем различных маневров перерезать коммуникации повстанческой армии под командованием генерала Сукре. Не достигнув этой цели, вице-король, наконец, завлек своего противника на равнину Аякучо, где испанцы заняли оборонительную позицию на одной из высот. Их силы составляли 13 батальонов пехоты с артиллерией и кавалерией, всего 9310 человек. 8 декабря 1824 г. вступили в бой авангарды обеих армий, а на следующий день Сукре повел в атаку 5780 человек. 2-я колумбийская дивизия под командованием генерала Кордоба атаковала левый фланг испанской армии и сразу привела его в расстройство. Перуанская дивизия на левом фланге под командованием генерала Ла Мара встретила более упорное сопротивление и не смогла продвинуться вперед, пока не прибыли резервы под командованием генерала Лара. Когда после этого отступление неприятеля стало всеобщим, в преследование была брошена кавалерия, которая рассеяла испанскую конницу и завершила разгром пехоты. У испанцев было убито 6 генералов; они потеряли 2600 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен; в числе последних был и вице-король. Потери южноамериканцев составляли: 1 генерал и 308 офицеров и солдат убитыми, 520 ранеными, среди них 6 генералов. Па следующий день генерал Кантерак, к ко-

торому теперь перешло командование испанской армией, подписал капитуляцию, по условиям которой не только он и все его войска становились военнопленными, но все испанские войска в Перу и все военные посты, артиллерия, склады, а также вся перуанская территория, которая еще находилась в руках испанцев (Куско, Арекипа, Пуно, Килька и пр.), передавались повстанцам. Численность войск, переданных таким путем в качестве военнопленных, достигала в целом почти 12000 человек. Таким образом с испанским владычеством было окончательно покончено и 25 августа 1825 г.: конгресс в Чукисака провозгласил независимость республики Боливии.

Кличка «аякучосы» была дана в Испании Эспартеро и его военным приверженцам. Часть военной камарильи, группировавшаяся вокруг него, принимала участие вместе с ним в войне против повстанцев Южной Америки, в которой их объединяло не только братство по оружию, но и общая всем им склонность к авантюрам; во время этой войны они взяли на себя взаимное обязательство поддерживать друг друга в политических делах по возвращении в Испанию. Это обязательство они добросовестно выполняли к немалой взаимной выгоде. Прозвище «аякучосы» было присвоено им в порядке намека на то, что Эспартеро и его сторонники существенно способствовали неблагоприятному исходу этого сражения. Эта версия, однако, неверна, хотя она настолько усердно распространялась, что даже в настоящей время в Испании, как правило, верят в нее. Эспартеро не только не присутствовал на поле сражения при Аякучо, но его даже не было в Америке, когда оно происходило, так как он в тот момент еще не закончил своего путешествия в Испанию, куда его послал вице-король ла Серна с депешами для Фердинанда VII, 5 июня 1824 г, он сел в Кильке на британский бриг «Тибр», прибыв в Кадис 28 сентября, а в Мадрид 12 октября, и снова отплыл в Америку из Бордо в тот самый день, 9 декабря 1824 г., когда произошло сражение под Аякучо. (См. Дон Хосе Сегундо Флорес, «Эспартеро», Мадрид, 1844 г., в 4 томах; и Принсипе. «Эспартеро», Мадрид, 1848 г.[189])

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между 21 сентября и 23 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

БЛЮХЕР [190]

Блюхер, Гебхард Леберехт фон, князь Вальштадтский — прусский фельдмаршал; родился 16 декабря 1742 г. в Ростоке, в Мекленбург-Шверине, умер в Крибловице, в Силезии, 12 сентября 1819 года. В 1754 г., еще мальчиком, он был отправлен на остров Рюген и здесь тайно вступил в полк шведских гусаров младшим офицером, чтобы воевать против прусского короля Фридриха II. Во время кампании 1758 г. Блюхер попал в плен; после того, как он пробыл целый год в плену и получил увольнение со шведской службы, его убедили вступить в прусскую армию. 3 марта 1771 г. он был назначен ротмистром кавалерии. Когда в 1778 г. ротмистр фон Егерсфельд, внебрачный сын маркграфа фон Шведта, был вместо него назначен на вакантную должность майора, Блюхер написал Фридриху II:

«Государь, Егерсфельд, у которого нет никаких заслуг кроме того, что он сын маркграфа фон Шведта, предпочтен мне. Прошу, ваше величество, соизволить мне отставку».

В ответ на это Фридрих II приказал посадить его в тюрьму, по когда, несмотря на довольно длительное заключение, он отказался взять обратно свое письмо, король дал согласие удовлетворить его просьбу резолюцией следующего содержания: «Ротмистр фон Блюхер может убираться ко всем чертям». Тогда он удалился в польскую Силезию, вступил вскоре после этого в брак, стал заниматься сельским хозяйством, приобрел небольшое имение в Померании и после смерти Фридриха II снова вступил в свой прежний полк в чине майора, однако на определенном условии — чтобы его назначение датировалось 1779 го-

дом. Спустя несколько месяцев умерла его жена. Блюхер принял участие в бескровном вторжении в Голландию[191] и 3 июня 1788 г. был произведен в подполковники. 20 августа 1790 г. он сделался полковником и командиром 1-го батальона гусарского полка, в который вступил еще в 1760 году.

В 1794 г. Блюхер отличился в качестве командира легкой кавалерии во время кампании в Пфальце против республиканской Франции. 28 мая 1794 г., после победоносного боя при Кирвейлере, он был произведен в генерал-майоры, а боевые действия под Люксембургом, Кайзерслаутерном, Моршгеймом, Вейденталем, Эдесгеймом, Эденкобеном обеспечили ему все возрастающую славу. Непрерывно тревожа французов дерзкими coups de main* и успешными налетами, он никогда не забывал сообщать в главную квартиру самые точные сведения относительно передвижений неприятеля. Его дневник, написанный во время этой кампании и опубликованный в 1796 г. его адъютантом графом Гольцем, несмотря на стилистические погрешности, считается классическим произведением по вопросам службы авангарда[192]. После заключения Базельского мира[193] он вторично женился. Фридрих-Вильгельм III по восшествии на престол произвел его в генерал-лейтенанты, и в этом чине Блюхер оккупировал Эрфурт, Мюльхаузен и Мюнстер и управлял ими в качестве губернатора. В 1805 г. он был поставлен во главе небольшого корпуса, сосредоточенного в Байрёйте для наблюдения за теми последствиями сражения при Аустерлице, которые непосредственно касались Пруссии, а именно за оккупацией княжества Ансбах корпусом Бернадота.

В 1806 г. Блюхер командовал прусским авангардом в сражении при Ауэрштедте. Однако его атака была отражена ужасающим огнем артиллерии Даву, а его предложение возобновить атаку свежими силами, введя в действие всю кавалерию, было отвергнуто прусским королем. После двойного поражения пруссаков при Ауэрштедте и Йене он отступил вниз по Эльбе, в то время как Наполеон неудержимо гнал главные силы прусской армии, безостановочно преследуя их от Йены до Штеттина. В своем отступательном движении Блюхер подбирал остатки различных корпусов, чем увеличил свою армию приблизительно до 25000 человек. Его отступление к Любеку под натиском объединенных сил Сульта, Бернадота и Мюрата представляет одни из немногих славных эпизодов этой эпохи унижения Германии. Так как Любек являлся нейтральной территорией, то превращение Блюхером улиц этого открытого города в театр отчаянной

* — решительными атаками. *Ред.*

борьбы, в результате чего город в течение трех дней был отдан на разграбление французским солдатам, послужило поводом для гневных нападок на него; однако при тогдашних обстоятельствах было важно дать немецкому народу хотя бы один пример стойкого сопротивления. Выбитый из Любека, Блюхер был принужден 7 ноября 1806 г, капитулировать на Ратекауской равнине на определенном условии, согласно которому должно было быть письменно засвидетельствовано, что причиной его сдачи явился «недостаток боевых припасов и продовольствия». Освобожденный под честное слово, он отправился в Гамбург, чтобы здесь в компании своих сыновей убивать время за карточной игрой, курением и в попойках. После того как он был обменен на генерала Виктора, его назначили генерал-губернатором Померании; однако одна из секретных статей союзного договора, заключенного 24 февраля 1812 г. между Пруссией и Наполеоном, обусловливала отстранение Блюхера от службы, подобно Шарнхорсту и другим выдающимся прусским патриотам. Чтобы смягчить эту официальную немилость, король тайно пожаловал ему прекрасное имение Кунцендорф в Силезии.

В годы, явившиеся переходным периодом от Тильзитского мира к немецкой освободительной войне, руководители «Тугенд-бунда»[194] Шарнхорст и Гнейзенау, стремясь выдвинуть на сцену народного героя, избрали для этой роли Блюхера. Распространяя его славу среди масс, они достигли в этом такого успеха, что когда Фридрих-Вильгельм III прокламацией от 17 марта 1813 г. призвал пруссаков к оружию, они уже достаточно подготовили почву, чтобы заставить короля назначить Блюхера главнокомандующим прусской армией. В неудачных для союзников, несмотря на оказанное ими упорное сопротивление, сражениях при Лютцене и Бауцене Блюхер действовал под командованием Витгенштейна. Во время отступления союзных армий от Бауцена к Швейдницу он расположился в засаде у Гайнау, откуда обрушился со своей кавалерией на французский авангард под командованием Мезона, потерявшего в этом бою 1500 человек и 11 пушек[195]. Этим неожиданным успехом Блюхер поднял дух прусской армии и заставил Наполеона быть весьма осторожным при преследовании.

Самостоятельной армией Блюхер стал командовать по истечении Трахенбергского перемирия 10 августа 1813 года[196]. К этому времени союзные монархи разделили свои силы на три армии: Северную под командованием Бернадота, расположенную вдоль Нижней Эльбы; главную армию, двигавшуюся через Богемию, и Силезскую армию под верховным командованием Блюхера, которому помогали Гнейзенау, назначенный началь-

ником его штаба, и Мюфлинг, в качестве его генерал-квартирмейстера. Эти два человека, остававшиеся при нем на тех же постах вплоть до заключения мира в 1815 г., разрабатывали все его стратегические планы. Сам же Блюхер, по словам Мюфлинга,

«ничего не понимал в стратегическом руководстве военными действиями, или понимал настолько мало, что когда на его утверждение представляли план какой-либо операции, даже весьма незначительной, он не умел составить себе о нем сколько-нибудь ясного представления и судить о том, хорош он или плох»[197].

Подобно многим маршалам Наполеона, он не умел читать карт. Силезская армия состояла из трех corps d'armee*: 40000 русских под командованием графа Ланжерона, 16000 под командованием барона фон Сакена и прусского корпуса, численностью в 40000 человек, под командованием генерала Йорка. Положение Блюхера во главе этой разнородной армии было исключительно трудным. Ланжерон, который уже побывал на посту самостоятельного командующего, неохотно подчинился иностранному генералу; к тому же он знал, что Блюхер получил секретное предписание ограничиваться оборонительными действиями, совершенно не будучи осведомлен о том, что последний, при свидании 11 августа в Рейхенбахе с Барклаем-де-Толли, добился разрешения действовать сообразно обстоятельствам. Поэтому Ланжерон считал себя вправе не выполнять приказов, когда ему казалось, что главнокомандующий уклоняется от ранее согласованного плана, и в этом мятежном поведении его всячески поддерживал генерал Йорк.

Опасность, проистекавшая из подобного положения вещей, становилась все более угрожающей, но в этот момент произошло сражение на Кацбахе, обеспечившее Блюхеру такой авторитет в его армии, который привел ее к воротам Парижа. Маршал Макдональд, которому Наполеон поручил отбросить Силезскую армию в глубь Силезии, начал 26 августа сражение атакой аванпостов Блюхера, расположенных между Праузницем и Кройчем, в месте слияния Нейссе и Кацбаха. Так называемое сражение на Кацбахе на самом деле состояло из четырех различных столкновений. Первое из них — вытеснение штыковой атакой с расположенного позади горного кряжа на правом берегу Нейссе плато около 8 французских батальонов, едва составлявших одну десятую неприятельских сил, — привело к результатам, совершенно не соответствовавшим его первоначальному значению. Это произошло вследствие того, что беглецы,

* — армейских корпусов. *Ред.*

покинувшие плато, не были собраны в Нидер-Крайне и расположены за Кацбахом у Кройча, между тем как, будь это сделано, их бегство не оказало бы никакого влияния на остальную часть французской армии; далее, вследствие нескольких поражений, нанесенных с наступлением ночи неприятелю корпусами Сакена и Ланжерона, расположенными на левом берегу Нейссе, а также вследствие того, что маршал Макдональд, лично командовавший на левом берегу и до 7 часов вечера оказывавший слабое сопротивление атакам Ланжерона, тотчас после захода солнца повел свои войска в Гольдберг в таком измотанном состоянии, что они не могли более сражаться и должны были попасть в руки неприятеля; и наконец, вследствие сезонной полосы сильных дождей, превративших небольшие в другое время реки, которые приходилось преодолевать бегущим французам, — Нейссе, Кацбах, Дейхсель и Бобер, — в вздувшиеся, бурные потоки и сделавших дороги почти непроходимыми. В результате случилось так, что при поддержке местного ополчения, действовавшего в горах на левом фланге Силезской армии, сражение на Кацбахе, само по себе незначительное, окончилось захватом 18 — 20 тысяч пленных, свыше 200 орудий и более 300 зарядных ящиков, санитарных и вещевых повозок с имуществом и т. д.

После сражения Блюхер сделал все, чтобы заставить свои войска напрячь все силы в преследовании неприятеля, справедливо указывая им, что «при известном физическом напряжении они могли бы сделать излишним новое сражение». 3 сентября он со своей армией форсировал Нейссе и 4 прошел через Бишофсверду с целью сосредоточиться у Бауцена. Этим движением он спас главную армию, которая после поражения, понесенного 27 августа под Дрезденом, и вынужденного отступления за Рудные горы, теперь полностью оторвалась от противника[198]; Наполеон был вынужден двинуться с подкреплениями к Бауцену, чтобы собрать разбитую на Кацбахе армию и завязать с Силезской армией сражение. Во время своего пребывания в юго-восточной части Саксонни, на правом берегу Эльбы, Блюхер посредством целого ряда отступательных и наступательных маневров все время уклонялся от сражения, навязываемого ему Наполеоном, но постоянно вступал в бой при встрече с отдельными отрядами французской армии. 22, 23 и 24 сентября он осуществил фланговый марш на правом фланге неприятеля, продвигаясь форсированными переходами к Нижней Эльбе, ближе к Северной армии. 2 октября он навел понтонные мосты на Эльбе у Эльстера, и утром 3 октября его армия переправилась через реку. Это движение, не только смелое, но даже риско-

ванное, поскольку Блюхер совершенно бросал на произвол судьбы свои коммуникационные линии, диктовалось высшими политическими соображениями и в конце концов привело к сражению при Лейпциге, на которое, если бы не Блюхер, медлительная и слишком осторожная главная армия никогда бы не рискнула.

Северная армия, главнокомандующим которой был Бернадот, насчитывала около 90 000 человек, и, следовательно, было в высшей степени важно заставить эту армию двинуться в Саксонию. Благодаря тесному контакту, который Блюхер поддерживал с Бюловым и Винцингероде, командирами прусского и русского корпусов, входивших в состав Северной армии, он получил самые убедительные доказательства, что Бернадот заигрывает с французами и что невозможно побудить его к сколько-нибудь активным действиям, пока он оставался один на обособленном театре войны. Бюлов и Винцингероде выразили готовность действовать вопреки Бернадоту, но для этого они требовали поддержать их силами в 100000 человек. Отсюда и решение Блюхера отважиться на свой фланговый марш, на котором он настоял, несмотря на полученные им от монархов предписания продвигаться влево на сближение с ними, в направлении к Богемии. Его не заставили отказаться от этого намерения и препятствия, которые систематически ставил на его пути Бернадот даже после того, как Силезская армия перешла Эльбу. Прежде чем покинуть Бауцен, он отправил доверенного офицера к Бернадоту, чтобы уведомить последнего, что поскольку Северная армия слишком слаба для самостоятельных действий на левом берегу Эльбы, он прибудет с Силезской армией и перейдет реку у Эльстера 3 октября; поэтому он приглашал Бернадота перейти Эльбу одновременно с ним и совместно двинуться к Лейпцигу. Так как Бернадот не обратил внимания на это послание, а неприятель занял Вартенбург напротив Эльстера, то Блюхер сначала вытеснил противника, а затем, чтобы иметь возможность защититься в случае, если бы Наполеон обрушился на него со всеми своими силами, стал сооружать укрепленный лагерь на пространстве от Вартенбурга до Бледдина. Отсюда он продвинулся к Мульде.

7 октября при встрече с Бернадотом было у словлено, что обе армии пойдут на Лейпциг. 9 октября, пока Силезская армия готовилась к этому походу, Бернадот, получив сведения о приближении Наполеона по дороге от Мейсена, стал настаивать на отступлении за Эльбу и согласился остаться на ее левом берегу лишь при том условии, что Блюхер примет решение переправиться, взаимодействуя с ним, через Заале, чтобы занять

позицию за этой рекой. Хотя в результате этого движения Силезская армия снова теряла свои коммуникационные линии, Блюхер согласился, так как в противном случае Северная армия была бы фактически потеряна для союзников., 10 октября вся Силезская армия, соединившись с Северной армией, находилась на левом берегу Мульде, мосты через которую были разрушены. Тогда Бернадот заявил, что необходимо отступать на Бернбург, и Блюхер, с единственной целью не позволить ему перейти на правый берег Эльбы, снова уступил на том условии, что Бернадот перейдет Заале у Веттина и там займет позицию. 11 октября, получив в момент, когда его колонны переходили большую дорогу, ведущую от Магдебурга на Галле, сведения, что, вопреки своему твердому обещанию, Бернадот не построил моста у Веттина, Блюхер решил форсированными маршами следовать по этой большой дороге.

Наполеон, видя, что Северная и Силезская армии уклоняются от сражения, которое он предлагал им сосредоточением своих сил у Дубена, и зная, что они не могли бы избегнуть его иначе, как отступив за Эльбу, понимая в то же время, что ему остается только четыре дня до встречи с главной армией и что это поставит его между двух огней, предпринял марш на правом берегу Эльбы в направлении к Виттенбергу, чтобы этим ложным маневром завлечь Северную и Силезскую армии на другой берег Эльбы, а затем нанести стремительный удар главной армии. И действительно, Бернадот, опасаясь за свои коммуникационные линии с Швецией, приказал своей армии немедленно переправиться на правый берег Эльбы по мосту, построенному у Акена, и в тот же самый день, 13 октября, он уведомил Блюхера, что император Александр по некоторым важным соображениям поставил его (Блюхера) под его командование. В соответствии с этим он предлагал Блюхеру двигаться с Силезской армией следом за ним, на правый берег Эльбы, по возможности не теряя времени. Если бы Блюхер проявил в этом случае меньше решительности и последовал за Северной армией, то кампания была бы проиграна, ибо Силезская и Северная армии, насчитывавшие вместе приблизительно 200000 человек, отсутствовали бы на поле сражения при Лейпциге, В ответ Блюхер написал Бернадоту, что, согласно всем имеющимся у него сведениям, Наполеон не имеет ни малейшего намерения переносить театр военных действий на правый берег Эльбы, но лишь стремится ввести их в заблуждение- В то же время он заклинал Бернадота отказаться от своего намерения перейти через Эльбу. Между тем, непрестанно убеждая главную армию продвинуться к Лейпцигу и предлагая встретить ее там, он

получил, наконец, 15 октября долгожданное приглашение. Он немедленно двинулся на Лейпциг, тогда как Бернадот отступил к Петерсбергу. На своем пути от Галле к Лейпцигу он 16 октября разбил в жарком и упорном бою при Мёккерне 6-й корпус французской армии под командованием Мармона, захватив 54 орудия. Он тотчас же отправил сообщение об исходе этого сражения Бернадоту, которого не было на поле боя в первый день сражения при Лейпциге. На второй день сражения, 17 октября, Блюхер выбил неприятеля с правого берега Парте; в руках последнего осталось лишь несколько домов и полевых укреплений у Галлеской заставы. 18-го на рассвете состоялось совещание в Брахенфельде между ним и Бернадотом, который заявил, что он не сможет произвести атаку противника на левом берегу Парте, если Блюхер не даст ему на этот день 30000 человек из Силезской армии. Исходя исключительно из общих интересов, Блюхер без колебаний согласился, но с тем условием, что он сам останется с этими 30000 и таким образом обеспечит их энергичное содействие атаке.

После окончательной победы 19 октября и в продолжение всего отступления Наполеона от Лейпцига к Рейну один лишь Блюхер преследовал его серьезно. В то время как 19 октября генералы, командовавшие войсками, встречали монархов на рыночной площади Лейпцига, и драгоценное время тратилось на взаимные поздравления, Силезская армия Блюхера уже вела преследование неприятеля в направлении на Лютцен. Во время его похода от Лютцена на Вейсенберг его нагнал принц Вильгельм Прусский и вручил ему грамоту о присвоении ему звания прусского фельдмаршала. Союзные монархи позволили Наполеону выиграть расстояние, которое никак не удавалось наверстать, однако Блюхер, от Эйзенаха и дальше, оказывался всякий раз после полудня в том месте, которое Наполеон покинул тем же утром. Когда Блюхер уже намеревался идти на Кёльн, чтобы там переправиться через Рейн, он был отозван и получил приказ блокировать Майнц на левом берегу Рейна. Осуществленное им быстрое преследование неприятеля до самого Рейна вызвало распад Рейнского союза[199]; войска Союза высвободились из французских дивизий, в состав которых они до тех пор входили. В то время как главная квартира Силезской армии была расположена в Хёхсте, главная армия продвинулась до Верхнего Рейна, Так закончилась кампания 1813 г., успех которой целиком объясняется смелой предприимчивостью и железной энергией Блюхера.

Относительно плана дальнейших действий мнения среди союзников разделились; одни предлагали остановиться на Рейне

и здесь занять оборону; другие — перейти Рейн и идти на Париж. После долгих колебаний со стороны монархов Блюхер и его друзья взяли верх, и было принято решение идти на Париж концентрическим движением, причем главная армия должна была выступить из Швейцарии, Бюлов из Голландии, а Блюхер с Силезской армией из района Среднего Рейна. Для новой кампании в распоряжение Блюхера были дополнительно переданы три корпуса, а именно корпус Клейста, корпус курфюрста Гессенского и корпус герцога Саксен-Кобургского. Оставив часть корпуса Ланжерона для обложения Майнца и приказав новым подкреплениям следовать за собой в качестве второго эшелона, Блюхер 1 января 1814 г. переправился через Рейн в трех пунктах — у Мангейма, Кауба и Кобленца, оттеснил в долине Мозеля Мармона за Вогезы и Саар, расположил корпус Йорка между мозельскими крепостями и с отрядом в 28000 человек, состоявшим из корпуса Сакена и одной дивизии из корпуса Ланжерона, двинулся через Вокулёр и Жуанвиль на Бриенн с целью соединения своим левым крылом с главной армией. У Бриенна он был 29 января атакован Наполеоном, силы которого насчитывали около 40000 человек, в то время как корпус Йорка был все еще отделен от Силезской армии, а главная армия, численностью в 110000 человек, еще только достигла Шомона. Таким образом Блюхеру пришлось иметь дело со значительно превосходящими силами Наполеона, однако последний атаковал его без присущей ему энергии и даже позволил беспрепятственно отступить к Тране, если не считать нескольких кавалерийских стычек. Если бы Наполеон занял Бриенн, расположил часть своих войск по соседству с ним и занял Диенвиль, Ла-Ротьер и Шомениль тремя различными корпусами, то он смог бы 30 января обрушиться с численно превосходящими силами на Блюхера, пока последний еще ожидал своих подкреплений. Однако Наполеон придерживался пассивной тактики, в то время как главная армия союзников сосредоточивалась у Бар-сюр-Об и ее части подходили на подкрепление правого фланга Блюхера. Инертность императора объясняется надеждами, возлагавшимися им на мирные переговоры, которые велись на конгрессе в Шатильоне[200]; ему удалось начать эти переговоры и с их помощью он надеялся выиграть время. Действительно, после того как осуществилось соединение Силезской армии с главной армией, сторонники дипломатических переговоров с Наполеоном настаивали, чтобы во время мирных переговоров на конгрессе война велась только для видимости. Князь Шварценберг отправил к Блюхеру офицера, чтобы получить его согласие на это, но Блюхер отослал его обратно с таким ответом:

«Мы должны идти на Париж. Наполеон нанес визиты во все столицы Европы; неужели мы уступим ему в вежливости? Короче говоря, он должен оставить престол, и мы не успокоимся, пока не свергнем его с престола».

Блюхер настойчиво указывал на огромные преимущества, которые получили бы союзники, атаковав Наполеона близ Бриенна, прежде чем он сможет подтянуть оставшуюся часть своих войск, и сам брался осуществить эту атаку при условии, что он получит подкрепления на время отсутствия корпуса Йорка. То соображение, что армию нельзя было прокормить в неплодородной долине реки Об, и что, если бы она не наступала, ей пришлось бы отступать, дало перевес его предложению. Было решено дать сражение, однако князь Шварценберг, вместо того, чтобы напасть на неприятеля с объединенными силами, находившимися в его распоряжении, ограничился тем, что придал Блюхеру корпуса кронпринца Вюртембергского (40000 человек), Дьюлаи (12000 человек) и Вреде (12000 человек). Со своей стороны, Наполеон ничего не знал и не подозревал о прибытии главной армии. Когда 1 февраля около часа дня ему сообщили, что Блюхер наступает, он не хотел этому верить. Удостоверившись, что это так, он сел на коня с намерением уклониться от сражения и дал Бертье соответствующие распоряжения. Однако, когда между Бриенн-ла-Вьей и Ротьером он настиг молодую гвардию[201], которая, заслышав приближающуюся канонаду, стала под ружье, он был встречен ею с таким энтузиазмом, что решил воспользоваться этим и воскликнул: «L'artillerie en avant!»[*]. Таким образом, около 4 часов сражение при Ла-Ротьере завязалось всерьез. Но при первой же неудаче Наполеон не стал дольше лично принимать участие в сражении. Его пехота бросилась в деревню Ла-Ротьер, завязался долгий и упорный бой, и Блюхер был даже принужден подвести свои резервы. Французы были вытеснены из деревни только в 11 часов ночи, когда Наполеон приказал своей армии отступать, потеряв 4000 или 5000 человек убитыми и ранеными, 2500 пленными и 53 орудия. Если бы союзники, находившиеся тогда всего в шести днях пути от Парижа, со всей энергией устремились вперед, Наполеон наверняка не устоял бы перед их громадным численным превосходством; однако монархи, все еще опасаясь помешать Наполеону заключить мир на конгрессе в Шатильоне, позволяли князю Шварценбергу, главнокомандующему главной армии, под любым предлогом избегать решительных действий.

[*] — «Артиллерия, вперед!». *Ред.*

Когда Наполеон приказал Мармону вернуться на правый берег реки Об, двигаясь по направлению к Рамрюйту, а сам, посредством флангового марша, отступал к Труа, союзная армия разделилась на две армии: главная армия медленно стала наступать на Труа, а Силезская армия направилась на Марну, где, по предположениям Блюхера, он должен был встретить Йорка и кроме того часть корпусов Ланжерона и Клейста, так что его силы, собранные вместе, должны были бы возрасти примерно до 50000 человек. Его план заключался в том, чтобы преследовать до Парижа появившегося в это время на Нижней Марне маршала Макдональда, между тем как Шварценберг должен был сковывать главные силы французов на Сене. Однако видя, что союзники не знают, как воспользоваться своей победой, и будучи уверен, что успеет вернуться на Сену прежде, чем главная армия союзников сможет далеко продвинуться в направлении к Парижу, Наполеон решил обрушиться на более слабую Силезскую армию. В соответствии с этим он оставил против 100000 человек главной армии отряд в 20000 человек под командованием Виктора и Удино, а сам с корпусами Мортье и Нея, насчитывавшими 40000 человек, продвинулся в направлении Марны, забрал с собой корпус Мармона у Ножана и 9 февраля с этими объединенными силами прибыл к Сезанну. Тем временем Блюхер через Сент-Уан и Сомпюи продвигался по проселочной дороге, ведущей к Парижу, и 9 февраля разместил свою главную квартиру в маленьком городке Вертю. Его силы дислоцировались следующим образом: около 10000 человек было расположено при его главной квартире; 18000, под командованием Йорка, находились между Дорманом и Шато-Тьерри, преследуя Макдональда, который был уже на большой почтовой дороге, идущей к Парижу из Эперне; 30000, под командованием Сакена, находилось между Монмирайем и Ла-Ферте-су-Жуар с целью предупредить намечавшееся соединение кавалерии Себастиани с Макдональдом и отрезать последнему переправу у Ла-Ферте-су-Жуар; русский генерал Олсуфьев с 5000 человек стоял у Шампобера. Столь ошибочное расположение сил, в результате которого Силезская армия оказалась разбросанной en echelon* на очень растянутой позиции, явилось следствием противоречивых побудительных мотивов, под влиянием которых действовал Блюхер, С одной стороны, он стремился отрезать Макдональда и не допустить его соединения с кавалерией Себастиани; с другой стороны, он хотел включить в состав своих сил корпуса Клейста и Капце-

* — уступами, эшелонами. *Ред.*

вича, которые продвигались от Шалона и рассчитывали соединиться с ним 9 или 10 числа. Один мотив действовал на него сдерживающим образом, другой побуждал его двигаться вперед.

9 февраля Наполеон напал на Олсуфьева у Шампобера и разбил его. Блюхер с Клейстом и Капцевичем, которые тем временем прибыли, однако без большей части своей кавалерии, стал наступать против Мармона, двигавшегося по приказу Наполеона, и следовал за ним во время его отступления на Ла-Фер-Шампенуаз, но при известии о поражении Олсуфьева вернулся в ту же ночь со своими двумя корпусами в Бержер, чтобы здесь прикрывать дорогу на Шалон. После успешного боя 10 февраля Сакен отбросил Макдональда через Марну у Трильпора, но, услышав в ночь того же самого числа о наступлении Наполеона на Шампобер, 11 числа поспешил назад к Монмирайю. Еще не успев достигнуть его, он у Вье-Мезона был принужден развернуть боевой порядок против императора, подходившего ему навстречу от Монмирайя. Он потерпел поражение и понес большие потери, прежде чем Йорк смог соединиться с ним; оба генерала встретились у Вифора и 12 февраля отступили к Шато-Тьерри, где Йорку пришлось выдержать арьергардные бои, сопровождавшиеся для него большими потерями, после чего он отошел к Уши-ла-Виль. Дав приказ Мортье преследовать Йорка и Сакена по фимской дороге, Наполеон 13-го оставался в Шато-Тьерри. Не зная в точности местонахождения Йорка и Сакена и результатов выдержанных ими боев, Блюхер 11 и 12 февраля спокойно наблюдал из Бержера за Мармоном, занимавшим позицию напротив него в Этоже. Когда 13-го он узнал о поражении своих генералов, то, предполагая, что Наполеон двинулся на поиски главной армии, поддался искушению нанести на прощанье удар Мармону, которого он принимал за арьергард Наполеона. Продвинувшись на Шампобер, он оттеснил Мармона к Монмирайю, где к последнему 14 февраля присоединился Наполеон; Наполеон обратился теперь против Блюхера, встретился с ним в полдень у Вошана, причем Блюхер располагал 20000 человек, но почти не имел кавалерии, атаковал его, окружил его колонны кавалерией и с большими потерями отбросил назад к Шампоберу. Отступая от Шампобера, Силезская армия могла бы до темноты без особых потерь достигнуть Этожа, если бы Блюхер не доставил себе удовольствия выполнить это отступательное движение с нарочитой медлительностью. Поэтому в продолжение всего марша он подвергался атакам, и один отряд его армии — дивизия принца Августа Прусского — при прохождении через Этож

был снова окружен противником, двигавшимся по боковым улицам этого города. Около полуночи Блюхер достиг своего лагеря в Бержере, через несколько часов отдыха он выступил на Шалон, прибыв туда около полудня 15 февраля, а 16 и 17 с ним соединились войска Йорка и Сакена. Разрозненные бои у Шампобера, Монмирайя, Шато-Тьерри, Вошана и Этожа стоили ему 15000 человек и 27 пушек; ответственность за стратегические промахи, приведшие к этим поражениям, всецело падает на Гнейзенау и Мюфлинга.

Оставив Мармона и Мортье для действий против Блюхера, Наполеон, с Неем, форсированным маршем возвратился к Сене, где Шварценберг оттеснил Виктора и Удино, отступивших за Йер, и здесь присоединил к своей армии 12000 человек под командованием Макдональда и некоторые подкрепления, прибывшие из Испании. 16 февраля союзники были захвачены врасплох внезапным появлением Наполеона, за которым 17 последовало прибытие его войск. Соединившись со своими маршалами, он поспешно выступил против Шварценберга, которого застал занимающим позицию в форме большого треугольника с вершинами в Ножане, Монтеро и Сансе. После того как Наполеон поочередно атаковал и разбил подчиненных Шварценбергу генералов, Витгенштейна, Вреде и кронпринца Вюртембергского, князь Шварценберг обратился в бегство, отступив к Труа, и дал знать Блюхеру, чтобы тот соединился с ним для того, чтобы они вместе могли дать сражение на Сене. Блюхер, тем временем получивший новые подкрепления, немедленно откликнулся на этот призыв; 21 февраля он вступил в Мери и в течение всего 22 числа ждал здесь распоряжений относительно обещанного сражения. Вечером он узнал, что через князя Лихтенштейна Наполеону было сделано предложение о перемирии, на которое тот ответил решительным отказом. Блюхер немедленно отправил доверенного офицера в Труа и умолял князя Шварценберга дать сражение, предлагая даже сделать это самому, если только главная армия согласится служить резервом; однако Шварценберг, еще больше напуганный известиями о том, что Ожеро отбросил генерала Бубна назад в Швейцарию, уже приказал отступать на Лангр. Блюхер сразу понял, что отступление на Лангр приведет к отступлению за Рейн, и для того чтобы отвлечь Наполеона от преследования павшей духом главной армии, он решил снова идти прямо в направлении на Париж, к Марне, где он мог теперь рассчитывать собрать армию в 100000 человек, так как Винцингероде прибыл с 25000 человек в окрестности Реймса, Бюлов с 16000 человек к Лаону, остатки корпуса Клейста ожидались из Эрфурта,

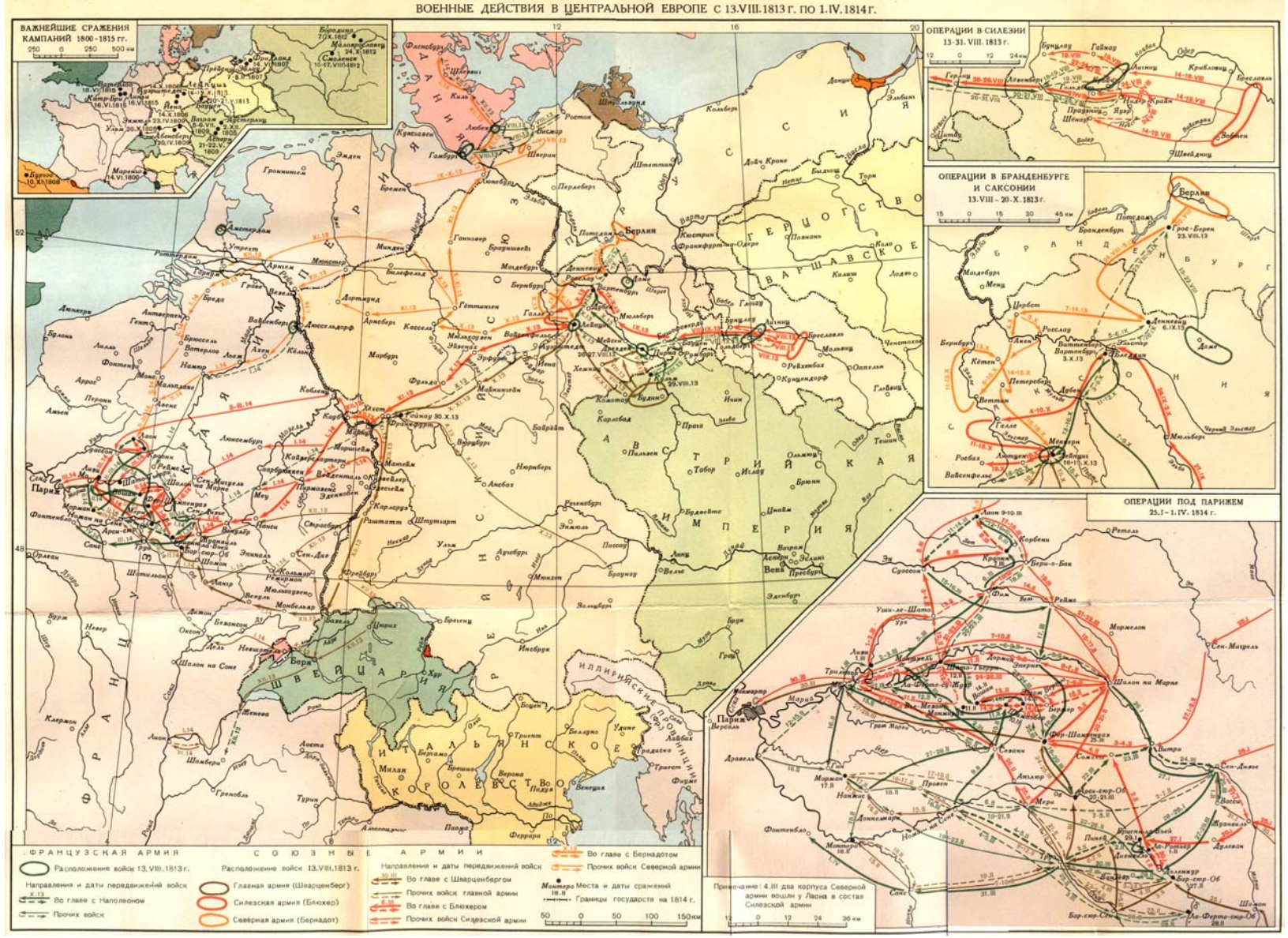
а остатки корпуса Ланжерона, под командованием Сен-При, из-под Майнца.

Именно это вторичное отделение Блюхера от главной армии решило участь Наполеона. Если бы последний начал продвигаться за отступающей главной армией, а не за наступающей Силезской армией, то кампания была бы проиграна союзниками. Переход через Об, прежде чем Наполеон мог за ним последовать, — единственную трудную задачу во время его наступательного движения, — Блюхер осуществил посредством постройки 24 февраля понтонного моста у Англюра. Наполеон, отрядив Удино и Макдональда приблизительно с 25000 человек для движения вслед за главной армией, 26 февраля вместе с Неем и Виктором покинул Эрбис для того, чтобы начать преследование Силезской армии. По совету, переданному Блюхером, Шварценберг теперь, когда главная армия имела перед собой только двух маршалов, прекратил свое отступление, собрался с духом, обратился против Удино и Макдональда и 27 и 28 февраля нанес им поражение. В намерение Блюхера входило сосредоточить свою армию по возможности в каком-либо из ближайших к Парижу пунктов. Мармон со своими войсками все еще находился в Сезанне, тогда как Мортье был в Шато-Тьерри. При приближении Блюхера Мармон отступил, 26-го он соединился с Мортье у Ла-Ферте-су-Жуар и оттуда вместе с последним отступил на Мо. Предпринимавшиеся Блюхером в течение двух дней попытки перейти через Урк и, значительно выдвинув вперед свой фронт, принудить обоих маршалов к сражению, потерпели неудачу, и он был теперь вынужден идти по правому берегу Урка. 2 марта он достиг Уши-ле-Шато, утром 3 марта узнал, что Бюлов и Винцингероде добились капитуляции Суассона, и в течение того же дня перешел Эн, сосредоточив всю свою армию у Суассона. Наполеон, перейдя Марну у Ла-Ферте-су-Жуар позади Блюхера на расстоянии двухсуточного форсированного марша, продвинулся в направлении Шато-Тьерри и Фима и, пройдя Вель, переправился 6 марта через Эн у Бери-о-Бак, после того как Реймс был снова взят отрядом его армии. После перехода Наполеона через Эн, Блюхер первоначально намеревался дать сражение за этой рекой, и с этой целью он подтянул свои войска. Когда же он узнал, что Наполеон направился на Фим и Бери-о-Бак с целью обойти Силезскую армию слева, он решил, расположив свои войска под углом, атаковать его из Краонна во фланг, непосредственно после того, как он выйдет из ущелья Бери-о-Бак, так чтобы Наполеон был вынужден дать сражение, имея у себя в тылу дефиле. Уже расставив свои силы, имея правое крыло на Эне, а левое на Лете, на

полпути от Суассона до Краонна, он отказался от этого превосходя пого плана, когда удостоверился, что Винцингероде позволил Наполеону беспрепятственно пройти 6 числа Бери-о-Бак и что последний даже продвинул один из своих отрядов по дороге к Лаону. Теперь он счел необходимым не принимать решающее сражение где-либо, кроме Лаона.

Чтобы задержать Наполеона, который через Корбени по шоссейной дороге из Реймса мог достигнуть Лаона так же быстро, как Силезская армия из Краонна, Блюхер расположил корпус Воронцова между реками Эн и Лет на сильном в позиционном отношении плато Краонна и в то же время отправил 10000 конницы под командованием Винцингероде через Фетьё в направлении к Корбени с приказом напасть на правый фланг и тыл Наполеона, как только последний начнет атаку на Воронцова. Так как Винцингероде не выполнил предписанного ему маневра, то Наполеон 7 марта оттеснил Воронцова с плато, однако сам потерял 8000 человек, между тем как Воронцов избежал поражения, потеряв 4700 человек, и сумел осуществить свое отступление в полном порядке. 8 марта Блюхер сосредоточил свои силы у Лаона, где сражение должно было решить судьбу обеих армий. Помимо численного превосходства Силезской армии, обширная долина перед Лаоном была особенно удобна для развертывания ее 20-тысячной конницы, в то время как сам Лаон, расположенный на плоской вершине отдельного холма, склоны которого со всех сторон спускаются под углами в 12, 16, 20 и 30 градусов и у подножия которого лежат четыре деревни, представлял огромные преимущества как для обороны, так и для атаки. В этот день наступление французского левого крыла, которым руководил сам Наполеон, было отражено, между тем как правое крыло, под командованием Мармона, захваченное врасплох на своих бивуаках с наступлением ночи, потерпело такое сильное поражение, что маршал не смог остановить свои войска, раньше чем они достигли Фима. Наполеон, полностью изолированный с войсками своего крыла, насчитывавшими только 35000 человек, и запертый на невыгодной позиции, должен был бы капитулировать перед значительно превосходящими силами неприятеля, воодушевленного победой. Однако на следующее утро припадок лихорадки и воспаление глаз вывели Блюхера из строя, между тем как Наполеон все еще оставался в вызывающей позе на той же самой позиции. Это настолько напугало тех, кто руководил теперь операциями, что они не только приостановили уже начавшееся наступление своих войск, но и позволили Наполеону ночью спокойно уйти в Суассон.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ С 13.VIII.1813 г. ПО 1.IV.1814 г.



Тем не менее сражение при Лаоне сломило физические и моральные силы Наполеона. Тщетно пытался он внезапным захватом 13 марта Реймса, попавшего в руки Сен-При, восстановить свое положение. Состояние его дел было теперь до такой степени очевидным, что когда 17 и 18 марта он стал наступать на Арси-сюр-Об против главной армии, то даже сам Шварценберг, несмотря на то, что он имел не более 80000 человек против 25000, находившихся под командой Наполеона, осмелился остановиться и принять сражение, которое продолжалось 20 и 21 марта. Когда Наполеон прекратил сражение, главная армия последовала за ним до Витри и соединилась в тылу у него с Силезской армией. В отчаянии Наполеон прибег к последнему средству — отступлению на Сен-Дизье, пытаясь таким путем с горстью своих людей поставить огромную армию союзников перед угрозой нарушения ее главной линии коммуникаций и отхода между Лангром и Шомоном; на этот маневр союзники ответили наступлением на Париж. 30 марта произошло сражение близ Парижа, в котором Силезская армия штурмовала Монмартр. Хотя Блюхер еще не оправился от болезни со времени сражения при Лаоне, он все же появился на короткое время на поле боя, верхом на коне, укрыв глаза от света, но после капитуляции Парижа сложил с себя командование; предлогом для этого явилась болезнь, но действительной причиной — несогласие Блюхера, не скрывавшего своей ненависти к французам, с тем показным дипломатничанием, к которому считали нужным прибегать союзные монархи. Таким образом, он прибыл в Париж 31 марта как частное лицо. В течение всей кампании 1814 г. он единственный в союзной армии был поборником принципа наступления. Сражением при Ла-Ротьере он расстроил планы шатильонских миротворцев; решимостью, проявленной им в Мери, он избавил союзников от катастрофического отступления, а сражением при Лаоне предрешил первую капитуляцию Парижа.

После первого Парижского мира[202] Блюхер сопровождал императора Александра и прусского короля Фридриха-Вильгельма во время их посещения Англии, где его чествовали как героя дня. Он был осыпан наградами, получив все военные ордена Европы; прусский король учредил для него орден железного креста; английский принц-регент* подарил ему свой портрет, а Оксфордский университет присвоил ему ученую степень доктора канонического и гражданского права»

* — Георг. *Ред.*

В 1815 г. Блюхер снова решил исход последней кампании против Наполеона. После понесенного им 16 июня сокрушительного поражения в сражении при Линьи Блюхер, несмотря на свои 73 года, сумел заставить свою разбитую армию оправиться и двинуться по пятам своего победителя, что позволило ей вечером 18 июня появиться на поле сражения при Ватерлоо. Это был подвиг, беспримерный в истории войн. После сражения при Ватерлоо преследование им бегущих французов от Ватерлоо до Парижа имеет в прошлом только одну параллель — столь же замечательное преследование Наполеоном пруссаков от Йены до Штеттина. На этот раз он вступил в Париж во главе своей армии и даже назначил своего генерал-квартирмейстера Мюфлинга военным губернатором Парижа. Он настаивал на том, чтобы Наполеон был расстрелян, Йенский мост на Сене взорван, а сокровища, награбленные французами в различных столицах Европы, возвращены их первоначальным владельцам. Первому его желанию воспрепятствовал Веллингтон, второму — союзные монархи, и лишь последнее было осуществлено. Он оставался в Париже в течение трех месяцев, весьма часто появляясь за игорными столами в залах для игры в «rouge et noir»*. В годовщину сражения при Кацбахе он посетил свой родной город Росток, где жители на общие средства воздвигли памятник в его честь. Когда он умер, вся прусская армия носила восьмидневный траур.

Le vieux diable**, как называл его Наполеон, «маршал Вперед», как прозвали его русские солдаты Силезской армии, Блюхер был по существу кавалерийским генералом. В этой специальности он был превосходен, ибо она требовала только тактических навыков, но не стратегических знаний. Разделяя в полной мере народную ненависть к Наполеону и французам, он был популярен в массах за свои плебейские симпатии, за присущий ему в большой мере здравый смысл, за простоту манер и грубоватость речи, хотя в нужных случаях он и умел придавать ей характер пламенного красноречия. Он был образцом солдата. Подавая пример наивысшей храбрости в бою и крайней неутомимости там, где требовалось напряжение сил; пользуясь неотразимым влиянием на рядовых солдат; сочетая с отчаянной храбростью тонкое умение оценивать свойства местности, способность быстро принимать решение в трудных положениях, упорство в обороне и равную ему энергию в насту-

* — «красное и черное» (азартная карточная игра). *Ред.*
** — Старый черт. *Ред.*

плении; обладая достаточным умом, чтобы самостоятельно определять правильный образ действий в более простых ситуациях, а в более сложных полагаться на Гнейзенау, — Блюхер был как нельзя более подходящим генералом для боевых действий 1813 — 1815 гг., носивших наполовину характер регулярной, наполовину повстанческой войны.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
22 сентября — 30 октября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia»,
т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АРТИЛЛЕРИЯ

Изобретение пороха и применение его для метания тяжелых тел в определенном направлении, как это теперь признается почти всеми, принадлежит восточным странам. В Китае и Индии почва изобилует природной селитрой, и вполне естественно, что местное население рано ознакомилось с ее свойствами. Пиротехнические средства, изготовляемые из смеси селитры с другими воспламеняющимися веществами, в Китае выделывались в очень ранний период и употреблялись как для военных целей, так и во время общественных торжеств. Мы не имеем сведений, когда именно стала известна особая смесь селитры, серы и древесного угля, взрывчатые свойства которой придали ей такое огромное значение. Согласно некоторым китайским летописям, на которые ссылался г-н Паравей в одном из докладов Французской академии, представленном в 1850 г.[203], пушки были известны уже в 618 г. до н. э.; в других древних китайских рукописях описываются зажигательные снаряды, выбрасываемые из бамбуковых труб, и нечто вроде разрывных бомб. Во всяком случае использование пороха и пушек для военных целей, по-видимому, не получило достаточного развития в ранние периоды китайской истории, так как первый достоверный случай их широкого применения относится лишь к 1232 г. н. э., когда китайцы, осажденные монголами в Кай-фын-фу, защищались посредством пушек, метавших каменные ядра, и употребляли разрывные бомбы, петарды и другие виды огневых средств, действие которых основывалось на использовании пороха.

Индийцы, по свидетельству греческих писателей Элиана, Ктесия, Филострата и Фемистия, по-видимому, обладали

какими-то пиротехническими средствами, использовавшимися в военных целях, уже во времена Александра Великого. Но это был безусловно не порох, хотя в состав этих средств в больших количествах могла входить селитра. В индийских законах имеются, по-видимому, указания на какое-то огнестрельное оружие; в них, несомненно, упоминается порох, а, согласно профессору Х. Х. Уилсону, в древних индийских медицинских сочинениях описывается его состав. Однако первое упоминание о пушке почти точно совпадает по времени с самой ранней бесспорно установленной датой ее появления в Китае. Стихотворения Хазеда, относящиеся примерно к 1200 г., рассказывают об огнестрельных машинах, метающих ядра, свист которых был слышен на расстоянии в 10 косс (1 500 ярдов). Мы читаем об огнестрельных орудиях на повозках, принадлежавших примерно в 1258 г. властителю Дели. Спустя сто лет артиллерия уже широко применялась в Индии, и когда в 1498 г. там появились португальцы, они нашли, что индийцы в употреблении огнестрельного оружия так же преуспели, как и они сами.

У китайцев и индийцев селитру и пиротехнические средства заимствовали арабы. Два из принятых у арабов названий селитры означают: *китайская соль* и *китайский снег.* Древние арабские авторы упоминают «китайский красный и белый огонь». Применение зажигательных средств по времени также почти совпадает с великим нашествием арабов на Азию и Африку[204]. Не говоря уже о maujanitz — почти мифическом огнестрельном оружии, которое, как передают, было известно Мухаммеду и применялось им — представляется несомненным тот факт, что греки Византии впервые познакомились с пиротехническими средствами (впоследствии превращенными в «греческий огонь») у своих врагов — арабов. Марк Грек, писатель IX века, приводит состав смеси — 6 частей селитры, 2 части серы, 1 часть угля, — весьма близкий к действительному составу пороха[205]. Первым из европейских писателей состав пороха с достаточной точностью установил около 1216 г. Роджер Бэкон в своей «Книге о несостоятельности магии»[206], однако еще целые сто лет западным народам его употребление оставалось неизвестным. Арабы же, по-видимому, вскоре обогатили знания, полученные ими от китайцев. Согласно «Истории мавров в Испании» Конде, в 1118 г. пушки употреблялись во время осады Сарагосы, а в 1132 г. в Испании отливались, в числе других пушек, и кульверины 4-фунтового калибра[207], Известно, что в 1156 г, Абд-эль-Мумин взял Мохаммедию, недалеко от Бона в Алжире, при помощи огнестрельного оружия, а в следующем году город Ньебла в Испании оборонялся от кастильцев при посредстве огнестрельных

машин, метавших стрелы и камни. Если остается еще не установленным характер машин, употреблявшихся арабами в XII столетии, то совершенно несомненно, что в 1280 г. против Кордовы была применена уже артиллерия и что к началу XIV столетия знакомство с ней перешло от арабов к испанцам. Фердинанд IV взял в 1308 г. Гибралтар с помощью пушек. Артиллерия применялась при штурме Басы в 1312 и 1323 гг., Мартоса в 1326 **г.,** Аликанте в 1331 году; во время некоторых из этих осад пушки стреляли зажигательными снарядами. От испанцев употребление артиллерии перешло к остальным европейским народам. Французы пользовались пушками во время осады Пюи-Гийома в 1338 г., и в том же году немецкие рыцари применили их в Пруссии[208]. К 1350 г. огнестрельное оружие получило распространение во всех странах Западной, Южной и Центральной Европы. Что артиллерия зародилась на Востоке, доказывается также способом изготовления самых старых европейских орудий. Пушка делалась из полос кованого железа, сваренных вместе в длину и скрепленных набитыми на них тяжелыми железными обручами. Она состояла из нескольких частей, причем съемная казенная часть закреплялась для стрельбы после заряжания. Древнейшие китайские и индийские пушки изготовлялись совершенно так же, а они относятся к столь же давнему, или к еще более давнему времени, как и самые старые европейские пушки. Как европейские, так и азиатские орудия, относящиеся примерно к XIV веку, были весьма несовершенной конструкции, свидетельствовавшей о том, что артиллерия переживала еще свое раннее детство. Таким образом, если остается неустановленным, когда был изобретен и применен в огнестрельном оружии порох, то мы можем по крайней мере определить период, когда он впервые сделался важным фактором в военном деле; сама громоздкость пушек XIV века всюду, где бы они ни встречались, доказывает, что как постоянное военное оружие они были новинкой. Европейские пушки XIV века были очень громоздкими. Орудия крупного калибра можно было перевозить только в разобранном виде, причем каждая часть занимала целую повозку. Даже орудия малого калибра были чрезвычайно тяжелы, ибо тогда еще не было установлено правильное соотношение ни между весом пушки и снаряда, ни между весом снаряда и заряда. Когда эти орудия устанавливались на позиции, для каждой пушки сооружалось нечто вроде деревянного сруба или помоста, с которого и производилась стрельба. В городе Генте была пушка, которая вместе с этим помостом занимала в длину 50 футов. Пушечные лафеты были еще неизвестны. Пушки в большинстве случаев стреляли под очень большим углом

возвышения, подобно нашим мортирам, и поэтому были весьма малоэффективны вплоть до введения бомб. В качестве снарядов обыкновенно применялись сферические каменные ядра, а пушки малого калибра заряжались иногда железными стрелами. Однако, несмотря на все эти недостатки, пушки употреблялись не только при осаде и обороне городов, но и в полевых условиях и на борту военных кораблей. Уже в 1386 г. англичане захватили два французских судна, вооруженных пушками. Если судить по пушкам, поднятым с «Мари-Роз» (затонувшей в 1545 г.), то оказывается, что эти первые корабельные орудия просто вставлялись в деревянную колоду, выдолбленную для этой цели, и закреплялись в ней, а потому им нельзя было придавать различные углы возвышения.

В течение XV столетия как в конструкции, так и в применении артиллерии были сделаны значительные усовершенствования. Орудия стали отливать из чугуна, меди или бронзы. Съемная казенная часть стала выходить из употребления, теперь всю пушку отливали как одно целое. Лучшие литейные заводы были во Франции и в Германии. Во Франции также были сделаны первые попытки выдвигать вперед пушки во время осады и устанавливать их под прикрытием. Около 1450 г. стали устраивать нечто вроде траншей, а вскоре братья Бюро сконструировали первые брешь-батареи; с помощью этих батарей французский король Карл VII отвоевал за один год все те крепости, которые захватили у него англичане. Но наиболее крупные усовершенствования были произведены французским королем Карлом VIII. Он окончательно отказался от съемной казенной части, стал отливать свои бронзовые пушки в цельном виде, ввел цапфы и лафеты на колесах и употреблял только чугунные ядра. Он также унифицировал калибры и обыкновенно брал в поле более легкие орудия. Из них двойное орудие помещалось на четырехколесном лафете с упряжкой из 35 лошадей; остальные пушки имели двухколесные лафеты, в которые запрягали от 24 до 2 лошадей, причем хоботы лафетов волочились по земле. К каждому орудию была прикреплена группа пушкарей и служба была так организована, что полевая артиллерия впервые стала особым родом войск. Пушки малых калибров были достаточно подвижны для того, чтобы передвигаться во время сражения вместе с другими войсками и даже не отставать от кавалерии. Именно этот новый род войск обеспечил Карлу VIII его удивительные успехи в Италии. Итальянская артиллерия все еще перевозилась на волах, пушки все еще состояли из нескольких частей, после выбора позиции их продолжали устанавливать на помостах; стреляли они каменными ядрами

и вообще были так громоздки, что французы за один час делали из своей пушки больше выстрелов, чем итальянцы за целый день. Сражение при Форново (1495 г.), выигранное благодаря французской полевой артиллерии[209], навело ужас на всю Италию, и новый род войск был признан неотразимым. Сочинение Макиавелли «Искусство войны»[210] было написано специально с той целью, чтобы указать средства, как нейтрализовать его воздействие искусным расположением пехоты и кавалерии. Преемники Карла VIII, Людовик XII и Франциск I, продолжали совершенствовать и облегчать свою полевую артиллерию. Франциск организовал артиллерию как особое ведомство, подчиненное главному начальнику артиллерии. Его полевые пушки сломили непобедимые до того массы швейцарских пикинеров в сражении при Мариньяно (1515 г.); быстро передвигаясь с одной фланговой позиции на другую, они таким образом решили исход сражения- Китайцы и арабы были знакомы с изготовлением и использованием бомб, и возможно, что именно от них это знание перешло к европейским народам. Тем не менее применение такого снаряда и мортиры, из которой ими стреляют в настоящее время, относится не раньше, чем ко второй половине XV столетия, причем введение их обычно приписывается Пандольфо Малатеста, правителю Римини. Первые бомбы представляли собой два полых металлических полушария, свинченных вместе; способ литья цельных полых бомб был изобретен лишь впоследствии.

Император Карл V не отставал от своих французских соперников в деле усовершенствования полевых пушек. Он ввел применение передков, и таким образом двухколесное орудие на время его передвижения превращалось в четырехколесную повозку, приспособленную для более быстрого движения и преодоления неровностей местности. Так, в сражении при Ранти в 1554 г.[211] эти легкие пушки могли перевозиться галопом.

Первые теоретические исследования в области артиллерийского дела и в отношении полета снарядов также относятся к этому периоду. Итальянцу Тарталья приписывают открытие того факта, что in vacuo* максимальную дальность полета снаряда дает угол возвышения в 45°. Испанцы Кольядо и Уфано тоже занимались подобными исследованиями. Так были заложены теоретические основы артиллерийской науки. Почти одновременно с этим значительный прогресс в изготовлении орудий вызвали исследования Ванноччо Бирингуччо в области искусства литья (1540 г.), а изобретение Хартманом калибровой

* — в безвоздушном пространстве. *Ред.*

шкалы, при помощи которой каждая часть пушки измерялась ее отношением к диаметру канала ствола, дало определенные нормы для их конструкции и проложило путь к установлению твердых теоретических принципов и общих основанных на опыте правил.

Одним из первых результатов усовершенствования артиллерии был полный переворот в искусстве фортификации. Это искусство со времени ассирийской и вавилонской монархий получило лишь незначительное развитие. Но теперь в каменных стенах старого типа новое огнестрельное оружие всюду пробивало бреши, и приходилось изобретать новую систему укреплений. Оборонительные сооружения надо было строить так, чтобы настильному огню артиллерии осаждающей стороны была открыта возможно меньшая поверхность каменных сооружений и чтобы на валах можно было размещать сильную артиллерию. Старая каменная стена была заменена земляным валом, лишь облицованным камнем, а небольшая боковая башня была превращена в большой пятиугольный бастион. Постепенно все каменные части укреплений стали прикрываться от настильного огня внешними земляными укреплениями, и к середине XVII столетия средства обороны крепости опять стали относительно сильнее, чем наступательные средства, пока Вобан снова не обеспечил преобладания последним.

До этих пор операция заряжания состояла в непосредственном засыпании рассыпного пороха в пушку. Примерно в 1600 г, стали применяться зарядные картузы — холщевые мешки, содержавшие установленные количества пороха, — что значительно сократило время, необходимое для заряжания, и обеспечило большую точность огня благодаря большему однообразию зарядов. Приблизительно в то же время было сделано другое важное изобретение — изобретение вязанной и простой картечи. К этому же периоду относится и изготовление полевых орудий, приспособленных для стрельбы полыми снарядами. Многочисленные осады, имевшие место во время войны Испании против Нидерландов[212], весьма содействовали усовершенствованию артиллерии, используемой для обороны и атаки крепостей, особенно в отношении применения мортир и гаубиц, бомб, зажигательных снарядов, каленых ядер, а также изготовления снарядных трубок и других боевых пиротехнических средств. В начале XVII столетия все еще применялись орудия всех калибров, начиная с 48-фунтовых орудий до самых малых фальконетов с каналом ствола для полуфунтовых ядер. Несмотря на все усовершенствования, полевая артиллерия оставалась все еще настолько несовершенной, что требовалась вся

совокупность этих разнообразных калибров, чтобы получить приблизительно такой же результат, который мы достигаем ныне небольшим количеством пушек среднего калибра, от 6 до 12 фунтов. Орудия малых калибров в то время были подвижны, но неэффективны; орудия крупных калибров давали достаточный эффект, но были малоподвижны; пушки же средних калибров не обладали в достаточной мере ни тем, ни другим качеством, чтобы быть пригодными для выполнения всех задач. Вследствие этого сохранялись все калибры, и разные орудия смешивались в одну кучу, причем каждая батарея состояла как правило из обычного ассортимента орудий. Угол возвышения придавался орудию посредством подъемного клина. Лафеты оставались по-прежнему громоздкими, и для каждого калибра, конечно, требовалась особая модель, поэтому было почти невозможно брать на поле сражения запасные колеса и лафеты. Оси были деревянные и каждому калибру соответствовал особый размер. Вдобавок размеры орудий и лафетов не были одинаковы даже для одного и того же калибра, так как повсюду сохранилось еще очень много пушек старых образцов, а кроме того на различных заводах одной и той же страны изготовлялись орудия различных конструкций. Картузы все еще применялись только для крепостных орудий; на поле сражения пушка заряжалась рассыпным порохом, вводимым в пушку совком, после чего в нее забивались пыж и снаряд. Рассыпной порох насыпался также в запальное отверстие. Весь процесс был чрезвычайно медленным. Пушкари не считались солдатами регулярной армии, они составляли особый цех, пополняясь за счет учеников, и приносили присягу не разглашать секретов и тайн своего ремесла. Когда начиналась война, воюющие стороны набирали себе на службу как можно больше пушкарей, значительно больше, чем их было в мирное время. Каждый из таких пушкарей, или бомбардиров, принимал командование пушкой, имел в своем распоряжении верховую лошадь, а также ученика и столько помощников-профессионалов, сколько он требовал, помимо определенного числа лиц, нужных для передвижения тяжелых орудий. Их жалованье было в четыре раза выше солдатского. Артиллерийские лошади, когда начиналась война, поставлялись подрядчиками; по контракту подрядчик поставлял также упряжь и ездовых. В сражении орудия размещались в ряд, впереди линии, причем они снимались с передков, лошади отпрягались. Когда отдавался приказ о продвижении вперед, лошадей впрягали и пушки брались на передки; пушки меньших калибров иногда передвигались на короткие расстояния людьми. Порох и снаряды перевозились на отдельных повоз-

ках; передки еще не имели коробов для боевых припасов. Передвижение, заряжание, засыпание затравки, прицеливание и производство выстрела — все эти операции осуществлялись крайне медленно с точки зрения наших современных представлений, а число попаданий при такой несовершенной технике и при почти полном отсутствии научной разработки артиллерийского дела должно было быть действительно незначительным.

Появление во время Тридцатилетней войны Густава-Адольфа в Германии отмечается громадным прогрессом в артиллерийском деле. Этот великий полководец упразднил чрезмерно малые калибры, заменив их сначала своими так называемыми кожаными пушками, то есть легкими коваными железными трубами, обтянутыми веревками и кожей. Эти пушки предназначались только для стрельбы вязанной картечью, которая, таким образом, была впервые применена в полевой войне. До сих пор употребление ее ограничивалось защитой крепостных рвов. Наряду с вязанной и простой картечью он ввел в своей полевой артиллерии также картузы. Кожаные пушки, оказавшиеся недостаточно прочными, были заменены легкими чугунными 4-фунтовыми орудиями — длиной в 16 калибров, весом вместе с лафетом в 6 центнеров, — перевозимыми парой лошадей. Каждому полку пехоты было придано по два таких орудия. Таким образом полковая артиллерия, сохранившаяся во многих армиях вплоть до начала нынешнего столетия, возникла в результате замены старых, сравнительно громоздких, несмотря на свой малый калибр, пушек новыми, и она первоначально предназначалась только для стрельбы картечью; однако очень скоро ее приспособили и для стрельбы сферическими ядрами. Тяжелые орудия держались отдельно и формировались в мощные батареи, занимавшие выгодные позиции на флангах или перед центром армии. Так отделением легкой артиллерии от тяжелой и формированием батарей были заложены основы тактики полевой артиллерии. Главный начальник шведской артиллерии генерал Торстенсон более всего содействовал этим нововведениям, благодаря которым полевая артиллерия теперь впервые стала самостоятельным родом войск, подчиненным своим собственным особым правилам, касающимся ее применения в бою. Примерно тогда же были сделаны еще два важных изобретения: приблизительно в 1650 г. был изобретен горизонтальный подъемный винт, который употреблялся до времен Грибоваля, а около 1697 г. были введены трубки, наполненные порохом, для затравки, вместо засыпания пороха в запальное отверстие. Благодаря этому прицеливание и заряжание были значительно облегчены. Другим

важным усовершенствованием явилось изобретение отвоза для передвижения орудий на короткие расстояния. Количество пушек, вывозившихся на поле сражения в течение XVII столетия, было весьма значительно. В сражении при Грейфенхагене Густав-Адольф имел 80 орудий на 20000 солдат, а при Франкфурте-на-Одере — 200 орудий на 18000 человек[213]. Во время войн Людовика XIV обычным явлением были артиллерийские парки в 100 — 200 орудий. В сражении при Мальплаке[214] обе стороны располагали приблизительно 300 орудиями; это было самое большое количество артиллерии, когда-либо сосредоточивавшееся до этого времени на одном поле сражения. Довольно обычным в эту эпоху было употребление мортир в полевых условиях. Французы все еще сохраняли свое превосходство в области артиллерии. Они первые покончили со старой цеховой системой и стали зачислять пушкарей в армию как кадровых солдат, образовав в 1671 г. артиллерийский полк и учредив различные офицерские должности и чины. Таким образом эта отрасль вооруженных сил была признана самостоятельным родом войск и обучение офицеров и солдат взяло в свои руки государство. В 1690 г. во Франции была учреждена артиллерийская школа, существовавшая по крайней мере в течение 50 лет как единственная в мире. В 1697 г. Сен-Реми издал руководство по артиллерийской науке[215], очень хорошее для своего времени. И все же та таинственность, которая окружала «секреты» артиллерийского дела, была столь велика, что многие усовершенствования, принятые в других странах, были еще неизвестны во Франции, а по конструкциями составу артиллерия каждого европейского государства значительно отличалась от остальных. Так французы еще не приняли на вооружение гаубицу, изобретенную в Голландии и принятую в большинстве армий до 1700 года. Коробы передков для боевых припасов, впервые введенные Морицем Нассауским, были неизвестны во Франции и мало где приняты. Пушка, лафет и передок были слишком тяжелы, чтобы еще сверх того перегружать их весом боевых припасов. Самые малые калибры, включая 3-фунтовые, были действительно упразднены, но легкой полковой артиллерии во Франции не знали. Заряды для пушек, употреблявшиеся в артиллерии рассматриваемых до сих пор периодов, были обыкновенно очень тяжелы; первоначально они весили столько же, сколько ядро. Хотя порох был плохого качества, заряды эти производили все же гораздо более сильное действие, чем употребляемые ныне, и это обстоятельство являлось одной из главных причин огромного веса орудий. Для того, чтобы выдержать такие заряды, вес бронзовой пушки часто в 250 — 400 раз превосходил

вес снаряда. Однако необходимость сделать пушки более легкими заставила постепенно уменьшать заряд и примерно к началу XVIII столетия его вес составлял, как правило, лишь половину веса снаряда. Для мортир и гаубиц заряд соразмерялся с дистанцией и обычно был небольшим.

Конец XVII и начало XVIII столетия явились периодом, когда в большинстве стран артиллерия была окончательно введена в состав армии, лишена своего средневекового цехового характера, признана особым родом войск и благодаря всему этому получила возможность для нормального и быстрого развития. Следствием этого был почти немедленный и весьма заметный прогресс. Беспорядочность и многообразие калибров и образцов, ненадежность всех существовавших эмпирических правил, полное отсутствие прочно установленных принципов — все это стало теперь бросаться в глаза и сделалось далее нетерпимым. Ввиду этого повсюду стали в широких масштабах производиться опыты с целью установления действия разных калибров, отношения калибра к заряду, весу и длине пушки, распределения металла в орудии, дальнобойности, действия отдачи на лафеты и т. п. В период 1730 — 1740 гг. Белидор руководил такими опытами в Ла-Фер во Франции, Робине — в Англии и Папачино д'Антони — в Турине. Результатом явились значительная унификация калибров, лучшее распределение металла в пушке и повсеместное уменьшение зарядов, вес которых теперь составлял от $^1/_3$ до $^1/_2$ веса снарядов. Вровень с этими усовершенствованиями шел и прогресс в развитии научных основ артиллерийского дела. Галилей положил начало теории параболы, его ученик Торричелли, Андерсон, Ньютон, Блондель, Бернулли, Вольф и Эйлер занимались дальнейшим изучением полета снарядов, сопротивления воздуха и причин отклонения снарядов. Вышеназванные артиллеристы-экспериментаторы также внесли существенный вклад в развитие математической стороны артиллерийского дела.

При Фридрихе Великом прусская полевая артиллерия была снова значительно облегчена. Короткоствольные легкие полковые пушки, длиной не более 14, 16 или 18 калибров и весом в 80 — 150 раз больше веса снаряда, были признаны достаточно дальнобойными для боевых действий того времени, исход которых решался главным образом огнем пехоты. В соответствии с этим король переплавил все свои 12-фунтовые пушки в орудия с указанными пропорциями в отношении длины и веса. Австрийцы в 1753 г. последовали этому примеру, так же как и большинство других государств, но сам Фридрих во вторую половину своего царствования опять вооружил свою резервную артиллерию

длинноствольными мощными пушками, ибо опыт сражения при Лейтене убедил его в превосходстве их огня. Фридрих Великий ввел новый род войск, посадив на коней артиллеристов некоторых своих батарей и создав таким образом конную артиллерию, предназначенную оказывать кавалерии такую же поддержку, какую пешая артиллерия оказывала пехоте. Новый род войск оказался чрезвычайно эффективным и очень скоро был принят в большинстве армий; в некоторых армиях, как например, в австрийской, вместо этого артиллеристов сажали на особые повозки. Насыщенность пушками армий XVIII столетия была еще весьма велика. Фридрих Великий в 1756 г. имел на 70000 человек 206 орудий, в 1762 г. — на 67000 человек 275 орудий, в 1778 г. — на 180000 человек 811 орудий. Эти орудия, за исключением полковых, которые следовали за своими батальонами, были организованы в батареи различного состава, от 6 до 20 орудий каждая. Полковые пушки двигались вместе с пехотой, тогда как батареи вели огонь с избранных позиций и иногда передвигались вперед на вторую позицию, но здесь они обыкновенно уже ожидали исхода сражения. В отношении подвижности они все еще оставляли желать многого, и сражение при Кунерсдорфе было проиграно из-за невозможности в решающий момент подтянуть артиллерию. Прусский генерал Темпельхоф ввел также батареи полевых мортир, причем легкие мортиры перевозились на мулах, но вскоре после того, как в войне 1792 и 1793 гг. была доказана их бесполезность, они были упразднены. Научная сторона артиллерийского дела в течение этого периода особенно развивалась в Германии. Струэнзе и Темпельхоф написали полезные работы, посвященные этому предмету[216], но ведущим специалистом в области артиллерии для своего времени был Шарнхорст. Его руководство по артиллерии является первым всесторонним, действительно научным трактатом в этой области, а его руководство для офицеров, изданное еще в 1787 г., содержит в себе первое научное изложение тактики полевой артиллерии[217]. Труды Шарнхорста, хотя и устаревшие во многих отношениях, все же до сих пор являются классическими. В австрийской армии генерал Вега, в испанской — генерал Морла, в прусской — Хойер и Руврруа внесли ценный вклад в литературу по артиллерии[218]. Французы в 1732 г. реорганизовали свою артиллерию по системе Вальера; они сохранили 24-, 16-, 12-, 8- и 4-фунтовые пушки и ввели 8-дюймовую гаубицу. Но у них все же сохранилось значительное разнообразие типов конструкций; пушки имели длину от 22 до 26 калибров и их вес приблизительно в 250 раз превышал вес соответствующего снаряда. Наконец, в 1774 г. генерал Грибоваль,

который во время Семилетней войны служил в австрийской армии и знал о превосходстве новой прусской и австрийской артиллерии, добился введения своей новой системы. Осадная артиллерия была окончательно отделена от полевой. Она была сформирована из всех орудий тяжелее 12-фунтовых и из всех старых тяжелых 12-фунтовых пушек. Полевая артиллерия состояла из 12-, 8- и 4-фунтовых пушек, все длиной в 18 калибров и весом, превышавшим в 150 раз вес снаряда, а также из 6-дюймовых гаубиц. Заряд для пушек был окончательно установлен в $^1/_3$ веса снаряда, был введен вертикальный подъемный винт, и каждая часть пушки или лафета стала выделываться по установленному образцу, так чтобы ее можно было легко заменить со складов. Семи типов колес и трех типов осей было достаточно для всех разнообразных перевозочных средств, употреблявшихся во французской артиллерии. Хотя использование коробов передков для перевозки боевых припасов было известно большинству артиллеристов, Грибоваль не ввел их во Франции. 4-фунтовые пушки были переданы пехоте, причем каждый батальон получил по два таких орудия; 8- и 12-фунтовые пушки были распределены по отдельным батареям, в качестве резервной артиллерии, с полевой кузницей при каждой батарее. Были организованы обоз и рабочие роты, и вообще артиллерия Грибоваля являлась первым формированием такого рода, поставленным на современную ногу. Она доказала свое превосходство над любой артиллерией того времени в отношении пропорций, которыми регулировалась конструкция ее пушек, в отношении материальной части и организации, и служила образцом в течение многих лет.

Благодаря усовершенствованиям Грибоваля французская артиллерия во время революционных войн стояла выше артиллерии других стран и скоро сделалась в руках Наполеона оружием неслыханной до тех пор силы. В ней не было произведено никаких изменений, если не считать того, что в 1799 г. была окончательно упразднена система полковых орудий и что с захватом во всех частях Европы громадного количества 6- и 3-фунтовых пушек эти калибры тоже были приняты на вооружение. Вся полевая артиллерия была организована в батареи из шести орудий, из которых одно было обыкновенно гаубицей, а остальные — пушками. Но если не произошло никаких или почти никаких изменений в материальной части, то в тактике артиллерии имели место громадные перемены. Хотя число пушек несколько уменьшилось в результате упразднения полковых орудий, но эффективность действия артиллерии в бою была усилена благодаря искусному ее применению. Наполеон пускал в ход некоторое

количество легких орудий, приданных пехотным дивизиям, для того, чтобы завязать бой, заставить противника обнаружить свои силы и т. д., тогда как масса артиллерии оставалась в резерве до тех пор, пока не определялся главный объект атаки; тогда неожиданно формировались громадные батареи, действовавшие совместно против этого объекта и подготовлявшие таким образом своей страшной канонадой завершающую атаку пехотных резервов. В сражении при Фридланде* 70 орудий, при Ваграме — 100 орудий были таким способом построены в линию; при Бородино** батарея в 80 орудий подготовила атаку Нея на Семеновскую. С другой стороны, значительные массы кавалерийского резерва, формировавшегося Наполеоном, нуждались для своей поддержки в соответствующем отряде конной артиллерии, и этот вид войск снова стал пользоваться усиленным вниманием; во французских армиях конная артиллерия была весьма многочисленной и там на практике впервые было установлено ее специфическое тактическое применение. Без введенных Грибовалем усовершенствований это новое применение артиллерии было бы невозможно, а необходимость изменения в тактике способствовала тому, что эти усовершенствования, постепенно и с небольшими изменениями, проложили себе путь во все континентальные армии.

Английская артиллерия к началу французской революционной войны была в чрезвычайно запущенном состоянии и намного отставала от артиллерии других стран. У англичан было по две полковых пушки в каждом батальоне, но они совсем не имели резервной артиллерии. Кони впрягались в пушечные повозки цугом по одному, причем погонщики с длинными бичами шли рядом. Лошади и погонщики были наемные. Материальная часть была весьма устаревшей конструкции, и орудия, за исключением очень коротких расстояний, могли перевозиться только шагом. Конная артиллерия была неизвестна. Однако после 1800 г., когда опыт показал неудовлетворительность подобной системы, артиллерия была коренным образом реорганизована майором Спирменом. Передки были приспособлены для парной запряжки, пушки соединены в батареи из шести орудий, и вообще были введены те усовершенствования, которые уже в течение некоторого времени применялись на континенте. Перед расходами не останавливались, и английская артиллерия вскоре оказалась самой щеголеватой, наиболее солидно и богато оснащенной. Большое внимание уделялось заново создаваемой конной артиллерии, которая скоро стала отличаться

* См. настоящий том, стр. 115. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 256 — 261. *Ред.*

своей отвагой, быстротой и четкостью маневрирования. Что касается новых усовершенствований в материальной части, то они относились лишь к конструкции повозок. Лафет с однобрусным хоботом и зарядный ящик с передком были затем приняты в большинстве стран континента.

Соотношение между артиллерией и остальными составными частями армии в течение этого периода стало несколько более устойчивым. Наибольшая насыщенность артиллерией имела место в прусской армии в сражении при Пирмазенсе[219] — 7 пушек на 1000 человек. Наполеон считал совершенно достаточным 3 пушки на 1000 человек, и это соотношение стало общим правилом. Было также установлено число снарядов, которым должна быть снабжена каждая пушка, а именно — не менее 200 на орудие, причем из этого количества $^1/_4$ или $^1/_5$ составляла картечь. Во время мира, последовавшего за падением Наполеона, в артиллерии всех европейских держав постепенно вводились усовершенствования. Легкие орудия 3- и 4-фунтовых калибров были повсюду упразднены, в большинстве стран были приняты усовершенствованные лафеты и зарядные ящики английской артиллерии. Вес заряда был почти всюду установлен в $^1/_3$ веса снаряда, вес металла пушки — в 150 или почти в 150 раз превышающим вес снаряда, а длина орудия — в 16 — 18 калибров. Французы реорганизовали свою артиллерию в 1827 году. Для полевых пушек были установлены следующие нормы: 8- и 12-фунтовый калибр, длина, равная 18 калибрам, заряд, равный $^1/_3$ веса снаряда, вес металла пушки, в 150 раз превышающий вес снаряда. Приняты были английские лафеты и зарядные ящики; впервые во французской армии были введены коробы передков. В состав 8- и 12-фунтовых батарей были включены два типа гаубиц с диаметром канала ствола соответственно в 15 и 16 сантиметров. Эта новая система полевой артиллерии отличалась большой простотой. На все перевозочные средства, применявшиеся во французских полевых батареях, существовало лишь 2 размера лафетов, 1 размер передков, 1 размер колес и 2 размера осей. Кроме того была введена особая горная артиллерия, состоявшая из гаубиц с калибром в 12 сантиметров.

Английская полевая артиллерия в настоящее время состоит почти исключительно из 9-фунтовых орудий, длиной в 17 калибров, весом в $1^1/_2$ центнера на 1 фунт веса снаряда, с зарядом в $^1/_3$ веса снаряда. В каждой батарее имеются две 24-фунтовые $5^1/_2$-дюймовые гаубицы. Во время недавней войны с Россией* 6- и 12-фунтовые пушки совсем не отправлялись на театр

* — Крымской войны 1853 — 1856 годов. *Ред.*

военных действий. Употребляются 2 размера колес. Как в английской, так и во французской пешей артиллерии артиллеристы во время передвижения посажены на передки и зарядные ящики.

Прусская армия имеет на вооружении 6- и 12-фунтовые пушки длиной в 18 калибров, весом, в 145 раз превышающим вес снаряда, и с зарядом в $^1/_3$ веса снаряда. Калибр гаубиц составляет $5^1/_2$ и $6^1/_2$ дюймов. Каждая батарея имеет 6 пушек и 2 гаубицы. Существует 2 типа колес и осей, 1 тип передка. Орудийные лафеты — конструкции Грибоваля. В пешей артиллерии, в целях быстрого передвижения, 5 артиллеристов, — число, достаточное для обслуживания пушки, — посажены на коробах передков и на пристяжных лошадях, остальные трое следуют за орудием, кто как. Зарядные ящики поэтому не присоединяются к орудиям, как во французской и британской армиях, а образуют особую колонну и во время сражения помещаются вне сферы огня противника. В 1842 году были приняты усовершенствованные английские зарядные ящики.

Австрийская артиллерия имеет 6- и 12-фунтовые орудия, длиной в 16 калибров, весом, в 135 раз превышающим вес снаряда, с зарядом, равным $^1/_4$ веса снаряда. Австрийские гаубицы сходны с гаубицами, употребляемыми в прусской армии. Батарею составляют шесть пушек и две гаубицы.

Русская артиллерия имеет 6- и 12-фунтовые пушки, длиной в 18 калибров, весом, в 150 раз превышающим вес снаряда, с зарядом в $^1/_3$ веса снаряда. Калибр гаубиц — 5 и 6 дюймов. В зависимости от калибра и назначения батарея состоит из 8 или 12 орудий, из которых половина — пушки и половина — гаубицы.

Сардинская армия имеет 8- и 16-фунтовые пушки и соответствующего размера гаубицы. Все армии малых германских государств имеют 6- и 12-фунтовые орудия; испанцы — 8- и 12-фунтовые; португальцы, шведы, датчане, бельгийцы, голландцы и неаполитанцы — 6-и 12-фунтовые.

Развитие английской артиллерии, начало которому было положено реорганизацией, произведенной майором Спирменом, вместе с пробужденным этим среди артиллеристов интересом к дальнейшим усовершенствованиям, равно как и широкие возможности для прогресса в артиллерийском деле благодаря наличию громадной морской артиллерии Великобритании, — все это содействовало многим важным изобретениям. Английские пиротехнические составы, а также английский порох, стоят выше других, а английские дистанционные трубки по своей точности не знают себе равных. Главным изобретением, недавно сделанным в английской артиллерии, являются шрап-

нельные бомбы (пустотелый снаряд, наполненный ружейными пулями и разрывающийся во время полета), благодаря которым дальность действительного огня картечью сравнялась с дальностью действия сферического ядра. Как ни велико искусство французских конструкторов и организаторов, французская армия чуть ли не единственная армия, в которой еще не введен этот новый страшный снаряд; французы еще не сумели выработать нужный для дистанционной трубки состав, от чего зависит все дело.

Луи-Наполеоном была предложена новая система полевой артиллерии и она, по-видимому, постепенно прививается ныне во Франции. Все 4 калибра находящихся теперь на вооружении пушек и гаубиц должны быть заменены легкой 12-фунтовой пушкой, длиной в $15^1/_2$ калибров, весом, в 110 раз превышающим вес снаряда, и с зарядом в $^1/_4$ веса сплошного ядра; При уменьшенном заряде эта же пушка должна стрелять 12-сантиметровыми бомбами (в настоящее время употребляемыми в горной артиллерии), заменяя, таким образом, гаубицы при специальной стрельбе полыми снарядами. Опыты, проделанные в четырех артиллерийских школах Франции, были весьма успешны, и утверждают, что эти пушки продемонстрировали в Крыму явное превосходство над русскими пушками, большей частью 6-фунтовыми. Англичане, впрочем, утверждают, что их длинноствольная 9-фунтовая пушка превосходит дальнобойностью и меткостью эту новую пушку, и. надо заметить при этом, что они первые ввели легкую 12-фунтовую пушку с зарядом в $^1/_4$ веса снаряда, которая, очевидно, послужила Луи-Наполеону образцом, но очень скоро от нее отказались. Стрельба бомбами из обыкновенных пушек заимствована у прусской армии, в которой при осадах для выполнения определенных задач прибегают к стрельбе бомбами из 24-фунтовых пушек. Тем не менее качества пушки Луи-Наполеона все еще подлежат проверке на практике, а поскольку специально ничего не опубликовано о действии ее в последней войне, мы здесь не можем высказать окончательного суждения о ее достоинствах.

Законы и установленные опытным путем правила стрельбы из орудий сплошными, полыми и другими снарядами, найденные соотношения между дальностью полета снаряда, углом возвышения и весом заряда, влияние зазора между снарядом и стенками канала ствола, а также других причин, вызывающих отклонения, вероятность поражения цели и различные обстоятельства, которые могут иметь место во время войны, — все это составляет предмет артиллерийской науки. Хотя тот факт, что любое тяжелое тело, брошенное in vacuo в невертикальном направлении,

опишет в своем полете параболу, и является основным принципом этой науки, однако сопротивление воздуха, возрастающее по мере увеличения скорости движущегося тела, весьма существенно видоизменяет применение теории параболы в артиллерийской практике. Так, например, для пушек, выбрасывающих свой снаряд с начальной скоростью от 1400 до 1700 футов в секунду, линия полета снаряда настолько значительно расходится с теоретической параболой, что максимальная дальность полета достигается с углом возвышения лишь около 20°, тогда как согласно теории параболы этот угол должен был бы равняться 45°, На основании практических опытов были с известной точностью определены эти отклонения, и таким путем установлен надлежащий угол возвышения для каждого рода пушек, для данного заряда и дистанции. Но на полет снаряда влияет и ряд других условий. Прежде всего существует зазор или разница между диаметром снаряда и диаметром канала ствола: для того, чтобы облегчить заряжание, первый должен быть меньше второго. Этот зазор вызывает, во-первых, утечку расширяющихся газов во время взрыва заряда, другими словами, — уменьшение силы взрыва, а во-вторых, нарушение правильности полета снаряда в данном направлении, результатом чего являются отклонения снаряда по вертикали или горизонтали. Далее, существуют неизбежные различия в весе заряда и в его состоянии в момент выстрела, эксцентричность снаряда, центр тяжести которого не совпадает с центром шара, чем вызываются различные отклонения, зависящие от относительного положения этих центров в момент выстрела, а также многие другие причины, которые порождают разнообразие результатов стрельбы при кажущейся одинаковости условий полета снаряда. Мы уже видели, что для полевых пушек почти везде принят заряд в $^1/_3$ веса снаряда, а длина в 16 — 18 калибров. С такими зарядами при прямом выстреле (когда пушке придано горизонтальное положение) снаряд упадет на землю приблизительно на расстоянии в 300 ярдов, а путем увеличения угла возвышения дальность полета снаряда может быть увеличена до 3000 или 4000 ярдов. Но при такой дальности утрачивается всякая возможность поражения цели; поэтому дальность действительного, эффективного огня полевых пушек не превышает 1400 или 1500 ярдов, да и при этом расстоянии можно рассчитывать лишь на одно попадание в цель из 6 или 8 выстрелов. Решающими дистанциями, при которых пушка только и может влиять на исход боя, являются для ядер и бомб дистанции от 600 до 1100 ярдов; при таких дистанциях вероятность поражения цели действительно гораздо более значительна. Так,

подсчитано, что на расстоянии в 700 ярдов около 50%, на расстоянии в 900 ярдов около 35% и на расстоянии в 1100 ярдов 25% всех выпущенных из 6-фунтовой пушки снарядов попадает в мишень, изображающую фронт батальона, построенного и штурмовую колонну (34 ярда в длину при 2 ярдах в высоту). Несколько лучшие результаты дают 9- и 12-фунтовые пушки. Во время опытов, произведенных во Франции в 1850 г., находившиеся тогда на вооружении 8- и 12-фунтовые пушки при стрельбе по мишени величиной в 30 метров на 3 метра (представляющей отряд кавалерии) дали следующие результаты:

	Процент попадания на дистанции в метрах				
	500	600	700	800	900
12-фунтовые пушки	64%	54%	43%	37%	32%
8-фунтовые пушки	67%	44%	40%	28%	28%

Хотя высота мишени была в полтора раза больше, результаты стрельбы оказались в среднем хуже результатов, приведенных выше. У полевых гаубиц отношение веса заряда к весу снаряда значительно меньше, чем у пушек. Причиной этого являются малая длина орудия (от 7 до 10 калибров) и необходимость вести из него огонь с большими углами возвышения. При стрельба из гаубицы под большим углом возвышения отдача, действуя вниз и назад, оказывала бы при употреблении тяжелого заряда такое давление на лафет, что после нескольких выстрелов лафет приходил бы в негодность. По этой причине в большинстве артиллерий континентальных стран для одной и той же полевой гаубицы употребляются заряды различных размеров, что дает артиллеристу возможность обеспечивать требуемую дистанцию огня путем различных сочетаний заряда и угла возвышения. Там, где это не практикуется, как, например, в английской артиллерии, угол возвышения у гаубиц неизбежно бывает очень небольшим и лишь немного превышает угол возвышения пушек;

таблицы стрельбы для английской 24-фунтовой гаубицы при $2^1/_2$-фунтовом заряде и при угле возвышения в 4° дают дистанцию не более 1050 ярдов; такой же угол возвышения для 9-фунтовой пушки дает дальность в 1400 ярдов. В большинстве германских армий употребляется особый тип короткой гаубицы, допускающей угол возвышения от 16° до 20° и действующей, таким образом, наподобие мортиры; заряд у нее должен быть небольшим. Этот тип гаубицы имеет то преимущество перед обычной, длинноствольной гаубицей, что ее бомбами можно обстреливать укрытые позиции, лежащие за складками

местности и т. п. Однако преимущество это становится сомнительным, когда стрельба ведется по движущимся целям, например, войскам, хотя оно сохраняет большое значение, когда цель, укрытая от настильного огня, неподвижна; что же касается настильного огня, то для него эти гаубицы совершенно непригодны ввиду своей малой длины (от 16 до 7 калибров) и незначительности заряда. Для того, чтобы обеспечить различные дистанции огня при определенной величине угла возвышения, установленной в соответствии со стоящей задачей (для обстрела настильным или навесным огнем), заряды должны быть самых разнообразных размеров; в прусской полевой артиллерии, где эти гаубицы еще находят свое применение, имеется не менее 12 разных зарядов. Вообще гаубица представляет собой весьма несовершенное орудие, и чем скорее она будет заменена хорошо действующей полевой бомбовой пушкой, тем лучше.

Тяжелые орудия, употребляемые в крепостях, при осадах и на кораблях, бывают различных типов. До последней войны с Россией при осаде обычно не применялись пушки более тяжелые, чем 24-фунтовые; в крайнем случае применялось некоторое число 32-фунтовых пушек. Однако со времени осады Севастополя перестали делать различие между осадными и корабельными пушками, или, вернее, неожиданно оказалось, что действие тяжелых корабельных орудий против траншей и земляных укреплений настолько превосходит действие обыкновенных легких осадных пушек, что поэтому решающим оружием в осадной войне отныне в значительной мере должно стать это тяжелое корабельное орудие. Как в осадной, так и в морской артиллерии обычно встречаются различные типы пушек одного и того же калибра. Существуют легкие и короткоствольные пушки, а также длинноствольные и тяжелые. Так как в данном случае подвижность имеет меньшее значение, то для специальных целей часто изготовляются орудия длиной в 22 — 25 калибров, и некоторые из них, благодаря столь большой длине, дают при стрельбе такую же меткость, как и винтовки. Одной из лучших пушек этого рода является прусская 24-фунтовая бронзовая пушка длиной в 10 футов 4 дюйма, или в 22 калибра, весом в 60 центнеров; ни одна пушка не может сравниться с ней в стрельбе с целью демонтирования орудий противника во время осады. Но для большинства задач длина в 16 — 20 калибров признана совершенно достаточной, и так как обычно размеру калибра орудия отдается предпочтение перед высшей меткостью его стрельбы, то масса в 60 центнеров чугуна или пушечной бронзы, как правило, находит себе наиболее полезное применение в тяжелом 32-фунтовом орудии длиной в 16 — 17 калибров. Новое

длинноствольное чугунное 32-фунтовое орудие, одно из лучших орудий британского флота, длиной в 9 футов, весом в 50 центнеров, имеет в длину всего $16^1/_2$ калибров. Длинноствольная 68-фунтовая вращающаяся пушка [pivot-gun] весом в 112 центнеров, установленная на всех больших винтовых 131-пушечных военных кораблях, имеет в длину 10 футов 10 дюймов, или немногим более 16 калибров; другой вид вращающейся пушки — длинноствольная 56-фунтовая пушка весом в 98 центнеров — имеет в длину 41 футов или $17^1/_2$ калибров. До настоящего времени в состав корабельного вооружения все еще входит значительное количество менее мощных орудий, как, например, высверленные пушки, длиной лишь в 11 или 12 калибров, и карронады длиной в 7 — 8 калибров. Существует, однако, еще и другой вид морской пушки, который 35 лет назад был введен генералом Пексаном и приобрел с тех пор громадное значение, а именно — бомбовая пушка. Этот вид орудия подвергся значительным усовершенствованиям, и французская бомбовая пушка пока что меньше всего отличается от пушки, сконструированной этим изобретателем: она сохранила цилиндрическую камору для заряда. В английском флоте эта пушка или совсем не имеет каморы, или же камора представляет собой короткий усеченный конус, незначительно уменьшающий диаметр канала; орудие это имеет в длину от 10 до 13 калибров и предназначено исключительно для стрельбы полыми снарядами, тогда как вышеупомянутые длинноствольные 68- и 56-фунтовые пушки стреляют как сплошными ядрами, так и бомбами. Во флоте Соединенных Штатов капитан Далгрен предложил новую систему бомбовых пушек, а именно — короткоствольные пушки очень большого калибра (диаметром канала ствола в 11 и 9 дюймов); эта система была частично принята для вооружения нескольких новых фрегатов. Ее преимущества должны быть еще проверены боевой практикой, которая должна показать, можно ли обеспечить страшное действие этих громадных бомб, не жертвуя меткостью стрельбы, которая не может не пострадать от большого угла возвышения, необходимого для больших дистанций. В осадной и морской артиллерии заряды столь же разнообразны, как конструкции самих пушек, а также цели, которые перед ними ставятся. Для пробивания бреши в каменных сооружениях применяются самые тяжелые заряды, вес которых, для некоторых весьма тяжелых и крупных орудий, достигает половины веса снаряда. Но вообще средним зарядом для осадных целей вполне можно считать заряд весом в $^1/_4$ веса снаряда, иногда увеличиваемым до $^1/_3$ или в других случаях уменьшаемым до $^1/_6$ веса снаряда. На кораблях для каждой пушки обычно имеются заряды трех размеров: большой

заряд для стрельбы на большие дистанции, обстрела преследуемого врага и т. п., средний заряд для ведения действительного огня на средних дистанциях в морских сражениях и уменьшенный заряд для ведения огня в абордажном бою и стрельбы цепными ядрами. У длинноствольного 32-фунтового орудия заряды бывают в $^5/_{16}$, $^1/_4$ и $^3/_{16}$ веса снаряда. Для короткоствольных легких орудий и бомбовых пушек эти соотношения, разумеется, еще больше уменьшаются; к тому же вес полого снаряда, применяемого последними, не достигает веса сплошного. Кроме обыкновенных пушек и бомбовых пушек, в состав осадной и морской артиллерии входят также тяжелые гаубицы и мортиры. Гаубицы представляют собой короткоствольные орудия, предназначенные для стрельбы бомбами под углом возвышения от 12° до 30° и укрепляемые на лафетах; мортиры — это еще более короткие орудия, укрепляемые на станках и предназначенные для стрельбы бомбами под углом возвышения, обычно превышающим 20° и доходящим даже до 60°. Те и другие представляют собой камерные орудия, то есть у них камора или та часть канала ствола, в которую закладывается заряд, имеет меньший диаметр, чем пролет, или главная часть канала. Калибр гаубиц редко превышает 8 дюймов, но мортиры имеют калибр до 13,15 и больше дюймов. Бомбы, выпущенные из мортиры, ввиду небольшой величины заряда (от $^1/_{20}$ до $^1/_{40}$ веса бомбы) и значительного угла возвышения, испытывают при полете меньшее сопротивление воздуха, и здесь теория параболы может применяться в артиллерийских вычислениях без существенного отклонения от практических результатов. Мортирные бомбы предназначаются либо для разрывного действия, либо в качестве зажигательных снарядов, поджигающих воспламеняющиеся предметы путем выбрасывания огненной струн из очка снаряда, либо же они действуют своим весом, пробивая сводчатые и иные укрепленные покрытия; в последнем случае предпочитается больший угол возвышения, ибо это обеспечивает более высокий полет и наибольшую инерцию при падении. Гаубичные бомбы предназначены в первую очередь для ударного, а затем уже для разрывного действия. Благодаря большому углу возвышения, малой начальной скорости снаряда и обусловленному этим небольшому сопротивлению воздуха мортира посылает свой снаряд дальше, чем любое орудие других видов; поскольку же обстреливаемым объектом, как правило, является-целый город, то не требуется большой меткости стрельбы и в силу этого дальность действительного огня тяжелых мортир иной раз достигает 4000 ярдов и более; с такой дистанции англо-французские мортирные лодки бомбардировали Свеаборг.

Вопрос о применении различного рода пушек, снарядов и зарядов во время осады будет рассмотрен в статье на эту тему*; применение морской артиллерии составляет почти всю боевую часть элементарной военно-морской тактики и потому не относится к нашему предмету; таким образом, здесь нам остается только сделать несколько замечаний о применении и тактике полевой артиллерии.

Артиллерия не имеет оружия для рукопашного боя; вся ее сила состоит в действии ее огня на расстоянии. Кроме того она сохраняет свою боевую готовность только до тех пор, пока занимает позицию; как только орудия взяты на передки или прикреплены к отвозу для передвижения, они на время оказываются небоеспособными. В силу обеих причин из всех трех родов войск артиллерии в гораздо большей степени, чем другим, свойственен оборонительный характер; ее наступательные возможности и в самом деле весьма ограничены, ибо наступление представляет собой движение вперед и его кульминационным пунктом является удар стали о сталь. Критическим моментом для артиллерии является поэтому выезд вперед, занятие позиции и изготовка к действию под огнем противника. Ее развертывание в линию, ее предварительные движения должны быть замаскированы или складками местности, или линиями войск. Следовательно, артиллерия сначала должна расположиться параллельно той линии, которую она должна будет занять, и затем выдвинуться на позицию прямо против неприятеля, так чтобы не подставить себя под его фланговый огонь. Выбор позиции является делом огромной важности как с точки зрения эффективности огня батареи, так и с точки зрения действия огня противника на нее. Расположить свои орудия таким образом, чтобы их действие было возможно более ощутимым для противника, — такова первая важная задача; второй задачей является обеспечение безопасности от огня противника. Хорошая позиция должна иметь твердый грунт и ровную площадку для колес и хобота лафета; если колеса не стоят ровно, хорошая стрельба невозможна, и если хобот лафета зарывается в землю, то силой отдачи лафет будет быстро сломан. Кроме того позиция должна давать свободный обзор местности, занимаемой противником, и допускать возможно большую свободу движения. Наконец, местность впереди, между батареей и противником, должна быть благоприятна для действия наших орудий и по возможности неблагоприятна для противника. Наиболее благоприятной местностью является твердая и ровная поверхность, которая обеспечивает выгоды рикошетного действия при стрельбе, причем

* См. настоящий том, стр. 348 — 350. *Ред.*

снаряд и при недолете достигнет противника после первого соприкосновения с землей. Удивительно, насколько сильно различия в характере почвы влияют на результаты артиллерийской стрельбы. На мягкой почве снаряд, задевая землю, отклонится от своего направления или начнет беспорядочно отскакивать, если вообще сразу не завязнет в земле. Большое влияние имеет направление борозд вспаханной земли, в особенности при стрельбе картечью или шрапнелью; если они идут поперечно, то большая часть снарядов будет в них зарываться. Если непосредственно перед нами грунт мягкий и местность имеет волнистый и пересеченный характер, а дальше в направлении к неприятелю — местность ровная и грунт твердый, то это будет благоприятствовать огню нашей артиллерии. и защищать нас от огня противника. Весьма неблагоприятны условия стрельбы с уклоном вниз или вверх более чем на 5°, или с вершины одного холма на другой. Что касается укрытия от неприятельского огня, то его облегчают даже весьма незначительные предметы. Редкая изгородь, едва скрывающая нашу позицию, группа кустов или высокие колосья мешают противнику взять правильный прицел. Небольшая обрывистая насыпь, на которой размещены наши орудия, будет перехватывать его самые опасные снаряды. Ров образует отличный бруствер, но самой лучшей защитой служит гребень, образованный небольшой неровностью местности, за который мы отодвигаем наши орудия, настолько, чтобы неприятелю были видны только их дула; при такой позиции каждый снаряд, ударяющийся о землю впереди нее, будет рикошетировать высоко над нами. Еще лучше, если можно выкопать для наших пушек в гребне площадку, около 2 футов глубиной, подровняв спуск к заднему скату и обеспечив таким образом командное положение над всем передним скатом холма. Французы при Наполеоне умели особенно искусно располагать свои пушки, и от них это искусство переняли все другие народы. По отношению к противнику позиция должна быть выбрана таким образом, чтобы она была защищена от его флангового или продольного огня; что касается наших собственных войск, то она не должна затруднять их движений. Обычное расстояние от пушки до пушки, при расположении в линию, — 20 ярдов, но нет необходимости строго придерживаться подобных плац-парадных правил. Когда артиллерия выдвинута на позицию, передки располагаются непосредственно позади своих орудий, в то время как зарядные ящики в некоторых армиях остаются в укрытиях. Если зарядные ящики используются для перевозки артиллеристов, то их также приходится подвергать риску, связанному с пребыванием в сфере действительного огня. Батарея

направляет свой огонь на ту часть войск противника, которая в данный момент более всего угрожает нашей позиции; если предстоит атака нашей пехоты, батарея ведет огонь или по артиллерии неприятеля, если та еще не подавлена, или по массам пехоты, если они себя обнаруживают; но если часть сил противника идет в атаку, то надо направлять огонь именно по этой цели, невзирая на обстреливающую нас вражескую артиллерию. Наш огонь против артиллерии противника будет наиболее эффективным в те моменты, когда она не может отвечать, то есть когда она берется на передки, передвигается или снимается с передков. Несколько метких залпов вызывает в такие моменты сильное замешательство. Старое правило, согласно которому артиллерия, кроме случаев крайней необходимости, не должна приближаться к пехоте более чем на 300 ярдов или на дистанцию ружейного огня, теперь скоро устареет. При возрастающей дальнобойности современных ружей полевая артиллерия не может уже успешно действовать, находясь вне сферы ружейного огня, а орудие с его передком, лошадьми и артиллеристами образует достаточно большую группу для того, чтобы стрелки могли вести по ней огонь из винтовок Минье или Энфилд с дистанции в 600 ярдов. Издавна установившееся мнение, что тот, кто хочет долго прожить, должен поступать в артиллерию, теперь уже, видимо, не соответствует истине, так как очевидно, что огонь стрелков со значительного расстояния явится в будущем наиболее действенным способом борьбы с артиллерией; и разве существует такое поле боя, на котором нельзя было бы найти надежное укрытие для стрелков в пределах 600 ярдов от любой артиллерийской позиции?

Артиллерия всегда имела преимущество перед наступающими линиями или колоннами пехоты; несколько удачных залпов картечью или пара сплошных ядер, врезавшихся в глубокую колонну, производят чрезвычайно охлаждающее действие. Чем ближе приближаются атакующие, тем эффективнее становится наша стрельба; и даже в самый последний момент мы легко можем увезти свои пушки от столь медленно продвигающегося противника, хотя все еще остается сомнительным, не успеет ли обрушиться на нас цепь chasseurs de Vincennes*, наступающих pas gymnastique**, прежде чем мы успеем взять пушки на передки.

В борьбе с кавалерией преимущество артиллерии обеспечивается хладнокровием. Если последняя воздержится от ведения огня до приближения противника на 100 ярдов, а затем даст с хорошего прицела залп картечью, то к тому моменту, когда

* — венсеннских стрелков. *Ред.*
** — гимнастическим шагом, беглым шагом. *Ред.*

дым рассеется, кавалерия окажется далеко от нее. При всех обстоятельствах брать орудия на передки и пытаться уйти — было бы наихудшим способом действий, ибо в этом случае кавалерия наверняка захватила бы пушки.

В бою артиллерии против артиллерии дело решают характер местности, размеры калибров, сравнительное число орудий и умение сторон их использовать. Следует, однако, отметить, что хотя крупные калибры на больших дистанциях имеют несомненное преимущество, мелкие калибры по мере сокращения дистанции приближаются по своему действию к крупным и на коротких расстояниях почти сравниваются с ними. При Бородино артиллерия Наполеона состояла главным образом из 3- и 4-фунтовых орудий, тогда как у русских преобладали их многочисленные 12-фунтовые пушки, однако французские игрушечные пушки имели над ними решительный перевес.

Поддерживая пехоту или кавалерию, артиллерия всегда должна занимать позицию на их фланге. Если пехота наступает, артиллерия продвигается вперед полубатареями или взводами в одну линию со стрелками или даже несколько впереди них; как только массы пехоты изготовляются к штыковой атаке, артиллерия рысью приближается на 400 ярдов к неприятелю и подготавливает атаку беглым огнем картечью. Если атака отбита, то артиллерия возобновляет свой огонь по преследующему неприятелю, пока не будет вынуждена к отходу; но если атака оказывается успешной, ее огонь в значительной степени содействует завершению успеха, причем одна половина орудий продолжает вести огонь, а другая продвигается вперед. Конная артиллерия, в качестве поддерживающего кавалерию рода войск, придающего последней тот оборонительный элемент, который у нее, естественно, целиком отсутствует, является в настоящее время одним из наиболее излюбленных видов вооруженных сил и доведена во всех европейских армиях до высокого совершенства. Хотя она предназначается к действию на местности, удобной для кавалерии, и сообща с нею, все же нет на свете такой конной артиллерии, которая не была бы способна пересечь галопом такую местность, по которой ее собственная кавалерия могла следовать, лишь теряя порядок и сплоченность. Конная артиллерия всех стран состоит из самых смелых и искусных наездников своей армии; на всех больших маневрах они с особенной гордостью стремительно скачут вперед, невзирая на препятствия, пушки и т. д., перед чем остановилась бы кавалерия. Тактика конной артиллерии состоит в смелости и хладнокровии. Быстрота, внезапность появления, частота огня, готовность сняться с места в любой момент и дви-

гаться по дороге, труднопроходимой для кавалерии, — таковы основные качества хорошей копной артиллерии. При такой постоянной перемене места не приходится особенно выбирать позицию; любая позиция хороша, если она расположена близко от противника и недоступна для кавалерии; и именно во время прилива и отлива кавалерийских схваток артиллерия, следуя за набегающими и откатывающимися волнами, должна каждый момент демонстрировать свое превосходство в верховой езде и присутствие духа, выбираясь из этого бушующего моря по любой местности, где не всякая кавалерия рискнет или захочет двигаться следом за нею.

При атаке и обороне укрепленных пунктов артиллерия применяет ту же тактику. Ее главная роль всегда заключается в том, чтобы вести огонь по пункту, откуда при обороне грозит ближайшая и самая непосредственная опасность, а при атаке — по месту, откуда наше наступление может быть отражено с наибольшим успехом. В задачи артиллерии входит также разрушение серьезных препятствий, и здесь применяются различные калибры и виды орудий в зависимости от их характера и действия: гаубицы — для поджога зданий, тяжелые орудия — для разрушения ворот, стен и баррикад.

Все эти замечания относятся к артиллерии, которая во всех армиях придается дивизиям. Но в больших и решающих сражениях самые крупные результаты достигаются резервной артиллерией. Расположенная позади, вне поля зрения и вне сферы огня противника в течение большей части боя, она сосредоточенной массой выдвигается вперед против решающего пункта, лишь только наступает момент для окончательного удара. Построенная полумесяцем на протяжении мили или более, она сосредоточивает свой разрушительный огонь на сравнительно небольшом участке. При отсутствии ответного огня более или менее равной ей по мощности артиллерии получасовой обстрел частым огнем решает дело. Силы неприятеля начинают таять под градом свистящих ядер; в дело вступают свежие резервы пехоты — последняя ожесточенная короткая схватка, и победа одержана. Так Наполеон подготовил атаку Макдональда при Ваграме, и сопротивление было сломлено еще до того, как три наступающие в колоннах дивизии успели сделать хотя бы один выстрел или пойти в штыки. И можно считать, что лишь с этих великих дней существует тактика полевой артиллерии.

Написано Ф. Энгельсом в середине октября — 26 ноября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

К. МАРКС

БЮЖО [220]

Бюжо де ла Пиконри, Тома Робер, герцог Ислийский — маршал Франции; родился в Лиможе в октябре 1784 г., умер в Париже 10 июня 1849 года. В 1804 г. он вступил во французскую армию рядовым солдатом, во время кампании 1805 г. стал капралом, служил младшим лейтенантом во время кампании в Пруссии и Польше (1806 — 1807 гг.), участвовал в 1811 г. в чине майора в осадах Лериды, Тортосы и Таррагоны и был произведен в подполковники после сражения при Ордале в Каталонии[221]. После первого возвращения Бурбонов полковник Бюжо стал воспевать в весьма бездарных стихах белую лилию[222]; но так как его поэтические излияния были встречены довольно пренебрежительно, то во время Ста дней[223] он вновь переметнулся на сторону Наполеона, который отправил его в альпийскую армию во главе 14-го линейного полка. При вторичном возвращении Бурбонов он удалился в Эксидёй, в имение своего отца. Во время интервенции в Испанию герцога Ангулемского[224] он предложил свою шпагу Бурбонам, но так как предложение это было отклонено, то он сделался либералом и присоединился к движению, которое в конце концов привело к революции 1830 года.

В 1831 г. Бюжо был избран членом палаты депутатов и произведен Луи-Филиппом в генерал-майоры. Был назначена 1833 г. комендантом замка Бле, где его надзору была поручена герцогиня Беррийская; однако способ, каким он выполнял свою миссию, делает ему мало чести, и впоследствии его стали именовать «бывшим блейским тюремщиком». Во время прений в палате депутатов 16 января 1834 г., когда г-н Лараби стал жаловаться

на военную диктатуру Сульта, а Бюжо прервал его словами: «Повиновение — первый долг солдата», другой депутат, г-н Дюлон, язвительно спросил: «Как, даже если ему приказано стать тюремщиком?» Этот инцидент привел к дуэли между Бюжо и Дюлоном, в которой последний был убит. Крайнее возмущение парижан, вызванное этим эпизодом, было еще более усилено участием Бюжо в подавлении парижского восстания 13 и 14 апреля 1834 года[225]. Предназначенные для подавления восстания войска были разделены на три бригады, одной из которых командовал Бюжо. Утром 14-го, когда главные бои уже закончились, на улице Транснонен гореть энтузиастов, все еще удерживавшая баррикаду, была зверски перебита подавляющими силами противника. Хотя эта улица не входила в район действий, отведенный бригаде Бюжо, и поэтому он не участвовал в резне, народная ненависть связала его имя с этим позорным делом и, несмотря на все опровержения, упорно клеймила его кличкой «героя улицы Транснонен».

6 июня 1836 г. генерал Бюжо был послан в Алжир, где получил командный пост в провинции Оран, обеспечивавший почти независимое от генерал-губернатора положение. Получив приказ вести военные действия против Абд-эль-Кадира и, выставив против него внушительные силы, принудить его к покорности, он заключил договор на Тафне[226]; таким образом, он упустил возможность для развертывания военных действий и поставил свою армию в критическое положение еще до того, как она начала, действовать. До заключения этого договора Бюжо провел несколько сражений. Секретная статья, не включенная в письменный текст договора, предусматривала выплату генералу Бюжо 30000 буджу (около 12000 долларов). Отозванный во Францию, он был произведен в генерал-лейтенанты и сделан высшим офицером ордена Почетного легиона. Когда секретная статья Тафнского договора стала известна, Луи-Филипп разрешил Бюжо истратить деньги на строительство некоторых общественных дорог, чтобы поднять его популярность среди избирателей и сохранить за ним место в палате депутатов.

В начале 1841 г. Бюжо был назначен генерал-губернатором Алжира, и при его управлении французская политика в Алжире претерпела коренные изменения. Он был первым генерал-губернатором, который имел под своим командованием армию, достаточную для выполнения поставленных перед ней задач, пользовался абсолютной властью над низшими по должности генералами и занимал свой пост достаточно долго, чтобы действовать в соответствии с планом, для выполнения которого требовались годы. В сражении при Исли (14 августа 1844 г.), в котором он

разбил армию императора Марокко*, располагая силами, значительно уступавшими ей по численности, успех был достигнут им в результате внезапного нападения на мусульман без предварительного объявления войны и накануне завершения переговоров[227]. Возведенный уже 17 июля 1843 г, в достоинство маршала Франции, Бюжо после этого сражения получил титул герцога Ислийского. Так как после его возвращения во Францию Абд-эль-Кадир снова собрал армию,то он был послан обратно в Алжир, где быстро подавил восстание арабов. В результате разногласий между ним и Гизо, вызванных его экспедицией в Кабилию, предпринятой им вопреки распоряжениям министерства, он был заменен герцогом Омальским и, по выражению Гизо, «получил возможность явиться во Францию и наслаждаться своей славой»[228].

В ночь с 23 на 24 февраля 1848 г. Бюжо, по тайному совету Гизо, был вызван к Луи-Филиппу, который возложил на него верховное командование всеми вооруженными силами — как линейными войсками, так и национальной гвардией. Утром 24-го, в сопровождении генералов Рюльера, Бедо, Ламорисьера, де Саля, Сент-Арно и других, он явился в генеральный штаб в Тюильри, чтобы торжественно принять здесь от герцога Немурского верховное командование. Присутствующим офицерам он напомнил, что он — человек, которому предстоит повести их против парижских революционеров, — «не знал поражений ни на поле сражения, ни во время восстаний», и пообещал и на этот раз быстро разделаться с «мятежной чернью». Между тем известие о его назначении значительно способствовало тому, что дела приняли решительный оборот. В рядах национальной гвардии, приведенной его назначением на пост верховного командующего в еще большее негодование, раздались возгласы: «долой Бюжо!», «долой героя улицы Транснонен!» — и гвардия твердо заявила, что не будет повиноваться его приказаниям. Напуганный этой демонстрацией Луи-Филипп взял назад свой приказ и потратил день в бесплодных переговорах. 24 февраля Бюжо был единственным из советников Луи-Филиппа, который настаивал на продолжении борьбы не на жизнь, а на смерть; но король уже думал о том, что, принеся в жертву маршала, он сможет помириться с национальной гвардией. Поэтому командование было передано в другие руки, а Бюжо получил отставку. Через два дня он предложил свои услуги временному правительству[229], однако это предложение не было принято.

* — Абд-эр-Рахмана. *Ред.*

Когда Луи-Наполеон стал президентом, он назначил Бюжо на пост командующего альпийской армией; последний был также избран в департаменте Нижняя Шаранта депутатом Национального собрания. Бюжо опубликовал несколько работ, посвященных главным образом Алжиру[230]. В августе 1852 г, ему был поставлен памятник в городе Алжире и другой — в его родном городе.

Написано К. Марксом 27 ноября 1857 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

К. МАРКС

БОЛИВАР-И-ПОНТЕ [231]

Боливар-и-Понте, Симон — «освободитель» Колумбии; родился в Каракасе 24 июля 1783 г., умер в Сан-Педро, близ Санта-Марты, 17 декабря 1830 года. По происхождению он принадлежал к одному из familias Mantuanas*, которые во время испанского владычества составляли креольскую знать Венесуэлы. Согласно обычаю богатых американцев того времени, он в раннем, 14-летнем, возрасте был отправлен в Европу. Из Испании переехал во Францию и несколько лет прожил в Париже. В 1802 г. он женился в Мадриде и вернулся в Венесуэлу, где его жена внезапно скончалась, заболев тропической лихорадкой. После этого он вторично посетил Европу; в 1804 г. присутствовал при короновании Наполеона императором, а в 1805 г. — при возложении на себя последним железной короны Ломбардии[232]. В 1809 г. Боливар вернулся на родину и, несмотря на настойчивые приглашения Хосе Феликса Рибаса, своего родственника, отказался присоединиться к революции, вспыхнувшей в Каракасе 19 апреля 1810 года[233]. Однако после этого события он принял поручение закупить в Лондоне оружие и просить покровительства у британского правительства. Встретив внешне хороший прием у маркиза Уэлсли, в то время министра иностранных дел, он не добился ничего, кроме разрешения свободного экспорта оружия за наличные деньги, с уплатой высоких пошлин. По возвращении из Лондона он снова отошел от политики, пока в сентябре 1811 г. генерал Миранда, в то время главнокомандующий сухопутными и морскими силами инсургентов, не убедил его принять чин подпол-

* — мантуанских семейств. *Ред.*

ковника штаба и назначение комендантом Пуэрто-Кабельо, самой сильной крепости Венесуэлы.

Когда испанским военнопленным, которых Миранда обычно систематически отправлял в Пуэрто-Кабельо для содержания под стражей в цитадели, удалось внезапно напасть на свою стражу, одержать над ней верх и захватить цитадель, Боливар, хотя его противники были безоружны, а сам он имел многочисленный гарнизон и большие склады, ночью с восемью своими офицерами, не предупредив собственные войска, поспешно сел на корабль, прибыл на рассвете в Ла-Гуайру и удалился в свое имение в Сан-Матео. Узнав о бегстве своего командира, гарнизон в полном порядке оставил крепость, которая была немедленно занята испанцами под командованием Монтеверде. Это событие склонило чашу весов в пользу испанцев и принудило Миранду, по поручению конгресса, подписать 26 июля 1812 г. в Витории договор, в силу которого Венесуэла возвращалась под власть Испании. 30 июля Миранда прибыл в Ла-Гуайру, где он намеревался сесть на английский корабль. При посещении им коменданта этого города, полковника Мануэля Мариа Касаса, он встретился с многочисленным обществом, среди которого находились дон Мигель Пенья и Симон Боливар; последние убедили его провести хотя бы одну ночь в доме полковника Касаса. В два часа утра, когда Миранда спал безмятежным сном, Касас, Пенья и Боливар, с четырьмя вооруженными солдатами, вошли в его комнату, предусмотрительно завладели его шпагой и пистолетом, затем разбудили его, грубо приказали встать и одеться, заковали в кандалы и, в конце концов, выдали его Монтеверде, который отправил его в Кадис, где после нескольких лет тюремного заключения он умер в оковах. Этот поступок, совершенный под тем предлогом, что Миранда якобы предал свою страну капитуляцией в Витории, обеспечил Боливару особую благосклонность со стороны Монтеверде, так что когда Боливар попросил у него паспорт, Монтеверде заявил, что «просьба полковника Боливара должна быть удовлетворена в благодарность за оказанную им выдачей Миранды услугу королю Испании»[234].

Таким образом, Боливар получил разрешение отплыть в Кюрасао, где он провел шесть недель, и откуда в обществе своего родственника Рибаса отправился в маленькую республику Картахену. Еще до их прибытия туда бежало большое число солдат, служивших раньше под командованием генерала Миранды. Рибас предложил им предпринять экспедицию в Венесуэлу против испанцев и признать Боливара своим главнокомандующим. Первое предложение они приняли с воодушевлением, против второго стали возражать, но в конце концов согласились

при условии, что Рибас будет заместителем командующего. Президент Картахенской республики Мануэль Родригес-Торисес присоединил к 300 солдат, завербовавшихся таким образом в отряд Боливара, 500 человек под командованием своего родственника Мануэля Кастильо. Экспедиция отправилась в начале января 1813 года. Так как между Боливаром и Кастильо возникли разногласия из-за притязаний на высшее командование, то последний внезапно ушел вместе со своими гранадцами. Боливар со своей стороны предложил последовать примеру Кастильо и вернуться в Картахену, но Рибас в конце концов убедил его продолжить свой поход по крайней мере до Боготы, где в это время заседал конгресс Новой Гранады. Им была устроена горячая встреча и оказана всяческая поддержка; оба они были произведены конгрессом в генералы; разделив свою маленькую армию на две колонны, они разными путями направились на Каракас. Чем дальше они продвигались, тем больше росли их ресурсы; свирепые эксцессы испанцев повсюду играли роль вербовщика рекрутов для армии борцов за независимость. Сила сопротивления испанцев была сломлена, отчасти вследствие того обстоятельства, что их армия на три четверти состояла из местных жителей, которые в каждой стычке перебегали на сторону противника, отчасти вследствие трусости таких генералов, как Тискар, Кахигаль и Фьерро, которые всякий раз покидали свои собственные войска. Благодаря этому одному неграмотному юноше, Сантьяго Мариньо, удалось вытеснить испанцев из провинций Кумана и Барселона в то самое время, когда Боливар продвигался по западным провинциям. Единственное серьезное сопротивление со стороны испанцев было оказано колонне Рибаса, который, однако, разбил генерала Монтеверде при Лос-Тагуанесе и принудил его с остатками своих войск запереться в Пуэрто-Кабельо.

Услышав о приближении Боливара, губернатор Каракаса, генерал Фьерро, отправил к нему депутатов с предложением подписать соглашение о капитуляции, которое и было заключено в Витории; однако Фьерро, охваченный внезапной паникой, не дожидаясь возвращения своих уполномоченных, ночью тайно бежал, оставив на милость врага более 1500 испанцев. Теперь Боливар был удостоен общественного триумфа. Стоя в триумфальной колеснице, которую везли двенадцать молодых женщин из самых знатных семейств Каракаса в белых платьях, украшенных цветами национального флага, Боливар, с непокрытой головой, в парадном мундире, с небольшим жезлом в руке, в течение около получаса ехал от ворот города к своей резиденции. Провозгласив себя «диктатором и освободителем западных

провинций Венесуэлы», — тогда как Мариньо принял титул «диктатора восточных провинций», — он учредил «орден освободителя», организовал отборный отряд войск, назвав его своей лейб-гвардией, и окружил себя королевской пышностью. Однако, подобно большинству своих соотечественников, он не был способен на длительное напряжение сил, и его диктатура вскоре выродилась в военную анархию; наиболее важные дела он передоверил своим фаворитам, которые расточали финансы страны, а затем с целью их восстановления прибегли к недостойным средствам. Недавний энтузиазм народа сменился, таким образом, недовольством, и рассеянные силы неприятеля получили возможность собраться вновь. Лишь три месяца прошло с тех пор, как в начале августа 1813 г. Монтеверде был заперт в крепости Пуэрто-Кабельо и в руках испанской армии осталась только небольшая полоска территории в северо-западной части Венесуэлы, а освободитель в декабре уже утратил свой престиж, и над самим Каракасом нависла угроза вследствие внезапного появления по соседству успешно действовавших испанских войск под командованием Бовеса. Чтобы укрепить свою пошатнувшуюся власть, Боливар 1 января 1814 г. собрал хунту из самых влиятельных жителей Каракаса и объявил, что он больше не желает нести бремя диктатуры. С другой стороны, Хуртадо Мендоса в длинной речи настаивал на

«необходимости оставить верховную власть в руках генерала Боливара, пока не сможет собраться конгресс Новой Гранады и Венесуэла не объединится под властью одного правительства»[235].

Это предложение было принято, и диктатура получила, таким образом, нечто вроде законной санкции.

В течение некоторого времени война с испанцами носила характер мелких стычек без решительного перевеса для той или другой стороны. В июне 1814 г, Бовес со всеми своими силами направился из Калабосо на Ла-Пуэрту, где произошло соединение войск обоих диктаторов, Боливара и Мариньо; здесь Бовес встретился с ними и приказал своим войскам немедленно их атаковать. После некоторого сопротивления Боливар бежал в Каракас, а Мариньо исчез в направлении Куманы. Пуэрто-Кабельо и Валенсия попали в руки Бовеса, который затем двинул две колонны (одну из них под командованием полковника Гонсалеса) по разным дорогам на Каракас. Рибас сделал тщетную попытку воспрепятствовать наступлению Гонсалеса. Когда 17 июля 1814 г. Каракас был сдан Гонсалесу, Боливар эвакуировал Ла-Гуайру, приказал стоявшим в гавани этого города кораблям плыть в Куману и отступил с остатками своих

войск к Барселоне. После поражения, нанесенного Бовесом 8 августа 1814 г. повстанцам у Аргуиты, Боливар в ту же ночь тайно покинул свои войска, чтобы окольными путями поспешить в Куману, где, несмотря на гневные протесты Рибаса, он немедленно сел на корабль «Бианки» вместе с Мариньо и некоторыми другими офицерами. Если бы Рибас, Паэс и другие генералы последовали за диктаторами в их бегстве, то все было бы потеряно. Встреченные по своем прибытии в Хуангриего, на острове Маргариты, генералом Арисменди как дезертиры и получив приказание убраться, они отплыли в Карупано, но, принятые там подобным же образом полковником Бермудесом, направились оттуда к Картахене. Здесь, чтобы смягчить впечатление от своего бегства, они обнародовали оправдательную прокламацию, составленную в высокопарных фразах.

Примкнув к заговору, организованному с целью свержения правительства Картахены, Боливар должен был покинуть эту маленькую республику и перебраться в Тунху, где заседал конгресс федеральной республики Новой Гранады[236]. В это время провинция Кундинамарка стояла во главе независимых провинций, которые отказались признать гранадский федеральный договор, между тем как Кито, Пасто, Санта-Марта и другие провинции все еще оставались во власти испанцев. Боливар, прибывший в Тунху 22 ноября 1814 г., был назначен конгрессом главнокомандующим федеральными силами и получил двойное поручение — принудить президента провинции Кундинамарка признать власть конгресса, а затем направиться против Санта-Марты, единственного укрепленного морского порта Новой Гранады, который еще удерживали в своих руках испанцы. Первая часть поручения была выполнена без труда, так как Богота, столица недовольной провинции, была беззащитным городом. Несмотря на ее капитуляцию, Боливар разрешил своим солдатам грабить ее в течение 48 часов. В Санта-Марте испанский генерал Монтальво, располагавший слабым гарнизоном, менее чем в 200 человек, и крепостью, оборонительные сооружения которой находились в самом плачевном состоянии, уже зафрахтовал французское судно с целью обеспечить себе возможность бегства, в то время как жители города дали знать Боливару, что при его приближении они откроют ворота и прогонят гарнизон. Но вместо того, чтобы двинуться против испанцев, находившихся в Санта-Марте, как ему было предписано конгрессом, Боливар, дав волю своему враждебному чувству к Кастильо, коменданту Картахены, самовольно повел свои войска против этого города, который входил в состав федеральной республики. Отброшенный назад, он стал лагерем

на Ла-Попе, большом холме, расположенном примерно на расстоянии пушечного выстрела от Картахены, и установил единственную маленькую пушку в качестве батареи против крепости, имевшей приблизительно 80 орудий. Затем он от осады перешел к блокаде, которая длилась до начала мая, не дав других результатов, кроме сокращения его армии вследствие дезертирства и болезней с 2400 человек примерно до 700. Тем временем на остров Маргариты 25 марта 1815 г. прибыла из Кадиса большая испанская экспедиция под командованием генерала Морильо; она сумела подбросить крупные подкрепления в Санта-Марту, а вскоре затем взять и Картахену. Однако еще раньше, 10 мая 1815 г., Боливар в сопровождении около дюжины своих офицеров отплыл на вооруженном английском бриге к Ямайке. Прибыв в это безопасное место, он снова обнародовал прокламацию, в которой выставлял себя жертвой какого-то тайного врага или клики и оправдывал свое бегство перед лицом приближающихся испанцев, изображая его как отказ от командования во имя сохранения общественного мира.

Во время восьмимесячного пребывания Боливара в Кингстоне оставленные им в Венесуэле генералы, а также генерал Арисменди на острове Маргариты, стойко сопротивлялись испанскому оружию. Но когда Рибас, которому Боливар был обязан своей славой, был расстрелян испанцами после взятия Матурина, вместо него на сцене появился другой человек, еще больших дарований, который, ввиду невозможности для него, как иностранца, играть самостоятельную роль в южноамериканской революции, в конце концов решил действовать под начальством Боливара. Это был Луи Брион. Для того чтобы оказать помощь революционерам, он отплыл из Лондона в Картахену на 24-х пушечном корвете, снаряженном большей частью на его собственные средства и везшем 14000 комплектов оружия и большое количество военных запасов. Так как он прибыл слишком поздно и уже не смог оказаться полезным повстанцам в этом районе, то он отправился отсюда в Кайес на Гаити[237], куда после сдачи Картахены стекались многие эмигранты-патриоты. Тем временем Боливар тоже отправился из Кингстона в Порт-о-Пренс, где в ответ на его обещание освободить рабов президент Гаити Петион выразил готовность оказать ему всяческую материальную поддержку для новой экспедиции против испанцев в Венесуэле. В Кайесе он встретил Бриона и других эмигрантов и на общем собрании предложил себя в начальники новой экспедиции, на том условии, чтобы в его руках была соединена гражданская и военная власть впредь до созыва общего конгресса. Большинство приняло его условие, и 16 апреля 1816 г.

экспедиция отплыла с Боливаром в качестве командующего и Брионом в качестве адмирала. На острове Маргариты Боли-вару удалось привлечь на свою сторону командующего местными войсками Арисменди, который добился того, что в руках у испанцев на острове оставался единственный пункт — Пампатар, Получив официальное обещание Боливара созвать национальный конгресс в Венесуэле, как только он овладеет страной, Арисменди созвал хунту в соборе города Ла-Вилья-дель-Норте и публично провозгласил Боливара главнокомандующим республик Венесуэлы и Новой Гранады. 31 мая 1816 г. Боливар высадился в Карупано, но не решился помешать Мариньо и Пиару отделиться от него и вести войну против Куманы на свой собственный страх и риск. Ослабленный этим отделением, он, по совету Бриона, отплыл в Окумаре, куда прибыл 3 июля 1816 г. с 13 кораблями, из которых только семь были вооружены. Его армия, насчитывавшая всего 650 человек, с набором негров, освобождение которых он провозгласил, увеличилась приблизительно до 800 человек. В Окумаре он снова обнародовал прокламацию, в которой обещал «истребить тиранов» и «созвать народ для того, чтобы он назначил своих депутатов в конгресс». При своем продвижении в направлении к Валенсии он, неподалеку от Окумары, встретил испанского генерала Моралеса во главе отряда, насчитывавшего примерно 200 солдат и 100 ополченцев. Когда стрелки Моралеса рассеяли его авангард, он потерял, по словам одного очевидца,

«всякое присутствие духа; не говоря ни слова, быстро повернул своего коня и во весь опор поскакал к Окумаре, галопом пронесся по селению, достиг соседней бухты, соскочил с коня, сел в лодку, взошел на корабль «Диану» и приказал всей эскадре следовать за собой к маленькому острову Бонайре, оставив всех своих товарищей без всякой помощи»[238].

Под влиянием упреков и увещаний Бриона он снова присоединился к прочим командирам на побережье Куманы, однако сурово встреченный ими, причем Пиар грозил предать его военному суду как дезертира и труса, он немедленно снова направился в Кайес. После месячных усилий Бриону, наконец, удалось убедить большинство венесуэльских военачальников, которые чувствовали необходимость иметь хотя бы номинальный центр, снова призвать Боливара в качестве своего главнокомандующего, при непременном условии, что он созовет конгресс и не будет вмешиваться в гражданское управление. 31 декабря 1816 г. он прибыл в Барселону с оружием, боевыми припасами и провиантом, доставленными Петионом. Когда 2 января 1817 г. к нему присоединился Арисменди, он 4 января объявил о введении военного положения и о сосредоточении всей власти

в своих руках; но спустя пять дней, когда Арисменди попал в засаду, устроенную испанцами, диктатор бежал в Барселону, Войска вновь собрались в Барселоне, куда Брион послал Боливару также пушки и подкрепления, так что у него вскоре образовался новый отряд, насчитывавший 1100 человек. 5 апреля испанцы завладели городом Барселоной, и войска патриотов отступили к зданию богадельни, расположенному в стороне от Барселоны и укрепленному по приказанию Боливара, но непригодному для того, чтобы служить укрытием гарнизону в 1000 человек в случае серьезной атаки. Ночью 5 апреля он покинул отряд, сообщив полковнику Фрейтесу, которому он передал командование, что он идет на поиски новых войск и вскоре вернется. Поверив этому обещанию, Фрейтес отклонил предложение о сдаче, и после штурма вместе со всем гарнизоном пал жертвой резни, учиненной испанцами.

Пиар, цветнокожий и уроженец Кюрасао, задумал и осуществил завоевание Гвианы, причем адмирал Брион поддерживал это предприятие своими канонерками. 20 июля, после того как вся эта провинция была очищена испанцами, Пиар, Брион, Сеа, Мариньо, Арисменди и другие собрали провинциальный конгресс в Ангостуре и поставили во главе исполнительной власти триумвират; Брион, ненавидевший Пиара и глубоко заинтересованный в успехе Боливара, ради чего он затратил крупное личное состояние, добился назначения последнего, несмотря на его отсутствие, членом триумвирата. Получив известие об этом, Боливар покинул свое убежище и явился в Ангостуру, где, поощряемый Брионом, он распустил конгресс и триумвират и заменил их «верховным советом нации», во главе которого стал он сам, а Брион и Франсиско Антонио Сеа сделались руководителями первый военного, а второй политического отделов. Однако завоеватель Гвианы Пиар, который в свое время угрожал предать Боливара военному суду как дезертира, не скупился на сарказмы по поводу «Наполеона отступлений», и потому Боливар задумал избавиться от него. На основании ложного обвинения, будто Пиар составил заговор против белых, готовил покушение на жизнь Боливара и домогался высшей власти, Пиар был привлечен к суду военного трибунала под председательством Бриона, признан виновным, приговорен к смерти и 16 октября 1817 г. расстрелян. Его смерть привела Мариньо в ужас. Вполне понимая, что без Пиара сам он ничто, он в письме, составленном в самом раболепном духе, публично оклеветал своего убитого друга, отрицал попытки с своей стороны соперничать с освободителем и отдавал себя на милость безграничного великодушия Боливара.

Завоевание Гвианы Пиаром в корне изменило положение в пользу патриотов; одна эта провинция доставила им больше ресурсов, чем все прочие семь провинций Венесуэлы вместе взятые. Поэтому повсюду ожидали, что новая кампания, возвещенная Боливаром новой прокламацией, приведет к окончательному изгнанию испанцев. Этот первый бюллетень, изображавший несколько мелких отрядов испанских фуражиров, ушедших из Калабосо, «армиями, бегущими перед нашими победоносными войсками», разумеется, был рассчитан отнюдь не на то, чтобы умерить эти надежды. Против приблизительно 4000 испанцев, которых Морильо еще не успел собрать воедино, Боливар имел более 9000 человек, хорошо вооруженных, экипированных и обильно снабженных всем необходимым для войны. Тем не менее до конца мая 1818 г. он проиграл около дюжины сражений, потеряв все провинции, лежащие к северу от Ориноко. Так как он разбрасывал свои численно превосходящие силы, то они всегда терпели поражение по частям. Предоставив ведение войны Паэсу и другим своим подчиненным, он удалился в Ангостуру. Отпадение следовало за отпадением, и все, казалось, шло к полной катастрофе. В этот самый критический момент новое сочетание счастливых обстоятельств еще раз изменило положение дел. В Ангостуре Боливар встретил Сантандера, уроженца Новой Гранады, который попросил у него помощи для вторжения в эту страну, где население готово было к общему восстанию против испанцев. Боливар, в известной мере, исполнил эту просьбу. В то же время из Англии стала прибывать обильная помощь в виде потока людей, судов и военных материалов, и английские, французские, немецкие и польские офицеры со всех сторон стекались в Ангостуру. Наконец, на сцену выступил д-р Херман Россио, приведенный в отчаяние неудачами южноамериканской революции; он сумел приобрести влияние на Боливара и побудить его созвать 15 февраля 1819 г. Национальный конгресс, одно имя которого оказалось достаточно могущественным средством для создания новой армии примерно в 14000 человек, так что Боливар смог возобновить наступательные действия.

Иностранные офицеры предложили Боливару план, согласно которому он должен был сделать вид, будто намерен напасть на Каракас и освободить Венесуэлу от испанского ига, заставив этим Морильо ослабить свои силы в Новой Гранаде и сосредоточить их для защиты Венесуэлы, а тем временем он (Боливар) должен был внезапно повернуть на запад, соединиться с партизанами Сантандера и идти на Боготу. Для осуществления этого плана Боливар 24 февраля 1819 г. покинул Ангостуру, назначив

Сеа на время своего отсутствия президентом конгресса и вице-президентом республики. Благодаря маневрам Паэса, Морильо и ла Торре были разбиты при Ачагуасе и были бы совершенно уничтожены, если бы Боливар осуществил соединение своих войск с отрядами Паэса и Мариньо. Во всяком случае победы Паэса привели к занятию провинции Баримы, что открывало Боливару путь в Новую Гранаду. После того как здесь все было подготовлено Сантандером, иностранные войска, состоявшие главным образом из англичан, решили судьбу Новой Гранады рядом побед, одержанных в провинции Тунхе 1 и 23 июля и 7 августа[239]. 12 августа Боливар с триумфом вступил в Боготу, а испанцы, против которых восстали все провинции Гранады, заперлись в укрепленном городе Момпосе.

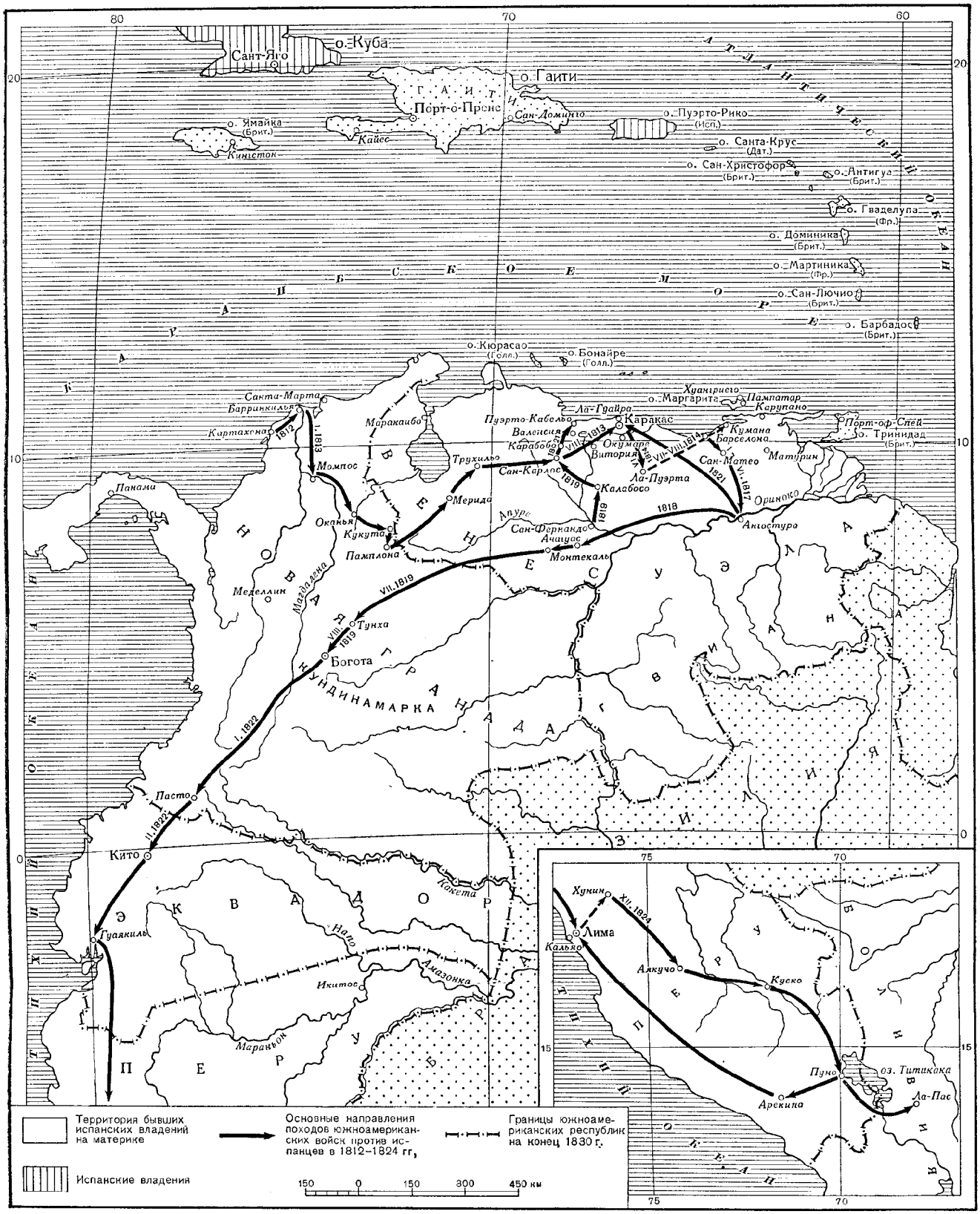
Организовав работу гранадского конгресса в Боготе и назначив генерала Сантандера главнокомандующим, Боливар направился к Памплоне, где провел около двух месяцев в празднествах и балах. 3 ноября он прибыл в Монтекаль, в Венесуэле, где он приказал собраться патриотически настроенным военачальникам этой страны вместе с их войсками. Располагая казной приблизительно в 2000000 долларов, собранной посредством принудительных контрибуций с жителей Новой Гранады, и готовой к действию армией численностью около 9000 человек, на одну треть состоявшей из весьма дисциплинированных английских, ирландских, ганноверских и других иностранных войск, он имел перед собой теперь противника, лишенного всех средств, с военными силами, которые номинально насчитывали лишь около 4500 человек, причем на две трети состояли из местных жителей, на которых испанцы не могли положиться. Так как Морильо отступил от Сан-Фернандо на Апуре к Сан-Карлосу, то Боливар последовал за ним вплоть до Калабосо, так что главные квартиры противников оказались друг от друга только в двух днях перехода. Если бы Боливар смело двинулся вперед, то одни его европейские войска могли бы разгромить испанцев, однако он предпочел затянуть войну еще на пять лет.

В октябре 1819 г. конгресс в Ангостуре принудил его ставленника Сеа отказаться от своего поста и избрал вместо него Арисменди. Получив известия об этом, Боливар внезапно отправил свой иностранный легион в Ангостуру, застал врасплох Арисменди, у которого было только 600 солдат из местных жителей, изгнал его на остров Маргариты и восстановил Сеа в его должности. Д-р Россио, увлекший Боливара перспективой централизованной власти, уговорил его провозгласить «республику Колумбию», включавшую Новую Гранаду и Венесуэлу,

обнародовать основной закон для нового государства, составленный самим Россио, и согласиться на учреждение общего конгресса для обеих областей. 20 января 1820 г, Боливар снова вернулся в Сан-Фернандо на Any ре, Внезапное отозвание им своего иностранного легиона, которого испанцы опасались больше, чем десятикратного количества колумбийцев, дало Морильо новую возможность собрать подкрепления, в то время как вести об огромной экспедиции, готовой отправиться из Испании под командованием О'Доннеля, подняли упавший дух испанской партии. Несмотря на свои значительно превосходящие силы, Боливар умудрился ничего не добиться во время кампании 1820 года. Тем временем из Европы пришла весть, что революция на острове Леон[240] насильственным путем положила конец предполагавшейся экспедиции О'Доннеля. В Новой Гранаде из 22 провинций 15 присоединились к правительству Колумбии, и в руках испанцев остались только крепость Картахена и Панамский перешеек. В Венесуэле 6 провинций из 8 подчинились законам Колумбии. В таком положении находились дела, когда Боливар позволил Морильо вовлечь себя в переговоры, в результате которых в Трухильо 25 ноября 1820 г. было заключено перемирие сроком на шесть месяцев. В соглашении о перемирии республика Колумбия не была даже упомянута, несмотря на то, что конгресс недвусмысленно запретил заключение какого-либо договора с испанским командующим без предварительного признания им независимости республики.

17 декабря Морильо, стремясь принять участие в испанских делах, сел на корабль в Пуэрто-Кабельо, передав главное командование Мигелю де ла Торре, а 10 марта 1821 г. Боливар письмом уведомил ла Торре, что военные действия должны возобновиться по истечении 30 дней. Испанцы заняли сильную позицию у Карабобо, селения, расположенного примерно на полпути между Сан-Карлосом и Валенсией; однако ла Торре, вместо того, чтобы собрать здесь все свои силы, сосредоточил только свою 1-ю дивизию, 2500 пехоты и около 1500 кавалерии, между тем как Боливар имел 6000 пехоты, в том числе британский легион, насчитывавший 1100 человек, и 3000 конных льянерос[241] под командованием Паэса. Позиция неприятеля казалась Боливару настолько грозной, что он предложил своему военному совету заключить новое перемирие, что было, однако, отвергнуто его подчиненными. Во главе колонны, состоявшей главным образом из британского легиона, Паэс по тропинке обошел правое крыло неприятеля; после успешного завершения им этого маневра ла Торре первым из испанцев обратился в бегство, не останавливаясь вплоть до Пуэрто-Кабельо, где он

БОРЬБА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (ПОХОДЫ АРМИИ БОЛИВАРА)



заперся с остатками своих войск. Но и сама крепость Пуэрто-Кабельо неминуемо должна была бы сдаться при быстром приближении победоносной армии, однако Боливар терял время в торжественных выходах к народу в Валенсии и Каракасе. 21 сентября 1821 г. сильная крепость Картахена сдалась Сантандеру. Последние военные подвиги в Венесуэле — морское сражение при Маракаибо в августе 1823 г. и вынужденная сдача Пуэрто-Кабельо в июле 1824 г. — были, в обоих случаях, делом Падильи. Революция на острове Леон, помешавшая отбытию экспедиции О'Доннеля, и помощь британского легиона явно обеспечили исход дела в пользу колумбийцев.

Колумбийский конгресс открыл свои заседания в январе 1821 г. в Кукуте; 30 августа он обнародовал новую конституцию, и после того, как Боливар вновь сделал вид, что он уходит в отставку, возобновил его полномочия. Подписав новую конституцию, Боливар добился разрешения предпринять поход в провинцию Кито (в 1822 г.), куда отступили испанцы после их изгнания с Панамского перешейка в результате общего народного восстания[242]. Этой кампанией, окончившейся присоединением Кито, Пасто и Гуаякиля к Колумбии, номинально руководили Боливар и генерал Сукре, однако своими немногими успехами экспедиционный отряд был всецело обязан английским офицерам, в частности полковнику Сандсу. Вовремя камнании 1823 — 1824 гг. против испанцев в Верхнем и Нижнем Перу* Боливар уже не считал нужным изображать полководца, но, предоставив все военное руководство генералу Сукре, ограничился триумфальными вступлениями в города, манифестами и провозглашениями конституций. С помощью своей колумбийской лейб-гвардии он оказал воздействие на голосование конгресса в Лиме, который 10 февраля 1823 г. вручил ему диктатуру, а новым заявлением об отставке он обеспечил себе переизбрание в президенты Колумбии. Тем временем его положение упрочилось как благодаря официальному признанию нового государства Англией, так и благодаря завоеванию генералом Сукре провинций Верхнего Перу, которые последний объединил в независимую республику под именем Боливии. Здесь, где главенствовали штыки Сукре, Боливар дал полный простор своей склонности к деспотичной власти, что выразилось в введении им «Боливийского кодекса» в подражание Code Napoleon[243], Он был намерен распространить этот кодекс, перенеся его из Боливии в Перу, а из Перу в Колумбию, и в то же время держать первые два государства в повиновении с помощью колумбийских войск, а Колумбию

* См. настоящий том, стр. 176 — 177. *Ред.*

с помощью иностранного легиона и перуанских солдат. Силой, а также и интригами, ему действительно удалось, по крайней мере на несколько недель, навязать Перу свой кодекс. Президент и освободитель Колумбии, протектор и диктатор Перу и крестный отец Боливии, он был теперь на вершине своей славы. Однако в Колумбии начались серьезные столкновения между централистами, или боливаристами, и федералистами, под именем которых враги военной анархии объединились с военными соперниками Боливара. После того как подстрекаемый Боливаром колумбийский конгресс выдвинул обвинительный акт против вице-президента Венесуэлы Паэса, последний начал открытый мятеж, втайне поддерживаемый и поощряемый самим же Боливаром, который нуждался в восстаниях, чтобы иметь предлог опрокинуть конституцию и снова добиться диктаторских полномочий. Возвращаясь из Перу, Боливар, кроме своей лейб-гвардии, привел с собой 1800 перуанцев, якобы против мятежных федералистов. Однако в Пуэрто-Кабельо, где он встретился с Паэсом, он не только утвердил его на его командном посту в Венесуэле и объявил амнистию всем мятежникам, но и открыто принял их сторону, выразив порицание сторонникам конституции; декретом, изданным в Боготе 23 ноября 1826 г., он принял на себя диктаторские полномочия.

В 1826 г., с которого начинается упадок его власти, ему удалось добиться созыва конгресса в Панаме с официальной целью выработки новых демократических норм международного права[244]. Уполномоченные прибыли из Колумбии, Бразилии, Ла-Платы, Боливии, Мексики, Гватемалы и т. д. В действительности же Боливар стремился к превращению всей Южной Америки в одну федеративную республику, имея в виду стать ее диктатором. В то время как он, таким образом, давал полную волю своим мечтам, помышляя связать со своим именем целых полмира, действительная власть быстро ускользала из его рук. Колумбийские войска в Перу, узнав о его приготовлениях к введению Боливийского кодекса, положили начало восстанию. Перуанцы избрали президентом республики генерала Ла Мара, помогли и боливийцам изгнать колумбийские войска и даже повели победоносную войну против Колумбии, которая окончилась договором, сводившим последнюю к ее первоначальным границам, устанавливавшим равенство обеих стран и разделившим их государственные долги. Конгресс в Оканье, созванный Боливаром с целью изменить конституцию в пользу его диктаторской власти, открылся 2 марта 1828 г. чтением подробного обращения, в котором доказывалась настоятельная необходимость новых привилегий для исполнительной власти. Но когда

стало очевидно, что проект измененной конституции выйдет из собрания совсем иным, по сравнению с его первоначальным видом, друзья Боливара перестали посещать заседания, чем лишили конгресс кворума и таким образом заставили его прекратить свою деятельность. Удалившись в свое имение в нескольких милях от Оканьи, Боливар выпустил другой манифест, в котором прикидывался недовольным шагами, предпринятыми его друзьями, и в то же время нападал на конгресс, призывал провинции к принятию чрезвычайных мер и объявлял, что он готов принять всякое бремя власти, какое будет угодно на него возложить. Под давлением его штыков народные собрания в Каракасе, Картахене, а также в Боготе, куда он отправился, снова облекли его диктаторской властью. Покушение на его жизнь, совершенное в Боготе, в его спальне, причем он спасся, только спрыгнув в потемках с балкона и пролежав, притаившись, под мостом, позволило ему на короткое время ввести нечто вроде военного террора. Однако он не тронул Сантандера, несмотря на его участие в заговоре, зато казнил генерала Падилью, вина которого была вовсе не доказана, но, который, как цветнокожий, не мог защитить себя.

Так как в 1829 г. ожесточенная борьба партий потрясла республику, Боливар в новом воззвании к гражданам пригласил их откровенно высказать свои пожелания относительно изменений, которые следует внести в конституцию. В ответ на это собрание нотаблей в Каракасе осудило его честолюбивые притязания, вскрыло слабость его управления, провозгласило отделение Венесуэлы от Колумбии и поставило Паэса во главе республики. Сенат Колумбии стал на сторону Боливара, но в различных местах вспыхнули новые восстания. В пятый раз отрекшись от власти в январе 1830 г., он затем снова принял пост президента и покинул Боготу, чтобы от имени колумбийского конгресса вести войну против Паэса. К концу марта 1830 г. он во главе 8000 человек начал наступление, взял поднявшую восстание Каракуту, а затем обратился против провинции Маракаибо, где Паэс ожидал его на сильной позиции с 12000 человек. Как только он узнал, что Паэс намерен драться всерьез, мужество покинуло его. В какой-то момент он даже помышлял подчиниться Паэсу и объявить себя противником конгресса; однако его сторонники утратили свое влияние в конгрессе, и он был принужден подать в отставку, причем ему дали понять, что на этот раз ему следует отнестись к этому как к должному, и что он получит ежегодную пенсию, если согласится уехать за границу. Поэтому 27 апреля 1830 г. он послал конгрессу заявление о сложении с себя полномочий. Однако,

надеясь снова вернуть себе власть с помощью влияния своих сторонников и используя то противодействие, с которым столкнулся новый президент Колумбии Хоакин Москера, Боливар весьма затянул свой отъезд из Боготы и под разными предлогами сумел продлить свое пребывание в Сан-Педро до конца 1830 г., но в этот момент он внезапно умер.

Дюкудре-Хольштейн дает следующий портрет Боливара:

«Ростом Симон Боливар 5 футов 4 дюйма; у него продолговатое лицо с впалыми щеками, со смуглым синеватым оттенком кожи. Глаза у него среднего размера, глубоко сидящие, голова покрыта жидкими волосами. Усы придают ему мрачный и дикий вид, особенно когда он возбужден. Телосложения он изящного и хрупкого. Внешне он выглядит человеком 65-летнего возраста. При ходьбе он постоянно размахивает руками. Он не может много ходить и быстро утомляется. Он любит сидеть или валяться в гамаке. У него часто бывают внезапные вспышки гнева, и тогда он сразу становится безумным, бросается в свой гамак и осыпает бранью и проклятиями всех окружающих. Ему доставляет удовольствие язвительно насмехаться над отсутствующими; читает он только легкую французскую беллетристику; он смелый наездник и страстный любитель вальса. Он упивается своими собственными речами и любит произносить тосты. При неудачах и когда он остро нуждается в помощи с чьей-либо стороны, он бывает совершенно свободен от возбуждения и приступов гнева. Он становится мягок, терпелив, покладист и даже покорен. Он в значительной мере скрывает свои недостатки под личиной вежливого человека, получившего воспитание в так называемом beau monde*, и обладает почти азиатским талантом притворства, зная человеческую природу лучше, чем большинство его соотечественников»[245].

Декретом конгресса Новой Гранады останки Боливара в 1842 г, были перенесены в Каракас, и в честь его там был воздвигнут памятник.

См. «История Боливара, написанная генералом Дюкудре-Хольштейном и доведенная до смерти Боливара Альфонсом Виолле» (Париж, 1831); «Мемуары генерала Джона Миллера (служившего в армии республики Перу)»; полковник Хипписли. «Описание путешествия на Ориноко» (Лондон, 1819)[246].

Написано К. Марксом около 8 января 1858 г.

Напечатано о «New American Cyclopaedia». т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

* — высшем свете. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАМПАНИЯ

Кампания — этот термин очень часто употребляется для обозначения военных операций, проводимых во время войны в течение одного года; но если эти военные операции осуществляются на двух или более самостоятельных театрах военных действий, то вряд ли было бы логично рассматривать их как одну кампанию. Например, то, что отступая от строгого значения этого слова, называют кампанией 1800 г., составляет две отдельные кампании, проводившиеся совершенно независимо одна от другой: кампанию в Италии (Маренго) и кампанию в Германии (Гогенлинден)[247], С другой стороны, с тех пор как армии почти перестали отводиться на зимние квартиры, конец года не всегда является рубежом между концом одной отчетливо вырисовывающейся серии военных операций и началом другой. В настоящее время имеется много других военных и политических обстоятельств, играющих на войне гораздо более важную роль, чем смена времен года. Так, например, каждая из кампаний 1800 г. распадается на два отдельных этапа: их разделяет общее перемирие, длившееся с июля до сентября, и хотя в декабре 1800 г, германская кампания закончилась, итальянская продолжалась еще всю первую половину января 1801 года. Клаузевиц справедливо замечает, что кампания 1812 г., очевидно, закончилась не 31 декабря этого года, когда французы были еще на Немане и когда их отступление было в самом разгаре, а лишь с переправой их через Эльбу в феврале 1813 г., где они снова собрали свои силы, так как сила, которая гнала их на родину, перестала действовать[248]. Все же, поскольку в наших широтах зима остается той порой, когда действующие

армии всегда особенно сильно тают от усталости и лишений, то это время года очень часто совпадает с обоюдным прекращением военных действий и накапливанием сил; и хотя в строгом смысле слова кампания означает ряд военных операций, тесно связанных между собой одним стратегическим планом и направленных к достижению одной стратегической цели, в большинстве случаев кампанию можно для удобства обозначать тем годом, в течение которого имели место ее основные боевые действия.

Написано Ф. Энгельсом около 7 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАПИТАН

Капитан — чин командира роты в пехоте, эскадрона или полуэскадрона в кавалерии, а также командира военного корабля. В большинстве континентальных армий Европы капитаны причисляются к младшему офицерскому составу; в английской армии они являются офицерами промежуточного ранга между старшим и младшим офицерским составом, поскольку к последней категории здесь относят только тех имеющих офицерские дипломы лиц, которые по своему чину не выполняют непосредственных и постоянных командных функций. В армии США капитан несет ответственность за оружие, боевые припасы, обмундирование и т. п. вверенной ему роты. Обязанности капитана в военно-морском флоте весьма широки, и его должность относится к числу самых ответственных. В английском флоте он приравнивается по чину к подполковнику сухопутной армии, а через три года после получения им этого звания — к полковнику. В старину во французском флоте ему под страхом смертной казни запрещалось покидать свой корабль, и он должен был скорее взорвать его, чем дать ему попасть в руки неприятеля. Капитанами называют также шкиперов торговых или пассажирских судов и разных старшин на линейных кораблях, например, бакового старшину, трюмного старшину, старшего по гротмарсу и формарсу и т. д.* Слово «капитан» итальянского происхождения** и означает человека, стоящего во главе, поэтому оно часто употребляется как синоним слова «главнокомандующий», особенно когда речь идет о его способностях как полководца.

Написано Ф. Энгельсом около 7 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV. 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* В английском языке в состав терминов, обозначающих эти должности, входит слово «captain», например, «captain of the forecastle» — «баковый старшина», «captain of the hold» — «трюмный старшина» и т. д. *Ред.*

** — по-итальянски «capitano». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАРАБИН [249]

Карабин — carabine или carbine — короткоствольное ружье, приспособленное для использования в кавалерии. Чтобы его было легко заряжать в седле, длина ствола не должна превышать 2 футов 6 дюймов, если только оно не заряжается с казенной части; а для того, чтобы можно было легко пользоваться им одной рукой, оно должно быть легче, чем пехотное ружье. В большинстве армий калибр его тоже несколько меньше, чем у пехотного огнестрельного оружия. Карабин может иметь либо гладкий, либо нарезной канал ствола; в первом случае действительность его огня значительно ниже, чем у обычного ружья; во втором случае карабин превосходит это последнее по точности стрельбы на средних дистанциях. В английской армии кавалерия вооружена гладкоствольными карабинами; в русской кавалерии вся легкая конница вооружена нарезными карабинами, в то время как среди кирасиров одна четвертая часть имеет нарезные карабины, а остальные три четверти — гладкоствольные. В некоторых армиях (особенно во французской и английской) карабины употребляются также и в артиллерии; в Англии они изготовляются по принципу новой винтовки Энфилд[250], В свое время огонь из карабинов был основным видом кавалерийского боя, но сейчас ими пользуются главным образом при несении службы охранения и в кавалерийских перестрелках. Во французских военных трудах термин «carabine» всегда означает пехотное нарезное ружье, в то время как для обозначения кавалерийского карабина принят термин «mousqueton»[*].

Написано Ф. Энгельсом около 21 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — мушкетон. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАРРОНАДА

Карронада — короткоствольное чугунное орудие, впервые отлитое в Карроне (Шотландия) в 1779 г. для английского флота и примененное в первый раз в войне против Соединенных Штатов[251]. Карронады не имеют цапф, а прикрепляются к лафету с помощью хомута, находящегося под средней частью орудия. Канал ствола имеет камору, дуло расширено наподобие чаши. Орудия эти очень короткие и легкие: на 1 фунт веса сплошного ядра приходится 60 — 70 фунтов веса орудия, длина их равна 7 — 8 калибрам. Заряд, следовательно, не может не быть слабым и составляет от $^1/_{16}$ до $^1/_8$ веса ядра.

Когда карронады были впервые приняты на вооружение, они встретили большое одобрение моряков. Их небольшой вес и незначительный откат позволяли размещать большое количество карронад на борту небольших военных кораблей того времени. Дальность их стрельбы была относительно велика, что объяснялось: 1) малым зазором снаряда в канале ствола, 2) большим углом между осью канала и прицельной линией, вследствие толщины металла у казенной части и малой длины орудия; большой же вес выбрасываемого ими снаряда делал их, на близком расстоянии, весьма грозным оружием. Около 1800 г. они были приняты на вооружение во флоте США. Однако вскоре выяснилось, что этот тип орудия не может соперничать с более длинными и тяжелыми пушками, ведущими огонь с полным зарядом и под небольшим углом возвышения. Так, было установлено, что обычные длинноствольные пушки английской армии при стрельбе под углом возвышения в 2°, а бомбовые пушки — в 3° имеют ту же дальнобойность (а именно, около 1200 ярдов), что и карронады соответствующего калибра при стрельбе под углом возвышения в 5°. А поскольку с увеличением угла возвышения вероятность попадания уменьшается, ведение огня из карронад на расстояние свыше 1200 ярдов под углом

возвышения в 5° совершенно исключено, тогда как из длинноствольных орудий можно вести весьма эффективный огонь на дистанции до мили и даже до 2000 ярдов. Это было убедительно проиллюстрировано действиями двух враждебных эскадр на озерах Эри и Онтарио во время англо-американской войны 1812 — 1814 годов[252]. Американские суда были вооружены длинноствольными орудиями, а английские — главным образом карронадами. Американцы маневрировали с таким расчетом, чтобы находиться вне досягаемости огня английских карронад, а сами из своих длинноствольных орудий наносили серьезные повреждения корпусу и оснастке неприятельских судов. Эти недостатки карронад привели к тому, что сейчас они вышли из употребления. На суше англичане иногда устанавливают их на фланках бастионов и в казематах, откуда требуется обстреливать фланкирующим огнем лишь небольшой участок рва, и притом преимущественно картечью. Во французском военном флоте принята карронада с цапфами (carronade a tourillons); но это по существу является орудием большой мощности.

Написано Ф. Энгельсом около 21 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАРТЕЧЬ [253]

Картечь — case shot или canister shot — представляет собой ряд сферических пуль из кованого железа, уложенных в жестяную оболочку цилиндрической формы. Пули, предназначенные для полевых орудий, обычно укладываются слоями, но для большинства осадных и морских орудий они просто засыпаются к цилиндр до его наполнения, после чего припаивается крышка. Между дном цилиндра и зарядом вкладывается деревянный поддон. Вес пуль меняется в зависимости от типов орудий и установленных в различных армиях норм. Англичане применяют для своих тяжелых морских пушек пули весом от 8 унций до 3 фунтов; для 9-фунтовой полевой пушки — пули весом 1,5 и 5 унций; причем в последнем случае для одного выстрела требуется соответственно 126 и 41 пуля на цилиндр. Пруссаки вкладывают 41 пулю, причем вес каждой составляет $^1/_{32}$ веса соответствующего сферического ядра. У французов до 1854 г. была почти такая же система; об изменениях, которые, возможно, были в ней сделаны в связи с принятием на вооружение новой гаубичной пушки, мы пока ничего не можем сказать. Для осадной и гарнизонной артиллерии сферические пули иногда укладываются вокруг шпинделя, выступающего из деревянного поддона, либо в мешке в форме грозди винограда (отсюда название «grape shot»*), либо ровными слоями, отделенными друг от друга круглыми деревянными или металлическими пластинами, и все это покрывается брезентовым мешком.

Самый новый вид картечи — шарообразная картечь, обычно называемая по имени ее изобретателя английского генерала Шрапнела, шрапнельной бомбой. Такой снаряд состоит из тонкой чугунной оболочки (толщиной от $^1/_3$ до $^3/_4$ дюйма) с диафрагмой, или перегородкой, посередине. Нижнее отделение

* — «grape» — «гроздь винограда»; «grape shot» — крупная картечь, обычно состоящая из девяти сферических пуль, вязанная картечь. *Ред.*

предназначается для разрывного заряда, а в верхнем отделении находятся свинцовые ружейные сферические пули. В снаряд вставлена снарядная трубка, наполненная тщательно изготовленным составом, в точности времени сгорания которого можно быть уверенным. Промежутки между сферическими пулями, чтобы они не смещались, заполняются специальным составом. При использовании в полевых условиях снарядную трубку подрезают до таких размеров, какие требует дистанция до противника, и вставляют в снаряд. В 50 — 70 ярдах от противника состав трубки догорает до конца и взрывает снаряд, разбрасывая пули в сторону противника точно таким же образом, как если бы по месту, где взорвался снаряд, был сделан выстрел обычной картечью. В армиях некоторых стран в настоящее время достигнута весьма большая точность действия снарядных трубок, и таким образом этот новый снаряд позволяет артиллеристам добиваться требуемых результатов от картечного огня на дистанциях, на которых раньше можно было применять лишь сферические ядра- Обычная картечь обладает наибольшей силой действия на расстоянии до 200 ярдов, но может применяться и на дистанциях до 500 ярдов; при применении с близких дистанций против наступающей в линейном строю пехоты или кавалерии ее действие бывает ужасающим; против стрелковых цепей она малоэффективна; против колонн чаще применяются сферические ядра. С другой стороны, шарообразная картечь дает наибольший эффект на расстоянии от 600 до 1400 ярдов, а при достаточном угле возвышения и длинных снарядных трубках может не без успеха применяться и на еще больших дистанциях.; Благодаря тому, что она взрывается вблизи от неприятеля, чем достигается большая кучность того града пуль, который она на него обрушивает, ее можно успешно применять против почти всех боевых порядков, кроме стрелковой цепи. Когда появилась шарообразная картечь, она была принята на вооружение почти всеми европейскими армиями после того, как в каждой из них был изобретен свой собственный воспламеняющий состав снарядной трубки, отсутствие которого и являлось единственным затруднением для применения этого вида картечи. Из великих европейских держав только Франции еще не удалось овладеть этой деталью. Однако дальнейшие эксперименты, либо же счастливый случай или подкуп, несомненно, сделают и эту державу обладателем данного секрета.

Написано Ф. Энгельсом около 21 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЖИГАТЕЛЬНЫЙ СНАРЯД

Зажигательный снаряд — артиллерийский снаряд, наполненный легко воспламеняющимся составом, при сгорании которого пламя выбрасывается через 3 или 4 отверстия и достигает такой силы, что его крайне трудно потушить. Этими снарядами ведут огонь из мортир, гаубиц и пушек таким же образом, как и обыкновенными бомбами, и горят они от 8 до 10 минут. Состав или растапливается на огне и вливается в горячем виде в снаряд, или же при помощи жидкой смазки из него делается плотная масса, которой затем набивается снаряд. Очки зажигательного снаряда затыкаются пробками или деревянными затычками, через которые внутрь снаряда проходит трубка, заполненная воспламеняющим составом. Прежде такие снаряды изготовлялись с перегородкой, или диафрагмой, внутри, как в современных шрапнельных бомбах; причем нижняя часть предназначалась для помещения разрывного заряда из пороха; но в настоящее время от этого сложного устройства отказались. В прежние времена в употреблении был также другой тип зажигательных снарядов, изготовлявшихся наподобие легких ядер из двух круглых, пересекавших друг друга под прямым углом железных обручей, на которых натягивался холст; таким образом образовывалось не совсем правильное сферическое тело, которое заполнялось составом, подобным употребляемому и ныне и содержавшим главным образом порох и смолу. Однако от этих зажигательных снарядов отказались, так как их весьма малый вес делал почти невозможным ведение ими огня на сколько-нибудь значительные дистанции и с относительной точностью. Существуют самые различные составы для наполнения

наших современных зажигательных снарядов, но все они образованы главным образом из селитры и серы, смешанных со смолистым или маслянистым веществом. Так, в прусской армии применяют 75 частей селитры, 25 частей серы, 7 частей размолотого пороха и 33 части канифоли. Англичане применяют 100 частей селитры, 40 частей серы, 30 частей смолы, 10 частей сурьмы, 10 частей свечного сала и 10 частей скипидара. Зажигательные снаряды применяются главным образом при бомбардировании и иногда против судов, хотя в последнем случае они почти совершенно вытеснены калеными ядрами, которые легче изготовляются, делают возможным более точный обстрел и имеют гораздо большее зажигательное действие.

Написано Ф. Энгельсом около 21 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПАТРОН

Патрон — бумажный, пергаментный или фланелевый футляр или мешочек, который содержит строго определенное количество пороха, используемого в качестве заряда в огнестрельном оружии; иногда к нему присоединена пуля или снаряд. Холостой патрон стрелкового оружия, в противоположность боевому, не содержит пули. Во всех видах патронов для стрелкового оружия в качестве пыжа употребляется бумага, забиваемая внутрь. Патрон для французской винтовки Минье и английской винтовки Энфилд с одного конца пропитывается маслом, чтобы облегчить забивание. Патрон прусского игольчатого ружья содержит также гремучий состав, воспламеняющийся под действием иглы. Патроны для артиллерийских орудий обычно изготовляются из фланели или легкой шерстяной ткани. В некоторых армиях, по крайней мере в полевой артиллерии, патроны, когда это возможно, соединяются со снарядами посредством деревянного поддона, а французы частично ввели эту систему даже и в своем военном флоте. В английской армии патрон все еще отделен от снаряда как в полевой, так и в морской и осадной артиллерии.

В королевском арсенале в Вулидже, в Англии, стал недавно применяться остроумный способ изготовления бумажных патронов без шва. В полых цилиндрических формах из металла, по размерам как раз вмещающихся в патрон, просверливают множество маленьких отверстий, и когда их погружают в жидкую бумажную массу, из которой изготовляется патронная бумага, и соединяют с колоколом воздушного насоса, из которого выкачан воздух, они сейчас же покрываются тонким слоем

бумажной массы. В высушенном виде этот слой представляет собой готовую бумажную трубку. При изготовлении патронов используется одновременно большое число форм; каждая форма заключена в шерстяной футляр, напоминающий палец перчатки, к которому и пристает бумажная масса; будучи снятым с формы вместе со слоем бумаги этот футляр образует подкладку, которой снабжены самые лучшие патроны.

Для охотничьих ружей применяется вид патронов из проволочной сетки, содержащих только дробь. Они заключены в бумажные наружные футляры. Заряд дроби для большей плотности смешивается с костяной мукой. При выстреле из такого ружья дробь летит, не рассеиваясь, гораздо дальше, чем при каком-либо другом заряде.

Написано Ф. Энгельсом около 21 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БЕРМА

Берма — в фортификации — горизонтальная земляная насыпь, оставленная между верхним внутренним краем рва и наружным скатом парапета какого-либо укрепления. Обычно она имеет около 3 футов в ширину. Ее основное назначение — укрепить парапет и предупредить осыпание земли, из которой он сооружен, в ров после ливня, оттепели и т. д. Иногда берма может служить также в качестве внешнего хода сообщения вокруг укреплений. Не следует, однако, упускать из вида, что берма служит очень удобным местом отдыха и сосредоточения для штурмовых и эскаладных отрядов, вследствие чего ее совершенно не применяют во многих системах долговременных укреплений, а в других ее защищают зубчатой стеной, образующей прикрытую линию огня для пехоты. В полевой фортификации или при строительстве осадных батарей со рвом впереди без бермы обычно обойтись нельзя, так как эскарп рва почти никогда не облицовывается, а без такого промежуточного пространства как эскарп, так и парапет быстро разрушились бы под влиянием перемены погоды.

Написано Ф. Энгельсом около 28 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БЛЕНХЕЙМ

Бленхейм, или *Блиндхейм,* — селение, расположенное примерно в 23 милях от Аугсбурга в Баварии; 13 августа 1704 г. здесь произошло крупное сражение между англичанами и австрийцами во главе с Мальборо и принцем Евгением, с одной стороны, и французами и баварцами во главе с маршалом Талларом, Марсеном и курфюрстом Баварским* — с другой. Ввиду того, что над австрийскими провинциями нависла угроза прямого вторжения противника через Германию, Мальборо выступил из Фландрии им на помощь. Союзники договорились проводить оборонительные действия в Италии, Нидерландах и на Нижнем Рейне, а все свои основные силы сосредоточить на Дунае. После штурма баварских укреплений на Шелленберге, Мальборо перешел Дунай и соединился с принцем Евгением, после чего оба сразу же выступили для нападения на противника. Они обнаружили его за ручьем Небель, причем перед его флангами находились селения Бленхейм и Китцинген, прочно занятые его войсками. Французы составляли правое крыло, а баварцы левое. Их войска занимали по фронту почти 5 миль и каждая из союзных армий расположила свою кавалерию на своих обоих флангах, так что часть центра находилась под защитой и французской, и баварской кавалерии. И все же, позиция была занята не так, как это предписывалось общепринятыми в то время тактическими правилами. Вся масса французской пехоты, 27 батальонов, была стиснута в Бленхейме, что для войск, имевших тогдашнюю организацию и обу-

* — Максимилианом II Эмануэлем. *Ред.*

ченных ведению боя исключительно в линейном строю и на открытой местности, означало оказаться в совершенно беспомощном положении. Однако, находясь в столь опасном положении, они были застигнуты врасплох атакой англо-австрийских войск, и Мальборо очень скоро извлек все выгоды, которые предоставляло ему это обстоятельство. После безуспешной атаки Бленхейма, он внезапно подтянул свои главные силы к своему центру и с их помощью прорвал центр противника. Принц Евгений выполнил нетрудную задачу по разгрому оказавшихся изолированными баварцев и предпринял общее преследование, а Мальборо, окончательно отрезав путь к отступлению 18000 блокированных в Бленхейме французов, заставил их сложить оружие. Среди них был и маршал Таллар. Общие потери франко-баварских войск составили 30000 человек убитыми, ранеными и пленными; победители потеряли около 11000 человек. Это сражение явилось решающим для всей кампании. Бавария попала под власть австрийцев, а престиж Людовика XIV был подорван.

Это сражение представляет исключительный интерес с точки зрения тактики. Оно особенно наглядно показывает огромное различие между тактикой того времени и современной тактикой. То самое обстоятельство, которое в настоящее время расценивалось бы как одно из крупнейших преимуществ оборонительной позиции, а именно, обладание двумя населенными пунктами перед флангами, для войск XVIII века явилось причиной поражения. В те времена пехота была совершенно непригодна для такого боя в рассыпном строю, носящего явно иррегулярный характер, который в наши дни делает населенный пункт с каменными домами, занятый хорошими войсками, почти неприступным. Во Франции, и вообще на континенте, это сражение называют сражением при Гохштедте, по названию небольшого соседнего городка, который уже приобрел известность в связи со сражением, имевшим там место 20 сентября предыдущего года[254].

Написано Ф. Энгельсом около 28 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

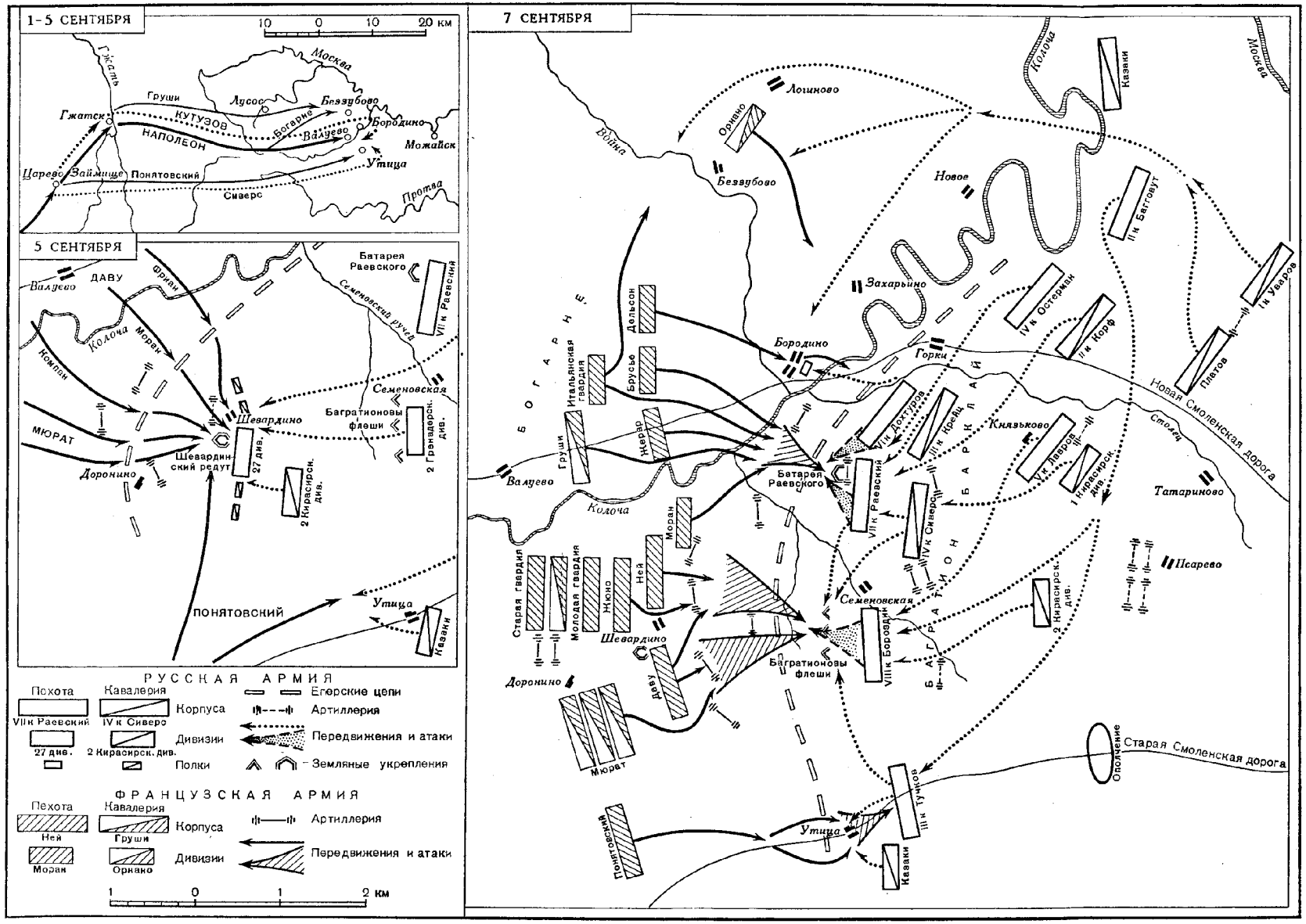
Ф. ЭНГЕЛЬС

БОРОДИНО [255]

Бородино — село в России, на левом берегу речки Колочи, в двух милях выше ее слияния с рекой Москвой. По имени этого села русские называют большое сражение, происшедшее в 1812 г. и решившее вопрос об овладении Москвой, французы называют его Московским или Можайским сражением, Поле сражения находится на правом берегу Колочи. Правое крыло русских было прикрыто этой речкой, от места ее впадения в реку Москву до Бородина; левое крыло было отодвинуто назад en potence* за ручеек и овраг, спускающийся от крайнего пункта левого фланга, близ Утицы, к Бородину. Позади этого оврага на двух холмах были сооружены неполные редуты, или люнеты; из них, ближайший к центру, назывался редутом Раевского, а три редута, находившиеся на холме влево, назывались люнетами Багратиона. Между этими двумя холмами другой овраг, называвшийся Семеновским по имени лежащей позади деревни, шел вниз от русского левого фланга к первому оврагу, соединяясь с ним приблизительно в 1000 ярдах от места, где последний достигает Колочи. Большая дорога на Москву проходит через Бородино; старая дорога проходила через Утицу на Можайск в тылу русской позиции. Эта линия, около 9000 ярдов протяженностью, удерживалась приблизительно 130000 русских, причем Бородино, занятое русскими, находилось перед их центром. Русским главнокомандующим был генерал Кутузов; его войска разделялись на две армии, из которых большая, под командованием Барклая-де-Толли, занимала правый фланг

* — в виде буквы Г. *Ред.*

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРОДИНО 5-7 СЕНТЯБРЯ 1812 г.



и центр, а меньшая, под командованием Багратиона, — левый фланг. Позиция была выбрана очень неудачно; атака против левого фланга, в случае успеха, приводила к полному обходу правого фланга и центра, и если при этом французам удалось бы достигнуть Можайска раньше отступления русского правого фланга, что было вполне осуществимо, то положение русских стало бы совершенно безнадежным, Однако после того как Кутузов уже отказался от превосходной позиции у Царева-Займища, избранной Барклаем, у него не оставалось иного выбора[256].

Французы, которыми командовал лично Наполеон, насчитывали около 125000 человек. 5 сентября по новому стилю (26 августа по старому стилю) 1812 г. французы, вытеснив русских из нескольких слабо укрепленных окопов на их левом фланге, приготовились начать 7 сентября сражение. План Наполеона был построен на ошибках Кутузова; ограничиваясь наблюдением за центром русских, он сосредоточил свои силы против их левого фланга с намерением прорвать его и проложить затем себе прямой путь на Можайск. Соответственно этому, принц Евгений получил приказ произвести ложную атаку на Бородино, после чего Ней и Даву должны были нанести удар по Багратиону и по носившим его имя люнетам, в то время как Понятовскому надлежало обойти крайний левый фланг русских у Утицы; в момент, когда сражение должно было по-настоящему завязаться, принцу Евгению предстояло перейти Колочу и атаковать люнет Раевского. Таким образом, действительный фронт атаки не превышал 5000 ярдов, что давало 26 человек на один ярд, то есть небывалую глубину боевого порядка, которой и объясняются страшные потери русских от артиллерийского огня. На рассвете Понятовский двинулся на Утицу и взял ее, но его противник Тучков снова выбил его оттуда; однако затем, когда Тучкову пришлось отправить одну дивизию на поддержку Багратиона, поляки снова взяли деревню. В 6 часов Даву атаковал непосредственно левый фланг укреплений Багратиона. Он двинулся вперед встреченный мощным огнем 12-фунтовых пушек, которым он мог противопоставить только 3- и 4-фунтовые, Спустя полчаса Ней атаковал непосредственно правый фланг этих люнетов. Они были взяты и затем снова отняты, после чего последовала ожесточенная борьба, но без решающего результата.

Однако Багратион зорко следил за крупными силами, направленными против него с их мощными резервами и французской гвардией на заднем плане. Насчет подлинного направления атаки не могло быть сомнений. Поэтому он собрал все

войска, какие только мог, вызвав дивизию из корпуса Раевского, другую дивизию из корпуса Тучкова, гвардию и гренадеров из армейского резерва и попросил Барклая прислать весь корпус Багговута. Эти подкрепления, численностью более 30000 человек, были высланы немедленно; из одного лишь армейского резерва Багратион получил семнадцать батальонов гвардии и гренадеров и две 12-фунтовые батареи. Но все эти войска могли поспеть на место и быть использованы не ранее 10 часов, а уже до этого времени Даву и Ней произвели вторую атаку укреплений и взяли их, оттеснив русских за Семеновский овраг. Тогда Багратион выслал вперед своих кирасиров; последовала ожесточенная беспорядочная борьба, во время которой русские, по мере подхода подкреплений, продвигались вперед, но затем снова были оттеснены за овраг, как только Даву ввел в бой свою резервную дивизию. Потери обеих сторон были огромны; почти все высшие офицеры были перебиты или ранены, и сам Багратион получил смертельную рану. Теперь, наконец, Кутузов принял некоторое участие в сражении, отправив Дохтурова принять командование левым флангом и послав своего начальника-штаба Толя для наблюдения на месте за мерами, принятыми для обороны. Вскоре после 10 часов в Семеновскую прибыли семнадцать батальонов гвардии и гренадеров и дивизия Васильчикова; корпус Багговута был разделен: одна дивизия была послана Раевскому, другая Тучкову, а кавалерия отправлена на правый фланг. Тем временем французы продолжали свои атаки; вестфальская дивизия продвигалась в лесу к выступу оврага, а генерал Фриан перешел его, но все же не смог удержаться на этой позиции. В это время (в 10 часов 30 минут) русские получили в подкрепление кирасиров Бороздина из армейского резерва и часть кавалерии Корфа, однако их ряды были слишком расстроены, чтобы они могли перейти в наступление, а в это время французы подготовляли большую кавалерийскую атаку. В центре русской позиции Евгений Богарне в 6 часов утра взял Бородино и перешел Колочу, тесня перед собой неприятеля; однако он вскоре вернулся и снова перешел реку, выше по течению, чтобы вместе с итальянской гвардией, дивизией Брусье (итальянцы), Жераром, Мораном и кавалерией Груши атаковать Раевского и редут, носивший его имя. Бородино оставалось в руках французов. Переправа войск Богарне вызвала задержку, и его атака не могла начаться раньше 10 часов. Редут Раевского занимала дивизия Паскевича, поддерживаемая на левом фланге Васильчиковым; корпус Дохтурова служил резервом. К 11 часам редут был взят французами, а дивизия Паскевича была совершенно рассеяна и отбро-

шена с поля сражения. Однако Васильчиков и Дохтуров взяли редут обратно; в это время подоспела дивизия принца Евгения Вюртембергского, и тогда Барклай приказал корпусу Остермана занять позицию в тылу в качестве свежего резерва. С этим корпусом была введена в дело последняя нетронутая еще часть русской пехоты; в резерве оставалось только шесть батальонов гвардии. К 12 часам Евгений Богарне приготовился уже вторично атаковать редут Раевского, но в этот момент на левом берегу Колочи появилась русская кавалерия[257]. Атака Богарне была приостановлена, против кавалерии высланы войска. Однако русские не смогли ни взять Бородино, ни пройти по болотистой долине реки Войны и должны были отступить через Zodock, с тем единственным результатом, что до некоторой степени расстроили план Наполеона.

Тем временем Ней и Даву, расположившись на холме Багратиона, продолжали вести через Семеновский овраг сильный огонь по массам русских. Внезапно в движение пришла французская кавалерия. Вправо от Семеновской Нансути весьма успешно атаковал русскую пехоту, пока кавалерия Сиверса не атаковала его во фланг и не оттеснила обратно. Левее 3000 всадников Латур-Мобура наступали двумя колоннами; первая, с двумя полками саксонских кирасиров впереди, дважды опрокидывала три русских гренадерских батальона, только что построившихся в каре, но и она тоже была атакована во фланг русской кавалерией; польский кирасирский полк довершил уничтожение русских гренадеров, но тоже был отброшен назад к оврагу, где вторая колонна, из двух полков вестфальских кирасиров и полка польских уланов, оттеснила русских. Когда почва была, таким образом, подготовлена, пехота Нея и Даву перешла овраг. Фриан занял Семеновскую, и остатки сражавшихся здесь русских — гренадеры, гвардия и линейные войска — были окончательно отброшены назад, а их поражение было довершено французской кавалерией. В беспорядке мелкими группами они бежали к Можайску, и их удалось собрать лишь поздно ночью; только три гвардейских полка сохранили некоторый порядок. Таким образом, французское правое крыло, разбив русское левое, уже в 12 часов заняло позицию непосредственно в тылу русского центра; тогда Даву и Ней стали умолять Наполеона поступить согласно его собственным тактическим принципам и довершить победу, бросив гвардию через Семеновскую в тыл русским. Однако Наполеон отказался, а Ней и Даву, чьи войска также находились в страшном расстройстве, не решились наступать без подкреплений.

На русской стороне, после того как Евгений Богарне прекратил атаки на редут Раевского, Евгений Вюртембергский был направлен к Семеновской, а Остерман тоже должен был повернуть фронт в этом направлении так, чтобы прикрыть тыл холма Раевского со стороны Семеновской. Когда начальник французской артиллерии Сорбье увидел эти свежие части, он приказал подвезти тридцать шесть 12-фунтовых пушек гвардейской артиллерии и сформировал батарею из 85 орудий перед Семеновской. В то время как эти орудия громили массы русских войск, Мюрат выдвинул вперед нетронутую еще кавалерию Монбрена и польских уланов. Они внезапно атаковали войска Остермана в момент их развертывания и поставили их в чрезвычайно опасное положение, но тут кавалерия Крейца отбросила французскую конницу. Русская пехота по-прежнему несла потери от артиллерийского огня, но ни одна из сторон не отваживалась двинуться вперед. Было около двух часов, когда Евгений Богарне, удостоверившись в том, что его левому флангу не угрожает уже вражеская кавалерия, снова атаковал редут Раевского. В то время как пехота атаковала его с фронта, кавалерия из Семеновской была направлена ему в тыл. После упорной борьбы редут остался в руках французов, и незадолго до трех часов русские отошли. Общая канонада с обеих сторон еще продолжалась, но активные боевые действия прекратились. Наполеон по-прежнему отказывался бросить в бой свою гвардию, и русские получили возможность отступить так, как они хотели. Русские ввели в дело все свои части, за исключением двух первых гвардейских полков., но даже и эти последние потеряли от артиллерийского огня 17 офицеров и 600 солдат. Общие потери русских составляли 52000 человек, не считая легко раненых и оторвавшихся от своих частей солдат, которые вскоре к ним присоединились; однако на следующий день после сражения их армия насчитывала только 52000 человек. У французов были введены в бой все войска, кроме гвардии (14000 пехоты и 5000 кавалерии и артиллерии), так что они разбили явно превосходящие силы. Кроме того их артиллерия была слабее, ибо она имела главным образом 3- и 4-фунтовые пушки, между тем как четвертая часть артиллерии русских состояла из 12-фунтовых, а их остальная артиллерия — из 6-фунтовых орудий. Французы потеряли 30000 человек; они захватили 40 пушек и всего только 1000 пленных. Если бы Наполеон ввел в сражение свою гвардию, то, по словам генерала Толя, русская армия была бы наверняка уничтожена. Однако он не рискнул своим последним резервом, ядром и опорой своей армии, и может быть поэтому упустил возможность заключения мира в Москве.

Приведенное выше описание сражения, в тех его подробностях, которые расходятся с общераспространенными, основывается главным образом на «Мемуарах генерала Толя»[258], упомянутого нами выше как начальника штаба Кутузова. Эта книга дает самый лучший с русской стороны отчет о сражении и благодаря точности своей оценки является незаменимым источником.

Написано Ф. Энгельсом около 28 января 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

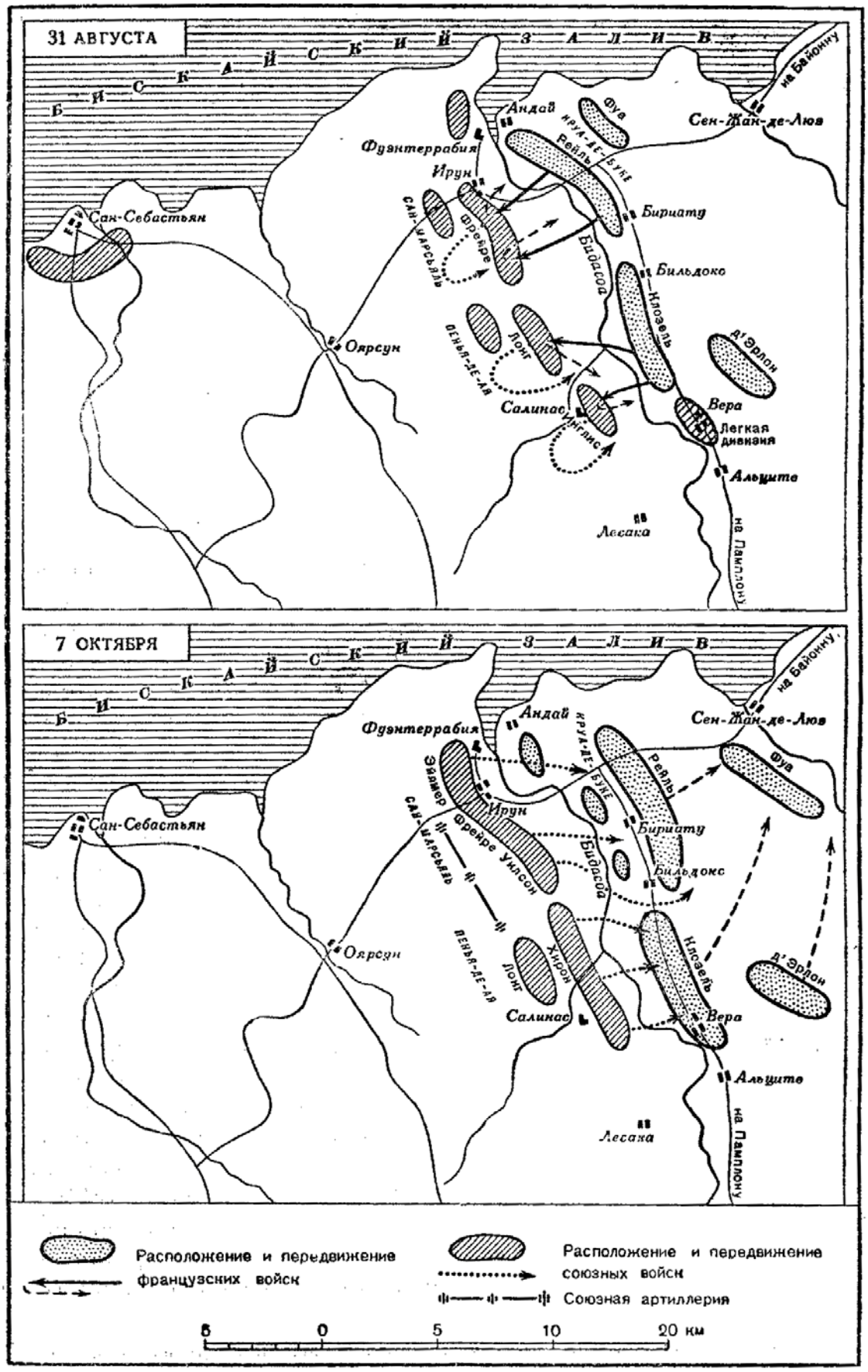
Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

БИДАСОА

Бидасоа — маленькая река в Баскских провинциях Испании; знаменита сражениями, которые произошли на ее берегах между французами под командованием Сульта и англичанами, испанцами и португальцами под командованием Веллингтона. После поражения при Витории в 1813 г.[259] Сульт собрал свои войска на позиции, правый фланг которой упирался в морской берег против Фуэнтеррабии, имея перед собой реку Бидасоа, а центр и левый фланг растянулись по нескольким гребням гор в направлении к Сен-Жан-де-Люз. С этой позиции он однажды попытался освободить от блокады гарнизон Памплоны, но был отбит. Сан-Себастьян, осажденный Веллингтоном, находился в весьма трудном положении, и Сульт решил принудить неприятеля снять осаду. От его позиции в районе нижнего течения Бидасоа было только 9 миль до Оярсуна, деревни, расположенной на дороге в Сан-Себастьян, и если бы он смог достигнуть этой деревни, осаду пришлось бы снять. Поэтому к концу августа 1813 г. Сульт сосредоточил на Бидасоа две колонны. Одна из них, на левом фланге, под командованием генерала Клозеля, насчитывая 20000 человек и 29 орудий, заняла позицию на гребне гор против Веры (пункт, за которым верхнее течение реки находилось в руках союзников), между тем как генерал Рейль с 18000 человек и резервом в 7000 человек, которым командовал Фуа, расположился ниже по течению, близ дороги из Байонны в Ирун. Французский укрепленный лагерь в тылу был занят д'Эрлоном с двумя дивизиями, имеющими задачу отражать любые обходные движения со стороны правого фланга союзников.

СРАЖЕНИЯ ПРИ БИДАСОА 31 АВГУСТА И 7 ОКТЯБРЯ 1813 Г.



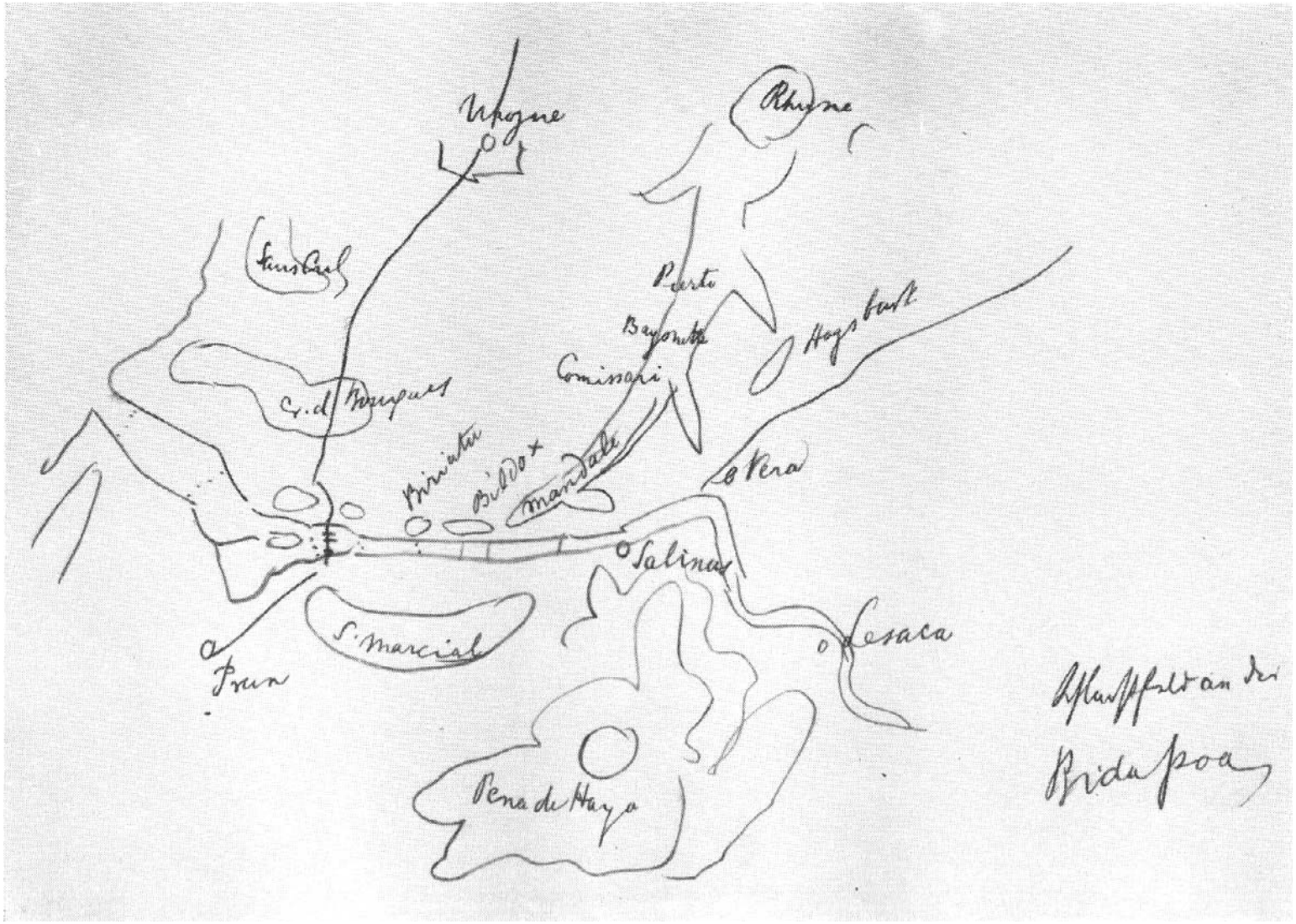
Веллингтон получил сведения о плане Сульта и принял все меры предосторожности. Крайний левый фланг его позиции, прикрытый спереди доступным морскому приливу устьем Бидасоа, был хорошо укреплен, хотя и занят лишь немногочисленными войсками; центр, образованный труднопроходимыми обрывистыми хребтами Сан-Марсьяля, был укреплен полевыми сооружениями и удерживался испанцами Фрейре, причем 1-я британская дивизия находилась в резерве и была расположена в тылу их левого фланга, близ ирунской дороги. Правое крыло составляли испанцы Лонга и 4-я англо-португальская дивизия, расположенные на скалистых склонах гор Пенья-де-Ая; бригада Инглиса 7-й дивизии связывала правое крыло с легкой дивизией, находившейся у Веры, и с отрядами, действующими отдельно еще правее, среди высот. Согласно плану Сульта, Рейль должен был взять Сан-Марсьяль (который он намеревался превратить в предмостное укрепление для дальнейших операций) и отбросить союзников к их правому флангу в ущелья Пенья-де-Ая, очищая таким образом большую дорогу для Фуа, который должен был наступать вдоль нее прямо на Оярсун, между тем как Клозель, оставив дивизию для наблюдения за Верой, должен был несколько ниже этого места перейти Бидасоа и отбросить все противостоящие ему войска в горы Пенья-де-Ая, поддерживая таким образом с фланга атаку Рейля.

Утром 31 августа войска Рейля несколькими колоннами перешли реку вброд, взяли стремительным натиском первый гребень Сан-Марсьяля и продвинулись к более высоким и командующим гребням этой группы высот. Но в этой труднопроходимой местности его войска, плохо руководимые, пришли в расстройство; стрелковые цепи и поддерживающие их отряды перемешались между собой и в некоторых местах сгрудились в беспорядочные группы, а в это время испанские колонны устремились с высот и оттеснили их назад к реке. Вторая атака была сначала более успешной и привела французов к самым испанским позициям; но здесь сила атаки французов иссякла, и новое наступление испанцев отбросило их назад в полном беспорядке в Бидасоа. Тем временем Сульт, узнав, что Клозель произвел удачную атаку и медленно продвигается в горах Пенья-де-Ая, тесня перед собой португальцев, англичан и испанцев, тут же стал формировать колонны из резервов Рейля и войск Фуа для третьей и окончательной атаки; в этот момент пришло известие, что д'Эрлон в своем лагере подвергся нападению крупными силами. После того, как сосредоточение французов на нижнем течении Бидасоа не оставило никакого сомнения относительно действительного направления их атаки, Веллингтон приказал всем

войскам своего крайнего правого фланга, сосредоточенным на возвышенностях, атаковать все противостоящие им части. Хотя эта атака и была отражена, все же она была очень серьезной и могла бы быть возобновлена. В то же время часть британской легкой дивизии была построена на левом берегу Бидасоа, таким образом, чтобы угрожать флангу наступающих войск Клозеля. Тогда Сульт отказался от намеченной атаки и отвел войска Рейля назад за Бидасоа. Войска Клозеля оторвались от противника лишь поздней ночью, после упорного боя за переправу по мосту у Веры, ибо броды на реке от сильных дождей в этот день стали непроходимы. Союзники штурмом взяли Сан-Себастьян, кроме цитадели, которая сдалась 9 сентября.

Второе сражение на Бидасоа произошло 7 октября, когда Веллингтон форсировал эту реку. Расположение войск Сульта оставалось почти без изменений; Фуа занимал укрепленный лагерь Сен-Жан-де-Люз, д'Эрлон занимал Урдакс и лагерь Эноа, Клозель находился на хребте, соединяющем Урдакс с нижним течением Бидасоа, а Рейль стоял вдоль течения этой реки от правого фланга Клозеля до моря. Вся линия фронта была укреплена, и французы были еще заняты усилением своих укреплений. Британский правый фланг находился против Фуа и д'Эрлона; центр, состоявший из испанцев Хирона и легкой дивизии, с испанцами Лонга и 4-й дивизией в резерве, общей численностью в 20000 человек, был расположен против Клозеля; а на нижнем течении Бидасоа испанцы Фрейре, 1-я и 5-я англо-португальские дивизии и отдельные бригады Эйлмера и Уилсона, всего 24000 человек, были готовы атаковать Рейля. Веллингтон принял все меры, чтобы обеспечить внезапность нападения. Его войска в ночь на 7 октября были построены в пунктах, полностью скрытых от наблюдения противника, а палатки лагеря оставались неразобранными. Кроме того, контрабандисты указали ему местонахождение трех бродов в доступном морскому приливу устье Бидасоа, проходимых при отливе и неизвестных французам, которые считали себя на этом участке в полной безопасности.

Утром 7 октября, когда французские резервы стояли лагерем далеко в тылу и из солдат одной дивизии, расположенной в первой линии, многие были выделены для работ на редутах, 5-я английская дивизия и бригада Эйлмера перешли устье реки вброд и направились к укрепленному лагерю, известному под названием «лагеря санкюлотов». Как только они переправились на другой берег, пушки с Сан-Марсьяля открыли огонь, и еще 5 колонн двинулись вперед, чтобы перейти вброд реку.



Набросок схемы, сделанный Ф. Энгельсом
во время работы над статьей «Бидосоа»[260]

Они выстроились на правом берегу раньше, чем французы смогли оказать какое-нибудь сопротивление; действительно внезапность нападения была полностью достигнута; французские батальоны, прибывавшие по одному и нерегулярно, терпели поражение, и вся линия вместе с ключом позиции, высотой Круа-де-Буке, была взята до прибытия каких-либо резервов. Лагерь Бириату и Бильдокс, соединявший Рейля с Клозелем, был обойден Фрейре, взявшим высоту Мандале, и оставлен французами. Войска Рейля отступали в беспорядке, пока у Уронье их не остановил Сульт, поспешно прибывший с резервами из Эспелета. Еще находясь здесь, он был уведомлен о том, что нападению подвергся Урдакс; но он ни одной минуты не сомневался относительно действительного направления атаки и двинулся в низовье Бидасоа, куда однако прибыл слишком поздно, чтобы спасти положение. Тем временем английский центр атаковал Клозеля и постепенно овладел его позицией в результате как фронтальных, так и фланговых атак. К вечеру в руках Клозеля оставалась только самая высокая точка хребта, высота Гранд-Рюн, которую он покинул на следующий день. Потери французов составили около 1400 человек, а союзников — около 1600 человек убитыми и ранеными. Внезапность удара была так хорошо обеспечена, что фактически французам пришлось оборонять свои позиции силами только 10000 человек, которые, подвергшись мощной атаке 33000 союзных войск, были выбиты из этих позиций, прежде чем какие-либо резервы могли подоспеть к ним на помощь.

Написано Ф. Энгельсом около 11 февраля 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

БУДА

Буда, или Офен, — город на западном берегу Дуная, бывшая столица Венгрии, в настоящее время столица Пештского округа. Население города и его семи пригородов, в том числе население Старого Офена, который был включен в черту города в 1850 г., составляет 45653 человека, не считая гарнизона и студентов. Город расположен в 135 милях по прямой линии от Вены, к юго-востоку от нее, и в 200 милях от Белграда, к северо-западу от него. Прежде город соединялся с Пештом, который расположен на противоположном берегу реки, понтонным мостом, а с 1849 г. подвесным мостом длиной в 1250 футов; с 1852 г. строится тоннель, чтобы соединить мост с крепостью. В окружности Буда имеет около девяти миль; город построен вокруг Шлосберга, одиноко стоящей скалы с отлогими склонами. Центральная и самая возвышенная часть, называемая крепостью, является наиболее правильно распланированной частью города, и в ней много красивых зданий и площадей. Эта крепость окружена стенами; от них тянется к реке несколько пригородов. Главными зданиями города являются королевский дворец — прямоугольное здание длиной в 564 фута, в котором имеется 203 комнаты; церковь вознесения богородицы и гарнизонная церковь, обе в готическом стиле; арсенал, парадный дворец и ратуша. В Буде 12 католических церквей, одна греко-православная церковь и одна синагога, несколько мужских и женских монастырей, театр и много крупных военных, учебных и благотворительных заведений. Имеется несколько издательств; издаются три газеты. Обсерватория, где помещается также и типография Пештского университета, построена на располо-

женной к югу от города возвышенности, которая поднимается на 516 футов над уровнем Средиземного моря; на оборудование обсерватории самыми лучшими приборами не пожалели средств. В разных частях предместий имеются горячие серные источники и развалины бань, построенных там римлянами и турками, некогда владевшими этой местностью. Вино составляет основной предмет торговли города (главным образом красные вина, сходные с бургундским); оно производится на виноградниках, расположенных на соседних холмах, в количестве, согласно подсчетам, 4500000 галлонов в год. Имеются также пушечно-литейные заводы и несколько фабрик, производящих шелк, бархат, хлопчатобумажные и шерстяные ткани и кожи. Здесь строятся суда Дунайской пароходной навигационной компании, что дает работу почти 600 человек. Буда является постоянной резиденцией губернатора Венгрии и представителей государственной власти.

Существовало предположение, что этот город находится на месте древнего Аквинкума, упоминаемого в «Путеводителе Антонина»[261]. Во времена венгерского королевства Буда была резиденцией королей, которые ее расширили и украсили; это в первую очередь относится к Матвею Великому. Она была взята турками при Сулеймане Великолепном в 1526 г., но в следующем году была отвоевана. В 1529 г. она снова попала в руки турок и оставалась у них вплоть до 1686 г., когда ее окончательно отвоевал Карл Лотарингский, а в 1784 г. опять стала резиденцией правительства. За всю историю Буды она подвергалась осаде не менее 20 раз. Последняя осада происходила в мае 1849 г., когда венгерская армия под командованием Гёргея оттеснила австрийские войска к западным границам королевства. Относительно дальнейших действий обсуждалось два плана: либо развить достигнутый успех энергичным преследованием противника на его собственной территории, рассеять его силы прежде чем прибудут русские, двигавшиеся тогда в Венгрию, и попытаться революционизировать Вену; либо остаться на оборонительных позициях перед Коморном и выделить крупные силы для осады Буды, где австрийцы при своем отступлении оставили гарнизон. Гёргей утверждает, что на этом последнем плане настаивали Кошут и Клапка; но Клапка заявляет, что он не знает, посылал ли Кошут подобный приказ, и отрицает, что сам когда-либо советовал предпринять такой шаг. Сравнивая мемуары Гёргея и Клапки[262], мы вынуждены, однако, признать, что до сих пор все еще остается в значительной степени неясным, на кого же следует возложить вину за поход на Буду, а также что доказательства, приводимые Клапкой,

ни в коей мере не являются неоспоримыми. Гёргей утверждает также, что его решение было, далее, вызвано полным отсутствием боевых припасов для полевых орудий и других запасов, а кроме того его собственным убеждением, что армия откажется перейти границы. Во всяком случае, все наступательные движения были приостановлены, и Гёргей с 30000 человек двинулся на Буду. В результате этого шага последний шанс на спасение Венгрии был потерян. Австрийцы получили возможность оправиться от поражения, реорганизовать свои силы, и шесть недель спустя, когда русские появились на границах Венгрии, они уже снова наступали с армией в 127000 человек, имея вдобавок два резервных корпуса, которые еще формировались. Таким образом, осада Буды является поворотным пунктом в венгерской войне 1848 — 1849 гг., и если вообще когда-либо между Гёргеем и австрийцами действительно поддерживались изменнические отношения, то они, должно быть, имели место примерно в это время.

Крепость Буды представляла собой лишь жалкие остатки той старинной цитадели турок, за стенами которой они так часто отражали все атаки венгерских и императорских армий. Рвы и гласисы оказались сравнены с землей; сохранились только главные крепостные валы — сооружения значительной высоты, выложенные камнем. В основных очертаниях крепость представляла собой продолговатый четырехугольник, стороны которого были более или менее неправильно изломаны, что давало возможность вести достаточно эффективный фланкирующий огонь. Недавно устроенная траншея шла вниз от восточного фронта к Дунаю и прикрывала водопроводные сооружения, снабжающие крепость водой. Гарнизон состоял из четырех батальонов, примерно роты саперов и необходимого числа артиллеристов; командовал ими генерал-майор Хенци, храбрый и решительный офицер. На крепостных валах было установлено семьдесят пять орудий. 4 мая, после того, как крепость была обложена и в течение непродолжительного времени обстреляна из тяжелых полевых орудий, Гёргей предложил гарнизону сдаться. Когда предложение было отклонено, он приказал Кмети атаковать водопроводные сооружения; под прикрытием огня всех имевшихся в наличии орудий колонна Кмети продвинулась вперед, но артиллерия, расположенная в траншее, обстреливая двигавшуюся колонну продольным огнем, быстро отбросила ее обратно. Этим было доказано, что взять крепость штурмом без предварительных осадных работ никогда не удастся и что необходима артиллерийская атака для того, чтобы сначала пробить проходимую брешь. Но в распоряжении Гёргея не было

более крупных орудий, чем 12-фунтовые, и даже для них не хватало боевых припасов. Однако спустя некоторое время из Коморна были доставлены четыре 24-фунтовые пушки и одна 18-фунтовая, а затем 6 мортир. В 500 ярдах от северо-западного угла крепостного вала на высоте была установлена брешь-батарея, которая 15 мая начала обстрел. Накануне Хенци бомбардировал город Пешт без всякого к тому повода и без шансов что-либо выиграть от этого. 16-го брешь была пробита, но она была едва проходимой; однако Гёргей назначил штурм на следующую ночь: одна колонна должна была атаковать брешь, две других штурмовать стены, а четвертой, под командованием Кмети, предстояло захватить водопровод. Штурм нигде не имел успеха. Была возобновлена артиллерийская атака. В то время как брешь-батарея завершала свое дело, палисады вокруг водопроводных сооружений были разрушены 12-фунтовыми орудиями и внутренняя часть крепости подвергнута бомбардировке. Каждую ночь совершались ложные атаки, чтобы беспокоить гарнизон. Поздно вечером 20-го был подготовлен новый штурм. Были оставлены прежние четыре колонны, имевшие те же объекты для атаки, и 21-го до рассвета они двинулись на крепость. После отчаянной схватки, во время которой сам Хенци руководил обороной бреши и был смертельно ранен, брешь была взята 47-м батальоном гонведа[263]; за ним двинулся 34-й батальон, в то время как Кмети штурмовал водопровод, а отряды 3-го армейского корпуса под командованием Кнециха штурмовали стены близ Венских ворот. Завязался жестокий бой внутри крепости, но вскоре гарнизон сдался. Из 3500 человек около 1000 было убито, остальные взяты в плен. Во время осады венгры потеряли 600 человек.

Написано Ф. Энгельсом около 11 февраля 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДМОСТНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ

Предмостное укрепление, или tete-de-pont, — в фортификации — долговременное или полевое укрепление, возводимое у дальнего конца моста с целью его защиты и обеспечения удерживающим его силам возможности маневрировать на обоих берегах реки. Наличие предмостных укреплений абсолютно необходимо для крупных современных крепостей, расположенных на больших реках или у слияния двух рек. В таких случаях предмостным укреплением обычно служит хорошо укрепленное предместье на противоположном берегу. Так, Кастель является предмостным укреплением для Майнца, Эренбрейтштейн — для Кобленца и Дёйц — для Кёльна. Во время революционных войн французы, завладев Келем, немедленно обратили его в предмостное укрепление для Страсбурга. В Англии Госпорт можно считать предмостным укреплением Портсмута, хотя там и не имеется моста и хотя он выполняет также другие, весьма важные функции. Как и в этом последнем случае, укрепление на противоположном берегу реки или узкого морского пролива часто называется предмостным даже при отсутствии моста, поскольку такое укрепление, давая возможность высадить под своей защитой десант и подготовиться к наступательным операциям, выполняет те же функции и со стратегической точки зрения подходит под то же обозначение. Когда говорят о позициях армии, расположенной за какой-нибудь большой рекой, то все пункты, занимаемые ею на противоположном берегу, называют ее предмостными укреплениями, независимо от того, представляют ли они собой крепости, укрепленные деревни или обычные полевые укрепления, поскольку все они обеспечивают войскам

безопасность переправы на противоположный берег. Так, например, в 1813 г., когда отступление Наполеона из России окончилось за Эльбой, Гамбург, Магдебург, Виттенберг и Торгау стали служить ему предмостными укреплениями на правом берегу этой реки. В полевой фортификации предмостные укрепления обычно представляют собой весьма простые сооружения и состоят из bonnet-a-pretre* или иногда из горнверка или кронверка, открытого в сторону реки и с редутом перед самым мостом. Иногда во вполне удовлетворительное предмостное укрепление можно превратить небольшую деревню, группу сельскохозяйственных строений или другие расположенные у моста здания, должным образом подготовив их к обороне, ибо при современной тактике легкой пехоты такие объекты, если они вообще пригодны для обороны, могут быть приспособлены к оказанию не меньшего, если не большего, сопротивления, чем любое полевое укрепление, сооруженное по всем правилам военного искусства.

Написано Ф. Энгельсом около 11 февраля 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* См. настоящий том, стр. 133. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАТАПУЛЬТА

Катапульта (от греческого χατα — «против» и παλλω — «метать») — древняя военная машина для метания камней, дротиков и других метательных снарядов; изобретена в Сиракузах в царствование Дионисия Старшего. Она действовала по принципу лука и состояла из деревянного остова, часть которого обладала гибкостью и упругостью и снабжалась натянутыми канатами из волоса или жил. Катапульты были различных размеров, смотря по тому, предназначались ли они для полевой службы или для обстрела крепостей. Самая большая из них выбрасывала брус длиной в 6 футов и весом в 60 фунтов на расстояние в 400 шагов, а Иосиф Флавий приводит примеры, когда катапульты метали большие камни на расстояние $^1/_4$ мили. Римляне во время осады Иерусалима использовали 300 таких катапульт[264]. Со времен Юлия Цезаря латинские авторы не делают различия между катапультой и баллистой, которая первоначально употреблялась только для метания каменных глыб.

Написано Ф. Энгельсом около 18 февраля 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЛАГЕРЬ

Лагерь — место расположения войск на отдых, на одну ночь или более продолжительное время, в палатках, бивуаком или под любым укрытием, которое можно быстро соорудить. Войска считаются расквартированными, когда они распределены по деревням, либо — в конце кампании — размещены в бараках. Постоянной военной квартирой являются казармы. Наполеон считал палатки бесполезными, предпочитая, чтобы солдаты располагались бивуаком и спали ногами к костру, защищенные от ветра легкими навесами и заграждениями из ветвей. Майор американской армии Сибли изобрел палатку, которая вмещает 20 солдат-кавалеристов с их снаряжением; солдаты в ней спят ногами к костру, находящемуся в центре палатки. Бивуачные палатки применяются во французской армии с 1837 года. Они делаются из прорезиненной и ставшей благодаря этому непромокаемой хлопчатобумажной ткани. Каждый солдат носит с собой часть такой палаточной ткани; отдельные части палатки быстро скрепляются с помощью застежек. При выборе места для лагеря существенное значение имеет наличие на подходящем расстоянии хорошей питьевой воды, а также близость леса для обеспечения топливом и материалами для укрытий. Хорошие дороги, каналы или судоходные реки имеют важное значение для снабжения войск предметами первой необходимости, если они располагаются лагерем на продолжительное время. Следует избегать соседства болот или стоячей воды. Местность, чтобы быть удобной для обороны, должна предоставлять войскам возможность маневрирования. Кавалерии и пехоте следует по возможности размещаться на одной

линии — первой на флангах, последней в центре. Укрытия или бараки, насколько это позволяет характер местности, должны устраиваться улицами, перпендикулярными фронту и тянущимися от одного конца лагеря до другого. Однако для устройства лагеря не может быть предписано какое-либо универсальное правило: командир должен сообразно обстоятельствам решать, расположить ли свою армию в одну или две линии, а также какое взаимное размещение установить для пехоты, кавалерии и артиллерии. Охрана лагеря осуществляется: 1) лагерным караулом, задача которого — поддерживать образцовый порядок и дисциплину, предупреждать дезертирство и поднимать лагерь по тревоге; 2) подразделениями пехоты и кавалерии, называемыми пикетами, размещенными перед лагерем и на его флангах; эти пикеты преграждают путь разведывательным отрядам противника и вовремя дают знать о его приближении; 3) сторожевыми заставами, или боевым охранением, — крупными отрядами войск, расположенными в окрестных деревнях, на фермах или в небольших полевых укреплениях, откуда они могут следить за передвижением противника. Они не должны быть настолько удалены от лагеря, чтобы в случае атаки им нельзя было оказать поддержку. Сразу же по прибытии на место расположения лагеря выделяется необходимое число солдат в караулы и пикеты, определяются посты, которые они должны занять, указываются места для распределения продовольствия и вообще отдаются все распоряжения относительно внешней и внутренней охраны лагеря и поддержания в нем порядка и чистоты.

Одним из самых древних лагерей, упоминаемых в истории, является лагерь израильтян во время их исхода из Египта. Он представлял собой большой четырехугольник, разделенный на участки для различных племен; посередине находился лагерь левитов со скинией[265], а также главными воротами, или входом; вместе с прилегающим открытым местом он служил одновременно и форумом и рыночной площадью. Однако форму, размеры и укрепления обычных военных лагерей древних евреев, или их противников, установить почти невозможно.

Лагерь греков под Троей был расположен близко от берега моря, с целью защиты греческих кораблей, вытащенных на сушу; он был разделен на отдельные участки для различных племен и укреплен валами, обращенными к городу и к морю, а снаружи высокой земляной насыпью, усиленной деревянными башнями для отражения вылазок осажденных. Храбрейшие из вождей греков, такие как Ахиллес и Аякс, размещались в крайних пунктах лагеря. Лагерь лакедемонян был круглой формы

и не обходился без обычных мер предосторожности, имел часовых и конные дозоры.

Римский лагерь видоизменялся в зависимости от времени года, продолжительности срока размещения в нем войск и числа легионов, а также характера местности и других обстоятельств. Историк времен империи* упоминает лагери всевозможных форм: круглые, продолговатые и т. д., но обычно римский лагерь был квадратным. Место для него определяли авгуры, устанавливавшие его расположение в соответствии с четырьмя странами света, фронтом к восходящему солнцу; он вымерялся при помощи гномона[266]; квадрат со стороной в 700 футов считался достаточным для 20000 воинов. Лагерь делился на верхнюю и нижнюю части, отделенные друг от друга широким открытым пространством, его пересекали также две главные линии (decumana и cardo), идущие с востока на запад и с севера на юг, и ряд улиц. В лагере имелось четверо ворот, главными из них были декуманские и преторианские, через которые ни один рядовой воин не мог пройти без разрешения под страхом смертной казни; он был окружен валом, отделенным от внутренней границы лагеря пространством в 200 футов, рвом и земляной насыпью. Все эти укрепления сооружались самими же солдатами, которые действовали киркой и лопатой так же ловко, как мечом или копьем; они выравнивали землю и вокруг укреплений возводили — из кольев, которые носили с собой, — своего рода изгородь с неправильными зубцами. В середине верхней части лагеря размещался шатер полководца (преторий), образующий квадрат со стороной в 200 футов; вокруг него находились помещение для авгуров, квесторий, или помещение казначеев армии, форум, служивший рыночной площадью и местом собраний, палатки легатов, палатки трибунов, которые были расположены против соответствующих легионов, и палатки командиров иноземных вспомогательных войск. В нижней части помещались палатки командиров низшего ранга и легионеров: римских конных воинов, триариев, принципов, хастатов и т. д., а на флангах — отрядов иноземной конницы и пехоты, которых старательно держали отдельно. Палатки покрывались шкурами, в каждой помещалось 10 воинов и их декан; центурионы и знаменосцы находились во главе своих подразделений. В промежуточном пространстве между обеими частями лагеря, которое называлось principia, возвышался помост для полководца, с которого он вершил правосудие, а также произносил речи; там же находились алтарь, изображения богов и не менее

* — Иосиф Флавий. *Ред.*

священные боевые знамена. В исключительных случаях лагерь обносился каменной стеной, а иногда из камня делались даже помещения для солдат. Весь лагерь имел вид города; это был единственный созданный римлянами тип крепости. К числу наиболее устойчивых памятников римского завоевания Британии относится сохранение латинского слова castra (лагерь) в качестве названия или части названия многих городов, которые первоначально служили местом стоянки военных гарнизонов римлян, а именно — Донкастер, Лестер, Вустер, Честер, Винчестер* и др.

Лагери варварских народов древности часто окружались укреплением из повозок и телег, как, например, лагерь кимврон во время их последней битвы с римлянами (101 г. до н. э.) — тот самый лагерь, который после поражения кимвров с такой яростью защищали их жены[267].

Укрепленным лагерем является лагерь, окруженный оборонительными сооружениями, который служит также в качестве одного из фортификационных укреплений и вследствие этого предназначается для длительного использования.

Написано Ф. Энгельсом около 18 февраля 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* По-английски: Doncaster, Leicester, Worcester, Chester, Winchester. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КУХОРН

Кухорн, или *Кохорн,* Менно, ван, барон — голландский генерал и инженер; родился во Фрисландии в 1641 г., умер в Гааге 17 мая 1704 года. 16-ти лет был произведен в капитаны, отличился при осаде Маастрихта, а затем в сражениях при Сенефе, Касселе, Сен-Дени и Флёрюсе[268]. В перерывах между боевыми действиями он уделял много внимания фортификации, ставя перед собой задачу уравнять шансы осаждающих и осажденных, так как новая система его современника Вобана давала большие преимущества последним. Будучи еще сравнительно молодым человеком, он приобрел уже имя как инженер, а когда достиг средних лет, был признан лучшим офицером этого рода войск в голландской армии. Принц Оранский обещал ему чин полковника, но так как принц небрежно отнесся к исполнению своего обещания, Кухорн с негодованием подал в отставку, намереваясь предложить свои услуги Франции. Между тем его жена и восемь детей были, по приказу принца, задержаны в качестве заложников до его возвращения. Это заставило его быстро вернуться, после чего он получил обещанный чин, а затем последовали одно за другим производство его в генералы артиллерии, назначение главным инспектором фортификации, а потом губернатором Фландрии.

Вся жизнь Кухорна была посвящена развитию средств обороны Нидерландов. Во время осады Граве в 1674 г. он изобрел и впервые применил мортиры малого калибра, так называемые кухорны, для ведения огня гранатами, а в следующем году вызвал одобрение Вобана, удачно переправившись через

Маас и взяв бастион, который считали надежно прикрываемым рекой. После Нимвегенского мира (1678 г.)[269] он занялся дальнейшим укреплением ряда уже укрепленных городов; Нимвеген, Бреда, Мангейм, оборонительные сооружения которого были позднее срыты, и Берген-оп-Зом — являются свидетельством ценности его системы. Последнюю из этих крепостей он считал своим шедевром, и тем не менее она была взята маршалом де Ловендалем в 1747 г. после длительной осады. Во время кампаний 1688 — 1691 гг. он находился на действительной службе[270], Осада Намюра в 1692 г. дала ему возможность испытать свою систему против системы Вобана, поскольку эти два знаменитых инженера выступили здесь как непосредственные противники: Кухорн защищал укрепление, которое он построил для обороны цитадели, Вобан — стремился взять его. Кухорн упорно оборонялся, но, будучи опасно ранен, должен был сдаться своему сопернику, который великодушно признал его отвагу и искусство. Затем Кухорн участвовал в осаде Трарбаха, Лимбурга и Льежа, а в 1695 г. способствовал взятию обратно Намюра. В войне за Испанское наследство[271] он осаждал один за другим Венло, Стивенсуэрт, Рурмонд и Льеж, а в 1703 г. взял Бонн на Рейне после трехдневного обстрела тяжелой артиллерией, усиленного огнем гранатами из 500 кухорн. После этого он перешел в голландскую Фландрию, где одержал несколько побед над французами и руководил осадой Гюи. Это был последний акт его военной деятельности; вскоре после этого он умер от апоплексического удара, в тот момент, когда он ждал совещания с герцогом Мальборо по поводу плана новой кампании.

Важнейшее произведение Кухорна «Новый способ постройки крепостей» было издало в Леэвардене, ин-фолио, в 1685 г.[272] и переведено на несколько иностранных языков. Его схемы наиболее пригодны для голландских крепостей или для тех, которые, подобно голландским, расположены на местности, лишь на несколько футов возвышающейся над уровнем водной поверхности. Там, где это было возможно, он окружал свои укрепления двумя рвами; из них внешний был наполнен водой, внутренний же был сухим и обыкновенно имел ширину около 125 футов; он служил плацдармом для осажденных, а в некоторых случаях и для отрядов кавалерии. Теоретическим принципом его системы, как при нападении, так и в обороне, являлось превосходство комбинированного массированного огня над рассредоточенным огнем. Как военного специалиста Кухорна обвиняли в расточительной трате человеческих жизней; в этом отношении он невыгодно отличался от Вобана, который щадил людей, В личном

отношении он был прямой, честный, отважный человек и ненавидел лесть. Он отказывался от заманчивых предложений, которые ему делали некоторые иностранные правительства. Английский король Карл II возвел его в рыцарское достоинство. Кухорн похоронен в Вейке-ле близ Снека в Фрисландии, где в его честь был воздвигнут памятник.

Написано Ф. Энгельсом во второй половине января — феврале 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. V, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРЕШИА

Брешиа — провинция в Ломбардии, граничащая на севере с Бергамо и Тиролем, на западе с Вероной и Мантуей, на юге с Кремоной, на востоке с Лоди и Бергамо. Площадь — 1300 кв. миль; население — 350000. Плодородие почвы благоприятствует самым изысканным видам производства, и одной из главных отраслей хозяйства является шелководство, которое ежегодно дает 1000000 фунтов шелка; число шелкоткацких фабрик равняется 27, а число шелкопрядилен — 1046. Ежегодно настригается примерно 70000 фунтов высококачественной шерсти, и имеется не менее 45 шерстоткацких фабрик, 40 фабрик, производящих шерстяные и хлопчатобумажные изделия, 13 — по производству сукон, 27 предприятий, изготовляющих золотые, серебряные и бронзовые изделия, 12 предприятий по производству скобяных и фарфоровых изделий, 7 типографий, 137 заводов по выплавке стали и других металлов (сталь из Брешии пользуется мировой славой) и 77 заводов по производству огнестрельного и других видов оружия, благодаря превосходному качеству которого Брешию в прежние времена называли L'Armata*. Масло, сыр, пшеница, кукуруза, сено, лен, каштаны, растительное масло и вино являются дополнительными источниками благосостояния. Деловая жизнь провинции сосредоточена главным образом в ее столице того же названия.

Город Брешиа (древняя Бриксиа) имеет население в 40000 человек и расположен на реках Мелла и Гарца у подножия невысокой горы. Укрепленный замок на вершине горы в преж-

* — оружейницей, арсеналом. *Ред.*

ние времена назывался «соколом Ломбардии». Это хорошо построенный, приятный на вид и оживленный город, достопримечательностью которого является обилие фонтанов: на улицах и площадях их не менее 72, не считая около 100 фонтанов в частных домах. Старинный собор и другие церкви имеют богатую роспись, принадлежащую великим итальянским мастерам. Новый собор, или Duomo Nuovo, был заложен в 1604 г., но сооружение купола было закончено только в 1825 году. Главным украшением церкви Санта Афра является «Женщина, нарушившая супружескую верность» Тициана*. Всего имеется более 20 церквей, причем все они знамениты своими сокровищами искусства. Среди замечательных общественных зданий на площади Веккья находится палаццо делла Лоджиа, предназначавшееся для ратуши; прекрасный фасад этого здания сильно пострадал от бомбардировки в апреле 1849 года. Палаццо Тозио было подарено городу графом Тозио, и в нем имеется в числе многих прославленных картин знаменитый «Спаситель» Рафаэля. Картинные галереи в палаццо Аверольди, Фенароли, Лекки, Мартиненго и в других дворцах также выделяются своими художественными ценностями. На улице Корсо дель Театро фасады всех домов на втором этаже украшены библейской, мифологической и исторической живописью. В Квириниевской библиотеке, основанной в середине XVIII века кардиналом Квирини, хранится более 80000 томов, помимо обширной коллекции редких рукописей и старинных предметов. Наиболее уникальным памятником Брешии является кладбище (Campo Santo) — самое красивое в Италии; оно построено в 1810 г. и представляет собой спереди полукруглое пространство, окруженное могилами и кипарисами. Город Брешиа является центром провинциального управления и епархии, в нем находится торговая судебная палата и другие судебные учреждения. Там имеются различные благотворительные заведения, духовная семинария, две гимназии, лицей, ботанический сад, музей древностей и музей естественной истории, сельскохозяйственное общество, несколько высших учебных заведений, филармония — одна из старейших в Италии, — казино, прекрасный театр, а за городом обширное помещение под балаган для ежегодной ярмарки — времени бурного оживления и веселья. Еженедельная газета Брешии называется «Giornale della provincia Bresciana». В окрестностях Брешии в 1822 г. был раскопан древнеримский храм, сложенный из мрамора. Брешиа связана железной дорогой с Вероной и другими итальянскими городами.

* Более распространенное название: «Христос и грешница». *Ред.*

Существует предположение, что город Брешиа был основан этрусками. После падения Римской империи был разграблен готами и в конце концов перешел в руки франков. Оттон Великий дал ему привилегии вольного имперского города, однако борьба между гвельфами и гибеллинами[273] сделалась для города источником многих бедствий. Некоторое время он находился в подчинении у властителей Вероны, но в 1339 г. попал под власть миланцев. В 1426 г. он был взят Карманьолой, в 1438 г. осажден Пиччинино, в 1509 г. сдался французам, в 1512 г. был захвачен венецианским генералом Гритти, но в конечном счете освобожден Гастоном де Фуа. Испытав в течение XVI века еще 3 осады, он оставался во владении Венеции вплоть до падения этой республики[274]. В наполеоновские времена Брешиа была столицей департамента Мелла. В 1849 г., во время революции, жители Брешии подняли вооруженное восстание против власти Австрии, которой они были подчинены с 1814 года. 30 марта 1849 г. генерал Гайнау подверг город бомбардировке; продержавшись до полудня 2 апреля, город был вынужден сдаться и заплатить выкуп в 1200000 долларов, чтобы избежать полного уничтожения.

Написано Ф. Энгельсом около 24 февраля 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БИРМА

Бирма, или королевство Ава, — обширное государство на юго-востоке Азии, за рекой Ганг; в прошлом занимала гораздо большую территорию, чем теперь. Прежние границы Бирмы проходили между 9° и 27° сев. широты, и она имела более 1000 миль в длину и свыше 600 миль в ширину. В настоящее время территория Бирмы простирается между 19°25' и 28°15' сев. широты и между 93°2' и 100°40' вост. долготы и охватывает пространство, имеющее в длину, с севера на юг, 540 миль и в ширину 420 миль, общей площадью около 200000 кв. миль. На западе Бирма граничит с провинцией Аракан, которая в 1826 г. была передана англичанам по договору, заключенному ими с бирманцами, а также с маленькими государствами — Типпера, Манипур и Ассам; от них Бирма отделена высокими горными хребтами. На юге расположена недавно присоединенная Англией провинция Пегу[275], на севере — Верхний Ассам и Тибет, а на востоке — Китай. По данным капитана Генри Юла, население Бирмы не превышает 3000000.

С тех пор, как провинция Пегу перешла в руки англичан, Бирма не имеет ни равнин с наносной почвой, ни выхода к морю, так как южная граница Бирмы проходит, по меньшей мере, в 200 милях от устья реки Иравади, и от этой границы к северу местность постепенно становится все более возвышенной. Ровный подъем тянется приблизительно триста миль и сменяется затем обрывистой и гористой местностью. Эту территорию орошают три большие реки: Иравади, ее притоки Кьен-Двен и Салуэн. Реки эти берут начало в горной цепи севера, текут на юг и впадают в Индийский океан.

Хотя Бирму и ограбили, отняв у нее территорию, отличающуюся наибольшим плодородием, но и те земли, что у нее остались, никак нельзя назвать неплодородными. Леса изобилуют ценными породами деревьев, среди которых видное место занимает тиковое дерево, используемое для постройки судов. Почти все породы деревьев, произрастающих в Индии, имеются также и в Бирме. Здесь производится клейкий лак прекрасного качества, а также лак, употребляемый при изготовлении лакированных изделий. В столицу Бирмы Ава доставляется тиковое дерево высшего сорта из леса, до которого 15 дней пути. Земледелие и садоводство всюду в крайне отсталом состоянии, и если бы не плодородие почвы и не благодатный климат, страна была бы очень бедной. За фруктовыми деревьями пет никакого ухода, а искусство выращивания посевов находится на низком уровне. Из огородных растений больше всего выращивают лук и стручковый перец; кроме того, встречаются ямс, банат, а также в незначительном количестве дыни, огурцы и баклажаны. Молодые побеги бамбука, дикая спаржа, сочные корни различных водяных растений заменяют населению садовые плоды. Из фруктов здесь произрастают манго, ананасы, апельсины, кремовое яблоко, хлебоплодник (один из видов хлебного дерева), дынное дерево, инжир, пизанг (этот злейший враг цивилизации). Все эти фрукты растут почти или совсем без ухода. Главными полевыми культурами являются рис (который в некоторых местах используется также в качестве средства обращения), маис, просо, пшеница, различные бобовые растения, пальмовые растения, сахарный тростник, табак, коротковолокнистый хлопок и индиго. Сахарный тростник выращивается не всюду, и искусство изготовления из него сахара почти неизвестно, хотя население давно знакомо с этим растением. Из сока пальмирской пальмы получают дешевый неочищенный сахар. Имеются целые рощи этой пальмы, особенно к югу от столицы. Уход за индиго настолько плох, что оно совершенно не годится для экспорта. Типичными культурами являются рис на юге и маис и просо на севере. Повсеместно выращивают кунжут в качестве корма для скота. На склонах гор на севере в большом количестве выращивают настоящий китайский чайный куст, но, как ни странно, местные жители не заваривают его, как обычно поступают с китайским чаем, а едят его листья, приправленные растительным маслом и чесноком. Хлопок культивируется, главным образом, на сухой почве верхних провинций.

Густые леса Бирмы изобилуют дикими зверями, среди которых основными видами являются слон, однорогий носорог, тигр и леопард, вепрь и несколько разновидностей оленя. Из

птиц распространен дикий петух, имеется также несколько разновидностей фазана, куропатки и перепела. Домашние животные — вол, лошадь и буйвол. Слон также используется как тягловый скот. Верблюд неизвестен. В небольшом количестве имеются козы и овцы, но об их разведении заботятся мало. Ослы также мало используются. Собаки в Бирме совершенно не применяются в хозяйстве, но кошки весьма многочисленны. Лошадей используют исключительно для верховой езды; рост их редко превышает 132 сантиметра. Вьючным тягловым животным на севере является бык, на юге для этой цели используют буйвола.

Из полезных ископаемых имеется золото, обнаруживаемое на дне различных рек, куда оно заносится с песками, смываемыми с гор. В Бодвине на китайской границе разрабатываются серебряные рудники. Ежегодно добывается золота и серебра приблизительно на сумму в 1000000 долларов. Восточная часть Лаоса изобилует залежами железа, но обработка руды производится таким примитивным способом, что при этом теряется 30 — 40% металла. Нефтяные скважины на берегах реки Иравади дают ежегодно до 8000000 фунтов нефти. Известно, что в Лаосе имеются медь, олово, свинец и сурьма, но вряд ли какой-либо из этих металлов добывается в значительном количестве, так как население незнакомо с методами разработки руд. Горы, окружающие город Ава, дают высококачественный известняк; у берегов Иравади, в 40 милях от столицы, находится прекрасный мрамор, пригодный для скульптурных работ; в стране так много янтаря, что в Аве он продается по низкой цене — 1 доллар за фунт; по всей стране разбросаны залежи селитры, соды, соли, угля, хотя последний используется мало. Нефть, которую в Бирме добывают в больших количествах, потребляют все слои населения как горючий материал для ламп, а также как средство от насекомых. Ее черпают бадьями из узких скважин глубиной от 210 до 300 футов. При этом на дне скважины она бурлит наподобие бьющего ключом родника. В различных частях страны добывают скипидар, который в большом количестве экспортируется в Китай. На дне небольших рек в двух районах страны находят восточные сапфиры, рубины, топазы и аметисты, а также различные виды хризоберилла и шпинеля. Все драгоценные камни стоимостью более 50 долларов объявляются собственностью короны и отправляются в казначейство. Ни одному иностранцу не разрешено заниматься добыванием драгоценных камней.

Из сказанного видно, что жители Бирмы достигли небольшого прогресса в развитии полезных промыслов. Весь процесс

производства хлопчатобумажных тканей выполняют женщины. Они пользуются при этом примитивным ткацким станком, проявляя сравнительно невысокое мастерство или сноровку. Фарфор ввозится из Китая; предметом ввоза служат и британские хлопчатобумажные изделия, причем даже на внутреннем рынке они продаются дешевле, чем местная продукция. Хотя бирманцы умеют выплавлять железо, все же сталь привозят в Бирму из Бенгалии; шелковые ткани производят в нескольких районах страны, но из китайского шелка-сырца. В то время как в Бирму импортируется большое количество различных товаров, экспорт сравнительно незначителен. Так в Китай, с которым Бирма ведет наиболее обширную торговлю, экспортируются хлопок-сырец, перья для украшения, главным образом перья синей сойки, съедобные гнезда ласточек, слоновая кость, оленьи рога, рог носорога и некоторые менее редкие виды драгоценных камней. Взамен этого Бирма ввозит обработанную медь, желтый арсеник, ртуть, киноварь, металлическую посуду, медную проволоку, олово, свинец, квасцы, серебро, золото, в том числе листовое, гончарные изделия, краски, ковры, ревень, чай, мед, шелк-сырец, бархат, китайскую водку, мускус, ярь-медянку, сушеные фрукты, бумагу, веера, зонтики, обувь и одежду. В разных частях страны изготовляются очень примитивные украшения из золота и серебра. В Аве производятся оружие, ножницы и столярные инструменты; в 40 милях от Авы, где находится холм из чистого белого мрамора, в большом количестве изготовляются скульптуры идолов. Денежное обращение в жалком состоянии. Средством обращения служат свинец, серебро и золото, все в нечеканном виде. Значительная часть торговых сделок осуществляется путем прямого товарообмена вследствие трудностей, связанных с производством мелких платежей. Драгоценные металлы приходится взвешивать и апробировать каждый раз, когда они переходят из рук в руки, за что банкиры взимают около $3^1/_2$%. Процентная ставка колеблется между 25 и 60 процентами в год. Предметом наиболее широкого потребления является нефть; ее можно обмерять на селитру, известь, бумагу, лаковые товары, хлопчатобумажные и шелковые ткани, железные и медные изделия, сахар, тамаринд и т. п. Ювет-ни (стандарт, установленный для серебряных денег страны) представляет собой, как правило, лигатуру из серебра и 10% — 15% меди. Сплав, в котором меньше 85 % серебра, не попадает в обращение, так как для денег, идущих на уплату налогов, требуется именно эта степень чистоты металла.

Источником доходов империи является по домовый налог, которым облагаются деревни, причем деревенские власти

устанавливают долю, приходящуюся на каждого, сообразуясь с его платежеспособностью. Размеры налога весьма различны: от 6 тикал на каждого домовладельца в Проме до 27 тикал в Тонго. От этого налога освобождены военнообязанные, крестьяне королевских поместий и ремесленники, занятые на общественных работах. Размер налога на землю зависит от урожая. С табака налог уплачивается деньгами, с остальных культур взимается пятипроцентный налог натурой. С крестьян, работающих на королевских землях, взыскивают более половины их урожая. Разрешение на рыбную ловлю в озерах и реках выдается либо за определенную плату, либо за соответствующую долю сушеной рыбы из улова. Все эти доходы собираются королевскими чиновниками, которые содержатся за их счет; каждый из них, соответственно занимаемому им положению, получает больший или меньший округ в свое ведение и живет на поступающие с него доходы. Королевские доходы извлекаются от продажи монополий, среди которых главной является монополия на хлопок. При такой системе монополий население обязано поставлять определенные товары по определенным низким ценам королевским чиновникам, которые продают их с огромной прибылью. Так, например, производители поставляют свинец по цене в 5 тикал за вис, или 3,6 фунта, а его величество продает его по цене в 20 тикал. По имеющимся сведениям, королевские доходы достигают в год приблизительно 1820000 тикал, или 227500 ф. ст., но к этому надо прибавить еще сумму в 44250 ф. ст., которую составляют поступления от различных пошлин, собираемых в отдельных районах. Эти средства идут на содержание королевского двора. Бирманская налоговая система, при всем ее деспотическом характере, исключительно проста в деталях; другим примером простоты организации государственного управления является способ, с помощью которого армия сама себя содержит, или, по крайней мере, содержится за счет населения. Способы набора в армию различны: в некоторых местах придерживаются системы вербовки добровольцев, в других же каждые 16 семей обязаны выставить двух вооруженных и экипированных солдат. Кроме того, они же обязаны ежемесячно снабжать этих рекрутов 56 фунтами риса и выдавать им 5 рупий. В провинции Падунг каждый солдат содержится двумя семьями, которые получают 5 акров свободной от налогового обложения земли и должны отдавать этому воину половину урожая и 25 рупий в год, а кроме того снабжать его дровами и другими второстепенными предметами потребления. Каждый командир, под начальством которого находится 50 человек, получает 10 тикал (тикал равен

$1^1/_4$ доллара или $2^1/_2$ рупий) от шести семей и половину урожая от 7-й семьи. Бо, или сотник, живет за счет труда 52 семейств, а боджин, или полковник, получает жалованье от своих же офицеров и солдат. Бирманский солдат при благоприятных условиях хорошо сражается; но главное преимущество бирманской армии состоит в том, что у нее нет обоза; солдат на одном конце ружья несет свою постель (гамак), на другом — походный котелок и другие предметы, а свою провизию (рис) хранит в мешке, обернутом вокруг пояса.

По своим физическим данным бирманцы, по-видимому, относятся к той же расе, которая населяет страны, расположенные между Индостаном и Китаем, принадлежа более к монгольскому, чем к индийскому типу. Они низкорослы, крепкого и статного телосложения, упитанны, но подвижны. У них широкие скулы, раскосые глаза, смуглый, но не очень темный цвет лица, жесткие, гладкие черные волосы, очень густые бороды, длиннее чем у их соседей — жителей Сиама. Майор Аллен в своем докладе ост-индскому правительству отдает должное их искренности, развитому чувству юмора, довольно большой находчивости и изобретательности, сильной привязанности к своему очагу и семье при умеренном патриотизме, сравнительной непредубежденности против иностранцев и готовности обучаться новым ремеслам, если только это не связано с слишком большим умственным напряжением. Они опытные торговцы и в значительной мере наделены своего рода предприимчивостью; воздержаны, но не отличаются выносливостью; у них больше ловкости, чем мужества. Хотя они по природе не кровожадны, они равнодушно сносили жестокости многих своих королей; не будучи лжецами и плутами, они все же отличаются большой хвастливостью и непостоянством.

По своему вероисповеданию бирманцы буддисты, причем они сохранили свои религиозные обряды в более нетронутом влиянием других религий виде, чем где бы то ни было в Индии и Китае. Приверженцы буддизма в Бирме до некоторой степени избегают поклоняться изображениям божества, как это практикуется в Китае, и бирманские монахи более строго, чем обычно, соблюдают верность обету нищеты и безбрачия. В конце прошлого века от государственной церкви Бирмы отделились две секты, или ответвления от древней религии. Первая из них придерживалась вероучения в некотором отношении сходного с пантеизмом, веруя в то, что божественное начало рассеяно по всему миру и живет в своих творениях, но что наивысшая ступень его развития воплощена в самих буддистах. Представители второй секты полностью отвергают учение о метемпси-

хозисе*, а также поклонение изображениям и монастырскую систему, принятую буддистами; они рассматривают смерть как врата, ведущие в царство вечного блаженства или вечных страдании, в зависимости от поведения покойного, и почитают единый высший и всетворящий дух (Нат). Теперешний король**, ревностный поборник своей религии, уже сжег публично на костре 14 таких еретиков, обе секты которых объявлены вне закона. И все же, согласно утверждению капитана Юла, эти секты очень многочисленны, но отправляют свои богослужения тайно.

Ранняя история Бирмы мало изучена. Империя достигла вершины своего могущества в XI веке, когда ее столицей была Пегу. К началу XVI столетия государство распалось на ряд мелких и независимых княжеств, воевавших друг с другом. В 1554 г., когда король Чен-байу-Майяйен занял Аву, он подчинил себе всю долину Иравади и даже покорил Сиам. После ряда перемен основатель нынешней династии Аломпра (умерший в 1760 г.) снова довел империю почти до ее прежних размеров и былого могущества. Затем англичане отняли у Бирмы ее наиболее плодородные и богатые области.

По форме правления Бирма является чистой деспотией, в которой от верховной воли короля, носящего наряду с другими титулами титул владыки жизни и смерти, целиком зависит заточение в тюрьму, наложение штрафов, применение пыток или предание смерти. Конкретные вопросы управления находятся в ведении хлуот-дау, то есть государственного совета, во главе которого стоит заранее назначаемый законный наследник престола, а при отсутствии такового, какой-либо из принцев королевской крови. Обычно в состав совета входят четыре министра, по за ними не закреплены определенные ведомства, и деятельность их определяется случайными моментами. Они же образуют высший апелляционный суд, в который поступают прошения для вынесения окончательного решения. При этом каждый из них имеет полномочия выносить судебные решения до делам, которые не представлены на коллективное разбирательство совета. Так как они удерживают 10% имущества, из-за которого ведется тяжба, на покрытие судебных издержек, то из этого источника они извлекают весьма солидные доходы. По этой и другим сторонам государственного управления Бирмы нетрудно убедиться, что правосудие редко защищает интересы народа. Каждый чиновник — это в то же время грабитель; судьи продажны, полиция бессильна, в стране множество

* — переселении душ умерших в тела других людей или животных. *Ред.*
** — Мендон. *Ред.*

воров и разбойников, безопасность жизни и сохранность имущества не обеспечены, и нет никакого стимула к прогрессу. Вблизи столицы власть короля внушает страх и повиновение. Но по мере удаления от центра она ослабевает, так что в более отдаленных провинциях подданные обращают мало внимания на повеления владыки белого слона; там избирают своих собственных правителей — и избрание это утверждается королем, — а правительству платят лишь небольшую подать. Провинции же, граничащие с Китаем, вообще представляют собой любопытное зрелище: народ там преспокойно живет под властью двух правительств — китайского и бирманского, которые на равных правах участвуют в утверждении правителей этих местностей, но обычно благоразумно останавливают свой выбор на одном и том же кандидате. Несмотря на то, что Бирму посещали различные английские посольства, а миссионерская деятельность проводится там более успешно, чем где-либо в других местах Азии, внутренняя часть Бирмы до сих пор представляет собой подлинную terra incognita*, относительно которой современные географы и картографы позволяют себе высказывать некоторые нелепые предположения, располагая, однако, о ней весьма малым запасом конкретных знаний.

См. «Описание миссии, отправленной в 1855 г. генерал-губернатором Индии ко двору королевства Ава», составленное капитаном Генри Юлом. Лондон, 1858[276].

Написано Ф. Энгельсом между началом февраля и 8 марта 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV, 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — неизведанную землю. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОМАРСУНД

Бомарсунд — узкий пролив между Аландскими островами и островом Вардё у входа в Ботнический залив. Русские укрепления в гавани Бомарсунд были разрушены английским и французским флотами во время военных действий в 1854 году. В конце июля проливы, ведущие к Бомарсунду, были блокированы четырьмя английскими кораблями и несколькими небольшими пароходами. Вскоре после этого прибыли крупные соединения союзных флотов под командованием адмиралов Нейпира и Парсеваля-Дешена, а вслед за ними 7 августа — линейные корабли, на борту которых находились генерал Бараге д'Илье и 12000 солдат, главным образом французских. 16 августа генерал Бодиско, командовавший русскими силами, был вынужден сдаться. Оккупация острова союзниками продолжалась до конца месяца, пока не были взорваны все укрепления. Трофеи победителей составляли: 112 пушек с лафетами, 79 пушек без лафетов, 3 мортиры, 7 полевых орудий и 2235 пленных. С военной точки зрения эта осада представляет интерес главным образом в том отношении, что она окончательно сняла с порядка дня вопрос об использовании открытой каменной кладки в укреплениях с сухопутными фронтами.

Написано Ф. Энгельсом около 18 марта 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

БЕРЕСФОРД [277]

Бересфорд, Уильям Карр, виконт — английский генерал; родился в Ирландии 2 октября 1768 г., умер в Кенте 8 января 1854 года. Незаконнорожденный сын Джорджа Бересфорда, первого маркиза Уотерфордского, он поступил в армию в возрасте 16 лет и прослужил до 1790 г. в Новой Шотландии. В этот период он потерял глаз в результате нечаянного выстрела своего коллеги-офицера. Он служил в Тулоне, на Корсике, в Вест-Индии (под начальством Аберкромби), в Индии и в Египте под начальством Бэрда. По возвращении в 1800 г. он был произведен в бреве-полковники*. Затем находился на службе в Ирландии, участвовал в завоевании мыса Доброй Надежды и (в качестве бригадного генерала) в 1806 г. в нападении на Буэнос-Айрес, где был вынужден сложить оружие, но в конце концов ему удалось бежать. В 1807 г. он командовал войсками, захватившими Мадейру, и был назначен губернатором этого острова[278]. В 1808 г. получил чин генерал-майора, и, по прибытии его с английскими войсками в Португалию, на него была возложена вся организация португальской армии, в том числе и милиции. Он был одним из уполномоченных, вырабатывавших условия знаменитого соглашения в Синтре; участвовал в отступлении к Корунье и в сражении у этого города, прикрывая посадку на корабли войск сэра Джона Мура[279]. В марте 1809 г. Бересфорд получил звание маршала и был назначен главнокомандующим португальской армии, которая под его руководством вскоре превратилась в превосходную, как в наступлении,

* — т. е. в офицеры со званием полковника, но с окладом предыдущего чина. *Ред.*

так и в обороне, боевую силу. Участвовал в войне на Пиренейском полуострове с самого начала и вплоть до ее завершения в 1814 г., оказывая огромную помощь Веллингтону. Однако в единственном серьезном деле, когда ему принадлежало главное командование, — в сражении при Альбуэре — он показал себя весьма посредственным полководцем и сражение было бы проиграно, если бы один подчиненный ему офицер не стал действовать в нарушение его приказа*. Он участвовал в победоносных сражениях при Саламанке, Витории, Байонне, Ортезе и Тулузе[280]. За эти заслуги ему было присвоено звание маршала Португалии и пожалован титул герцога Элвашского и маркиза Санто-Кампо. В 1810 г. от графства Уотерфорд он был избран членом парламента (присутствовать на заседаниях палаты общин ему так и не довелось), в 1814 г. получил титул барона Бересфорда Альбуэрского и Данганнонского, а в 1823 г. ему был пожалован титул виконта.

В 1814 г. Бересфорд отправился с дипломатической миссией в Бразилию, где в 1817 г. организовал подавление заговора[281]. Вернувшись, он занимает пост заместителя главного начальника артиллерии, затем получает звание генерала армии и, наконец, становится главным начальником артиллерии (с 1828 по 1830 г.). За помощь, которую он в 1823 г. оказал дон Мигелу[282], он был лишен жезла маршала Португалии. В области политики он был активным и решительным поборником тори, хотя и не заявлял об этом открыто. Его военные способности проявились главным образом при успешной реорганизации им португальской армии, которая благодаря его весьма умелой и неутомимой деятельности в конечном счете стала настолько закаленной и дисциплинированной, что могла соперничать даже с французскими войсками. В 1832 г. он женился на своей двоюродной сестре Луизе, дочери архиепископа Туамского и вдове Томаса Хоупа, банкира-миллионера и автора «Анастасия»[283]. Так как у Бересфорда не было детей, то после его смерти его титул ни к кому не перешел.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между началом марта и 9 апреля 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. III, 1858 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* См. настоящий том, стр. 53 — 54. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАВАЛЕРИЯ

Кавалерия (французское cavalerie, от cavalier — всадник, от cheval — лошадь) — совокупность конных воинов. Использование лошади для верховой езды, введение в состав армий отрядов верховых воинов, естественно, берет свое начало в странах, где искони водились лошади и где климат и травяной покров благоприятствовали развитию всех их физических качеств. В то время как лошадь в Европе и тропической Азии скоро выродилась в неуклюжее животное или в низкорослого пони, — породы лошадей Аравии, Персии, Малой Азии, Египта и стран северного побережья Африки достигли большой красоты, резвости, понятливости и выносливости. Но вначале лошадью пользовались, по-видимому, только в упряжке; по крайней мере в военной истории боевая колесница появляется задолго до вооруженного всадника. На египетских памятниках изображено множество боевых колесниц, но совершенно отсутствуют всадники, за единственным исключением, да и это исключение, очевидно, относится к римскому периоду. Тем не менее несомненно, что египтяне имели многочисленную конницу по крайней мере столетия за два до завоевания их страны персами, и среди самых важных придворных сановников неоднократно упоминается командующий этим родом войск. Весьма вероятно, что египтяне познакомились с конницей во время войны с ассирийцами, ибо на ассирийских памятниках часто изображаются всадники, и их использование на войне ассирийскими армиями в самые ранние периоды точно установлено. У ассирийцев, по-видимому, впервые появились и седла. На более древних скульптурных памятниках воин изобра-

жен верхом на неоседланной лошади; позднее, как мы обнаруживаем, было введено нечто вроде подстилки или подушки и, наконец, высокое седло, подобное тому, которое в настоящее время употребляется повсюду на Востоке. Персы и мидяне в момент своего появления в истории были народом наездников. Хотя они и сохранили боевую колесницу и даже попрежнему отдавали ей предпочтение перед более молодым родом войск — кавалерией, все же многочисленность конных воинов придала последней такое значение, какого она не имела ни в одной из прежних армий. Кавалерия ассирийцев, египтян и персов представляла собой тот тип конницы, который и поныне преобладает на Востоке и до самого недавнего времени являлся единственным в Северной Африке, Азии и Восточной Европе; это была иррегулярная конница. Однако как только греки в такой мере улучшили породу своих лошадей — путем скрещивания их с восточной лошадью, — что она стала пригодной для использования в коннице, они тотчас же приступили к организации этого рода войск по новому принципу. Греки являются создателями как регулярной пехоты, так и регулярной кавалерии. Они образовали из массы бойцов отдельные войсковые единицы, вооружали и снаряжали их в соответствии с той целью, для которой те предназначались, обучали их действовать согласованно, двигаться в шеренгах и колоннах, держаться вместе в определенном тактическом построении, с тем чтобы иметь возможность бросать всю тяжесть этой сосредоточенной и продвигающейся вперед массы на определенный пункт неприятельского фронта. Организованные таким образом, эти войска повсюду доказывали свое превосходство над необученными, громоздкими и беспорядочными толпами, которых выставляли против них азиаты. Мы не располагаем примерами сражений греческой конницы против персидских всадников до того времени, пока сами персы не создали конных отрядов более регулярного типа; но не может быть сомнения, что, если такие сражения имели место, результат был таким же, какой получался при встрече на поле битвы пехоты этих двух народов. Конница была организована первоначально только в тех областях Греции, где разводили лошадей, как, например, в Фессалии и Беотии; но очень скоро после этого афиняне сформировали отряд тяжелой конницы, помимо конных лучников, которые предназначались для сторожевой службы и действий в рассыпном строю. У спартанцев также elite* их юношества была организована в отряд конных телохранителей; но они не верили в конницу

* — отборная часть. *Ред.*

и заставляли ее спешиваться в бою и сражаться как пехота. Персы научились организации регулярной кавалерии у греков Малой Азии, а также у греческих наемников, служивших в их армии, и не подлежит сомнению, что значительная часть персидской конницы, сражавшейся против Александра Великого, была более или менее обучена регулярным действиям в сомкнутом строю. Однако они не могли сравняться с македонянами. У этого народа обучение искусству верховой езды было обязательной частью воспитания знатной молодежи, и конница занимала в их армии почетное место. Конница Филиппа и Александра комплектовалась из македонской и фессалийской знати; лишь несколько эскадронов набиралось в собственно Греции. Она состояла из тяжеловооруженных всадников — катафрактов, имевших шлем и нагрудник, набедренники и длинное копье. Она атаковала обыкновенно в сомкнутом строю, продолговатой или клинообразной колонной, а иногда также и в линейном построении. Легкая конница, состоявшая из вспомогательных войск, была в большей или меньшей степени конницей иррегулярного типа и служила, подобно современным казакам, в качестве сторожевого охранения и для действий в рассыпном строю.

Сражение на Гранике (334 г. до н. э.) представляет собой первый пример боевых действий, в которых конница сыграла решающую роль. Персидская конница была расположена на дистанцию атаки от речных бродов. Как только головные части колонн македонской пехоты перешли реку и прежде, чем они смогли развернуться, персидская конница обрушилась на них и своим бурным натиском заставила их снова спуститься в реку. Этот маневр, повторенный с полным успехом несколько раз, прямо свидетельствует о том, что персы имели регулярную кавалерию, которую они противопоставили македонянам. Напасть врасплох на пехоту как раз в момент, когда она максимально ослаблена, а именно при переходе из одного тактического построения в другое, возможно только при наличии дисциплинированной и искусно управляемой конницы. Иррегулярные войска неспособны на это. Птолемей, командовавший авангардом армии Александра, не мог продвинуться вперед до тех пор, пока македонские тяжеловооруженные всадники не переправились через реку и не атаковали персов с фланга. Последовал продолжительный бой, но так как персидская конница была расположена в одну линию, без резервов, а азиатские греки, бывшие в армии персов, в конце концов покинули их, то она была в конечном счете разгромлена. Сражение при Арбелах (331 г. до н. э.) было наиболее славным для македон-

ской конницы. Александр лично вел в бой отряды македонской конницы, которые составляли крайнее правое крыло его боевого порядка, тогда как фессалийская конница составляла - левое крыло. Персы пытались обойти его с фланга, но в решительный момент Александр выдвинул свежие силы из тыла, чтобы в свою очередь обойти персов. В то же время персы оставили промежуток между своим левым крылом и центром; Александр немедленно устремился в этот промежуток, отделил левое крыло персов от остальной части их армии, совершенно смял его и преследовал на значительное расстояние. Вынужденный прийти на помощь своему собственному левому флангу, находившемуся под угрозой, он очень быстро собрал свою конницу и, пройдя позади центра противника, обрушился с тыла на его правое крыло. Сражение было таким образом выиграно, и Александр с той поры считается одним из лучших кавалерийских командиров всех времен. Венчая дело, его конница преследовала бегущего врага с таким пылом, что ее авангард оказался на следующий день в 75 милях от поля сражения. Весьма любопытно отметить, что основные принципы кавалерийской тактики в ту эпоху понимали так же хорошо, как и в настоящее время. Нападать на пехоту, когда она находится в походном порядке, или во время ее перестроения; атаковать кавалерию преимущественно во фланг; пользоваться каждой брешью в линии противника, чтобы, устремившись в нее и развертываясь затем вправо и влево, обойти с фланга и тыла войска, расположенные около этого прорыва; закреплять победу стремительным и беспощадным преследованием разбитого противника — таковы главные и самые важные правила, которые должен знать каждый современный кавалерийский офицер. После смерти Александра мы уже больше не слышим об этой превосходной греческой и македонской коннице. В Греции снова стала преобладать пехота, а в Азии и Египте конные войска быстро пришли в упадок.

Римляне никогда не были наездниками. Та немногочисленная конница, которая входила в их легионы, предпочитала сражаться в пешем строю. Их лошади были плохой породы, а воины не умели держаться в седле. Но на южных берегах Средиземного моря была создана конница, которая не только могла соперничать с конницей Александра, но даже и превосходила ее. Карфагенские полководцы Гамилькар и Ганнибал сумели, помимо своей нумидийской иррегулярной конницы, сформировать первоклассную регулярную кавалерию и таким образом создали род войск, который почти всегда обеспечивал им победу. Берберы Северной Африки, по крайней мере жители

равнин, и по настоящее время являются народом наездников, а великолепные берберийские кони, которые несли воинов Ганнибала в гущу римской пехоты с неизвестными ранее стремительностью и горячностью, до сих пор еще служат для комплектования самых лучших полков французской кавалерии — chasseurs d'Afrique* — и признаются ими лучшими из существующих строевых лошадей. Карфагенская пехота была значительно хуже римской, даже после длительного обучения под руководством двух своих великих предводителей; она не имела бы ни малейшего шанса на успех в борьбе против римских легионов, если бы не поддержка той конницы, которая одна обеспечила Ганнибалу возможность продержаться в Италии 16 лет[284]; и когда эта конница была обессилена лишениями, испытанными в столь многочисленных кампаниях, — но отнюдь не оружием врага, — Ганнибалу пришлось очистить Италию. Сражения Ганнибала имеют то общее со сражениями Фридриха Великого, что в большинстве из них кавалерия одерживала победу над первоклассной пехотой; и действительно, никогда кавалерия не совершала столь славных дел, как под командованием этих двух великих полководцев. Мы в точности не знаем, из какого народа, а также на основе каких тактических принципов Гамилькар и Ганнибал формировали свою регулярную кавалерию. Но так как между их нумидийской легкой конницей и тяжелой, или регулярной, кавалерией всегда проводится четкое различие, мы можем заключить, что последняя не состояла из берберийских племен. Весьма вероятно, что в ней было много иностранных наемников и некоторое количество карфагенян, но главная масса, по всей вероятности, состояла из жителей Испании, так как она была сформирована в их стране и так как даже во времена Цезаря испанские всадники включались в состав большинства римских армий. Поскольку Ганнибал был хорошо знаком с греческой цивилизацией и так как греческие наемники и авантюристы еще до него служили под карфагенскими знаменами, вряд ли можно сомневаться в том, что организация греческой и македонской тяжелой кавалерии была положена в основу организации этого вида кавалерии у карфагенян. Первое же столкновение в Италии решило вопрос о превосходстве карфагенской конницы. При Тичино (218 г. до н. э.) римский консул Публий Сципион, производивший силами своей конницы и легкой пехоты разведку, встретился с карфагенской конницей, выполнявшей под предводительством Ганнибала такую же задачу. Ганнибал сразу атаковал римлян. Римская легкая

* — африканских стрелков. *Ред.*

пехота находилась в первой линии, конница составляла вторую. Карфагенская тяжеловооруженная конница атаковала пехоту, рассеяла ее и затем немедленно атаковала римскую конницу с фронта, тогда как нумидийская иррегулярная конница напала на ее фланг и тыл. Сражение было коротким. Римляне сражались мужественно, но у Них не было ни малейшего шанса на успех. Они не умели держаться в седле; их же собственные кони стали причиной их поражения; напуганные бегущей римской легкой пехотой, которая была отброшена прямо на римскую конницу и искала защиты в ее рядах, многие кони сбросили с себя всадников и привели строй в беспорядок. Другие воины, не доверяя своему умению ездить верхом, благоразумно спешились и пытались сражаться как пехотинцы. Но карфагенские тяжеловооруженные всадники находились уже в самой их гуще, тогда как вездесущие нумидийцы скакали вокруг смешавшейся массы римлян, поражая каждого беглеца, который отделялся от нее. Потери римлян были значительны, и сам Публий Сципион был ранен. При Треббии Ганнибалу удалось хитростью побудить римлян переправиться через эту реку, с тем чтобы им пришлось сражаться, имея это препятствие в своем тылу. Как только он этого достиг, он перешел в наступление всеми своими силами и принудил римлян принять сражение. У римлян, как и у карфагенян, пехота находилась в центре, но против обоих флангов римлян, составленных из конницы, Ганнибал расположил своих слонов, использовав конницу для обхода и охвата обоих флангов противника. В самом начало сражения римская конница, обойденная таким образом численно превосходившим ее противником, потерпела полное поражение, но римская пехота оттеснила карфагенский центр и продвинулась вперед. Тогда победоносная карфагенская конница атаковала ее с фронта и с фланга; она заставила римскую пехоту приостановить свое наступление, но сломить ее не смогла. Однако Ганнибал, зная стойкость римского легиона, послал обходным путем в тыл римских войск 1000 всадников и 1000 отборных пеших воинов под командой своего брата Магона. Эти свежие войска теперь напали на римлян, и им удалось прорвать вторую линию; но первая линия, насчитывавшая 10000 человек, сомкнулась и в плотном строю пробилась сквозь ряды противника, а затем продвинулась вниз по реке к Плацентии, где беспрепятственно переправилась через реку, В сражении при Каннах (216 г. до н. э.) римляне имели 80000 пехоты и 6000 конницы, карфагеняне — 40000 пехоты и 10000 конницы. Конница Лациума составляла правое крыло римлян, опиравшееся на реку Ауфид; конница италийских союзников

располагалась на левом фланге, тогда как пехота находилась в центре. Ганнибал также расположил свою пехоту в центре; кельтские и испанские отряды снова составили крылья, тогда как между ними, несколько позади, стояла его африканская пехота, вооруженная и организованная теперь по римской системе. Что касается конницы, то он расположил нумидийцев на правом крыле, где открытая местность позволяла им, благодаря их большей подвижности и быстроте, уклоняться от атак противостоявшей им италийской тяжеловооруженной конницы, а всю тяжелую кавалерию под командой Гасдрубала поместил на левом крыле, у самой реки. На левом фланге римлян нумидийцы задали италийской коннице вдоволь работы, но, будучи по самой своей природе иррегулярной конницей, они не смогли нарушить ее сомкнутый строй правильными атаками. В центре римская пехота скоро отбросила кельтские и испанские войска и затем образовала клиновидную колонну для атаки африканской пехоты. Последняя, однако, стала заворачивать свои фланги внутрь и, атаковав в линейном строю эту неповоротливую массу, сломила ее натиск, после чего сражение приняло характер затяжной борьбы. Тем временем тяжеловооруженная конница Гасдрубала подготовила поражение римлян. Яростно атаковав римскую конницу на правом фланге, она рассеяла ее после упорного сопротивления, прошла, подобно Александру при Арбелах, позади римского центра, напала с тыла на италийскую конницу, разбила ее наголову и, оставив ее в качестве легкой добычи нумидийцам, построилась для генеральной атаки флангов и тыла римской пехоты. Это решило исход сражения. Неповоротливая масса, атакованная со всех сторон, не выдержала, пришла в расстройство, была смята и разгромлена. Никогда еще не происходило такого полного уничтожения целой армии. Римляне потеряли 70000 человек; из их конницы спаслось только 70 человек. Карфагеняне потеряли менее 6000 человек, две трети которых принадлежали к кельтским контингентам, принявшим на себя главную тяжесть первой атаки легионов. Из 6000 регулярной конницы Гасдрубала, выигравшей все сражение, было убито и ранено не более 200 человек.

В более поздние времена римская конница была не намного лучше, чем во времена Пунических войн[285]. Она включалась небольшими отрядами в состав легионов, никогда не образуя самостоятельного рода войск. Наряду с этой легионной конницей во времена Цезаря существовали еще испанские, кельтские и германские наемные конные войска; все они носили более или менее иррегулярный характер. У римлян конница никогда

не совершала чего-либо достойного упоминания; и этот род войск находился у них в таком пренебрежении и был так мало боеспособен, что парфянская иррегулярная конница Хорасана оставалась для римских армий чрезвычайно грозной силой. Однако в восточной части империи сохранилась традиционная страсть к лошадям и верховой езде, и Византия оставалась до самого завоевания ее турками огромным конным рынком и школой верховой езды для Европы. В соответствии с этим мы видим, что в период кратковременного возрождения Византийской империи при Юстиниане ее конница находилась на сравнительно высоком уровне, и в сражении при Капуе, в 554 г. н. э., евнух Нарсес, как свидетельствуют источники, нанес поражение тевтонским завоевателям Италии главным образом при помощи этого рода войск[286].

Утверждение во всех странах Западной Европы аристократии завоевателей тевтонского происхождения положило начало новой эре в истории кавалерии. Знать повсюду составляла кавалерию, неся службу в качестве тяжеловооруженных всадников (gens d'armes) и образуя самый тяжелый вид конницы, в которой не только всадники, но и кони были покрыты оборонительными доспехами из металла. Первым сражением, в котором появилась такая кавалерия, было сражение при Пуатье, где Карл Мартелл в 732 г. отразил поток арабского нашествия. Франкские рыцари под предводительством Эда, герцога Аквитанского, прорвались через ряды мавров и овладели их лагерем. Но такое войско не было пригодным для преследования; поэтому арабы, прикрываемые своей неутомимой иррегулярной конницей, беспрепятственно отступили в Испанию. Этим сражением открывается серия войн, в которых массивная, но неповоротливая регулярная кавалерия Запада с переменным успехом сражалась с подвижной иррегулярной конницей Востока. Германское рыцарство в течение почти всего X столетия мерилось силами с дикой венгерской конницей и нанесло ей полное поражение благодаря своему сомкнутому строю при Мерзебурге в 933 г. и на Лехе в 955 году[287]. Испанское рыцарство в течение нескольких столетий сражалось с вторгшимися в их страну маврами и в конце концов победило их. Но когда западные «тяжеловесные» рыцари перенесли во время крестовых походов арену военных действий на родину своих восточных врагов, они в свою очередь стали терпеть поражения и в большинстве случаев их ждала там гибель; ни они сами, ни их кони не были в состоянии выдержать климата, невероятно длинных маршей и отсутствия подходящей пищи и фуража. Вслед за крестовыми походами последовало новое нашествие восточных

наездников на Европу, а именно нашествие монголов. Наводнив Россию и польские области, они в 1241 г. встретились при Вальштадте в Силезии с соединенной польско-германской армией[288]. После долгой борьбы азиаты разбили изнуренных рыцарей, закованных в стальную броню, но победа была куплена столь дорогой ценой, что она надорвала силы завоевателей. Монголы дальше уже не продвигались, а вскоре, вследствие раздоров в их собственной среде, перестали быть опасными и были отброшены назад. В течение всего средневековья кавалерия оставалась главным родом войск во всех армиях; у восточных народов эту роль всегда играла легкая иррегулярная конница; у народов Западной Европы родом войск, который решал исход каждого сражения в этот период, являлась тяжелая регулярная кавалерия, формировавшаяся из рыцарства. Это преобладание конницы было обусловлено не столько ее собственными достоинствами, — ибо иррегулярная конница Востока была неспособна к правильному бою, а регулярная кавалерия Запада невероятно неповоротлива в своих движениях, — сколько главным образом низким качеством пехоты. Азиаты, равно как и европейцы, с пренебрежением относились к этому роду войск; пехота состояла из тех, кто не имел средств явиться на коне, — главным образом из рабов или крепостных. У нее не было надлежащей организации; лишенная защитных доспехов, имея единственным оружием копье и меч, она могла благодаря своему глубокому построению от случая к случаю противостоять бешеным, но беспорядочным атакам восточных наездников; но ее неизбежно растаптывали неуязвимые тяжеловооруженные всадники Запада. Единственное исключение составляла английская пехота, которая черпала силу в своем грозном оружии — -большом луке. Количественное отношение европейской кавалерии этих времен к остальной армии было несомненно не столь велико, как несколькими столетиями позднее или даже в настоящее время. Рыцари были не очень многочисленны, и мы обнаруживаем, что во многих крупных сражениях участвовало не более 800 или 1000 рыцарей. Но обыкновенно их было достаточно для того, чтобы справиться с любым количеством пехотинцев, после того как им удавалось прогнать с поля сражения тяжеловооруженных всадников противника. Эти тяжеловооруженные всадники обычно вели бой в линейном строю, построившись в одну шеренгу; заднюю же шеренгу образовывали оруженосцы, которые, как правило, носили менее тяжелое вооружение и имели менее полный его комплект. Как только эти линии сходились с противником, они скоро распадались на ведущих единоборство бойцов, и сражение

завершалось простым рукопашным боем. Впоследствии, когда в употребление стало входить огнестрельное оружие, начинают создаваться глубокие построения, обыкновенно прямоугольные; но тогда дни рыцарства были уже сочтены.

В течение XV столетия на поле боя появилась артиллерия, а часть пехоты — стрелки того времени — была вооружена мушкетами; к тому же и в самом характере пехоты произошли коренные перемены. Этот род войск стал формироваться из наемников, которые сделали военную службу своей профессией. Такими профессиональными солдатами были немецкие ландскнехты и швейцарцы; они весьма скоро ввели более правильный строй и тактические движения. Была в известном смысле возрождена древняя дорическая и македонская фаланга; шлем и нагрудник до некоторой степени защищали солдат от копья и меча кавалерии; и когда при Новаре (1513 г.)[289] швейцарская пехота буквально прогнала с поля сражения французских рыцарей, то столь храбрая, но неповоротливая конница в дальнейшем перестает находить применение. В связи с этим после восстания Нидерландов против Испании мы встречаем новый вид кавалерии — немецких Reiters* (французских reitres), набиравшихся, как и пехота, путем добровольной записи и вооруженных шлемом и нагрудником, палашом и пистолетами. Они были столь же тяжеловесны, как и современные кирасиры, но значительно легче, чем рыцари. Они скоро доказали свое превосходство над закованными в броню всадниками, Последние отныне исчезают, а вместе с ними исчезает и копье; обычным вооружением кавалерии становятся палаш и короткоствольное огнестрельное оружие; Примерно в то же время (конец XVI века) сначала во Франции, потом и в других странах Европы был введен смешанный род войск — драгуны. Вооруженные мушкетами, они должны были сражаться, смотря по обстоятельствам, либо как пехота, либо как кавалерия. Подобный род войск был создан еще Александром Великим под названием димахов, но этот пример долго не находил подражания. Драгуны XVI века просуществовали более продолжительное время, но к середине XVIII столетия они повсюду утратили свой смешанный характер, сохранив лишь название, и использовались обыкновенно как кавалерия. Самой важной отличительной чертой их было то, что они представляли собой первый вид регулярной кавалерии, совершенно лишенный защитного вооружения. Попытка создания драгун, как действительно смешанного рода войск, была вновь предпринята в широких

* — рейтаров. *Ред.*

масштабах русским императором Николаем; но вскоре оказалось, что перед лицом врага их всегда приходилось использовать в качестве кавалерии, и потому Александр II очень скоро превратил их в обыкновенную кавалерию, так же мало рассчитанную на выполнение функций пехоты, как гусары или кирасиры. Великий голландский полководец Мориц Оранский впервые ввел для своих рейтаров организацию, до некоторой Степени сходную с современной тактической организацией. Он обучал их производить атаки и эволюции отдельными отрядами и в несколько линий, совершать повороты, отрываться от противника, строиться в колонну и линию, менять фронт, не нарушая порядка и действуя отдельными эскадронами и взводами. Таким образом, исход кавалерийского боя уже решался не одной атакой всей массой конницы, а последовательными атаками отдельных эскадронов и линий, поддерживающих друг друга. Кавалерия Морица Оранского строилась обыкновенно глубиной в пять шеренг. В других армиях она вела бой в глубоких колоннах, а там, где было принято линейное построение, оно все же имело в глубину 5 — 8 шеренг.

В XVII столетии, в связи с полным исчезновением дорогостоящих тяжеловооруженных всадников, численность кавалерии чрезвычайно возросла. Ни в один другой период этот род войск не занимал такого большого места в любой армии. Во время Тридцатилетней войны от $^2/_5$ почти до $^1/_2$ каждой армии обыкновенно составляла кавалерия; в отдельных случаях на одного пехотинца приходилось два кавалериста. Самым выдающимся из кавалерийских начальников этого периода был Густав-Адольф. Его конница состояла из кирасиров и драгун, причем последние почти всегда сражались как кавалеристы. Его кирасиры также были значительно легче кирасиров императора и скоро доказали свое неоспоримое превосходство. Шведская кавалерия строилась в три шеренги; в противоположность обычаю кирасиров большинства армий, главным оружием которых был пистолет, ее правилом было не терять время на стрельбу, а атаковать врага с палашом в руке. В этот период кавалерию, которая в средние века обыкновенно помещалась в центре, стали снова располагать, как в древности, на флангах армии, где она строилась в две линии. В Англии гражданская война выдвинула двух выдающихся кавалерийских начальников. Принц Руперт, из лагеря роялистов, отличался «лихостью», присущей каждому кавалерийскому командиру, но почти всегда он слишком увлекался, терял управление своей кавалерией, и сам настолько оказывался поглощенным тем, что происходило непосредственно перед ним, что «смелый дра-

гун» всегда брал в нем верх над военачальником. Кромвель, принадлежавший к другому лагерю, проявляя такую же лихость там, где она требовалась, был гораздо более искусным военачальником; он крепко держал своих солдат в руках, всегда оставлял резерв на случай непредвиденных обстоятельств и для решающих маневров, умело маневрировал и, таким образом, обычно оказывался победителем над своим неосмотрительным противником. Он выиграл сражения при Марстонмуре и Нейзби[290] только благодаря своей кавалерии.

В большинстве армий, за исключением лишь шведской и английской, применение огнестрельного оружия все еще оставалось основным способом действия кавалерии в бою. Во Франции, Пруссии и Австрии кавалерию обучали пользоваться карабином точно так же, как пехота пользовалась мушкетом. Стрельба велась с лошади рядами, взводами, шеренгами и т. п., причем движение на все это время прекращалось; во время сближения для атаки линия двигалась рысью; на небольшом расстоянии от противника она останавливалась, давался залп, вынимались палаши, и затем следовала атака. Эффективность огня длинных линий пехоты поколебала всякую веру в атаку кавалерии, которая уже более не была защищена доспехами; вследствие этого верховой ездой стали пренебрегать, движения на быстрых аллюрах выполнять не умели, и даже на малых аллюрах с людьми и лошадьми имели место многочисленные несчастные случаи. Обучение происходило в большинстве случаев в спешенном строю, и кавалерийские офицеры не имели ни малейшего представления об управлении кавалерией в бою. Французы, правда, иногда атаковали с палашом наголо, а шведский король Карл XII, верный своей национальной традиции, всегда атаковал на полном скаку, без стрельбы, рассеивал кавалерию и пехоту противника и иногда даже овладевал полевыми укреплениями легкого профиля. Но лишь Фридриху Великому и его великому кавалерийскому начальнику Зейдлицу выпало на долю коренным образом преобразовать кавалерию и обеспечить ей наивысшую славу. Та прусская кавалерия; какую отец Фридриха* оставил своему сыну, состоявшая из обученных только стрельбе тяжеловесных всадников на неповоротливых лошадях, была мгновенно разбита при Мольвице (1741 г.). Но как только закончилась первая Силезская война[291], Фридрих тотчас же полностью реорганизовал свою кавалерию. Стрельба и обучение в спешенном строю отошли на задний план; серьезное внимание было обращено на верховую езду.

* — Фридрих-Вильгельм I. *Ред.*

«Все движения должны производиться с величайшей быстротой, все повороты надлежит совершать легким галопом. Кавалерийские офицеры должны в первую очередь сделать своих солдат превосходными наездниками; кирасиры должны быть столь же искусны и опытны в верховой езде, как и гусары, и хорошо обучены владению палашом».

Кавалеристы должны были ежедневно ездить верхом. Основными видами обучения являлись езда по пересеченной местности, преодоление препятствий и фехтование верхом. Во время атаки стрельба не допускалась до тех пор, пока первая и вторая линии противника не оказывались полностью прорванными.

«Каждый эскадрон, когда он идет в атаку, должен атаковать противника с палашом в руке, и ни один командир под угрозой позорного разжалования не должен позволять своим войскам стрелять; за это должны отвечать бригадные генералы. При наступлении следует сначала двигаться быстрой рысью и в конце концов переходить на полный галоп, сохраняя, однако, сомкнутый строй; если атаки будут производиться таким образом, его величество уверен, что неприятель всегда будет сломлен». «Каждому кавалерийскому офицеру следует всегда помнить, что для разгрома врага требуется выполнение двух условий: 1) атаковать его с максимальной быстротой и силой и 2) обойти его с фланга»[292].

Эти извлечения из инструкций Фридриха в достаточной степени отражают тот полный переворот, который был им произведен в кавалерийской тактике. Он имел великолепного помощника в лице Зейдлица, который всегда командовал его кирасирами и драгунами и сделал из них такие войска, что по стремительности и организованности атаки, быстроте перестроений, способности к фланговым атакам, быстроте сбора и перегруппировки после атаки ни одна кавалерия не могла сравниться с прусской кавалерией времен Семилетней войны. Результаты вскоре стали очевидны. При Хоэнфридеберге байрейтский драгунский полк в 10 эскадронов целиком опрокинул левое крыло австрийской пехоты, разбил 21 батальон, захватил 66 знамен, 5 пушек и 4000 пленных. При Цорндорфе, когда прусская пехота вынуждена была отступить, Зейдлиц с 36 эскадронами оттеснил с поля сражения победоносную русскую кавалерию и затем обрушился на русскую пехоту, нанеся ей полное поражение и причинив тяжелые потери. Победами при Росбахе, Штригау, Кессельсдорфе, Лейтене и в десятке других сражений Фридрих был обязан своей замечательной кавалерии[293].

Когда вспыхнула французская революционная война, австрийцы приняли прусскую систему, но французы этого не сделали. Правда, французская кавалерия была сильно дезорганизована в результате революции, а новые формирования в начале войны оказались почти непригодными. Когда в тече-

ние 1792 и 1793 гг. французская пехота новых наборов встречалась с хорошо обученной кавалерией англичан, пруссаков и австрийцев, она почти всегда терпела поражение. Кавалерия французов, совершенно не способная состязаться с такими противниками, всегда держалась в резерве, пока несколько лет, проведенных в походах, не улучшили ее. С 1796 г. каждая пехотная дивизия имела в качестве поддержки кавалерию; все же при Вюрцбурге вся французская кавалерия была разбита 59 австрийскими эскадронами (1796 г.)[294]. Когда Наполеон взял в свои руки бразды правления во Франции, он употребил все усилия для того, чтобы улучшить качества французской кавалерии. Ему пришлось иметь дело с наихудшим материалом, какой только мог быть. Как нация, французы являются безусловно самыми плохими наездниками в Европе, а их лошади хороши для упряжки, но мало пригодны под седло.: Сам Наполеон был всего лишь посредственным наездником и безразлично относился к умению других ездить верхом. Тем не менее он ввел большие усовершенствования, и после создания Булонского лагеря его кавалерия, посаженная главным образом на германских и итальянских лошадей, стала противником, которым нельзя было пренебрегать. Кампании 1805 и 1806 — 1807 гг. позволили его кавалерии поглотить почти весь конский состав австрийской и прусской армий и, кроме того, усилили наполеоновскую армию превосходной кавалерией Рейнского союза и Великого герцогства Варшавского[295]. Так были образованы те громадные массы конницы, с которыми Наполеон действовал в 1809, 1812 и во вторую половину 1813 года; эта конница, хотя обыкновенно и называлась французской, в значительной своей части состояла из немцев и поляков. Кирасы, совершенно упраздненные во французской армии незадолго до революции, были частично восстановлены Наполеоном в тяжелой кавалерии. В остальном организация и вооружение кавалерии остались почти без изменения, если не считать, что вместе с польскими вспомогательными войсками он получил несколько полков легкой вооруженной пиками кавалерии, форма одежды и снаряжение которой вскоре были переняты другими армиями. Но в тактическом использовании кавалерии Наполеон произвел полную перемену, В соответствии с системой формирования дивизий и армейских корпусов из всех трех родов войск он придал каждой дивизии или корпусу известное количество легкой кавалерии, однако основная масса этого рода войск и в особенности вся тяжелая кавалерия была сконцентрирована в резерве с целью нанесения в благоприятный момент мощного решающего удара или, в случае

необходимости, прикрытия отступления армии. Эти массы кавалерии, внезапно появлявшиеся в определенном пункте поля сражения, часто играли решающую роль; и все же они никогда не достигали таких блестящих успехов, как конница Фридриха Великого. Причину этого следует искать отчасти в изменении тактики пехоты, которая, избирая для своих действий преимущественно пересеченную местность и всегда встречая кавалерию, построившись в каре, затруднила тем самым для кавалерии достижение столь крупных побед, какие одерживала прусская конница над растянутыми тонкими пехотными линиями своих противников. Но несомненно также, что кавалерия Наполеона не могла сравниться с кавалерией Фридриха Великого и что тактика наполеоновской кавалерии далеко не во всех отношениях была шагом вперед по сравнению с тактикой Фридриха. Посредственная верховая езда французов заставляла их атаковать сравнительно медленным аллюром — рысью или правильным легким галопом; лишь в немногих случаях французская кавалерия атаковала на полном галопе. Большая храбрость французов и применение сомкнутого строя часто возмещали недостаточную стремительность, но все же их атака не была такой, какую можно было бы в настоящее время признать искусной. Французской кавалерией во многих случаях сохранялась старая тактика — встречать неприятельскую кавалерию стоя на месте с карабином в руке, и во всех этих случаях она терпела поражение. Последним примером этого рода явилось дело при Даннигкове (5 апреля 1813 г.)[296], когда около 1200 французских кавалеристов подобным образом выжидали атаку 400 пруссаков и, несмотря на свое численное превосходство, потерпели полное поражение. Что касается тактики Наполеона, то применение больших кавалерийских масс сделалось при нем настолько твердо установившимся правилом, что это привело не только к ослаблению дивизионной кавалерии в такой степени, что она стала совершенно бесполезной, по, кроме того, при использовании кавалерийских масс он часто пренебрегал принципом последовательного введения в бой своих сил, а это является одним из основных положений современной тактики и применимо в кавалерии даже в большей мере, чем в пехоте. Он ввел кавалерийскую атаку колонной и даже выстраивал целый кавалерийский корпус в одну огромную колонну; в таком построении выделение для самостоятельных действий хотя бы одного эскадрона или полка стало абсолютно невозможным, а о какой бы то ни было попытке развернуться не могло быть и речи. Его кавалерийские генералы тоже не стояли на должной высоте, и даже самый блестящий

из них, Мюрат, выглядит весьма жалким в сравнении с Зейдлицем. Во время войн 1813, 1814 и 1815 гг. кавалерийская тактика противников Наполеона существенно улучшилась. Хотя они в значительной мере следовали наполеоновской системе сохранения больших кавалерийских масс в резерве и поэтому очень часто держали большую часть конницы вне всякого участия в боевых действиях, все же во многих случаях они пытались вернуться к тактике Фридриха. В прусской армии был возрожден прежний дух. Блюхер первым стал смелее использовать свою кавалерию и обычно с успехом. Засада при Гайнау (1813 г.), когда 20 прусских эскадронов разбили 8 французских батальонов и захватили 18 пушек, знаменует собой поворотный момент в современной истории кавалерии и выгодно отличается в сравнении с тактикой союзников при Лютцене, где они продержали 18000 конницы в резерве до тех пор, пока сражение не было проиграно, хотя трудно было бы найти местность, более благоприятную для действий кавалерии.

Англичане никогда не применяли систему формирования больших кавалерийских масс и потому часто достигали успеха, хотя сам Нейпир признает, что их кавалерия в то время не была так хороша, как французская[297]. При Ватерлоо (где, кстати сказать, французские кирасиры на этот раз атаковали на полном галопе) английской кавалерией замечательно управляли и она в общем действовала успешно, за исключением тех случаев, когда, поддаваясь своей национальной склонности, она выходила из-под контроля. Со времени мира 1815 г. наполеоновская тактика, хотя она все еще остается зафиксированной в уставах большинства армий, снова уступает место тактике Фридриха. Верховой езде уделяется больше внимания, хотя все еще не в той степени, в какой следовало бы. Идея встречи противника с карабином в руке отвергнута; всюду восстанавливается фридриховское правило, согласно которому всякий кавалерийский начальник, позволивший неприятелю атаковать себя, вместо того, чтобы самому атаковать противника, подлежал разжалованию. Галоп снова стал аллюром атаки; атака колонной уступила место атакам следующими одна за другой линиями с применением построений, обеспечивающих нанесение флангового удара и возможность маневрирования отдельными подразделениями во время атаки. Однако еще многое остается сделать. Большее внимание к верховой езде, особенно в полевых условиях, большее приближение устройства седла к охотничьему и соответствующее изменение посадки, и, самое главное, уменьшение груза, носимого лошадью, — таковы усовершенствования, требуемые для всех армий без исключения.

От истории кавалерии обратимся теперь к ее современной организации и тактике. Комплектование кавалерии, поскольку дело касается солдат, производится в общем тем же способом, что и комплектование других родов войск данной страны. Однако в некоторых государствах для этой службы предназначаются уроженцы определенных областей: так, например, в России — малороссы (уроженцы Малороссии), в Пруссии — поляки. В Австрии тяжелая кавалерия рекрутируется в немецких провинциях и в Богемии, гусары исключительно в Венгрии, уланы главным образом в польских провинциях. Комплектование конским составом заслуживает специального упоминания. В Англии, где для укомплектования всей кавалерии во время войны требуется не более 10. 000 лошадей, правительство не встречает затруднений при их закупке; но для того, чтобы обеспечить армии преимущественное пользование лошадьми, не использовавшимися на работах приблизительно до пятилетнего возраста, производятся закупки трехлетних жеребцов, большей частью йоркширской породы, которые содержатся за счет правительства в депо, пока они не становятся пригодными для службы. Цена, уплачиваемая за жеребцов (20 — 25 ф. ст.), и обилие в стране хороших лошадей обеспечивают британскую кавалерию безусловно лучшим конским составом во всем мире. В России существует такое же обилие лошадей, хотя их качество ниже английских. Офицеры-ремонтеры закупают лошадей оптом в южных и западных губерниях империи, большей частью у торговцев-евреев; затем они перепродают непригодных лошадей, а оставшихся передают соответственно их масти различным полкам (в русском полку все лошади подбираются одной масти). Командир полка считается как бы собственником лошадей своего полка; на выплачиваемую ему значительную сумму он должен содержать в порядке полковой конский состав. Служба лошадей рассчитана на восемь лет. Первоначально лошадей поставляли крупные конные заводы Волыни и Украины, где они содержатся совершенно дикими; но приучение их к кавалерийской службе было настолько затруднительным, что пришлось отказаться от этого., В Австрии часть лошадей закупается, но основная масса их поставлялась в последнее время государственными конными заводами, которые могут давать ежегодно свыше 5000 пятилетних кавалерийских лошадей. В случае чрезвычайной необходимости страна, столь богатая лошадьми, как Австрия, может рассчитывать на внутренние рынки. Пруссии 60 лет тому назад приходилось почти всех нужных ей лошадей покупать за границей, но в настоящее время она в состоянии снабжать лошадьми

всю свою кавалерию, — как линейную, так и ландвера — за счет внутренних ресурсов. Лошади для линейной кавалерии покупаются в возрасте трех лет интендантами-ремонтерами и посылаются в депо, где и содержатся до достижения нужного для службы возраста; ежегодно требуется 3500 лошадей. В случае мобилизации кавалерии ландвера все лошади в стране, подобно военнообязанным, подлежат зачислению на военную службу; однако за взятую лошадь выплачивается компенсация в размере от 40 до 70 долларов. В Пруссии имеется втрое больше годных к службе лошадей, чем может потребоваться. Франция беднее всех остальных европейских стран лошадьми. Ее породы, часто хорошие и даже отличные для упряжки, обычно непригодны под седло. Давно уже были созданы государственные конные заводы (haras), но без такого успеха, как в других странах; в 1838 г. эти заводы и связанные с ними ремонтные депо не могли поставить для армии даже 1000 лошадей, закупленных или выращенных на средства правительства. Генерал Ларош-Эмон высказал мнение, что во всей Франции не найдется и 20000 лошадей в возрасте от 4 до 7 лет, пригодных для кавалерийской службы[298]. Хотя депо и заводы в последнее время значительно улучшены, они все же еще не в состоянии полностью удовлетворить потребности армии. Алжир поставляет прекрасную породу кавалерийских лошадей, и лучшие полки французской кавалерии — chasseurs d'Afrique — укомплектованы исключительно ими, но другие полки почти не получают лошадей этой породы. Таким образом, в случае мобилизации французы вынуждены покупать лошадей за границей, иногда в Англии, но большей частью в Северной Германии, где им достаются не самые лучшие лошади, хотя каждая обходится примерно в 100 долларов. Многие бракованные лошади германских кавалерийских полков оказываются в рядах французской армии, и вообще французская кавалерия, за исключением chasseurs d'Afrique, имеет наихудший конский состав в Европе.

Существует два основных вида кавалерии: тяжелая и легкая. Действительное различие между ними определяется различием в лошадях. Крупные и сильные лошади не могут хорошо действовать вместе с небольшими, подвижными и быстрыми лошадьми. Первые во время атаки действуют менее быстро, но с большей силой натиска; легкие же кони отличаются большей быстротой и стремительностью атаки, и сверх того, они более приспособлены для одиночного боя и боя в рассыпном строю, для чего тяжелые или крупные кони не являются ни достаточно поворотливыми, ни достаточно смышлеными. Именно поэтому такое разделение кавалерии является действительно

необходимым, но мода, фантазия и подражание определенной национальной одежде создали многочисленные подвиды и разновидности, подробно останавливаться на которых не представило бы интереса. Тяжелая кавалерия, по крайней мере частично, снабжена в большинстве стран кирасами, которые, однако, далеко не являются непроницаемыми для пуль; в Сардинии ее первая шеренга вооружена пиками. Легкая кавалерия вооружена частично саблями и карабинами, частично пиками. Карабины либо гладкоствольные, либо нарезные. В большинстве случаев к вооружению кавалериста добавляются пистолеты; только кавалерия Соединенных Штатов снабжена револьверами. Сабля бывает или прямой или в большей или меньшей степени изогнутой; первая предпочтительнее для того, чтобы колоть, вторая — чтобы рубить. Вопрос о преимуществах пики перед саблей все еще является спорным. Для рукопашных схваток сабля несомненно более подходит; во время атаки вообще едва ли можно действовать пикой, разве только когда она не слишком для этого длинна и тяжела, но при преследовании разбитой кавалерии она показала себя в высшей степени эффективным оружием. Почти все народы-наездники полагаются на саблю; даже казаки оставляют свою пику, когда им приходится сражаться с искусными бойцами на саблях — черкесами. Пистолеты бесполезны, если не считать их использования для сигнальных выстрелов; карабин не очень эффективен, даже если он нарезной, и он никогда не будет приносить большой реальной пользы, пока не будет введено заряжание с казенной части; револьвер в искусных руках — грозное оружие в ближнем бою; все же царицей кавалерийского оружия является хорошая, острая, удобная сабля.

Кроме седла, сбруи и вооруженного всадника, кавалерийская лошадь должна нести на себе вьюк с запасной одеждой, лагерными принадлежностями и принадлежностями для ухода за лошадью, а во время кампании — также и продовольствие для всадника и собственный фураж. Общий вес этого груза при полном походном снаряжении в различных армиях и видах кавалерии колеблется между 250 и 300 фунтов; вес этот представляется громадным по сравнению с тем грузом, который приходится нести гражданским верховым лошадям. Эта перегрузка конского состава является самым слабым местом всякой кавалерии. В этом отношении везде требуются крупные реформы, Вес кавалеристов и походного снаряжения может и должен быть уменьшен; но пока существует нынешняя система, обремененность лошадей грузом всегда должна приниматься во внимание при оценке боеспособности и выносливости кава-

лерии. Тяжелая кавалерия, состоящая из сильных, но по возможности сравнительно легкого веса всадников на крепких лошадях, должна действовать главным образом силой сосредоточенного удара в сомкнутом строю. Для этого требуются сила, выносливость, известная тяжеловесность, хотя и не столь значительная, чтобы сделать кавалерию неповоротливой. Движения кавалерии должны быть быстрыми, однако в тех пределах, которые совместимы с соблюдением самого строгого порядка. Построившись для атаки, она должна скакать прямо вперед, сметая все на своем пути. Всадники, каждый в отдельности, могут и не быть такими хорошими наездниками, как в легкой кавалерии, но они должны как следует управлять своими лошадьми и быть обученными двигаться вперед строго по прямой плотно сомкнутой массой. Их лошади поэтому должны быть менее чувствительными к шенкелю и не слишком подбирать под себя ноги, хорошо бежать рысью и быть обученными строго придерживаться строя при продолжительном легком галопе. Легкая кавалерия, напротив, располагая более ловкими седоками и более быстрыми лошадьми, должна действовать своей быстротой и способностью всюду поспевать. Недостаток в весе должен быть возмещен быстротой и активностью. Она атакует с величайшей стремительностью; но когда это выгодно, она для вида обращается в бегство, чтобы затем, внезапно переменив фронт, напасть на фланг противника. Большая быстрота и пригодность для одиночного боя делают ее особенно приспособленной для преследования. От ее командиров требуется более острый глаз и большее присутствие духа, чем это нужно командирам тяжелой кавалерии. Каждый в отдельности Кавалерист в ней должен быть более искусным наездником; он должен в совершенстве владеть своей лошадью, уметь брать с места полным галопом, а также останавливаться на всем скаку, быстро поворачиваться и хорошо преодолевать препятствия; кони должны быть смелыми и быстрыми, чуткими к узде и послушными шенкелю, ловкими при поворотах и специально выезженными для легкого галопа, с хорошим подбором под себя ног. Помимо стремительных атак во фланг и тыл, засад и преследования, легкая кавалерия должна выполнять большую часть сторожевой и патрульной службы для всей армии; умение вести одиночный бой, основу которого составляет искусная верховая езда, является поэтому для нее одним из главных требований. В линии кавалеристы двигаются менее сомкнутым строем, что дает им возможность всегда быть готовыми к перемене фронта и другим эволюциям.

Англичане номинально имеют 13 полков легкой и 13 полков тяжелой кавалерии (драгуны, гусары, уланы; кирасиры составляют лишь два полка лейб-гвардии), но в действительности вся их кавалерия по своему составу и выучке представляет собой тяжелую кавалерию; в ней существует мало различий в отношении роста кавалеристов и размеров лошадей. Для действительно легкой кавалерийской службы они всегда пользовались иностранными войсками: немцами — в Европе, туземными иррегулярными войсками — в Индии. Французы обладают кавалерией трех видов: легкой кавалерией — гусары и стрелки — всего 174 эскадрона; линейной кавалерией — уланы и драгуны — 120 эскадронов; резервной кавалерией — кирасиры и карабинеры — 78 эскадронов. Австрия имеет 96 эскадронов тяжелой кавалерии — драгун и кирасиров — и 192 эскадрона легкой кавалерии — гусаров и уланов. Пруссия имеет в линейных войсках 80 эскадронов тяжелой конницы — кирасиров и уланов, и 72 эскадрона легкой конницы — драгун и гусаров; к этому количеству в случае войны может быть добавлено 136 эскадронов уланов ландвера первого призыва. Кавалерия ландвера второго призыва вряд ли когда-нибудь будет сформирована в самостоятельные единицы. Русская кавалерия состоит из 160 эскадронов тяжелой кавалерии — кирасиров и драгун — и 304 эскадронов легкой кавалерии — гусаров и уланов. Формирование драгунских частей, приспособленных для несения попеременно то конной, то пешей службы, теперь прекращено, и драгуны включены в состав тяжелой кавалерии. Однако подлинно легкой кавалерией у русских являются казаки, которых у них более чем достаточно для несения всех видов сторожевой, разведывательной и иррегулярной службы в их армиях. В армии Соединенных Штатов имеется два полка драгун, один полк конных стрелков и два полка, именуемых кавалерийскими; предлагалось все эти полки назвать кавалерийскими полками. В действительности же кавалерия Соединенных Штатов представляет собой пехоту, посаженную на коней.

Тактической единицей в кавалерии является эскадрон, включающий в свой состав такое количество бойцов, каким один командир может во время перестроений управлять голосом и непосредственным влиянием. Численность эскадрона колеблется от 100 человек (Англия) до 200 (Франция); в других армиях она также не выходит за эти пределы. Четыре, шесть, восемь или десять эскадронов составляют полк. Самые малочисленные полки — английские (от 400 до 480 человек), самые многочисленные — полки австрийской легкой кавалерии

(1600 человек). Очень большим полкам свойственна громоздкость, слишком малочисленные — очень скоро тают во время войны. Так, например, английская бригада легкой кавалерии при Балаклаве еще до истечения двух месяцев с момента начала кампании насчитывала в пяти полках двухэскадронного состава едва лишь 700 человек, или ровно половину того, что имел один русский гусарский полк по штату военного времени. Особыми формированиями являются у англичан — рота, или полуэскадрон, а у австрийцев — дивизион, или двойной эскадрон, составляющий промежуточное звено, наличие которого только и позволяет одному командиру управлять своим кавалерийским полком, при столь большой его численности.

До Фридриха Великого вея кавалерия строилась глубиной не меньше чем в три шеренги. Он первый построил своих гусаров в 1743 г. в две шеренги, а в сражении при Росбахе таким же образом была построена его тяжелая конница. После Семилетней войны такое построение было заимствовано всеми другими армиями, причем в настоящее время только оно и применяется. Для осуществления перестроений эскадрон делится на четыре взвода; построение из линии в колонну, расчлененную в глубину повзводно, и обратно в линию из колонны является главной и основной эволюцией во всяком кавалерийском маневре. Большинство других эволюций применяется только либо на марше (фланговый марш по три и т. п.), либо в исключительных случаях (сомкнутая колонна по взводам или по эскадронам). Действия кавалерии в бою сводятся преимущественно к рукопашной схватке, ее огонь имеет лишь второстепенное значение, сталь — сабля или пика — ее главное оружие; в атаке концентрируются все усилия кавалерии. Таким образом, критерием всех маневров и эволюций кавалерии и занимаемых ею позиций является атака. Все, что затрудняет атаку, является ошибочным. Сила атаки обеспечивается соединением наивысших усилий как бойцов, так и коней в ее завершающий момент, в момент фактического соприкосновения с противником. Для достижения этого необходимо сближаться с противником с постепенно возрастающей скоростью, так чтобы кони пускались во весь опор только на близком расстоянии от неприятеля. Между тем осуществление такой атаки является чуть ли не труднейшей из задач, которые приходится решать кавалерии. Чрезвычайно трудно сохранять полный порядок и сплоченность при движении вперед с возрастающей скоростью, в особенности если приходится передвигаться по весьма неровной местности. Здесь-то и обнаруживается, насколько трудно и как важно двигаться вперед строго

по прямой, ибо если не каждый всадник соблюдает при движении прямое направление, в шеренгах возникает давка, которая скоро распространяется от центра к флангам, а от флангов к центру; коней охватывает возбуждение и беспокойство, начинает сказываться разница в быстроте и темпераменте отдельных лошадей, и весь строй скоро приходит в беспорядок, превращаясь во все, что угодно, только не в прямолинейную шеренгу, и не сохраняя уже ничего от той строгой сплоченности, которая только и может обеспечить успех. Далее очевидно, что, подскакав вплотную к неприятелю, кони сделают попытку уклониться от вторжения в неподвижную или движущуюся массу противника и что всадники должны не допустить этого; в противном случае атака несомненно окажется безуспешной. Всадник поэтому должен не только проникнуться твердой решимостью врезаться в ряды противника, но и в совершенстве управлять своей лошадью. Уставы различных армий дают различные правила относительно способа движения атакующей кавалерии, но все они сходятся на том, что линия по возможности начинает движение шагом, затем переходит в рысь, с расстояния в 300 — 150 ярдов от противника — в легкий галоп, постепенно доводя скорость движения до полного галопа, а на расстоянии 20 — 30 ярдов от противника пускается во весь опор. Все эти правила, однако, допускают множество исключений; практически в каждом отдельном случае приходится принимать во внимание характер местности, погоду, состояние лошадей и т. п. Если во время атаки кавалерии против кавалерии обе стороны действительно сталкиваются, что в кавалерийских боях случается весьма редко, то в момент непосредственного столкновения сабли не имеют большого значения, Именно силой инерции одна сторона опрокидывает и рассеивает другую. Моральный фактор, храбрость, здесь сразу же превращается в материальную силу; наиболее храбрый эскадрон будет скакать с величайшим самообладанием, решимостью, стремительностью, ensemble* и сплоченностью. Ввиду этого никакая кавалерия не может совершать великие дела, если она не охвачена «порывом» [«dash»]. Но как только ряды одной стороны сломлены, в действие вступает сабля, а вместе с ней и индивидуальное искусство в верховой езде. По крайней мере части победоносной конницы приходится отказываться от своего тактического построения, чтобы саблей снять жатву победы. Таким образом удачная атака сразу решает судьбу боя; но если она не сопровождается преследованием и одиночными рукопаш-

* — слаженностью, единодушием. *Ред.*

ными схватками, то победа оказывается сравнительно бесплодной. Именно этим огромным превосходством стороны, сохранившей свою тактическую сплоченность и строй, над стороной, которая их утратила, и объясняется невозможность для иррегулярной конницы, как бы хороша и многочисленна она ни была, разбить регулярную кавалерию. Не подлежит сомнению, что в индивидуальном искусстве верховой езды и в умении действовать саблей ни одной регулярной кавалерии никогда еще не удавалось сравниться с иррегулярной конницей народов Востока, прирожденных воинов-наездников; и все же самая плохая регулярная кавалерия Европы всегда побеждала такую иррегулярную конницу в открытом бою. Со времени поражения гуннов при Шалоне (451 г.) и вплоть до восстания сипаев в 1857 г.[299] нельзя привести ни одного примера, когда бы блестящая, но иррегулярная конница Востока атакой опрокинула в бою хотя бы один полк регулярной кавалерии. Ее беспорядочные нестройные массы, атакующие не согласованно и не сплоченными рядами, не могут оказать ни малейшего воздействия на плотный, стремительно движущийся строй. Превосходство иррегулярной конницы может проявиться только в том случае, когда тактическое построение регулярной кавалерии приведено в расстройство и наступила очередь одиночного боя; но дикая скачка иррегулярных всадников прямо на врага не может дать такого результата. Только тогда, когда регулярная кавалерия, преследуя противника, оставляла свое линейное построение и завязывала одиночный бой, иррегулярная конница, внезапно повернув кругом и использовав благоприятный момент, наносила ей поражение. Действительно, со времени войн парфян с римлянами к этой военной хитрости сводилась почти вся тактика иррегулярной конницы в ее действиях против регулярной кавалерии. В этом отношении лучшим примером могут послужить наполеоновские драгуны в Египте, — без сомнения, самая плохая регулярная кавалерия того времени, — которые всегда наносили поражение самым блестящим иррегулярным наездникам — мамлюкам. Наполеон говорил о них: два мамлюка безусловно превосходили трех французов, 100 французов были равны по силе 100 мамлюкам; 300 французов большей частью одерживали верх над 300 мамлюков, а 1000 французов всегда побивали 1500 мамлюков[300].

Как ни велико бывает превосходство атаки той кавалерийской части, которая лучше сохраняет свой боевой порядок, все же ясно, что даже в такой части после успешной атаки порядок сбудет относительно нарушен. Успех атаки не бывает одинаково

решающим во всех пунктах; многие бойцы неизбежно оказываются втянутыми в одиночные схватки или преследование; и только сравнительно небольшая часть, преимущественно во второй шеренге, сохраняет некоторое подобие строя. Это — самый опасный момент для кавалерии; совсем небольшой отряд свежих войск, брошенный против нее, может вырвать победу из ее рук. Поэтому быстрый сбор после атаки является показателем действительно хорошей кавалерии, и как раз в этом отношении не только молодые, но иной раз и опытные и храбрые войска страдают серьезным недостатком. Английская кавалерия, посаженная на самых горячих коней, особенно легко выходит из-под контроля; почти везде ей приходилось сурово расплачиваться за это (например, при Ватерлоо и Балаклаве). После сигнала для сбора преследование обыкновенно предоставляется нескольким взводам или эскадронам, выделенным для этого специальным приказом или предназначенным для этой цели по общему распорядку; основная же масса конницы восстанавливает в это время порядок, чтобы быть готовой ко всяким случайностям. Ввиду того, что после атаки все приходит в состояние дезорганизованности даже и у победителей, настоятельно необходимо всегда иметь под рукой резерв, который может быть использован прежде всего в случае неудачи; поэтому основным правилом кавалерийской тактики всегда было пускать в дело только часть сил, имеющихся в распоряжении в каждый данный момент. Этим распространенным способом применения резервов объясняется изменчивый характер крупных кавалерийских сражений, в которых военное счастье склоняется то на одну, то на другую сторону, и обе стороны оказываются по очереди в положении побежденного, пока последние наличные резервы не обрушивают всю мощь своего сохраненного боевого порядка на расстроенную, мечущуюся массу противника и не решают исхода боя. Другим весьма важным фактором является местность. Ни один род войск не зависит в такой степени от местности, как кавалерия. Вязкая, рыхлая почва сбивает карьер на медленный галоп; препятствие, которое отдельный всадник взял бы, не задумываясь, может нарушить порядок и сплоченность линии; легко преодолимое неутомленными лошадьми препятствие может свалить с ног животных, которые шли рысью и галопом с раннего утра без пищи. В свою очередь непредвиденные преграды, задержав продвижение и вызвав перемену фронта и строя, могут подставить всю линию под фланговые атаки противника. Примером того, как не следует производить кавалерийские атаки, служит генеральная атака, предпринятая Мюратом

в сражении при Лейпциге. Он построил 14000 кавалеристов в одну глубокую колонну и бросил их на русскую пехоту, чья атака на деревню Вахау была только что отбита. Французская кавалерия приближалась рысью; на расстоянии около 600 или 800 ярдов от пехоты союзников она перешла в легкий галоп; на рыхлой почве кони скоро утомились, и наступательный порыв иссяк к тому моменту, когда они достигли каре. Лишь немногие сильно пострадавшие батальоны были опрокинуты. Обойдя другие каре, масса кавалерии проскакала через вторую линию пехоты, не причинив ей никакого вреда, и, наконец, достигла линии прудов и болот, которые остановили ее продвижение. Кони совершенно выбились из сил, кавалеристы утратили порядок, полки смешались и потеряли управление; в такой обстановке два прусских полка и гвардейские казаки, общей численностью менее 2000 человек, напали врасплох на фланги французской кавалерии и отбросили ее в полном беспорядке. В данном случае не было ни резерва для непредвиденных случайностей, ни надлежащего внимания к аллюру и дистанции; результатом явилось поражение.

Атака может производиться в различных построениях. Тактики различают атаку en muraille*, когда между эскадронами атакующей линии нет совсем или имеются очень небольшие интервалы; атаку с интервалами, когда расстояние между эскадронами равно от 10 до 20 ярдов; атаку en echelon**, когда эскадроны идут в атаку один за другим, начиная с одного из флангов, так что они достигают противника не одновременно, а по очереди; этот вид атаки можно значительно усилить, поместив эскадрон, построенный в расчлененную колонну, за внешним флангом эскадрона, составляющего первый echelon; наконец, бывает атака колонной. Последний вид атаки существенно отличается от всех перечисленных видов ее, каждый из которых представляет собой лишь видоизменение линейной атаки. Линейный порядок до Наполеона был общепринятой и основной формой всякой кавалерийской атаки. За все XVIII столетие мы встречаем кавалерийскую атаку колонной только в одном случае, а именно, когда приходилось прорываться из вражеского окружения. Но Наполеон, кавалерия которого состояла из храбрых солдат, но плохих наездников, вынужден был возместить тактические недочеты своей конницы каким-либо новым приемом. Он начал посылать свою кавалерию и атаку глубокими колоннами, вынуждая таким образом передние шеренги скакать напрямик и одновременно бросая на

* — стеной. *Ред.*
** — уступами, эшелонами. *Ред.*

избранный пункт атаки гораздо большее число всадников,, чем это можно было бы сделать при линейной атаке. Стремление действовать большими колоннами сделалось у Наполеона в течение кампаний, последовавших за кампанией 1807 г., своего рода манией. Он впервые ввел построения в колонны поистине чудовищных размеров и, в силу их случайного успеха в 1809 г., упорно придерживался этих построений в позднейших кампаниях, хотя они и способствовали проигрышу им не одного сражения. Он образовывал колонны из целых дивизий пехоты или кавалерии, располагая развернутые батальоны и полки один за другим. С кавалерией такой опыт был впервые проделан при Экмюле в 1809 г., когда 10 полков кирасиров атаковали колонной, причем в первой линии было развернуто два полка, а позади следовали четыре такие же линии на дистанции около 60 ярдов одна от другой. С пехотой так поступили при Ваграме, когда были сформированы колонны из целых дивизий, причем один развернутый батальон следовал позади другого. Такое маневрирование могло быть неопасным против медлительных и методичных австрийцев того времени, но во всех позднейших кампаниях, а также в борьбе с более активным противником, оно приводило к поражению. Мы уже видели, как плачевно завершилась общая атака Мюрата при Вахау, произведенная в таком построении. Гибельный исход общей пехотной атаки д'Эрлона при Ватерлоо был вызван применением того же построения[301]. Применение огромных колонн в кавалерии представляется особенно ошибочным, ибо оно превращает наиболее ценные ресурсы в одну неповоротливую массу, которая, будучи однажды пущенной в дело, в дальнейшем уже не поддается управлению, и какой бы успех ни был достигнут ею по фронту, она всегда оказывается во власти более мелких, хорошо управляемых частей противника, бросаемых на ее фланги. Из материала, служащего для построения одной такой колонны, можно было бы создать вторую линию и один или два резерва, атаки которых сразу могли бы и не произвести особого эффекта, но при их повторении, несомненно, дали бы в конце концов более значительные результаты с меньшими потерями. И действительно, в большинстве армий от подобной атаки колонной или отказались, или она сохранилась лишь как теоретический курьез, тогда как для всех практических целей большие отряды кавалерии строятся в несколько линий на дистанциях атаки между ними, причем каждая линия поддерживает и сменяет другую в течение затяжной схватки. Наполеон опять-таки первым стал формировать свою кавалерию в соединения, состоявшие из нескольких дивизий и получившие название кава-

лерийских корпусов. В качестве средства упрощения передачи приказаний в крупной армии подобная организация резервной кавалерии в высшей степени необходима; но сохранение ее на поле сражения, когда эти корпуса должны были действовать как единое целое, никогда не приносило положительных результатов. Последнее фактически явилось одной из главных причин того ошибочного построения огромных колонн, о котором мы уже упоминали. В современных европейских армиях кавалерийский корпус, как правило, сохранен; в прусской, австрийской и русской армиях даже установлены типовые построения и общие правила для действия таких корпусов на поле сражения; в основе этих правил лежит построение первой и второй линий и резерва; эти правила содержат также предписания относительно размещения приданной такому корпусу конной артиллерии.

До сих пор мы говорили о действиях кавалерии лишь постольку, поскольку это относилось к ее действиям против кавалерии. Но одной из главных целей применения в сражении этого рода войск, а в настоящее время фактически главной целью, являются его действия против пехоты. Мы видели, что в XVIII столетии пехота в сражении против кавалерии почти никогда не строилась в каре. Она встречала атаку, оставаясь в линии; если же атака направлялась против фланга, то для ее отражения несколько рот заходили назад и выстраивались en potence*. Фридрих Великий предписывал своей пехоте никогда не строиться в каре, за исключением тех случаев, когда изолированный батальон оказывался застигнутым кавалерией врасплох; и если в таком случае строилось каре,

> «оно должно было двинуться прямо на вражескую конницу, отбить ее и, не обращая никакого внимания на ее атаки, продолжать выполнение своей задачи».

Тонкие линии пехоты того времени встречали кавалерийскую атаку с полной уверенностью в эффективности своего огня и действительно довольно часто отбивали ее; но в случае прорыва их разгром оказывался неизбежным, как это было при Хоэнфридеберге и Цорндорфе. В настоящее время, когда в столь многих случаях колонна заменила линейное построение, принято за правило, что пехота всегда, когда это выполнимо, для отражения кавалерийской атаки строится в каре. Правда, современные войны дают целый ряд примеров того, как хорошая кавалерия нападала врасплох на пехоту, построенную в линию, но обращалась в бегство ее огнем; но такие случаи

* — в виде буквы Г. *Ред.*

составляют исключение. Вопрос теперь заключается в том, имеет ли кавалерия достаточные шансы, чтобы опрокинуть каре пехоты. Мнения на этот счет расходятся; но, по-видимому, общепризнанным является положение, что в обычных условиях хорошая свежая пехота, не расстроенная артиллерийским огнем, имеет очень большие шансы устоять против кавалерии, тогда как над молодыми пехотинцами, израсходовавшими свою энергию и утратившими стойкость вследствие тяжелого боя в течение дня, больших потерь и продолжительного пребывания под обстрелом, решительная кавалерия одерживает верх. Бывают и исключения, как, например, атака немецких драгун при Гарсия-Эрнандес (1812 г.)[302], где каждый из трех эскадронов разбил каре свежей французской пехоты; но, как правило, кавалерийский начальник не сочтет благоразумным бросить своих людей на такую пехоту. При Ватерлоо предпринятые Неем общие атаки массами французской резервной кавалерии против центра Веллингтона не смогли опрокинуть английские и немецкие каре, потому что атакуемые войска, укрытые на значительном расстоянии за гребнем холма, весьма мало пострадали от предшествовавшей канонады и были почти совсем свежими. Такие атаки поэтому применимы только на последней стадии сражения, когда пехота в значительной мере потрепана и истощена как активным участием в бою, так и пассивным пребыванием под сосредоточенным артиллерийским огнем. В таких случаях они оказывают решающее действие, как это было при Бородино и Линьи[*], в особенности если атака поддерживается пехотными резервами, что и имело место в обоих указанных сражениях.

Мы не можем здесь останавливаться на различного рода обязанностях, какие могут возлагаться на кавалерию при несении сторожевой службы, при патрулировании, при конвоировании и т. д. Однако было бы уместно сказать несколько слов об общих положениях кавалерийской тактики. Поскольку пехота все более и более становится главной силой в сражениях, маневрирование конницы должно быть, несомненно, более или менее подчинено маневрированию пехоты. А так как современная тактика основана на сочетании и взаимной поддержке трех родов войск, то отсюда следует, что по крайней мере для части кавалерии не может быть и речи о самостоятельных действиях. В соответствии с этим кавалерия той или иной армии всегда подразделяется на две особые категории: дивизионную кавалерию и резервную кавалерию, Первая состоит из конницы,

[*] См. настоящий том, стр. 256 — 261 и 194. *Ред.*

присоединяемой к различным пехотным дивизиям и корпусам и подчиненной вместе с пехотой одному и тому же командованию. Во время боя назначение ее состоит в том, чтобы использовать все благоприятные моменты, какие только представятся, для достижения успеха, или помочь собственной пехоте выйти из боя, когда она атакована превосходящими силами. Действия ее, естественно, ограничены, а силы недостаточны для того, чтобы она могла действовать самостоятельно. Резервная кавалерия, составляющая основную массу кавалерии армии, играет ту же подчиненную роль по отношению ко всей пехоте своей армии, какую играет дивизионная кавалерия по отношению к той пехотной дивизии, к которой она принадлежит. Поэтому резервную кавалерию следует держать в готовности, пока не представится благоприятный момент для нанесения сокрушительного удара с целью отражения общей пехотной или кавалерийской атаки противника, или для осуществления собственной атаки решающего характера. Из сказанного выше становится очевидным, что резервную кавалерию целесообразнее всего применять на последних стадиях крупного сражения, когда она может иметь и часто имела решающее значение. Столь громадные успехи, каких достигал Зейдлиц со своей конницей, теперь совершенно немыслимы; однако на исход большинства крупных сражений новейшего времени весьма существенно влияла та роль, какую в них играла кавалерия. Чрезвычайно велико значение кавалерии при преследовании. Пехота, поддерживаемая артиллерией, не имеет основания отчаиваться в борьбе с кавалерией, пока она сохраняет порядок и стойкость; но, придя в расстройство, все равно по какой причине, она становится добычей для кавалеристов, брошенных против нее. От коней нельзя убежать: хорошие кавалеристы могут продвигаться даже по труднопроходимой местности; энергичное преследование кавалерией разбитой армии всегда является лучшим и единственным способом полностью закрепить за собой плоды победы. Таким образом, сколь преобладающей ни становилась бы роль пехоты в сражениях, кавалерия все же остается необходимым родом войск и всегда останется таковым; и в настоящее время, как и прежде, ни одна армия не может вступать в борьбу с хорошими шансами на успех, если она не имеет кавалерии, которая владеет искусством верховой езды и умеет сражаться.

Написано Ф. Энгельсом в начале марта — около 21 июня 1858 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IV. 1859 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФОРТИФИКАЦИЯ [303]

Этот предмет иногда разделяют на оборонительную фортификацию, которая предусматривает способы приспособления данной местности, постоянно или только на короткое время, к обороне, и на наступательную фортификацию, которая содержит правила ведения осады. Мы, однако, изложим здесь этот предмет, разбив его на три раздела: *долговременная фортификация,* или способ приведения в мирное время местности в такое состояние обороны, которое заставило бы неприятеля применить против нее правильную осаду; искусство ведения *осады; полевая фортификация,* или сооружение временных укреплений для того, чтобы усилить какой-либо данный пункт вследствие того значения, которое он может временно приобрести при особых обстоятельствах кампании.

I. ДОЛГОВРЕМЕННАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ

Самой древней формой укреплений был, по-видимому, палисад, который вплоть до конца XVIII столетия все еще оставался национальной системой турок (palanka) и даже теперь еще широко применяется на Индо-Китайском полуострове у бирманцев. Он состоит из двойного или тройного ряда прочных деревянных столбов, вкопанных вертикально и плотно друг к другу в землю и образующих стену вокруг всего обороняемого города или лагеря. Дарию в его походе против скифов, Кортесу у Табаско в Мексике и капитану Куку в Новой Зеландии — всем им пришлось встретиться с такими палисадами. Иногда пространство между рядами столбов заполнялось землей; в других случаях столбы соединялись и удержи-

вались вместе при помощи плетня. Следующим шагом было сооружение, вместо палисада, каменных стен. Эта система обеспечивала большую долговременность и в то же время делала приступ гораздо более затруднительным; со времен Ниневии и Вавилона вплоть до конца средних веков у всех более цивилизованных народов каменные стены являлись единственным средством фортификации. Стены делались настолько высокими, что овладеть ими с помощью штурмовых лестниц было трудно; они были достаточно толстыми, чтобы оказывать длительное сопротивление стенобитным таранам и позволять защитникам свободно двигаться по их верхнему краю, под прикрытием более тонкого каменного зубчатого парапета, через амбразуры которого можно было пускать в осаждающих стрелы или бросать другое метательное оружие. Чтобы усилить оборону, парапет вскоре стал строиться нависающим над стеной с отверстиями между выступающими вперед камнями, на которых он держался: это давало, осажденным возможность видеть подножие стены и прямо сверху поражать метательными средствами неприятельские войска, если тем удавалось достигнуть этого места. Сооружение рва, окружавшего всю стену и являвшегося главным препятствием на подступах к ней, несомненно, также относится к одному из ранних периодов. Наконец, оборонительные возможности каменных стен были доведены до высшей ступени развития, когда к ним стали пристраивать через известные интервалы башни, которые, образуя выступы перед стеной, обеспечивали ее оборону с флангов при помощи метательных снарядов, выбрасываемых из них по войскам, штурмовавшим пространство между двумя башнями. В большинстве случаев более высокие, чем стена, и отделенные от ее вершины поперечными парапетами, они господствовали над ней, и каждая из них представляла собой маленькую крепость, которую нужно было брать отдельно, после того как с главной стены обороняющиеся были уже оттеснены. Если мы к этому добавим, что в некоторых городах, особенно в Греции, имелся тот или иной вид цитадели на господствующей внутри крепости высоте (акрополь), который образовывал своего рода редюит и вторую линию обороны, то мы исчерпаем этим самые основные черты фортификации эпохи каменных стен.

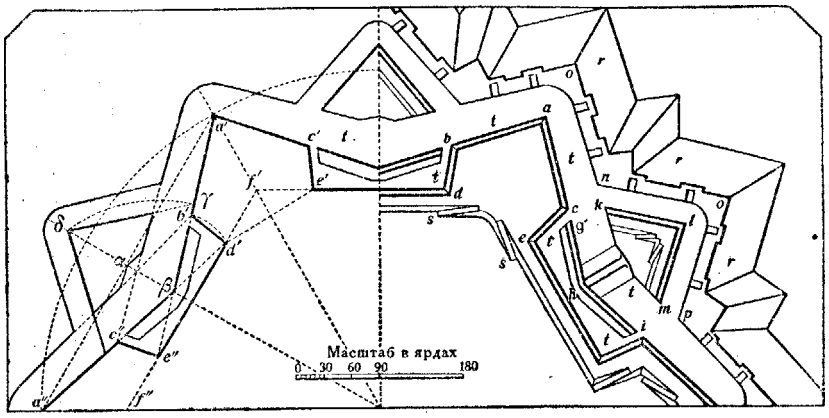
Но в период с XIV до конца XVI века применение артиллерии коренным образом изменило способы атаки укрепленных пунктов. С этого периода берет свое начало обильная литература по фортификации, давшая бесчисленные системы и методы, часть которых нашла себе более или менее широкое

практическое применение, в то время как другие — и не всегда наименее искусные — оставлялись без внимания как чисто теоретические курьезы, до тех пор, пока в более поздние времена заключавшиеся в них плодотворные идеи не были снова извлечены на свет более удачливыми преемниками. Такова была судьба, как мы увидим, того самого автора, который, если можно так выразиться, перебросил мост между старой системой каменных стен и новой системой земляных укреплений, облицованных камнем только в тех местах, которые невидимы для неприятеля на расстоянии[304]. Непосредственным результатом применения артиллерии было увеличение толщины стен и диаметра башен за счет их высоты. Теперь эти башни стали называться ронделями (rondelli); они делались достаточно обширными, чтобы вместить несколько артиллерийских орудий. Чтобы дать возможность осажденным вести огонь из пушек также и со стены, позади нее для придания ей необходимой ширины насыпался земляной вал. Вскоре мы увидим, как это земляное сооружение начало постепенно вытеснять стену, и в некоторых случаях целиком ее заменило. Альбрехт Дюрер, знаменитый немецкий художник, развил эту систему ронделей, доведя ее до высшего совершенства. Он сделал их целиком обособленными фортами, расположив на всем протяжении стены через определенные интервалы, с казематированными батареями для продольного обстрела рва; его каменные парапеты остаются неприкрытыми (то есть видны осаждающим и являются объектом их настильного огня) не более чем на 3 фута в высоту; для того же, чтобы усилить оборону рва, он предложил капониры — сооружения в виде казематов на дне рва, скрытые от осаждающих, с амбразурами в обе стороны для продольного обстрела рва на пространстве до ближайших углов многоугольника. Почти все эти предложения являлись новыми изобретениями; и если в его время ни одно из них, за исключением казематов, не получило одобрения, то в позднейших и наиболее значительных системах фортификации, как мы увидим, все они были признаны и развиты в соответствии с изменившимися условиями нового времени.

Примерно в тот же период было произведено изменение формы увеличенных башен, перемена, от которой, можно считать, берут свое начало новейшие системы фортификации. Круглая форма башни имела то неудобство, что ни с куртины (части стены между двумя башнями), ни из ближайших соседних башен нельзя было поражать огнем каждую точку впереди башни, находящейся между ними: вблизи стены имелись небольшие углы, где неприятель, коль скоро он их достигал, оказывался

вне пределов действия огня крепости. Чтобы устранить это, башня была переделана в неправильный пятиугольник, одной стороной обращенный внутрь крепости, а четырьмя другими — к открытой местности. Этот пятиугольник был назван бастионом. Во избежание повторений и неясности мы сразу же приступим к описанию, с приведением соответствующей терминологии, бастионной обороны, основанной на одной из тех систем, которые обнаруживают все ее существенные особенности.

Чертеж 1 (см. следующую страницу) представляет три передние стороны шестиугольника, укрепленного согласно первой системе Вобана. На левой стороне обозначены простые контуры, какие применяются в геометрическом эскизе сооружения; на правой даны в детальном изображении валы, гласисы и т. д. Сплошной вал охватывает не всю сторону *f′ f″* многоугольника: на каждом конце этой стороны отрезки *d′ f′* и *e″ f″* остаются незакрытыми, и образовавшееся таким образом пространство прикрывается выступающим вперед пятиугольным бастионом *d′ b′ a′ c′ e′*. Линии *a′ b′* и *a′ c′* образуют фасы, а линии *b′ d′* и *c′ e′* — фланки бастиона. Точки, в которых встречаются фасы и фланки, называются плечными точками. Линия *a′ f′,* которая идет из центра круга к вершине угла бастиона, называется капиталью. Линия *e″ d′,* составляющая часть первоначального очертания шестиугольника, изображает куртину. Таким образом, каждый многоугольник имеет столько же бастионов, сколько сторон. Бастион может быть или полным, если весь пятиугольник наполнен землей до высоты артиллерийского валганга (площадка вала, где стоят орудия), или полым (пустым), если вал непосредственно позади орудий отлого опускается вниз внутрь бастиона. На чертеже 1 *d b a c e* представляет собой полный бастион; соседний справа, изображенный лишь наполовину, является полым. Бастионы и куртины вместе составляют крепостную ограду, или ядро крепости. В них мы отметим на артиллерийском валганге прежде всего парапет, построенный спереди так, чтобы укрыть обороняющихся, и затем спуски на внутреннем скате *(s s),* при помощи которых поддерживается сообщение с внутренней частью крепости. Вал достаточно высок для того, чтобы защитить городские здания от настильного огня, а парапет достаточно толст, чтобы длительное время выдерживать огонь тяжелой артиллерии. Вокруг всего вала проходит ров *t t t t,* а в нем расположено несколько видов внешних укреплений. Прежде всего перед куртиной находится равелин, или демилюн, *k l m,* треугольное сооружение с двумя фасами — *k l* и *l m,* каждый с валом и парапетом для размещения артиллерии.



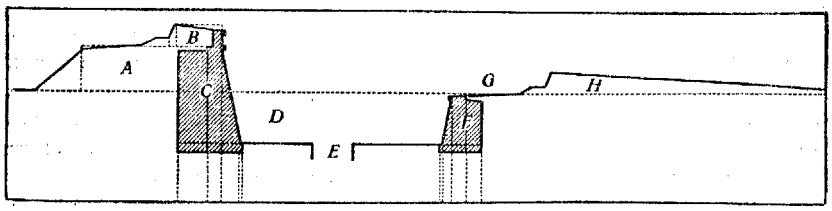
ЧЕРТЕЖ 1

Открытый тыл любого сооружения называется горжей; таким образом, *k m* в равелине и *d e* в бастионе являются горжами. Парапет равелина приблизительно на 3 или 4 фута ниже парапета ядра крепости, так что последнее командует над парапетом равелина, и его орудия могут, в случае нужды, стрелять поверх равелина. Между куртиной и равелином, во рву, находится длинное узкое отдельное сооружение, так называемый теналь *g h i,* предназначенный главным образом для того, чтобы прикрывать куртину от огня брешь-батарей противника. Оно низко и слишком узко для размещения артиллерии, и его парапет служит лишь для того, чтобы дать возможность пехоте в случае успешного штурма противника фланкировать демилюн огнем из рва. По ту сторону рва находится прикрытый путь *nop,* граничащий внутренней стороной со рвом, а внешней — с внутренним скатом гласиса *r r r,* который от своей высшей внутренней границы, или гребня (crete), спускается весьма полого в поле. Гребень гласиса опять-таки тремя или более футами ниже равелина, чтобы дать возможность всем орудиям крепости стрелять поверх него. Из скатов этих земляных сооружений наружный скат ядра крепости и внешних укреплений во рву (эскарп), а также наружный скат самого рва (от прикрытого пути вниз), или контрэскарп, бывают обыкновенно обложены камнем. Исходящие и входящие углы прикрытого пути образуют большие, просторные и защищенные площадки, называемые плацдармами; они называются или исходящими *(o),* или входящими *(n p),* в зависимости от того,

рядом с какими углами они расположены. Чтобы предохранить прикрытый путь от продольного огня, поперек него, через интервалы, построены траверсы, или поперечные парапеты, и лишь небольшие проходы оставлены у их оконечностей, прилегающих к гласису. Иногда устраивают небольшое сооружение для того, чтобы прикрыть сообщение через ров от теналя к равелину; оно называется капониром и состоит из узкого прохода, прикрытого с каждой стороны парапетом, наружные поверхности которого отлого спускаются вниз, подобно гласису. На чертеже 1 такой капонир находится между теналем *g h i* и равелином *k l m.*

Поперечный разрез, приведенный на чертеже 2, поможет сделать это описание более ясным. *A* — представляет собой артиллерийский валганг ядра крепости, *B* — парапет, *C* — каменную одежду эскарпа, *D* — ров, *E* — кювет, меньший и более глубокий ров, прорытый по середине большого, *F* — каменную одежду контрэскарпа, *G* — прикрытый путь, *H* — гласис. Ступеньки, показанные позади парапета и гласиса, называются банкетами и служат возвышениями для пехотинцев, которые становятся на них, чтобы стрелять поверх прикрывающего парапета. Из приведенной схемы отчетливо явствует, что орудия, расположенные на фланках бастионов, обстреливают весь ров, лежащий впереди соседних бастионов. Так, фас *a′ b′* прикрывается огнем фланка *c″ e″,* а фас *a′ c′* — фланка *b d.* С другой стороны, внутренние фасы двух соседних бастионов прикрывают фасы равелина, находящегося между ними, держа под своим огнем ров перед этим равелином. Таким образом, нет ни одного участка рва, не прикрываемого фланкирующим огнем, — в этом и состоял тот подлинно великий шаг вперед, благодаря которому бастионная система открыла новую эпоху в истории фортификации.

Ни изобретатель бастионов, ни точное время их возникновения неизвестны; достоверно лишь то, что они были изобретены



ЧЕРТЕЖ 2

в Италии и что в 1527 г. Санмикели построил два бастиона на валу Вероны. Все, что сообщалось о более раннем существовании бастионов, является сомнительным. Системы бастионной фортификации классифицируются по нескольким национальным школам; прежде всего следует упомянуть, разумеется, о той, которая изобрела бастионы, а именно об итальянской школе. Первые итальянские бастионы носили на себе отпечаток своего происхождения; они представляли собой не что иное, как башни или рондели многоугольной формы; они почти не изменили прежнего характера укреплений, если не считать фланкирующего огня. Крепостной оградой оставалась каменная стена, не защищенная от настильного огня неприятеля; земляной вал, насыпанный за стеной, служил главным образом местом для расположения и действий артиллерии, а его внутренний скат подобно старинным городским стенам был также покрыт каменной кладкой. Лишь значительно позже парапет стал строиться как земляное сооружение, но даже и тогда весь его наружный скат до самой вершины был обложен камнем и не защищен от настильного огня противника. Куртины были чрезвычайно длинны — от 300 до 550 ярдов, бастионы очень малы, величиной с большую рондель, фланки — всегда перпендикулярны куртинам. Так как в фортификации существует правило, согласно которому лучший фланкирующий огонь всегда ведется с линии, перпендикулярной той, которую нужно прикрыть этим огнем, то, разумеется, главной целью старинного итальянского бастионного фланка было прикрытие не короткого и удаленного фаса соседнего бастиона, а длинной прямой линии куртины. Там, где куртина была слишком длинной, посередине ее строился плоский тупоугольный бастион, который назывался платформой (piatta forma). Фланки строились не от плечных точек, а несколько позади валов фасов, таким образом, чтобы плечные точки выступали вперед и были предназначены для прикрытия фланков; каждый фланк имел две батареи — нижнюю и верхнюю, расположенную несколько позади; иногда же в эскарпе фланка сооружался каземат в уровень с дном рва. Прибавьте сюда ров, и вы получите всю первоначальную итальянскую систему; тут не было ни равелинов, ни теналей, ни прикрытого пути, ни гласиса. Но эта система вскоре была усовершенствована. Куртины были укорочены, бастионы увеличены. Длина внутренней стороны многоугольника ($f'f''$, чертеж 1) была установлена в 250 — 300 ярдов. Фланки бастионов удлинены до $^1/_6$ стороны многоугольника и $^1/_4$ длины куртины. Таким образом, хотя они оставались перпендикулярными к куртине и имели

другие недостатки, но, как мы увидим, теперь они больше защищали фас ближайшего бастиона. Бастионы стали делать полными, и в их центре часто воздвигали кавальер, то есть сооружение с фасами и фланками, параллельными фасам и фланкам бастиона, но с более высокими валом и парапетом, настолько, чтобы с них можно было вести огонь через парапет бастиона. Ров был очень широк и глубок, с контрэскарпом, идущим обыкновенно параллельно фасу бастиона; но так как такое направление контрэскарпа мешало просматривать и фланкировать весь ров в целом с ближайшей к плечной точке части фланка, то впоследствии этот недостаток был устранен, и контрэскарп сооружался так, чтобы его геометрическое продолжение проходило через плечную точку следующего бастиона. Затем был введен прикрытый путь (впервые в цитадели Милана во второй четверти XVI века; описан впервые у Тартальи в 1554 году[305]). Он служил местом сосредоточения и путем отхода для отрядов, совершавших вылазки, и можно сказать, что с момента его введения берет свое начало искусное и энергичное применение наступательных действий при обороне крепости. Для того чтобы увеличить возможности использования прикрытого пути, были созданы плацдармы, которые давали больше простора, а из их входящих углов можно было вести надежный фланкирующий огонь вдоль прикрытого пути. Чтобы сделать доступ к прикрытому пути еще более затруднительным, на гласисе, в одном или двух ярдах от его гребня, стали воздвигаться палисадные стены; но при таком расположении они быстро разрушались неприятельским огнем, и поэтому во второй половине XVII века по совету француза Модена они стали помещаться на прикрытом пути, защищенном гласисом. Ворота находились в середине куртины; для их прикрытия перед ними в середине рва было построено сооружение в форме полумесяца; но по той же причине, по какой башни были превращены в бастионы, этот полумесяц (demi-lune) был вскоре превращен в треугольное сооружение — теперешний равелин. Сооружение это все же было очень небольшим, но его стали строить несколько увеличенных размеров, когда было установлено, что оно не только служит предмостным укреплением для рва, но и прикрывает также фланки и куртины от огня неприятеля, обеспечивает перекрестный огонь впереди капиталей бастионов и эффективно фланкирует прикрытый путь. Тем не менее равелины делались еще очень небольшими, так что продолжение линий их фасов пересекало крепостную ограду в куртинной точке (в крайней точке куртины). Главные недостатки итальянской системы фортификации были

следующие: 1. Неудачное направление фланка. После того, как стали устраивать равелины и прикрытые пути, куртина все менее и менее делалась объектом атаки; теперь штурму подвергались главным образом фасы бастионов. Для того чтобы хорошо прикрыть фасы, надо было, чтобы при своем продолжении линия фаса пересекала куртину в той самой точке, где начинался фланк ближайшего бастиона, а этот фланк был бы перпендикулярным, или почти таковым, к этой продолженной линии (называемой оборонительной линией). В этом случае стал бы возможен действительный фланкирующий огонь вдоль всего рва и впереди бастиона. На самом же деле оборонительная линия не была перпендикулярна фланкам, а также не соединялась с куртиной в куртинной точке, — она пересекала куртину на четверти, трети или половине ее длины. Таким образом, настильный огонь с фланка мог повредить скорее гарнизону противоположного фланка, чем противнику, штурмовавшему соседний бастион. 2. Явно недостаточно обеспечивалась длительная оборона после того как хотя бы в одном пункте крепостной стены была пробита брешь и противник штурмом овладел им. 3. Небольшие равелины недостаточно прикрывали куртины и фланки и сами слабо фланкировались огнем с куртин и фланков. 4. При значительной высоте вала, сплошь облицованного или обложенного камнем, от 15 до 20 футов каменной кладки обычно не было защищено от вражеского настильного огня и, конечно, эта кладка быстро разрушалась. Мы увидим, что понадобилось почти два столетия, чтобы искоренить эту приверженность к непокрытой землей каменной кладке, даже после того, как Нидерланды доказали всю ее бесполезность. Лучшими инженерами и авторами, принадлежавшими к итальянской школе, были: Санмикели (умер в 1559 г.), который укрепил Наполи-ди-Романью в Греции и Кандию, построил форт Лидо близ Венеции; Тарталья (около 1550 г.); Альгизи да Карпи, Джероламо Маджи и Джакомо Кастриотто — все трое приблизительно в конце XVI столетия написали работы по фортификации[306]. Пачотто из Урбино построил цитадели Турина и Антверпена (1560 — 1570 гг.). Последующие итальянские авторы по фортификации — Марки, Буска, Флориани, Россетти — ввели много улучшений в эту систему, но ни одно из них не было оригинальным. Они были попросту более или менее искусными плагиаторами; большинство своих изобретений они заимствовали у немца Даниеля Спекля, а остальные — у нидерландцев. Деятельность всех названных авторов относится к XVII веку, и ее совершенно затмило быстрое развитие фортификационной науки, которое

в это время происходило в Германии, Нидерландах и во Франции.

В Германии вскоре были вскрыты недостатки итальянской системы фортификации. Первый, кто указал на главные недостатки старой итальянской школы — небольшие бастионы и длинные куртины, — был немецкий инженер Франц, укреплявший город Антверпен для Карла V. На совете, созванном для рассмотрения плана укреплений, он настаивал на строительстве более крупных бастионов и более коротких куртин, однако перевес получили голоса герцога Альбы и других испанских генералов, которые не желали ничего знать, кроме старой итальянской системы со свойственной ей рутиной. Немецкие крепости других систем отличались тем, что в них были введены казематированные галереи по принципу Дюрера, как, например, в Кюстрине, у крепленном в 1537 — 1558 гг., и в Юлихе, укрепленном несколько лет спустя инженером, известным под именем мастера Иоганна (Meister Johann). Но первый, кто окончательно вырвался из оков итальянской школы и сформулировал принципы, на которых основывались все последующие системы бастионных укреплений, был Даниель Спекль, инженер города Страсбурга (умер в 1589 году). Главными его принципами были следующие: 1. Крепость становится тем сильнее, чем больше сторон имеет многоугольник, образующий крепостную ограду, так как благодаря этому отдельные крепостные фронты способны оказывать большую поддержку друг другу; следовательно, чем больше начертание укреплений, требующих защиты, приближается к прямой линии, тем лучше. Таким образом, этот принцип, который Кормонтень выставлял как оригинальное открытие, широко демонстрируя при этом математическую ученость, был прекрасно известен Спеклю на 150 лет раньше. 2. Остроугольные бастионы плохи; плохи также и тупоугольные; исходящий угол должен быть прямым. Будучи правым в своих возражениях против острых исходящих углов (ныне наименьшим допустимым исходящим углом обыкновенно считается угол в 60°), он, вследствие пристрастия своей эпохи к прямоугольным выступам, был противником и тупых выступов, которые в действительности являются чрезвычайно выгодными и неизбежными в многоугольниках с большим числом сторон. В сущности это было, по-видимому, уступкой предрассудкам своей эпохи, так как на всех чертежах, отражающих наиболее сильные, по его мнению, стороны его метода фортификации, изображены тупоугольные бастионы. 3. Итальянские бастионы слишком малы; бастион должен быть большим. Вследствие этого бастионы Спекля больше бастионов

Кормонтеня. 4. Кавальеры необходимы в каждом бастионе и на каждой куртине. Этот вывод вытекал из применявшегося в его время способа осады, при котором высокие кавальеры в траншеях играли большую роль. Но по мысли Спекля назначение кавальеров состояло в большем, нежели оказание простого сопротивления; они у него являются настоящими купюрами, заранее строившимися внутри бастионов, которые образуют вторую линию обороны, после того как в крепостной ограде уже образована брешь и она взята штурмом. Таким образом, заслуга превращения кавальеров в постоянные купюры, обыкновенно приписываемая Вобану и Кормонтеню, в действительности принадлежит Спеклю. 5. Фланк бастиона — по крайней мере одна из его частей, а еще лучше весь фланк — должен быть перпендикулярным к оборонительной линии и сооружаться должен в точке пересечения оборонительной линии с куртиной. Таким образом, и этот важный принцип, открытие которого приписывается французскому инженеру Пагану и который принес ему значительную долю его славы, был провозглашен за 70 лет до него. 6. Казематированные галереи необходимы для защиты рва; вследствие этого Спекль устраивает их и на фасах, и на фланках бастиона, но только для пехоты; если бы он сделал их достаточно вместительными для артиллерии, то в этом отношении он достиг бы уровня новейших усовершенствований. 7. Чтобы равелин приносил пользу, он должен быть как можно более крупным; поэтому равелин Спекля самый большой из всех, которые когда-либо были предложены. Усовершенствования Вобана, по сравнению с Паганом, в известной части, а усовершенствования Кормонтеня, но сравнению с Вобаном, почти исключительно, состояли в последовательном увеличении равелина; но равелин Спекля значительно больше, чем даже равелин Кормонтеня. 8. Прикрытый путь должен быть возможно больше укреплен. Спекль был первым, кто понял громадное значение прикрытого пути и соответственно укреплял его. Гребни гласиса и контрэскарпа были устроены en cremaillere (наподобие лезвия пилы) для того, чтобы сделать продольный огонь недейственным. Кормонтень опять-таки заимствовал эту идею у Спекля, но он сохранил траверсы (короткие валы поперек прикрытого пути для защиты от продольного огня), которые отвергал Спекль. Современные инженеры обычно приходят к заключению, что схема Спекля лучше схемы Кормонтеня. Кроме того, Спекль первый поставил артиллерию на плацдармы прикрытого пути. 9. Ни одна часть каменной кладки не должна быть открыта для наблюдения противника и не защищена от его настильного огня,

чтобы, таким образом, брешь-батареи неприятеля не могли быть готовы к действию раньше, чем он достигнет гребня гласиса. Этот наиболее важный принцип, хотя и установленный Спеклем уже в XVI веке, не был применен вплоть до Кормонтеня; даже Вобан открывает значительную часть каменной кладки (см. *C* на чертеже 2). Из этого краткого обзора идей Спекля видно, что в них не только содержатся, но и отчетливо выражены основные принципы всей новейшей бастионной фортификации, и его система, на основе которой даже и теперь можно было бы создать очень хорошие оборонительные сооружения, является действительно замечательной, если принять во внимание время, в которое он жил. Во всей истории новейшей фортификации нет ни одного знаменитого инженера, в отношении которого нельзя было бы доказать, что он заимствовал некоторые из своих лучших идей из этого великого первоисточника бастионной обороны. Практическое инженерное искусство Спекля проявилось в строительстве крепостей Ингольштадт, Шлетштадт, Гагенау, Ульм, Кольмар, Базель и Страсбург — все они были укреплены под его руководством.

Приблизительно в эту же эпоху борьба Нидерландов за независимость[307] способствовала возникновению другой школы фортификации. Нельзя было ожидать, что старые каменные стены голландских городов смогут выдержать правильную осаду [regular attack]; надо было укрепить эти города против испанцев, однако для сооружения высоких каменных бастионов и кавальеров по итальянской системе не было ни времени, ни денег. Но характер местности — ее небольшая высота над уровнем моря — предоставил здесь другие возможности, и голландцы, опытные строители каналов и плотин, доверили свою защиту воде. Их система была прямой противоположностью итальянской: широкие и мелкие наполненные водой рвы шириной от 14 до 40 ярдов; низкие валы без всякой каменной облицовки, но прикрытые еще более низким выдающимся вперед валом (фоссебреей) для лучшей обороны рва; многочисленные внешние укрепления во рву, — такие, как равелины, демилюны (равелины перед выступами бастиона), горнверки и кронверки* и,

* Горнверк — это бастионный фронт, включающий два полубастиона, куртину и равелин, выдвинутый перед главным рвом и прикрытый с каждой стороны прямой линией вала и рва, которые так располагаются по отношению к фасам бастионов крепостной ограды, чтобы они полностью фланкировались огнем последних. Кронверк состоит из двух таких выдвинутых фронтов (одного бастиона с двумя фланкирующими его полубастионами); двойной кронверк имеет три фронта. Для того, чтобы крепостная ограда могла командовать над всеми этими сооружениями, необходимо, чтобы **их** вал был ниже вала крепостной ограды по крайней мере настолько, насколько ниже этого вала вал равелина. Применение таких внешних укреплений. — конечно, являвшихся исключениями, — определялось характером местности.

наконец, лучшее, чем у итальянцев, использование складок местности. Первым городом, который был укреплен исключительно посредством земляных сооружений и рвов с водой, была Бреда (1533 г.). Впоследствии голландский метод подвергся некоторым усовершенствованиям: узкая полоса эскарпов была обложена камнем, так как зимой противник легко преодолевал наполненные водой рвы, когда вода в них замерзала; во рву были построены плотины и шлюзы для того, чтобы можно было впускать воду в тот момент, когда противник начинал вести сапные работы на дне пока еще сухого рва, и наконец были построены шлюзы и дамбы для преднамеренного затопления местности вокруг подошвы гласиса. Авторами, описавшими этот староголландский метод фортификации, являются Маролуа (1627 г.), Фрейтаг (1630 г.), Фёлькер (1666 г.) и Мельдер (1670 г.). Попытка применения принципов Спекля к голландской системе была предпринята Шейтером, Нейбауэром, Хайдеманом и Гером (все между 1670 и 1690 гг., и все — немцы).

Из всех различных школ фортификации французская школа пользуется наибольшей известностью; принципы этой школы нашли себе большее практическое применение в существующих до сих пор крепостях, чем принципы всех других школ вместе взятых. И все же нет другой школы, более бедной собственными идеями. Во всей французской школе не найдется ни одного нового укрепления, ни одного нового принципа, которые не были бы заимствованы у итальянцев, голландцев или немцев. Однако большой заслугой французов является сведение фортификационного искусства к точным математическим правилам, установление симметрически-пропорциональных соотношений между различными линиями и применение научной теории к разнообразным условиям местности, подлежащей укреплению. Эррар из Бар-ле-Дюка (1594 г.), обычно называемый отцом французской фортификации, не имеет основания так именоваться; его фланки образуют острый угол по отношению к куртине и поэтому еще менее полезны, чем фланки итальянцев. Более значительное имя — это Паган (1645 г.). Он впервые ввел во Франции и популяризовал тот принцип Спекля, согласно которому фланки должны быть перпендикулярны оборонительным линиям. Его бастионы просторны, соотношения между длиной фасов, фланков и куртин очень хороши, оборонительные линии никогда не бывают длиннее 240 ярдов, так что весь ров в целом, за исключением прикрытого пути, находится в сфере ружейного огня с фланков. Его равелин больше итальянского и имеет в своей горже редюит,

или центральное укрепление, для того чтобы продолжать сопротивление и после того, как захвачен вал. Паган прикрывает фасы бастионов отдельным узким сооружением во рву, называемым контргардом, — сооружением, которое уже применялось голландцами (первым, по-видимому, ввел его немец Дилих). Его бастионы имеют двойные валы по фасам; второй из них служит купюром, однако ров между двумя валами совершенно не прикрывается фланкирующим огнем. Человеком, сделавшим французскую школу первой в Европе, был Вобан (1633 — 1707 гг.), маршал Франции. Хотя его настоящая военная слава покоится на его двух великих изобретениях в области атаки крепостей (рикошетный огонь и параллели), тем не менее он более широко известен как их строитель. То, что мы говорили о французской школе, в высшей степени характерно для метода Вобана. Мы видим в его сооружениях столь богатое разнообразие форм, какое только возможно при бастионной системе, но среди них нет ни одной оригинальной; еще в меньшей мере обнаруживается у него стремление применить другие формы, помимо бастионных. Но расположение деталей, пропорции линий, профили и применение теории к самым разнообразным требованиям местности так искусны, что все это кажется совершенством по сравнению с работами его предшественников, и поэтому можно сказать, что научная и приведенная в систему фортификация берет свое начало от него. Несмотря на то, что Вобан не написал ни строчки о своем методе фортификации, французские инженеры, основываясь на изучении большого числа построенных им крепостей, попытались вывести теоретические правила, которым он следовал, и таким путем были установлены три метода, называемые первой, второй и третьей системой Вобана.

Чертеж 1 изображает первую систему в самом упрощенном виде. Основные размеры были: наружная сторона многоугольника, от вершины одного бастиона до вершины соседнего — 300 ярдов (в среднем); посередине этой линии — перпендикуляр $\alpha\beta$ равняется $^1/_6$ ее; от точек a'' и a' через β проходят оборонительные линии $a''d'$ и $a'e''$. Отрезки, равные $^2/_7$ линии $a''\,a'$ и отмеренные от точек a'' и a' на оборонительных линиях, дают фасы $a''c''$ и $a'\,b'$. Дуги, описанные между оборонительными линиями из плечных точек c'' и b' радиусами $c''\,d'$ или $b'e''$, дают фланки $b'd'$ и $c''e''$. Черта $e''d'$ — куртина. Линия рва такова: дуга, описанная из вершины бастиона радиусом в 30 ярдов и продолженная касательными, проведенными к ней из плечных точек соседних бастионов, дает контрэскарп. Равелин образуется следующим образом; из куртинной точки e''

радиусом *e″* γ (γ — точка, которая расположена на противоположном фасе, в 11 ярдах от плечной точки) описывается дуга γδ до пересечения ею продолжения перпендикуляра α β; эта точка является вершиной равелина, а хорда только что упомянутой дуги образует его фас; линия фаса тянется от вершины равелина до тех пор, пока она не коснется продолжения касательной, образующей контрэскарп главного рва; положение горжи равелина также определяется этой линией; таким образом через весь ров можно беспрепятственно вести огонь с фланков. Впереди куртины — и только впереди — Вобан сохранил голландскую фоссебрею; до него это было уже сделано итальянцем Флориани, и новое сооружение было названо теналем (tanaglia). Фасы у Вобана проходили по оборонительным линиям. Ров перед равелином был шириной в 24 ярда; контрэскарп был параллелен фасам равелина, а вершина закруглена. Этим методом Вобан достиг того, что его бастионы стали вместительны, а исходящие углы фланков постоянно находились в сфере ружейного огня; но простота устройства этих бастионов делает защиту всей крепости невозможной, как только образована брешь в фасе одного из них. Его фланки, образующие с оборонительными линиями острые углы, не так совершенны, как фланки Спекля или Пагана, но он устраняет второй и третий ярусы неприкрытых орудий, которые имеются на большинстве итальянских и более ранних французских фланках и которые никогда не приносили особой пользы. Теналь у Вобана предназначен для усиления обороны рва огнем пехоты и для прикрытия куртины от настильного огня брешь-батарей с гребня гласиса; но сделано это было весьма несовершенно, так как от брешь-батарей неприятеля, расположенных во входящих плацдармах *(n,* чертеж 1), полностью просматривается часть куртины, ближайшая к точке *e* на фланке. Это является чрезвычайно уязвимым местом, так как, пробив здесь брешь, можно обойти все купюры, подготовленные внутри бастиона в качестве второй линии обороны. Причина состоит в том, что равелин все еще слишком мал. Прикрытый путь, построенный без cremaillères*, но с траверсами, гораздо слабее, чем у Спекля: траверсы мешают обстреливать прикрытый путь продольным огнем не только неприятелю, но также и защитникам. Сообщения между различными укреплениями в общем хороши, но все же недостаточны для того, чтобы производить энергичные вылазки. Профили таких размеров, которые до сих пор приняты повсеместно. Однако Вобан все еще придерживался системы облицовки всей наружной-стороны

* — зубцов. *Ред.*

вала камнем, так что каменная кладка не менее чем на 15 футов в высоту оставалась неприкрытой. Эта ошибка повторяется во многих крепостях Вобана, а раз она уже допущена, исправить ее можно только ценой огромных затрат, путем расширения рва перед фасами бастионов и постройки земляных сооружений в виде контргардов для прикрытия каменной кладки. В продолжение большей части жизни Вобан следовал своему первому методу, но после 1680 г. он ввел два других метода, целью которых было обеспечение длительной обороны уже после того, как в бастионе образована брешь, Для этого он заимствовал идею Кастриотто, который предлагал модернизировать старую систему укреплений из башен и крепостных стен путем сооружения во рву, против башен, отдельных изолированных бастионов. Этому соответствуют как второй, так и третий методы Вобана. Равелин также делается более крупным, каменная кладка прикрывается несколько лучше; башни казематированы, но в неполной мере; недостаток, в силу которого допускалась возможность разрушения куртины на участке между бастионом и теналем, сохранялся, что делало силу изолированных бастионов до известной степени иллюзорной. Тем не менее Вобан считал свои второй и третий методы весьма действенными. Когда он вручал Людовику XIV план укреплений Ландау (по второй системе), он заявил; «Ваше величество, вот крепость, для взятия которой было бы недостаточно всего моего искусства». Но это не предотвратило взятия Ландау, трижды при жизни Вобана (в 1702, 1703 и 1704 гг.) и еще раз вскоре после его смерти (в 1713 г.)[308].

Ошибки Вобана были исправлены Кормонтенем, метод которого может считаться венцом бастионной системы. Кормонтень (1696 — 1752 гг.) был генералом инженерных войск. Его более вместительные бастионы допускают постройку постоянных купюр и вторых оборонительных линий; его равелины были почти такими же большими, как у Спекля, и полностью прикрывали ту часть куртины, которую Вобан оставлял открытой. В многоугольниках с восемью и более сторонами его равелины так далеко выдвигались вперед, что когда осаждающие достигали гребня гласиса, равелины могли вести огонь с тыла по их сооружениям, возведенным против ближайшего бастиона. Для того, чтобы избежать этого, осаждающим надо было подавить два равелина, прежде чем могла быть пробита брешь в одном бастионе. Эта взаимная поддержка больших равелинов становится тем более эффективной, чем больше линия, подлежащая защите, приближается к прямой. Входящий плацдарм был усилен редюитом. Гребню гласиса придавалась форма

en cremaillere, как и у Спекля, но траверсы были сохранены. Профили весьма совершенны, и каменная кладка всегда прикрыта спереди земляными укреплениями. Кормонтень завершает собой французскую школу, поскольку под ней подразумевается система создания бастионной обороны с внешними укреплениями во рву. Сравнение постепенного развития бастионной фортификации от 1600 до 1750 г. и ее конечных результатов в том виде, как они выражены у Кормонтеня, с принципами Спекля, изложенными выше, поможет составить ясное представление об изумительной гениальности этого немецкого инженера; ибо, хотя количество внешних укреплений во рву чрезвычайно увеличилось, все же в продолжение всех этих 150 лет не было открыто ни одного сколько-нибудь важного принципа, который бы ясно и определенно не провозгласил уже Спекль.

После Кормонтеня инженерная школа в Мезьере (около 1760 г.) внесла в его систему несколько небольших изменений, главным из которых было возвращение к старому правилу Спекля, согласно которому фланки должны быть перпендикулярны к оборонительным линиям. Но главное, чем замечательна школа Мезьера, — это то, что ее представители впервые строят внешние укрепления впереди прикрытого пути. На участках, особенно слабо защищенных от нападения, они помещают у подошвы гласиса, на капитали бастиона, отдельный равелин, называемый люнетом, и таким образом впервые приближаются к новейшей системе постоянных укрепленных лагерей. В начале XIX века Бусмар, французский эмигрант, служивший в Пруссии и убитый под Данцигом в 1807 г., снова пытался усовершенствовать систему Кормонтеня; его идеи довольно сложны, и наиболее замечательным в них является то, что его. равелин, который очень велик, настолько выдвигается к подошве гласиса, что в известной мере занимает место и выполняет функции только что описанного люнета.

Голландский инженер барон Кухорн, современник Вобана, не раз являвшийся его достойным противником в осадной войне, способствовал дальнейшему развитию староголландского метода фортификации. Его система создает более сильную оборону, чем даже система Кормонтеня, благодаря искусному сочетанию сухих и наполненных водой рвов, значительному облегчению вылазок, превосходным сообщениям между отдельными укреплениями, искусно устроенным редюитам и купюрам внутри его равелинов и бастионов. Кухорн, большой поклонник Спекля, является единственным выдающимся инженером, достаточно честным для того, чтобы признать, насколько он обязан последнему.

Мы видели, что уже до введения бастионов Альбрехт Дюрер применял капониры, чтобы обеспечить усиленный фланговый огонь. В своем укрепленном четырехугольнике он целиком возлагает оборону рва на эти капониры; по углам форта нет башен, это — плоский четырехугольник, имеющий лишь исходящие углы. Устройство крепостей, при котором крепостная ограда полностью совпадает с начертанием многоугольника и таким образом имеет только исходящие углы и не имеет входящих, а ров фланкируется капонирами, составляет основы так называемой полигональной фортификации, и Дюрера следует считать ее создателем. С другой стороны, когда крепостная ограда имеет форму звезды, в которой исходящие углы последовательно чередуются с входящими и в которой каждая линия является одновременно и фланком, и фасом, фланкируя ров соседней линии отрезком, прилегающим к входящему углу, и командуя над полем отрезком, прилегающим к исходящему углу, — такое начертание составляет основу тональной фортификации. Эту форму предлагали представители старой итальянской школы и часть представителей старой немецкой школы, но свое развитие она получила лишь много лет спустя. Система Георга Римплера (инженер на службе у германского императора, был убит при обороне Вены против турок в 1683 г.[309]) является своего рода промежуточной ступенью между бастионной и тональной системами. То, что он называет промежуточными бастионами, составляет в действительности законченную линию теналей. Он решительно высказывался против открытых батарей, имеющих впереди лишь простой земляной парапет, и настаивал на устройстве казематированных батарей всюду, где только можно их построить, особенно на фланках, где два или три яруса хорошо прикрытых орудий давали бы таким образом гораздо больший эффект, чем два или три яруса орудий на открытых фланковых батареях, которые никогда не имеют возможности действовать одновременно. Он настаивал также на устройстве батарей, иными словами редюитов, на плацдармах прикрытого пути, что было принято Кухорном и Кормонтенем, и особенно на создании двойной и тройной оборонительных линий позади исходящих углов крепостной ограды. В этом отношении его система замечательна тем, что она опередила свое время; вся его ограда состоит из самостоятельных фортов, каждым из которых приходится овладевать отдельно, а большие оборонительные казематы используются таким способом, который напоминает нам их применение, даже чуть ли не в деталях, в самых последних сооружениях Германии. Нет никакого сомнения, что

Монталамбер настолько же обязан Римплеру, насколько бастионная система XVII и XVIII веков обязана Спеклю. Автором, который первый вполне доказал преимущества теналей перед бастионной системой, был Ландсберг (1712 г.); но мы зашли бы слишком далеко, если бы стали разбираться в его аргументах или описывать его фортификационную схему. Из длинного ряда искусных немецких инженеров, которые следовали за Римплером и Ландсбергом, мы можем назвать мекленбургского полковника Буггенхагена (1720 г.), изобретателя блокгаузных траверсов, или траверсов, полых внутри и приспособленных для казематного ружейного огня, затем вюртембергского майора Герборта (1734 г.), изобретателя оборонительных казарм, то есть больших казарм, расположенных в горже выдающихся вперед укреплений и укрытых от навесного огня; они имеют казематы с амбразурами в той части, которая обращена к ограде, и помещения для складов и солдат в части, обращенной к городу. Теперь оба эти сооружения применяются весьма широко.

Таким образом, мы видим, что немецкая школа, почти за единственным исключением — Спекля, была с момента своего возникновения противницей бастионов, стремясь заменить их главным образом теналями, и что в то же время она пыталась ввести лучшую систему внутренней обороны, главным образом путем применения казематированных галерей, которые французскими авторитетами в области инженерного дела, напротив, считались верхом абсурда. Однако один из величайших инженеров, когда-либо выдвигавшихся Францией, генерал-майор от кавалерии маркиз де Монталамбер (1713 — 1799 гг.), перешел с барабанным боем и развевающимися знаменами в лагерь немецкой школы, к величайшему ужасу всего французского инженерного корпуса, который вплоть до настоящего времени порицает каждое написанное им слово[310]. Монталамбер резко критиковал недостатки бастионной системы: неэффективность ее флангового огня; уверенность, которую она давала противнику, в том, что его снаряды, даже не попав в одну линию, почти обязательно нанесут ущерб другой; недостаточное прикрытие от навесного огня; полную бесполезность куртины в отношении ведения огня; невозможность иметь хорошие и большие купюры в горжах бастионов, доказанную тем фактом, что ни одна крепость того времени не имела тех разнообразных постоянных купюр, которые предлагались теоретиками этой школы; и, наконец, слабость внешних укреплений, плохую связь между ними и отсутствие надлежащей взаимной поддержки. Поэтому Монталамбер пред-

почитал или тенальную, или полигональную систему. И в том, и в другом случае ядро крепости состояло из ряда казематов, с одним или двумя ярусами орудий; каменная кладка казематов была прикрыта от настильного огня расположенным вокруг земляным контргардом, или кувр-фасом, имеющим впереди второй ров; этот ров фланкировался казематами, которые находились во входящих углах кувр-фаса и были прикрыты парапетом редюита или люнета во входящем плацдарме. Вся эта система была основана на принципе создания для противника при помощи казематированных орудий, в момент, когда он достигнет гребня гласиса или кувр-фаса, преграды в виде такого сокрушительного огня, который не даст ему возможности установить свои брешь-батареи. Вопреки единодушному отрицательному мнению французских инженеров Монталамбер утверждал, что казематы могут выполнить эту задачу, и впоследствии даже разработал ряд систем круговой и тональной фортификаций, в которых все земляные укрепления были отвергнуты и вся оборона была возложена на высокие казематированные батареи с 4 — 5 ярусами орудий; каменная кладка этих казематов должна была защищаться только огнем их батарей. Таким путем в своей круговой системе он стремится сосредоточивать огонь 348 орудий на любом пункте в пределах 500 ярдов от крепости и рассчитывает, что такое громадное превосходство огня полностью исключит возможность установления осадных батарей. Однако в этом он нашел себе последователей только при сооружении обращенной к морю фронтальной части береговых фортов; невозможность разбить при помощи судовой артиллерии мощные казематированные стены была отлично доказана во время бомбардировки Севастополя. Превосходные форты Севастополя, Кронштадта, Шербура и новые батареи при входе в Портсмутскую гавань (Англия), а также почти все современные форты, сооруженные для обороны гаваней против флота, построены по принципу Монталамбера. Частично неприкрытая каменная кладка Максимилиановых башен в Линце (Австрия)[311] и редюитов отдельных фортов Кёльна является подражанием менее удачным проектам Монталамбера. При укреплении крутых высот (например, Эренбрейтштейн в Пруссии) иногда применяются также неприкрытые каменные форты, но для того чтобы установить, какое сопротивление они в состоянии будут оказать, нужен практический опыт.

Тенальная система никогда, по крайней мере насколько нам известно, не находила себе практического применения, но полигональная система пользуется большим почетом в Германии

и была применена там в новейших сооружениях, в то время как французы упорно цепляются за бастионы Кормонтеня. Крепостная ограда в полигональной системе обычно представляет собой гладкий земляной вал с обложенными камнем эскарпом и контрэскарпом, с большими капонирами в середине водоемов и с крупными оборонительными казармами, расположенными за валом и прикрытыми им для того, чтобы они служили купюрами. Подобные оборонительные казармы сооружались также в качестве купюр во многих бастионных укреплениях, чтобы закрыть горжи бастионов, причем вал служил контргардом, защищающим каменную кладку от дальнего огня.

Из всех предложений Монталамбера наибольший успех имела система отдельных фортов; она открыла новую эру не только в фортификации, но и в атаке и обороне крепостей и даже в общей стратегии. Монталамбер предложил окружать большие крепости, лежащие в важных пунктах, единой или двойной цепью малых фортов, расположенных на командующих высотах, — фортов, которые, будучи внешне изолированными, тем не менее поддерживали бы друг друга своим огнем и, создавая благоприятные условия для больших вылазок, сделали бы бомбардировку самой крепости невозможной; в необходимых случаях они могли бы также образовывать укрепленный лагерь для армии. Уже Вобан ввел постоянные укрепленные лагери под защитой крепостных пушек, но их укрепления состояли из длинных непрерывных линий, которые, будучи прорваны хотя бы в одном пункте, целиком попадали во власть неприятеля. Однако укрепленные лагери Монталамбера были способны на гораздо большее сопротивление, так как каждый форт приходилось брать отдельно, и прежде чем по крайней мере три или четыре из них не были взяты, противник не мог начать осадные работы против самой крепости. Более того, осада каждого из этих фортов могла быть прервана в любое время гарнизоном или даже армией, расположенной лагерем позади фортов, и таким образом обеспечивалось сочетание активной полевой войны с регулярной крепостной, что неизбежно в значительной степени усиливало оборону. После того, как Наполеон стал водить свои армии на сотни миль в глубь неприятельской территории, никогда не считаясь с крепостями, которые все были построены по старой системе, после того, как союзники (в 1814 — 1815 гг.), в свою очередь, пошли прямо на Париж, оставив почти без внимания в тылу у себя тройной пояс крепостей, который Вобан оставил в наследство Франции, — стало очевидно, что система фортифи-

кации, которая ограничивала свои внешние укрепления теми, что находились в главном рву, или в крайнем случае у подошвы гласиса, устарела. Такие крепости уже утратили свою притягательную силу для больших армий новейшего времени. Их способность наносить ущерб неприятелю не простиралась за пределы радиуса действия их орудий. Таким образом, стало необходимым найти какие-то новые способы прекращать стремительное продвижение современных армий, вторгающихся в пределы страны, и система отдельных фортов Монталамбера получила широкое применение. В частности Кёльн, Кобленц, Мец, Раштатт, Ульм, Кёнигсберг, Познань, Линц, Пескьера и Верона были превращены в большие укрепленные лагери, вмещавшие от 60000 до 100000 человек, но способные, в случае необходимости, обороняться гораздо меньшими гарнизонами. В то же время тактические преимущества укрепляемой местности оттеснялись на задний план стратегическими соображениями, которыми отныне определялось место расположения крепости. Укреплялись лишь те пункты, которые могли прямо или косвенно остановить продвижение победоносной армии и которые, будучи сами по себе значительными городами, давали большие преимущества армии, являясь средоточием материальных ресурсов целых провинций. Выбиралось, как правило, местоположение на больших реках, в особенности при слиянии двух значительных рек, так как это принуждало наступающую армию разделять свои силы. Крепостная ограда была максимально упрощена, а внешние укрепления рва почти совершенно упразднены; считалось достаточным иметь ограду, способную выдержать кратковременную атаку. Главное поле сражения лежало вокруг отдельных фортов, а они должны были обороняться не столько огнем со своих валов, сколько при помощи вылазок гарнизона самой крепости. Крупнейшей крепостью, построенной по этому плану, является Париж; он имеет простую бастионную ограду с бастионными фортами, которые почти все четырехугольной формы; во всех его сооружениях нет ни одного внешнего укрепления, нет даже ни одного равелина. Несомненно, что оборонительная сила Франции возросла на 30% благодаря этому новому огромному укрепленному лагерю, достаточно вместительному, чтобы предоставить убежище трем разбитым армиям. В результате этого усовершенствования во многом утратило свое значение и то ценное, что содержится в различных методах фортификации; самый дешевый способ будет теперь наилучшим, так как оборона базируется ныне не на пассивной системе выжидания противника за стенами крепости, пока он не начнет вести осадные

работы, чтобы затем открыть по нему канонаду, но на системе активной обороны, путем наступательных действий сосредоточенными силами гарнизона против неизбежно разделенных сил осаждающих.

II. ОСАДА

Искусство ведения осады было доведено до известного совершенства греками и римлянами. Они пытались разрушать стены крепостей при помощи таранов и приближались к стенам под защитой хорошо укрытых сверху галерей или в случае необходимости при помощи высокого сооружения, которое благодаря своей высоте господствовало над стенами и башнями и давало штурмующим колоннам возможность безопасно подойти к ним. Применение пороха покончило с этими приспособлениями; так как крепости имели отныне более низкие валы, но зато могли вести действительный огонь на большой дистанции, то апроши возводились при помощи траншей, шедших зигзагами или по кривой линии в направлении к гласису; при этом в различных местах устанавливались батарей для того, чтобы по возможности заставить замолчать орудия осаждаемых и разрушить их каменные сооружения. Как только осаждающие достигали гребня гласиса, они сооружали высокий траншейный кавальер, чтобы командовать над бастионами и их кавальерами, а затем сокрушительным огнем закончить образование бреши и подготовить штурм. Обыкновенно атакуемым пунктом являлась куртина. Однако в этом способе атаки не было никакой системы, пока Вобан не ввел свои параллели рикошетного огня и не систематизировал процесс осады по способу, который применяется даже теперь и все еще именуется атакой Вобана. Осаждающий, обложив крепость со всех сторон достаточными силами и выбрав фронты, подлежащие атаке, ночью начинает закладывать первую параллель (все осадные работы производятся преимущественно ночью) на расстоянии 600 ярдов от крепости. Траншея, параллельная сторонам осажденного многоугольника, ведется по крайней мере вокруг трех его сторон и фронтов; земля, выбрасываемая в сторону неприятеля и подпираемая с обеих сторон рва при помощи туров (корзины из ивняка, наполненные землей), образует род парапета для защиты от огня из крепости. В этой первой параллели устанавливаются рикошетные батареи для ведения продольного огня вдоль длинных линий атакуемых фронтов. Если объектом осады является бастионный шестиугольник, то требуются рикошетные батареи для обстрела продольным

огнем фасов двух бастионов и трех равелинов, в общем — по батарее на каждый фас. Эти батареи ведут огонь таким образом, чтобы перебрасывать снаряды прямо через парапет укреплений и вдоль фасов на всем их протяжении, беря их во фланг и поражая орудия и людей. Подобные же батареи устанавливаются для продольного обстрела отдельных участков прикрытого пути, а мортирные и гаубичные батареи — для забрасывания бомбами внутренних частей бастионов и равелинов. Все эти батареи находятся под прикрытием земляных парапетов. В то же время впереди, в двух или более местах, прорывают зигзагообразные траншеи по направлению к крепости, при этом стараются совершенно избежать всякого продольного огня со стороны города; и как только появляются признаки ослабления крепостного огня, закладывается вторая параллель, на расстоянии приблизительно 350 ярдов от укреплений. Здесь устанавливаются демонтирные батареи. Они служат для того, чтобы совершенно уничтожить артиллерию и разрушить амбразуры на фасах крепости; атаке подлежит 8 фасов (фасы двух бастионов и их равелина и внутренние фасы соседних равелинов), для каждого из них имеется по батарее, установленной параллельно атакуемому фасу, а каждая амбразура устраивается как раз напротив соответствующей амбразуры крепости. От второй параллели проводятся по направлению к городу новые зигзаги; в 200 ярдах сооружается полупараллель, образуя новые ответвления зигзагов, вооруженные мортирными батареями, и, наконец, у подошвы гласиса сооружается третья параллель. В ней устанавливаются тяжелые мортирные батареи. К этому времени орудия крепости почти совершенно приведены к молчанию, и к гребню гласиса начинают вестись апроши в виде различных кривых и ломаных линий, чтобы укрыться от рикошетного огня; эти апроши выходят против вершин двух бастионов и равелина. Затем в исходящем плацдарме устраивают ложемент, или окоп с парапетом, для продольного обстрела рва огнем пехоты. Если противник активен и смел в своих вылазках, то появляется необходимость в четвертой параллели, соединяющей все исходящие плацдармы вдоль гласиса. В противном случае от третьей параллели к входящим плацдармам ведется сапа и производится венчание гласиса, то есть прорытие траншеи на гребне гласиса вдоль всего прикрытого пути. Затем в этом couronnement* устанавливаются контрбатареи для того, чтобы заставить замолчать орудия фланка, которые ведут продольный

* — венке. *Ред.*

огонь вдоль рва, а после этого брешь-батареи для действия против вершины и фасов бастионов и равелина. Напротив пунктов, подлежащих разрушению, сооружается минная галерея, которая ведет из траншеи через гласис и контрэскарп в ров; контрэскарп взрывается, и через ров к подножию бреши прокладывается новая траншея, прикрытая парапетом с той стороны, откуда угрожает продольный огонь фланка. Как только образованы брешь и проход во рву, начинается штурм, Это — в том случае, если ров сухой; через ров, наполненный водой, строится плотина из фашин, также прикрытая парапетом со стороны фланка смежного бастиона. Если после взятия бастиона в тылу обнаружится еще одно укрепление, или купюр, то устраивается ложемент, устанавливаются новые батареи у бреши, проделывается новая брешь, осуществляется спуск, переход рва и снова штурм. В среднем сопротивление при такой осаде бастионного шестиугольника, построенного по первому методу Вобана, рассчитано на срок от 19 до 22 дней, если купюры отсутствуют, и от 27 до 28 дней, если они имеются в крепости. Крепость, построенная по методу Кормонтеня, могла продержаться, соответственно, 25 или от 35 до 37 дней.

III. ПОЛЕВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ

Устройство полевых укреплений имеет такую же давность, как и существование армий. Древние армии владели этим искусством даже в значительно большей степени, чем наши современные армии. Римские легионы, находясь вблизи неприятеля, каждую ночь окапывали свой лагерь. В течение XVII и XVIII веков мы также видим очень широкое применение полевых укреплений, а в войнах Фридриха Великого пикеты сторожевого охранения обычно устраивали реданы легкого профиля. И все же даже тогда, — а теперь в еще большей степени, — устройство полевых укреплений сводилось к усилению нескольких позиций, заранее выбранных с учетом возможного оборота событий во время кампании. Таковы лагерь Фридриха Великого у Бунцельвица, веллингтоновские линии у Торрес-Ведрас, французские линии у Вейсенбурга и австрийские укрепления перед Вероной в 1848 году[312]. При таких обстоятельствах полевые укрепления могут оказывать значительное влияние на исход кампании, позволяя более слабой армии с успехом противостоять превосходящему ее противнику. Укрепленные линии первоначально были непрерывными, как, например, в долговременных укрепленных лагерях Вобана. Но в силу недостатка, заключающегося в том,

что в случае прорыва и захвата линии в одном пункте вся такая линия оказывалась бесполезной, лагери теперь повсеместно состоят из одной или большего числа линий отдельных редутов, которые фланкируют друг друга своим огнем и дают возможность войскам обрушиться на противника через интервалы, как только огонь с редутов ослабит натиск атакующих. В этом — главное применение полевых укреплений; но они используются также, каждое в отдельности, как предмостные укрепления для защиты подступов к мосту или как преграды для того, чтобы закрыть важные проходы для небольших частей неприятеля. Если отказаться от всех укреплений более причудливой формы. которые теперь являются устаревшими, то подобного рода укрепления должны состоять из сооружений открытых или закрытых в горже. Первыми являются либо реданы (два парапета, составляющие угол, обращенный в сторону неприятеля, со рвом впереди), либо люнеты (реданы с короткими фланками). Вторые могут быть закрыты в горже палисадами. Основным закрытым полевым укреплением, применяющимся в настоящее время, является квадратный редут, представляющий собой правильный или неправильный четырехугольник, обнесенный вокруг рвом и парапетом. Парапет делается такой же высоты, как и в долговременных укреплениях (7 — 8 футов), но не таким толстым, так как он должен выдерживать лишь огонь полевой артиллерии. Поскольку ни одно из этих укреплений само по себе не имеет флангового огня, то они должны быть расположены так, чтобы фланкировать друг друга ружейным огнем. Для того, чтобы сделать фланговый огонь эффективным и усилить всю линию, в настоящее время самой распространенной является схема, согласно которой укрепленный лагерь образуется линией четырехугольных редутов, фланкирующих друг друга, а также линией простых реданов, расположенных перед межредутными интервалами. Такой лагерь был создан у Коморна, южнее Дуная, в 1849 году; венгры обороняли его в течение двух дней против армии, значительно превосходившей их численностью[313].

Написано Ф. Энгельсом в мае — около 9 июня 1859 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. VII, 1860 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕХОТА

Пехота — пешие воины армии. За исключением кочевых племен, у всех народов основная масса армии, если не вся армия, всегда состояла из пеших солдат. Так, даже в первых азиатских армиях — у ассирийцев, вавилонян и персов — пехота составляла, по крайней мере по численности, главную часть войск. У греков вся армия первоначально состояла из пехоты. Те скудные сведения о составе, организации и тактике пехоты древнеазиатских армий, которыми мы располагаем, были уже приведены в статье *«Армия»*[*]*;* в ней читатель может найти те многочисленные подробности, которые здесь было бы бесполезно повторять. В настоящей статье мы ограничимся описанием лишь наиболее важных особенностей тактики этого рода войск на протяжении его истории; поэтому мы сразу же начнем с греков,

I. ГРЕЧЕСКАЯ ПЕХОТА

Создателями греческой тактики были дорийцы[314], из дорийцев же спартанцы довели до совершенства древний дорический боевой порядок. Первоначально проходить военную службу должны были все классы, составлявшие дорийское общество, — не только полноправные граждане, образовывавшие аристократию, но также зависимые периэки[315] и даже рабы. Все они входили в одну и ту же фалангу, но каждый класс занимал в ней особое место. Полноправные граждане должны

[*] См. настоящий том, стр. 5 — 9. *Ред.*

были являться тяжеловооруженными, с защитным вооружением, со шлемом, панцирем, медными ножными латами, с большим деревянным щитом, обтянутым кожей, достаточно высоким, чтобы закрыть собой человека во весь рост, а также с копьем и мечом. Они составляли, в зависимости от своей численности, первую или первые две шеренги фаланги. За ними стояли зависимые и рабы, так что каждый спартанец-аристократ имел позади себя своих слуг; последние не носили дорогостоящего защитного вооружения и полагались на защиту, оказываемую им передними шеренгами, а также на свои щиты; наступательным оружием им служили пращи, дротики, ножи, кинжалы и палицы. Таким образом, дорическая фаланга представляла собой глубокий линейный строй: гоплиты, или тяжелая пехота, в передних, а гимнеты, или легкая пехота, в задних шеренгах. Гоплиты должны были опрокидывать врага, атакуя его при помощи своих копий; оказавшись в гуще его войск, они выхватывали свои короткие мечи и прокладывали себе путь вперед в рукопашной схватке, в то время как гимнеты, которые первоначально подготовляли атаку, бросая камни и дротики через головы первых шеренг, помогали теперь натиску гоплитов, расправляясь с ранеными и оказывающими сопротивление воинами неприятеля. Таким образом, тактика этого рода войск была очень проста; едва ли тут имело место какое-либо тактическое маневрирование; решали мужество, стойкость, физическая сила, индивидуальная ловкость и искусство воинов, в особенности гоплитов.

Этот патриархальный союз всех классов народа в одной и той же фаланге исчез вскоре после персидских войн[316], главным образом в силу политических причин; в результате фалангу стали теперь формировать исключительно из гоплитов, а легкая пехота, где она еще продолжала существовать или где создавались ее новые виды, сражалась отдельно в рассыпном строю. В Спарте спартанские граждане вместе с периэками образовывали тяжеловооруженную фалангу, илоты[317] же следовали сзади, с обозом или в качестве щитоносцев (гипаспистов). Некоторое время эта фаланга удовлетворяла всем требованиям боя; но вскоре, во время Пелопоннесской войны[318], наличие у афинян застрельщиков заставило спартанцев ввести у себя войска такого же рода. Они, однако, не формировали самостоятельных отрядов гимнетов, но для выполнения обязанностей застрельщиков выделяли более молодых из своих воинов. Когда же к концу этой войны число полноправных граждан и даже периэков сильно сократилось, спартанцы вынуждены были формировать фаланги из тяжело-

вооруженных рабов под командой граждан. Афиняне, исключив из фаланги гимнетов, которые набирались из бедных граждан, слуг и рабов, создали специальные отряды легкой пехоты, состоявшие из гимнетов, или псил; эти войска предназначались для роли застрельщиков и были вооружены исключительно для ведения дальнего боя; это были: пращники (sphendonetae), лучники (toxotae) и метатели дротиков (akontistae); последних именовали также пелтастами, по названию маленького щита (pelta), который носили только они. Этот новый вид легкой пехоты, первоначально набиравшийся из неимущих афинских граждан, очень скоро стал формироваться почти исключительно из наемников и из контингентов союзников Афин. С того момента, как были введены эти застрельщики, неуклюжая дорическая фаланга оказалась уже более неспособной действовать в бою без посторонней помощи. К тому же и тот человеческий материал, из которого она комплектовалась, постоянно ухудшался: в Спарте — из-за постепенного угасания воинственной аристократии, в других городах — под влиянием торговли и богатств, которые постепенно подтачивали былое презрение к смерти. Таким образом, фаланга, формировавшаяся из не слишком героического ополчения, утратила большую часть своего значения. Она образовывала задние шеренги, резервы боевого порядка, впереди которых сражались застрельщики и за которые они отступали, когда их теснил неприятель; но от нее трудно было когда-либо ожидать, что она сама завяжет рукопашный бой с противником. Там, где фаланга формировалась из наемников, она была не намного лучше. Ее неповоротливость делала ее непригодной для маневрирования, особенно на хотя бы сколько-нибудь пересеченной местности, и ее можно было использовать лишь для оказания пассивного сопротивления. Это повело к двум попыткам реформы, предпринятым Ификратом, предводителем наемников. Этот греческий кондотьер заменил старые короткие копья гоплитов (имевшие в длину от 8 до 10 футов) значительно более длинными, так что при сомкнутых шеренгах копья третьей и четвертой шеренг настолько выдавались вперед, что ими можно было действовать против неприятеля; таким образом оборонительная сила фаланги была значительно увеличена. С другой стороны, чтобы создать силу, способную решать исход сражений короткой, но стремительной атакой, он снарядил своих пелтастов легким защитным вооружением и хорошим мечом и обучил их эволюциям фаланги. Получив приказ атаковать, они двигались со скоростью, недоступной фаланге гоплитов, на расстоянии 10 или 20 ярдов метали тучу дротиков

и врезались в ряды неприятеля с мечом в руке. Простота древней дорической фаланги уступила, таким образом, место гораздо более сложному боевому порядку; деятельность полководца стала важным условием победы; появилась возможность тактических маневров. Эпаминонд первым открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней определяет исход почти всех решающих сражений: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке. До него греки давали сражения в параллельном боевом порядке; войска передней линии распределялись равномерно по всему фронту; если какая-либо армия превосходила численностью армию противника, то она или образовывала более глубокий боевой порядок, или охватывала оба фланга неприятельской армии. Эпаминонд, наоборот, предназначил один из своих флангов для атаки, а другой — для обороны; атакующее крыло состояло из его лучших войск, в том числе из основной массы его гоплитов, построенных в глубокую колонну, за которой следовали легкая пехота и конница. Другое крыло, естественно, было значительно слабее, и его оттягивали назад, в то время как атакующее крыло прорывало строй неприятеля, после чего колонна, развертываясь или заходя плечом, перестраивалась в линию и опрокидывала врага с помощью легкой пехоты и конницы.

Усовершенствования, введенные Ификратом и Эпаминондом, получили дальнейшее развитие, когда Македония встала во главе эллинской расы и повела ее против Персии. Длинные копья гоплитов еще больше удлинились в македонской сариссе. Пелтасты Ификрата снова появляются в усовершенствованном виде в лице гипасписто Александра Македонского. Наконец, организация войск, примененная Эпаминондом в его боевом порядке, была доведена Александром до такого сочетания различных родов войск, какого Греция, с ее незначительной конницей, никогда не могла бы достигнуть. Пехота Александра состояла из фаланги гоплитов — оборонительной силы боевого порядка, — из сражавшейся в рассыпном строю легкой пехоты, которая завязывала бой с неприятелем по всему фронту, а также способствовала развитию успеха, и из гипасписто, к которым принадлежали и его телохранители; гипасписты, хотя они и имели легкое вооружение, были все же способны совершать правильные движения в фаланговом построении и представляли собой тот вид промежуточной пехоты, который более или менее приспособлен к действиям как в сомкнутом, так и в расчлененном строю. Однако ни Греция, ни Македония не создали подвижной пехоты, на которую можно было бы

положиться в случае столкновения со сплоченной фалангой. Для этого Александр применял свою конницу. Атакующее крыло состояло из основной массы его тяжелой кавалерии, комплектовавшейся из македонской знати; совместно с нею действовали гипасписты; они следовали за атакующей конницей и устремлялись в прорыв, образованный ею, закрепляя достигнутый успех и утверждаясь в расположении противника. После завоевания центральной части Персидской империи Александр использовал своих гоплитов главным образом для гарнизонной службы в завоеванных городах. Они вскоре совсем исчезли из армии, которая в результате смелых и стремительных походов покорила азиатские племена вплоть до Инда и Яксарта. Эта армия состояла главным образом из конницы, гипаспистов и легкой пехоты; фаланга, которая не была в состоянии участвовать в таких походах, стала излишней также ввиду характера противника, которого предстояло покорить. При преемниках Александра его пехота, равно как его конница, а также его тактика, быстро пришла в полный упадок. Оба крыла боевого порядка формировались исключительно из конницы, а центр из пехоты, но последняя была столь мало надежна, что ее прикрывали слонами. В Азии преобладающий азиатский элемент вскоре стал полностью господствовать, и это сделало армии Селевкидов почти ни на что не годными. В Европе македонская и греческая пехота вновь приобрела некоторую устойчивость, но вместе с этим вернулось и былое исключительное преобладание фаланговой тактики. Прежнее значение легкой пехоты и кавалерии так и не было восстановлено, хотя много труда и искусства было потрачено на тщетные попытки придать фаланге ту подвижность, которой она по самой своей природе никогда не могла достигнуть, пока, наконец, римский легион не покончил со всей системой в целом.

Тактическая организация фаланги и маневрирование ею были довольно просты. Строй в 16 человек по фронту и обыкновенно 16 в глубину (при Александре) составлял полный квадрат, и эта так называемая синтагма представляла собой эволюционную единицу; 16 синтагм, или 256 рядов, образовывали фалангарх из 4096 человек; четыре фалангарха, в свою очередь, должны были образовывать полную фалангу. Фалангарх в боевом порядке представлял собой построение глубиной в 16 шеренг; он перестраивался в походный порядок поворотом направо или налево или захождением плечом синтагмами, образуя во всех случаях сомкнутую колонну в 16 человек по фронту. Когда фаланга бывала построена в линию, то глубина

ее могла быть увеличена, а фронт уменьшен вздваиванием рядов, причем четные ряды становились за нечетными; противоположное же перестроение совершалось вздваиванием шеренг, что уменьшало глубину строя с 16 до 8 человек. Контрмарш рядами применялся тогда, когда неприятель неожиданно появлялся в тылу фаланги; фронт, измененный в результате такого перестроения (каждый ряд оказывался не на своем месте в пределах своей части фаланги или синтагмы), иногда восстанавливался контрмаршем шеренгами в каждой синтагме. Если прибавим к этому умение обращаться с копьем, то мы исчерпаем таким образом все элементы военного обучения древних гоплитов. Само собой разумеется, что легкие войска, хотя они и не предназначались для ведения боя именно в сомкнутом строю, все же обучались перестроениям, совершаемым фалангой.

II. РИМСКАЯ ПЕХОТА

Латинское слово legio первоначально употреблялось для обозначения совокупности людей, отобранных для военной службы, и, таким образом, являлось синонимом армии. Затем, когда размеры римской территории и сила врагов республики потребовали более крупных армий, последние были разделены на несколько легионов, из коих каждый был равен по своей численности первоначальной римской армии. Вплоть до времен Мария каждый легион состоял как из пехоты, так и из конницы, причем численность последней составляла около $^{1}/_{10}$ первой. Сначала пехота римского легиона была, по-видимому, организована наподобие древней дорической фаланги; она сражалась в глубоком линейном строю, патриции и богатые граждане в тяжелых доспехах составляли передние шеренги, а бедные и легковооруженные плебеи находились позади них. Но приблизительно ко времени Самнитских войн[319] организация легиона стала подвергаться изменениям, которые вскоре сделали его полной противоположностью греческой фаланги. Подробное описание этой организации, достигшей своего полного развития во времена Пунических войн, дает нам Полибий[320]. Для каждой кампании обычно набирали четыре легиона. Легион отныне состоял из четырех разрядов пехоты: велитов, хастатов, принципов, триариев. Первые, комплектовавшиеся из новобранцев, представляли собой легкую пехоту; триарии, состоявшие из ветеранов, были резервом армии; остальную часть армии составляли два других разряда пехоты, являвшиеся ее главной боевой силой, или линейной пехотой;

принципы набирались из людей, которые после триариев были наиболее опытными в военном деле, и этим они отличались от хастатов. Велиты носили кожаные головные уборы, легкие круглые щиты в качестве защитного вооружения и имели мечи и несколько легких дротиков; остальные три разряда были снабжены медными шлемами, кожаными панцирями, покрытыми медными пластинками, и медными набедренниками, Хастаты и принципы, кроме короткого меча, имели по два пилума, или метательных копья, — один легкий, другой очень тяжелый; последний являлся специфическим наступательным оружием римской пехоты. Он изготовлялся из крепкого тяжелого дерева, имел длинный железный наконечник, весил по крайней мере 10 фунтов и достигал с наконечником почти 7 футов длины. Его можно было метать только на очень короткое расстояние, примерно на 8 — 12 ярдов; но против легкого защитного вооружения того времени он был, благодаря своему весу, грозным по своему действию оружием. Триарии были вооружены кроме меча копьями взамен пилумов. Каждый легион состоял из 1 200 хастатов, разделенных на 10 манипулов, или рот, по 120 человек в каждом, из такого же числа принципов, разделенных подобным же образом, из 600 триариев — 10 манипулов по 60 человек в каждом, — и из 1200 велитов; к каждому из 30 манипулов присоединялось по 40 велитов, которые образовывали задние шеренги, если только не использовались для других целей. Хастаты образовывали первую линию, причем каждый манипул был развернут в линию, по-видимому, глубиною в шесть шеренг, с интервалом между соседними манипулами, равным их фронту. Так как каждому человеку в шеренге отводилось 6 футов, то ширина фронта манипула равнялась приблизительно 120 футам, а ширина фронта всего легиона достигала 2400 футов. Позади хастатов, во второй линии, располагались 10 манипулов принципов, прикрывавших интервалы между манипулами первой линии; позади принципов стояли триарии; каждая линия располагалась на соответствующей дистанции от впереди стоящей. Велиты сражались в рассыпном строю перед фронтом и на флангах. Путем вздваивания рядов ширина фронта боевого порядка могла быть сокращена до половины своей первоначальной величины, то есть до 1200 футов. Весь этот боевой порядок был рассчитан на атаку.

Римский легион, который, благодаря небольшому размеру своих тактических единиц и обусловленной этим большой подвижности, был способен сражаться почти на всякой местности, стоял неизмеримо выше греческой фаланги, которая нужда-

лась в ровной местности и очень скоро из-за своей собственной неповоротливости выродилась в строй, годный лишь для обороны. Когда легион наступал, то на расстоянии 8 или 12 ярдов от противника хастаты, вероятно, вздваивавшие в этом случае шеренги, метали свои тяжелые пилумы в греческую фалангу, копья которой еще не могли достать римлян, и, расстроив таким образом сомкнутый строй воинов фаланги, обрушивались на них с мечом в руке. Если отдельный манипул приходил в беспорядок, то результаты этого не сказывались на соседних манипулах; если сражение продолжалось, не приводя к быстрой развязке, в интервалы вступали принципы, метали свои пилумы и кидались на врага с мечом, давая таким образом хастатам возможность выйти из затруднительного положения и перестроиться позади триариев. В случае крайней необходимости наступали эти последние, чтобы или окончательно завоевать победу, или обеспечить отступление в полном порядке. Велиты, совместно с конницей, несли службу охранения, завязывали бой с противником в начале сражения, действуя как застрельщики, и осуществляли преследование. Легкий пилум хастатов и принципов, по-видимому, употреблялся главным образом при обороне в целях создания беспорядка в рядах наступающего врага, до того как он приближался на расстояние, достаточно близкое для метания тяжелого пилума. Походное фронтальное движение легиона начиналось с любого фланга; впереди шел первый манипул хастатов, за которым следовали соответствующие первые манипулы принципов и триариев, затем в таком же порядке три вторых манипула и так далее; фланговое движение совершалось тремя колоннами, причем каждый из трех разрядов пехоты составлял одну колонну; обоз находился в наиболее удаленном от неприятеля месте. Если враг появлялся со стороны, где двигались триарии, то армия останавливалась и поворачивалась фронтом к нему; принципы и хастаты проходили через интервалы манипулов триариев и занимали свои места.

После второй Пунической войны, когда продолжительные войны и обширные завоевания римлян, в сочетании с важными социальными переменами в Риме и по всей Италии, сделали всеобщую воинскую повинность почти неосуществимой, римская армия начала постепенно комплектоваться добровольцами из неимущих классов, образуя таким образом армию профессиональных солдат вместо прежней милиции, в которую включались все граждане. В результате этого характер армии совершенно изменился; поскольку же пополнение ее происходило из все ухудшающихся элементов, все более настоятельно

необходимой становилась новая организация. Эту новую организацию ввел Марий, Римская конница перестала существовать. Сохранившаяся еще немногочисленная кавалерия комплектовалась из варваров-наемников или из контингентов союзников. Разделение пехоты на четыре разряда исчезло. Велиты были заменены союзниками или варварами, а остальная часть легиона состояла из одного и того же вида линейной пехоты, вооруженной подобно хастатам или принципам, но без легкого пилума, Манипул, как тактическая единица, был заменен когортой, состоявшей в среднем из 360 человек и образовывавшейся первоначально слиянием 3 манипулов; таким образом, легион был теперь разделен на 10 когорт, которые располагались обыкновенно в 3 линии (по 4, 3 и 3 когорты соответственно). Когорта строилась глубиной в 10 шеренг, для каждого ряда воинов отводилось 3 — 4 фута по фронту, так что общая ширина фронта легиона значительно сократилась (она составила около 1000 футов). Таким образом не только упростились тактические перестроения, но значительно усилилось и стало гораздо более непосредственным влияние командира легиона. Вооружение и снаряжение каждого солдата были облегчены, но, с другой стороны, большую часть своего багажа он должен был нести на деревянных вилах, изобретенных для этой цели Марием (rnuli Mariani*); impedimenta** армии, таким образом, значительно уменьшился. С другой стороны, соединение трех манипулов в одну когорту не могло не уменьшить свободу маневрирования на пересеченной местности; отсутствие легкого пилума уменьшило оборонительную силу легиона, а в результате упразднения велитов, которых не всегда полностью могли заменить иноземные вспомогательные войска, наемники или антесигнаны (воины, выделенные Цезарем из легиона для несения службы легкой пехоты, но не имевшие оружия для ведения боя на расстоянии), стало труднее непрерывно вести бой и в то же время уклоняться от решающей схватки. Единственно приемлемой формой боя для этих легионов стала быстрая и решительная атака. Но римская пехота все еще состояла из римлян или по крайней мере из италийцев и, несмотря на упадок империи в эпоху цезарей, поддерживала свою древнюю славу до тех пор, пока оставался нетронутым ее национальный характер. Но как только римское гражданство перестало быть непременным условием для включения в легион, армия быстро утратила свою устойчивость. Уже во времена Траяна варвары частью из римских провинций, частью из незавоеванных стран

* — буквально: «мулы Мария». *Ред.*
** — обоз. *Ред.*

составляли главную силу легионов, и с этого момента исчезли характерные особенности римской пехоты. Тяжелые доспехи были отброшены, копье заменило пилум; легион, организованный в когорты, снова превратился в неповоротливую фалангу, а так как характерной чертой пехоты этого периода являлось общее стремление избегать рукопашной схватки с неприятелем, то лук и дротик стали использоваться теперь не только для боя в рассыпном строю, но также и линейной пехотой в сомкнутом строю.

III. ПЕХОТА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Упадок, который пережила римская пехота, продолжался и в византийской пехоте. Своего рода принудительный набор в армию еще сохранялся, но ничего кроме самых негодных формирований в армии он не давал. Лучшие части армии составляли вспомогательные войска из варваров и наемников, однако даже и они были невысокого качества. Иерархическая административная система в армии была усовершенствована и доведена до состояния почти идеального бюрократизма, но результат был тот же, какой мы видим сейчас в России — наличие совершенной организации для мошенничеств и растрат государственных средств при стоящих колоссальных денег и существующих отчасти лишь на бумаге армиях. Соприкосновение с иррегулярной конницей Востока все более и более понижало значение пехоты и влияло на ухудшение ее качества. Конные лучники сделались излюбленным родом войск; и если не вся пехота, то большая часть ее была снабжена, кроме копья и меча, луком. Таким образом, обычным сделался бой на расстоянии, а рукопашная схватка рассматривалась как нечто устаревшее. На пехоту теперь смотрели как на хлам и намеренно держали ее вдали от поля сражения, используя главным образом для гарнизонной службы; в большинстве сражений Велизария участвовала одна лишь кавалерия, когда же в них принимала участие и пехота, она неизменно обращалась в бегство. Тактика Велизария целиком базировалась на принципе: избегать рукопашного боя и брать противника измором. Если против готов, у которых вообще не было метательного оружия, он с успехом применял этот принцип, выбирая пересеченную местность, на которой их фаланга не могла действовать, то от франков, пехота которых по своей манере сражаться имела нечто общее с пехотой древних римлян, и от персов, конница которых была несомненно лучше его кавалерии, он сам терпел поражения.

Военные силы германских завоевателей Римской империи первоначально состояли главным образом из пехоты и сражались в своего рода дорической фаланге; вожди и более богатые в передних шеренгах, а остальные — позади них. Их оружием были меч и копье. Однако франки имели короткие, обоюдоострые боевые топоры, которые они метали в гущу неприятельских войск, подобно римскому пилуму, перед тем как устремиться в атаку с мечом в руке. Они и саксы сохраняли в течение некоторого времени хорошую, внушавшую к себе уважение пехоту, но постепенно сами тевтонские завоеватели повсюду стали нести военную службу в качестве конных воинов, а обязанности пехотинцев возложили на жителей покоренных римских провинций. Таким образом, служба в пехоте стала презираться как атрибут рабов и крепостных, а поэтому должны были соответственно понизиться и качества пехотинца. К концу X столетия кавалерия была единственным родом войск, который повсюду в Европе действительно определял исход сражений; пехота же, хотя и гораздо более многочисленная в каждой армии, чем кавалерия, являлась не чем иным, как плохо вооруженной толпой, которую почти не пытались как следует организовать. Пехотинец даже не считался воином; слово miles* сделалось синонимом всадника. Единственная возможность содержать солидную пехоту имелась у городов, особенно в Италии и Фландрии. У них была собственная милиция, которую приходилось формировать из пехоты; а так как ее служба по обороне городов в обстановке нескончаемых раздоров среди окрестных дворян носила постоянный характер, то вскоре было признано *более* удобным иметь в качестве вооруженной силы платных наемников, вместо милиции, состоящей из горожан; последняя была сохранена на случай чрезвычайных обстоятельств. Но и тут мы не видим, чтобы городская пехота имела какое-либо заметное превосходство над толпой пехотинцев, собираемых дворянами и во время сражения всегда оставляемых для охраны обоза. Так было, по крайней мере, в классический период рыцарства. В кавалерии этого времени каждый рыцарь был вооружен cap-a-pied**, весь покрытый доспехами, он сидел верхом на коне, также покрытом доспехами. Его сопровождали оруженосец, значительно легче вооруженный, и ряд других всадников без доспехов, вооруженных луками. В боевом порядке эти силы располагались по принципу, сходному с принципом построения древней дорической фаланги, —

* — воин. *Ред.*
** — с головы до ног. *Ред.*

тяжеловооруженные рыцари в первой шеренге, оруженосцы — во второй, конные лучники — позади них. Последние, в силу характера их вооружения, стали вскоре использоваться для боя в спешенном строю, и это все чаще становилось для них правилом, так что их лошади стали применяться главным образом для передвижения, а не для атаки. Английские лучники, вооруженные большим луком, — в то время как в Южной Европе употреблялись арбалеты, — особенно отличались этим способом ведения боя в пешем строю, и очень возможно, что именно это обстоятельство вскоре и повело к широкому применению боя в спешенном строю среди упомянутого рода войск. За время длительных кампаний во Франции кони тяжеловооруженных рыцарей, несомненно, быстро изнурялись и делались пригодными лишь для использования их в качестве транспортного средства. Было вполне естественным, что при таком плачевном положении gendarmes*, имевшие наиболее плохих лошадей, должны были спешиваться и образовывать фалангу копейщиков, которая пополнялась лучшей частью пехоты (особенно валлийцами); в то же время те, кто имел еще годных для атаки коней, составляли теперь подлинно боеспособную кавалерию. Такой порядок оказался весьма пригодным для оборонительных сражений; и на применении его были основаны все сражения Черного принца**, которые, как известно, оканчивались полным успехом. Новый способ ведения боя был вскоре принят французами и другими народами и для XIV и XV веков может считаться почти общепринятой системой. Таким образом, через 1700 лет мы почти вернулись к тактике Александра, с той лишь разницей, что кавалерия Александра была новым родом войск, который должен был укрепить боеспособность приходившей в упадок тяжелой пехоты, тогда как в данном случае тяжелая пехота, образованная из спешенной конницы, являлась живым доказательством того, что кавалерия приходит в упадок и что для пехоты занимается новая заря.

IV. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПЕХОТЫ

Во фламандских городах, в те времена — главном промышленном районе мира, и среди швейцарских гор впервые возникли войска, которые снова заслуживали названия пехоты после столетий ее упадка. Французское рыцарство не устояло против ткачей и сукновалов, золотых дел мастеров и кожев-

* — закованные в броню всадники, конные латники. *Ред.*
** — Эдуарда, принца Уэльского. *Ред.*

ников бельгийских городов, а бургундское и австрийское дворянство — против крестьян и пастухов Швейцарии. Главную роль здесь сыграли хорошие оборонительные позиции и легкое вооружение, усиленные, как это было у фламандцев, многочисленным огнестрельным оружием, а у швейцарцев — местностью, почти недоступной для тяжеловооруженных рыцарей того времени. Швейцарцы были вооружены главным образом короткими алебардами, которыми можно было одинаково хорошо и колоть, и рубить и которые были не слишком длинны для рукопашной схватки; позже у них появились также пики, арбалеты и огнестрельное оружие, но в одном из своих самых знаменитых сражений, при Лаупене (1339 г.)[321], у них не было никакого другого оружия для боя на расстоянии, кроме камней. От оборонительных стычек в своих неприступных горах они скоро перешли к наступательным боям на равнине, а вместе с тем и к более правильной тактике. Они сражались глубокой фалангой; их защитное вооружение было легким и имелось, как правило, только у воинов передних шеренг и боковых рядов, в середине находились воины, не имевшие доспехов; швейцарская фаланга тем не менее всегда состояла из трех, отличных друг от друга, частей — авангарда, главных сил и арьергарда, что обеспечивало ей большую подвижность и возможность разнообразных тактических построений, Швейцарцы вскоре стали мастерами в умении пользоваться складками местности, что, вместе с усовершенствованием огнестрельного оружия, защищало их от налетов кавалерии; против пехоты же, вооруженной длинными копьями, они изобрели разнообразные способы прокладывания пути через лес копий, после чего их короткие тяжелые алебарды давали им громадное преимущество, даже в борьбе с воинами, закованными в броню. Они очень скоро выучились, в особенности при содействии артиллерии и ручного огнестрельного оружия, отражать в каре или крестообразном построении атаки кавалерии; и как только пехота снова стала способной на это, дни рыцарства были сочтены.

Около середины XV столетия борьба городов против феодальной знати была повсюду подхвачена государями более обширных консолидировавшихся в то время монархий, следствием чего явилось формирование последними армий из наемников, как в целях подавления этой знати, так и ради проведения самостоятельной внешней политики. Кроме швейцарцев, немцы, а вскоре за ними и большинство европейских наций стали поставлять большие контингенты наемников, набиравшихся посредством добровольной записи и продававших свои

услуги всякому, какой бы национальности он ни был, кто предлагал наибольшую цену. При построении эти отряды применяли те же тактические принципы, что и швейцарцы; вооружены они были главным образом пиками и сражались в больших батальонных каре с одинаковым количеством людей как в глубину, так и по фронту. Но им приходилось сражаться в иных условиях, чем швейцарцам, защищавшим свои горы; они должны были не только удерживать оборонительные позиции, но и наступать, сражаться с неприятелем не только на холмистой местности, но и на равнинах Италии и Франции. Вскоре они оказались перед фактом быстрого усовершенствования ручного огнестрельного оружия, имевшего место в то время. Эти обстоятельства вызвали некоторые отклонения от старой швейцарской тактики, отклонения разные у разных национальностей; но основная ее характерная черта — построение в три глубокие колонны, которые фигурировали под названиями, хотя и не всегда так было на деле, авангарда, главных сил и арьергарда, или резерва, — оставалась общей для всех. Швейцарцы сохраняли свое превосходство до сражения при Павии, после которого немецкие ландскнехты, уже до этого в течение некоторого времени бывшие если не целиком, то почти равными им, стали считаться первой пехотой Европы. Французы, чья пехота до этих пор никогда не представляла собой что-либо путное, предприняли в этот период весьма упорные попытки сформировать боеспособную национальную пехоту, но им удалось это лишь с уроженцами двух провинций — Пикардии и Гаскони. Итальянская пехота этого периода никогда не принималась в расчет. Испанцы же, среди которых Гонсало де Кордова во время войн с маврами Гранады[322] первым ввел швейцарскую тактику и швейцарское вооружение, очень скоро приобрели весьма солидную репутацию и с середины XVI столетия стали считаться лучшей пехотой Европы. В то время как итальянцы, а за ними французы и немцы довели длину своей пики с 10 до 18 футов, испанцы сохранили короткие, более удобные копья, а их ловкость делала их грозными противниками в рукопашном бою с мечом и кинжалом. Эту репутацию они сохраняли в Западной Европе — по крайней мере во Франции, Италии и Нидерландах — до конца XVII столетия.

Пренебрежительное отношение швейцарцев к защитному вооружению, основанное на традициях другого времени, не разделялось пикинерами XVI столетия. Как только сформировалась та европейская пехота, боевые качества которой в разных армиях становились все более и более сходными, система распо-

ложения по краям фаланги немногих воинов, которые были защищены нагрудниками и шлемами, оказалась недостаточной. Если раньше швейцарцы считали такую фалангу неуязвимой, то она перестала быть таковой с тех пор, как встретилась с другой вполне себе равной фалангой. В этом случае приобретал известное значение определенный набор защитного вооружения; если оно не слишком препятствовало подвижности войск, оно давало решающее преимущество. Кроме того, испанцы никогда не разделяли этого презрения к нагрудникам, и с ними стали считаться. Таким образом, нагрудники, шлемы, ручные и ножные латы и латные рукавицы снова стали частью обычного снаряжения каждого пикинера. К этому прибавился меч, более короткий у немцев и более длинный у швейцарцев, а иногда и кинжал.

V. ПЕХОТА XVI И XVII ВЕКОВ

Большой лук незадолго до этого исчез с европейского континента, за исключением Турции; арбалет применялся в последний раз гасконцами во Франции в первой четверти XVI столетия. Он был повсюду заменен мушкетом с фитильным замком, и этот мушкет, в разной степени совершенства или, вернее, несовершенства, отныне сделался вторым видом оружия пехоты. Фитильные мушкеты XVII века — неуклюжие механизмы несовершенной конструкции — были слишком крупного калибра, чтобы они могли обеспечить, кроме дальнобойности, по крайней мере некоторую меткость стрельбы и силу для пробивания нагрудника пикинера. Общепринятым около 1530 г. видом огнестрельного оружия являлся тяжелый мушкет, стрельба из которого велась с вилки, так как без такой подпорки стрелок не мог бы прицелиться. Мушкетеры носили меч, но не имели защитного вооружения и использовались либо для перестрелки в рассыпном строю, либо в особом разомкнутом построении для удержания оборонительных позиций или для подготовки атаки пикинеров на такого рода позиции. Вскоре они сделались очень многочисленными в пропорциональном отношении к пикинерам; в сражениях Франциска I в Италии они еще значительно уступали последним по численности, по спустя 30 лет по меньшей мере сравнялись с ними. Такое увеличение числа мушкетеров вызвало необходимость открытия некоторых тактических способов правильного размещения их в общем боевом порядке. Это и было сделано в тактической системе, названной венгерским боевым порядком [Hungarian ordinance], который был создан имперскими

войсками во время их войн с турками в Венгрии. Мушкетеры, неспособные защищаться в рукопашном бою, всегда располагались таким образом, чтобы иметь возможность укрыться позади пикинеров. Таким образом, их располагали иногда на обоих флангах, иногда же по четырем фланговым углам; очень часто всё каре или колонна пикинеров окружалась шеренгой мушкетеров, причем последние находились под защитой пик воинов, стоявших позади них. В конце концов одержал верх принцип расположения мушкетеров на флангах пикинеров, примененный в новой тактической системе, которая была введена голландцами в их войне за независимость. Отличительной чертой этой системы явилось дальнейшее разделение трех больших фаланг, на которые делилась, согласно как швейцарской, так и венгерской тактике, каждая армия. Каждая из этих фаланг строилась в три линии; средняя из них, в свою очередь, подразделялась на правое и левое крыло, отделенное одно от другого дистанцией, равной по крайней мере ширине фронта первой линии. Вся армия была организована в полуполки, которые мы будем называть батальонами; в каждом батальоне пикинеры располагались в центре, а мушкетеры — на флангах. Авангард армии, имея в своем составе три полка, обыкновенно строился следующим образом: два полуполка непрерывным фронтом в первой линии; за каждым из ее флангов — другой полуполк; далее, в тылу, параллельно первой линии, становились остальные два полуполка, также непрерывным фронтом. Главные силы и арьергард помещались или на фланге, или позади авангарда, но строились обыкновенно таким же образом. Здесь мы до известной степени имеем возврат к старому римскому строю, с его тремя линиями и обособленными небольшими единицами.

Имперцы, а с ними и испанцы, сочли необходимым делить свои большие армии не на три вышеуказанные группы, а на большее число; но их батальоны или тактические единицы были гораздо крупнее голландских, сражались не в линейном строю, а колонной или в каре, и не имели постоянной формы для боевого порядка до тех пор, пока в войне Голландии за независимость испанцы не приняли для своих войск построение, известное под названием испанской бригады. Четыре таких крупных батальона, каждый из которых часто состоял из нескольких полков, построенные в каре, окруженные одной или двумя шеренгами мушкетеров и имевшие фланговые группы мушкетеров на своих углах, располагались с определенными интервалами на четырех углах квадрата, причем один из углов был обращен в сторону противника. Если армия была слишком

велика, чтобы быть соединенной в одну бригаду, можно было формировать две бригады, и, таким образом, получались три линии, причем первая имела 2 батальона, вторая — 4 (иногда только 3) и третья — 2. Здесь, как и в голландской системе, мы обнаруживаем попытку вернуться к старой римской системе трех линий.

На протяжении XVI столетия произошла и другая значительная перемена; тяжелая рыцарская кавалерия была расформирована и заменена наемнической кавалерией, вооруженной, наподобие наших современных кирасиров, кирасой, шлемом, палашом и пистолетами. Эта кавалерия, значительно превосходившая подвижностью свою предшественницу, сделалась поэтому более грозной и для пехоты; но все же пикинеры того времени никогда ее не боялись. Благодаря такой перемене кавалерия стала единообразным родом войск и заняла в составе армии относительно гораздо большее место, особенно в период Тридцатилетней войны, который мы должны теперь рассмотреть. В это время система военного наемничества была общепринятой в Европе; образовалась категория людей, которые жили войной и ради войны; и хотя тактика от этого, может быть, выигрывала, но зато качество людского состава — материала, из которого образуются армии и который определяет их morale*, — от этого, конечно, пострадало. Центральная Европа была наводнена всякого рода кондотьерами, для которых религиозные и политические распри служили предлогом для того, чтобы грабить и опустошать целые страны. Индивидуальные качества солдата подверглись деградации, которая продолжалась в возрастающих масштабах до тех пор, пока французская революция не положила конец этой системе военного наемничества. Имперцы применяли в своих сражениях систему испанских бригад, помещая в линии 4 и более бригад и образуя таким способом три линии. Шведы при Густаве-Адольфе строились в шведские бригады, состоявшие каждая из 3 батальонов, одного впереди и двух несколько позади, причем каждый батальон был развернут в линию и имел в центре пикинеров, а на флангах мушкетеров. Оба вида пехоты располагались таким образом (они были представлены в равном числе), что, образуя непрерывную линию, каждый из них мог прикрывать другой. Предположим, что был отдан приказ образовать непрерывную линию мушкетеров; тогда оба крыла мушкетеров центрального, или переднего, батальона прикрыли бы своих пикинеров, став перед ними, в то время как мушкетеры двух других батальо-

* — моральное состояние, моральный облик. *Ред.*

нов выдвинулись бы каждый на соответствующем фланге и стали бы в линию с первыми. Если ожидалась атака кавалерии, то все мушкетеры укрывались позади пикинеров, в то время как оба фланга этих последних выступали вперед и строились в одну линию с центром и таким образом составляли непрерывную линию пикинеров. Боевой порядок образовывался из двух линий таких бригад, составлявших центр армии, в то время как многочисленная кавалерия располагалась на обоих флангах, вперемежку с небольшими отрядами мушкетеров. Характерным для этой шведской системы является то, что пикинеры, которые в XVI столетии были видом войск, обладавшим великой наступательной силой, теперь утратили всякую способность к атаке. Они превратились всего лишь в средство обороны, и их назначением было защищать мушкетеров от атак кавалерии; этому последнему роду войск снова пришлось взять на себя всю тяжесть атаки. Таким образом, пехота утратила, а кавалерия восстановила свое положение. Вслед за тем Густав-Адольф вывел из практики кавалерии стрельбу, ставшую к тому времени для последней излюбленным способом ведения боя; он приказывал своей коннице всегда атаковать на полном скаку и с палашом в руке; и с этого времени, вплоть до возобновления сражений на пересеченной местности, всякая кавалерия, придерживавшаяся этой тактики, могла похвастаться большими успехами в соревновании с пехотой. Для наемной пехоты XVII и XVIII веков не может быть более сурового приговора, чем это обстоятельство, и все же с точки зрения выполнения всех боевых задач она была самой дисциплинированной пехотой всех времен.

Общим результатом Тридцатилетней войны для тактики европейских армий было то, что как шведская, так и испанская бригады исчезли, и армии стали располагаться теперь в две линии, причем кавалерия образовывала фланги, а пехота — центр. Артиллерия помещалась перед фронтом других родов войск или в образуемых ими интервалах. Иногда оставляли резерв, состоявший из кавалерии или из кавалерии и пехоты. Пехота развертывалась в линию глубиной в 6 шеренг; мушкеты были настолько облегчены, что можно было обходиться без вилки; во всех странах были введены патроны и патронташи. Соединение мушкетеров и пикинеров в одних и тех же пехотных батальонах привело к возникновению наисложнейших тактических перестроений, причем основанием для всего этого служила необходимость образования так называемых оборонительных батальонов, или, как бы мы их назвали, каре, для борьбы с кавалерией. Даже при построении простого каре было

не легким делом так растянуть шесть шеренг пикинеров центра, чтобы они могли окружить со всех сторон мушкетеров, которые, разумеется, были беззащитны против кавалерии; но каково было образовывать из батальона подобным же образом крест, восьмиугольник или какие-нибудь другие причудливые формы! Таким образом оказалось, что система военного обучения в этот период была более сложной, чем когда-либо, и ни у кого, кроме солдата, прослужившего всю жизнь, не было ни малейшего шанса хотя бы приблизительно овладеть ею. В то же время очевидно, что все попытки на виду у неприятеля построиться в боевой порядок, способный отразить атаку кавалерии, были совершенно тщетны; любая боеспособная кавалерия оказалась бы в центре такого батальона прежде, чем была бы проделана четвертая часть всех этих перестроений.

В течение второй половины XVII столетия число пикинеров значительно уменьшилось по сравнению с мушкетерами, так как с того момента, когда пикинеры утратили всю свою наступательную силу, мушкетеры сделались подлинно активной частью пехоты. Более того, обнаружилось, что турецкая кавалерия, наиболее грозная конница того времени, очень часто прорывала каре пикинеров, в то время как ее атаки столь же часто отражались метким огнем линии мушкетеров. Вследствие этого имперцы совершенно упразднили пики в своей венгерской армии и иногда стали заменять их chevaux de frise*, сборка которых осуществлялась на поле сражения, причем мушкетеры носили острия от них как часть своего обычного снаряжения. В других странах также случалось, что армии посылались в бой без единого пикинера: мушкетеры полагались на действие своего огня и поддержку своей кавалерии, когда им угрожала атака конницы. Но все-таки для окончательного упразднения пики потребовались два изобретения: штык, изобретенный во Франции примерно в 1640 г. И усовершенствованный в 1699 г. настолько, что он стал удобным оружием, применяемым и поныне, и кремневый замок, изобретенный примерно в 1650 году. Штык, хотя, конечно, и не мог полностью заменить пику, давал мушкетеру возможность в известной мере обеспечить себе защиту, которую раньше, как предполагалось, он обычно получал со стороны пикинеров; кремневый замок, упростив процесс заряжания, позволял при помощи частой стрельбы не только возмещать недостатки штыка, но и достигать значительно больших результатов.

* — рогатками. *Ред.*

VI. ПЕХОТА XVIII ВЕКА

Вместе с вытеснением пики из снаряжения пехоты исчезли все виды защитного вооружения, и отныне этот род войск состоял только из одного вида солдат, вооруженных кремневым ружьем со штыком. Эта перемена завершилась в первые годы войны за Испанское наследство, совпав по времени с первыми годами XVIII столетия. В то же время мы теперь повсюду находим постоянные армии значительной численности, комплектуемые по возможности путем записи добровольцев, — которая сочеталась с вербовкой при помощи обмана и силы, — а в случае необходимости и посредством принудительного набора. Эти армии были теперь постоянно подразделены на батальоны по 500 — 700 человек, являвшиеся тактическими единицами; батальон подразделялся для специальных целей на роты; несколько батальонов составляли полк. Таким образом, организация пехоты стала приобретать более устойчивую и определенную форму. Применение кремневого ружья требовало гораздо меньшего пространства, чем ведение огня из старого фитильного ружья, а потому прежний разомкнутый строй был упразднен, и ряды были тесно сомкнуты для того, чтобы иметь на данном участке как можно больше стрелков. По той же причине интервалы между различными батальонами, расположенными для боя, были максимально уменьшены, так что весь фронт образовывал одну вытянутую непрерывную линию: пехоту, построенную в две линии в центре, и кавалерию на флангах. Стрельба, производившаяся ранее шеренгами, причем каждая шеренга после выстрела отходила в тыл для того, чтобы перезарядить ружья, теперь велась взводами или ротами: три передних шеренги каждого взвода стреляли одновременно после поданной команды. Таким образом, каждый батальон мог вести по находящемуся перед ним неприятелю непрерывный огонь. Каждый батальон имел в этой длинной линии свое определенное место, и строй, который каждому отводил свое место, получил название боевого порядка. Большой трудностью стало так построить армию в походном порядке, чтобы она всегда легко могла переходить от походного порядка к боевому, и каждая единица могла быстро занять надлежащее ей место в линии. Расположение лагерем в пределах досягаемости противника производилось с учетом той же задачи. Таким образом, искусство передвижения армий и расположение их лагерем в эту эпоху значительно продвинулось вперед, но все же негибкость и громоздкость боевого порядка сковывали все движения армии. В то же время педантизм, свойственный

этому порядку, невозможность применять такую линию где-либо, кроме самой ровной местности, еще в большей степени ограничивали выбор местности для сражения; но до тех пор, пока обе борющиеся стороны были связаны одними и теми же путами, это обстоятельство не ставило в невыгодное положение ни одну из них. Со времени Мальплаке и до начала французской революции всякая дорога, деревня, ферма являлись для пехоты запретным местом; даже канава или забор рассматривались теми, кто должен был защищать их, чуть ли не как помеха.

Прусская пехота — классическая пехота XVIII века. Она была создана главным образом принцем Леопольдом Дессауским. Во время войны за Испанское наследство глубина пехотной линии была уменьшена с 6 до 4 шеренг. Леопольд упразднил четвертую и строил пруссаков в 3 шеренги. Он ввел также железный шомпол, который давал возможность его войскам заряжать и стрелять пять раз в минуту, тогда как в других армиях едва делали три выстрела в минуту. В то же время его войска обучались вести огонь в ходе самой атаки; но так как для производства выстрела они должны были останавливаться, а вся длинная линия должна была сохранять равнение, то шаг их был медленным; это и был так называемый гусиный шаг. Огонь открывался с расстояния в 200 ярдов от неприятеля; линия наступала гусиным шагом; чем ближе подходила она к неприятелю, тем короче становился ее шаг и усиленнее огонь, пока неприятель не начинал отступать, или не приходил в такое расстройство, что кавалерийская атака с флангов и штыковая атака пехоты выбивали его с занимаемой им позиции. Армия всегда была построена в две линии; но так как в первой линии почти отсутствовали интервалы, то второй линии было очень трудно в случае необходимости прийти на помощь первой. Такова была армия и такова была тактика, которые прусский король Фридрих II получил в свое распоряжение при вступлении на престол. Гениальный человек, казалось бы, имел очень мало шансов усовершенствовать эту систему, если только он не разрушил ее, чего Фридрих в его положении и с тем человеческим материалом, который он имел для подготовки солдат, сделать не мог. И все же он умудрился выработать такой способ атаки и так организовать свою армию, что был в состоянии, с ресурсами королевства, меньшего, чем нынешняя Сардиния, и при скудной денежной поддержке Англии, вести войну почти против всей Европы. Секрет объясняется просто. До сих пор все сражения XVIII века представляли собой сражения параллельным фронтом: обе армии разворачивались в линии, парал-

лельные одна другой, и сражались в открытом правильном бою, не прибегая к каким-либо военным хитростям и искусным уловкам; единственное преимущество, которое могла иметь более сильная сторона, заключалось в том, что ее фланги охватывали фланги противника. Фридрих же применил к линейному боевому порядку способ косой атаки, изобретенный Эпаминондом. Он выбирал для первой атаки один из флангов неприятеля и направлял против него один из своих флангов, охватывавший фланг противника, а также часть своего центра, остальную же часть своей армии держал позади. Таким образом он не только получал преимущество, вытекающее из охвата фланга противника, но и мог разгромить превосходящими силами неприятельские войска, подвергшиеся такой атаке. Остальные неприятельские силы не имели возможности прийти на помощь атакованным, ибо они были прикованы к своим местам в линейном боевом порядке, да к тому же в случае успеха атаки на одном крыле остальная часть атакующей армии выдвигалась в линию и завязывала лобовой бой с неприятельским центром, в то время как начавший атаку фланг после разгрома неприятельского крыла обрушивался на фланг неприятельского центра. Это действительно единственно мыслимый метод, при помощи которого возможно было, сохраняя линейную систему, бросить превосходящие силы на любую часть неприятельского боевого порядка. Таким образом, все зависело от того, как сформировано атакующее крыло, и в той мере, в какой это позволял негибкий боевой порядок, Фридрих всегда усиливал это крыло. Он очень часто располагал впереди первой пехотной линии атакующего крыла авангардную линию, образованную из его гренадеров или отборных войск, чтобы обеспечить максимальный успех при первом же натиске.

Вторым средством, которое применил Фридрих, чтобы поднять уровень своей армии, была реорганизация его кавалерии. Доктрина Густава-Адольфа была забыта; кавалерия, вместо того чтобы полагаться на палаш и стремительность атаки, вернулась, за редкими исключениями, к ведению боя с помощью пистолета и карабина. В силу этого войны начала XVIII века не были богаты удачными кавалерийскими атаками; в Пруссии же кавалерия находилась в особенно запущенном состоянии, Но Фридрих возвратился к старому способу атаки полным галопом и с палашом в руке и создал кавалерию, не имевшую себе равной в истории. Этой-то кавалерии он и был обязан весьма значительной частью своих успехов. Когда его армия стала образцовой в Европе, Фридрих, чтобы сбить с толку военных

деятелей других наций, принялся необычайно усложнять систему тактических перестроений, ни одно из которых не было пригодно для действительной войны и которые были придуманы только для того, чтобы завуалировать простоту тех средств, при помощи которых он достигал победы. Он настолько преуспел в этом, что больше всех других оказались сбитыми с толку его же собственные подчиненные, которые действительно поверили, что эти сложные приемы построения линии составляли подлинное существо его тактики; таким образом, Фридрих не только заложил основы того педантизма и муштры, которыми с тех пор отличались пруссаки, но и фактически подготовил их к беспримерному позору Йены и Ауэрштедта.

Кроме линейной пехоты, которую мы до сих пор описывали и которая всегда сражалась в сомкнутом строю, существовал еще особый вид легкой пехоты, однако, не участвовавшей в больших сражениях. Задачей этой пехоты было ведение партизанской войны; для этого были изумительно приспособлены австрийские хорваты, между тем как для всяких других целей они не годились. По образцу этих полудикарей с Военной границы[323], прилегающей к Турции, сформировали свою легкую пехоту и остальные европейские государства. Но тот способ действий в рассыпном строю в больших сражениях, к которому прибегала легкая пехота в древности и в средние века вплоть до XVII столетия, совершенно перестал применяться. Только одни пруссаки, а за ними и австрийцы, сформировали один-два батальона стрелков, набиравшихся из охранников, ведущих борьбу с браконьерами, и лесничих — исключительно метких стрелков, которые в сражениях распределялись по всему фронту и вели огонь по вражеским офицерам; но их было так мало, что едва ли они имели значение. Возрождение рассыпного строя является результатом американской войны за независимость. В то время как солдатам европейских армий, удерживаемым в рядах принуждением и суровым обращением, нельзя было доверить ведение боя в расчлененном строю, в Америке им приходилось вести борьбу с населением, которое не прошло регулярного обучения линейных войск, но состояло из метких стрелков, хорошо знакомых с применением винтовки. Характер местности благоприятствовал им; вместо того, чтобы пытаться выполнять маневрирования, на которые они вначале не были способны, они бессознательно перешли к действиям в рассыпном строю. Таким образом, бой при Лексингтоне и Конкорде[324] открывает собой новую эпоху в истории пехоты.

VII. ПЕХОТА ЭПОХИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И XIX ВЕКА

Когда войска европейской коалиции вторглись в революционную Францию, французы находились примерно в таком же положении, в каком незадолго до этого были американцы, с той лишь разницей, что они не имели таких же преимуществ местности. Для того, чтобы сражаться в соответствии со старой линейной системой с многочисленными армиями, вторгшимися или грозившими вторгнуться в страну, французам потребовались бы хорошо обученные солдаты, а таких было немного, в то время как необученных волонтеров было множество. Поскольку позволяло время, волонтеров обучали элементарным эволюциям, предписываемым линейной тактикой; но как только они попадали под обстрел, их батальоны, развернутые в линию, стихийно распадались, образуя группы стрелков, ищущих защиты от огня в каждой складке местности; в то же время вторая линия, которая составляла своего рода резерв, довольно часто с самого начала втягивалась в бой. Кроме того французские армии своей организацией весьма отличались от армий противника. Они строились не в однообразную, негибкую линию батальонов, а по армейским дивизиям, каждая из которых состояла из артиллерии, кавалерии и пехоты. Неожиданно был вновь открыт великий факт, что дело не в том, чтобы батальон сражался на своем «строго установленном» месте в боевом порядке, а в том, чтобы он, получив приказ, вступал в боевую линию и хорошо сражался. Так как французское правительство было бедно, то палатки и громадный обоз XVIII столетия были упразднены; было введено бивуачное расположение войск; личный багаж офицеров, составлявший в других армиях значительную часть возимого имущества, был уменьшен настолько, что офицеры могли нести его на себе. Армия не получала провианта с магазинных складов и должна была рассчитывать на реквизиции в той местности, через которую проходила. Тем самым, французы достигли такой подвижности и способности легко построить боевой порядок, которые были совершенно неизвестны их противникам. В случае поражения, они через несколько часов оказывались вне досягаемости для преследовавшего их противника; при наступлении же они могли появляться в неожиданных пунктах, на флангах противника прежде, чем тот мог их заметить. Эта подвижность французов, а также взаимная подозрительность руководителей коалиции обеспечили французам некоторую передышку для того, чтобы обучить своих волонтеров

и разработать ту новую тактическую систему, которая стала у них зарождаться.

С 1795 г., как мы обнаруживаем, эта новая система начинает приобретать определенную форму сочетания действующих в рассыпном строю стрелков с сомкнутыми колоннами. Впоследствии к этому прибавилось построение в линию, хотя и не для всей армии, как до сих пор, а лишь для отдельных батальонов, которые развертывались в линию, когда считалось, что этого требует обстановка. Само собой разумеется, что к этому маневру, требовавшему более систематического обучения, иррегулярные отряды французской революции прибегали в последнюю очередь. Три батальона составляли полубригаду, 6 — бригаду, 2 или 3 пехотные бригады — дивизию, в состав которой кроме того входили 2 артиллерийских батареи и некоторое количество кавалерии; несколько таких дивизий составляли армию. Когда дивизия встречалась с неприятелем, стрелки авангарда занимали оборонительную позицию, а авангард служил для них резервом, пока не подходила вся дивизия. Далее, бригады образовывали две линии и резерв, но каждый батальон строился в колонну, а протяженность интервалов не была определенной; для прикрытия разрывов боевого порядка служили кавалерия и резерв. Боевой порядок уже не должен был, как прежде, обязательно образовывать прямую и непрерывную линию; он мог изгибаться по всем направлениям, как того требовала местность, так как теперь для поля сражения не выбирали больше голых и плоских равнин; наоборот, французы предпочитали пересеченную местность, и их стрелки, образуя цепь впереди всей боевой линии, устремлялись в каждую деревушку, ферму или рощицу, которой они могли только овладеть. Если батальоны первой линии развертывались, то обычно все они скоро превращались в стрелковые цепи; батальоны же второй линии всегда оставались в колоннах и обыкновенно с большим успехом атаковали в таком строю тонкие линии противника. Таким образом, тактическое построение французской армии для боя постепенно свелось к двум линиям, каждая из которых состояла из батальонов в сомкнутых колоннах, расположенных en echiquier*, со стрелками, рассыпавшимися перед фронтом, и сплоченным резервом в тылу.

Именно на этой стадии развития Наполеон и застал тактику, созданную французской революцией. Как только переход политической власти в его руки позволил это, он начал развивать эту систему еще дальше. Он сосредоточил свою армию в Булонском

* — в шахматном порядке. *Ред.*

лагере и здесь организовал ее регулярное обучение. В особенности упражнял он своих солдат в размещении плотного строя резерва на небольшом пространстве и в быстром развертывании этого резерва для образования линии. Он соединил две или три дивизии в армейский корпус, чтобы упростить командование. Он создал и довел до высшего совершенства новый походный порядок, который состоит в растягивании войск на достаточно обширном пространстве, чтобы они могли существовать за счет находившихся там запасов, и одновременно в сохранении их в настолько сосредоточенном состоянии, чтобы их можно было собрать в любом пункте, прежде чем атакованная часть армии могла быть раздавлена неприятелем. Начиная с кампании 1809 г. Наполеон стал изобретать новые тактические построения, как, например, глубокие колонны из целых бригад и дивизий, которые оказались, однако, весьма неудачными и никогда больше не возрождались. После 1813 г. новая французская система сделалась общим достоянием всех наций европейского континента. Старая линейная система и система вербовки наемников были окончательно оставлены. Повсюду была признана обязанность каждого гражданина отбывать воинскую повинность и введена новая тактика. В Пруссии и Швейцарии каждый гражданин должен был проходить действительную службу, а в других государствах были введены рекрутские наборы: молодые люди тянули жребий, чтобы решить, кто должен служить. Повсюду была введена система запаса, предусматривавшая роспуск по домам части людей, уже прошедших военное обучение, с тем чтобы при небольших расходах в мирное время иметь в случае войны в своем распоряжении большое число обученных солдат.

С того времени в вооружении и организации пехоты произошли некоторые изменения, вызванные отчасти прогрессом в области производства ручного огнестрельного оружия, отчасти же столкновениями французской пехоты с арабами Алжира. Немцы, всегда любившие винтовку, увеличили свои батальоны легких стрелков; французы, побуждаемые необходимостью иметь в Алжире более дальнобойное оружие, создали, наконец, в 1840 г., батальон стрелков, вооруженных усовершенствованными винтовками, обладавшими большой точностью огня и значительной дальнобойностью. Солдаты этого батальона, обученные выполнять все перестроения и даже совершать большие переходы своего рода беглым шагом (pas gymnastique), вскоре показали себя настолько боеспособными, что были сформированы новые батальоны. Таким образом была создана новая легкая пехота, но уже не из лиц, занимающихся

стрелковым спортом, и лесничих, а из наиболее сильных и ловких солдат; точность и дальность огня были соединены с ловкостью и выносливостью, и эти вновь сформированные войска бесспорно превосходили всякую существовавшую тогда пехоту. В то же время pas gymnastique был введен в линейной пехоте, и — что даже Наполеон счел бы верхом безумия — теперь в каждой армии практикуется бег как один из важных элементов обучения пехоты.

Успех новой винтовки, сконструированной французскими оружейниками (Дельвинем и Поншарра), вскоре вызвал новые усовершенствования. Для нарезного оружия была введена коническая пуля. Минье, Лоренц и Уилкинсон изобрели новые способы, посредством которых пулю заставляли легко скользить по каналу ствола и в то же время настолько расширяться, попадая в его нижнюю часть, что своим свинцом она заполняла нарезы и таким образом получала боковое вращение и силу, от которых зависит эффективность винтовки; с другой стороны, Дрейзе изобрел игольчатое ружье, которое заряжалось с казенной части и не требовало специальной затравки. Все эти винтовки обладали способностью поражать на расстоянии в 1000 ярдов и заряжались так же легко, как обычное гладкоствольное ружье. Затем возникла идея вооружить такими винтовками всю пехоту. Англия первая осуществила эту идею. Пруссия, давно уже подготовившаяся к этому, последовала за ней, затем Австрия и мелкие германские государства и, наконец, Франция. Россия, а также итальянские и скандинавские государства до сих пор еще отстают. Это новое вооружение совершенно изменило характер ведения войны, но не в том направлении, как этого ожидали теоретики тактики; и все это по очень простой математической причине. Можно легко доказать, начертив траектории этих пуль, что ошибка на 20 или 30 ярдов при определении расстояния до цели сводит на нет все шансы на попадание с расстояния свыше 300 или 350 ярдов. Далее, в то время как на учебном поле все расстояния известны, на поле сражения они неизвестны, к тому же они ежеминутно меняются. Пехота, расположенная на оборонительной позиции и имеющая время измерить расстояния до наиболее заметных предметов перед своим фронтом, будет, таким образом, иметь на расстоянии от 1000 до 300 ярдов громадное преимущество перед атакующими ее войсками. Устранить это преимущество можно, лишь быстро продвигаясь вперед самым беглым шагом и не открывая огня до дистанции в 300 ярдов от противника, на которой эффективность огня обеих сторон будет одинаковой. На этом расстоянии стрельба между двумя хорошо расположенными линиями

стрелков будет настолько губительной, и столько пуль поразит пикеты и резервы, что для смелой пехоты не остается ничего лучшего, как при первом же удобном случае броситься на противника, дав залп с расстояния в 40 или 50 ярдов. Эти правила, впервые теоретически обоснованные прусским майором Трота, были затем с успехом применены на практике французами в их недавней войне с австрийцами[325]. Поэтому они составят неотъемлемую часть современной пехотной тактики, в особенности если смогут дать такие же хорошие результаты, будучи применены против такого быстро заряжающегося оружия, как прусское игольчатое ружье. Вооружение всей пехоты нарезным ружьем одного и того же образца приведет к уничтожению все еще существующего различия между легкой и линейной пехотой и к образованию пехоты, способной выполнять любые задачи. В этом, видимо, и будет заключаться очередное усовершенствование этого рода войск.

Написано Ф. Энгельсом в сентябре — около 10 октября 1859 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IX, 1860 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ [326]

Военно-морской флот — собирательный термин для военных кораблей, принадлежащих какому-либо государю или нации. Военные флоты древних народов, хотя нередко и многочисленные, не выдерживают никакого сравнения с современными флотами в отношении размеров их судов, их двигательных возможностей и наступательной силы. Мореходными судами Финикии и Карфагена, Греции и Рима были плоскодонные барки, не способные плавать в штормовую погоду; морские просторы во время шквала были для них гибельны; они медленно плыли вдоль берегов, а в ночное время бросали якоря в какой-либо небольшой бухте или заливе. Для таких судов пересечь море из Греции в Италию или из Африки в Сицилию было опасным предприятием. Эти суда не могли выдерживать напор парусов, обычных для наших современных военных кораблей, и были снабжены лишь парусами небольших размеров; полагаясь на весла, они могли лишь медленно передвигаться по волнам. Компас еще не был изобретен; понятия широты и долготы были неизвестны; береговые вехи и Полярная звезда служили в то время единственными путеводителями в навигации. Средства для ведения наступательных действий были также малоэффективными. Лук и стрелы, дротики, громоздкие баллисты и катапульты являлись единственным оружием, которое могло служить для ведения боя на расстоянии. На море неприятелю нельзя было причинить никакого серьезного вреда до тех пор, пока оба сражающихся корабля не приходили в непосредственное соприкосновение. Существовало, таким образом, только два возможных способа морского боя:

маневрировать так, чтобы остроконечным, прочным железным выступом в носовой части своего корабля со всей силой нанести удар в борт неприятельского корабля и потопить его; или же сойтись с противником борт о борт, сцепить суда и сразу же взять неприятельский корабль на абордаж. После первой Пунической войны, которая положила конец господству Карфагена на море[327], в древней истории не было ни одного морского сражения, представляющего хотя бы малейший интерес с профессиональной точки зрения, а установление римского владычества вскоре исключило возможность в дальнейшем каких-либо морских столкновений в Средиземном море.

Подлинной родиной наших современных военно-морских флотов является Северное море. Примерно в то время, когда громадная масса тевтонских племен Центральной Европы поднялась, чтобы опрокинуть разлагавшуюся Римскую империю и возродить Западную Европу, их собратья на северном побережье — фризы, саксы, англы, датчане и скандинавы — стали совершать морские плавания. Их суда были устойчивыми, прочными морскими ладьями с выступающим килем и острыми очертаниями оконечностей; на таких судах они в большинстве случаев доверялись одним парусам и не боялись быть застигнутыми штормом в бурном Северном море. Именно на судах такого типа англы и саксы плавали от устьев Эльбы и Эйдера к берегам Британии, а норманны предпринимали свои пиратские экспедиции, доходя до Константинополя — в одном направлении, и до Америки — в другом. Постройка кораблей, на которых отваживались пересекать Атлантический океан, произвела полную революцию в мореплавании, и прежде чем миновала эпоха средних веков, на всем побережье Европы вошли в употребление новые острокильные морские суда. Корабли, на которых совершали свои плавания норманны, были, вероятно, не очень большого размера; их водоизмещение во всяком случае не превышало 100 тонн, и они имели одну или самое большее две мачты с косым парусным вооружением.

Долгое время как кораблестроение, так и навигация, по-видимому, оставались неизменными; в продолжение всего средневековья суда были небольших размеров, а присущий норманнам и фризам дух отваги исчез. Все усовершенствования, какие были введены, принадлежали итальянцам и португальцам, которые теперь стали самыми смелыми моряками. Португальцы открыли морской путь в Индию; два итальянца, находившиеся на иностранной службе, Колумб и Кабот, первыми со времен норманна Лейфа переплыли Атлантический океан. Дальние морские путешествия стали теперь необходимыми,

а они требовали больших кораблей. В то же время необходимость вооружения тяжелой артиллерией военных и даже торговых судов также требовала увеличения размеров и тоннажа судов. Те же причины, которые вызвали появление постоянных армий на суше, обусловили возникновение постоянных военных флотов на море, и только с этого времени мы собственно и можем говорить о военно-морском флоте как таковом. Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась для всех морских наций, также явилась эпохой образования крупных военных флотов для защиты только что основанных колоний и торговли с ними. С этого времени начинается период, более богатый морскими сражениями и более плодотворный для развития морских вооружений, чем любой из предыдущих.

Начало основанию британского военно-морского флота было положено Генрихом VII, который построил первый военный корабль, названный «Грейт Гарри». Преемник Генриха VII* создал регулярный, постоянный флот, являвшийся собственностью государства; самый большой корабль этого флота назывался «Генри Грас де Дьё». Этот корабль, крупнейший из всех, построенных когда-либо до этого времени, имел 80 пушек, расположенных частью на двух обычных непрерывных батарейных палубах, частью на добавочных платформах, находившихся в носовой части корабля и на корме. Корабль имел четыре мачты и его тоннаж исчисляется примерно в 1000 — 1500 тонн. Весь британский флот к моменту смерти Генриха VIII состоял приблизительно из 50 парусных судов, общим водоизмещением в 12000 тонн, с экипажем, насчитывавшим 8000 матросов и солдат морской пехоты. Большие корабли этого периода были громоздки и сооружались с высокими баком и ютом, то есть высокими надстройками в носовой части и на корме, в результате чего корабли имели чрезвычайно малую устойчивость. Следующий большой корабль, о котором мы имеем сведения, это — «Соверин ов де Сииз», впоследствии названный «Ройял Соверин». Он был построен в 1637 году. Это первый корабль, о вооружении которого мы располагаем почти точными сведениями. Он имел 3 непрерывных палубы, бак, галф-дек, шканцы, ют и кормовую рубку; на его нижней палубе находилось тридцать 42- и 32-фунтовых орудий; на средней — тридцать 18-и 9-фунтовых орудий; на верхней палубе — двадцать шесть легких орудий, вероятно 6- и 3-фунтовых. Кроме того он имел 20 погонных орудий и 26 орудий на баке и на галф-деке. Но при несении обычной службы во внутренних водах это вооружение было сокра-

* — Генрих VIII. *Ред.*

щено до 100 орудий, так как полное вооружение было, видимо, слишком велико для корабля. Что касается судов меньшего размера, то наши сведения о них крайне скудны.

В 1651 г. военно-морской флот был подразделен на 6 разрядов. Но, кроме них, продолжали существовать многочисленные классы внеразрядных кораблей, например шлюпы, блокшивы, а позднее — бомбардирские суда, брандеры и яхты. К 1677 г. относится список судов всего английского военного флота, согласно которому самый большой перворазрядный трехпалубный корабль имел двадцать шесть 42-фунтовых пушек, двадцать восемь 24-фунтовых, двадцать восемь 9-фунтовых, четырнадцать 6-фунтовых и четыре 3-фунтовых пушки, а самый маленький двухпалубный корабль (пятого разряда) имел восемнадцать 18-фунтовых, восемь 6-фунтовых и четыре 4-фунтовых, то есть всего 30 орудий. Весь флот состоял из 129 судов. В 1714 г. он насчитывал 198 судов, в 1727 г. — 178 и в 1744 г. — 128. В дальнейшем с увеличением числа судов увеличиваются также и их размеры, а с ростом тоннажа возрастает и тяжесть вооружения.

Первый английский корабль, соответствующий нашему современному фрегату, был построен сэром Робертом Дадли еще в конце XVI столетия. Но потребовалось целых 80 лет, прежде чем этот класс кораблей, который сначала появился в южноевропейских странах, был широко введен в английском военном флоте. Особые быстроходные качества фрегатов некоторое время недооценивались в Англии. Британские корабли были, как правило, перегружены орудиями, так что их нижние орудийные порты находились лишь на 3 фута выше уровня воды, и их нельзя было открывать в бурную погоду; перегрузка кроме того значительно снижала мореходные качества судов. Как испанцы, так и французы допускали большее водоизмещение судов при соответствующем числе орудий; вследствие этого на их кораблях можно было устанавливать орудия большего калибра и перевозить большее количество припасов; они кроме того обладали большей плавучестью и быстроходностью. Английские фрегаты первой половины XVIII столетия имели сорок четыре 9 — 12-фунтовых орудий и несколько 18-фунтовых при водоизмещении около 710 тонн. К 1780 г. были построены фрегаты водоизмещением в 946 тонн, вооруженные 38 орудиями (большей частью 18-фунтовыми). Здесь мы наблюдаем явный прогресс. Французские фрегаты в этот период, с таким же вооружением, имели водоизмещение в среднем на 100 тонн большее. Примерно в то же время (середина XVIII столетия) менее крупные военные корабли стали более

четко, по-современному, подразделяться на корветы, бриги, бригантины и шхуны.

В 1779 г. было изобретено (по-видимому, английским генералом Мелвиллом) новое артиллерийское орудие, что вызвало значительное изменение вооружений большинства военно-морских флотов. Это было орудие крупного калибра с очень коротким стволом, приближавшееся по своему типу к гаубице, но рассчитанное на ведение огня сплошными ядрами на коротких дистанциях при небольших зарядах. От этих орудий, впервые изготовленных железоделательной компанией Каррон, в Шотландии, они получили название карронад. Залп из таких орудий, безрезультатный при стрельбе на дальнем расстоянии, имел ужасающие последствия для деревянных частей корабля противника при стрельбе в упор. Благодаря своей уменьшенной скорости (в связи с уменьшением заряда) снаряд этого орудия делал большую пробоину, производил гораздо большие разрушения в деревянной части и вызывал значительное количество особенно опасных трещин. К тому же сравнительная легкость этих орудий облегчала возможность найти для нескольких из них место на юте, шканцах и баке корабля. К 1781 г. в английском военно-морском флоте уже имелось 429 кораблей, снабженных 6 — 10 карронадами сверх их обычного пушечного вооружения. Читая отчеты о морских сражениях во время французской и американской войн, нужно иметь в виду, что англичане никогда не включали карронады в число орудий, которые числились на вооружении корабля, так что, например, британский фрегат, считавшийся 36-орудийным кораблем, мог в действительности иметь 42 и более орудий, если учесть имевшиеся на нем карронады. Превосходство, благодаря приме-пению карронад, в весе снарядов, выбрасываемых бортовым залпом английских судов, помогло англичанам во время войны с революционной Францией выиграть немало сражений, которые велись на близком расстоянии. Но в конце концов карронады явились лишь временным средством усиления боевой мощи военных кораблей сравнительно малого размера, которые существовали 80 лет тому назад. Как только размер кораблей каждого разряда был увеличен, от карронад опять-таки стали отказываться, и в настоящее время они в значительной мере заменены другим типом орудий.

В отношении конструкций военных кораблей французы и испанцы значительно опередили англичан. Их корабли были крупнее и лучшей формы, чем британские; их фрегаты особенно превосходили английские как размерами, так и мореходными качествами, В течение многих лет английские фрегаты копиро-

вались с французского фрегата «Геба», захваченного в 1782 году. По мере увеличения длины кораблей высокие надстройки на носу и корме — баки, юты и шканцы — уменьшались, благодаря чему повышались мореходные качества. Таким образом постепенно суда приобретали сравнительно изящные очертания и быстроходность, которыми отличаются современные военные корабли. Вместо увеличения числа орудий, на этих более крупных кораблях последовало увеличение калибра, а также веса и длины каждого орудия, чтобы дать возможность применять полные заряды и достигнуть максимальной дальности прямого выстрела, что позволяло открывать огонь на больших дистанциях. Орудия малых калибров, менее 24 фунтов, исчезли с больших кораблей, а оставшиеся калибры были упрощены таким образом, чтобы на борту одного корабля иметь не более двух или, в крайнем случае, трех калибров. Так как на линейных кораблях нижняя палуба была наиболее прочной, то на ней устанавливали орудия того же калибра, что и на верхней палубе, но большей длины и веса, с тем чтобы иметь хотя бы один ярус орудий для стрельбы на возможно большие расстояния.

Около 1820 г. французский генерал Пексан сделал изобретение, которое имело очень большое значение для вооружения военно-морского флота. Он сконструировал орудие большого калибра, снабженное узкой каморой в казенной части для помещения пороха, и стал стрелять из этих «бомбовых пушек» (canons obusiers) полыми снарядами при небольших углах возвышения, До этого полыми снарядами по кораблям стреляли только из гаубиц береговых батарей; правда, в Германии давно уже практиковалось ведение настильного огня бомбами по фортификационным сооружениям из короткоствольных 24-фунтовых и даже 12-фунтовых орудий. Разрушительное действие бомб при попадании в деревянные борта кораблей было хорошо известно Наполеону, который в Булони вооружил большинство своих канонерских судов, предназначенных для экспедиции в Англию, гаубицами и установил правило, что корабли следует обстреливать такими снарядами, которые взрываются после попадания в цель. Теперь бомбовая пушка Пексана дала возможность вооружать корабли орудиями, которые, поскольку они вели наиболее настильный огонь бомбами, могли применяться в морском сражении между кораблями и обеспечивать такую же вероятность попадания, как и старые орудия, стрелявшие ядрами. Новое орудие было скоро принято на вооружение всех военно-морских флотов и, подвергшись разнообразным усовершенствованиям, составляет ныне важную часть вооружения всех крупных военных кораблей.

Вскоре затем были предприняты первые попытки применения паровых двигателей на военных судах, как это было уже сделано Фултоном для торговых судов. Переход от речных пароходов к пароходам каботажного плавания и постепенно к океанским происходил медленно; столь же замедленным было и развитие военных пароходов. Это обусловливалось тем, что тогда существовали только колесные пароходы. Гребные колеса и часть машины были открыты для неприятельского обстрела и могли быть приведены в негодность одним удачным попаданием; они занимали большую часть борта корабля; кроме того вес машины, гребных колес и угля настолько уменьшал вместимость кораблей, что о вооружении их большим количеством тяжелых длинноствольных орудий не могло быть и речи. Поэтому колесный пароход никак не мог стать линейным кораблем, но его превосходство в быстроходности позволяло ему соперничать с фрегатами, которые обычно маневрируют на флангах неприятеля, пожиная плоды победы или прикрывая отступление. В настоящее время фрегат обладает как раз такими размерами и вооружением, которые дают возможность смело использовать его в самостоятельном крейсерском плавании, и в то же время его прекрасные мореходные качества позволяют ему вовремя выйти из неравного боя. Мореходные качества любого фрегата были значительно превзойдены пароходом, но без хорошего вооружения пароход не смог бы выполнить своей миссии. Не могло быть и речи о регулярном бортовом сражении парохода против фрегата; число орудий парохода, за недостатком места, всегда неизбежно было меньше числа орудий парусного фрегата. Здесь, как нигде, пригодились бомбовые сушки. Уменьшенное число орудий на борту парового фрегата компенсировалось весом снарядов и калибром этих пушек. Первоначально эти орудия предназначались только для ведения огня бомбами, но недавно они стали изготовляться такими тяжелыми, — в особенности погонные орудия (на носу и корме судна), — что при полном заряде могут стрелять на значительные расстояния и сплошными ядрами. Кроме того уменьшенное число орудий допускает устройство на палубе вращающихся платформ и рельсовых путей, при помощи которых все или большинство орудий могут перемещаться для стрельбы в любом направлении. Благодаря этому наступательная сила парового фрегата почти удваивается, и 20-пушечный паровой фрегат может вводить в действие по крайней мере столько же орудий, сколько вводит 40-пушечный парусный фрегат, имеющий только 18 действующих пушек на каждом борту. Таким образом, большой современный колесный паровой фрегат является

одним из наиболее грозных кораблей. Превосходство в калибре и дальнобойности его орудий, вместе с его скоростью, позволяют ему поражать противника на таком расстоянии, на котором парусный корабль с трудом может отвечать ему сколько-нибудь эффективным огнем; в то же время в том случае, когда ему выгодно форсировать сражение, он имеет возможность воспользоваться той разрушительной силой, которую придает ему вес выбрасываемых им снарядов. Все же слабой стороной колесного парохода остается то, что весь его двигательный механизм не защищен от обстрела прямой наводкой и представляет собой крупную мишень.

Для менее крупных кораблей, как-то: корветов, разведочных и других легких судов, не играющих какой-либо роли в морском сражении, но весьма полезных в течение кампании, сразу же было признано значительное преимущество пара, и для нужд большинства военно-морских флотов было построено большое количество такого рода колесных судов. То же самое произошло и с транспортными судами. Там, где предполагались высадки десанта, пароходы не только сокращали до минимума продолжительность плавания, но давали возможность почти с абсолютной точностью рассчитать время прибытия к назначенному месту. Транспортировка войск значительно упростилась, в особенности если учесть, что каждая морская страна имела большое количество пароходов торгового флота, которые в случае необходимости можно было превратить в транспортные суда. Именно на этом основании принц де Жуанвиль в своем известном памфлете высказал мнение, что поскольку изменения, вызванные паром в условиях морской войны так велики, французское вторжение в Англию перестало быть невозможным[328]. Все же до тех пор, пока суда, предназначенные для решающих действий, то есть линейные корабли, оставались исключительно парусными, применение пара не могло произвести больших перемен в условиях, в которых происходили крупные морские сражения.

С изобретением гребного винта появилось средство, которому суждено было произвести коренной переворот в морской войне и превратить все военные флоты в паровые. Прошло, однако, целых 13 лет после изобретения винта, прежде чем был сделан первый шаг в этом направлении. Французы, всегда превосходившие англичан в конструировании и строительстве новых кораблей, первыми сделали этот шаг. В 1849 г. французский инженер Дюпюи де Лом построил, наконец, первый винтовой линейный корабль — стопушечный «Наполеон» с двигателем мощностью в 600 лошадиных сил. Этот корабль не был рассчитан исключительно на

действие пара; в отличие от колес винт позволял кораблю сохранить все очертания и оснастку парусного судна и двигаться по желанию при помощи одного пара или одних парусов, или же того и другого вместе. Поэтому корабль всегда мог сберечь свой уголь на случай крайней необходимости, прибегая к парусам; он, следовательно, гораздо меньше, чем старый колесный пароход, зависел от близости угольных станций. В связи с тем, что он пользовался и парусами, а также в силу того, что мощность его парового двигателя была еще слишком мала, чтобы он мог развить скорость, равную скорости колесного парохода, «Наполеон» и другие суда того же типа назывались вспомогательными паровыми судами. С тех пор, однако, построены такие линейные корабли, которые имеют достаточно мощный паровой двигатель, позволяющий развить полную скорость, какую только способен сообщить кораблю винт. Благодаря успеху «Наполеона» как во Франции, так и в Англии вскоре началась постройка винтовых линейных кораблей. Русская война* дала новый толчок этому коренному преобразованию в военном судостроении. Когда было установлено, что большая часть хорошо построенных линейных кораблей может быть без особенно больших затруднений оборудована винтом и машинами, — превращение всех военно-морских флотов в паровые стало лишь делом времени. Ни одна крупная морская держава в настоящее время и не помышляет о постройке больших парусных судов. Почти все вновь заложенные корабли — винтовые пароходы, за исключением немногих колесных пароходов, которые все еще требуются для определенных целей. И уже к 1870 г. парусные военные суда почти так же устареют, как ныне устарели ручная прялка и гладкоствольное ружье.

Крымская война вызвала к жизни военные корабли двух новых конструкций. Первая из них — паровая канонерская или мортирная лодка, первоначально построенная англичанами для предполагавшейся атаки Кронштадта. Это — небольшое судно, с осадкой от 4 до 7 футов, вооруженное одним или двумя тяжелыми дальнобойными орудиями или же тяжелой мортирой; канонерская лодка используется главным образом в мелких труднопроходимых водах, мортирная лодка — для бомбардировки с дальних дистанций укрепленных военно-морских арсеналов. Эти суда в высшей степени отвечали своему назначению и несомненно будут играть важную роль в будущих военно-морских кампаниях. Мортирная лодка, как это было доказано у Свеаборга, целиком изменяет соотношение сил

* Крымская война 1853 — 1856 годов. *Ред.*

в обороне и нападении между крепостями и кораблями, давая кораблям такую способность безнаказанно бомбардировать крепости, которой они раньше никогда не обладали; на расстоянии в 3000 ярдов, с которого бомбы мортирных лодок могут поражать такую большую цель, как город, сами они находятся в полной безопасности благодаря малой величине своей поверхности. Наоборот, канонерские лодки во взаимодействии с береговыми батареями усилят оборону и обеспечат ведение морской войны теми легкими, действующими в качестве застрельщиков боевыми единицами, которых до сих пор так недоставало.

Вторым нововведением были бронированные, непробиваемые снарядами, плавучие батареи, впервые построенные французами для атаки береговых оборонительных сооружений. Они были испытаны только под Кинбурном, и даже против непрочных парапетов и ржавых пушек этой маленькой крепости их действия не привели к особенно значительным результатам[329]. Тем не менее французы были, видимо, настолько ими удовлетворены, что продолжают с тех пор производить опыты по строительству судов со стальной броней. Они построили канонерские лодки со своего рода непроницаемым для снарядов стальным парапетом на баке, защищающим орудие и его прислугу. Но если плавучие батареи были неуклюжи и их приходилось буксировать, то эти канонерские лодки всегда погружались носом в воду и были вообще непригодны к плаванию. Французы тем не менее построили покрытый стальными листами паровой фрегат, названный «Ла Глуар», который, как говорят, непробиваем снарядами, очень быстроходен и вполне способен выдержать бурю. Высказываются самые преувеличенные утверждения по поводу возможной революции, которую произведут эти непроницаемые для снарядов фрегаты в морской войне. Заявляют, что линейные корабли устарели и что способность решать исход больших морских сражений перешла к этим вооруженным одной пушечной батареей фрегатам, покрытым со всех сторон непробиваемой броней; против них якобы не устоит ни один деревянный трехпалубный корабль. Здесь не место обсуждать эти вопросы, но мы можем заметить, что гораздо легче сконструировать и установить на борту корабля нарезные пушки, достаточно мощные, чтобы пробить железную или стальную броню, чем построить судно, обшитое достаточно толстым слоем металла, который способен противостоять ядрам или бомбам, выпущенным из этих орудий. Что касается «Глуар», то, в конце концов, с достоверностью еще не известно, может ли этот корабль выдержать штормовую погоду; говорят, что, вследствие неприспособленности

вмещать достаточное количество угля, он не может находиться под парами в море более трех дней. На что способен его британский соперник «Уориор», мы еще не знаем. Несомненно, что, уменьшив Вооружение и запас угля и изменив конструкцию, можно создать корабль, совершенно защищенный от снарядов при стрельбе с больших и средних дистанций и в то же время являющийся хорошим пароходом. Но в век, когда артиллерийская наука делает такие быстрые успехи, весьма сомнительно, следует ли строить в дальнейшем подобные корабли.

Переворот в артиллерии, происходящий в настоящее время в связи с введением нарезной пушки, по-видимому, имеет гораздо большее значение для морской войны, чем какое-либо влияние, которое может быть оказано броненосными судами. Каждое нарезное орудие, заслуживающее это название, придает стрельбе на большие расстояния такую точность, что прежняя неэффективность огня морских орудий на таких расстояниях, видимо, скоро станет делом прошлого. Кроме того, нарезная пушка, допуская применение продолговатого снаряда и уменьшенного заряда, позволяет значительно уменьшить калибр и вес бортовых орудий, а при сохранении прежнего калибра достигать гораздо больших результатов. Продолговатый снаряд 56-центнеровой нарезной пушки 32-фунтового, калибра превзойдет сферический снаряд 113-центнерового гладкоствольного 10-дюймового орудия не только в отношении веса, но и по пробивной способности, дальности полета и точности попадания. Наступательная сила каждого корабля по меньшей мере утраивается, если он вооружен нарезными орудиями. К тому же очень сильно ощущалась необходимость изобретения снаряда ударного действия, который взрывался бы в самый момент проникновения в борт корабля. Вращение сферического снаряда делало это невыполнимым: ударный взрыватель не всегда находился в надлежащем положении в момент попадания бомбы в цель и поэтому не производил взрыва. Но продолговатый снаряд, выпущенный из нарезной пушки, вращаясь вокруг своей продольной оси, всегда должен удариться головной частью, и простой ударный капсюль снарядной трубки, установленный в головке снаряда, разрывает снаряд в момент его проникновения в борт корабля. Вряд ли возможно, чтобы любой из до сих пор изобретенных бронированных кораблей мог безнаказанно пренебречь двумя такими бортовыми залпами с двухпалубного судна, не говоря уже о бомбах, которые попадут внутрь через порты и должны взорваться между палубами. Нарезные орудия должны в значительной мере положить конец таким сражениям на близких дистанциях, для которых

были пригодны карронады; маневрирование снова приобретает большое значение, а так как пар делает сражающиеся корабли независимыми от ветра и течения, то в будущем морская война по своим методам еще больше приблизится к сухопутным сражениям и будет подчинена тактическим правилам последних.

Военные суда, из которых состоят современные военно-морские флоты, делятся на различные ранги, от первого до шестого. Но так как эти ранги меняются произвольно, то лучше всего классифицировать военные суда обычным путем, разделяя их на линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги, шхуны и т. д. Линейные корабли — это самые большие военные корабли, предназначенные для того, чтобы в генеральном сражении образовать боевой порядок и решать исход сражения весом металла снарядов, выпускаемых по неприятельским кораблям. Они бывают трехпалубными или двухпалубными, другими словами — они имеют 3 или 2 крытые палубы, вооруженные орудиями. Эти палубы называются нижней, средней и главной, или верхней. Верхняя палуба, которая первоначально была покрыта только на юте, шканцах и баке, теперь имеет над собой сплошную открытую палубу от носа до кормы. Эта открытая палуба, части которой все еще называются ютом, шканцами и баком (надстройка в середине носит название шкафута), также имеет артиллерию, главным образом карронады, так что в действительности двухпалубный корабль имеет три, а трехпалубный — четыре яруса пушек. Самые тяжелые орудия, разумеется, расположены на нижней палубе. И чем выше батареи расположены над водой, тем меньше вес их орудий. Обычно калибр этих орудий одинаков на всех палубах; это достигается уменьшением веса самого орудия, вследствие чего для орудий на верхних палубах могут применяться только уменьшенные заряды и, следовательно, их можно использовать лишь для стрельбы с коротких дистанций. Единственное исключение из этого правила составляют погонные орудия, которые расположены на носу и корме корабля и которые, если даже их устанавливают на баке или на юте и шканцах, все же имеют максимально допустимые длину и вес, так как они предназначены для действия на самых дальних дистанциях. Так, носовыми и кормовыми орудиями английских линейных кораблей являются либо 8- и 10-дюймовые бомбовые пушки, либо 56-фунтовые (калибр, равный 7,7 дюймам) и 68-фунтовые (калибр, равный 8,13 дюймам) ядерные пушки, одна из которых установлена на баке на вращающейся платформе. В английском военно-морском флоте на корабле первого разряда обыкновенно имеется шесть кормовых и пять носовых орудий.

Остальное вооружение такого корабля указано в следующей таблице:

Место расположения орудий	Типы орудий	Вес	Длина	Число орудий
Нижняя палуба	8-дюймовые бомбовые пушки	65 ц.	9 ф. 0 дм.	4
» »	32-фунтовые орудия	56 »	9 » 6 »	28
Средняя палуба	8-дюймовые бомбовые пушки	65 »	9 » 0 »	2
» »	32-фунтовые орудия	50 »	9 » 0 »	32
Верхняя палуба	32 » »	42 »	8 » 0 »	34
Бак, ют и шканцы	32 » »	45 »	8 » 6 »	6
	32-фунтовые карронады	17 »	4 » 0 »	14
Всего.....				120

Вооружение линейных кораблей меньшего размера основано на том же принципе. Для сравнения мы укажем также вооружение французского перворазрядного корабля, а именно: нижняя палуба его имеет 32 длинноствольных 30-фунтовых орудий; средняя палуба — четыре 80-фунтовых бомбовых пушек и 30 короткоствольных 30-фунтовых орудий; верхняя палуба — тридцать четыре 30-фунтовых бомбовых пушки; бак, ют и шканцы — четыре 30-фунтовых бомбовых пушки и шестнадцать 30-фунтовых карронад, итого — 120 орудий. Французская 80-фунтовая бомбовая пушка имеет на 0,8 дюйма больший калибр, чем 8-дюймовая английская; 30-фунтовая бомбовая пушка и 30-фунтовое ядерное орудие имеют несколько больший калибр, чем английское 32-фунтовое, так что преимущество в весе снарядов на стороне французов. Самый малый линейный корабль имеет теперь 72 орудия; самый большой фрегат — 61.

Фрегат представляет собой корабль, имеющий только одну крытую палубу с расположенными на ней орудиями, и другую открытую палубу над ней (бак, ют и шканцы), на которой также установлены орудия. Вооружение фрегатов в английском флоте состоит обыкновенно из 30 орудий (либо все они — бомбовые пушки, либо же часть их — бомбовые пушки, а часть — длинноствольные 32-фунтовые орудия) на батарейной палубе, из 30 короткоствольных 32-фунтовых орудии на баке, юте

и шканцах и одного тяжелого орудия на носу, установленного на вращающейся платформе. Так как фрегаты предназначаются большей частью для одиночных действий и обычно вступают в бой один на один с неприятельскими фрегатами, выполняющими подобную же боевую задачу, то немалые усилия большинства морских наций были направлены на то, чтобы сделать фрегаты как можно более крупными и мощными. Ни в одном другом разряде кораблей увеличение тоннажа не было таким значительным, как в разряде фрегатов. Так как Соединенным Штатам требовался дешевый, но достаточно сильный военно-морской флот, способный внушить к себе уважение, то они были первым государством, обратившим внимание на то большое преимущество, какое имеет флот, состоящий из больших фрегатов, каждый из которых превосходил бы любой фрегат, выставленный против него другими нациями. Было использовано также превосходство американских судостроителей в постройке быстроходных судов, и последняя война с Англией (1812 — 1814 гг.) показала в многочисленных хорошо проведенных сражениях, какими грозными противниками являлись эти американские фрегаты. Вплоть до настоящего времени фрегаты Соединенных Штатов считаются образцом этого типа кораблей, хотя разница в размерах при их сравнении с фрегатами других военно-морских флотов теперь не так значительна, как 30 или 40 лет тому назад.

Следующий разряд военных кораблей называется корветами. Они имеют лишь один ярус орудий, размещенных на открытой палубе. Но более крупные суда этого разряда имеют бак, ют и шканцы (не соединенные, однако, сплошной палубой в средней части корабля), на которых устанавливается еще несколько орудий. Такие корветы следовательно почти соответствуют тому, что представлял собой фрегат 80 лет тому назад, до того как обе возвышающиеся крайние части корабля были соединены между собой непрерывной палубой. Эти корветы все же достаточно прочны, чтобы иметь на борту орудия такого же калибра, как и у кораблей большего размера. Корветы также имеют 3 мачты, все с прямым парусным вооружением. Более мелкие суда — бриги и шхуны — имеют от 20 до 6 орудий. На них установлено только 2 мачты, с прямым парусным вооружением у бригов и косым парусным вооружением у шхун. Калибр их орудий неизбежно меньше калибра орудий больших кораблей, и обыкновенно не превышает 18 или 24 фунтов, а иногда доходит и до 12 и 9 фунтов. Суда, обладающие столь незначительной наступательной силой, не могут направляться туда, где ожидается серьезное сопротивление.

В европейских водах их повсюду начинают заменять пароходами; действительную службу они могут нести только у таких берегов, как побережье Южной Америки, Китая и т. д., где им приходится встречаться со слабым противником и где они предназначаются лишь для того, чтобы представлять флаг могущественной морской страны.

Выше указано лишь то вооружение, которое принято во флоте в данное время, но оно несомненно изменится во всех отношениях в продолжение ближайших десяти лет благодаря повсеместному введению морских нарезных орудий.

Написано Ф. Энгельсам около 22 ноября 1860 г.

Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. XII, 1861 г.

Печатается по тексту энциклопедии

Перевод с английского

К. МАРКС

ГОСПОДИН ФОГТ[330]

Написано К. Марксом в феврале ноябре 1860 г.

Напечатано отдельной книгой в Лондоне в 1860 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

Herr Vogt.

Von

Karl Marx.

London,
A. Petsch & Co, deutsche Buchhandlung,
78, FENCHURCH STREET, E.C.
—
1860.

Титульный лист первого издания книги «Господин Фогт»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В берлинской *«Volks-Zeitung»,* гамбургской *«Reform»*[331] и других немецких газетах я опубликовал заявление с пометкой: *«Лондон,* 6 февраля 1860 г.», которое начиналось следующими словами:

«Настоящим заявляю, что мной сделаны подготовительные шаги для привлечения к суду берлинской *«National-Zeitung»*[332] по обвинению ее в клевете за передовые статьи в №№ 37 и 44 по поводу брошюры *Фогта: «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»»*[333]. *Фогту* я отвечу в печати позднее».

Почему я решил ответить *Карлу Фогту* в печати, а *«National-Zeitung»* в судебном порядке, будет видно из предлагаемой работы.

В феврале 1860 г. я подал жалобу в суд на «National-Zeitung» с обвинением ее в клевете. После того как дело прошло четыре предварительных инстанции, я получил 23 октября текущего года постановление королевского прусского верховного суда, которым эта последняя инстанция лишала меня права на иск, и процесс таким образом был прекращен еще до публичного разбирательства. Если бы публичное разбирательство — как я имел право рассчитывать — действительно состоялось, то я мог бы обойтись без первой трети предлагаемого произведения. Достаточно было бы перепечатать стенографический отчет судебного разбирательства, и я был бы избавлен от крайне неприятного труда отвечать на обвинения, выдвинутые лично против меня, и, следовательно, говорить о самом себе. Я всегда столь тщательно избегал этого, что Фогт мог рассчитывать на некоторый успех своих лживых измышлений. Однако sunt

certi denique fines*. Фогт в своей жалкой книжонке, — содержание ее «National-Zeitung» изложила на свойственный ей манер, — приписал мне ряд позорящих поступков, которые теперь, когда у меня окончательно отнята возможность *публичного* опровержения их в судебном порядке, требуют опровержения в печати. Но независимо от этих соображений, не оставлявших никакого выбора, у меня были еще и другие мотивы подробнее разобрать охотничьи рассказы Фогта обо мне и моих партийных товарищах, раз уж я должен был заняться этим делом: с одной стороны, почти единодушные клики торжества, которыми так называемая «либеральная» немецкая печать приветствовала его мнимые разоблачения; с другой стороны — возможность, которую давал анализ фогтовской жалкой книжонки для характеристики этого индивидуума, представляющего целое направление.

Ответ на выступление Фогта заставил меня кое-где приоткрыть partie honteuse** в истории эмиграции. Я пользуюсь при этом только правом «самообороны». Впрочем, эмиграции, за исключением нескольких человек, нельзя поставить в упрек ничего, кроме иллюзий, которые более или менее оправдывались обстоятельствами того времени, и глупостей, неизбежно порождаемых исключительной обстановкой, в которой эмиграция неожиданно очутилась. Я говорю здесь, конечно, только о первых годах эмиграции. Сравнение истории правительств и буржуазного общества за период примерно с 1849 по 1859 г. с историей эмиграции за тот же период было бы самой блестящей защитой, какую только можно для нее написать.

Я заранее знаю, что те самые мудрецы, которые при появлении фогтовской жалкой книжонки озабоченно качали головами по поводу серьезности его «разоблачений», теперь не в состоянии будут понять, как могу я тратить время на опровержение подобного вздора; в то же время «либеральные» писаки, со злорадной поспешностью распространявшие пошлые глупости Фогта и его недостойную ложь в немецкой, швейцарской, французской и американской печати, сочтут мой способ разделываться с ними и их героем злобным и непристойным. But never mind!***

Политическая и юридическая часть этой работы не нуждается в каком-либо особом предисловии. Во избежание возможных недоразумений замечу лишь следующее: люди, которые еще до 1848 г. сходились в том, что независимость Польши, Венгрии

* — всему, наконец, есть пределы (Гораций. «Сатиры», книга I, сатира первая). *Ред.*
** — срамоту. *Ред.*
*** — Но какое это имеет значение! *Ред.*

и Италии надлежит отстаивать не только как *право* этих стран, но и с точки зрения *интересов* Германии и Европы, высказывали диаметрально противоположные взгляды о тактике, которой должна была придерживаться Германия по отношению к Луи Бонапарту в связи с Итальянской войной 1859 года[334]. Эта противоположность взглядов вытекала из противоположной оценки *фактических предпосылок,* окончательное суждение о которых должно быть предоставлено будущему. Что касается меня, то я в этой работе рассматриваю лишь взгляды *Фогта* и его клики. Даже те взгляды, которые он обещал отстаивать и — в *воображении* некритической группы лиц — отстаивал, фактически остаются за пределами моей критики. Я разбираю лишь те взгляды, которые он *действительно* отстаивал.

В заключение я выражаю сердечную благодарность за любезную помощь, оказанную мне в этой работе не только старыми партийными товарищами, но и многими, ранее мне неизвестными, а отчасти и теперь еще лично незнакомыми представителями эмиграции в Швейцарии, Франции и Англия.

Лондон, 17 ноября 1860 г.

Карл Маркс

I

СЕРНАЯ БАНДА [335]

Clarin: Malas pastillas gasta;
… hase untado
Con unguento de azufre.
(Calderon)[*]

«Округленная натура»[**], как деликатно назвал адвокат *Герман* перед окружным судом в Аугсбурге своего шарообразного клиента, наследственного Фогта из Нихильбурга[336], — «округленная натура» начинает свое «грандиозное историческое повествование» следующим образом:

«Под именем **серной банды,** *или также* под не менее характерным названием **бюрстенгеймеров,** среди эмиграции 1849 г. была известна группа лиц, которые сначала были рассеяны по Швейцарии, Франции и Англии, затем постепенно собрались в Лондоне и там в качестве своего видного главы почитали г-на *Маркса.* Политическим принципом этих собратьев была диктатура пролетариата и т. д.» (Карл Фогт. «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»». Женева, декабрь 1859, стр. 136).

«Главная книга»[337], в которой находится это важное сообщение, появилась в декабре 1859 года. Но за восемь месяцев до того, в мае 1859 г., «округленная натура» поместила в *бильском «Handels-Courier»* статью[338], которую следует рассматривать как *набросок* более пространного «исторического повествования». Послушаем *первоначальный текст:*

«С поворотного момента в ходе революции 1849 г.», — сочиняет бильский *«Коммивояжер»,* — «в Лондоне постепенно собралась шайка изгнанников, члены которой были известны в свое (!) время *в швейцарской*

---

[*] — Кларин: Он мелет вздор;
... он натерся
серной мазью.
(Кальдерон. «Чудодейственный маг», действие второе). *Ред.*

[**] Игра слов: «abgerundete Natur» означает «округленная натура» (в физическом смысле слова) и «сформировавшаяся натура» (в смысле духовной зрелости). Адвокат Герман употребил это выражение во втором значении. *Ред.*

эмиграции под названием *бюрстенгеймеров,* или *серной банды.* Их глава — *Маркс,* бывший редактор «Rheinische Zeitung» в Кёльне, их лозунг — социальная республика, диктатура рабочих, их занятие — организация союзов и заговоров». (Перепечатано в «Главной книге». Третий отдел, Документы, № 7, стр. 31, 32.)

Шайка изгнанников, которая была известна «в швейцарской эмиграции» под названием серной банды, превращается 8 месяцев спустя перед более многочисленной публикой в «рассеянную по Швейцарии, Франции и Англии» массу, которая «среди эмиграции» вообще была известна под названием *серной банды.* Это старая история о клеенчатых плащах из зеленого кендальского сукна, так забавно рассказанная прототипом Карла Фогта, бессмертным сэром Джоном Фальстафом*, который нисколько не убавился в *веществе* в своем новом зоологическом перевоплощении. Из первоначального текста бильского *«Коммивояжера»* видно, что как *серная банда,* так и *бюрстенгеймеры* принадлежали к местной *швейцарской* флоре. Ознакомимся с их естественной историей.

Узнав от друзей, что в 1849 — 1850 гг. в Женеве действительно процветало общество эмигрантов под именем серной банды и что видный купец лондонского Сити, г-н *С. Л. Боркхейм,* может дать более точные сведения о происхождении, росте и распаде этого гениального общества, я в феврале 1860 г. обратился письменно к этому господину, тогда мне неизвестному, и после личной встречи действительно получил от него нижеследующий очерк, который я перепечатываю без изменений:

«Лондон, 12 февраля 1860 г.
18, Юнион Гров, Уондсуорт-Род.

Милостивый государь!

Хотя мы, — несмотря на девятилетнее пребывание в одной и той же стране и большей частью в одном городе, — три дня тому назад еще не были лично знакомы друг с другом, Вы совершенно правильно предположили, что я не откажу Вам, как товарищу по эмиграции, в разъяснениях, которые Вам угодно было получить.

Итак, о *серной банде.*

В 1849 г., вскоре после того, как мы, повстанцы, покинули Баден, несколько молодых людей оказались в *Женеве,* — одни были направлены туда швейцарскими властями, другие — по собственному выбору. Все они — студенты, солдаты или купцы — были приятелями еще в Германии до 1848 г. или познакомились друг с другом во время революции.

Настроение у эмигрантов было совсем не радужное. Так называемые политические вожаки взваливали друг на друга вину за неудачу. Военные руководители критиковали друг друга за отступательные наступления,

* См. Шекспир. «Король Генрих IV». Часть I, акт II, сцена четвертая. (Рассказывая вымышленную историю о своей стычке с шайкой молодчиков, Фальстаф при каждом новом упоминании увеличивает их число и, увлекшись своей выдумкой, изображает их одетыми то в клеенчатые плащи, то в куртки из кендальского сукна.) *Ред.*

фланговые передвижения и наступательные отступления. Эмигранты стали обзывать друг друга буржуазными республиканцами, социалистами и коммунистами. Посыпались листовки, отнюдь не способствовавшие успокоению. Повсюду мерещились шпионы, а в довершение всего, одежда у большинства превращалась в лохмотья, и на многие лица легла печать голода. При таких-то печальных обстоятельствах указанные молодые люди составили тесный кружок. Это были: *Эдуард Розенблюм,* уроженец Одессы, по происхождению немец; он изучал медицину в Лейпциге, Берлине и Париже;

Макс Конхейм из Фрауштадта, торговый служащий, а в начале революции одногодичный вольноопределяющийся в гвардейской артиллерии;

Корн, химик и аптекарь из Берлина;

Беккер, инженер из Рейнской области, и *я сам,* сдавший в 1844 г. экзамен на аттестат зрелости в Вердеровской гимназии в Берлине, а затем учившийся в университетах в Бреславле, Грейфсвальде и Берлине; к началу революции 1848 года — канонир в моем родном городе (Глогау).

Ни одному из нас, думается мне, не было больше 24 лет. Мы жили недалеко друг от друга, а одно время даже все в одном доме, на улице Гран Прэ. Нашей главной задачей в этой маленькой стране с ее ничтожными возможностями заработка было не поддаваться гнетущему и деморализующему влиянию общей эмигрантской нищеты и настроению политического похмелья. Климат, природа были великолепны, — мы не отреклись от своего бранденбургского прошлого и находили die Jegend jottvoll*. То, что было у одного из нас, принадлежало всем, а если ни у кого ничего не было, то мы находили добродушных трактирщиков или других добрых людей, которым доставляло удовольствие давать нам кое-что в долг под наши молодые жизнерадостные лица. Мы все, вероятно, имели очень честный и сумасбродный вид! С благодарностью следует вспомнить Бертена, владельца кафе «Европа», который в буквальном смысле слова *неустанно* «кредитовал» не только нас, но и многих других немецких и французских эмигрантов. В 1856 г., после шестилетнего отсутствия, я, возвращаясь из Крыма, посетил Женеву только для того, чтобы с благодарностью благомыслящего «шалопая» уплатить свои долги. Добрый, круглый, толстый Бертен был поражен и уверял меня, что я первый, кто доставил ему такое удовольствие, но тем не менее он нисколько не жалеет, что у него от 10 до 20 тысяч франков осталось за эмигрантами, которых уже давно повыслали во все концы света. Не думая о долгах, он с особенной сердечностью осведомлялся о моих ближайших друзьях. К сожалению, я мало мог ему рассказать.

После этого отступления возвращаюсь вновь к 1849 году.

Мы весело бражничали и распевали. Помню, за нашим столом перебывали эмигранты всевозможных политических оттенков, в том числе французские и итальянские. Веселые вечера, проведенные в таком dulci jubilo**, казались всем какими-то оазисами в печальной в общем, конечно, пустыне эмигрантской жизни. И друзья, бывшие тогда членами женевского Большого совета или ставшие ими впоследствии, принимали иногда ради отдыха участие в наших пирушках.

Либкнехт, который находится теперь здесь и которого за девять лет я видел лишь три или четыре раза, случайно встречая на улице, нередко бывал в нашем обществе. Студенты, доктора, бывшие гимназические и университетские товарищи, во время каникулярных поездок частенько выпивали с нами, осушив немало стаканов пива и бутылок доброго и деше-

* — местность божественной (берлинский диалект). *Ред.*
** — милом веселье. *Ред.*

вого маконского вина. Иногда мы целые дни, а то и недели проводили на Женевском озере, не вылезая на берег, распевали романсы и с гитарой в руках «любезничали» под окнами вилл на савойской или швейцарской стороне.

Должен сознаться, что молодецкая кровь иногда сказывалась у нас в непозволительных выходках. В этих случаях славный, ныне покойный *Альберт Галер,* небезызвестный политический противник Фази из числа женевских граждан, в самом дружеском тоне отчитывал нас. «Вы сумасбродные парни, — говорил он, — следует, впрочем, признать, что если вы сохранили такую жизнерадостность в вашей невеселой эмигрантской жизни, значит вы не ослабли телом и не пали духом, а для этого нужна изрядная упругость». Этому доброму человеку трудно было сильнее бранить нас. Он был членом Большого совета Женевского кантона.

Дуэль состоялась, насколько мне известно, только одна, на пистолетах, между мной и неким г-ном Р.....н. Повод был, однако, вовсе не политического характера. Моим секундантом был один женевский артиллерист, говоривший только по-французски, а арбитром молодой *Оскар Галер,* брат члена Большого совета, к сожалению, преждевременно умерший впоследствии от нервной лихорадки в Мюнхене, где он был студентом. Должна была состояться еще другая дуэль — тоже не политического характера — между Розенблюмом и одним баденским эмигрантом, лейтенантом фон Ф.....г, который вскоре после этого вернулся на родину и, кажется, снова вступил в восстановленную баденскую армию. Спор был улажен утром в день поединка, прежде чем успели перейти к действиям, благодаря посредничеству г-на Энгельса, — кажется, того самого, который, говорят, живет теперь в Манчестере и которого я с тех пор не видел. Г-н Энгельс был в Женеве *проездом,* и в его веселом обществе мы распили немало бутылок вина. Встреча с ним, если память мне не изменяет, была нам особенно приятна потому, что его кошельку мы могли предоставить руководящую роль.

Мы не примкнули ни к так называемым «синим», ни к «красным» республиканским, ни к социалистическим, ни к коммунистическим партийным вожакам. Мы позволяли себе судить свободно и независимо, — не скажу, чтобы всегда правильно, — о политических махинациях имперских регентов, членов Франкфуртского парламента и других говорилен, революционных генералов и капралов или далай-лам коммунизма и основали даже для этой, а также для других забавлявших нас целей еженедельную газету под названием:

«Rummeltipuff»

Орган сбродократии [Lausbubokratie][*]

Вышло только два номера этой газеты. Когда меня позднее арестовали во Франции, чтобы выслать сюда, французская полиция конфисковала у меня все мои бумаги и дневники, и теперь я не припоминаю в точности, прекратила ли газета свое существование за отсутствием средств или же была запрещена властями.

«Филистеры» — из числа так называемых буржуазных республиканцев, а также из рядов так называемых коммунистических рабочих — прозвали нас *серной бандой.* Иногда мне кажется, что мы сами так окрестили себя. Во всяком случае, применялось это прозвище к нашему обществу исключительно в добродушном немецком смысле этого слова. Я дружески встречаюсь с товарищами по изгнанию, друзьями

[*] «Такое прозвище, если память мне не изменяет, было дано всем либеральным партиям в одной из мелких германских палат или во Франкфуртском парламенте. Мы хотели увековечить его» *(Боркхейм).*

г-на Фогта, и с другими эмигрантами, которые были и, вероятно, еще остаются Вашими друзьями. Но мне никогда, к счастью, не пришлось слышать, чтобы кто-либо презрительно отзывался о членах упомянутой мною *серной банды* как в политическом отношении, так и в отношении их личной жизни.

Это единственная *серная банда,* которую я знаю. Она существовала в Женеве в 1849 — 1850 годах. В середине 1850 г. немногочисленные члены этого опасного общества, за исключением *Корна,* должны были покинуть Швейцарию, так как принадлежали к подлежавшим высылке категориям эмигрантов. Так прекратила свое существование наша серная банда. Были ли в других местах другие серные банды, где именно и какие цели они себе ставили, — мне ничего не известно.

Корн, кажется, остался в Швейцарии и обосновался там в качестве аптекаря. *Конхейм* и *Розенблюм* уехали перед битвой при Идштедте в Гольштейн. Они оба, кажется, принимали в ней участие. Позже, в 1851 г., они отправились в Америку. Розенблюм в конце того же года вернулся в Англию и в 1852 г. уехал в Австралию; с 1855 г. я о нем не имею оттуда никаких известий. *Конхейм,* говорят, состоит уже в течение некоторого времени редактором «New-Yorker Humorist». *Беккер* тогда же, в 1850 г., уехал в Америку. Что с ним сталось, я, к сожалению, не могу точно сказать.

Я лично провел зиму 1850 — 1851 гг. в Париже и Страсбурге. В феврале 1851 г. я, как уже упомянуто, был выслан французской полицией в Англию с применением грубой силы, причем в течение трех месяцев меня таскали по 25 тюрьмам и на протяжении большей части пути я был закован в тяжелые железные кандалы. Потратив первый год своего пребывания в Англии на ознакомление с языком, я занялся торговой деятельностью, ни на минуту не переставая живо интересоваться политическими событиями на родине, но держась всегда в стороне от всяких затей политических эмигрантских кружков. Живется мне сносно, или, как говорят англичане, very well, sir, thank you![*] Вините себя самого в том, что Вам пришлось выслушать эту длинную и отнюдь не очень поучительную историю.

Остаюсь с уважением преданный Вам

Сигизмунд Л. Боркхейм».

Таково письмо г-на *Боркхейма.* В предчувствии, своей исторической важности серная банда предусмотрительно позаботилась вклинить в книгу истории акт своего гражданского состояния в виде гравюр на дереве. А именно: первый номер «Rummeltipuff» украшен портретами его основателей.

Гениальные господа из серной банды принимали участие в республиканском путче Струве в сентябре 1848 г., затем сидели в тюрьме в Брухзале до мая 1849 г., наконец, сражались в качестве солдат в кампанию за имперскую конституцию, в результате которой они оказались переброшенными через швейцарскую границу[339]. В 1850 г. два матадора из банды, Конхейм и Розенблюм, прибыли в Лондон, где они «собрались» вокруг г-на *Густава Струве.* Я не имел чести лично с ними познакомиться. В политическом смысле они вступили со мной в сопри-

[*] — очень хорошо, сэр, благодарю вас! *Ред.*

косновение, когда в противовес лондонскому Эмигрантскому комитету[340], руководимому тогда мной, Энгельсом, Виллихом и другими, попытались основать под руководством Струве свой собственный комитет. Направленное против нас пронунциаменто этого комитета, подписанное Струве, Розенблюмом, Конхеймом, Бобцином, Грунихом и Освальдом, появилось, между прочим, и в берлинской газете «Abend-Post».

В эпоху расцвета Священного союза *угольная банда* (карбонарии)[341] представляла собой совершенно неистощимый пласт для полицейской разработки и аристократической фантазии. Не думал ли наш имперский Горгеллянтюа для вящей пользы немецкой буржуазии эксплуатировать серную банду по способу угольной банды? *Селитряная банда* восполнила бы полицейское триединство. Может быть, *Карл Фогт* недолюбливает серу, потому что не выносит запаха пороха. Или, подобно иным больным, он не терпит своего специфического лекарства? Как известно, врач-знахарь *Радемахер* классифицирует болезни по лекарствам от них[342]. В таком случае в число серных болезней попало бы то, что адвокат Герман назвал в окружном суде в Аугсбурге *«округленной натурой»* своего клиента, что Радемахер называет «натянутым, как барабан, животом», а еще более крупный доктор Фишарт — «выпуклым французским пузом»[*]. Все фальстафовские натуры страдали, таким образом, более чем в одном отношении от серной болезни. Или, может быть, *Фогту* его зоологическая совесть напомнила, что сера — смерть для чесоточных клещей и что особенно не выносят серы клещи, неоднократно менявшие свою кожу? Как показали новейшие исследования, только перенесший линьку клещ способен к оплодотворению и поэтому доразвился до самосознания. Замечательное противоречие! На одной стороне *сера,* на другой — достигший *самосознания чесоточный клещ!* Но во всяком случае на Фогте лежала обязанность доказать своему «императору» и либеральному немецкому буржуа, что все беды «с поворотного момента в ходе революции 1849 г.» произошли от женевской *серной банды,* а не от парижской *декабрьской банды*[343]. Лично меня он должен был возвести в главари столь опорочиваемой им серной банды, совершенно неизвестной мне до появления его «Главной книги», в наказание за мои продолжавшиеся много лет дерзкие нападки на главу и на членов «банды 10 декабря». Чтобы сделать понятным справедливый гнев «приятного собеседника», я приведу здесь некоторые касающиеся «декабрьской

[*] И. Фишарт. «Полное приключений грандиозное историческое повествование о деяниях и изречениях героев и господ Грангошира, Горгеллянтюа и Пантагрюэля». Глава шестая. *Ред.*

банды» отрывки из моей работы: *«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»,* Нью-Йорк, 1852 (см. стр. 31, 32 и 61, 62).

«Эта банда[344] возникла еще в 1849 году. Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами из аристократии сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этой банде встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, поденщики, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют la bohême*. Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро банды 10 декабря, «благотворительного общества», поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность ублаготворить себя за счет трудящейся массы нации.

Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков подлинный Бонапарт, Бонапарт sans phrase**, безошибочно узнаваемый даже тогда, когда впоследствии, став всемогущим, он расплачивается с частью своих старых товарищей по заговору, ссылая их в Кайенну вместе с революционерами. Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости. Так, в походе на Страсбург прирученный швейцарский коршун играл роль наполеоновского орла. Во время своей высадки в Булони он на нескольких лондонских лакеев напялил французские мундиры; они представляли армию[345]. В своей банде 10 декабря он собирает 10000 бездельников, которые должны представлять народ, подобно тому как ткач Основа собирался представлять льва***...

* — богемой. *Ред.*
** — просто, без прикрас. *Ред.*
*** Шекспир. «Сон в летнюю ночь», акт I, сцена вторая. *Ред.*

Чем для социалистических рабочих были национальные мастерские, а для буржуазных республиканцев мобильная гвардия[346], тем была для Бонапарта банда 10 декабря, эта характерная для него партийная боевая сила. Во время его поездок члены этой банды, размещенные группами по железнодорожным станциям, должны были служить ему импровизированной публикой, изображать народный энтузиазм, реветь: «Vive l'Empereur!»*, оскорблять и избивать республиканцев — разумеется, под покровительством полиции. При его возвращениях в Париж они должны были образовать авангард, они должны были предупреждать или разгонять враждебные демонстрации. Банда 10 декабря принадлежала ему, была *его* творением, его доподлинно собственной идеей. Во всем остальном то, что он приписывает себе, досталось ему в силу обстоятельств, то, что он делает, делают за него обстоятельства или же он довольствуется тем, что копирует деяния других; но открыто сыпать перед буржуа официальными фразами о порядке, религии, семье, собственности, а втайне опираться на общество Шуфтерле и Шпигельбергов, на общество беспорядка, проституции и воровства — тут Бонапарт оригинален, и история банды 10 декабря — его собственная история...

Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слывшему во время Фронды самым обязательным человеком во Франции, потому что он превратил все свои имения в долговые обязательства своих сторонников на себя, и Бонапарт хотел бы быть самым обязательным человеком во Франции и превратить всю собственность, весь труд Франции в долговое обязательство на себя лично. Ему хотелось бы *украсть* всю Францию, чтобы *подарить* ее Франции или, вернее, чтобы *снова купить* потом Францию на французские деньги, так как в качестве шефа банды 10 декабря он вынужден покупать то, что ему должно принадлежать. И предметом торговли становятся все государственные учреждения, сенат, Государственный совет, Законодательный корпус, суды, орден Почетного легиона, солдатская медаль, прачечные, общественные работы, железные дороги, генеральный штаб национальной гвардии без рядовых, конфискованные имения Орлеанского дома. Средством подкупа делается всякое место в армии и правительственной машине.

Но самое важное в этом процессе, заключающемся в том, что Францию забирают, чтобы подарить ее ей же самой, — это

* — «Да здравствует император!» *Ред.*

проценты, перепадающие во время оборота в карман шефа и членов банды 10 декабря. Острое словцо графини Л., любовницы г-на де Морни, по поводу конфискации орлеанских имений: «C'est le premier vol de l'aigle» [«Это первый полет орла»][*], применимо к каждому полету этого *орла,* похожего больше на *ворона.* Он и его приверженцы ежедневно сами себе говорят слова, обращенные одним итальянским картезианским монахом к скряге, хвастливо перечислявшему свои богатства, которых ему должно хватить еще на долгие годы жизни: «Tu fai conto sopra i beni, bisogna prima far il conto sopra gli anni»[**]. Чтобы не просчитаться в годах, они подсчитывают минуты.

Ко двору, в министерства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодчиков, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, пользующаяся дурной славой, хищническая богема, которая напяливает на себя обшитые галунами мундиры с такой же смешной важностью, как сановники Сулука. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое банды 10 декабря, если принять во внимание, что Верон-Кревель[***] — его блюститель нравов, а Гранье де Кассаньяк — его мыслитель. Гизо во время своего министерства, пользуясь в одной темной газете этим Гранье как орудием против династической оппозиции, обыкновенно давал о нем следующий лестный отзыв: «C'est le roi des droles», «Это король шутов». Было бы несправедливо сопоставлять двор и клику Луи Бонапарта с двором времен регентства[347] или Людовика XV. Ибо «Франция уже не раз переживала правление метресс, но никогда еще не переживала правления альфонсов»[****]...

Терзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к заменителю Наполеона, другими словами — совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос, посягает на все, что революции 1848 г. казалось неприкосновенным, одних приучает равнодушно относиться к революции, а других возбуждает к революции, создает настоящую анархию во имя

[*] Слово «vol» означает полет и воровство. *(Примечание Маркса к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта».)*

[**] «Ты считаешь свои богатства, а тебе следовало бы раньше сосчитать свои годы». *(Примечание Маркса к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта».)*

[***] В своем романе «Кузина Бетта» Бальзак изображает Кревеля, списанного с д-ра Верона, владельца газеты «Constitutionnel», как самого распутного парижского филистера. *(Примечание Маркса к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта».)*

[****] Слова г-жи де Жирарден. *(Примечание Маркса к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта».)*

порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее одновременно отвратительной и смешной. Он устраивает в Париже пародию на культ трирского священного хитона[348] в виде культа наполеоновской императорской мантии. Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны»[349].

II
БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ

«But, sirrah, there's no room for faith,
truth nor honesty, in this bosom of thine;
it is all filled up with guts and midriff».

(Shakespeare)[*]

«Бюрстенгеймеры, **или** *серная банда»,* читаем мы в бильском первоевангелии («Главная книга». Документы, стр. 31). *«Серная банда,* **или также** *бюрстенгеймеры»,* читаем мы в «Главной книге» (стр. 136).

И в том и в другом варианте серная банда и бюрстенгеймеры — одна и та же банда. Но серная банда, как мы видели, умерла, погибла в середине 1850 года. Значит, погибли и бюрстенгеймеры? «Округленная натура» состоит цивилизатором при декабрьской банде, а цивилизация, как говорит Фурье, отличается от варварства тем, что простую ложь заменяет сложной.

«Сложный» имперский Фальстаф рассказывает нам («Главная книга», стр. 198) о некоем *Абте,* называя его «подлейшим из подлых». Изумительная скромность! Для самого себя Фогт употребляет положительную степень, а для своего Абта превосходную, возводя его некоторым образом в ранг своего маршала Нея. Когда первоевангелие Фогта появилось в бильском *«Коммивояжере»,* я попросил редакцию «Volk»[350] перепечатать этот первопасквиль без всяких комментариев. Редакция все же снабдила его следующим примечанием:

«Напечатанный выше пасквиль исходит от опустившегося субъекта, по имени *Абт,* который восемь лет тому назад судом чести немецких эмигрантов в Женеве был единодушно признан виновным в совершении различных бесчестных поступков» («Volk» № 6 от 11 июня 1859 г.).

Редакция «Volk» сочла Абта автором фогтовского первопасквиля; она забыла, что Швейцария имела двух Ричмондов на поле брани[351], — *наряду с Абтом еще и Фогта.*

Итак, «подлейший из подлых» весной 1851 г. изобрел своих *бюрстенгеймеров,* которых осенью 1859 г. Фогт стащил у своего

[*] — «в утробе твоей, негодяй, нет места ни для правды, ни для верности, ни для чести: она вся набита кишками и потрохами» *(Шекспир.* «Король Генрих IV», Часть I, акт III, сцена третья). *Ред.*

маршала. Милую привычку к плагиату он инстинктивно переносит из области естественно-исторического в область полицейского книгосочинительства. Во главе женевского Общества рабочих некоторое время стоял щеточник [Burstenmacher] *Зауэрнгеймер.* Абт отсек половинки от профессии и фамилии Зауэрнгеймера, — одну спереди, другую сзади, — и из обеих половинок ловко скомпановал целое — *бюрстенгеймер.* Этим прозвищем он называл сперва, кроме *Зауэрнгеймера,* его ближайших приятелей: *Камма* из Бонна, по профессии щеточника, и **Раникеля** из Бингена — переплетного подмастерья. Зауэрнгеймера он возвел в чин генерала бюрстенгеймеров, Раникеля — в адъютанты, а Камма в бюрстенгеймера sans phrase. Впоследствии, когда два эмигранта, принадлежавшие к женевскому Обществу рабочих, *Имандт* (ныне преподаватель семинарии в Данди) и *Шили* (прежде адвокат в Трире, ныне в Париже), добились от суда чести исключения Абта из Общества, Абт выпустил полный ругани памфлет, в котором возвел в сан *бюрстенгеймеров* уже все женевское Общество рабочих. Мы видим, таким образом, что были бюрстенгеймеры вообще и бюрстенгеймеры в частности. К *бюрстенгеймерам* вообще относилось женевское Общество рабочих, то самое Общество, у которого припертый к стене Фогт выклянчил свое testimonium paupertatis*, помещенное в «Allgemeine Zeitung», и перед которым он ползал на четвереньках во время празднеств в честь Шиллера и Роберта Блюма (1859). К бюрстенгеймерам в частности относились, как сказано, совершенно мне неизвестный Зауэрнгеймер, никогда не бывавший в Лондоне; Камм, высланный из Женевы и уехавший затем в Соединенные Штаты через Лондон, где, однако, он посетил не меня, а Кинкеля; наконец, *этот* или **это Раникель,** [*der* oder **das Ranickel]******,** который в качестве адъютанта бюрстенгеймеров остался в Женеве, где он «собрался» вокруг «округленной натуры». Действительно, своей особой он представляет у Фогта пролетариат. Так как в последующем мне еще придется вернуться к *Раникелю,* то вот пока некоторые предварительные сведения об этом чудище. *Раникель* принадлежал к эмигрантской казарме в Безансоне, которой после неудачного похода Геккера командовал Виллих[352]. Под его командой он участвовал в кампании за имперскую конституцию, а затем вместе с ним бежал в Швейцарию. Виллих был его коммунистическим Магометом, который должен был огнем и мечом основать тысячелетнее царство. Тщеславный болтун и франтоватый позер *Раникель*

* — свидетельство о бедности. *Ред.*

** Ниже Маркс неоднократно дает фамилию Ранинеля с артиклем среднего рода. *Ред.*

в тиранстве превзошел тирана. В Женеве он в красной ярости неистовствовал против «парламентариев» вообще и в частности грозил, в качестве нового Телля, «задушить ланд-Фогта». Но когда Валло, эмигрант 30-х годов и друг юности Фогта, ввел его в дом последнего, кровожадные чувства *Раникеля* превратились в «the milk of human kindness»*. «У *фогта* служит *малый»,* — как говорит Шиллер**.

Адъютант бюрстенгеймеров сделался адъютантом генерала Фогта, который не был увенчан военной славой лишь потому, что Плон-Плон считал и неаполитанского капитана *Уллоа* (даже генерала by courtesy***) достаточно плохим исполнителем задачи, возложенной в итальянском походе на его, Плон-Плона, «corps de touristes»****, а своего Пароля держал в резерве для великой авантюры с «потерянным барабаном», авантюры, которая должна была разыгрываться на Рейне[353]. В 1859 г. Фогт перевел своего *Раникеля* из пролетарского сословия в буржуазное, помог ему завести предприятие (художественные вещи, переплетная, письменные принадлежности) и вдобавок обеспечил ему заказы от женевского правительства. Адъютант бюрстенгеймеров стал для Фогта «maid of all work»*****, его чичисбеем, другом дома, Лепорелло, поверенным, корреспондентом, сплетником, доносчиком, а после грехопадения жирного Джека****** также его соглядатаем и бонапартовским вербовщиком среди рабочих. В одной швейцарской газете сообщалось недавно об открытии третьего вида ежей, ранского или рейнского ежа, соединяющего в себе свойства собачьего и свиного ежа и найденного в гнезде у Арвы, в имении Гумбольдта-Фогта. Не имел ли этот ранский еж отношения к нашему *Раникелю?*******

Nota bene********: единственный эмигрант в Женеве, с которым я был связан, д-р *Эрнст Дронке,* бывший член редакции «Neue Rheinische Zeitung»[354], а ныне купец в Ливерпуле, относился отрицательно к бюрстенгеймерам.

По поводу нижеследующих писем *Имандта* и *Шили* я хочу лишь заметить, что Имандт в начале революции покинул университет и принял участие в качестве добровольца в шлезвиг-

---

* — «милосердья молоко» (Шекспир. «Макбет», акт I, сцепа пятая. Из слов леди Макбет в адрес Макбета: «Ты вскормлен милосердья молоком»). *Ред.*

** «Вильгельм Телль». действие I, явление четвертое. *Ред.*

*** — благодаря любезности (выражение «by courtesy» употребляется по отношению к тому, что гарантируется не правом, а милостью или обычаем). *Ред.*

**** — «корпус туристов». *Ред*.

***** — «служанкой, выполняющей любую работу». *Ред.*

****** Джеком, у Шекспира, собутыльники зовут сэра Джона Фальстафа. *Ред.*

******* Непереводимая игра слов, основанная, с одной стороны, на созвучии слова «Ran-Igel» («ранский еж») с именем Ranickel, а с другой — на двояком значении слова «Schweinigel» («свиной еж» и «гнусное существо»). *Ред.*

******** — Заметьте себе. *Ред.*

гольштейнской кампании. В 1849 г. Шили и Имандт руководили штурмом цейхгауза в Прюме[355]; оттуда они, со своим отрядом и добытым оружием, пробились в Пфальц, где и вступили в ряды армии, сражавшейся за имперскую конституцию. Высланные весной 1852 г. из Швейцарии, они переехали в Лондон.

«Данди, 5 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Не понимаю, каким образом Фогт может ставить тебя в связь с женевскими делами. Среди тамошней эмиграции было известно, что из всех нас с тобой был связан *только Дронке. Серная банда* существовала до меня, и единственное имеющее к ней отношение имя, которое я помню, это *Боркхейм.*

Бюрстенгеймерами называли членов женевского Общества рабочих. Название обязано своим происхождением *Абту.* Общество было тогда питомником виллиховского тайного союза, в котором я был председателем. Когда Общество рабочих, к которому принадлежали многие эмигранты, признало по моему предложению Абта бесчестным и объявило его недостойным общения с эмигрантами и рабочими, он поспешил выпустить пасквиль, в котором обвинил меня и Шили в самых нелепых преступлениях. После этого мы организовали новое рассмотрение дела в другом помещении и в присутствии совсем других лиц. На наше требование доказать возведенные им на нас обвинения Абт ответил отказом, и *Денцер,* не требуя, чтобы я или Шили сказали что-нибудь в свою защиту, внес предложение объявить Абта бесчестным клеветником. Это предложение было вторично единогласно принято, на этот раз на собрании эмигрантов, состоявшем почти исключительно из парламентариев. Сожалею, что мое сообщение крайне неполно, но мне впервые за восемь лет приходится вспоминать об *этой грязи.* Я не хотел бы, чтобы в наказание меня заставили писать об этом, и *буду чрезвычайно удивлен, если ты найдешь возможным копаться в подобной гадости.*

Прощай!

Твой ***Имандт».***

Известный русский писатель*, поддерживавший во время своего пребывания в Женеве очень дружеские отношения с Фогтом, писал мне в духе заключительных строк предыдущего письма.

«Париж, 10 мая 1860 г.

Дорогой Маркс!

С глубочайшим негодованием я узнал о клеветнических вымыслах, которые распространяются на Ваш счет и о которых я прочитал в напечатанной в «Revue contemporaine» статье *Эдуара Симона*[356]. В особенности меня удивило то, что Фогт, которого я не считал ни глупым, ни злым, мог так низко морально пасть, как это обнаруживает его брошюра. Мне не нужно было никаких доказательств, чтобы быть уверенным, что Вы неспособны на низкие и грязные интриги, и мне было тем более тягостно читать эти клеветнические измышления, что как раз в то время, когда они печатались, Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда[357], который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых,

* — Н. И. Сазонов. *Ред.*

более солидных основах... Дорогой Маркс, не обращайте внимания на все эти низости; все серьезные, все добросовестные люди на Вашей стороне, и они ждут от Вас не бесплодной полемики, а совсем другого, — они хотели бы иметь возможность поскорее приступить к изучению продолжения Вашего прекрасного произведения. Вы пользуетесь огромным успехом среди мыслящих людей, и если Вам может доставить удовольствие узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор ...* прочел в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашей последней книги. Посылаю Вам номер «Gazette du Nord», из которого Вы увидите, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране. Прощайте, дорогой Маркс, берегите свое здоровье и работайте по-прежнему, просвещая мир и не обращая внимания на мелкие глупости и мелкие подлости. Верьте дружбе преданного Вам ...»**

Бывший венгерский министр *Семере* также писал мне:

«Vaut-il la peine quo *vous* vous occupiez de toutes ces bavardises?»***.

Почему я, несмотря на эти и подобные им советы, копался — пользуясь сильным выражением Имандта — в фогтовской гадости, было коротко указано мной в предисловии.

Теперь вернемся к *бюрстенгеймерам.* Нижеследующее письмо *Шили я* перепечатываю дословно, включая и все, не относящееся к «грязному делу». Впрочем, я сократил кое-где письмо в части, касающейся серной банды, о которой мы уже знаем из сообщений Боркхейма, и оставил некоторые места для *дальнейшего* изложения, так как я должен обработать «свою приятную тему» до известной степени артистически и поэтому не хочу выболтать сразу все секреты.

«Париж, 8 февраля 1860 г.

улица Лафайета 46.

Дорогой Маркс!

Мне было очень приятно получить непосредственную весть о тебе в твоем письме от 31 прошлого месяца, и я тем охотнее готов дать необходимые сведения об интересующих тебя женевских делах, что proprio motu**** собирался написать тебе о них. Первой мыслью не только у меня, но и у всех здешних женевских знакомых, когда мы случайно заговорили об этом, было, что Фогт, как ты пишешь, сваливает тебя в одну кучу с совершенно неизвестными тебе лицами, и я в интересах истины взялся сообщить тебе надлежащие сведения о бюрстенгеймерах, серной банде и т. д. Поэтому ты поймешь, что оба твои вопроса: «1) кто были бюрстенгеймеры, чем они занимались? 2) что представляла собой серная банда, из каких элементов состояла, чем занималась?» пришли весьма кстати. Но прежде всего я должен упрекнуть тебя в нарушении хронологического порядка, потому что в этом отношении приоритет здесь принадлежит *серной банде.* Если Фогт хотел пугнуть чертом немецкого филистера или опалить его горящей серой и в то же время «позабавиться», — то он, право,

* — И. К. Бабст. *Ред.*
** В оригинале письмо Сазонова приведено на французском языке. *Ред.*
*** — «Стоит ли Вам заниматься подобными сплетнями?» *Ред.*
**** — по собственному почину. *Ред.*

мог бы выбрать лучших чертей для своих персонажей, чем эти безобидные, веселые завсегдатаи кабачков, которых мы, старшее поколение женевской эмиграции, шутя и без всякого злого умысла называли серной бандой и которые столь же добродушно принимали это прозвище. Это были веселые питомцы муз, которые сдавали свои examina* и проходили exercitia practica** в различных южногерманских путчах и затем в кампании за имперскую конституцию, а после провала вместе со своими экзаменаторами и преподавателями красной науки собирались с силами в Женеве для новых битв... К банде, само собой разумеется, никак нельзя причислять тех, которые совсем не были в Женеве или появились там после распада банды. Она была чисто местным и эфемерным цветком (серным цветком следовало бы, собственно, назвать этот сублимат), но все же, вероятно вследствие революционного аромата ее «Rummeltipuff», со слишком сильным запахом для нервов Швейцарского союза, потому что — Дрюэ подул, и цветок разлетелся во все стороны. Лишь долгое время спустя появился в Женеве *Абт,* а несколькими годами позже и *Шереаль;* они благоухали здесь «каждый молодец на свой образец», но вовсе не в том давно распавшемся, давно увядшем и забытом букете, как это утверждает Фогт.

Деятельность банды можно резюмировать в следующих словах: *трудиться в винограднике господнем.* Кроме того, они редактировали свой «Rummeltipuff» с эпиграфом: «Оставайся в стране и кормись *красноватым содержимым»****. В своей газете они умно и не без юмора насмехались над богом и людьми, разоблачали ложных пророков, бичевали парламентариев (inde irae****), не щадя при этом ни себя, ни нас, своих гостей, и изображая с бесспорной добросовестностью и беспристрастием в карикатурном виде всех и вся, друзей и врагов.

Мне нечего говорить тебе, что они не имели с тобой никакой связи и твоего «Башмака» не носили[358]. Но не могу также скрыть от тебя, что эта обувь не пришлась бы им по вкусу. Ландскнехты революции, они пока шлепали в туфлях военного затишья, в ожидании, когда революция снова их встряхнет и снабдит их собственными котурнами (семимильными сапогами решительного прогресса). И здорово досталось бы от них тому, кто решился бы потревожить их siesta***** марксовой политической экономией, диктатурой рабочих и пр. О господи! *Та* работа, которую делали *они,* требовала, самое большее, председателя для попоек, а их экономические занятия вертелись вокруг бутылки и ее *красноватого* содержимого. «Право на труд, конечно, хорошая вещь, — сказал однажды бывавший в их компании Бакфиш, честный кузнец из Оденвальда, — но с обязанностью трудиться пусть убираются к черту!»...

Положим поэтому снова на место столь кощунственно потревоженный надгробный камень серной банды. Какой-нибудь Хафиз должен был бы, собственно говоря, пропеть «Requiescat in pace»******, чтобы предупредить дальнейшее осквернение гробницы банды. Но, за отсутствием такового, да будут им pro viatico et epitaphio******* слова: «все они понюхали пороху», между тем как их святотатственный историограф понюхал разве только серы.

---

* — экзамены. *Ред.*

** — практические занятия. *Ред.*

*** Перефразированное библейское выражение: вместо «redlich» (честно) «rotlich» (красновато, красноватое содержимое). *Ред.*

**** — отсюда гнев (Ювенал. Сатира первая). *Ред.*

***** — послеобеденный отдых. *Ред.*

****** — «Мир праху ее». *Ред.*

******* — напутствием и эпитафией. *Ред.*

Бюрстенгеймеры появились на сцену уже тогда, когда члены серной банды продолжали жить лишь в преданиях и легендах, в реестрах женевских филистеров и в сердцах женевских красоток. Щеточники и переплетчики Зауэрнгеймер, Камм, Раникель и др. поссорились с Абтом; так как Имандт, я и другие горячо вступились за них, то и мы вызвали его гнев. В связи с этим Абт был приглашен на одно общее собрание, в котором эмигранты и Общество рабочих выступили как cour des pairs* или даже как haute cour de justice**. Он явился на это собрание и не только не стал поддерживать брошенных им по адресу разных лиц обвинений, но непринужденно заявил, что высосал их из пальца в отместку за почерпнутые из того же источника обвинения его противников: *«Долг платежом красен, мир держится возмездием!»* — заключил он. После храброй защиты Абтом этой системы расплаты и упорных попыток убедить высоких судей в ее практическом значении были представлены доказательства направленных против него обвинений; он был признан виновным в злостной клевете, уличен в других инкриминируемых ему проступках и в силу этого приговорен к изгнанию. En revanche*** он окрестил высоких пэров, — вначале только указанных выше ремесленников, — бюрстенгеймерами. Как видишь, удачная комбинация из профессии и фамилии вышеупомянутого Зауэрнгеймера, которого, следовательно, ты должен почитать как предка бюрстенгеймеров, не имея, однако, права считать себя лично ни членом этого рода, ни даже примыкающим к нему, будь то цех или пэрство. Да будет тебе известно, что те из них, которые занимались «организацией революции», были не приверженцами твоими, а противниками: почитая Виллиха как бога-отца или, по крайней мере, как папу, они в тебе видели антихриста или антипапу, так что Дронке, бывший твоим единственным сторонником и legatus a latere**** в женевской епархии, не был допускаем ни на какие соборы, за исключением винологических, где он был primus inter pares*****. Но и бюрстенгеймеры, подобно серной банде, оказались чистейшей эфемеридой и также были развеяны могучим дыханием Дрюэ.

То, что ученик Агассиса мог так запутаться в этих женевских эмигрантских ископаемых и извлечь оттуда такие естественно-исторические басни, какие преподносятся в его брошюре, — должно казаться тем более странным по отношению к species Burstenheimerana******, что в лице прабюрстенгеймера **Раникеля** он имеет в своем зоологическом кабинете полученный именно оттуда великолепный образчик мастодонта из отряда жвачных. Очевидно, жвачка происходила неправильно или же была неправильно исследована вышеназванным учеником...

Вот тебе все, что ты хотел, et au dela*******. Но теперь и я хочу спросить тебя кое о чем, а именно узнать твое мнение насчет отчисления доли наследства pro patria,vulgo******** в пользу государства, в качестве главного источника его доходов; разумеется, только на крупные наследства, с отменой всех налогов, падающих на неимущие классы... Наряду с этим вопросом о налоге на наследство меня интересуют еще два немецких института: «объединение земельных участков» и «ипотечное страхование». Я хотел бы ознакомить с этими институтами французов, которые о них абсолютно ничего

* — суд пэров. *Ред.*
** — верховный суд. *Ред.*
*** — В отместку. *Ред.*
**** — послом со специальным поручением. *Ред.*
***** — первым среди равных. *Ред.*
****** — виду бюрстенгеймеров. *Ред.*
******* — и еще сверх того. *Ред.*
******** — в пользу отечества, попросту. *Ред.*

не знают и вообще, за немногими исключениями, видят по ту сторону Рейна лишь туманности и кислую капусту. Исключение составила недавно газета «Univers»; изливаясь в жалобах по поводу чрезмерного дробления земельной собственности, она правильно заметила: «Il serait desirable qu'on appliquat immediatement les remedes energiques, dont une partie de l'Allemagne s'est servie avec avantage: le remaniement obligatoire des proprietes partout ou les $^{7}|_{10}$ des proprietaires d'une commune reclament cette mesure. La nouvelle repartition facilitera le drainage, l'irrigation, la culture rationelle et la voirie des proprietes»*. Этого же вопроса касается «Siecle», газета вообще несколько близорукая, особенно в немецких делах, но исключительно болтливая вследствие своего самодовольного шовинизма, которым она щеголяет, как Диоген своим дырявым плащом; это блюдо она изо дня в день подогревает для своих читателей под видом патриотизма. И вот эта шовинистическая газета, принеся своему bete noire**, газете «Univers», обязательное утреннее приветствие, восклицает: «Proprietaires ruraux, suivez ce conseil! Empressez-vous de reclamer le remaniement obligatoire des proprietes; *depouillez les petits au profit des grands.* O fortunatos nimium agricolas — trop heureux habitants des campagnes — sua si bona — s'ils connaissaient l'avantage a remanier obligatoirement la propriete!»***. Словно при *поголовном* голосовании собственников крупные одержали бы верх над мелкими.

В остальном я предоставляю событиям идти своим чередом, воздаю кесарево кесарю, а божие богу, не забывая и «доли дьявола». Остаюсь твоим старым другом.

Твой ***Шили».***

Из вышеизложенных сообщений следует, что если в Женеве в 1849 — 1850 гг. существовала серная банда, а в 1851 — 1852 гг. — бюрстенгеймеры, два общества, не имевшие ничего общего ни одно с другим, ни со мной, то обнаруженное нашим парламентским клоуном существование *«серной банды* **или** *бюрстенгеймеров»* — плоть от его плоти, *ложь* в четвертой степени, «такая же большая, как и тот, кто ее выдумал». Представьте себе историка, у которого хватило бы бесстыдства утверждать, что во время первой французской революции существовала группа лиц, которая была известна под именем *«Cercle social»*[359] **или также** под не менее характерным названием *«якобинцев».*

Что же касается жизни и деяний измышленных им «серной банды *или* бюрстенгеймеров», то наш забавник избежал здесь каких-либо издержек производства. Приведу лишь один-единственный пример:

* — «Было бы желательно, чтобы немедленно были приняты энергичные меры, которые с пользой были применены в одной части Германии, — именно принудительные земельные переделы во всех общинах, в которых $^{7}/_{10}$ владельцев земли требуют этого. Новое распределение земель способствовало бы дренированию, ирригации, рациональной обработке и улучшению дорог между хозяйствами». *Ред.*

** — жупелу, предмету страха и ненависти (буквально: «черному зверю»). *Ред.*

*** —«Землевладельцы, следуйте этому совету! Спешите требовать принудительного передела земли; обирайте *мелких собственников в пользу крупных.* O fortunatos nimium agricolas, — о счастливейшие обитатели деревень, — sua si bona, — если бы они знали выгоду принудительного передела земли!» (Латинские слова в этой фразе являются перефразированными стихами из второй книги поэмы Вергилия «Георгики».) *Ред.*

«Одним из главных занятий серной банды», — рассказывает округленный человечек своей изумленной филистерской публике, — «было так компрометировать проживающих в отечестве лиц, что они должны были не противиться более попыткам вымогательства и платить деньги» (недурно сказано: «они *должны были не* противиться *более* попыткам вымогательства»), «чтобы банда хранила в тайне компрометирующие их факты. Не *одно, сотни* писем посылались в Германию этими людьми» (то есть фогтовскими homunculis*) «с открытой угрозой разоблачить причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег» («Главная книга», стр. 139).

Почему же Фогт ни *«одного»* из этих писем не напечатал? Потому, что серная банда писала «*сотни*». Если бы угрожающие письма были столь же дешевы, как ежевика**, Фогт все же поклялся бы, что мы не должны увидеть ни одного письма. Если бы его завтра призвали к суду чести Грютли-союза[360] и потребовали объяснений по поводу «сотен» «угрожающих писем», то он вынул бы из-за пояса, вместо письма, бутылку вина, прищелкнул бы пальцами и языком и, с колыхающимся от силеновского хохота животом, воскликнул бы вместе со своим Абтом: «Долг платежом красен, мир держится возмездием!»

* — гомункулами. *Ред.*

** Перефразированные слова Фальстафа (См. Шекспир. «Король Генрих IV». Часть I, акт II, сцена четвертая). *Ред.*

III
ПОЛИЦЕЙЩИНА

«Что за новое неслыханное дело фогт задумал!»

(Шиллер)[*]

«Я открыто заявляю», — говорит Фогт, серьезнейшим образом принимая свою позу гаера, — «я открыто заявляю: всякий, кто ввязывается с Марксом и его товарищами в какие бы то ни было политические интриги, рано или поздно попадает в руки полиции; интриги эти известны тайной полиции, которой с самого начала о них доносят и которая в надлежащее время высиживает их» (интриги — это, очевидно, яйца, а полиция — наседка, которая их высиживает). «Зачинщики Маркс и К° сидят, конечно, за пределами досягаемости в Лондоне» (в то время как полиция сидит на яйцах). *«Не затрудняюсь привести доказательства для этого утверждения»* («Главная книга», стр. 166, 167).

Фогт «не *затрудняется»,* Фальстаф никогда не *«затруднялся». «Изолгаться»* — сколько хотите, но *«затрудняться»?*[**] Итак, твои «доказательства», Джек, твои «доказательства»[***].

1. СОБСТВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

«Маркс сам говорит в своей вышедшей в 1853 г. брошюре *«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»,* стр. 77: «Для пролетарской партии *после* 1849 г., как и до 1848 г., оставался открытым только *один* путь — путь *тайного объединения.* Поэтому, начиная с 1849 г., на континенте возникает целый ряд тайных пролетарских объединений; *полиция их раскрывает,* суды преследуют, тюрьмы опустошают их ряды; обстоятельства же *постоянно* их *вновь возрождают».* Иносказательно» (говорит Фогт) *«Маркс* себя здесь называет «обстоятельством»» («Главная книга», стр. 167).

Итак, Маркс говорит, что «полиция с 1849 г. раскрыла целый ряд тайных объединений», но обстоятельства их возрождали. Фогт говорит, что не «обстоятельства», а *Маркс* «возродил тайные объединения». Так Фогт доказал, что всякий раз, когда полиция Баденге раскрывала Марианну[361], Маркс, по соглашению с Пьетри, ее вновь восстанавливал.

---

[*] «Вильгельм Телль», действие I, явление третье. *Ред.*

[**] В оригинале созвучие глагольных форм: «verlogen» — «изолгавшийся» и «verlegen» — «затрудняющийся». *Ред.*

[***] См. Шекспир. «Король Генрих IV». Часть I, акт II, сцена четвертая. *Ред.*

«Маркс сам говорит!» Процитирую в контексте, что говорит сам Маркс:

«Со времени поражения революции 1848 — 1849 гг. пролетарская партия лишилась на континенте того, чем она обладала в порядке исключения в течение этой короткой эпохи: *печати, свободы слова и права союзов,* иными словами *легальных средств* партийной организации. Как буржуазно-либеральная, так и мелкобуржуазно-демократическая партии, несмотря на реакцию, нашли в социальном положении представляемых ими классов условия, необходимые для того, чтобы в той или другой форме объединяться и в большей или меньшей степени отстаивать свои общие интересы. *Для пролетарской партии* после 1849 г., как и до 1848 г., *оставался* открытым только *один* путь — путь *тайного объединения. Поэтому,* начиная с 1849 г., на континенте возникает целый ряд тайных пролетарских объединений; полиция их раскрывает, суды преследуют, тюрьмы опустошают их ряды; обстоятельства же постоянно их вновь возрождают. Часть этих тайных обществ ставила своей непосредственной целью ниспровержение существующей государственной власти. Это было правомерно во *Франции...* Другая часть тайных обществ ставила своей целью образование партии пролетариата, не заботясь о судьбе существующих правительств. Это было необходимо в таких странах, как *Германия...* Не подлежит сомнению, что и здесь члены пролетарской партии вновь приняли бы участие в революции против status quo*, *но подготовка этой революции, агитация за нее, конспирирование и организация заговоров в ее пользу не входили в* **их** *задачу... Союз коммунистов*[362] *не являлся поэтому заговорщическим обществом...» («Разоблачения* и т. д.», *бостонское* издание, стр. 62, 63)[363].

Но и одну «пропаганду» жестокий ланд-Фогт клеймит как преступление, за исключением, разумеется, пропаганды с соизволения Пьетри и Лети. Ланд-Фогт дозволяет даже «агитировать, конспирировать, организовывать заговоры», но только если центр всего этого находится в Пале-Рояле[364], у милого его сердцу Генриха, Гелиогабала Плон-Плона. Но «пропаганда» среди пролетариев! Тьфу мерзость!

В *«Разоблачениях»* после вышеприведенного и так ловко искаженного судебным следователем Фогтом абзаца я продолжаю:

«Само собой разумеется, что такое тайное общество (как *Союз коммунистов)* могло представлять мало привлекательного для людей, которые, с одной стороны, под импозантным театральным плащом конспирации стремились скрыть свое собствен-

* — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*

ное ничтожество, с другой стороны — хотели удовлетворить свое мелкое честолюбие при наступлении ближайшей революции, но прежде всего старались уже в данный момент казаться важными, получить свою долю в плодах демагогии и снискать одобрение демократических базарных крикунов. Поэтому от *Союза коммунистов* отделилась фракция, или, если угодно, была отделена фракция, которая требовала, если не действительных заговоров, то хотя бы *видимости* заговора, и настаивала поэтому на прямом союзе с демократическими героями дня — фракция Виллиха — Шаппера. Характерно для этой фракции то, что Виллих наряду и вместе с *Кинкелем* фигурирует в качестве entrepreneur* в деле с немецко-американским революционным займом» (стр. 63, 64)[365].

Как же переводит Фогт это место на свой «иносказательный» полицейско-тарабарский жаргон? А вот послушайте:

«Пока обе» (партии) «еще действовали совместно, они, *как говорит сам Маркс,* занимались организацией тайных обществ и **компрометированием обществ и отдельных лиц** *на континенте»* (стр. 171).

Жирный негодяй забывает только привести страницу *«Разоблачений»,* где Маркс это *«сам говорит».* «Egli e bugiardo, e padre di menzogna»**.

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СЪЕЗД В МУРТЕНЕ

«Карл Смелый», «смелый Карл», vulgo Карл Фогт, рассказывает нам теперь о поражении при Муртене.

«Рабочие и эмигранты в большом числе были так ловко обработаны» — ни кем иным как *Либкнехтом,* — «что, наконец, был назначен *революционный съезд* в Муртене. Туда должны были *тайно* отправиться делегаты местных обществ, там хотели обсудить *окончательную организацию союза* и *окончательную дату восстания.* Все приготовления держались *в строжайшей тайне,* приглашения рассылались *только* через доверенных людей г-на Либкнехта и через его корреспондентов. *Со всех* сторон собирались делегаты в Муртен *пешком, на пароходах и на лошадях* и тотчас же арестовывались жандармами, которые заранее знали, что, откуда и *каким образом.* Вся захваченная *таким образом* компания некоторое время содержалась в заключении в Августинском монастыре во Фрейбурге, а потом была отправлена в Англию и Америку. К г-ну Либкнехту отнеслись с *особой* предупредительностью» («Главная книга», стр. 168).

«Г-н Либкнехт» принимал участие в организованном Струве сентябрьском путче 1848 г., затем сидел в баденских тюрьмах до середины мая 1849 г., был освобожден вооруженным восстанием

* — предпринимателя. *Ред.*
** — «обманщик он и всякой лжи отец» (Данте. «Божественная комедия», «Ад», песнь XXIII). *Ред.*

в Бадене, поступил рядовым в баденскую народную артиллерию, затем как повстанец был снова брошен приятелем Фогта, Брентано, в раштаттский каземат, после вторичного освобождения, во время кампании за имперскую конституцию, присоединился к дивизии Иоганна Филиппа Беккера и, наконец, вместе со Струве, Конхеймом, Корном и Розенблюмом, перешел французскую границу, откуда они перебрались в Швейцарию.

В те времена «г-н Либкнехт» и его швейцарские «революционные съезды» были мне еще менее известны, чем кабацкие съезды у трактирщика Бенца на Кеслерштрассе в Берне, где парламентские рыцари круглого стола снова с большим удовольствием мурлыкали произнесенные ими когда-то в соборе св. Павла[366] речи, распределяли между собой по номерам будущие имперские посты и коротали тяжелую ночь изгнания, слушая лживую болтовню, фарсы, непристойности и небылицы Карла Смелого, который не без некоторого юмора, в соответствии с одним старинным германским сказанием, собственноручно изготовил себе тогда патент *«имперского пропойцы»*.

«Сказание» начинается так:

Swaz ich trinken's ban gesehen,
daz ist gar von kinden geschehen;
ich han einen swelch gesehen,
dem wil ich meisterschefte jehen.
Den duhten becher gar entwiht,
er wolde napf noch kophe niht,
er tranc uz grozen kannen,
er ist vor alien mannen
ein voriauf allen swelhen.
von uren und von elhen
wart solcher slund nie niht getan*.

Вернемся, однако, к «революционному съезду» в Муртене. «Революционный съезд!» *«Окончательная* организация союза!» «Дата восстания!» «Приготовления в *строжайшей тайне!»* «Совершенно *секретный* сбор со всех сторон — пешком, на пароходах и на лошадях». «Смелый Карл», по-видимому, не напрасно изучал вскрытый мной в «Разоблачениях» метод Штибера.

---

* — Мы выпить все не прочь, — но, право,
Все это детская забава;
Такого мастера я знал,
Который прямо поражал.
Пренебрегая кубком, чашей,
Глубокой миской из-под каши,
Всегда лишь из ведра он пил
И образцом высоким был
Для каждого по этой части;
Оленьи, буйволовы пасти
Таких не делали глотков.
(Из шуточного немецкого стихотворения XIII в. «Пропойца».) *Ред.*

Дело происходило собственно так: Либкнехт был в начале 1850 г. председателем женевского Общества рабочих. Он предложил создать объединение совершенно тогда не связанных между собой обществ немецких рабочих в Швейцарии. Предложение было принято. Было решено разослать 24 различным обществам рабочих письменное приглашение собраться в Муртене и там обсудить вопрос о предполагаемой организации и об основании общего печатного органа. Дебаты в женевском Обществе рабочих, рассылка приглашений, связанные с этим прения в 24 других обществах рабочих, — все это делалось *открыто,* съезд в Муртене был назначен *открыто.* Если бы швейцарские власти захотели запретить его, они могли бы это сделать за месяц до его открытия. Но полицейский театральный трюк входил в планы либерального г-на *Дрюэ,* который искал, кого бы ему проглотить для ублаготворения выступившего тогда с угрозами Священного союза. Либкнехт, подписавший в качестве председателя Общества рабочих приглашение на съезд, удостоился чести быть признанным главным зачинщиком. Изолированный от других делегатов, он получил даровую квартиру на вышке фрейбургской башни с широким видом на окрестности и даже привилегию ежедневной часовой прогулки на площадке башни. Единственно оригинальное в обращении с ним заключалось в его изоляции. Его неоднократные просьбы перевести его к остальным заключенным все время отклонялись, Но Фогт ведь знает, что полиция не изолирует своих «moutons»*, а наоборот, втискивает этих «приятных собеседников» в гущу арестантов.

Два месяца спустя Либкнехт вместе с неким Гебертом был отправлен фрейбургским начальником полиции в Безансон, где он, как и его товарищ по союзу, получил от французских властей пропуск для проезда в Лондон с предупреждением, что если они уклонятся от указанного им маршрута, то их сошлют в Алжир. Из-за этого непредвиденного путешествия Либкнехт лишился большей части своих вещей, находившихся в Женеве. Впрочем надо отдать должное господам Кастелла, Шаллеру и остальным членам тогдашнего фрейбургского правительства — с Либкнехтом обошлись вполне гуманно, как и со всеми муртенскими узниками. Эти господа помнили, что всего лишь несколько лет тому назад сами были в тюрьмах или в изгнании, и открыто выражали свое отвращение к навязанной им Великим Кофтой[367] Дрюэ полицейской обязанности. С заключенными эмигрантами обходились не *так,* как этого ожидали эмигранты-

* — шпионов, специально помещаемых с другими арестованными, чтобы выведывать у них необходимые сведения (буквально: баранов). *Ред.*

«парламентарии». Поэтому один находящийся еще в Швейцарии субъект, некий X..., из среды парламентариев, счел своей обязанностью выпустить памфлет, в котором поносил всех заключенных и в особенности Либкнехта за «революционные» идеи, переходящие границы парламентского здравого рассудка. А «Карл Смелый», по-видимому, все еще не может прийти в себя от «той особой предупредительности», с которой обошлись с Либкнехтом.

Печатью плагиата отмечено все сочинительство нашего «Смелого», То же и в данном случае. Швейцарские либералы, как известно, имели обыкновение придавать своим грубым распоряжениям о высылке «либеральный характер», распространяя слухи о виновности своих жертв в moucharderie*. Выслав *Струве, Фази* публично объявил его «русским шпионом». Точно так же *Дрюэ* объявил *Буашо* французским mouchard**. То же сделал и *Турт* contra*** *Шили,* после того, как приказал схватить его врасплох на улице в Женеве, чтобы отправить в *тюремную башню* в Берн. «Le commissaire maire federal Monsieur Kern exige votre expulsion»****, — заявил всесильный *Турт* ответ на вопрос Шили о причине такого грубого обращения с ним. *Шили:* «Alors mettez-moi en presence de Monsieur Kern»*****. *Турт:* «Non, nous ne voulons pas que M. le commissaire federal fasse la police a Geneve»****** Логика этого ответа вполне достойна той проницательности, с какой тот же *Турт,* в качестве швейцарского посланника в Турине, когда уступка Савойи и Ниццы была уже fait accompli*******, писал президенту Швейцарского союза, что Кавур изо всех сил противится этой уступке. Но возможно, что дипломатические дела, связанные с железными дорогами, притупили в то время нормальную проницательность Турта. Лишь только Шили очутился в самом строгом secret******** в Берне, как Турт стал придавать «либеральный характер» своей полицейской грубости и шептать на ухо немецким эмигрантам, например д-ру Финку: «Шили находился в тайных сношениях с Керном, доносил ему на женевских эмигрантов и т. д.». Сам женевский «Independant»[368] причислял тогда к общеизвестным грехам женевского правительства «возведение

* — шпионаже. *Ред.*
** — шпионом. *Ред.*
*** — против. *Ред.*
**** — «Г-н федеральный комиссар мэр Керн требует вашей высылки». *Ред.*
***** — «Тогда дайте мне возможность повидать г-на Керна». *Ред.*
****** — «Нет, мы не хотим, чтобы г-н федеральный комиссар занимался полицейскими делами в Женеве». *Ред.*
******* — совершившимся фактом. *Ред.*
******** — одиночном заключении. *Ред.*

систематической клеветы на эмигрантов в государственный принцип» (см. приложение 1).

По первому же требованию германской полиции швейцарское либеральное правительство нарушило право убежища — право, обещанное под условием, чтобы остатки революционной армии отказались от последнего сражения на баденской земле, — выслав так называемых «вожаков». Затем пришел черед и «совращенных». Тысячам баденских солдат путем всяческого обмана навязывали паспорта для поездки на родину, где они прямо попадали в руки жандармов, заранее знавших, «что, откуда и каким образом». Затем пошли угрозы Священного союза, а с ними *муртенский* полицейский фарс. Тем не менее «либеральный» Союзный совет[369] не осмелился зайти так далеко, как «смелый Карл». Ни слова ни о «революционном съезде», ни об «окончательной организации союза», ни об «окончательной дате восстания». Следствие, которое из приличия пришлось начать, кончилось ничем.

«Угрозы войной» со стороны иностранных держав и «политически-пропагандистские тенденции» — вот все, что пролепетал в свое оправдание «смущенный» Союзный совет в одном официальном документе (см. приложение 2). Полицейские подвиги «швейцарского либерализма» отнюдь не закончились «революционным съездом в Муртене». 25 января 1851 г. мой друг Вильгельм Вольф («парламентский волк»*, как окрестили его «парламентские бараны») писал мне из Цюриха:

«Союзный совет путем проводившихся до сих пор мероприятий свел число эмигрантов с 11000 до 500, но он не успокоится, пока не выбросит всех, у кого нет приличного состояния или особых связей».

Эмигранты, боровшиеся за революцию, занимали, разумеется, враждебную позицию по отношению к героям собора св. Павла, которые убили революцию своей бесконечной болтовней. Последние нисколько не стеснялись передавать своих противников в руки швейцарской полиции.

Доверенный Фогта, чудище *Раникель,* сам писал *Шили* после приезда последнего в Лондон:

«Попытайтесь же получить несколько столбцов в какой-нибудь бельгийской газете для заявлений и не упустите случая отравить пребывание в Америке *подлым немецким собакам»* (парламентариям), *«которые* **продались** *зобастому дипломату» (Дрюэ)* «и *стали его орудием».*

Теперь понятно, что означает фраза «Карла Смелого»:

«Я старался *изо всех сил* ограничить революционные скитания эмигрантов и найти им *убежище* либо на континенте, либо *за океаном».*

* Игра слов: Wolff — фамилия, «Wolf» — «волк». *Ред.*

Уже в № 257 «Neue Rheinische Zeitung» можно было прочесть следующую заметку в статье, помеченной:

«Гейдельберг, 23 марта 1849 года. Наш приятель *Фогт,* передовой борец левых, имперский юморист современности, имперский Барро будущего, «надежный сигнальщик», предостерегающий от революции, объединяется — с единомышленниками? Нет! — с реакционерами чистейшей воды. И для какой цели? Чтобы «личности», задерживающиеся в Страсбурге, Безансоне и в других местах на немецкой границе, отправлять, иначе говоря, *ссылать* в Америку... Того, что сабельный режим Кавеньяка налагает как наказание, эти господа добиваются во имя христианской любви... Амнистия умерла, — да здравствует *ссылка!* Разумеется, дело не обходится и без pia fraus*, будто сами эмигранты выразили желание переселиться и т. д. Но вот «Seeblatter» сообщают из Страсбурга, что эти планы о ссылке вызвали среди *всех* эмигрантов настоящую бурю негодования и т. д. Они все надеются вернуться вскоре в Германию, даже если бы им пришлось, с риском для себя, как трогательно замечает г-н Фогт, примкнуть к какой-нибудь «безумно смелой затее»».

Однако довольно о муртенском революционном съезде «Карла Смелого».

3. ШЕРВАЛЬ

> «The virtue of this jest will be the incomprehensible lies that this same fat rogue will tell us».
> «Прелесть этой шутки в невообразимой лжи, которую расскажет нам этот жирный плут»**.

В моих «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов» особая глава посвящена *заговору Шерваля*[370]. Я показываю там, как Штибер с Шервалем (псевдоним Кремера) в качестве инструмента, с Карлье, Грейфом и Флёри в качестве акушеров, произвел на свет так называемый немецко-французский сентябрьский заговор в Париже***, с целью восполнить вызвавшие недовольство кёльнского обвинительного сената пробелы *в «объективном составе преступления»,* которое вменялось в вину кёльнским узникам.

Доказательства, представленные мной защите во время кёльнского процесса[372] об отсутствии какой бы то ни было связи между Шервалем, с одной стороны, и мной и кёльнскими обвиняемыми — с другой, были так убедительны, что тот самый Штибер, который еще 18 октября (1852 г.) под присягой показал, что его Шерваль принадлежит к нам, 23 октября 1852 г. («Разоблачения», стр. 29[373]) уже отрекся от этого показания. При-

* — благочестивого обмана. *Ред.*

** Шекспир. «Король Генрих IV». Часть I, акт I, сцена вторая. *Ред.*

*** Уже после того, как мои «Разоблачения» были напечатаны, я узнал, что Делаод (под именем Дюпре), а также прусские полицейские агенты *Бекман* (тогда *корреспондент* «Kolnische Zeitung»[371]) и *Зоммер* участвовали в этом деле.

пертый к стене, он отказался от попытки связать с нами Шерваля и его заговор. Штибер был Штибером, но Штибер все же еще не был Фогтом.

Я считаю совершенно бесполезным повторять здесь приведенные мной в «Разоблачениях» разъяснения о так называемом сентябрьском заговоре. В начале мая 1852 г. Шерваль вернулся в Лондон, откуда он в начале лета 1850 г. по деловым соображениям переселился в Париж. Парижская полиция дала ему возможность скрыться несколько месяцев спустя после его осуждения в феврале 1852 года. В Лондоне на первых порах Просветительное общество немецких рабочих, из которого я и мои друзья вышли еще *в середине сентября* 1850 г.[374], приветствовало его как политического мученика. Но обман этот длился недолго. Парижские подвиги Шерваля вскоре раскрылись, и уже в том же мае 1852 г. на публичном заседании его изгнали из Общества как бесчестного человека. Кёльнские обвиняемые, арестованные в начале мая 1851 г., все еще находились в тюрьме под следствием. Из заметки, посланной шпионом *Бекманом* из Парижа в свой орган «Kolnische Zeitung», я понял, что прусская полиция пытается задним числом сфабриковать связь между Шервалем, его заговором и кёльнскими обвиняемыми. Поэтому я стал искать сведений о Шервале. Оказалось, что последний в июле 1852 г. предлагал свои услуги в качестве агента орлеанистов бывшему министру при Луи-Филиппе и известному философу-эклектику г-ну фон Р...*. Связи г-на фон Р... с парижской префектурой полиции помогли ему достать оттуда выдержки из досье Шерваля. Во французских полицейских отчетах Шерваль значился как Chervald nomme Frank, dont le veritable nom est Kremer**. Там отмечалось, что довольно долгое время он служил агентом у князя Гацфельдта, прусского посланника в Париже, что он сыграл роль предателя в complot franco-allemand***, а в настоящее время к тому же и французский шпион и т. д. Во время кёльнского процесса я сообщил эти сведения одному из защитников, г-ну адвокату *Шнейдеру II,* уполномочив его, в случае необходимости, назвать мой источник. Когда Штибер на заседании 18 октября заявил под присягой, что ирландец Шерваль, — который, по его же собственным словам, в 1845 г. сидел в Ахене в тюрьме за подделку векселей, — все еще находится в Париже в заключении, я тут же сообщил Шнейдеру II с очередной почтой, что

* — Ремюза. *Ред.*
** — Шервальд. именуемый Франком, настоящая фамилия которого Кремер. *Ред.*
*** — французско-немецком заговоре. *Ред.*

рейнский пруссак Кремер «все еще» живет под псевдонимом Шерваля в Лондоне, ежедневно встречается с лейтенантом прусской полиции Грейфом и, как осужденный прусский преступник, тотчас же был бы выдан Англией по требованию прусского правительства. Доставка его в Кёльн в качестве свидетеля совершенно опрокинула бы всю систему Штибера.

Под сильным натиском Шнейдера II Штибер 23 октября заявил, наконец, что слышал, будто Шерваль скрылся из Парижа, но торжественно поклялся, что он не имеет никаких сведений о местопребывании ирландца и его сношениях с прусской полицией. На самом же деле Шерваль был прикомандирован в это время к Грейфу в Лондоне с определенным еженедельным жалованьем. Вызванные моими сведениями прения в кёльнском суде присяжных о «тайне Шерваля» заставили последнего бежать из Лондона. Я слышал, что он поехал с полицейским заданием на остров Джерси. Я надолго потерял его из вида, пока случайно из женевской корреспонденции в выходящей в Нью-Йорке «Republik der Arbeiter»[375] не узнал, что в марте 1853 г. Шерваль под именем *Ньюджента* прискакал в Женеву, а летом 1854 г. ускакал оттуда. В Женеве у Фогта он очутился, таким образом, через несколько недель после того, как в Базеле у Шабелица появились мои компрометирующие его «Разоблачения».

Но вернемся к фальстафовскому «историческому повествованию».

Фогт утверждает, что его Шерваль после мнимого побега из Парижа *тотчас же* появился в Женеве, а до этого он утверждал, что Шерваль за «несколько месяцев» до раскрытия сентябрьского заговора был «переправлен» коммунистическим тайным союзом (стр. 172 l. c.) из Лондона в Париж. Если при этом промежуток времени между маем 1852 и мартом 1853 г. совершенно исчезает, то время между июнем 1850 и сентябрем 1851 г. сокращается до «нескольких месяцев». Чего бы только ни дал Штибер за какого-нибудь Фогта, который присягнул бы на суде присяжных в Кёльне, что «лондонский коммунистический тайный союз» послал Шерваля в июне 1850 г. в Париж, и чего бы ни дал я, чтобы полюбоваться Фогтом, потеющим вместе со своим Штибером на скамье свидетелей! И милая же компания! Присягающий Штибер со своей птицей Грейфом, со своим Вермутом, Гольдхеймхеном и со своим — *Беттель-Фогтом [Bettelvogt]*[*]. Фогтовский Шерваль привез в Женеву

[*] Игра слов: Greif, Wermuth и Goldheim (уменьшительное: Goldheimchen) — фамилии полицейских чиновников, а также: «Greif» — «гриф», «Wermut» — «горечь» «полынь», «Goldheimchen» — «золотистый сверчок»; «Bettelvogt» — буквально: «надзиратель за нищими», в данном случае «попечитель всякого сброда». *Ред.*

«рекомендации ко всем знакомым Маркса и К°, с которыми г-н Ньюджент скоро стал неразлучен» (стр. 173). Он «поселился в семье одного корреспондента «Allgemeine Zeitung»» и получил — вероятно, благодаря моим рекомендациям («Разоблачениям») — доступ к Фогту, который дал ему литографскую работу (стр. 173 — 174 l. c.) и завязал с ним, как прежде с эрцгерцогом Иоганном, а позже с Плон-Плоном, своего рода «научные связи». «Ньюджент» работал в «кабинете» имперского регента[376], когда однажды один «знакомый» опознал в нем Шерваля и разоблачил его как «agent provocateur»[*]. Оказывается, Ньюджент в Женеве занимался не только Фогтом, но и «основанием тайного общества».

«Шерваль-Ньюджент председательствовал, *вел протоколы и осуществлял переписку с Лондоном»* (стр. 175 l. c.). *«Он* втерся в доверие к *некоторым малопроницательным,* но в общем славным рабочим» (ib.), однако «среди членов общества *находился еще один приспешник марксоеой клики,* которого все считали подозрительным агентом германской полиции» (1. c.).

«Все знакомые» Маркса, с которыми «был неразлучен» Шерваль-Ньюджент, превращаются вдруг в *«одного* приспешника», а этот *один* приспешник, в свою очередь, распадается на «оставшихся *приспешников Маркса в Женеве»* (стр. 176), с которыми Ньюджент позже не только «переписывается из Парижа», но которых он, подобно магниту, обратно «привлек к себе» в Париж (l. c.).

Опять излюбленная «смена формы» клеенчатой «материи» из зеленого кендальского сукна!

Цель, которую ставил Шерваль-Ньюджент, создавая свое общество, состояла в

«массовой фабрикации фальшивых банкнот и казначейских билетов, чтобы путем их распространения подорвать кредит деспотов и разрушить их финансовую систему» (стр. 175 1. c.).

Шерваль, видимо, подражал знаменитому Питту, который, как известно, во время антиякобинской войны основал недалеко от Лондона фабрику для изготовления фальшивых французских ассигнаций.

«Сам Ньюджент *уже* приготовил для этой цели различные каменные и медные клише, *уже* были намечены легковерные члены тайного союза, которые должны были отправиться с пакетами этих» — каменных и медных клише? — нет, *«этих фальшивых банкнот»* (банкноты, естественно были упакованы до того, как они были сфабрикованы) «во Францию, Швейцарию и Германию» (стр. 175),

[*] — провокатора. *Ред.*

но и Цицерон-Фогт *уже* стоял с обнаженным мечом позади Шерваля-Катилины. Для фальстафовских натур характерно то, что они не только сами раздутые, но и все раздувают. Посмотрите, как наш Гургельгрослингер, который уже ограничил «революционные скитания» по Швейцарии и целым кораблям с эмигрантами обеспечил *переезд через океан,* посмотрите, как он появляется на сцене, какую мелодраму разыгрывает, как стремится увековечить занимательную историю о парижской рукопашной схватке между Штибером и Шервалем (см. «Разоблачения»[377])! Вот так он стоял, вот этак он орудовал клинком![*]

«План всего этого *заговора* (стр. 176 1. с.) *был задуман чрезвычайно гнусно».* «Ведь ответственность за проект Шерваля должна была пасть на все общества рабочих». *Уже* «появились секретные запросы со стороны иностранных миссий», *уже* собирались «скомпрометировать Швейцарию, в особенности Женевский кантон».

Но ланд-Фогт бодрствовал. Он осуществил свое первое спасение Швейцарии, — эксперимент, который впоследствии он повторял неоднократно и со все возрастающим успехом.

«Я не отрицаю», — восклицает человек с весом, — «не отрицаю, что я внес **мой существенный вклад,** чтобы расстроить эти *дьявольские планы; я* не отрицаю, что обратился для этого к полиции Женевской республики; я и теперь еще сожалею» (безутешный Цицерон), «что рвение некоторых из обманутых лиц послужило предупреждением хитрому зачинщику, и он успел уйти от ареста».

Но, во всяком случае, Цицерон-Фогт «расстроил» катилиновский заговор, спас Швейцарию и «внес» **свой существенный вклад** туда, куда всегда готов его нести. Несколько недель спустя, — как рассказывает Фогт, — Шерваль снова вынырнул в Париже, «где он отнюдь не скрывался, а жил *открыто,* как любой *гражданин»* (стр. 176 l. с.). Известно, какова *открытая жизнь* парижских граждан (citoyens) поддельной empire[**].

В то время как Шерваль так «открыто» слоняется по Парижу, poor[***] Фогт должен во время своих посещений Парижа всякий раз скрываться в Пале-Рояле под столом Плон-Плона!

К сожалению, я вынужден в противовес мощной захариаде Фогта привести нижеследующее письмо *Иоганна Филиппа Беккера.* Революционная деятельность ветерана немецкой эмиграции Иоганна Филиппа Беккера, от гамбахского празднества[378] до кампании за имперскую конституцию, где он

[*] Слегка перефразированные слова Фальстафа из исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV». Часть I, акт II, сцена четвертая. *Ред.*

[**] — империи. *Ред.*

[***] — бедный. *Ред.*

сражался в качестве командира 5-й армейской дивизии (такой несомненно беспристрастный голос, как «Berliner Militair-Wochenschrift», свидетельствует о его военных заслугах), — его деятельность слишком хорошо известна, чтобы мне нужно было сказать что-нибудь об авторе письма. Поэтому я замечу только, что письмо его адресовано моему хорошему знакомому немецкому купцу Р...* в Лондоне, что с И. Ф. Беккером я лично не знаком и он никогда политически не был со мной связан, наконец, что я опускаю деловое начало письма, а также большую часть того, что в нем сказано о серной банде и бюрстенгеймерах и что уже известно из прежних сообщений. (Оригинал письма находится среди документов моего процесса в Берлине.)

«Париж, 20 марта 1860 г.

... На днях мне попала в руки брошюра Фогта contra Маркс. Это произведение меня тем более огорчило, что история так называемой серной банды и пресловутого Шерваля, которую я, благодаря своему тогдашнему пребыванию в Женеве, доподлинно знаю, полностью в ней извращена и совершенно неправильно связана с политической деятельностью экономиста Маркса. С г-ном Марксом я лично не знаком и никогда никакого касательства к нему не имел; наоборот, г-на Фогта и его семью знаю уже более 20 лет, и поэтому в личном отношении стою к нему гораздо ближе; могу только выразить глубочайшее сожаление и самым решительным образом осудить легкомыслие и бессовестность, с какими Фогт ведет эту борьбу. Недостойно пользоваться в борьбе извращенными иди даже вымышленными фактами. Если даже несостоятельно обвинение, что Фогт состоит на службе у Наполеона, то и тогда легкомыслие, с которым он, словно самоубийца, губит прекрасную карьеру, подрывает и компрометирует свое положение и репутацию, производит удручающее впечатление. От души желал бы ему всеми честными путями полностью опровергнуть такое тяжкое обвинение. Ввиду всего того, что он до сих пор натворил в этом безотрадном деле, я чувствую настоятельную потребность рассказать Вам историю о так называемой серной банде и о «безупречном» г-не Шервале, чтобы Вы могли судить, насколько Маркс может нести какую-либо ответственность за их существование и деятельность.

Итак, несколько слов о возникновении и прекращении существования серной банды, о которой вряд ли кто-нибудь может дать более точные сведения, нежели я. Понятно, что во время своего тогдашнего пребывания в Женеве я благодаря своему положению не только мог наблюдать за всем, что творилось в среде эмиграции; в интересах общего дела я, в качестве старшего по возрасту, считал своей обязанностью внимательно следить за всем, что предпринималось в этой среде, чтобы, при случае, по возможности предостеречь и удержать эмигрантов от вздорных затей, столь простительных в их тяжелом положении, вызывавшем у них озлобление, а часто и отчаяние. На основании тридцатилетнего опыта я отлично знал, как богата всякая эмиграция иллюзиями».

(Последующее в значительной части было уже раньше сообщено в письмах Боркхейма и Шили.)

* — Рейнлендеру. *Ред.*

«... Эта в большинстве своем группа бездельников была в шутку названа серной бандой. То был кружок из случайно заброшенных в одно место парней, возникший без всякой подготовки, без председателя и программы, без, устава и догматов. О тайных союзах или о каких-нибудь политических или иных целях, которых нужно систематически добиваться, у них и мысли не было; только открыто, чересчур даже открыто и откровенно они стремились произвести эффект, доходя до эксцессов. Тем более не могло быть и речи о какой-либо связи их с Марксом, который, в свою очередь, наверняка ничего не знал об их существовании и с которым они тогда к тому же сильно расходились в своих социально-политических воззрениях. Кроме того, эти молодцы обнаруживали в то время граничившее с высокомерием стремление к самостоятельности и едва ли подчинились бы чьему-либо авторитету как в теории, так и в практике; они осмеяли бы отеческие увещания Фогта, равно как и тенденциозные указания Маркса. Обо всем происходившем в их кругу я был хорошо осведомлен тем более, что мой старший сын ежедневно встречался с их коноводами. И вся затея с этой необузданной бандой просуществовала не дольше зимы 1849 — 1850 годов; сила обстоятельств разбросала наших героев во все стороны.

Кто мог бы подумать, что давно преданная забвению серная банда после десятилетней спячки будет снова воспламенена профессором Фогтом, чтобы использовать удушливый запах против мнимых врагов, и что угодливые газетные писаки, как электромагнитно-симпатические проводники, будут с наслаждением распространять его дальше. Ведь даже par excellence* либеральный г-н фон Финке говорил в связи с итальянским вопросом о серной банде и привел ее в качестве иллюстрации скромной прусской палате. А бреславльская буржуазия, — всегда, как будто, пользующаяся хорошей репутацией, — в своей sancta simplicitas** устроила карнавальное шествие в честь серной банды и в знак своей благонамеренности окурила город серой.

Бедная, невинная серная банда! Тебе nolens volens*** пришлось после твоей мирной кончины разрастись в настоящий вулкан, подобно нечистой силе стращать пугливых обывателей полицией, вулканизировать тупиц всего мира, до крайности разжигать горячие головы, и сам Фогт, как мне кажется, навсегда обжег себе глотку тобою.

Теперь о *Кремере,* vulgo *Шереале.* Этот в политико-социальном отношении и в обыкновенном смысле слова мошенник появился в 1853 г. в Женеве под именем англичанина Ньюджента. Это была девичья фамилия сопровождавшей его мнимой жены, настоящей англичанки. Он свободно изъяснялся по-английски и по-французски, но долго избегал говорить по-немецки, так как был, по-видимому, очень заинтересован, чтобы его принимали за настоящего англичанина. Будучи искусным литографом и хромолитографом, Ньюджент вводил, по его словам, искусство хромолитографии в Женеве. У него были хорошие манеры, он умел себя поставить и показать с выгодной стороны. Вскоре он получил много заказов у профессоров университета на рисунки по естественной истории и античному искусству. Первое время он жил очень замкнуто, а затем стал вращаться почти исключительно среди французской и итальянской эмиграции. Я основал тогда office de renseignements**** и ежедневную газету «Messager du Leman». В качестве сотрудника у меня работал баденский эмигрант по имени *Штехер,* бывший директор реального училища. У него был

* — по преимуществу. *Ред.*
** — святой простоте. *Ред.*
*** — волей-неволей. *Ред.*
**** — справочную контору. *Ред.*

большой талант к рисованию, и он хотел поправить свои дела, усовершенствовавшись в хромолитографии; в лице англичанина Ньюджента он нашел себе учителя. Штехер очень часто рассказывал мне много хорошего о способном, любезном, щедром англичанине и о милой грациозной англичанке. Штехер был также учителем пения в Просветительном обществе рабочих и привел как-то туда своего учителя Ньюджента; там я имел удовольствие впервые познакомиться с ним, и он снизошел заговорить по-немецки, и притом так бегло на нижнерейнском диалекте, что я сказал ему: «Вы ведь родом не англичанин». Однако он настаивал на своем и объяснил, что родители отдали его в детстве в одно учебное заведение в Бонне, где он оставался до 18-летнего возраста и усвоил местный диалект. Штехер, который до последнего времени был в восхищении от этого «милого» человека, помогал к тому же Ньюдженту поддерживать мнение, что он англичанин. Мне же, напротив, этот инцидент внушил большое недоверие к мнимому сыну Альбиона, и я советовал членам Общества быть осторожными с ним. Через некоторое время я встретил англичанина в обществе французских эмигрантов, причем пришел как раз в тот момент, когда он хвастал своими геройскими подвигами во время парижских восстаний. Впервые тогда я понял, что он занимается и политикой. Это вызвало у меня еще бо̲льшие подозрения на его счет; я стал подтрунивать над «львиной храбростью», с которой он, по его словам, сражался, чтобы дать ему возможность отстаивать передо мной свои подвиги в присутствии французов, но так как он принял мои едкие насмешки с собачьей покорностью, то я проникся к нему также и презрением.

С тех пор он старательно избегал меня, где только мог. Между тем он стал устраивать при содействии Штехера танцевальные вечера в Обществе немецких рабочих, куда они привлекли бесплатно некоторые музыкальные силы — итальянца, швейцарца и француза. На этих балах я вновь встретил англичанина уже в качестве настоящего maitre de plaisir*, вполне в своей стихии; ибо безумное веселье и ухаживание за дамами больше были ему по плечу, чем львиная храбрость. Но в Обществе рабочих он и не занимался политикой; здесь он только скакал и прыгал, смеялся, пил и распевал. Между тем, я узнал от золотых дел мастера Фрица из Вюртемберга, что «глубоко революционный англичанин» основал союз, который состоит из него (Фрица), еще одного немца, нескольких итальянцев и французов, — всего из семи членов. Я заклинал Фрица не ввязываться с этим политическим акробатом ни в какие серьезные дела, немедленно выйти из союза самому и уговорить товарищей сделать то же. Через некоторое время я получил от своего книгопродавца брошюру *Маркса* о процессе коммунистов в Кёльне, где Шерваль был изобличен как Кремер и разоблачен как мошенник и предатель. У меня тотчас же возникло подозрение, что Ньюджент и есть Шерваль, тем более, что, согласно брошюре, он был родом с Рейна, — это соответствовало его диалекту, — и жил с англичанкой, что тоже совпадало. Я тотчас же высказал свою догадку Штехеру, Фрицу и другим и дал им прочесть брошюру. Недоверие к Ньюдженту быстро распространилось, — *брошюра Маркса сделала свое дело.* Фриц вскоре пришел мне сказать, что вышел из этого «союзика» и что его примеру последуют и остальные. Он открыл мне при этом и тайную цель союза. «Англичанин» намеревался печатанием фальшивых государственных ценных бумаг подорвать кредит европейских государств и на вырученные на этом деньги вызвать европейскую революцию и т. д. В это самое время французский эмигрант, бывший парижский адвокат, некий г-н Лейа, читал лекции о социализме. Ньюджент посещал эти

* — распорядителя. *Ред.*

лекции; Лейа, бывший его защитником на процессе в Париже, опознал в нем Шерваля, о чем тут же и заявил ему. Ньюджент умолял не выдавать его. Я узнал об этом от одного французского эмигранта, приятеля Лейа, и всем тотчас же сообщил об этом. У Ньюджеита хватило наглости появиться еще раз в Обществе рабочих, но его там разоблачили как француза Шерваля и немца Кремера и выгнали. Говорят, особенно яростно на него набросился в связи с этим делом Раникель из Бингена. Женевская полиция хотела к тому же привлечь его за организацию упомянутого союзика, но фабрикант фальшивых денег бесследно исчез.

В Париже он занялся разрисовкой фарфора, а так как я здесь тоже работал в этой области, то мне пришлось встретиться с ним на деловой почве. Однако он остался таким же легкомысленным, неисправимым вертопрахом.

Как мог Фогт осмелиться связать похождения этого бродяги в Женеве с деятельностью такого человека, как *Маркс,* и назвать его товарищем или орудием Маркса, я никак в толк не возьму, тем более, что это относится к периоду, когда *Маркс* в указанной брошюре так здорово отделал этого плута. *Ведь именно Маркс своей брошюрой разоблачил его и выгнал из Женевы, где, по словам Фогта, он* якобы *работал для Маркса.*

Когда я думаю о том, как естествоиспытатель Фогт мог вступить на такой ложный путь, я перестаю понимать что бы то ни было. Разве не жаль видеть, как легкомысленно, как бесплодно, как расточительно уничтожает Фогт то сильное влияние, которое он приобрел благодаря случайному стечению обстоятельств! Неудивительно было бы, если бы после этого все стали относиться с недовернем и подозрением к естественнонаучным работам Фогта, как к научным выводам, столь же легковесно и недобросовестно опирающимся на ложные представления, а не на положительные и тщательно исследованные факты!

Чтобы стать государственным деятелем и ученым, недостаточно одного тщеславия, — в противном случае даже *Кремер* мог бы быть и тем и другим. *К сожалению. Фогт из-за своей серной банды и своего Шерваля сам опустился до уровня своего рода Шерваля. И действительно, между ними есть внутреннее сходство, заключающееся в резко выраженном стремлении к житейскому благополучию, к обеспеченному существованию, компанейским развлечениям и легкомысленным шуткам в серьезных вопросах...*

В ожидании Вашего скорого дружеского ответа примите сердечный привет от преданного Вам

И. Ф. Беккера

P. S. Я только что снова заглянул в брошюру Фогта и, к своему еще большему изумлению, увидел, что честь оказана и бюрстенгеймерам. Вкратце Вы должны знать, как обстояло дело и с этой бандой...

Далее я увидел также в этой брошюре, что Фогт утверждает, будто Ньюджент-Шерваль-Кремер *приехал в Женеву по поручению Маркса.* Я считаю поэтому нужным добавить, что Ньюджент, который до последней минуты своего пребывания в Женеве разыгрывал роль англичанина, *ничем ни разу не дал заметить, что он когда-либо и где-либо имел дело с каким-нибудь немецким эмигрантом;* да это вообще совершенно не годилось бы для его инкогнито. Даже в настоящее время здесь, хотя это уже не имеет того значения для него, какое имело там, он отказывается это признать и отрицает всякое знакомство с немцами в прошлом.

До сих пор я все еще думал, что Фогт легкомысленно поддался чьей-то мистификации, но теперь его выступление мне все более кажется проявлением злого умысла, Он меня мало занимает, но мне жаль его доброго,

славного, старого отца, которому эта история, безусловно, доставит много неприятных минут.

Не только разрешаю Вам, но даже прошу Вас в интересах истины и доброго дела распространить все сообщенное мной среди Ваших знакомых.

Искренне Ваш

И. Филипп Б.» (см. приложение 3).

4. КЁЛЬНСКИЙ ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ

Перенесемся из имперско-регентского «кабинета» в Женеве в прусский королевский суд присяжных в Кёльне.

«В кёльнском процессе *Маркс* играл выдающуюся роль». Несомненно.

«В Кёльне судили *его товарищей по Союзу»!* Совершенно верно.

Предварительное заключение кёльнских подсудимых длилось $1^1/_2$ года.

Прусская полиция и посольство, Хинкельдей со всей своей сворой, почта и местные власти, министерства внутренних дел и юстиции — все они в течение этих $1^1/_2$ лет прилагали огромнейшие усилия, чтобы создать какой-нибудь corpus delicti*.

Таким образом, Фогт имеет здесь в своем распоряжении для расследования моих «деяний», можно сказать, вспомогательные средства прусского государства и даже подлинный материал из моих «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов», Базель, 1853, экземпляр которых он нашел в женевском Обществе рабочих, взял его на время и «штудировал». Теперь-то уж Карлуша не упустит случая нагнать на меня страху. Но нет! На этот раз Фогт «затрудняется», выпускает несколько своих природных удушающих и зловонных снарядов** и лепечет, торопливо отступая:

«Кёльнский процесс особенного значения для нас не имеет» («Главная книга», стр. 172).

В «Разоблачениях» я не мог не задеть наряду с другими и г-на *А. Виллиха.* Виллих начинает в «New-Yorker Criminal-Zeitung» от 28 октября 1853 г.*** свою самозащиту[380]

* — состав преступления. *Ред.*

** «Удушающими или зловонными снарядами пользуются преимущественно в минной войне. Для этого берут обычный горючий состав, содержащий, однако, несколько больше серы и сколько возможно перьев, рогов, волос и прочей дряни, вкладывают в корпус и снабжают снаряд запалом» (J. C. Plumicke. «Handbuch fur die Koniglich Preusischen Artillerie-Offiziere». Erster Theil. Berlin, 1820) [И. К. Плюмике. «Руководство для офицеров королевско-прусской артиллерии». Часть I. Берлин, 1820].

*** Ответ я опубликовал в памфлете «Рыцарь благородного сознания». Нью-Йорк, 1853[379].

с характеристики моего произведения как *«искусной критики ужасных действий центральной полиции Германского союза»*. Издатель моей работы *Я. Шабелиц-сын* по получении моей рукописи писал мне из *Базеля* 11 декабря 1852 года:

«Ваше разоблачение полицейских безобразий превосходно. Вы воздвигли прочный памятник нынешнему прусскому режиму».

Он прибавил к этому, что его мнение разделяется компетентными людьми, а во главе этих «компетентных людей» стоял один теперешний женевский приятель г-на Карла Фогта.

Через семь лет после выхода моя брошюра дала повод совершенно неизвестному мне г-ну Эйххофу в Берлине, — Эйххоф, как известно, был привлечен к суду по обвинению в клевете на Штибера, — сделать на своем процессе следующее заявление:

«Я тщательно изучил кёльнский процесс коммунистов и вынужден поэтому не только полностью поддержать свое первоначальное обвинение Штибера в клятвопреступлении, но и расширить его в том смысле, что все показания Штибера на этом процессе были лживыми... Приговор над кёльнскими подсудимыми был произнесен лишь на основании показаний Штибера... Все показания Штибера — последовательно совершенное клятвопреступление» (1-е приложение к берлинской «Vossische Zeitung»[381] от 9 мая 1860 года).

Сам *Фогт* признает:

«Он» (Маркс) «употребил все *возможные усилия,* чтобы доставить защитникам подсудимых материал и инструкции для ведения процесса...

Как известно, там» (в Кёльне) «агенты Штибер, Флёри и т. д. представили фальшивые, ими самими сфабрикованные документы в качестве «доказательств», и вообще там *была раскрыта* среди этой полицейской сволочи пропасть отвратительной мерзости, приводящей в трепет» («Главная книга», стр. 169, 170).

Если Фогт доказывает свою ненависть к государственному перевороту пропагандой в пользу бонапартизма, то почему я не могу доказывать «своих сношений» с тайной полицией *раскрытием* ее беспредельной мерзости? Если бы полиция обладала подлинными доказательствами, то зачем было фабриковать фальшивые?

Но, — поучает профессор Фогт, —

«удар поразил, тем не менее, *только* членов марксовского Союза в Кёльне, только партию Маркса».

В самом деле, Полоний! Разве удар не поразил сперва другую партию в Париже, потом еще одну в Берлине (процесс Ладендорфа), затем опять другую в Бремене (Союз мертвых)[382] и т. д. и т. д.?

Что касается *осуждения* кёльнских обвиняемых, то я приведу относящееся к этому место из моих «Разоблачений»:

«Первоначально понадобилось чудодейственное вмешательство полиции, чтобы скрыть чисто *тенденциозный характер* процесса. «Предстоящие разоблачения докажут вам, господа присяжные, что этот процесс не является тенденциозным процессом», — этими словами Зедт (прокурор) открыл судебные прения. Теперь же (в конце разбирательства) он делает упор на тенденциозном характере, чтобы предать забвению разоблачения, сделанные полицией. После полуторагодичного предварительного следствия присяжным понадобились объективные данные, доказывающие преступление, чтобы оправдать себя в глазах общественного мнения.

После пятинедельной полицейской комедии им понадобилась *«чистая* тенденция», чтобы выбраться из грязи фактических данных. Поэтому Зедт не ограничивается одним только материалом, который заставил обвинительный сенат прийти к заключению, что «нет объективного состава преступления». Он идет дальше. Он пытается доказать, что закон о заговорах вообще не требует состава преступления, а является чисто тенденциозным законом, следовательно, категория заговора является только предлогом, чтобы законным порядком сжигать политических еретиков. Попытка его обещала больший успех благодаря применению к обвиняемым нового уголовного кодекса, изданного после их ареста. Под тем предлогом, что этот кодекс будто бы содержит статьи, смягчающие наказание, раболепный суд мог допустить его применение как закона, имеющего якобы обратную силу. Но если процесс являлся чисто тенденциозным процессом, то для чего нужно было полуторагодичное предварительное следствие? Из тенденции» (стр. 71, 72 l. c.)[383]. «С разоблачением книги протоколов, сфабрикованной и подсунутой самой прусской полицией, процесс вступил в новую стадию. Теперь присяжные не могли уже признать обвиняемых виновными или невиновными; теперь они должны были признать виновными обвиняемых или правительство.

Оправдать обвиняемых значило осудить правительство» (стр. 70 l. c.)[384].

О том, что тогдашнее прусское правительство точно таким же образом оценивало создавшееся положение, свидетельствует отправленное Хинкельдеем во время кёльнского процесса прусскому посольству в Лондоне письмо, в котором он писал, что *«от исхода этого процесса зависит вся судьба политической полиции».* Он поэтому требовал найти человека, который представлял бы пред судом скрывшегося свидетеля *X[aynma]* за

вознаграждение в 1000 талеров. Такой человек действительно уже был найден, когда пришло новое письмо от Хинкельдея:

«Государственный прокурор надеется, что при *благоприятном составе присяжных* будет вынесен обвинительным приговор и без дальнейших чрезвычайных мер, и поэтому он» (Хинкельдей) «просит пока ничего не предпринимать» (см. приложение 4).

И действительно режим Хинкельдея — Штибера в Пруссии был торжественно освящен именно этим *благоприятным составом присяжных в Кёльне.* «В Берлине грянет гром, если кёльнцы будут осуждены», — прикомандированная к прусскому посольству в Лондоне полицейская сволочь знала это уже в октябре 1852 г., хотя полицейская мина взорвалась в Берлине (заговор Ладендорфа) лишь в конце марта 1853 года (см. приложение 4).

Запоздалый либеральный вой о реакционной эпохе всегда бывает тем громче, чем безграничнее была либеральная трусость, дававшая в течение ряда лет безраздельно царить реакции. Так, все мои попытки во время кёльнского процесса разоблачить в либеральной прусской печати штиберовскую систему обмана потерпели неудачу. Печать эта начертала на своем знамени большими буквами: осторожность — первый долг гражданина, и под этим знаком ты будешь жить[385].

5. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРАЗДНЕСТВО ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ В ЛОЗАННЕ (26 И 27 ИЮНЯ 1859 г.)

Наш герой всякий раз с новым удовольствием спасается в... Аркадию. Мы находим его снова в «отдаленном уголке Швейцарии», в Лозанне, на Центральном празднестве нескольких просветительных обществ немецких рабочих, происходившем в конце июня. Здесь Карл Фогт совершил вторичное спасение Швейцарии. В то время как Катилина сидит в Лондоне, Цицерон в пестрой куртке гремит в Лозанне:

«Jam jam intelligis me acrius vigilare ad salutem, quam te ad perniciem reipublicae»[*].

Случайно сохранился подлинный отчет о вышеназванном Центральном празднестве и о совершенном на нем «округленной натурой» геройском подвиге. Титульный лист составленного г-ном Г. Ломмелем при содействии Фогта отчета гласит: «Центральное празднество просветительных обществ немецких ра-

[*] — «Ты уже понимаешь, что я ревностнее забочусь о спасения республики, чем ты о ее гибели» (Цицерон, «Речи против Катилины», из четвертой главы первой речи). *Ред.*

бочих Западной Швейцарии (в Лозанне в 1859 г.), *Женева,* 1859, Маркус Ваней, рю де ла Круа д'Ор»[386]. Сравним этот подлинный отчет с появившейся пять месяцев спустя «Главной книгой». В отчете имеется *«произнесенная самим»* Цицероном-Фогтом речь, во вступительной части которой он объясняет тайну своего появления на этом празднестве. Он появляется у рабочих, он обращается к ним потому, что

«в последнее время против него были выдвинуты тяжкие обвинения, и если бы они были верны, то совершенно пошатнули бы доверие к нему и *полностью подорвали бы его политическую деятельность».* «Я пришел сюда», — продолжает он, — «я пришел сюда *для того,* чтобы открыто выступить здесь против» (вышеуказанных) «тайных происков» (отчет, стр. 6 — 7).

Его обвиняют в бонапартистских махинациях, он должен спасти свою политическую деятельность и по своему обыкновению защищает свою шкуру языком. После полуторачасового толчения воды в ступе он вспоминает о совете Демосфена, что «душа красноречия, это — действие, действие и действие».

Но что такое действие? В Америке существует маленький зверек *скунс,* обладающий в момент грозящей ему смертельной опасности только *одним* средством обороны — своим наступательным запахом. В случае нападения на него он брызгает из известных частей своего тела жидким веществом, неминуемо обрекающим вашу одежду на сожжение; если же оно попадает на вашу кожу, то вы на некоторое время лишаетесь возможности всякого общения с людьми. Запах так отвратительно едок, что охотники, если их собаки случайно поднимают скунса, в испуге удирают с большей поспешностью, чем если бы за ними гнался волк или тигр. От волка и тигра защищают порох и свинец, но от a posteriori* скунса нет никаких средств!

Вот это действие! — говорит себе натурализованный в «государстве животных»[387] оратор и тут же распространяет на своих мнимых преследователей аромат скунса:

«Но от одного я настойчиво предостерегаю вас, — от происков маленькой кучки подлых людей, все помыслы которых направлены к тому, чтобы отвлечь рабочего от его ремесла, впутать его во всякого рода заговоры и коммунистические козни, а затем, поживши за счет его пота, обречь его холодным» (после того, конечно, как он пропотел!) «своим равнодушием на гибель. И *теперь снова* эта кучка пытается всеми возможными средствами» (насколько только возможно) «завлечь союзы рабочих в свои коварные сети. Что бы они ни говорили» (о бонапартистских происках Фогта), «знайте, что они стремятся лишь к тому, чтобы эксплуатировать рабочего в своих личных интересах и в конце концов предоставить его собственной участи» (отчет, стр. 18. См. приложение).

* — зада. *Ред.*

Бесстыдство «скунса», с которым он утверждает обо мне и моих друзьях, всегда защищавших интересы рабочего класса *бескорыстно,* жертвуя своими личными интересами, будто мы *«живем за счет пота рабочих»,* такое бесстыдство даже не оригинально. Не только декабрьские mouchards* за спиной у Луи Блана, Бланки, Распайля и др. распространяли о них подобные гнусности, — во все времена и повсюду сикофанты господствующего класса так же подло клеветали на передовых политических борцов и писателей, защищавших интересы угнетенных классов (см. приложение 5).

Впрочем, после этого действия наша «округленная натура» оказалась не в силах сохранить свой serieux**. Этот скоморох сравнивает своих находящихся на свободе «преследователей» с *«захваченными в плен* при Цорндорфе русскими», а себя самого — угадайте, с кем? — с *Фридрихом Великим.* Фальстаф-Фогт вспомнил, что Фридрих Великий бежал с первого сражения, в котором он принимал участие. Насколько же более велик *он,* бежавший, не приняв участия ни в каком сражении!***

Вот что произошло на Центральном празднестве в Лозанне согласно подлинному отчету. И «после этого полюбуйтесь» (говоря словами Фишарта) «на этого назойливого блюдолиза, неуклюжего и грязного стряпуна»****, — посмотрите, какую потешную полицейскую кашу он заварил пять месяцев спустя для немецкого филистера.

«Во что бы то ни стало хотели *вызвать осложнения в Швейцарии,* собирались нанести решительный удар политике нейтралитета... *Меня осведомили,* что Центральное празднество просветительных обществ немецких рабочих имелось в виду использовать, чтобы направить рабочих на путь, по которому они ранее решительно отказывались идти. Рассчитывали использовать прекрасное празднество для образования *тайного комитета,* который должен был наладить контакт с единомышленниками в Германии и принять бог весть» (Фогт *хотя и осведомленный,* этого не ведает) «какие *меры.* Передавали смутные слухи и таинственные сообщения

* — шпионы. *Ред.*

** — серьезный тон. *Ред.*

*** В выпущенном *Якобом Венедеем* памфлете «В защиту себя и отечества против Карла Фогта», Ганновер, 1860, Кобес I[388] рассказывает, что он «был свидетелем того, как имперский регент *Карл Фогт не присутствовал,* когда мы все, вместе с четырьмя остальными имперскими регентами, заставили вюртембергское правительство прибегнуть к силе оружия и дать, таким образом, возможность парламенту умереть почетной смертью. Это очень забавная история. Когда остальные четыре регента сели в экипаж, чтобы, как было условлено, отправиться к месту заседаний и там вместе с «охвостьем» парламента грудью» (как известно, «охвостье» парламента не имело головы) «встать перед штыками. — Карл Фогт, закрывая дверцу кареты, крикнул кучеру: «Ну, поезжай, экипаж уже полон, я приду следом!» Карл Фогт пришел, когда всякая опасность миновала» (l. c., стр. 23, 24).

**** И. Фишарт. «Полное приключений грандиозное историческое повествование о деяниях и изречениях героев и господ Грангошира, Горгеллянтюа и Пантагрюэля», глава третья. *Ред.*

об активном вмешательстве рабочих в политику германского отечества. *Я немедленно решил выступить против этих козней* и снова предупредить рабочих, чтобы они *ни в коем случае* не дали себя увлечь *подобного рода предложениями.* В конце вышеназванной речи я открыто предостерегал и т. д.» («Главная книга», стр. 180).

Цицерон-Фогт забывает, что в начале своей речи он выболтал публично, что именно привело его на Центральное празднество, — не нейтралитет Швейцарии, а спасение собственной шкуры. Ни одного звука в его речи не было о подготовлявшемся покушении на Швейцарию, о заговорщических планах использования Центрального празднества, о тайном комитете, об активном вмешательстве рабочих в политику Германии, о предложениях *«подобного»* или какого-либо иного «рода». Ни слова обо всех этих штибериадах. Его заключительное предостережение было только предостережением честного Сайкса, который в суде Олд Бейли убеждал присяжных не слушать «подлых» сыщиков, раскрывших совершенное им воровство.

«Последовавшие непосредственно за этим события», — говорит Фальстаф-Фогт («Главная книга», стр. 181) — «подтвердили мои *предчувствия».*

Как, *предчувствия?* Но Фальстаф снова забывает, что несколькими строками раньше он вовсе не «предчувствовал», а был «осведомлен» — *осведомлен* о планах заговорщиков и притом *осведомлен подробно!* И каковы же были, — «о ты, предчувствий полный ангел!»* — последовавшие непосредственно за этим *события?*

«В одной своей статье «Allgemeine Zeitung» приписывала празднеству и жизни рабочих тенденции, о которых они» (то есть празднество и жизнь) «не думали ни в малейшей мере». (Совсем, как Фогт приписывает их муртенскому съезду и рабочим организациям вообще.) «На основании этой статьи и ее *перепечатки* во «Frankfurter Journal» от посланника одного южногерманского государства последовал конфиденциальный запрос, придававший празднеству значение», — которое ему *приписывали* статья из «Allgemeine Zeitung» и ее перепечатка во «Frankfurter Journal»[389]? Ничуть не бывало, — «которое оно, согласно *неосуществившимся планам серной банды* **должно было бы иметь».**

Вот именно! Должно было бы иметь!

Хотя достаточно самого поверхностного сопоставления «Главной книги» с подлинным отчетом о Центральном празднестве, чтобы вскрыть секрет вторичного спасения Швейцарии Цицероном-Фогтом, я все же хотел удостовериться, не было ли какого-нибудь факта, хотя бы извращенного, который послужил бы

* Гёте. «Фауст», часть I, сцена шестнадцатая («Сад Марты»). *Ред.*

материей для приложения фогтовской силы[390]. Я обратился поэтому с письмом к составителю подлинного отчета *Г. Ломмелю* в Женеву. Г-н Ломмель, по-видимому, был в дружеских отношениях с Фогтом; он не только воспользовался его содействием при составлении отчета о лозаннском Центральном празднестве, но и в появившейся позже брошюре о празднестве в честь Шиллера и Роберта Блюма в Женеве[391] старался затушевать фиаско, которое Фогт и здесь потерпел. В своем ответе от 13 апреля 1860 г. г-н Ломмель, лично мне неизвестный, пишет:

«Рассказ *Фогта,* будто он расстроил в Лозанне опасный заговор, — *чистейшая фантазия* или **ложь.** В Лозанне он искал только помещение, чтобы произнести речь, которую потом можно было бы напечатать. В этой полуторачасовой речи он защищался от обвинения, будто он — подкупленный бонапартист. Рукопись находится у меня в полной сохранности».

Один живущий в Женеве француз на вопрос о том же фогтовском заговоре коротко ответил:

«Il faut connaitre cet individu»* (то есть Фогта), «surtout ***le faiseur,*** *l'homme important,* toujours hors de la nature et de la verite»**.

Фогт сам говорит на стр. 99 своих так называемых «Исследований»[392], что он «никогда не приписывал себе качеств *пророка».* Но из Ветхого завета известно, что осел видел то, чего не видел пророк. И тогда становится ясным, почему Фогт *увидел* заговор, о котором в ноябре 1859 г. у него было предчувствие, что он его «расстроил» в июне 1859 года.

6. РАЗНОЕ

«Если память мне не изменяет», — говорит парламентский клоун, — «то циркуляр» (а именно мнимый лондонский циркуляр к пролетариям от 1850 г.) «во всяком случае составлен был сторонником Маркса, так называемым парламентским Вольфом, и подсунут ганноверской полиции. Теперь же снова *этот канал выступает наружу* в истории с циркуляром «друзей отечества к готцам»» («Главная книга», стр. 144).

Канал выступает наружу! Prolapsus ani*** естественнонаучных балагуров?

Что касается «парламентского Вольфа», — почему парламентский волк, точно кошмар, преследует парламентского клоуна, мы узнаем ниже, — то он опубликовал в берлинской «Volks-Zeitung», «Allgemeine Zeitung» и гамбургской «Reform» следующее заявление:

---

* — «Нужно знать этого субъекта». *Ред.*
** — «это прежде всего *важничающий лгун,* которому всегда чужды естественность и правдивость». *Ред.*
*** — выпадение прямой кишки. *Ред.*

«Заявление. Манчестер, 6 февраля 1860 года.

Из письма одного приятеля я узнал, что в «National-Zeitung» (№ 41 за текущий год) в передовой статье, на основании брошюры Фогта, опубликовано следующее:

«В 1850 г. было отправлено из Лондона Другое *циркулярное послание пролетариям* Германии, составленное, как полагает Фогт, парламентским Вольфом, alias* казематным Вольфом, которое одновременно было подсунуто ганноверской полиции». Я не видел ни этого номера «National-Zeitung», ни брошюры Фогта и поэтому отвечаю лишь на вышеприведенное место:

1) В 1850 г. я жил в *Цюрихе,* а не в Лондоне, куда переехал лишь летом 1851 года.

2) Я за всю свою жизнь не составил ни одного циркулярного послания ни к «пролетариям», ни к другим лицам.

3) Что касается инсинуации о ганноверской полиции, *то я с презрением возвращаю это бесстыдное обвинение в адрес ее автора.* Если остальная часть фогтовской брошюры столь же отвратительна и лжива, как то, что касается меня, то она достойна занять место рядом с *творениями таких господ,* как *Шеню, Делаод* и К°.

В. Вольф».

Таким образом, подобно тому как *Кювье* всю структуру животного восстанавливал по одной кости, так *Вольф* правильно воссоздал всю литературную стряпню Фогта по одной выхваченной цитате. Действительно, *Карл Фогт* рядом с *Шеню* и *Делаодом* выглядит как primus inter pares**.

Последним «доказательством» «не затрудняющегося» Фогта о моем entente cordiale*** с тайной полицией вообще и о «моих отношениях с партией «Kreuz-Zeitung»[393] в частности» служит то, что моя жена — сестра бывшего прусского министра г-на фон Вестфалена («Главная книга», стр. 194). Как парировать этот жалкий выпад жирного Фальстафа? Быть может, клоун простит моей жене ее родственника, прусского министра, когда узнает, что один из ее шотландских предков**** был обезглавлен на рыночной площади в Эдинбурге как мятежник, участвовавший в освободительной борьбе против Якова II? Как известно, сам Фогт лишь благодаря случаю еще носит свою голову на плечах. На чествовании памяти Роберта Блюма, устроенном Просветительным обществом немецких рабочих в Женеве (13 ноября 1859 г.), он рассказал о том,

«как левая Франкфуртского парламента долго не могла решить, кого послать в Вену, — Блюма или его. Наконец, был брошен жребий, и судьба решила в пользу Блюма или, вернее, против него» *(«Шиллеровские торжества в Женеве* и т. д.». Женева, 1859, стр. 28, 29).

---

* — иначе. *Ред.*
** — первый среди равных. *Ред.*
*** — сердечном согласии. *Ред.*
**** — герцог Аргайл. *Ред.*

13 октября Роберт Блюм уехал из Франкфурта в Вену. 23 или 24 октября в Кёльн прибыла депутация крайней левой Франкфуртского собрания проездом в Берлин на конгресс демократов. Я виделся с членами депутации. Некоторые из них были тесно связаны с «Neue Rheinische Zeitung». Эти делегаты, — из которых один был во время кампании за имперскую конституцию расстрелян по приговору военно-полевого суда, другой умер в изгнании, а третий еще жив, — сообщили мне тревожные и странные сведения о махинациях Фогта в связи с миссией Роберта Блюма в Вене. Но

Вели молчать, не требуй слова,
Затем, что тайна мой удел![*]

На вышеупомянутом чествовании памяти Роберта Блюма в Женеве (ноябрь 1859 г.) «округленная натура» была встречена нелюбезно. Когда он входил в помещение, где происходило чествование, угодливо следуя пошатывающейся походкой за своим патроном Джемсом Фази, словно Силен, один рабочий воскликнул: вот идет Генрих, а за ним Фальстаф! Когда же Фогт в своем милом анекдоте выставил себя как alter ego[**] Роберта Блюма, то лишь с трудом удалось удержать нескольких вспыльчивых рабочих от штурма трибуны. А когда он, наконец, — забыв о том, как еще в июне предупредил революцию, — теперь сам «еще раз звал рабочих на баррикады» *(«Шиллеровские торжества»,* стр. 29), раздалось насмешливое эхо: «Баррикады! — Куча!»[***]. Но за границей так хорошо знают цену революционному пустозвонству Фогта, что на этот раз даже не последовало обычного «секретного запроса одного южногерманского посланника», и в «Allgeineine Zeitung» не появилось *никакой* статьи.

Вся фогтова штибериада, начиная с серной банды и кончая «бывшим министром», напоминает тот сорт мейстерзингеров, о котором у Данте сказано:

Ed egli avea fatto del cul trombetta[****].

[*] Гёте. «Миньона». *Ред.*
[**] — второе «я». *Ред.*
[***] В оригинале созвучие: «Barrikaden — Fladen». *Ред.*
[****] И зад в трубу он превратил. [Данте. «Божественная комедия», «Ад», песнь XXI. Эти стихи из Данте Маркс в подстрочном примечании дает на немецком языке в переводе Каннегиссера, указав фамилию последнего в скобках. *Ред.*]

IV
ПИСЬМО ТЕХОВА

Что еще извлекает *«округленная натура»* из

«tristo sacco
Che merda fa di quel, che si trangugia».
(Dante)[*]

Письмо Техова от 26 августа 1850 г. из Лондона.

«Самое лучшее, что я могу сделать для характеристики этих козней» (именно серной банды), «это привести здесь письмо одного человека, которого всякий, кто» (!) «его когда-либо знал, назовет честным человеком; я позволю себе опубликовать его» (честного человека или письмо?) «потому, что оно было специально предназначено для сообщения» (кому?) «и что уже отпали те соображения» (чьи?), «которые мешали раньше его опубликованию» («Главная книга», стр. 141).

Техов переехал из Швейцарии в Лондон в конце августа 1850 года. Его письмо было адресовано бывшему прусскому лейтенанту *Шиммельпфеннигу* (жившему тогда в Берне) «для сообщения друзьям», именно — членам *«Централизации»,* тайного, лет десять тому назад прекратившего свое существование общества, которое было основано немецкими эмигрантами в Швейцарии, было очень пестрым по своему составу и насчитывало в своей среде большое число парламентских элементов. Техов входил в это общество, но Фогт и его друзья не были его членами. Каким же образом у Фогта оказалось письмо Техова и кто дал ему право его опубликовать?

Сам *Техов* пишет мне из Австралии 17 апреля 1860 года:

«Во всяком случае у меня *никогда* не было повода предоставить г-ну *Карлу Фогту какие-либо полномочия* в этом деле».

---

[*] «жалкого мешка,
Что превращает пищу в испражненья» *(Данте).*
[«Божественная комедия», «Ад», песнь XXVIII. *Ред.*]

Из «друзей» Техова, которым должно было быть сообщено это письмо, только двое еще живут в Швейцарии, Пусть оба говорят сами:

«Э.[*] — Шили. 29 апреля 1860 года. Верхний Энгадин, кантон Граубюнден.

При появлении брошюры Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»», в которой напечатано письмо Техова от 26 августа 1850 г. к его швейцарским друзьям, мы, находящиеся еще в Швейцарии друзья Техова, решили письменно выразить Фогту свое неудовольствие по поводу опубликования этого письма без разрешения. Письмо Техова было адресовано Шиммельпфеннигу в Берн и должно было быть сообщено друзьям в копиях... Я рад, что мы не ошиблись, предполагая, что ни один из друзей Техова, ни один из тех, кто имеет право на его письмо от 26 августа, не использовал его так, как его случайный обладатель. 22 января Фогту было отправлено письмо, в котором выражено неудовольствие по поводу опубликования теховского письма без разрешения, заявлен протест против всякого дальнейшего злоупотребления им и письмо затребовано обратно. 27 января Фогт ответил, что «письмо Техова было предназначено для сообщения друзьям; что друг, имевший его в своих руках, передал его ему специально для опубликования... и что он вернет письмо лишь тому, от кого он получил его»».

«Б.[**] — Шили. Цюрих, 1 мая 1860 г.

Письмо Фогту было написано мною согласно предварительной договоренности с Э. ... Р.[***] не принадлежал к «друзьям», для сообщения которым предназначалось письмо Техова; однако из содержания письма Фогт знал, что оно адресовано также и мне, но не пожелал спросить моего согласия на его опубликование».

Для разрешения загадки я оставил про запас из приведенного выше письма *Шили* одно место. Оно гласит:

«Об этом **Раникеле** мне приходится говорить здесь потому, что *письмо Техова, по-видимому, через него попало в руки Фогта,* — этот пункт твоего запроса я чуть было не упустил из вида. Письмо это было послано Теховым его друзьям, вместе с которыми он жил в Цюрихе, — Шиммельпфеннигу, Б. и Э. В качестве друга этих друзей и самого Техова я его тоже позже получил. В момент моей внезапной и грубой высылки из Швейцарии (меня без всякого предупреждения схватили на улице в Женеве и тотчас же отправили дальше) я не имел возможности вернуться к себе на квартиру и привести в порядок свои вещи. Поэтому я написал из бернской тюрьмы в Женеву одному надежному человеку, сапожнику Туму, прося его поручить кому-нибудь из все еще находившихся там моих друзей (ведь я не знал, кого из них насильно выпроводили вместе со мной) собрать мои вещи, наиболее ценные из них переслать мне в Берн, остальные же оставить *пока на хранении у себя,* а также произвести тщательный отбор моих бумаг, чтобы не прислать мне ничего такого, что нельзя было бы провезти через Францию. Так и сделали, но письмо Техова мне не переслали. В оставшихся бумагах находились некоторые документы, имевшие отношение к тогдашнему мятежу парламентариев против местного женевского комитета по распределению денег среди эмигрантов (комитет состоял

[*] — Эммерман. *Ред.*
[**] — Бёйст. *Ред.*
[***] — Раникель. *Ред.*

из трех женевских граждан, в том числе Тума и двух эмигрантов: Беккера и меня), и *Раникелю,* как стороннику комитета в борьбе против парламентариев, они были хорошо известны. Поэтому я просил Тума, как кассира и хранителя архива комитета, разыскать при помощи *Раникеля* указанные документы среди моих бумаг. Возможно, что последний, приглашенный таким образом помочь при просмотре моих бумаг, получил тем или иным путем письмо Техова, может быть, от кого-нибудь из просматривавших мои бумаги. Я вовсе не оспариваю *перехода владения,* от которого следует отличать переход *собственности,* от меня к нему; на своем праве собственности я самым решительным образом настаиваю. Я *вскоре после этого написал Раникелю из Лондона, чтобы он прислал мне письмо. Но он этого не сделал.* С этого момента и начинается его culpa manifesta*, первоначально лишь levis**, но затем все возрастающая, соразмерно степени его соучастия в опубликовании письма без разрешения, до magna***, или maxima culpa****, или даже до dolus*****. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что опубликование письма *не было разрешено* и что ни один из адресатов никого на это не уполномочивал; впрочем, для полной ясности я напишу об этом Э. Что *Раникель* приложил руку к опубликованию письма, не может вызывать сомнения при его общеизвестной близости к Фогту. Не имея ни малейшего намерения критиковать эту близость, я, тем не менее, вынужден указать здесь на контраст ее с прошлым. Ведь **Раникель** был не только одним из самых больших парламентоедов вообще, но в особенности по отношению к имперскому регенту он обнаруживал самые кровожадные чувства. «Я должен задушить этого негодяя, — кричал он, — даже если бы мне пришлось для этого ехать в Берн». Чуть ли не смирительную рубашку нужно было надевать на него, чтобы удержать от этих террористических замыслов против столь высокого лица. Но теперь, когда пелена, по-видимому, спала с его глаз и из Савла он стал Павлом, мне любопытно посмотреть, как он выпутается в другом отношении, то есть в качестве *мстителя Европы.* Я выдержал тяжелую борьбу, — говорил он тогда, колеблясь в выборе между Европой и Америкой, — но это счастливо кончилось, я остаюсь — *и буду мстить!!* Трепещи, Византия!»

Так писал *Шили.*

Таким образом, *Раникель* откопал****** письмо Техова в эмигрантском архиве Шили, Несмотря на требование Шили из Лондона, он не возвратил письма. *Присвоенное,* таким образом, письмо «друг» *Раникель* передает «другу» Фогту, а «друг» Фогт, со свойственной ему моральной деликатностью, объявляет себя правомочным опубликовать это письмо, — ведь Фогт и *Раникель* — «друзья». Итак, кто пишет письмо для «сообщения друзьям», пишет его тем самым для таких «друзей», как *Фогт* и *Раникель* — arcades ambo*******.

---

* — явная вина. *Ред.*

** — легкая. *Ред.*

*** — большой. *Ред.*

**** — величайшей вины. *Ред.*

***** — обмана. *Ред.*

****** В оригинале употреблен глагол «aufstiebern», который означает «откопать», «обшарить» и однозвучен с именем полицейского агента Штибера. *Ред.*

******* — «оба аркадца», «оба из Аркадии» — выражение Вергилия, употребленное Байроном в романе «Дон-Жуан» (песнь четвертая, строфа 93) в значении «оба мерзавцы»; стало нарицательным. *Ред.*

Я сожалею, что эта своеобразная юриспруденция приводит меня к полузабытым и давно забытым историям. Но Раникель начал, — и я должен следовать за ним.

Союз коммунистов был основан — первоначально под другим названием — в Париже в 1836 году. Его структура в том виде, в каком она постепенно сложилась, была такова: известное число членов составляло «общину», различные общины в одном и том же городе составляли «округ», большее или меньшее число округов группировалось вокруг «руководящего округа»; во главе всей организации стоял Центральный комитет, выбиравшийся на конгрессе делегатов всех округов, но имевший право кооптации и назначения, в крайних случаях, своего временного преемника. Центральный комитет находился сперва в Париже, а с 1840 г. до начала 1848 г. в Лондоне. Руководители общин и округов, а также члены Центрального комитета — все были выборными. Это демократическое устройство, совершенно нецелесообразное для заговорщических тайных обществ, не противоречило, по крайней мере, задачам пропагандистского общества. Деятельность Союза заключалась прежде всего в основании открытых просветительных обществ немецких рабочих, и большинство обществ этого рода, существующих еще и поныне в Швейцарии, Англии, Бельгии и Соединенных Штатах, было основано непосредственно самим Союзом или создано бывшими его членами. Поэтому организация этих обществ рабочих повсюду одна и та же. Один день в неделю назначался для дискуссий, другой — для общественных развлечений (пение, декламация и т. д.). Повсюду при обществах создавались библиотеки и, где только было возможно, курсы для преподавания рабочим элементарных знаний. Стоявший за открытыми обществами рабочих и руководивший ими Союз находил в них ближайшее поле деятельности для открытой пропаганды, а с другой стороны, он пополнялся и расширялся за счет наиболее способных их членов. При кочевом образе жизни немецких ремесленников Центральный комитет лишь в редких случаях прибегал к посылке особых эмиссаров.

Что касается тайного учения самого Союза, то оно подверглось всем изменениям, которые претерпел французский и английский социализм и коммунизм, а также и их немецкие разновидности (фантазии Вейтлинга, например). Начиная с 1839 г., — как видно уже из доклада Блюнчли[394], — наряду с социальным вопросом важнейшую роль играет религиозный вопрос. Различные фазы, через которые проходила немецкая философия в период с 1839 по 1846 г., находили в среде этих рабочих обществ самых страстных последователей. Тайная форма общества

обязана своим происхождением Парижу. Главная цель Союза — пропаганда среди рабочих в Германии — требовала сохранения этой формы и впоследствии. Во время своего первого пребывания в Париже я поддерживал личный контакт с тамошними руководителями Союза, а также с вождями большинства тайных французских рабочих обществ, не входя, однако, ни в одно из них. В Брюсселе, куда меня выслал Гизо, я основал вместе с Энгельсом, В. Вольфом и другими существующее и поныне Просветительное общество немецких рабочих[395]. В то же время мы выпустили ряд памфлетов, частью печатных, частью литографированных, в которых подвергли беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали научное изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно прочную теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества. Под влиянием этой нашей деятельности лондонский Центральный комитет завязал с нами переписку и направил в Брюссель в конце 1846 г. одного из своих членов, часовщика *Иосифа Молля,* — который позднее, как солдат революции, пал на поле битвы в Бадене, — чтобы пригласить нас вступить в Союз. Сомнения, высказанные нами по поводу этого предложения, Молль рассеял сообщением, что Центральный комитет собирается созвать в Лондоне конгресс Союза, где отстаиваемые нами критические взгляды будут выражены в официальном манифесте в качестве доктрины Союза, но что для борьбы с консервативными и противодействующими элементами необходимо наше личное участие, последнее же связано с нашим вступлением в Союз. Итак, мы вступили в Союз. Конгресс, на котором были представлены члены Союза из Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии и Англии, состоялся, и после бурных, длившихся несколько недель прений был принят составленный Энгельсом и мной «Манифест Коммунистической партии», который вышел в свет в начале 1848 г., а позднее появился в английском, французском, датском и итальянском переводах. Когда вспыхнула февральская революция, лондонский Центральный комитет поручил мне руководство Союзом. Во время революции в Германии деятельность его сама собой прекратилась, так как открылись более действенные пути для осуществления его целей. Приехав в конце лета 1849 г., после своей вторичной высылки из Франции, в Лондон, я нашел

обломки тамошнего Центрального комитета вновь собранными и связи с восстановленными в Германии округами Союза возобновленными. *Виллих* приехал в Лондон несколько месяцев спустя и, по моему предложению, был принят в Центральный комитет. Он был рекомендован мне *Энгельсом,* который участвовал в кампании за имперскую конституцию в качестве его адъютанта. Для полноты истории Союза отмечу еще, что 15 сентября 1850 г. произошел раскол внутри Центрального комитета. Большинство его, вместе с Энгельсом и мною, решило перенести местопребывание Центрального комитета в *Кёльн,* где уже давно находился «руководящий округ» для Средней и Южной Германии; после Лондона Кёльн был важнейшим центром интеллектуальных сил Союза.

В то же время мы вышли из лондонского *Просветительного общества рабочих.* Меньшинство же Центрального комитета, с Виллихом и Шаппером во главе, основало Зондербунд[396], поддерживавший контакт с Просветительным обществом рабочих и возобновивший прерванные в 1848 г. связи с Швейцарией и Францией. 12 ноября 1852 г. были осуждены кёльнские подсудимые. Несколько дней спустя, по моему предложению, Союз был объявлен распущенным. Документ о роспуске Союза, датированный ноябрем 1852 г., я приложил к бумагам по моему судебному делу против «National-Zeitung». В качестве мотива роспуска Союза в этом документе указывается, что со времени арестов в Германии, то есть уже с весны 1851 г. у фактически прекратилась *всякая* связь с континентом; к тому же подобное пропагандистское общество вообще стало несвоевременным. Несколько месяцев спустя, в начале 1853 г., прекратил свое существование и виллихо-шапперовский Зондербунд.

Принципиальные причины указанного выше раскола изложены в моих «Разоблачениях о процессе коммунистов», где перепечатано извлечение из протокола заседания Центрального комитета от 15 сентября 1850 года. Ближайшим же практическим поводом послужило стремление *Виллиха* впутать Союз в революционные затеи немецкой демократической эмиграции. Диаметрально противоположные оценки политической ситуации еще более обострили разногласия. Я приведу лишь *один* пример. Виллих воображал, например, что спор между Пруссией и Австрией по вопросу о Кургессене и Германском союзе[397] приведет к серьезным конфликтам и создаст возможность для практического вмешательства революционной партии. 10 ноября 1850 г., вскоре после раскола Союза, он выпустил составленную в этом духе прокламацию: «К демократам всех наций», подписанную Центральным комитетом Зондербунда, а также фран-

цузскими, венгерскими и польскими эмигрантами. Энгельс же и я, — как это можно прочесть на стр. 174, 175 «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» (двойной номер за май — октябрь 1850 г., Гамбург), — наоборот, утверждали: *«Весь этот шум не приведет ни к чему...* Не пролив ни одной капли крови, борющиеся стороны, Австрия и Пруссия, усядутся во Франкфурте в Союзном сейме[398], причем от этого ни в какой мере не уменьшится ни их взаимная мелочная зависть, ни раздоры со своими подданными, ни их недовольство *русским* верховным владычеством»[399].

Был ли способен *Виллих,* в силу своей индивидуальности, — Виллих, впрочем, несомненно дельный человек — и под влиянием своих, тогда (в 1850 г.) еще свежих безансонских воспоминаний «беспристрастно» судить о конфликтах, которые в силу противоположности взглядов стали неизбежными и ежедневно повторялись, — об этом можно заключить на основании нижеследующего документа.

«Немецкая колонна в Нанси

гражданину Иог. Филиппу Беккеру
в Биле

Председателю немецкого военного союза «Помогай себе?»

Гражданин!

Сообщаем тебе как избранному представителю всех немецких эмигрантов-республиканцев, что в Нанси образовалась колонна немецких эмигрантов под названием «Немецкая колонна в Нанси».

Здешняя колонна состоит частично из эмигрантов, составлявших в свое время везульскую колонну, и частично из эмигрантов, входивших в колонну в Безансоне. Они покинули Безансон по соображениям чисто демократического характера.

Дело в том, что Виллих во всех своих действиях очень редко советовался с колонной. Основные правила безансонской колонны вообще ею не обсуждались и не устанавливались, а были даны Виллихом априори и приводились в исполнение без согласия колонны.

Затем Виллих дал нам также и апостериорные доказательства своего деспотического характера в ряде приказов, достойных какого-нибудь Елачича или Виндишгреца, но отнюдь не республиканца.

Виллих отдал приказ стащить с одного оставлявшего колонну ее члена, по имени Шён, купленные ему на сбережения колонны новые башмаки, не считаясь с тем, что и Шён имел свою долю в этих сбережениях, так как они составлялись главным образом из получаемой от Франции субсидии в 10 су на человека в день... Он хотел взять свои башмаки. Виллих же приказал у него их отнять.

Виллих выгнал из Безансона, не спрашивая колонны, несколько дельных ее членов из-за мелочей вроде неявки на перекличку или на упражнения, опозданий (вечером), мелких ссор, — выгнал, заявив им, что они могут отправиться в Африку, так как во Франции им нельзя более оставаться; если же они не уедут в Африку, то он распорядится, чтобы их выслали, и именно в Германию, на что он имеет полномочие французского правительства. Запрошенная по этому поводу безансонская префектура

ответила, что это неправда. Виллих почти каждый день заявлял на перекличке: кому не нравится, тот может, если хочет, уходить, и чем скорее, тем лучше, — может уехать в Африку и т. д. Однажды он даже пригрозил в общей форме: кто не будет подчиняться его приказам, пусть либо уезжает в Африку, либо по его требованию будет выдан Германии; по этому поводу и был сделан указанный выше запрос в префектуре. Из-за этих ежедневных угроз многим опротивела жизнь в Безансоне, где, как они заявляли, их ежедневно посылали к черту. Если бы мы хотели быть рабами, — говорили они, — мы могли бы поехать в Россию или вообще не должны были что-либо предпринимать в Германии. Они заявляли, что ни в коем случае не могут оставаться более в Безансоне, не вступая в резкое столкновение с Виллихом, и поэтому ушли. Но так как тогда нигде не было другой колонны, которая могла бы их принять, и так как, с другой стороны, они не могли жить на десять су, то им ничего другого не оставалось, как завербоваться в Африку, что они и сделали. Так Виллих довел до отчаяния 30 честных граждан и повинен в том, что эти силы навсегда потеряны для родины.

Далее, Виллих был настолько неблагоразумен, что на перекличках постоянно хвалил своих ветеранов и унижал новичков, что всегда возбуждало споры. Виллих заявил даже как-то на перекличке, что пруссаки значительно превосходят южногерманцев головой, сердцем и телом, или же, как он выразился, физическими, нравственными и умственными силами. Южногерманцы же отличаются добродушием, — он хотел сказать глупостью, но не осмелился. Этим Виллих страшно озлобил всех южногерманцев, составляющих большинство. Наконец, вот самый грубый его поступок.

Две недели назад 7-я рота дала пристанище на ночь одному изгнанному из казармы по личному распоряжению Виллиха члену колонны, по имени Бароджо, оставила его, несмотря на запрещение Виллиха, в своем помещении и защищала это помещение от сторонников Виллиха, фанатиков-портных. Тогда Виллих приказал принести веревки и связать бунтовщиков. Веревки действительно были принесены. Но заставить выполнить приказание до конца было не во власти Виллиха, хотя он весьма этого хотел... Таковы причины их ухода.

Мы написали все это здесь не для того, чтобы пожаловаться на Виллиха. Ведь характер и стремления у Виллиха хорошие, и многие из нас уважают его, но пути, которыми он идет к своим целям, и средства, которые он для этого применяет, не все нам нравятся. У Виллиха благие намерения. Но он считает себя олицетворенной мудростью и ultima ratio*, а всякого противоречащего ему — даже в мелочах — дураком или изменником. Одним словом, Виллих не признает никакого другого мнения, кроме своего собственного. Он аристократ по духу и деспот и если задумает что-нибудь, то не побрезгает никакими средствами. Но довольно об этом! Мы теперь знаем Виллиха. Мы знаем его сильные и слабые стороны и поэтому покинули Безансон. Впрочем, все, оставляя Безансон, заявили, что они уходят от Виллиха, но не выходят из немецкого военного союза «Помогай себе».

Точно так же везульские...

Заканчивая уверением в глубоком уважении, передаем братский привет и рукопожатие от колонны в Нанси.

Принято общим собранием 13 ноября 1848 года.

Нанси, 14 ноября 1848 года.

От имени и по поручению колонны

Секретарь ***Б.***».

* — высшим разумом. *Ред.*

Теперь вернемся к письму *Техова.* Яд его письма, как и других пресмыкающихся, заключен в хвосте, именно в приписке от 3 сентября (1850 г.). В ней речь идет о дуэли моего преждевременно умершего друга *Конрада Шрамма* с г-ном *Виллихом.* В этой дуэли, происходившей в начале сентября 1850 г. в Антверпене, *Техов* и француз *Бартелеми* фигурировали в качестве секундантов Виллиха. *Техов* пишет Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям»:

«Они» (то есть Маркс и его сторонники) «выпустили своего рыцаря *Шрамма* против Виллиха, который его» (Техов хочет сказать: которого он) «осыпал грубейшей бранью и в заключение вызвал на дуэль» («Главная книга», стр. 156, 157).

Мое опровержение этой нелепой сплетни напечатано семь лет тому назад в цитированном выше памфлете *«Рыцарь благородного сознания»,* Нью-Йорк, 1853.

Тогда Шрамм еще был жив. Он, как и Виллих, находился в Соединенных Штатах.

Секундант Виллиха, Бартелеми, не был еще повешен; секундант Шрамма, славный польский офицер Мисковский, еще не сгорел, а г-н Техов еще не мог забыть своего циркулярного письма для «сообщения друзьям».

В названном памфлете имеется письмо моего друга *Фридриха Энгельса* от 23 ноября 1853 г. из *Манчестера,* в конце которого сказано:

«На заседании Центрального комитета, где между Шраммом и Виллихом дело дошло до вызова на дуэль[400], я» (Энгельс) «будто бы» (по словам Виллиха) «совершил преступление, «покинув комнату» вместе с Шраммом незадолго до этой сцены и, *следовательно, подготовив всю сцену.* Прежде Шрамма «натравливал» якобы *Маркс»* (по словам Виллиха) «теперь же, для разнообразия, в этой роли выступаю *я.* Дуэль между старым, опытным в обращении с пистолетом, прусским лейтенантом и коммерсантом, который, может быть, никогда не держал пистолета в руке, была поистине великолепным средством, чтобы «убрать с дороги» лейтенанта. Несмотря на это, друг Виллих повсюду рассказывал, — устно и письменно, — будто мы хотели, чтобы его застрелили... Шрамм просто был взбешен наглым поведением Виллиха и, к величайшему изумлению всех нас, вызвал его на дуэль. За несколько минут до того сам Шрамм, вероятно, не подозревал, что дело примет такой оборот. Трудно представить себе более непроизвольный поступок... Шрамм удалился» (из помещения, где заседали) «только по личной просьбе Маркса, желавшего избежать дальнейшего скандала.

Ф. Энгельс» («Рыцарь и т. д.», стр. 7)[401].

Насколько я, со своей стороны, далек был от того, чтобы считать *Техова* распространителем этой глупой сплетни, видно из следующего места того же самого памфлета:

«Первоначально, *как рассказывал мне и Энгельсу сам Техов после своего возвращения в Лондон,* Виллих был твердо убежден, что я намеревался через посредство Шрамма отправить благородного мужа на тот свет, и письменно распространил эту идею по всему миру. Но, по более зрелом размышлении, он решил, что мне с моей дьявольской тактикой не могло прийти в голову убрать его при помощи дуэли с Шраммом» (стр. 9 l. c.)[402].

То, о чем Техов сплетничает г-ну Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», он передает с чужих слов. *Карл Шаппер,* который при последовавшем позже расколе Союза встал на сторону Виллиха и был свидетелем сцены вызова на дуэль, пишет мне об этом следующее:

«5, Перси-стрит, Бедфорд-сквер,

27 сентября 1880 г.

Дорогой Маркс!

Относительно скандала между Шраммом и Виллихом следующее:

Скандал разыгрался на заседании Центрального комитета в результате жаркого спора, *случайно* завязавшегося между ними во время прений. Я отлично помню, что ты, со своей стороны, делал *все,* чтобы успокоить их и уладить дело, и был, по-видимому, столь же поражен этим внезапным взрывом, как я сам и остальные присутствовавшие при этом члены Центрального комитета.

Привет

Твой ***Карл Шаппер».***

В заключение напомню еще, что сам Шрамм через несколько недель *после* дуэли обвинял меня в письме от *31 декабря 1850 г.* в *пристрастии к Виллиху.* Неодобрение, которое Энгельс и я открыто высказывали ему по поводу дуэли как до, так и после нее, вызвало у него тогда раздражение. Это его письмо и другие полученные мною от него и Мисковского бумаги, касающиеся дуэли, могут быть просмотрены его родными. Публикации они не подлежат.

Когда Конрад Шрамм после своего возвращения из Соединенных Штатов в середине июля 1857 г. снова посетил меня в Лондоне, на его смелую, стройную юношескую фигуру уже наложила свою печать неизлечимая чахотка, которая в то же время, словно сиянием, окружала его характерную красивую голову. Со свойственным ему и никогда не покидавшим его юмором он прежде всего, смеясь, показал мне объявление о своей собственной смерти, напечатанное на основании слухов одним болтливым другом в одной нью-йоркской немецкой газете. По

совету врачей, Шрамм отправился в Сент-Элье, на остров Джерси, где мы с Энгельсом видели его в последний раз. Шрамм умер 16 января 1858 года. На его похоронах, собравших, всю либеральную буржуазию из Сент-Элье и всю проживавшую там эмиграцию, надгробную речь произнес *Дж. Джулиан Гарни,* один из лучших английских народных ораторов, известный прежде как вождь чартистов и бывший в дружеских отношениях с Шраммом во время его пребывания в Лондоне. Наряду с пылкой, смелой, пламенной натурой, никогда не поддававшейся заботам повседневности, Шрамм обладал критическим умом, оригинальной мыслью, тонким юмором и наивным добросердечием. Он был Перси Хотспер нашей партии.

Вернемся к письму г-на *Техова.* Несколько дней спустя после своего приезда в Лондон, поздно вечером, он имел продолжительное rendez-vous* с Энгельсом, Шраммом и мной в одном погребке, где мы угощали его. Это rendez-vous он и описывает в своем письме к Шиммельпфеннигу от 26 августа 1850 г. «для сообщения друзьям». Раньше я никогда его не встречал, а после этого видел, может быть, раза два, да и то лишь мельком. Однако он тотчас же сумел разглядеть меня и моих друзей, нашу голову, сердце и внутренности, и поспешил за нашей спиной послать в Швейцарию психологическое описание наших примет, заботливо рекомендуя «друзьям» тайно размножить его и распространить.

Техов много занимается моим «сердцем». Я великодушно не последую за ним в эту область. «Ne parlons pas morale»**, — как заявляет парижская гризетка, когда ее друг начинает говорить о политике.

Остановимся на один момент на адресате письма от 26 августа, бывшем прусском лейтенанте *Шиммельпфенниге.* Я не знаю лично этого господина и никогда его не видел. Я характеризую его на основании двух писем. Первое письмо *от 23 ноября 1853 г.*[403], приводимое мной только в выдержках, было прислано мне из *Честера* моим другом *В. Штеффеном,* бывшим прусским лейтенантом и преподавателем дивизионной школы. В нем говорится:

«Однажды Виллих прислал сюда» (в Кёльн) «одного адъютанта по имени *Шиммельпфенниг.* Последний оказал мне честь, пригласив меня к себе, и был твердо убежден, что наверняка может единым взглядом лучше оценить всю ситуацию, чем кто-либо другой, кто изо дня в день непосредственно следит за фактами. Поэтому у него сложилось весьма невысокое мнение обо мне, когда я ему сообщил, что офицеры прусской армии отнюдь не сочтут за счастье сражаться под его и Виллиха знаменем и вовсе

* — свидание. *Ред.*
** — «Не будем говорить о морали». *Ред.*

не склонны citissime* провозглашать виллиховскую республику. Еще больше он рассердился, когда не нашлось ни одного человека, столь неразумного, чтобы согласиться размножить привезенное им с собой воззвание к офицерам, которое призывало их тотчас же высказаться за «то», что он называл демократией.

В бешенстве покинул он *«порабощенный Марксом Кёльн»,* как он мне писал, однако, добился размножения этой дребедени в каком-то другом месте и разослал ее многим офицерам, в результате чего «Обозреватель» из «Kreuz-Zeitung» получил возможность проституировать целомудренную тайну этого хитроумного способа превращать прусских офицеров в республиканцев».

Во время этой авантюры я еще совсем не знал Штеффена, он приехал в Англию лишь в 1853 году. Еще ярче характеризует себя сам *Шиммельпфенниг* в приводимом ниже письме к тому самому *Хёрфелю,* который позже был разоблачен как французский полицейский агент. Хёрфель являлся душой революционного комитета, основанного в Париже в конце 1850 г. Шиммельпфеннигом, Шурцем, Хефнером и другими тогдашними друзьями *Кинкеля,* и был закадычным приятелем обоих матадоров, Шурца и Шиммельпфеннига.

Шиммельпфенниг — Хёрфелю (в Париж, 1851 г.):

«Здесь» (в Лондоне) «произошло теперь следующее... Мы написали туда» (в Америку) «всем нашим влиятельным знакомым по поводу подготовки почвы для займа» (кинкелевского займа), «рекомендуя им прежде всего *в течение известного времени выступать лично и в печати о мощи заговорщических организаций* и указывать на то, что активные силы *как* немецкие и французские, *так* и итальянские, *никогда* не покинут поля битвы». (Разве история *не* имеет *никакой* даты?**) ... *«Наша работа идет теперь хорошо.* Когда бросаешь слишком упрямых людей, то они идут на уступки и охотно принимают поставленные им условия. Завтра, после того как *работа* уже налажена и прочно поставлена, я свяжусь с Руге и Хаугом ... *Мое общественное положение, как и твое, очень тяжелое.* **Крайне необходимо скорее дать ход нашему делу**». (То есть делу с кинкелевским революционным займом.)

Твой ***Шиммельпфенниг»***.

Это письмо Шиммельпфеннига находится в опубликованных *А. Руге* в «Herold des Westens» (Луисвилл, 11 сентября 1853 г.) «Разоблачениях». Шиммельпфенниг, который ко времени опубликования этих «Разоблачений» уже находился в Соединенных Штатах, никогда не отрицал подлинности этого письма. «Разоблачения» Руге составляют перепечатку документа: *«Из архива берлинского полицейского управления».* Документ состоит из

* — самым поспешным образом. *Ред.*

** Маркс, высмеивая неправильное грамматическое построение предыдущей фразы Шиммельпфеннига. в скобках приводит слегка перефразированные им слова реакционного депутата франкфуртского Национального собрания князя Лихновского, который на одном из заседаний сказал: «Fur das historische Recht gibt es *kein* Datum *nicht»* (для исторического права не существует никакой даты), то есть употребил недопустимое в немецком языке двойное отрицание (ср. настоящее издание, том 5. стр. 375). Аналогичную ошибку допустил Шиммельпфенниг. *Ред.*

хинкельдеевских заметок на полях и бумаг, которые либо были захвачены французской полицией у Шиммельпфеннига и Хёрфеля в Париже, либо «разысканы» [aufgestiebert] у пастора Дулона в Бремене, либо, наконец, во время войны мышей и лягушек между Агитационным союзом Руге и Эмигрантским союзом Кинкеля[404] были доведены самой враждующей братией конфиденциально до сведения немецко-американской прессы. Характерна ирония, с которой Хинкельдей рассказывает, как поспешно Шиммельпфенниг оборвал свою поездку по Пруссии для пропаганды идеи кинкелевского революционного займа, *«вообразив,* что его преследует полиция». В тех же «Разоблачениях» имеется письмо *Карла Шурца,* «представителя парижского комитета» (то есть Хёрфеля, Хефнера, Шиммельпфеннига и т. д.) «в Лондоне», где сказано:

«Вчера находящимися здесь эмигрантами решено было привлечь к переговорам Бухера, д-ра Франка, Редза из Вены и *Техова,* который скоро будет здесь. N. B. *Техову об этом решении нельзя пока сообщать ни в устной, ни в письменной форме* до его приезда сюда» *(К. Шурц* «милым людям» в Париж, *Лондон, 16 апреля 1851 года).*

Одному из этих «милых людей», г-ну *Шиммельпфеннигу, Техов* адресует свое письмо от 26 августа 1850 г. для «сообщения друзьям». Прежде всего он сообщает «милому человеку» тщательно скрываемые мной теории, которые он, однако, немедленно выведал у меня во время нашей единственной встречи с помощью пословицы: «in vino veritas»*.

«Я», — рассказывает г-н Техов г-ну Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», — «я... заявил под конец, что я их» (Маркса, Энгельса и др.) *«всегда* **представлял** *себе стоящими выше абсурдной идеи о благодатном коммунистическом стойле* a la Кабе» и т. д. («Главная книга», стр. 150).

Представлял! Таким образом, Техов, не *зная* даже азбуки наших взглядов, был настолько великодушен и снисходителен, что *представлял* себе их не совсем как «абсурд».

Не говоря уже о научных работах, если бы он только прочел «Манифест Коммунистической партии», который он ниже называет моим «катехизисом пролетариев», то он нашел бы там подробный раздел, озаглавленный: «Социалистическая и коммунистическая литература», и в конце его параграф: «Критически-утопический социализм и коммунизм», где сказано:

«Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией,

* — «истина в вине». *Ред.*

изображенный нами выше. Изобретатели этих систем, правда, видели противоположность классов, так же как и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видели на стороне пролетариата никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения. Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они точно так же не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, *которые создали бы эти условия.* Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место *исторических* условий освобождения — *фантастические* условия, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс — *организация общества по придуманному ими рецепту.* Дальнейшая история всего мира сводится для них к *пропаганде и практическому* осуществлению их общественных планов... Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию... Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты и все еще *мечтают* об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании внутренних колоний [Home-colonies], об устройстве *маленькой Икарии*[*] — карманного издания нового Иерусалима» («Манифест Коммунистической партии», 1848, стр. 21, 22)[405].

В последних словах Икария *Кабе,* — или, как ее называет Техов, «благодатное стойло», — прямо названа «карманным изданием нового Иерусалима».

Признанное Теховым абсолютное незнакомство со взглядами, высказанными Энгельсом и мной в печати за много лет до нашей встречи с ним, полностью объясняет его заблуждение. Для *его* собственной характеристики приведем некоторые примеры.

«Он» (Маркс) «насмехается над дураками, которые машинально повторяют за ним его катехизис пролетариев, и над коммунистами a la Виллих, как и над буржуа. Единственно кого он уважает, — это *аристо-*

[*] Фаланстерами назывались социалистические колонии, которые проектировал Фурье; Икарией Кабе называл свою утопическую страну, а позднее свою коммунистическую колонию в Америке. *(Примечание Энгельса к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 г.)*

Home-colonies (колониями внутри страны) Оуэн называл свои образцовые коммунистические общества. Фаланстерами назывались общественные дворцы, которые проектировал Фурье. Икарией называлась утопически-фантастическая страна, коммунистические учреждения которой описывал Кабе. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 г.)*

кратов, но настоящих, знающих себе цену. *Чтобы лишить их господства,* ему нужна сила, которую он находит только в пролетариате; *поэтому он выкроил свою систему с расчетом на эту силу»* («Главная книга», стр. 152).

Итак, Техов «представляет» себе, что я сочинил «катехизис пролетариев». Он имеет в виду «Манифест», в котором подвергнут критике и — если угодно Техову — «высмеян» социалистический и критический утопизм всех сортов. Но это «высмеивание» было не так уж просто, как он это себе «представляет», и потребовало порядочной затраты труда, что он мог бы увидеть из моей книги против Прудона «Нищета философии» (1847 г.)[406]. Техов «представляет» себе далее, что я «выкроил» *«систему»,* между тем как я, наоборот, даже в предназначенном непосредственно для рабочих «Манифесте» отверг *все* системы и поставил на их место «критическое понимание условий, хода и общих результатов действительного общественного движения»[407]. Но подобное «понимание» нельзя машинально повторять за кем-нибудь или «выкроить», как какой-нибудь патронташ. Необычайно наивен взгляд на взаимоотношения между аристократией, буржуазией и пролетариатом, в том виде как Техов себе это «представляет» и мне *подсовывает.*

Аристократию я «уважаю», над буржуазией «насмехаюсь», а для пролетариев «выкраиваю систему», чтобы с их помощью «лишить господства» аристократию. В первом разделе «Манифеста», озаглавленном «Буржуа и пролетарии» (см. «Манифест», стр. 11)[408], подробно объясняется, что экономическое, а, значит, в той или иной форме, и политическое *господство буржуазии* есть основное условие как существования современного пролетариата, так и создания «материальных условий его освобождения». «Вообще развитие современного пролетариата (см. «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», январь 1850, стр. 15) обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь *при ее господстве* приобретает он широкое национальное существование, способное поднять его революцию до общенациональной, лишь при ее господстве он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобождения. Лишь *ее господство* вырывает материальные корпи феодального общества и выравнивает почву, на *которой единственно возможна пролетарская революция»*[409]. Поэтому я в том же самом «Revue» объявляю всякое пролетарское движение, в котором не участвует Англия, «бурей в стакане воды»[410]. Энгельс развил те же самые взгляды уже в 1845 г. в своей работе «Положение рабочего класса в Англии»[411]. Следовательно, в странах, где аристократия в континентальном смысле, — а так именно и понимал Техов «аристократию», — еще только

должна быть «лишена господства», согласно моим взглядам, отсутствует первая предпосылка пролетарской революции, а именно *промышленный пролетариат* в национальном масштабе.

В частности, мой взгляд на отношение немецких рабочих к движению буржуазии Техов нашел в очень определенной форме в «Манифесте». «В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства. Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом» и т. д. («Манифест», стр. 23)[412]. Привлеченный к буржуазному суду присяжных в Кёльне по обвинению в «мятеже», я сделал заявление в том же духе: «В современном буржуазном обществе существуют еще *классы,* но нет больше *сословий.* Его развитие заключается в борьбе этих классов, но последние объединяются между собой против сословий и их королевской власти божьей милостью» *(«Два политических процесса.* Слушались в феврале в суде присяжных в Кёльне», 1849, стр. 59)[413].

Чем другим были призывы либеральной буржуазии к пролетариату с 1688 до 1848 г., как не «выкраиванием систем и фраз», чтобы *его* силами лишить господства аристократию. Самое существенное, что извлекает г-н Техов из моей тайной теории, было бы таким образом *самым заурядным буржуазным либерализмом!* Tant de bruit pour une omelette![*] Но так как Техов, с другой стороны, все же знал, что «Маркс» не буржуазный либерал, то ему ничего не оставалось, как «вынести впечатление, что цель всей деятельности Маркса — его личное господство». «Вся моя деятельность», — какое скромное выражение для моей единственной беседы с г-ном Теховым!

Техов поверяет далее своему Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», что я высказал следующий чудовищный взгляд:

> «В конце концов, совсем не важно, если погибнет жалкая Европа, что **в скором времени** должно произойти при отсутствии социальной революции, и если тогда Америка будет эксплуатировать старую систему за счет Европы» («Главная книга», стр. 148).

Моя беседа с Теховым происходила в конце августа 1850 года. В февральском выпуске 1850 г. «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», — следовательно, за восемь месяцев *до того,* как Техов выведал у меня этот секрет, — я открыл немецкой читающей публике следующее:

[*] — Сколько шума из-за яичницы! *Ред.*

«Мы переходим теперь *к Америке.* Самым важным событием здесь, еще более важным, чем февральская революция, является открытие калифорнийских золотых приисков. Уже теперь, спустя всего восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем даже открытие Америки... Во второй раз мировая торговля получает новое направление... И тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море. Единственным условием, при котором европейские цивилизованные страны смогут не впасть *тогда* в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, в какой в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия, является социальная революция» и т. д. («Revue», второй выпуск, февраль 1850, стр. 77)[414].

Слова о «гибели *в скором времени»* старой Европы и восшествии на следующий же день Америки на трон принадлежат только г-ну Техову. Насколько ясно я представлял себе тогда ближайшее будущее Америки, видно из следующего места той же «Revue»: «Очень скоро здесь разовьется *чрезмерная спекуляция,* и если даже английский капитал массами устремится туда же, тем не менее *Нью-Йорк* на этот раз останется центром всей этой спекуляции и первым, как и в 1836 г., испытает крах» (двойной выпуск «Revue», май — октябрь 1850, стр. 149)[415]. Этот прогноз для Америки, сделанный мной в 1850 г., целиком подтвердился большим торговым кризисом 1857 года. О «старой Европе», после описания ее экономического подъема, я, напротив, сказал: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, — о действительной революции не может быть и речи... Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к революции; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений *в данный момент* так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна.* Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и *все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов.* Новая революция возможна только вслед за кризисом» (стр. 153 l. c.)[416].

Действительно, европейская история только со времени кризиса 1857 — 1858 гг. снова приняла острый и, если угодно,

революционный характер. Действительно, как раз в период реакции 1849 — 1859 гг. промышленность и торговля развивались на континенте в неслыханных доселе размерах, а вместе с ними росла материальная основа политического господства буржуазии. Действительно, в течение этого периода «все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократии» разбивались об экономические отношения.

Техов, понявший как шутку серьезную часть нашей беседы, тем серьезнее отнесся к шутке. С торжественнейшим видом человека, приглашающего на похороны, просвещает он своего *Шиммельпфеннига* «для сообщения друзьям»:

«Далее *Маркс* сказал: В революциях офицеры — самый опасный элемент. От Лафайета до Наполеона — цепь предателей и предательств. *Кинжал и яд надо всегда держать для них наготове»* («Главная книга», стр. 153).

Избитую истину о предательствах «господ военных» даже сам Техов не сочтет моей оригинальной мыслью. Оригинальность заключалась, очевидно, в требовании всегда держать «кинжал и яд» наготове. Неужели же Техов не знал уже тогда, что истинно революционные правительства, как, например, Comite de salut public[417], держали наготове хотя и весьма сильно действующие, однако, менее мелодраматические средства для «господ военных»? Кинжал и яд могли в лучшем случае годиться для какой-нибудь венецианской олигархии. Если бы Техов перечитал внимательно собственное письмо, то в словах «кинжал и яд» он вычитал бы иронию. Сообщник *Фогта,* известный бонапартистский **mouchard*** **Эдуар Симон,** переводит в «Revue contemporaine» (XIII, Париж, 1860, стр. 528, в своей статье «Процесс г-на Фогта и т. д.») вышеприведенное место из письма Техова, сопровождая его следующим примечанием:

«*Marx* n'aime pas beaucoup voir des officiers dans *sa bande.* Les officiers sont trop dangereux dans les revolutions.

Il faut toujours tenir prets pour eux le poignard et le poison!

Techow, qui est officier, se le tient pour dit; il se rembarque et retourne en Suisse»**.

Бедный Техов, в изложении *Эдуара Симона,* так сильно пугается «кинжала и яда», которые я держу наготове, что тут

* — шпион. *Ред.*

** — «Маркс не очень любит, чтобы в *его банде* были офицеры. В революциях офицеры слишком опасный элемент.

Кинжал и яд надо всегда держать для них наготове?

Техов, сам офицер, намотал себе это на ус; он сел на пароход и вернулся в Швейцарию». *Ред.*

же немедленно срывается, садится на пароход и возвращается в Швейцарию. А имперский Фогт перепечатывает место о «кинжале и яде» жирным шрифтом, чтобы нагнать страху на немецкое филистерство. Этот же потешный человек пишет, однако, в своих так называемых *«Исследованиях»:*

«Нож и яд испанца сверкают теперь новым невиданным блеском — ведь дело шло о независимости нации» (стр. 79 1. с.).

Между прочим: испанские и английские источники по истории периода 1807 — 1814 гг. давно уже опровергли выдуманные французами сказки про яды. Но для трактирных политиков они, естественно, остаются во всей неприкосновенности.

Перехожу, наконец, к «сплетням» в письме Техова и покажу на некоторых примерах его историческое беспристрастие.

«Сперва речь шла о конкуренции между ними и нами, между Швейцарией и Лондоном. *Они должны были, по их словам, охранять права старого Союза,* который ввиду своей определенной партийной позиции не мог, разумеется, дружелюбно относиться к другому союзу, существующему наряду с ним *в той же* сфере (пролетариат)» («Главная книга», стр. 143).

Конкурирующая организация в Швейцарии, о которой говорит здесь Техов и в качестве представителя которой он, до некоторой степени, выступал против нас, это — вышеупомянутая *«Революционная централизация».* Ее Центральный комитет находился в Цюрихе; председателем, возглавлявшим ее, был один адвокат, бывший вице-председатель одного из крохотных парламентов 1848 г. и бывший член одного из немецких временных правительств 1849 года*. В *июле 1850 г. Дронке* приехал в Цюрих, где г-н адвокат предложил ему, как члену лондонского Союза, «для сообщения» мне своего рода нотариальный договор. В нем буквально сказано:

«Принимая во внимание необходимость объединения всех подлинно революционных элементов и признание пролетарского характера ближайшей революции всеми членами революционного Центрального комитета, хотя не все они могли безусловно присоединиться к выдвинутой в Лондоне программе («Манифест», 1848 г.), — Союз коммунистов и «Революционная централизация» договорились между собой о следующем:

1) Обе стороны соглашаются в дальнейшем работать рядом: «Революционная централизация» — подготовляя ближайшую революцию путем объединения *всех* революционных элементов, лондонское Общество — подготовляя господство пролетариата путем организации *преимущественно пролетарских элементов;*

2) «Революционная централизация» предписывает своим агентам и эмиссарам, чтобы они, при образовании секций в Германия, обращали внимание членов, которые представляются им подходящими для вступления

* — Чирнер. *Ред.*

в Союз коммунистов, на наличие организации, учрежденной преимущественно в пролетарских интересах;

3) и 4) Что касается Швейцарии, то руководство будет предоставлено только *действительным сторонникам* лондонского Манифеста в «революционном Центральном комитете». Обе стороны взаимно представляют одна другой отчеты».

Из этого находящегося еще в моих руках документа видно, что речь шла не о двух тайных обществах «в одной и той же сфере» (пролетариат), а о союзе между двумя обществами в *разных сферах* и с *различными тенденциями.* Из этого же документа явствует, что «Революционная централизация», наряду с осуществлением своих собственных целей, изъявляла готовность быть своего рода филиалом Союза коммунистов.

Предложение это было отклонено, так как принятие его было несовместимо с «принципиальным» характером Союза.

«Затем дошла очередь до *Кинкеля*... На это они ответили... За дешевой популярностью они никогда не гнались, — наоборот! Что касается Кинкеля, то они от всей души оставили бы ему его дешевую популярность, если бы он только сидел смирно. Но после того, как он напечатал в берлинской «Abend-Post» эту раштаттскую речь, мир с ним стал невозможен. Они заранее знали, что со всех сторон поднимутся вопли, и ясно представляли себе, что тем самым ставили на карту существование своего теперешнего органа» («Revue der Rheinischen Zeitung»). «Их опасения оправдались, они из-за этой истории разорились, потеряли всех своих подписчиков в Рейнской провинции и должны были дать погибнуть своему органу. Но это для них не важно» (стр. 146 — 148 1. с.).

Во-первых, фактическая поправка: «Revue» тогда еще не прекратило своего существования, и три месяца спустя вышел в свет новый, двойной, выпуск журнала; ни *одного подписчика* из Рейнской провинции мы также не потеряли, это может засвидетельствовать мой старый друг *И. Вейдемейер,* бывший прусский артиллерийский лейтенант, в то время редактор «Neue Deutsche Zeitung»[418] во Франкфурте, любезно собиравший для нас подписные деньги. Впрочем, Техов, лишь понаслышке знавший о моей и Энгельса литературной деятельности, должен был, по меньшей мере, прочитать критикуемую им самим нашу критику речи Кинкеля. Зачем же его доверительное сообщение «милым людям» в Швейцарию? Зачем «разоблачать» перед ними то, что мы за пять месяцев до того уже разоблачили перед читающей публикой? В упомянутой критике буквально сказано:

«Мы знаем заранее, что вызовем всеобщее негодование сентиментальных лжецов и демократических фразеров тем, что разоблачим перед нашей партией эту речь «плененного» Кинкеля, Это нам совершенно безразлично. Нашей задачей яв-

ляется беспощадная критика... придерживаясь этой нашей позиции, *мы охотно отказываемся от дешевой популярности среди демократов.* Нашим нападением мы нисколько не ухудшаем положения г-на Кинкеля; *разоблачением мы подводим его под амнистию*, подтверждая его признание, что он не является тем человеком, за которого его выдают, и заявляя, что он достоин не только амнистии, но даже зачисления на прусскую государственную службу. К тому же его речь уже опубликована» («Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», *апрель* 1850, стр. 70, 71)[419].

Техов говорит, что мы «компрометируем» petits grands hommes* революции. Однако он понимает это «компрометирование» не в *полицейском* смысле г-на Фогта. Он, наоборот, имеет в виду операцию, при помощи которой мы содрали неподобающий покров с овец, рядившихся в революционные волчьи шкуры; мы предохранили их, таким образом, от участи знаменитого провансальского трубадура, растерзанного собаками, поверившими в волчью шкуру, в которой он отправился на охоту.

Как на пример предосудительного характера наших нападок, Техов указывает, в частности, на случайные замечания о генерале *Зигеле* в работе Энгельса «Кампания за имперскую конституцию» (см. «Revue», март 1850, стр. 70 — 78)[420].

Но пусть сравнят документально обоснованную критику Энгельса со злостной, пустой болтовней о том же самом генерале *Зигеле,* которую напечатал, примерно год спустя после нашей встречи с Теховым, руководимый Теховым, Кинкелем, Виллихом, Шиммельпфеннигом, Шурцем, Г. Б. Оппенхеймом, Эдуардом Мейеном и др. лондонский Эмигрантский союз и напечатал только потому, что Зигель примыкал к Агитационному союзу Руге, а не к Эмигрантскому союзу Кинкеля.

В балтиморском «Correspondent», бывшем в то время своего рода «Moniteur»[421] Кинкеля, от *3 декабря 1851 г.* в статье под заглавием *«Агитационный союз в Лондоне»* мы находим следующую характеристику *Зигеля:*

«Посмотрим далее, кто же эти достойные люди, которым все остальные представляются *«незрелыми политиками». Вот главнокомандующий Зигель.* Если бы спросить музу истории, каким образом это бесцветное ничтожество добралось до верховного командования, она пришла бы в еще большее замешательство, нежели в случае с недоноском Наполеоном. Последний, по крайней мере, «племянник своего дяди», Зигель только «брат своего брата». Брат его стал популярным офицером благодаря своим резким антиправительственным высказываниям, кои были вызваны частыми арестами, которым он подвергался за самый *обыкновенный разврат.*

* — маленьких великих людей. *Ред.*

Молодой Зигель счел это *достаточным основанием* для того, чтобы в период первого замешательства, наступившего в момент революционного восстания, провозгласить себя главнокомандующим и военным министром. В баденской артиллерии, неоднократно доказывавшей свои превосходные качества, было достаточно более зрелых и достойных офицеров, перед которыми *молодой неоперившийся лейтенант Зигель* должен был стушеваться и которые были немало возмущены, когда им пришлось подчиняться *неизвестному, столь же неопытному, сколь и бездарному юнцу.* Но здесь ведь оказался Брентано, достаточно слабый разумом и предательски настроенный, чтобы идти на все, что должно было погубить революцию. Да, как это ни смешно, но остается фактом, *что Зигель сам себя назначил главнокомандующим,* а Брентано признал его задним числом... Достопримечательно, во всяком случае, то, что в отчаянной, безнадежной битве под Раштаттом и в Шварцвальде Зигель бросил на произвол судьбы храбрейших солдат республиканской армии, не прислав им обещанного подкрепления, между тем как сам он разъезжал по Цюриху в эполетах князя Фюрстенберга и в его кабриолете, щеголяя в роли вызывающего интерес неудачливого полководца. Таково известное всем величие этого зрелого политика, который в «законном сознании» своих былых геройских подвигов во второй раз сам себя назначил главнокомандующим в Агитационном союзе. Таков наш великий *знакомый, «брат своего брата»».*

В интересах беспристрастия остановимся также немного на том, что говорит Агитационный союз Руге устами его представителя *Таузенау.* В открытом письме «Гражданину Зейденштикеру» от *14 ноября 1851 г.* из Лондона Таузенау отмечает, в частности, по поводу руководимого Кинкелем, Теховым и др. Эмигрантского союза:

«... Они выражают убеждение, что единение всех в интересах революции является патриотическим долгом и необходимостью. Немецкий Агитационный союз разделяет это убеждение, и члены его подтвердили это неоднократными попытками к единению с Кинкелем и его приверженцами. Но всякое основание для политического сотрудничества исчезало, едва только оно устанавливалось, и одни разочарования следовали за другими. Самовольное нарушение прежних соглашений, отстаивание сепаратных интересов под личиной миролюбия, систематический обман ради получения большинства, выступление неизвестных величин в качестве вождей и организаторов партии, попытки октроировать тайную финансовую комиссию и всякие закулисные махинации, как бы они там ни назывались, посредством которых незрелые политики всегда думали распоряжаться в изгнании судьбами родины, между тем как при первых же вспышках революции подобные тщеславные планы рассеиваются как дым... Сторонники Кинкеля публично и официально нападали на нас; **недоступная для нас реакционная немецкая печать** полна неблагоприятных в отношении нас и благоприятных в отношении Кинкеля корреспонденции; и, наконец, Кинкель поехал в Соединенные Штаты, чтобы, при помощи так называемого немецкого займа, который он там подготовлял, продиктовать нам объединение или, вернее, подчинение и зависимость, которые *имеет в виду всякий инициатор финансовых партийных слияний.* Отъезд Кинкеля держался в столь строгой тайне, что мы узнали о нем лишь тогда, когда прочитали в американских газетах о его прибытии в Нью-Йорк... Для серьезных революционеров, которые не преувеличивают своего значения, но в *сознании своих прежних заслуг* могут

с достоинством сказать, что *за ними,* по крайней мере, *стоят определенные слои народа,* эти факты и многое другое явились решающей причиной для вступления в союз, по-своему стремящийся служить интересам революции».

Далее Кинкель обвиняется в том, что собранная им сумма предназначается «одной только клике», как «это доказывает все его поведение здесь» (в Лондоне) «и в Америке», а также свидетельствует «большинство лиц, которых сам Кинкель выставил как своих поручителей».

А в заключение сказано:

«Мы не *обещаем* своим друзьям ни процентов, ни возврата их патриотических пожертвований, но мы знаем, что оправдаем их доверие положительными действиями» (реальным обслуживанием?) «и добросовестной отчетностью и *что впоследствии, когда мы опубликуем их имена, их ждет благодарность отечества»* («Baltimore Wecker» от 29 ноября 1851 года).

Такова была своего рода «литературная деятельность», которую развивали в течение трех лет в немецко-американской печати демократические герои Агитационного союза и Эмигрантского союза и в которую несколько позднее включился также основанный Гёггом Революционный союз Старого и Нового света (см. приложение 6).

Впрочем, эмигрантской склоке в американской печати положил начало бумажный турнир между парламентариями Цицем и Рёслером из Эльса.

Отмечу еще один характерный для «милых людей» Техова факт.

Шиммельпфенниг, адресат письма Техова «для сообщения друзьям», основал (как уже выше упомянуто) в конце 1850 г. вместе с Хёрфелем, Хефнером, Гёггом и другими (К. Шурц присоединился впоследствии) так называемый Революционный комитет в Париже.

Несколько лет тому назад мне было передано, с правом распоряжаться по усмотрению, письмо одного бывшего члена этого комитета проживающему здесь политическому эмигранту. Оно находится еще в моих руках.

В нем, в частности, сказано:

«Шурц и Шиммельпфенниг составляли весь комитет. Привлеченные ими в качестве своего рода созаседателей другие лица были только статистами. Эти два господина надеялись тогда поставить вскоре во главе дела в Германии своего Кинкеля, которого они полностью себе присвоили. Особенно ненавистны были им насмешки Руге, а также критика и демоническая деятельность Маркса. Во время одной из встреч со своими созаседателями эти господа дали нам поистине интересное изображение Маркса, внушив нам преувеличенное представление об угрожающей с его стороны сверхдьявольской опасности... Шурц и Шиммельпфенниг внесли

предложение *уничтожить* Маркса. *Лживые намеки и интриги,* **самая наглая клевета** были *рекомендованы* в качестве средств. Состоялось голосование, и было вынесено соответствующее постановление, если позволительно так называть эту детскую игру. Ближайшим шагом к выполнению этого постановления было опубликование в начале 1851 г. в *фельетоне* «Hamburger Anzeiger» характеристики Маркса, составленной *Л. Хефнером* на основании упомянутого выше описания Шурца и Шиммельпфеннига».

Во всяком случае, существует поразительное сродство между фельетоном Хефнера и письмом Техова, хотя ни одна из этих вещей не может сравниться с *фогтовской «Лаузиадой».* Не следует смешивать эту «Лаузиаду» с «Лузиадами» Камоэнса. Первоначальная *«Лаузиада»* — это, напротив, героически-комический эпос *Питера Пиндара*[422].

V
ИМПЕРСКИЙ РЕГЕНТ И ПФАЛЬЦГРАФ

Vidi un col capo si di merda lordo,
Che non parea s'era laico o cherco.
Quei mi sgrido: Perche se'tu si'ngordo
Di riguardar piu me, che gli altri brutti?

(Dante)[*]

Получив головомойку, *Фогт* ощущает сильную потребность доказать, почему именно он, как bete noire[**], привлек к себе взоры серной банды. Поэтому история с *Шервалем* и с «расстроенным заговором» на лозаннском Центральном празднестве дополняется столь же правдоподобным приключением с «беглым имперским регентом». Не надо забывать, что *Фогт* в свое время был губернатором парламентского острова Баратарии[423], Он рассказывает:

«С начала 1850 г. стал выходить журнал «Deutsche Monatsschrift» Колачека. Тотчас же после появления первого выпуска *серная банда издала через одного из своих членов, немедленно после того уехавшего в Америку,* памфлет под названием *«Беглый имперский регент Фогт с его кликой* и «Deutsche Monatsschrift» Адольфа Колачека». О памфлете было упомянуто и в «Allgemeine Zeitung»... Вся система серной банды снова проявляется в этом памфлете» (стр. 163 l. c.).

Следует пространный и нудный рассказ о том, как в названном памфлете беглому имперскому регенту Фогту «приписывается» анонимная статья о *Гагерне,* написанная профессором *Гагеном,* приписывается именно потому, что Гаген, как «знала серная банда»,

«жил в то время в Германии, терпел преследования от баденской полиции, и всякое упоминание о нем должно было причинять ему величайшие неприятности» (стр. 163).

Шили в письме из Парижа от 6 февраля пишет мне:

---

[*] Он испражненьями был с головой
Покрыт; не видно, поп он иль мирянин.
«Что, — крикнул он, — любуешься ты мной?
Чем хуже я другой такой же дряни?»
(Данте)

[«Божественная комедия», «Ад», песнь XVIII. У Маркса в сноске приведено в переводе Каннегиссера с указанием фамилии переводчика. *Ред.*]

[**] — жупел, предмет страха и ненависти (буквально: «черный зверь»). *Ред.*

«Если *Грейнер,* — никогда, насколько мне известно, не бывший в Женеве, — оказался зачисленным в серную банду, то это произошло из-за некролога, который он посвятил «беглому имперскому регенту»; автором некролога парламентарии считали *Д'Эстера* и проклинали его, пока я correspondendo* к одному другу и коллеге Фогта не вывел их из заблуждения».

Грейнер был членом временного правительства Пфальца. Правление Грейнера было *«сплошным* ужасом» (см. *«Исследования» Фогта,* стр. 28), в частности для моего друга *Энгельса,* которого он под вымышленным предлогом приказал арестовать в Кирхгеймболандене. Сам Энгельс подробно рассказал весь этот трагикомический эпизод в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» (февральский выпуск за 1850 г., стр. 53 — 55)[424]. И это все, что мне известно о г-не *Грейнере.* В том, что беглый имперский регент облыжно впутывает меня в свой конфликт с «пфальцграфом», «снова» проявляется «вся система», по которой этот даровитый изобретатель скомпановал жизнь и деятельность серной банды.

Что меня все же примиряет с ним, так это поистине фальстафовский юмор, с которым он заставляет пфальцграфа «немедленно» уехать в Америку. После того как пфальцграф выпустил, точно парфянскую стрелу, памфлет против «беглого имперского регента», Грейнера охватил ужас. Что-то гнало его из Швейцарии во Францию, потом из Франции в Англию. Он не почувствовал себя в безопасности и за Ла-Маншем, и его погнало дальше, в Ливерпуль, на пароход Кьюнардской компании; попав на него, он, задыхаясь, стал взывать к капитану: «Скорее через Атлантику!» А «stern mariner»** ответил ему:

«От *фогта* я насилий вас спасу!
Другой пусть вырвет из объятий бури»***.

* — в письме. *Ред.*
** — «суровый моряк». *Ред.*
*** Шиллер, «Вильгельм Телль», действие I, явление первое. *Ред.*

VI
ФОГТ И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

«Sin kumber was manecvalt»*

Фогт сам заявляет, что в «Главной книге» он «должен» (l. c., стр. 162) *«установить развитие своего личного отношения к этой клике»* (Марксу и компании). Но странно — он рассказывает лишь о конфликтах, которых никогда не переживал, а переживает только конфликты, о которых никогда не рассказывал. Поэтому я вынужден противопоставить его охотничьим историям немного подлинной истории. Если просмотреть комплект «Neue Rheinische Zeitung» (с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г.), то можно убедиться, что за весь 1848 г. имя Фогта — за одним-единственным исключением — не встречается ни в передовых статьях, ни в корреспонденциях газеты. Оно встречается только в ежедневных отчетах о парламентских дебатах, а франкфуртский составитель этих отчетов никогда не забывал, к великому удовольствию г-на Фогта, добросовестно упоминать об «аплодисментах», вызванных «произнесенными им речами». Мы видели, что в то время как правая Франкфуртского парламента имела в своем распоряжении объединенные силы такого арлекина, как *Лихновский,* и такого *клоуна,* как *фон Финке,* левая должна была довольствоваться изолированными фарсами одного *Фогта,* Мы понимали, что он нуждается в поощрении —

«that important fellow,
the children's wonder — Signor Punchinello»**,

и поэтому не мешали франкфуртскому корреспонденту продолжать свое дело. Перемена в тоне отчетов наступает после середины сентября 1848 года.

Фогт, который во время прений о перемирии в Мальмё своей хвастливой революционной болтовней подстрекал к восстанию, в решительный момент мешал, насколько это было

* — «Его тоска была многообразна». *Ред.*
** — *«важный* сей *пострел,* потешник детский — *синьор Пульчинелла». Ред.*

в его силах, принятию резолюций, вынесенных народным собранием на Пфингствайде и одобренных частью крайней левой[425]. Когда же баррикадные бои кончились неудачей, Франкфурт был превращен в военный лагерь и 19 сентября было объявлено осадное положение, тот же Фогт высказался за *немедленное обсуждение* предложения Захарие об одобрении принятых к тому времени имперским министерством мер и о выражении благодарности имперским войскам. До того, как *Фогт* поднялся на трибуну, даже *Венедей* высказался против *«немедленного обсуждения»* этих предложений, заявив, что подобные прения в такой момент несовместимы с достоинством собрания. Но Фогт *превзошел* Венедея. В наказание за это я прибавил в парламентском отчете к слову «Фогт» слово «болтун», лаконичный намек франкфуртскому корреспонденту.

В октябре того же года Фогт не только перестал размахивать погремушкой — что было его делом — над головами тогдашнего наглого и бешено-реакционного большинства. Он даже не решился подписать протест, внесенный 10 октября *Циммерманом* (от Шпандау) от имени почти 40 депутатов, против закона об охране Национального собрания[426]. Закон этот был, как правильно указывал Циммерман, самым бесстыдным нарушением народных прав, завоеванных мартовской революцией, — свободы собраний, слова и печати. Даже *Эйзенман* внес аналогичный протест. Но *Фогт превзошел Эйзенмана.* Когда же он позднее, при основании Центрального мартовского союза[427], снова стал важничать, имя его, наконец, появилось в одной статье «Neue Rheinische Zeitung» (номер от 29 декабря 1848 г.), в которой Мартовский союз изображен как «бессознательное орудие контрреволюции», его программа подвергнута уничтожающей критике, а *Фогт* представлен в виде одной половины двуликой фигуры, другую половину которой составляет *Финке.* Десять с лишним лет спустя оба «министра будущего» осознали свое родство и сделали *расчленение Германии* девизом своего единения.

То, что мы Мартовский союз расценили правильно, показало не только его дальнейшее «развитие». Гейдельбергский Народный союз, бреславльский Демократический союз, йенский Демократический союз и т. д. с презрением отвергли его навязчивые заигрывания, а те представители крайней левой, которые были членами Мартовского союза, своим заявлением от 20 апреля 1849 г. о выходе из него подтвердили нашу критику от 29 декабря 1848 года. Но Фогт, преисполненный спокойного душевного величия, решил сразить нас своим благородством, как это видно из следующей цитаты:

«Neue Rheinische Zeitung» № 243, Кёльн, 10 марта 1849 года. «Франкфуртский так называемый Мартовский союз так называемого «имперского собрания» имел наглость прислать *нам* следующее литографированное письмо:

«Мартовский союз постановил составить список *всех газет, предоставивших свои страницы* в наше распоряжение, и разослать его всем союзам, с которыми мы связаны, чтобы при содействии упомянутых союзов названным газетам оказывалось предпочтение в снабжении соответствующими *объявлениями.* Сообщая вам при сем этот список, *считаем излишним обращать ваше внимание на значение для газеты платных объявлений* как главного источника доходов всего предприятия. Франкфурт, конец февраля 1849 года.

Правление Центрального мартовского союза».

В приложенном *списке* газет, которые предоставили свои страницы в распоряжение Мартовского союза и которым сторонники Мартовского союза должны оказывать предпочтение в снабжении «соответствующими объявлениями», значится и «Neue Rheinische Zeitung», *к тому же еще* отмеченная *почетной звездочкой.* Настоящим заявляем, что страницы нашей газеты никогда не предоставлялись в распоряжение так называемого Мартовского союза... Поэтому если Мартовский союз в своем литографированном списке газет, действительно предоставивших свои страницы в его распоряжение, называет и нашу газету одним из своих органов, то это просто клевета на «Neue Rheinische Zeitung» и пошлое рекламирование Мартовского союза...

На грязное замечание жадных до барышей, подстегиваемых конкуренцией патриотов о значении для газеты платных объявлений как *источника доходов всего предприятия* мы, разумеется, отвечать не собираемся. «Neue Rheinische Zeitung» всегда отличалась от патриотов во всем и, в частности, в том, что она никогда не смотрела на политическое движение как на аферу или как на источник доходов»[428].

Вскоре после этого резкого отказа от предложенного Фогтом и компанией источника доходов на одном собрании этого центрального коммерческого союза* была слезливо упомянута «Neue Rheinische Zeitung» как образец «чисто немецкой розни». В конце нашего ответа на эту иеремиаду («Neue Rheinische Zeitung» № 248) Фогт назван «трактирным горланом провинциального университетского городка и *неудачным имперским Барро*»[429], Правда, тогда (15 марта) он еще не дошел

* Игра слов, основанная на созвучии: «Central-Marzverein» — «Центральный мартовский союз», «Central-Commerzverein» — «Центральный коммерческий союз». *Ред.*

в вопросе об императоре до апогея. Но мы уже раз навсегда составили себе представление о г-не Фогте и могли поэтому рассматривать как свершившийся факт его будущую измену, которая пока еще и для него самого не была ясна.

Впрочем, после этого мы предоставили Фогта и его компанию молодому, столь же остроумному, как и смелому *Шлёффелю,* который приехал в начале марта из Венгрии во Франкфурт и присылал нам оттуда отчеты о бурях в имперском лягушачьем болоте.

Между тем, Фогт пал так низко, — он сам, конечно, сделал для этого больше, чем «Neue Rheinische Zeitung», — что даже *Бассерман* осмелился на заседании от 25 апреля 1849 г. заклеймить его как *«отступника и ренегата».*

В результате своего участия в эльберфельдском восстании один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», *Ф. Энгельс,* вынужден был бежать[430], да и сам я вскоре был изгнан из Пруссии, после того как неоднократные попытки заставить меня в судебном порядке молчать потерпели неудачу в суде присяжных, а орган министерства государственного переворота, «Neue Preusische Zeitung»[431], неоднократно обличала «Чимборасо дерзости «Neue Rheinische Zeitung», в сравнении с чем бледнеет «Moniteur» 1793 года» (см. «Neue Rheinische Zeitung» № 299)[432]. Такой «Чимборасо дерзости» был вполне на месте в прусском городе-крепости и в такое время, когда победоносная контрреволюция пыталась произвести впечатление своей бесстыдной жестокостью.

19 мая 1849 г. вышел последний номер «Neue Rheinische Zeitung» (красный номер). Пока газета еще выходила, Фогт терпел и молчал. И вообще когда какой-нибудь парламентарий заявлял протест, то делал это всегда в приличных выражениях, — примерно так:

«Милостивый государь, я не меньше ценю *резкую критику* вашей газеты из-за того, что *она одинаково строго следит за всеми партиями, и всеми лицами»* (см. № 219 от 11 февраля 1849 г., протест *Везендонка).*

Неделю спустя после закрытия «Neue Rheinische Zeitung» Фогт решил, наконец, что наступил момент воспользоваться долгожданным случаем и, прикрываясь щитом парламентской неприкосновенности, превратить накопившуюся за долгое время в глубине души его «материю» в «силу»[433]. Один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», *Вильгельм Вольф,* будучи заместителем, вошел вместо одного скончавшегося силезского депутата во Франкфуртское собрание, уже «находившееся в процессе разложения».

Чтобы понять описанную ниже сцену, разыгравшуюся на заседании парламента 26 мая 1849 г., нужно вспомнить, что в то время восстание в Дрездене и отдельные выступления в Рейнской провинции уже были подавлены, Баден и Пфальц находились под угрозой имперской интервенции, главная русская армия шла на Венгрию и, наконец, имперское министерство просто отменило все постановления Собрания. На повестке дня стояли два «Воззвания к немецкому народу»: одно было отредактировано Уландом и исходило от большинства, а другое — от принадлежавших к центру членов Комиссии тридцати[434]. Председательствовал на заседании дармштадтец *Рэ,* превратившийся потом в зайца* и тоже «отложившийся» от находившегося в процессе «полного разложения» Собрания, Цитирую по официальному стенографическому отчету (№№ 229, 228) заседания в соборе св. Павла[435].

Вольф (от Бреславля):

«Господа! Я записался в число ораторов, выступающих против составленного большинством и оглашенного здесь воззвания к народу, потому что считаю его совершенно несоответствующим настоящему положению, потому что нахожу его слишком слабым, пригодным разве в качестве статьи для ежедневных газет партии, составившей это воззвание, но не как обращение к немецкому народу. Так как только что было оглашено еще и другое воззвание, то я мимоходом замечу, что против него я высказался бы еще резче по причинам, на которых не считаю нужным здесь останавливаться. (Голос из центра: Почему же нет?) Я говорю только о воззвании большинства; в самом деле, оно составлено так умеренно, что даже г-н Бусс немного мог сказать против него, а это, конечно, худшая рекомендация для воззвания. Нет, господа, если вы хотите вообще иметь еще хоть какое-нибудь влияние на народ, вы должны говорить с ним не так, как вы говорите в воззвании; не о законности должны вы говорить, не о законной почве и т. п., а о незаконности, — так, как говорят правительства, как говорят *русские,* а под русскими я разумею пруссаков, австрийцев, баварцев, ганноверцев. (Волнение и смех.) Всех их я объединяю под одним общим названием — *русские.* (Большое оживление.) Да, господа, и в этом собрании представлены *русские.* Вы должны им сказать: «Точно так же, как вы становитесь на законную точку зрения, становимся на нее и мы. Это — точка зрения насилия, и разъясните кстати, что для вас законность состоит в том, чтобы пушкам русских противопоставить силу, противопоставить хорошо организованные боевые колонны. *Если вообще* нужно выпустить воззвание, то выпустите такое, в котором вы без всяких околичностей *объявите вне закона главного предателя народа — имперского правителя***. (Крики: к порядку! Оживленные аплодисменты на галереях.) *А также и всех министров.* (Волнение возобновляется.) О, вы не остановите меня; *он главный предатель народа».*

Председатель: «Я считаю, что г-н Вольф преступил и нарушил все грани дозволенного. Он не может называть *пред* **этим** *Собранием эрцгерцога — имперского правителя предателем народа,* и я должен поэтому

* Игра слов: Reh — фамилия, «Reh» — «косуля». *Ред.*

** — эрцгерцога Иоганна. *Рвд.*

призвать его к порядку. Одновременно я в последний раз призываю публику на галереях не вмешиваться в такой форме в наши дебаты».

Вольф: «Я, со своей стороны, принимаю призыв к порядку и заявляю, что я *хотел* нарушить порядок и *что он и его министры — предатели».* (Крики со всех сторон зала, возгласы: к порядку, это грубость!)

Председатель: «Я должен лишить Вас слова».

Вольф: «Хорошо, я *протестую;* я хотел говорить здесь от *имени народа* и сказать то, что *думают в народе.* Я протестую против всякого воззвания, составленного в таком духе». (Сильное возбуждение.)

Председатель: «Господа, позвольте мне на минуту взять слово. Господа, только что происшедший *случай,* могу сказать, — *первый с того времени, как здесь заседает парламент».* (Действительно, то был первый и *единственный случай* в этом дискуссионном клубе.) «Еще ни один оратор здесь не заявлял, что он умышленно хотел нарушить *порядок, основу* этого Собрания». *(Шлёффель* при подобном же призыве к порядку, на заседании 25 апреля, сказал: «Я принимаю этот призыв к порядку и делаю это тем охотнее, что, как я надеюсь, *скоро настанет время, когда это Собрание совсем по-иному будет призвано к порядку».)*

«Господа, я глубоко сожалею, что г-н Вольф, едва только ставший членом парламента, *дебютировал* таким образом» (Рэ рассматривает все дело как комедию). «Господа, я призвал его к порядку за то, что он позволил себе *грубо нарушить нашу обязанность оказывать необходимое уважение и внимание к особе имперского правителя».*

Заседание продолжается. Гаген и Захарие произносят длинные речи, один за воззвание большинства, другой против него. Наконец поднимается

Фогт (от Гиссена): «Господа! Разрешите мне сказать несколько слов, — я не стану вас утомлять. Совершенно верно, господа, что парламент теперь не *тот, каким* он *собрался* в прошлом году, и мы *благодарим небеса»* (Фогт с его «слепой верой» благодарит небеса!) «за то, что парламент *стал таким» [geworden wird]* (о да, *geworden wird!*[*]) «и что те люди, которые перестали верить в свой народ и в решительный момент предали дело его, расстались с Собранием! Господа, я *взял слово»* (значит, до сих пор благодарственные молитвы были только пустой болтовней), «чтобы защитить *кристально-чистый поток»* (защита потока), «который вылился из души поэта» (Фогт воодушевляется) «в это воззвание, против *недостойной грязи,* которую бросили в него *или* швырнули с целью преградить ему путь» (но ведь поток был уже поглощен воззванием), — «я сделал это, чтобы защитить эти *слова»* (поток превращается, как и все прочее у Фогта, в *слова)* «против *нечистот,* скопившихся в этом последнем движении и грозящих там все затопить и загрязнить. Да, господа! Это» (именно нечистоты) «и есть нечистоты *и* грязь» (нечистоты — это грязь!), «которую *таким образом»* (каким образом?) «бросают *на все, что только можно считать чистым,* и я выражаю свое *глубочайшее негодование»* (Фогт в глубочайшем негодовании, quel tableau![**]) «по поводу того, что *нечто подобное»* (что?) «могло случиться».

Что он ни скажет — грязь[***].

---

[*] Маркс высмеивает неправильную глагольную форму, употребленную Фогтом. *Ред.*

[**] — что за картина! *Ред.*

[***] Перефразированная строка из стихотворения Уланда «Проклятие певца» (у Уланда: «Что он ни скажет — бич»). *Ред.*

Вольф не произнес ни звука об *уландовской редакции* воззвания. Он, как дважды заявил председатель, был призван к порядку, он вызвал всю эту бурю тем, что объявил *имперского правителя и всех его министров предателями народа* и призывал парламент объявить их *предателями народа.* Но для Фогта «эрцгерцог-имперский правитель», «изношенный Габсбург» *(«Исследования» Фогта, стр. 28)* и *«все его министры»* — это *«все, что только можно считать чистым».* Он пел вместе с Вальтером фон дер Фогельвейде:

des fursten milte uz osterriche
froit dem suezen regen geliche
beidiu liute und ouch daz lant*.

Не находился ли Фогт уже тогда в «научных сношениях» с эрцгерцогом Иоганном, как он признался в этом позже? (см. «Главную книгу», Документы, стр. 25).

Десять лет спустя тот же Фогт заявил в своих «Исследованиях» на стр. 27:

«Во всяком случае, остается фактом, что Национальное собрание во Франции и его вожди так же недооценили в свое время способностей Луи-Наполеона, как вожди франкфуртского Национального собрания недооценили *способностей эрцгерцога Иоганна,* и что каждый из этих хитрецов в своей сфере *заставил дорого поплатиться за допущенную ошибку.* Но мы, конечно, далеки от того, чтобы поставить рядом обоих этих людей. Поразительная беззастенчивость и т. д. и т. д.» (Луи Бонапарта) — «все это свидетельствует о его значительном превосходстве над уже старым и изношенным Габсбургом».

На том же заседании *Вольф* передал *Фогту* через депутата Вюрта из Зигмарингена вызов на дуэль на пистолетах, а когда означенный Фогт решил сберечь свою шкуру для блага государства**, пригрозил ему физической расправой. Но когда *Вольф,* выходя из собора св. Павла, увидел Карла Смелого с двумя дамами по бокам, он громко рассмеялся и предоставил его своей судьбе. Хотя Вольф и — волк с волчьими зубами и сердцем, но он ягненок перед прекрасным полом. Единственной — и совершенно безобидной — местью с его стороны была статья в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» (апрельский

* — Австрии державный вождь,
Словно теплый вешний дождь,
Край и подданных ласкает. *Ред.*

** Кобес I рассказывает в упомянутом уже памфлете Якоба Венедея: «Когда на заседании в соборе св. Павла, на котором Гагерн обнял Габриеля Риссера после tuj речи об императоре. Карл Фогт с громкими восклицаниями и издевательским пафосом обнял депутата Циммермана, тогда я крикнул ему: «Оставь эти мальчишеские выходки». После этого Фогт счел нужным нанести мне оскорбление вызывающей руганью; когда же я потребовал от него удовлетворения, то он, после продолжительных хлопот одного друга, имел мужество взять оскорбление обратно» (стр. 21, 22 l. c.)

выпуск 1850 г., стр. 73) под названием *«Дополнительные сведения из империи»,* где об экс-имперском регенте говорится следующее:

«В эти критические дни члены Центрального мартовского союза проявили усердие. До ухода из Франкфурта они уже обратились к мартовским союзам и к немецкому народу с призывом: «Сограждане! Пробило одиннадцать часов!» Из Штутгарта они обратились с новым воззванием «к немецкому народу» о создании народной армии, — но стрелка центральномартовских часов стояла на прежнем месте или же цифра XII была в них выломана, как в часах на Фрейбургском соборе. Одним словом, в воззвании опять говорилось: «Сограждане! Пробило одиннадцать часов!» О, если бы этот час пробил раньше, по крайней мере тогда, когда центральномартовский герой *Карл Фогт,* к своему собственному удовлетворению и удовлетворению чествовавших его нытиков, прикончил в Нюрнберге* франконскую революцию[436]; о, если бы он бил тогда по вас и пробил вам головы!.. Регентство открыло свою канцелярию во фрейбургском правительственном здании. Регент *Карл Фогт,* бывший в то же время министром иностранных дел и возглавлявший ряд других министерств, принял и здесь очень близко к сердцу благо немецкого народа. После продолжительных занятий днем и ночью он разрешился вполне своевременным изобретением: *«паспортами имперского регентства».* Паспорта эти были несложные и красиво литографированные, получать их можно было даром столько, сколько душе угодно. У них был только один маленький недостаток: они имели силу только в канцелярии Фогта. Может быть, впоследствии тот или иной экземпляр найдет себе место в коллекции курьезных вещей какого-нибудь англичанина».

Вольф не последовал примеру Грейнера. Вместо того, чтобы «после появления» «Revue» «уехать немедленно в Америку», он еще в течение года ожидал в Швейцарии мести ланд-Фогта.

* Фогт оправдывал впоследствии свой нюрнбергский подвиг тем, что «у него не было гарантии в его личной безопасности».

VII
АУГСБУРГСКАЯ КАМПАНИЯ

Вскоре после того, как гражданин кантона Тургау[437] закончил свою Итальянскую войну, гражданин кантона Берн начал свою аугсбургскую кампанию.

«Там» (в Лондоне) «находилась уже *с давних пор марксова клика,* которая поставляла большую часть корреспонденций» (в «Allgemeine Zeitung»), *«а с 1849 г. поддерживала постоянные отношения с «Allgemeine Zeitung»»* (стр. 194 «Главной книги»).

Хотя сам Маркс живет в Лондоне лишь с конца 1849 г., а именно со времени своей второй высылки из Франции, но «марксова клика», по-видимому, *с давних пор* пребывает в Лондоне, и хотя марксова клика «с *давних пор* поставляла **бо<u>л</u>ьшую часть корреспонденций** в «Allgemeine Zeitung»», но только «с 1849 г. поддерживала» с ней *«постоянные* отношения». Во всяком случае, хронология Фогта распадается на два крупных периода, — именно, на период «с *давних пор»* до 1849 г. и на период с 1849 г. до «этого» года, и этому нечего удивляться, так как сей муж до 1848 г. «не думал еще о политической деятельности» (стр. 225 l. c.).

В 1842 — 1843 гг. я редактировал старую «Rheinische Zeitung»[438], которая вела войну не на жизнь, а на смерть с «Allgemeine Zeitung». В 1848 — 1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung» возобновила эту полемику. Что же остается для периода «с *давних пор до 1849* г.», кроме того факта, что Маркс «с *давних пор»* боролся с «Allgemeine Zeitung», в то время как Фогт в 1844 — 1847 гг. был ее «постоянным сотрудником»? (см. стр. 225 «Главной книги»).

Перейдем теперь ко второму периоду фогтовской всемирной истории:

Я, будучи в Лондоне, поддерживал «постоянные отношения с «Allgemeine Zeitung»», *«постоянно с* **1849 г.»,** так как «**с 1852 г.»** некий *Оли* был ее главным лондонским корреспондентом.

Правда, Оли *ни в каких* отношениях со мной ни до, ни после 1852 г. не был. Я его *никогда* в своей жизни не видел. Поскольку он вообще вращался среди лондонских эмигрантов, он был членом кинкелевского *Эмигрантского союза.* Но это нисколько не меняет дела, ибо:

«Прежним оракулом научившегося английскому языку старобаварца Альтенхёфора был мой» (Фогта) *«близкий земляк, белокурый Оли,* который на коммунистической основе *пытался достигнуть высших поэтических точек зрения в политике и литературе.* Сперва в Цюрихе, а с 1852 г.. в Лондоне он был главным корреспондентом «Allgemeine Zeitung» до тех пор, пока, наконец, не кончил тем, что попал в сумасшедший дом» (стр. 195 «Главной книги»).

Mouchard* Эдуар Симон романизирует эту фогтиаду следующим образом:

«En voici d'abord un qui de son point de depart communiste, avait cherche a s'elever aux plus hautes conceptions de la politique»**. («Высшие поэтические точки зрения в *политике»* оказались не по силам даже Эдуару Симону). «A en croire M. Vogt, cet adepte fut l'oracle de la Gazette d'Augsbourg jusqu'en 1852, epoque ou il mourut dans une maison de fous»*** («Revue contemporaine», т. XIII, стр. 529, Париж, 1860 г.).

«Operam et oleum perdidi»****, — может сказать Фогт о своей «Главной книге» и своем *Оли.* В то время как он сам заставляет своего «близкого земляка» посылать корреспонденции в «Allgemeine Zeitung» *из* Лондона с *1852 г.,* пока тот, «наконец, не кончает тем, что попадает в сумасшедший дом», Эдуар Симон говорит, что «если верить Фогту, то Оли был оракулом «Allgemeine Zeitung» *до 1852* г., когда он» (кстати, еще и теперь здравствующий) *«умер* в сумасшедшем доме».

Но Эдуар Симон знает своего Карла Фогта. Эдуар знает, что, если уж решиться «поверить» своему Карлу, то совершенно безразлично, во что поверить, в то ли, что он говорит, или же в обратное тому, что он говорит.

«Г-н Либкнехт», — говорит Карл Фогт, — «заменил его», именно *Оли,* «в качестве корреспондента «Allgemeine Zeitung»». «Только с тех пор, как Либкнехт был публично *провозглашен членом марксовой партии,* он был принят газетой «Allgemeine Zeitung» в корреспонденты» (стр. 169 1. с.).

---

* — шпион. *Ред.*

** — «Вот человек, который со своей исходной коммунистической точки зрения старался подняться до высших концепций в политике». *Ред.*

*** — «Если верить г-ну Фогту, этот адепт был оракулом «Аугсбургской газеты» до 1852 г., когда он умер в сумасшедшем доме». *Ред.*

**** — «Потеряла я задаром масло и труды свои» (Плавт. «Пуниец», акт. I, сцена вторая; реплика служанки, которая жалуется, что она напрасно натерлась благовонным маслом.) У Маркса игра слов, основанная на созвучии имени Ohly (Оли) и латинского слова oleum (масло). *Ред.*

Это провозглашение имело место во время кёльнского процесса коммунистов, то есть в *конце* 1852 года.

В действительности Либкнехт сделался весной 1851 г. сотрудником «Morgenblatt»[439] и писал туда о лондонской промышленной выставке. Через посредство «Morgenblatt» он в *сентябре 1855 г.* становится корреспондентом «Allgemeine Zeitung».

«Его» (Маркса) «товарищи не пишут ни строчки, о которой *он не был бы заранее поставлен в известность»* (стр. 194 1. с.).

Доказательство — простое: «он» (Маркс) «безоговорочно властвует над своими людьми» (стр. 195), в то время как Фогт безоговорочно повинуется своему Фази и К°. Мы здесь наталкиваемся на особенность фогтовского мифотворчества. Во всем у него гиссенский или женевский карликовый масштаб, горизонт маленького городка и аромат швейцарского кабачка. Наивно перенося бесхитростные, узко провинциальные нравы Женевы на мировой город Лондон, он не разрешает Либкнехту написать в Уэст-Энде «ни строчки», о которой я, в своем Хэмпстеде, за четыре мили оттуда, «не был бы заранее поставлен в известность». И такие же ла героньеровские услуги я оказываю ежедневно целому ряду других «товарищей», разбросанных по всему Лондону и пишущих во все концы мира. Какое вдохновляющее жизненное призвание и какое доходное!

Ментор Фогта, Эдуар Симон, знакомый, если не с лондонскими, то по крайней мере, с парижскими условиями, с неоспоримым художественным тактом придает столичный размах картине, нарисованной его неловким «деревенским другом».

«Marx, comme chef de la societe, ne tient pas lui-meme la plume, mais ses fideles n'ecrivent pas une ligne sans l'avoir consulte: *La Gazette d'Augsbourg* sera d'autant mieux servie» (стр. 529 l. с.). Итак: «Маркс, в качестве главы общества, *сам не пишет,* а друзья его не пишут ни строчки, предварительно не посоветовавшись с ним. Тем лучше обслуживается *«Аугсбургская газета»».*

Чувствует ли Фогт всю тонкость этой поправки? Я имел так же мало отношения к либкнехтовским корреспонденциям из Лондона в «Allgemeine Zeitung», как и к фогтовским корреспонденциям в нее из Парижа. Вообще же корреспонденции Либкнехта заслуживают только похвалы; это — критическое изображение *английской* политики, которую он освещал для «Allgemeine Zeitung» в том же духе, что и в одновременных корреспонденциях для радикальных немецко-американских газет. Сам Фогт, старательно перерывший ряд годовых комплектов «Allgemeine Zeitung» в поисках щекотливого материала

в либкнехтовских письмах, вынужден в своей критике их содержания ограничиться замечанием, что корреспондентский значок Либкнехта состоит из *«двух тонких, косо поставленных черточек»* (стр. 196 «Главной книги»).

Косое положение черточек доказывало, разумеется, что с корреспонденциями дело обстояло неблагополучно*. К тому же их *«тонкость»!* Пусть бы Либкнехт вместо двух «тонких черточек» изобразил в своем корреспондентском гербе по крайней мере два круглых жирных пятна! Если же в корреспонденциях нет никаких пороков, кроме «двух тонких, косо поставленных черточек», то остается сомнение, почему они вообще появились в «Allgemeine Zeitung». Но почему бы и не в «Allgemeine Zeitung»? Как известно, «Allgemeine Zeitung» печатает статьи самых различных точек зрения, по крайней мере, по таким нейтральным вопросам, как английская политика, и, кроме того, известна за границей как единственный немецкий орган более чем местного значения. Либкнехт мог спокойно писать лондонские письма в ту самую газету, в которую *Гейне* писал свои «Парижские письма», а *Фаллмерайер* свои «Восточные письма»[440]. Фогт сообщает, что в «Allgemeine Zeitung» сотрудничали и нечистоплотные личности. Сам он, как известно, сотрудничал в ней в 1844 — 1847 годах.

Что касается меня самого и *Фридриха Энгельса,* — я упоминаю Энгельса потому, что мы оба работаем по общему плану и по предварительному соглашению, — то в 1859 г. мы действительно вступили в некоторые «отношения» с «Allgemeine Zeitung». Именно, в январе, феврале и марте 1859 г. я поместил в «New-York Tribune» ряд передовых статей, где, между прочим, подверг подробной критике развиваемую «Allgemeine Zeitung» «теорию великой среднеевропейской державы» и ее утверждение, будто продолжение австрийского господства в Италии — в *интересах Германии*[441]. *Энгельс* незадолго до начала войны и с моего одобрения выпустил памфлет *«По и Рейн»,* Берлин, 1859, который был направлен специально против «Allgemeine Zeitung» и, выражаясь словами Энгельса (стр. 4 его брошюры *«Савойя, Ницца и Рейн»,* Берлин, 1860), доказывал, опираясь на военную науку, «что Германия для своей обороны не нуждается ни в одном клочке итальянской территории и что, если исходить только из военных соображений, то у Франции во всяком случае гораздо более основательные притязания на Рейн, чем у Германии на Минчо»[442]. Но эта полемика против «Allge-

* Игра слов: «schief» означает «косой», а также (и сочетании с некоторыми глаголами) «скверно», «неблагополучно». *Ред.*

meine Zeitung» и ее теории о необходимости основанного на насилии господства Австрии в Италии шла у нас рука об руку с полемикой против *бонапартистской* пропаганды. Я доказывал, например, подробно в «Tribune» (см., например, февраль 1859 г.), что финансовое и внутреннее политическое положение «Bas Empire» достигло критической точки и что только внешняя. война может продлить господство режима государственного переворота во Франции, а вместе с тем и господство контрреволюции в Европе[443]. Я показывал, что *бонапартовское* освобождение Италии только предлог, чтобы держать Францию в угнетении, подчинить Италию режиму государственного переворота, расширить «естественные границы» Франции в сторону Германии, превратить Австрию в орудие России и вовлечь народы в войну между легитимной и нелегитимной контрреволюцией. Все это произошло еще до того, как экс-имперский Фогт затрубил из Женевы.

После статьи Вольфа в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» (1850 г.) я вообще совершенно забыл о существовании «округленной натуры». Снова вспомнил я об этом забавном малом весной 1859 г., когда в один апрельский вечер Фрейлиграт дал мне прочесть письмо Фогта с приложенной к нему политической *«Программой»*[444]. Это не было нескромностью, ибо послание Фогта было предназначено «для сообщения» друзьям, — не Фогта, а адресата.

На вопрос, что я нахожу в «Программе», я ответил: «болтовню политикана». Я тотчас же снова узнал старого шутника по его просьбе к Фрейлиграту привлечь г-на *Бухера* в качестве корреспондента по политическим вопросам для женевской газеты, которую предполагали создать в целях пропаганды. Письмо Фогта было от 1 апреля 1859 года. Бухер, как известно, с января 1859 г. высказывал ,в своих корреспонденциях из Лондона в *берлинскую* «National-Zeitung» взгляды, абсолютно противоречившие «Программе» Фогта; но мужу «критической непосредственности» все кошки кажутся серыми.

После этого происшествия, которое я считал слишком мелким, чтобы кому-нибудь сообщать о нем, я получил фогтовские *«Исследования о современном положении Европы»,* жалкую книгу, не оставившую у меня никакого сомнения о связи его с бонапартистской пропагандой.

Вечером 9 мая 1859 г., на публичном митинге, устроенном Давидом Уркартом по поводу Итальянской войны, я находился на трибуне. Еще до начала митинга ко мне важно подошла какая-то мрачная фигура. По гамлетовскому выражению ее лица я тотчас же понял, что «гнило что-то в королевстве

датском»*. Это был homme d'etat** *Карл Блинд.* После нескольких вступительных фраз он заговорил об «интригах» Фогта и, выразительно тряся головой, стал уверять меня, что Фогт получает от бонапартовского правительства средства на свою пропаганду, что одного южногерманского писателя, которого он, «к сожалению», не может назвать мне, Фогт пытался подкупить, предложив ему 30000 гульденов, — трудно представить себе, какой южногерманский писатель стоит 30000 гульденов, — что и в Лондоне были попытки подкупа, что уже в 1858 г. в Женеве, во время свидания между Плон-Плоном, Фази и К°, обсуждался вопрос об Итальянской войне и русского великого князя Константина прочили в будущие короли Венгрии, что Фогт предлагал и ему (Блинду) принять участие в его пропаганде, что он имеет *доказательства* изменнической деятельности Фогта. Блинд вернулся потом на свое место в другом конце трибуны к своему другу Ю. Фрёбелю; митинг начался, и Д. Уркарт в подробной речи пытался показать, что Итальянская война — это результат русско-французских интриг***.

К концу митинга ко мне подошел д-р *Фаухер,* редактор иностранного отдела «Morning Star», органа манчестерской

---

* Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена четвертая. *Ред.*

** — государственный муж. *Ред.*

*** Нападки «марксовой клики» на *лорда Пальмерстона* Фогт объясняет, разумеется, моей враждой к его самодовольной особе и его «друзьям» («Главная книга», стр. 212). Поэтому уместно будет коснуться здесь вкратце моего отношения к Д. Уркарту и его партии. Сочинения Уркарта о России и против Пальмерстона заинтересовали меня, но не убедили,. Чтобы прийти к определенным взглядам по этому вопросу, я подверг тщательному анализу «Парламентские дебаты Хансарда» и дипломатические Синие книги[445] за 1807 — 1850 годы. Первым плодом этого изучения был ряд передовых статей в «New-York Tribune» (в конце 1853 г.), в которых на основании переговоров Пальмерстона с Польшей, Турцией, Черкесией и т. д. я доказывал его связь с петербургским кабинетом. Вскоре после того я перепечатал эти статьи в редактировавшемся Эрнестом Джонсом чартистском органе «People's Paper», прибавив к ним новые разделы о деятельности Пальмерстона[446]. Между тем, и газета «Glasgow Sentinel» перепечатала одну из этих статей *(«Пальмерстон и Польша»*[447]*),* обратившую на себя внимание г-на Д. Уркарта. В результате нашей встречи с ним он склонил г-на Такера в Лондоне к мысли выпустить часть этих статей в виде брошюр. Эти брошюры против Пальмерстона разошлись потом в различных изданиях в количестве 15 — 20 тыс. экземпляров. Под впечатлением моего анализа Синей книги о падении Карса — он появился в лондонской чартистской газете (апрель 1856 г.) — шеффилдский *Комитет по иностранным делам* прислал мне благодарственное письмо (см. приложение 7)[448]. При просмотре находящихся в Британском музее дипломатических рукописей я нашел ряд английских документов, которые относятся к периоду от эпохи Петра Великого до конца XVIII столетия и обнаруживают постоянное тайное сотрудничество лондонского и петербургского кабинетов, причем эпоха Петра Великого представляется начальным моментом этих отношений. Из подробной работы на эту тему я опубликовал пока лишь введение под названием: «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». Оно появилось в двух уркартовских органах, — сперва в «Sheffield Free Press», а потом в лондонской «Free Press»[449]. В лондонской «Free Press» я, со времени ее основания, помещал от случая к случаю статьи. Отсюда ясно, что Пальмерстоном и англо-русской дипломатией вообще я занимался, нисколько не догадываясь, что за лордом Пальмерстоном стоит г-н Карл Фогт.

школы[450], и сообщил мне следующее: только что появился новый немецко-лондонский еженедельник «Volk»; издававшаяся г-ном *А. Шерцером* и редактировавшаяся *Эдгаром Бауэром* рабочая газета «Neue Zeit» погибла в результате интриги *Кинкеля,* издателя «Hermann»[451]; узнав об этом, *Бискамп,* бывший до сих пор корреспондентом «Neue Zeit», оставил место учителя на юге Англии, чтобы противопоставить в Лондоне газете «Hermann» газету «Volk». Просветительное общество немецких рабочих и некоторые другие лондонские общества поддерживают эту газету, которая, естественно, как и все подобные ей рабочие газеты, редактируется и составляется безвозмездно. Сам он, Фаухер, хотя и чужд как фритредер тенденций «Volk», не желает терпеть никакой монополии в немецкой лондонской печати и поэтому основал вместе с несколькими своими знакомыми в Лондоне финансовый комитет для поддержки газеты. Бискамп обратился уже письменно с просьбой о литературном сотрудничестве к лично незнакомому ему до сих пор Либкнехту и т. д. В заключение Фаухер предложил мне принять участие в газете «Volk».

Хотя Бискамп жил в Англии с 1852 г., мы до сих пор не были с ним знакомы. На следующий день после уркартовского митинга Либкнехт привел его ко мне. Предложение писать в «Volk» я вначале отклонил из-за недостатка времени, но обещал попросить своих немецких друзей в Англии помогать газете подпиской на нее, денежными взносами и литературным участием. В ходе беседы мы заговорили об уркартовском митинге, а затем перешли к Фогту, с «Исследованиями» которого Бискамп был уже знаком и оценивал их по достоинству. Я сообщил ему и Либкнехту содержание фогтовской «Программы» и блиндовских разоблачений, заметив, однако, относительно последних, что южногерманцы любят сгущать краски. К своему изумлению, во втором номере «Volk» (14 мая) я увидел статью под заглавием: «Имперский регент в качестве имперского предателя» (см, «Главную книгу», Документы, стр. 17, 18), где Бискамп упоминает о двух приведенных Блиндом фактах — о 30000 гульденов, которые он, однако, уменьшает до 4000, и о бонапартистском происхождении денег, которыми оперирует Фогт. В остальном статья состояла из острот в духе газеты «Hornisse»[452], которую Бискамп издавал в 1848 — 1849 гг. вместе с *Хейзе* в Касселе. Между тем, лондонское Просветительное общество рабочих, о чем я узнал значительно позже появления «Главной книги» (см. приложение 8), поручило одному из своих руководителей, г-ну Шерцеру, призвать просветительные общества рабочих в Швейцарии, Бельгии и Соединенных Штатах

к поддержке «Volk» н к борьбе с бонапартистской пропагандой. Упомянутую статью в «Volk» от 14 мая 1859 г. Бискамп сам послал по почте Фогту, в то же время Фогт получил циркулярное послание г-на А. Шерцера через своего приверженца Раникеля.

Фогт со своей известной «критической непосредственностью» тотчас же примыслил меня в качестве демиурга к враждебной ему сети.; Поэтому он, не раздумывая долго, опубликовал *набросок* своего позднейшего «исторического повествования» в неоднократно цитированном уже *экстренном приложении. к № 150 «Schweizer Handels-Courier».* Это первоевангелие, в котором впервые стали известны мистерии о серной банде, бюрстенгеймерах, Шервале и т. д. и которое помечено: Берн, 23 мая 1859 г. (следовательно, имеет более позднюю дату, чем евангелие мормонов[453]), было озаглавлено **«Предостережение»** и по своему содержанию походило на отрывок, переведенный из брошюры пресловутого Э. Абу[*].

Фогтовское анонимное первоевангелие *«Предостережение»* было по моей просьбе, как я уже раньше заметил, перепечатано в «Volk».

В начале июня я поехал из Лондона к Энгельсу в Манчестер, где было собрано по подписке на «Volk» около 25 фунтов стерлингов. Сумма эта, «источники» которой дают повод «любознательному» Фогту устремить «взор через Ла-Манш» в Аугсбург и Вену (стр. 212 «Главной книги»), была доставлена Фр. Энгельсом, В. Вольфом, мной и, наконец, тремя живущими в Манчестере немецкими врачами, имена которых значатся в судебных документах, отправленных мною в Берлин. О деньгах, собранных в Лондоне первоначальным финансовым комитетом, Фогт может справиться у д-ра Фаухера.

Фогт поучает нас на стр.; 225 «Главной книги»:

«С давних пор, однако, *ловким маневром реакции* было требовать от демократов, чтобы они делали все *даром,* в то время как *они сами»* (не демократы, а реакция) *«претендуют* на привилегию требовать плату для себя и быть оплачиваемыми».

Насколько же *реакционен* ловкий маневр газеты «Volk», которая не только редактировалась и составлялась даром, но, сверх того, *заставляла* своих сотрудников *еще и платить ей!* Если это не доказательство связи «Volk» с реакцией, то Карл Фогт перестает понимать что бы то ни было.

[*] Несколько слов о бильском «Коммивояжере», этом захолустном «Moniteur» «беглого имперского регента». Издатель и редактор бильского «Handels-Courier» — некий Эрнст Шюлер, политический эмигрант с *1838 г.* содержатель почты, виноторговец, банкрот, а теперь снова при деньгах, благодаря тому, что его газета, которую субсидировало во время Крымской войны британско-французско-швейцарское агентство по набору рекрутов, насчитывает сейчас *1200* подписчиков.

Во время моего пребывания в Манчестере в Лондоне произошло чрезвычайно важное событие. А именно Либкнехт нашел в типографии Холлингера *(владелец типографии, печатавший газету «Volk»)* корректурный лист анонимной и направленной против Фогта листовки *«Предостережение»,* бегло прочел его, тотчас узнал разоблачения Блинда и, кроме того, услышал от наборщика *А. Фёгеле,* что эту рукопись написал своей рукой и передал Холлингеру для печатания *Блинд.* Корректурные поправки на оттиске были сделаны также рукой *Блинда.* Два дня спустя Либкнехт получил от Холлингера корректурный оттиск и переслал его в «Allgemeine Zeitung». Набор листовки сохранился и послужил впоследствии для перепечатки его в № 7 «Volk» (от 18 июня 1859 г.).

С опубликованием в «Allgemeine Zeitung» *«Предостережения»* начинается аугсбургская кампания экс-имперского Фогта, Он привлек к суду «Allgemeine Zeitung» за перепечатку листовки.

В «Главной книге» (стр. 227 — 228) Фогт подражает мюльнеровскому «Это я, это я, это я разбойник Яромир» [«bin's, bin's, bin der Rauber Jaromir»][454], Только глагол sein он заменяет на haben.

«Я *подал жалобу [ich habe geklagt],* так как заранее знал, что должна была обнаружиться вся пустота, ничтожество и убожество той редакции, которая мнит себя «представительницей верхненемецкой культуры»; я *подал жалобу,* так как заранее знал, что должна была сделаться достоянием гласности связь этой достопочтенной редакции и превозносимой ею до небес австрийской политики с серной бандой и отбросами революции».

За этим следуют еще четыре «я *подал жалобу».*

Подавший жалобу Фогт преисполняется величия*, значит прав Лонгин, говоря, что нет ничего более сухого, чем раздутый водянкой больной.

«Личные интересы», — восклицает «округленная натура», — «меньше всего служили поводом для моей жалобы».

В действительности же дело происходило иначе. Теленок не мог так упираться перед скамьей на бойне, как Карл Фогт перед скамьей подсудимых. В то время как его «ближайшие» друзья Раникель, Рейнах (прежде ходячая ehronique scandaleuse** о Фогте) и болтливый член «охвостья» парламента Майер из Эслингена поддерживали в нем его страх перед судом, из Цюриха настойчиво требовали от него поторопиться с «жалобой». На лозаннском рабочем празднестве меховщик Роос заявил ему перед свидетелями, что потеряет к нему уважение,

* В оригинале непереводимая игра слов, основанная на созвучии двух выражений: «geklagt habende» (подавший жалобу) и «wird erhaben» (преисполняется величия). *Ред.*

** — скандальная хроника. *Ред.*

если он не возбудит процесса. Но Фогт упирался: он плюет на аугсбургскую и лондонскую серную банду и будет молчать. И все-таки вдруг заговорил. В различных газетах появились уведомления о его процессе, и Раникель заявил:

«Штутгартцы не давали ему» (Фогту) «покоя. Но его» (Раникеля) «согласия на это нет».

Впрочем, так как «округленный» находился в тисках, то наиболее выгодным маневром представлялась, бесспорно, жалоба на «Allgemeine Zeitung». Самозащита Фогта против нападок Я. Венедея, обвинявшего его в бонапартистских интригах[455], увидела свет в *бильском «Handels-Courier» от 16 июня 1859 г.* и попала, следовательно, в Лондон лишь *после* появления анонимной листовки, которая заканчивалась угрозой:

«Но если *Фогт* захочет отрицать это, — на что он вряд ли решится, — то за этим разоблачением последует разоблачение № 2».

Фогт выступил с опровержением, а разоблачения № 2 не последовало. Итак с этой стороны он был обеспечен, неприятности могли ему грозить лишь со стороны милых знакомых, но он их достаточно знал и мог рассчитывать на их трусость. Чем больше гласности приобретало дело благодаря жалобе, тем больше он мог надеяться на их сдержанность, так как в лице «беглого имперского регента» у позорного столба до известной степени стояло все «охвостье» парламента в целом.

Член парламента *Якоб Венедей в своей брошюре «В защиту себя и отечества против Карла Фогта», Ганновер, 1860*[456], на стр. 27 — 28 *выбалтывает* следующее:

«Кроме писем Фогта, помещенных им в описании своего процесса, я прочитал еще другое письмо Фогта, обнаруживавшее гораздо яснее, чем письмо к д-ру Лёнингу, позицию Фогта как помощника тех, кто хотел во что бы то ни стало локализовать войну в Италии. Для себя лично я переписал из этого письма несколько мест, которые, к сожалению, не могу здесь привести, так как адресат письма сообщил их мне под условием не опубликовывать их. *Из соображений личного и партийного характера старались скрыть поведение Фогта в этом деле таким способом, который, на мой взгляд, не может быть оправдан ни интересами партии, ни гражданским долгом перед отечеством. Эта сдержанность со стороны многих* дает Фогту возможность с наглым видом и теперь еще выступать в качестве главы немецкой партии. *Мне, однако, кажется, что именно поэтому партия, к которой принадлежал Фогт, несет известную ответственность за его поведение»*[*].

[*] См. также стр. 4 цитируемой брошюры, где сказано: «Эти «поблажки» из партийных соображений, эта моральная неустойчивость, в силу которой в тесном кругу сознаются, что Фогт сыграл гнусную игру с родиной, а затем позволяют тому же самому Фогту открыто обвинять в клевете лиц, которые сказали лишь то, что все она знают и думают, имея в своих руках доказательства, — все это вызывает во мне отвращение» и т. д.

Таким образом, если, с одной стороны, риск процесса против «Allgemeine Zeitung» вообще не был слишком велик, то, с другой стороны, переход в наступление в этом направлении предоставлял генералу Фогту благоприятнейшую операционную базу. Это Австрия клеветала на имперского Фогта через «Allgemeine Zeitung», Австрия в союзе с коммунистами! Благодаря этому имперский фогт оказывался интересной жертвой чудовищной коалиции врагов буржуазного либерализма. А малогерманская печать, и без того благосклонная к имперскому Фогту как поборнику уменьшения земель империи [Mindrer des Reichs][457], с ликованием должна была бы поднять его на щит!

В начале июля 1859 г., вскоре после моего возвращения из Манчестера, ко мне обратился Блинд по делу, не имевшему отношения к данному случаю. Он пришел ко мне в сопровождении Фиделио Холлингера и Либкнехта. Во время свидания я высказал свое убеждение, что он автор листовки «Предостережение». Он решительно отрицал это. Я повторил по пунктам сделанное им 9 мая сообщение, составлявшее, в сущности, все содержание листовки. Он соглашался со всем сказанным, но, несмотря на это, продолжал отрицать свое авторство.

Приблизительно месяц спустя, в августе 1859 г., Либкнехт показал мне полученное им от редакции «Allgemeine Zeitung» письмо, в котором его настоятельно просили сообщить доказательства обвинений, содержавшихся в листовке *«Предостережение».* По его просьбе я отправился с ним в Сент-Джонс-Вуд на квартиру к Блинду, который, если и не был *автором* листовки, то во всяком случае в начале мая уже знал то, о чем поведала миру листовка лишь в начале июня, и который к тому же мог *«доказать»* то, что знал. Блинда не оказалось дома; он был на каком-то морском курорте. Либкнехт написал ему о цели нашего визита. Ответа от Блинда не последовало. Либкнехт написал второе письмо. Наконец, был получен следующий достойный государственного мужа документ:

«Дорогой г-н Либкнехт!

Оба Ваших письма, направленных по неправильному адресу, я получил почти одновременно. Вы сами понимаете, что я вовсе не желаю вмешиваться в дела совершенно чуждой мне газеты и менее всего в данном случае, потому что, *как я уже раньше говорил, я* **не имел никакого отношения** к *указанному делу.* Что касается упоминаемых Вами *замечаний, высказанных в частной беседе,* то, *очевидно,* они *были совершенно неверно поняты;* здесь произошла какая-то ошибка, о которой я собираюсь поговорить при случае устно. Выражая сожаление, что Вы напрасно проделали путь ко мне с Марксом,

остаюсь с полным уважением

Ваш ***К. Блинд***».

Сент-Леонардс, 8 сентября

Эта дипломатически-холодная нота, согласно которой *Блинд* **«не имел никакого отношения»** к выдвинутым против Фогта обвинениям, напомнила мне об одной анонимной статье в лондонской «Free Press» от 27 мая 1859 г., которая в переводе гласит:

«Великий князь Константин — будущий король Венгрии».

Один корреспондент, прилагающий свою визитную карточку, пишет нам:

«Милостивый государь! Присутствуя на последнем митинге* в Мюзик-холле, я слышал сказанное по поводу великого князя Константина. Могу сообщить Вам другой факт. Не далее, как летом прошлого года, принц Жером Наполеон развивал в Женеве перед некоторыми близкими ему лицами план нападения на Австрию и предстоящей перекройки карты Европы. Я знаю имя одного швейцарского сенатора, с которым он подробно говорил на эту тему. Принц Жером заявил тогда, что, согласно намеченному плану, великий князь Константин должен стать королем Венгрии.

Я знаю также о предпринятых в начале текущего года *попытках* склонить в пользу русско-наполеоновского плана *нескольких находящихся в изгнании немецких демократов, а также влиятельных либералов в самой Германии. В целях подкупа им были предложены крупные денежные суммы* (large pecuniary advantages were held out to them as a bribe). Я рад сообщить, что предложения эти были отвергнуты с негодованием» (см. приложение 9).

Эта статья, в которой Фогт, хотя и не назван, но для немецкой эмиграции в Лондоне обозначен достаточно ясно, передает в сущности *основное содержание* появившейся впоследствии листовки «Предостережение». Автор статьи о *«будущем короле Венгрии»,* который из патриотического рвения выступил с анонимным обвинением против Фогта, естественно, должен был с жадностью ухватиться за предоставляемый ему аугсбургским процессом превосходный случай разоблачить на суде измену перед лицом всей Европы. Но кто же был автором статьи о «будущем короле Венгрии»? *Гражданин Карл Блинд.* Об этом я догадался уже в мае по форме и содержанию статьи, и это *официально подтвердил мне теперь* редактор «Free Press» г-н Коллет, когда я ему объяснил значение спорного вопроса и сообщил содержание дипломатической ноты Блинда.

17 сентября 1859 г. наборщик г-н *А. Фёгеле* передал мне письменно заявление (напечатанное в «Главной книге», Документы, стр. 30 — 31), в котором он, отнюдь не утверждая, что *Блинд — автор* листовки «Предостережение», свидетельствует однако, что сам он (А. Фёгеле) и его хозяин *Фиделио Холлингер набрали* памфлет *в типографии Холлингера,* что *рукопись была*

* Это был упомянутый выше митинг от 9 мая, устроенный Д. Уркартом.

написана почерком Блинда и что Холлингер как-то назвал Блинда автором этой листовки.

Опираясь на заявление Фёгеле и на статью о «будущем короле Венгрии», *Либкнехт* написал еще раз *Блинду,* требуя у него «доказательств» оглашенных во «Free Press» этим государственным мужем фактов; одновременно он указал ему, что теперь имеется вещественное доказательство *его* причастности к изданию листовки «Предостережение». Вместо ответа *Либкнехту, Блинд* прислал ко мне г-на Коллета. Г-н Коллет пришел с целью просить меня от *имени Блинда,* чтобы я не использовал публично имеющиеся у меня сведения об авторстве вышеназванной статьи во «Free Press». Я ответил, что не могу взять на себя никаких обязательств: *моя* скромность будет идти нога в ногу с мужеством *Блинда.*

Между тем, приближался день начала аугсбургского процесса. *Блинд* молчал. *Фогт* в различных публичных заявлениях пытался взвалить ответственность за листовку и за *доказательство* содержавшихся в ней фактов на *меня* как на ее тайного автора. Чтобы отразить этот маневр, выручить Либкнехта и помочь «Allgemeine Zeitung», которая, по моему мнению, сделала хорошее дело, выступив с разоблачением Фогта, я сообщил ее редакции через Либкнехта, что готов предоставить в ее распоряжение документ, касающийся происхождения листовки «Предостережение», если она меня запросит об этом письменно. Так началась *«оживленная переписка, которая как раз теперь ведется между Марксом и г-ном Кольбом»,* как рассказывает Фогт на стр. 194 «Главной книги»[*]. Эта *моя «оживленная переписка с г-ном Кольбом»* состояла из двух адресованных мне писем г-на *Оргеса* от одного и того же числа, в которых он просил меня прислать обещанный документ, посланный мной затем ему вместе с коротенькой запиской в *несколько строк*[**].

Оба письма г-на *Оргеса* — или, вернее, двойное издание одного и того же письма — пришли в Лондон 18 октября 1859 г., меж тем как разбирательство дела должно было начаться в Аугсбурге уже 24 октября. Я поэтому написал немедленно г-ну Фёгеле, назначив ему rendez-vous на следующий день в помещении полицейского суда на Мальборо-стрит, где он

[*] Г-н *Кольб,* правда, упоминает в № 319 «Allgemeine Zeitung» об «одном очень подробном письме г-на Маркса, *которое он не печатает».* Но это подробное письмо *напечатано* в *приложении* к *№ 139 гамбургской «Reform» от 19 ноября 1859 года.* «Подробным письмом» было предназначавшееся мной для *публики* заявление, которое я послал также в берлинскую «Volks-Zeitung». [См. настоящий том, стр. 693 — 696. *Ред.]*

[**] Мою препроводительную записку [см. настоящий том, стр. 692. *Ред.*] и заявление Фёгеле можно найти в «Главной книге», Документы, стр. 30, 31, а письма г-на Оргеса ко мне — в приложении 10.

должен был придать своему заявлению о листовке «Предостережение» судебную форму affidavit*. Мое письмо не застало его вовремя. Поэтому я должен был 19 октября**, вопреки своему первоначальному намерению, послать в «Allgemeine Zeitung» вместо affidavit вышеупомянутое письменное заявление от 17 сентября***.

Как известно, судебный процесс в Аугсбурге превратился в настоящую комедию ошибок. Corpus delicti**** была посланная *В. Либкнехтом* в «Allgemeine Zeitung» и перепечатанная ею листовка *«Предостережение».* Но издатель и автор листовки играли в жмурки; *Либкнехт* не мог препроводить своих находившихся в Лондоне свидетелей в зал заседания суда; попав в затруднительное юридическое положение, редакторы «Allgemeine Zeitung» несли какую-то высокопарную пошлую политическую тарабарщину, д-р Герман угощал суд охотничьими рассказами «округленной натуры» о серной банде, о лозаннском празднестве и т. д. и, наконец, суд отказал *Фогту* в его жалобе потому, что истец *ошибся,* обратившись не в ту инстанцию. Путаница достигла кульминационного пункта, когда аугсбургский процесс закончился и отчет о нем, вместе с «Allgemeine Zeitung», был доставлен в Лондон. *Блинд,* хранивший до сих пор гробовое молчание мудрого государственного мужа, был перепуган раздобытым мной свидетельством наборщика *Фёгеле* и выскочил вдруг на публичную арену. Фёгеле *не* заявлял, что Блинд — *автор* листовки, а заявил только, что он назван ему Фиделио Холлингером как автор листовки. Зато Фёгеле категорически заявил, что *рукопись листовки написана знакомым ему почерком Блинда и была набрана и напечатана в типографии Холлингера. Блинд* мог быть *автором* листовки, если бы даже она не была написана рукой Блинда и не была набрана в типографии Холлингера. И, наоборот, листовка могла быть *написана рукой Блинда* и напечатана Холлингером, если бы даже Блинд и *не* был ее автором.

В № 313 «Allgemeine Zeitung» помещено заявление Блинда с пометкой: *Лондон, 3 ноября* (см. «Главную книгу», Документы,

---

* *Affidavit* — заявление перед судом, заменяющее показание, данное под присягой, и влекущее за собой в случае ложности его все законные последствия лжеприсяги.

** Так как я пишу неразборчиво, то на суде в Аугсбурге моему письму от 19 октября приписали дату 29 октября. Ни адвокат Фогта д-р Герман, ни сам Фогт. ни достопочтенная берлинская «National-Zeitung» et hoc genus omne [и весь этот род] *«критической непосредственности»* ни на минуту не задумались над тем, как могло письмо, написанное в Лондоне 29 октября, прийти в Аугсбург уже 24 октября.

*** Что эта quid pro quo [замена] произошла по чистой случайности — именно потому, что Фёгеле получил слишком поздно мое письмо, — видно из его позднейшего affidavit от 11 февраля 1860 года.

**** — Составом преступления. *Ред.*

стр. 37, 38), в котором этот гражданин и государственный муж утверждает, что он *не автор* листовки, а в качестве *доказательства* он «опубликовывает» **«следующий документ»:**

а) «Настоящим заявляю, что помещенное в № 300 «Allgemeine Zeitung» утверждение наборщика Фёгеле, будто упомянутая там листовка «Предостережение» *была напечатана в моей типографии* или будто г-н *Карл Блинд* ее автор, представляет *злостное измышление.*

3, Личфилд-стрит, Сохо, Лондон, 2 ноября 1859 г.

Фиделио Холлингер».

б) «Нижеподписавшийся, *живущий и работающий* 11 месяцев в доме № 3, на Личфилд-стрит, со своей стороны *свидетельствует о правильности заявления г-на Холлингера.*

Лондон, 2 ноября 1859 г.

И. Ф. Вие, наборщик».

Фёгеле нигде не *утверждал,* что *Блинд — автор* листовки. Таким образом, Фиделио Холлингер сперва сочиняет утверждение Фёгеле, чтобы потом назвать его «злостным измышлением». С другой стороны, *если* памфлет *не* был напечатан в типографии Холлингера, то откуда этот самый Фиделио Холлингер знал, что *Карл Блинд не* автор его?

И почему *наборщик Вие* находит возможным свидетельствовать о *«правильности этого заявления Фиделио Холлингера»* на основании того, что он *«живет и работает 11 месяцев»* (считая назад от 2 ноября 1859 г.) у Холлингера?

Свой ответ на это заявление *Блинда* (№ 325 «Allgemeine Zeitung», см. также «Главную книгу», Документы, стр. 39, 40) я закончил словами: *«Перенесение судебного процесса из Аугсбурга в Лондон* раскрыло бы всю mystere* *Блинда — Фогта».*

Блинд, со всем нравственным негодованием оскорбленной прекрасной души, переходит снова в наступление в *«приложении к «Allgemeine Zeitung» от 11 декабря 1859 года».*

«**Ссылаясь повторно**» (запомним это) *«на* **документы, подписанные** *владельцем типографии г-ном Холлингером и наборщиком Вие,* я заявляю в последний раз, что носящее теперь уже характер инсинуации *утверждение, будто я автор* часто упоминавшейся листовки — *явная неправда.* В других утверждениях на мой счет содержатся *грубейшие извращения».*

В приписке к этому заявлению редакция «Allgemeine Zeitung» замечает, что «спор перестал интересовать широкую публику», и просит поэтому «лиц, которых это касается, отказаться от дальнейших взаимных возражений»; «округленная натура» комментирует это в конце «Главной книги» следующим образом:

* — тайну. *Ред.*

«Иными словами: редакция «Allgemeine Zeitung» просит гг. *Маркса, Бискампа*[*]*, Либкнехта,* изобличенных в чистейшей лжи, не срамить больше ни самих себя, ни газеты».

Так закончилась пока аугсбургская кампания.

Впадая снова в тон своей Лаузиады, *Фогт* утверждает, что «наборщик Фёгеле» дал мне и *Либкнехту «ложное показание»* (стр. 195 «Главной книги»). Происхождение же листовки он объясняет тем, что *Блинд*

«выдумал какие-то подозрения и протрещал о них всем. *Из этого материала серная банда состряпала листовку, а затем и статьи, которые она приписала попавшему впросак Блинду*» (стр. 218 l. c.).

Если же имперский Фогт, несмотря на приглашение, не возобновил в Лондоне своей неоконченной кампании, то произошло это отчасти потому, что Лондон *«захолустье»* (стр. 229 «Главной книги»), отчасти же потому, что заинтересованные стороны «взаимно обвиняют одна другую в неправде» (l. c.).

В своей «критической непосредственности» этот муж считает уместным вмешательство суда лишь в том случае, когда стороны *не спорят* между собой об истине.

Я перескакиваю через три месяца и продолжаю свой рассказ с начала февраля 1860 года. «Главная книга» Фогта тогда еще не попала в Лондон, но зато здесь уже был *букет берлинской* «National-Zeitung», где между прочим, сказано:

«Партия Маркса могла очень легко взвалить авторство листовки на *Блинда* именно в силу того и после того, как последний в беседе с *Марксом* и в статье в «Free Press» высказал аналогичные взгляды; воспользовавшись этими высказываниями и оборотами речи Блинда, можно было так *сфабриковать* листовку, чтобы она выглядела как его изделие».

Блинд, который все искусство дипломатии сводит к молчанию, подобно тому, как Фальстаф лучшим проявлением храбрости считал благоразумие[**], — Блинд снова умолк. Чтобы развязать ему язык, я опубликовал в Лондоне за своей подписью циркуляр на английском языке, датированный 4 февраля 1860 года (см, приложение 11).

---

[*] Бискамп послал из Лондона 20 октября в редакцию «Allgemeine Zeitung» письмо о деле Фогта, в котором в заключение предлагал газете свои услуги в качестве корреспондента[458]. Письмо это стало мне известно только из самой газеты. Фогт изобретает моральную теорию, согласно которой поддержка прекратившего существование печатного органа делает меня ответственным за позднейшие частные письма его редактора. Насколько же большую ответственность должен был бы нести Фогт за «Stimmen der Zeit» Колачека, в органе которого «Monatsschrift»[459] он был оплачиваемым сотрудником. Пока Бискамп издавал «Volk», он обнаруживал величайшее самопожертвование. Чтобы взять на себя редактирование газеты, он оставил прежнее место, где проработал много лет; редактировал газету *безвозмездно* и в очень тяжелых условиях; наконец, пожертвовал возможностью посылать корреспонденции в немецкие газеты, как, например, в «Kolnische Zeitung», чтобы быть в состоянии действовать согласно своим убеждениям. Все остальное меня не касалось и не касается.

[**] Шекспир. «Король Генрих IV». Часть 1, акт V, сцена четвертая. *Ред.*

В этом циркуляре, обращенном к редактору «Free Press», говорится, между прочим, следующее:

«Прежде, чем я предприму дальнейшие шаги, я должен разоблачить молодцов, которые явным образом сыграли на руку Фогту. С этой целью я публично заявляю, что показание Блинда, Вие и Холлингера, будто анонимная листовка *не* была напечатана в типографии Холлингера, 3, Личфилд-стрит, Сохо, является *гнусной, ложью»*[*].

Приведя свои доказательства, я заканчиваю следующими словами:

«На основании всего этого, я снова называю вышеупомянутого *Карла Блинда гнусным лжецом* (deliberate liar). Если я не прав, то он легко может меня опровергнуть, обратившись в английский суд».

6 февраля 1860 г. одна лондонская газета ***(«Daily Telegraph»***[460]*)* воспроизвела — я к этому еще вернусь — букет «National-Zeitung» под заглавием *«The Journalistic Auxiliaries of Austria»* («Газетные пособники Австрии»). Я, со своей стороны, начал дело по обвинению «National-Zeitung» в клевете, пригрозил газете «Telegraph» подобной же жалобой и стал собирать необходимый судебный материал.

11 февраля 1860 г. наборщик Фёгеле дал affidavit перед полицейским судом на Боу-стрит, В этом документе повторяется в основном его заявление от 17 сентября 1859 г., — именно, что рукопись листовки ***написана*** **почерком Блинда** и набрана **в типографии Холлингера** отчасти им самим (Фёгеле), отчасти *Ф. Холлингером* (см. приложение 12).

Несравненно важнее был affidavit наборщика *Вие,* на свидетельство которого Блинд **повторно** и с возрастающей уверенностью ссылался в «Allgemeine Zeitung».

Поэтому, помимо оригинала (см. приложение 13), здесь приводится его дословный перевод:

«В первых числах ноября истекшего года — я не помню точно даты — между 9 и 10 часами вечера я был поднят с постели г-ном Ф. *Холлингером,* в доме которого я жил тогда и у которого работал в качестве наборщика. Он протянул мне заявление, в котором говорилось, что в течение предыдущих 11 месяцев я *непрерывно* работал у него и что в течение этого времени в типографии г-на Холлингера, 3, Личфилд-стрят, Сохо, *не* была ни набрана, ни напечатана некая листовка на немецком языке *«Предостережение».* Растерявшись и не сознавая значения того, что я делаю, я исполнил его желание, переписал и подписал этот документ. Г-н *Холлингер* пообещал мне *денег,* но я ничего не получил от него. *Во время этой сделки г-н Карл Блинд,* как сообщила мне потом моя жена, *ожидал*

[*] По-английски у меня сказано: «deliberate lie». «Kolnische Zeitung» перевела: *«гнусная ложь»*, Я принимаю этот перевод, хотя ближе к оригиналу «преднамеренная ложь».

в *комнате г-на Холлингера.* Несколько дней спустя г-жа Холлингер оторвала меня от обеда и провела в комнату своего мужа, *где я застал одного только г-на Блинда. Он предъявил мне тот же документ,* который предъявил мне раньше г-н Холлингер, и *настойчиво просил меня* (entreated me) *написать и подписать вторую копию, так как он нуждается в двух копиях — для себя самого и для опубликования в печати. Он прибавил, что отблагодарит меня.* Я снова переписал и подписал документ.

Сим я удостоверяю правдивость вышеизложенного, а также и того, что:

1) из упомянутых в документе 11 месяцев я в течение 6 недель работал **не** у г-на Холлингера, а у некоего Эрмани;

2) я **не** работал у г-на Холлингера как раз в то время, когда была напечатана листовка *«Предостережение»;*

3) я слышал тогда от г-на Фёгеле, который работал в то время у г-на Холлингера, что он, Фёгеле, **вместе с самим г-ном Холлингером** *набирал* указанную листовку и что рукопись была написана *почерком Блинда;*

4) набор листовки еще сохранился, когда я снова стал работать у Холлингера. *Я сам переверстал его* для перепечатки листовки «Предостережение» в немецкой газете «Volk», печатавшейся у г-на Холлингера, 3, Личфилд-стрит, Сохо. Листовка появилась в № 7 «Volk» от 18 июня 1859 года;

5) я видел, как г-н Холлингер дал г-ну Вильгельму Либкнехту, проживающему в доме 14, Черч-стрит, Сохо, корректурный лист листовки «Предостережение», на котором г-н *Карл Блинд собственноручно исправил 4 или 6 опечаток.* Г-н Холлингер колебался, дать ли ему корректурный лист г-ну Либкнехту, и лишь только г-н *Либкнехт* удалился, он выразил мне и работавшему вместе со мной Фёгеле сожаление, что выпустил из рук корректурный лист.

Иоганн Фридрих Вие.

Заявлено и подписано вышеозначенным Фридрихом Вие в полицейском суде на Боу-стрит сегодня, 8 февраля 1860 г. передо мной,

Т. Генри, судьей вышеозначенного суда»

(Полицейский суд, Боу-стрит).

Обоими *affidavits* наборщиков *Фёгеле* и *Вие* было доказано, что *рукопись листовки была написана рукой Блинда и набрана в типографии Холлингера и что Блинд сам вел одну корректуру.*

А этот homme d'etat писал Юлиусу Фрёбелю из Лондона 4 июля 1859 года:

«Здесь *появилось — не знаю, кем написанное,* — резкое обвинение Фогта в продажности. В нем приводится несколько якобы имевших место фактов, о *которых мы раньше ничего не слыхали».*

И тот же homme d'etat писал Либкнехту 8 сентября 1859 г., что он

«не имел никакого отношения к указанному делу».

Не довольствуясь этими подвигами, гражданин и государственный муж *Блинд сфабриковал,* кроме того, *ложное заявление,*

для которого он *выманил подпись наборщика Вие,* при помощи обещаний *Фиделио Холлингера* дать наборщику денег и своих собственных обещаний отблагодарить его в будущем.

Он не только послал в «Allgemeine Zeitung» это свое изделие с подписью, полученной путем обмана, вместе с ложным показанием Фиделио Холлингера, но *«повторно» «ссылается»* на эти *«документы»* в своем втором заявлении и в связи с этими *«документами»* бросает мне с моральным негодованием обвинение в «явной неправде».

Копии обоих affidavits Фёгеле и Вие я пустил в обращение в разных кругах. Это повлекло за собой свидание на квартире у Блинда между *Блиндом, Фиделио Холлингером* и другом дома Блинда, д-ром медицины г-ном *Карлом Шайбле,* славным, тихим человеком, играющим в политических операциях Блинда до некоторой степени роль ручного слона.

И вот в «Daily Telegraph», в номере от 15 февраля 1860 г., появилась перепечатанная потом в немецких газетах заметка, гласящая в переводе следующее:

«Памфлет против Фогта

Издателю «Daily Telegraph»!

Милостивый государь! Принимая во внимание имеющие хождение ложные слухи, я чувствую себя обязанным по отношению к г-ну Блинду, а также и к г-ну Марксу официально заявить, что ни один из них не является автором недавно выпущенной листовки, направленной против профессора Фогта из Женевы. Листовка эта исходит от меня, и ответственность за нее лежит на мне. Из уважения к г-ну Марксу, как и к г-ну Блинду, я выражаю сожаление, что независящие от меня обстоятельства помешали мне сделать это заявление раньше.

Лондон, 14 февраля 1860 г.

Карл Шайбле, д-р мед.»

Г-н *Шайбле* прислал мне это заявление. Я же, обойдя правила вежливости, ответил ему посылкой affidavits наборщиков Фёгеле и Вие и написал в то же время, что его (Шайбле) заявление ничего не меняет ни в ложных показаниях, посланных *Блиндом* в «Allgemeine Zeitung», ни в conspiracy* *Блинда с Холлингером* с целью выманить подпись Вие для *сфабрикования фальшивого документа.*

Блинд чувствовал, что он находится теперь не на надежной почве «Allgemeine Zeitung», а перед внушающим серьезные опасения английским судом. Если он хотел лишить силы упомянутые выше *affidavits* и основанные на них «грубые оскорбления»,

* — тайном сговоре. *Ред.*

содержащиеся в моем циркуляре, то он и Холдингер должны были *противопоставить* им свои собственные *affidavits;* однако с уголовными делами шутки плохи.

Эйзеле-Блинд не автор листовки, так как Бейзеле-Шайбле публично объявил себя ее автором, Блинд только *написал* рукопись листовки, только *отдал ее для печатания* Холлингеру, только собственноручно правил корректуру, только *сфабриковал* вместе с Холлингером *ложные показания* для опровержения этих фактов и отправил их в «Allgemeine Zeitung». Но он все-таки непризнанная невинность, ибо он не *автор* листовки и не *инициатор* ее появления. Он действовал только в качестве *писца Бейзеле-Шайбле.* Именно поэтому он и 4 июля 1859 г. не знал, *«кто»* выпустил в свет листовку, а 8 сентября 1859 г. *«не имел никакого отношения к указанному делу».* Итак, успокоим его: *Бейзеле-Шайбле — автор* листовки в литературном смысле, но *Эйзеле-Блинд — автор* ее в техническом смысле по английскому закону и *ответственный издатель* в смысле законодательства всякого цивилизованного народа. Habeat sibi![*]

На прощание несколько слов г-ну д-ру Бейзеле-Шайбле.

Опубликованный *Фогтом* в бильском «Handels-Courier» с пометкой: *Берн, 23 мая 1859 г.,* пасквиль против меня был озаглавлен: *«Предостережение».* Написанная в начале июня 1859 г. *Шайбле* и переписанная и изданная его секретарем *Блиндом* листовка, в которой — с указанием вполне определенных деталей — Фогт разоблачается как *«подкупающий»* других и «подкупленный» агент Луи Бонапарта, также озаглавлена: *«Предостережение».* Кроме того, она подписана буквой X. Хотя в алгебре X означает неизвестную величину, это случайно и последняя буква моей фамилии. Может быть, заглавием листовки Шайбле «Предостережение» и подписью под ней хотели создать впечатление, что эта листовка представляет *мой* ответ на фогтовское «Предостережение»? Шайбле обещал разоблачение № 2, если Фогт осмелится отрицать разоблачение № 1. Фогт не только отрицал, но и начал дело о клевете в ответ на «Предостережение» Шайбле. А № 2 г-на Шайбле и до сих пор еще не появился. Шайбле предпослал своей листовке слова: *«Просят распространять».* А когда «Либкнехт, удовлетворяя эту «просьбу», «распространил» листовку через посредство «Allgemeine Zeitung», то «независящие от него обстоятельства» зажимали г-ну Шайбле рот с июня 1859 до февраля 1860 г.,

[*] — Ну и пусть себе! *Ред.*

и только affidavits в полицейском суде на Боу-стрит развязали ему язык.

Как бы то ни было, Шайбле, первоначальный обвинитель Фогта, взял теперь публично на себя ответственность за приведенные в листовке факты. Поэтому аугсбургская кампания кончается не победой защитников Фогта, а появлением, наконец, на арене борьбы атакующего Шайбле.

VIII
ДА-ДА ФОГТ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

«SINE STUDIO»*

Приблизительно за месяц до начала Итальянской войны появились фогтовские так называемые *«Исследования о современном положении Европы»,* Женева, 1859. Cui bono?**

Фогт знал, что

«Англия в предстоящей войне останется *нейтральной»* **(«Исследования»,** стр. 4).

Он знал, что *Россия*

«в согласии с Францией, примет *все меры,* чтобы вредить Австрии, не переходя пределов открытой враждебности» («Исследования», стр. 13).

Он знал, что *Пруссия* — но пусть он нам сам скажет, что он знает про Пруссию.

«Самому близорукому человеку должно теперь стать ясным, *что существует соглашение между прусским правительством и императорским правительством Франции;* что Пруссия не обнажит меча для защиты ненемецких провинций Австрии; что она даст согласие на все мероприятия, необходимые для защиты территории Союза, но во всем прочем *будет препятствовать всякому участию Союза или отдельных его членов на стороне Австрии, — чтобы затем,* во время будущих мирных переговоров, *получить за* ***эти*** *усилия свое вознаграждение в Северо-Германской низменности»* (l. c., стр. 19).

Итак, facit***: В предстоящем крестовом походе Бонапарта против Австрии Англия *останется нейтральной,* Россия будет действовать *враждебно* по отношению к Австрии, Пруссия будет сдерживать воинственно настроенных членов Союза[461], и Европа постарается локализовать войну. Луи Бонапарт будет вести теперь Итальянскую войну, как прежде войну с Россией, с верховного соизволения, в качестве, так сказать, тайного

* «Sine studio» означает: «без пристрастия»; Маркс дает этот подзаголовок, иронически намекая на пристрастие фогтовских «Исследовании» («Studien»). *Ред.*

** — Кому на пользу? *Ред.*

*** — итог. *Ред.*

генерала европейской коалиции. К чему же тогда фогтовская брошюра? Раз Фогт знает, что Англия, Россия и Пруссия будут действовать против Австрии, то что же заставляет его писать *в пользу Бонапарта?* Но, по-видимому, — помимо старого французоедства вместе с «впавшим в детство отцом Арндтом и тенью ничтожного Яна во главе» (стр. 121 1. с.), — «немецкий парод» охватило своего рода национальное движение, которое нашло отклик в разных «палатах и газетах», «в то время как правительства только медленно и не без сопротивления присоединились к господствующему течению» (стр. 114 l. с.). По-видимому, «уверенность в грозящей опасности» исторгла у немецкого «народа» «клич к совместным мероприятиям» (l. с.). Французский *«Moniteur»* (см., между прочим, номер от 15 марта 1859 г.) смотрел на это немецкое движение с «огорчением и изумлением»,

«В палатах и печати некоторых государств Германского союза», — восклицает он, — «проповедуется нечто вроде крестового похода против Франции. Ее обвиняют в честолюбивых планах, от которых она отреклась, в подготовке к завоеваниям, в которых она не нуждается» и т. д.

В ответ на эти «клеветнические обвинения» «Moniteur» заявляет, что поведение «императора» в итальянском вопросе должно, «наоборот, внушить немецкому сознанию самую глубокую уверенность» в том, что обеспечение немецкого единства и национальных интересов немцев в известной мере заветная мысль Франции декабрьского переворота и т. д. Однако «Moniteur» сознается (см. 10 апреля 1859 г.), что кое-какие опасения немцев, по-видимому, могли быть «спровоцированы» некоторыми парижскими брошюрами, в которых Луи Бонапарт усиленно просит самого себя предоставить своему народу «долгожданный случай» «pour s'etendre majestueusement des Alpes au Rhin» («величественно раскинуться от Альп до Рейна»).

«Но», — говорит «Moniteur», — «Германия забывает, что Франция находится под эгидой законодательства, не разрешающего никакого предварительного контроля со стороны правительства».

Эти и подобные заявления «Moniteur», как было доложено графу Малмсбери (см. Синюю книгу об итальянских делах, январь — май 1859 г.[462]), вызвали действие, как раз противоположное тому, которое имелось в виду. По то, чего не добился «Moniteur», добился, может быть, *Карл Фогт.* Его «Исследования» — не что иное, как переведенная на немецкий язык *компиляция* статей «Moniteur», брошюр, изданных *Дантю,* и бонапартистских карт будущего.

Политиканская болтовня *Фогта* насчет *Англии* представляет лишь тот интерес, что наглядно обнаруживает характер его *«Исследований».* В согласии со своими французскими первоисточниками он превращает английского адмирала *сэра Чарлза Нейпира* в *«лорда» Нейпира («Исследования»,* стр. 4). Литературные зуавы декабрьского переворота знают из представлений театра Порт-Сен-Мартен[463], что каждый знатный англичанин по меньшей мере лорд.

«С Австрией», — рассказывает *Фогт,* — «Англия никогда не могла быть более или менее продолжительное время в ладу. Если *минутная* общность интересов *на некоторое время их* и связывала, то *непосредственно* за этим политическая необходимость всегда вновь их разделяла. С Пруссией же, наоборот, Англия постоянно вступала в очень тесную связь» и т. д. (стр. 2 l. c.).

И в самом деле! Совместная борьба Англии и Австрии против Людовика XIV продолжается, с незначительными перерывами, с 1689 до 1713 г., то есть почти четверть столетия. В войне за Австрийское наследство Англия борется почти шесть лет вместе с Австрией против Пруссии и Франции. Лишь в Семилетней войне[464] Англия вступает в союз с Пруссией против Австрии и Франции, но уже в 1762 г. лорд Бьют изменяет Фридриху Великому, предлагая то русскому посланнику Голицыну, то австрийскому министру Кауницу произвести «раздел Пруссии». В 1790 г. Англия заключает с Пруссией союз против России и Австрии, но он опять распадается в том же году. Во время антиякобинской войны Пруссия, несмотря на субсидии Питта, заключает Базельский договор[465] и выходит из европейской коалиции. Наоборот, Австрия, подстрекаемая Англией, с небольшими перерывами продолжает борьбу с 1793 до 1809 года. Едва был устранен Наполеон, как Англия, еще во время Венского конгресса, заключает тотчас же с Австрией и Францией тайный договор (3 января 1815 г.) против России и Пруссии[466]. В 1821 г. Меттерних и Каслри заключили в Ганновере новое соглашение против России[467]. Поэтому, в то время как сами британцы — историки и парламентские ораторы — говорят об Австрии преимущественно как об «ancient ally» (старом союзнике), *Фогт* открывает в своем оригинале — вышедших у *Дантю* французских брошюрах, — что Австрия и Англия, если не считать «минутной общности», всегда расходились, Англия же и Пруссия, напротив, всегда объединялись, поэтому-то лорд *Линдхёрст* во время войны с Россией и воскликнул в палате лордов по адресу Пруссии: «Quern tu, Romane, caveto!»*.

* — «Берегись ее, о римлянин!» (Перефразированная строка из «Сатир» Горация. Книга I, сатира четвертая). *Ред.*

Протестантская Англия питает антипатию к католической Австрии, либеральная Англия — к консервативной Австрии, фритредерская Англия — к протекционистской Австрии, платежеспособная Англия — к обанкротившейся Австрии. Но патетический элемент всегда был чужд английской истории. Лорд *Пальмерстон* во время своего 30-летнего управления Англией при случае прикрывал, правда, свое вассальное положение по отношению к России проявлением антипатии по отношению к Австрии, Из «антипатии» к Австрии он в 1848 г. отказался, например, от предложенного Австрией и одобренного Пьемонтом и Францией посредничества Англии в итальянских делах на условиях, согласно которым Австрия отходила до линии Эча и Вероны, Лоамбардия, если бы она этого захотела, присоединилась бы к Пьемонту, Парма и Модена достались бы Ломбардии, а Венеция образовала бы, под управлением австрийского эрцгерцога, независимое итальянское государство и сама установила бы свою конституцию (см. *Синюю книгу об итальянских делах,* часть II, июль 1849, №№ 377, 478). Условия эти, во всяком случае, были благоприятнее условий Виллафранкского мира[468], После того как Радецкий наголову разбил итальянцев, Пальмерстон сам предложил отвергнутые им ранее условия. Когда же интересы России потребовали противоположного поведения во время *венгерской* войны за независимость, Пальмерстон, несмотря на свою «антипатию» к Австрии, отказал венграм в помощи, о которой они просили его, ссылаясь на договор 1711 года[469]; он отказался даже от всякого протеста против русской интервенции, потому что

«политическая независимость и свобода Европы связаны с сохранением и целостностью Австрии как европейской великой державы». (Заседание палаты общин, 21 июля 1849 г.)

Фогт далее рассказывает:

«Интересы Соединенного королевства... *повсюду враждебно противостоят* им» (интересам Австрия) (стр. 2 1. с.).

Это «повсюду» немедленно превращается в Средиземное море.

«Англия хочет во что бы то ни стало утвердить свое влияние в Средиземном море и в его прибрежных странах. Неаполь и Сицилия, Мальта и Ионические острова, Сирия и Египет — опорные пункты ее политики, направленной в сторону *Ост-Индии; повсюду* в этих пунктах Австрия чинит ей *сильнейшие* препятствия» (l. c.).

Чему только не верит этот *Фогт* из того, что он вычитал в своем оригинале — брошюрах, изданных у Дантю в Париже

поборниками декабрьского переворота. Англичане до сих пор воображали, что они боролись за Мальту и Ионические острова то с русскими, то с французами, но никак не с австрийцами. Франция, а не Австрия, отправила в свое время экспедицию в Египет и в настоящее время укрепляется на Суэцком перешейке; Франция, а не Австрия, осуществила завоевания на северном берегу Африки и, в союзе с Испанией, пыталась отобрать у англичан Гибралтар; июльский договор 1840 г., касавшийся Египта и Сирии, Англия заключила против Франции, но с Австрией[470]; в *«политике, направленной в сторону Ост-Индии»* Англия натыкается повсюду на «сильнейшие препятствия» со стороны России, а не Австрии; в единственно серьезном спорном вопросе между Англией и Неаполем, в вопросе о сере в 1840 г., монополия *французской,* а не австрийской компании на торговлю сицилийской серой послужила поводом для трений[471]; наконец, по ту сторону Ла-Манша говорят при случае о превращении Средиземного моря в «lac francais»*, но никогда не говорят о превращении его в «lac autrichien»**. Но здесь нужно принять во внимание одно важное обстоятельство.

Дело в том, что в 1858 г. в Лондоне появилась карта Европы под названием «*L'Europe en 1860»* («Европа в 1860 г.»). Карта эта, изданная французским посольством и содержащая некоторые для 1858 г. пророческие указания — например, Ломбардия и Венеция присоединены к Пьемонту, а Марокко к Испании, — перекраивает политическую географию всей Европы, за единственным исключением Франции, видимо остающейся в своих старых границах. Территории, предназначавшиеся для нее, раздаются со скрытой иронией невероятным владельцам. Так, например, *Египет* достается *Австрии,* а в примечаниях на полях карты указывается: «Francois Joseph I, l'Empereur d'Autriche et d'Egypte» (Франц-Иосиф I, император австрийский и египетский).

У Фогта перед глазами в качестве декабрьского компаса лежала карта *«Европа в 1860 г.».* Отсюда его конфликт между Англией и Австрией из-за *Египта* и *Сирии.* Фогт пророчествует, что этот конфликт «закончился бы уничтожением одной из враждующих держав», *если бы,* как он еще вовремя спохватывается, *«если бы* Австрия *обладала военным флотом»* (стр. 2 l. c.). Но кульминационного пункта своей своеобразной исторической учености «Исследования» достигают в следующем месте:

«Когда Наполеон I *в свое время* пытался вызвать банкротство *английского банка [die englische Bank]*, последний в течение одного дня вышел

* — «французское озеро». *Ред.*
** — «австрийское озеро». *Ред.*

из затруднения тем, что стал отсчитывать деньги, а не взвешивать их, как до того было принято; австрийская государственная касса 365 дней в году находится в подобном, даже еще в гораздо худшем, положении» (l. c., стр. 43).

Как известно, Английский банк [die Bank von England] (die englische Bank — это тоже фогтовский фантом) приостановил размен банкнот на золото с февраля 1797 до 1821 года; за все эти 24 года английские банкноты вообще не подлежали размену на металлические деньги, будь то на вес или на счет. Когда была произведена приостановка размена на золото, во Франции никакого Наполеона I еще не было (хотя генерал Бонапарт проводил тогда свою первую итальянскую кампанию); а когда на Треднидл-стрит возобновился размен банкнот, то Наполеона уже не было в Европе. Такого рода «Исследования» побивают даже *ла героньеровское* завоевание Тироля «императором» Австрии.

Г-жа Крюденер, мать Священного союза, проводила различие между добрым началом, *«белым ангелом Севера»* (Александром I) и злым началом, *«черным ангелом Юга»* (Наполеоном I). Фогт, нареченный отец нового Священного союза, превращает обоих — царя и цезаря — Александра II и Наполеона III — в *«белых ангелов».* Оба — предопределенные судьбой освободители Европы.

Пьемонт, говорит Фогт, *«заслужил* **даже** *уважение России»* (стр. 71 l. c.).

Заслужил даже уважение России. Что же больше можно сказать о государстве? Особенно после того, как Пьемонт уступил России военную гавань Виллафранка, а тот же *Фогт* сделал следующее предостережение по поводу покупки Пруссией залива Яде[472]:

«военная гавань в чужой стране, без органической связи с владеющим ею государством, это настолько смешная нелепость, что существование такой гавани приобретает смысл лишь в том случае, если в ней видят, в известной мере, точку прицела для дальнейших устремлений, поднятый флажок, по которому визируется линия наводки» («Исследования», стр. 15).

Как известно, уже Екатерина II старалась приобрести для России военные гавани в Средиземном море.

Нежная предупредительность к «белому ангелу» Севера приводит *Фогта* к чрезмерно грубому нарушению «природной скромности», поскольку она еще имеется в его первоисточниках, изданных Дантю. В брошюре *«Сущность вопроса, Франция —*

Италия — Австрия», Париж, 1859 (у Дантю)[473] он прочел на стр. 20:

«Впрочем, на каком основании австрийское правительство станет ссылаться на ненарушимость договоров 1815 г., когда оно само нарушило их *захватом Кракова,* независимость которого была гарантирована этими договорами?»*

Фогт переводит свой французский оригинал на немецкий язык следующим образом:

«Странно слышать подобные речи из уст *единственного правительства,* которое *до сих пор нагло нарушало договоры;* в мирное время, без всякого повода, оно протянуло свои кощунственные руки к гарантированной договорами *Краковской республике и без долгих проволочек* включило ее в состав империи» (стр. 58 l. c.).

Разумеется, Николай уничтожил конституцию и независимость Царства Польского, гарантированные договорами 1815 г., из «уважения» к договорам 1815 года. Не меньшее уважение Россия проявила и к неприкосновенности *Кракова,* заняв в 1831 г. этот вольный город своими войсками. В 1836 г. Краков был снова занят русскими, австрийцами и пруссаками; с ним обошлись как с завоеванной страной, и еще в 1840 г. он, ссылаясь на договоры 1815 г., тщетно апеллировал к Англии и Франции. Наконец, 22 февраля 1846 г. русские, австрийцы и пруссаки снова заняли Краков, чтобы присоединить его к Австрии[474]. Нарушение договоров было совершено *тремя северными державами,* и австрийский захват 1846 г. был только заключительным словом русского вторжения 1831 года. Из деликатности к «белому ангелу Севера» Фогт забывает о захвате Польши и извращает историю захвата Кракова**.

То обстоятельство, что *Россия* «неизменно враждебна Австрии и симпатизирует Франции», не оставляет у Фогта никаких сомнений насчет народно-освободительных тенденций Луи Бонапарта, подобно тому, как то обстоятельство, что «его» (Луи Бонапарта) «политика в *настоящее время теснейшим образом* связана с политикой России» (стр. 30), не оставляет у него никаких сомнений насчет народно-освободительных тенденций Александра II.

Поэтому на святую Русь на Востоке следует смотреть как на такого же «друга освободительных стремлений» и «народного

* «De guel droit, d'ailleurs, le gouvernement autrichien viendrait-il invoquer l'inviolabilite de ceux» (traites) «de 1815, lui qui les a violes en confisquant Cracovie, dont ces traites garantissaient l'independance?»

** Пальмерстон, одурачивший Европу своим смехотворным протестом, с 1831 г. принимал деятельнейшее участие в интригах против Кракова. (См. мой памфлет *«Пальмерстон и* Польша». *Лондон, 1853*[475]*.)*

и национального развития», как на Францию декабрьского переворота на Западе. Этот лозунг был дан всем агентам переворота 2 декабря.

«Россия», — прочел *Фогт* в изданной у Дантю брошюре *«Обязательность договоров, державы, их подписавшие, и император Наполеон III»,* Париж, 1859[476], — «Россия принадлежит к семье славян, к избранной расе... Удивлялись рыцарскому согласию, внезапно возникшему между Францией и Россией. Нет ничего естественнее: *единство принципов, согласованность цели,* подчинение *закону священного* союза *правительств и народов* не для того, чтобы действовать обманом и принуждением, а для того, чтобы направлять движение наций по божественному пути и поддерживать это движение. Эта полнейшая сердечность» (между Луи-Филиппом и Англией была только entente cordiale*, но между Луи Бонапартом и Россией царит la cordialite la plus parfaite**) «привела к самым благотворным результатам: железные дороги, *освобождение крепостных,* стоянки торговых судов в Средиземном море и т. д.»***.

Фогт подхватывает «освобождение крепостных» и намекает, что

«данный теперь толчок... должен превратить Россию скорее в друга, чем во врага освободительных стремлений» (l. c., стр. 10).

У него, как и у его источника, изданного Дантю, толчок для так называемого освобождения крепостных в России исходит от Луи Бонапарта, с этой целью он превращает послужившую таким толчком англо-турецко-франко-русскую войну во *французскую войну»* (стр. 9 l. c.).

Как известно, призыв к освобождению крепостных впервые громко и настойчиво прозвучал при Александре I. Царь Николай всю свою жизнь занимался вопросом об освобождении крепостных; с этой целью он в 1838 г. создал особое министерство государственных имуществ, в 1843 г. предписал ему предпринять подготовительные шаги, а в 1847 г. издал даже благоприятные для крестьян законы по поводу продажи дворянских земельных владений[477], и только в 1848 г. страх перед революцией заставил его снова отменить их. Поэтому, если вопрос об освобождении крепостных при «благожелательном царе», как *Фогт* любезно называет Александра II, очень сильно продвинулся вперед, то произошло это очевидно в силу развития экономических отношений, над которыми даже царь не властен.

---

* — сердечным согласием. *Ред.*

** — полнейшая сердечность. *Ред.*

*** «La Russie est de la famille des Slaves, race d'elite... On c'est etonne de l'accord chevaleresque survenu soudainement entre la France et la Russie. Rien de plus naturel: accord de principes, unanimite de but... *soumission a la loi de l'alliance sainte des gouvernements et des peuples,* non pour leurrer et contraindre, mais pour guider et aider la marche divine des nations. De la cordialite la plus parfaite sont sortis les plus heureux effets: chemins de fer, *affranchissement des serfs*, stations commerciales dans la Mediterranee etc.», p. 33, *«La Foi des Traites* etc.», Paris, 1859.

Кроме того, освобождение крепостных *в духе русского правительства* в сотни раз увеличило бы агрессивность России. Такое освобождение просто имеет целью довести самодержавие до предела путем уничтожения преград, которые стояли до сих пор перед большим самодержцем в лице многочисленных, опиравшихся на крепостничество малых самодержцев из русского дворянства и в лице самоуправляющихся крестьянских общин, материальная основа которых, общинная собственность, должна быть уничтожена так называемым освобождением.

Но русские крепостные, оказывается, понимают освобождение иначе, чем правительство, а русское дворянство понимает его опять-таки по-иному. В силу этого «благожелательный царь» обнаружил, что подлинное освобождение крепостных несовместимо с его самодержавием, подобно тому как благожелательный папа Пий IX открыл в свое время, что освобождение Италии несовместимо с условиями существования папства. Поэтому «благожелательный царь» видит в завоевательной войне и в проведении традиционной внешней политики России, которая, по замечанию русского историка Карамзина, «неизменна»[478], единственное средство отсрочить наступление революции внутри страны. Князь *Долгоруков* в своей книге *«Правда о России»,* 1860 г.[479] подвергнул уничтожающей критике и опроверг лживые россказни о наступившем при Александре II тысячелетнем царстве, усердно распространявшиеся с 1856 г. по всей Европе наемными русскими писаками, громко провозглашенные в 1859 г. рыцарями декабря и раболепно повторенные Фогтом в его «Исследованиях».

Еще до начала Итальянской войны союз, заключенный — согласно *Фогту,* специально в целях освобождения национальностей — между «белым царем» и «героем декабря», прошел испытание в Дунайских княжествах, где единство и независимость румынской национальности были закреплены избранием полковника Кузы в господари Молдавии и Валахии[480].

«Австрия протестует руками и ногами, *Франция и Россия выражают одобрение»* (стр. 65 l. c.).

В докладной записке (перепечатана в «Preusisches Wochenblatt»[481], 1855 г.), составленной в 1837 г. русским кабинетом для тогдашнего царя, читаем:

«Россия не любит *сразу* присоединять к себе государства с чужеродными элементами... Во всяком случае, представляется более удобным государства, которые *решено* приобрести, оставлять на некоторое время под управлением особых, но полностью зависимых правителей, как мы это сделали в Молдавии и Валахии и т. д.».

Прежде чем Россия присоединила Крым, она провозгласила его *независимость*.

В русском манифесте от 11 декабря 1814 г. мы читаем, между прочим, следующее:

«Император Александр, ваш защитник, обращается к вам, поляки. Вооружитесь сами для защиты своего отечества и для сохранения своей *политической независимости»*.

А Дунайские княжества! Со времени вступления Петра Великого в Дунайские княжества Россия заботилась о их *«независимости»*. На конгрессе в Немирове (1737) императрица Анна потребовала от султана независимости Дунайских княжеств под русским протекторатом. Екатерина II на Фокшанском конгрессе (1772) настаивала на независимости княжеств под *европейским протекторатом*[482]. Эти домогательства продолжались и при Александре I, который реализовал их, превратив Бессарабию в русскую провинцию (Бухарестский мир 1812 г.)[483]. Николай даже осчастливил румын через Киселева действующим еще поныне «Органическим регламентом», установившим отвратительнейшее крепостничество при ликовании всей Европы по поводу этого code* свободы[484]. Александр II только на шаг продвинул полуторавековую политику своих предшественников квази-объединением Дунайских княжеств под управлением Кузы. *Фогт* же делает открытие, что, благодаря этому объединению под главенством русского вассала, «княжества станут оплотом против продвижения России на юг» (стр. 64 l. c.).

Так как Россия приветствовала избрание Кузы (стр. 65 l. c.), то ясно, как день, что благожелательный царь не пожалел сил, чтобы закрыть себе «путь на юг», хотя «Константинополь остается всегдашней целью русской политики» (l. c., стр. 9).

Мысль выставить Россию защитницей либерализма и национальных стремлений не нова. Целая толпа французских и немецких просветителей прославляла Екатерину II как знаменосца прогресса. «Благородный» Александр I (Le grec du Bas Empire**, как неблагородно назвал его Наполеон) разыгрывал в свое время роль героя либерализма во всей Европе. Разве он не осчастливил Финляндию благами русской цивилизации? Разве он не наделил, в своем великодушии, Францию, наряду с конституцией также и *русским* премьер-министром, герцогом Ришельё? Разве не был он тайным вождем «Гетерии»[485], хотя одновременно с этим на Веронском конгрессе, через продажного Шатобриана, побуждал Людовика XVIII выступить

* — кодекса. *Ред.*

** — «грек времен Восточной Римской империи», «византиец» (в переносном смысле: двуличный, коварный человек). *Ред.*

в поход против испанских мятежников?[486] Разве он не втравливал Фердинанда VII, через его духовника, в экспедицию против восставших испано-американских колоний, пообещав в то же время президенту Северо-Американских Соединенных Штатов свою поддержку против всякой интервенции европейских держав на американском материке? Разве он не послал в Валахию Ипсиланти в качестве «вождя священной дружины эллинов» и с помощью того же Ипсиланти не предал эту дружину и не убил коварно Владимиреску, вождя валашских повстанцев? Николая также прославляли до 1830 г. на всех языках, в стихах и прозе, как героя-освободителя национальностей. Когда он в 1828 — 1829 гг. предпринял войну против Махмуда II для освобождения *греков* — как раз после того, как Махмуд отказался пропустить русскую армию для подавления греческого восстания, — Пальмерстон заявил в английском парламенте, что враги России-освободительницы — неизбежные «друзья» величайших в мире чудовищ, дон Мигела, Австрии и султана. Разве Николай, в своей отеческой заботе о греках, не дал им в президенты русского генерала, графа Каподистрию? Но греки не были французами и убили благородного Каподистрию, Хотя Николай, со времени взрыва июльской революции 1830 г., играл главным образом роль покровителя легитимистов, он ни на минуту не переставал оказывать содействие «освобождению национальностей». Достаточно нескольких примеров. Революцией в *Греции* — с целью провозглашения конституции, — вспыхнувшей в сентябре 1843 г., руководил Катакази, русский посланник в Афинах, прежде главный ответственный инспектор над адмиралом Гейденом во время наваринской катастрофы[487]. Центром *болгарского* возмущения в 1842 г. было русское консульство в Бухаресте. Там русский генерал Дюгамель принял весной 1842 г. болгарскую депутацию, которой изложил план всеобщего восстания. Сербия должна была служить резервом восстания, а русский генерал Киселев стать господарем Валахии. Во время *сербского* восстания (1843) Россия через посольство в Константинополе побуждала Турцию к насильственным мерам против сербов, чтобы потом под этим предлогом апеллировать к симпатиям и фанатизму Европы против турок. Из освободительных планов царя Николая отнюдь не была исключена также и *Италия.* «Jeune Italie», бывшая некоторое время парижским органом мадзинистов, рассказывает в одном из *ноябрьских* номеров *1842 года:*

«Недавние беспорядки в Романье и движение в Греции были в большей или меньшей степени связаны между собой... Итальянское движение потерпело неудачу, потому что подлинно демократическая партия отказа-

лась примкнуть к нему. *Республиканцы не* хотели *поддерживать* движение, созданное Россией. Все было подготовлено для всеобщего восстания в Италии. Движение должно было начаться в Неаполе, где ожидали, что часть армии встанет во главе его или же непосредственно присоединится к патриотам. Вслед за начавшейся в Неаполе революцией должны были подняться Ломбардия, Пьемонт и Романья: должна была быть основана *итальянская империя* во главе с герцогом Лёйхтенбергским, сыном Евгения Богарне и зятем царя. *«Молодая Италия» расстроила этот план».*

«Times»[488] от *20 ноября 1843 г.* замечает по поводу этого сообщения «Jeune Italie»:

«Если бы эта великая цель — основание итальянской империи с русским принцем во главе — могла быть осуществлена, тем лучше; но любой взрыв в Италии мог бы дать другие, более непосредственные, хотя и не столь крупные, выгоды: вызвать тревогу у Австрии и отвлечь ее внимание от грозных (fearful) планов России *на Дунае».*

После безуспешного обращения в 1843 г. к «Молодой Италии»[489] Николай в марте 1844 г. послал г-на Бутенева в Рим. Бутенев сообщил папе* от имени царя план, согласно которому русская Польша отходила к Австрии в обмен на Ломбардию, которая должна была образовать североитальянское королевство с герцогом Лёйхтенбергским во главе. Газета «Tablet», бывшая тогда английским органом римской курии, писала *в апреле 1844 г.* по поводу этого предложения:

«Приманка для римского двора в этом прекрасном плане заключалась в том, что Польша попадала в католические руки, в то время как Ломбардия по-прежнему оставалась под управлением католической династии. Но ветераны римской дипломатии понимали, что в то время, как Австрия с трудом может сохранять свои собственные владения и, по всей вероятности, рано или поздно должна будет вновь потерять свои славянские провинции, передача Польши Австрии — если бы даже это предлагалось серьезно — была бы только ссудой, подлежавшей последующему возврату, между тем как Северная Италия с герцогом Лёйхтенбергским действительно подпала бы под протекторат России, а вскоре неизбежно и под русское владычество. И горячо рекомендованный план был пока отложен».

Так писала газета «Tablet» в 1844 году.

Единственный момент, оправдывавший государственное существование Австрии с середины XVIII столетия, ее противодействие успехам России в восточной Европе — противодействие беспомощное, непоследовательное, трусливое, но упорное — дает повод *Фогту* сделать открытие, что «Австрия — очаг всяких раздоров на Востоке» (l. c., стр. 56). С «какой-то детской наивностью», которая так мило идет к его жирной наружности, он объясняет союз России с Францией против Австрии — помимо освободительных тенденций «благожелательного

* — Григорию XVI. *Ред.*

царя» — *неблагодарностью,* которой Австрия отплатила за услуги Николая, оказанные во время венгерской революции.

«А во время Крымской войны Австрия дошла до последней границы вооруженного, враждебного нейтралитета. Само собой разумеется, что это поведение, к тому же отмеченное печатью *фальши и коварства,* должно было страшно озлобить русское правительство против Австрии и толкнуть его тем самым в сторону Франции» (l. c., стр. 10, 11).

Россия, по *Фогту,* ведет сентиментальную политику. Та *благодарность,* которую Австрия проявила по отношению к царю в ущерб Германии во время Варшавского конгресса 1850 г. и совершая поход в Шлезвиг-Гольштейн[490], все еще не удовлетворяет благодарного *Фогта.*

Русский дипломат *Поццо-ди-Борго* в своей знаменитой депеше, помеченной: Париж, октябрь 1825 г.[491], перечислив интриги Австрии против русских планов интервенции на Востоке, говорит:

«Поэтому наша политика требует, чтобы мы по отношению к этому государству» (Австрии) «занимали угрожающую позицию; наши приготовления должны убедить его в том, что, если оно предпримет что-либо против нас, над его головой разразится такая страшная буря, какой оно еще никогда не переживало».

Пригрозив Австрии войной извне и революцией изнутри и предложив в качестве возможного мирного исхода захват Австрией турецких «провинций, на которые она претендует», а Пруссию изобразив просто в виде подчиненного союзника России, Поццо продолжает:

«Если бы венский кабинет признал наши благие цели и намерения, то давно был бы выполнен план императорского кабинета, — план, имеющий в виду не только овладение Дунайскими княжествами и Константинополем, но и изгнание турок из Европы».

Как известно, в 1830 г. между Николаем и Карлом X был заключен тайный договор на следующих условиях: Франция разрешает России завладеть Константинополем и в качестве компенсации получает Рейнские провинции и Бельгию; Пруссия компенсируется Ганновером и Саксонией; Австрия получает часть турецких провинций на Дунае. При Луи-Филиппе тот же план, по инициативе России, был снова предложен Моле петербургскому кабинету. Вскоре после этого Бруннов отправился с этим документом в Лондон, где он был показан английскому правительству как доказательство предательства Франции и использован для образования антифранцузской коалиции 1840 года.

Посмотрим теперь, как *должна была* Россия в согласии с Францией использовать Итальянскую войну, по мысли *Фогта,* инспирированного своими парижскими первоисточниками. «Национальный» состав России, в частности *«польская национальность»,* казалось, должны были бы представить некоторые затруднения для человека, «путеводной звездой» которого служит «принцип национальности»; однако:

«принцип национальности мы оцениваем высоко, но еще выше для нас принцип свободного самоопределения» (стр. 121 l. c.).

Захватив по договорам 1815 г. значительно большую часть собственно *Польши,* Россия настолько продвинулась на запад, вклинившись не только между Австрией и Пруссией, но и между Восточной Пруссией и Силезией, что уже тогда прусские офицеры (например, Гнейзенау) обращали внимание на недопустимость подобных пограничных отношений с чрезвычайно могущественным соседом. Но только тогда, когда усмирение поляков в 1831 г. отдало эту область всецело на гнев и милость русских, обнаружилось истинное значение этого клина. Необходимость держать в покорности Польшу служила только предлогом для возведения мощных укреплений у Варшавы, Модлина, Ивангорода. Действительной их целью было полное стратегическое господство над районом Вислы, создание базы для наступления на север, юг и запад. Даже Гакстгаузен, при всех своих горячих симпатиях к православному царю и всему русскому, увидел в этом вполне реальную опасность и угрозу для Германии. Укрепленная позиция русских на Висле представляет большую угрозу для Германии, чем все французские крепости, вместе взятые, особенно с того момента, когда прекратится национальное сопротивление Польши, и Россия сможет распоряжаться военной силой Польши как своей собственной агрессивной силой. *Фогт* поэтому успокаивает Германию тем, что *Польша — стала русской* по свободному самоопределению.

«Несомненно», — говорит он, — «несомненно, что в результате напряженных усилий русской народной партии *пропасть, зиявшая между Польшей и Россией, стала значительно меньше,* и, может быть, достаточно лишь *небольшого толчка, чтобы совсем засыпать ее»* (1. c., стр. 12).

Этот небольшой толчок должна была дать Итальянская война. (Александр II убедился, однако, во время этой войны, что Польша еще не стоит на высоте, уготованной ей Фогтом.) Растворившаяся в России на основе «свободного самоопределения» *Польша* в качестве центрального тела притянет по закону

тяготения томящиеся под чужеземным господством отторгнутые части бывшего польского государства. Чтобы этот процесс притяжения совершался легче, *Фогт* советует Пруссии воспользоваться удобным моментом и избавиться от «славянского придатка» (стр. 17 l. c.), то есть от *Познани* (стр. 97 l. c.) и, вероятно, также и от *Западной Пруссии,* так как только Восточную Пруссию считают «чисто немецкой землей». Отторгнутые от Пруссии части, разумеется, сейчас же сольются с поглощенным Россией центральным телом, а «чисто немецкая земля» — Восточная Пруссия — превратится в enclave* России. С другой стороны, что касается *Галиции,* которая на карте *«Европа в 1860* г.» также включена в Россию, то ведь отторжение ее от Австрии непосредственно входило в цель войны, преследовавшей освобождение Германии от негерманских владений Австрии, *Фогт* вспоминает, что

«до 1848 г. в Галиции чаще встречался портрет русского царя, чем австрийского императора» (стр. 12 l. c.) и что «при необыкновенном искусстве России в осуществлении такого рода интриг у Австрии могут быть серьезные основания для тревоги» (l. c.).

Но само собой разумеется, что в целях избавления от «внутреннего врага» Германия должна спокойно позволить русским «продвинуть к границе войска» (стр. 13), которые поддержали бы такие интриги. В то время как Пруссия сама откажется от своих польских провинций, Россия, воспользовавшись Итальянской войной, должна отторгнуть от Австрии Галицию, подобно тому как уже в 1809 г. Александр I получил часть ее в качестве платы за свою лишь театральную поддержку Наполеона I. Известно, что Россия частично от Наполеона I, частично от Венского конгресса с успехом добилась части польских земель, первоначально доставшихся Пруссии и Австрии, В 1859 г. наступил, по мнению *Фогта,* момент объединить *всю* Польшу с Россией. Вместо *освобождения польской национальности* от русских, австрийцев и пруссаков *Фогт* требует *растворения в России и уничтожения всего прежнего польского государства.* Finis Poloniae!** Эта «русская» идея о «восстановлении Польши», сразу же после смерти царя Николая I распространившаяся по всей Европе, была разоблачена уже в марте 1855 г. *Давидом Уркартом* в памфлете *«The new hope of Poland»* («Новая надежда Польши»).

Но *Фогт* еще недостаточно постарался для России.

* — владение, вкрапленное в чужую территорию. *Ред.*
** — Конец Польше! *Ред.*

«Необычайная предупредительность», — рассказывает этот *любезный собеседник,* — «чуть ли не братское обхождение русских с *венгерскими* революционерами слишком резко выделялось на фоне поведения австрийцев, чтобы не оказать своего действия. Разгромив партию» (nota bene: Россия, по *Фогту,* разгромила не *Венгрию,* а *партию),* «но обращаясь с ней мягко и вежливо, Россия создала почву для мнения, которое можно примерно выразить так: из двух зол приходится выбирать меньшее, и *в данном случае Россия — не большее зло»* (стр. 12, 13 l. c.).

С какой «необычайной предупредительностью, мягкостью и вежливостью», даже «братским» участием плон-плоновский Фальстаф изображает поведение русских в Венгрии, становясь «каналом» иллюзии, о которую разбилась венгерская революция 1849 года. Это партия *Гёргея* распространяла тогда веру в русского князя как в будущего короля Венгрии и этой верой сломила силу сопротивления венгерской революции*.

Не имея особой опоры ни в одной расе, Габсбурги *до* 1848 г., естественно, основывали свое господство над Венгрией на господствующей национальности — на *мадьярах.* Между прочим, Меттерних был вообще величайшим хранителем национальностей. Он понуждал одну национальность действовать во зло другой, но он нуждался в них, чтобы понуждать их к этому. Он их поэтому сохранял. Сравним Познань и Галицию. После революции 1848 — 1849 гг. Габсбургская династия, разбившая мадьяр и немцев при помощи славян, пыталась, подражая Иосифу II, насильственно установить господство немецкого элемента в Венгрии. Из страха перед Россией Габсбурги н« осмеливались броситься в объятия своим спасителям славянам. Их общегосударственная реакция была направлена в Венгрии гораздо больше против их спасителей, славян, чем против их побежденных врагов, мадьяр. Поэтому в борьбе со своими собственными спасителями австрийская реакция, как это показал *Семере* в своей брошюре *«Венгрия в 1848 — 1860 годах»,* Лондон, 1860[493], гнала славян обратно под мадьярское знамя. Австрийское господство *над* Венгрией сопровождалось поэтому господством мадьяр *в* Венгрии как *до,* так и *после* 1848 года. Совсем другое дело Россия, независимо от того, господствует ли она в Венгрии прямо или косвенно. Если подсчитать все родственные ей по происхождению и по религии элементы, то окажется, что Россия имеет за собой *немадьярское*

* «Несчастьем венгров было то, что они не знали русских», — говорит польский полковник Лапинский, сражавшийся до сдачи Коморна в венгерской революционной армии, а затем в Черкесии против русских (Теофиль Лапинский. «Поход венгерской главной армии в 1849 году». Гамбург, 1850, стр. 216)[492]. «Венский кабинет был всецело в руках русских... По их совету была убиты руководители... Всяческими способами завоевывая себе симпатии, *русские заставляли Австрию* действовать так, чтобы сделать ее более ненавистной, чем когда-либо» (l. c., стр. 188, 189).

большинство населения. Мадьяры уступают численно родственным России по происхождению славянам и родственным ей по религии валахам. Поэтому русское господство в Венгрии равносильно *гибели венгерской национальности,* то есть гибели исторически связанной с господством мадьяр Венгрии*.

Фогт предоставляет *полякам* в порядке «свободного самоопределения» раствориться в *России,* а *венграм,* в порядке подчинения русскому господству, погибнуть в *славянстве***.

Но *Фогт* все еще недостаточно постарался для России. Среди «ненемецких провинций» Австрии, за которые Германскому союзу *не* следовало «обнажать меча» против Франции и России, «стоящей всецело на стороне Франции», находились не только Галиция, Венгрия, Италия, но и *Богемия с Моравией.*

«Россия», — говорит Фогт, — «представляет собой то крепкое ядро, вокруг которого все более и более стремятся группироваться славянские народности» (l. c., стр. 9 — 10).

Население Богемии и Моравии принадлежит к «славянским народностям». Подобно тому как Московия превратилась в Россию, так Россия должна превратиться в Панславянию, «Имея *чехов* под боком, мы *не устоим ни перед каким врагом»* (стр. 134 l. c.). Мы, то есть Германия, должны стараться изба-

* Генерал *Мориц Перцель,* прославившийся в венгерской революционной войне, еще во время итальянской кампании отошел от группировавшихся вокруг Кошута в Турине венгерских офицеров, так разъяснив в публичном заявлении мотивы своего ухода: с одной стороны, Кошут, ставший всего лишь каким-то бонапартистским пугалом, а с другой, — перспектива *русского* будущего Венгрии. В ответе (помеченном: *Сент-Элье, 19 апреля 1860 г.)* на мое письмо, в котором я просил его разъяснить подробнее свое заявление, он, между прочим, пишет: «Я никогда не стану орудием, способствующим избавлению Венгрии от когтей двуглавого орла только для того, чтобы передать ее потом **в смертоносные объятия** северного медведя».

** Г-н *Кошут* никогда не заблуждался насчет правильности развитых выше соображений. Он знал, что *Австрия* может жестоко обращаться с Венгрией, но не может уничтожить се. «Император Иосиф II», — пишет он великому визирю Решид-паше из Кютахьи 15 февраля 1851 г., — «единственный гениальный человек из дома Габсбургов, истощил все исключительные ресурсы своего редкого ума и популярных тогда еще представлений о мощи его династии, чтобы германизировать Венгрию и растворить ее в объединенном государстве, но Венгрия вышла из борьбы с обновленными жизненными силами... В последнюю революцию Австрия поднялась из праха лишь для того, чтобы упасть на колени перед царем, своим господином, который никогда не *оказывает* помощи, а всегда эту помощь *продает.* И Австрия дорого должна была заплатить за эту помощь» *(«Переписка Кошута»,* стр. 33). В том же письме он, наряду с этим, пишет, что только Турция и Венгрия, объединившись, могут разрушить *панславистские козни* России. Он пишет *Давиду Уркарту из Кютахьи 17 января 1851 года:* «We *must crush Russia,* my dear Sir! and, headed by you, we will! I have not only the resolution of will, but also that of hope! and this is no vain word, my dear Sir, no sanguine fascination; it is the word of a man, who is wont duly to calculate every chance: of a man though very weak in faculties, not to be shaken in perseverance and resolution etc.» (l. c., стр. 39). («Мы *должны сокрушить Россию,* дорогой друг; и под Вашим руководством мы ее сокрушим. Я не только исполнен решимости, но и надежды — и это не пустая фраза, дорогой друг, не фантазия сангвиника: это — слово человека, привыкшего тщательно взвешивать все шансы, человека, хотя и очень слабых способностей, но непоколебимого в своей выдержке и решительности и т. д.»).

виться от чехов, то есть от Богемии и Моравии. «Никакой гарантии для ненемецких владений государей» (стр. 133 l. c.). *«Никаких ненемецких провинций больше в Союзе»* (l. c.), а только немецкие провинции во Франции! Поэтому нужно *«предоставить свободу действий»* не только «теперешней Французской империи, пока она **не** *посягает* на немецкую *территорию Союза»* (стр. 9, Предисловие), нужно «предоставить свободу действий» и **России,** пока она посягает только на *«ненемецкие провинции в Союзе».* Россия будет содействовать развитию «единства» и «национальной целостности» Германии, посылая войска в «славянские придатки» Австрии, составляющие объект «интриг» России. В то время как Австрия будет занята в Италии Луи Бонапартом, а Пруссия удержит в ножнах союзный немецкий меч, «благожелательный царь» будет «тайно поддерживать деньгами, оружием и снаряжением революции в *Моравии и Богемии»* (l. c., стр. 13).

А «имея чехов под боком, мы не устоим ни перед каким врагом»!

Как великодушно со стороны «благожелательного царя», что он освобождает нас от Богемии и Моравии с их чехами, которые, естественно, как «славянские народности, должны группироваться вокруг России».

Но посмотрим, как наш имперский Фогт, включая Богемию и Моравию в Россию, защищает немецкую восточную границу. Богемия становится русской! Но Богемия лежит посреди Германии, отделенная от русской Польши Силезией, а от русифицированной *Фогтом* Галиции и Венгрии — русифицированной Фогтом Моравией. Таким образом, Россия получает часть территории Германского союза длиной в 50, а шириной в 25 — 35 немецких миль. Она отодвигает свою западную границу на целых 65 немецких миль к западу. Но так как от Эгера до Лаутербурга в Эльзасе по прямой линии только 45 немецких миль, то французским клином, с одной стороны, а еще более русским клином, с другой стороны, Северная Германия была бы совершенно отрезана от Южной, и *раздел Германии был бы налицо.* Прямая дорога из Вены в Берлин — и даже из Мюнхена в Берлин — проходила бы *через Россию.* Дрезден, Нюрнберг, Регенсбург, Линц были бы нашими пограничными с Россией городами; наше положение на юге по отношению к славянам было бы по меньшей мере таким, как *до* Карла Великого (в то время как на западе Фогт не позволяет нам вернуться к Людовику XV), и мы могли бы вычеркнуть тысячу лет из нашей истории.

Для той цели, которой послужила Польша, еще лучше может послужить Богемия. Достаточно превратить Прагу в укрепленный лагерь и возвести вспомогательные крепости у впадения

Молдовы и Эгера в Эльбу, — и русская армия в Богемии сможет спокойно ожидать движущиеся с самого начала порознь немецкие армии из Баварии, Австрии, Бранденбурга с тем, чтобы более сильные из них встретить крепостями, а более слабые разбить поодиночке.

Посмотрим на языковую карту Центральной Европы — возьмем, например, славянский авторитетный источник *slovansky zemevid* Шафарика[494], Здесь граница славянских языков тянется от Померанского побережья у Штольпа через Ястров к югу от Ходцизена на Нетце и затем идет к западу до Мезерица. Но отсюда она круто поворачивает к юго-востоку. Здесь массивный немецкий силезский клин врезается глубоко между Польшей и Богемией. В Моравии и Богемии славянский язык снова продвигается далеко на запад; правда, в него врезается со всех сторон немецкий элемент, и здесь вкраплены немецкие города и островки немецкого языка, да и на севере вся Нижняя Висла и лучшая часть Восточной и Западной Пруссии — немецкие, и они выдвигаются вперед неблагоприятно для Польши. Между самым западным пунктом польского языка и самым северным пунктом чешского языка посреди немецкой языковой области расположен вендско-лужицкий языковый остров, который, однако, при этом почти отрезает Силезию.

Для русского панслависта *Фогта,* имеющего в своем распоряжении Богемию, не может быть сомнения, где проходит естественная граница славянского государства. От Мезерица она идет прямо на Либерозе и Люббен, затем к югу от пересечения Эльбой богемских пограничных гор и следует далее к западной и южной границе Богемии и Моравии. Все, что расположено к востоку от этой линии, является славянским; несколько немецких и иных непрошенных земель, вкрапленных в славянскую область, не могут долее препятствовать развитию великого славянского целого; к тому же они не имеют права быть там, где они находятся. Раз уж принято такое «панславистское положение вещей», то само собой разумеется, что и на юге становится необходимым аналогичное исправление границ. Здесь также незваный немецкий клин вбит между северными и южными славянами и занял дунайскую долину и Штирийские Альпы. *Фогт* не может допустить этого клина и вполне последовательно присоединяет к России Австрию, Зальцбург, Штирию и немецкие части Каринтии. То, что при такой реорганизации славяно-русской империи на испытаннейших началах «принципа национальностей» России перепадает еще некоторое количество мадьяр и румын вместе с различными

турками (ведь «благожелательный царь», покоряя Черкесию и истребляя крымских татар, также работает во славу «принципа национальностей») в наказание за то, что они вклинились между северными и южными славянами, Фогт разъяснил уже в пику Австрии.

Мы, немцы, при этой операции ничего не теряем, кроме Восточной и Западной Пруссии, Силезии, части Бранденбурга и Саксонии, всей Богемии, Моравии и остальной Австрии, исключая Тироль (часть которого, по «принципу национальностей», достается Италии), — ничего, кроме всего этого и нашего национального существования в придачу!

Но остановимся пока лишь на том, что будет, если Галиция, Богемия и Моравия станут *русскими!*

При таком положении вещей немецкая Австрия, Юго-Западная Германия и Северная Германия никогда не могли бы действовать совместно, разве только — и это было бы неизбежно — *под русской гегемонией.*

Фогт заставляет нас, немцев, петь то, что распевали в 1815 г. его парижане:

«Vive *Alexandre*,
Vive *le roi des rois*,
Sans rien *pretendre*,
Il nous donne *des lois*»*.

Итак, *фогтовский* «принцип национальностей», который он в 1859 г. хотел осуществить путем союза между «белым ангелом Севера» и «белым ангелом Юга», должен был, по его *собственному* мнению, выразиться прежде всего в растворении польской национальности, гибели мадьярской и исчезновении немецкой — в *недрах русского государства.*

Я на этот раз не упоминал его первоисточников, брошюр, изданных *Дантю,* я приберегал одну *великолепную* убедительную цитату, показывающую, как во всем, на что он здесь наполовину намекает и что наполовину выбалтывает, выполняется лозунг, данный из Тюильри. В номере «Pensiero ed Azione»[495] от 2 — 16 мая 1859 г., в котором *Мадзини* предсказывает происшедшие потом события, он замечает, в частности, что первый пункт заключенного между Александром II и Луи Бонапартом союза гласил: «abbandono assoluto della Polonia» (полный отказ от поддержки Польши Францией, что *Фогт* переводит словами: «окончательное заполнение пропасти, зияющей между Польшей и Россией»).

* — «О *царь царей Александр!*
Мы славим имя его,
Он нам дарует *законы*,
Взамен *не* прося ничего». *Ред.*

«Che la guerra si prolunghi e assuma... proporzioni europee, l'insurrezione delle provincie oggi turche preparata di lunga mano e quelle del-l'*Ungheria,* daranno campo all'Allianza di rivelarsi... Principi russi governerebbo le provincie che surgerebbo *sulle rovine* dell' Impero Turco e del-l'*Austria... Constantino di Russia* e gia proposto ai malcontenti ungheresi». (См. «Pensiero ed Azione» от 2 — 16 мая 1859 г.) («Если война продлится и примет европейские масштабы, восстание в теперешних турецких провинциях, подготовленное задолго до того, и восстание в Венгрии дадут союзу возможность принять ощутимые формы... Русские князья будут управлять государствами, созданными на обломках Турецкой империи и Австрии... Русского великого князя Константина уже прочат недовольным венграм».)

Однако, *русофильство Фогта* носит подчиненный характер. В этом пункте он лишь следует данному из Тюильри лозунгу, старается только подготовить Германию к махинациям, о которых столковались между собой Луи Бонапарт и Александр II на случай известного оборота войны с Австрией; на деле он только рабски повторяет панславистские фразы своего парижского первоисточника. Собственно его дело — петь «Песнь о Людовике»[496].

«Einan kuning weiz ih, heizit her Hludowig ther gerno Gode» (то есть национальностям) «dionot»*.

Мы слышали раньше, как *Фогт* восхвалял Сардинию за то, что она *«заслужила даже уважение России».* Теперь такая параллель:

«Об Австрии», — говорит он, — «в заявлениях» (Пруссии) «нет речи... Такой же характер имели бы заявления в случае перспективы войны между Северной Америкой и Кохинхиной. Зато особо подчеркивается немецкое призвание Пруссии, ее немецкие обязанности, старая Пруссия. Поэтому *Франция»* (а по данному им на стр. 27 разъяснению о Франции: «Франция сводится теперь лишь к особе своего властелина») *«расточает похвалы через «Moniteur» и другие органы печати.* — Австрия неистовствует» («Исследования», стр. 18).

То, что Пруссия правильно понимает свое *«немецкое призвание»,* следует из похвал, *расточаемых* по ее адресу Луи Бонапартом через «Moniteur» и остальную печать декабрьского переворота. Какая спокойная наглость! Вспомним, как у Фогта из деликатности к «белому ангелу Севера» *одна* Австрия нарушает договоры 1815 г. и одна захватывает Краков. Такую же дружескую услугу он оказывает теперь «белому ангелу Юга».

«Это церковное государство, в отношении республики которого» (республика церковного государства!) *«Кавеньяк,* представитель доктри-

* — «Короля я знаю, Людовиком зовется;
Богу очень ревностно он служит». *Ред.*

нерской республиканской партии и военное подобие Гагерна» (тоже параллель!), «совершил гнусное *народоубийстео»* (совершить народоубийство в отношении республики государства!), «которое, однако, не помогло ему занять пост президента» (l. c., стр. 69).

Итак, *Кавеньяк,* а не *Луи Бонапарт,* совершил *«гнусное народоубийство»* в отношении *Римской республики!* Кавеньяк действительно послал в ноябре 1848 г. военную эскадру в Чивита-Веккиу для личной охраны папы. Но лишь в следующем году, лишь через несколько месяцев после того, как Кавеньяк провалился на выборах в президенты, лишь *9 февраля 1849 г.* была отменена светская власть папы и была *провозглашена республика в Риме,* и, следовательно, Кавеньяк не мог уничтожить республику, не существовавшую в его правление. Луи Бонапарт послал 22 апреля 1849 г. генерала Удино с 14000 человек в Чивита-Веккиу, выманив у Национального собрания необходимые для экспедиции против Рима деньги после неоднократных торжественных заверений, что он имеет в виду лишь помешать задуманному Австрией вторжению в Римское государство. Как известно, началом парижской катастрофы 13 июня 1849 г.[497] послужило решение Ледрю-Роллена и Горы отомстить за «гнусное народоубийство в отношении Римской республики», явившееся в то же время «гнусным нарушением французской конституции» и «гнусным нарушением постановления Национального собрания», отомстить виновнику всех этих гнусных деяний, *Луи Бонапарту, путем привлечения его к судебной ответственности.* Мы видим, как «гнусно», как нагло *фальсифицирует* историю презренный сикофант государственного переворота *Карл Фогт,* чтобы поставить вне всяких подозрений призвание г-на «Людовика» быть освободителем национальностей вообще и Италии в частности.

Фогт вспоминает, как «Neue Rheinische Zeitung» писала, что во Франции класс мелких крестьян вместе с классом люмпен-пролетариата образует единственную основу Bas Empire. Он это преподносит в следующем виде:

«У теперешней империи нет сторонников среди образованных, нет сторонников среди французской буржуазии — за ней *стоят* только две массы: армия и сельский пролетариат, *не умеющий ни читать, ни писать.* Но они составляют $^{9}/_{10}$ населения, представляя собой мощно организованное орудие, которым можно сокрушить сопротивление, и *толпу илотов ипотечной задолженности,* ничего не имеющих, *кроме избирательного бюллетеня»* (стр. 25).

Внегородское население Франции, включая и армию, едва составляет $^{2}/_{3}$ всего населения. *Фогт* превращает неполные $^{2}/_{3}$ в $^{9}/_{10}$. Все внегородское французское население, из которого

примерно $^1/_5$ состоит из зажиточных землевладельцев и еще $^1/_5$, наоборот, из безземельных и неимущих, он превращает целиком и полностью в мелких крестьян, «илотов ипотечной задолженности». Наконец, он упраздняет во Франции, вне городов, всякое умение читать и писать. Как прежде историю, он фальсифицирует теперь статистику, чтобы расширить пьедестал для своего героя. Теперь на этот пьедестал ставится сам герой.

«Следовательно, Франция фактически сводится теперь исключительно лишь к особе своего властелина, о котором Массон» (тоже авторитет) «сказал, что он обладает выдающимися качествами государственного деятеля и монарха, непоколебимой волей, верным тактом, твердой решимостью, сильным сердцем, возвышенным, смелым умом и исключительной беспощадностью» (стр. 27 l. c.).

«Wie saelecliche stat im an
allez daz, daz er begat!
wie gar sin lip ze wunsche stat!
wie gent im so geliche inein
die finen keiserlichen bein.».

(*Tristan*)*

Фогт вырывает у своего Массона кадило, чтобы самому размахивать им. К массоновскому каталогу добродетелей он присоединяет: «холодную расчетливость», «мощную способность комбинировать», «мудрость змия», «упорное терпение» (стр. 28) и затем лепечет, как некий Тацит из передней: *«Происхождение* этой власти — *ужас»,* что, во всяком случае, является бессмыслицей. Прежде всего он должен шутовскую фигуру своего героя мелодраматически представить великим человеком, и вот «Наполеон Малый»[498] превращается в этого *«рокового человека»* (стр. 36 l. c.).

«Если *теперешние обстоятельства»,* — восклицает Фогт, — «и приведут к *перемене»* (какое скромное выражение, *к перемене!)* «в его» (рокового человека) «правлении, то мы, со своей стороны, не преминем выразить *горячее пожелание успеха,* хотя в настоящий момент перед нами и *нет такой перспективы»* (стр. 29 l. c.).

Насколько серьезны виды этого отзывчивого малого с его затаенным пожеланием успеха, видно из следующего:

«Но *внутреннее положение* при **продолжающемся мире** будет поэтому **с каждым днем** становиться **все более неустойчивым,** так как французская армия гораздо теснее связана с партиями образованных, чем, например, это имеет место в немецких государствах, в Пруссии и Австрии; ибо

* — «Во всех движениях его
Найдется ли какой изъян?
Его изящный, тонкий стан
И стройность августейших ног
Кто б описать словами мог?»
(Готфрид Страсбургский.
«Тристан и Изольда»). *Ред.*

именно эти партии находят отклик среди офицерства, и, таким образом, в один прекрасный день *единственная действенная опора* власти, которой располагает император, может ускользнуть у него из рук» (l. c., стр. 27).

Итак, *«внутреннее положение»* становилось при **«продолжающемся мире** с *каждым днем все более неустойчивым».* Поэтому *Фогт* должен был постараться облегчить Луи Бонапарту *нарушение мира.* Армия, «единственная действенная опора» его «власти», угрожала «ускользнуть» у него из рук. Поэтому Фогт доказывал, что задача Европы заключается в том, чтобы снова привязать французскую «армию» к Луи Бонапарту при помощи «локализованной» войны в Италии. Действительно, в конце 1858 г. роль Баденге, как непочтительно называют парижане «племянника своего дяди», казалось, должна была завершиться ужасным финалом. Всеобщий торговый кризис 1857 — 1858 гг. парализовал французскую промышленность*. Маневры правительства с целью помешать обострению кризиса придали этому бедствию хроническую форму, так что застой во французской торговле затянулся до начала Итальянской войны. С другой стороны, хлебные цены в 1857 — 1859 гг. упали так низко, что на различных congres agricoles** стали громко раздаваться жалобы, что французское земледелие при низких ценах на хлеб и при высоких налогах становится невозможным. Смехотворная попытка Луи Бонапарта искусственно поднять хлебные цены путем указа, предписывающего пекарям во всей Франции завести хлебные амбары, выдавала только беспомощность и замешательство его правительства.

Внешняя политика режима государственного переворота продемонстрировала лишь ряд неудачных попыток разыгрывать Наполеона — одни только наскоки, постоянно оканчивавшиеся официальным отступлением. Таковы интриги Луи Бонапарта против Соединенных Штатов Америки, маневр с целью возобновить работорговлю[499], мелодраматические угрозы по адресу Англии. Наглые выходки, которые позволял себе тогда Луи Бонапарт по отношению к Швейцарии, Сардинии, Португалии и Бельгии — хотя в Бельгии он не мог даже помешать укреплению Антверпена, — еще ярче подчеркивали его фиаско перед великими державами. В английском парламенте «Наполеон Малый» стало ходячим выражением, а газета «Times» в заключительных статьях за 1858 г. в насмешку переименовала «железного

* Действительно, именно промышленное процветание и поддерживало так долго режим Луи Бонапарта. Вследствие открытий в Австралии и Калифорнии и их влияния на мировой рынок-французский экспорт более чем удвоился и достиг неслыханного размаха. Вообще февральская революция в последнем счете разбилась о Калифорнию и Австралию.

** — съездах сельских хозяев. *Ред.*

человека» в *«гуттаперчевого* человека». Между тем, бомбы Орсини, точно молнией, осветили внутреннее положение Франции. Оказалось, что режим Луи Бонапарта все так же еще непрочен, как и в первые дни государственного переворота. *«Lois de surete publique»*[500] изобличили полную его изолированность. Ему пришлось переуступить власть своим собственным генералам. Неслыханное дело — Франция была разделена, по испанскому образцу, на пять генерал-капитанств. С учреждением регентства Пелисье был фактически признан высшей властью Франции[501]. Между тем возобновление terreur* не внушало страха. Вместо того, чтобы казаться страшным, голландский племянник Аустерлицкой битвы казался уродливо смешным[502]. Монталамбер мог разыгрывать в Париже Гемпдена, Берье и Дюфор выбалтывать в своих защитительных речах в суде надежды буржуазии, а Прудон проповедовать в Брюсселе луи-филиппизм с acte additionel[503], между тем как сам Луи Бонапарт признавал перед всей Европой растущую мощь Марианны. Во время шалонского восстания[504] офицеры, услыхав о провозглашении республики в Париже, вместо того, чтобы обрушиться на мятежников, сперва предупредительно справились в префектуре, действительно ли провозглашена в Париже республика, — убедительное доказательство, что даже армия рассматривала реставрированную империю как пантомиму, заключительная сцена которой приближается. Скандальные дуэли заносчивых офицеров в Париже одновременно со скандальными биржевыми аферами, которыми были скомпрометированы главари банды 10 декабря! Падение в Англии кабинета Пальмерстона из-за союза с Луи Бонапартом[505]! Наконец, состояние государственной казны, которую можно было наполнить только в порядке экстраординарных мер! Таково было положение Bas Empire в конце 1858 года. Либо поддельно-мишурная императорская власть должна была пасть, либо следовало покончить со смехотворным фарсом наполеоновской империи *в границах,* установленных договорами 1815 года. Но для этого требовалась *локализованная война.* Одной перспективы войны с Европой было бы тогда достаточно, чтобы вызвать взрыв во Франции. Всякий ребенок понимал то, что сказал *Хорсмен* в английском парламенте:

«Мы знаем, что Франция будет поддерживать своего императора, пока наши колебания обеспечивают успех его внешней политике, но у нас есть основания полагать, что она его покинет, как только мы окажем ему решительное противодействие».

* — террора. *Ред.*

Все зависело от того, удастся ли *локализовать* войну, то есть вести ее с верховного разрешения Европы. Саму Францию нужно было сначала постепенно подготовить к войне рядом лицемерных мирных переговоров и их повторных неудач. Но и здесь Луи Бонапарт попал впросак. Английский посол в Париже лорд Каули отправился в Вену с предложениями, составленными Луи Бонапартом и одобренными английским кабинетом (Дерби). Там (см. цитированную выше Синюю книгу) эти предложения, под давлением Англии, были неожиданно приняты. Не успел Каули вернуться в Лондон с сообщением о «мирном разрешении» спора, как тут же неожиданно пришло известие, что Луи Бонапарт отказался от своих собственных предложений и согласился на предложение России о созыве конгресса для принятия мер против Австрии. Только благодаря вмешательству России война стала возможна. Если бы Россия не нуждалась больше в Луи Бонапарте для выполнения своих планов — для того ли, чтобы *осуществить их совместно с Францией,* или для того, чтобы с *помощью французских ударов превратить Австрию и Пруссию в свои безвольные орудия,* — Луи Бонапарт был бы низложен уже тогда. Но, несмотря на тайную поддержку России, несмотря на обещания Пальмерстона, который одобрил в Компьене пломбьерский заговор[506], все зависело от поведения Германии, так как, с одной стороны, в Англии у власти еще был кабинет тори, с другой же стороны, перспектива европейской войны могла бы вызвать взрыв тогдашнего глухого недовольства Франции бонапартистским режимом.

Сам *Фогт* выбалтывает, что он запел свою «Песнь о Людовике» не из сочувствия к Италии и не из страха перед трусливым, консервативным, столь же беспомощным, как и грубым деспотизмом Австрии. Напротив, он полагал, что, если бы Австрия — которая, кстати сказать, была *вынуждена* начать военные действия — на первых порах даже и одержала победу в Италии, то

«во всяком случае во Франции вспыхнула бы революция, рухнула бы империя, и наступило бы новое будущее» (l. c., стр. 131). Он полагал, что «в конце концов, австрийские войска не устояли бы перед освобожденными силами французского народа» (l. c.), что «победоносное австрийское оружие в революции во Франции, Италии и Венгрии само создало бы себе противника, которым оно, наверное, было бы уничтожено».

Но Фогту было важно не Италию освободить от Австрии, а Францию подчинить Луи Бонапарту.

Разве требуются еще какие-нибудь доказательства того, что *Фогт* был лишь одним из бесчисленных рупоров, которыми

шутовской чревовещатель из Тюильри пользовался для вещания на чужих языках?

Нельзя забывать, что в тот момент, когда Луи Бонапарт впервые обнаружил свое призвание к освобождению национальностей вообще и Италии в частности, во Франции разыгрывался небывалый в ее истории спектакль. Вся Европа поражалась упорной настойчивости, с которой она отвергала «idees napoleoniennes»[507]. Энтузиазм, с которым приветствовали заверения Морни о мире даже «chiens savants»* Законодательного корпуса; недовольный тон «Moniteur», каким он выговаривал нации то по поводу того, что она погрязла в материальных интересах, то за недостаток патриотической энергии и за сомнения в политической мудрости и талантах Баденге как полководца; успокоительные официальные messages** ко всем торговым палатам Франции; императорское заверение, что «etudier une question n'est pas la creer»***, — все это еще свежо в памяти всех. Английская печать, пораженная этим необычайным спектаклем, была полна благожелательного вздора о пацифистском перерождении характера французов, биржа трактовала вопрос «быть или не быть войне», как «дуэль» между Луи Бонапартом, желавшим войны, и нацией, не желавшей ее; держали пари о том, кто победит, нация или «племянник своего дяди». Для изображения тогдашнего положения я приведу лишь несколько мест из лондонского журнала «Economist»[508], который, в качестве органа Сити, провозвестника Итальянской войны и детища Уилсона (недавно умершего канцлера казначейства Индии и орудия Пальмерстона), пользовался большим весом:

«Встревоженное вызванным им колоссальным возбуждением, французское правительство прибегло теперь к системе успокоения» *(«Economist», 15 января 1859 года).*

В номере от 22 января 1859 г., в статье, озаглавленной: «Практические границы императорской власти во Франции», «Economist» говорит:

«Будут ли осуществлены планы императора насчет войны в Италии или нет, но *одно,* по крайней мере, бесспорно — его планы натолкнулись на сильное и, по-видимому, неожиданное сопротивление, выразившееся в ледяном приеме, который оказало им общественное мнение Франции, в полном отсутствии какой бы то ни было симпатии к плану императора... Он предлагает войну, а французский народ проявляет лишь тревогу и недовольство, государственные бумаги обесценены, страх перед сборщиком налогов гасит всякую искру воинственного и политического энтузиазма,

* — «ученые собаки». *Ред.*
** — послания. *Ред.*
*** — «изучать вопрос не значит его создавать». *Ред.*

торговая часть нации охвачена паникой, сельские округа недовольны и безмолвствуют в страхе перед новыми наборами и новыми поборами; политические круги, которые оказывали самую сильную поддержку императорскому режиму, как pis aller* против анархии, по тем же самым причинам высказываются против войны; словом ясно, что Луи Бонапарт обнаружил во всех классах населения широкую и глубокую оппозицию против войны, даже войны за Италию, оппозицию, о которой он и не подозревал»**.

В противовес этим настроениям французского народа была выпущена *та* часть оригинальных брошюр Дантю, в которых «именем народа» «императору» предъявлялось требование «помочь, наконец, Франции величественно раскинуться от Альп до Рейна» и не ставить больше препятствий «воинственному духу» и «стремлению народа к освобождению национальностей». *Фогт* играет на одной дудке с проститутками декабря. В тот самый момент, когда в Европе вызывает удивление настойчивое стремление к миру со стороны Франции, *Фогт* делает открытие, что *«теперь* этот подвижный народ» (французы) *«по-видимому, обуреваем воинственными настроениями»* (l. c., стр. 29, 30) и что г-н Людовик лишь следует «господствующему веянию времени», как раз и выражающемуся в стремлении к «независимости национальностей» (стр. 31 l. c.). Разумеется, он *ни* слову не верил из того, что писал. В своей *«Программе»,* призывавшей демократов к сотрудничеству в его бонапартистской пропаганде, он подробно рассказывает, что Итальянская война *непопулярна* во Франции.

«На первое время я не вижу никакой опасности для Рейна; но она может *наступить впоследствии,* война *там* или в Англии сделала бы Луи-Наполеона почти популярным, война же в *Италии не имеет популярности»* (стр. 34 «Главной книги», Документы)***.

Если одна часть издававшихся у Дантю оригинальных брошюр старалась вывести французский народ из его «мирно-

* — средству, к которому прибегают на худой конец. *Ред.*

** Лорд Челси, заменявший в Париже лорда Каули в его отсутствие, пишет: «The official disavowal» (в «Moniteur» от 5 марта 1859г.) «of all warlike intentions on the part of the Emperor, this Imperial message of peace, has been received by *all classes of Paris* with feelings of what may be called exultation». (№ 88 Синей книги об итальянских делах, январь — май 1859). (Официальный отказ от всех воинственных намерений со стороны императора, это мирное послание императора было воспринято *в Париже всеми классами с* необычайным энтузиазмом».)

*** *Nota bene*. В своих «Исследованиях» Фогт, вместе с «Moniteur» и своими первоисточниками, брошюрами Дантю, повторяет, «что своеобразный каприз судьбы заставляет этого человека» (Луи Бонапарта) «выступить в первых рядах в качестве *освободителя национальностей*» (стр. 35), что «следует оказывать *содействие* этой политике, пока она держится в рамках освобождения национальностей», и *«ждать, пока произойдет это освобождение, благодаря этому роковому человеку*» (стр. 36). В «*Программе*» же Фогта для господ демократов, напротив, говорится: «Мы можем и *должны предостерегать от помощи со стороны такого человека*» (стр. 34 «Главной книги» Документы).

летаргического состояния» традиционными завоевательными фантомами и вложить в уста нации личные желания Луи Бонапарта, то задачей другой части, с «Moniteur» во главе, было убедить прежде всего Германию, что император питает отвращение к приобретению земель и что его идеальное призвание — быть мессией, освобождающим национальности. Доказательства бескорыстия его политики, с одной стороны, и его стремления к освобождению национальностей, — с другой, легко заучить наизусть, так как они постоянно повторяются и всегда вертятся вокруг двух основных пунктов. Доказательство бескорыстия политики декабря — *Крымская война.* Доказательство стремления к освобождению национальностей — *полковник Куза и румынская национальность.* Тон здесь непосредственно задавал «Moniteur». См. «Moniteur» от 15 марта 1859 г. о *Крымской войне.* «Moniteur» от 10 апреля 1859 г. пишет о *румынской национальности* следующее:

«Она» (Франция) «желает, чтобы в Германии, как и в Италии, признанные договорами национальности сохранились и даже усилились. — Что же касается *Дунайских княжеств,* то он» (император) «взял на себя труд содействовать торжеству законных желаний этих провинций, чтобы и в этой части Европы обеспечить порядок, основанный на национальных интересах».

См. также появившуюся в начале 1859 г. у *Дантю* брошюру «Наполеон III и румынский вопрос»[509]. Относительно *Крымской войны:*

«Наконец, каких компенсаций потребовала Франция за пролитую ею кровь и за миллионы, потраченные ею на Востоке исключительно в европейских интересах» *(«Сущность вопроса».* Париж, Дантю, 1859, стр. 13).

Эту повторяемую на все лады в Париже тему *Фогт* изложил на немецком языке так удачно, что *Э. Абу,* эта болтливая сорока бонапартизма, по-видимому, перевел обратно на французский язык немецкий перевод *Фогта.* См. *«Пруссия в 1860 году»*[510]. И здесь нас снова преследует *Крымская война и румынская национальность под управлением полковника Кузы.*

«Но одно, во всяком случае, мы знаем», — повторяет *Фогт* вслед за «Moniteur» и оригинальными брошюрами Дантю, — «что Франция не завоевала и пяди земли» (в Крыму) «и что *дядя* после *победоносного похода* не удовольствовался бы тощим результатом установленного превосходства в военном искусстве» («Исследования», стр. 33). «Здесь обнаруживается, однако, *существенное* отличие от старой наполеоновской политики»* (l. c.).

* Впрочем фразеологию освобождения национальностей «Наполеон Малый» тоже скопировал у настоящего Наполеона. Например, в *мае 1809 г.* Наполеон выпустил из Шёнбрунна воззвание к *венграм,* в котором, в частности, говорится: «Венгры! Настал момент для восстановления вашей *независимости... Я ничего* не требую от вас. Я желаю только видеть вас *свободным и независимым народом.* Ваша связь с Австрией была вашим проклятием и т. д.». 16 мая 1797 г. Бонапарт заключил с Венецианской республикой договор, первый пункт которого гласил: «Впредь между Францией и Венецианской республикой должны царить мир и доброе согласие». Це-

Как будто Фогт должен нам доказывать, что «Наполеон Малый» не настоящий Наполеон! *Фогт* мог бы с тем же правом предсказать в 1851 г., что племянник, — которому нечего было противопоставить первой итальянской кампании и египетской экспедиции, кроме страсбургской авантюры, экспедиции в Булонь и колбасного парада в Сатори, — никогда не станет подражать восемнадцатому брюмера[512] и тем более никогда не наденет на себя императорскую корону. Тут было, однако, «существенное отличие от старой наполеоновской политики». Вести войну против европейской коалиции и вести ее с разрешения европейской коалиции — таково было другое отличие.

«Славная крымская кампания», в которой объединенные силы Франции, Англии, Турции и Сардинии после двух лет «завоевали» половину русской крепости, потеряв взамен ее в пользу России целую турецкую крепость (Карс), а при заключении мира на Парижском конгрессе[513] вынуждены были скромно «просить» у неприятеля «разрешения» беспрепятственно переправить свои войска домой, — эта кампания действительно была всем, чем угодно, но только не «наполеоновской». Славной она была в общем только в романе *Базанкура*[514]

ли, которые он преследовал этим миром, он раскрыл французской Директории три дня спустя в тайной депеше, начинавшейся словами: «Вместе с этим вы получите договор, заключенный мной с республикой Венеции, в силу которого генерал Бараге д'Илье во главе 5 — 6 тыс. солдат, занял город. Этим миром я преследовал разные цели». В качестве последней цели он приводит: «заглушить все разговоры, какие могут возникнуть в Европе, так как теперь будет казаться, что занятие нами Венеции — временная операция, которой усердно добивались *сами венецианцы».* Еще два дня спустя, 26 мая, Бонапарт писал муниципалитету Венеции: «Заключенный в Милане договор может быть пока подписан муниципалитетом, тайные пункты — тремя его членами. Я всегда буду делать все, что в моих силах, чтобы дать вам доказательство моего желания укрепить *ваши свободы* и увидеть, наконец, как *несчастная Италия, свободная и независимая от всех чужестранцев,* займет на мировой арене подобающее ей место». Несколько дней спустя он пишет генералу Бараге д'Илье: «По получении сего явитесь к временному правительству Венеции и объясните ему, что в соответствии с принципами, соединяющими теперь республики Франции и Венеции, и в интересах непосредственной защиты, которую Французская республика оказывает Венецианской, необходимо, чтобы флот республики был поставлен на внушающую уважение высоту. *Под этим предлогом* Вы завладеете всем, не забывая в то же время жить в добром согласии с венецианцами и завербовать на нашу службу всех матросов республики, *неизменно,* однако, *выступая от имени Венеции.* Короче, Вы должны устроить так, чтобы перевезти из Венецианской гавани в Тулон все морское снаряжение и корабли. По тайной статье договора венецианцы обязаны доставить Французской республике для Тулонского флота снаряжение на сумму в 3 миллиона, но я *имею намерение* завладеть в интересах Французской республики *всеми* венецианскими судами и *всем* их морским снаряжением для нужд Тулона. (См. *«Секретная и конфиденциальная переписка Наполеона», в 7 томах,* Париж, 1817[511].) Эти приказы были в точности выполнены; а когда Венеция была ограблена и лишена *всех* своих военных и морских средств. Наполеон без малейших колебаний передал своего нового союзника, *освобожденную Венецианскую республику,* которую он торжественно поклялся защищать при всякой опасности, под *деспотическое иго Австрии.*

Но Крымская война многое показала. Луи Бонапарт *предал* мнимого союзника (Турцию), чтобы добиться союза с мнимым врагом. Первым результатом Парижского мира было принесение в жертву «черкесской национальности» и искоренение русскими крымских татар, а также гибель национальных надежд, которые Польша и Швеция возлагали на крестовый поход Западной Европы против России. И другая мораль вытекала из Крымской войны: Луи Бонапарт не смел больше вести *второй Крымской войны,* не смел терять старую армию и входить в новые государственные долги в обмен на сознание, что Франция достаточно богата «de payer sa propre gloire»*, что имя Луи-Наполеона фигурирует в европейском договоре, что «консервативная и династическая печать Европы», согласно высокой оценке *Фогта* (стр. 32 l. c.), единодушно признает «августейшие доблести, мудрость и умеренность императора», и что вся Европа воздавала ему тогда все honneurs**, достойные подлинного Наполеона, под определенным условием, чтобы Луи Бонапарт по примеру Луи-Филиппа надлежащим образом держался в «границах практического разума», то есть в границах договоров 1815 г., не забывая ни на минуту тонкой черты, отделяющей шута от изображаемого им героя. Политические комбинации, государи и состояние общества, давшие вообще возможность главарю декабрьской банды разыгрывать роль Наполеона сперва во Франции, а затем и за ее пределами, действительно свойственны *его* эпохе, но неуместны в летописях великой французской революции.

«Но по меньшей мере остается фактом, что теперешняя французская политика на Востоке отвечала стремлениям к объединению одной национальности» *(румынской)* («Исследования», стр. 34, 35).

Куза, как уже упомянуто, держит место вакантным либо для русского губернатора, либо для русского вассала. На карте *«Европа в 1860* г.» в качестве вассала фигурирует великий герцог Мекленбургский. Россия, разумеется, предоставила Луи Бонапарту все honneurs *этого* освобождения Румынии, сама же получила все его выгоды. На пути дальнейших благожелательных намерений Луи Бонапарта стояла Австрия. Поэтому Итальянская война должна была *превратить* Австрию *из препятствия в орудие.*

Уже в 1858 г. тюильрийский чревовещатель исполнял на своих бесчисленных свистульках вариации на тему: «румынская национальность». *Фогтовский* авторитет, *г-н Кошут,* мог

* — «чтобы оплачивать свою собственную славу». *Ред.*
** — почести. *Ред.*

поэтому уже 20 ноября 1858 г. на лекции в Глазго заявить в ответ:

«Валахия и Молдавия получают конституцию, выработанную в дебрях тайной дипломатии... Она является в действительности не более, не менее, как хартией, пожалованной России на предмет ее хозяйничанья в Дунайских княжествах» («It is in reality no more nor less than a charter granted to Russia for the purpose of disposing of the Principalities»).

Таким образом, Луи Бонапарт злоупотреблял «принципом национальностей» в Дунайских княжествах, чтобы замаскировать их передачу России, подобно тому, как *австрийское правительство* злоупотребляло «принципом национальностей» в 1848 — 1849 гг., чтобы с помощью сербов, словенцев, хорватов, валахов и т. д. задушить мадьярскую и немецкую революцию.

Румынский народ, — а о нем заботятся одновременно русский консул в Бухаресте и, в своих интересах, молдаво-валашская боярская сволочь, большинство которой даже не румыны, а пестрая мозаика из слетевшихся из чужих стран авантюристов, своего рода восточная декабрьская банда, — румынский народ по-прежнему томится под игом отвратительнейшей барщины, которую могли организовать *только русские* при помощи «Органического регламента» и которую мог поддерживать только восточный demi-monde*.

Чтобы украсить собственным красноречием мудрость, заимствованную из первоисточников Дантю, *Фогт* говорит:

«У Австрии было уже вполне достаточно забот с одним Пьемонтом на юге, второго на востоке ей не нужно» (l. c., стр. 64).

Пьемонт захватывает *итальянские* земли. Следовательно, Дунайские княжества — наименее воинственная область Турции — должны будут осуществить захват румынских земель, то есть завоевать Бессарабию у России, а Трансильванию, Темешварский Банат и Буковину — у Австрии? *Фогт* забывает не только о «благожелательном царе». Он забывает, что в 1848 — 1849 гг. *Венгрия,* по-видимому, вовсе не склонна была позволить отобрать у нее эти более или менее румынские земли, ответив на их «страдальческий вопль» обнаженным мечом, и что, наоборот, именно *Австрия* пустила в ход *против Венгрии* эту «пропаганду принципа национальностей».

Но в полном блеске историческая ученость фогтовских «Исследований» вновь раскрывается, когда *Фогт* наполовину по воспоминаниям из бегло прочитанной злободневной брошюры с большим хладнокровием объясняет

* — полусвет. *Ред.*

«горестное состояние княжеств... разлагающим ядом *греков* и *фанариотов»* (1. с., стр. 63).

Он и не подозревал, что *фанариоты* (от названия квартала Константинополя) — это те же *греки,* которые с начала XVIII века под охраной русских хозяйничают в Дунайских княжествах. Отчасти это эпигоны тех константинопольских *лимонджи* (продавцов лимонада), которые теперь снова играют по русскому заказу вариации на тему: «румынская национальность».

В то время как белый ангел Севера продвигается с востока и уничтожает национальности во славу славянской расы, белый ангел Юга, в качестве знаменосца принципа национальностей, наступает с противоположной стороны, и

«нужно *ждать, пока* произойдет освобождение национальностей благодаря этому роковому человеку» («Исследования», стр. 36).

Какую же роль отводит *Германии* имперский Фогт, отнюдь не «приумножатель земель империи» [«Mehrer des Reichs»], во время этих комбинированных операций обоих ангелов и «обоих величайших внешних врагов германского единства», операций, осуществляемых в «теснейшем союзе»? («Исследования», 2-е изд., Послесловие, стр. 154).

«Самому близорукому человеку», — говорит Фогт, — *«должно* теперь стать ясным, что существует соглашение между прусским правительством и императорским правительством Франции; что Пруссия не обнажит меча для защиты ненемецких провинций Австрии» (включая, конечно, Богемию и Моравию); «что она даст согласие на все мероприятия, необходимые для защиты территории Союза» (за исключением «ненемецких» провинций), «но во всем прочем будет препятствовать всякому участию Союза или отдельных его членов на стороне Австрии, чтобы затем, во время будущих мирных переговоров, *получить за эти усилия свое вознаграждение в Северо-Германской низменности* («Исследования», 1-е изд., стр. 18, 19).

Раззвонив во все колокола еще до фактического начала войны с Австрией доверенный ему Тюильри секрет, что Пруссия действует в «тайном *согласии»* с «внешним врагом Германии», от которого получит за это «вознаграждение в Северо-Германской низменности», Фогт, разумеется, оказал Пруссии огромную услугу в достижении ее мнимых целей. Он вызвал подозрения у прочих немецких правительств как в отношении нейтралистских стремлений Пруссии в начале войны, так и в отношении ее военных приготовлений и притязаний на верховное командование в дальнейшем ходе войны.

«Каков бы ни был путь», — говорит Фогт, — «который должна избрать в момент теперешнего кризиса Германия, несомненно одно, что рассматриваемая как целое, она должна энергично идти определенным путем, между тем как теперь злополучный Союзный сейм и т. д.» (l. c., стр. 96).

Распространение взгляда, будто Пруссия идет рука об руку с «внешним врагом» и этот путь ведет к поглощению северной низменности, должно, видимо, восстановить недостающее Союзному сейму единство. В частности, обращается внимание *Саксонии* на то, что Пруссия однажды уже «лишила ее некоторых лучших провинций» (1. c., стр. 93). Разоблачается «покупка залива Яде» (1. c., стр. 15).

«Ценой содействия Пруссии» (в турецкую войну) «должен был явиться *Гольштейн,* как вдруг пресловутая кража депеши придала совсем другой оборот переговорам» (l. c., стр. 15). «Мекленбург, Ганновер, Ольденбург, Гольштейн и другие к ним примыкающие... братские немецкие государства представляют приманку, на которую» — да еще «при каждом удобном случае» — «Пруссия жадно набрасывается» (l. c., стр. 14, 15).

И на эту приманку, как выдает Фогт, она была в данном случае поймана на удочку Луи Бонапартом. С одной стороны, Пруссия, в тайном «согласии» с Луи Бонапартом, «получит» и должна «получить за счет своих немецких братьев побережья Северного и Балтийского морей» (l. c., стр. 14). С другой стороны, Пруссия получит

«лишь тогда *естественную границу,* когда *водораздел,* образуемый Рудными горами и горами Фихтель, будет продолжен *по* Белому Майну и далее *по* течению Майна до Майнца» (l. c., стр. 93).

Естественные границы посреди Германии! И притом образованные *водоразделом, проходящим по реке!* Подобного рода открытия в области физической географии — к которым надо отнести еще выступающий наружу канал (см. «Главную книгу») — ставят «округленную натуру» на одну доску с А. фон Гумбольдтом. Проповедуя, таким образом, Германскому союзу доверие к гегемонии Пруссии, Фогт, неудовлетворенный «старым соперничеством Пруссии и Австрии из-за немецкой и т. д. территории», открыл еще соперничество между ними, которое «так часто имело место из-за *внеевропейской* территории» (l. c., стр. 20). Эта *внеевропейская* территория находится, очевидно, на луне.

В действительности Фогт просто излагает своими словами изданную *французским* правительством в 1858 г. карту «Европа в 1860 г.». На этой карте Ганновер, Мекленбург, Брауншвейг, Гольштейн, Кургессен, вместе с различными Вальдеками,

Ангальтами, Липпе и т. д., присоединены к Пруссии, между тем как «l'Empereur des Francais conserve ses (!) limites actuelles», император французов сохраняет свои (!) прежние границы. «Пруссия до Майна» является в то же время лозунгом русской дипломатии (см., например, упомянутую уже докладную записку от 1837 года). Прусской Северной Германии противостояла бы австрийская Южная Германия, отделенная от нее естественными границами, традицией, вероисповеданием, наречиями и племенными различиями; *разрыв* Германии *на две части* был бы завершен упрощением существующих в ней противоречий, и, таким образом, была бы провозглашена перманентная Тридцатилетняя война[515].

Итак, согласно первому изданию *«Исследований»,* Пруссия должна была получить это *«вознаграждение»* за «усилия» удержать во время войны в ножнах немецкий союзный меч. В фогтовских *«Исследованиях»,* как и на французской карте «Европа в 1860 г.» вовсе *не Луи Бонапарт, а Пруссия* предъявляет претензии и добивается расширения своей территории и естественных границ посредством войны *Франции* против Австрии.

Но лишь в Послесловии ко второму изданию своих «Исследований», вышедшему во время австро-французской войны, Фогт раскрывает настоящую миссию Пруссии. Она должна начать **«гражданскую войну»** (см. 2-е изд., стр. 152) для создания «единой центральной власти» (l. c., стр. 153), для включения Германии в прусскую монархию. В то время как Россия будет надвигаться с востока, а Австрия будет связана Луи Бонапартом в Италии, Пруссия должна начать *династическую «гражданскую войну»* в Германии, Фогт гарантирует принцу-регенту*, что

> «разгоревшаяся теперь» в Италии «война займет, по крайней мере, 1859 год», «между тем как объединение Германии, если проводить его быстро и решительно, потребует *меньше недель,* чем итальянская кампания — месяцев» (l. c., стр. 155).

Гражданская война в Германии продлится лишь недели! Не говоря об австрийских войсках, которые, независимо от того, продолжалась бы или нет война в Италии, немедленно двинулись бы против Пруссии, последняя, как рассказывает сам *Фогт,* встретила бы сопротивление со стороны *«Баварии...* находящейся всецело под австрийским влиянием» («Исследования», 1-е изд., стр. 90), со стороны *Саксонии,* которой угрожала бы опасность в первую голову и у которой не было бы уже никаких оснований насиловать свои «симпатии к Австрии» (l, c.,

* — Вильгельму. *Ред.*

стр. 93), со стороны «Вюртемберга, Гессен-Дармштадта и Ганновера» (l. c., стр. 94), короче говоря — со стороны *«девяти десятых»* (l. c., стр. 16) *«германских правительств».* И эти правительства, как доказывает далее *Фогт,* конечно, не оказались бы без поддержки в такой *династической* «гражданской войне», к тому же затеянной Пруссией в момент, когда Германии угрожают «оба величайших внешних ее врага».

«Двор» (в Бадене), — говорит Фогт, — «пойдет за Пруссией, но народ — в этом не может быть никаких сомнений — конечно, не разделяет этих симпатий правящей династии. Брейсгау, как и Верхняя Швабия, узами симпатии и вероисповедания и старыми воспоминаниями о Передней Австрии, к которой он некогда принадлежал, все еще привязан к императору и империи, и гораздо крепче, чем этого можно было ожидать после столь длительного разъединения» (l. c., стр. 93, 94). «За исключением Мекленбурга» и, «может быть» Кургессена, «в *Северной Германии* царит недоверие к теории растворения, и уступки Пруссии делаются крайне неохотно. Инстинктивное *чувство антипатии, даже ненависти,* которую питает *Южная Германия* к Пруссии... также это чувство не могли подавить или заглушить все шумные крики императорской партии. Оно живо в народе, и ни одно правительство, даже баденское, не может долго противостоять ему. *Истинными симпатиями Пруссия, таким образом, нигде не пользуется, ни у немецкого народа, ни у правительств Германского союза»* (l. c., стр. 21).

Так говорит Фогт. И именно поэтому, согласно тому же *Фогту, династическая «гражданская война»,* затеянная Пруссией в «тайном согласии» с «обоими величайшими внешними врагами Германии», продлилась бы только *«несколько недель».* Но это еще не все.

«Старая Пруссия идет рука об руку с правительством, а *Рейнская область и Вестфалия* — с католической Австрией. Если народному движению не удастся там заставить правительство перейти на сторону Австрии, *то ближайшим следствием будет новое углубление пропасти между обеими частями монархии»* (1. c., стр. 20).

Если, таким образом, по *Фогту,* даже простой нейтралитет Пруссии по отношению к Австрии вновь углубляет пропасть между Рейнской областью, Вестфалией и старой Пруссией, то, по тому же *Фогту,* «гражданская война», которую Пруссия начала бы с целью исключения Австрии из Германии, естественно, должна была бы совсем оторвать Рейнскую область и Вестфалию от Пруссии. «Но какое дело этим приверженцам римской церкви до Германии?» (l. c., стр. 119), или как он, собственно говоря, думает, какое дело Германии до этих приверженцев римской церкви? *Рейнская область, Вестфалия,* — это ультрамонтанские, *«римско-католические»,* а не *«истинно немецкие»* земли. Они поэтому не в меньшей степени, чем Богемия

и Моравия, подлежат исключению из Союза. *Династическая «гражданская война»,* рекомендованная *Фогтом* Пруссии, должна ускорить этот процесс исключения. И действительно *французское* правительство в изданной им в 1858 г. карте «Европа в 1860 г.», служившей компасом *Фогту* в его «Исследованиях», присоединило Египет к Австрии, а Рейнские провинции, как земли *«католической национальности»,* к *Бельгии* — ироническая формула для аннексии Францией Бельгии вместе с Рейнскими провинциями. То обстоятельство, что *Фогт* идет дальше, чем французская правительственная карта, и в придачу отдает и католическую Вестфалию, объясняется «научными отношениями» беглого имперского регента к Плон-Плону, сыну вестфальского экс-короля*.

Резюмируем: с одной стороны, Луи Бонапарт позволит России протянуть руки через Познань к Богемии и через Венгрию к Турции, а с другой стороны, он сам силой оружия создаст на границе Франции единую независимую Италию и все — pour le roi de Prusse**, все только для того, чтобы предоставить Пруссии возможность путем гражданской войны подчинить себе Германию, а «Рейнские провинции навсегда обезопасить» от Франции (l. c., стр. 121).

«Однако говорят, что территории Союза угрожает опасность со стороны наследственного врага, что настоящая цель его — Рейн. Так пусть же защищают Рейн, пусть защищают территорию Союза» (l. c., стр. 105).

Так пусть защищают территорию Союза, уступая Богемию и Моравию России, пусть защищают Рейн, начиная «гражданскую войну» в Германии, имеющую, между прочим, целью оторвать Рейнскую область и Вестфалию от Пруссии.

«Однако говорят, что Луи-Наполеон... желает каким-то образом утолить наполеоновскую жажду завоеваний! Мы этому не верим, перед нами пример крымской кампании!» (l. c., стр. 129).

Кроме своего неверия в наполеоновскую жажду завоеваний и своей веры в крымскую кампанию, у *Фогта* in petto*** имеется еще другой аргумент. Австрийцы и французы в Италии, как кошки в Килькенни, будут грызться между собой до тех пор, пока от них не останутся одни хвосты.

«Это будет война страшно кровавая, упорная, которая, может быть, даже закончится вничью» (l. c., стр. 127, 128). «Только напрягая до послед-

* — Жерома Бонапарта. *Ред.*

** Игра слов: «pour le roi de Prusse» — идиоматическое выражение, в буквальном смысле означающее «для короля Пруссии»; обычно переводится: «даром», «ради прекрасных глаз». *Ред.*

*** — в душе. *Ред.*

ней крайности свои силы, Франция вместе с Пьемонтом одержит победу, но пройдут десятилетия, прежде чем она оправится после этих изнурительных усилий» (l. c., стр. 129).

Эта перспектива *продолжительности* Итальянской войны бьет его противников. Но метод, каким *Фогт* продлевает сопротивление Австрии французскому оружию в Италии и парализует агрессивную силу Франции, действительно довольно оригинален. С одной стороны, французы получают carte blanche* в Италии; с другой стороны, «благожелательному царю» дозволяется маневрами в Галиции, Венгрии, Моравии и Богемии, революционными интригами внутри Австрии и военными демонстрациями на ее границах

«приковать значительную часть австрийских военных сил к тем частям монархии, которые подвергнутся нападению русской армии или доступны русским интригам» (l. c., стр. 11).

И наконец, в результате династической «гражданской войны», которую Пруссия начнет в то же время в Германии, Австрия будет вынуждена оттянуть из Италии свои главные силы для сохранения своих немецких владений. При таких условиях Франц-Иосиф и Луи Бонапарт не заключат, разумеется, Кампоформийского мира[516], а... «оба истекут кровью в Италии».

Австрия не сделает уступок «благожелательному царю» на Востоке и не примет давно предлагаемой компенсации в Сербии и Боснии, не гарантирует Франции Рейнских провинций и не нападет на Пруссию в союзе с Россией и Францией. Ни за что! Она упорно будет «истекать кровью в Италии». Но во всяком случае фогтовский «роковой человек» отверг бы с нравственным негодованием подобное вознаграждение на Рейне. Фогт знает, что

«внешняя политика теперешней империи руководствуется только одним принципом, принципом самосохранения» (l. c., стр. 31).

Он знает, что Луи Бонапарт

«руководствуется только одной-единственной идеей — именно сохранить за собой эту власть» (над Францией) (l. c., стр. 29).

Он знает, что «Итальянская война не создаст ему популярности во Франции», между тем как приобретение Рейнских провинций сделает «популярными» и его, и его династию. Он говорит:

«Рейнские провинции — действительно любимая мечта французского шовиниста, и, может быть, если вникнуть поглубже, то найдется

* — свободу действий (буквально; «чистый бланк»). *Ред.*

только небольшое меньшинство нации, которое не питает в душе этого желания» (l. c., стр. 121).

С другой стороны, «проницательные люди во Франции», а потому, конечно, и фогтовский «мудрый, как змий, роковой человек», знают,

«что только до тех пор есть надежда на осуществление этого» (именно приобретения Францией естественной рейнской границы), «пока в Германии 34 разных правительств. Пусть только возникнет подлинная Германия с едиными интересами и прочной организацией, — и рейнскую границу можно будет обезопасить навсегда» (l. c., стр. 121).

Именно поэтому Луи Бонапарт, предложивший в Вилла-франке австрийскому императору Ломбардию взамен гарантии Рейнских провинций (см. заявление Кинглека в палате общин от 12 июля 1860 г.), отверг бы с негодованием предложение Австрии о передаче Франции Рейнских провинций за французскую помощь против Пруссии.

И фогтовские первоисточники, изданные у *Дантю,* не только были исполнены восторженных чувств по поводу объединения Германии под руководством Пруссии*, — они в напыщенно-добродетельном тоне отвергали всякие намеки, выражавшие какие-либо притязания на Рейнские провинции:

«Рейн! Что такое Рейн? Граница. Но границы скоро станут анахронизмами» (стр. 36, *«Верность договорам* и т. д.». Париж, 1859)**.

Кто же станет говорить о рейнской границе и вообще о границах в тысячелетнем царстве, которое предстоит создать Баденге на основе принципа национальностей?

«Разве Франция ставит условием, что она должна получить вознаграждение за жертвы, которые она готова принести в целях справедливости, установления надлежащего влияния и в интересах европейского равновесия? Разве она требует левого берега Рейна? Разве она предъяв-

* «La Prusse est l'espoir de l'Allemagne... l'esprit allemand a son centre a Berlin... l'esprit allemand cherehe *l'unite* de son corps, la verite de la Confederation. C'est par cet entrainement que s'eleve la Prusse... D'ou vient-il que, lorsque l'Italie reclame l'integrite, l'unite nationale, ce que l'Allemagne desire, celle-ci favorise l'Autriche, negation vivante de toute nationalite?.. C'est que la Prusse n'est pas encore la tete; c'est que la tete est l'Autriche qui, pesant avec ces forces heterogenes sur l'Allemagne politique, l'entraine a des contradictions avec l'Allemagne veritable» (p. 34, *«La Foi des Traites etc.»)* [Пруссия — надежда Германии... центр немецкого духа в Берлине... немецкий дух стремится *к единству* своего тела, к истинной конфедерации. Воодушевленная этим стремлением, поднимается Пруссия... Почему же, когда Италия выставляет требование целостности и национального единства, к которому стремится и Германия, последняя стоит на стороне Австрии, воплощенного отрицания всякой национальности?.. Потому, что Пруссия не стоит еще во главе; потому, что во главе стоит Австрия, которая давит своими разнородными силами на политическую Германию и вовлекает ее в противоречия с истинной Германией» (стр. 34, *«Верность договорам* и т. д.»)].

** «Le Rhin!.. Qu'est ce que le Rhin? Une frontiere. Les frontieres seront bientot, des anachronismes» (l. c., p. 36).

ляет хотя бы даже претензии на Савойю и графство Ниццу?» *(«Сущность вопроса* и т. д.». Париж, 1859, стр. 13)*.

Отказ Франции от Савойи и Ниццы, как доказательство ее отказа от Рейна! Этого Фогт не перевел на немецкий язык.

До начала войны для Луи Бонапарта, если он и не смог заманить Пруссию и побудить ее пойти на соглашение, имело решающее значение заставить Германский союз, по крайней мере поверить, что он ее заманил. Веру эту *Фогт* старается распространить в первом издании своих «Исследований». Во время войны Луи Бонапарту было еще важнее склонить Пруссию сделать шаги, которые дали бы Австрии действительное или мнимое доказательство наличия такого соглашения. Поэтому во втором издании «Исследований», появившемся во время войны, *Фогт* в особом Послесловии призывает Пруссию завоевать Германию и начать династическую «гражданскую войну»; при этом в тексте книги он доказывает, что война будет «кровавой, упорной, может быть даже закончится вничью» и будет стоить, по меньшей мере, Рейнской области и Вестфалии, а в Послесловии к этой же самой книге он торжественно заявляет, что она продлится «всего несколько недель». Но в действительности голос Фогта — не голос сирены. Поэтому Луи Бонапарт, которого в его мошеннической проделке поддерживал bottle-holder** *Пальмерстон,* должен был в Вилла-франке показать Францу-Иосифу *сфабрикованные им самим прусские предложения;* скромные претензии Пруссии на военное руководство Германией должны были послужить Австрии предлогом для заключения мира***, за который Луи Бонапарту пришлось оправдываться перед Францией тем, что Итальянская война грозила превратиться во всеобщую войну, способную

«привести к единству Германии, и, таким образом, было бы завершено дело, помешать осуществлению которого являлось постоянной целью французской политики со времен Франциска I»****.

---

* «La France stipule-t-elle des dedommagements pour les sacrifices qu'elle est prete a faire dans un but d'equite, de juste influence, et dans l'interet de l'equilibre europeen? Demande-t-elle la rive gauche du Rhin? Eleve-t-elle meme des pretentions sur la Savoie et sur le comte de Nice?» (p. 13, *«La vraie Question* etc.»).

** — секундант в боксе; помощник, сторонник. *Ред.*

*** Через несколько дней после заключения Виллафранкского мира в «Prager Zeitung» появилось следующее официальное заявление. «Этот протест» (протест Пруссии, желающей взять на себя верховное командование союзной армией *под союзным контролем)* «ясно доказывает, что *Пруссия стремится к гегемонии в Германии и, следовательно, к исключению Австрии из Германии.* Так как вероломная Ломбардия представляет бесконечно меньшую ценность, чем *сохранение нашего положения в Германии,* то мы отказались от нее, чтобы заключить мир, ставший для нас, *ввиду позиции Пруссии,* настоятельной необходимостью».

**** Парижский «Galignani's Messenger», который лишь в исключительных случаях и только по особому официальному поручению дает передовые статьи, говорит в номере от 22 июля 1859 года: «To give another province to the King of Piedmont, it would not only have been necessary to support a war against two-thirds of Europe, but *German unity would have been realised,* and a work thus accomplished, which ever since the time of Francis I. it has been the object of French policy to prevent» [«Для того чтобы передать королю Пьемонта еще одну провинцию, пришлось бы не только выдержать войну против двух третей Европы; это *привело бы* также к *единству Германии,* и таким образом, было бы завершено дело, помешать осуществлению которого являлось постоянной целью французской политики со времен Франциска I»].

После того как Франция при помощи Итальянской войны приобрела Савойю и Ниццу, а вместе с ними и позицию, которая в случае войны на Рейне имеет большее значение, чем целая армия, «германское единство под прусской гегемонией» и «уступка Франции левого берега Рейна» стали обратимыми величинами в теории вероятности героя 2 декабря. Изданная в 1858 г. карта *«Европа в 1860 г.»* была разъяснена изданной в 1860 г. картой *«l'Europe pacifiee»* («Умиротворенная Европа»?), где Египет уже не достается Австрии, а Рейнские провинции и Бельгия присоединены к Франции в возмещение за переданную Пруссии *«северную низменность»*[*].

Наконец, в Этьенне *Персиньи* официально заявил, что даже «в целях сохранения европейского равновесия» всякая дальнейшая централизация Германии неизбежно вызовет продвижение французов к Рейну[**]. Но никогда еще — ни до Итальянской войны, ни после нее — шутовской чревовещатель из Тюильри не говорил более бесстыдно, чем устами беглого имперского регента.

[*] Специальный листок Плон-Плона «Opinion nationale» говорит в статье от 5 июля 1860 года: «Время предъявления требований, опирающихся на силу. прошло. Для этого император обладает слишком большим тактом, слишком тонко чувствует общественное мнение... Но разве *Пруссия* поклялась никогда не думать о *единстве Германии.* Может ли она ручаться, что никогда не взглянет с вожделением на Ганновер, Саксонию, Брауншвейг, Гессен, Ольденбург и Мекленбург? Сегодня государи заключают друг друга в объятия и, конечно, искренне. Но кто знает, чего потребует от них народ через несколько лет? И если Германия, под давлением общественного мнения, *объединится,* то будет ли справедливо, будет ли разумно не разрешить *Франции расширить свои владения за счет своих соседей?..* Если немцы сочтут необходимым изменить свое старое политическое устройство и поставить на место беспомощного Союза сильное централизованное правительство, то мы не можем не признать *права Франции требовать от Германии возмещений и гарантий».*

[**] Императорский Пексниф превзошел самого себя в изданной у Дантю брошюре: *«Английская политика». Париж,* 1860[517]. По мысли автора, в частности, надо украсть несколько миллионов немцев и бельгийцев, чтобы улучшить моральный облик Франции, южные элементы которой нуждаются в большей примеси солидности северян. После рассуждений о том, что Франция из политических и военных соображений нуждается *в границах, дарованных ей самой природой,* говорится: «Эта аннексия» (Рейнских провинций и Бельгии) «необходима еще и в силу другого соображения. Франция любит и требует разумной свободы (une sage liberte). а южный элемент занимает большое место в ее общественных учреждениях. У этого элемента чудесные качества... но ему не хватает выдержки и твердости. Он нуждается в терпеливой настойчивости, в холодной и непреклонной решимости наших северных братьев. Поэтому предназначенные нам провидением границы столь же необходимы для нашей свободы, как и для нашей независимости».

Фогт, «новошвейцарец, гражданин кантона Берн и член Совета кантонов[518] от Женевы» (l. c., Предисловие), начинает *швейцарскую* часть своих «Исследований» прологом (l. c., стр. 37 — 39), в котором предлагает Швейцарии *выразить свой восторг* по поводу замены Луи-Филиппа Луи Бонапартом. Правда, Луи Бонапарт потребовал от Союзного совета принятия «мер против печати», но «в этом отношении у всех представителей рода Наполеонов, по-видимому, очень чувствительная кожа» (l. c., стр. 36). Накожная болезнь, не более, а так прилипла к этому роду, что передается не только с фамильной кровью, но и — teste* Луи Бонапарт — с одним лишь родовым именем. Конечно,

«преследование невинных людей в Женеве, которое *по императорскому приказу* производил Союзный совет против бедняг, вся вина которых заключалась в том, что они были итальянцы, учреждение консульств, притеснение печати, всякого рода бессмысленные полицейские мероприятия и, наконец, переговоры об уступке Даппской долины в значительной мере содействовали тому, что в Швейцарии изгладилось воспоминание об *услугах, действительно оказанных императором в невшательском конфликте,* и притом оказанных той партии, которая теперь наиболее ожесточенно выступает против него» (l. c., стр. 37, 38).

Великодушный император, неблагодарная партия! Вмешательство императора в невшательский конфликт[519] никоим образом не было прецедентом для нарушения договоров 1815 г., — для унижения Пруссии и установления протектората над Швейцарией. Луи Бонапарту, в качестве «новошвейцарца, гражданина кантона Тургау и оберштрасского артиллерийского капитана», надлежало «оказать *действительные услуги»* Швейцарии. Если *Фогт* в, марте 1859 г. обвинил в неблагодарности антибонапартистскую партию в Швейцарии, то другой слуга императора, г-н фон *Тувенель* в июне 1860 г. упрекнул в ней всю Швейцарию. В «Times» от 30 июня 1860 г. мы читаем:

«Несколько дней назад в министерстве иностранных дел в Париже произошла встреча между д-ром Керном и г-ном фон Тувенелем в присутствии лорда Каули. Тувенель заявил почтенному представителю Швейцарии, что колебания и протесты союзного правительства оскорбительны, поскольку они, по-видимому, объясняются недоверием к правительству его императорского величества. Такое поведение есть грубая неблагодарность, если принять во внимание *услуги* (services), *оказанные* (rendered) Союзу императором Наполеоном во многих случаях и особенно в *невшательском конфликте.* Как бы то ни было, раз Швейцария оказалась настолько *слепой,* что не доверяет своему благодетелю, то она сама должна и отвечать за последствия».

* — свидетельство тому. *Ред.*

А ведь *Фогт* еще в марте 1859 г. пытался снять бельмо у *слепой* антибонапартистской партии в Швейцарии. С одной стороны, он указывает на «действительные услуги», «оказанные императором». С другой же стороны, «неприятности, причиняемые императором, совершенно бледнеют» перед неприятностями, причиненными королем Луи-Филиппом (l. c., стр. 39). Например: в 1858 г. Союзный совет изгоняет «по императорскому приказу бедняг, вся вина которых заключалась в том, что они были итальянцы» (стр. 37); в 1838 г., несмотря на угрозы Луи-Филиппа, он отказывается изгнать Луи Бонапарта, вся вина которого заключалась только в том, что он в Швейцарии готовил заговор против короля Луи-Филиппа. В 1846 г. Швейцария, несмотря на «бряцание» Луи-Филиппа «оружием», решается на войну с Зондербундом: по отношению к миролюбивому королю это означало, что его угрозы не страшны; в 1858 г. она только чуть-чуть жеманится, когда Луи Бонапарт посягает на Даппскую долину[520].

«Луи-Филипп», — говорит сам Фогт, — «влачил в Европе жалкое существование; его третировали все, даже мелкие легитимные государи, потому что он не осмеливался проводить сильную внешнюю политику» (l. c., стр. 31). Но *«императорская политика по отношению к Швейцарии,* без сомнения, — политика могущественного соседа, *который знает, что в конце концов может добиться всего, чего захочет»* (l. c., стр. 37).

Итак, — заключает *Фогт* с логикой *Грангийо, — «с чисто швейцарской точки зрения можно только испытывать величайшую радостью* (стр. 39) по поводу перемены, давшей Швейцарии вместо «всеми третируемого Луи-Филиппа» «могущественного соседа, который знает, что *по отношению к ней он может позволить себе все, что захочет».*

За этим прологом, подготовляющим необходимое настроение, следует немецкий перевод ноты Союзного совета от 14 марта 1859 г., и, что удивительно, Фогт хвалит эту ноту, хотя Союзный совет ссылается в ней на договоры 1815 г.[521] и хотя ссылку на них тот же Фогт считает «лицемерием», «Убирайтесь же со своим лицемерием!» (l. c., стр. 112)[*].

Фогт далее исследует, «с какой стороны произойдет *первое покушение на нейтралитет Швейцарии?»* (l. c., стр. 84), и приводит ненужное доказательство, что французская армия, кото-

[*] В действительности не «договоры» охраняли нейтралитет Швейцарии, а взаимно парализуемые интересы различных граничащих с ней держав. «Швейцарцы понимают», — пишет английский поверенный в делах в Берне капитан Харрис лорду Джону Расселу после беседы с президентом Союза Фрей-Эрозе, — «что... события последнего времени существенно изменили относительный удельный вес граничащих с Швейцарией держав, так как после невшательского конфликта Пруссия равнодушна, Австрия парализована, а Франция несравненно сильнее, чем раньше».

рой на этот раз нет нужды завоевывать Пьемонт, не пойдет ни через Симплон, ни через Большой Бернар. Одновременно он открывает несуществующий сухопутный путь «через Монсени, через Фенестрелле по долине Стуры» (l. c., стр. 84). Она зовется, собственно говоря, долиной Доры. Итак, со стороны *Франции* опасность Швейцарии не угрожает.

«Не столь спокойно можно ждать уважения швейцарского нейтралитета со *стороны Австрии,* и различные факты даже показывают, что последняя имеет в виду нарушить этот нейтралитет, если представится удобный случай» (l. c., стр. 85). «Знаменательным в этом отношении является *сосредоточение армейского корпуса в Брегенце и Фельдкирхе»* (l. c., стр. 86).

Здесь красная нить, которая проходит через «Исследования», выступает наружу и приводит прямым путем из Женевы в Париж.

Опубликованная кабинетом Дерби Синяя книга об итальянских делах, январь — май 1859 г., между прочим, сообщает, что слух о «сосредоточении австрийского армейского корпуса у Брегенца и Фельдкирха» умышленно распространялся бонапартистскими агентами в Швейцарии, но был лишен всякого фактического основания (документ № 174 цитируемой Синей книги, письмо капитана Харриса из Берна лорду Малмсбери, датированное 24 марта 1859 года). Гумбольдт-Фогт и в данном случае делает открытие, что, будучи в Брегенце и Фельдкирхе,

«находишься в непосредственной близости от долины Рейна, в которую выходят *три* больших альпийских прохода с проезжими дорогами, именно Виамала, Шплюген и Бернардин; последний ведет к Тессину, а оба первых — к озеру Комо» (l. c., стр. 86).

В действительности Виамала ведет, во-первых, через Шплюген, во-вторых, через Бернардин и, в-третьих, никуда больше.

После всей этой болтовни в духе Полония, которая должна была отвлечь подозрение Швейцарии от западной границы и привлечь к восточной, «округленная натура» подкатывается, наконец, к своей настоящей задаче.

«Швейцария», — говорит Фогт, — «имеет полное *право решительно отвергнуть* обязательство не разрешать пользоваться этой железнодорожной линией» (из Кюлоза на Экс и Шамбери) «для воинских поездов, прибегая при случае к использованию нейтрализованной области лишь тогда, когда этого потребует защита ее собственной территории» (l. c., стр. 89).

И он уверяет Союзный совет, что «вся Швейцария, как один человек, будет стоять за эту *политику, намеченную в ноте Совета от 11 марта».*

Фогт опубликовывает свои «Исследования» в конце марта. Но только 24 апреля Луи Бонапарт использовал упомянутую железнодорожную линию для воинских поездов, войну же объявил еще позже. Из этого следует, что Фогт, посвященный в подробности бонапартистского военного плана, точно знал «с *какой стороны произойдет первое покушение на нейтралитет Швейцарии».* Он имел определенное поручение убедить ее стерпеть первое нарушение нейтралитета, логическое следствие которого — аннексия нейтрализованной Савойской области империей декабрьского переворота. Похлопывая Союзный совет по плечу, он приписывает ноте от 14 марта смысл, который она *должна была* иметь с бонапартистской точки зрения. Союзный совет говорит в своей ноте, что Швейцария будет выполнять свою вытекающую из договоров «миссию» нейтралитета «одинаково и лояльно по отношению ко всем». Он приводит, далее, одну из статей договоров, согласно которой *«никакие войска какой-либо другой державы не могут оставаться»* (в нейтрализованной Савойской области) «или *проходить через нее».* Совет *ни одним словом* не упоминает о том, что французам разрешается использовать железную дорогу, проходящую через нейтрализованную область. Условно, в качестве «меры для охраны и защиты своей территории», он оставляет за Союзом право «занять войсками» нейтрализованную область. Что *Фогт* здесь умышленно и по высокому поручению *извращает* содержание поты Совета, доказывает не только текст ее, но и заявление лорда *Малмсбери* — тогдашнего английского министра иностранных дел — на заседании палаты лордов от 23 апреля 1860 года.

«Когда французские войска», — сказал *Малмсбери,* — «собирались» (более месяца спустя *после* ноты Союзного совета от 14 марта) «пройти в Сардинию через Савойю, швейцарское правительство, верное нейтралитету, на котором основывается независимость Швейцарии, прежде всего возразило, что эти войска не имеют права проходить через нейтрализованную область»*.

Какими же аргументами Луи Бонапарт и связанная с ним швейцарская партия рассеяли сомнения Союзного совета? Фогт, знавший уже в конце марта 1859 г., что французские воинские поезда в конце апреля 1859 г. нарушат нейтралитет нейтрализованной области, естественно, предвосхищает уже в конце марта ту фразу, которой Луи Бонапарт в конце апреля прикроет свое насилие. Он выражает сомнение в том, что «го-

* «When the French troops were about to march through Savoy into Sardinia the Swiss Government, true to the neutrality upon which depends its independence, at tirst objected that these troops had no right to pass through the neutralised territory».

ловной участок железнодорожной линии из Кюлоза на Экс и Шамбери» находится «в пределах нейтрализованной области» (l. c., стр. 89) и доказывает, что «установление нейтрализованной области отнюдь не имело целью прекратить связь между Францией и Шамбери» и что, следовательно, названная железнодорожная линия в моральном смысле минует нейтрализованную область*.

Послушаем, с другой стороны, лорда *Малмсбери:*

«Позже, в связи с высказанным соображением, что рассматриваемая железнодорожная линия минует нейтрализованную часть Савойи, швейцарское правительство отказалось от своих возражений и разрешило французским войскам передвижение по ней. Я думаю, что, поступая так, оно совершило ошибку (I think that they were wrong in doing so). Мы считали соблюдение нейтралитета этой области столь важным с точки зрения интересов Европы... что 28 апреля 1859 г. послали французскому двору протест против передвижения через нее войск в Сардинию».

Этот протест послужил Пальмерстону предлогом обвинить Малмсбери в «австрийских» симпатиях, так как он «без всякой нужды оскорбил французское правительство» (had uselessly offended the French government), совсем как *Фогт* в «Главной книге» (стр. 183) обвиняет газету «Volk» в том, что она

«всячески старалась», — разумеется, в угоду Австрии, — «создавать затруднения для Швейцарии... Достаточно прочесть опубликованные в газете «Volk» статьи о нейтралитете и прохождении французов через Савойю, чтобы бросились в глаза эти тенденции, полностью разделенные «Allgemeine Zeitung»»**.

«Бросается в глаза», что весь отдел «Исследований» Фогта, касающийся Швейцарии, имеет своей исключительной задачей заранее оправдать *первое нарушение швейцарской нейтральной территории* его «роковым человеком». Это был первый шаг к аннексии Савойи, а следовательно и французской Швейцарии. Судьба Швейцарии зависела от того, с какой энергией она выступит против этого первого шага и будет отстаивать свои

---

* То, что эта железная дорога находится в нейтрализованной области, определенно признано в ноте, отправленной президентом Союза Штемпфли и канцлером Шиссом 18 ноября 1859 г. капитану Харрису. Там говорится: «Il pourrait etre aussi question d'un autre point qui concerne la neutralite de la Savoie... nous voulons parler du chemin de fer dernierement construit de Cuioz a Chambery, a l'egard duquel on peut se demander s'il devait *continuer a faire partie du territoire neutralise»* [«Может возникнуть вопрос о другом пункте, касающемся нейтралитета Савойи... мы имеем в виду недавно построенную железную дорогу из Кюлоза на Шамбери, о которой, возможно, спросят, будет ли *она и дальше составлять часть нейтрализованной территории»]*.

** Фогт упрекает в частности газету «Volk» в том, что она старалась «втянуть Союз в конфликт с могущественными соседними державами». Когда аннексия Савойи была фактически произведена, бонапартистский листок «Eidgenossische Zeitung» обвинял официальный «Bund» в том, что «его взгляды на Савойю и Францию — слабый отголосок той политики, которая еще с 1848 г. стремилась впутать Швейцарию в европейскую борьбу» (см. «Bund» № 71, Берн, 12 марта 1860 г.). У бонапартистских перьев, как мы видим, фразы уже заранее подготовлены.

права, использовав их в решительный момент и превратив вопрос о них в общеевропейский вопрос — и все это в то время, когда симпатии английского правительства были обеспечены, а Луи Бонапарт, только начавший свою локализованную войну, не осмеливался бросить ей вызов. Официально вмешавшись в это дело, английское правительство не могло уже отступить*. *Отсюда* необычайные старания «новошвейцарца, гражданина кантона Берн и члена Совета кантонов от Женевы» затуманить вопрос, а *разрешение* французским войскам пройти через нейтрализованную область представить как **право,** которым Швейцария должна воспользоваться, как мужественную демонстрацию против Австрии. Ведь спас же он Швейцарию от Катилины-Шерваля!

Повторяя и усиливая протест своих первоисточников, брошюр *Дантю,* отрицающих наличие поползновений на рейнскую границу, Фогт избегает *всякого* намека на содержащийся в *тех же брошюрах* отказ от Савойи и Ниццы. Даже самих названий Савойи и Ниццы нет в его «Исследованиях». Между тем, уже в феврале 1859 г. савойские депутаты в Турине протестовали против Итальянской войны, так как аннексия Савойи империей декабрьского переворота была ценой заключения союза с Францией. Этот протест не дошел до ушей Фогта. Точно так же не дошли до него хорошо известные всей остальной эмиграции условия договора, заключенного в *августе* 1858 г. в Пломбьере между Луи Бонапартом и Кавуром (опубликованы в одном из первых номеров «Volk»). *Мадзини* в упомянутом уже номере «Pensiero ed Azione» (2 — 16 мая 1859 г.) буквально предсказал:

«Но если Австрия, потерпев поражение в самом начале войны, предложит условия, подобные тем, которые она предложила в определенный момент в 1848 г. английскому правительству, а именно: очищение Ломбардии при сохранении за собой Венеции, — тогда мир будет принят. При этом будут осуществлены только следующие условия: расширение сардинской монархии и *передача Франции Савойи и Ниццы»***.

Мадзини опубликовал свое предсказание в середине мая 1859 г., Фогт выпустил второе издание своих «Исследований»

* Had those provinces (Chablais and Faucigny) been occupied by the Federal troops... there can be little doubt they would have remained in them up to this moment (p. 20, *L. Oliphant. «Universal Suffrage and Napoleon III».* London, 1860) [Если бы эти провинции (Шабле и Фосиньи) заняли федеральные войска... то они, без сомнения, остались бы там до сих пор *(Л. Олифант. «Всеобщее избирательное право и* Наполеон *III».* Лондон, 1860, стр. 20)].

** «Ma dove l'Austria, disfatta in sulle prime, affacciasse proposte equali, a quelle ch'essa affacio per breve tempo nel 1848 al Governo Inglese, abbandono della Lombardia a patto di serbare il Veneto, la pace... sarebbe accetato: le sole condizloni dell'ingrandimento della Monarchia Sarda e della cessione della Savoia e di Nizza alla Francia, riceverebbero esecuzione».

в середине июня 1859 г., но ни слова не сказал о Савойе и Ницце. Еще до Мадзини и до савойских депутатов, уже в *октябре 1858 г.,* полтора месяца спустя после пломбьерского заговора, президент Швейцарского союза сообщал в специальной депеше английскому кабинету, что

«он имеет основания полагать, что между Луи Бонапартом и Кавуром заключено условное соглашение об уступке Савойи»*.

В начале июня 1859 г, президент Союза сообщил снова английскому поверенному в делах в Берне свои опасения о предстоящей аннексии Савойи и Ниццы**. До *Фогта,* этого по профессии спасителя швейцарцев, не дошло ни одной весточки ни о протесте савойских депутатов, ни о разоблачениях Мадзини, ни о продолжавшихся с декабря 1858 до июня 1859 г. опасениях швейцарского союзного правительства. Как мы увидим впоследствии, *даже в марте 1860 г.,* когда тайна о Пломбьере обошла все улицы Европы, она и тогда каким-то образом миновала г-на Фогта. Эпиграф: «молчание — добродетель рабов»*** украшает «Исследования», вероятно в связи с их умолчанием об угрожающей аннексии. *Один* намек все же в них содержится:

«Но допустим», — говорит Фогт, — «что свершилось бы *невероятное* и цена победы была бы оплачена итальянскими землями, на юге или на севере... *Право же, с сугубо узкой немецкой точки зрения... можно искренне пожелать,* чтобы французский волк поживился *итальянской костью»* (l. c., стр. 129, 130).

Итальянская область на севере, это, естественно, — Ницца и Савойя. После того как новошвейцарец, гражданин кантона Берн и член Совета кантонов от Женевы призывал Швейцарию «с *чисто швейцарской точки зрения»* (l. c., стр. 39) *«испытывать величайшую радость»* по поводу соседства Луи Бонапарта, беглому имперскому регенту внезапно приходит в голову, что «право же, с *сугубо узкой немецкой точки зрения»* он «может

* В своей упомянутой выше речи лорд *Малмсбери* говорит: «There is a despatch now in the Foreign Office, dated as long back as October 1858... from the President of the Swiss Republic, stating that he had reason to believe that some conditional agreement had been come to between the Emperor of the French and Count Cavour with respect to Savoy» [«В настоящее время в министерстве иностранных дел находится датированная октябрем 1858 г. депеша... от президента Швейцарской республики, в которой говорится, что президент имеет основания полагать, что между императором Франции и графом Кавуром заключено условное соглашение в отношении Савойи»].

** См. документ № 1 первой Синей книги «Относительно предполагаемой аннексии Савойи и т. д.».

*** Перефразированное выракение из «Путевых картин» Гейне (часть четвертая, Италия. III. Город Лукка). *Ред.*

искренне пожелать», чтобы французский волк «поживился костью», то есть Ниццей и Савойей, а *следовательно, и французской Швейцарией*[*].

Несколько времени тому назад в Париже вышла брошюра *«Наполеон III»,* не *«Наполеон III и Италия»* или *«Наполеон III и румынский вопрос»,* или *«Наполеон III и Пруссия»,* а *«Наполеон III»* просто, простой Наполеон III. Это — полный гипербол панегирик Наполеона III по адресу Наполеона III. Эта брошюра была переведена одним *арабом* по имени *Да-Да* на его родной язык. В послесловии к брошюре опьяненный Да-Да не может больше сдержать своего энтузиазма и изливается потоками пламенных стихов. Но в предисловии Да-Да еще достаточно трезв, чтобы сознаться, что его работа опубликована по приказу местных алжирских властей и предназначена для распространения среди туземных арабских племен по ту сторону алжирской границы с тем, чтобы «идея единства и национальности под руководством общего вождя овладела их фантазией». Этот общий вождь, который должен создать «единство арабской национальности», — как выдает Да-Да, — не кто иной, как «благодетельное солнце, слава небосвода — император Наполеон III». Фогт, хотя и пишет не стихами[**], — не кто иной, как *немецкий Да-Да.*

Назвав *«Исследованиями»* свое переложение на немецкий язык излучаемых благодетельным солнцем и славой небосвода *статей «Moniteur», брошюр Дантю и карт перекроенной Европы, Да-Да Фогт* сострил удачнее, чем когда-либо за всю свою веселую жизнь. Это даже лучше, чем имперское регентство, имперские пирушки и им самим изобретенные имперские заграничные паспорта. Тот факт, что «образованный» немецкий бюргер считает bona fide[***] «Исследования», в которых Австрия борется

---

[*] Фогтовское пожелание: «исходя из сугубо узкой немецкой точки зрения», загнать «французскому волку» в глотку итальянскую «кость», чтобы волк страдал от несварения желудка, будет, несомненно, осуществляться во все растущем масштабе. В официозном журнале «Revue contemporaine» от 15 октября 1860 г. — заметим мимоходом, *специально покровительствующем Фогту,* — помещена корреспонденция из Турина от 8 октября, где, между прочим, говорится: *«Генуя и Сардиния* были бы законной ценой новой (французской) войны за единство Италии. Я прибавлю, что обладание Генуей было бы необходимым орудием нашего влияния на полуострове и единственным действительным средством помешать морской державе, образованию которой мы содействовали, в один прекрасный день ускользнуть из нашего союза и войти в какой-нибудь новый. *Лишь наступив коленом на грудь Италии, мы сможем обеспечить себе ее верность. Австрия, хороший судья в этом деле, отлично это знает. Наш нажим будет менее груб, но крепче, чем* австрийский — в *этом единственное отличие».*

[**] Игра слов: «ungereimt schreiben» означает «писать без рифм», т. е. не стихами, а также «писать чепуху», «вздор». *Ред.*

[***] — добросовестными. *Ред.*

с Англией из-за *Египта,* Австрия и Пруссия препираются из-за *внеевропейских* земель, Наполеон I заставляет Английский банк взвешивать свое золото вместо того, чтобы считать его, греки и фанариоты оказываются различными расами, из Монсени идет сухопутный путь через Фенестрелле по долине Стуры и т. д., — этот факт показывает только, под каким высоким давлением находился в течение десяти лет реакции либеральный череп этого бюргера.

Но, странным образом, тот же самый толстокожий либеральный немец, который приветствовал *фогтовский* грубо утрированный *перевод оригинальных брошюр поборников декабрьского переворота на немецкий язык,* в бешенстве вскочил со своего покойного кресла, когда *Эдмон Абу,* в своей брошюре *«Пруссия в 1860 г.»* (первоначально «Наполеон III и Пруссия») с мудрой осторожностью *перевел* компиляцию Да-Да *снова* на французский язык. Заметим мимоходом, что эта болтливая сорока бонапартизма не лишена лукавства. Так, например, чтобы доказать симпатии Бонапарта к Германии, *Абу* указывает, что империя декабрьского переворота сваливает в одну кучу *Да-Да Фогта с Гумбольдтом,* как и *Ласарильо-Хаклендера с Гёте.* Во всяком случае, эта комбинация *Фогт — Хаклендер* обнаруживает со стороны Абу более глубокое исследование своего предмета, чем это можно найти в «Исследованиях» немецкого Да-Да.

IX
АГЕНТУРА

«So muosens alle striten,
in vil angestlichen ziten
wart gescheiden doch her dan
... der *Vogt* da von Bërne»*.

(«Klage»)**

В одной «Программе», датированной Да-Да Фогтом крайне остроумно *первым апреля,* именно 1 апреля 1859 г., он обратился к демократам различной окраски с предложением сотрудничать в газете, которая должна была выходить в Женеве и пропагандировать бонапартистско-прорусские взгляды его «Исследований». При всей подобающей осторожности, с какой «Программа», естественно, была составлена, сквозь обертку из пропускной бумаги то и дело проглядывает дьявольский умысел. Однако не будем на этом останавливаться.

В конце «Программы» Фогт просит своих адресатов указать «единомышленников», которые «были бы готовы работать в подобном духе в доступных для них газетах и журналах». На Центральном празднестве в Лозанне Фогт заявил, что он набросал «Программу», приглашающую

«тех, которые захотели бы ей следовать, работать за соответствующий гонорар в органах печати, имеющихся в их распоряжении» (стр. 17, «Центральное празднество и т. д.»).

Наконец, в одном письме к доктору *Лёнингу* мы читаем:

«Можешь ли ты связать меня с *людьми,* которые могли бы из Франкфурта оказывать в этом духе влияние на газеты и журналы? Я готов

---

* — «В лихое это время
Борьба велася всеми,
И вот в борьбу вмешался
... из Берна *фогт» («Плач»). Ред.*

** В *«Ивейне» Гартман,* напротив, заставляет *фогта* сказать, намекая, очевидно, на его разногласие с бернскими колпаками:

«von Bern mac wol heizen ich,
wand ich da niht ze schaffen han».
[«Мне, хоть прозван бернцем,
До Берна дела нет»][522].

Не следует, однако, смешивать этого *Гартмана* с другом Фогта, лирическим парламентским слизняком того же имени.

прилично оплачивать их за работы, оттиски которых будут мне присылаться» («Главная книга», Документы, стр. 36).

«Единомышленники», упоминающиеся в «Программе», становятся на Центральном празднестве в Лозанне *«теми, которые»,* а «те, которые» превращаются в письме к доктору Лёнингу в *«людей»,* людей sans phrase*. Фогту, генеральному казначею и генеральному ревизору немецкой печати, «предоставлены в распоряжение фонды» (l. c., стр. 36) для оплаты не только статей в «газетах и журналах», но и «брошюр» (l. c.). Ясно, что поставленная на такую ногу агентура требует довольно значительных «фондов»,

«er sante nach allen den herren
die in diusken richen waren;
er clagete in allen sin not;
unde bot in ouch sin golt rot».

*(Kaiserchronik)***

Для какой же цели *те, которые* должны были «оказывать влияние» на газеты, журналы и брошюры, «присылать» их Фогту и им «прилично» оплачиваться? «Речь идет об Италии», не более; ведь, чтобы отвратить опасность на Рейне, г-ну Фогту «представляется выгодным дать Луи Бонапарту истекать кровью в Италии» (l. c., стр. 34, *«Программа»).* Нет, «речь идет не об Италии» (письмо доктору Лёнингу, l. c., стр. 36). «Речь идет о Венгрии» (письмо г-ну Г. в Н., l. c.). Нет, речь идет не о Венгрии. «Речь идет... о вещах, о которых я не могу сообщить» (l. c., Документы, стр. 36).

В той же мере, как и вещь, о которой идет речь, противоречив и источник, откуда текут приличные «фонды». Это «отдаленный уголок французской Швейцарии» («Главная книга», стр. 210). Нет, «это венгерские женщины с Запада» (письмо к Карлу Блинду, приложение к № 44 «Allgemeine Zeitung» от 13 февраля 1860 г.). Наоборот, это masculini***, находящиеся «в пределах досягаемости немецкой и особенно австрийской полиции» (стр. 17, «Центральное празднество»). Не менее чем цели и источники, хамелеонообразны и размеры его фондов. Это «несколько франков» («Главная книга», стр. 210). Это «небольшие фонды» (стр. 17, «Центральное празднество и т. д.»), Это фонды, достаточные для приличной оплаты людей, которые

* — просто. *Ред.*

** — «Отправил он гонцов ко всем
Князьям земель немецких,
Всем о беде своей сказал,
А также злато предлагал».
(*Имперская хроника*)[523]. *Ред.*

*** — мужчины. *Ред.*

по-фогтовски станут работать в немецкой печати и писать брошюры. Наконец, в довершение всего двусмысленный характер носит и способ образования этих фондов. Фогт *«сколотил* их с большим трудом» («Главная книга», стр. 210). Нет, они «предоставлены в его распоряжение» (l. c., Документы, стр. 36).

«Если я не ошибаюсь», — говорит «округленная натура», — «то *подкупать* значит склонять кого-либо деньгами или предоставлением иных выгод к поступкам и высказываниям, противоречащим его убеждениям» (l. c., стр. 217).

Следовательно, человек, убеждения которого разрешают ему *продаваться,* не может быть *подкуплен,* и тот, убеждениям которого это противоречит, также не может быть подкуплен. Если министерский отдел иностранной печати в Париже предлагает, например, швейцарским газетам за полцены, за четверть цены и даже даром выходящую ежедневно и стоящую 250 франков парижскую «Lithographierte Correspondenz», обращая внимание «благомыслящих редакций» на то, что они могут наверняка рассчитывать на ежемесячную дополнительную сумму в 50, 100 и 150 франков «в зависимости от успеха», то это ни в каком случае не подкуп. Редакции, убеждениям которых противоречит ежедневная «Correspondenz» и ежемесячная дотация, никто не принуждает принимать ни того, ни другого. И разве «подкуплены» Гранье де Кассаньяк, или Ла Героньер, или Абу, или Грангийо, или Бюлье, или Журдан из «Siecle»[524] или Мартен и Бонифас из «Constitutionnel»[525], или Роше Да-Да Альбер? Разве был такой случай, чтобы какой-либо оплачиваемый поступок или высказывание оказались в противоречии с убеждениями этих господ? Или, к примеру, разве Фогт подкупил агента какой-то швейцарской газеты, прежде враждебной ему, если он безвозмездно предоставил в его распоряжение несколько сот экземпляров своих «Исследований»? Во всяком случае весьма странно это фогтовское предложение публицистам работать в духе их убеждений в имеющихся в их распоряжении органах печати и получать гонорар за эту работу через орган г-на Карла Фогта в Женеве. Что Фогт смешивает гонорар, выплачиваемый определенной газетой своим собственным сотрудникам, с тайными субсидиями, предлагаемыми из анонимной кассы каким-то третьим субъектом корреспондентам совершенно чуждых ему газет и даже печати целой страны, — это quid pro quo* показывает, как глубоко «вработался» немецкий Да-Да в мораль 2 декабря.

«Мальчик сидел у источника»**. Но у какого источника?

* — смешение понятий. *Ред.*

** Из стихотворения Шиллера «Юноша у ручья». *Ред.*

Вместо намеченного Фогтом еженедельника «Neue Schweiz» впоследствии в Женеве стала выходить «Neue Schweizer Zeitung», основанная старым приятелем Да-Да, г-ном *А. Брассом.* И вот в одно прохладное ноябрьское утро г-н Брасс заявил, к изумлению всей Женевы, что

«в письме к Фогту он отверг *французское кормовое корыто,* которое хотел подставить ему Фогт».

В то же время он заявил о своей готовности ответить перед судом за это обвинение *(«Neue Schweizer Zeitung» от 12 ноября 1859 года).* А петух или, вернее, каплун, до сих пор так весело кукарекавший, замолк, после того как его потрепали на его собственной навозной куче. «Новошвейцарец, гражданин кантона Берн и член Совета кантонов от Женевы» был на этот раз публично обвинен в самой Женеве одним из «известных» своих друзей *в попытке подкупа французскими* деньгами. И член Совета кантонов от Женевы молчал.

Пусть не думают, что Фогт с сознанием собственного достоинства мог игнорировать «Neue Schweizer Zeitung». Обвинение против него появилось, как я сказал, в номере от 12 ноября 1859 года. Вскоре после того в этой же самой газете появилась пикантная характеристика Плон-Плона, и газета «Revue de Geneve»[526], орган женевского диктатора *Джемса Фази,* тотчас же откликнулась на это протестующей передовицей в четыре столбца *(«Revue de Geneva) от 6 декабря 1859 года).* Она протестовала «au nom du radicalisme genevois», во имя женевского радикализма. Такое значение придавал сам Джемс Фази «Neue Schweizer Zeitung». В передовице из четырех столбцов «Revue de Geneve» нельзя было не распознать и руки Фогта. Самого Брасса в ней до известной степени оправдывают; не он инициатор посягательства на Плон-Плона, его ввели в заблуждение. По чисто фогтовскому способу, corpus delicti* взваливается на того самого Л. Хефнера, которого Фогт и в «Главной книге» (стр. 188) подозревает в сочинении «отвратительных скандальных историй об императоре и принце Наполеоне»; имеется и неизбежный у Фогта намек на «пресловутого баденского экс-лейтенанта Клосмана» как на бернского корреспондента «Allgemeine Zeitung» (ср. «Главную книгу», стр. 198). Остановимся коротко на протесте, опубликованном «во имя женевского радикализма» и для спасения чести Плон-Плона господином и слугой, *Джемсом Фази* и *Карлом Фогтом,* 6 декабря 1859 г. в «Revue de Geneve».

* — состав преступления. *Ред.*

Брасса обвиняют в том, что он пытается «подкрепить свое мнение немца о Франции оскорблением принца из дома Бонапартов». *Плон-Плон,* как уже давно знают в Женеве, либерал-де чистейшей воды, который в период своего изгнания великодушно отказался «играть роль при штутгартском и даже петербургском дворах». Просто смешно приписывать ему мысль об образовании где-то маленького государства, какого-то этрусского королевства, как это делает оскорбительная статья в «Neue Schweizer Zeitung».

«Принц Наполеон, в твердом сознании своей **гениальности** и своих *талантов,* ставит себя гораздо выше этих жалких маленьких тронов».

Он скорее предпочитает играть во Франции, «этом центре высокой цивилизации и всеобщей инициативы», роль маркиза Позы при дворе своего светлейшего кузена «в качестве принца-гражданина» (prince-citoyen). «Кузен уважает и любит его, что бы там ни говорили». Но принц не только бонапартовский маркиз Поза, он — «бескорыстный друг» Италии, Швейцарии, — словом, национальностей.

«Принц Наполеон, как и император, — крупный экономист... Если во Франции восторжествуют когда-нибудь принципы здравой политической экономии, то это произойдет, бесспорно, при большом участии принца Наполеона».

Он был и остался «сторонником совершенно неограниченной свободы печати», противником всяких предупредительных полицейских мер, носителем «идей свободы в широчайшем смысле слова как в теории, так и на практике». Если уши императора под дурным влиянием бывают глухи к советам этой Эгерии, то принц удаляется с достоинством, но «без ропота». Не что иное, «как *его заслуги,* вызвали клеветнические нападки на него в Европе».

«Враги Франции боятся его потому, что он опирается на революционную поддержку народов Европы, стремясь вернуть им их национальную независимость и свободу».

Итак, непризнанный гений, маркиз Поза, Эгерия, экономист, защитник угнетенных национальностей, демократ чистейшей воды и — мыслимо ли это? — Плон-Плон «habile comme general et brave comme tout officier francais» (искусен, как генерал, и храбр, как всякий французский офицер).

«Он доказал это в крымскую кампанию во время битвы на Альме и после нее». А в итальянскую кампанию он «отлично организовал свой

50-тысячный корпус» (известный corps de touristes*, я чуть было не сказал corps de ballet**) «и в короткое время совершил тяжелый переход через гористую местность, причем войска его не терпели ни в чем недостатка».

Как известно, французские солдаты в Крыму называли боязнь пушечных выстрелов la maladie Plon-Plonienne***, и, вероятно, Плон-Плон покинул полуостров лишь из-за возраставшего недостатка съестных припасов[527].

«Мы показали его», — именно Плон-Плона, торжествуя заканчивает «Revue de Geneve», — «таким, каков он есть».

Ура генералу Плон-Плону!

Ничего поэтому нет удивительного, если *Фогт* говорит, что получил свою походную кассу из «демократических рук». Плон-Плон, этот Prince Rouge**** — идеал Фогта и Фази, так сказать, заколдованный принц европейской демократии. *Фогт* не мог получить своих денег из более чистых демократических рук, чем из рук Плон-Плона. Если даже часть денег, непосредственно переданных августейшим кузеном Плон-Плона Кошуту, попала через венгерские руки в руки Фогта, то все равно их «происхождение *ужасно».* Другое дело из рук Плон-Плона! Даже те деньги, которые *Фогт* получил во время невшательского конфликта от графини К...*****, подруги Клапки, получены, может быть, и из более нежных рук, но не из более чистых и более демократических. «Plon-Plon est voluptueux comme Heliogabale, lache comme Ivan III et faux comme un vrai Bonaparte»******, — говорит известный французский писатель. Самый худший поступок Плон-Плона состоял в том, что он произвел своего кузена в homme serieux*******. Виктор Гюго мог еще сказать о Луи Бонапарте: «n'est pas monstre qui veut»********, но с тех пор, как Луи Бонапарт открыл Плон-Плона, на человеке из Тюильри сосредоточилась деловая, а на человеке из Пале-Рояля шутовская сторона бонапартистской головы Януса. Фальшивый Бонапарт, племянник своего дяди, хотя и не сын своего отца[528], казался настоящим по сравнению с этим настоящим Бонапартом, так что французы все еще говорят: l'autre est plus sur*********, Плон-Плон одновременно и Дон-

* — корпус туристов. *Ред.*
** — кордебалет. *Ред.*
*** — плон-плоновской болезнью. *Ред.*
**** — Красный принц. *Ред.*
***** — Кароли. *Ред.*
****** — «Плон-Плон сластолюбив, как Гелиогабал, труслив, как Иван III, в лжив, как настоящий Бонапарт». *Ред.*
******* — серьезного человека. *Ред.*
******** — «не всякому дано быть страшилищем» (Гюго. «Наполеон Малый». Заключение. Часть первая, глава I). *Ред*
********* — другой более надежен. *Ред.*

Кихот, и Гудибрас Bas Empire. Гамлет размышлял над тем, что, может быть, праху Александра предопределено служить затычкой пивной бочки*. Что сказал бы Гамлет, увидев сгнившую голову Наполеона на плечах Плон-Плона!**

Получив основной фонд своей походной кассы *«из французского кормового корыта», Фогт,* чтобы замаскировать корыто, мог, конечно, для вида попутно устроить сбор «нескольких франков» среди более или менее демократически настроенных друзей. Так просто объясняются противоречия, в которые он впадает, говоря об источниках, количестве и способе образования его фондов.

Агентурная деятельность Фогта не ограничивалась «Исследованиями», «Программой» и вербовочным бюро. На *лозаннском Центральном празднестве* он возвестил немецким рабочим в Швейцарии миссию Луи Бонапарта по освобождению национальностей, — разумеется, с более радикальной точки зрения, чем в «Исследованиях», предназначенных для либерального немецкого филистера. В то время как в «Исследованиях» Фогт, путем глубокого проникновения в отношения между «материей и силой», пришел к убеждению, что нельзя и думать о «потрясении и уничтожении существующих правительств в Германии» *(«Исследования».* Предисловие, стр. VII), и призывал, особенно «немецкого буржуа» (l. c., стр. 128), «принять близко к сердцу» то обстоятельство, что бонапартистское «освобождение» Италии защищает «от революции» в Германии, — немецким рабочим он, наоборот, разъясняет, что «Австрия — *единственная опора* дальнейшего их» (немецких государей) «существования» *(«Центральное празднество* и т. д.», стр. 11).

«Я только что сказал вам», — говорит он, — «что по отношению к другим странам Германии не существует, что ее еще только предстоит создать, и, по моему убеждению, она может быть создана лишь в *виде союза республик,* наподобие Швейцарского союза» (l. c., стр. 10).

Он это сказал 26 июня (1859 г.), между тем как еще 6 июня, в Послесловии ко 2-му изданию «Исследований», он умоляет принца-регента Пруссии*** силой оружия и династической гражданской войной подчинить Германию дому Гогенцоллернов. Монархическая централизация силой оружия, разумеется,

* См. Шекспир. «Гамлет», акт V, сцена первая. *Ред.*

** Фогт, как он рассказывает, должен был уже в 1852 г. предпринять научное путешествие (шествие Бахуса?) с Плон-Плоном, которому один «прудонист» с энтузиазмом рекомендовал его за сделанные им — «mais do que promettia a forca humana» [«поболее, чем силе человечьей дано» — Камоэнс, «Лузиады», песнь первая] — «изумительные изыскания в области естественной истории» («Главная книга», Документы, стр. 24).

*** — Вильгельма. *Ред.*

кратчайший путь к федеративной республике «наподобие Швейцарского союза». Он развивает далее теорию о *«внешнем враге»* — Франции, — к которому должна примкнуть Германия против *«внутреннего врага»* — Австрии.

«Если бы я», — восклицал он, — «должен был выбирать между чертом (Габсбургом) и чертовой бабушкой (Луи Бонапартом), *то я выбрал бы последнюю;* она старая женщина и умрет».

Однако Фогту показалось, что этот прямой призыв к Германии броситься в объятия Франции декабрьского переворота, под предлогом ненависти к Австрии, слишком скомпрометирует его в глазах читающей публики, и поэтому в *напечатанной* речи этот призыв изменен уже следующим образом:

«И если речь идет о том, чтобы в борьбе между чертом и чертовой бабушкой встать на чью-либо сторону, то мы предпочитаем, чтобы *они перебили и пожрали друг друга,* избавив нас от этого труда» («Центральное празднество и т. д.», стр. 13).

Наконец, в то время как в «Исследованиях» Фогт поднимает на щит Луи Бонапарта как крестьянского и солдатского императора, он на этот раз, перед рабочей аудиторией, заявляет, что

«именно парижские рабочие в своем подавляющем большинстве» перешли «в настоящее время на сторону Луи Бонапарта».

По мнению французских рабочих

«Луи Бонапарт делает все, что должна была бы делать республика, *раз он дает работу пролетариям, разоряет буржуазию* и т. д.» *(«Центральное празднество* и т. д.», стр. 9).

Итак, Луи Бонапарт — *рабочий диктатор,* и в качестве рабочего диктатора его прославляет пред немецкими рабочими в Швейцарии тот самый *Фогт,* который в «Главной книге» вскипает от буржуазного негодования при одном только слове «диктатура рабочих».

Парижская программа, предписывавшая агентам декабря в Швейцарии план действий по вопросу об аннексии Савойи, состояла из трех пунктов: 1) по возможности дольше полностью игнорировать слухи об угрожающей опасности, а, в случае необходимости, объявлять их австрийской выдумкой; 2) на более поздней стадии распространять мнение, что Луи Бонапарт собирается присоединить к Швейцарии нейтрализованную область; и, наконец, 3) после осуществления аннексии использовать последнюю в качестве предлога для *союза Швейцарии с Францией,* то есть для добровольного подчинения Швейцарии бонапартистскому протекторату. Мы увидим, как верно

следовали этой программе господин и слуга, *Джемс Фази* и *Карл Фогт,* женевский диктатор и его креатура — член Совета кантонов от Женевы.

Мы уже знаем, что Фогт в «Исследованиях» избегал малейшего намека на идею, ради которой его роковой человек затеял войну. То же молчание на Центральном празднестве в Лозанне, в Национальном совете[529], на празднестве в честь Шиллера и Роберта Блюма, в бильском «Коммивояжере», наконец в «Главной книге». И, тем не менее, «идея» — более раннего происхождения, чем *пломбьерский* заговор. Уже в *декабре 1851 г.,* несколько дней спустя после государственного переворота, можно было прочесть в «Patriote savoisien»:

«В передних Елисейского дворца уже распределяют между собой чиновничьи посты в Савойе. Его газеты даже весьма мило подшучивают по этому поводу»[*].

6 декабря 1851 г. Фази уже видел, что Женева достается империи декабрьского переворота[**].

1 июля 1859 г. *Штемпфли,* тогда президент Союза, имел беседу с английским поверенным в делах в Берне капитаном Харрисом. Он повторил свое опасение, что в случае расширения сардинского господства в Италии неизбежна аннексия Савойи Францией, и подчеркивал, что аннексия, в частности Северной Савойи, совершенно *обнажает* один из флангов Швейцарии и вскоре повлечет за собой потерю Женевы (см. первую Синюю книгу: «Относительно предполагаемой аннексии Савойи и Ниццы», № 1). Харрис сообщил об этом Малмсбери, который, со своей стороны, поручил лорду Каули в Париже потребовать у Валевского разъяснений о намерениях императора. Валевский нисколько не отрицал, что

«вопрос об аннексии не раз обсуждался между Францией и Сардинией и что император придерживается того мнения, что если Сардиния расширится до размеров Итальянского королевства, то есть основания ожидать, что она, со своей стороны, сделает территориальные уступки Франции» (№ IV l. c.).

Ответ Валевского датирован 4 июля 1859 г. и предшествовал, таким образом, заключению Виллафранкского мира. В августе 1859 г, в Париже появилась брошюра Пететена, в которой

[*] «On se partage deja les places... de la Savoie dans les antichambres de l'Elysee. Ses journaux plaisantent meme assez agreablement la-dessus».

[**] «Peut-etre le citoyen Thurgovien que nous avons si bien defendu contre les menaces de Louis Philippe, nous fera-t-il la grace de vouloir bien se constituer comme mediateur, *et reprendre de nous Geneve»* («Revue de Geneve» от 6 декабря 1851 г.) [«Быть может, гражданин Тургау, которого мы так хорошо защищали от угроз Луи-Филиппа, будет так любезен и выступит посредником, чтобы *отобрать у нас Женеву»].*

Европа подготовлялась к аннексии Савойи[530]. *В августе же,* после летней сессии швейцарского национального собрания, Фогт украдкой поехал в Париж за инструкциями к Плон-Плону. Чтобы замести следы, он поручил своим сообщникам, Раникелю и К°, распространить в Женеве слух, будто он уехал на курорт на Фирвальдштетское озеро.

«ze Paris lëbt er mangen tac,
vil kleiner wisheit er enpflac,
sin zerung was unmazen groz...
ist ër ein esel und ein guoch,
daz sëlb ist ër zuo Pans ouch».*

В сентябре 1859 г. швейцарский Союзный совет увидел, что опасность аннексии все приближается (l. c., № VI); 12 ноября он решил послать великим державам составленный в этом духе меморандум, а 18 ноября президент Штемпфли и канцлер Шисс вручили официальную ноту английскому поверенному в делах в Берне (l. c., № IX). Вернувшись в октябре из своей неудачной поездки в Тоскану, где он напрасно агитировал в пользу этрусского королевства Плон-Плона, *Джемс Фази* выступил против слухов об аннексии по своему обыкновению с гневной аффектацией и шумной бранью: ни во Франции, ни в Сардинии никто якобы и не думает о присоединении. По мере того как приближалась опасность, росло доверие «Revue de Geneve», у которой в ноябре и декабре 1859 г. культ представителей рода Наполеонов (см., например, цитированную выше статью о Плон-Плоне) дошел до корибантского неистовства[531].

С 1860 г. мы вступаем во вторую фазу подготовки аннексии.

Игнорировать и отрицать дальше было уже не в интересах героев декабря. Дело шло теперь, наоборот, о том, чтобы соблазнить Швейцарию аннексией и поставить ее в ложное положение. Надо было выполнить второй пункт тюильрийской программы и, следовательно, как можно громче раззвонить о предполагаемой передаче Швейцарии нейтральной области. Швейцарские приспешники декабрьского переворота, разумеется, были поддержаны в этом деле одновременными маневрами в Париже. Так, в начале января 1860 г. министр внутренних дел *Барош* заявил швейцарскому посланнику доктору *Керну,* что

* — «В Париже долго прожил он,
Но даже там не стал умен,
А только ел за семерых...
Как был обжорой и ослом,
Так и остался он при том»
(Бонериус. «Драгоценный камень». Из басни «Об одном глупом ученом попе»). *Ред.*

«если произойдет перемена владельцев Савойи, то Швейцария одновременно, в согласии с договорами 1815 г., должна будет получить хорошую линию обороны» (см. цитированную Синюю книгу, № XIII).

Еще 2 февраля 1860 г., в тот самый день, когда *Тувенель* заявил английскому послу, лорду Каули, о «возможности» аннексии Савойи и Ниццы, он одновременно сказал ему, что

«французское правительство считает само собой разумеющимся, что при таких обстоятельствах округа Шабле и Фосиньи должны *навсегда* отойти к Швейцарии» (l. c., № XXVII).

Распространение этой иллюзии должно было не только примирить Швейцарию с аннексией Савойи империей декабрьского переворота, но и ослабить силу ее позднейшего протеста против аннексии и скомпрометировать ее в глазах Европы как соучастницу политики декабря, хотя и обманутую. *Фрей-Эрозе,* ставший в 1860 г. президентом Союза, не попал в эту ловушку, а наоборот, заявил капитану Харрису о своих сомнениях относительно мнимых выгод присоединения к Швейцарии нейтрализованной области. Со своей стороны, *Харрис* предостерег союзное правительство против бонапартистской интриги, дабы

«Швейцария не казалась державой, также питающей аннексионистские вожделения и стремящейся к расширению своей территории» (l. c., № XV).

Наоборот, английский посланник в Турине *сэр Джемс Хадсон* писал после продолжительной беседы с *Кавуром* лорду Джону Расселу:

«У меня есть серьезные основания думать, что Швейцария также жаждет аннексировать часть Савойской области. Следовательно, не нужно себе строить никаких иллюзий, и, если Франция порицается за аннексионистские вожделения, то и Швейцария не менее повинна в том же... Так как, ввиду такого двойного натиска, этот вопрос осложняется, то позицию Сардинии можно скорее извинить» (l. c., № XXXIV).

Наконец, как только Луи Бонапарт сбросил маску, Тувенель без всякого стеснения раскрыл секрет лозунга об аннексии Швейцарией нейтральной области. В депеше к французскому поверенному в делах в Берне он открыто издевается над протестом Швейцарии против аннексии Савойи Францией — и на каком основании? На основании навязанного Швейцарии из Парижа «плана *раздела* Савойи» (см. депешу Тувенеля от 17 марта 1860 года).

Какое же участие приняли в этих интригах швейцарские агенты декабря? *Джемс Фази* первым изображает в январе 1860 г. английскому поверенному в делах в Берне присоединение Шабле и Фосиньи к Швейцарии не как обещание Луи Бонапарта, а как собственное желание Швейцарии и жителей

нейтрализованных округов (1. с., № XXIII). *Фогт,* до того никогда не подозревавший о возможности аннексии Савойи Францией, вдруг оказывается преисполненным пророческого вдохновения, а газета «Times», со дня своего основания никогда не упоминавшая имени Фогта, вдруг сообщает в корреспонденции от 30 января:

«Швейцарский профессор Фогт утверждает, что, по его сведениям, Франция готова отдать Швейцарии нейтральные области Савойи — Фосиньи, Шабле и Женевуа, если Союзный совет республики предоставит Франции свободное пользование Симплоном» («Times», 3 февраля 1860 г.).

Мало того! В конце января 1860 г. Джемс Фази уверяет английского поверенного в делах в Берне, что *Кавур,* с которым он месяца два назад имел продолжительную беседу в Женеве, категорически возражает против какой-либо территориальной уступки Франции (см. цитированную Синюю книгу, № XXXIII). Таким образом, в то время как Фази ручается Англии за Кавур а, Кавур оправдывается перед Англией ссылками на аннексионистские вожделения того же самого Фази (1. с., № XXXIII). И наконец, швейцарский посланник в Турине *Турт* еще 9 февраля 1860 г. специально прибежал к английскому посланнику Хадсону, чтобы уверить его, что

«между Сардинией и Францией не существует никакого соглашения насчет перехода Савойи к Франции и что Сардиния совершенно не склонна обменять ее или уступить Франции» (l. c.).

Но решительная минута приближалась. Парижская «Patrie»[532] от 25 января 1860 г. подготовляла к аннексии Савойи в статье, озаглавленной *«Желания Савойи».* В другой ее статье от 27 января — *«Графство Ницца»,* написанной в бонапартистском стиле, уже показалась тень грядущей аннексии Ниццы. 2 февраля 1860 г. Тувенель сообщил английскому послу Каули, что еще до войны между Францией и Сардинией было достигнуто соглашение о «возможности» аннексии Савойи и Ниццы. Но официальная нота о *действительном* решении Франции аннексировать Савойю и Ниццу была сообщена лорду Каули лишь 5 февраля (см. речь лорда Каули в палате лордов от 23 апреля 1860 г.), а доктору Керну лишь 6 февраля, причем обоим, английскому и швейцарскому посланникам, определенно было заявлено, что нейтрализованная область должна быть присоединена к Швейцарии. *До* этих официальных заявлений *Джемсу Фази* сообщили из Тюильри, что по тайному договору Сардиния *уже* уступила Савойю и Ниццу Франции и что в договоре не содержится *никакой оговорки в пользу Швейцарии. До* официальных заявлений Тувенеля лорду Каули и доктору

Керну *Фази* должен был подсахарить и преподнести своим женевским подданным императорскую пилюлю. Поэтому 3 *февраля* по его поручению *Джон Перье,* являющийся слепым орудием в его руках, организовал в помещении Народного клуба в Женеве массовый митинг, на котором Фази якобы случайно очутился, под предлогом, будто

«он только что услыхал (je viens d'entendre), что говорят о договоре, заключенном между Францией и Сардинией об уступке Савойи. К сожалению, такой договор подписан *27 января* сардинским правительством; но из этого *очевидного факта* еще не следует делать вывод, что наша безопасность действительно находится под угрозой... Правда, в тексте договора нет никакой оговорки о наших правах на нейтрализованную область Сардинии; но мы не знаем, не имеют ли в виду такую оговорку договаривающиеся стороны... Возможно, что она считается сама собой разумеющейся (sous-entendue comme allant de soi)... Мы не должны только преждевременно проявлять недоверие... Мы должны руководствоваться своими симпатиями» (к империи государственного переворота)... «и воздерживаться от всяких враждебных заявлений» (см. «полную доверия» речь Фази, своего рода шедевр демагогии, в «Revue de Geneve» от 3 февраля 1860 года).

Английский поверенный в делах в Берне нашел пророческие сведения Фази достаточно важными и поспешил поставить о них в известность лорда Джона Рассела специальной депешей.

Официальный договор о передаче Франции Савойи и Ниццы намечалось заключить 24 марта 1860 года. Нельзя было поэтому терять ни минуты. Надо было еще до официального оповещения об аннексии Савойи официально засвидетельствовать швейцарский патриотизм женевских приспешников декабрьского переворота. Поэтому в начале марта синьор *Фогт,* сопровождаемый генералом *Клапкой,* — который, может быть, действовал de bonne foi* — поехал в Париж, чтобы пустить в ход *свое* влияние на Эгерию Пале-Рояля, непризнанного гения Плон-Плона, и на глазах всей Швейцарии бросить *свой личный вес* на чашу весов в пользу присоединения нейтрализованной области к Швейцарии. Из-за лукулловского стола Плон-Плона — в гастрономии, как известно, Плон-Плон может соперничать с Лукуллом и Камбасересом, и если бы восстал из мертвых сам Брийа-Саварен, он должен был бы только подивиться *гению, политической экономии, либеральным идеям, таланту полководца* и *личной храбрости Плон-Плона* в этой области, — из-за лукулловского стола Плон-Плона, за которым Фальстаф-Фогт жадно набивал себе брюхо в качестве «приятного собеседника», он взывал к храбрости Швейцарии (см. его парижское послание в бильском «Коммивояжере» от 8 *марта* 1860 г., Приложение). Швейцария должна показать, что

* — чистосердечно. *Ред.*

«ее милиция служит не *только* для парадов и для игры в солдатики». «Уступка нейтрализованной области в пользу Швейцарии» — иллюзия. «Передача Франции Шабле и Фосиньи — это лишь *первый* шаг, за которым последуют другие». *«На двух ходулях, принципе национальностей и естественных границ,* можно добраться с Женевского озера до Ааре и, под конец, до Боденского озера и Рейна, — если только ноги достаточно крепки».

Но Фальстаф-Фогт — и в этом вся соль — *все еще не верит тому,* что сам французский министр Тувенель поведал официально уже месяц назад и что знает вся Европа, — именно, что уступка Савойи и Ниццы была обусловлена *еще в августе 1858 г. в Пломбьере* как цена французского вмешательства против Австрии. Скорее, его «роковой человек» только теперь, под влиянием попов и против собственной воли, попал в объятия шовинизма и насильственно был вынужден захватить нейтрализованную область.

«Очевидно», — лепечет в замешательстве наш апологет, — «очевидно в руководящих кругах **искали** противовеса против *все растущего клерикального движения* и решили, что нашли его в так называемом шовинизме, — в глупейшем национализме, который ничего не признает, кроме захвата *какого-нибудь* **клочка** (!) земли».

После того как Фогт, опьяненный испарениями плон-плоновской кухни, обнаружил такое мужество в бильском «Коммивояжере», он, вскоре по возвращении из Парижа, стал в том же органе рассказывать басни об абсолютных симпатиях жителей Ниццы к французам; из-за этого у него произошло неприятное столкновение с *Веджецци-Рускалла,* одним из главных руководителей итальянского Национального союза и автором брошюры *«Национальность Ниццы»*[533], А когда этот же герой, разыгрывавший за столом Плон-Плона роль Винкельрида, выступил в Национальном совете в Берне, то воинственные трубные звуки превратились в дипломатическое насвистывание на флейте, рекомендовавшее спокойное продолжение переговоров с *императором, всегда симпатизировавшим Швейцарии,* и особенно настоятельно предостерегавшее *от союза с Востоком.* Президент Союза *Фрей-Эрозе* сделал кое-какие странные намеки по адресу *Фогта,* который, с другой стороны, с удовлетворением узнал, что газета «Nouvelliste Vaudois» похвалила его речь. «Nouvelliste Vaudois» — орган гг. Бланшне, Деларажаза и других ваадтских магнатов, одним словом — орган швейцарской Западной железной дороги, подобно тому как «Neue Zurcher Zeitung» — орган цюрихского бонапартизма и Северо-Восточной железной дороги[534]. Для характеристики патронов «Nouvelliste Vaudois» достаточно указать, что в связи с известным спором об Оронской железной дороге пятеро ваадтских

правительственных советников неоднократно и безнаказанно обвинялись печатью противной стороны в том, что каждый из них получил в подарок от парижского «Credit Mobilier»[535] — главного акционера швейцарской Западной железной дороги — по 10000 франков акциями (по 20 акций).

Через несколько дней после того, как *Фогт,* в сопровождении Клапки, поехал к Эгерии Пале-Рояля, *Джемс Фази,* в сопровождении *Джона Перье,* поехал к сфинксу из Тюильри. Как известно, Луи Бонапарту нравится роль сфинкса, и он оплачивает своих собственных Эдипов, подобно тому как прежние короли Франции оплачивали своих придворных шутов. В Тюильри *Фази* бросился между Швейцарией и сфинксом. *Джон Перье,* как сказано, был его спутником. Этот Джон — тень своего Джемса; он делает все, чего тот хочет, и ничего не делает, чего тот не хочет; он живет им и для него; он стал благодаря ему членом женевского Большого совета; он устраивает все празднества и приготовляет все тосты для него, он его Лепорелло и его Фиален. Оба вернулись в Женеву ни с чем, поскольку дело шло об интересах Швейцарии, и с огромным успехом, поскольку дело шло об угрожавшей положению Фази опасности. Фази в своих публичных выступлениях гневно заявлял, что теперь у него пелена упала с глаз и что впредь он будет так же ненавидеть Луи Бонапарта, как до сих пор любил его. Странно выглядит эта девятилетняя любовь республиканца Фази к убийце двух республик! Фази разыгрывал роль обманутого патриота с такой виртуозностью, что вся Женева была охвачена фазиевским энтузиазмом, и потеря фазиевских иллюзий стала ощущаться чуть ли не более болезненно, чем потеря нейтрализованных провинций. Даже Теодор де Соссюр, многолетний противник Фази, глава оппозиционной аристократической партии, признал, что невозможно больше сомневаться в швейцарском патриотизме Джемса Фази.

Сопровождаемый столь заслуженными народными овациями, женевский тиран поспешил отправиться в Берн в Национальный совет. Вскоре после отъезда Фази его наперсник, его парижский спутник, словом — его собственный *Джон Перье,* предпринял своеобразный поход аргонавтов. Банда женевских пьяниц (так, по крайней мере, назвала их *лондонская* газета «Times»), набранных из общества «fruitiers»*, демократической лейб-гвардии Фази, отплыла под начальством *Перье* без оружия в *Тонон,* чтобы в этом пункте нейтрализованной области провести *антифранцузскую* демонстрацию. В чем состояла или должна была состоять эта демонстрация, должны ли были аргонавты добыть

* — «сыроваров». *Ред.*

золотую шкуру или расстаться с собственной шкурой, — этого не может до сих пор сказать никто, так как никакой Орфей не сопровождал похода аргонавтов Перье и никакой Аполлоний не воспел его. Дело шло, по-видимому, о своего рода символическом захвате нейтрализованной области Швейцарией, представленной *Джоном, Перье* и его бандой. Действительной же Швейцарии достались лишь бесконечные хлопоты с дипломатическими извинениями, заверениями в лояльности и изъявлениями негодования по поводу символического захвата *Джоном Перье* Тонона, так что Луи Бонапарт и впрямь показался даже великодушным, когда ограничился только фактическим захватом Тонона и прочей нейтрализованной области.

Джон Перье, в карманах которого оказалось несколько тысяч франков, был арестован в Женеве. По оговору Перье был арестован также государственный вице-канцлер и редактор «Revue de Geneve» *Дюкоммён,* молодой человек без собственных средств, зависящий на обоих выше названных постах от президента Государственного совета и хозяина «Revue», *Джемса Фази.* Он сознался, что дал Перье деньги, позаимствовав их из кассы, предназначавшейся для создания добровольческого корпуса, — кассы, существование которой оставалось до того неизвестным женевским радикалам. Судебное следствие закончилось освобождением сперва Дюкоммёна, потом Перье.

24 марта Ницца и Савойя вместе с нейтрализованной областью были официально уступлены Виктором-Эммануилом Бонапарту. 29 — 30 марта *Джон Перье,* вернувшийся вместе с *Фази* **из** Парижа в Женеву, предпринял свой поход аргонавтов, эту шутовскую демонстрацию, которая как раз в решительный момент помешала всякой серьезной демонстрации. *Джемс Фази* уверял в Берне, что «он ровно ничего не знает о случившемся»*. В бывшей нейтральной области *Лети* хвалился, что если бы швейцарцы

* Как известно, сознание того, что после аннексии Северной Савойи Женева оказалась вкрапленной во французскую территорию, а также укрепление французами Тононской гавани, значительно усилили в последнее время антибонапартистские настроения старой республики. Но подлинные взрывы этого народного настроения сопровождаются фальшивыми взрывами, подготовленными по заказу из Парижа и частично осуществляемыми самими французскими полицейскими агентами. Так, например, в «Saturday Review»[536] от 22 сентября 1860 г. читаем; «Одна компания так называемых швейцарцев позволила себе в Тононе грубые оскорбления против империи в тот момент, когда какой-то неловкий жандарм, в пылу официального рвения, задержал так называемых швейцарцев и потребовал, чтобы они предъявили паспорта. Швейцарцы оказались французами, бумаги которых были *в полном порядке...* Но больше всего в связи с этими искусственно вызванными столкновениями наводит на размышление тот факт, что в одном из наиболее ранних и неприятных из них *оказался сильно замешанным один близкий приверженец Фази»* (друг Перье). («The gravest fact relating to these artificial collisions is, that in one the earliest and the worst of them a close adherent of Mr. Fazy was prominently implicated»).

действительно произвели здесь нападение, то его император тотчас же занял бы Женеву тремя дивизиями. Наконец, *Фогт* совсем не был посвящен в тайну похода аргонавтов, *так как* за несколько дней до него он в целях профилактики *донес женевской полиции* — но пустив ее по ложному следу — о затеваемом из Женевы столкновении на границе Савойи. Об этом у меня имеется письмо живущего в Женеве эмигранта, бывшего прежде приятелем Фогта, к живущему в Лондоне эмигранту. Там, между прочим, сказано:

«Фогт распространял слухи, будто я беспрестанно курсирую между Западной Швейцарией и Савойей с целью вызвать революцию во вред Швейцарии и к выгоде враждебных Швейцарии держав. Это было всего за несколько дней до предприятия *Перье, о* котором Фогт наверняка знал, я же — так же мало, как Вы. Он, очевидно, пытался навести на мой след, чтобы меня погубить. По счастью, *он донес на меня также и директору полиции Дюи,* который вызвал меня и был немало поражен, когда я, при первом же вопросе, со смехом прервал его: «Ага! Известно, фогтовская интрига!» Он попросил более подробных сведений о моих отношениях с *Фогтом.* Мои показания были одновременно поддержаны одним правительственным секретарем, членом «Гельвеции», который на следующий день поехал в Берн на центральное собрание и здесь выразил брату Фогта свое неудовольствие по поводу поведения Карла, На это Густав лаконически ответил, что он давно уже заметил из писем Фогта, как обстоит дело с его политикою).

Если сперва молчание, отрицание и проповедь доверия к Луи Бонапарту должны были отвлечь внимание Швейцарии от опасности, если затем крики о предполагаемом присоединении Фосиньи, Шабле и Женевуа к Швейцарии должны были популяризировать мысль об аннексии Савойи Францией, если, наконец, тононский фарс должен был сломить всякое серьезное сопротивление, то теперь, согласно парижской программе, последовавшая в действительности аннексия и ставшая очевидной опасность должны были и в конечном счете служить мотивами для добровольной капитуляции Швейцарии, то есть для *ее союза с империей декабрьского переворота.*

Задача была настолько деликатна, что только сам *Джемс Фази* мог взяться за ее решение. Его слуга *Фогт* мог предостерегать против *союза с Востоком,* но только сам Фази был в состоянии защищать *союз с Западом.* На его необходимость он впервые намекнул в «Revue de Geneve». *18 апреля 1860 г.* в Женеве циркулировали выдержки из одного лондонского письма, в котором, между прочим, говорилось;

«Рекомендуйте вашим влиятельным согражданам остерегаться советов *Дж. Фази,* который может предложить Швейцарии *отказаться от, своего нейтралитета.* Весьма вероятно, что этот совет исходит от самого *французского правительства,* услужливым агентом которого до сих пор

состоит *Джемс Фази...* Теперь он встал в позу доброго швейцарца, борющегося с планами Франции, но одно, всегда хорошо осведомленное лицо уверяет меня, что это — уловка. Лишь только Швейцария заявит, что она больше не хочет и не может оставаться *нейтральным государством,* французское правительство примет это к сведению и навяжет ей союз, как во времена Первой империи».

На это *Фази* ответил в «Revue de Geneve»:

«В тот день, когда Савойя сольется с Францией, нейтралитет Швейцарии прекратится сам собой, и такой совет со стороны Фази был бы, таким образом, излишним».

Три месяца спустя, *10 июля, Джемс Фази* произнес в швейцарском Национальном совете речь, свидетельствовавшую о том, что он

«с неистовыми проклятиями, сжимая кулаки против бонапартистских денежных тузов и баронов Союза, — он обвинял их как le gouvernement souterrain*, — шел в бонапартистский лагерь».

И хотя он как будто резче всего обрушивался на цюрихско-ваадтскую, официально профранцузскую партию, она тем не менее не мешала ему бушевать»

«Европа, в особенности Германия, покинула Швейцарию. В силу этого нейтралитет стал невозможен; Швейцария должна искать **союзов,** но где?»

Затем этот старый демагог бормочет что-то о

«близкой родственной Франции, которая когда-нибудь поймет и исправит свою несправедливость, и, может быть, станет еще республикой и т. д. Но *новую политику* должны начать не изжившие себя денежные тузы и бароны Союза, ее должна проводить Гельвеция, народ. Подождите, ближайшие выборы научат вас, как вести себя. Присутствие федеральных войск в Женеве можно только приветствовать. Но если **их** присутствие должно выражать хоть малейшее сомнение в теперешнем правлении Женевы, то не нужно их. Женева сама себе поможет и защитит себя».

Таким образом, *10 июля Джемс Фази* в Национальном совете выступил за то, на что он намекал в «Revue de Geneve» от *18 апреля,* — за *«новую политику», за союз Швейцарии с Францией,* то есть за аннексию Швейцарии Францией декабрьского переворота. Хорошо осведомленные швейцарцы считали преждевременным это приподымание антибонапартистской маски, которую Фази носил со времени своего возвращения из Тюильри, Однако именно Фази обладает исключительной, напоминающей почти Пальмерстона, виртуозностью в искусстве преднамеренной болтливости.

* — подпольное правительство. *Ред.*

Пользующиеся наиболее дурной репутацией представители «gouvernement souterrain» внесли, как известно, на рассмотрение Национального совета вотум порицания *Штемпфли,* который, как президент Союза, верно понял положение и одно время принял правильное решение занять нейтрализованную область федеральными войсками, чтобы обезопасить ее от французских посягательств. Вотум порицания был отвергнут подавляющим большинством голосов, но среди них не было голоса *Фогта.*

«Весьма характерно для *Карла Фогта»,* — писали мне тогда из Швейцарии, — «что его не было при обсуждении в швейцарском Совете кантонов вотума порицания *президенту Союза Штемпфли.* В качестве представителя кантона Женевы, над которым нависла угроза со стороны Бонапарта, Фогт вынужден был бы голосовать за Штемпфли, энергичного защитника интересов этого кантона. Кроме того, он лично с ним в приятельских отношениях и обязан ему. Отец Фогта и два его брата зарабатывают себе на хлеб, служа чиновниками в Бернском кантоне; третьему брату Штемпфли помог недавно занять хорошо оплачиваемое место старшего федерального статистика. Поэтому во время поименного голосования Фогту нельзя было, конечно, выступить против друга, благодетеля и популярного человека. С другой стороны, еще менее способен был плон-плонист публично одобрить политику, не на жизнь, а на *смерть* борющуюся с агрессивными планами бонапартизма. Отсюда необходимость убежать и спрятать голову, но широкий зад все же виден и получает удары: такова обычная стратагема и земная судьба современного Фальстафа».

Обвинение в *«австриячестве»,* исходившее из Тюильри и повторенное так громогласно *Джемсом Фази* в «Revue de Geneve», а его лакеем *Фогтом* в бильском «Коммивояжере», в «Исследованиях», в «Главной книге» и т. д., ударило, наконец, рикошетом по самой Швейцарии. Приблизительно в середине апреля на всех стенах Милана появился плакат: *«Спор между Наполеоном и Швейцарией».* В нем говорилось:

«Савойя представляла, по-видимому, лакомый кусок для Швейцарии и, *побуждаемая Австрией,* она поспешила встать на пути Наполеону 111 в деле, которое касалось только Италии и Франции... Англия и северные великие державы, *за исключением Австрии,* отнюдь не возражают против аннексии Савойи; *только Швейцария, подстрекаемая Австрией,* стремящейся разжигать беспокойство и волнения во всех объединенных владениях Сардинии, наложила свое вето... *Швейцария — анормальное государство,* которое не сможет долго сопротивляться *натиску великого принципа национальностей.* Немцы, французы, итальянцы не способны подчиняться одним и тем же законам. Если Швейцария это знает, то пусть она вспомнит, что в кантоне Тессин говорят на языке Фосколо и Джусти, пусть она не забывает, что значительная часть ее принадлежит к великой и великодушной нации, называющей себя *французами».*

Швейцария, по-видимому, вообще — *австрийская* выдумка.

В то время как сам *Фогт* так усердно занимался спасением *Швейцарии* от когтей *Австрии,* он поручил одному из своих ближайших сообщников, болтливому швабу и спесивому члену

«охвостья» парламента, *Карлу Майеру из Эслингена,* в настоящее время владельцу ювелирной мастерской, заботу о спасении *Германии.* При освящении знамени невшательского Общества немецких рабочих, которое отмечалось в кабачке «Корона» в Сен-Блезе, оратор — член «охвостья» парламента и ювелир *Карл Майер из Эслингена* — призывал Германию

«пропустить только французов через Рейн, так как иначе в Германии никогда не станет лучше».

Два делегата от женевского Общества рабочих, вернувшись после нового года (1860 г.) с освящения знамени, рассказали об этом случае. После того как их сообщение было подтверждено делегатами различных других западношвейцарских обществ, руководство женевского Общества разослало циркуляр для всеобщего предостережения против бонапартистских интриг, ведущихся среди немецких рабочих в Швейцарии.

«Согласно воспоминанию о Первой империи», — я цитирую по имеющимся у меня запискам, — «когда даже некоторые немцы старались содействовать мировому владычеству Наполеона, в надежде, что империя-колосс ие переживет падения своего повелителя и что тогда из распадающихся провинций империи франков, по крайней мере, образуется и единая Германия, которая в этом случае легче сумеет завоевать себе свободу, — в то время называли политическим шарлатанством высасывать из живого организма всю кровь в надежде на чудесное появление у него новой здоровой крови; кроме того, тогда осуждали тех людей, которые попросту отрицали у великого народа наличие силы для самозащиты и не признавали за ним право на самоопределение; наконец, указывали, что ожидаемый мессия Германии уже показал в Италии, что *он* понимает под освобождением национальностей и т. д. и т. д. Циркуляр, как в нем было указано, предназначался лишь для тех немцев, которые, преследуя хорошую цель, выбирали негодные средства; наряду с этим в нем содержался отказ иметь дело с **честолюбивыми бывшими людьми и продажными публицистами».**

В то же время в «Aargauer Nachrichten», *органе «Гельвеции»*[537], бичевали

«логику, согласно которой надо впустить ежа в кротовую нору, чтобы его можно было скорее поймать и вновь выбросить; по этой безукоризненной логике точно так же следует предоставить полную свободу Эфиальтам, чтобы могли появиться Леониды. Известный профессор действует как поставленный на голову герцог Ульрих Вюртембергский; тот пытался вернуться из изгнания на родину при помощи крестьянского «Башмака» после того, как рыцарский сапог его знать больше не хотел; а этот профессор испортил отношения с башмаком и поэтому завязывает связи с сапогом и т. д.».

Это обвинение против г-на *профессора Фогта* важно тем, что оно появилось в органе «Гельвеции». Зато тем более радушный прием встретил он в «Esperance»[538], газете большого формата, основанной в 1859 г. в Женеве на большие деньги из

французской государственной кассы. Задачей «Esperance» была проповедь аннексии Савойи и Рейнской области в частности и прославление мессианского призвания Луи Бонапарта как освободителя национальностей вообще. Всей *Женеве* известно, что *Фогт* был habitue* редакции «Esperance» и одним из деятельнейших ее сотрудников. До меня дошли подробности, не оставляющие в этом *никакого сомнения.* То, на что *Фогт* намекает в своих «Исследованиях», а также то, что он поручил своему сообщнику, болтливому швабу, члену «охвостья» парламента и ювелиру *Карлу Майеру из Эслингена* публично возвестить в Невшателе, развито более подробно в «Esperance». Так, например, в номере от *25 марта 1860 г.* сказано:

«Если единственная надежда немецких патриотов основана на войне с Францией, то какое основание у них ослаблять правительство этой страны и мешать ему добиваться своих *естественных границ?* А может быть, немецкий народ вовсе не склонен разделять эту ненависть к Франции? Как бы то ни было, *существуют очень искренние немецкие патриоты, особенно* **среди прогрессивнейших немецких демократов»** (именно имперский Фогт, Раникель, Карл Майер из Эслингена и tutti quanti**), *«которые не видят большой беды в потере левого берега Рейна и которые, наоборот, убеждены, что* **только после утраты его** *начнется политическая жизнь Германии,* возрожденной Германии, опирающейся на союз с европейским Западом и сливающейся с его цивилизацией»***.

Столь точно осведомленная *Фогтом о* взглядах прогрессивнейшей немецкой демократии, «Esperance» заявляет в передовице от 30 мая:

«Плебисцит на левом берегу Рейна скоро покажет, что все там настроены в пользу Франции».

Швейцарский сатирический листок «Postheiri» стал теперь осыпать злыми остротами «Esperance», эту «чахлую клячу», которая помимо легких лавров Бахуса Плон-Плона должна таскать на себе еще «тяжелое брюхо» его Силена.

С какой точностью проводились бонапартистские маневры в печати, видно из следующего случая. *30 мая* женевская газета «Esperance» призывала путем плебисцита передать левый берег

* — завсегдатаем. *Ред.*

** — им подобные. *Ред.*

*** «Si la seule esperance des patriotes allemands est fondee sur une guerre avec la France, quelle raison peuvent-ils avoir de chercher a affaiblir le gouvernement de ce pays et l'empecher de former ses frontieres naturelles? Serait-il que le peuple en Allemagne est loin de partager cette haine de la France? Quoi qu'il en soit, il y a des patriotes allemands tres sinceres, et notamment parmi les democrates les plus avances, qui ne voient pas grand malheur dans la perte de la rive gauche du Rhin, qui sont, au contraire, convaincus que c'est apres cette perte seulement que commencera la vie politique d'une Allemagne regeneree, appuyee sur l'alliance et se confondant avec la civilisation de l'Occident europeen» («L'Esperance», 25 Mars 1860).

Рейна Франции декабрьского переворота; *31 мая* Луи Журдан в парижской газете «Siecle» начал свою окопную борьбу за аннексию Рейна, а в *начале июня* «Propagateur du Nord et du Pas-de-Calais» направил свою тяжелую артиллерию на Бельгию. Несколько ранее женевского рупора *Эдмон Абу* заявил в «Opinion nacionale», что увеличение Сардинии заставило императора «de prendre la Savoie... c. a d. *nous fermons notre porte»*[*], и если, продолжал он, объединительные стремления в Германии приведут к подобному же увеличению Пруссии, то «alors nous aurions a veiller a notre surete, *a prendre la rive gauche du Rhin,* c. a d. *nous fermerions notre porte»*[**]. По пятам за этим легкомысленным привратником следовал неуклюжий буйвол, А. А.-корреспондент газеты «Independance belge»[539], своего рода Жозеф Прюдом и специальная пифия поселившегося в Тюильри «Providence»[***]. Между тем «Esperance», в своеобразном одушевлении *немецким единством* и в своих негодующих обличениях продавшихся *Австрии* немецких противников декабря, поднялась до такой головокружительной высоты, что *Джемс Фази,* вынужденный считаться с некоторыми дипломатическими соображениями и к тому же собираясь превратить свою «Revue de Geneve» в «Nation suisse», соизволил с великодушной снисходительностью заявить в «Revue», что можно выступать против бонапартизма, и не будучи австрийцем.

Карлу Фогту — немецкому Да-Да, владельцу бонапартистского вербовочного бюро для немецкой печати, подручному агенту Фази, «приятному собеседнику» в Пале-Рояле, Фальстафу Плон-Плона, «другу» Раникеля, суфлеру бильского «Коммивояжера», сотруднику «Esperance», протеже Эдмона Абу, певцу «Лаузиады» — предстояло, однако, опуститься еще на одну ступень ниже. Ему предстояло появиться в Париже, перед лицом всего света, в «Revue contemporaine», рука об руку с ***мосье Эдуаром Симоном.*** Посмотрим же, что представляет собой «Revue contemporaine» и кто такой *мосье Эдуар Симон.*

«Revue contemporaine» было вначале официальным бонапартистским журналом, в полную противоположность «Revue des deux Mondes»[540], в котором писали представители изящного пера, люди из «Journal des Debats»[541], орлеанисты, фузионисты, а также профессора из College de France и Membres de l'Institut[542]» Так как эту последнюю официальную публику нельзя

[*] — «завладеть Савойей... иными словами, *мы запираем свои ворота». Ред.*

[**] — «тогда мы должны будем позаботиться о нашей безопасности и *завладеть левым берегом* Рейпа, иными словами, *мы запрем свои ворота». Ред.*

[***] — «провидения». *Ред.*

было прямо прикомандировать к «Revue contemporaine», то ее попытались отстранить от «Revue des deux Mondes», чтобы таким обходным путем оттеснить к бонапартистскому «Revue». Но этот ход не имел надлежащего успеха. Владельцы «Revue contemporaine» сочли даже невозможным вести дела с редакционным комитетом, навязанным им г-ном *Ла Героньером.* Но так как чревовещатель из Тюильри нуждался в рупорах различных тонов, то «Revue contemporaine» превратилось в *официозное* «Revue», а «Revue europeenne»[543] с навязанным *Ла Героньером* редакционным комитетом стало *официальным* «Revue».

Теперь о ***мосье Эдуаре*** [Edouard] ***Симоне***. По происхождению это — рейнско-прусский еврей, по имени *Эдуард* [Eduard] *Симон,* который, однако, вечно строит самые комичные гримасы, чтобы сойти за истинного француза; но на беду его стиль каждую минуту выдает переведенного на французский язык рейнско-прусского еврея.

Вскоре после шиллеровских торжеств (ноябрь 1859 г.) я встретил у одного лондонского знакомого весьма почтенного купца, давно живущего в Париже, который подробно рассказывал о шиллеровских торжествах в Париже, шиллеровских обществах и т. д. Я прервал его вопросом, как немецкие общества и собрания в Париже уживаются с бонапартистской полицией? Он ответил мне с иронической улыбкой:

«Разумеется, ни одного собрания и ни одного общества не бывает без mouchard*. Во избежание всяких затруднений мы придерживаемся раз навсегда установленной простой тактики, — probatum est** — мы привлекаем *известного нам mouchard* и тут же выбираем его в комитет. Во всех подобных случаях для нас всегда был находкой наш *Эдуар Симон.* Вы знаете, что *Ла Героньер,* бывший лакей Ламартина и изготовитель бутербродов у Эмиля де Жирардена, является теперь фавориткой императора, его тайным стилистом и в то же время главным цензором французской печати. А *Эдуар Симон* — комнатная собачка Ла Героньера и», — прибавил он, особенным образом сморщив нос, — «довольно зловонная шавка. *Эдуар Симон* — и вы это ему не вмените, конечно, в вину — не хотел работать pour le roi de Prusse***. Он находил, что, примкнув к системе декабрьского переворота, он оказывает неисчислимые услуги себе самому и цивилизации. Это человек небольшого ума и нечистоплотного характера, но не без способностей в некоторых областях второстепенных интриг. Ла Героньер прикомандировал своего *Эдуара Симона* к «Patrie» в качестве одного из авторов передовых статей. Это свидетельствовало о такте тайного стилиста. Дело в том, что владелец «Patrie», банкир *Деламар* — надменный, упрямый, похожий на бульдога parvenu****, не терпящий в своей конторе около себя никого, кроме самых отъявленных подхалимов. Тут наш *Эдуар Симон,* который, несмотря на свой крысиный яд, может быть

* — шпиона. *Ред.*
** — проверенной. *Ред.*
*** — даром, ради прекрасных глаз. *Ред.*
**** — выскочка. *Ред.*

мягким, как ангорская кошка, как раз и пришелся к месту. Во времена республики «Patrie», как вы знаете, была одним из бесстыднейших органов улицы Пуатье[544]. Со времени декабрьского переворота она оспаривает у «Pays»[545] и «Constitutionnel» честь быть полуофициальным органом Тюильри, а с тех пор, как подан сигнал, немало делает для развертывания лихорадочной кампании за аннексию. Вы, конечно, знаете нищих, разыгрывающих на улице эпилептиков, чтобы выманить у прохожего несколько су. «Patrie» действительно досталась честь первой возвестить о предстоящей аннексии Савойи и Ниццы. Едва последовала аннексия, как «Patrie» увеличила свой формат, так как, по наивному заявлению господина Деламара, «La Savoie et le comte de Nice ayant ete annexes a la France, la consequence naturelle est *l'agrandissement de la Patrie»*[*]. Кто не вспомнит при этом остроты парижского циника, который на вопрос «Qu'est-ce que la patrie?»[**], сразу ответил: «journal du soir»[***]. Какое же предстоит увеличение «Patrie» и ее формата, а также salaire[****] *Эдуара Симона* в *случае* аннексии Рейнских провинций! В политико-экономическом отношении «Patrie» видит спасение Франции в уничтожении tourniquet de la Bourse[*****], отчего снова должны подняться до желанной высоты дела на бирже, а значит, и во всей стране. И *Эдуар Симон* мечтает об уничтожении tourniquet de la Bourse. Но наш *Эдуар Симон* не только автор передовых статей «Patrie» и комнатная собачка Ла Героньера. Он преданнейший друг и доносчик нового *Иерусалима,* alias[******] префектуры полиции, в частности г-на *Палестрины.* Словом, господа», — закончил рассказчик, — «от комитета, имеющего в своей среде г-на *Эдуара* ***Симона,*** уже по одному этому отдает самым густым *полицейским ароматом».*

И господин... засмеялся при этом каким-то особенно резким смехом, как будто между odeur de mauvais lieu[*******] и *мосье Эдуаром Симоном* имелась еще какая-то совершенно невыразимая тайная связь.

Г-н *Кинглек* обратил внимание палаты общин на милое смешение функций внешней политики, полиции и прессы, характерное для агентов декабря (заседание палаты общин от 12 июля 1860 г.). ***Мосье Эдуар Симон*** — известного[********] фогтовского *Эдуарда* не следует, разумеется, смешивать с фогтовской нежной *Кунигундой,* alias *Людвигом Симоном* из *Трира*[*********] — ***Мосье Эдуар Симон,*** комнатная собачка Ла Героньера, пудель Деламара, шпик Палестрины и дворовая собака для всех,

---

[*] — «Естественным следствием присоединения Савойи и графства Ниццы к Франции является *увеличение отечества».* (Игра слов: «Patrie» — «отечество» и название газеты.) *Ред.*

[**] — «Что такое отечество?». *Ред.*

[***] — «вечерняя газета». *Ред.*

[****] — оклада. *Ред.*

[*****] — таблицы биржевых курсов. *Ред.*

[******] — иначе. *Ред.*

[*******] — дурным запахом. *Ред.*

[********] Игра слов: «ruchbar» означает «известный», а также «пахнущий». *Ред.*

[*********] Через посредство нежной Кунигунды кое-что фогтовское против меня появилось в газетке моего родного города Трира. Между прочим, там говорилось о моей «плотской близости» с «Allgemeine». Какая ассоциация идей для целомудренной Кунигунды! Very shocking indeed! [Ах, как неприлично!]

принадлежит, очевидно, если не к сливкам, то, во всяком случае, к лимбургскому сыру 10 декабря, ко второму кругу, где

«s'annida
Ipocrisia, lusinghe, e chi affatura,
Falsita, ladroneccio, e *simonia,*
Ruffian, baratti, e simile lordura»*.

За много недель до появления «Главной книги» *Карл Фогт* поручил своему *Эдуару Симону* дать отзыв о ней во французской печати. *Эдуар Симон* годился для double emploi**, Прежде всего он частным образом изложил содержание «Главной книги» г-ну *Ла Героньеру* и был затем в связи с этим прикомандирован своим патроном к «Revue contemporaine». Тщетно редакция «Revue contemporaine» смиреннейше просила, чтобы *Эдуар Симон,* по крайней мере, появлялся на ее столбцах анонимно. Ла Героньер был неумолим. *Эдуар Симон* дебютировал в «Revue contemporaine» от 15 февраля 1860 г. со статьей о своем друге *Фогте* под заглавием: *«Un tableau de maeurs politiques de l'Allemagne. Le proces de M. Vogt avec la Gazette d'Augsbourg»* («Картина политических нравов Германии, Процесс г-на Фогта против «Аугсбургской газеты»»), статьей, напечатанной за подписью *Эдуар Симон.*

«Романец» *Эдуар Симон* не думает, что для того, «чтобы быть добрым французом, он обязан поносить благородную германскую расу» («Revue contemporaine», l. c., стр. 531), но в качестве «доброго француза» и «прирожденного романца» он должен, по меньшей мере, обнаруживать природное невежество в немецких делах. Так, между прочим, он говорит о своем *Карле Фогте:* «Он был одним из *трех регентов* эфемерной империи»***. *Мосье Эдуар Симон,* разумеется, не догадывается, что империя in partibus**** стонала под управлением *пентархии,* и «как француз», напротив, воображает, что трем святым королям в Кёльне[546] должны были соответствовать — хотя бы ради симметрии — три парламентских имперских регента в Штутгарте. Остроты «друга» *Фогта* в его «Главной книге» часто заходят «слишком далеко с точки зрения французского вкуса»*****. Француз Эдуар это

* — «пребывают Лжецы, ханжи и те, что чары ткут Разбоя, сводничества, *симонии,* И всякой прочей мерзости приют» (Данте. «Божественная комедия», «Ад», песнь XI). *Ред.*

** — двойного амплуа. *Ред.*

*** «Il fut un des trois regents de l'empire ephemere» (l. c., p. 518).

**** — in partibus infidelium — вне реальной действительности (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

***** «Il depasserait le but au gout des Francais» (l. c., p. 519).

исправит и «постарается произвести отбор»*. «Друг» *Фогт* от рождения любит «резкие цвета» и «в отношении языка не особенно-то уж тонок»*. Ну конечно! Ведь «друг» Фогт только аннексированный немец, как Да-Да аннексированный араб, между тем как *Эдуар Симон* от природы «добрый француз» и коренной «романец». Заходили ли когда-нибудь г-н Оргес и г-н Дицель так далеко в своей клевете на «романскую расу»?

Мосье Эдуар Симон развлекает свое начальство, изображая перед парижской публикой одного из «трех» немецких святых королей охвостья — и притом с согласия и по поручению этого немецкого святого короля охвостья — в виде добровольного пленника, идущего за триумфальной колесницей императора-Квазимодо.

«Мы видим», — говорит *Эдуар Симон,* приведя цитату из «Главной книги» *Фогта,* — «мы видим, что г-н *Фогт* мало интересовался вопросом, откуда приходила помощь для создания германского единства, лишь бы она вообще приходила; *Французская империя представлялась ему даже особенно пригодной для ускорения решения вопроса в духе его желаний. Может быть, г-н Фогт в этом случае* **дешево** (?!) **продал** *свое прошлое,* и его старым коллегам, заседавшим вместе с ним на крайней левой Франкфуртского парламента, должно казаться странным, что этот яростный противник всякого единовластия, этот пламенный сторонник анархии, **выражает столь живые симпатии государю, который победил анархию во Франции»*** .

С не-«решительной» левой Эдуар пересаживает «беглого имперского регента» на крайнюю левую Франкфуртского парламента. Человек, голосовавший за «наследственного германского императора», превращается в «яростного противника всякого единовластия», а член Центрального мартовского союза, проповедовавший среди пестрых кабацких партий во Франкфурте необходимость «порядка» во что бы то ни стало, становится «пламенным сторонником анархии». Все это для того, чтобы должным образом выпукло подчеркнуть улов, доставшийся режиму 10 декабря в лице «беглого имперского регента». Тем более ценны «столь *живые симпатии»* г-на *Фогта* «к человеку, который победил анархию во Франции», тем дороже его теперешнее признание того, *«что Французская империя*

* «Nous nous efforcerons de choisir» (l. c.).

* «M. Vogt aime beaucoup les couleurs tranchantes, et il n'est pas precisement un gourmet en matiere de language» (l. c., p. 530).

*** «On le voit, M. Vogt se souciait peu d'ou vint le secours en faveur de l'unite allemande, pourvu qu'll vint; l'empire francais lui semblait meme singulierement propre a hater le denouement qu'il desire. Peut-etre en cela M. Vogt faisait-il bon marche de ses antecedents, et il dut paraitre etrange a ses anciens collegues qui siegeaient avec lui a l'extreme gauche dans le Parlement de Francfort de voir ce fougueux antagoniste de tout pouvoir unique, ce fervent zelateur de l'anarchie manifester de si vivea sympathies envers le souverain qui l'a vaincue en France» (l. c., p. 518).

особенно пригодна для создания германского единства», и тем понятнее сделанный с ловкостью медведя «другом» *Симоном* намек, что «друг» *Фогт* «может быть, *дешево* (de bon marche) продал свое прошлое» и, значит, герой декабрьского переворота, во всяком случае, заплатил за него не *«слишком дорого».* И чтобы не оставить в высших сферах никакого сомнения насчет того, что «друг» *Фогт* теперь столь же благонадежен, как и «друг» *Симон,* мосье Эдуар Симон, ухмыляясь, потирая руки и подмигивая левым глазом, рассказывает, что *Фогт* в своем стремлении к порядку, *«если он правильно понимает г-на Фогта, даже осведомлял женевские власти об интригах революционеров»,* совсем как мосье Эдуар Симон «осведомляет» Палестрину и Ла Героньера.

Всем известно, что и Абу, и Журдан, и Гранье де Кассаньяк, и Бонифас, и д-р Хофман, что монахи из «Esperance», рыцари из «Nationalites», подстрекатели из «Opinion nationale», penny-a-liner* из «Independance», «Morning Chronicle», «Nouvelliste Vaudois» и т. д., что Ла Героньеры и Симоны, стилисты, цивилизаторы, поборники декабрьского переворота, плон-плонисты, дантюисты и дантисты, — что все они вместе и порознь черпают свое вдохновение из одной и той же августейшей **кассы.** Таким образом, Да-Да *Фогт* не одинокий, борющийся на свой страх и риск партизан, он субсидирован, доктринирован, сбригадирован, с канальями соединен, с Эдуаром Симоном объединен, к Плон-Плону присоединен, вместе пойман и вместе повешен. Спрашивается: *оплачивают ли Карлу Фогту* его агентурную деятельность?

«Если я не ошибаюсь, то подкупать значит склонять кого-нибудь деньгами или предоставлением иных выгод к поступкам и высказываниям, противоречащим его *убеждениям»* («Главная книга», стр. 217).

А плон-плонизм — убеждение *Фогта.* Таким образом, если даже Фогта *оплачивают* наличными, то он ни в коем случае не *подкуплен.* Но чеканка монеты не столь разнообразна, как способ оплаты.

Кто знает, не обещал ли Плон-Плон своему Фальстафу место коменданта Мышиной башни у Бингенской ямы?[547] Или же назначение членом-корреспондентом *Института,* после того как Абу в своей брошюре «Пруссия в 1860 г.» уже заставил французских натуралистов спорить о чести *одновременно* переписываться с живым *Фогтом* и с мертвым *Диффенбахом?* Или имеется в виду восстановление Фогта в качестве имперского регента?

* — наемные писаки, строчкогоны. *Ред.*

Я знаю, во всяком случае, что молва объясняет вещи более прозаическим образом. Так, говорят, «вместе с поворотом в ходе дел, начавшемся с 1859 г.» произошел поворот и в делах «приятного собеседника» (бывшего незадолго перед тем одним из главарей попавшего под уголовное следствие акционерного общества, средства которого были полностью растрачены); осмотрительные друзья пытались объяснить это тем, что одно итальянское акционерное горнопромышленное общество, из благодарности к заслугам Фогта «в области минералогии», сделало ему крупный подарок в акциях, которые он реализовал во время своего первого пребывания в Париже. Сведущие люди из Швейцарии и из Франции, совершенно незнакомые друг с другом, писали мне почти одновременно, что «приятный собеседник» занимает в какой-то мере доходную должность по верховному надзору за поместьем «Ла Бержери» у Ниона (в Ваадте), — принадлежащей вдове резиденцией, которую Плон-Плон купил с торгов для Ифигении из Турина*. Мне известно письмо, в котором один «новошвейцарец», бывший в близких отношениях с *Фогтом* еще в течение длительного времени после «поворота 1859 г.», *назвал* в начале 1860 г. г-ну П. Б. Б., — 78, Фенчёрч-стрит, Лондон, — *очень крупную сумму,* которую его экс-приятель получил из центральной кассы в Париже не в качестве *взятки,* а в качестве *аванса.*

Такие и еще худшие слухи проникли в Лондон, но я, со своей стороны, не придаю им никакого значения. Я скорее верю на слово *Фогту,* когда он говорит,

> «что никому нет дела до того, откуда я» *(Фогт)* «беру средства. Я и *впредь буду стараться добывать себе средства,* необходимые для достижения *моих политических целей, я и впредь,* в сознании *правоты своего дела, буду брать их там,* **где я их сумею получить»** («Главная книга», стр. 226),

следовательно, также и из парижской центральной кассы.

Политические цели!

«Nugaris, cum tibi, Calve,
Pinguls aqualiculus propenso sesquipede extet»**.

Правое дело! Это — немецкое идеалистическое выражение для обозначения того, что грубо-материалистический англичанин называет «the good things of this world»***.

Что бы ни думал об этом д-р медицины *Шайбле,* почему не поверить на слово *Фогту,* когда он в той же самой «Главной

---

* Маркс имеет в виду дочь сардинского короля Виктора-Эммануила — Клотильду. *Ред.*

** — «Все вздор ты пишешь, Плешивый,
Да и отвисло твое непомерно надутое брюхо»
(Персий, сатира первая). *Ред.*

*** — «благами мира сего». *Ред.*

книге», в заключение своих *охотничьих историй* о серной банде и т. д., столь же торжественно заявляет:

«Здесь заканчивается этот отрезок одного периода **современной истории.** *Я сообщаю здесь отнюдь не пустые фантазии,* **это — чистая правда»** («Главная книга», стр. 182).

Почему же его *агентурная деятельность* не должна быть столь же *чистой,* как и рассказанная в «Главной книге» **правда.**

Я, со своей стороны, твердо и непреклонно верю, что, в отличие от всех прочих пишущих, агитирующих, политиканствующих, конспирирующих, пропагандирующих, рекламирующих, плон-плонирующих, комплотирующих и компрометирующих себя сочленов *декабрьской банды,* единственно только Фогт, исключительно он один, смотрит на своего императора как на «l'homme qu'on aime pour lui-meme»*.

«Swerz niht geloubt, der sundet»**, как говорит Вольфрам фон Эшенбах, или же «кто не верит этому, тот заблуждается», как поется в современной песне.

* — «человека, которого любят ради него самого». *Ред.*

** — «Кто не верит, тот грешит» (Вольфрам фон Эшенбах, «Парцифаль», книга IX). *Ред.*

X
ПАТРОНЫ И СООБЩНИКИ

Principibus placuisse viris non ultima laus est*.

В качестве свидетелей своего «good behaviour»** экс-имперский Фогт выставляет

«Кошута» и «двух других лиц, *Фази* — человека, возродившего Женеву, и *Клапку* — защитника Коморна», которых он «с гордостью называет своими друзьями» («Главная книга», стр. 213).

Я называю их его *патронами.*

После сражения при Коморне (2 июля 1849 г.) *Гёргей* узурпировал верховное командование венгерской армией, вопреки приказу венгерского правительства, сместившего его.

«Если бы во главе правительства стоял энергичный человек», — пишет полковник *Лапинский,* продолжавший еще быть в этой своей книге приверженцем *Кошута,* — «то уже тогда был бы положен конец всем интригам Гёргея. *Кошуту* стоило только явиться в лагерь и сказать несколько слов армии, и вся популярность Гёргея не спасла бы его от падения... Но *Кошут* не явился, у него не хватило силы выступить открыто против Гёргея, и, *тайно интригуя против генерала, он публично пытался оправдать его поступок»* (стр. 125, 126. *Т. Лапинский. «Поход венгерской главной армии* и. т. д.»[548]).

О преднамеренном предательстве Гёргея Кошуту, по его собственному признанию, некоторое время спустя официально донес генерал *Гайон* (см. *Давид Уркарт, «Посещение венгерских эмигрантов в Кютахье»).*

«Кошут, правда, сказал в одной прекрасной речи в Сегеде, что если бы он знал о каком-нибудь предателе, то убил бы его собственной рукой, причем он, может быть, имел в виду Гёргея. Однако он не только не исполнил этой несколько театральной угрозы, но даже не назвал ни одному из своих министров человека, которого он подозревал; *строя с несколькими людьми жалкие планы против Гёргея, он одновременно всегда с величайшим уважением говорил о нем и даже писал ему нежнейшие, письма.* Пусть поймет, кто хочет, но я не понимаю, как можно, видя спасение отечества

* — Но не последняя честь и знатным понравиться людям (Гораций. «Послания», книга первая, послание 17). *Ред.*

** — «хорошего поведения». *Ред.*

лишь в падении опасного человека, пытаться дрожащей рукой его убрать и в то же время поддерживать его, создавая ему своим доверием приверженцев и почитателей и даже передавая ему таким путем в руки всю власть. В то время как Кошут *столь жалким образом* действовал то в пользу Гёргея, то против него... *Гёргей,* более последовательный и твердый, чем он, выполнял свой черный план» (Т. Лапинский, l. c., стр. 163 — 164).

11 августа 1849 г. Кошут, *по приказанию* Гёргея, издал, якобы из крепости Арад, официальный манифест об отказе от власти, в котором он передавал Гёргею «высшую гражданскую и военную правительственную власть» и заявлял:

«После неудачных сражений, которыми господь в последние дни покарал нацию, больше не осталось надежды, что мы с расчетом на успех сможем еще продолжать самооборону против обеих объединившихся великих держав».

Объявив таким образом в начале манифеста дело Венгрии *безнадежно* погибшим, и притом вследствие *кары господней, Кошут* в дальнейшем тексте манифеста возлагает на Гёргея «ответственность *перед богом* за надлежащее использование» врученной ему Кошутом власти *«для спасения»* Венгрии. Он достаточно доверял Гёргею, чтобы вручить ему Венгрию, но слишком мало, чтобы поручить ему свою собственную особу. Его личное недоверие к Гёргею было настолько велико, что свое прибытие на турецкую территорию он ловко приурочил к моменту получения Гёргеем своего манифеста об отказе от власти. Поэтому его манифест и заканчивается словами:

«Если только смерть моя может быть полезна отечеству, то я с радостью принесу в жертву свою жизнь».

Но на алтарь отечества, в руки Гёргея, он принес в качестве жертвы лишь *власть правителя, титул* которого он, однако, тотчас же снова узурпировал под защитой турок.

В Кютахье его превосходительство правитель in partibus получил первую Синюю книгу о венгерской катастрофе, представленную Пальмерстоном парламенту[549]. Изучение этих дипломатических документов убедило его, писал он Д. Уркарту, что *«Россия в каждом кабинете имеет своего шпиона, даже более того — своего агента»* и что *Пальмерстон предал* dear Hungary* *в интересах России***. Между тем, первое слово, которое он

* — дорогую Венгрию. *Ред.*

** Кошут не понимал тогда, как разыгрываемая Пальмерстоном роль врага России «может» обмануть человека, обладающего здравым смыслом. *«How could a man of any intellect* for a single moment believe that the Minister who allowed Russia's intervention in Hungary, would give the word of attack against her?» *[«Как мог человек, имеющий хоть сколько-нибудь ума,* хотя бы на мгновение поверить, что министр, который допустил интервенцию России в Венгрии, может дать сигнал к нападению на Россию?»] (Письмо из Кютахьи от 17 декабря 1850 г. *Переписка Кошута).*

произнес публично, вступив на английскую землю в Саутгемптоне, было: «Palmerston, the dear friend of my bosom!» (Пальмерстон, мой дорогой, задушевный друг!).

После того, как закончилось его интернирование в Турции, Кошут отплыл в Англию. По дороге туда, у Марселя, — где ему, однако, не разрешено было высадиться, — он выпустил манифест, написанный в духе и в стиле французской социальной демократии. В Англии он немедленно же *отрекся* от

«этого *нового,* социально-демократического, *учения,* которое — правильно или неправильно — считают несовместимым с общественным порядком и неприкосновенностью собственности. У Венгрии нет основания, да и желания связываться с этими учениями, хотя бы по той весьма простой причине, что в Венгрии нет для них ни условий, ни малейшего повода» (ср. с этим письмо из Марселя).

В течение первых двух недель своего пребывания в Англии он менял свой символ веры столько же раз, сколько давал аудиенций — всем и повсюду. Граф *Казимир Баттяни* так мотивировал свой тогдашний публичный разрыв с Кошутом:

«На этот шаг меня толкнули не только bevues*, сделанные Кошутом за время его двухнедельного пребывания на свободе, но и весь накопившийся у меня опыт, все то, что я видел, терпел, допускал, выносил — и как Вы вспомните — прикрывал и маскировал, сперва в Венгрии, потом в изгнании, словом — составившееся у меня твердое мнение об этом человеке... Позвольте мне заметить, что прошлые или будущие заявления Кошута в Саутгемптоне, Уисбиче или Лондоне, словом — в Англии, не заставят забыть того, что он сказал в Марселе. В стране «молодого великана»» (Америка), «он опять-таки заговорит на иной лад, так как, будучи в иных делах недобросовестным (unscrupulous) и сгибаясь, точно тростинка, при каждом сильном дуновении ветра, он sans gene** отказывается от своих собственных слов и без всяких колебаний прикрывается великими именами покойников, которых он погубил, как, например, именем моего бедного кузена Людвига Баттяни... Ни минуты не колеблясь, я заявляю, что еще раньше, чем Кошут покинет Англию, вы будете иметь достаточно оснований сожалеть о почестях, так расточительно воздаваемых вами столь ничтожному человеку (a most undeserving heart)». (Переписка Кошута, письмо графа Баттяни г-ну Уркарту. Париж, 29 октября 1851 года.)

Гастроли Кошута в Соединенных Штатах, где на Севере он говорил *против* невольничества, а на Юге *за* него, оставили после себя чудовищное разочарование и 300 бренных останков речей. Не останавливаясь подробнее на этом странном эпизоде, замечу лишь, что он горячо рекомендовал *немцам* в *Соединенных Штатах,* и в частности *немецкой эмиграции,* союз между Германией, Венгрией и Италией, *исключая Францию* (не только правительство государственного переворота, но вообще Францию,

* — ошибки. *Ред.*
** — без стеснения. *Ред.*

даже французскую эмиграцию и представляемые ею французские партии). Вскоре после своего возвращения в Лондон он пытался через посредство одного подозрительного субъекта, графа Сирмои, и полковника Киша в Париже *завязать сношения с Луи Бонапартом.* (См. мое письмо в «New-York Tribune» от 28 сентября 1852 г. и мое заявление там же от 16 ноября 1852 года[550].)

В 1853 г., когда в Милане вспыхнуло подготовленное Мадзини восстание[551], на стенах домов этого города появилась прокламация, обращенная к стоявшим там венгерским войскам и призывавшая их стать на сторону итальянских повстанцев. Под прокламацией стояла подпись: *Людвиг Кошут.* Едва лишь до Лондона дошло известие о поражении повстанцев, как Кошут поспешил заявить в «Times» и в других английских газетах, что эта прокламация — *поддельная* и, таким образом, публично уличил во лжи своего друга Мадзини. Тем не менее, прокламация была *подлинной.* Мадзини получил ее от Кошута, имел рукопись прокламации, написанную собственноручно Кошутом, и действовал в согласии с последним. Убежденный в том, что сбросить австрийскую тиранию в Италии можно только соединенными усилиями Италии и Венгрии, Мадзини пытался сначала заменить Кошута каким-либо более надежным венгерским вождем; но когда из-за раздоров в среде венгерской эмиграции попытка эта потерпела неудачу, он простил своего ненадежного союзника и великодушно воздержался от его разоблачения, которое свело бы на нет престиж Кошута в Англии.

К тому же 1853 г. относится, как известно, начало русско-турецкой войны. 17 декабря 1850 г, Кошут писал из Кютахьи Давиду Уркарту:

«Без турецкого владычества Турция перестанет существовать. А при настоящем положении вещей *Турция настоятельно необходима для мировой свободы».*

В письме к великому визирю *Решид-паше* от 15 февраля 1851 г. его туркофильство проявляется еще более пылко. В высокопарных фразах предлагает он турецкому правительству свои услуги. Во время своего турне по *Соединенным Штатам* он писал 22 января 1852 г. *Д. Уркарту:*

«Не согласитесь ли Вы, — ведь никто лучше Вас не понимает, что интересы Турции и Венгрии тождественны, — защищать мое дело в Константинополе? Во время моего пребывания в Турции Порта не знала, кто я такой; оказанный мне прием в Англии и Америке и положение, которое я занимаю благодаря удаче — я готов даже сказать: благодаря провидению, — должны показать Порте, что я искренний и, может быть, не лишенный влияния друг Турции и ее будущего».

5 ноября 1853 г. он письменно предлагал г-ну *Кроши* (уркартисту) отправиться, в качестве союзника турок, в Константинополь, но «не с пустыми руками» («not with empty hands»), и поэтому просил г-на Кроши раздобыть ему денег

«путем конфиденциальных обращений к таким либеральным лицам, которые могли бы легко оказать просимую помощь».

В этом письме он говорит: «Я ненавижу и презираю искусство делать революции» («I hate and despite the artifice of making revolutions»). Но в то время как перед уркартистами он изливался в ненависти к революции и в любви к туркам, он вместе с Мадзини выпускал манифесты, в которых выставлялось требование изгнания турок из Европы и превращения Турции в своего рода «Восточную Швейцарию», а равно подписывал воззвания так называемого Центрального комитета европейской демократии[552], призывавшие к революции вообще.

Так как Кошут уже к концу 1853 г. бесцельно растратил деньги, собранные им в 1852 г. в Америке путем декламации от имени Венгрии, и так как г-н Кроши остался глух к его просьбе, то правитель отказался от плана рыцарского визита в Константинополь, послав, однако, туда с лучшими рекомендациями своего агента, полковника *Иоганна Бандью*[*].

[*] Я сам познакомился в 1850 г. в Лондоне с *Бандьей* и его тогдашним приятелем, теперь *генералом Тюрром.* Подозрения, вызванные во мне его плутнями со всевозможными партиями — орлеанистами, бонапартистами и т. д. — и его сношениями с полицейскими всех «национальностей», он рассеял простым способом, предъявив мне изготовленный собственноручно *Кошутом* патент, согласно которому Бандья, бывший уже ранее временным, полицей-президентом в Коморне под начальством Клапки, назначался теперь полицей-президентом in partibus. В качестве тайного начальника полиции на службе революции он. естественно, должен был иметь «открытый» доступ к полиции, находящейся на службе правительств. Летом 1852 г. я обнаружил, что он утаил рукопись, которую я передал ему для одного берлинского книготорговца, и доставил ее одному из немецких правительств[553]. После того как я написал об этом эпизоде и о других давно бросавшихся мне в глаза особенностях этого человека одному венгру в Париже и загадка Бандьи, благодаря вмешательству третьего достаточно осведомленного лица, была вполне решена, я в начале 1853 г. послал за своей подписью публичное разоблачение его в «New-Yorker Criminal-Zeitung»[554]. Бандья в оправдательном письме, находящемся еще в моих руках, указывал на то, что я меньше всего имею оснований считать его шпионом, так как он всегда (и это была правда) избегал говорить со мной о моих собственных партийных делах. Хотя Кошут и его сторонники не отступились тогда от Бандьи, все же мое разоблачение в «Criminal-Zeitung» стало мешать его дальнейшим действиям в Лондоне, и он тем охотнее ухватился за случай, предоставленный ему осложнениями на Востоке для использования своих талантов на другом поприще. Вскоре после заключения Парижского мира (1856 г.) я прочел в английских газетах, что некий *Мехмед-бей,* полковник турецкой службы, известный прежде, как христианин, под именем Иоганна Бандьи, отплыл с некоторым числом польских эмигрантов из Константинополя в Черкесию, где он фигурировал в качестве начальника генерального штаба Сефер-паши и, до известной степени, в качестве «Симона Боливара» черкесов. В *лондонской* «Free Press», в большом количестве расходящейся в Константинополе, я указал на прошлое этого освободителя[555]». 20 января 1858 г. Бандья, как указывается в тексте, был пригово-

20 января 1858 г. в Адерби в Черкесии заседал военный суд, который единогласно приговорил к смерти «Мехмед-бея, бывшего *Иоганна Бандью из Иллошфальвы,* уличенного, в силу его признания и показаний свидетелей, в измене стране и в тайной переписке с врагом» (русским генералом Филипсоном), что нисколько не мешает ему, однако, спокойно проживать до настоящего момента в Константинополе. В представленном военному суду письменном собственном признании *Бандья* между прочим говорит:

«Моя политическая деятельность целиком направлялась вождем моей страны *Людвигом Кошутом...* Снабженный рекомендательными письмами моего политического вождя, я 22 декабря 1853 г. прибыл в Константинополь».

Он стал затем, как рассказывает дальше, мусульманином и поступил на турецкую службу в чине полковника.

«Согласно инструкциям, которые были мне даны» (Кошутом) «я должен был тем или иным путем вступить в ряды войск, предназначенных для действий на черкесских берегах».

Там он должен был стараться воспрепятствовать какому бы то ни было участию черкесов в войне с Россией. Он успешно выполнил свое поручение и к концу войны послал из Константинополя Кошуту «подробный отчет о положении в Черкесии». Перед своей второй, предпринятой вместе с поляками экспедицией в Черкесию, он получил от Кошута приказание действовать совместно с точно указанными ему венграми, между прочим, с генералом Штейном (Ферхад-пашой).

«Капитан Франкини», — говорит он, — *«военный секретарь русского посланника,* присутствовал на нескольких наших совещаниях. Нашей целью было переманить Черкесию на сторону русских мирным, медленным, но верным путем. Прежде чем экспедиция покинула Константинополь» (в середине февраля 1857 г.), «я получил письма и инструкции от Кошута, одобрявшего мой план действий».

рен в Адерби военным судом польского легиона, находившегося под начальством полковника Т. Лапинского, за замышляемую им измену Черкесии к смерти. Так как Бандья был турецким полковником, то Сефер-паша счел исполнение этого приговора несовместимым с уважением к Высокой Порте и поэтому переправил осужденного в Трапезунд, откуда тот, очутившись на свободе, вскоре вновь прибыл в Константинополь. Между тем венгерская эмиграция в Константинополе горячо вступилась за Бандью, ополчившись против поляков. Охраняемый русским посольством от Дивана (который, к тому же, должен был содержать его. как «полковника», вместе с его гаремом), защищаемый предвзятым мнением своих земляков в отношении поляков, Бандья хладнокровно опубликовал самоапологию в «Journal de Constantinople»[556]. Но прибытие в скором времени черкесской депутации положило конец этой истории. Венгерская эмиграция официально отступилась от своего подзащитного, хотя и de tres mauvaise grace [с большим неудовольствием]. Все бумаги военного суда в Адерби, среди них и собственное признание Бандьи, а также документы, которыми обменялись впоследствии в Константинополе, были пересланы тамошней польской эмиграцией в Лондон, где выдержки из них появились во «Free Press» (май 1858 г.). Более полно эти документы были опубликованы мной в «New-York Tribune» от 16 июня 1858 года[557].

В Черкесии предательство Бандьи было раскрыто благодаря перехваченному письму его к русскому генералу Филипсону.

«Согласно данной мне инструкции», — говорит Бандья, — «я должен был завязать сношения с русским генералом. Я долго не решался на этот шаг, но, наконец, я получил настолько *определенные* ordres*, что не посмел больше колебаться».

Дело, разбиравшееся военным судом в Адерби, и в особенности *собственное признание Бандьи* вызвали большую сенсацию в Константинополе, Лондоне и Нью-Йорке. От Кошута неоднократно и настойчиво, между прочим и со стороны венгров, требовали публичного объяснения, однако напрасно. О миссии Бандьи в Черкесии он до настоящего момента хранит трусливое молчание.

Осенью 1858 г. Кошут торговал в Англии и Шотландии по дешевым ценам лекциями, направленными против австрийского конкордата[558] и Луи Бонапарта. С каким пламенным фанатизмом он предостерегал тогда англичан против предательских планов Луи Бонапарта, которого он называл тайным союзником России, можно увидеть, например, из «Glasgow Sentinel» (20 ноября 1858 г.). Когда Луи Бонапарт в начале 1859 г. раскрыл свои итальянские планы, Кошут разоблачил его в *мадзиниевском* «Pensiero ed Azione» и предостерегал «всех истинных республиканцев» — итальянцев, венгров и даже немцев против таскания каштанов из огня для этого императора-Квазимодо. В феврале 1859 г. Кошут стал уверять, что полковник Киш, граф Телеки и генерал Клапка, довольно давно уже принадлежавшие к красной камарилье Пале-Рояля, разработали с Плон-Плоном заговорщические планы восстания в Венгрии. Кошут пригрозил начать публичную полемику в английской печати, если его не допустят в «тайный союз». Плон-Плон был полностью готов раскрыть ему двери конклава. С английским паспортом, под именем мистера Брауна, Кошут поехал в начале мая в Париж, поспешил в Пале-Рояль и подробно изложил Плон-Плону свои планы восстания в Венгрии. Вечером 3 мая «красный принц» в собственном экипаже привез экс-правителя в Тюильри, чтобы представить его там спасителю общества. Во время этой встречи с Луи Бонапартом столь красноречивый в других случаях язык отказался служить Кошуту, так что Плон-Плон должен был взять за него слово и некоторым образом преподнести своему кузену программу Кошута. Кошут впоследствии с восхищением удостоверил почти дословную точность передачи Плон-Плона. Внимательно выслушав сообщение своего кузена, Луи Бонапарт

* — приказания. *Ред.*

заявил, что принять предложения Кошута ему мешает только одно препятствие — республиканские принципы и республиканские связи Кошута. В ответ на это экс-правитель весьма торжественно отрекся от республиканских убеждений, заверяя, что он не является и никогда не являлся республиканцем и что только политическая необходимость и необычайное стечение обстоятельств заставили его присоединиться к республиканской части европейской эмиграции. В доказательство своего антиреспубликанизма Кошут от имени своей страны предложил венгерскую корону Плон-Плону. Корона эта тогда еще не была упразднена. Хотя Кошут и не обладал нотариальными полномочиями для ее продажи с молотка, но тот, кто постоянно следил с некоторым вниманием за его выступлениями за границей, знает, что он давно привык говорить о своей «dear Hungary», как провинциальный дворянчик говорит о своем поместье*.

Отречение Кошута от своих республиканских убеждений я считаю искренним. Цивильный лист в 300000 флоринов, который он потребовал в Пеште для поддержания блеска своей исполнительной власти; передача своей собственной сестре патроната над больничными учреждениями, принадлежавшего раньше австрийской эрцгерцогине; попытка назвать именем Кошута некоторые полки; его стремление создать камарилью; упрямство, с каким он, очутившись на чужбине, цеплялся за титул правителя, от которого он отказался в минуту опасности; все его дальнейшее поведение, которое было больше к лицу претенденту на престол, чем изгнаннику, — все это говорит о тенденциях, чуждых республиканским.

После сцены, смывшей с г-на Кошута подозрения в республиканизме, в его распоряжение было передано, согласно договору, три миллиона франков. В этом соглашении, как таковом, ничего странного не было, ибо для того, чтобы по-военному организовать венгерскую эмиграцию, требовались деньги, и почему правителю было не взять субсидии от своего нового союзника с таким же правом, с каким все деспотические государства Европы получали субсидии от Англии в течение всей антиякобинской войны? В качестве аванса на личные издержки Кошут тут же получил 50000 фр. и,кроме того, выговорил себе известные денежные выгоды, своего рода страховую премию на случай преждевременного прекращения войны. Финансовая прозорливость и мелодраматическая чувствительность отнюдь

* Неудивительно, что подобные вещи становятся известными, особенно, если иметь в виду, что здесь участвовали, по меньшей мере, две словоохотливые стороны, Факты эти были, между прочим, во время пребывания Кошута в Лондоне (в начале осени 1859 г.) опубликованы в английских газетах.

не исключают одна другую. Ведь Кошут уже во время венгерской революции — как это должен знать его бывший министр финансов Душек — благоразумно позаботился, чтобы его содержание выплачивалось ему не в кошутовских денежных знаках, а в серебре или в австрийских банкнотах.

Раньше чем Кошут покинул Тюильри, было у словлено, что он откроет в Англии кампанию за нейтралитет для нейтрализации якобы «австрофильских тенденций» правительства Дерби. Общеизвестно, как добровольная поддержка вигов и манчестерской школы позволила ему весьма успешно выполнить эту предварительную часть договора. Турне с лекциями, проделанное от Мэншен-хауза в Лондоне до Фритред-холла в Манчестере, составляло как бы антитезу к его англо-шотландскому турне осенью 1858 г., когда он продавал, взимая по шиллингу с человека, свою ненависть к Бонапарту и Шербуру, как к «the standing menace to England»*.

Значительнейшая часть венгерской эмиграции в Европе с конца 1852 г. отвернулась от Кошута. Перспектива нападения на Адриатическое побережье с французской помощью снова привлекла под его знамена большую ее часть. Его переговоры с военными лицами из новоиспеченных приверженцев не лишены были «декабрьского» привкуса. Чтобы иметь возможность передать им большую часть французских денег, Кошут повышал их в чинах, производя, например, лейтенанта в майоры. Прежде всего каждый из них получал на путевые расходы до Турина, затем богатый мундир (стоимость форменной одежды майора доходила до 150 ф. ст.) и, наконец, жалованье за шесть месяцев вперед с обещанием уплаты годичного жалованья после заключения мира. Но вообще жалованье не было слишком высоким: 10000 фр. главнокомандующему (Клапке), 6000 фр. — генералам, 5000 — бригадирам, 4000 — подполковникам, 3000 — майорам и т. д. Собравшиеся в Турине венгерские военные силы состояли почти исключительно из офицеров, без рядовых, и по этому поводу мне приходилось неоднократно выслушивать горькие жалобы со стороны «низов» венгерской эмиграции.

Генерал Мориц Перцель, разглядевший эту дипломатическую игру, как было уже упомянуто, отказался от участия в ней и публично заявил об этом. *Клапка,* несмотря на контрприказ Луи Бонапарта, настаивал на высадке у Фиуме, но *Кошут* удерживал венгерский эмигрантский корпус в предписанных ему директором театра сценических границах.

* — «постоянной угрозе Англии». *Ред.*

Лишь только в Турин пришло известие о заключении Виллафранкского мира, как Кошут, боясь, что его выдадут Австрии, сломя голову и тайно, за спиной своих воинских частей, помчался в Женеву. Ни Франц-Иосиф, ни Бонапарт, ни кто другой не вызывал к себе тогда столько ненависти в венгерском лагере в Турине, как Людвиг Кошут, и только комизм его последнего бегства заставил критику до известной степени молчать. По возвращении в Лондон Кошут обнародовал письмо к своему ручному слону, некоему Мак-Адаму из Глазго, в котором заявлял, что считает себя разочарованным, но не обманутым; он заканчивал трогательной фразой, что ему негде преклонить голову и все адресованные ему письма он просит направлять на квартиру его приятеля Ф. Пульского, давшего приют изгнаннику. Более чем с англосаксонской грубостью лондонская печать предложила Кошуту, если ему угодно, нанять себе на бонапартистские субсидии дом в Лондоне; это убедило его, что на некоторое время его роль в Англии сыграна.

Кроме ораторского таланта, Кошут обладает великим талантом молчать, когда аудитория обнаруживает к нему явно недоброжелательное отношение или же когда ему нечего сказать в свою защиту. Как солнцу, ему не чужды затмения. То, что он хоть раз в жизни сумел быть последовательным, доказало его недавнее письмо к Гарибальди, где он предостерегал последнего от нападения на Рим, чтобы не оскорбить императора французов, эту «единственную опору угнетенных национальностей».

Как Альберони в первую половину XVIII века называли колоссальным кардиналом, так Кошута можно назвать колоссальным *Лангеншварцем.* По существу он — импровизатор, получающий свои впечатления каждый раз от новой аудитории, а не творец, навязывающий миру свои оригинальные идеи. Как Блонден танцует на своем канате, так Кошут — на своем языке. Оторванный от атмосферы своего народа, он неизбежно должен был выродиться в простого виртуоза и впасть в пороки виртуозов. Характерная для импровизатора неосновательность мышления неизбежно находит свое отражение в двусмысленности его поступков. Если Кошут был некогда эоловой арфой, на которой бурно играл народный ураган, то теперь он только дионисово ухо, передающее шопоты в таинственных покоях Пале-Рояля и Тюильри.

Было бы совершенно несправедливо на одну доску с Кошутом ставить второго патрона Фогта, *генерала Клапку.* Клапка был одним из лучших венгерских революционных генералов. Он, как и большинство офицеров, собравшихся в 1859 г. в Турине, смотрит на Луи Бонапарта примерно так, как Франц Ракоци

смотрел на Людовика XIV. Для них Луи Бонапарт представляет военную мощь Франции, которая может послужить на пользу Венгрии, но никогда — уже в силу одних географических условий — не может быть опасной для нее*. Но почему же Фогт ссылается на Клапку? Клапка никогда не отрицал, что он принадлежит к красной камарилье Плон-Плона. Чтобы из «друга» Клапки сделать поручителя за «друга» Фогта? Клапка не обладает особенным талантом в выборе своих друзей. Одним из его близких друзей в Коморне был полковник *Ассерман.* Послушаем, что говорит об этом полковнике Ассермане полковник *Лапинский,* служивший под начальством Клапки до сдачи Коморна и отличившийся потом в Черкесии своей борьбой против русских.

«Вилагошская измена»[561], — говорит Лапинский, — «вызвала сильнейший испуг среди находившихся в Коморне и ничего не делавших многочисленных штабных офицеров... Эти надушенные господа с вышитыми золотом воротниками, из которых многие не умели держать ружья в руках и не способны были командовать и тремя солдатами, бегали в панике друг к другу, придумывая способы любой ценой спасти свою шкуру. Сумев под всевозможными предлогами отделиться от главной армии, чтобы в уютной безопасности неприступной крепости сидеть без всякого дела и только ежемесячно расписываться в правильном получении жалованья, они пришли в ужас от мысли, что придется защищаться не на жизнь, а на смерть... Именно эти негодяи лгали генералу, рисуя ему страшные картины внутренних беспорядков, бунтов и пр., чтобы склонить его как можно скорее к сдаче крепости при условии сохранения их жизни и собственности. Последнее условие многие особенно близко принимали к сердцу, так как все их помыслы в продолжение всей революции были направлены только на то, чтобы разбогатеть; кое-кому это и удалось. Отдельным лицам такое обогащение удавалось очень легко, так как многие отчитывались в полученных суммах не раньше, чем через полгода. Это создавало благоприятные условия для плутней и обмана, и иные, вероятно, запустили руки в кассу гораздо глубже, нежели способны были возместить... Перемирие было заключено; как же теперь его использовали? Из находившихся в крепости съестных припасов, которых хватило бы *на целый год,* большое количество без всякой необходимости было вывезено в окружающие деревни; наоборот, из окрестных мест не было ввезено никакого провианта; у крестьян ближайших деревень даже оставили сено и овес, несмотря на то, что крестьяне просили купить у них эти корма, а несколько недель

* Хотя я и понимаю, что на такой точке зрения мог стоять Клапка, но я был неприятно поражен, найдя подобные же настроения в приводимом выше произведении Семере, и я откровенно сообщил ему свой взгляд по этому вопросу. Еще менее понимаю я его последнее заявление об австрийской уступке[559]. Я знаю, что в общественных делах Семере не способен руководствоваться личными мотивами и имел весьма веские основания для своего заявления: что венгры, получив то, что им дано Веной, могут всего добиться в Пеште; что всякое восстание в Венгрии, вызванное извне, в особенности с помощью французов, неизбежно повлечет за собой вмешательство России в венгерские дела, в пользу Австрии или против нее; наконец, что автономия, данная Трансильвании, Словакии и Хорватии, а также и Воеводине, обеспечит в данный момент, как и в 1848 — 1849 гг. венскому кабинету содействие этих «национальностей» против мадьяр. Все это верно, но все это можно было бы сказать иначе, не давая повода думать, что признаешь венгерскую конституцию в изуродованном венском издании «in usum delphini»[560].

спустя казацкие лошади поедали крестьянское достояние, в то время как мы в крепости жаловались на недостаток фуража. Значительная часть находившегося в крепости убойного скота была продана за город под тем предлогом, что для него не было достаточно корма. *Полковник Ассерман,* вероятно, не знал, что из мяса можно сделать солонину. Значительная часть зерна была также продана под тем предлогом, что оно начало портиться; это делали открыто, но еще чаще тайно. В таком окружении, которое состояло из *Ассермана* и подобных ему субъектов, *Клапка,* естественно, должен был тут же отказываться от всякой хорошей мысли, приходившей ему в голову; об этом заботились окружавшие его господа...» (Лапинский, l. c., стр. 202 — 206).

Мемуары Гёргея и Клапки[562] одинаково убедительно свидетельствуют об отсутствии у Клапки твердого характера и политической проницательности. Все совершенные им во время защиты Коморна ошибки вытекают из этого основного порока.

«Если бы у Клапки, при его познаниях и патриотизме, была *еще и собственная твердая воля* и если бы он действовал по *собственному* разумению, а не по внушению окружавших его тупоумных и трусливых людей, то защита Коморна блеснула бы в истории, как метеор» (l. c., стр. 209).

3 августа Клапка одержал блестящую победу над осаждавшим Коморн австрийским корпусом, совершенно разгромил его и надолго сделал небоеспособным. Вслед за тем он взял Рааб и мог взять без труда даже Вену, но, не зная, что предпринять, в бездействии пробыл недолго в Раабе и вернулся затем в Коморн, где его ждало письмо от Гёргея и известие, что тот сложил оружие. Неприятель попросил о перемирии, чтобы сконцентрировать у Коморна разгромленный австрийский корпус и продвигавшиеся со стороны Римасомбата войска русских, а затем преспокойно окружить крепость. Вместо того, чтобы атаковать поодиночке еще только собиравшиеся вражеские части и разбить их порознь, Клапка стал опять беспомощно колебаться, но все же отказал австрийским и русским парламентерам в перемирии, Тогда, — рассказывает Лапинский, —

«22 августа в Коморн прибыл адъютант императора Николая... Однако, — сказал русский Мефистофель медоточивым голосом, — еы ведь не откажете нам, г-н генерал, в двухнедельном перемирии: его величество, всемилостивейший мой государь, просит вас об этом! Это подействовало, как сильный яд. Продувной адъютант немногими словами добился того, что, несмотря на все усилия и уговоры, не удавалось австрийским и русским парламентерам. Клапка не мог устоять перед такими тонкими комплиментами и подписал двухнедельное перемирие. С этого дня и начинается падение Коморна».

Самое перемирие, как уже упоминалось, было использовано при попустительстве *Клапки полковником Ассерманом* для того, чтобы *в две недели* убрать из крепости находившийся в ней *запас провианта на целый год.* По истечении перемирия Граббе

блокировал Коморн со стороны Вага, в то время как австрийцы, постепенно увеличившие свои силы до 40000 человек, расположились на правом берегу Дуная. Гарнизон Коморна был деморализован праздной жизнью за укреплениями и стенами города. Клапка не предпринял ни одной вылазки против осаждавшего крепость русского корпуса, еще не участвовавшего ни в одном сражении и насчитывавшего только 19000 человек. Неприятелю ни на минуту не помешали в его подготовительных работах к осаде города. Со дня подписания перемирия Клапка фактически подготовлял все не для обороны, а для капитуляции. Вся развиваемая им энергия носила полицейский характер, поскольку она была направлена против храбрых офицеров, которые противились капитуляции,

«Последнее время», — пишет *Лапинский,* — «стало опасным говорить что-либо об австрийцах, ввиду возможного ареста».

Наконец, 27 сентября произошла капитуляция.

«Если принять во внимание наличные силы, отчаянное положение страны, возлагавшей свои последние надежды на Коморн, общее положений в Европе и бессилие Австрии, которая принесла бы величайшие жертвы ради Коморна, то *условия капитуляции были исключительно жалкие».*

Они «помогали лишь скорее удрать из Коморна за границу», но не выговаривали никаких гарантий ни для Венгрии, ни даже для находившихся в руках австрийцев революционных генералов. К тому же они были составлены в чрезвычайной спешке и так неясно и двусмысленно, что это впоследствии облегчило Гайнау их нарушение.

Таков *Клапка.* Если Фогт лишен «характера», то уж менее всего мог бы его снабдить этим товаром Клапка.

Третий патрон — *«Джемс Фази,* человек, возродивший Женеву», как отзывается о нем его придворный шут Фогт. Нижеследующие письма *Иоганна Филиппа Беккера,* обращенные к тому же адресату, как и его вышеприведенное письмо*, содержат слишком удачную характеристику Фази, чтобы портить ее добавлениями! Поэтому ограничусь лишь предварительным замечанием. Отвратительнейшая черта фогтовских так называемых «Исследований», это — ханжеский, лютеранский, даже кальвинистский ужас перед *«ультрамонтанской партией».* Так, например, он ставит Германию перед пошлой альтернативой либо протянуть руку Луи Бонапарту, либо подпасть под власть австрийского конкордата, и «уж лучше, право, второй раз пережить период национального унижения» («Исследова-

* См. настоящий том, стр. 433 — 437. *Ред.*

ния», стр. 52). Гнусавым пуританским голосом он негодующе вопит против

«ультрамонтанской партии, этого наследственного врага, высасывающего кровь у всего человечества, этого чудовища» (l. c., стр. 120).

Он, очевидно, никогда не слышал о том, о чем поведал даже Дюпен-старший в бонапартистском сенате, а именно, что

«при режиме Луи Бонапарта конгрегации, ассоциации и всякого рода учреждения, подчиненные непосредственно иезуитскому ордену, стали многочисленнее, чем при ancien regime* и что законодательство и администрация империи декабрьского переворота систематически отменяли все государственные ограничения, которые ставились ультрамонтанской пропаганде правительственными органами даже до 1789 года».

Но что Фогт безусловно знает, это — что господство его местного Бонапарта, г-на *Джемса Фази,* держится на многолетней коалиции так называемой радикальной партии с ультрамонтанской. Когда Венский конгресс включил Женеву, старый очаг кальвинизма, в Швейцарский союз, то он присоединил к ее территории, вместе с некоторыми савойскими округами, католическое сельское население и creme** ультрамонтанского поповства. Союз с «этим наследственным врагом человечества, с этим чудовищем», и сделал из *Фази диктатора* Женевы, а из *Фогта — фазиевского члена* Совета кантонов. Это предварительно.

«Париж, 2 июля 1860 г.

Друг Р...!

Наконец я должен удовлетворить Вашу просьбу и сообщить Вам свое мнение о господине Джемсе Фази...

Как науки о государстве бесполезны без искусства применения их к жизни, так и искусство государственного управления бесплодно, если оно не основывается на науке и философском мышлении. Одна наука не даст так называемому государственному мужу житейского опыта, и его неспособность очень скоро обнаружится. Наоборот, человек, односторонне обладающий только искусством государственного управления, легче может скрывать недостаток знаний и умственного творчества, скорее сойдет за практического государственного деятеля и будет иметь на своей стороне широкий круг посредственностей. Будет ли народ под управлением такого человека в культурно-историческом отношении прогрессировать и создаются ли гарантии для беспрепятственного дальнейшего развития, — судить об этом слепо восторгающаяся толпа не в состоянии. Особенно, если по внешнему виду все идет хорошо и успешно и все делается во имя свободы и цивилизации!

В лице нашего г-на *Джемса Фази* Вы имеете превосходный экземпляр подобного species*** государственных мужей. Этот ловкий человек поистине обнаруживает не просто искусство государственного управления, а целый ряд искусств в этой области, он проделывает разного рода фокусы и tours

* — старом порядке. *Ред.*
** — сливки. *Ред.*
*** — типа. *Ред.*

deforce* всякий раз, когда этого требует «общественное благо», но с привычным благоразумием остерегается делать сальто-мортале. Это мастер по закулисному распределению ролей, ловкий режиссер и суфлер, non plus ultra** образец итальянского комедианта. Можно было бы высоко ценить его «твердость духа», то, что он не останавливается ни перед какими средствами, ведущими его к цели, если бы источником этой твердости не были его грязные цели. Но когда знаешь беспринципность и бесхарактерность этого человека, перестаешь удивляться его находчивости в выборе средств и ловкости, с какой он их применяет. Все хорошее, происходящее или возникающее в жизни управляемого им народа, нагло прибирается этим государственным мужем к рукам и потом преподносится от своего имени толпе, которая слепо верит, что все сделано «папашей Фази» или произошло только благодаря ему. Так же ловко умудряется он свою инициативу во всем плохом и непопулярном сваливать с себя на чужую голову. В своем правительстве он не терпит людей самостоятельных; когда ему угодно, он дезавуирует своих коллег, и они вынуждены делить с ним ответственность за его неудачные шаги. Перенося a discretion*** его деспотическую грубость, они всегда должны быть готовы стать козлами отпущения для блага народами во славу своего президента. Подобно коронованному владыке, который при всяком мероприятии, даже самом полезном для народа, справляется, — прежде чем его величество «соизволит», — не повредит ли оно династии, так и папаша Фази спрашивает себя по поводу всякого дела: «не грозит ли оно прочности моего президентского кресла?» Поэтому наш герой всегда приноравливает свою политику к обстоятельствам текущего момента и живет сегодняшним днем; сегодня он проделывает какую-нибудь комедию в правительственном совете, завтра какой-нибудь жонглерский фокус в Большом совете, послезавтра достигает шумного успеха на каком-нибудь народном собрании. А искусно обласканная им толпа, в свою очередь, любящая и такого господа бога, которого можно видеть и слышать, которого она может обожать и почитать, становится доверчивой и верит, что шипят яйца на горячей сковороде, когда проливной дождь стучит по крыше. Я не хочу этим сказать, будто женевцы неразвиты и глупы; напротив, я убежден, что редко где можно найти более оживленную общественную жизнь, более могучее духовное стремление к развитию гражданской свободы, чем здесь, на берегах Женевского озера. В дальнейшем я еще вернусь к вопросу, как все-таки г-ну Фази удавалось так часто обеспечивать себе большинство голосов.

Все, что за последние 15 лет было сделано в Женеве энергичным поколением, Фази сам или через своих лакеев и поклонников приписывает своему управлению. Так, например, ему приписывается срытие укреплений и грандиозное расширение и украшение столицы кантона. Между тем, всякое правительство, в том числе и правительство г-на Фази, было бы безжалостно сметено, если бы оно вздумало как-нибудь воспротивиться настойчивому желанию населения срыть бесполезные укрепления и увеличить размеры города, который вследствие крайней скученности людских масс становился все более и более антисанитарным. Таким образом, вопрос этот стал для Фази в то же время вопросом жизни, и он — по заслугам ему и честь — энергично принялся за дело и к общему удовольствию помог многое довести до конца. Отдельный человек, не одержимый безмерным самомнением, не может приписывать своей инициативе и своему творчеству то, что создано сильнейшей потребностью времени при энергичном

* — акробатические трюки. *Ред.*
** — непревзойденный. *Ред.*
*** — неограниченно. *Ред.*

содействии целого поколения. Только все общество творит нечто цельное — да и то лишь относительно, — а каждый отдельный член его вносит лишь большую или меньшую долю соответственно своему положению и силам. Слепая вера в авторитеты — особый вид суеверия и вредна для всякого нормального развития.

Я прекрасно знаю, что наш г-н Фази ничем не отличается от прочих сынов человеческих; что он делает лишь то, что не может оставить, и оставляет лишь то, что не может сделать; что он, как и весь животный мир, в стремлении к абсолютному выявлению своей индивидуальности, удовлетворяет свои потребности. От него также нельзя требовать быть иным, как нельзя требовать от кошки, чтобы она добровольно бросилась в воду, или от лошади, чтобы она вскарабкалась на дерево. Он не был бы в этом случае Джемсом Фази, а если бы он не был Фази, то был бы, может быть, Луи Бонапартом или чем-нибудь в этом роде. Если это — величие, пользуясь своим авторитетом, водить народ на помочах, слепить ему глаза фокусами, не содействуя быстрому прогрессу его духовной и нравственной культуры, а следы своего существования закреплять лишь развращением общества, если все это — величие, то, несомненно, и Фази велик и, не без основания, может служить предметом зависти для более могущественных тиранов.

Среди противоречий наш герой на редкость хорошо умеет лавировать, и из них сделан его волшебный компас, по которому он управляет своим государственным суденышком. В одном случае радикализм доставляет ему экипаж, а ультрамонтанство груз, в другом случае наоборот — в зависимости от того, как это нужно для вящего удобства кормчего. Государственная машина поэтому в постоянном движении, подобно маятнику карманных часов, раскачивается взад и вперед. Чудесный результат! Радикалы клянутся, что дела идут вперед, ультрамонтаны веруют, что они идут назад. И то и другое верно; обе стороны блаженны в своей вере, а Фази, как господь бог, остается у руля.

Дорогой друг, удовольствуйтесь на сей раз этими строками.

С сердечным приветом

Ваш ***Иог. Филипп Беккер***».

«Париж, 20 июля 1860 г.

Дорогой Р...!

Итак, Вы думаете, что я, может быть, сгустил краски, рисуя портрет Фази. Нисколько, мой дорогой друг! Впрочем, человек не может думать и судить о вещах и людях, как он хочет, а думает так, как логически должен в меру своего понимания и внутреннего опыта. Кто о подобных вещах говорит иначе, чем думает, и поступает иначе, чем говорит, тот изменяет самому себе и мерзавец.

Фази, получивший первоначальное воспитание в одном гернгутеровском институте в Нёйвиде и хорошо говорящий по-немецки, кажется, и теперь еще, в 65 лет, судит о Германии и немецком народе по впечатлениям от этого образцового учреждения. Все немецкое, даже из немецкой Швейцарии, ему не по вкусу и лишь в исключительных случаях пользуется его благоволением. В качестве прирожденного женевца и благодаря длительному пребыванию в Североамериканских штатах он отлично познакомился с республиканскими учреждениями, средствами агитации и, в особенности, с приемами родственного его натуре интриганства. Он больше демагог, чем демократ, и его главное государственное правило и его девиз — laissez aller et laissez faire[563] — были бы не так плохи, если бы он мог удержаться и не совал своих рук всюду, где общество хочет создать что-нибудь без благословения государства, не совал бы рук, чтобы либо добиться

успеха ради своей славы, либо, если это невозможно, помешать начинанию, как это было, например, с Banque de Credit et d'Echange*, который был запроектирован г-ном Майером и другими, и с учреждением промышленного музея. Во время женевской революции 1846 г. Джемс руководствовался афоризмом: вдали от выстрелов воин доживает до старости, и поэтому больше думал о путях к бегству, чем о путях к победе. Он уже готовился тайком покинуть Женеву, когда Альберт Галер, душа всего движения, последним усилием решил исход боя, который долго шел с переменным счастьем, и сообщил ему о полной победе. Галер, для которого дело было все, а собственная слава — ничто, и который — тогда, по крайней мере, — твердо верил в искреннюю любовь Фази к народу, не без удовлетворения смотрел, как вовремя спасенный от поспешного бегства герой держался победителем на устроенном тотчас после победы народном собрании. В то время, непосредственно после победы революции, Галер никак не мог рассчитывать сразу же получить место в правительстве, потому что был не женевцем, а гражданином кантона Берн и по тогдашним законам Союза не мог ни избирать, ни быть избранным. Правда, вскоре ему было даровано право гражданства, и тогда он был выбран в Большой совет, а также получил место переводчика государственных актов. Будучи притягательным центром для энергичной женевской молодежи, он стал твердой опорой радикального правительства. Благодаря ему Фази все более приобретал популярность среди простого народа. Пользуясь фразеологией французского радикализма, которую он усвоил в качестве сотрудника «National»[564] в Париже во времена Луи-Филиппа, Джемс Фази пропагандировал,сколько ему хотелось, в печати и с трибуны в замаскированном виде свои настоящие помыслы и стремления. Однако, несмотря на свое демагогическое искусство, он уже по истечении года был в различных кругах серьезно обвинен в тайных сношениях с главарями ультрамонтанства, а вскоре за этим и в франкофильстве. В немецкой Швейцарии, где о вещах судят спокойнее и хладнокровнее, скоро, по-видимому, раскусили его коварство. В конце 1847 г., тотчас же по окончании войны с Зондербундом, г-н Джемс Фази пришел в канцелярию военного департамента, чтобы нанести визит генералу Оксенбейну; в канцелярии был лишь я один, так как Оксенбейн с прочими офицерами отправился в госпитали навестить раненых. Когда я доложил Оксенбейну по его возвращении о визите г-на Фази, он с выражением презрения произнес: «Ах, этот фальшивый лицемер!» Бывший президент Швейцарского союза и глава бернского правительства г-н генерал Оксенбейн, уже несколько лет получающий в Швейцарии пенсию от французского императора, теперь, может быть, питает лучшие чувства к своему старому и, без сомнения, находящемуся в таком же положении коллеге. Вообще постоянно всем бросается в глаза, что г-н Фази еще ни разу не был избран швейцарским национальным собранием в Союзный совет, хотя он и его друзья усиленно этого добивались и хотя в этом собрании господствует фанатически проводимая тенденция обеспечивать важнейшим кантонам поочередное представительство в центральном правительстве. В отношении союзного правительства, в котором Фази никакой властью не пользовался, но которое все же ограничивало удобный для него кантональный суверенитет, он всегда проявлял непокорность и, где мог, вставлял ему палки в колеса.

Когда в начале 1849 г. союзная полиция сочла политически важным преследовать меня за организацию сицилийского легиона, я отправился в Женеву, где Фази сказал мне, что я могу сколько угодно заниматься организацией и не обращать внимания на Союзный совет. Я отлично знаю,

* — Кредитно-обменным банком. *Ред.*

что г-н Фази легко жертвует всяким человеком, если ему это нужно, даже тогда, когда на стороне этой жертвы стоит закон. Я это лично испытал впоследствии в одном случае, — история слишком длинная для письма, — об этом могут рассказать федеральные комиссары, доктор Керн и Трог.

В делах с эмигрантами он, под предлогом гуманности, проявлял строптивость в отношении мероприятий Союзного совета, однако» беспощадно и самовластно преследовал лично неугодных ему эмигрантов. Особенно безжалостно преследовал он выдающихся лиц, близко стоявших к Галеру, в котором он видел будущего соперника. Мадзини должен был бояться его больше, чем союзной"полиции. Долговязый Гейнцен был ему ненавистен и должен был вскоре покинуть кантон: «он так тяжело ступает, точно земля принадлежит ему», — таков был единственный довод для его высылки, который Фази наивно приводил. Струве был без всякого распоряжения Союзного совета арестован во время прогулки со своей женой и в качестве *русского* шпиона переправлен через границу в кантон Ваадт. Галер своевременно поспешил к Фази, чтобы убедить его в ошибке. Между ними завязался долгий спор, ибо Фази воображает, что он кажется тем правдивее, чем громче он кричит и чем более возмущенным представляется. Струве пришлось остаться русским шпионом. Если память мне не изменяет, эта сцена произошла в отеле де Берг в присутствии русского эмигранта г-на Герцена, у которого глава женевского правительства любил обедать. Во всяком случае, этот господин непричастен к неблаговидной инсинуации против Струве. Несомненно, Фази больше русофил, чем Струве; я слышал, как однажды, выступая с речью на одном празднестве, он сказал: «Произведения Жана Жака Руссо больше читают и лучше понимают в России, чем в Германии». Конечно, он этим хотел, главным образом, уязвить немецких приятелей Галера и немцев вообще.

Галер, который до этого в политических вопросах шел нога в ногу с Фази и с которым я разговаривал непосредственно после его стычки с Фази по поводу Струве, сказал мне огорченно: «С Фази все покончено, откровенно говоря, не могу больше иметь с ним дела; это подлинное политическое чудовище, настоящее животное по своим страстям; продолжать быть с ним заодно — значит помогать изнутри губить народное дело. Только когда противопоставишь ему решительную свободомыслящую оппозиционную партию, он, чтобы спасти свое положение, будет вынужден держать высоко знамя радикализма. Пока он будет иметь против себя только старую аристократию, дела будут идти все хуже, ибо он давно уже заигрывает с ультрамонтанами и имеет возможность действовать по своему усмотрению. Впрочем, он вовсе не швейцарец по образу мыслей и охотнее обращает свои взоры в сторону Парижа, чем в сторону Берна. Я уже давно имел достаточно поводов порвать с ним; только привычка мешала этому, потому что я долгое время видел в нем дельного человека. Лишь беспрестанная внутренняя борьба и сегодняшнее открытое столкновение помогли мне покончить с ним счеты».

Вокруг Галера группировались все люди, обладающие более независимым характером, в частности, лица, принадлежавшие к молодой политико-экономической школе; «объединенных» таким образом решительных радикальных и социалистических элементов скоро стали называть демократической партией. Радикализм отныне — за редкими исключениями — состоял в сознательном и бессознательном раболепстве перед Фази, который нашел теперь свое настоящее большинство в присоединенных с 1815 г. к Женеве католических сельских районах Савойи. Всесильные там попы, ультрамонтаны, заключили союз с этим «радикализмом», детищем Фази. Галера самым низким образом поставили под подозрение, подвергли преследованию и лишили поста. Молодая демократическая партия не могла

еще выставить к предстоявшим выборам своего собственного списка наряду с аристократической и объединенной старорадикальной и ультрамонтанской партиями. И хотя Джемс Фази отказался включить в свой список несколько имен демократов, все же Галер и его единомышленники отклонили все предложения аристократической партии и решили на этот раз голосовать за список Фази и ждать своей победы в будущем. Если бы Фази искренне думал о прогрессе и серьезном развитии гражданской жизни, то он не цеплялся бы за мерзкий хвост вечно озирающихся назад ультрамонтанов. Для достижения большего успеха в клевете и гонениях на Галера оруженосцы его превосходительства, «радикального» президента, основали особый пасквильный листок, чтобы их мудрому повелителю не нужно было марать своей бранью свой «Moniteur» — «Revue de Geneve»; тем обильнее стала появляться эта брань в органе его козлов отпущения, которых он мог в любой момент дезавуировать. Слабый здоровьем Галер не выдержал этой низкой травли и умер еще в том же году (1852), 33 лет от роду. Как часто мне приходилось слышать в Женеве: *«Наш добрый благородный Галер пал жертвой беспощадной мести нашего иезуитского тирана!»*. На следующих выборах правительства друзья Галера приняли предложение аристократии о союзе тем охотнее, что последняя готова была довольствоваться падением Фази и очень скромной долей участия в управлении. Принципиальный Галер отказался бы, вероятно, и теперь от этого союза; но, говорили его партийные единомышленники, ведь показал же нам г-н Фази прекрасный пример своего союза с ультрамонтанами; почему же мы должны стыдиться приличного аристократического хвоста,если Фази не стыдится неприличного ультрамонтанского хвоста? Почему мы не сможем, по крайней мере, с таким же успехом идти вперед с образованной аристократией. с каким Фази обещает идти в союзе с невежественным ультрамонтанством?

Таким образом, на выборах (кажется, это было в ноябре 1853 г.), на которых многие радикалы, в том числе даже товарищи Фази по правительству, перешли к демократам, наш герой 1846 г. подавляющим большинством был сброшен с президентского кресла. Растерянность обремененного долгами экс-президента была необычайно велика. В связи с этим я должен остановиться на некоторых подробностях его жизни.

Промотавший значительное наследство в кутежах и любовных похождениях еще до своего вступления в правительство, по шею в долгах и безжалостно преследуемый кредиторами, г-н Джемс Фази постарался, сделавшись президентом, как можно скорее отменить закон об аресте за долги, — конечно, «в интересах личной свободы». Так, в 1856 г. один замученный долгами женевец сказал мне: «Хорошо, что мы выбрали главой правительства обремененного долгами человека, который отменил если не долги, то, по крайней мере, долговую тюрьму».

Но в начале 50-х годов материальное положение г-на Фази оказалось очень стесненным, так что «благодарный народ» должен был поспешить ему на помощь и выделить ему в подарок под застройку большой участок земли на освободившемся месте после срытия укреплений. Да и почему бы нет? Ведь он помог убрать с этой площади укрепления, почему же ему было не позволить себе «аннексировать» клочок земли,когда и более крупные владетельные персоны без всяких колебаний так поступают? Теперь г-н Фази оказался в состоянии продать много крупных участков для постройки домов и выстроить себе самому большой красивый дом. Но на беду он тут же снова запутался в долгах и не мог уплатить занятым у него на постройке рабочим. В начале 1855 г. столяр, которому он должен был несколько тысяч франков, на улице кричал ему: «Уплати мне, негодяй, чтобы я мог купить детям хлеба!» При таких-то стесненных обстоятельствах он лишился президентского моста, а в довершение всего на него обрушилась еще

бо̲льшая беда. Радикальное кредитное учреждение Caisse d'Escompte* было вынуждено прекратить платежи. Друзья Фази в этом учреждении, не менее его отягощенные долгами, выдали себе и ему, — вопреки уставу — ссуды, превышавшие средства банка. Директор банка, сидящий еще и теперь в тюрьме, позволил себе — дурные примеры портят добрые нравы — еще бо̲льшие позаимствования из банковских средств. Таким образом, Caisse d'Escompte была накануне большого несчастья — банкротства. Сбережениям сотен бережливых рабочих семейств грозила опасность. Нужно было помочь здесь теперь советом и делом во что бы то ни стало, иначе все предприятие Фази было бы развеяно дефицитом, как пылинка ветром. Разумеется, при таких обстоятельствах нельзя было раздобыть денег для самой Caisse d'Escompte. Но как раз тогда в Женеве зарождалось новое кредитное учреждение, Banque Gene̲rale Suisse**. Надо было достать этому банку значительные суммы, чтобы он, со своей стороны, мог спасти Caisse d'Escompte от отлива денег, а г-на Фази от прилива долгов. Фази должен был стать спасителем, чтобы быть спасенным. В случае удачи ему гарантировали приличное вознаграждение в виде определенного процента, а для Caisse d'Escompte — спасительный вспомогательный капитал. Итак, с этой целью г-н Фази отправился pro domo*** и ради Banque Gene̲rale Suisse в *Париж,* где ему после многонедельного пребывания и — как передавала молва — *при милостивом содействии «августейшего»* удалось раздобыть у Cre̲dit Mobilier спасительную сумму во много миллионов франков. Как раз тогда шли приготовления к новым выборам правительства (ноябрь 1855 г.); поэтому спаситель еще до своего прибытия в Женеву написал, что в ближайшее время привезет с собой огромный груз миллионов. Это было целительным пластырем для израненных сердец акционеров Caisse d'Escompte и чудодейственным факелом для ультрамонтанско-радикальных избирателей. На одной тогдашней карикатуре он с большим сходством был изображен в виде колоссального, нагруженного золотыми мешками лебедя, приплывающего по озеру в женевскую, гавань. Один шутник рассказывал мне тогда, что за кружкой пива ему сообщили, будто Фази привез с собой 50 миллионов франков; за вином — 100, а за extrait d'absynthe**** — 200 миллионов. Репутация папаши Фази как обладателя чудотворной силы была снова вполне восстановлена в глазах его детей. Демократы, уверенные в победе на выборах, не сделали никаких особых усилий. Образовавшееся с недавнего времени общество сильных молодых людей — les fruitiers***** — вело себя совершенно, как лейб-гвардия Фази, грубейшим образом терроризировало избирателей в момент выборов, и кумир их снова уселся в президентское кресло.

Но на этот раз вскоре ясно и недвусмысленно обнаружилось, что ультрамонтаны не даром дали своих многочисленных избирателей, что они также хотят платы за победу. В один прекрасный день изгнанный из Швейцарии после войны с Зондербундом фрейбургский епископ, г-н Марийе, вечный подстрекатель и смутьян, приехал с высокого соизволения г-на Фази из Франции обратно в Женеву и начал служить «святые» мессы. По всему городу пронесся крик недовольства, вскоре нашедший отклик во всей Швейцарии. Это показалось чрезмерным даже самым слепым радикалам, самым преданным fruitiers. Тотчас же состоялось народное собрание, на котором был вынесен вотум недоверия главе правительства. Его кол-

* — Учетная касса. *Ред.*
** — Главный швейцарский банк. *Ред.*
*** — ради себя самого. *Ред.*
**** — абсентом. *Ред.*
***** — сыроваров. *Ред.*

лега, регирунгсрат г-н Турт, хотя он и был всего лишь одним из приверженцев и учеников Фази, возымел рискованное желание эмансипироваться и стал беспощадно громить своего господина и патрона. Но г-н Фази уехал еще до появления г-на епископа, как всегда поступал в тех случаях, когда заваривал своим коллегам кашу, которую они должны были одни расхлебывать. Г-н Марийе, разумеется, вынужден был немедленно покинуть Женеву и Швейцарию. А папаша Фази, устроив предварительно головомойку своим мятежным детям, написал из Берна, что его не поняли, что правительство совершило оплошность и что он действовал только в «интересах религиозной свободы», разрешив епископу просто лишь посетить город. Когда первая буря улеглась, тяжко оскорбленный папаша Фази вернулся. Несколькими оракульскими изречениями, которые годятся на все случаи жизни и потому кажутся всегда истинными, ему легко удалось восстановить свой пошатнувшийся авторитет и веру в свою чистую любовь к свободе и отечеству; тем более, что его господа коллеги имели любезность взять на себя главную вину. Фази же тем самым добился желанной цели, показав своим друзьям ультрамонтанам, *что он всегда готов сделать для них все, что только в его силах.* За последние годы г-н Джемс Фази стал очень богатым человеком. Помимо того, что Banque Generate Suisse обеспечил ему пожизненное получение определенного процента прибылей, он, будучи главой правительства, не забывал и своих собственных интересов при железнодорожном строительстве в своем кантоне и т. д. В его большом красивом доме (особняк Фази на набережной Монблан) вращается в cercle des etrangers* избранное общество. А с тех пор, как Пьемонт нашел, что с его государственной моралью несовместимы «игорные притоны» савойских курортов, сострадательный и растроганный президент Женевской республики дал в своих просторных залах приют одному такому притону, как изгнаннику. Да здравствует свобода! Laissez aller et laissez faire! Allez chez moi et faites votre jeu!**

Иль этого мало тебе?***

Твой ***Иоганн Филипп Беккер***».

От патронов *Фогта* я спускаюсь к его *сообщникам*.

Peace and goodwill to this fair meeting,
I come not with hostility, but greeting****.

Впереди процессии, из участников которой я упомяну лишь о некоторых наиболее выдающихся фигурах, нас встречает *берлинская* «National-Zeitung» под командой г-на **Ф. Цабеля.** Если сравнить подсказанную мосье Эдуару Симону самим Фогтом рецензию на «Главную книгу» в «Revue contemporaine» с соответствующими статьями «National-Zeitung», «Breslauer-Zeitung»[565] и т. д., то можно подумать, что «округленная натура» изготовила две программы — одну для обработки итальянской, а другую для обработки аугсбургской кампании. Что же, в самом деле, заставило г-на *Ф. Цабеля,* этого обычно столь скучного

* — кругу иностранцев. *Ред.*
** — Предоставьте свободу действий! Приходите ко мне и делайте вашу ставку! *Ред.*
*** Гейне. Из стихотворного цикла «Опять на родине». *Ред.*
**** Любовь и мир сидящим в зале этом, Пришел я не с враждою, а с приветом.

и осторожного проныру и жирного толстяка из «National-Zeitung» хватить через край и перелагать уличные песенки Фогта на язык передовиц?

Первое подробное указание на «National-Zeitung» встречается в № 205 «Neue Rheinische Zeitung» от 26 января 1849 г. в передовой статье, начинающейся словами: *«Верстовой столб с надписью: в Шильду»*[566]. Но руки верстового столба слишком длинны, чтобы вновь отпечатать их здесь. В передовой статье «Neue Rheinische Zeitung» № 224 от 17 февраля 1849 г. мы читаем:

«Берлинская «National-Zeitung» — содержательное выражение бессодержательности. Вот несколько новых примеров. Речь идет о прусской циркулярной ноте... Хотя и но! Быть в состоянии и желать и казаться! Находить и хотеть, чтобы прусское правительство хотело! Каждая фраза, точно каторжник, несет на ногах огромную тяжесть и безмерно тяжела. Каждое «если», каждое «хотя», каждое «но», это — воплощенный Dr. utriusque juris*. И если вы всю эту христианско-германскую пухлую ветошь, все это бумажное тряпье, в которое «National-Zeitung» заботливо заворачивает свою мудрость, столь же тщательно развернете, то что останется?.. *Политиканская болтовня* — черным по белому, как premier Berlin, en grande tenue...** «National-Zeitung», очевидно, печатается для *мыслящих читателей,* как «Всемирная история» Роттека[567] ... У французов имеется удачное выражение для такого рода чисто словесного мышления: «Je n'aime pas les epinards et j'en suis bien aise; car si je les aimais, j'en mangerais beaucoup, et je ne peux pas les souffrir». «Я не люблю шпината, и это очень хорошо; *если бы я* его любил, то ел бы его много, а я его не выношу». «National-Zeitung» желает счастья Пруссии, а потому... и нового министерства. Но *министерство* — это то, чего она желает при всяких обстоятельствах. Только насчет этого у патронов «National-Zeitung» имеется ясность и полная уверенность».

В № 296 «Neue Rheinische Zeitung» мы читаем:

«Берлин, 9 мая 1849 года ... Интересно наблюдать позицию, занятую берлинской печатью по отношению к саксонской революции. «National-Zeitung» *знает только одно чувство — страх быть запрещенной».*

Но страх — жизненный элексир, как это доказала «National-Zeitung» за десятилетнее правление Мантёйфеля.

«National-Zeitung» подтвердила правильность слов Попа:

Still her old empire to restore she tries,
For born a goddess Dulness never dies***.

Но царство Dulness у Попа отличается от царства «National-Zeitung» тем, что там «теперь уж правит Дунс второй, как прежде

* — доктор обоих прав (т. е. церковного и светского). *Ред.*

** — берлинская передовица, во всем блеске. *Ред.*

*** — Ведь Dulness, вечной будучи богиней, За власть свою, как встарь, стоит и ныне[568].

Невозможно передать слово Dulness в переводе. Оно означает больше, чем скука, это — возведенная в принцип ennui [скука], усыпляющая безжизненность, отупляющая тупость. В качестве свойства стиля Dulness есть то, что «Neue Rheinische Zeitung» называет «содержательным выражением бессодержательности».

правил первый»*, между тем как здесь все еще правит старый болван, Dunce the first**.

За «National-Zeitung» по пятам следует «Breslauer Zeitung», поклоняющаяся теперь министерству Гогенцоллерна как прежде поклонялась министерству Мантёйфеля. В начале 1860 г. я получил следующее письмо:

«Бреславль, 27 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Я прочел в «Volks-Zeitung» твой адрес и твое заявление против «National-Zeitung»***. Такая же статья, как в «National-Zeitung», появилась и в «Breslauer Zeitung» за подписью ее ежедневного сотрудника **д-ра Штейна.** Это тот самый д-р Штейн, который сидел в берлинском Национальном собрании вместе с Д'Эстером на крайней левой и внес известное предложение против офицеров прусской армии. Этот великий Штейн малого размера, был отстранен от своей преподавательской деятельности. Со времени существования нового министерства он поставил своей задачей агитировать за него, — не только в прошлом году во время выборов, но и теперь, — чтобы объединить силезскую демократию с конституционалистами. Несмотря на это, его ходатайство о разрешении ему частного преподавания было отклонено теперешним министерством, и не раз, а много раз. Ушедшее в отставку министерство молча терпело его преподавательскую деятельность, теперешнее же запретило ее как противозаконную. Он поехал за получением разрешения в Берлин, но безуспешно, как ты можешь подробно узнать из того самого номера «Volks-Zeitung», где помещено твое заявление. А теперь по инициативе д-ра Штейна в Бреславльском клубе во время шутовской процессии была изображена серная банда. Несмотря на это, д-р Штейн, Шлехан, Земрау и их компаньоны из конституционалистов должны терпеть одно унижение за другим; но ведь этот сорт людей не дает себя поколебать в своем патриотизме. Что скажешь ты об этой милой компании?».

Что могу я сказать о своем коллеге Штейне? Он был действительно моим коллегой. Дело в том, что я целых полгода (в 1855 г.) был корреспондентом «Neue Oder-Zeitung»[569] — единственной немецкой газеты, в которую я писал во время своего пребывания за границей. Очевидно, у Штейна каменное сердце****, которое не мог смягчить даже отказ в разрешении частного преподавания. «Neue Rheinische Zeitung» долго обрубала этого Штейна, чтобы вырубить из него бюст. Так, например, в № 225 мы читаем:

«Кёльн, 16 февраля 1849 года... Что касается самого г-на Штейна, то мы помним то время, когда он выступал против республиканцев в качестве фанатичного конституционалиста, когда он в *«Schlesische Zeitung»*[570] *занимался самыми настоя-*

* А. Поп. «Дунсиада», книга первая. *Ред.*
** — Дунс первый. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 701 — 702. *Ред.*
**** Здесь и ниже игра слов: Stein — фамилия, «Stein» — «камень». *Ред.*

щими **доносами** *на представителей рабочего класса* и *использовал для этой цели* одного учителя, своего единомышленника и теперешнего члена «Союза сторонников законного порядка». Такой же жалкой, как само собрание соглашателей была и так называемая демократическая фракция этого собрания. Можно было предвидеть заранее, что теперь эти господа признают *октроированную конституцию,* дабы *вновь* быть *избранными.* Для взглядов этих господ особенно характерно, что они *после* выборов отрицают в демократических клубах то, что отстаивали *до* выборов на собраниях выборщиков. Эта мелочная, плутоватая либеральная изворотливость никогда не была присуща дипломатии революционеров»[571].

Что «Rheinische Zeitung» обрубала Штейна не напрасно — он доказал, когда Мантёйфель опять разжаловал [wegoktroyiert hatte] октроированную палату[572]. Д-р Юлиус Штейн заявил тогда в «главном демократическом союзе Бреславля»:

«Мы» (крайняя берлинская левая) «с самого начала считали немецкое дело погибшим... *Теперь* следует признать, что *немецкое единство вообще невозможно, пока существуют немецкие государи»* («Neue Rheinische Zeitung» № 290).

Действительно, душераздирающий, камнеразмягчающий факт: этого самого Штейна, хотя и не являющегося больше камнем преткновения, Шверин неизменно отказывается использовать в качестве строительного камня.

Не знаю, видели ли мои читатели когда-нибудь журнал «Punch» — я имею в виду лондонский «Kladderadatsch»[573]. На титульном листе изображен сидящим Панч, против него стоит его пес Тоби с очень кислым видом, с пером за ухом: и то и другое — знаки прирожденного penny-a-liner. Если позволительно сравнивать малое с большим, то Фогта можно было бы сравнить с Панчем, с Панчем, растерявшим свое остроумие, — это malheur* произошло с ним в 1846 г. вместе с отменой хлебных законов[574], Но его товарища, пса Тоби, можно сравнить лишь с ним самим или же с **Эдуардом Мейеном.** Эдуард Мейен, если он действительно когда-нибудь умрет, не нуждается в пифагорейском переселении душ. Об этом позаботился уже при его жизни Тоби. Я вовсе не хочу утверждать, что Эдуард Мейен служил моделью художнику при создании им виньетки титульного листа. Но, во всяком случае, я никогда в жизни не видел большего сходства между человеком и псом. Впрочем, ничего удивительного, Э. Мейен от природы — penny-a-liner, а penny-a-liner от природы — Тоби. Э. Мейен всегда любил посвящать

* — несчастье. *Ред.*

назойливую благодать своего проворного пера уже готовым партийно-организационно-литературно-издательским предприятиям. Пожалованная сверху программа избавляет от труда самостоятельного мышления, чувство связи с более или менее организованной массой заглушает сознание собственного несовершенства, а мысль о существовании походной кассы преодолевает на время даже профессиональную угрюмость Тоби. Так, мы находим Эдуарда Мейена в свое время примазавшимся к злополучному демократическому Центральному комитету, этому пустому ореху, выросшему в 1848 г. из собрания немецких демократов во Франкфурте-на-Майне[575]. В лондонской эмиграции он был деятельнейшим изготовителем литографированных листовок, куда были отчасти ухлопаны деньги кинкелевского займа для фабрикации революции; это, конечно, нисколько не помешало тому же самому Эдуарду Мейену перекочевать со всеми своими пожитками в лагерь принца-регента, хныкать об амнистии и действительно выклянчить себе позволение терзать из Вандсбека гамбургский «Freischutz» статьями по иностранной политике. Фогт, вербовавший «тех, которые», — людей, готовых «следовать его программе» и поставлять ему статьи, — к тому же размахивавший перед их глазами туго набитой походной кассой, как раз вовремя подоспел для нашего Эдуарда Мейена, бегавшего в тот момент без хозяина, так как по трудному времени никто не хотел платить собачьего налога. И какой яростный лай поднял Тоби при известии, что я собираюсь подорвать кредит фогтовского партийно-литературно-издательского предприятия и лишить заработка строчивших для него мопсов! Quelle horreur![*] Фогт дал своему Эдуарду Мейену столь же подробные инструкции об обязательной обработке «Главной книги», как и своему Эдуару Симону, и Эдуард Мейен действительно нашпиговал целых пять номеров газеты «Freischutz» (№ 17 — 21, 1860 г.) неудобоваримой болтовней из «Главной книги»[576]. Но какая разница! В то время как Эдуар Симон исправляет оригинал, Эдуард Мейен искажает его. Элементарная способность к объективному восприятию заранее данного материала заключается несомненно в умении *списать* печатную вещь, но наш Эдуард Мейен совершенно неспособен списать правильно и строчки. В характере Тоби недостает даже необходимой для списывания силы. Послушаем:

«Freischutz» № 17: «Газета» («Allgemeine Zeitung») ... «теперь уличена в том, что она ... также ... пользовалась содействием революционной партии, которую Фогт клеймит как *серную банду немецких республиканцев».*

[*] — Какой ужас! *Ред.*

Где и когда фантазирует Фогт о серной банде немецких республиканцев?

«Freischutz» № 18: «Именно Либкнехт выдвинул в «Allgemeine Zeitung» обвинение против Фогта, повторив там нападки, состряпанные Бискампом в лондонской газете «Volk»; но все свое значение эти нападки приобрели лишь тогда, когда Маркс переслал в «Allgemeine Zeitung» появившуюся в Лондоне листовку, авторство которой он приписал Блинду».

Фогт лгал много и без стеснения, но уже его адвокат Герман запретил ему ссылаться на лживое утверждение, будто *не* напечатанная в «Allgemeine Zeitung» статья Бискампа была «повторена» в ней Либкнехтом. И Фогту не приходит в голову сказать, будто я переслал в «Allgemeine Zeitung» листовку «Предостережение». Напротив, он определенно заявляет: «Именно г-н Либкнехт ... переслал клеветническую листовку в «Allgemeine Zeitung»» («Главная книга», стр. 167).

«Freischutz» № 19: «Блинд определенно отрекся от авторства листовки, а владелец типографии засвидетельствовал, что она была *передана* ему для напечатания не Блиндом. Но твердо установлено, что пасквиль тотчас же был перепечатан по тому же самому набору в «Volk», что Маркс позаботился об опубликовании его в «Allgemeine Zeitung» и т. д.».

Фогт в «Главной книге» перепечатывает, с одной стороны, заявление Фиделио Холлингера, в котором последний свидетельствует, что листовка *не набиралась* в его типографии, а с другой стороны, мое контрзаявление, что первоначальный набор стоял *еще* неразобранным у Холлингера, когда «пасквиль» был снова напечатан в «Volk». И что за сумбур получается из всего этого у злополучного Тоби!

«Freischutz» № 19: «Что касается лиц» (будто бы говорили Энгельс и я, согласно письму Техова), «то это чисто рассудочные люди, не знающие никакой национальности».

Никакой *сентиментальности,* милейший Тоби, никакой сентиментальности — пишет Техов у Фогта.

«Freischutz» № 20: «Маркс... допустил, чтобы дуэлянты отправились стреляться в *Остенде.* Техов был секундантом Виллиха и т. д. Техов после этого инцидента порвал с Марксом и его Союзом».

Эдуард Мейен не довольствуется тем, что читает *Остенде* вместо *Антверпена.* Он, вероятно, слышал в Лондоне рассказ о том французе, который жаловался в Уэст-Энде, что англичане пишут Лондон, а произносят Константинополь. Техова, который видел меня всего один раз в жизни в период написания своего письма и к тому же определенно пишет, что вначале он хотел *присоединиться* ко мне и к моему Союзу, Эдуард Мейен

заставляет *порвать* со мной и моим Союзом, к которому Техов никогда не принадлежал.

«Freischutz» № 21: «Этим инцидентом» (Центральным рабочим празднеством в Лозанне) «и объясняются яростные нападки, которым подвергся Фогт в лондонском «Volk»».

Сам Фогт указывает в «Главной книге» в качестве даты «яростных нападок» на него в «Volk» — *14 мая 1859 г.* (листовка появилась в «Volk» 18 июня 1859 г.). Лозаннское же Центральное празднество происходило *26 и 27 июня* 1859 г., то есть много времени *спустя* после вызванных им, согласно Мейену, «яростных нападок».

Но достаточно и этих избранных отрывков Тоби. Ничего удивительного, что Тоби, прочитав в книге Фогта все, чего там вовсе нет, вычитал там, между прочим:

«Книга Фогта будет причислена к самым смелым, остроумным и полезным полемическим произведениям нашей литературы» («Freischutz» № 17).

А теперь представьте себе этого злополучного Тоби, неспособного правильно списать и двух печатных строк, представьте себе этого Тоби, осужденного на то, чтобы, сидя в Вандсбеке, ежедневно читать книгу всемирной истории, извлекать из нее ежечасно события дня, лишь бегло обозначенные неясными начальными буквами, и фотографировать в «Freischutz» в натуральную величину dissolving views* настоящего! Несчастный вандсбекский апостол! Счастливый гамбургский читатель «Freischutz»!

Несколько дней тому назад *в лондонской газете «Times»* была помещена облетевшая всю английскую печать странная заметка под заголовком: «Человек, застреленный собакой». Повидимому, Тоби тоже умеет стрелять, и поэтому нет ничего удивительного, если Эдуард Мейен поет в «Freischutz»: «Стрелком у регента на службе я».

«Kolnische Zeitung» ограничилась несколькими злостными заметками и мелкими инсинуациями в интересах Фогта. Спустя неделю после выхода «Главной книги» она на своих столбцах пустила слух, будто книгу уже разобрали, — вероятно, для того, чтобы самой не заниматься ее критическим разбором. Сколько, однако, юмора в жизни!

Мог ли я в 1848 — 1849 гг., когда издавалась «Neue Rheinische Zeitung» и мы ежедневно ломали копья с нашей кёльнской соседкой из-за Польши, Венгрии и Италии, мог ли я тогда подозревать, что в 1859 г. та же «Kolnische Zeitung» предстанет

* — туманные картины. *Ред.*

перед нами в роли рыцаря принципа национальности, а из простого г-на **Йозефа Дюмоиа** вылупится синьор Джузеппе дель Монте! Но в то время, разумеется, еще не было никакого Луи Бонапарта, который ниспослал бы национальностям высшую нравственно-либеральную благодать, а «Kolnische Zeitung» никогда не забудет, что Луи Бонапарт спас общество. С какой яростью она нападала тогда на *Австрию,* покажет нам *«Neue Rheinische Zeitung» № 144.*

«Кёльн, 15 ноября (1848 г.). В момент, когда по всей Германии пронесся крик негодования при известии, что какой-то Виндишгрец, кровавый слуга австрийских бандитов, осмелился приказать застрелить, как собаку, депутата **Роберта Блюма,** — в такой момент своевременно остановиться на двух немецких газетах, из которых одна с редким вероломством старалась опозорить последние дни покойного, а другая до самой могилы преследует его своим нелепым кретинизмом. Мы имеем в виду «Kolnische Zeitung» и «Rheinische Volks-Halle» (vulgo Narrhalle*) ... В № 292 «Kolnische Zeitung» писала: «22 сего месяца» (октября) *«восторженные вожди* демократической партии покинули Вену; в том числе и... **Роберт Блюм».** «Kolnische Zeitung» сообщила это известие без дальнейших добавлений, но зато клевету о Блюме напечатала разрядкой, чтобы тем лучше запечатлеть ее в памяти своих читателей. В позднейших номерах «Kolnische Zeitung» сделала еще лучше. Она не постеснялась перепечатать у себя даже статьи самого черно-желтого листка камарильи, сообщения органа эрцгерцогини Софии, подлейшей из всех австрийских газет...» Далее приводится цитата, где, между прочим, сказано: «Роберт Блюм не пожал лавров в Вене... Дело в том, что он говорил в актовом зале о внутреннем враге: робости, недостатке мужества и выдержки; «но если, кроме этого внутреннего врага, существуют *также* и *другие* враги — он надеется, что их не существует, — или если в городе еще имеются люди, предпочитающие победу военщины победе свободы, то борьба не на живот, а на смерть со стоящими перед городом полчищами должна со всей силой обратиться и против этих людей»... В речи г-на Блюма слышится безумие сентябриста[577]; если г-н Блюм произнес эти слова, то он, — говорим это без обиняков, — **обесчестил себя».** Так пишет «Kolnische Zeitung».

Через искусно скрытую сеть труб все отхожие места Лондона спускают свои физические нечистоты в Темзу. Точно так же мировая столица спускает все свои социальные нечистоты через систему гусиных перьев в одну большую бумажную центральную клоаку — «Daily Telegraph». Либих справедливо указывает на бессмысленное расточительство, которое лишает воды Темзы их чистоты и Англию ее навоза. Но ***Леви,*** владелец бумажной центральной клоаки, знает толк не только в химии, но и в алхимии. Превратив социальные нечистоты Лондона в газетные статьи, он превращает затем газетные статьи в медь и, наконец, медь в золото. На воротах, ведущих к центральной бумажной

* — попросту говоря, зал для дураков (игра слов: «Volkshalle» — «народный зал», «Narrhalle» — «зал для дураков»). *Ред.*

клоаке, написаны di colore oscuro* слова: «hic... quisquam faxit oletum!»** или, как образно перевел это *Байрон:* «Wanderer, stop and — piss!»***

Леви, подобно Аввакуму, est capable de tout****. Он способен написать передовицу в три столбца по поводу какого-нибудь одного случая изнасилования. В начале этого года он угощал свою многочисленную публику гурманов зловонным рагу, умело составленным из столь отвратительных, грязных подробностей одного судебного дела, что эти подробности заставили судью очистить зал суда от женщин и детей. К несчастью, Леви, в качестве перца для рагу, приплел имя одного совершенно невинного лица. Возбужденное в связи с этим против него дело о клевете закончилось осуждением его английским судом и публичным позором для издаваемого им органа. Процессы о клевете, — как и все процессы, — в Англии, как известно, бессовестно дороги и составляют, до известной степени, привилегию coffre fort*****. Но вскоре какая-то компания безработных адвокатов в Сити открыла, что Леви — очень выгодная дичь; они объединились и в целях спекуляции стали предлагать безвозмездно свои услуги всякому, кто хотел бы начать против Леви дело о клевете. Самому Леви пришлось поэтому громко пожаловаться в своей газете, что появился новый вид шантажных дел — обвинения Леви в клевете. С тех пор привлекать к суду Леви стало рискованным. Это вызывает двусмысленные толки; ведь подобно тому как на стенах Лондона можно прочесть: Commit no Nuisance, так на дверях английских судов можно прочесть: Commit Levy******.

Политики называют «Daily Telegraph» «пальмерстоновским mobpaper»*******, однако навозная телега Леви загружается политикой вообще лишь в качестве балласта. А журнал «Saturday Review» метко охарактеризовал однопенсовую газету Леви словами: «cheap and nasty» (дешево и противно).

«Роковой симптом», — замечает журнал, между прочим, — «состоит в том, что Леви решительно предпочитает грязь опрятности; при всяких обстоятельствах он охотно откажется от самого важного сообщения, чтобы дать место грязной статейке».

---

* — черным цветом. *Ред.*

** — «здесь... всякий оправиться может» (перефразированная строка из первой сатиры Персия). *Ред.*

*** — «Странник, остановись и помочись!» (Байрон. «Эпитафия»). *Ред.*

**** — способен на все. *Ред.*

***** — несгораемого шкафа (т. е. богачей). *Ред.*

****** Непереводимая игра слов, основанная на многозначимости глагола «to commit». «Commit no Nuisance» — «не совершайте непотребств», «Commit Levy» — «совершите суд над Леви». *Ред.*

******* — бульварным листком. *Ред.*

Но и у Леви есть своя собственная притворная добродетель. Так, например, он порицает безнравственность театров и нападает — второй цензор Катон — на балерин за их одеяние, которое начинается слишком поздно и кончается слишком рано. Из-за таких приступов добродетели Леви попадает из огня да в полымя. О логика! — восклицает лондонский театральный журнал «Players», о логика, где краска стыда у тебя? Как же, наверное, плут (the rogue) смеется себе в бороду!.. «Telegraph» в роли проповедника пристойности женских театральных костюмов! Святой Юпитер, что будет дальше? По меньшей мере, надо ждать землетрясений и комет. Приличие! «I thank thee, Jew, for teaching me that word» (Спасибо, иудей, что слову этому ты научил меня)*. И «Players», как Гамлет Офелии, рекомендует Леви удалиться в монастырь, и притом в женский. Get thee to a nunnery**, Леви! Леви в женском монастыре! Может быть, «nunnery» опечатка вместо nonaria***, и следует читать: «Уйди к блуднице, Леви», и в этом случае каждый будет

«multum gaudere paratus,
Si Cynico (циника Леви) barbam petulans nonaria vellat»****.

«Weekly Mail» утверждает, что хотя Леви [Levy] и не делает для своих читателей «X» из «U», но зато пишет «Y» вместо «I». И действительно, среди 22000 левитов [Levis][578], которых Моисей насчитывал во время перехода через пустыню, не было ни одного, который писал бы свое имя через «Y». Подобно тому как Эдуар Симон хочет во что бы то ни стало причислить себя к романской расе, так Леви жаждет причислить себя к англосаксонской расе. Поэтому он, по крайней мере раз в месяц, нападает на неанглийскую политику г-на Дизраэли, так как Дизраэли, эта «азиатская загадка» (the Asiatic mystery), не принадлежит, подобно «Telegraph», к англосаксонской расе. Но какой смысл Леви нападать на г-на Д'Израэли и писать «Y» вместо «I», когда мать-природа энергично вписала ему крупными буквами прямо на лице его родословную? Нос таинственного незнакомца Слокенбергия (см. «Тристрам Шенди»), раздобывшего себе finest nose***** с promontory of noses******, послужил в Страсбурге темой для беседы только на неделю*******, между

* Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. *Ред.*

** — Уйди в монастырь (Шекспир. «Гамлет», акт III, сцена первая). *Ред.*

*** Маркс обыгрывает английское слово «nunnery» (женский монастырь) и созвучное с ним латинское слово «nonaria» (блудница). *Ред.*

**** — «готов от души посмеяться,
Если блудница дергать за бороду Циника станет»
(Персий, сатира первая). *Ред.*

***** — великолепный нос. *Ред.*

****** — мыса носов. *Ред.*

******* Л. Стерн. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Том четвертый, раздел «Повесть Слокенбергия». *Ред.*

тем как нос Леви круглый год служит темой для разговоров в лондонском Сити. Один греческий составитель эпиграмм описывает нос некоего Кастора, служивший ему для всевозможных целей: в качестве лопаты, трубы, серпа, якоря и т. д. Он заканчивает свое описание словами:

«Outwz ευχρηστου σχευουζ Καστωρ τετυχηχε,
'Ρινα φερων πασηζ αρμενον εργασιαζ*»

Но Кастор не угадал, для чего пользуется своим носом Леви. Английский поэт ближе к цели, когда он пишет:

«And 'tis a miracle we may suppose,
No nastiness offends his skilful nose»**.

Действительно, большое искусство носа Леви проявляется в нежном отношении к вонючим запахам, в умении за сотни миль разнюхивать их и притягивать. Таким образом, нос Леви служит «Daily Telegraph» в качестве слоновьего хобота, щупальцев, маяка и телеграфа. Можно поэтому без всякого преувеличения сказать, что Леви носом пишет свою газету.

Этот чистоплотный «Daily Telegraph» был, разумеется, *единственной* английской газетой, в которой могла и должна была появиться фогтовская «Лаузиада». В газете Леви от 6 февраля 1860 г. появилась длинная, в два с половиной столбца, статья, озаглавленная «The Journalistic Auxiliaries of Austria» («Газетные пособники Австрии») и представлявшая в сущности простой перевод обеих передовиц берлинской «National-Zeitung» на довольно зловонный английский язык. Для отвода глаз на статье была пометка: «from an occassional correspondent. Frankfort on the Main, February 2.» («от случайного корреспондента. Франкфурт-на-Майне, 2 февраля»). Я, разумеется, знал, что единственный корреспондент «Telegraph» пребывает в Берлине, где нос Леви и открыл его с привычной виртуозностью. Поэтому я срочно запросил одного из своих друзей в Берлине, не может ли он назвать мне имя корреспондента газеты Леви. Но мой друг, — человек, ученость которого признавал даже А. фон Гумбольдт, — упорно утверждал, что в Лондоне не существует никакого «Daily Telegraph» и что, следовательно, нет никакого корреспондента его в Берлине. При таких обстоятельствах мне пришлось обратиться к другому знакомому жителю столицы на Шпрее. Ответ был: берлинский корреспондент «Daily Telegraph» существует и называется — ***Абель***. В этом я увидел

* Вот как снабжен был на диво полезным орудием Кастор;
Носом владел он, для всякого дела в хозяйстве пригодным.

** И вот, кто в этом чуда не признает,
Зловонье чуткий нос не оскорбляет.

злую мистификацию. Абель было, очевидно, простым сокращением Цабеля. То обстоятельство, что Цабель не пишет по-английски, не могло меня сбить с толку. Если Абель, в качестве Цабеля, редактирует «National-Zeitung», не умея писать по-немецки, то почему же Цабелю, в качестве Абеля, не посылать корреспонденции в «Telegraph», не умея писать по-английски? Итак, Цабель-Абель, Абель-Цабель? Как выпутаться из этого Вавилона [Babel]? Я еще раз сравнил мудрый берлинский орган с органом Леви и открыл при этом в № 41 «National-Zeitung» следующее место:

«Либкнехт странным образом добавляет: «Мы хотели, чтобы *магистрат* (?) заверил подлинность наших подписей»».

Это место с магистратом и выражающим изумление вопросительным знаком Цабеля напоминает того шваба, который, «как только он сошел в Азии с морского судна, спросил: «нет ли здесь хорошего парня из Беббингена?»».

В газете Леви не только нет всего этого места, но нет и вопросительного знака, откуда неопровержимо следует, что корреспондент Леви не разделяет взгляда Ф. Цабеля на то, что лондонские полицейские судьи или магистраты (magistrates) то же самое, что берлинский магистрат[579]. Итак, Цабель не был Абелем и Абель не был Цабелем. Тем временем и другие мои берлинские знакомые услышали о моих поисках. Один из них написал мне: «Среди 22000 левитов из четвертой книги Моисея имеется также один Абель, но он пишется Авихаил [Abihail]». Другой написал: «На этот раз Авель [Abel] убил Каина, а не Каин — Авеля». Таким образом я все больше и больше запутывался, пока, наконец, редактор одной лондонской газеты не уверил меня со свойственной англичанам суховатой серьезностью, что Абель отнюдь не миф, а некий берлинский литератор из евреев, его полное имя **д-р Карл Абель.** Этот милый юноша долгое время был под началом Шталя и Герлаха ревностным холопом «Kreuz-Zeitung», но с переменой кабинета переменил, если не кожу, то окраску. Назойливое рвение ренегата могло бы, во всяком случае, служить объяснением, почему берлинский корреспондент Леви считает, что свобода английской печати существует только для того, чтобы он мог публично продавать в розницу свои восторги перед министерством Гогенцоллерна. Таким образом, можно гипотетически признать, что, кроме Леви в Лондоне, существует еще и Абель в Берлине — par nobile fratrum*.

* — знатная парочка братьев (Гораций. «Сатиры», книга II, сатира третья). *Ред.*

Абель доставляет свой товар Леви одновременно из всевозможных мест — из Берлина, Вены, Франкфурта-на-Майне, Стокгольма, Петербурга, Гонконга и т. д., что представляется еще большим фокусом, чем «Путешествие вокруг моей комнаты» Де Местра. Но под каким бы обозначением места ни писал Абель своему Леви, он пишет все же постоянно под знаком Рака. В отличие от эхтернахской процессии, где делают два шага вперед, а один назад[580], статьи Абеля делают один шаг вперед и два назад.

«No crab more active in the dirty dance,
Downward to climb, and backward to advance»
(Pope)[*].

Абель обладает бесспорным умением посвящать своего Леви в государственные тайны континента. В «Kolnische Zeitung» появляется, например, какая-нибудь передовица, — скажем о русских финансах, — заимствованная, допустим, из «Baltische Monatsschrift», Абель пропускает месяц, а затем вдруг шлет напечатанную в «Kolnische Zeitung» статью из Петербурга в Лондон, причем дает, конечно, понять, что, если не сам царь и, может быть, не русский министр финансов, то, во всяком случае, один из директоров Государственного банка сообщил ему entre deux cigares[**] статистическую тайну, и, ликуя, восклицает: «I am in a position to state etc.» («Я имею возможность сообщить и т. д.»). Или официальная «Preusische Zeitung» выпускает министерское щупальце и касается, скажем, частных взглядов фон Шлейница по кургессенскому вопросу. На этот раз Абель уже не ждет ни минуты, а пишет — и уже открыто из Берлина и в тот же самый день своему Леви о кургессенском вопросе. Через неделю он сообщает: «Preusische Zeitung», орган министерства, поместила следующую статью о кургессенском вопросе и «I owe to myself» («я считаю своей обязанностью») обратить внимание на то, что еще неделю тому назад и т. д. Или же он переводит какую-нибудь статью из «Allgemeine Zeitung», помечая ее, скажем, Стокгольмом. Затем следует неизбежная фраза: «I must warn your readers», «я должен предостеречь ваших читателей», не от списанной, а от какой-нибудь несписанной статьи из «Allgemeine Zeitung». Когда же Абелю приходится говорить о «Kreuz-Zeitung», то он крестится, чтобы не быть узнанным.

---

[*] «Не мог бы рак резвей в грязи плясать,
Карабкаясь все вниз и продвигаясь вспять»
[Поп. «Дунсиада», книга вторая. *Ред*.].

[**] — между двумя сигарами. *Ред.*

Что касается абелевского стиля, то его символически можно было бы представить как копию стилей Штерна Гешейдта, Исидора Берлинерблау и Якоба Визенрислера.

С разрешения Абеля маленькое отступление. Оригинал, Штерн Гешейдт, — это другой сообщник Фогта некий **Л. Бамбергер,** который в 1848 г. был редактором одного захудалого листка в Майнце, а теперь стал находящимся «на полном содержании», породнившимся посредством брака с Парижем loup garou* и *бонапартистским демократом* «в *простейшем* смысле слова». Чтобы понять этот «простой смысл», надо знать тарабарский язык парижской биржевой синагоги. «Простая» демократия Штерна Гешейдта — это то же самое, что Исаак Перейра называет «la democratisation du credit», демократизацией кредита, которая состоит в том, что уже не отдельные круги нации, а всю нацию превращают в игорный притон, чтобы иметь возможность надуть ее en masse**. Если при Луи-Филиппе олигархический биржевой волк бессердечно охотился только за национальным богатством, накопленным в руках наиболее крупной буржуазии, то под эгидой Луи Бонапарта все представляется fish*** демократическому биржевому волку, который вместе с римским императором восклицает: non olet****, а вместе со Штерном Гешейдтом-Бамбергером прибавляет: *«масса должна это сделать».* Такова демократия Штерна Гешейдта в ее величайшей «простоте». Штерн Гешейдт-Бамбергер недавно стал известен под именем: *«Ура, в Италию!»*[581]. Во время кампании за имперскую конституцию он, наоборот, прислушивался к кличу: *«Ой, прочь из Кирхгеймболандена!»* Удравший из Кирхгеймболандена и водивший за нос рейнско-пфальцский добровольческий корпус Штерн Гешейдт-Бамбергер, о геройских подвигах которого мне доверили ценную рукопись, был слишком смышлен*****, чтобы не почуять, что пропитанная кровью наносная грязная почва декабря окажется золотоносным песком для смышленых искателей сокровищ. Он поэтому отправился в Париж, где, по прекрасному выражению его друга Исидора Берлинерблау, alias****** *Г. Б. Оппенхейма,* «чувствуешь себя свободнее, чем знаешь». Развеселился Штерн Гешейдт, у которого в 1858 г. начался «застой в обращении» (см. статистическую таблицу Banque de France******* о денежном обращении 1858 — 1859 гг.),

* — оборотнем. *Ред.*
** — всю в целом. *Ред.*
*** — рыбой. *Ред.*
**** — не пахнет (слова римского императора Веспасиана, сказанные им по поводу налога на уборные). *Ред.*
***** Здесь и ниже игра слов: Gescheidt — имя, «gescheidt» — «смышленый». *Ред.*
****** — иначе. *Ред.*
******* — Французского банка. *Ред.*

когда грязная почва декабря начала вдруг переливаться яркими красками возвышенных идей. Столь же смышленый, как и ярко демократический, Штерн Гешейдт понял, что потоп в Париже может унести не только почву декабря, но и pro его главной книги, оставив только contra*. Штерн Гешейдт-Бамбергер увеличил, как известно, число греческих муз, прибавив к ним десятую, еврейскую музу, «музу времени», как он называет бюллетень биржевых курсов.

По вернемся к Абелю. Стиль Абеля насквозь пропитан необходимым для «Daily Telegraph» — этой бумажной клоаки мировой столицы — odor specificus**. Когда Леви бывает особо тронут ароматом абелевской корреспонденции, абелевской ученостью и предприимчивым усердием, с которым Абель пишет одновременно с двадцати различных широт, в такие минуты глубокой растроганности Леви называет Абеля интимно-нежно своим «industrious bug»***.

Уже поэтическая справедливость требует, чтобы «округленная натура» не осталась торчать в конце комедии вместе с Абелем в лондонском навозе. Но кто вытащит его из навоза? Кому же быть спасителем? Спасителем приходится быть одному грязному человеку, именно *барону* **фон Финке****, юнкеру из красной земли*****, рыцарю веселого образа, chevalier sans peur et sans reproche[582].

Как было сказано ранее, «Neue Rheinische Zeitung» уже в 1848 г. выявила тождество противоположностей Фогта и Финке, и Фогт сам предчувствовал это в 1859 г., когда писал в своих «Исследованиях»:

> «Г-н фон Финке как апостол новой государственной свободы ... положительно граничит с *областью смешного»* (l. c., стр. 21), —

значит с областью Фогта. Но 1 марта 1860 г. Финке открыто произнес слово примирения, приведя, по словам Иоганна Филиппа Беккера, *«серную банду* в качестве иллюстрации скромной прусской палате». Почти за год до того он рекомендовал той же самой палате брошюру «По и Рейн»[583], серное происхождение которой он, не обладая носом Леви, не мог, разумеется, почуять. Когда же Финке стал, подобно Фогту, разыгрывать итальянца, когда Финке, подобно Фогту, стал поносить поляков, когда Финке, подобно Фогту, стал требовать расчленения

---

* — pro и contra — за и против, в данном случае доходные и расходные статьи. *Ред.*
** — специфическим запахом. *Ред.*
*** — «трудолюбивым клопом» (Поп. «Дунсиада», книга первая). *Ред.*
**** Игра слов: Vincke — фамилия, «Mistfinke» — «грязный человек». *Ред.*
***** — Вестфалии. *Ред.*

Германии, то братья-враги навсегда заключили друг друга в объятья»

Известно, что одноименные полюсы непреодолимо взаимно отталкиваются. Таким же точно образом долгое время взаимно отталкивались Фогт и Финке. Оба страдают словесным слюнотечением, и поэтому каждому из них казалось, что другой не дает ему говорить.

Фогт, по свидетельству Раникеля, — великий зоолог, точно так же и Финке, что доказывает разведение им свиней в Иккерне.

В испанских драмах на каждого героя приходится по два шута. Даже при святом Киприано — этом испанском Фаусте — в пьесе Кальдерона имеются Москон и Кларин. Точно так же во Франкфуртском парламенте реакционный генерал фон Радовиц имел при себе двух комических адъютантов, своего арлекина Лихновского и своего клоуна Финке, Фогт же, этот либеральный противоклоун, должен был делать все один, — что, разумеется, озлобляло его против Финке, — так как Якоб Венедей годился только для сентиментальной части роли Панталоне. Финке любил иногда помахать своим дурацким колпаком. Так, например, на заседании парламента 21 июня 1848 г. он заявил, что

«ему иногда кажется, будто он находится скорее в театре, чем в подобном Собрании».

А во время празднества, устроенного франкфуртскими парламентскими ториями, он развлекал гостей в качестве *князя дураков* и, сидя на бочке, распевал[584]:

«Избрали князем дураков
Меня для пьянства и пиров».

Это также было обидно его противнику. К тому же Фогт и Финке не могли запугать друг друга и поэтому считали совершенно безопасным нападать друг на друга. Фальстаф-Фогт знал цену рыцарю без страха и упрека, и vice versa*. Вестфальский Баяр в свое время изучал в германских университетах юридические науки, меньше — римский Corpus juris[585], ибо, рассуждал он, предки из красной земли не даром побили Вара. Тем усерднее приналег он на тевтонское право, особенно же на *студенческий устав,* почву которого он исследовал по всем направлениям, а потом прославил под именем *правовой почвы.* Под влиянием такого казуистически-глубокого изучения студенческого устава он и впоследствии при всякой дуэли наталкивался на какой-нибудь дунс-скотовский волос, который

* — наоборот. *Ред.*

в решительный момент становился непреодолимой казуистической преградой между рыцарем и кровопролитием, как обнаженный меч на брачном ложе между принцессой и locum tenens*, Эта казуистическая препона появлялась всегда с точностью периодической лихорадки, начиная с истории с судейским асессором Бендой во время Соединенного ландтага 1847 г.[586] и кончая обратившей на себя не меньшее внимание историей с прусским военным министром** в палате депутатов в 1860 году. Мы видим, таким образом, какую напраслину возвели недавно на нашего юнкера, обвиняя его, будто он потерял свою правовую почву. Не его вина, что его правовая почва вся состоит из ловушек. Более того, так как студенческий устав годится только для юридических дебатов высшего порядка, то наш остроумный юнкер заменяет его в повседневной парламентской практике *палочным уставом.*

Во франкфуртском лягушачьем болоте Финке в бешенстве обозвал однажды своего противника Фогта *«министром будущего».* Когда же в Иккерне он узнал, что Фогт, помня изречение:

«Раздобудь себе лишь чин,
И вот ты на год господин»***,

стал не только имперским регентом, но и министром иностранных дел in partibus, то был потрясен, и стал недовольно ворчать о непризнанных притязаниях на повышение по старшинству. Ведь уже в Соединенном ландтаге 1847 г. Финке оппозиционно выступал против министерства в качестве фрондера и против буржуазной оппозиции в качестве представителя дворянства. Поэтому, когда вспыхнула мартовская революция, он считал себя более всех других призванным спасти корону. Но министрами настоящего стали его противники, он же получил должность *«министра будущего»,* пост, который он с неизменным успехом занимает и до настоящего момента.

Из мести он отряхнул берлинский прах со своих ног и отправился во Франкфурт, в собор св. Павла, где уселся на крайней правой, чтобы скандалить здесь в качестве клоуна, клакера и забияки генерала Радовица.

Финк**** был фанатически преданным австрийцем, пока это встречало одобрение в глазах начальства. Точно одержимый, гремел он против *национальностей.*

---

* — заместителем. *Ред.*

** — Рооном. *Ред.*

*** И. Фишарт. «Полное приключений грандиозное историческое повествование о деяниях и изречениях героев и господ Грангошира, Горгеллянтюа и Пантагрюоля», глава четвертая. *Ред.*

**** В оригинале «Fink» (вместо Vincke) — зяблик, гуляка, бабник. *Ред.*

«На левой стороне увлекаются по очереди всевозможными национальностями — итальянцами, поляками, — а теперь даже мадьярами» (заседание 23 октября 1848 г.).

Три рыцаря — Финке, Лихновский и Арним — вели музыкальное трио:

П... корова, бык ревет
И басом в тон осел поет

с такой виртуозностью против ораторов, говоривших в пользу Польши (заседание 5 июня 1848 г.), что даже колокольчик председателя выбился из сил, а когда Радовиц, исходя из военно-географических соображений, потребовал для германской империи Минчо (заседание 12 августа 1848 г.), Финке — на потеху всей галерее и к тайному восхищению Фогта — стал на голову и зааплодировал ногами. Главный клакер при принятии резолюций, которыми франкфуртское лягушачье болото приложило печать немецкой народной воли к династическому порабощению Польши, Венгрии и Италии, юнкер из красной земли возопил еще радостнее, когда пришлось пожертвовать притязаниями немецкой нации из-за позорного перемирия в Мальмё. Чтобы обеспечить большинство для ратификации перемирия, дипломаты и другие зрители пробрались с галереи на скамьи правых. Обман был обнаружен, и Раво потребовал нового голосования. Против этого яростно выступил Финк, доказывая, что важно не кто голосует, а за что голосуют (заседание 16 сентября 1848 г.). Во время франкфуртского сентябрьского восстания, вызванного ратификацией перемирия в Мальмё, вестфальский Баяр бесследно исчез, чтобы затем, с объявлением осадного положения, яростными реакционными выпадами отомстить за свой страх, которого никто не мог возместить ему.

Не довольствуясь своими разнузданными заявлениями против поляков, итальянцев и венгров, он предложил выбрать в президенты временного центрального правительства австрийского эрцгерцога Иоганна (заседание 21 июня 1848 г.), но под непременнейшим условием, чтобы габсбургская исполнительная власть германского парламента не приводила в исполнение, не публиковала и вообще не принимала во внимание его плебейских резолюций. Он вышел из себя от бешенства, когда его товарищи из большинства, ради одного лишь разнообразия, голосовали за то, чтобы имперский правитель — по крайней мере, при решении вопросов войны и мира и при заключении договоров с иностранными державами — милостиво соизволял предварительно получать на это согласие парламента (заседание 27 июня 1848 г.). А ораторский пыл, с каким наш Финк старался

вырвать у немецкого парламента вотум доверия имперскому министру Шмерлингу и К° в награду за их и имперского правителя соучастие в подлом кровавом венском предательстве[587] (заседание 23 октября 1848 г.), победоносно опроверг клевету Фишарта:

О, как бездушны морды,
Земли Вестфальской морды![*]

Так Финке был по-соседски дружественно настроен по отношению к Габсбургам, пока вдруг над парламентской Сахарой не поднялась фата-моргана Малой Германии[588], и нашему юнкеру не померещилось, что он увидел зяблика, державшего под мышкой министерский портфель в натуральную величину. Так как у стен собора св. Павла были необыкновенно длинные уши, то он мог льстить себя надеждой, что шум его франкфуртских излияний в лояльности и преданности династии Гогенцоллернов будет благосклонно воспринят в Берлине. Разве он не заявил 21 июня 1848 г. в переполненном соборе св. Павла:

«Я послан своими избирателями не только для того, чтобы представлять права народа, но и права государей. Я всегда восхищаюсь словами великого курфюрста[**], который однажды назвал жителей Марка[***] своими вернейшими и покорнейшими подданными. И мы в Марке гордимся этим».

Баяр из Марка перешел от фраз к действиям в той знаменитой битве на трибуне, в которой он заслужил себе рыцарские шпоры (заседание 7 и 8 августа 1848 г.). Так, когда Брентано, в связи с испрашиваемой амнистией для Фридриха Геккера, сделал с трибуны какое-то двусмысленное замечание об одном из принцев гогенцоллерновского дома, с Финком случился припадок настоящего собачьего бешенства лояльности. Ринувшись со своего места на г-на Брентано, он крикнул: «Долой, каналья!» и стал стаскивать его с трибуны. Но Брентано устоял на своем месте. Спустя некоторое время юнкер снова кинулся на него и бросил ему — разумеется, имея в виду в дальнейшем зрело поразмыслить над затруднениями, которые, возможно, возникнут на правовой почве, — в знак вызова свою рыцарскую перчатку, поднятую Брентано со словами:

«За стенами собора Вы можете мне сказать все, что Вам угодно; здесь же оставьте меня, не то я дам Вам пощечину».

[*] И. Фишарт. «Полное приключений грандиозное историческое повествование о деяниях и изречениях господ Грангошира, Горгеллянтюа и Пантагрюэля», глава третья. *Ред.*

[**] — Фридриха-Вильгельма. *Ред.*

[***] Имеется в виду графство Марк в Вестфалии. *Ред.*

Юнкер порылся в своем ораторском колчане и метнул оттуда еще несколько ругательств по адресу левой, пока Рейхард не крикнул ему: «Фон Финке, Вы — негодяй!» (заседание 7 августа 1848 г.). Дебаты о конфликте между министерством Бранденбурга и берлинским собранием соглашателей Финк пытался устранить предложением простого перехода к текущим делам.

«Со времени победоносного вступления Врангеля в Берлин», — сказал он, — «воцарилось спокойствие, бумаги поднялись... Берлинское собрание не имеет права выпускать воззвания к народу и т. д.».

Едва были разогнаны соглашатели, как наш рыцарь без страха и упрека еще яростней набросился на них.

«Для республики», — выл он на заседании 12 декабря 1848 г., — «нам не хватает предварительного политического воспитания; это нам показали представители бывшего Берлинского собрания, которые принимали резолюции, руководствуясь низким личным честолюбием».

Разразившуюся после этого бурю он пытался успокоить заявлением, что

«готов против всякого *по-рыцарски* защищать свои взгляды», — но, прибавил предусмотрительный рыцарь, — «он не имеет в виду никого из данного Собрания, а только членов разогнанного Берлинского собрания».

Так надменно прозвучал вызов Баяра из Марка всему воинству разогнанных соглашателей. Один из разогнанных услышал вызов, собрался с силами и добился действительно неслыханного происшествия, заставив юнкера из красной земли явиться во плоти на поле битвы при Эйзенахе. Кровопролитие, казалось, стало неизбежным, когда наш Баяр в решительную минуту отыскал дунс-скотовскую юридическую увертку. Его противник носил имя Георга Юнга, а законы чести повелевали нашему рыцарю без страха и упрека сражаться с драконом, но ни в коем случае не с тезкой победителя дракона*. Эту навязчивую идею невозможно было выбить из головы Финка. Лучше, клялся он торжественно, лучше, подобно японскому даймё[589], он сам себе вспорет живот, чем тронет хоть волос у человека, который называется Георгом и к тому же еще слишком молод** для поединка. Но тем более беззастенчиво упорный дуэлянт неистовствовал в соборе св. Павла против Темме и других враждебных правительству лиц, сидевших в Мюнстере под

* — св. Георгием (Георгием Победоносцем). *Ред.*
** Игра слов: Jung — фамилия, «jung» — «молодой». *Ред.*

крепкими тюремными запорами (заседание 9 января 1849 г.). Если, в своем желании угодить высоким сферам, он не пренебрегал никакими мелочами, то своей усердной лояльностью он перещеголял самого себя в своих колоссальных усилиях создать Малую Германию и большую прусскую корону. «Делатель королей» Варвик был ребенок в сравнении «с делателем императоров» Финке.

Баяр из Марка полагал, что от него уж не мало досталось неблагодарным мартовцам 1848 года. Когда министерство дела пало[590], Финке исчез на время из собора св. Павла, но был наготове. То же самое повторилось, когда пало министерство фон Пфуля. Но так как гора не шла к Магомету, то Магомет решил пойти к горе. Выбранный в каком-то гнилом местечке, рыцарь из красной земли вынырнул вдруг в Берлине в качестве депутата октроированной палаты, исполненный страстного желания получить награду, ожидавшую его за франкфуртские подвиги. Кроме того, рыцарь прекрасно чувствовал себя при осадном положении, не лишавшем его никаких непарламентских свобод. Шикание и насмешки, которыми приветствовало его берлинское население, когда он, вместе с другими октроированными депутатами, ожидал перед дворцом приема в белом зале, он выслушивал с тем большим наслаждением, что Мантёйфель осторожно намекнул ему, будто в высоком месте — хотя бы из-за того, чтобы держать вакантным один министерский портфель для вознаграждения известных заслуг, — склоняются к принятию малогерманской короны из рук франкфуртских «делателей императоров». Упоенный этими сладкими надеждами, Финк пытался пока быть полезным кабинету в качестве его dirty boy*. По указанию «Kreuz-Zeitung» он составил проект адреса короне, бушевал против амнистии, саму октроированную конституцию соглашался принять только под непременным условием, что она будет снова пересмотрена и очищена от всего мартовского «сильной государственной властью», поносил страдавших от осадного положения депутатов левой и т. д. и ожидал своего триумфа.

Катастрофа надвигалась. Франкфуртская депутация с предложением императорской короны прибыла в Берлин, и Финке 2 апреля (1849 г.) внес лояльнейшую поправку в проект адреса о поднесении императорской короны, поправку, за которую-в простоте душевной голосовал Мантёйфель. Тотчас же по окончании заседания Финке, как безумный, ринулся в ближайшую лавку старьевщика, чтобы купить там собственноручно портфель,

* — малого для грязной работы. *Ред.*

портфель с черной картонной покрышкой, с красной бархатной отделкой и позолотой по краям. Полный блаженства, торжествующе ухмыляясь, как фавн, сидел рыцарь веселого образа на следующее утро на своем кресле в центре палаты, но вдруг раздалось: «Никогда, никогда, никогда». Губы Мантёйфеля иронически подергивались, а наш бесстрашный юнкер, с побледневшими губами, дрожа, как электрический угорь, от внутреннего волнения, с диким видом делал знаки своим друзьям: «удержите меня, не то я натворю бед». Чтобы удержать его, «Kreuz-Zeitung», указаниям которой Финке неотступно следовал на протяжении многих месяцев и которая видела в нем крестного отца своего проекта адреса палаты, поместила на следующий день статью под заголовком: «Отечество в опасности», где, между прочим, было сказано:

«Министерство остается, и король* отвечает господам Финке и компании, что им нечего беспокоиться о вещах, которые их не касаются».

А обманутый рыцарь sans peur et sans reproche трусил рысцой из Берлина в Иккерн с более длинным носом, чем когда-либо имел Леви, с носом, который, разумеется, можно наставить только... *министру будущего!*

После того как Цинциннат из красной земли долгие годы томился над своей практической зоологией в Иккерне, он в одно прекрасное утро проснулся в Берлине в качестве официального главы оппозиции в прусской палате депутатов. Так как ему не повезло во Франкфурте с правыми речами, то в Берлину он стал произносить левые речи. Нельзя было в точности установить, представлял ли он оппозицию доверия или доверие оппозиции. Во всяком случае он и здесь переиграл свою роль. Он вскоре оказался столь необходимым кабинету на скамьях оппозиции, что ему запрещено было покидать их. Так и остался юнкер из красной земли *министром будущего.*

При таких-то обстоятельствах Финк потерял терпение и заключил свой знаменитый иккернский договор. *Фогт* обещал ему черным по-белому: лишь только Плон-Плон завоюет на немецком материке первый парламентский остров Баратарию, населит его пьяницами** и сделает своего Фальстафа его регентом, тотчас же Фогт назначит вестфальского Баяра

* — Фридрих-Вильгельм IV. *Ред.*

** В оригинале Маркс употребил слово Sch-Oppenheimer (во множественном числе), образовав игру слов: Oppenheim (Оппенхейм) — фамилия, «Schoppenheimer» (от «Schoppen» — «кружка», «полуштоф») — слово, которое можно перевести как «пьяница», «любитель выпить». *Ред.*

своим премьер-министром, вручит ему верховную судебную власть в вопросах дуэли, сделает его далее действительным тайным главным генерал-строителем дорог*, произведет его, сверх того, в княжеское достоинство с титулом князя дураков и, наконец, отчеканит на *жести***, которая в островном фогтстве обращается вместо денег, пару сиамских близнецов — направо Фогта как плон-плоновского регента, налево Финке как министра Фогта, и вокруг объемистой двойной фигуры будет виться, окруженная виноградной лозой, надпись:

«С тобою рылом к рылу
Я веку своему бросаю вызов»***.

* См. брошюрку «Auch eine Characteristik des liberalen Abgeordneten von Vincke und erbauliche Geschichte des Sprochhovel-Elberfelder Wegbaues». Hagen, 1849 [«Еще одна характеристика либерального депутата фон Финке и поучительная история шпрохxёфель-эльберфельдского дорожного строительства». Гаген, 1849].

** Игра слов: «Blech» означает «жесть», а также «вздор». *Ред.*

*** Иронически перефразированные строки из драмы Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский», действие I, явление девятое. *Ред.*

XI
ПРОЦЕСС

В конце января 1860 г. в Лондоне были получены два номера *берлинской* «National-Zeitung» с двумя передовыми статьями, из которых первая была озаглавлена *«Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»»* (№ 37 «National-Zeitung»), а вторая: *«Как фабрикуют радикальные листовки»* (№ 41 «National-Zeitung»). Под этими различными заголовками ***Ф. Цабель*** выпустил обработанное in usum delphini[591] издание фогтовской *«Главной книги».* Последняя была получена в Лондоне значительно позже. Я решил тотчас же возбудить в Берлине против **Ф. Цабеля** дело о клевете.

Лишь в самых редких, исключительных случаях, — когда речь шла об интересах партии, как, например, в кёльнском процессе коммунистов, — отвечал я в печати на бесчисленные ругательства, которыми меня осыпали в течение десяти лет в немецкой и немецко-американской прессе. По моему мнению, пресса *имеет право оскорблять* писателей, политиков, актеров и других лиц, подвизающихся на общественной арене. Если я считал нападение заслуживающим внимания, то придерживался в таких случаях девиза: a corsaire corsaire et demi*.

На этот раз дело обстояло иначе. *Цабель* обвинял меня в целом ряде *преступных* и *позорных* деяний, обвинял перед публикой, склонной из партийных предрассудков верить самым нелепым вещам. С другой стороны, ввиду моего 11-летнего отсутствия в Германии у этой публики не было никакого критерия для суждения о моей личности. Не говоря уже о политических соображениях, я обязан был ради своей семьи, ради жены и детей, подвергнуть судебному разбирательству *позорящие* меня обвинения Цабеля.

Возбужденное мною судебное дело по характеру своему, само собой разумеется, исключало возможность какой бы то

* — с разбойником по-разбойничьи (французская пословица, означающая буквально: против одного пирата полтора пирата). *Ред.*

ни было судебной комедии ошибок, вроде процесса Фогта против «Allgemeine Zeitung». Если бы даже у меня и возникло фантастическое намерение апеллировать против Фогта к тому самому суду Фази, который уже приостановил, в интересах Фогта, одно уголовное дело, то были крайне важные моменты, которые можно было выяснить *только* в Пруссии, а не в Женеве; наоборот, единственное утверждение Цабеля, доказательство для которого он мог бы искать у Фогта, основывается на мнимых документах, которые Цабель был в состоянии представить так же легко в Берлине, как его друг Фогт в Женеве. Моя «жалоба» против Цабеля содержала в себе следующие пункты:

1) В №37 «National-Zeitung» от 22 января 1860 г., в статье, озаглавленной «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»» Цабель утверждает:

«Фогт сообщает на стр. 136 и следующих: Под именем *серной банды,* или также *бюрстенгеймеров,* среди эмиграции 1849 г. была известна группа лиц, которые сначала были рассеяны по Швейцарии, Франции и Англии, затем постепенно собрались в Лондоне и *там в качестве своего видного главы почитали г-на Маркса.* Политическим принципом *этих собратьев* была «диктатура пролетариата»; этой обольстительной иллюзией они вначале вводили в заблуждение не только отдельные лучшие элементы эмиграции, но и рабочих из добровольческого отряда Виллиха. *В среде эмигрантов они продолжали дело «Rheinische Zeitung»,* которая в 1849 г. вела агитацию против всякого участия в движении и постоянно нападала на всех членов парламента за то, что движение имеет-де своей целью только имперскую конституцию. *Серная банда подчиняла своих приверженцев строжайшей дисциплине.* Тот из них, кто пытался каким-нибудь образом добиться преуспеяния в гражданской жизни, уже только в силу одного своего стремления стать независимым считался изменником революции, которая, как ожидали, каждую минуту могла снова разразиться и поэтому должна была держать наготове своих солдат, чтобы послать их в бой. В этой заботливо сохраняемой компании бездельников, путем распространения слухов, писем и т. д., вызывались раздоры, драки, дуэли. Всякий подозревал в другом шпиона и реакционера, недоверие было у всех против всех. *Одним из главных занятий серной банды было так компрометировать проживающих в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. Не одно, сотни писем посылались в Германию с угрозой разоблачить причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег.* Согласно принципу: «кто не безусловно с нами, тот против нас», всякого, выступавшего против этих интриг, не просто компрометировали среди эмигрантов, но и «губили» в печати. *«Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии своими доносами на тех демократов, которые не признавали их; они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии.* Для *дальнейшей* характеристики Фогт, между прочим, приводит длинное письмо бывшего лейтенанта Техова от 26 августа 1850 г., в котором описываются принципы, интриги, раздоры, борющиеся друг с другом тайные союзы «пролетариев» и из которого можно видеть, как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, *держит в ежовых рукавицах серную банду».*

Для понимания дальнейшего следует здесь же заметить, что *Цабель,* который в приведенном отрывке передает якобы «сообщение» *Фогта,* далее в целях лучшей иллюстрации серной банды, уже от собственного имени преподносит одно за другим — процесс Шерваля в Париже, процесс коммунистов в Кёльне, мою брошюру об этом процессе, либкнехтовский революционный съезд в Муртене и установленные при моей помощи отношения между Либкнехтом и «Allgemeine Zeitung», Оли, «тоже канал серной банды», наконец, письмо Бискампа в «Allgemeine Zeitung» от *20 октября 1859 г.* и затем заканчивает словами:

«Неделю спустя после Бискампа *Маркс* также написал в «Allgemeine Zeitung», предлагая ей «судебный документ» в качестве доказательства против Фогта, о котором мы, может быть, поговорим еще в другой раз. *Таковы корреспонденты «Allgemeine Zeitung»».*

Из всей этой передовицы № I я взял в качестве предмета иска только перепечатанный в виде первого пункта отрывок, и притом лишь следующие фразы оттуда:

«Одним из главных занятий серной банды» (находящейся под главенством Маркса) «было так компрометировать проживающих в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. Не одно, сотни писем посылались в Германию с угрозой разоблачить причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег».

Здесь я, разумеется, потребовал от Цабеля *доказательства истинности* его утверждений. В первом сообщении своему адвокату г-ну юстицрату *Веберу* в Берлине я писал, что требую от Цабеля не «сотен угрожающих писем», даже не одного письма, а хотя бы одной строки, уличающей кого-нибудь из моих хорошо известных партийных товарищей в указываемом Цабелем позорном деянии. Ведь Цабелю достаточно обратиться к Фогту, чтобы немедленно получить дюжины таких «угрожающих писем». А если бы случайно Фогт не мог представить ни одной строки из сотен угрожающих писем, то он, во всяком случае, мог бы назвать несколько сот «проживающих в отечестве лиц», которые подвергались вышеуказанным вымогательствам. Так как эти лица находятся в «Германии», то они были во всяком случае более доступны берлинскому суду, чем женевскому.

Итак, моя жалоба в суд на Цабеля за его передовицу № I ограничивалась одним-единственным пунктом — *политическим компрометированием проживающих в Германии лиц с целью вымогательства у них денег.* В то же время для опровержения

других утверждений его передовицы № I я привел ряд фактов. Здесь я не требовал *доказательства истинности,* а приводил *доказательства лживости.*

Вопрос о *серной банде, или также бюрстенгеймерах,* был достаточно разъяснен письмом *Иоганна Филиппа Беккера.* Для выяснения *характера Союза коммунистов* и моей причастности к нему можно было вызвать в Берлин в качестве свидетеля, между прочим, *Г. Бюргерса* из Кёльна, одного из осужденных по кёльнскому процессу коммунистов, и взять с него на суде показание под присягой. Далее, *Фридрих Энгельс* нашел среди своих бумаг датированное ноябрем 1852 г. письмо, *подлинность* которого подтверждалась почтовыми штемпелями Лондона и Манчестера и в котором я сообщал ему о последовавшем, по моему предложению, роспуске Союза, а также и о приведенных в решении о роспуске мотивах — именно, что со времени ареста кёльнских подсудимых всякая связь с континентом оборвалась и что подобное пропагандистское общество вообще теперь несвоевременно. Что касается бесстыдного утверждения Цабеля о моих связях «с тайной полицией в Германии и Франции», то оно якобы доказывалось отчасти кёльнским процессом коммунистов, отчасти процессом Шерваля в Париже. К последнему я еще вернусь позже. По поводу же первого я послал своему адвокату свои вышедшие в 1853 г. «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», обратив его внимание на то, что можно вызвать в Берлин адвоката Шнейдера II из Кёльна и взять с него под присягой показания о моем участии в деле раскрытия полицейских гнусностей. Утверждение Цабеля, будто я и мои партийные товарищи «заполняли столбцы реакционной печати Германии доносами на тех демократов», которые «не признавали» нас, я противопоставил тот факт, что я *никогда* — ни прямо, ни косвенно — не посылал из-за границы корреспонденции ни в одну германскую газету, за исключением «Neue Oder-Zeitung». На основании моих статей в этой газете — а в случае необходимости, и свидетельских показаний одного из ее редакторов, д-ра Эльснера, — можно будет доказать, что я *никогда* не считал нужным упоминать хотя бы *имя* того или другого «демократа». Что же касается корреспонденций *Либкнехта* в «Allgemeine Zeitung», то сотрудничество его в этой газете началось весной 1855 г., три года спустя после роспуска Союза и *без моего ведома;* кроме того, в этих корреспонденциях — как свидетельствуют годовые комплекты «Allgemeine Zeitung» — давалось соответствующее его партийной точке зрения освещение английской политики, но там нет ни звука о «демократах». Если же Либкнехт, когда я уезжал из Лондона,

послал в «Allgemeine Zeitung» появившуюся в Лондоне листовку против «демократа» Фогта, то он имел на это полное право; ведь он знал, что издателем этой листовки был «демократ», которого сам «демократ» Фогт приглашал к участию в его «демократической» пропаганде и, следовательно, считал равным ему самому «демократом». Смешная выдумка Цабеля превратить меня самого в «корреспондента «Allgemeine Zeitung»» убедительно опровергается письмом, написанным мне *г-ном Оргесом* (приложение 10) за несколько дней до начала аугсбургского процесса, в котором он, между прочим, старается рассеять мои предполагаемые «либеральные» предубеждения против «Allgemeine Zeitung». Наконец, ложь Цабеля, будто «неделю спустя *после* Бискампа Маркс также написал в «Allgemeine Zeitung»», отпадала сама собой, так как письмо Бискампа датировано 20 октября 1859 г., а несколько препроводительных строк к пересланному мной Оргесу, по его просьбе, «документу» находились уже 24 октября 1859 г. в окружном суде в Аугсбурге и, значит, не могли быть написаны 29 октября 1859 г., в Лондоне.

В интересах судебного разбирательства я счел необходимым присоединить к приводимым мною доказательствам некоторые документы, отбрасывающие на клеветника тот уродливо-гнусный свет, который «демократ» Цабель пытался бросить на мое положение в эмиграции и на мои «интриги» за границей.

Первоначально, с конца 1843 до начала 1845 г., я жил в Париже, пока меня не выслал Гизо. Для характеристики положения, которое я занимал во французской революционной партии во время моего пребывания в Париже, я послал своему защитнику письмо *Флокона,* отменявшее от имени временного правительства 1848 г. распоряжение Гизо о моей высылке и приглашавшее меня вернуться из Бельгии во Францию (приложение 14). В Брюсселе я жил с начала 1845 до конца февраля 1848 г., когда Рожье выслал меня из Бельгии. Впоследствии брюссельские муниципальные власти сместили полицейского комиссара, арестовавшего, в связи с этой высылкой, мою жену и меня. В Брюсселе существовало международное демократическое общество[592], почетным председателем которого был старый генерал *Меллине,* спасший Антверпен от голландцев. Председателем его был адвокат *Жотран,* бывший член бельгийского временного правительства; вице-председателем от поляков был *Лелевель,* бывший член польского временного правительства; вице-председателем от французов был *Энбер,* ставший после февральской революции 1848 г. комендантом Тюильри, а вице-председателем от немцев был я, избранный на этот пост

на публичном митинге, участниками которого являлись члены Общества немецких рабочих и вся немецкая эмиграция в Брюсселе. Одно письмо Жотрана ко мне, написанное в период основания «Neue Rheinische Zeitung» (Жотран принадлежит к так называемой американской школе республиканцев, то есть к чуждому мне направлению), и несколько самих по себе незначащих строк моего друга Лелевеля достаточно показывали мое положение в демократической партии в Брюсселе. Я поэтому приложил их к документам защиты (приложение 14).

После того как весной 1849 г. я был выслан из Пруссии, а в конце лета 1849 г. из Франции, я отправился в Лондон, где, после роспуска Союза (1852 г.) и после отъезда большинства моих друзей из Лондона, живу в стороне от *всяких* легальных и нелегальных обществ и даже вообще от всякого общества, хотя — с разрешения «демократа» Цабеля — и позволяю себе время от времени читать бесплатные лекции по политической экономии избранному кругу рабочих. *Лондонское Просветительное общество немецких рабочих,* из которого я вышел 15 сентября 1850 г., праздновало 6 февраля 1860 г. двадцатилетие своего существования; я был приглашен на это празднество, на котором была единогласно принята резолюция *«заклеймить как клевету»* утверждение Фогта, будто я «эксплуатировал» немецких рабочих вообще и живущих в Лондоне в частности. Тогдашний председатель Общества рабочих г-н Мюллер дал заверить подлинность этой резолюции 1 марта 1860 г. в полицейском суде на Боу-стрит. Наряду с этим документом я послал своему адвокату письмо английского адвоката и вождя чартистской партии Эрнеста Джонса (приложение 14), в котором он выражает свое негодование по поводу «infamous articles» (гнусных статей) «National-Zeitung» (Эрнест Джонс, родившийся и воспитывавшийся в Берлине, знает немецкий язык лучше, чем Цабель) и, между прочим, вспоминает о моем многолетнем бесплатном сотрудничестве в лондонских органах чартистской партии. Я могу здесь упомянуть также, что когда в конце 1853 г. в Манчестере заседал Рабочий парламент[593], то из членов лондонской эмиграции только Луи Блан и я получили приглашение на него в качестве почетных членов.

Наконец, так как по уверениям честного Фогта я «живу потом рабочих», от которых я никогда не получал и не требовал ни сантима, а по утверждению «демократа» Цабеля, политически «так компрометировал проживающих в отечестве лиц», что «они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их», я попросил г-на *Чарлза А. Дана,*

managing editor* «New-York Tribune» — лучшей англо-американской газеты, насчитывающей 200000 подписчиков и поэтому почти столь же распространенной, как бильский «Коммивояжер» или цабелевский «орган демократии», — я попросил Дана письменно удостоверить мое платное десятилетнее сотрудничество в «Tribune», в «Американской энциклопедии» и т. д. Его лестное для меня письмо (см. приложение 14) было последним документом, который я счел необходимым послать своему адвокату в противовес фогто-цабелевским вонючим снарядам № I.

2) В цабелевской статье № II «Как фабрикуют радикальные листовки» (№ 41 «National-Zeitung» от 25 января 1860 г.) мы читаем:

«Откуда брались деньги для этой щедро раздававшейся газеты» (то есть «Volk»), «знают боги; что у *Маркса* и Бискампа лишних денег нет, знают люди».

Рассматриваемый изолированно этот отрывок мог бы иметь значение искреннего выражения удивления, как если бы я, например, сказал: «Каким образом некий толстяк, которого я в студенческие годы в Берлине знавал как физически и духовно опустившегося балбеса, — он был владельцем детского приюта, а его литературная деятельность до революции 1848 г. ограничивалась только несколькими анонимными статьями для одной захолустной беллетристической газетки, — каким образом вышеназванный жирный болван превратился в главного редактора «National-Zeitung», ее пайщика и «имеющего лишние деньги демократа» — только богам известно. Люди же, прочитавшие известный роман Бальзака[594] и изучившие эпоху Мантёйфеля, могут об этом догадываться».

Но замечание Цабеля приобретает совершенно другой, злонамеренный смысл благодаря тому, что оно следует за его заявлением о моих сношениях с тайной полицией во Франции и Германии, об угрожающих письмах, написанных мной по тайному сговору с полицией с целью вымогательства, и прямо примыкает к словам о «массовой фабрикации фальшивых ассигнаций», упоминаемым в 3-м пункте моей жалобы в суд. Надо было прозрачно намекнуть, что я доставлял газете «Volk» деньги каким-то бесчестным путем.

Для опровержения Цабеля на суде предназначался полученный из Манчестера affidavit от 3 марта 1860 г.,. согласно которому все переданные мной в «Volk» деньги — за исключе-

* — ответственного редактора. *Ред.*

нием некоторой суммы, уплаченной мной лично, — были получены не «с той стороны Ла-Манша», как утверждает Фогт, а из Манчестера, из кармана моих друзей (см. раздел «Аугсбургская кампания»).

3) «Для характеристики» «тактики» *«партии «пролетариев»* **под главенством Маркса»** Ф. Цабель в передовой статье № **II**, между прочим, рассказывает:

«Таким образом в 1852 г. против швейцарских обществ рабочих был затеян постыднейший заговор **с массовой фабрикацией** фальшивых **ассигнаций,** *подробности смотри у Фогта* и т. д.».

Так Цабель обрабатывает утверждение Фогта об *авантюре Шерваля,* превращая меня в морального виновника и преступного соучастника «массовой фабрикации фальшивых ассигнаций». Имевшиеся в моем распоряжении доказательства для опровержения этого утверждения «демократа» Цабеля охватывали весь период от вступления Шерваля в Союз коммунистов до его бегства из Женевы в 1854 году. Affidavit, данный *Карлом Шаппером* 1 марта 1860 г. в полицейском суде на Боу-стрит, свидетельствовал о том, что вступление Шерваля в Союз в Лондоне *предшествовало* моему вступлению туда, что находясь в Париже, где он проживал с лета 1850 до весны 1852 г., он завязал сношения не со мной, а с враждебным мне контрсоюзом Шаппера и Виллиха, что после своего мнимого побега из тюрьмы Сент-Пелажи и своего возвращения в Лондон (весной 1852 г.) он состоял членом тогдашнего легального *Просветительного общества немецких рабочих,* к которому я не принадлежу уже с сентября 1850 г., пока, наконец, его там не разоблачили, не объявили бесчестным и не выгнали. Далее, адвокат Шнейдер II из Кёльна мог бы засвидетельствовать под присягой, что сделанные *во время* кёльнского процесса коммунистов разоблачения относительно Шерваля, о его связях с прусской полицией в Лондоне и т. д. исходили от меня. Мои опубликованные в 1853 г. «Разоблачения» показывают, что *по* окончании процесса я публично изобличил его. Наконец, письмо Иоганна Филиппа Беккера сообщало сведения о женевском периоде жизни Шерваля.

4) После того как *«демократ» Ф.* Цабель в передовой статье № II с логикой круглого дурака нагородил столько вздора по поводу направленной против Фогта листовки «Предостережение» и всячески старался поставить под сомнение достоверность присланного мной в «Allgemeine Zeitung» свидетельства. Фёгеле *о происхождении* листовки, он заканчивает следующим образом:

«Очевидно, он» (Блинд) «не член *узкой партии Маркса.* Нам кажется, что *последней* не очень трудно было сделать его козлом отпущения, а чтобы выдвинутое против Фогта обвинение имело вес, оно должно было исходить от какого-нибудь определенного лица, которое взяло бы на себя ответственность за него. *Партия Маркса* могла очень легко взвалить авторство листовки на Блинда именно в силу того и после того, как последний в *беседе с Марксом* и в статье в «Free Press» высказал аналогичные взгляды; *воспользовавшись этими высказываниями и оборотами речи Блинда, можно было так* сфабриковать *листовку, чтобы она выглядела, как* его *изделие...* Каждый может теперь, по желанию, считать автором листовки *Маркса* или Блинда и т. д.»

Цабель обвиняет меня здесь в том, что я **сфабриковал от имени Блинда** документ, листовку «Предостережение», и что позже, послав в «Allgemeine Zeitung» ложное свидетельское показание, я изобразил Блинда автором мною *сфабрикованной листовки.* Судебное опровержение этих обвинений «демократа» Цабеля было столь же убийственно, как и просто. Оно состояло из цитированного выше письма Блинда к Либкнехту, статьи Блинда во «Free Press», обоих affidavits Вие и Фёгеле (приложения 12 и 13) и печатного заявления д-ра мед. Шайбле.

Фогт, который, как известно, насмехается в своих «Исследованиях» над баварским правительством, возбудил преследование против «Allgemeine Zeitung» в конце августа 1859 года. Уже в сентябре «Allgemeine Zeitung» должна была хлопотать об отсрочке слушания дела в суде, но, несмотря на данную отсрочку, дело все-таки разбиралось *24 октября 1859 года.* Если подобные вещи происходят *в темном царстве,* в *Баварии,* то чего же можно было ожидать от *светлого царства* — **Пруссии,** не говоря уже, конечно, о пословице «не без судей Берлин».

Мой адвокат *г-н юстицрат Вебер* сформулировал мою жалобу в суд следующим образом:

«Редактор «National-Zeitung» д-р Цабель несколько раз оклеветал меня публично в передовых статьях, помещенных в текущем году в №№ 37 и 41 этой газеты, и, в частности, обвинил меня: 1) в том, что я добываю и добывал деньги бесчестным и преступным путем; 2) в том, что я сфабриковал анонимную листовку «Предостережение» и не только заведомо вопреки истине указал «Allgemeine Zeitung» на некоего Блинда, как на ее автора, но и пытался представить доказательство этого с помощью документа, в ложном содержании которого я якобы был убежден».

Г-н юстицрат Вебер выбрал сначала *путь уголовного преследования,* то есть сообщил о клевете Цабеля прокурору, чтобы против Цабеля было возбуждено преследование со стороны властей. *18 апреля 1860 г.* последовало нижеследующее *«постановление»:*

«Подлинное обратно г-ну д-ру Карлу Марксу через г-на юстицрата Вебера с сообщением, что не усматривается *публичного интереса,* дающею

мне повод для вмешательства (статья XVI закона от 14 апреля 1851 г. о введении в действие уголовного кодекса). *Берлин,* 18 апреля.

Прокурор при королевском городском суде.

Подпись: ***Липпе»***

Мой адвокат апеллировал к обер-прокурору, и *26 апреля 1860 г.* последовало второе *«постановление»,* которое гласило:

«Королевскому юстицрату г-ну Веберу как доверенному лицу д-ра Карла Маркса из Лондона, здесь. Вместе с жалобой от 20 апреля сего года касательно дела о клевете против д-ра Цабеля Вам возвращаются и приложенные к ней документы с замечанием, что без сомнения единственным соображением, которым может руководствоваться прокурор при использовании дискреционной власти, данной ему статьей XVI закона о введении в действие уголовного кодекса, служит вопрос, вызывается ли необходимость возбуждения преследования каким-нибудь очевидным публичным интересом? В данном случае я должен, в согласии с королевским прокурором, ответить на этот вопрос отрицательно, почему и отказываю в Вашей жалобе. *Берлин,* 26 апреля 1860 г.

Обер-прокурор при королевском апелляционном суде.

Подпись: ***Шварк»***

Оба эти отказа — прокурора *Липпе* и обер-прокурора *Шварка* — я нашел вполне правомерными. Во всех государствах мира, а значит, и в прусском государстве, под публичным интересом понимается *правительственный интерес.* Прусское правительство не видело и не могло видеть *«какого-либо очевидного публичного интереса»* в возбуждении *преследования* против «демократа» Цабеля за клевету на меня. Оно было заинтересовано скорее в противоположном. К тому же прокурор не обладает правом судьи высказывать свое мнение; он обязан слепо следовать — даже наперекор своим взглядам и убеждениям — предписаниям своего начальства, в конечном счете *министра юстиции.* Поэтому я по существу вполне согласен с решениями гг. Липпе и Шварка, но сомневаюсь в юридической правильности ссылки Липпе на статью XVI закона от 14 апреля 1851 г. о введении в действие уголовного кодекса. Ни один пункт прусского законодательства не обязывает прокуратуру указывать мотивы, почему она *не* пользуется своим правом возбуждения преследования. И в статье XVI, на которую ссылается Липпе, тоже нет ни звука об этом, В таком случае зачем же на нее ссылаться?

Тогда мой адвокат возбудил *дело в гражданском порядке,* и я свободно вздохнул. Если у прусского правительства не было публичного интереса преследовать Ф. Цабеля, то тем более живой частный интерес для самозащиты имел я. И теперь я

выступил от своего собственного имени. Каков будет *приговор,* мне казалось неважным, только бы удалось привлечь Ф. Цабели к публичному суду. Но представьте себе мое удивление! Вопрос стоял, как я узнал, отнюдь не о судебном рассмотрении моего иска, а о судебном рассмотрении вопроса, имею ли я *право предъявить иск Ф.* Цабелю.

Я узнал, к своему ужасу, что, согласно прусскому судопроизводству, всякий истец, прежде чем судья даст ход жалобе, то есть сделает приготовления к действительному вынесению приговора, должен так изложить свое дело судье, чтобы последний убедился, что вообще имеется *право на иск.* При этом предварительном разборе документов судья может потребовать новых доказательств, или же не принять часть старых, или же найти, что вообще отсутствует право *на иск.* Если судье угодно будет признать наличие права на иск, то он дает ход иску, начинается состязательный процесс, и дело решается вынесением приговора. Если же судья отрицает право на иск, то он отказывает истцу просто per decretum, в порядке *постановления.* Такая процедура присуща не только процессам об оскорблениях, а гражданским процессам вообще. Поэтому может случиться, что иск по поводу оскорбления — как и всякий другой гражданский иск — будет отвергнут всеми инстанциями путем подобного официального *постановления* и, значит, никогда не будет рассмотрен.

Надо согласиться, что законодательство, которое не признает *права на иск* частного лица в его собственных частных делах, нарушает к тому же элементарнейшие основные законы гражданского общества. Право на иск превращается из само собой разумеющегося права самостоятельного частного лица в привилегию, раздаваемую государством через своих чиновников-судей. В каждом отдельном правовом споре государство становится между частным лицом и дверью суда как своей *частной собственностью* и по своему усмотрению открывает или закрывает ее. Сперва судья *постановляет* в качестве чиновника, чтобы потом решать в качестве судьи. Тот самый судья, который, не выслушав обвиняемого, без состязательного процесса *предрешает,* имеется ли право на иск, и который, скажем, становится на сторону жалобщика, то есть решает до некоторой степени в *пользу* правомерности жалобы, следовательно до некоторой степени против обвиняемого, — этот самый судья должен потом на самом процессе *беспристрастно решать* в пользу жалобщика или обвиняемого, то есть должен решать, игнорируя свое собственное предварительное решение. *B* дал *A* пощечину. *A* не может предъявить иск обидчику, прежде чем в самой

вежливой форме не выхлопочет разрешение на это у чиновника-судьи. *А* отказывается возвратить *Б* участок земли. *Б* для защиты на суде своих прав собственника нуждается в предварительном разрешении, которое он может получить или не получить. *Б* публично в печати клевещет на *А*, а чиновник-судья, возможно, «постановляет» втихомолку, что *А* не имеет права преследовать *Б.* Легко понять, к каким чудовищным несообразностям может приводить такая процедура даже в чисто гражданском процессе. Что уж говорить о случаях клеветы, с которой выступают в печати друг против друга политические партии! Во всех странах и даже в Пруссии судьи, как известно, такие же люди, как все. Ведь даже один из вице-председателей королевского прусского верховного суда, г-н д-р *Гёце,* заявил в прусской палате господ, что смута 1848, 1849 и 1850 гг. произвела замешательство в прусской юриспруденции, которой потребовалось некоторое время для ориентировки. Кто поручится д-ру *Гёце,* что он не просчитался во времени, необходимом для ориентировки? Как умудриться, не скажу, разъяснить англичанам, но хотя бы представить как нечто правдоподобное, что в Пруссии право на иск — например, к клеветнику — зависит от *предварительного «постановления»* чиновника, которого к тому же правительство может (см. временное распоряжение от 10 июля 1849 г. и дисциплинарный закон от 7 мая 1851 г.) наказать за так называемое «нарушение служебных обязанностей», сделав ему выговор, наложив на него денежный штраф, переведя его против его воли на другое место или даже с позором уволив с судебной должности?

Дело в том, что я собираюсь опубликовать брошюру на английском языке о своем casus contra* Ф. Цабель. Чего бы ни дал Эдмон Абу, когда он писал свою брошюру «Пруссия в 1860 г.», за указание, что нигде во всей прусской монархии не существует *права на иск,* кроме Рейнской провинции, «облагодетельствованной» Code Napoleon![595] *Страдать* от судов людям приходится повсюду, но лишь в немногих странах им запрещено *жаловаться в суд.*

При таком положении вещей ясно, что *мой процесс* против *Цабеля в прусском суде* незаметно должен был превратиться в *мою тяжбу с прусскими судами* по поводу *Цабеля.* Но, оставив в стороне вопрос о теоретической красоте законодательства, бросим взгляд на практическую прелесть его применения.

8 июня 1860 г. королевский *городской суд* в Берлине вынес следующее *«постановление»:*

* — деле против. *Ред.*

«Постановление о жалобе от 5 июня 1860 г.

по делу об оскорблении, возбужденному Марксом contra *Цабель.*

Дело 38 за 1860 г.

1) В иске отказать за *отсутствием состава преступления,* так как обе инкриминируемые передовые статьи здешней «National-Zeitung» имеют предметом обсуждения *только политическую позицию аугсбургской «Allgemeine Zeitung»* и *историю анонимной листовки «Предостережение»,* а *содержащиеся в них заявления и утверждения, поскольку они исходят от самого автора* и **не состоят из простых цитат других лиц,** *не переступают границ дозволенной критики,* а потому, на основании § 154 уголовного кодекса, не могут считаться наказуемыми, *так как к тому же* ни из *той формы, в какой сделаны* эти заявления, ни *из обстоятельств,* при которых они последовали, не явствует *намерение оскорбить. Берлин,* 8 июня 1860 г.

Королевский городской суд, отделение по уголовным делам.

Комиссия I по вопросам об оскорблениях.

(L. S.*)»

Итак, *городской суд* запрещает мне *привлечь к суду Ф. Цабеля* и избавляет *Цабеля* таким образом от неприятности отвечать за свою публичную клевету! А почему? «За *отсутствием состава преступления».* Прокуратура отказалась выступить в мою пользу против Цабеля за *отсутствием какого-либо очевидного публичного интереса.* А *городской суд* запрещает мне самолично выступить против Цабеля за отсутствием *состава преступления.* А почему нет состава преступления?

Во-первых; «Так как обе передовые статьи «National-Zeitung» касаются *только политической позиции «Allgemeine Zeitung»».*

Так как Цабель предварительно облыжно превратил меня в *«корреспондента «Allgemeine Zeitung»»,* он имеет право сделать меня и козлом отпущения в своей конкурентной грызне с «Allgemeine Zeitung», а я не имею даже права подавать жалобы на это «постановление» всесильного Цабеля! Серная банда, бюрстенгеймеры, complot franco-allemand**, революционный съезд в Муртене, кёльнский процесс коммунистов, фабрикация фальшивых ассигнаций в Женеве, *«дело «Rheinische Zeitung»»* и т. д. и т. д. — все это *касается* **«только** *политической позиции «Allgemeine Zeitung»».*

Во-вторых: Цабель *не* имел *«намерения оскорбить».* Конечно, нет! Добрый малый имел только намерение политически и морально убить меня своей ложью.

Если «демократ» Ф. Цабель утверждает в «National-Zeitung», что я в большом количестве изготовлял фальшивые деньги, фабриковал от имени третьих лиц документы, компрометировал

* — loco sigilli — место печати. *Ред.*

** — французско-немецкий заговор. *Ред.*

проживающих в отечестве людей, угрозой разоблачения вымогая у них деньги и т. д., — то, юридически говоря, Цабель мог иметь при этом целью одно из двух: либо оклеветать меня, либо разоблачить. В первом случае Цабель подлежит наказанию по суду, во втором он обязан доказать на суде истинность своих утверждений. Какое мне дело до прочих субъективных намерений «демократа» Ф. Цабеля?

Цабель клевещет, но «без намерения оскорбить». Он хочет меня обесчестить подобно тому турку, который обезглавил грека без намерения причинить ему боль.

Специфическое *«намерение»* Цабеля *«оскорбить»,* — если только по поводу гнусностей, клеветнически приписываемых мне «демократом» Ф. Цабелем, можно говорить об «оскорблении» и «намерении оскорбить», — *злостное намерение доброго* Цабеля так и пышет из всех пор его передовых статей № I и № II.

«Главная книга» Фогта вместе с приложениями содержит не менее 278 страниц. А Ф. Цабель, привыкший «to draw out the thread of his verbosity finer than the staple of his argument»*, многословный Ф. Цабель, глупец Цабель умудряется из этих 278 страниц сотворить пять небольших газетных столбцов, не пропустив *ни одной* клеветы Фогта против меня и моей партии. Из самых грязных частей книги Ф. Цабель набирает букет, из не столь бьющих в нос делает краткую опись содержания. Ф. Цабель, привыкший две мыслишки-molecules** растягивать на 278 страниц, сгущает 278 страниц в две передовицы, не потеряв при этом процессе даже одного атома подлости. Ira facit poetam***, Сколько же злости понадобилось, чтобы страдающую водянкой голову Цабеля точно волшебством превратить в гидравлический пресс с такой силой давления!

С другой стороны, злоба так затуманивает его взор, что он приписывает мне чудодейственную силу, настоящую чудодейственную силу, — лишь бы только прибавить еще одну подлую инсинуацию.

Начав в первой передовой статье с описания серной банды под моим главенством и благополучно превратив меня и моих партийных товарищей в *«союзников тайной полиции во Франции и Германии»,* а также рассказав между прочим, что «эти люди» ненавидели Фогта, потому что он наперекор им постоянно спасал Швейцарию, Цабель продолжает:

---

* — «искуснее тянуть нить своего многословия, чем нить своих аргументов» (Шекспир. «Бесплодные усилия любви», акт V, сцена первая). *Ред.*

** — молекулы. *Ред.*

*** — Гнев делает поэтом (перефразированные слова из первой сатиры Ювенала). *Ред.*

«Когда Фогт в прошлом году возбудил свое дело против «Allgemeine Zeitung», *последняя* получила *письмо от другого* лондонского *сообщника, Бискампа...* Бесстыднейшим образом автор этого письма предлагал себя... в качестве второго корреспондента наряду с г-ном Либкнехтом. *Неделю спустя после Бискампа Маркс* **также** *написал в «Allgemeine Zeitung». предлагая ей «судебный документ»* в качестве доказательства против Фогта, о *котором»* (документе, доказательстве или Фогте?) *«мы, может быть,* поговорим еще *в другой раз».*

Это обещание Цабель дает 22 января, а 25 января он его уже выполняет в № 41 «National-Zeitung», где мы читаем:

«Таким образом, Блинд не признает себя автором листовки; его впервые... называет таковым Бискамп в письме к «Allgemeine Zeitung» от 24 октября... В целях дальнейшего отстаивания авторства Блинда Маркс пишет 29 октября в «Allgemeine Zeitung»».

Таким образом, Ф. Цабель приписывает мне не однажды, а дважды — сперва 22 января, а потом 25 января, после трех дней размышлений, — чудодейственную силу, дающую мне возможность написать в Лондоне *29 октября 1859 г.* письмо, которое оказывается в окружном суде в Аугсбурге *24 октября 1859* г., и оба эти раза он приписывает мне эту чудодейственную силу для того, чтобы установить связь между посланным мной в «Allgemeine Zeitung» «документом» и зазорным письмом Бискампа в «Allgemeine Zeitung», чтобы изобразить мое письмо как pedisequus* письма Бискампа. Что же кроме злобы, самой оголтелой злобы, могло сделать этого Цабеля способным поверить в чудо круглым дураком, глупость которого значительно превышала обычную?

Но, «продолжает свою защиту» *городской суд,* передовая статья Цабеля № II имеет «предметом обсуждения» *«только историю анонимной* листовки «Предостережение»». *Предметом?* Следует сказать *предлогом.*

Эйзеле-Бейзеле, скрывшиеся на этот раз под именем *«друзей отечества»,* послали, повидимому, в ноябре 1859 г., Национальному союзу «открытое письмо»[596], перепечатанное в реакционной «Neue Hannoversche Zeitung». «Открытое письмо» превысило меру цабелевской «демократии», уравновешивающей свое львиное мужество перед лицом династии Габсбургов раболепием перед династией Гогенцоллернов. Для «Neue Preusische Zeitung» «открытое письмо» послужило поводом сделать отнюдь не оригинальное открытие, что если демократия на чем-нибудь начинается, то она вовсе не обязательно кончается на — **Ф. Цабеле** и его «органе демократии». Цабель рассвирепел и написал передовую статью № II: *«Как фабрикуют радикальные листовки».*

* — шедшее по стопам. *Ред.*

«Приглашая», — говорит наш важный Цабель, — «приглашая «Kreuz-Zeitung» просмотреть с нами историю возникновения листовки («Предостережение») *на основе* сообщенных *Фогтом* документов и *разъяснений,* мы надеемся добиться от нее, в конце концов, признания, что мы все-таки были правы, говоря два месяца тому назад, что открытое письмо Национальному союзу годится для нее, а не для нас, что оно было составлено *для ее столбцов,* а не для наших».

Таким образом, radicaliter* посвященный Фогтом в тайны радикализма, «демократ» Цабель собирается, со своей стороны, посвятить и «Kreuz-Zeitung» в тайну, «как фабрикуют радикальные листовки», или же, как выражается городской суд, *«иметь предметом обсуждения* **только** *историю листовки «Предостережение»».* Как же принимается за это дело Цабель?

Он начинает с «тактики» «партии «пролетариев» *под главенством Маркса».* Сперва он рассказывает, как «пролетарии *под главенством Маркса»* за спиной одного Общества рабочих, но *от его имени* ведут переписку из Лондона с заграничными обществами рабочих, *«скомпрометировать* которые *имеется в виду»,* пускают в ход «интриги», организуют тайный союз и т. д. и, наконец, фабрикуют «документы»... «неизбежно навлекающие преследования полиции» против обществ, «скомпрометировать которые имеется в виду». Итак, чтобы просветить «Kreuz-Zeitung» в том, «как фабрикуют радикальные листовки», Цабель объясняет сначала, как «партия «пролетариев» *под главенством Маркса»* фабрикует «письма» и «документы» полицейского характера, отнюдь не являющиеся «листовками». Чтобы рассказать, «как фабрикуют радикальные листовки», он рассказывает далее, как «пролетарии *под главенством Маркса»* в 1852 г. в Женеве фабриковали «*в большом количестве фальшивые ассигнации»,* то есть опять-таки не «радикальные листовки». Чтобы рассказать, «как фабрикуют радикальные листовки», он сообщает, как «пролетарии *под главенством Маркса»* прибегали в 1859 г. на лозаннском Центральном празднестве к враждебным Швейцарии и компрометирующим общества рабочих *«маневрам»,* то есть опять-таки не к «радикальным листовкам»; оповещает, как «Бискамп и *Маркс»* на средства, источники которых только «богам» известны, стали выпускать «Volk», опять-таки не «радикальную листовку», а еженедельную газету; и после всего этого он старается замолвить благожелательное словечко за незапятнанную чистоту фогтовского вербовочного бюро, которое опять-таки не было «радикальной листовкой». Так заполняет он 2 из $3^1/_4$ столбцов статьи: *«Как фабрикуют радикальные листовки».* Таким образом, для этих двух третей

* — радикально. *Ред.*

его статьи *история* анонимной листовки служит только *предлогом,* чтобы изложить фогтовские гнусности, о которых «друг» и сообщник *Ф. Цабель* не успел еще поведать миру под рубрикой: *«Политическая позиция* «Allgemeine Zeitung»». Лишь в самом конце Дунс I добирается до искусства «фабриковать радикальные листовки», именно до «истории» листовки «Предостережение».

«Блинд не признает себя автором листовки; его впервые нагло называет таковым Бискамп в письме в «Allgemeine Zeitung» от 24 октября... В целях *дальнейшего отстаивания* авторства Блинда *Маркс* пишет 29 октября в «Allgemeine Zeitung»: «Я достал *прилагаемый документ,* ввиду того, что Блинд отказался подтвердить сделанные им мне и другим лицам заявления»».

Подлинность этого документа кажется Цабелю подозрительной потому, что Либкнехт... «странным образом» прибавляет: «Мы хотели, чтобы магистрат (?)» (этот вопросительный знак стоит в тексте у Цабеля) «заверил подлинность наших подписей» — а Цабель раз навсегда решил не признавать никаких других магистратов, кроме берлинского. Цабель сообщает далее содержание заявления Фёгеле, которое побудило Блинда послать в «Allgemeine Zeitung» свидетельства Холлингера и Вие в доказательство того, *что листовка не была набрана в типографии Холлингера,* а значит не *была написана* Блиндом, и продолжает:

«Всегда находчивый Маркс отвечает в «Allgemeine Zeitung» 15 ноября».

Цабель перечисляет различные пункты моего ответа. Маркс говорит то... Маркс говорит это... **«кроме того** *Маркс* ссылается». Значит, так как я *«кроме того»* ничего не говорю, то Цабель, конечно, сообщил своим читателям *все* пункты моего ответа? Вы плохо знаете Цабеля! Он замалчивает, скрывает, *утаивает,* решающий пункт моего ответа. В своем заявлении от 15 ноября* я привожу под номерами ряд различных пунктов, то есть: 1) ... 2) ... наконец, 3) «... Случайно перепечатка (листовки) в газете «Volk» была сделана с набора листовки, еще сохранившегося в типографии Холлингера. Таким образом, и *без свидетельских показаний,* путем простого сличения листовки с ее перепечаткой в «Volk», можно было бы *доказать на суде, что она вышла из типографии Ф. Холлингера».* Это решает все дело, сказал себе Цабель, этого не должны узнать мои читатели. И вот он ловко утаивает убедительнейшее место моего ответа, приписывая мне зато подозрительную находчивость. Так Цабель рассказывает «историю листовки», два раза умышленно прибегая к фальсификации — сперва хронологии, а затем содер-

* См. настоящий том, стр. 697 — 698. *Ред.*

жания моего заявления от 15 ноября. Путем этой *двойной фальсификации* он приходит к заключению, *что я «сфабриковал» листовку,* притом так, что она «выглядела как изделие» Блинда и что, следовательно, я под видом свидетельства Фёгеле также послал в «Allgemeine Zeitung» ложное свидетельство и вполне *сознательно.* Обвинение в фабрикации документов с намерением приписать авторство их третьему лицу «не переступает», по мнению берлинского *городского суда,* «границ дозволенной критики» и тем более не содержит в себе «намерение оскорбить».

В конце своего рецепта «Как фабрикуют радикальные листовки» Цабель вспоминает вдруг, что он не поведал еще об *одной* бесстыдной выдумке Фогта, и он мигом в конце своей передовой статьи № II наспех набрасывает такого рода заметку:

«В 1850 г. было отправлено другое циркулярное послание «пролетариям» Германии, составленное (как полагает Фогт) парламентским Вольфом, alias *казематным Вольфом,* которое *одновременно* было подсунуто ганноверской полиции».

Сообщив этот милый полицейский анекдот об одном из бывших редакторов «Neue Rheinische Zeitung», толстяк и демократ Цабель, ухмыляясь, раскланивается со своими читателями. Слова «alias казематный Вольф» принадлежат не Фогту, а Ф. Цабелю. Его силезские читатели должны точно знать, что речь идет об их земляке *В. Вольфе,* одном из бывших редакторов «Neue Rheinische Zeitung». Как заботливо добрый Цабель старается до мелочей установить связь «Neue Rheinische Zeitung» с полицией во Франции и Германии! Его силезцы могли бы, пожалуй, подумать, что речь идет о его, Цабеля, собственном *Б. Вольфе, о* его естественном начальнике (natural superior), который, как известно, в «тайном союзе» с известными фабрикантами лживых депеш — *Рейтером* в Лондоне и *Гавасом* в Париже — передает по телеграфу на свой лад события всемирной истории. Однако душой агентства Рейтера, а значит и единством, одушевляющим троицу *Б. Вольф — Рейтер — Гавас,* является известный тайный полицейский агент *Зигмунд Энглендер.*

Вопреки всему этому и вопреки намерению демократа Цабеля не оскорблять, берлинский *городской суд* заявляет, что в обеих передовых статьях Цабеля все-таки «содержатся заявления и утверждения», которые «переступают границы дозволенной критики», значит, «наказуемы» и уже, во всяком случае, могут стать *предметом иска.* Так где же Цабель! Подать мне сюда Цабеля, чтобы он корчился от страха перед судом! Стоп! — восклицает *городской суд.* Сделанные в обеих передовых статьях

«заявления и утверждения», говорит городской суд, *«поскольку* они исходят от самого автора» (Цабеля) «и **не состоят из простых цитат других лиц»**, не переступают «границ дозволенной критики», не «наказуемы», и поэтому Цабеля не только нельзя наказать, но и нельзя подать на него жалобу в суд; «дело подлежит прекращению, издержки a conto* истца». Итак, клеветническая часть «заявлений и утверждений» Цабеля представляет *«простые цитаты».* Voyons!**

Из вводной части этого отдела вы помните, что мое обвинение в клевете основывается на 4 пунктах из обеих передовых статей Цабеля. В пункте о денежных источниках «Volk» (второй из вышеприведенных пунктов жалобы) *сам Цабель не говорит,* что он цитирует, и действительно, он не цитирует:

Цабель («National-Zeitung» № 41)

«Откуда брались деньги для этой щедро раздававшейся газеты» («Volk»), «знают боги; что у Маркса и Бискампа лишних денег нет, знают люди».

Фогт («Главная книга», стр. 212)

«Постоянный корреспондент «Allgemeine Zeitung» сотрудничает в этой газете» («Volk»), «основанной на неизвестные суммы, так как ни у Бискампа, ни у Маркса нет необходимых для *этого* средств» (именно для того, чтобы основать на *неизвестные суммы* газету?).

Во втором инкриминируемом месте (выше, пункт 4), где на меня возводят обвинение в фабрикации документа от имени Блинда, Цабель даже *категорически* заявляет, что **он** говорит от *своего,* Цабеля, имени, а не от имени Фогта.

«Нам» — как властелин в царстве Dulness, Цабель пользуется, разумеется, pluralis majestatis*** — **«нам** *кажется,* что последней» (партии Маркса) «не очень трудно было сделать его» (Блинда) «козлом отпущения... воспользовавшись этими высказываниями и оборотами речи Блинда, можно было так *сфабриковать* листовку, чтобы она *выглядела* как *его»* (Блинда) «изделие» («National-Zeitung» № 41).

Третье инкриминируемое мной место (выше, пункт 3) я должен снова «процитировать» целиком:

«Таким образом в 1852 г. против швейцарских обществ рабочих был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций *(подробности смотри у Фогта),* заговор, который причинил бы швейцарским властям величайшие неприятности, если бы он не был своевременно раскрыт».

* — за счет. *Ред.*
** — Посмотрим! *Ред.*
*** — множественным числом августейших особ. *Ред.*

Разве это *«простая цитата»,* как утверждает *городской суд,* и вообще цитата ли это? Это отчасти плагиат из Фогта, но *ни в коем случае не цитата.*

Прежде всего *сам Цабель* утверждает, что он не цитирует, а говорит от собственного имени, указывая в скобках своему читателю «подробности смотри у Фогта». А теперь рассмотрим это место. В Женеве знали, что *Шерваль* прибыл в Женеву только *весной 1853 г.,* что его «заговор» и бегство произошли *весной 1854 года.* Поэтому Фогт в Женеве не осмеливается говорить, что «заговор» был «затеян... в 1852 *году».* Эту ложь он предоставляет доброму Цабелю в Берлине. Далее Фогт говорит:

«Сам Ньюджент» (Шерваль) «уже *приготовил* для этой цели» (фабрикации фальшивых банкнот и т. д.) «различные каменные и медные клише» («Главная книга», стр. 175).

Итак, различные каменные и медные клише *уже* были сделаны для изготовления фальшивых денег, но *еще* не были сфабрикованы банкноты и казначейские билеты. У *Цабеля,* напротив, уже произошла — и притом *«массовая»* — «фабрикация фальшивых ассигнаций». Фогт говорит, что согласно уставу «целью» заговора Шерваля была

«борьба с деспотизмом его же собственными средствами, — именно массовой фабрикацией фальшивых банкнот и казначейских билетов» (l. c.)

Цабель вычеркивает борьбу с деспотизмом, ограничиваясь только «массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций». Итак, у Цабеля простое уголовное преступление, даже не прикрашенное для членов «тайного союза» ложной ссылкой на политические цели. *Таким* манером Цабель вообще «цитирует» «Главную книгу». *Фогту* пришлось составлять из своих охотничьих рассказов «книгу». Поэтому он детализирует, плетет, делает кляксы, пачкает, красит, мажет, возится, развивает, запутывает, мотивирует, сочиняет, fa del cul trombetta*, — а душа Фальстафа так и проглядывает всюду сквозь мнимые факты, которые он бессознательно своим же собственным повествованием обращает в их первоначальное ничто. Цабель же, который должен был сжать книгу до размера двух передовиц и старался не пропустить ни одной подлости, отбрасывает все, кроме caput mortuum** каждого мнимого «факта», нанизывает рядами эти сухие кости клеветы одну за другой и потом с фарисейским усердием перебирает эти четки.

* — зад в трубу превращает (Данте. «Божественная комедия», «Ад», песнь XXI). *Ред.*

** — буквально: мертвой головы; в переносном смысле: мертвых останков. *Ред.*

Для примера возьмем рассматриваемый нами случай. К открытому мною впервые факту, что Шерваль является тайным полицейским агентом, состоящим на жалованье у различных иностранных миссий, agent provocateur*, Фогт пристегивает свои выдумки. Вот что он между прочим пишет:

«Сам Ньюджент» (Шерваль) *«уже* приготовил для этой цели» (для подделки денег) «различные каменные и медные клише, *уже* были намечены легковерные члены тайного союза, которые должны были отправиться с пакетами этих» (еще не сфабрикованных) «фальшивых банкнот во Францию, Швейцарию и Германию; но *уже последовали и доносы в полицию,* которыми между тем постыдно опутывались общества рабочих и т. д.» («Главная книга», стр. 175).

Таким образом у *Фогта* Шерваль *уже доносит* полиции о своих собственных операциях, когда он *еще только* изготовил необходимые для производства фальшивых денег каменные и медные клише, когда цель его заговора еще не достигнута, когда corpus delicti** еще отсутствует и никто, кроме него самого, еще не скомпрометирован. Но фогтовский Шерваль спешит «постыдно» втянуть в свой «заговор» «общества рабочих». *Иностранные миссии,* пользующиеся услугами Шерваля, так же глупы, как Шерваль, и так же поспешно

«в секретных запросах обращают внимание швейцарской полиции на то, что в обществах рабочих ведутся какие-то политические интриги и т. д.».

В то же самое время эти простофили — посланники, не имеющие терпения дать созреть заговору, который по их же поручению высиживает Шерваль, и в своем детском нетерпении бесполезно компрометирующие своего агента, расставляют на «границах» жандармов, чтобы, — «если дело зайдет так далеко», как они не дали ему зайти, — «поймать» шервалевских эмиссаров с «фальшивыми банкнотами», изготовлению которых они помешали,

«и использовать эту историю для общей травли, при которой масса невинных должна была бы расплачиваться за проделки нескольких негодяев».

Когда *Фогт далее* говорит: «план всего этого заговора был задуман *чрезвычайно гнусно»,* то каждый согласится с ним, что он был задуман *чрезвычайно глупо,* а когда Фогт хвастливо заканчивает:

---

* — провокатором. *Ред.*
** — состав преступления. *Ред.*

«Я не отрицаю, что я внес **мой существенный вклад,** чтобы расстроить эти *дьявольские планы»,*

то всякий поймет pointe* этого замечания и не преминет расхохотаться над нашим веселым малым. Сравним теперь с этим сухую, как летопись монаха, версию Цабеля!

«Таким образом, в 1852 г. против швейцарских обществ рабочих был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (подробности смотри у Фогта), заговор, который причинил бы швейцарским властям величайшие неприятности, если бы он не был своевременно раскрыт».

Здесь всего в одну только короткую фразу втиснута целая куча столь же сухих, сколь и позорных фактов: «постыднейший заговор» с датой 1852 года; «массовая фабрикация фальшивых ассигнаций», то есть обычное уголовное преступление; умышленное компрометирование «швейцарских обществ рабочих», то есть предательство по отношению к собственной партии; «величайшие неприятности» для «швейцарских властей» в перспективе, то есть agent provocateur, действующий в интересах континентальных деспотов против Швейцарской республики; наконец, «своевременное раскрытие заговора». Здесь критика теряет все опорные пункты, имевшиеся в фогтовском изложении, — они просто ловко устранены. Нужно верить или не верить. Таким же образом Цабель обрабатывает всю «Главную книгу», поскольку дело идет обо мне и моих партийных товарищах. *Гейне* прав, говоря, что ни один человек не опасен так, как взбесившийся осел.

Наконец, четвертое инкриминируемое мной место (выше, пункт 4), которым открываются в передовой статье № I разоблачения о серной банде, *Цабель* начинает следующими словами: *«Фогт сообщает на стр. 136 и следующих».* Цабель не говорит здесь, резюмирует ли он или цитирует. Он остерегается употреблять кавычки. В действительности *он не цитирует.* Этого и следовало ожидать, так как Цабель сжимает 136, 137, 138, 139, 140 и 141 страницы «Главной книги» в **51** строку приблизительно по 48 букв каждая, не отмечает никаких пропусков, напротив, спрессовывает предложения одно с другим, точно голландские селедки, и к тому же находит на пятьдесят одной строке место для собственного творчества. Там, где он встречает особенно грязную фразу, он берет ее в свой узелок почти в неизменном виде. Впрочем, эти выдержки он размещает вперемешку, не в порядке страниц «Главной книги», а так, как ему для его целей нужно. К голове одной фогтовской фразы он

* — соль (буквально; острие). *Ред.*

приделывает хвост другой фразы. Для составления *одного* предложения он опять-таки пользуется словечками из дюжины фогтовских фраз. Там, где у Фогта стилистический мусор мешает ярко осветить клевету, там Цабель убирает этот мусор. *Фогт,* например, говорит:

«так компрометировать проживающих в отечестве лиц, что *они* должны были *не противиться попыткам вымогательства* и платить деньги».

Цабель же говорит:

«так компрометировать, что они должны были платить деньги».

В других случаях Цабель *изменяет* то, что ему кажется *двусмысленным* в лишенном стиля фогтовском изложении. Так, *Фогт* говорит,

«... что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила в тайне компрометирующие *их* факты».

Цабель же пишет:

«чтобы банда хранила тайну и *не* компрометировала их».

Наконец, *Цабель* вставляет целые фразы *собственного* изготовления, как, например:

«Серная банда подчиняла своих приверженцев строжайшей дисциплине», и «они», — а именно *«эти собратья... продолжавшие в среде эмигрантов дело «Rheinische Zeitung»»,* — **«стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии».**

Итак, из четырех инкриминируемых мной мест три, *по словам самого же Цабеля,* принадлежат *Цабелю,* между тем как четвертое, якобы «цитата», хотя и перемешана с цитатами, *отнюдь не цитата,* и тем менее *«простая цитата»,* как уверяет *городской суд,* и уж менее всего цитата из *«других лиц»,* во множественном числе, как утверждает тот же самый *городской суд.* Наоборот, во всех *«заявлениях и утверждениях»* Цабеля обо мне не имеется *ни одной строчки,* которая содержит «критику и суждения» («дозволенные» или «недозволенные»).

Но допустим, что *фактическая предпосылка городского суда* настолько же истинна, насколько она в действительности ложна; допустим, что *Цабель* только *цитировал* свои клеветнические заявления обо мне. Разве это обстоятельство действительно дает *городскому суду законное право запретить* мне предъявить *иск Ф. Цабелю?* В «постановлении», которое я сейчас приведу ниже, королевский **прусский апелляционный суд,** наоборот, разъясняет, что

«в вопросе о составе преступления, согласно § 156 уголовного кодекса, **ничто** *не меняется* от того, окажутся ли приводимые в названных статьях факты *собственными утверждениями автора* или же **цитатами** из утверждений третьих лиц».

Таким образом, цитата или не цитата, но «демократ» Цабель ответственен за свои «утверждения». *Городской суд* уже *разъяснил,* что Цабель высказал обо мне «наказуемые» сами по себе утверждения, но *только* они представляют собой **цитаты и потому** защищены как броней. Долой этот *юридически ложный* предлог! — восклицает **апелляционный суд.** Итак, наконец, я могу поймать Цабеля, дверь суда раскроется, Italiam, Italiam!*

Мой адвокат подал в *апелляционный суд* жалобу на постановление *городского суда* и получил *11 июля 1860 г.* следующее *«постановление»:*

«В помещенных в номерах 37 и 41 «National-Zeitung» от 22 и 25 января текущего года передовых статьях под названиями «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»» и «Как фабрикуют радикальные листовки» нельзя усмотреть клеветы на истца, д-ра Карла Маркса из Лондона. Хотя в вопросе о составе преступления, согласно § 156 уголовного кодекса, ничто не меняется от того, окажутся ли приводимые в названных статьях факты собственными утверждениями автора или утверждениями третьих лиц, все же нельзя препятствовать печати подвергать обсуждению и критике деятельность партий и их публицистические споры, поскольку в форме полемики не проглядывает *намерение оскорбить,* чего *нельзя предположить* в данном случае.

В упомянутых статьях преимущественно освещены: конфликт между взглядами д-ра Карла Фогта, с одной стороны, и аугсбургской «Allgemeine Zeitung», с другой, по вопросу о поддержке интересов итальянцев или интересов австрийцев в связи с последней войной; участие в этом конфликте так называемой *немецкой эмиграции* в Лондоне, выступившей на стороне аугсбургской «Allgemeine Zeitung» против Фогта, а также и вообще *партийные раздоры* и интриги этих эмигрантов друг против друга!

Если в ходе этого изложения в круг рассматриваемых вопросов привлечены отношение *истца* к этим партиям и его частичное участие в их домогательствах, особенно его старания помочь аугсбургской «Allgemeine Zeitung» *в ее полемике* с Фогтом предоставлением фактического материала, то соответствующие указания в обеих статьях находят в приводимых *самим истцом в его жалобе* фактах *скорее подтверждение, чем опровержение, которого он добивается.* И если он далее утверждает, что его в *оскорбительной для его чести* форме *идентифицируют* с партийными интригами, которые в названных статьях резко клеймятся как *эксцентричные,* или как *беспринципные* и *бесчестные,* то утверждение это нельзя признать обоснованным. *В самом деле,* если первая статья *указывает* на основании сообщения Фогта, «что эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне и там в качестве своего видного главы почитала г-на Маркса», а о письме Техова говорит: «... из которого можно видеть, как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых

* — Италия, Италия! (Вергилий. «Энеида», книга третья). *Ред.*

рукавицах серную банду», то здесь по существу дана только характеристика так называемой Фогтом серной банды, а не выпад против Маркса, который, наоборот, изображается здесь как человек, обладающий превосходством и способный обуздать других; и менее всего статья связывает его особу с теми людьми, которые обвиняются в вымогательстве и доносах. Точно так же во второй статье нигде не говорится, что истец приписывал авторство листовки «Предостережение» упомянутому Блинду, *будучи убежден в противном,* и переслал в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» *заведомо* неверные свидетельства третьих лиц. Но что свидетельство наборщика Фёгеле оспаривалось, это признает и сам истец в своей жалобе, приводя противоположные утверждения типографа Холлингера и наборщика Вие. Кроме того, по его собственным показаниям, автором листовки признал себя впоследствии некий Шайбле, притом лишь *после того,* как появились обе статьи «National-Zeitung».

Поэтому жалоба от 21-го прошлого месяца на отрицательное постановление королевского городского суда от 8-го того же месяца должна быть признана необоснованной, и настоящим в ней отказывается. Ввиду отклонения необоснованной жалобы следует внести немедленно — во избежание принудительного взыскания — 25 зильбергрошей в кассу сборов местного городского суда.

Берлин, 11 июля 1860 г.

Уголовный сенат королевского апелляционного суда. II отделение

Гутшмидт. Шульце

Д-ру фил. Карлу Марксу через г-на юстицрата Вебера, здесь».

Когда я получил это *«постановление»* от своего г-на адвоката, я при первом чтении проглядел вступление и заключение и, ввиду своего незнакомства с прусским правом, решил, что предо мной копия *документа,* посланного «демократом» Ф. Цабелем в апелляционный суд *в свою защиту.* То, что Цабель, — говорил я себе, — сообщает о «взглядах (см. приложение 15) д-ра Карла Фогта и аугсбургской «Allgemeine Zeitung»», об «интересах итальянцев и интересах австрийцев», попало в его plaidoyer*, конечно, по ошибке из статьи, подготовлявшейся для «National-Zeitung».

Однако «демократ» Ф. Цабель *ни одним звуком* не обмолвился об этих взглядах и интересах в посвященных *мне* четырех столбцах обеих его передовых статей, в которых всего едва наберется шесть столбцов, Цабель говорит в своем plaidoyer, что я

«помог аугсбургской «Allgemeine Zeitung» в ее *полемике* с Фогтом предоставлением фактического материала».

Процесс Фогта против «Allgemeine Zeitung» он называет *полемикой «Allgemeine Zeitung» против Фогта.* Если бы процесс и полемика были тождественными вещами, то разве мне нужно

* — защиту, защитительную речь. *Ред.*

было бы разрешение прокурора, городского суда, апелляционного суда и т. д. для моей «полемики» с Цабелем? Но Цабель даже уверяет, будто «соответствующие указания» в обеих его статьях о моих отношениях к «Allgemeine Zeitung» находят в мной самим «приводимых фактах скорее *подтверждение,* чем опровержение, которого я добивался». *Скорее — чем?* Jus* знает только: или — или. Какие же это были «соответствующие указания» Цабеля?

«Соответствующие указания» Цабеля в передовой статье № I на мои отношения к «Allgemeine Zeitung» были:

1) Либкнехт-де сделался, в результате официально выданного ему мной свидетельства, корреспондентом «Allgemeine Zeitung». В своей жалобе в суд я уличал Цабеля во лжи, но считал лишним приводить другие «факты» об этой нелепице, 2) Цабель утверждает, что я послал 29 октября из Лондона в «Allgemeine Zeitung» «судебный документ», который 24 октября оказался в окружном суде в Аугсбурге, и он нашел подтверждение этого «указания» в приводимых мной «фактах»! Из приводимых в моей жалобе в суд фактов Цабель усмотрел, правда, что — независимо от каких бы то ни было политических соображений — посылка мной документа, касающегося *происхождения* листовки «Предостережение», стала необходимой, после того как Фогт еще до начала процесса пытался *публично* навязать мне авторство этой листовки. 3) «Указание» Цабеля, будто я один из корреспондентов «Allgemeine Zeitung», *я* опроверг подлинными документами. Цабелевская *передовая статья* № II «Как фабрикуют радикальные памфлеты» содержала — как уже раньше указано — о моих отношениях к «Allgemeine Zeitung» лишь те «соответствующие указания», что я сам сфабриковал «Предостережение», приписал его Блинду и при помощи ложного свидетельства Фёгеле пытался доказать, что это — стряпня Блинда. Нашли ли эти «соответствующие указания в приведенных «в моей жалобе» фактах скорее подтверждение, чем опровержение, которого я добивался»? Сам Цабель признается в обратном.

Мог ли Цабель знать, что Шайбле был автором листовки «Предостережение»? Должен ли был Цабель верить, что «оспариваемое», по моему собственному признанию, свидетельство наборщика Фёгеле верно? Но откуда видно, что я приписывал Цабелю эту осведомленность или эту веру? Моя жалоба имеет, «наоборот», отношение к «соответствующему указанию» Цабеля, будто я так *«сфабриковал* листовку, чтобы она *выглядела, как*

* — Право. *Ред.*

его» (Блинда) «изделие» и будто я пытался потом, при помощи свидетельства Фёгеле, доказать, что она является стряпней Блинда.

Наконец, я наткнулся на одно положение, выдвинутое Цабелем в свою защиту, которое показалось мне, по меньшей мере, интересным.

«Если», — говорит он, — «если он» (истец Маркс) «далее утверждает, что его в *оскорбительной для его чести форме идентифицируют* с партийными интригами» (серной банды), «которые в названных статьях» (передовых статьях Цабеля) «резко клеймятся как *эксцентричные* или как *беспринципные* и *бесчестные,* то утверждение это нельзя признать обоснованным... *Менее всего статья связывает его особу с теми людьми, которые обвиняются в вымогательстве и доносах».*

Цабель не принадлежит, очевидно, к тем римлянам, о которых сказано: «rnemoriam quoque cum voce perdidissimus»*. Память он потерял, но не язык. Цабель превращает не только серу, но и серную банду из кристаллического состояния в жидкое, а из жидкого в парообразное, чтобы красными парами затуманить мне голову. Серная банда, — утверждает он, — «партия», с «интригами» которой он никогда не *«идентифицировал»* меня и с «вымогательствами и доносами» которой он никогда не связывал даже «связанных» со мной людей. Придется превратить серные пары в серный цветок.

В *передовой статье* № I («National-Zeitung» № 37, 1860 г.) Цабель начинает свои «соответствующие указания» о *серной банде с* того, что называет *«Маркса»* ее «видным главой». Второй член серной банды, которого он, правда, «для дальнейшей характеристики» ее не называет, но которого имеет в виду, — Фридрих Энгельс. А именно, он ссылается на то письмо, где Техов рассказывает о своей встрече со мной, Фр. Энгельсом и К. Шраммом. Обоих последних Цабель отмечает для иллюстрации серной банды. Тут же он упоминает о *Шервале* как о лондонском эмиссаре. Затем очередь доходит до Либкнехта.

«Этот Либкнехт, in nomine omen**, — один из раболепнейших приверженцев *Маркса...* Либкнехт немедленно по своем прибытии поступил на службу к *Марксу* и заслужил полное доверие своего хозяина».

Вслед за Либкнехтом идет *«Оли»,* «тоже канал серной банды», Наконец, «другой лондонский *сообщник Бискамп».* Все эти сообщения следуют одно за другим в передовице № I, но в конце передовицы № II дополнительно называется еще один член серной банды, *В. Вольф* — «парламентский Вольф, alias казе-

* — «вместе с языком мы потеряли и память». *Ред.*

** — как указывает само имя (вторая часть фамилии Либкнехта — кнехт (Knecht) означает по-немецки «раб», «слуга»). *Ред.*

матный Вольф», — которому поручено важное дело: «рассылать циркулярные послания». Итак, согласно «соответствующим указаниям» Цабеля, *серная банда* состоит из: главы серной банды — Маркса; иллюстрации серной банды — Ф. Энгельса; лондонского эмиссара серной банды — Шерваля; «одного из раболепнейших приверженцев» Маркса — Либкнехта; **«тоже** канала серной банды — Оли»; *«другого»* лондонского «сообщника» — Бискампа; наконец, составителя посланий серной банды — Вольфа.

Состряпанная таким образом *серная банда* фигурирует у Цабеля в первых 51 строках под различными сменяющимися *наименованиями:* «серная банда, или также бюрстенгеймеры», «собратья, продолжавшие в среде эмигрантов *дело* «**Rheinische Zeitung»»,** *«пролетарии»* или, как говорится в передовой статье № II «партия «пролетариев» под главенством *Маркса».*

Таковы персонал и наименования серной банды. *Организацию* ее Цабель дает в своих «соответствующих указаниях» коротко и метко. *«Маркс» — «глава».* Сама *серная банда* образует круг его *«наиболее близких»* приверженцев или, как говорит Цабель во второй передовой статье, *«узкую партию Маркса».* Цабель сообщает даже отличительный признак, по которому можно узнать *«узкую партию Маркса».* Член узкой партии Маркса должен был хоть раз в своей жизни увидеть Бискампа.

«Он», — говорит Цабель в передовой статье № II, — «он» (Блинд) «заявляет, что никогда в жизни не видел Бискампа, — *очевидно, он не член* **узкой партии Маркса».**

Таким образом, «узкая партия Маркса», или собственно серная банда, — является pairie* банды, которое нужно отличать от третьей категории, от толпы *«приверженцев»* или от «этой заботливо сохраняемой *компании бездельников».* Итак, вначале глава Маркс, затем собственно «серная банда», или «узкая партия Маркса», и, наконец, толпа «приверженцев» или «компания бездельников». Серная банда, разделенная на эти три категории, живет в условиях чисто спартанской дисциплины. *«Серная банда»,* — говорит Цабель, — «подчиняла своих *приверженцев* строжайшей дисциплине», в то время как, с другой стороны, *«Маркс...* держит в ежовых рукавицах *серную банду».* Само собой разумеется, что в столь хорошо организованной «банде» характерные для нее «интриги», ее «основные занятия», подвиги, совершаемые ею в качестве банды — все это делается по приказанию ее главы и нарочито изображается Цабелем как дела

* — пэрством. *Ред.*

этого главы, держащего банду в ежовых рукавицах. Каковы же были, так сказать, профессиональные занятия банды?

«Одним из главных занятий серной банды было так компрометировать проживающих в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. Не одно, сотни писем посылались в Германию с угрозой разоблачить причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег... Всякого, выступавшего против **этих** интриг, не просто компрометировали среди эмигрантов, но и губили в печати. «Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии *своими доносами* на тех демократов, которые не признавали их; они стали *союзниками* тайной полиции во Франции и Германии и т. д.» («National-Zeitung» № 37).

Начав эти «соответствующие указания» относительно серной банды замечанием, что я ее «видный глава», перечислив «главные занятия» серной банды, то есть вымогательство денег, доносы и т. д., Цабель заканчивает свое общее описание серной банды следующими словами:

«*... они стали союзниками тайной полиции во Франции* и *Германии.* Для *дальнейшей* характеристики Фогт приводит письмо бывшего лейтенанта Техова от 26 августа 1850 г. ... из которого можно видеть, *как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду».*

После того как Цабель в начале своего описания серной банды заставил «почитать» меня в качестве «видного главы», его охватывает опасение, что читатель может допустить существование за видным главой еще и невидного главы, или же подумать, что я, как далай-лама, довольствуюсь «почитанием». Поэтому он превращает меня в конце своего описания (говоря уже *своими* словами, а не словами *Фогта)* из просто «видного» главы в главу с ежовыми рукавицами, из далай-ламы в Наполеона серной банды. И именно это место Цабель приводит в своем plaidoyer в *доказательство* того, что он *не «идентифицировал»* меня с «партийными интригами» серной банды, которые в своих статьях он «резко клеймит как *эксцентричные* или как *беспринципные* и *бесчестные».* Нет же, не совсем так! Он меня *«идентифицировал»,* но *не* в *«оскорбительной для моей чести форме».* Он, «наоборот», оказал мне *честь,* произведя меня в Наполеона вымогателей, шантажистов, mouchards, agents provocateurs, фальшивомонетчиков и т. д.: Цабель заимствует, очевидно, свои понятия о чести из лексикона *декабрьской банды.* Отсюда и этот эпитет — «наполеоновский». Но я и привлекаю его к суду как раз за эту *честь,* которую он оказал мне! Я убедительно **доказал** приведенными в моей жалобе в суд «фак-

тами», — настолько убедительно, что Цабель ни за что не хочет последовать моему приглашению явиться в суд, — я **доказал,** что все его «соответствующие указания» о серной банде — лживые выдумки Фогта, на которые Цабель «указывает» лишь для того, чтобы иметь возможность *«почтить»* меня как Наполеона этой серной банды. Но разве он не изображает меня человеком, «обладающим превосходством и способным обуздать» других? Разве я, по его словам, не подчиняю банду *дисциплине?* Он сам рассказывает, в чем заключалось обуздывание, превосходство, *дисциплина.*

«Серная банда подчиняла своих приверженцев *строжайшей дисциплине.* Тот из них, кто пытался каким-нибудь образом добиться преуспеяния в гражданской жизни, уже только в силу одного своего стремления стать независимым считался изменником революции... В этой заботливо сохраняемой компании бездельников, путем распространения слухов, писем и т. д., вызывались раздоры, драки, дуэли».

Но Цабель не ограничивается этим *общим описанием* «партийных интриг» серной банды, с которыми он меня с почтением «идентифицирует».

«Известный член партии Маркса» *Либкнехт,* «один из раболепнейших приверженцев Маркса, заслуживший полное доверие своего хозяина», умышленно компрометирует рабочих в Швейцарии «революционным съездом в Муртене», где он, ликуя, «предает их в руки», поджидающих «жандармов». Этому «некоему Либкнехту приписывалось во время кёльнского процесса составление фальшивой книги протоколов» (Цабель забывает, разумеется, сказать, что лживость этой выдумки Штибера была официально *доказана* еще во время разбирательства дела). *Вольф,* один из бывших редакторов «Neue Rheinische Zeitung», посылает из Лондона «циркулярное послание пролетариям», которое «он одновременно подсовывает ганноверской полиции».

Изображая столь «известных» связанных со мной людей агентами тайной полиции, Цабель, с другой стороны, связывает меня с «известным» тайным полицейским агентом, agent provocateur и фальшивомонетчиком — Шервалем. Сразу же после общего описания серной банды он рассказывает о том, как «несколько человек», в том числе *Шерваль,* «в двойственной роли революционеров-совратителей рабочих и союзников тайной полиции» отправляются из Лондона в Париж и создают там «так называемый процесс коммунистов» и т. д. В передовице № II он рассказывает далее:

«Таким образом в 1852 г. был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (подробности см. у Фогта) и т. д.».

Если читатель «National-Zeitung» последует настоятельному приглашению Цабеля и *посмотрит подробности у Фогта*, то что он там найдет? Что Шерваль был послан мной в Женеву, затеял под моим непосредственным руководством «постыднейший заговор с фальшивыми ассигнациями» и т. д. Читатель, направленный Цабелем к Фогту, найдет также следующее:

«Однако личное отношение Маркса в данном случае совершенно неважно, потому что, как уже было указано, совершенно безразлично, делает ли что-нибудь Маркс сам или через какого-нибудь члена своей банды: он безоговорочно властвует над своими людьми».

Но Цабель все еще недоволен своей работой. Его подмывало шепнуть в заключение своих обеих передовиц последнее словечко на ухо своему читателю. Он говорит:

«Он» (Блинд) «заявляет, что к тому же никогда в жизни не видел Бискампа; очевидно, он не член *узкой партии Маркса. Нам кажется, что* последней» (узкой партии Маркса) «не очень трудно было сделать его» (Блинда) «козлом отпущения... *Партия Маркса* могла очень легко взвалить авторство листовки на Блинда, именно в силу того, что... последний в беседе с Марксом и в статье в «Free Press» высказал аналогичные взгляды; воспользовавшись этими высказываниями и оборотами речи Блинда, можно было так *сфабриковать листовку,* чтобы она выглядела как его» (Блинда) «изделие».

Итак, значит, *«партия Маркса»* или *«узкая партия Маркса»* alias серная банда, «сфабриковала» листовку так, что она выглядела как изделие Блинда? Изложив эту гипотезу, Цабель сухо резюмирует *смысл* ее в следующих словах: *«Каждый может теперь, по желанию,* **считать автором** *листовки* **Маркса** или **Блинда»**.

Итак, не партия Маркса или Блинд и не Блинд или узкая партия Маркса, vulgo* серная банда, а Блинд или Маркс, Маркс sans phrase**. Партия Маркса, узкая партия Маркса, серная банда и т. д. были только пантеистическими названиями Маркса, особы Маркса. Цабель не только *«идентифицирует»* Маркса с «партией» серной банды, он *персонифицирует* серную банду в Марксе. И *этот же* Цабель осмеливается утверждать перед судебными инстанциями, что в своих передовых статьях он не *«идентифицирует»* «истца» Маркса... «в оскорбительной для его чести форме» с «интригами» серной банды. Он бьет себя в грудь и клянется, что *«менее всего»* «связывает мою особу с теми людьми», которых он «обвиняет в вымогательстве и доносах!». Какую фигуру, думал я про себя, будет представлять Цабель на публичном заседании суда! Какую фигуру! С этим радост-

* — попросту. *Ред.*
** — просто, без оговорок. *Ред.*

ным восклицанием я еще раз взял в руки присланный мне моим адвокатом документ, снова прочел его; мне показалось, что в конце я увидел имена, вроде Мюллер и Шульце, но тут же убедился в своем заблуждении. То, что лежало предо мной, не было вовсе plaidoyer Цабеля, а — *«постановлением» апелляционного суда* за подписью *Гутшмидта и Шульце,* постановлением, лишившим меня *права предъявления иска* к Цабелю и, сверх того, налагавшим на меня за мою «жалобу» штраф в 25 зильбергрошей, который надлежало немедленно уплатить в кассу сборов берлинского городского суда, во избежание принудительного взыскания. Я был действительно attonitus*. Но изумление мое улеглось при повторном, внимательном чтений *«постановления»:*

Пример I.

Цабель печатает в передовой статье «National-Zeitungo № 37, 1860 год:	***Гг.*** *Гутшмидт и Шульце читают в передовой статье «National-Zeitung» № 37, 1860 год:*
«Фогт сообщает на стр. 136 и сл.: Под именем серной банды, или также бюрстенгеймеров, среди эмиграции 1849 г. была известна группа лиц, которые сначала были рассеяны по Швейцарии, Франции и Англии, затем постепенно собрались в Лондоне и там в качестве своего видного главы почитали г-на Маркса».	«В самом деле, если первая статья указывает на основании сообщения Фогта, «что эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне и там в качестве своего видного главы почитала г-на Маркса»».

Цабель говорит: известная среди эмиграции 1849 г. *под именем серной банды, или также бюрстенгеймеров, группа лиц* и т. д. постепенно собралась в Лондоне и там меня почитала в качестве своего видного главы. У гг. *Гутшмидта* же и *Шульце* Цабель говорит: *эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне* (что просто не верно, так как значительная часть эмиграции собралась в Париже, Нью-Йорке, Джерси и т. д.) и почитала меня в качестве своего видного главы, честь, которой мне не оказывали и которой ни Цабель, ни Фогт мне не приписывали. Гг. *Гутшмидт* и *Шульце* здесь отнюдь не резюмируют, они *цитируют,* помещая в *кавычки нигде* не напечатанную Цабелем фразу как его содержащееся в первой передовой статье *указание,* «основанное на сообщении Фогта». Очевидно, перед гг. *Гутшмидтом* и *Шульце* находилось совершенно неизвестное мне и читающей публике *тайное издание* № 37 «National-Zeitung». Этим объясняются все недоразумения.

Тайное издание № 37 «National-Zeitung» отличается от общедоступного издания того же самого номера не только

* — ошеломлен. *Ред.*

разночтениями в отдельных предложениях. *Все содержание* первой передовой статьи в *общедоступном издании* не имеет — за исключением нескольких слов — ничего общего с ее содержанием в *тайном издании.*

Пример ***II.***

Возведя меня в славу серной банды, Цабель печатает в № 37 «National-Zeitung»:

«Эти собратья» (серная банда) ... «продолжали в среде эмигрантов дело «Rheinische Zeitung»... Одним из главных занятий серной банды было так компрометировать проживающих в отечестве лиц, что они должны были платить деньги... «Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии своими доносами... они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии. Для дальнейшей характеристики» (этой «серной банды» или «пролетариев») «Фогт приводит... письмо... Техова... в котором описываются принципы, интриги и т. д. «пролетариев» и из которого можно видеть, как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду».

Гг. *Гутшмидт и Шульце читают в № 37 «National-Zeitung», после того как Цабель возвел меня в главу эмиграции 1849 года:*

«и если она» (первая статья «National-Zeitung») «говорит далее о письме Техова: «... из которого можно видеть, как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду»».

Если уж судьи обладают полномочиями предоставлять частным лицам право на иск или лишать их его, то гг. *Гутшмидт* и *Шульце* не только имели право, но были обязаны отказать мне в праве предъявления иска к Цабелю. Сообщенное ими in nuce* содержание передовой статьи .№ 37 *тайного издания* «National-Zeitung» совершенно исключает какой бы то ни было corpus delicti. Действительно, что печатает Цабель в этом *тайном издании?* Во-первых, он оказывает мне незаслуженную честь, заставляя всю собравшуюся в Лондоне эмиграцию 1849 г. «почитать» меня в качестве своего «видного главы». Неужели за это мне его *«привлекать к суду»?* А, во-вторых, он оказывает мне столь же незаслуженную честь, утверждая, что я «держу в ежовых рукавицах» какую-то вовсе не связанную со мной *серную банду,* как я, скажем, в 1848 — 1849 гг. держал в ежовых рукавицах Цабеля и К°. И за это мне Цабеля *«привлекать к суду»?*

* — в зародыше; здесь: в самом сжатом виде, вкратце. *Ред.*

Из этого видно, какая получается путаница, когда законодательство разрешает судьям-чиновникам *«постановлять»,* и притом в тайне, *«постановлять»,* имеет или не имеет известное лицо право привлекать к суду другое лицо, например, за клевету в «National-Zeitung», Истец *подает жалобу* на основании распространенного, может быть, в 10000 экземпляров общедоступного издания № 37 «National-Zeitung», а судья *постановляет* на основании изготовленного *для него одного* тайного издания того же номера. Как мало обеспечено при такой процедуре даже одно только тождество corpus delicti!

Ставя в каждом отдельном случае право на иск частного лица в зависимость от усмотрения судьи, прусское законодательство исходит из взгляда, что государство, как отеческая власть, должно опекать и регламентировать частную жизнь детей государства. Но даже с точки зрения прусского законодательства «постановление» *апелляционного суда* кажется странным. Прусское законодательство хочет, очевидно, устранить возможность пустых жалоб. Поэтому, — если я правильно понимаю дух прусского законодательства и с достаточным основанием предполагаю, что оно не ставит себе целью систематический отказ в правосудии, — поэтому оно предоставляет судье право отклонять иск, но только если prima facie* *нет предмета иска,* если, следовательно, иск prima facie не обоснован., Применимо ли это к данному случаю? *Городской суд* признает, что передовицы Цабеля содержат в себе *по существу дела* «оскорбительные для чести» и потому «наказуемые» утверждения обо мне. Он защищает *Ф. Цабеля* против моей законной мести лишь потому, что Ф. *Цабель «только цитировал»* свои клеветнические утверждения. *Апелляционный суд* заявляет: с точки зрения закона оскорбительные для чести утверждения, цитированные или нецитированные, одинаково наказуемы; однако он, со своей стороны, *отрицает,* что в передовых статьях Цабеля вообще содержатся оскорбительные для чести заявления — цитированные или не цитированные, оскорбительные заявления о моей особе. Таким образом, у *городского суда* и у *апелляционного суда* не только *различные,* но даже прямо *противоположные* взгляды на *самый состав преступления.* Один находит оскорбительные заявления обо мне там, где другой их не видит. Это *противоречие* во взглядах судей на *сам состав преступления* убедительно доказывает, что здесь prima facie *предмет* иска налицо. Если Папиниан и Ульпиан говорят: это печатное заявление оскорбительно для чести, а Муций Сцевола и Манилий Брут, наоборот,

* — на первый взгляд. *Ред.*

утверждают: это печатное заявление не оскорбительно для чести, то что подумает народ квиритов[597]? Почему народу не верить, вместе с Ульпианом и Папинианом, что Цабель опубликовал в №«№ 37 и 41 «National-Zeitung» оскорбительные для моей чести заявления? Если я стану уверять народ квиритов, что Муций Сцевола и Манилий Брут дали мне тайное свидетельское показание, согласно которому *«оскорбительные для чести»* заявления и утверждения Цабеля нисколько не касаются меня, то народ квиритов пожмет плечами, как бы говоря: a d'autres![*]

Так как *апелляционный суд* решает в последней инстанции вопрос о *составе преступления,* то есть в данном случае должен был решать в последней инстанции, содержится ли *по существу дела* в обеих передовых статьях Цабеля оскорбление моей чести и имеется ли намерение оскорбить меня, и так как *апелляционный суд* отрицает этот *состав преступления,* то для апелляции к **верховному суду** оставался открытым только вопрос, не основывается ли по *существу дела решение* апелляционного суда на *юридической ошибке?* Ведь *сам апелляционный суд* **по существу дела установил** в своем *«постановлении»,* что Цабель приписывает *серной банде* «беспринципные и бесчестные интриги», «доносы и вымогательство денег», приписывает той самой *серной банде,* которую тот же Цабель в той же передовой статье прямо характеризует как *«партию Маркса»* или как *«узкую партию Маркса»* с Марксом в качестве ее видного и держащего ее в ежовых рукавицах «главы». Имел ли апелляционный суд *законное* право не усмотреть в этом оскорбления моей чести? Мой защитник г-н юстицрат *Вебер,* в своей жалобе *верховному суду,* между прочим, замечает по этому поводу:

«Правда, нигде прямо не сказано» (Цабелем), «что Маркс вымогал деньги, занимался доносами и изготовлением фальшивых денег. Но разве недостаточно ясно это выражено в следующем заявлении: Маркс был главой партии, которая преследовала указанные преступные и безнравственные цели? Ни один непредубежденный и здравомыслящий человек не будет отрицать, что глава какого-либо общества, цель и преимущественная деятельность которого посвящена совершению преступлений, не только одобряет махинации этого общества, но и сам распоряжается ими, руководит ими и пользуется их плодами; и глава этот, бесспорно, вдвойне ответствен, не только как участник, но и как идейный вдохновитель, даже если бы нельзя было уличить его ни в одном действии, доказывающем его непосредственное участие в выполнении определенного преступления. *Высказанная в оспариваемом постановлении»* (апелляционного суда) *«точка зрения может привести к тому, что доброе имя человека окажется беззащитным перед тем, кто захочет погубить его. Вместо того, чтобы ложно утверждать об А, что он совершил убийство, клеветнику достаточно будет сказать, что там-то существует банда, занимающаяся*

[*] — говорите другим! *Ред.*

убийствами, и что А — главарь этой банды. Точка зрения апелляционного суда гарантирует этому клеветнику полную безнаказанность. Правильно же будет, если кара за клевету постигнет клеветника независимо от того, назовет ли он третье лицо, вопреки истине, разбойником или атаманом разбойников».

С точки зрения *здравого человеческого смысла* фактически налицо клевета. Имеется ли она с *точки зрения прусского законодательства?* Апелляционный суд говорит — нет, мой защитник говорит — да. Если апелляционный суд, вопреки мнению городского суда, решил, что *форма цитаты не освобождает* клеветника от преследования, то почему бы верховному суду, вопреки мнению апелляционного суда, не решить, что *не освобождает* его от преследования и *запутанная солитерообразная форма* клеветы? По поводу этого *юридического момента,* по поводу этой совершенной апелляционным судом в вопросе о составе преступления *юридической ошибки* и апеллировал мой защитник к **верховному суду, в** известной мере к *ареопагу. Верховный суд «постановил»:*

«I) В Вашей жалобе от 23 августа сего года на постановление уголовного сената королевского апелляционного суда от 11 июля сего года по делу об оскорблении д-ра К. Маркса редактором «National-Zeitung» д-ром Цабелем, по рассмотрении соответствующих документов, как необоснованной, Вам отказывается. II) Королевский апелляционный суд не усмотрел в обеих инкриминируемых передовых статьях «National-Zeitung» объективного оскорбления чести истца и не нашел, что при этом имелось намерение оскорбить последнего, и поэтому правильно отказал в том, чтобы дать ход иску об оскорблении. Вопрос же о том, имеется ли объективно оскорбление чести и существовало ли намерение оскорбить, является по существу определением фактической стороны дела, на которое можно подать жалобу в королевский верховный суд лишь тогда, когда в решении апелляционного судьи по этому пункту допущена юридическая ошибка. III) Но в данном случае таковой не усматривается. IV) Издержки по этому постановлению в размере 25 зильбергрошей Вам надлежит внести в течение недели в кассу сборов местного королевского городского суда.

Берлин, 5 октября 1860 г.

Королевский верховный суд

Фон Шликман

Юстицрату *Веберу,* здесь».

Для более удобного рассмотрения я перенумеровал составные части *«постановления» верховного суда.*

В пункте I) г-н фон *Шликман* сообщает, что в жалобе на апелляционный суд *«отказано».* В пункте II) г-н фон *Шликман* поучает о компетенции апелляционного суда и верховного суда по отношению друг к другу — дидактическое отступление, не относящееся, очевидно, к делу. В пункте IV)

г-ну Веберу приказывается внести в течение недели 25 зильбергрошей в кассу сборов берлинского городского суда, что представляется *следствием* «постановления», но, конечно, не *причиной* его.

Где же, однако, содержится *обоснование* «отказывающего» *постановления?* Где ответ на весьма подробную жалобу моего защитника? А вот:

Пункт III) «Но в данном случае таковой» (юридической ошибки) «не *имеется».*

Если из этой фразы пункта III) выкинуть словечко *не,* то мотивировка будет гласить: «Но в данном случае таковая» (юридическая ошибка) *«имеется».* И тогда было бы аннулировано решение апелляционного суда. Таким образом, оно остается в силе только благодаря помещенному в конце фразы словечку «*не*», с помощью которого г-н фон *Шликман* «отказывает» от имени верховного суда в жалобе г-ну юстицрату Веберу.

Αυτοτατοζ εφη*. *Нет!* Г-н фон *Шликман не* опровергает юридических соображений, развитых моим защитником, он *не* обсуждает их, он даже *их не у поминает.* У г-на фон *Шликмана,* разумеется, были достаточные основания в пользу его «постановления», но он умалчивает о них. *Нет!* Доказательная сила этого словечка состоит исключительно в авторитете, в иерархическом положении лица, произносящего его. Само по себе «нет» ничего не доказывает, *«Нет»!* Αυτοτατοζ εφη.

Таким образом, и *верховный суд* **запретил** *мне* ***привлечь к суду*** «демократа» **Ф. Цабеля.**

Так закончилась *моя тяжба с прусскими судами.*

* — Он сам сказал. *Ред.*

XII
ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ВЫСЫЛКА ШИЛИ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

Из-за недостатка места я могу, к сожалению, привести лишь выдержки из письма Шили о его высылке из Швейцарии, в котором на одном примере иллюстрируется обращение с эмигрантами, не членами парламента. Письмо начинается рассказом о том, как два немецких эмигранта, Б. и И.*, приятели Шили, уехавшие из Женевы, были арестованы во время своего путешествия по Швейцарии; потом их Дрюэ снова освободил, и они вернулись обратно в *Женеву*.

«По их поручению», — продолжает Шили, — «я отправился к Фази, чтобы узнать, будут ли их преследовать, и получил от него успокоительное заверение, что им, как главой кантональных властей, их инкогнито не будет нарушено, со стороны же союзных властей не получено никакого приказа на их счет; будет, впрочем, хорошо, если я — ссылаясь на него и его заявления — обращусь к начальнику ведомства юстиции и полиции, г-ну Жирару. Я так и поступил, добился почти такого же успеха и оставил свой адрес на случай каких-нибудь приказов со стороны союзных властей. Несколько недель спустя ко мне заявляется полицейский чиновник с требованием сообщить адрес Б. и И. Я отказался сделать это, побежал к упомянутому Жирару и указал ему — в ответ на его угрозу выслать меня, если я не сообщу ему адреса, — что меня, согласно нашему прежнему уговору, можно привлечь в качестве intermediaire**, но отнюдь не denonciateur***. На это он сказал мне: «Vous avez l'air de vouloir vous interposer comme ambassadeur entre moi et ces refugies, pour traiter de puissance a puissance»****. Я ответил: «Je n'ai pas l'ambition d'etre accredite ambassadeur pres de vous»*****. И действительно, я был отпущен без всякого подобающего послам церемониала. На обратном пути я узнал, что оба, Б. и И., были только что разысканы, арестованы и уведены, и, таким образом, я мог считать ликвидированной вышеприведенную угрозу. Но я не принял в расчет 1 апреля; в этот злополучный день 1852 г. полицейский чиновник предложил мне на улице последовать за ним в здание городского самоуправления,

* — Бискамп и Имандт. *Ред.*

** — посредника. *Ред.*

*** — доносчика. *Ред.*

**** — «Вы, как будто, собираетесь посредничать между мной и этими эмигрантами, взяв на себя роль посла, и вести переговоры как они ведутся равноправными державами». *Ред.*

***** — «У меня нет честолюбивых помыслов стать аккредитованным послом при вас». *Ред.*

где меня будто бы хотят о чем-то спросить. Здесь государственный советник Турт, женевский комиссар по делам о высылке эмигрантов, ad latus* при находившемся тогда в Женеве федеральном комиссаре по тем же делам Троге, заявил мне, что я высылаюсь, и он должен поэтому отправить меня немедленно в Берн, к величайшему своему сожалению, так как со стороны кантональных властей ничего против меня не имеется, но на моей высылке настаивает федеральный комиссар. На мою просьбу препроводить меня к последнему, я получил ответ: «Non, nous ne voulons pas, que le comissaire federal fasse la police ici»**. Но этим он противоречил своим прежним словам и вообще вышел из своей роли женевского государственного советника, состоявшей в том, чтобы с либеральным жеманством сопротивляться требованиям о высылке со стороны союзных властей и уступать только силе, но в то же время с радостью или со смирением уступать даже gentle pressure***. Другая особенность этой роли заключалась в том, чтобы за спиной высланного говорить, что он шпион, что его пришлось убрать в интересах «правого дела»... Так, Турт после рассказывал эмигрантам, что он должен был удалить меня, так как я был в сговоре с федеральным комиссаром и вместе с ним выступал против *его* (Турта) мероприятий, имеющих в виду защиту эмигрантов, то есть что я конспирировал с тем самым комиссаром, который — к великому сожалению *Турта* — распорядился о моей высылке! Quelles tartines! Что за ложь и противоречие! И все это для капельки aura popularis****. Конечно, только держа нос по ветру, этот господин делает свою карьеру. Этого члена женевского Большого совета и женевского Государственного совета, члена швейцарского Совета кантонов или Национального совета, прирожденного советника путаницы, недостает только в Союзном совете, чтобы гарантировать Швейцарии спокойствие; недаром написано: Providentia Dei et confusione hominum Helvetia salva fuit*****».

По приезде в Лондон Шили направил против клеветы Турта протест в находившийся под влиянием *Резена* — о нем упоминается ниже — женевский «Independant», незадолго до этого резко бичевавший клеветнические удары ослиных копыт, которыми «либеральные faiseurs****** выгоняли эмигрантов из Швейцарии»; протест этот *не* был принят.

«Из здания женевского городского самоуправления», — продолжает Шили, — «пришлось отправиться в тюрьму, а оттуда на следующий день, на почтовых, в сопровождении полицейских, в Берн, где г-н Дрюэ держал меня в течение двух недель под строгим арестом в так называемой старой башне...»

Дрюэ в своей переписке с заключенным Шили — о которой речь будет ниже — валил всю вину на Женевский кантон, между тем как Турт, со своей стороны, уверял, что виновны во всем союзные власти, что *женевские кантональные власти решительно ничего не имеют против Шили.* Такие же заверения

* — состоящий. *Ред.*
** — «Нет, мы не хотим, чтобы федеральный комиссар занимался здешними полицейскими делами». *Ред.*
*** — легкому нажиму. *Ред.*
**** — мимолетной популярности. *Ред.*
***** — Промысел божий и растерянность людей спасли Гельвецию. *Ред.*
****** — фигляры. *Ред.*

незадолго до того сделал ему женевский судебный следователь *Резен.* О последнем Шили, между прочим, пишет следующее:

«Во время происходившего летом 1851 г. в Женеве федерального стрелкового празднества *Резен* взял на себя редактирование издававшегося на французском и немецком языках «Journal du tir federal» и пригласил меня сотрудничать в этом издании, пообещав гонорар в 300 франков; моя работа состояла, между прочим, и в том, что я должен был flagrante delicto* записывать немецкие приветственные и прощальные речи председателя комитета Турта; задача эта — воздам Турту благодарность, хотя и запоздалую — очень облегчалась для меня тем, что он каждый раз обращался почти с одинаковыми восторженными словами к различным депутациям стрелков, варьируя их слегка, в зависимости от того, приветствовал ли он бернского медведя, быка Ури или какого-нибудь иного сочлена федерации; поэтому, когда начинался припев: «если же настанет день опасности, то мы и т. д.», я мог спокойно класть перо и на вопрос *Резена, почему* я это делаю, отвечать: «c'est le refrain du danger, je le sais par coeur»**. Но вместо заслуженных мной в поте лица 300 фр. гонорара *Резен* с охами и вздохами заплатил мне только 100 фр. с обещанием, однако, дальнейшего сотрудничества, именно в политическом журнале, который он собирался основать в Женеве, чтобы, независимо от всех существующих партий, вести борьбу на всех фронтах и особенно против тогдашнего «либерального» правительства Фази — Турта, хотя он и сам принадлежал к нему. Он вполне годился для такого предприятия, готовый, как бывало хвалился, «d'arracher la peau a qui que ce soit»***... С этой целью он поручил мне завязать во время путешествия по Швейцарии, предпринятого мной после моих трудов на федеральном стрелковом празднестве, необходимые для этого предприятия связи, — что я и исполнил и о чем я ему сделал по своем возвращении письменный доклад. Но за это время успел подуть совсем другой ветер, пригнавший его из корсарской экспедиции на всех парусах в спокойную гавань существующего правительства. J'en etais donc pour mes frais et honoraires****, уплаты которого я тщетно требовал от него и тщетно требую до сих пор, хотя он стал богатым человеком... Незадолго до моего ареста он клялся мне, что не может быть и речи о моей высылке, как в этом его уверил его друг Турт, — что мне нечего принимать никаких предупредительных мер против угрозы Жирара и т. д. ... На письмо, которое я ему послал de profundis***** старой тюремной башни, прося у него небольшую сумму в счет следуемых мне денег и разъяснения о происшествии (моем аресте и т. д.), он так **и не** ответил, хотя уверил лицо, передавшее ему мое письмо, что исполнит все мои просьбы.

... Что моя высылка была делом рук беглых *парламентариев,* мне писал несколько месяцев спустя К., человек надежный и непредубежденный, и это mordicus****** подтверждалось в нескольких строках, приложенных к этому письму *Раникелем.* Эту же мысль высказывали многие сведущие люди, с которыми я после имел случай лично беседовать об этом инциденте... А, между тем, я ведь не был собственно парламентоедом, подобно гиене *Рейнаху,* который изо дня в день вытаскивал блаженной памяти

* — на месте преступления. *Ред.*
** — «это припев об опасности, я его знаю наизусть». *Ред.*
*** — «с кого угодно содрать шкуру». *Ред.*
**** — На мою долю, таким образом, достались только издержки и неполученный гонорар. *Ред.*
***** — из глубины. *Ред.*
****** — убедительно. *Ред.*

имперского регента *Фогта* из имперской могилы за обеденный стол в Берне, где тот сам сидел во плоти, точно «скованный Прометей», a entre poire et fromage*, ко всеобщему ужасу, жадно проглатывал как мумию, так и воплощение. Правда, я не был поклонником парламентских подвигов. Напротив! Но неужели эти господа собирались отомстить мне за это изгнанием из империи, — причисляя Швейцарию к империи, потому что в ней погребена имперская конституция вместе с протоколами решений имперского парламента? Скорее я полагаю, что подозрение о предпринятом ими против меня преследовании возникло в связи с упомянутым в моем прежнем письме возмущением парламентариев против женевского Эмигрантского комитета, образованного мной, Беккером и несколькими женевскими гражданами... Среди этих господ не было единодушия по вопросу о том, почему, собственно, они хотели узурпировать право распределения денег среди эмигрантов. Одни из них — в том числе Денцель из маленькой баденской палаты — хотели в отличие от *нашей* практики, имевшей в виду помощь особенно нуждающимся рабочим, осушать слезы *преимущественно* профессиональных страстотерпцев, героев революции, сынов отечества, видавших лучшие дни... Is fecit cui prodest**, говорят ремесленники. А так как моя деятельность была действительно неудобна для этих господ, то зародилось подозрение, что они использовали свое влияние в руководящих кругах для моего устранения. Ведь было известно, что они использовали aurem principis***, что они, во всяком случае, стояли достаточно близко к этому уху, чтобы нашептать кое-что о моем *беспокойном* характере и что они, в частности, не раз собирались вокруг princeps**** Турта...»

Рассказав о своей отправке из старой бернской башни через Базель и французскую границу, Шили замечает!

«Что касается расходов по высылке эмигрантов, то я питаю надежду, что издержки эти покрываются отнюдь не из федеральной казны, а за счет Священного союза. А именно, однажды, спустя некоторое время после нашего перехода на швейцарскую территорию, *принцесса* **Ольга** сидела за табльдотом одного бернского отеля с тамошним *русским* поверенным в делах. Entre poire et fromage (sans comparaison***** с ужасным *Рейнахом)* высочайшая особа сказала своему собеседнику: «Eh bien, Monsieur le baron, avez-vous encore beaucoup de refugies ici?» «Pas mal, Princesse»******, — ответил тот, — «bien que nous en ayons deja beaucoup renvoye. M. Druey fait de son mieux a cet egard, *et si de nouveaux fonds nous arrivent,* nous en renverrons bien encore»*******. Этот разговор слышал и передал мне прислуживавший при этом кельнер, бывший в кампанию за имперскую конституцию добровольцем под моим командованием».

При высылке Шили таинственно и бесповоротно исчезли его дорожные вещи.

«До сих пор остается загадочным, как могли они внезапно исчезнуть в Гавре из багажного хаоса в поезде немецких переселенцев (в Базеле мы

* — за дессертом. *Ред.*
** — Кому выгодно, тот и сделал. *Ред.*
*** — ухо начальства. *Ред.*
**** — начальника. *Ред.*
***** — без сравнения. *Ред.*
****** — «Ну что, г-н барон, у вас здесь еще много эмигрантов?» «Не мало, ваше высочество». *Ред.*
******* — «хотя мы уже многих отправили отсюда. Г-н Дрюэ делает все, что в его силах, и если *мы получим новые фонды,* то еще многих вышлем». *Ред.*

были включены в этот поезд агентом по переселению *Кленком,* которому федеральные власти сдали в подряд нашу доставку до Гавра, причем все вещи эмигрантов и переселенцев совершенно перемешались между собой); это могло произойти *не иначе, как при помощи списка эмигрантов и их вещей.* Может быть, об этом больше знает швейцарский консул в Гавре, коммерсант *Ваннер,* к которому мы были направлены для дальнейшей отправки. Он обещал нам полное возмещение. Дрюэ впоследствии подтвердил мне это обещание в письме, которое я отправил *адвокату Фогту* в *Берне* для защиты своего иска перед Союзным советом. Но до сих пор я не мог получить от него ни этого письма обратно, ни вообще *ответа на все посланные мной ему письма.* А летом 1856 г. я получил решительный отказ от Союзного совета без какой бы то ни было мотивировки этого решения...

Но все это и вообще все высылки с их жандармами, ручными кандалами и т. п. — пустяки по сравнению с отправками на родину так называемых менее тяжких преступников из числа баденцев, отправками, практикуемыми со своеобразным добродушием под предлогом дружественно-соседского соглашения; последние получали специально изготовленные для этого проездные свидетельства с предписанием явиться по прибытии на родину к местным властям, где, вместо того, чтобы получить возможность заняться своим делом, эти люди вопреки своим ожиданиям должны были всякими способами искупать свои грехи. Неслышные страдания выданных таким образом людей (именно выдача здесь — самое подходящее слово) ожидают еще своего историка и мстителя.

Хвала человеку, «который не перестает быть великим оттого, что указаны его недостатки», говорит швейцарский Тацит о Швейцарии. В материале для таких похвал недостатка нет. Талии такими похвалами ей не повредить... qui aime bien chatie bien*. И в самом деле, я, со своей стороны, в общем питаю неизменную симпатию к Швейцарии. И страна, и народ мне очень нравятся. Всегда готовый искусно употребить в дело свое старинное ружье, сохраняемое среди домашнего скарба, для защиты славных исторических традиций и полезных в хозяйстве завоеваний современности, швейцарец в моих глазах — весьма почтенное явление. Он заслуживает чужих симпатий, потому что сам симпатизирует чужой борьбе за лучшую долю. «Я предпочел бы, чтобы у нашего господа бога издохла его лучшая пара ангелов», — сказал один швейцарский сельский хозяин с досады по поводу неудачи южногерманского восстания. *Собственной* запряжкой он для этого дела, может быть, не рискнул бы, — скорее, собственной шкурой и старинным ружьем в придачу. Таким образом, швейцарец в глубине души не *нейтрален,* хотя и сохраняет нейтралитет на основе своего наследственного владения и для его защиты. Впрочем, эта старая кора нейтральности, скрывающая его лучшее ядро, не выдержит, очевидно, топота всех этих чужих ног, — а ведь в этом и есть сущность нейтралитета, — скоро даст трещину и сломается, а это очистит воздух».

Так пишет Шили. В бернской тюремной башне он не мог добиться личного свидания с Дрюэ, но обменялся с этим господином письмами. На письмо, в котором Шили спрашивает его о мотивах своего ареста и просит разрешить ему юридическую консультацию с бернским адвокатом Виссом, Дрюэ ответил *9 апреля 1852 года:*

...«Женевские власти постановили выслать Вас из кантона, приказали арестовать Вас и отправить в Берн в распоряжение моего департа-

* — кто сильно любит, тот строго наказывает. *Ред.*

мента, потому что Вы оказались одним из самых неспокойных эмигрантов и старались скрыть И. и Б., которых Вы обязались представить властям. Ввиду этого и ввиду того, что Ваше дальнейшее пребывание в Швейцарии могло бы повредить *международным отношениям Швейцарского союза,* Союзный совет постановил выслать Вас из пределов Швейцарии и т. д. ... Так как Ваш арест произведен не с целью предать Вас уголовному суду или суду исправительной полиции, а представляет собой *меру, вызванную государственными соображениями...* то для Вас нет необходимости советоваться с адвокатом. *Впрочем, прежде чем... разрешить испрашиваемое Вами свидание с г-ном адвокатом Виссом, я хотел бы знать цель этого сеидания».*

Письма, которые Шили после многократных ходатайств было разрешено наконец писать своим женевским друзьям, должны были все предварительно идти на просмотр к г-ну Дрюэ. В одном из этих писем Шили употребил выражение: *«Vae victis»*[*]. По этому поводу Дрюэ пишет ему *19 апреля 1852 года:*

«В записке, посланной Вами г-ну Я.[**], встречаются слова: «Vae victis»... Хотели ли Вы сказать, что федеральные власти обращаются с Вами, как с побежденным? Если бы это было так, то это было бы *лживым обвинением,* против которого я должен был бы протестовать».

Шили ответил всесильному Дрюэ *21 апреля 1852 г.,* между прочим, следующее:

«Не думаю, г-н федеральный советник, чтобы эта характеристика принятых по отношению ко мне мер заслуживала упрека в *лживом обвинении;* во всяком случае, подобный упрек не может заставить меня отказаться от мысли, что со мной обращаются жестоко; наоборот, подобный ответ *заключенному со стороны того, кто держит его в заключении,* кажется мне лишней жестокостью»[***].

В конце *марта 1852 г.,* незадолго до ареста Шили и высылки других *непарламентских* эмигрантов, реакционный «Journal de Geneve» напечатал всякого рода вздорные сплетни о коммунистических заговорах, затеваемых в Женеве среди немецких эмигрантов: г-н Трог будто бы занят изъятием немецкого коммунистического гнезда с выводком из 84 коммунистических драконов и т. д. Наряду с этой реакционной женевской газетой бернский писака, принадлежавший к парламентской банде, — это был, надо думать, **Карл Фогт,** так как в «Главной книге» он неоднократно приписывает себе честь спасения Швейцарии от коммунистических изгнанников, — распространял подобные же небылицы во «Frankfurter Journal», подписываясь корреспондентским значком «ss». Он писал, например, что состоявший из коммунистов женевский Комитет помощи немец-

[*] — «Горе побежденным». *Ред.*
[**] — Якоби. *Ред.*
[***] В оригинале переписка между Шили и Дрюэ приведена на французском языке. *Ред.*

ким эмигрантам свергнут за неправильное распределение денежных сумм и заменен комитетом из честных людей (парламентариев), которые вскоре положат конец всем этим безобразиям; далее, что женевский диктатор, по-видимому, стал подчиняться, наконец, распоряжениям федеральных комиссаров, и недавно два принадлежащих к коммунистической фракции немецких эмигранта были арестованы и перевезены из Женевы в Берн и т. д. Выходящая в Базеле «Schweizerische National-Zeitung»[598] поместила в № 72 от *25 марта 1852 г.* ответ из Женевы, где, в частности, говорится:

«Всякий непредубежденный человек знает, что подобно тому как Швейцария занимается только укреплением и конституционным развитием своих политических завоеваний, так и слабые остатки местной немецкой эмиграции заняты только добыванием хлеба насущного и совершенно невинными делами, и что россказни о коммунизме измышляются только мещанскими духовидцами и политически или лично заинтересованными *доносчиками».*

Назвав бернского парламентского корреспондента «Frankfurter Journal» одним из этих *доносчиков,* статья заканчивается следующими словами:

«Местные эмигранты думают, что в их среде имеется немало так называемых «честных людей» типа блаженной памяти «имперских Бидерманов и Бассерманов», которые, тоскуя по отечественным котлам с мясом[599], пытаются снискать себе милость своих отцов-государей подобными реакционными гнусностями; им желают скорейшего счастливого пути, чтобы они более не компрометировали эмиграции и дающего им прибежище правительства».

Беглые *парламентарии* знали, что *Шили* — автор этой статьи. Последняя появилась в базельской «National-Zeitung» **25** *марта,* а **1** *апреля* произошел ничем не мотивированный арест Шили, «Tantaene animis celestibus irae?»*

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СЪЕЗД В МУРТЕНЕ

После муртенского скандала немецкая эмиграция в Женеве, за исключением беглых *парламентариев,* выпустила протест «Верховному союзному департаменту юстиции и полиции». Я приведу оттуда лишь одно место:

«... Монархи не удовольствовались своими прежними дипломатическими успехами. Чтобы очистить Швейцарию от эмигрантов, они бряцали оружием по ее адресу, угрожали ей военной оккупацией; по крайней мере, Союзный совет высказал в одном официальном документе свою

* — «Так безмерны ли душ небожительных гневы?» (Вергилий. «Энеида», книга первая). *Ред.*

озабоченность по поводу этой опасности. И вот снова последовали высылки, на этот раз их обосновывали известным муртенским съездом и утверждали, будто, в результате произведенного в связи с этим розыска, напали на след политической пропаганды. Имеющиеся факты решительно опровергают это утверждение... В правовом же отношении следует указать, что повсюду, где существует законный порядок, *могут, быть только законные наказания за предусмотренные законом наказуемые деяния;* это относится и к высылке из страны, если эта высылка открыто не превращается в акт полицейского произвола. Или, может быть, и в данном случае в отношении нас станут превозносить значение *дипломатии* и скажут, что пришлось поступить таким образом из *уважения к иностранным державам,* для сохранения международных связей? Но если так, то пусть скроется *крест Швейцарского союза* за *турецким полумесяцем,* который стучащему в ворота Порты сыщику, преследующему эмигрантов, показывает свои рога, а не приносит повинную; если так, пусть дадут нам паспорта в *Турцию* и пусть, захлопнув за нами двери, передадут ключи от твердыни швейцарских свобод *Священному союзу* в знак feudum oblatum*, чтобы впредь носить их на правах лена от него, как камергерские знаки отличия, с девизом: Finis Helvetiae!**».

3. ШЕРВАЛЬ

Из письма Иоганна Филиппа Беккера я увидел, что упоминаемый имперским Фогтом «сподвижник Маркса» или «сподвижник» Шерваля не может быть не кем иным, как проживающим теперь в Лондоне г-ном *Штехером.* До сих пор я не имел чести быть лично знаком с ним, хотя слышал много лестного о его крупном и всестороннем художественном таланте. Благодаря письму Беккера мы встретились с ним. Нижеследующее — письмо моего «сподвижника» ко мне.

«Лондон, 17, Сассекс-стрит, Уэст Сентрал,
14 октября 1860 г.

Дорогой г-н Маркс!

Я охотно дам Вам некоторые разъяснения по вопросу о *Ньюдженте* (Шервале-Кремере), упоминаемом в брошюре Фогта, из которой Вы любезно послали мне выдержки. В марте 1853 г., возвращаясь из путешествия по Италии, я приехал в Женеву. Приблизительно в то же самое время приехал в Женеву Ньюджент, с которым я и познакомился в одном литографском заведении. Я тогда только что начал заниматься литографией, а так как Ньюджент обладает обширными сведениями в этом деле и является очень любезным, энергичным и трудолюбивым человеком, то я принял его предложение работать совместно с ним в одном ателье. Рассказ Фогта о махинациях Ньюджента в Женеве соответствует приблизительно тому, что я уже слышал тогда об этом, если отбросить обычные преувеличения фельетониста или составителя брошюр. Успех был крайне ничтожный. Я знал только одного из этой компании, добродушного и трудолюбивого, но вместе с тем чрезвычайно легкомысленного молодого человека;

* — ленной зависимости. *Ред.*
** — Конец Гельвеции! *Ред.*

а так как он был одним из главных персонажей, то легко можно понять, что Н. был в компании всем, а прочие были только любопытными слушателями. Я убежден, что не были изготовлены ни каменные, ни медные клише, но я слышал, что Н. говорил о подобных вещах. Моими знакомыми были, по большей части, женевцы и итальянцы. Я знал, что позднее Фогт и другие немецкие эмигранты, с которыми я не был знаком, считали меня шпионом. Но я мало беспокоился по этому поводу, — ведь истина всегда обнаруживается; я даже не сердился на них, ведь так легко было вызвать подозрение, так как не было недостатка в шпионах, и не всегда было легко их распознать. Я почти убежден, что Ньюджент не переписывался ни с кем в Женеве после того, как был выслан оттуда. Позднее я получил от него два письма; он приглашал меня приехать в Париж и взять на себя выполнение одной работы по средневековой архитектуре, что я и сделал. В Париже, как я увидел, Ньюджент держался в стороне от политики и не вел переписки. На основании вышеизложенного можно, во всяком случае, сделать вывод, что под *«сподвижником Маркса»* могли иметь в виду меня, так как я не знал и не слышал *ни о ком другом, кого Ньюджент пригласил бы в Париж.* Г-н Фогт, конечно, не мог знать, что я никогда — ни прямо, ни косвенно — не приходил в соприкосновение с Вами и, возможно, никогда не пришел бы, если бы не поселился в Лондоне, где, благодаря случаю, имел удовольствие познакомиться с Вами и с Вашим почтенным семейством.

Сердечный привет Вам и Вашим уважаемым дамам.

Г. К. Штехер»

4. КЁЛЬНСКИЙ ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ

Приведенные мной в этой главе сообщения о прусском посольстве в Лондоне и о его переписке с прусскими властями на континенте во время кёльнского процесса основываются на опубликованных *А. Виллихом* в «New-Yorker Criminal-Zeitung» (апрель 1853 г.) добровольных признаниях сидящего теперь в гамбургской тюрьме Гирша, появившихся под заглавием: *«Жертвы шпионажа, оправдательная записка Вильгельма Гирша»*[600]; последний был главным орудием полицейского лейтенанта Грейфа и его агента Флёри и по их поручению и под их руководством сфабриковал представленную на процессе коммунистов Штибером *фальшивую* книгу протоколов. Я привожу здесь некоторые выдержки из мемуаров Гирша.

«За немецкими обществами» (во время промышленной выставки) «следили сообща члены полицейского триумвирата — полицейский советник Штибер от Пруссии, некий г-н Кубеш от Австрии и начальник полиции Хунтель из Бремена».

Гирш в следующих словах описывает свою первую встречу с секретарем прусского посольства в Лондоне *Альбертсом,* которая состоялась в связи с тем, что он предложил свои услуги в качестве mouchard*.

* — шпиона. *Ред.*

«Свидания, назначаемые прусским посольством в Лондоне; своим тайным агентам, происходят в подходящем для этого помещении. Трактир «Петух», Флит-стрит, Темпл-Бар бросается так мало в глаза, что если бы золотой петух в качестве вывески не указывал входа, то человек, который не стал бы специально его искать, с трудом бы его заметил. Через узкий вход я вошел во внутреннее помещение этой староанглийской таверны, и на мой вопрос о м-ре Чарлзе мне представился под этой фамилией плотный господин с такой любезной улыбкой, точно мы оба были уже старыми знакомыми. Представитель посольства, каковым он и был, казался очень весело настроенным, а коньяк с водой так поднял его настроение, что он на время как будто забыл о цели нашей встречи. М-р Чарлз, или, как он тотчас же назвал себя настоящим именем, *секретарь посольства Альбертс,* осведомил меня прежде всего, что он, собственно, не имеет никакого отношения к полицейским делам, но готов взять на себя посредничество... Второе свидание имело место на тогдашней его квартире, Бруэр-стрит, 39, Голден-сквер; здесь я впервые познакомился с полицейским лейтенантом *Грейфом.* Это был человек чисто полицейского образца, среднего роста, с темными волосами и того же цвета par ordre* подстриженной бородой — так что усы сливались с бакенбардами — и с бритым подбородком. Его глаза, в которых менее всего светился ум, приобрели, по-видимому, от постоянного обращения с мошенниками и ворами какое-то напряженное выражение... Г-н Грейф представился мне первоначально под тем же псевдонимом, что и г-н Альбертс, назвавшись м-ром Чарлзом. Но новый м-р Чарлз был, по крайней мере, более серьезно настроен; он считал нужным, по-видимому, сперва проэкзаменовать меня... Наша первая встреча закончилась тем, что он поручил мне составить ему точный отчет о всей деятельности революционной эмиграции... В следующий раз г-н Грейф представил мне, как он выразился, «свою правую руку», «а именно, одного из своих агентов», добавил он. Это был высокий, изящно одетый молодой человек, представившийся мне опять-таки под именем м-ра Чарлза; вся политическая полиция, по-видимому, присвоила это имя в качестве псевдонима. Таким образом, мне приходилось иметь теперь дело с тремя Чарлзами. Но новоприбывший заслуживал, казалось, наибольшего внимания: «Он также», по его словам, «был раньше революционером; однако, все можно сделать, мне нужно только идти вместе с ним»». Грейф уехал на некоторое время из Лондона и, прощаясь с Гиршем, «прямо заявил, что новый м-р Чарлз действует постоянно по его поручению и что я могу без всякого опасения ему довериться, хотя бы кое-что и казалось мне странным; я не должен этим смущаться. Для большей ясности он прибавил: «Министерство нуждается иногда в том или другом предмете; *главное, это — документы; если их нельзя раздобыть, то надо уметь как-нибудь помочь этому горю!»»*

Гирш рассказывает дальше, что последний из Чарлзов был *Флёри,*

«работавший прежде в экспедиции «Dresdner Zeitung», которая выходила под редакцией Л. Виттига. В Бадене он, на основании доставленных им рекомендаций из Саксонии, был послан временным правительством в Пфальц, чтобы заняться там организацией ландштурма и т. д. Когда пруссаки вступили в Карлсруэ, он был взят в плен и т. д. Появился он вдруг снова в Лондоне в конце 1850 или в начале 1851 года. Здесь он с самого начала носит фамилию де Флёри и под такой фамилией поселяется

* — по-казенному. *Ред.*

среди эмигрантов, находясь с виду, по крайней мере, в тяжелом положении. Вместе с ними он живет в устроенной Эмигрантским комитетом эмигрантской казарме и получает вспомоществование. В начале лета 1851 г. его положение внезапно улучшается, он поселяется в приличной квартире и женится в конце этого года на дочери английского инженера. Впоследствии мы его встречаем, в качестве полицейского агента, в Париже... Настоящая его фамилия — *Краузе;* он сын сапожника Краузе, который лет 15 — 18 тому назад был казнен в Дрездене вместе с Бакхофом и Безелером за убийство в Дрездене же графини Шёнберг и ее горничной... Флёри-Краузе часто рассказывал мне, что он работал для правительств уже с четырнадцатилетнего возраста».

Это тот самый *Флёри-Краузе,* о котором Штибер заявил на публичном заседании кёльнского суда как о непосредственно подчиненном Грейфу прусском тайном полицейском агент». В своих *«Разоблачениях о процессе коммунистов»* я говорю о Флёри[601]:

«Флёри, хотя и не Флёр де Мари [Fleur de Marie] полицейских проституток, но все же он цветок[*], который будет цвести, хотя бы только цветом fleurs-de-lys»[**].

Это в известной мере исполнилось. Несколько месяцев спустя после процесса коммунистов Флёри был приговорен в Англии по делу о подлоге к нескольким годам hulks[***].

«В качестве правой руки полицейского лейтенанта Грейфа», — продолжает Гирш, — «Флёри, в отсутствие его, сносился прямо с прусским посольством».

С Флёри был связан Макс Рёйтер, совершивший кражу писем у Освальда Дица, бывшего тогда хранителем архива шаппер-виллиховского союза.

«Штибер», — говорит Гирш, — «был извещен агентом прусского посланника в Париже Гацфельдта, пресловутым *Шервалем,* о письмах, которые последний сам писал в Лондон, и через Рейтера разузнал о их местонахождении, после чего Флёри, по поручению Штибера, совершил с помощью Рёйтера эту кражу. Это те украденные письма, о которых г-н Штибер не постыдился открыто дать на суде присяжных в Кёльне показания *«как о таковых»*... Осенью 1851 г. Флёри, вместе с Грейфом и Штибером, был в Париже; еще до этого Штибер, через посредство графа Гацфельдта, вступил там в сношения с этим *Шервалем,* или, правильнее, *Йозефом Кремером,* при помощи которого он надеялся создать заговор. С этой целью гг. Штибер, Грейф, Флёри, а также два других полицейских агента, Бекман[****] и Зоммер, устроили совещание в Париже совместно с знамени-

[*] Игра слов: «fleur» — «цветок», Fleury — фамилия. *Ред.*

[**] Pleur-de-lys [лилиями] на французском народном языке называются выжженные у клейменных преступников буквы T. F. (travaux forces, каторжные работы). *(Примечание Энгельса к изданию «Разоблачений» 1885 г.)*

[***] — каторжных работ на кораблях, оборудованных в качестве тюрем. *Ред.*

[****] Тот же самый индивидуум, который фигурировал в процессе Арнима. *(Примечание Маркса к изданию «Разоблачений» 1875 г., куда в качестве дополнения было включено настоящее приложение № 4.)*

Он уже тогда и в течение многих последующих лет был парижским корреспондентом «Kolnische Zeitung». *(Добавление к примечанию Маркса, сделанное Энгельсом в издании «Разоблачений» 1885 г.)*

тым французским шпионом *Люсьеном Делаодом* (под фамилией Дюпре) и дали соответственные инструкции Шервалю, по которым он должен был выкраивать свою переписку. Флёри очень часто забавлялся при мне этой провоцированной борьбой между Штибером и Шервалем; а тот Шмидт, который появился в основанном Шервалем по *полицейскому приказу* обществе в качестве секретаря одного революционного союза в Страсбурге и Кёльне, этот Шмидт был не кто иной, как г-н де Флёри... Флёри был в Лондоне, несомненно, единственным агентом прусской тайной полиции, и все предложения, делавшиеся прусскому посольству, проходили через его руки... гг. Грейф и Штибер во многих случаях полагались на его мнение». Флёри сообщает Гиршу: «Г-н Грейф сказал Вам, как надо действовать.., Центральная полиция во Франкфурте сама того мнения, что прежде всего необходимо *обеспечить существование политической полиции,* — безразлично, какими мы этого добьемся средствами; *шаг в этом направлении уже сделан* сентябрьским заговором в Париже».

Грейф возвращается в Лондон, выражает свое удовлетворение работой Гирша, но требует большего, именно отчетов о

«тайных заседаниях Союза, принадлежащего к партии Маркса». «Мы должны, — сказал в заключение лейтенант полиции — a tout prix* дать отчеты о заседаниях Союза; делайте это, как знаете, но только никогда не переступайте границ правдоподобия, сам же я слишком *занят.* Г-н де Флёри будет работать вместе с Вами от моего имени».

Тогдашнее занятие Грейфа заключалось, по словам Гирша, в переписке с Мопа через посредство Делаода-Дюпре насчет устройства мнимого побега Шерваля и Гипериха из тюрьмы Сент-Пелажи. Ввиду уверений Гирша, что

«Маркс в Лондоне никакого нового центрального общества Союза не основал... Грейф договорился с Флёри, что при данных обстоятельствах мы должны пока сами изготовить отчеты о заседаниях Союза; он же, Грейф, возьмет на себя заботу о защите подлинности этих документов, а то, что он предлагает, будет во всяком случае принято».

Итак, Флёри и Гирш принялись за работу. «Содержание» их отчетов о проведенных мной тайных заседаниях Союза, по словам Гирша,

«сводилось к тому, что устраивались различные дискуссии, принимались новые члены Союза, в каком-нибудь уголке Германии основывалась новая община, создавалась какая-нибудь новая организация, в Кёльне у заключенных друзей Маркса то появлялись, то исчезали виды на освобождение, приходили письма от тех или иных лиц и т. д. Что касается последнего, то Флёри обыкновенно обращал при этом внимание на тех лиц в Германии, которые были уже на подозрении в результате политического розыска или каким-либо образом проявляли политическую активность; но очень часто должна была приходить на помощь и фантазия, и тогда в Союз попадали члены с именами, быть может, совсем не существовавшими на свете. Но г-н Грейф полагал, что отчеты хороши и что нужно ведь их a tout

* — во что бы то ни стало. *Ред.*

prix создавать. Часть их Флёри взялся составить один, но в большинстве случаев я должен был помогать ему, так как он не умел даже мелкие заметки написать надлежащим стилем. Так появились отчеты, а г-н Грейф без колебаний взял на себя гарантию их подлинности».

Гирш рассказывает далее, как он и Флёри посетили А. Руге в Брайтоне и Эдуарда Мейена (тобиевской памяти) и украли у них письма и литографированные корреспонденции. Но это не все. Грейф-Флёри наняли в типографии Станбёри, Феттер-лейн, литографский станок и вместе с Гиршем сами стали фабриковать «радикальные листовки». Здесь есть чему поучиться «демократу» *Ф. Цабелю.* Пусть послушает:

«Первая составленная мной» (Гиршем) «листовка была названа, по предложению Флёри, «*К сельскому пролетариату»;* удалось получить несколько хороших оттисков ее. Г-н Грейф послал эти оттиски, как исходящие от *партии Маркса,* а для большей правдоподобности прибавил в сфабрикованных вышеуказанным образом отчетах так называемых заседаний Союза несколько слов о рассылке такой листовки для объяснения ее происхождения. Подобное же произведение было изготовлено под заглавием *«К детям народа»;* я не знаю, кому приписал его на этот раз г-н Грейф. Эти фокусы потом прекратились, главным образом потому, что поглощали много денег».

После своего мнимого побега из Парижа Шерваль прибыл в Лондон; здесь он первое время работает при Грейфе за плату 1 ф. 10 шилл. в неделю;

«за это он обязан был представлять отчеты о сношениях между немецкой и французской эмиграцией».

Но публично разоблаченный в Обществе рабочих и выгнанный из него, как mouchard

«Шерваль, по весьма естественным причинам, стал изображать немецкую эмиграцию и ее органы как совершенно не заслуживающие внимания, ибо с этой стороны он лишился всякой возможности доставлять какие бы то ни было сведения. Но зато он представил Грейфу отчет о ненемецкой революционной партии, в котором превзошел Мюнхаузена».

Гирш возвращается затем к кёльнскому процессу.

«Г-на Грейфа уже не раз запрашивали о содержании изготовленных Флёри, по его поручению, отчетов Союза, поскольку они касались кёльнского процесса... По этому делу были и определенные задания. Так, в одном случае Маркс будто бы переписывался о *Лассалем* по адресу «питейный дом», и г-н государственный прокурор желал, чтобы были произведены соответствующие розыски... Наивнее кажется просьба г-на государственного прокурора, в которой он выражает желание получить точные разъяснения о денежной помощи, оказанной Лассалем из Дюссельдорфа

заключенному Рёзеру в Кёльне... ведь деньги якобы должны были на самом деле поступать из Лондона».

В главе III, раздел 4 было уже упомянуто, как Флёри должен был, по поручению Хинкельдея, разыскать в Лондоне человека, который представлял бы на кёльнском суде. присяжных исчезнувшего свидетеля X.* и т. д. Подробно изложив этот эпизод, Гирш продолжает:

«Между тем, г-н Штибер настойчиво требовал от Грейфа доставить по возможности подлинники присланных им протоколов заседаний Союза. Флёри говорил, что, если иметь в своем распоряжении людей, то он мог бы изготовить подлинные протоколы. Но для этого необходимо *иметь почерки некоторых друзей Маркса.* Я воспользовался этим замечанием и отверг, со своей стороны, это предложение; Флёри только раз вернулся еще к этому вопросу, но затем молчал об этом. Вдруг около этого времени г-н Штибер выступает в Кёльне с книгой протоколов заседающего в Дон-доне центрального общества Союза... Я еще более был поражен, когда в сообщенных газетами выдержках из протоколов узнал переданные почти дословно отчеты, сфабрикованные Флёри по поручению Грейфа. Таким образом, г-н Грейф или сам г-н Штибер как-то сфабриковали *копию, так как протоколы этого мнимого подлинника были снабжены подписями, протоколы же,* которые *передал Флёри, никогда их не имели.* От самого Флёри я по поводу этого удивительного явления только узнал, что «Штибер все умеет делать, история произведет фурор!»».

Когда Флёри узнал, что «Маркс» засвидетельствовал подлинные подписи лиц, якобы подписавших протоколы (Либкнехта, Рингса, Ульмера и т. д.) в лондонском полицейском суде, он составил следующее письмо:

«Высокому королевскому полицей-президиуму в Берлине. Лондон, d. d.** Маркс и его друзья, намереваясь показать, что подписи, значащиеся под протоколами Союза, фальшивые, собираются засвидетельствовать здесь подписи, которые затем будут представлены суду присяжных в качестве подлинных. Всякий, знакомый с английскими законами, знает также, что в этом отношении ими можно вертеть в разные стороны и что тот, кто гарантирует подлинность, по существу, собственно, не дает настоящего поручительства. Лицо, делающее это сообщение, не боится назвать свое имя для дела, где речь идет об установлении истины. *Беккер,* Личфилд-стрит, 4». «Флёри знал адрес немецкого эмигранта Беккера, жившего в том же доме, что и *Виллих,* так что впоследствии подозрение по поводу происхождения письма могло бы легко пасть на Виллиха как на противника Маркса... Флёри уже заранее наслаждался скандалом, который должен был из-за этого произойти. Письмо, думал он, будет, конечно, прочитано так поздно, что возможные сомнения в его подлинности смогут быть разрешены лишь тогда, когда процесс уже закончится... Письмо за подписью Беккера было адресовано в *полицей-президиум в Берлине,* но оно пошло не в Берлин, а «к полицейскому чиновнику Гольдхейму, Франкфуртская гостиница в Кёльне», *конверт же от этого письма* пошел в Бер-

* — Хаупта. *Ред.*
** — de dato — т. е. написано такого-то числа. *Ред.*

лин со следующей вложенной в него запиской: *«Г-н Штибер из Кёльна даст точные сведения о назначении сего»*... Г-н Штибер не использовал письма; он не мог его использовать, так как вынужден был отказаться от всей *книги протоколов».*

Относительно последней Гирш рассказывает:

«Г-н Штибер заявляет» (на суде), «что она была у него в руках две недели тому назад и он раздумывал, прежде чем ее использовать; далее он заявляет, что она получена им с курьером в лице Грейфа... Таким образом, Грейф привез ему свою собственную работу; но как согласовать это с письмом г-на *Гольдхейма?* Г-н Гольдхейм пишет посольству: «Книгу протоколов представили так поздно лишь для того, чтобы предотвратить успех возможных запросов о ее подлинности»... В пятницу 29 октября г-н Гольдхейм прибыл в Лондон. Дело в том, что г-н Штибер понимал невозможность защищать подлинность книги протоколов; он поэтому отправил посланца переговорить по этому поводу на месте с Флёри; ставился вопрос, нельзя ли каким-нибудь образом раздобыть доказательство подлинности. Переговоры не дали результата, и, ничего не добившись, он уехал, оставив Флёри в отчаянии: чтобы не компрометировать высших чинов полиции, Штибер при создавшемся положении решил предать его. Что это было причиной тревоги Флёри, я понял из последовавшего вскоре затем заявления г-на Штибера. В полном расстройстве г-н Флёри ухватился за последнее средство; он принес мне рукопись, по которой я должен был скопировать заявление и, подписав его именем Либкнехта, присягнуть потом перед лорд-мэром Лондона в том, что я — Либкнехт... Флёри сказал мне, что почерк рукописи принадлежит тому лицу, которое написало книгу протоколов, и что *привез ее» (из Кёльна) «г-н Гольдхейм.* Но если г-н Штибер получил книгу протоколов из Лондона через курьера Грейфа, то как мог г-н Гольдхейм привезти из Кёльна рукопись мнимого протоколиста в то время, когда Грейф уже вновь был в Лондоне?.. То, что Флёри мне дал, состояло только из нескольких слов и подписи...». Гирш «скопировал по возможности точно почерк и составил заявление, что нижеподписавшийся, — Либкнехт, — объявляет засвидетельствованную Марксом и К° его подпись ложной и признает единственно правильной и подлинной только эту его подпись. Закончив свою работу и держа в руках рукопись» (рукопись, переданную ему Флёри для копирования), «которая, по счастью, находится еще и теперь в моем распоряжении, я, к немалому изумлению Флёри, высказал ему свои опасения и решительно отклонил его просьбу. Сперва он был безутешен, но затем заявил, что даст присягу сам... Ради большей верности он намеревался *заверить свою подпись у прусского консула* и поэтому сперва отправился в его канцелярию. Я ожидал его в одной таверне. Когда он вернулся, его подпись уже была заверена консулом, после чего он отправился к лорд-мэру, чтобы заверить ее под присягой. Но здесь дело не пошло так гладко; лорд-мэр потребовал других поручителей, которых Флёри не мог доставить, и дело с присягой лопнуло... Поздно вечером я встретился еще раз — и уже в последний раз — с г-ном де Флёри. Как раз в этот день он испытал неожиданную неприятность, прочитав в «Kolnische Zeitung» касавшееся его заявление г-на Штибера! «Но я знаю, что Штибер не мог поступить иначе, в противном случае ему пришлось бы скомпрометировать самого себя», — с полным основанием философски утешал себя г-н де Флёри... *«В Берлине грянет гром, если кёльнцы будут осуждены»,* — сказал мне г-н де Флёри в одну из наших последних встреч».

Последние встречи Гирша с Флёри происходили в *конце октября 1852 года;* добровольные признания Гирша датированы *концом ноября 1852* г., а в *конце марта 1852* г. *грянул «гром в Берлине»* (заговор Ладендорфа)*.

---

* К приведенному выше тексту приложения № 4, включенному Марксом во второе издание «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов» (1875 г.), Энгельс в третьем издании «Разоблачений» (1885 г.) добавил следующий текст:

Читателю интересно будет познакомиться с аттестацией, которую дает сам Штибер своим двум сообщникам, Флёри-Краузе и Гиршу. О первом в «черной книге»[602] (т. II, стр. 69), сказано следующее:

«№ 345. *Краузе,* Карл Фридрих Август, из Дрездена, сын казненного в 1834 г. за участие в убийстве графини Шёнберг в Дрездене Фридриха Августа Краузе, бывшего эконома, затем» (после его казни?) «хлебного маклера, и еще живой в настоящее время вдовы его, Иоганны Розины, урожденной Гёльниц; родился 9 января 1824 г. в Вейнбергхойзерн, возле Косвига, недалеко от Дрездена. С 1 октября 1832 г. он посещал школу для бедных в Дрездене, в 1836 г. был принят в сиротский дом в Антонштадте, у Дрездена, и в 1840 г. конфирмирован. Затем он поступил в обучение к купцу Груле в Дрездене, но уже в следующем году был под следствием и осужден городским судом в Дрездене за *неоднократные кражи* к отсидке в тюрьме с зачетом предварительного заключения. По освобождении он без всяких занятий жил у своей матери. В марте 1842 г. он опять был арестован и предан суду за кражу со взломом н был присужден к *четырехлетнему заключению в каторжной тюрьме.* 23 октября 1846 г. он вышел из тюрьмы и вернулся в Дрезден, где *вращался среди самых отъявленных воров.* В нем приняло участие общество попечения над отбывшими наказание преступниками и поместило его в сигарную мастерскую. Там он без перерыва работал до марта 1848 г., ведя себя сносно. Но скоро он опять отдался своей страсти к безделью, стал посещать политические общества» (в качестве правительственного шпиона, как он сам говорил Гиршу в Лондоне; см. выше). «В начале 1849 г. он сделался разносчиком «Dresdner Zeitung», которую редактировал живущий в настоящее время в Америке литератор-республиканец Е. Л. Виттиг из Дрездена; в мае 1849 г. был командиром на баррикаде на Софиенштрассе во время Дрезденского восстания и, когда оно было подавлено, бежал в Баден, где получил полномочия от временного баденского правительства от 10 и 23 июня 1849 г. организовать ландштурм и реквизировать продовольствие для инсургентов. Он был взят в плен прусскими войсками и 8 октября 1849 г. бежал из Раштатта» (совершенно так же, как впоследствии «бежал» Шерваль из Парижа. Но дальше следует настоящий полицейский букет — не надо забывать, что это было напечатано через два года после кёльнского процесса). «Согласно появившемуся в № 39 берлинского «Publicist» от 15 мая 1853 г. сообщению, заимствованному из напечатанной в Нью-Йорке книги торгового служащего Вильгельма Гирша из Гамбурга «Жертвы шпионажа»» (о ты, предчувствий полный ангел, о Штибер!), «Краузе появился в конце 1850 г. или в начале 1851 г. в Лондоне под именем *Шарля де Флёри* в качестве политического эмигранта. Вначале он бедствовал, но с 1851 г. его положение улучшилось, когда, после его приема в Союз коммунистов» (приема, выдуманного Штибером), «он стал служить агентом у различных правительств; при этом, однако, попадался в различных мошеннических проделках».

Так Штибер отблагодарил своего друга Флёри, который, впрочем, как уже было упомянуто выше, через несколько месяцев после кёльнского процесса был присужден в Лондоне за подлог и нескольким годам заключения в каторжной тюрьме.

О почтенном Гирше там же, на стр. 58 сказано:

«№ 265. Гирш, Вильгельм, торговый служащий из Гамбурга. Он, по-видимому, отправился в Лондон добровольно, а не в качестве эмигранта» (к чему эта совершенно бесцельная ложь? — ведь Гольдхейм хотел его арестовать в Гамбурге!). «Там он стал вращаться среди эмигрантов и примкнул к партии коммунистов. Он играл двойственную роль. С одной стороны, он принимал участие в деятельности революционной партии, с другой же стороны, он предлагал континентальным правительствам свои услуги в качестве шпиона как против политических преступников, так и против фальшивомонетчиков. В этом своем последнем качестве он шел на *самые гнусные мошенничества, надувательства, даже подлоги, так что его* необходимо остерегаться. В союзе с такими же субъектами он даже *подделывал бумажные деньги,* ради того лишь, чтобы за высокое вознаграждение якобы раскрывать полицейским властям фабрикации фальшивых денег. Мало-помалу его распознали обе стороны» (как полицейские, так и неполицейские фальшивомонетчики?). «Из Лондона он переехал в Гамбург, где живет в большой нужде».

Так пишет Штибер о своих лондонских подручных, за «правдивость и надежность» которых он неустанно клятвенно ручается. При этом особенно интересна абсолютная невозможность для этого образцового пруссака сказать чистую правду. Он совершенно не в состоянии удержаться от того, чтобы не всунуть между верными или неверными фактами, заимствованными из документов, хотя бы совершенно бесцельную ложь. На основании показаний таких профессиональных лжецов, — а их в настоящее время больше, чем когда-либо, — сотни людей приговариваются к тюрьме. В этом и заключается то, что в настоящее время называют спасением государства.

5. КЛЕВЕТА

По окончании кёльнского процесса коммунистов стали усиленно распространяться — особенно в немецко-американской прессе — клеветнические вымыслы в стиле Фогта об «эксплуатации» мной рабочих. Некоторые из моих проживающих в Америке друзей — гг. И. Вейдемейер, д-р А. Якоби (практикующий врач из Нью-Йорка, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов) и А. Клусс (служащий в адмиралтействе Соединенных Штатов в Вашингтоне) опубликовали с пометкой: Нью-Йорк, 7 ноября 1853 г. подробное опровержение этой нелепости, заметив при этом, что я имею право *молчать* о своих личных делах, поскольку дело идет о снискании *благосклонности* филистера. «Но когда следует *противопоставить* себя crapule*, филистерам и деморализованным бездельникам, по нашему мнению, молчать вредно для дела, и *мы* нарушаем молчание»[603].

6. ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

В цитированном мною раньше памфлете «Рыцарь и т. д.», на странице 5, напечатано:

«... 20 июля 1851 г. был основан Агитационный союз, а 27 июля 1851 г. — немецкий Эмигрантский клуб. Именно с этого дня... началась борьба между «Эмиграцией» и «Агитацией», которая велась по обеим сторонам океана — великая война мышей и лягушек.

Кто даст звучанье этой скромной лире,
Где вдохновенный слов поток мне взять,
Чтобы борьбу, невиданную в мире,
Я в ярких красках мог бы описать?

Все прежние бои — цветы на пире
В сравненьи с тем, что петь сулил мне рок:
Ведь все, в ком жив чудесный дух отваги,
Скрестили в этой славной битве шпаги.

(По Боярдо. «Влюбленный Роланд»,
песнь 27)»[604].

* — всякому сброду. *Ред.*

В мою задачу отнюдь не входит вдаваться здесь в подробности «этой славной битвы», а также входить в детали достигнутого 13 августа 1852 г. между *Готфридом Кинкелем,* от имени Эмигрантского союза, и *А. Гёггом,* от имени Революционного союза Старого и Нового света, «Предварительного соглашения относительно *договора о союзе»* (verbotenus* и под этим названием опубликовано во всей немецко-американской печати). Я замечу только, что вся *парламентская* эмиграция и той и другой стороны принимала участие в маскараде, за немногими исключениями (имен, вроде *К. Фогта,* каждая партия избегала тогда из одного только чувства приличия).

Страстоцвет немецкого филистерства Готфрид Кинкель под конец своего революционно-увеселительно-попрошайнического турне по Соединенным Штатам высказал в *«Записке о немецком национальном займе для содействия революции»,* помеченной: *Эльмира, штат Нью-Йорк, 22 февраля 1852 г.,* взгляды, ценные, по меньшей мере, своей крайней простотой. Готфрид полагает, что с устройством революций дело обстоит также, как со строительством железных дорог. Если только есть деньги, то имеешь в одном случае железную дорогу, а в другом — революцию. В то время как нация должна носить в груди жажду революции, устроители революции должны иметь наличные деньги в кармане, и все поэтому зависит от «небольшого, хорошо вооруженного отряда, **богато** снабженного деньгами». Вот к каким идейным блужданиям меркантильный ветер Англии приводит даже мелодраматические головы. Так как все здесь делается при помощи акций, даже «public opinion»**, то почему бы не быть и акционерному обществу «Для содействия революции»?

Во время одной публичной встречи с *Кошутом,* который тогда так же занимался революционным попрошайничеством в Соединенных Штатах, *Готфрид* очень эстетично выразился:

«Даже из Ваших чистых рук дарованная свобода была бы, правитель, для меня черствым куском хлеба, который я смочил бы *слезами* **своего стыда».**

Поэтому *Готфрид,* так внимательно смотревший дареному коню в зубы, уверял правителя, что если тот преподнесет ему своей правой рукой «революцию с Востока», то он, Готфрид, со своей стороны, вручит правителю своей правой рукой в качестве эквивалента «революцию с Запада». Семь лет спустя, в основанной им самим газете «Hermann», тот же Готфрид уверяет, что он человек редкой последовательности, и как он про-

* — дословно. *Ред.*
** — «общественное мнение». *Ред.*

возгласил перед военным судом в Раштатте принца-регента императором Германии, так он постоянно и придерживался этого девиза.

Один из первоначальных трех распорядителей и кассир революционного займа граф Оскар Рейхенбах опубликовал с пометкой: *Лондон, 8 октября 1852 г.,* денежный отчет с заявлением, в котором он отрекается от предприятия, причем добавляет: «Во всяком случае, я не могу передать и не передам денег гражданам Кинкелю и т. д.». В то же время он предлагал акционерам получить по временным заемным квитанциям находившиеся в кассе деньги. К отказу от заведования кассой и т. д., говорит он,

«меня побуждают политические и юридические соображения... Предположения, на которых основывалась идея займа, не оправдались. Сумма в 20000 долларов, по реализации которой только и надо было бы приступить к займу, не была поэтому собрана... Предложение основать журнал для агитации за идеи не встречает отклика. Только политические шарлатаны или помешанные на революции могут считать теперь осуществимой идею займа и допускать в данный момент возможность одинаково справедливого по отношению ко всем партийным фракциям, следовательно, беспристрастного, действительно революционного употребления денег».

Но революционную веру Готфрида не так легко было поколебать, и он раздобыл для этого случая «постановление», давшее ему возможность продолжать дело под другой фирмой.

В отчете Рейхенбаха содержится любопытное указание:

«За взносы», — говорит он, — «уплаченные комитетами позднее *не мне, а другим лицам,* нельзя сделать ответственными поручителей, на что при инкассировании квитанций и производстве расчетов я и прошу комитеты обратить свое внимание».

Доходы составляли, по его compte rendu* 1587 ф. ст. 6 шилл. 4 пенса, из которых на долю Лондона падают 2 ф. ст. 5 шилл., а на долю *Германии* — 9 фунтов. Расходы в сумме 584 ф. ст. 18 шилл. 5 пенсов состоят из следующих статей: *путевые издержки Кинкеля* и *Хильгертнера* — 220 фунтов; *путевые издержки других лиц* — 54 фунта; литографский станок — 11 фунтов; изготовление временных квитанций — 14 фунтов; *литографированная корреспонденция, почтовые расходы* и т. д. — 106 ф. ст. 1 шилл. 6 пенсов; *по указанию Кинкеля* и т. д. — 100 фунтов.

Революционный заем ограничился 1000 фунтами, которые Готфрид Кинкель держит в Вестминстерском банке наготове как первые деньги для ближайшего немецкого временного правительства. А временного правительства все нет, как нет!

* — отчету. *Ред.*

По-видимому, Германия думает, что с нее достаточно 36 наличных правительств.

Некоторые американские суммы по займу, не попавшие в лондонскую центральную кассу, нашли в отдельных случаях патриотическое применение, как, например, 100 ф. ст., переданные Готфридом Кинкелем весной 1858 г. г-ну Карлу Блинду для превращения их в «радикальные листовки» и т. д.

7. ПОЛЕМИКА ПРОТИВ ПАЛЬМЕРСТОНА

Шеффилд, Каунсил-холл, 6 мая 1856 г.

Доктор!

Шеффилдский комитет по иностранным делам поручил мне выразить Вам горячую благодарность за крупную услугу, которую Вы оказали обществу Вашим замечательным exposé* документов о Карсе, опубликованным в «People's Paper».

Имею честь и т. д. ***В. Сайплс,*** *секретарь*

Д-ру Карлу Марксу**

8. ЗАЯВЛЕНИЕ г-на А. ШЕРЦЕРА

Г-н *А. Шерцер,* начиная с 30-х годов принимавший достойное участие в рабочем движении, писал мне *22 апреля 1860* г. *из Лондона:*

«Уважаемый гражданин!

Я не могу не протестовать против одного, касающегося меня лично места среди отвратительной лжи и гнусных клеветнических измышлений фогтовской брошюры. Именно, в помещенном в приложении к № 150 «Schweizer Handels-Courier» от 2 июня документе № 7 напечатано: «Нам известно, что в настоящее время в Лондоне предпринимаются новые шаги. Письма за подписью А. Ш... посылаются оттуда обществам и отдельным лицам и т. д.». Эти «письма», по-видимому, дали г-ну К. Фогту повод написать в другом месте своей книги: «В начале этого года (1859) появилась как будто новая почва для политической агитации. Немедленно же этим обстоятельством воспользовались, чтобы по возможности снова приобрести некоторое влияние. В этом отношении тактика за много лет не изменилась. Комитет, о котором, как поется в старой песенке, «никто не знает ничего», рассылает через совершенно впрочем также неизвестного председателя или секретаря письма и т. д. и т. д. Когда, таким образом, позондирована почва, в районе появляется несколько «странствующих братьев», которые немедленно принимаются за организацию тайного союза. Самое общество, которое собираются скомпрометировать, ничего не знает об этих махинациях, исходящих от сепаратного союза нескольких лиц; даже переписка, ведущаяся от имени общества, в большинстве случаев совершенно ему неизвестна; в письмах, однако, всегда говорится «наше общество» и т. д. И преследования полиции, которые неизбежно за этим следуют и опираются на перехваченные документы, обращаются всегда против всего общества и т. д.».

* — изложением. *Ред.*

** В оригинале это письмо приведено на английском языке. *Ред.*

Почему г-н К. Фогт не *перепечатал всего письма,* на которое он ссылается в документе № 7? Почему он не «позондировал» источника, из которого исходил? Он без труда узнал бы, что открыто существующее *лондонское Просветительное общество рабочих* на *открытом* заседании назначило корреспондентский комитет, в который я имел честь быть избранным. Если г-н Фогт говорит о неизвестных секретарях и т. п., то мне очень приятно быть неизвестным ему, но я с удовлетворением могу заявить, что меня знают тысячи немецких рабочих, которые приобретали научные знания у людей, на которых он теперь клевещет. Времена переменились. Период тайных обществ прошел. Нелепо говорить о тайном союзе или сепаратном союзе, когда дела открыто разбираются в Обществе рабочих и на каждое заседание в качестве гостей туда приходят посторонние. Подписанные мной письма составлялись так, что из-за них ни у кого и волос не мог упасть с головы. Нам, немецким рабочим в Лондоне, важно было только узнать настроение обществ рабочих на континенте и основать газету, которая защищала бы интересы рабочего класса и боролась бы с наемными писаками враждебного лагеря. Ни одному немецкому рабочему не приходило, конечно, в голову действовать в интересах какого-нибудь Бонапарта, на что способен только какой-нибудь Фогт или ему подобные. Мы ненавидим австрийский деспотизм, наверное, куда сильнее г-на Фогта, но мы не стремимся к его разгрому чужим деспотом. Каждый народ должен сам себя освободить. Не странно ли, что г-н Фогт считает себя вправе прибегать как раз к тем средствам, использование которых в борьбе против его интриг он нам вменяет в преступление? Если г-н Фогт утверждает, что он не состоит на жалованье у Бонапарта, а деньги для основания газеты получал только из демократических рук, и этим хочет обелить себя, то как он, при всей своей учености, может проявлять столько тупости, чтобы обвинять и заподозревать рабочих, которые пекутся о благе своей родины и ведут пропаганду в пользу основания газеты?

С полным уважением ***А. Шерцер»***

9. СТАТЬЯ БЛИНДА В «FREE PRESS» от 27 мая 1859 г.

The Grand Duke Constantine to be King of Hungary[*]

A Correspondent, who encloses his card, writes as follows: —

Sir, — Having been present at the last meeting in the Music Hall, I heard the statement made concerning the Grand-Duke Constantine. I am able to give you another fact: —

So far back as last summer, Prince Jerome Napoleon detailed to some of his confidants at Geneva a plan of attack against Austria, and prospective rearrangement of the map of Europe. I know the name of a Swiss senator to whom he broached the subject. Prince Jerome, at that time, declared that, according to the plan made, the Grand-Duke Constantine was to become King of Hungary.

I know further of attempts made, in the beginning of the present year, to win over to the Russo-Napoleonic scheme some of the exiled German Democrats, as well as some influential Liberals in Germany. Large pecuniary advantages were held out to them as a bribe. I am glad to say that these offers were rejected with indignation.

[*] Приводимые Марксом в этой главе документы на английском языке, полный перевод которых он сам дает в других главах, воспроизводятся здесь на языке оригинала; перевод данного документа см. на стр. 492 настоящего тома. *Ред.*

10. ПИСЬМА г-на ОРГЕСА

Милостивый государь!

Сегодня я получил от г-на Либкнехта сообщение, что Вы намерены любезно предоставить в наше распоряжение судебный документ о листовке против Фогта, *касающийся истории ее происхождения.* Убедительно прошу Вас переслать мне его и по возможности скорее, чтобы мы могли представить его на суде. Прошу Вас прислать этот документ заказной почтой и все расходы поставить нам в счет. Впрочем, милостивый государь, либеральная партия недооценивает иногда «Allgemeine Zeitung»; мы (редакция) выдержали все испытания огнем и водой на верность политическим убеждениям. Если Вы будете судить не на основании той или иной отдельной статьи, а на основании всей нашей работы в целом, то убедитесь, что ни одна немецкая газета так не работает, без торопливости, но и неустанно, на пользу единства и свободы, могущества и культуры, умственного и материального прогресса, подъема национального сознания и нравственности немецкого народа, что ни одна из них не добилась большего, чем мы. Вы должны судить о нашей деятельности по ее результатам. Еще раз убедительнейше прошу о любезном исполнении своей просьбы. С полным уважением всецело преданный Вам

Герман Оргес

Аугсбург, 16/10

Второе письмо *от того же* числа было только *выдержкой* из первого; оно «тоже было послано ради вящей осторожности», как выражается г-н Оргес; в нем содержится та же самая просьба о «скорейшей пересылке любезно предоставляемого Вами, как пишет г-н Либкнехт, в наше распоряжение документа о *происхождении* известной листовки против Фогта».

11. ЦИРКУЛЯР ПРОТИВ К. БЛИНДА

Из своего циркуляра на английском языке против Блинда от 4 февраля 1860 г.* я приведу здесь только заключительные строки:

«Прежде чем я предприму дальнейшие шаги, я хочу разоблачить молодцов, которые явным образом сыграли на руку Фогту. С этой целью я публично заявляю, что показание Блинда, Вие и Холлингера, будто анонимная листовка *не* была напечатана в типографии Холлингера, 3, Личфилд-стрит, Сохо является *преднамеренной ложью.* Во-первых, г-н Фёгеле, один из наборщиков, работавший прежде у Холлингера, готов заявить под присягой, что названная листовка *была* напечатана в типографии Холлингера, была написана почерком *г-на Блинда* и была набрана частично самим Холлингером. Во-вторых, в судебном порядке может быть доказано, что эта листовка и статья в «Volk» набраны были одним и тем же шрифтом. В-третьих, будет показано, что

* См. настоящий том, стр. 699 — 700. *Ред.*

Вие *не* работал у Холлингера одиннадцать месяцев подряд и, в частности, *не* работал у него в то время, когда печаталась листовка. Наконец, можно вызвать свидетелей, в присутствии которых сам Вие признавался, что Холлингер уговорил его подписать заведомо *ложное заявление,* напечатанное *в «Аугсбургской газете».* На основании всего этого я снова называю вышеупомянутого *Карла Блинда преднамеренным лжецом.*

Карл Маркс»

ИЗ ЛОНДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ «TIMES» ОТ 3 ФЕВРАЛЯ*

Vienna, January 30th. — The Swiss Professor Vogt pretends to know that France will procure for Switzerland Faucigny, Chablais and the Genevese, the neutral provinces of Savoy, if the Grand Council of the Republic will let her have the free use of the Simplon.

12. AFFIDAVIT ФЁГЕЛЕ

Сим заявляю:

что немецкая листовка «Предостережение», которая была потом напечатана 18 июня 1859 г. в № 7 «Volk» (немецкой газеты, выходившей тогда в Лондоне) и снова перепечатана в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Аугсбургской газете») — что она была набрана отчасти г-ном Фиделио Холлингером, 3, Личфилд-стрит, Сохо, Лондон; отчасти мной самим, работавшим тогда у г-на Фиделио Холлингера, и что листовка эта была напечатана в типографии г-на Ф. Холлингера, 3, Личфилд-стрит, Сохи, Лондон; что рукопись названной листовки была написана почерком г-на Карла Блинда; что я видел, как г-н Ф. Холлингер дал г-ну Вильгельму Либкнехту, 14, Черч-стрит, Сохо, Лондон, корректурный лист листовки «Предостережение»; что сначала г-н Ф. Холлингер колебался, отдать ли корректурный лист г-ну В. Либкнехту и что, когда г-н В. Либкнехт ушел, он, г-н Ф. Холлингер, выразил мне и моему товарищу, рабочему П. Ф. Вие, свое сожаление, что он выпустил из своих рук корректурный лист.

Заявлено в полицейском суде на Боу-стрит, в графстве Мидлсекс, 11 февраля 1860 г. передо мной, полицейским судьей столицы *Т. Генри.*

А. Фёгеле*

М. П.

13. AFFIDAVIT ВИЕ***

One of the first days of November last — I do not recollect the exact date — in the evening between nine and ten o'clock I was taken out of bed by Mr. F. Hollinger, in whose house I then lived, and by whom I was employed as compositor. He presented to me a paper to the effect, that, during the preceding eleven months I had been continously employed by him, and that during all that time a certain German flysheet «Zur Warnung» (A Warning) had not been composed and printed in Mr. Hollinger's Office, 3, Litchfield Street, Soho. In my perplexed state, and not aware of the importance

* Перевод см. на стр. 563 настоящего тома. *Ред.*
** В оригинале Affidavit Фёгеле приведен на английском языке. *Ред.*
*** Перевод см. на стр. 497 — 498 настоящего тома. *Ред.*

of the transaction, I complied with his wish, and copied, and signed the document. Mr. Hollinger promised me money, but I never received anything. During that transaction Mr. Charles Blind, as my wife informed me at the time, was waiting in Mr. Hollinger's room. A few days later, Mrs. Hollinger called me down from dinner and led me into her husband's room, where I found Mr. Charles Blind alone. He presented me the same paper which Mr. Hollinger had presented me before, and entreated me to write, and sign a second copy, as he wanted two, the one for himself, and the other for publication in the Press. He added that he would show himself grateful to me. I copied and signed again the paper.

I herewith declare the truth of the above statements and that:

1) During the 11 months mentioned in the document I was for *six* weeks *not* employed by Mr. Hollinger, but by a Mr. Ermani. 2) I did not work in Mr. Hollinger's Office just at that time when the flysheefc: «Zur Warnung» (A Warning) was published. 3) I heard at the time from Mr. Voegele, who then worked for Mr. Hollinger, that he, Voegele, had, together with Mr. Hollinger himself, composed the flysheet in question, and that the manuscript was in Mr. Blind's handwriting. 4) The types of the pamphlet were still standing when I returned to Mr. Hollinger's service. I myself broke them into columns for the reprint of the flysheet (or pamphlet) «Zur Warnung» (A Warning) in the German paper «Das Volk» published at London, by Mr. Fidelio Hollinger, 3, Litchfield Street, Soho. The flysheet appeared in No. 7, d. d. 18th June, 1859, of «Das Volk» (The People). 5) I saw Mr. Hollinger give to Mr. William Liebknecht, of 14, Church Street, Soho, London, the proofsheet of the pamphlet «Zur Warnung», on which proofsheeb Mr. Charles Blind with his own hand corrected four or five mistakes. Mr. Hollinger hesitated at first giving the proofsheetto Mr. Liebknecht, and when Mr. Liebknecht had withdrawn, he, F. Hollinger, expressed to me and my fellow workman Voegele his regret for having given the proofsheet out of his hands.

Declared and signed by the said Johann Friedrich Wiehe at the Police Court, Bow Street, this 8th day of February, 1860, before me *Th. Henry,* Magistrate of the said court.

Johann Friedrich Wiehe

L. S.

14. ИЗ ДОКУМЕНТОВ ПРОЦЕССА

Временное правительство. Французская республика. Свобода, Равенство и Братство.

От имени французского народа

Париж, 1 марта 1848 г.

Мужественный и честный Маркс!

Французская республика — место убежища для всех друзей свободы. Тирания Вас изгнала, свободная Франция вновь открывает Вам свои двери, Вам и всем тем, кто борется за святое дело, за братское дело всех народов. Всякий агент французского правительства должен толковать свои обязанности в этом духе. Привет и братство.

Фердинан Флокон, член временного правительства*

* В оригинале письмо Флокона приведено на французском языке. *Ред.*

Брюссель, 19 мая 1848 г.

Дорогой г-н Маркс!

Я с большим удовольствием узнал от нашего друга Веерта, что Вы собираетесь издавать в Кёльне *«Новую Рейнскую газету»,* проспект которой он мне доставил. Необходимо, чтобы эта газета держала нас в Бельгии в курсе дел немецкой демократии, так как здесь невозможно узнать о них ничего достоверного по «Кёльнской газете», по аугсбургской «Всеобщей газете» и по другим аристократическим немецким газетам, которые мы получаем в Брюсселе, а также по нашей «Independance belge», все специальные корреспонденции которой составлены с точки зрения интересов нашей буржуазной аристократии. Г-н Веерт сказал мне, что он собирается ехать к Вам в Кёльн, чтобы принять участие в создании «Новой Рейнской газеты». Он обещал мне от Вашего имени присылать эту газету в обмен на «Debat social»[605], которую я, со своей стороны, буду посылать Вам. Я бы очень хотел также поддерживать с Вами переписку о делах, касающихся обеих наших стран. В интересах обеих стран необходимо, чтобы бельгийцы и немцы не оставались отчужденными друг от друга, так как во Франции подготовляются события, которые неизбежно выдвинут вопросы, затрагивающие обе наши страны. Я вернулся из Парижа, где провел с десяток дней, стараясь по возможности лучше выяснить себе положение в этой великой столице. В конце моего пребывания там я оказался в самой гуще событий 15 мая. Я присутствовал даже на заседании Национального собрания, во время которого народ ворвался в зал заседаний... Наблюдая занятую парижским народом позицию и выслушивая речи главных современных деятелей Французской республики, я понял, что ожидается сильная реакция в настроениях буржуазии против февральских событий; события 15 мая, без сомнения, ускорят эту реакцию. А последняя, несомненно, очень скоро приведет к новому восстанию народа... Франция должна будет вскоре прибегнуть к войне. На этот случай мы и должны здесь и у вас обдумать наши совместные действия. Если война будет сначала с Италией, то у нас будет передышка... Но если она немедленно будет направлена против нашей страны, то я не знаю еще, что нам придется делать, и в этом случае нам понадобится совет немцев... А пока я в воскресенье анонсирую в «Debat social» о предстоящем вскоре выходе Вашей новой газеты... Я рассчитываю поехать в Лондон в конце июня этого года. Если Вам представится случай написать в Лондон своим друзьям, то благоволите просить их принять меня. Сердечно Вам преданный

Л. Жотран, адвокат*

Брюссель, 10 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Не получая очень долго от Вас вестей, я с живейшим удовлетворением прочел Ваше последнее письмо. Вы жалуетесь на то, что все идет так медленно и что я не поторопился ответить на Ваш вопрос. Что делать, с возрастом перо становится все ленивее. Но я надеюсь, Вы убедитесь, что мои чувства и мои взгляды остались теми же. Я вижу, что Ваше последнее письмо написано под диктовку рукой Вашего интимного секретаря, Вашей очаровательной супруги, — г-жа Маркс, не забыла еще старого брюссельского отшельника. Да благоволит она принять мой почтительный привет.

Сохраните, дорогой собрат, Ваши дружеские чувства ко мне. Привет и братство.

Лелевель*

* В оригинале письмо Жотрана приведено на французском языке. *Ред.*
** В оригинале письмо Лелевеля приведено на французском языке. *Ред.*

Лондон, 11 февраля 1860 г.

5, Кембридж-плейс, Кенсингтон

Дорогой Маркс!

Я прочел ряд гнусных статей против Вас в «National-Zeitung» и крайне поражаюсь лживости и злорадству их автора. Я считаю обязанностью каждого, кто знаком с Вами, — как ни излишни подобные свидетельства, — воздать должное Вашим достоинствам, честности и бескорыстию. На мне эта обязанность лежит вдвойне: я вспоминаю, как много статей в течение ряда лет Вы давали для моего небольшого журнала «Notes to the People»[606], а впоследствии для «People's Paper» совершенно безвозмездно, — статей, которые были так важны для дела народа и так ценны для газеты. Позвольте мне надеяться, что Вы сурово нахкажете Вашего низкого и трусливого пасквилянта.

Примите, мой дорогой Маркс, искреннейшее уверение в моей преданности,

Эрнест Джонс

Д-ру Карлу Марксу*

Нью-Йорк. Редакция «Tribune», 8 марта 1860 г.

Дорогой сэр!

В ответ на Вашу просьбу я очень счастлив подтвердить известные мне лично факты о Вашей связи с различными изданиями в Соединенных Штатах. Лет девять тому назад я пригласил Вас сотрудничать в «New-York Tribune», и с тех пор это сотрудничество не прекращалось. Вы писали для нас постоянно, без перерыва даже на одну неделю, насколько я помню. И Вы не только один из наиболее ценимых, но и один из наилучше оплачиваемых сотрудников газеты. Единственный недостаток, который я мог бы отметить у Вас, это то, что Вы иногда обнаруживали слишком немецкие для американской газеты симпатии. Это имело место как в отношении России, так и Франции. В вопросах, касавшихся царизма и бонапартизма, мне по временам казалось, что Вы обнаруживаете слишком много интереса и слишком много заботы о единстве и независимости Германии. Может быть, особенно резко это обнаруживалось в связи с последней Итальянской войной. Я вполне был солидарен с Вами в *симпатиях к итальянскому народу;* я так же мало доверял, как и Вы, искренности французского императора и так же мало, как и Вы, верил, что от него можно ожидать *итальянской свободы,* — но я не думал, что у Германии есть такие основания для тревоги, как думали это Вы вместе с другими немцами-патриотами.

Я должен прибавить, что во всех Ваших статьях, прошедших через мои руки, Вы всегда обнаруживали живейший интерес к благополучию и прогрессу трудящихся классов и что многие Ваши труды имели прямое отношение к этому вопросу.

Я был также не раз за последние пять-шесть лет посредником, через которого проходили Ваши работы, предназначавшиеся для «Putnam's Monthly»[607], очень солидного литературного журнала, а также для «Новой американской энциклопедии», редактором которой я также состою и для которой Вы прислали несколько очень важных статей.

* В оригинале письмо Джонса приведено на английском языке. *Ред.*

Если потребуются другие объяснения, то я буду счастлив дать их Вам. А пока остаюсь искренне Ваш

Чарлз А. Дана,

ответственный редактор «New-York Tribune»

Г-ну д-ру Карлу Марксу*

15. БРОШЮРЫ ДАНТЮ

Я показал, что брошюры Дантю служат источником, откуда немецкий Да-Да черпает свою мудрость в области всемирной истории вообще и *«спасительной политики Наполеона»* в частности. *«Спасительная политика Наполеона»* — выражение, заимствованное из одной недавней передовой статьи «демократа» *Ф. Цабеля.* О том, что думают и знают *сами французы* об этих брошюрах, можно составить себе представление по следующей выдержке из парижского еженедельника «Courrier du Dimanche» *№ 42 от 14 октября 1860 года:*

«Что касается настоящего момента, то возьмите наугад десять брошюр, и вы увидите, что, по крайней мере, девять из них были задуманы, обработаны и написаны... кем? — профессионалами-романистами, песенниками, водевилистами, пономарями!

Заговорят ли в газетах о таинственных свиданиях между северными державами, о воскресающем Священном союзе, и вот немедленно какой-нибудь приятный сочинитель довольно литературных — и даже (в свое время) изрядно либеральных — куплетов бежит к неизбежному г-ну *Дантю* и приносит ему под звучным названием «Коалиция» длинное и пошлое переложение статей г-на Грангийо. Или покажется, что союз с Англией как-то не понравился г-ну Лимераку, и тотчас какой-нибудь г-н Шатле, кавалер ордена Григория Великого, который, судя по его стилю, служит где-нибудь пономарем, печатает или перепечатывает длинный и смехотворный доклад *«Преступления и проступки Англии против Франции».* Уже автор *«Кума Гильри»* (Эдмон Абу)[608] счел необходимым просветить нас насчет политических тайн прусской монархии и с высоты своих театральных провалов преподал советы благоразумия берлинским палатам. Сообщают, будто г-н Клервиль собирается в ближайшее время разъяснить вопрос о Панамском перешейке, столь запутанный г-ном Белли, и, несомненно, через несколько дней после свидания высочайших особ 21 октября в витринах всех наших книжных лавок появится великолепная розовая брошюра под заглавием *«Записки о варшавском свидании, составленные кордебалетом Оперы».*

Этот на первый взгляд необъяснимый захват области политики *малыми богами* литературы объясняется многими причинами. Мы здесь остановимся только на одной, наиболее непосредственной и бесспорной.

В обстановке почти всеобщего маразма ума и чувств эти господа, занимающиеся печальной профессией увеселения публики, не знают, как им встряхнуть и разбудить своих читателей. Они неизменно повторяют свои старые юмористические куплеты и анекдоты. Их самих также снедает тоска, печаль и уныние, как и тех, кого они собираются развлекать. Вот почему, исчерпав все возможности, они с отчаяния принялись писать — кто мемуары куртизанок, кто дипломатические брошюры.

* В оригинале письмо Дана приведено на английском языке. *Ред.*

А затем, в одно прекрасное утро, какой-нибудь авантюрист пера, никогда не пожертвовавший политике и часом серьезных занятий, не имеющий за душой и тени какого бы то ни было убеждения, поднимается и говорит себе: «Я должен произвести большой шум! Что же мне сделать, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание, инстинктивно избегающее меня? Написать брошюру о деле Леотара или о восточном вопросе? Раскрыть перед изумленным светом тайны будуаров, где я никогда не бывал, или тайны русской политики, которая мне еще более чужда? Излить в вольтеровской прозе свою *скорбь о женщинах с запятнанной репутацией* или же в евангельской прозе скорбь о несчастных маронитах, преследуемых и истребляемых фанатиками-магометанами? Написать апологию мадемуазель Ригельбош или защиту светской власти папы? Я решительно выбираю политику. Я сумею развлечь свою публику гораздо лучше царями и императорами, чем женщинами легкого поведения». Сказавши это, наш сверхштатный член литературной богемы копается в «Moniteur», шатается несколько дней под колоннадой Биржи, делает визиты некоторым чиновникам и узнает, наконец, в какую сторону дует ветер столичного любопытства или придворных настроений; тогда он выбирает заглавие, которое этот ветер может надуть надлежащим образом, и довольный почивает на своих лаврах. Теперь его работу можно считать готовой; ведь в наше время в брошюре важны только две вещи: заглавие и предполагаемые отношения между автором и «высокими особами».

Нужно ли после этого говорить, чего стоят брошюры, которыми нас засыпают? Соберите когда-нибудь все свое мужество, попытайтесь прочесть их до конца, и вы будете поражены неслыханным невежеством, нестерпимым легкомыслием, даже падением нравственного чувства, которое обнаруживают их авторы. Я уже не говорю здесь о худших из них... Каждый год пригибает нас еще ниже, с каждым годом обнаруживается новый признак интеллектуального вырождения, каждый год прибавляет новый литературный позор к тем, от которых нам приходится краснеть. Дело доходит до того, что даже крайние оптимисты начинают иногда сомневаться в завтрашнем дне и спрашивают себя с тревогой: выберемся ли мы из этого положения?»*

Выше я цитировал из «National-Zeitung» выражение *«спасительная политика Наполеона».* Странным образом парижский корреспондент «Manchester Guardian»[609], — газеты, известной во всей Англии точностью, как правило, своей информации, — сообщает следующую любопытную вещь:

«Paris, November, 8... Louis Napoleon spends his gold in vain in supporting such newspapers as the «National-Zeitung»» (Луи-Наполеон напрасно тратит свои деньги, поддерживая такие газеты, как «National-Zeitung») («Manchester Guardian» от 12 ноября 1860 г.).

Впрочем, я думаю, что вообще хорошо осведомленный корреспондент «Manchester Guardian» на этот раз ошибается. Говорят, будто бы Ф. Цабель перебежал в бонапартистский лагерь, чтобы доказать, что он *не подкуплен Австрией.* По крайней мере, так мне сообщили из Берлина.. Совсем как в *Дунсиаде!*

* В оригинале выдержка из статьи в «Courrier du Dimanche» приведена на французском языке. *Ред.*

16. ДОПОЛНЕНИЕ

a) КАРЛ ФОГТ И ОБЩЕСТВО «ЦЕМЕНТ»

Во время печатания последних листов мне случайно попался в руки *октябрьский номер* (1860 г.) «Stimmen der Zeit». Прежний издатель органа беглых парламентариев «Deutsche Monatsschrift» и, следовательно, до некоторой степени, литературное начальство «беглого имперского регента», *А. Колачек,* рассказывает на странице 37 о своем *друге Карле Фогте:*

«Женевское акционерное общество «Цемент», в *дирекцию* которого входил не кто иной, как сам г-н *Карл Фогт,* было основано в 1857 г., а в 1858 г. акционеры не имели уже ни копейки, и прокурор упрятал одного из директоров в тюрьму по обвинению в обмане. В момент этого ареста г-н Фогт был как раз в Берне. Он поспешно вернулся назад, арестованный был выпущен, процесс был замят, «чтобы избежать скандала», но акционеры потеряли все. По этому примеру нельзя утверждать, что в Женеве собственность достаточно защищена, и заблуждение г-на *Карла Фогта* в этом отношении кажется тем более странным, что он, как мы сказали, был *одним из директоров названного общества;* между тем даже во Франции в подобных процессах ищут виновных даже среди директоров, сажают в тюрьму и удовлетворяют за счет их имущества гражданские иски акционеров».

Пусть сравнят с этим то, что говорит И. Ф. Беккер в своем письме (глава X) о банковской истории, бросившей г-на *Джемса Фази* в объятия декабря. Подобные детали очень помогают при решении загадки, как Наполеон Малый стал самым большим человеком своей эпохи. Как известно, самому Наполеону Малому пришлось выбирать между coup d'etat* и... Клиши[610].

b) КОШУТ

Нижеследующие выдержки из записки о беседе с *Кошутом* убедительно доказывают, как хорошо Кошут знает, что главную опасность для Венгрии представляет *Россия.* Автор этой записки — один из виднейших радикальных депутатов теперешней House of Commons**,

«Записка о беседе с г-ном Кошутом вечером 30 мая 1854 г. в...

... Возврат в Венгрии к строгой законности (сказал он, то есть Кошут) может возродить союз Венгрии с Австрией и помешает России найти союзников в Венгрии. Он (Кошут) нисколько не будет противиться возврату к законности. Он готов посоветовать своим землякам принять с доверием такое восстановление, если его можно добиться, и, со своей стороны, никоим образом не будет препятствовать такому обороту дела. Сам он не намерен вернуться в Венгрию. Он сам не собирается содействовать такому курсу Австрии, так как не верит в поворот Австрии к законности, разве

* — государственным переворотом. *Ред.*
** — палаты общин. *Ред.*

только ее принудит к этому суровая необходимость. Он разрешил мне сказать, что таково его мнение и что, если потребуется, то он открыто его подтвердит, хотя сам не выступит ни с каким предложением, так как не ожидает, чтобы Австрия добровольно отказалась от своих традиционных нейтралистских планов... Он согласился бы в 1848 г., чтобы послали венгерские войска для отражения атак пьемонтцев» (г-н Кошут в 1848 г. пошел намного дальше этого, добившись своей горячей речью в сейме в Пеште посылки венгерских войск против итальянских «мятежников»), «но не воспользовался бы этими войсками, чтобы силой удерживать австрийскую Италию, как не согласился бы допустить иноземные войска в Венгрию»*.

Мифотворческая сила народной фантазии во все времена проявлялась в изобретении «великих людей». Поразительнейшнй пример этого рода, бесспорно, представляет *Симон Боливар.* Что касается *Кошута,* то его, например, прославляют как человека, уничтожившего в Венгрии феодализм. Между тем он совершенно непричастен к трем важнейшим мероприятиям — введению всеобщего налогового обложения, уничтожению феодальных повинностей крестьян и безвозмездной отмене церковной десятины. Законопроект о *всеобщем налоговом обложении* (дворянство прежде было свободно от налогов) был внесен *Семере;* законопроект об уничтожении барщины и т. д. — *Бонишом,* депутатом из Сабольча, а духовенство само, при посредстве своего депутата каноника Йекельфалушши, добровольно отказалось от десятины.

c) ЭДМОН АБУ. «ПРУССИЯ В 1860 г.»

В конце главы VIII я высказываю мнение, что брошюра *Э. Абу «Пруссия в 1860 г.»* или, как она первоначально называлась, *«Наполеон III и Пруссия»* представляет обратно переведенное на французский язык извлечение из компиляции Да-Да Фогта, являющейся переложением на немецкий язык брошюр Дантю. Единственным соображением против этого предположения было совершенное незнакомство провалившегося сочинителя комедий Э. Абу с немецким языком. Но разве compere** Гильри не мог отыскать в Париже какую-нибудь commere allemande***? Кто мог быть этой *commere* — оставалось предметом догадок. Брошюра *«Пруссия в 1860 г.»* была, как известно, опубликована как памятка к поездке Луи Бонапарта в Баден-Баден[611]; она должна была предварить его предложения принцу-

* В оригинале записка о бсседе с Кошутом приведена на английском языке. *Ред.*
** — кум. *Ред.*
*** — немецкую куму. *Ред.*

регенту и разъяснить Пруссии, что, как говорится в заключительных словах брошюры, Пруссия имеет в лице режима 2 декабря «un allie tres utile qui est peut-etre appele a lui» (Пруссии) «rendre de grands services, *pourvu qu'elle s'y prete un peu»*[*]. Переведенное на немецкий язык это *«pourvu qu'elle s'y prete un peu* означало: «при условии, что Пруссия продаст Франции Рейнскую провинцию»; секрет этот Э. Абу выдал по-французски (см. главу IX, Агентура) уже весной 1860 г. в «Opinion nationale». При подобных отягчающих обстоятельствах я не имел права, исходя из простых догадок, указывать на кого-нибудь как на немецкого суфлера Э. Абу — провалившегося сочинителя комедий и автора выходивших у Дантю брошюр. Но теперь я имею право заявить, что немецкая commere compere Гильри — не кто иной, как нежная Кунигунда Фогта, г-н *Людвиг Симон из Трира.* Об этом вряд ли догадывался немецкий эмигрант[**] в Лондоне, написавший известный ответ на брошюру Абу![612]

---

[*] — «очень полезного союзника, который призван, может быть, оказать ей крупные услуги, *лишь* бы *она пошла ему* навстречу». *Ред.*

[**] — С. -*Ч.* Боркхейм. *Ред.*

К. МАРКС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ALLGEMEINE ZEITUNG»

[Лондон], 19 октября 1859 г.
9, Графтен-террес, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл

Милостивый государь!

Пока я участвовал в немецкой прессе, я нападал на «Allgemeine Zeitung», а «Allgemeine Zeitung» нападала на меня. Но это, конечно, отнюдь не мешает тому, чтобы я по мере сил помог «Allgemeine Zeitung» в том случае, когда она выполняет, по моему убеждению, *первую* обязанность прессы — обязанность разоблачать шарлатанство. Прилагаемый документ имел бы здесь в Лондоне значение *судебного* документа*. Не знаю, так ли это в *Аугсбурге.* Я достал этот документ ввиду того, что Блинд отказался подтвердить сделанные им мне и другим лицам заявления, о которых я в свою очередь рассказал Либкнехту и которые не оставили у последнего никаких сомнений относительно разоблачений, содержащихся в анонимной листовке.

Ваш покорный слуга

д-р К. Маркс

Напечатано в «Allgemeine Zeitung» № 300, 27 октября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* См. об этом настоящий том, стр. 492 — 494. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ «REFORM», «VOLKS-ZEITUNG» И «ALLGEMEINE ZEITUNG» [613]

Лондон, 7 ноября 1859 г.

Из № 132 «Freischutz», который мне прислал один друг из Гамбурга, я усматриваю, что *Эдуард Мейен* счел себя обязанным со всем своим непререкаемым авторитетом вмешаться в дело *Фогта.* Horsepower*, или, вернее сказать, donkeypower** его логики сконцентрирована в великолепном суждении: так как он был в дружеских отношениях с *Блиндом,* а *Блинд не* прислал ему копии анонимной листовки, то посланный мною в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» подлинный документ непременно *falsum****. Со свойственной ему мелкой хитростью он, разумеется, остерегается сказать это прямо; он говорит это косвенно.

Между прочим, я хотел бы, чтобы г-н *Эдуард Мейен* доказал, что мое время ничего не стоит и что я могу поэтому растрачивать его, занимаясь нападками на немецкую вульгарную демократию.

С конца 1850 г. я порвал всякие отношения с немецкой лондонской эмиграцией, которая тотчас распалась, когда я вырвал у нее из-под ног единственную объединявшую ее почву — оппозицию против меня. Процесс ее распада был особенно ускорен стараниями таких агентов, как *Мейен,* который, например, открыто агитировал за фракцию *Кинкеля* против фракции *Руге.* В течение 9 лет, которые протекли с тех пор, я был все время сотрудником «New-York Tribune», газеты, насчитывающей 200000 подписчиков, — круг читателей приблизительно такой

* — Лошадиная сила. *Ред.*
** — ослиная сила. *Ред.*
*** — фальшивка. *Ред*.

же, как у «Freischutz». Назвал ли я хоть раз кого-нибудь из немецких вульгарных демократов, удостоил ли я хотя бы *одним словом* направленные против меня грязные нападки, которыми эти доблестные мужи в течение 5 лет заполняли немецкую и особенно немецко-американскую печать?

Правда, я за это время нападал, но не клеветал, на «великих» демократов, перед которыми по обязанности преклоняется г-н *Эдуард Мейен.* Так, я нападал на великого демократа *лорда Пальмерстона.* И моя вина была тем более непростительна, что моя «клевета» была не только перепечатана английскими газетами самых различных партийных направлений — от чартистской «People's Paper» до органа г-на *Уркарта* «Free Press», — но и была переиздана без какого-либо участия с моей стороны в виде брошюр по меньшей мере тиражом в 15000 экземпляров в Лондоне, Шеффилде и Глазго. Я разоблачал, кроме того, в это же время великого демократа *Луи Бонапарта* — сперва ь немецкой работе («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»), которая на германской границе была повсюду конфискована, но широко разошлась в Соединенных Штатах и в выдержках появилась в тогдашнем лондонском органе чартистов[614]. Так «клеветать» на «великого демократа» *Бонапарта* я продолжаю в «Tribune» до настоящего дня, подвергая анализу его финансовую систему, его дипломатию, его способы ведения войны, его idees napoleoniennes*. *Луи Бонапарт* прислал в «New-York Times» *открытое* благодарственное письмо за ее выступления против этих «клеветнических» нападок. 7 лет тому назад я изобличил даже «великого демократа» *Штибера* в книге «Разоблачения о процессе коммунистов», которая была уничтожена на баденско-швейцарской границе. Г-н *Мейен* мне уж как-нибудь простит это. Теперь такая клевета демократична, так как она распространяется «с высокого соизволения начальства». Как часто я ошибался во времени, доказывает наряду с органом г-на *Эдуарда Мейена* также и орган г-на *Йозефа Дюмона* в *Кёльне***. Когда я в 1848 и 1849 гг. взял на себя смелость выступить в «Neue Rheinische Zeitung» в защиту венгерской, итальянской и польской наций, кто больше всех шипел и поднимал вой, как не орган г-на *Йозефа Дюмона* в Кёльне? Правда, тогда *Луи-Наполеон Бонапарт* не осенил еще национальности «либеральной» благодатью. О том, что бывшие редактора «Neue Rheinische Zeitung» остались верны *своим* взглядам, знает даже бывший г-н *Йозеф Дюмон,* ныне *Джузеппе дель Монте,* из опубликованной в начале войны *Фридрихом Энгельсом*

* — наполеоновские идеи. *Ред.*
** — «Kolnische Zeitung». *Ред.*

брошюры *«По и Рейн».* Что же касается *эдуардмейенской* демократии «в узком смысле слова», то после того как я ее игнорировал в течение 9 лет, я только дважды и притом недавно нарушил молчание: один раз выступлением против *Кошута,* другой раз выступлением против г-на *Готфрида Кинкеля.* Действительно, я сделал в газете «Volk» несколько замечаний с чисто *грамматической* точки зрения по поводу эстетических излияний *Кинкеля* в «Hermann». Это было все, что я написал в газету «Volk», кроме статьи о Виллафранкском мире под заглавием «Quid pro quo»[615]. Но по представлениям *Эдуарда Мейена* «добрый демократ» имеет, по-видимому, такое же право нарушать «деспотические» правила синтаксиса, как и перебегать из республиканского лагеря в роялистский.

В конце этого послания я нахожусь в затруднении, противоположном тому, в каком находился Гегель в начале своей «Логики». Он хочет там перейти от «бытия» к «ничто», я — от «ничто» к «бытию», то есть от *Эдуарда Мейена* к делу, к делу *Фогта.* Чтобы не тратить лишних слов, поставлю *Карлу Блинду* следующие вопросы:

1) Не сделал ли мне *Блинд* 9 мая на трибуне во время митинга, организованного *Уркартом,* несколько сообщений о *Фогте,* по содержанию целиком совпадающих с листовкой *«Предостережение»?*

2) Не опубликовал ли *Блинд* в лондонской «Free Press» от 27 мая анонимную статью, под заглавием: «Великий князь Константин — будущий король Венгрии», передающую в основном содержание листовки *«Предостережение»,* только без упоминания имени *Фогта?*

3) Не поручал ли *Блинд* напечатать упомянутую листовку за его счет в Лондоне, в типографии г-на Ф. Холлингера, 3, Личфилд-стрит, Сохо?

Вопреки всем уверткам *мейенской* демократии и даже наперекор великому незнакомцу, «превосходному юристу» г-ну *Йозефу Дюмону,* все вертится вокруг вопроса: *кто* дал напечатать листовку *«Предостережение»? Только* за перепечатку *этой* листовки была привлечена к суду аугсбургская «Allgemeine Zeitung». *Только* от обвинений, содержащихся в *этой* листовке, *Фогт* счел необходимым очиститься перед всем светом. Перед лицом, опубликовавшим листовку, были, как выразился бы *Роберт Пиль*, three courses open to himself*. Либо он сознательно лгал. Этого я о *Карле Блинде* не думаю. Либо он впоследствии убедился, что сведения, давшие ему право напечатать

* — открыты три пути. *Ред.*

листовку, были ложные. Тогда он тем более обязан дать объяснение. Либо, наконец, доказательства у него в руках, но из личных соображений он хочет замять все дело и с великодушным смирением выносит тухлые яйца, которыми бросают в меня, а не в него. Но не должны ли все личные соображения отпасть в таком важном деле, как выяснение отношений между германским имперским регентом in partibus* и императором французов de facto**?

Карл Маркс

Напечатано в приложении к газете «Reform» № 139, 19 ноября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в книге: К. Маркс. «Господин Фогт», 1936 г.

* — in partibus infidelium — вне реальной действительности. *Ред.*
** — фактически. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ «ALLGEMEINE ZEITUNG»

Фогт, который знает свою братию, сделал очень ловкий маневр, переместив *первоисточник* направленных против него разоблачений из так называемого демократического лагеря в социалистический. Но я, в свою очередь, нисколько не заинтересован помогать этому quid pro quo* и не могу поэтому оставить без ответа заявление Блинда, помещенное в № 313 «Allgemeine Zeitung».

1) 9 мая, на трибуне организованного Уркартом митинга, Блинд сообщил мне все обвинения, выдвинутые против Фогта в листовке «Предостережение». Эти же подробности он рассказывал и другим, например, Фрейлиграту. Благодаря полному тождеству, по содержанию и языку, между его устным рассказом и напечатанной листовкой, его de prime abord**, естественно, считали автором листовки.

2) В лондонской «Free Press» от 27 мая появилась анонимная статья Блинда под заглавием «Великий князь Константин — будущий король Венгрии», которая в основном предвосхищает листовку «Предостережение». В этой статье Блинд заявляет, что ему известны либералы в Германии и демократы в Лондоне, которым были предложены «large bribes»*** за бонапартистскую пропаганду. Когда процесс Фогта был уже близок, меня посетил ответственный редактор «Free Press», г-н Д. Коллет, и от *имени Блинда* просил меня *не пользоваться* своей осведомленностью об авторстве названной статьи. Я ответил г-ну Коллету,

* — смешению понятий. *Ред.*
** — с самого начала. *Ред.*
*** — «крупные взятки». *Ред.*

и он нашел это вполне правильным, что я не беру на себя никаких обязательств и что моя скромность будет зависеть от поведения Блинда.

3) Заявление Фиделио Холлингера просто смешно. Фиделио Холлингер знает, что он формально нарушил английский закон, издав листовку *без указания места ее печатания.* Поэтому он самочинно выдает себе свидетельство в своей непричастности к этому pecadillo*. Случайно перепечатка в газете «Volk» была сделана с набора листовки, еще сохранившегося в типографии Холлингера. Таким образом и без свидетельских показаний, путем простого сличения листовки с ее перепечаткой в «Volk», можно было бы доказать на суде, что она «вышла из типографии Ф. Холлингера». Перенесение судебного процесса из Аугсбурга в Лондон вообще раскрыло бы всю mystere** Блинда — Фогта.

Карл Маркс

Лондон, 15 ноября 1859 г.
9, Графтен-террес, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл

Напечатано в приложении к «Allgemeine Zeitung» № 325, 21 ноября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в книге: К. Маркс. «Господин Фогт», 1936 г.

* — грешку. *Ред.*
** — тайну. *Ред.*

К. МАРКС

ПРОЦЕСС ПРОТИВ «АУГСБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ» [616]

Лондон, 4 февраля 1860 г.
9, Графтен-террес, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл

РЕДАКТОРУ «FREE PRESS»

Милостивый государь,

В «Free Press» от 27 мая 1859 г., как Вы помните, появилась статья под заглавием *«Великий князь Константин — будущий король Венгрии».* В этой статье *г-н Фогт* из Женевы, хотя его имя и не было названо, изобличался, в понятной для немецких эмигрантов форме, как бонапартистский агент, который в начале Итальянской войны предлагал «large bribes»* либералам в Германии и немецким демократам в Лондоне. Автор выражает свое восхищение по поводу того, что эти попытки подкупа встретили негодующий отпор. Я утверждаю, что автором этой заметки является *г-н Карл Блинд.* Вы можете опровергнуть меня, если я ошибаюсь. Некоторое время спустя в Лондоне распространялась анонимная листовка *на немецком языке,* озаглавленная *«Zur Warnung»* («Предостережение»), которую по существу дела можно рассматривать как воспроизведение статьи в «Free Press»; листовка только приводит больше подробностей и имя Фогта. Эта анонимная листовка была перепечатана в немецкой лондонской газете «Volk» («Народ») и оттуда перешла на столбцы аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Аугсбургской газеты»), которую Фогт после этого привлек к судебной ответственности за клевету. Тем временем я получил от г-на Фёгеле, наборщика, работавшего тогда у издателя газеты «Volk» Холлингера, письменное заявление о том, что листовка печаталась в типографии Холлингера и была написана рукой *г-на Карла Блинда.* Это заявление, как я в свое время сообщил Вам, было переслано «Аугсбургской газете». После того, как аугсбургский суд отказался вынести решение по этому делу, *г-н Блинд*

* — «крупные взятки». *Ред.*

выступил, наконец, в «Аугсбургской газете». Не довольствуясь категорическим отрицанием того, что он автор анонимной листовки, он самым решительным образом *заявил, что листовка вовсе не была напечатана в типографии Холлингера.* В доказательство этого последнего утверждения он опубликовал заявление, подписанное самим Холлингером и неким Вие, наборщиком, который, по его собственным словам, работал у Холлингера одиннадцать месяцев без перерыва. На это совместное заявление Блинда, Холлингера и Вие я ответил в «Аугсбургской газете»*, но *Блинд* в свою очередь выступил вторично со своим опровержением и снова сослался на свидетельство Холлингера и Вие. *Фогт,* который с самого начала из своих личных целей указывал на *меня,* как на тайного автора листовки, опубликовал тогда *брошюру* с самыми подлыми клеветническими выпадами против меня,

Прежде чем я предприму дальнейшие шаги, я хочу разоблачить молодцов, которые явным образом сыграли на руку Фогту. С этой целью я публично заявляю, что показание Блинда, Вие и Холлингера, будто анонимная листовка *не* была напечатана в типографии Холлингера, 3, Личфилд-стрит, Сохо — является *преднамеренной ложью.* Во-первых, г-н Фёгеле, один из наборщиков, работавший прежде у Холлингера, готов заявить под присягой, что названная листовка *была* напечатана в типографии Холлингера, была написана почерком *г-на Блинда* и была набрана частично самим Холлингером. Во-вторых, в судебном порядке может быть доказано, что эта листовка и статья в «Volk» набраны были одним и тем же шрифтом. В-третьих, будет показано, что Вие *не* работал у Холлингера одиннадцать месяцев подряд и, в частности, *не* работал у него в то время, когда печаталась листовка. Наконец; можно вызвать свидетелей, в присутствии которых сам Вие признавался, что Холлингер уговорил его подписать *заведомо ложное заявление, напечатанное в «Аугсбургской газете».* На основании всего этого я снова называю вышеупомянутого *Карла Блинда преднамеренным лжецом.*

Если я не прав, то он легко может меня опровергнуть, обратившись в английский суд.

Карл Маркс

Напечатано в виде отдельной листовки
4 февраля 1860 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано
в книге: К. Маркс. «Господин Фогт», 1936 г.

* См. настоящий том, стр. 697 — 698. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ

Настоящим заявляю, что мною сделаны подготовительные шаги для привлечения к суду берлинской «National-Zeitung» по обвинению ее в клевете за передовые статьи в №№ 37 и 41 по поводу брошюры Фогта *«Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»».* Фогту я отвечу в печати позднее, так как для этого потребуется опросить ряд лиц, находящихся за пределами Европы.

Поэтому ограничусь пока следующим:

1) Судя по букету, составленному «National-Zeitung», — самой книжки Фогта мне, несмотря на все старания, не удалось до сих пор раздобыть в Лондоне ни у книготорговцев, ни у знакомых, которым прежде Фогт присылал свои так называемые «Исследования», — стряпня Фогта лишь дальнейшее развитие статьи, опубликованной им девять месяцев назад в его личном «Moniteur», в бильском «Handels-Courier». Тогда я дал перепечатать его пасквиль в Лондоне без комментариев. Здесь, где знают людей и их взаимоотношения, этого простого мероприятия было достаточно для характеристики господина профессора.

2) *Предлогом,* под которым г-н Фогт открыл против меня свой поход, как и предлогом для итальянского похода, послужила *«идея».* Именно, я якобы автор анонимной листовки *«Предостережение».* Из опубликованного мной на английском языке

циркуляра, который я при сем прилагаю, Вы увидите, как я нашел способ заставить г-на Блинда и его присных, чтобы они или признали своим молчанием, что этот предлог — ложь, или были уличены во лжи английским судом.

Карл Маркс

Лондон, 6 февраля 1860 г.
9, Графтен-террес, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл

Напечатано в «Volks-Zeitung» № 35, 10 февраля 1860 г.; в «Kolnische Zeitung» № 41, 10 февраля 1860 г.; в «Reform» № 18, 11 февраля 1860 г.; в приложении к «Allgemeine Zeitung» № 48, 17 февраля 1860 г. (с искажениями) и др. немецких газетах

Печатается по тексту «Volks-Zeitung»

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в книге: К. Маркс. «Господин Фогт», 1936 г.

К. МАРКС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY TELEGRAPH»

В Вашем сегодняшнем номере Вы печатаете письмо под заглавием *«Газетные пособники Австрии»,* полное клеветнических и позорящих меня обвинений. Это письмо, написанное якобы во Франкфурте-на-Майне, составлено, вероятно, в Берлине и представляет собой в сущности только нелепое размазывание двух статей, помещенных в берлинской «National-Zeitung» от 22 и 25 января. Этой газете придется ответить за свою клевету перед прусским судом. Свой пасквиль против меня Фогт выпустил под *ложным предлогом,* будто я являюсь автором анонимной *немецкой* листовки «Zur Warnung» («Предостережение»), которая сперва распространялась в Лондоне, а затем была перепечатана в аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Как видно из прилагаемого газетного сообщения, я предложил моим противникам передать этот вопрос на рассмотрение английского суда.

В заключение я требую, чтобы Вы — если Вы не желаете предстать перед судом в качестве обвиняемого в клевете, — поместили в следующем же номере amende honorable* за то легкомыслие, с которым Вы осмелились позорить человека, личный характер, политическое прошлое, литературные произведения и социальное положение которого — Вы должны это признать — Вам совершенно не известны.

Ваш покорный слуга

д-р Карл Маркс

Лондон, 6 февраля 1860 г.
9, Графтен-террес, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXV, 1934 г.

Печатается, по рукописи

Перевод с английского

* — извинение. *Ред.*

К. МАРКС

ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ «ALLGEMEINE ZEITUNG»

Манчестер, 21 февраля 1860 г.
6, Торнклифф-гроув, Оксфорд-роуд

В ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ

В одном из двух писем, полученных мною от редакции аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и датированных 16 октября 1859 г., говорится дословно следующее:

«Будьте уверены, что мы *с особой признательностью* воспользуемся всяким случаем, чтобы выразить Вам, глубокоуважаемый г-н *Маркс*, нашу *благодарность*».

Я не желал и не ждал от аугсбургской «Allgemeine Zeitung» ни «благодарности» ни «особой признательности», это достаточно ясно доказывает мое ответное письмо от 19 октября*. Но чего я ждал *специально в данном случае* — это, по крайней мере, common fairness**, в которой не решится отказать ни одна английская газета, какого бы направления она ни была.

«Особая признательность» и «благодарность» проявились в следующем:

1) Мое первое заявление не было напечатано***. Вместо него было напечатано наглое заявление Блинда вместе с двумя ложными свидетельскими показаниями, полученными путем conspiracy****. Гамбургская «Reform» напечатала мое заявление немедленно.

2) Мне пришлось прибегнуть к douce violence*****, чтобы добиться помещения моего ответного заявления против Блинда******.

---

* См. настоящий том, стр. 692. *Ред.*
** — обыкновенной справедливости. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 693 — 696. *Ред.*
**** — тайного сговора. *Ред.*
***** — известному давлению. *Ред.*
****** См. настоящий том, стр. 697 — 698. *Ред.*

При этом, вопреки моему законному требованию, оно не появилось там же, где были помещены нападки Блинда, то есть в основном выпуске газеты.

3) Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» помещает второе заявление Блинда, в котором он имеет наглость называть мои слова явной ложью и опять ссылаться на два свидетельских показания, Вие и Холлингера, которые представляют собой уголовно наказуемые деяния. Газета заявляет, что считает вопрос исчерпанным и лишает меня возможности ответить.

4) 6 февраля я посылаю в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» свое последнее заявление вместе с циркуляром на английском языке*. Достопочтенная редакция откладывает мое заявление в сторону и вместо этого печатает заявление Блинда, *которое было написано лишь в результате появления моего циркуляра.* Газета, правда, поостереглась перепечатать billet doux**, которое приложил этот великий дипломат. Далее, она печатает заявление Бискампа, датированное тремя днями позже моего (а именно: Лондон, 9. февраля). Наконец, после того, как газета убедилась, что мое заявление давно напечатано в «Kolnische Zeitung», «Volks-Zeitung» и т. д., она решилась напечатать его, но... при этом любезно взяла на себя смелость *подвергнуть* меня *цензуре* и внести в него произвольные изменения. В 1842 — 1843 гг. я подвергался в Кёльне двойной королевско-прусской цензуре[617], но никогда не предполагал, что в 1860 г. мне еще придется попасть под цензуру г-на д-ра Кольба и К°.

Я считаю совершенно бесполезным характеризовать более подробно подобное поведение.

К. Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 699 — 702. *Ред.*
** — любовное послание. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ «FREISCHUTZ» И «REFORM» [618]

По поводу излияний г-на *Эдуарда Мейена* в №№ 17 — 21 «Freischutz» достаточно сообщить следующее:

Процесса о клевете, который я веду против берлинской «National-Zeitung», будет вполне достаточно для *судебного* освещения брошюры Фогта. Его сообщник Эдуард Мейен не может претендовать на подобную же честь. Все, что я могу сделать для Эдуарда Мейена, это отвести г-ну Эдуарду Мейену соответствующее его размерам место в брошюре, которая выйдет по окончании судебного процесса.

Карл Маркс

Манчестер, 28 февраля 1860 г.

Напечатано в газете «Reform» № 29, 7 марта 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ «ALLGEMEINE ZEITUNG» И ДРУГИХ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ [619]

Редакция «Allgemeine Zeitung» любезно опубликовала в начале февраля 1860 г. мое заявление, начинавшееся следующими словами:

«Настоящим заявляю, что мною сделаны подготовительные шаги для привлечения к суду берлинской «National-Zeitung» по обвинению ее в клевете за передовые статьи в №№ 37 и 41 по поводу брошюры Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»». Фогту я отвечу в печати позднее»*.

В феврале 1860 г. я возбудил в Берлине дело о клевете против ответственного редактора «National-Zeifcung» Ф. Цабеля. Мой адвокат, г-н юстицрат Вебер, выбрал сначала *путь уголовного преследования.* Постановлением от 18 апреля 1860 г. прокурор отказался от «вмешательства» против Ф. Цабеля, так как *отсутствие публичного интереса* не давало якобы для этого повода. 26 апреля 1860 г. его отказ был подтвержден обер-прокурором.

Тогда мой адвокат возбудил дело в *гражданском порядке.* Королевский *городской суд* постановлением от 8 июня 1860 г. *отказал* мне в *иске,* так как действительно оскорбительные для чести «заявления и утверждения» Ф. Цабеля состоят будто бы из *простых цитат* других лиц; к тому же в них нет «намерения оскорбить». Королевский *апелляционный суд* объявил со своей стороны постановлением от 11 июля 1860 г., что форма *цитат* иичего-де не изменяет в вопросе о наказуемости статей, но что содержащиеся в них оскорбительные для чести места

* См. настоящий том, стр. 701. *Ред.*

не относятся к моей «особе». Кроме того, «в данном случае» «нельзя предположить» намерения оскорбить. Королевский апелляционный суд подтвердил таким образом постановление городского суда, отказывающее мне в праве иска. Королевский *верховный суд* постановлением от 5 октября 1860 г., полученным мною 23 октября с. г., нашел, что «в данном случае» никакой «юридической ошибки» со стороны королевского апелляционного суда не «усматривается». *Отказ в иске против Ф. Цабеля* остался, таким образом, в силе, и до *публичного судебного разбирательства* дело не дошло. Мой *ответ Фогту* появится на этих днях.

Карл Маркс

Лондон, 24 ноября 1860 г.

Напечатано в приложении к «Allgemeine Zeitung» № 336, 1 декабря 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья Ф. Энгельса «Армия» — одна из первых работ, написанных для «New American Cyclopaedia». Приглашенный в апреле 1857 г. сотрудничать в энциклопедии одним из инициаторов ее издания Чарлзом Дана, Маркс по совету Энгельса согласился написать для нее ряд статей. При этом Энгельс обещал Марксу свою помощь в написании специальных статей на военные и военно-исторические темы. Стремясь создать Марксу условия для завершения его экономических исследований, Энгельс в дальнейшем взял на себя составление большей части статей. На долю Маркса выпала подготовка преимущественно биографических очерков о ряде военных и политических деятелей, причем и в этом случае Энгельс помогал Марксу в освещении военной стороны вопроса. Сотрудничество Маркса и Энгельса в написании статей для энциклопедии, как и продолжавшаяся ими совместная корреспондентская работа для «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской ежедневной трибуны»), явилось одним из ярких примеров содружества основоположников научного коммунизма.

Среди заказанных Дана Марксу первых статей, написать которые взялся Энгельс, значилась и статья «Армия». В ней предполагалось изложить в общих чертах историю развития вооруженных сил, военного искусства, стратегии и тактики, а также дать обзор состояния и организации современных Энгельсу армий. Сложность задачи усугублялась еще тем, что, работая над этой обобщающей статьей, Энгельс должен был параллельно написать ряд других статей из первого заказа. Тем не менее, приступив вместе с Марксом в июле 1857 г. к собиранию материалов, а в августе к непосредственному написанию статьи, Энгельс завершил работу не позднее 24 сентября. В статье «Армия» он подвел известный итог своему многолетнему глубокому изучению военного дела, военной истории и опыта современных ему войн. Для написания статьи Энгельс использовал много специальных источников, начиная с произведений историков и военных писателей древности (Геродота, Ксенофонта, Саллюстия, Полибия, Вегеция и др.) и кончая трудами авторов XIX века — Уилкинсона, Клаузевица, Жомини, Рюстова и других, а также различными справочными изданиями. Некоторые из этих источников Энгельс упоминает в своей

статье. Из подготовительных материалов Энгельса сохранились его выписки из книги Рюстова «Heerwesen und Kriegfuhrung G. Julius Casars». Gotha, 1855 («Военное дело при Юлии Цезаре и его полководческое искусство». Гота, 1855), а также из статьи «Армия», опубликованной в седьмом издании «Encyclopaedia Britannica» (1842, v. III). Маркс в свою очередь сделал для статьи ряд выписок из научных и справочных изданий по отдельным вопросам истории войн. Сохранились его выписки из трехтомной работы Уилкинсона «Manners and Customs of the Ancient Egyptians». London, 1837 («Нравы и обычаи древних египтян». Лондон, 1837), из произведений Геродота, Фукидида, Полибия, Иосифа Флавия и других историков древности. Получив готовую статью, Маркс в письме к Энгельсу от 25 сентября 1857 г. дал ей чрезвычайно высокую оценку. Он подчеркнул, что Энгельсу удалось в своей статье на примере истории армии показать связь между развитием производительных сил и общественных отношений. В то же время Маркс высказал и ряд критических замечаний, касающихся проблемы возникновения наемных армий в древности (у карфагенян), а также развития военного дела у итальянцев в XV — XVI вв. и у восточных народов. По мнению Маркса, эти проблемы не были достаточно освещены в статье. Эти замечания были в значительной мере учтены Энгельсом в дальнейшем при написании для «New American Cyclopaedia» таких дополняющих его «Армию» работ, как «Артиллерия», «Кавалерия», «Фортификация» и «Пехота».

«New American Cyclopaedia» («Новая американская энциклопедия») — научно-справочное издание, выпуск которого был осуществлен группой прогрессивных американских буржуазных журналистов и издателей, входивших в состав редакции газеты «New-York Daily Tribune». В числе редакторов энциклопедии были Ч. Дана, майор Рипли и другие. Энциклопедия была выпущена в 16 томах нью-йоркским издательством «Д. Аплтон энд К°» в 1858 — 1863 гг. и переиздана в неизменённом виде в 1868 — 1869 годах. К сотрудничеству в энциклопедии был привлечен ряд видных ученых США и Европы. По широте освещения различных отраслей знаний и богатству справочного материала это было одно из лучших изданий своего времени. Несмотря на буржуазную ограниченность редакторов энциклопедии и присущий этому изданию, как и другим буржуазным энциклопедиям, эклектизм, в «New American Cyclopaedia» "было опубликовано много статей, отражающих взгляды представителей демократических и прогрессивных буржуазных кругов. Особое место в энциклопедии занимают работы Маркса и Энгельса, написанные — вопреки поставленному перед авторами редакцией условию не высказывать партийной точки зрения — с революционно-пролетарских, материалистических позиций.

Статьи в «New American Cyclopaedia» публиковались анонимно. Лишь во II, V и XVI томах были приложены списки авторов наиболее крупных из них. В списках упоминается и Маркс в качестве автора статей «Армия», «Артиллерия», «Бернадот», «Боливар», «Кавалерия», «Фортификация», «Пехота», «Военно-морской флот» (фактически эти статьи, кроме статей «Бернадот» и «Боливар», были написаны Энгельсом). Принадлежность перу Маркса или Энгельса остальных их статей была установлена на основании переписки между ними, писем Ч. Дана Марксу, записных книжек Маркса, в которых отмечалась посылка статей в Нью-Йорк, и других архивных материалов (конспекты и выписки для статей и т. д.). Всего выявлено 67 статей, принадлежащих Марксу и Энгельсу, а также две небольшие справки — «Абенсберг» и «Картуш», — возможно, сильно сокращенные редакцией

энциклопедии, которая нередко допускала вмешательство в текст статей при их опубликовании. Эти две справки воспроизводятся в данном томе не в основном тексте, а в соответствующих примечаниях (см. примечания 54 и 253).

В настоящее издание не включена статья «Бюлов», так как первоначальный не дошедший до нас текст этой статьи, как об этом можно судить по письмам Маркса и Энгельса и по сохранившимся подготовительным материалам к этой работе, был сокращен и до неузнаваемости изменен редакцией энциклопедии.

В ходе подготовки данного тома удалось установить подлинных авторов ряда статей, которые по сей день необоснованно приписываются некоторыми западноевропейскими библиографами Марксу и Энгельсу. Так, автором приписываемых Марксу статей «Абд-эль-Кадир» и «Чартизм» был некий Уильям Хамфрис, статьи «Эпикур» — немецкий либеральный журналист Герман Растер, статьи «Социализм» — П. Годуин, статьи «Гегель» — Генри Смит.

Работа Маркса и Энгельса для «New American Cyclopaedia» продолжалась с июля 1857 по октябрь 1860 г., и их известные нам статьи были опубликованы в I — V, VII, IX и XII томах энциклопедии. Они вошли без изменений во второе издание энциклопедии 1868 — 1869 гг. и в дальнейшем при жизни авторов не переиздавались. В собранном виде статьи Маркса и Энгельса из «New American Cyclopaedia» были впервые изданы лишь в СССР в 1933 г. в т. XI, ч. II первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Публикация этих статей в настоящем издании является наиболее полной. — *5.*

[2] В статьях Энгельса термины, относящиеся к военной истории древнего мира, приводятся на латинском языке. В настоящем издании они, как правило, даются в транскрипции, принятой в русской исторической литературе. — *5*.

[3] Энгельс здесь условно называет «батальоном» тактическую единицу древнеегипетской пехоты. — *5*.

[4] *Testudo* (буквально: «черепаха») — род навеса для защиты осаждающих при разрушении ими стен вражеской крепости тараном и других осадных работах.

Винея (vinea — буквально: «виноградник») — защитный навес, оплетенный прутьями и покрытый влажными кожами или дерном; употреблялся в древности при осаде крепостей. — *6*.

[5] Имеется в виду книга: J. G. Wilkinson. «Manners and Customs of the Ancient Egyptians». Vol. I, London, 1837, p. 67 — 68 (Дж. Г. Уилкинсон. «Нравы и обычаи древних египтян». Т. I, Лондон, 1837, стр. 67 — 68). — *6.*

[6] Библия. Книга пророка Иезекииля, глава 21, стих 22 и глава 26, стих 8. — 7.

[7] Геродот. «История в девяти книгах», книга VII. — *8.*

[8] Упомянуты наиболее крупные сражения периода греко-персидских войн (500 — 449 гг. до н. э.). В этих войнах греческие города-государства (полисы) сумели отстоять свою независимость и дать отпор персидской державе, покорившей греческие города Малой Азии и предпринявшей ряд завоевательных походов на Балканский полуостров

(главные из них имели мостов 492, 490, 480 и 479 гг. до н. э.). С 479 г. до н. э. инициатива в военных действиях перешла к грекам, добившимся от персидского царя по мирному договору 449 г. до н. э. отказа от завоевательных притязаний в бассейне Эгейского моря и признания независимости греческого населения Малой Азии. В ходе войн значительно усилилось военное могущество главных рабовладельческих государств Древней Греции — Спарты и Афин.

В *Марафонской долине* (Аттика) в сентябре 490 г. до н. э. войско афинян и платейцев под командованием Мильтиада наголову разбило численно значительно превосходящую его армию персов. Это сражение определило неудачный исход первого вторжения персов в Аттику.

В сражении при *Фермопилах* в июле 480 г. до н. э. небольшое союзное войско греков под командованием спартанского царя Леонида в течение двух дней мужественно отражало натиск многотысячной персидской армии Ксеркса, преграждая ей путь через Фермопильское ущелье в Среднюю Грецию. На третий день персам удалось обойти греков. Леонид вывел свои главные силы из-под удара, а триста спартанцев во главе с ним продолжали оборонять проход и героически пали в неравном бою.

В сражении при *Платеях* (Средняя Греция) осенью 479 г. до н. э. объединенное греческое войско под командованием спартанца Павсания и афинянина Аристида нанесло сокрушительное поражение персидской армии. В том же году у мыса *Микале* (малоазиатское побережье) греческий десант разбил войско персов и уничтожил их суда, вытащенные на сушу и использованные для устройства укрепленного лагеря. Эти победы окончательно ликвидировали угрозу персидского нашествия на Балканы. — *8.*

[9] На реке *Граник* в северо-западной части Малой Азии в мае 334 г. до н. э. во время завоевательного похода Александра Македонского на Восток произошло первое крупное сражение между македонской и персидской армиями, в котором македоняне разбили персов. — *9.*

[10] Со времени реформ Солона (594 г. до н. э.) в афинской рабовладельческой республике свободные граждане делились на четыре имущественные группы в зависимости от размера годового дохода, получаемого с земли. Это деление лежало также в основе военной организации Афин. Первые две группы пользовались значительными политическими привилегиями, но обязаны были нести воинские повинности, связанные с большими расходами (первая — строить военные корабли, вторая — поставлять конных воинов). Третий разряд граждан был ограничен в политических правах, а в армии составлял ее костяк — тяжеловооруженную пехоту. Четвертый разряд — феты, — к которому принадлежали малоимущие граждане, был длительное время лишен прав занимать какие-либо должности и первоначально не нес военной службы; позднее, однако, из него стала комплектоваться легкая пехота. — *9.*

[11] Под «союзниками Афин» Энгельс подразумевает греческие полисы (главным образом на островах Эгейского моря и малоазиатском побережье), входившие в состав Афинского морского союза (первоначально назывался Делосским союзом), который был основан в 478 г. до н. э. во время греко-персидских войн. Вначале союз носил характер объединения равноправных государств, однако по мере роста могущества Афин последние подчинили союзников своей власти и превратили их

в своих данников. Афинский морской союз распался в конце V в. до н. э. В 378 г. до н. э. Афинам удалось частично восстановить союз, но новый союз просуществовал всего до 355 года. — *10.*

[12] *Пелопоннесская война* (431 — 404 гг. до н. э.) — война между двумя группировками греческих государств: Афинским морским союзом и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой. Была вызвана борьбой между Афинами и Спартой за гегемонию в Греции, торговым соперничеством греческих полисов и политическими противоречиями между афинской рабовладельческой демократией и аристократической олигархией спартанских рабовладельцев. Внутренний кризис рабовладельческого афинского государства и рост недовольства союзников Афин их деспотическим господством способствовали, в конечном счете, победе Спарты. По условиям мира 404 г. до н. э. Афины должны были выдать почти весь свой флот и признать главенство Спарты. — *10.*

[13] *Сицилийская экспедиция* была предпринята афинянами в 415 г. до н. э. с целью подчинения своей власти греческих полисов Сицилии, в первую очередь Сиракуз. Таким путем Афины рассчитывали установить свое владычество в западной части Средиземного моря и увеличить ресурсы для нанесения удара главному сопернику — Спарте. Военные действия в Сицилии продолжались до 413 г. и закончились полным поражением афинских морских и сухопутных сил, безуспешно осаждавших Сиракузы. Эта катастрофа изменила соотношение сил в Пелопоннесской войне в пользу спартанской группировки греческих государств. — *12.*

[14] *Периэки* — особая категория неполноправного населения в Древней Спарте. Периэки владели землей и имуществом, а наиболее богатые из них — и рабами. Они пользовались личной свободой и даже некоторым самоуправлением, но были лишены всех остальных политических прав. — *13.*

[15] *Илоты* — земледельческое население Южного Пелопоннеса, порабощенное Спартой. Являясь собственностью спартанского государства, илоты обрабатывали участки земли, переданные в пользование отдельным спартиатам, которым они выплачивали установленный государством оброк (примерно половина урожая). Частые восстания илотов жестоко подавлялись рабовладельцами. — *13.*

[16] Сражение при *Левктрах* (Беотия) между фиванскими и спартанскими войсками произошло в 371 г. до н. э. во время Беотийской войны (378 — 362 гг. до н. э.). В этой войне Фивы, в которых к власти пришли демократические элементы, вели борьбу против гегемонии олигархической Спарты, установившейся в Греции в результате Пелопоннесской войны. В сражении при Левктрах фиванский полководец Эпаминонд впервые в истории войн применил «косой боевой порядок», неравномерно распределив боевые силы по фронту и сосредоточив на левом фланге, на направлении главного удара, мощный ударный кулак. Тактика Эпаминонда предусматривала сочетание оборонительных и наступательных действий и взаимодействие конницы и пехоты. Поражение при Левктрах подорвало могущество Спарты и положило начало распаду возглавляемого ею Пелопоннесского союза; в Греции временно установилось преобладание Фив. — *13.*

[17] При *Мантинее* (Пелопоннес) в 362 г. до н. э. войско фиванцев и их союзников под предводительством Эпаминонда, совершавшее поход на Пелопоннес ский полуостров, нанесло поражение спартанским войскам, применив ту же тактику, что и в сражении при Левктрах. Однако тяжелые потери, понесенные фиванцами, а также гибель их полководца помешали им закрепить успех. Фивы не сумели удержать свою гегемонию в Греции. — *13.*

[18] Имеется в виду осада афинским войском города Самоса (на острове Самос в юго-восточной части Эгейского моря) в 440 г. до н. э. Население Самоса, входившего в состав Афинского морского союза, было недовольно деспотической властью Афин и подняло восстание с целью отложения от союза. Против восставших была послана крупная военно-морская экспедиция во главе с Периклом. После многомесячной осады город Самос был принужден к капитуляции и над островом было вновь установлено — в еще более деспотических формах — владычество Афин. — *14.*

[19] Под завоеванием Греции Энгельс здесь имеет в виду подчинение греческих городов-государств власти македонского царя. В царствование Филиппа II македонская держава значительно расширила свое влияние, стремясь покорить весь Балканский полуостров. Опираясь на олигархические элементы греческих полисов, используя соперничество между ними и вмешиваясь в их конфликты, Филипп с 357 г. до н. э. постепенно усиливал свои позиции в Греции. В 339 г. до н. э. против Македонии образовалась коалиция греческих государств во главе с Афинами, силы которой были разгромлены армией Филиппа в 338 г. до н. э. В результате этого демократическое антимакедонское движение в Греции было подавлено и в греческих полисах власть перешла к ставленникам Филиппа. Решениями общеэллинского конгресса в Коринфе в 337 г. до н. э., объявившего македонского царя главнокомандующим всеми греческими вооруженными силами, было закреплено господство Македонии над формально продолжавшими считаться «независимыми» греческими государствами. — *16.*

[20] При *Арбелах* (точнее при селении Гавгамелы, расположенном к северо-западу от ассирийского города Арбелы) в 331 г. до н. э. произошло одно из крупнейших сражений древности, в котором войска Александра Македонского наголову разбили армию персидского царя Дарня III. Победа при Арбелах, захват македонянами персидского лагеря со всем обозом и казной сыграли решающую роль в завершении завоевания персидской империи Александром Македонским. — *16.*

[21] *Ахейский союз* — федерация ряда рабовладельческих городов-государств Пелопоннеса, созданная в 280 г. до н. э. для борьбы против Македонии, а также против движения рабов и городской бедноты. Союз располагал значительными военными силами и добился независимости от македонской монархии. В 146 г. до н. э. войска союза были разгромлены римлянами и его территория была включена в состав Македонии, ставшей с 148 г. до н. э. римской провинцией. — *17.*

[22] *Трибы* — территориально-административные единицы в Древнем Риме. Со времени реформ царя Сервия Туллия (VI в. до н. э.) городская территория Рима была разделена на четыре трибы. Было образовано также несколько загородных триб. К каждой из триб приписывалось

все свободное гражданское население, имевшее земельное владение в данной трибе. Территориальное деление было введено взамен более архаического деления по племенному и родовому принципу (само слово «триба» первоначально означало «племя»), являвшемуся пережитком первобытнообщинного строя. — *18.*

[23] *Всадниками* в ранние периоды истории Древнего Рима назывались богатые граждане, составлявшие особую привилегированную группу населения и обязанные нести военную службу в коннице. Впоследствии всадниками стали называться представители торгово-ростовщических слоев римских рабовладельцев, принадлежащие к всадническому сословию. — *19.*

[24] *Первая гражданская война* (88 — 82 гг. до н. э.) в Древнем Риме была вызвана борьбой за власть между представителями двух враждующих группировок рабовладельцев. Первую возглавлял Луций Корнелий Сулла, ставленник рабовладельческой аристократии (нобилитета), во главе второй стоял Гай Марий, опиравшийся на торгово-ростовщические круги и заигрывавший с городским и сельским плебсом. Война, происходившая в обстановке острых классовых конфликтов между рабовладельцами и рабами, а также между рабовладельческой знатью и демократическими слоями свободного населения, закончилась поражением марианцев и установлением диктатуры Суллы, что явилось шагом к ликвидации Римской республики и основанию империи. — *19.*

[25] Речь идет о сражении на реке Мутуле (Северная Африка), в котором в 109 г. до н. э. римская армия под командованием Квинта Цецилия Метелла нанесла поражение войскам нумидийского царя Югурты. Это была первая победа римлян в неудачной вначале для них Югуртинской войне (111 — 105 гг. до н. э.). В дальнейшем ходе войны Югурта был побежден Римом.

Энгельс ссылается здесь на сочинение римского историка Саллюстия «О Югуртинской войне», гл. XLVIII — LIII. — *19.*

[26] Римские воинские единицы каждой ступени имели свои отличительные знаки. Отличительным знаком легиона со времен Гая Мария был серебряный орел, укрепленный на древке копья. — *20.*

[27] Война между Римом и царем Эпира (Северо-Западная Греция) Пирром происходила в 280 — 275 гг. до н. э. Главным объектом борьбы были греческие города на юге Италии, к подчинению которых стремился как Рим, так и эпирский царь, помышлявший об основании обширной империи на Западе. В тактике Пирра большую роль играло использование боевых слонов. В начале войны Рим потерпел два крупных поражения, но затем при поддержке Карфагена разбил наемную армию Пирра и изгнал его с Апеннинского полуострова. Победа над Пирром облегчила Риму завоевание Южной Италии. — *21.*

[28] Имеется в виду сражение при Киноскефалах в 197 г. до н. э. во время второй Македонской войны (200 — 197 гг. до н. э.), в котором римское войско под командованием Тита Квинкция Фламинина разбило армию македонского царя Филиппа V. В результате поражения Македонии ее военная мощь была подорвана, в Греции утвердилось римское влияние, что позволило Риму в дальнейшем установить там свое господство. — *21.*

[29] *Союзническая война* (90 — 88 гг. до н. э.) — война между Римом и восставшими против его господства италийскими племенами, связанными с Римской республикой «союзническими отношениями» (одна из форм подчинения римскими рабовладельцами покоренных ими племен и народностей). Движение италиков, отложившихся от Рима и образовавших свою федерацию, было подавлено, однако в ходе войны Риму пришлось удовлетворить — первоначально в порядке уступок лишь «лояльным союзникам», чтобы расколоть федерацию, — их главное требование о предоставлении им прав римских граждан. В конечном счете римское гражданство, сначала с известными политическими ограничениями, было постепенно распространено на всех свободных италиков. — *22.*

[30] *Римская Галлия* (соответствует исторической провинции на юге Франции — Провансу) — часть Галлии, завоеванная римлянами еще в конце II века до н. э. — *22.*

[31] Имеется в виду сочинение римского писателя Вегеция «Epitome rei militaris» («Краткое изложение военного дела»). — *25.*

[32] *Походы германских императоров в Италию* — завоевательные походы немецких феодалов с целью грабежа итальянских городов и захвата земель, начало которым было положено королем Оттоном I, короновавшимся в 962 г. в Риме императорской короной (короной так называемой Священной Римской империи). Эти походы, особенно часто предпринимавшиеся в X — XIII вв., продолжались вплоть до XVI в., несмотря на упадок императорской власти и усиление феодальной раздробленности в самой Германии.

Крестовые походы — военно-колонизационное движение на Восток западноевропейских крупных феодалов, рыцарства, торговых итальянских городов в XI — XIII вв. под религиозным знаменем освобождения христианских святынь в Иерусалиме и других «святых местах» от власти мусульман. Идеологом и вдохновителем крестовых походов была католическая церковь и папство, стремившееся к мировому господству, а главной военной силой — рыцарство. В походах участвовали также и крестьяне, искавшие в них избавления от гнета феодалов. В истории известны восемь крестовых походов: 1096 — 1099, 1147 — 1149, 1189 — 1192, 1202 — 1204, 1217 — 1221, 1228 — 1229, 1248 — 1254, 1270 годов. Эти походы сопровождались грабежами и насилиями как над мусульманским, так и над христианским населением стран, по которым проходили крестоносцы. Объектом захватнических устремлений последних были не только мусульманские государства в Сирии, Палестине, Египте, Тунисе, но и христианская Византийская империя. Завоевания крестоносцев в Восточном Средиземноморье оказались, однако, непрочными, и захваченные ими владения вскоре вновь перешли в руки мусульман. — *26.*

[33] Имеются в виду крупные сражения Столетней войны между Англией и Францией (1337 — 1453). Война была вызвана захватническими стремлениями феодальной знати обеих стран, в частности, борьбой между Францией и Англией за овладение торгово-промышленными городами Фландрии — главной потребительницы английской шерсти, а также притязаниями английских королей на французский престол. В первый период войны англичанам удалось овладеть значительной частью Юго-Западной Франции, но в течение 60 — 70 годов XIV в. захваченная территория была почти целиком освобождена. Воспользовавшись

феодальными усобицами во Франции в конце XIV — начале XV в., английские феодалы в 1415 г. возобновили военные действия и вскоре захватили весь север Франции, включая Париж. Однако развернувшаяся во Франции народная война против иноземных захватчиков привела, в конечном счете, к их изгнанию с французской территории. В руках англичан остался лишь порт Кале.

В упомянутых сражениях — при *Креси* 26 августа 1346 г., при *Пуатье* 19 сентября 1356 г. и при *Азенкуре* 25 октября 1415 г. — английские войска, ядро которых составляла пехота, навербованная из свободных крестьян, искусно используя преимущества английского большого лука над французским арбалетом и применяя тесное взаимодействие спешенных рыцарей и лучников, нанесли поражения французским войскам, главной силой которых была недисциплинированная рыцарская конница. — *26.*

[34] Речь идет о военных действиях против монгольских завоевателей во время их вторжения в Центральную Европу в 1241 — 1242 гг., последовавшего за нашествием их на русские земли (1237 — 1240). Ареной этих военных действий помимо территории Польши сделались также Моравия, Венгрия и Далмация. В борьбе с европейским рыцарством монголы одержали ряд побед, их передовые отряды дошли почти до Венеции. Однако ослабленные сопротивлением, которое они встретили при завоевании русских княжеств, и понеся значительные потери, они вынуждены были возвратиться в свои восточноевропейские и азиатские владения. — *27.*

[35] Имеются в виду войны швейцарских кантонов в XIV — XV вв. против иноземных завоевателей — австрийских Габсбургов, а также война швейцарцев в 1474 — 1477 гг. с бургундским герцогом Карлом Смелым, пытавшимся захватить земли Швейцарского союза. В ходе этих войн швейцарцы отстояли свою независимость, показав превосходство своей хорошо организованной и сплоченной пехоты, состоявшей из свободных крестьян и горожан, над рыцарским войском. — *27.*

[36] Имеется в виду трактат Макиавелли «I sette libri dell'arte della guerra» («Семь книг об искусстве войны»), написанный в 1519 — 1520 годах. — *30.*

[37] При *Мариньяно* (Северная Италия) 13 — 14 сентября 1515 г. армия французского короля Франциска I при поддержке его венецианских союзников нанесла поражение швейцарским наемным войскам герцога Миланского. Это было одно из крупных сражений итальянских войн 1494 — 1559 гг., в ходе которых Италия подвергалась неоднократным вторжениям французских, испанских и немецких завоевателей и сделалась ареной длительной борьбы между Францией, Испанией и Германской империей за господство над Апеннинским полуостровом. Конечным результатом этой борьбы, в которой помимо итальянских князей в различное время принимали участие также Англия, Швейцария и другие государства, было вытеснение французов из Италии, попавшей под испанское господство. — *30.*

[38] При *Павии* 24 февраля 1525 г. произошло сражение между армией французского короля Франциска I и войсками Карла V (германского императора и испанского короля). Французы потерпели жестокое поражение, сам король Франциск попал в плен. Сражение до известной степени предопределило исход итальянских войн в пользу Испании (окончательно Франция отказалась от своих притязаний на Италию,

большая часть которой оказалась в руках испанских Габсбургов, лишь в 1559 году). Крупную роль в сражении при Павии сыграли состоявшие на службе Карла V немецкие ландскнехты и испанская пехота, которая успешно применила огнестрельное оружие против французской рыцарской конницы. — *20.*

[39] Имеется в виду нидерландская буржуазная революция 1566 — 1609 гг., сочетавшая борьбу буржуазии и народных масс против феодализма с национально-освободительной войной против абсолютистской Испании, которая в XVI в. подчинила Нидерланды (современные Бельгия и Голландия). Оплотом революции явились северные провинции Нидерландов — Голландия и Зеландия, которые стали ядром образовавшейся в ходе борьбы буржуазной Голландской республики (республики Соединенных провинций). В войне с Испанией Голландия добилась победы и признания в 1609 г. своей независимости (Южные Нидерланды остались под властью испанцев), В 1621 г. военные действия между Голландией и Испанией возобновились, переплетаясь с Тридцатилетней войной в Европе, в результате которой независимость Голландии была в 1648 г. окончательно закреплена. — *30.*

[40] *Тридцатилетняя война* 1618 — 1648 гг. — общеевропейская война, вызванная борьбой между протестантами и католиками. Война началась восстанием в Чехии против гнета Габсбургской монархии и наступления католической реакции. Включившиеся затем в войну европейские государства составляли два лагеря. Испанские и австрийские Габсбурги и католические князья Германии, объединившись под знаменем католицизма и поддержанные папой, выступили против протестантских стран: Чехии, Дании, Швеции, Голландской республики и ряда принявших реформацию немецких государств. Протестантские страны поддерживались французскими королями, противниками Габсбургов. Германия сделалась главной ареной этой борьбы, объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны.

Различают 4 периода Тридцатилетней войны: в чешский период (1618 — 1624) главная борьба шла между чешскими протестантами и императорско-католическим лагерем и закончилась поражением чехов. В 1625 г. при содействии Франции против испанских и австрийских Габсбургов был заключен союз между Англией, Голландией и Данией. С началом датского периода (1625 — 1629) война приобрела общеевропейский характер. Датские войска, однако, были разбиты императорско-католическими армиями. В 1630 г. в войну вступила Швеция, стремившаяся под флагом защиты протестантских князей утвердиться на южном побережье Балтийского моря. Шведский период войны (1630 — 1635) начался рядом побед шведской армии, но в 1634 г. шведы были разбиты объединенными силами императора и Испании. В 1635 г. на стороне Швеции и протестантских князей открыто выступила Франция. Во франко-шведский период (1635 — 1648) война, носившая на первой стадии характер сопротивления реакционным силам феодально-абсолютистской Европы, окончательно вылилась в ряд вторжений в Германию иноземных завоевателей, соперничавших друг с другом. Война закончилась в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии. — *32.*

[41] Упомянутые три сражения относятся к шведскому периоду Тридцатилетней войны.

При *Лейпциге* (или при Брейтенфельде) 17 сентября 1631 г. и на реке *Лех* в Баварии 15 апреля 1632 г. армия Густава-Адольфа разбила императорско-католические войска под командованием Тилли. При *Лютцене* (Саксония) 16 ноября 1632 г. Густав-Адольф нанес поражение императорской армии Валленштейна. — *32.*

[42] *Военная граница* — так назывались в XVI — XIX вв. южные области Австрийской империи (Словения, Хорватия, Славония, Банат), жители которых — граничары — обязаны были нести военную пограничную службу за пользование землей. — *34.*

[43] При *Мольвице* (Силезия) армия Фридриха II нанесла 10 апреля 1741 г. поражение австрийской армии во время войны за Австрийское наследство (1740 — 1748).

Война 1740 — 1748 гг. была вызвана притязаниями ряда европейских феодальных государств, в первую очередь Пруссии, на владения австрийских Габсбургов, доставшиеся после смерти императора Карла VI его дочери Марии-Терезии ввиду отсутствия прямых наследников по мужской линии. Претенденты на Австрийское наследство отказались признавать права Марии-Терезии. Главными союзниками Пруссии в войне были Франция и Бавария, а до 1742 г. и Саксония, перешедшая затем в австрийский лагерь. Англия, стремившаяся ослабить своего торгового и колониального соперника — Францию, выступила на стороне Австрии, которой оказывали военную и дипломатическую поддержку также Сардиния, Голландия и Россия. Прусский король Фридрих II в этой войне дважды изменял своим союзникам, заключая сепаратный мир с Австрией (в 1742 и 1745 гг.). В результате войны за Пруссией была закреплена захваченная ею Силезия, однако остальные владения австрийских Габсбургов были сохранены за Марией-Терезией. — *35.*

[44] Речь идет о войне коалиции феодально-абсолютистских государств Европы против революционной Франции. В создании контрреволюционной коалиции активное участие принимала также буржуазно-аристократическая Англия. В феврале 1792 г. при поддержке Англии и царской России был заключен военный союз между Пруссией и Австрией, которые начали интервенцию во Францию. В 1793 г., после провозглашения 10 августа 1792 г. во Франции республики и казни в январе 1793 г. короля Людовика XVI, к антифранцузской коалиции открыто присоединились Англия, Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния и ряд мелких германских и итальянских государств. Война Франции с участниками этой (первой) коалиции продолжалась до 1797 года.

Освободительные, справедливые войны Франции в период буржуазной революции с приходом летом 1794 г. к власти контрреволюционной крупной буржуазии стали приобретать характер захватнических войн с целью подчинения других народов. — *37.*

[45] Имеется в виду революционно-освободительная война за независимость 13 североамериканских колоний Англии (1775 — 1783). Восстание североамериканских колоний против английского господства, обусловленное стремлением складывавшейся американской буржуазной нации к самостоятельности и к уничтожению тех преград для развития капитализма, которые создавало колониальное господство Англии, носило характер буржуазной революции. В результате победы северо-

американцев было образовано независимое буржуазное государство — Соединенные Штаты Америки. — *37.*

[46] *Семилетняя война* (1756 — 1763) была вызвана захватническими стремлениями европейских феодально-абсолютистских держав и колониальным соперничеством Франции и Англии. Англия в союзе с Пруссией выступила против коалиции Австрии, Франции, России, Саксонии и Швеции. В 1756 — 1757 гг. войска прусского короля Фридриха II одержали ряд побед над австрийцами и французами, однако успехи русских войск в Пруссии в 1757 — 1760 гг. свели на нет результаты прусских побед. Война закончилась заключением Парижского и Губертусбургского мирных договоров. По Парижскому договору Франция вынуждена была уступить Англии свои крупнейшие колонии (Канаду, почти все французские владения в Ост-Индии и т. д.), чем было упрочено колониальное и морское могущество Англии. Губертусбургский мир восстанавливал Пруссию, Австрию и Саксонию в довоенных границах. — *40.*

[47] Сражение при *Инкермане* между русской армией и англо-французскими войсками произошло 5 ноября (24 октября) 1854 г. во время Крымской войны (1853 — 1856). Сражение закончилось поражением русских войск, однако активные действия русской армии и тяжелые потери, понесенные союзниками, особенно англичанами, заставили их отказаться от немедленного штурма Севастополя и перейти к длительной осаде крепости. Подробно это сражение описано в статье Энгельса «Инкерманское сражение» (см. настоящее издание, том 10, стр. 558 — 563). — *41.*

[48] Крепость *Бадахос* (Юго-Западная Испания) дважды осаждалась англо-испано-португальской союзной армией под командованием Веллингтона во время войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814). В этой войне одновременно с военными действиями между Англией и наполеоновской Францией на всей территории полуострова развернулась национально-освободительная борьба испанского и португальского народов — во многих местах в форме партизанских действий — против французских оккупантов. Стратегически важная крепость Бадахос, захваченная в марте 1811 г. французами, была в мае этого же года осаждена союзниками. Осада продолжалась до начала июня 1811 г. и была снята вследствие значительных потерь, понесенных осаждающими, и подхода французских резервов (в конце данной статьи у Энгельса неточно указано, что осада была снята через несколько дней после сражения 16 мая 1811 г. при Альбуэре — неточность, которая была обнаружена после опубликования статьи и которая объясняется, как это видно из письма Энгельса Марксу от 18 февраля 1858 г., ошибкой в одном из использованных Энгельсом источников). Вторично крепость Бадахос была осаждена союзной армией в феврале 1812 г. и перешла в руки союзников после успешного штурма 6 апреля того же года. — *53.*

[49] При *Босуэрте* (Лестершир, Англия) 22 августа 1485 г. произошло сражение между войсками Генриха Тюдора, дальнего родственника дома Ланкастеров, и армией английского короля Ричарда III из династии Йорков, закончившееся поражением и гибелью Ричарда. Победитель был провозглашен королем Генрихом VII. Этим сражением завершилась война Роз (1455 — 1485) — война между представителями

двух боровшихся за престол английских феодальных родов: Йорков, на гербе которых была изображена белая роза, и Ланкастеров, носивших на гербе алую розу. Война привела почти к полному истреблению старинных феодальных родов и закончилась приходом к власти новой династии Тюдоров, установившей в Англии абсолютизм. — *60.*

[50] Имеется в виду хроника Э. Холла: «The Union of the Noble and Illustre Famelies Lancastre and York» («Союз благородных и славных домов Ланкастеров и Йорков»), изданная в Лондоне в 1542 году. — *60.*

[51] *Гражданские войны в Англии* в период буржуазной революции середины XVII в. велись между дворянами-роялистами, стремившимися восстановить абсолютную власть Карла I Стюарта, и приверженцами парламента. В начале первой гражданской войны (1642 — 1646) парламентская армия, во главе которой стояли сторонники соглашения с королем, терпела поражения. Однако в ходе войны в рядах армии усиливались позиции более решительных представителей обуржуазившегося дворянства и буржуазии, возглавляемых Кромвелем. Последним удалось добиться реорганизации парламентских вооруженных сил. В армии «нового образца» большим влиянием пользовались демократические элементы, представлявшие широкие слои крестьянства и ремесленников и требовавшие энергичных революционных мер. Благодаря активности народных масс в гражданской войне был достигнут перелом и одержана победа над королем. Однако в результате роялистских мятежей и выступления в поддержку Карла I шотландской феодальной знати весной 1648 г. вспыхнула вторая гражданская война, закончившаяся в августе 1648 г. новыми победами революционной армии. В 1649 г. Карл I был казнен, в Англии была установлена буржуазная республика. — *61.*

[52] При написании Энгельсом статьи «Эри» большую помощь ему в подборе нужного материала оказал Маркс, как это явствует из сохранившихся выписок Маркса, сделанных из ряда английских источников. Среди них, в частности, имеются выписки из брошюры: R. Airey. «Adresses before Military Board at Chelsea». London, 1856 (Р. Эри. «Показания, сделанные перед военной комиссией в Челси». Лондон, 1856). Цитата, приводимая ниже в статье, взята из этой брошюры. — *63.*

[53] *Большая армия* (Grande armee) — так называлась с 1805 г. основная группировка вооруженных сил Французской империи, действовавшая на главных театрах наполеоновских войн. В состав большой армии, помимо французских войск, включались контингенты из покоренных Наполеоном стран — Италии, Голландии, Германии, Польши и других. — *64.*

[54] Имеется в виду пятидневное сражение в районе Абенсберга, Ландсхута, Экмюля и Регенсбурга (Бавария) 19 — 23 апреля 1809 г. во время австро-французской войны 1809 года. В ходе войны наполеоновская Франция добилась победы ценой большого напряжения сил и значительных потерь, встретив упорное сопротивление австрийской армии, которое свидетельствовало о росте национально-освободительного движения народов Европы против наполеоновского гнета. Регенсбургское сражение окончилось поражением и отходом австрийской армии, сохранившей, однако, боеспособность.

Одному из этапов Регенсбургского сражения — сражению при Абенсберге — посвящена заметка под заглавием «Абенсберг», составленная Энгельсом примерно в то же время, когда была написана статья «Асперн», и опубликованная в 1858 г. в первом томе «New American Cyclopaedia». Краткость этой заметки заставляет предполагать, что первоначальный текст был значительно сокращен редакцией энциклопедии. Ниже приводится текст, напечатанный в «New American Cyclopaedia»: *«Абенсберг* — небольшой город с 1200 жителей в округе Реген Баварского королевства. Предполагают, что на этом месте был римский город Абасинум. В окрестностях имеется горячий источник и развалины красивого замка. 20 апреля 1809 г. Бонапарт дал под Абенсбергом сражение австрийцам и разбил их; они потеряли в этом бою 12 орудий и 13000 солдат. Эта победа предшествовала победам при Ландсхуте и Экмюле и открыла дорогу на Вену». — *64.*

[55] При *Ватерлоо* (Бельгия) 18 июня 1815 г. армия Наполеона была разбита англо-голландскими войсками под командованием Веллингтона и прусской армией под командованием Блюхера. Сражение сыграло решающую роль в кампании 1815 г., предопределив окончательную победу антинаполеоновской (седьмой) коалиции (Англии, России, Австрии, Пруссии, Швеции, Испании и других государств) и падение империи Наполеона. Победа союзников в сражении при Ватерлоо была обеспечена стойкостью английской пехоты, выдержавшей многочисленные атаки армии Наполеона, а также своевременным прибытием армии Блюхера на выручку англо-голландских войск. — *66.*

[56] Имеется в виду сражение при *Лейпциге* 16 — 19 (4 — 7) октября 1813 г. — генеральное сражение между войсками шестой коалиции европейских держав (Россия, Австрия, Пруссия, Англия, Швеция, Испания и др.) и наполеоновской-Франции в кампании 1813 года. В этом сражении, которое вошло в историю под именем «битвы народов», с обеих сторон участвовало до 500 тыс. человек. Победа союзных войск решила исход кампании в пользу союзников и привела к освобождению Германии от наполеоновского господства. — *70.*

[57] Начатая в 1812 г. война между Англией и Соединенными Штатами Америки была вызвана стремлением английских правящих классов восстановить свое господствующее положение в Северной Америке, утраченное в результате американской буржуазной революции XVIII века. В борьбе с Англией американские вооруженные силы пользовались поддержкой народных масс, видевших в действиях англичан угрозу восстановления колониального режима и рассматривавших эту борьбу как вторую войну за независимость. В то же время некоторые круги американской буржуазии связывали с этой войной планы расширения территории США за счет соседей. В 1812 г. война велась о перевесом в пользу англичан, но в 1813 г. американцам удалось очистить от английских войск пограничный с Канадой штат Мичиган. Несмотря на временный захват Вашингтона в 1814 г. Англия, истощенная войнами с Наполеоном и понеся значительные потери в результате успешных действий американского флота, вынуждена была в декабре 1814 г. заключить мир в Генте на основе признания довоенного положения. Военные действия прекратились в январе 1815 года. — *73.*

[58] В сражении при *Фонтенуа* (Бельгия) 11 мая 1745 г. в период войны за Австрийское наследство (см. примечание 43) французская армия под

командованием Морица Саксонского нанесла поражение союзным англо-ганноверским, голландским и австрийским войскам.

При *Чиппеве* (на границе между Канадой и США) 5 июля 1814 г. во время войны между Англией и США произошло сражение между английскими и американскими войсками, выигранное американцами. — *74.*

[59] Распространенным в Западной Европе термином «клан» Энгельс обозначает крупные родовые объединения (хели), на которые делились афганские племена. — *78.*

[60] *Сунниты* и *шииты* — сторонники двух главных направлений в исламе. Оба направления возникли в VII в. в связи с междоусобной борьбой среди преемников Мухаммеда, считающегося основателем ислама. — *78.*

[61] *Моголы* — завоеватели тюркского происхождения, вторгшиеся в Индию в начале XVI в. из восточной части Средней Азии и основавшие в 1526 г. в Северной Индии империю Великих Моголов (так именовали европейцы правителей этой империи, называвших себя падишахами). В глазах современников основатели могольской империи были прямыми потомками монгольских завоевателей времен Чингис-хана, отсюда и название «моголы». Могольская держава достигла значительного могущества, подчинив к середине XVII в. большую часть Индии и часть Афганистана. Однако в результате крестьянских восстаний и роста сопротивления народов Индии завоевателям-мусульманам, а также вследствие постоянных усобиц и усиления феодально-сепаратистских тенденций империя Великих Моголов стала приходить в упадок и в первой половине XVIII в. фактически распалась. — *78.*

[62] *Маратхи* — индийская народность, занимавшая территорию в северозападной части Декана. С середины XVII в. начала вооруженную борьбу против чужеземного господства могольских феодалов, нанеся серьезный удар империи Великих Моголов и способствуя ее распаду. В ходе этой борьбы было создано независимое государство маратхов, феодальная верхушка которого вскоре встала на путь завоевательных войн. В конце XVII в. маратхское государство было ослаблено феодальными усобицами, но в начале XVIII в. вновь сложилось сильное объединение маратхскях княжеств во главе с верховным правителем — пешвой. Маратхские феодалы, ведя борьбу с афганцами за гегемонию в Индии, потерпели в 1761 г. жестокое поражение. Обескровленные участием в борьбе за владычество над Индией и внутренними распрями маратхских феодалов, маратхские княжества сделались добычей Ост-Индской компании, подчинившей их в результате англо-маратхской войны 1803 — 1805 годов. — *79.*

[63] *Сикхами* в XVI в. называлась религиозная секта в Пенджабе, чье учение о равенстве, направленное к примирению индуизма с исламом, стало идеологией развернувшейся с конца XVII в. борьбы крестьян против индийских феодалов и афганских захватчиков. В дальнейшем среди самих сикхов выделилась феодальная верхушка, представители которой (сердары) стояли во главе сикхских княжеств. В начале XIX в. эти княжества были объединены под властью одного из сердаров Ранджит Сингха, в правление которого государство сикхов включало

весь Пенджаб и ряд соседних областей. В 1845 г. английские колонизаторы, использовав предательские элементы сикхской знати, спровоцировали конфликт с сикхами и добились в 1846 г. превращения государства сикхов в вассальное княжество. В 1848 г. сикхи подняли восстание, но в 1849 г. были окончательно покорены. — *80.*

[64] Осада Герата иранскими войсками, начатая еще в ноябре 1837 г.. продолжалась до августа 1838 года. Поход иранского шаха Мухаммеда на Герат явился следствием обострения не только ирано-афганских, но и англо-русских противоречий в этом районе. Стремясь усилить влияние Англии в Афганистане и ослабить упрочившееся к этому времени влияние России в Иране, а также навязать Ирану невыгодный для него торговый договор, английское правительство объявило действия шаха враждебными Англии и потребовало снятия осады Герата. Ввиду отказа шаха выполнить это требование английское правительство порвало дипломатические отношения с Ираном и, угрожая войной, направило в 1838 г. в Персидский залив эскадру. Иранский шах вынужден был снять осаду и согласиться затем на заключение с Англией торгового договора.

Осада Герата описана в статье Маркса «Война против Персии» (см. настоящее издание, том 12, стр. 120 — 125). Для Энгельса, как это видно из сделанных им выписок, основным источником в освещении этого события, а также связанной с ним англо-афганской войны 1838 — 1842 гг., послужила книга: J. W. Kaye. «History of the War in Afghanistan». Vol. I — II, London, 1851 (Дж. У. Кей. «История войны в Афганистане». Тт. I — II, Лондон, 1851). — *80.*

[65] В 1838 г. английская армия, предназначенная для вторжения в Афганистан, прошла через территорию пограничной с ним области Синд (северо-западная часть Индии), что облегчило в дальнейшем захват этой области английскими колонизаторами. К началу войны с Афганистаном Ост-Индская компания посредством угроз и насилия добилась от феодальных правителей Синда согласия на пропуск своих войск через их владения. В 1843 г. англичане потребовали от местных феодалов признания себя вассалами компании и после расправы с восставшими племенами белуджей (коренное население Синда) объявили всю область присоединенной к Британской Индии. — *81.*

[66] *Сипаи* — наемные войска в Индии, вербовавшиеся английскими колонизаторами из местных жителей и служившие под командованием английских офицеров. Синайские войска в англо-индийской армии использовались англичанами для покорения Индии и завоевательных войн против соседних с Индией стран (Афганистана, Бирмы и Др.). Превращенные в опору английского господства, сипаи тем не менее оказались охваченными общим недовольством народных масс Индии колониальным режимом, что особенно проявилось во время крупнейшего национально-освободительного восстания в Индии в 1857 — 1859 годах. — *83.*

[67] Имеется в виду труд Кормонтеня: «Architecture militaire, ou l'art de fortifier». La Haye, 1741 («Военная архитектура, или искусство фортификации». Гаага, 1741). — *89.*

[68] В сражении на реке *Шпейербах* (Западная Германия) 15 ноября 1703 г. французская армия одержала победу над германско-имперскими войсками; исход боя решил штыковой удар французской пехоты.

Это сражение произошло во время войны за Испанское наследство (1701 — 1714), вызванной борьбой западноевропейских государств за раздел европейских и колониальных владений пришедшей в упадок феодальной Испании, а также морским и колониальным соперничеством Англии и Франции. Французский король Людовик XIV, стремясь *к* присоединению испанской монархии, добился после прекращения мужской линии испанских Габсбургов избрания на испанский престол своего внука Филиппа Бурбона. Против Франции и Испании образовалась коалиция в составе Англии, австрийских Габсбургов (представитель этого дома был также германским императором), Голландии, Савойского герцогства, Португалии, Пруссии и ряда других немецких государств. Война велась на четырех театрах: в Италии, Испании, Западной и Юго-Западной Германии и Нидерландах. Она привела к истощению Франции, завершившись частичным разделом испанской империи. По Утрехтскому (1713) и Раштаттскому (1714) мирным договорам французский король должен был отказаться от планов соединения французской и испанской монархий, хотя испанская корона и сохранялась за Филиппом Бурбоном; испанские владения в Нидерландах и Италии были отданы австрийским Габсбургам. Англия, получившая наибольшие выгоды в войне, добилась ослабления морской и колониальной мощи Франции, приобрела Гибралтар и остров Менорку, ряд французских колоний в Северной Америке и право ввозить негров-рабов в испанские колонии, — *90.*

[69] Статья «Барклай-де-Толли», как это видно из письма Энгельса Марксу от 10 сентября 1857 г. и рукописных подготовительных материалов Маркса и Энгельса, является их совместной работой, хотя окончательное литературное оформление принадлежало Марксу. К числу источников, использованных авторами при составлении статьи, относятся, помимо справочных изданий, собрание трактатов и конвенций Мартенса, работа Жомини «Vie politique et militaire de Napoleon». Tome 4, Paris, 1827 («Политическая и военная жизнь Наполеона». Том 4, Париж, 1827), книга немецкого историка Бернхарди «Denkwurdigkeiten aus dem Leben des Grafen von Toll». Leipzig, 1856 («Записки из жизни графа Толя». Лейпциг, 1856). В этих книгах история Отечественной войны 1812 г. излагается тенденциозно, а иногда и в весьма искаженном виде, что не могло не отразиться на освещении некоторых сторон ее и в статьях Маркса и Энгельса, ввиду отсутствия у них в то время более объективных источников. В частности в данной статье неточно освещаются причины назначения М. И. Кутузова на пост главнокомандующего русской армией, мотивы оставления им позиции у Гжатска (точнее Царева-Займища), его роль в руководстве дальнейшими военными операциями русских войск. Кутузову необоснованно противопоставляется здесь Барклай-де-Толли, который был выдающимся военачальником и патриотом России, но значительно уступал великому русскому полководцу в отношении стратегического таланта, понимания характера войны, военного опыта и авторитета среди армии и народа. Именно этими обстоятельствами и объясняется назначение Кутузова главнокомандующим, на которое под давлением общественного мнения вынужден был согласиться император Александр I, вопреки своей неприязни к полководцу. — *92.*

[70] Имеется в виду сражение у *Прёйсиш-Эйлау* (Восточная Пруссия) 7 — 8 февраля (26 — 27 января) 1807 г. между французскими и русскими войсками — одно из самых кровопролитных сражений в войне четвертой

коалиции (Англия, Россия, Пруссия и Швеция) против Франции. В этой войне после разгрома прусских войск наполеоновской армией в 1806 г. главным театром военных действий стала Восточная Пруссия, где вооруженные силы Наполеона встретили упорное сопротивление союзной армии России и Пруссии. У Прёйсиш-Эйлау, несмотря на огромные потери, Наполеон не смог добиться решительного успеха. В результате движение французской армии было приостановлено и ее попытка отрезать русскую армию от границ России не удалась. — *92.*

[71] Вступление в марте 1809 г. во время русско-шведской войны (1808 — 1809) русских войск под командованием Барклая-де-Толли из Финляндии на территорию собственно Швеции ускорило осуществление заговора шведских аристократов против короля Густава IV с целью ограничения королевской власти в интересах аристократической олигархии. В марте 1809 г. Густав IV был низложен, и королем под именем Карла XIII вскоре был объявлен его дядя герцог Зюдерманландский. В сентябре того же года Швеция вынуждена была заключить с царской Россией Фридрихсгамский мир, уступив ей Финляндию.

Сравнивая поход русской армии через Ботнический залив с аналогичной операцией меньшего масштаба, осуществленной в прошлом самими шведами, Энгельс имеет в виду переход в конце января 1658 г. войск шведского короля Карла X Густава через замерзшие проливы Малый и Большой Бельт на территорию Дании во время датско-шведской войны 1657 — 1658 годов. Вторжением в Данию Карл-Густав вынудил ее к заключению выгодного для Швеции мира. — *92.*

[72] Имеются в виду: «Memoires pour servir a l'histoire de France, sous Napoleon, ecrits a Sainte-Helene, Par les generaux qui ont partage sa captivite, et publies sur les manuscrits entierement corriges de la main de Napoleon». Paris, 1823 («Мемуары, освещающие историю Франции во время правления Наполеона, составленные на острове Святой Елены генералами, которые разделили с Наполеоном его участь пленника, и опубликованные по рукописям, полностью выправленным рукой Наполеона». Париж, 1823). — *92.*

[73] Согласно плану Фуля, в случае вторжения Наполеона русские вооруженные силы должны были разделиться на три армии, причем первой из них предстояло выдержать главный удар противника, опираясь на специально сооруженный в 1811 — 1812 гг. укрепленный лагерь в Дриссе (Литва), а вторая должна была маневрировать на флангах и в тылу врага. Составленный в духе устаревшей прусской стратегии и тактики времен Фридриха II, этот план распылял силы русских и обрекал их на разгром по частям численно превосходящим противником. На ошибках плана Фуля строились в основном стратегические замыслы Наполеона. Однако русское командование, — в том числе Барклай-де-Толли, — для которого ошибочность этого плана была очевидной, после фактического устранения Александра I, поддерживавшего план Фуля, от руководства военными действиями, вовремя приняло решение об оставлении Дрисского лагеря и отходе в глубь России с целью соединения первой и второй русских армий. — *93.*

[74] Сражение у *Смоленска* между армией Наполеона и русскими войсками, прикрывавшими отход главных сил соединившихся 3 августа (22 июля) 1812 г. армий Багратиона и Барклая-де-Толли, произошло 16 — 17 (4 — 5) августа 1812 года. Наполеону не удалось навязать русским гене-

ральное сражение. Ценой значительных потерь он овладел городом, оставленным русским арьергардом после того, как главные силы русских войск были отведены. Являясь одним из выдающихся сражений Отечественной войны 1812 г., Смоленское сражение показало растущую силу сопротивления русской армии и народа вторгшемуся завоевателю и обнаружило провал расчетов Наполеона на быстрый разгром русских сил. После сражения Наполеон предпринял неудачную попытку заключения мира. — *93.*

[75] Имеется в виду позиция у Царева-Займища, юго-западнее Гжатска» куда русские войска подошли 29(17) августа 1812 года. Позиция была оставлена русской армией по решению назначенного незадолго до этого главнокомандующим М. И. Кутузова, который рассчитывал дать генеральное сражение французам при более благоприятном соотношении сил, для чего требовался выигрыш времени и присоединение к главным силам ожидавшихся подкреплений. По этой причине русская армия предприняла отступление от Царева-Займища к Бородину. — *93.*

[76] Упоминается ряд сражений кампании 1813 г. в войне шестой коалиции европейских государств против наполеоновской Франции. Разгром армии Наполеона в России в 1812 г. послужил сигналом к восстанию против наполеоновского господства народов Европы. В феврале 1813 г., после вступления русской армии в Польшу и Германию, был заключен русско-прусский союз для борьбы с Наполеоном. Весной 1813 г. образовалась антинаполеоновская коалиция из Англии, России, Пруссии, Швеции, Испании, Португалии, к которой осенью этого же года открыто примкнула Австрия. В кампании 1813 г., несмотря на отдельные успехи Наполеона, его войска были разбиты союзниками и изгнаны из Германии.

В сражении при *Бауцене* (Саксония) 20 — 21 (8 — 9) мая 1813 г. армия Наполеона выиграла сражение с союзными русско-прусскими войсками, отступление которых, однако, прикрываемое русским арьергардом под командованием Барклая-де-Толли, было совершено в полном порядке. На следующий день произошел успешный для русских арьергардный бой под *Гёрлицем* между французскими войсками и отступавшими от Бауцена частями русской армии.

В сражении при *Лейпциге* 16 — 19 (4 — 7) октября 1813 г. (см. примечание 56) Барклай-де-Толли командовал центральной группой союзных войск. — *93.*

[77] См. примечание 45. — *95.*

[78] 5 и 6 октября 1789 г. во время французской буржуазной революции народные массы, пришедшие из Парижа в Версаль, в результате кровопролитных схваток с королевской гвардией заставили короля Людовика XVI вернуться в Париж и тем расстроили контрреволюционный заговор против Учредительного собрания, подготовленный в Версале двором.

19 февраля 1791 г. в Париже вспыхнули народные волнения, поводом к которым послужила попытка родственниц короля бежать за границу. — *95.*

[79] Война в *Вандее* была вызвана контрреволюционным мятежом против Французской республики, поднятым в этом департаменте в марте 1793 г. в период французской буржуазной революции. Главную массу

мятежников составляла часть местного крестьянства, подстрекаемая и руководимая контрреволюционными священниками и дворянами. Активную помощь мятежникам оказывали агенты английского правительства. В июне 1793 г. вандейцы осадили и взяли город *Сомюр,* оборонявшийся республиканскими войсками, по позднее потерпели ряд поражений. Мятеж был подавлен в 1795 г., однако попытки его возобновления повторялись в 1799 и последующие годы. — *95.*

[80] *9 термидора* (27 — 28 июля 1794 г.) — контрреволюционный государственный переворот, приведший к падению правительства якобинцев и к установлению господства крупной буржуазии. — *95.*

[81] Перечислен ряд сражений кампании 1796 — 1797 гг., в которой французская армия, возглавляемая генералом Бонапартом, вторгшись в Северную Италию, разгромила союзные австрийские и пьемонтские (сардинские) войска. В упомянутом сражении при *Мондови* армия Бонапарта нанесла решительное поражение пьемонтским войскам, что вынудило короля Пьемонта заключить сепаратный мир. Поражение австрийцев при *Лоди* привело к взятию войсками Бонапарта Милана. Сражение при *Риволи* (14 — 15 января 1797 г.), выигранное Бонапартом, сыграло решающую роль в борьбе за Северную Италию, окончательно определив исход всей кампании в пользу Франции. Австрийцы вынуждены были сдать французам крепость Мантую и заключить в октябре 1797 г. выгодный для Франции мир, означавший полный развал первой антифранцузской коалиции. — *96.*

[82] Воспользовавшись антиабсолютистским движением в Италии, усилившимся в результате поражения антифранцузской коалиции, Бонапарт и подчиненные ему генералы стремились под флагом помощи итальянским республиканцам установить французское господство в Италии в форме образования «дочерних» республик. В марте 1798 г. при поддержке французского оружия была провозглашена Римская республика; папа Пий VI бежал. Однако в 1799 г., после вступления в Италию армий второй антифранцузской коалиции, итальянские республики были уничтожены и в Римской области была восстановлена власть папы. С восстановлением французского владычества в Италии Наполеон включил в 1809 г. Папскую область в состав Французской империи, предварительно присоединив часть ее территории к вассальному Итальянскому королевству. — *96.*

[83] *Египетская экспедиция* — поход в Египет французской армии и флота под командованием генерала Бонапарта, предпринятый в 1798 г. с целью установления французского колониального владычества на Ближнем Востоке, захвата принадлежавших в то время Турции Египта и Сирии и нанесения удара Англии на ее коммуникациях с Индией. Успехи Бонапарта в Египте были сведены на нет разгромом французского флота английской эскадрой адмирала Нельсона при Абукире 1 августа 1798 г., победами, одержанными над французами в Северной Италии русско-австрийскими войсками под командованием А. В. Суворова и успешными действиями на Средиземном море русской эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова. Осенью 1799 г. Бонапарт вернулся во Францию, оставив армию в Египте, которая в 1801 г. вынуждена была капитулировать перед англичанами. — *96.*

[84] *18 — 19 брюмера* (9 — 10 ноября 1799 г.) генералом Бонапартом и его приверженцами был осуществлен государственный переворот, завер-

шивший процесс развития буржуазной контрреволюции во Франции. В результате переворота была установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта, назначенного первым консулом. — *96.*

[85] В сражении при *Маренго* (Северная Италия) 14 июня 1800 г. армия Наполеона, получившего неточные сведения о расположении австрийских войск, подверглась неожиданной атаке. Несмотря на это австрийские войска потерпели поражение. Победа при Маренго, а также успешные действия против австрийцев другой французской армии в Юго-Западной Германии способствовали распадению второй антифранцузской коалиции, образованной в конце 1798 г. в составе Англии, Австрии, России, Испании, Неаполя и Турции. В результате этой победы власть Наполеона была упрочена. — *96.*

[86] *Большая армия* — см. примечание 53. — *97.*

[87] В октябре 1805 г. во время войны третьей коалиции европейских государств (Англия, Австрия, Россия, Неаполитанское королевство) против наполеоновской Франции австрийская армия генерала Макка, окруженная французскими войсками в районе Ульма, вынуждена была капитулировать. — *97.*

[88] Титул князя Ваграмского был получен Бертье в честь победы наполеоновской армии над австрийцами в сражении при Ваграме 5 — 6 июля 1809 г. во время войны Наполеона против пятой коалиции (Австрия, Англия, Испания, Португалия). После этого поражения Австрия признала себя побежденной и в октябре 1809 г. заключила мир с Наполеоном на тяжелых условиях. — *97.*

[89] Имеется в виду временное правительство под председательством Талейрана, созданное сенатом в апреле 1814 г. после разгрома армии Наполеона и вступления войск союзников в Париж. Временное правительство содействовало реставрации монархии Бурбонов. — *98.*

[90] «Memoires du marechal Berthier». Part. I — II, Paris, 1827 («Мемуары маршала Бертье». Ч. I — II, Париж, 1827). — *98.*

[91] Статья Энгельса «Алжир» подверглась некоторой правке со стороны редакции «New American Cyclopaedia». Как это видно из письма Энгельса Марксу от 22 сентября 1857 г., в первоначальный не дошедший до нас текст статьи входило описание освободительной войны алжирского народа под руководством Абд-эль-Кадира против французских завоевателей и характеристика колонизаторской деятельности в Алжире маршала Бюжо. Эти места, в ущерб содержанию статьи, были опущены редакцией, по-видимому, в связи с тем, что в энциклопедию уже вошла специальная статья об Абд-эль-Кадире и предполагалось включить заказанную Марксу статью «Бюжо» (см. настоящий том, стр. 222 — 225). Имеются и другие следы редакционного вмешательства.

Работая над статьей, Энгельс сумел преодолеть тенденциозный подход к освещению истории Алжира в буржуазной исторической и справочной литературе — единственного в то время доступного ему источника (в частности им была использована статья «Алжир» в книге «Wigand's Conversations-Lexikon». Bd. I., Leipzig, 1846 («Энциклопедический лексикон Виганда». Том I, Лейпциг, 1846), из которой, по-видимому, была взята приводимая на стр. 107 цитата). Однако ввиду крайней неразработанности в то время истории стран Африки, отдельные устаревшие

и односторонние положения по частным вопросам неизбежно должны были из источников Энгельса проникнуть в его статью, что сказалось, например, на освещении роли христианских государств в борьбе с алжирскими пиратами (сами эти государства, как известно, широко занимались каперством), а также обстоятельств и мотивов первоначальной оккупации Алжира французами. — *99.*

[92] *Куллуглу* — потомки от браков турок с алжирскими женщинами. — *100.*

[93] *Берберийскими,* или *варварийскими, государствами* европейцы в прошлом называли мусульманские государства Северной Африки, расположенные к западу от Египта. — *102.*

[94] 30 апреля 1827 г. алжирский дей Хусейн на приеме в своей резиденции вступил в спор с французским генеральным консулом Девалем по поводу неуплаты долга французского правительства алжирским подданным и в ответ на наглое, вызывающее поведение Деваля ударил его в лицо опахалом. Этот инцидент, спровоцированный французским консулом, послужил правительству Карла X предлогом для осуществления в 1827 — 1829 гг. блокады берегов Алжира, после которой в 1830 г. французские колонизаторы приступили к завоеванию этой страны. — *103.*

[95] Речь идет о намерении правительства Карла X формально передать Порте управление Алжиром на условиях, которые предусматривали фактически установление контроля французского правительства над этой страной и одновременно усиление финансовой зависимости самой Оттоманской империи от Франции. Согласно этим условиям, в Алжире предполагалось создание особого правительства (слабость Порты и неспособность ее управлять отдаленными владениями обрекали это правительство на роль марионетки Франции); Франции передавались четыре алжирских порта и предоставлялось право на эксплуатацию коралловых промыслов; за «помощь» в деле «возвращения» Алжира султану последний должен был уплатить Франции 20 млн. франков. В расчеты французских правящих кругов входило также использование турецких войск для покорения Алжира. Однако переговоры с Портой были прекращены в связи с июльской буржуазной революцией 1830 г. во Франции, приведшей к замене династии Бурбонов династией Орлеанов. Июльская монархия встала на путь установления непосредственного французского господства в Алжире. — *104.*

[96] Экспедиция французских войск под командованием маршала Клозеля против округа Константины, находившегося в руках алжирских повстанцев, была предпринята осенью 1836 года. Попытки французов штурмом овладеть г. Констаниной были отбиты алжирскими отрядами. Осенью следующего года была предпринята вторая экспедиция под командованием генерала Дамремона, сменившего Клозеля на посту генерал-губернатора Алжира. На этот раз французам удалось ценой больших потерь штурмом овладеть Константиной. Французские солдаты учинили в городе зверскую расправу над местным населением. — *108.*

[97] Освободительная борьба алжирцев против французских завоевателей пол руководством Абд-эль-Кадира продолжалась с 1832 по 1847 год. В результате успешных действий Абд-эль-Кадир, опиравшийся на широкие слои алжирского населения и сумевший объединить под своей властью отдельные арабские племена, добился в 1834 г. от французов признания

Западного Алжира, за исключением нескольких приморских городов, независимым арабским государством. Постоянно нарушая договоры. заключенные с Абд-эль-Кадиром, французские колонизаторы неоднократно вторгались в Западный Алжир. В течение 1839 — 1844 гг. государство Абд-эль-Кадира было завоевано после упорной борьбы, и сам он вынужден был отступить в Марокко. В 1845 — 1847 гг. Абд-эль-Кадир вновь возглавлял массовое освободительное восстание в Западном Алжире, после кровавого подавления которого продолжал из оазисов Сахары вести партизанскую борьбу против французских захватчиков. В 1847 г. Абд-эль-Кадир был взят в плен. Однако и после этого антиколониальные восстания алжирцев как в западной, так и в восточной части Алжира не прекращались. — *108.*

[98] *Марабуты* — представители мусульманских религиозных сект, отшельники; принимали активное участие в освободительной борьбе народов Северной Африки против европейских завоевателей. — *108.*

[99] *Bureau Arabe* (Арабское бюро) — название органов при французской военной администрации в Алжире, которые ведали вопросами, непосредственно касающимися местного населения. Такие бюро учреждались в каждом из завоеванных в Алжире округов и облекались огромными полномочиями. — *109.*

[100] Первоначальный набросок данной статьи был составлен Энгельсом, как это явствует из письма Энгельса Марксу от 10 сентября 1857 г., а также из сохранившихся подготовительных материалов, извлеченных Энгельсом из таких источников, как книга Жомини: «Vie politique et militaire de Napoleon». Paris, 1827 («Политическая и военная жизнь Наполеона». Париж, 1827) и др. Этот набросок был дополнен Марксом материалом, почерпнутым из французского справочного издания «Biographie universelle». T. 3, Paris, 1854 («Всеобщая биография». Т. 3, Париж, 1854), из мемуаров Наполеона («Memoires pour servir a l'histoire de France, sous Napoleon...» Paris, 1823) и из других книг, отредактирован им и отослан в Нью-Йорк. — *113.*

[101] Имеется в виду длительная осада и взятие в 1788 г. русскими войсками крепости Очаков, служившей опорным пунктом турок в Северном Причерноморье, во время русско-турецкой войны (1787 — 1791). — *113.*

[102] Под *Ошмянами* и *Солами* в июне 1794 г. во время польского национально-освободительного восстания под руководством Костюшко отряд Беннигсена нанес поражения польским войскам. В августе того же года русские войска сломили сопротивление польской армии, оборонявшей г. *Вильно* (Вильнюс), и вступили в город.

Результатом подавления восстания был третий раздел Польши, произведенный в 1795 г. Австрией, Пруссией и царской Россией и приведший к окончательной ликвидации польского государства. — *113.*

[103] Имеется в виду осада и взятие г. *Дербента* русскими войсками в 1796 г. в ответ на вторжение в 1795 г. персидского шаха Ага-Мохаммеда в Грузию, сопровождавшееся массовой резней и уводом в рабство населения. — *114.*

[104] Осада *Данцига* (Гданьска) была начата наполеоновскими войсками в марте 1807 г. в период войны Наполеона I с четвертой антифранцузской

коалицией европейских государств. Гарнизон крепости, состоявший из прусских войск и союзного русского отряда, упорно сопротивлялся превосходящим силам противника. Крепость была сдана в конце мая 1807 года. — *115.*

[105] *«Der Komet»* («Комета») — немецкая ежедневная литературная газета либерального направления, выходила в 1830 — 1848 гг. в Лейпциге.

«Abend-Zeitung» («Вечерняя газета») — немецкая буржуазная литературная газета, выходила в 1817 — 1857 гг. в Дрездене и Лейпциге. — *118.*

[106] Лейпцигские *Шиллеровское общество* и *Союз немецких литераторов* в 40-е годы XIX в. объединяли немецких писателей, ставивших своей целью борьбу за свободу печати и пропаганду либеральных идей в Германии. — *118.*

[107] *«Sachsische Vaterlands-Blatten)* («Саксонские отечественные листки») — немецкая либеральная газета, выходила с 1837 г. в Дрездене, а с 1841 г. в Лейпциге. — *118.*

[108] *«Немецкий католицизм»* — религиозное движение, возникшее в 1844 г. в ряде германских государств и охватившее значительные слои средней и мелкой буржуазии. Движение было направлено против крайних проявлений мистицизма и ханжества в католической церкви и в религиозной форме отражало недовольство буржуазии 40-х годов реакционными порядками в Германии. Отвергая главенство римского папы и многие догматы и обряды католической церкви, «немецкие католики» стремились приспособить католицизм к нуждам немецкой буржуазии. — *118.*

[109] Собрание граждан на манеже Лейпцига состоялось на следующий день после расстрела саксонскими войсками народной демонстрации в Лейпциге 12 августа 1845 года. Демонстрация, поводом к которой послужил устроенный по случаю приезда саксонского наследного принца Иоганна военный парад, была направлена против преследования саксонским правительством участников движения «немецких католиков». Принца Иоганна считали главным виновником этого преследования. — *118.*

[110] *Отечественный союз* — широкая демократическая организация, основанная в конце марта 1848 г. в Лейпциге в обстановке подъема революционного движения, вызванного февральской буржуазной революцией во Франция и мартовской буржуазной революцией в германских государствах. Во главе ее стояли мелкобуржуазные и буржуазные республиканцы Блюм, Руге, Йекель и др. Союз имел отделения во всей Саксонии. — *118.*

[111] *Предпарламент* — собрание общественных деятелей германских государств, которое происходило во Франкфурте-на-Майне с 31 марта по 4 апреля 1848 года. Подавляющее большинство делегатов Предпарламента принадлежало к конституционно-монархическому направлению. Эти делегаты отклонили предложение республиканско-демократического меньшинства об установлении в Германии федеративно-республиканского строя и превращении Предпарламента в учредительный орган, заседающий вплоть до открытия общегерманского

Национального собрания. Не добившись принятия своих предложений, группа республиканцев во главе с Геккером и Струве покинула Предпарламент, однако более умеренная часть республиканско-демократической оппозиции, возглавляемая Блюмом, осталась и приняла участие в образовании предложенной либералами Комиссии пятидесяти. Комиссия, в которой умеренные республиканцы получили всего лишь 12 мест, должна была по согласованию с Союзным сеймом (контрреволюционным органом старого Германского союза) обеспечить созыв общегерманского Национального собрания. Предпарламент разработал также проект «Основных прав и требований германского народа» — документ, который провозглашал на словах некоторые буржуазные свободы, но не затрагивал основ полуфеодального абсолютистского строя тогдашней Германии.

Франкфуртский парламент — общегерманское Национальное собрание, открывшееся во Франкфурте-на-Майне 18 мая 1848 г. с целью выработки общегерманской конституции. Большинство собрания состояло из представителей либеральной буржуазии и примыкавшей к ней буржуазной интеллигенции. Левые, умеренно-радикальные элементы группировались вокруг Роберта Блюма. Из-за трусости и соглашательства либерального большинства, а также колебаний и непоследовательности мелкобуржуазного левого крыла Собрание не только не сделалось органом действительного объединения Германии, но превратилось в простой дискуссионный клуб, лишенный реальной власти и отвлекавший массы от революционной борьбы. Деятельность Собрания прекратилась летом 1849 года. — *119.*

[112] Народное *восстание в Вене,* вспыхнувшее 6 октября 1848 г., было вызвано попыткой контрреволюционной монархической клики, поддержанной крупной буржуазией, ликвидировать завоевания мартовской буржуазной революции 1848 г. в Австрии и восстановить абсолютистский режим. Непосредственным поводом к выступлению был императорский указ об отправке частей венского гарнизона в карательный поход против революционной Венгрии. Восстание было подавлено императорскими войсками после ожесточенных боев, продолжавшихся с 24 октября по 1 ноября 1848 года. Причиной поражения венцев явилось отсутствие единства в лагере восставших, нерешительность их мелкобуржуазных руководителей, слабость движения в поддержку Вены из-за предательства буржуазии германских государств. Октябрьское восстание в Вене было кульминационным пунктом в развитии буржуазно-демократической революции в Австрии и Германии. — *119.*

[113] *20 июня 1792 г.* в Париже произошла вооруженная манифестация народных масс, ворвавшихся в королевский дворец. Это выступление, организованное жирондистами (партией крупной буржуазии) с целью оказать давление на короля Людовика XVI и заставить его отменить решение об отставке жирондистского министерства, вылилось в демонстрацию против королевской власти и сговора двора с иностранными интервентами. Манифестация показала рост антимонархических настроений народных масс. Последующий ход событий привел к народному восстанию 10 августа 1792 г., в результате которого во Франции была свергнута монархия и установлена республика. — *120.*

[114] Имеется в виду поход Наполеона в Северную Италию в 1800 г. во время войны против второй коалиции, завершившийся победой при Маренго (см. примечание 85). — *120.*

[115] *Континентальная система,* или *континентальная блокада,* объявленная Наполеоном I в 1806 г., запрещала странам европейского континента вести торговлю с Англией. — *120.*

[116] О *временном правительстве* см. примечание 89. — *121.*

[117] Маркс имеет в виду: «Memoires do M. de Bourrienne sur Napoleon, le Directoire, le Consulat? l'Empire et la Restauration». Paris, 1829 («Мемуары г-на де Бурьенна о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и Реставрации». Париж, 1829). Большая часть этих мемуаров, как предполагается, написана бывшим наполеоновским дипломатом Вильмаре, специализировавшимся на фабрикации подобного рода литературы. — *121.*

[118] В сражении при *Лейтене* (Лютине) в Силезии 5 декабря 1757 г. в период Семилетней войны 1756 — 1763 гг. (см. примечание 46) армия прусского короля Фридриха II нанесла поражение австрийским войскам. — *123.*

[119] При *Колине* (Чехия) во время Семилетней войны 1756 — 1763 гг. прусская армия Фридриха II была 18 июня 1757 г. разбита австрийскими войсками.

При *Кунерсдорфе* (Пруссия) 12 (1) августа 1759 г. произошло одно из крупнейших сражений Семилетней войны, в котором русская армия нанесла тяжелое поражение войскам Фридриха II. Последствием поражения пруссаков было временное занятие русскими войсками Берлина в 1760 году. От катастрофы Пруссию спасли только противоречия между Россией и ее союзниками — Австрией и Францией, а также вступление на русский престол пруссофила Петра III. — *123.*

[120] При публикации этой статьи во втором томе «New American Cyclopaedia» редакция энциклопедии присоединила к ней в виде специального раздела статью другого автора «Плавучие батареи» («Floating batteries»). Этот раздел, составленный, по-видимому, каким-либо американским специалистом, содержал данные о строительстве судов в США, относящиеся ко времени, когда статья «Батарея» уже была написана Энгельсом и отправлена в Нью-Йорк. — *127.*

[121] См. примечание 32. — *120.*

[122] Сражение при *Аустерлице* (Моравия) 2 декабря (20 ноября) 1805 г. между русско-австрийскими и французскими войсками закончилось победой Наполеона I. После этого поражения Австрия вышла из третьей коалиции и заключила с Наполеоном Пресбургский мир. Россия и Англия продолжали борьбу, образовав в 1806 г. новую, четвертую, коалицию против наполеоновской Франции. — *130.*

[123] Большая часть данной статьи была написана Марксом. Ему принадлежит политическая характеристика Бема, а также окончательная редакция и литературное оформление всего очерка. В то же время Марксом были воспроизведены — почти текстуально — характеристика Бема как военного деятеля и оценка его военной деятельности во время польского восстания 1830 — 1831 гг. и во время революционной войны в Трансильвании в 1848 — 1849 гг., которые содержатся в письме Энгельса Марксу от 18 сентября 1857 г. и в его специальных заметках, составленных для Маркса. Кроме того Энгельс помогал Марксу в подборе и уточнении биографического материала. — *124.*

[124] Имеется в виду оборона в 1813 г. занятого наполеоновскими войсками Данцига (Гданьска), который был осажден пруссаками и русскими. Город находился на осадном положении $11^1/_2$ месяцев, в течение которых гарнизон (в его состав входили и польские войска) выдержал три правильных осады, но в конечном счете был принужден капитулировать. — *134.*

[125] Имеется в виду книга: J. Bem. «Erfahrungen uber die Congrevschen Brand-Raketen, bis zum Jahre 1819 in der konigl. poln. Artillerie gesammelt». Weimar, 1820 (Ю. Бем. «Опыт применения зажигательных ракет Конгрива, накопленный в артиллерии Царства Польского до 1819 года». Веймар, 1820). — *134.*

[126] Речь идет о восстании декабристов в Петербурге 14 декабря 1825 года. — *134.*

[127] Под *Остроленкой* 26 (14) мая 1831 г. царские войска под командованием Дибича нанесли поражение армии польских повстанцев.

Польское восстание 1830 — 1831 гг. было вызвано национальным и полицейским гнетом царизма. Начатое 29 (17) ноября 1830 г. в Варшаве как военный переворот оно приобрело характер народного восстания и привело к изгнанию царских войск. Однако шляхетско-аристократические руководители польского правительства и армии проводили капитулянтскую политику и препятствовали вовлечению в национально-освободительное движение широких народных масс, обнаруживая в то же время захватнические притязания в отношении украинских и белорусских земель. Представителям буржуазно-демократических кругов не удалось добиться отмены крепостной зависимости, в результате чего восстание не получило должной поддержки со стороны крестьянства. Военные действия, начатые в феврале 1831 г., привели в конечном итоге к капитуляции 8 сентября (26 августа) 1831 г. польского правительства и сдаче Варшавы царской армии. Потерпев поражение, польское восстание тем не менее сыграло крупную роль в освободительной борьбе польского народа и имело важное международное значение. — *135.*

[128] Речь идет о неосуществившемся намерении Бема принять участие в гражданской войне в Португалии (1828 — 1834), которая происходила между абсолютистами (феодально-клерикальной партией) во главе с дон Мигелом, захватившим в 1828 г. португальский престол, и конституционалистами (буржуазно-либеральной партией), которая группировалась вокруг королевы Марии да Глориа и ее отца дон Педру. — *135.*

[129] *Венская мобильная гвардия* была сформирована Бемом в дни октябрьского восстания 1848 г. в Вене (см. примечание 112). Проявила себя как наиболее дисциплинированная, боеспособная и отважная часть вооруженных сил повстанцев; состояла преимущественно из рабочих и ремесленников Вены. — *135.*

[130] *Гонвед* (по-венгерски «honved» — «защитник отечества») — название венгерской пехоты в средние века. Во времена буржуазной революции и национально-освободительной войны 1848 — 1849 гг. в Венгрии гонведами стали называться солдаты венгерской национальной армии, сформированной венгерским правительством летом 1848 года. — *136.*

[131] *Секлеры* — венгры, населяющие горные районы восточной части Трансильвании. — *136.*

[132] Поход армии Бема в Банат — область в Сербской Воеводине, входившей в то время в состав Венгрии, — был предпринят в 1849 году. В начале революции 1848 г. в Воеводине усилилось национальное движение сербов, сопровождавшееся антифеодальными выступлениями демократических слоев города и деревни. Однако вследствие слабости и предательства местных либерально-буржуазных элементов национальное движение попало вскоре под влияние представителей реакционного дворянства и духовенства, действовавших в союзе с австрийской контрреволюцией. Движение сербов за автономию было использовано Габсбургами для борьбы против революционной Венгрии. Летом 4848 г. между сербами Воеводины и венграми начались военные действия, осложнившиеся в Банате, в котором помимо сербов проживало значительное число венгров, немцев, румын, столкновениями между сербским и несербским населением. Весной 1849 г. войска Бема и венгерского генерала Перцеля нанесли в Банате ряд поражений австрийцам и сербам Воеводины, но эти победы не смогли повлиять на неблагоприятный в дальнейшем для венгров общий ход их революционной войны. Борьба с контрреволюционными силами в Сербской Воеводине, так же как в Трансильвании и в других входивших в тогдашнюю Венгрию национальных областях, была затруднена ошибочной позицией в национальном вопросе венгерских буржуазно-дворянских революционеров, которые слишком поздно поняли необходимость сотрудничать с угнетенными национальностями и издали закон об их равноправии лишь 28 июля 1849 года. — *137.*

[133] В сражении при *Темешваре* (Тимишоара) 9 августа 1849 г. во время национально-освободительной войны Венгрии австрийские войска под командованием Гайнау нанесли поражение венгерской Южной армии, стремившейся удержать свои позиции до соединения с Северной армией венгерского главнокомандующего Гёргея. Через четыре дня после этого поражения последовала капитуляция Северной армии перед царскими войсками. Буржуазная революция в Венгрии была подавлена. — *127.*

[134] Осенью 1850 г. в городе Алеппо (Халеб) произошло выступление арабского населения против местных христиан и турецких властей, переросшее в восстание против турецкого господства. Восстание было жестоко подавлено турецкими войсками. — *137.*

[135] *«Конституционная гвардия»* — особые воинские части, на которые в соответствии с конституцией 1791 г., принятой во время французской буржуазной революции, была возложена охрана короля и его дворца после упразднения прежней королевской гвардии. В мае 1792 г. Законодательное собрание под давлением демократического движения приняло декрет о роспуске «конституционной гвардии». — *138.*

[136] *Гиды* — специальные подразделения в ряде европейских армий, использовавшиеся в качестве проводников войск; во французской армии периода наполеоновских войн гиды несли службу по охране штаба Наполеона и являлись его личной охраной. — *138.*

[137] Перечислен ряд сражений периода войн Франции против первой, второй, третьей и четвертой антифранцузских коалиций.

При *Роверето* (Северная Италия) во время итальянского похода французской армии под командованием генерала Бонапарта французы 4 сентября 1796 г. нанесли поражение австрийским войскам.

Сирийская крепость *Сен-Жан-д'Акр* (Акка), принадлежавшая Турции, безуспешно осаждалась в марте — мае 1799 г. войсками Бонапарта во время его завоевательной экспедиции в Египет и Сирию в 1798 — 1799 годах.

В сражении при *Абукире* 25 июля 1799 г. в период той же экспедиции французами был уничтожен турецкий десант, высаженный англо-турецким флотом на побережье Египта.

В сражении при *Йене* (Тюрингия) 14 октября 1806 г. французские войска под командованием Наполеона разгромили часть прусской армии. В этот же день войска наполеоновского маршала Даву нанесли поражение главным силам пруссаков при *Ауэрштедте.* Поражение, понесенное прусской армией в этих двух сражениях, которые часто обозначаются под общим наименованием сражения при Йене, привело к занятию французами большей части прусской территории и к капитуляции Пруссии — участника четвертой антифранцузской коалиции — перед наполеоновской Францией.

О сражениях при *Риволи* — см. примечание 81, при *Маренго* — см. примечание 85, при *Аустерлице* — см. примечание 122, при *Эйлау* — см. примечание 70. Сражение при *Фридланде* описано в тексте настоящего тома, см. стр. 115. — *138.*

[138] Имеется в виду экспедиция английского флота в устье реки Шельды, предпринятая в июле 1809 г. во время войны пятой коалиции против наполеоновской Франции, в момент, когда основные силы Наполеона были отвлечены борьбой с Австрией. Захватив остров Валхерен, англичане не сумели использовать его как базу для развертывания военных действий против Антверпена и других опорных пунктов французов в Бельгии и Голландии и, потеряв от голода и болезней из 40-тысячного десанта около 10 тысяч человек, были вынуждены в декабре 1809 г. эвакуировать остров. — *128.*

[139] Сражение при *Лютцене* (Саксония) между войсками Наполеона I и русско-прусскими войсками произошло 2 мая (20 апреля) 1813 года. Ценой больших потерь Наполеону в этом сражении удалось принудить русско-прусскую армию к отступлению, которое было осуществлено в полном порядке. — *139.*

[140] Первая часть данной статьи была написана Марксом, как это явствует из сохранившихся подготовительных материалов. Раздел статьи, касающийся участия Боске в Крымской войне 1853 — 1856 гг., принадлежит Энгельсу (ср. его письмо Марксу от 22 сентября 1857 г.). — *140.*

[141] 25 (13) октября 1854 г. под *Балаклавой* произошло сражение между русскими и союзными англо-турецко-французскими войсками; в этом сражении англичане, несмотря на выгодность позиций, понесли большие потери из-за ошибок своего командования, приведших к уничтожению значительной части английской легкой кавалерии. Подробное описание сражения дано в статье Энгельса «Сражение под Балаклавой» (см. настоящее издание, том 10, стр. 550 — 557). — *141.*

[142] Имеется в виду штурм севастопольских укреплений, предпринятый французскими и английскими войсками 8 сентября (27 августа) 1855 г., в результате которого французы ценой больших потерь овладели Малаховым курганом. После 11-месячной героической обороны Севастополя русский гарнизон оставил город по приказу командования,

признавшего его дальнейшую защиту бесцельной. Штурм 8 сентября описан в статьях Энгельса «К взятию Севастополя» и «Решающее событие войны» (см. настоящее издание, том 11. стр. 554 — 558. 579 — 587). — *141.*

[143] *«Journal general de la Cour et de la Ville»* («Всеобщая газета двора и города») — ежедневная французская аристократическая газета; выходила в Париже с 15 сентября 1789 по 10 августа 1792 года. Брюн был ее редактором до 30 октября 1789 года. — *142.*

[144] *Клуб кордельеров* — один из народных клубов, основанный в Париже в 1790 г. во время французской буржуазной революции. Свое название клуб, официально именовавшийся «Обществом друзей прав человека и гражданина», получил от бывшего монастыря францисканцев-кордельеров, в котором происходили его заседания. Наряду с Якобинским клубом играл крупную роль в политической жизни Франции. Клуб кордельеров первоначально объединял представителей революционной буржуазии и мелкой буржуазии разных направлений, составивших впоследствии как правое (дантонисты), так и левое (эбертисты) крыло якобинского блока. По мере углубления революции преобладание в клубе получили левые элементы. В период революционно-демократической диктатуры якобинцев (установлена 2 июня 1793 г.) клуб был оплотом эбертистов и просуществовал до разгрома последних в марте 1794 года.

Словом «кордельеры» в период революции и в последующие годы стали называть революционеров, принадлежащих или близких к лево-якобинскому направлению. — *142.*

[145] Имеется в виду антимонархическая демонстрация ремесленников и рабочих Парижа на *Марсовом поле* 17 июля 1791 г. во время французской буржуазной революции. Выступлением руководили вожди Клуба кордельеров, составившие петицию Учредительному собранию об отречении короля. Демонстрация была расстреляна войсками и отрядами национальной гвардии буржуазных кварталов Парижа, которыми командовал Лафайет. События 17 июля 1791 г. обнаружили глубокий раскол между народными массами и революционной буржуазией, с одной стороны, и конституционно-монархическими кругами крупной буржуазии, перешедшей на сторону контрреволюции, с другой. — *142.*

[146] 2 — 5 сентября 1792 г. в Париже происходили народные волнения, вызванные наступлением войск иностранных интервентов и активизацией внутренних контрреволюционных сил. Парижские массы, овладев тюрьмами, устраивали импровизированные народные суды над заключенными контрреволюционерами. Многие из активных контрреволюционеров были казнены. Этот красный террор явился актом самозащиты революционного народа. — *142.*

[147] В сражении при *Гондсхоте* (Фландрия) 6 — 8 сентября 1793 г. в период напряженных боев революционной Франции против армий первой антифранцузской коалиции европейских государств французские войска нанесли поражение союзной англо-ганноверско-голландско-австрийской армии. — *142.*

[148] Контрреволюционный мятеж в департаменте Жиронда, а также мятежи в упомянутом выше департаменте Кальвадос и многих других департаментах Западной, Юго-Западной и Юго-Восточной Франции были под-

няты летом 1793 г. жирондистами — партией крупной торгово-промышленной буржуазии, — объединившимися с контрреволюционными роялистскими элементами. Жирондисты выступили против якобинского правительства и поддерживавших его революционных масс под флагом защиты прав департаментов на автономию и федерацию. Осенью 1793 г. контрреволюционное «федералистское» движение жирондистов было подавлено войсками Французской республики.

Комитет общественного спасения (Comite de salut public) — центральный орган революционного правительства Франции, созданный в апреле 1793 года. В период якобинской диктатуры (2 июня 1793 г. — 27 июля 1794 г.) Комитет сыграл исключительно важную роль в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, в разрешении плебейским путем задач буржуазной революции; после контрреволюционного переворота 9 термидора Комитет утратил свое руководящее значение и в октябре 1795 г. был распущен. — *143.*

[149] В перевороте 9 термидора 1794 г. (о нем см. примечание 80) активное участие приняла, наряду с другими контрреволюционными элементами, уцелевшая после казни Дантона и его соратников группа дантонистов, выражавшая интересы выросшей в годы революции так называемой новой буржуазии. — *143.*

[150] Речь идет о подавлении правительственными войсками под командованием генерала Бонапарта роялистского восстания в Париже 12 — 13 вандемьера (4 — 5 октября) 1795 года. — *143.*

[151] Имеется в виду выступление осенью 1796 г. группы бабувистов — сторонников выдающегося коммуниста-утописта Бабёфа, стремившегося к революционному свержению существующего строя, уничтожению частной собственности и установлению общности имущества — в Гренельском военном лагере в Париже. После ареста в мае 1796 г. Бабёфа и его ближайших соратников бабувистами была сделана попытка освободить арестованных из тюрьмы и поднять в Гренельском лагере, среди солдат которого бабувисты вели революционную пропаганду, восстание под лозунгом свержения Директории и восстановления якобинской конституции 1793 года. Выступление бабувистов было жестоко подавлено войсками.

Директория (состояла из пяти директоров, один из которых ежегодно переизбирался) — руководящий орган исполнительной власти во Франции, учрежденный в соответствии с конституцией 1795 г., принятой после падения в 1794 г. революционной диктатуры якобинцев. До государственного бонапартистского переворота 1799 г. Директория, являясь правительством Франции, поддерживала режим террора против демократических сил и защищала интересы крупной буржуазии. — *143.*

[152] *Кампоформийский мирный договор* 17 октября 1797 г. завершил войну Франции против Австрии, входившей в первую антифранцузскую коалицию европейских государств. По договору Франция получила Бельгию, Ионические острова и часть Албании. Австрия обязалась содействовать передаче Франции левого берега Рейна и отказывалась от своих владений в Северной Италии, территория которых вошла в образованную под французским протекторатом Цизальпинскую республику. В то же время большая часть территории упраздненной Венецианской республики, а также часть принадлежавших ей Истрии и Далмации передавались Австрии. — *143.*

[153] Имеются в виду успешные действия в августе — октябре 1799 г. французских и голландских войск под командованием генерала Брюна против высадившейся в Голландии англо-русской армии во время войны Франции против второй коалиции европейских государств. Целью англо-русской экспедиции было вытеснение французов из Голландии, ставшей в результате французской, оккупации и провозглашения марионеточной Батавской республики зависимым от Франции государством, восстановление в этой стране дореволюционных монархических порядков и захват голландского флота. Потерпев поражение от войск Брюна, главнокомандующий союзной армией герцог Йоркский был вынужден подписать 18 октября 1799 г. Алкмарскую капитуляцию, по которой обязался возвратить 8000 французских и голландских военнопленных и вывести свои войска из Голландии. — *143.*

[154] *Булонский лагерь* — созданный Наполеоном I в 1803 — 1805 гг. военный плацдарм для вторжения в Англию через Ла-Манш. В лагере была сосредоточена 120-тысячная десантная армия. Поражение французского флота в войне с Англией и образование в Европе новой, третьей, антифранцузской коалиции с участием России и Австрии вынудили Наполеона отказаться от своего плана вторжения. — *144.*

[155] Имеются в виду принятые французским сенатом после вступления войск шестой коалиции в Париж 31 марта 1814 г. акты о низложении Наполеона и восстановлении во Франции династии Бурбонов. — *144.*

[156] *«Сто дней»* — период кратковременного восстановления империи Наполеона, продолжавшийся с момента возвращения его из ссылки с острова Эльбы в Париж 20 марта 1815 г. до его вторичного отречения 22 июня того же года после поражения при Ватерлоо. — *144.*

[157] Осенью 1832 г. англо-французский флот блокировал голландские порты, а французские войска осадили цитадель *Антверпена* с целью заставить Голландию выполнить условия Лондонского договора 1831 г. о признании независимости Бельгии, отделившейся от Нидерландского королевства в результате буржуазной революции 1830 г., и о передаче бельгийцам Антверпена. Несмотря на упорное сопротивление осажденных, в конце декабря 1832 г. крепость капитулировала. — *146.*

[158] *Валансьеннский состав* — зажигательная смесь из селитры, серы и пороха; впервые применена в 1793 г. во время осады австро-английскими войсками обороняемого французами города Валансьенна в период войны Французской республики против первой коалиции европейских государств. — *146.*

[159] Имеется в виду осада Севастополя в период Крымской войны 1853 — 1856 гг. союзными войсками Франции, Англии, Турции и Сардинии, длившаяся с 13 (1) сентября 1854 г. по 9 сентября (28 августа) 1855 года. — *150.*

[160] Речь идет о безуспешной бомбардировке принадлежавшей России крепости *Свеаборг* (Суоменлинна), расположенной у входа в Финский залив, англо-французским флотом 9 — 11 августа (28 — 30 июля) 1855 г. во время Крымской войны 1853 — 1856 годов. См. об этом статью К. Маркса и Ф. Энгельса «Англо-французская война против России» (настоящее издание, том 11, стр. 524 — 526). — *150.*

[161] Приняв участие в подборе материалов для данной статьи, Маркс, как это видно из письма его Энгельсу от 18 сентября 1857 г., сделал

ряд выписок из справочной литературы о военных мостах, которые были им отправлены Энгельсу. — *155.*

[162] Геродот. «История в девяти книгах», книга IV, глава 83; книга VII, глава 36. — *155.*

[163] Арриан. «Походы Александра», книга V, глава III. — *155.*

[164] В 55 г. до н. э., в период завоевания Цезарем Галлии (58 — 51 гг. до н. э.), римское войско, преследуя потерпевших поражение германцев, перешло через Рейн в районе его среднего течения и пробыло 18 дней на правом берегу. Переход через Рейн, предпринятый с целью демонстрации военного могущества Рима и устрашения германских племен, описан в четвертой книге записок Цезаря о галльской войне. — *155.*

[165] «Abrege des commentaires de M. de Folard sur l'Histoire de Polybe». Vol. 3, Paris, 1754, p. 82 («Краткие комментарии Фолара к «Истории» Полибия». Т. 3, Париж, 1754, стр. 82). — *156.*

[166] Война Соединенных Штатов Америки против Мексики в 1846 — 1848 гг. была вызвана захватническими притязаниями плантаторов-рабовладельцев и крупной буржуазии США на мексиканские земли. В результате этой войны США захватили почти половину мексиканской территории, в том числе весь Техас, Северную Калифорнию, Новую Мексику и другие области. — *157.*

[167] В работе над статьей «Бернадот» существенную помощь Марксу оказал Энгельс, сообщив ему в своих письмах от 21 и 22 сентября 1857 г. ряд фактических сведений о военной деятельности Бернадота, в частности об участии последнего в кампании Наполеона против Пруссии в 1806 г. и против Австрии в 1809 году. Данная Энгельсом характеристика роли Бернадота в этих кампаниях была почти текстуально воспроизведена Марксом в его статье.

Стремясь всесторонне охарактеризовать Бернадота, прежде всего как политического деятеля и дипломата, Маркс собрал значительный биографический материал, о чем свидетельствуют сохранившиеся выписки Маркса из справочной и исторической литературы. — *161.*

[168] В сражении при *Флёрюсе* (Бельгия) 26 июня 1794 г. французские войска под командованием генерала Журдана наголову разбили австрийскую армию герцога Кобургского. Этой победой был нанесен серьезный Удар первой антифранцузской, коалиции; французские революционные армии получили возможность занять Бельгию и повести активные наступательные действия в Голландии и на западном берегу Рейна. В начале октября 1794 г. французские войска переправились через Рур и овладели крепостью *Юлих;* 4 ноября того же года они принудили к капитуляции крепость *Маастрихт. — 161.*

[169] Вторжение в 1797 г. французских войск в Истрию (провинция Венецианской республики) было предпринято по инициативе генерала Бонапарта во время кампании против австрийцев в Северной Италии 1796 — 1797 годов. По Кампоформийскому мирному договору с Австрией Бонапарт уступил последней часть венецианской территории, в том числе Истрию. — *162.*

[170] *18 фрюктидора* (4 сентября 1797 г.) по приказу членов Директории, поддерживаемых генералом Бонапартом, правительственные войска заняли помещение Законодательного корпуса и произвели аресты депутатов-роялистов, связанных с дворянами-эмигрантами и готовивших монархический переворот. Состав самой Директории был обновлен, против роялистских элементов приняты репрессивные меры. События 18 фрюктидора, носившие характер государственного переворота, отразили неустойчивость буржуазного режима Директории и колебания ее то влево, перед лицом роялистской опасности, то вправо, под влиянием страха перед демократическим движением. — *162,*

[171] Имеется в виду так называемый переворот *30 прериаля* (18 июня 1799 г.), во время которого Законодательный корпус под влиянием роста общественного недовольства, вызванного военными поражениями французских войск в Германии и Италии, а также ухудшением экономического и финансового положения республики, добился изменения состава Директории, из которой были выведены трое открытых реакционеров. — *163.*

[172] Сражение при *Ауэрштедте* — см. примечание 137. — *164.*

[173] *Тильзитский мир* — мирные договоры, заключенные 7 и 9 июля 1807 г. между наполеоновской Францией и участниками четвертой антифранцузской коалиции, Россией и Пруссией, потерпевшими поражение в войне. Условия мира были крайне тяжелыми для Пруссии, которая лишилась значительной части своей территории (в том числе всех владений к западу от Эльбы). Россия не понесла никаких территориальных потерь и даже приобрела Белостокский округ, отошедший к ней от Пруссии. Но Александр I должен был признать французские завоевания в Германии и произведенные там Наполеоном территориальные изменения, а также суверенитет Наполеона над Ионическими островами, согласиться на образование герцогства Варшавского, явившегося французским плацдармом у границ России, и присоединиться к блокаде Англии (так называемой континентальной блокаде).

Военный союз Франции с Данией, направленный против Швеции, был заключен 31 октября 1807 г. в Фонтенбло. — *164.*

[174] См. примечание 138. — *165.*

[175] *Шёнбрунн* — дворец в Вене, летняя императорская резиденция; в этом дворце осенью 1809 г. Наполеон I продиктовал Австрии условия мира после поражения ее армии в кампании 1809 года. — *165.*

[176] *Фридрихсгамский мир* — см. примечание 71. — *166.*

[177] *Бухарестский мирный договор,* завершивший русско-турецкую войну 1806 — 1812 гг., был заключен 28 (16) мая 1812 года. Договор предусматривал переход к России Бессарабии и ряда областей Закавказья; Турция должна была предоставить Сербии автономию в делах внутреннего управления и подтвердить свои прежние соглашения с Россией относительно признания за Молдавией и Валахией ряда автономных прав. Заключение мира с Турцией, достигнутое благодаря победам русской армии и дипломатическому искусству ее командующего М. И. Кутузова, позволило России высвободить значительные военные силы для борьбы против наполеоновской Франции. — *168.*

[178] Имеются в виду договоры о мире и союзе между Россией и Англией и между Англией и Швецией, направленные против наполеоновской Франции. — *168.*

[179] Речь идет о конвенции, подписанной Россией и Швецией 30 (18) августа 1812 г. в Або (Турку) и фактически оформившей военный союз между ними против наполеоновской Франции. Конвенция содержала также обязательство России оказать военную помощь Швеции против Дании в случае отказа последней уступить шведскому королю Норвегию. В свою очередь Швеция обязывалась поддерживать территориальные притязания царского правительства, в частности на территорию подвластного Наполеону герцогства Варшавского. — *168.*

[180] 3 марта 1813 г. в Стокгольме был подписан договор о военном союзе между Англией и Швецией, предусматривавший отправку шведских войск на европейский континент для участия в военных действиях против армии Наполеона и предоставление Швеции для этих целей английских субсидий. Статья вторая договора содержала обязательство Англии поддержать притязания Швеции на Норвегию. — *168.*

[181] Имеется в виду перемирие, заключенное 4 июня 1813 г. Россией и Пруссией с Наполеоном I. Первоначальный срок перемирия — до 20 июля — был позднее продлен до 10 августа. Во время перемирия на свидании Александра I, Фридриха-Вильгельма III и Бернадота в замке Трахенберг (Силезия) 12 июля 1813 г. союзниками был согласован план дальнейших военных действий. После провала мирных переговоров, которые велись в течение перемирия, к антинаполеоновской коалиции официально присоединилась Австрия. В августе 1813 г. военные действия возобновились. — *168.*

[182] Первоначальный вариант статьи «Армада» был составлен Энгельсом в значительной степени на основании материала, собранного Марксом и присланного им Энгельсу в виде комментированных выписок из различных источников. Некоторые места из этих подготовительных материалов Маркса были включены Энгельсом в статью без изменений. По получении от Энгельса готового варианта Маркс уточнил ряд фактических данных и в окончательно доработанном виде переслал статью в Нью-Йорк. — *172.*

[183] Книга в оригинале называется «Expeditio Hispanica in Angliam. Vera Discriptio», A. D. 1588. — *172.*

[184] P. Paz Salas. «La felicissima armada que el rey don Felipe nuestro Senior mando juntar en el Puerto de Lisboa. Relacion sumaria de los nauios». Lisboa, 1588 (П. Пас Салас. «Счастливейшая армада, которую наш повелитель король дон Филипп приказал собрать в Лиссабонском порту. Сводный отчет о морских судах». Лиссабон, 1588). — *172.*

[185] Рукопись в оригинале называется: «Details of the English Force assembled to oppose the Spanish Armada». — *173.*

[186] «Certaine Advertisements out of Ireland, concerning the losses and distresses happened to the Spanish Navie, upon the West coastes of Ireland, in their voyage intended from the Northerne Isles beyond Scotland, towards Spaine». London, 1588 («Достоверные сообщения из Ирландии

относительно потерь и бедствий, которые испанский флот потерпел у западных берегов Ирландии во время плавания от Северных островов вдоль берегов Шотландии по направлению к Испании». Лондон, 1588). — *175.*

[187] В статье «Аякучо» описание самого сражения было составлено Энгельсом с использованием материалов, собранных Марксом и отправленных им в Манчестер вместе с письмом Энгельсу от 21 сентября 1857 года. Заключительная часть статьи принадлежит Марксу. Приведенная в ной характеристика Эспартеро и его сторонников согласуется с той, которую Маркс давал в своей статье «Эспартеро», написанной в 1854 г. для «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание, том 10, стр. 373 — 379). — *176.*

[188] В сражении при *Хунине* (Перу) 6 августа 1824 г. колумбийские, чилийские и перуанские войска под командованием Боливара, совершив смелый переход через Анды, нанесли поражение испанской армии. Это сражение произошло на завершающем этапе освободительной борьбы стран Латинской Америки против испанского колониального владычества. В первый период борьбы (1810 — 1815) освободительное движение привело к образованию ряда независимых республик (Венесуэлы и др.), однако в результате их разобщенности, а также оторванности аристократической креольской верхушки от народа испанское господство почти повсюду было восстановлено. С 1816 г. начался новый этап борьбы за независимость. Была провозглашена независимая республика на территории бывшего вице-королевства Ла-Платы. Возобновленная Симоном Боливаром война за независимость Венесуэлы, Новой Гранады (Колумбия), Кито (Эквадор) привела к образованию из этих областей в 1819 — 1822 гг. республики Великая Колумбия. В 1821 г. возобновилась освободительная война в Мексике. В 1817 г. при поддержке войск республики Ла-Платы (Аргентина) была провозглашена независимость Чили, а в 1821 г. Перу. Поход колумбийской армии Боливара в 1824 г. на помощь перуанским республиканцам нанес окончательный удар испанскому владычеству в Латинской Америке. В 1826 г. остатки испанских войск были вытеснены с перуанского побережья. В результате войны за независимость на месте прежних испанских владений были созданы независимые республики: Мексика, Соединенные Штаты Центральной Америки (впоследствии распались на 5 республик), Великая Колумбия (позднее распалась на Венесуэлу, Колумбию и Эквадор), Боливия, Аргентина, Парагвай, Перу и Чили. — *176.*

[189] Речь идет о книгах: J. S. Florez. «Espartero. Historia de Su vida Militar y Politica y de los grandes Sucesos contemporaneos» (Х. С. Флорес. «Эспартеро. История его военной и политической деятельности и больших успехов, достигнутых в настоящее время»). Первое издание этой 4-томной работы вышло в Мадриде в 1843 году. Маркс пользовался вторым изданием, 1 и 2 тома которого вышли в 1844 г., 3 и 4 — в 1845 году.

M. A. Principe, R. Giron, R. Satorres, A. Ribot. «Espartero: su pasado, su presente, su porvenir». Madrid, 1848 (М. А. Принсипе, Р. Хирон, Р. Саторрес, А. Рибот. «Эспартеро: его прошлое, настоящее и будущее». Мадрид, 1848). — *177.*

[190] Основной биографический материал для данной статьи был собран Марксом. Им же было проведено окончательное редактирование и литературное оформление текста. В соответствующие разделы статьи

Марксом были включены места из письма Энгельса от 22 сентября 1857 г., содержащие общую характеристику Блюхера как военного деятеля и оценку его действий в главных кампаниях, в которых он принимал участие. Эта характеристика, дополненная Марксом фактическим материалом и более детальным разбором деятельности Блюхера как военачальника, составила основной стержень статьи. Об участии Энгельса в работе над ней свидетельствуют также сделанные им выписки из цитируемой в тексте книги Мюфлинга о кампании 1813 и 1814 гг., послужившей и Марксу основным источником. — *178.*

[191] Речь идет о вооруженной интервенции Пруссии в Голландию в 1787 г., поддержанной и субсидированной английским правительством. Целью интервенции было восстановление власти штатгальтера Вильгельма V Оранского. Последний был изгнан из страны в 1784 г. в результате революционного движения, направленного против блока дворян и купеческой олигархии и возглавляемого буржуазной партией «патриотов», сторонников активной борьбы против колониального соперника — Англии. Вооруженные силы голландской буржуазии не смогли оказать серьезного сопротивления прусской армии, восстановившей власть штатгальтера и олигархический режим. — *179.*

[192] G. L. Blucher. «Kampagne-Journal der Jahre 1793 und 1794». Berlin, 1796 (Г. Л. Блюхер. «Дневник кампаний 1793 и 1794 годов». Берлин 1796).

В кампании 1794 г. прусская армия, участвуя в действиях войск первой коалиции против Французской республики, достигла известных тактических успехов в районе к югу от реки Мозель, на левом берегу Рейна (Пфальц). Разгром союзных австрийских и английских войск в Бельгии, а также поражение австрийцев в Западной Германии заставили однако прусское командование осенью 1794 г. отвести свою армию на правый берег Рейна. — *179.*

[193] Имеется в виду *Базельский мирный договор,* заключенный Пруссией сепаратно с Французской республикой 5 апреля 1795 года. Заключение этого договора явилось следствием побед французской армии, а также умелого использования французской дипломатией противоречий между участниками первой антифранцузской коалиции, прежде всего между Пруссией и Австрией. Мир с Пруссией положил начало распаду коалиции; 22 июля 1795 г. сепаратный мирный договор с Французской республикой подписала в Базеле также Испания. — *179.*

[194] *«Тугендбунд»* («Союз добродетели») — одно из патриотических обществ в Пруссии, основанных после разгрома в 1806 г. Пруссии наполеоновской Францией; объединяло представителей либерального дворянства и буржуазной интеллигенции. Целью общества была пропаганда идеи освободительной войны против Наполеона и поддержка умеренных либеральных реформ в Пруссии. По требованию Наполеона Тугендбунд в 1809 г. был запрещен прусским королем, которому его деятельность также внушала большие опасения. Однако тайно общество продолжало существовать вплоть до окончания наполеоновских воин. — *180.*

[195] 26 (14) мая 1813 г. близ г. *Гайнау* (Силезия) русско-прусские войска под командованием Блюхера устроили кавалерийскую засаду и разгромили авангард армии Наполеона. — *180.*

[196] См. примечание 181. — *180.*

[197] Muffling. «Passages from my Life, together with Memoirs of the Campaign of 1813 and 1814». London, 1853, p. 225 (Мюфлинг. «Эпизоды из моей жизни, а также воспоминания о кампании 1813 и 1814 годов». Лондон, 1853, стр. 225). Маркс и Энгельс, как это видно из их выписок, пользовались указанным английским переводом книги Мюфлинга, первое немецкое издание которой вышло в Берлине в 1851 году. Приводимая ниже (на стр. 187) цитата также взята из книги Мюфлинга (англ. издание, стр. 327). — *181.*

[198] В сражении под *Дрезденом* 26 — 27 (14 — 15) августа 1813 г. армия Наполеона нанесла поражение союзным австро-прусско-русским войскам (Богемской, или главной армии) под командованием австрийского фельдмаршала Шварценберга. Сражение было проиграно союзниками в значительной мере из-за отклонения Шварценбергом предложенного Барклаем-де-Толли плана нанесения флангового контрудара армии Наполеона. Отступление Богемской армии, проходившее в трудных условиях, успешно прикрывалось арьергардом из русских войск. — *182.*

[199] *Рейнский союз* — объединение государств Южной и Западной Германии, основанное под протекторатом Наполеона I в июле 1806 года. Создание такого военно-политического оплота в Германии удалось Наполеону в результате разгрома Австрии в 1805 году. В состав союза первоначально вошло 16 (Бавария, Вюртемберг, Баден и др.), а затем еще 5 государств (Саксония, Вестфалия и др.), которые стали фактически вассалами наполеоновской Франции. Войска этих государств участвовали в завоевательных походах Наполеона, в том числе в походе 1812 г. в Россию. Союз распался в 1813 г. в результате поражения наполеоновской армии. — *185.*

[200] С 4 февраля по 19 марта 1814 г. в г. Шатильоне (на Сене) происходили мирные переговоры между представителями союзных держав, входивших в шестую антифранцузскую коалицию, и уполномоченным Наполеона I. В качестве главного условия заключения мира союзники выдвинули отказ Наполеона от всех французских завоеваний и возвращение Франции к границам 1792 года. Переговоры были прерваны ввиду категорического отклонения Наполеоном этого условия. — *186.*

[201] *Молодой гвардией* стали называть с 1807 г. часть вновь сформированных полков императорской гвардии Наполеона в отличие от ее ранее сформированных полков, получивших название старой гвардии. При зачислении в молодую гвардию к солдатам и офицерам предъявлялись менее высокие требования; с другой стороны, она служила постоянным резервом для пополнения старой гвардии. — *187.*

[202] Имеется в виду подписанный 30 мая 1814 г. *Парижский мирный договор* между главными участниками шестой антифранцузской коалиции (Россия, Австрия, Англия и Пруссия) и Францией после победы коалиции над Наполеоном. По этому договору Франция лишалась всех территорий, завоеванных ею с 1792 г., за исключением нескольких пограничных крепостей и Западной Савойи, которые были отобраны у Франции по второму Парижскому мирному договору, заключенному 20 ноября 1815 г. теми же державами-победительницами с Францией после кратковременного восстановления власти

Наполеона и его вторичного низложения. Второй Парижский договор вернул территорию Франции к границам, существовавшим на 1 января 1790 года. — *193.*

[203] По-видимому, имеется в виду следующая работа: Paravey. «Memoire sur la decouverte tres ancienne en Asie et dans l'Indo-Perse de la poudre a canon et des armes a feu». Paris, 1850 (Паравей. «Записки о древнейших открытиях пороха и огнестрельного оружия в Азии и в Индо-Персии». Париж, 1850). — *196.*

[204] Имеется в виду период завоевания арабами в VII в. Месопотамии, Ирана, Сирии, Палестины, Египта и других стран и образования Арабского халифата. — *197.*

[205] Энгельс имеет в виду сочинение византийского алхимика Марка Грека: «Книга об огне для уничтожения противника». — *197.*

[206] Имеется в виду: «Epistola Fratris Rogerii Baconis de secretis operibus artis et naturae, et de nullitate magiae» («Послание монаха Роджера Бэкона о тайне происходящего в искусстве и природе, а также о несостоятельности магии»). Время написания этого сочинения до сих пор точно не установлено, как и год рождения его автора. В литературе XIX в. по истории военного искусства оно нередко датировалось 1216 годом. Эта дата указана и в работе Энгельса. Однако в более поздних исследованиях данное сочинение отнесено к 40-м годам XIII века. Первое издание книги вышло в Париже в 1542 году. — *197.*

[207] J. A. Conde. «Historia de la dominacion de los arabes en Espana, sacada de varies manuscritos y memorias arabigas». T. 1 — 3, Madrid, 1820 — 1821 (Х. А. Конде. «История господства арабов в Испании, написанная на основании различных арабских рукописей и мемуаров». Тт. 1 — 3, Мадрид, 1820 — 1821).

В 1118 г. войска арагонского короля Альфонса I осадили г. Сарагосу (Арагон), находившийся с 712 г. в руках мусульман, и взяли его. Взятие Сарагосы явилось одним из этапов реконкисты — отвоевания территорий на Пиренейском полуострове, захваченных арабами и африканскими берберами («маврами») во время арабского завоевания начала VIII века. Главную роль в реконкисте, начатой еще в VIII — IX вв., сыграли испанские государства Кастилия и Арагон, а также Португалия. Во второй половине XII в. реконкиста была приостановлена вторжением на Пиренейский полуостров альмохадов — мусульманской секты, объединившей вокруг себя горные берберийские племена и подчинившей своей власти при их первом имаме-халифе Абд-эль-Мумине Алжир, Тунис, Марокко и мусульманскую Южную Испанию. В начале XIII в. Кастилия и Арагон при поддержке крестоносцев из других стран разбили альмохадов и возобновили реконкисту. В 1236 г. кастильцами была взята Кордова — столица бывшего Кордовского халифата (распался в 1031 г.), а к концу XIII в. владения мусульман ограничились территорией Гранадского эмирата на юге. Дальнейшая борьба велась против этого эмирата и завершилась в 1492 г. завоеванием его испанцами. Ряд эпизодов из истории реконкисты ниже упомянут Энгельсом. — *197.*

[208] *Немецкие рыцари в Пруссии* — рыцари Тевтонского ордена, основанного в 1190 г. во время крестовых походов. В XIII в. под владычество

ордена перешла завоеванная путем покорения и истребления местного литовского населения Восточная Пруссия, которая стала оплотом агрессии ордена против Полыни, Литвы и русских княжеств. В 1237 г. он объединился с другим немецким орденом — Ливонским, также обосновавшимся в Прибалтике. После поражений на Чудском озере в 1242 г. (Ледовое побоище) и в битве при Грюнвальде в 1410 г. орден пришел в упадок и в дальнейшем сохранил лишь небольшую часть своих владений. — *198.*

[209] В сражении при *Форново* (Северная Италия) 6 июля 1495 г. войска северо-итальянских феодальных государств атаковали армию французского короля Карла VIII, которая, перейдя через Апеннины, возвращалась во Францию из завоевательного похода в Италию. Сражение, выигранное французами, которые располагали сильной артиллерией, относится к начальному периоду итальянских войн 1494 — 1559 гг. (см. примечание 37). — *200.*

[210] См. примечание 36. — *200.*

[211] В сражении при *Ранти* (Фландрия) 13 августа 1554 г. во время войны французского короля Генриха 11 в союзе с немецкими протестантскими князьями против испанского короля и германского императора Карла V испанские войска вынудили французов снять осаду города Ранти и отступить к границам Франции. — *200.*

[212] *Война Испании против Нидерландов* — см. примечание 39. — *201.*

[213] Упомянуты сражения между армией шведского короля Густава II-Адольфа и германскими имперскими войсками во время шведского периода Тридцатилетней воины в Германии (см. примечание 40). В декабре 1630 г. армия Густава-Адольфа подошла к крепости *Грейфенхаген* на Одере и после двукратного штурма принудила гарнизон оставить крепость. В апреле 1631 г. войска Густава-Адольфа взяли приступом *Франкфурт-на-Одере.* В обоих сражениях большую роль сыграла шведская артиллерия. — *204.*

[214] В сражении при *Мальплаке* (Бельгия) 11 сентября 1709 г. — одном из самых крупных сражений войны за Испанское наследство 1701 — 1714 гг. (см. примечание 68) — союзные англо-австро-голландские войска под командованием принца Евгения Савойского и герцога Мальборо нанесли поражение французской армии маршала Виллара. — *204.*

[215] Имеется в виду двухтомный сборник, составленный Сен-Реми: «Me moires d'Artillerie». Paris, 1697 («Записки по артиллерии». Париж, 1697); сборник состоял из ряда систематизированных и отредактированных составителем работ французских артиллерийских офицеров. — *204.*

[216] C. A. Struensee. «Anfangsgrunde der Artillerie». Liegnitz, 1760 (К. А. Струэнзе. «Основы артиллерии». Лигниц, 1760); G. F. Tempelhoff. «Le Bombardier prussien ou du mouvement des projectiles en Supposant la resistance de l'air proportionelle au quarre des vitesses». Berlin, 1781 (Г. Ф. Темпельхоф. «Прусский бомбардир, или о полете снарядов, предполагая, что сопротивление воздуха пропорционально квадрату скорости». Берлин, 1781). — *206.*

[217] Имеются в виду труды Шарнхорста: «Handbuch der Artillerie». Bd. 1 — 3, Hannover, 1804 — 1814 («Руководство по артиллерии». Тт. 1 — 3, Ганновер, 1804 — 1814) и «Handbuch fur Officiere, in den anwendbaren Theilen der Krieges-Wissenschaften. Erster Theil von der Artillerie». Hannover, 1787 («Руководство для офицеров по прикладным разделам военных наук. Часть первая: артиллерия». Ганновер, 1787). — *206.*

[218] G. Vega. «Praktische Anweisung zum Bombenwerfen mittelst dazu eingerichteter Hilfstafeln». Wien, 1787 (Г. Вега. «Практическое наставление по бомбометанию с помощью составленной для этой цели вспомогательной таблицы». Вена, 1787); T. Morla. «Tratado de artilleria». Segovia, 1784 (Т. Морла. «Трактат по артиллерии». Сеговия, 1784); J. G. Hoyer. «Allgemeines Worterbuch der Artillerie». Tubingen, 1804 — 1812 (И. Г. Хойер. «Всеобщий словарь по артиллерии». Тюбинген, 1804 — 1812); F. G. Rouvroy. «Vorlesungen uber die Artillerie». Th. 1 — 3, Dresden, 1811 — 1814 (Ф. Г. Рувруа. «Лекции по артиллерии». Ч. 1 — 3, Дрезден, 1811 — 1814). — *206.*

[219] В сражении при *Пирмазенсе* (Западная Германия) 14 сентября 1793 г. во время войны первой европейской коалиции против Французской республики прусские войска нанесли поражение французской Мозельской армии. В этом сражении пруссаки успешно использовали свою многочисленную артиллерию. — *209.*

[220] К числу основных источников, использованных Марксом при написании данной статьи, как это видно из его сохранившихся выписок, относятся книги: M. Wagner. «The Tricolor on the Atlas; or Algeria and the French Conquest». London — New-York, 1854 (М. Вагнер. «Трехцветный флаг над Атласом, или Алжир и французское завоевание». Лондон — Нью-Йорк, 1854); D. Stern. «Histoire de la Revolution de 1848». Vol. I, Paris, 1850 (Д. Стерн. «История революции 1848 г.». Т. I, Париж, 1850). Возможно, что Марксом были использованы также данные о деятельности Бюжо в Алжире, приведенные в первом варианте статьи Энгельса «Алжир» и опущенные редакцией энциклопедии при ее опубликовании (см. примечание 91). Из писем Энгельса Марксу от 17 и 22 сентября 1857 г. также явствует, что Энгельс принимал участие в собирании материалов для этой статьи. — *222.*

[221] Сражение при *Ордале* (Каталония), а также упомянутые выше осады имели место во время войны на Пиренейском полуострове 1808 — 1814 гг. (см. примечание 48). — *222.*

[222] *Лилия* — геральдический знак династии Бурбонов. — *222.*

[223] *Сто дней* — см. примечание 156. — *222.*

[224] Имеется в виду интервенция в Испанию французских войск с целью подавления второй буржуазной революции в Испании 1820 — 1823 годов. После неудачной попытки 7 июля 1822 г. овладеть революционным Мадридом испанский король Фердинанд VII тайно обратился к Священному союзу (реакционному объединению европейских монархов, основанному в 1815 г. царской Россией, Австрией и Пруссией) с просьбой оказать ему помощь в подавлении революции. По решению Веронского конгресса Священного союза помощь Фердинанду должна была оказать Франция. Французские войска под командованием

герцога Ангулемского, вступившие в Испанию в 1823 г., восстановили абсолютистский режим в стране и оставались в Испании до 1828 года. — *222.*

[225] Имеется в виду республиканское восстание рабочих и примкнувших к ним мелкобуржуазных слоев Парижа 13 — 14 апреля 1834 г. против режима буржуазной Июльской монархии. Парижские события явились откликом на вспыхнувшее в это же время мощное пролетарское восстание в Лионе, вызвавшее революционные выступления также в ряде других городов Франции. Как и в Лионе, восстанием в Париже руководило тайное республиканско-демократическое Общество прав человека. Основную массу восставших составляли парижские рабочие, которые в течение двух дней вели ожесточенные баррикадные бои с правительственными войсками. Подавление восстания сопровождалось разнузданными зверствами военщины и правительственными репрессиями против демократов. — *223.*

[226] *Тафнский договор* между Бюжо и Абд-эль-Кадиром был подписан 30 мая 1837 г. в районе реки Тафна, В 1835 г. французские колонизаторы в нарушение мира, заключенного с Абд-эль-Кадиром в 1834 г., вновь начали против него военные действия с целью завоевания освобожденного им Западного Алжира. Не добившись существенных результатов и нуждаясь в военных силах для покорения охваченных восстанием областей в Восточном Алжире, французское правительство должно было ратифицировать заключенный Бюжо новый мирный договор. По Тафнскому договору Франция вынуждена была снова признать независимость государства Абд-эль-Кадира на территории Западного Алжира, за исключением некоторых приморских городов (Алжир, Оран, Арзев и др.), находившихся в руках французов. В 1839 г. мирный договор был вновь вероломно нарушен захватчиками. Освободительная война алжирцев под руководством Абд-эль-Кадира против французских завоевателей (о ней см. примечание 97) возобновилась. — *222.*

[227] К 1844 г. Бюжо и другие французские генералы путем подкупа местных феодалов и террористических мер против алжирских племен добились покорения Западного Алжира. Воспользовавшись отказом марокканского султана выдать Абд-эль-Кадира, перешедшего в Марокко, Бюжо со своими войсками совершил вторжение на марокканскую территорию. В августе 1844 г. посредством вероломного нападения Бюжо разбил военные силы марокканцев на реке Исли. Одновременно французский флот разрушил города Танжер и Могадор. Однако угроза вмешательства Англии, обеспокоенной перспективой расширения французских владений в Северной Африке, побудила французских колонизаторов временно отказаться от захвата Марокко. Добившись от султана по Танжерскому договору 10 сентября 1844 г. изгнания Абд-эль-Кадира и роспуска пограничных марокканских отрядов, Бюжо вывел свои войска с марокканской территории. — *224.*

[228] Разногласия между Бюжо и Гизо были вызваны, в частности, намерением Бюжо использовать подавление алжирского восстания 1845 — 1847 гг. для дальнейшего завоевания Северной Африки (этой цели служила 11 предпринятая им в мае 1847 г. экспедиция в Кабилию) и нового вторжения в Марокко. Постоянно проводя политику колониальных захватов, правительство Гизо в данном случае опасалось, что действия Бюжо еще больше усилят достигшие тогда большой остроты англо-французские противоречия. — *224.*

[229] Имеется в виду временное правительство Французской республики, образованное 24 февраля 1848 г. в момент свержения Июльской монархии. В правительстве преобладали умеренные, буржуазные республиканцы. — *224.*

[230] Маркс имеет в виду издававшиеся в разное время работы Бюжо, посвященные описанию отдельных военных кампаний, проведенных французскими колонизаторами в Алжире, а также планам завоевания и колонизации этой страны. — *225.*

[231] Статья «Боливар-и-Понте» писалась Марксом в период, когда история войны латиноамериканских стран за независимость (1810 — 1826) была разработана еще весьма слабо. Довольно широкое распространение имели книги и мемуары, вышедшие из среды европейских авантюристов, принимавших участие в этой войне из корыстных побуждений. Не достигнув своих целей в Латинской Америке, многие из них потом представляли борьбу за независимость в извращенном виде. Такой характер носили мемуары француза Дюкудре-Хольштейна, одно время бывшего начальником штаба Боливара и ставшего его личным врагом, книга англичанина Хипписли, дезертировавшего из армии Боливара, а также «Мемуары генерала Миллера» — недобросовестная обработка записок участника борьбы за независимость Перу Уильяма Миллера, принадлежащая его брату Джону. В этих книгах дана тенденциозная характеристика движения латиноамериканцов и многих его руководителей. В частности, Боливару в них были приписаны многочисленные мнимые пороки (вероломство, заносчивость, трусость), а его действительные недостатки (приверженность к парадности, властолюбие, особенно проявившиеся в последние годы жизни, когда он стал опираться на консервативное дворянство и духовенство) были чрезвычайно раздуты. Борьба Боливара против федералистско-сепаратистских элементов, за объединение латиноамериканских республик изображалась как проявление диктаторских поползновений, допускались и прямые фактические неточности, вроде неправильного утверждения Дюкудре-Хольштейна об отказе Боливара в 1810 г. от участия в борьбе за независимость Венесуэлы и т. д.

В действительности, как это подтверждается более поздними объективными исследованиями, Симон Боливар сыграл выдающуюся роль в борьбе за независимость Латинской Америки, сплотив на время в этой борьбе патриотические элементы помещиков-креолов (латиноамериканцов испанского происхождения), буржуазию и народные массы, включая индейцев и негров. Деятельность Боливара, при всей ее противоречивости, способствовала освобождению ряда латиноамериканских стран от испанского гнета, установлению в них республиканской формы правления и проведению некоторых прогрессивных буржуазных преобразований.

Маркс не располагал другими источниками, кроме вышеупомянутых книг, пристрастность авторов которых была в то время известна лишь немногим. Поэтому у него неизбежно сложилось одностороннее представление о личности Боливара, что нашло свое отражение в его статье. Известное влияние на отношение Маркса к Боливару имело и то обстоятельство, что в указанной литературе в преувеличенной форме подчеркивалось стремление Боливара к личной власти. В его политике выпячивались черты бонапартизма, против которого Маркс и Энгельс вели в то время непримиримую борьбу. Тем не менее Маркс не прошел мимо таких прогрессивных сторон деятельности Боливара,

как освобождение им негров-рабов, и дал в целом высокую оценку антиколониальному движению народов Латинской Америки, рассматривая это движение как освободительное и революционное. — *226.*

[232] Имеется в виду церемония провозглашения императора Наполеона королем Итальянского королевства, образованного в 1805 г. в Северной Италии вместо упраздненной Итальянской (бывшей Цизальпинской) республики. Вице-королем был назначен пасынок Наполеона Евгений Богарне. — *226.*

[233] 19 апреля 1810 г. в г. Каракасе был свергнут колониальный режим и образовано правительство, состоявшее из представителей креольских помещиков, купцов и интеллигенции. Под влиянием радикального Патриотического общества, возглавляемого Мирандой и Боливаром, 5 июля 1811 г. собравшимся в Каракасе конгрессом была провозглашена независимая Венесуэльская республика. События в Каракасе послужили сигналом к восстанию против испанских колониальных властей в других странах Латинской Америки. Повсюду от Мексики до Чили развернулась борьба между латиноамериканскими повстанцами и испанскими колонизаторами. В соседней с Венесуэлой Новой Гранаде (современная Колумбия) власть испанцев была свергнута в столице Боготе и портовом городе Картахене, в провинции Кито (ныне — Эквадор) — о одноименном главном городе, где она вскоре была восстановлена. Картахена сделалась одним из оплотов борьбы за восстановление Венесуэльской республики после ее падения в июле 1812 года. Дальнейшая борьба, ярким эпизодом которой было образование второй Венесуэльской республики (август 1813 — июль 1814 г.), привела к временному восстановлению власти испанцев на территории большинства колоний, за исключением Ла-Платы. Одной из главных причин поражения национально-освободительных сил на этом этапе явилась узкоклассовая политика возглавлявших движение помещиков-креолов, не удовлетворивших требования крестьян и сохранивших рабство негров и неравноправие индейцев. — *226.*

[234] Заявление Монтеверде Маркс приводит по книге: «Memoirs of General Miller». Vol. II, London, 1829, p. 277, 278 («Мемуары генерала Миллера». Т. II, Лондон, 1829, стр. 277, 278). В этой книге (о ней см. примечание 231) мотивы участия Боливара в аресте Миранды представлены односторонне. Боливар, судя по его ответу Монтеверде, был искренне убежден в предполагаемой измене Миранды. — *227.*

[235] Цитируется по книге: H. L. V. Ducoudray Holstein. «Memoirs of Simon Bolivar». Vol. I, London, 1830, p. 170 — 171 (Дюкудре-Хольштейн. «Воспоминания о Симоне Боливаре». Т. I, Лондон, 1830, стр. 170 — 171). Книга, написанная в 1829 г. в Нью-Йорке, была издана под разными названиями во Франции и Англии. Маркс, как это видно из сделанных им выписок, пользовался указанным английским переводным изданием. — *229.*

[236] Федеральная республика Новая Гранада была образована в 1813 г. в результате восстания против испанского господства в различных новогранадских городах и провинциях. Она объединяла находившиеся в руках повстанцев районы, связанные друг с другом федеральным договором и признавшие верховную власть конгресса Новой

Гранады. Республика пала в 1816 г. вследствие перевеса сил у испанцев, получивших крупные подкрепления из метрополии, а также внутренних раздоров между автономными правительствами разных областей. — *230.*

[237] Имеется в виду республика Гаити, образованная в результате восстания негров-рабов и мулатов на острове Сан-Доминго (западная часть его принадлежала Франции, восточная — Испании, которая в 1795 г. должна была уступить ее французам) и продолжавшейся с 1790 г. освободительной борьбы их против французских, английских и испанских колонизаторов. В 1804 г. была провозглашена независимость острова, а в 1806 г. в его юго-западной части основана республика. — *231.*

[238] H. L. V. Ducoudray Holstein. «Memoirs of Simon Bolivar». Vol. II, London, 1830, p. 10 — 11. — *222.*

[239] Упомянуты сражения между венесуэльской повстанческой армией и испанскими войсками в Повой Гранаде. После провозглашения в 1816 г. третьей Венесуэльской республики, венесуэльские патриоты во главе с Боливаром, продолжая борьбу за освобождение Венесуэлы, предприняли в мае — июле 1819 г. освободительный поход через Анды в Новую Гранаду. Решающее сражение произошло 7 августа на реке Бояке; в нем испанские войска были наголову разбиты. Победы армии Боливара привели к освобождению большей части Новой Гранады и к созданию в декабре 1819 г. объединенной республики Великой Колумбии, в которую вошли Венесуэла, Новая Гранада, а в 1822 г. также — после изгнания испанцев — и Кито (Эквадор). — *235.*

[240] *Революция на острове Леон* — восстание против абсолютистского режима в Испании, поднятое в январе 1820 г. на юге страны революционно настроенными офицерами армян во главе с полковниками Риего и Кирога под лозунгом восстановления конституции 1812 г., которая была отменена в 1814 г. правительством Фердинанда VII, уничтожения инквизиции и созыва кортесов. Руководители восстания использовали недовольство солдат экспедиционной армии, сосредоточенной правительством в районе Кадиса (город и порт на острове Леон) для отправки против латиноамериканских патриотов. События на острове Леон явились началом второй буржуазной революции в Испании (1820 — 1823), подавленной силами внутренней реакции н войсками французских интервентов (см. примечание 224). Одной из причин поражения революции был отход от нее крестьянских масс, которым пришедшая к власти буржуазия не обеспечила радикальных аграрных преобразований. Нанеся удар испанскому абсолютизму, революция 1820 — 1823 гг. сорвала планы посылки крупных вооруженных сил в американские колонии Испании для подавления развернувшегося там национально-освободительного движения. — *236.*

[241] *Льянерос* — свободные крестьяне-скотоводы, преимущественно метисы, жители степей в северной части Южной Америки. Используя враждебность льянерос к помещикам-креолам, испанский агент Бовес навербовал из них войска, участвовавшие в 1813 — 1814 гг. в борьбе против патриотов Венесуэлы и Новой Гранады. В 1816 г. отряды льянерос под руководством своего нового вождя метиса Паэса примкнули к освободительной армии Боливара, обещавшего наделить крестьян землей. Конница льянерос принимала участие во многих сражениях

армии Боливара, в том числе в упомянутом победоносном сражении при Карабобо 24 июня 1821 г., которое повлекло за собой почти полное изгнание испанцев из Венесуэлы. — *236.*

[242] В 1821 г. в ряде стран Центральной Америки (испанское генерал-капитанство Гватемала) власть испанских колонизаторов была свергнута в результате восстания местных патриотов. Латиноамериканские государства этих стран, провозгласив свою независимость, после кратковременного присоединения к Мексике, образовали в 1823 г. федерацию — Соединенные Штаты Центральной Америки, — распавшуюся в 1839 г. на 5 республик: Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика. Панама, составлявшая часть вице-короловства Новая Гранада, в результате восстания 1821 г. вошла в состав республики Великая Колумбия. — *237.*

[243] Имеется в виду конституция республики Боливии, принятая боливийским учредительным конгрессом осенью 1826 года.

Code Napoleon (Кодекс Наполеона) — гражданский кодекс, опубликованный Наполеоном в 1804 году. Энгельс назвал его «классическим сводом законов буржуазного общества». Кодекс оказал большое влияние на законодательства многих европейских и ряда латиноамериканских стран, становившихся на путь капиталистического развития. — *237.*

[244] Континентальный конгресс в Панаме заседал с 22 июня по 25 июля 1826 года. Конгресс принял резолюцию о «вечной конфедерации» республик Латинской Америки, договор о взаимной обороне и военную конвенцию. Однако решения конгресса не были ратифицированы ни одной из латиноамериканских республик. Связанный с созывом конгресса план создания латиноамериканской федерации, так же как и выдвинутый позднее Боливаром менее широкий план основания «Андской федерации» (из трех республик, которыми он управлял, — Перу, Боливии и Великой Колумбии), потерпел провал, ввиду отсутствия экономических предпосылок для его осуществления, а также из-за столкновений между помещичье-буржуазными кругами разных латиноамериканских государств. В самих этих государствах шла борьба различных группировок внутри правящих классов. Обострение этих противоречий привело к свержению власти Боливара в Перу в 1827 г. и в Боливии в 1828 г., а также к распаду Великой Колумбии, от которой в 1829 г. отделилась Венесуэла, а в 1830 г. — Эквадор. — *228.*

[245] H. L. V. Ducoudray Holstein. «Memoirs of Simon Bolivar». Vol. II, London, 1830, pp. 232 — 236. — *240.*

[246] Перечень литературы был приложен Марксом к статье по просьбе Ч. Дана (см. письма Маркса Энгельсу от 14 февраля 1858 г. и Ч. Дана Марксу от 25 января 1858 г.). В этом перечне указано французское издание книги Дюкудре-Хольштейна «Histoire de Bolivar, par le general Ducoudray Holstein; continuee jusqu'a sa mort par Alphonse Viollet». Tt. I — II, Paris, 1831. В описание второй книги вкралась неточность: автором ее является Джон Миллер, но в армии республики Перу служил не он, а его брат — генерал Уильям Миллер, от имени которого и ведется рассказ. Точное название: J. Miller. «Memoirs of General Miller, in the Service of the Republic of Peru». Vol. 1 — 2, London, 1828 — 1829. Полное название третьей книги: G. Hippisley. «A Narrative of the Expedition to the Rivers Orinoco and Apure, in South America; which sailed from England in November 1817, and joined

the Patriotic Forces in Venezuela and Caraccas». London, 1819 (Г. Хипписли. «Описание экспедиции на реки Ориноко и Апуре в Южной Америке, отплывшей из Англии в ноябре 1817 г. и присоединившейся к патриотическим силам в Венесуэле и Каракасе». Лондон, 1819). — *240.*

[247] Речь идет о сражении при *Гогенлиндене* (Бавария), происходившем 3 декабря 1800 г., в период войны Франции против второй коалиция европейских государств. Французская армия под командованием Моро нанесла в нем поражение австрийской армии эрцгерцога Иоганна. — *241.*

[248] Эту мысль Клаузевиц излагает в начале второй части своей книги «Vom Kriege» («О войне»). Первое издание книги вышло в Берлине в 1832 — 1833 годах. — *241.*

[249] Редакция «New American Cyclopaedia» сделала к концу статьи небольшое добавление об усовершенствованиях карабинов в США, приведя факты, относящиеся к более позднему времени, чем время написания статьи. — *244.*

[250] В винтовке Энфилд, принятой в 1854 г. на вооружение английской армии, так же как и во французской винтовке Минье (1849), был применен принцип расширяющейся пули: пуля с полым основанием вводилась в канал ствола через дульную часть, при выстреле под действием пороховых газов она расширялась и вдавливалась в нарезы, которые придавали ей вращательное движение. — *244.*

[251] Имеется в виду война североамериканских колоний за независимость (см. примечание 45). — *245.*

[252] См. примечание 57. — *246.*

[253] Одновременно со статьей «Картечь» Энгельсом была написана краткая справка к ближайшему термину «картуш». Ниже приводится текст справки, опубликованной в 1859 г. в четвертом томе «New American Cyclopaedia», вероятно, в сокращенном виде:

«Картуш (фр. cartouche) — термин, иногда употребляемый в старых военных сочинениях как синоним слова «картечь». В иных случаях этот термин употребляется также для обозначения патронной сумки пехотинца.

В архитектуре и скульптуре — блок или модильон в карнизе и вообще всякое лепное украшение, на котором помещена какая-нибудь эмблема или надпись». — *247.*

[254] В сражении при *Гохштедте* 20 сентября 1703 г. во время войны за Испанское наследство 1701 — 1714 гг. союзные французские и баварские войска под командованием французского маршала Виллара нанесли поражение австрийской армии. — *255.*

[255] В статье «Бородино» Энгельс, дав яркое представление о грандиозности этой великой битвы, об упорстве и стойкости, проявленных в ней обеими воюющими армиями, и нарисовав значительно более объективную картину хода сражения, чем это делали авторы многих западноевропейских военно-исторических работ, не избежал тем не менее неточностей в освещении некоторых сторон этого события. Известное влияние в этом отношении на точку зрения Энгельса оказала

книга немецкого историка Бернхарди о генерале Толе, на которую он ссылается в конце статьи и которая содержит ряд тенденциозных утверждений, исходящих как от самого Толя, так и от его биографа. Неточности, имеющиеся в статье Энгельса, касаются главным образом оценки результатов сражения, которое Энгельс склонен рассматривать как победоносное для наполеоновской армии, а также роли в нем главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова. Избранная Кутузовым позиция и расположение русских войск отнюдь не были ошибочными, как говорится в статье. Наиболее уязвимый левый фланг русских имел надежную поддержку в виде значительных резервов, оставленных Кутузовым и умело использованных им в ходе сражения. Этим объясняется и вынужденный отказ Наполеона от обхода русского левого фланга и перенесения им направления главного удара ближе к центру русской позиции. В сражении Кутузов не оставался пассивным, а постоянно влиял на его ход, парируя и срывая замыслы Наполеона, о чем особенно ярко свидетельствует совершенный по его приказу успешный рейд русской кавалерии в тыл французского левого фланга, ослабивший давление французов. Общий итог сражения был весьма неблагоприятен для Наполеона. Он не сумел уничтожить главные силы русской армии и сам понес огромные потери. Сражение обнаружило способность русских войск не только к стойкой обороне, но и к нанесению сокрушительных ударов. Исход его подготовил поворот в ходе войны в пользу России и поражение наполеоновской армии, несмотря на вынужденное, но целесообразное в тех условиях оставление Москвы русской армией.

Более поздние исследования внесли существенные уточнения также в данные о численном соотношении сил и о размерах потерь, понесенных обеими армиями. Согласно этим данным, французы во время сражения располагали 135 тыс. войск и 587 орудиями, русские — 120 тыс. войск и 640 орудиями; потери французов составили 58 тыс. убитыми и ранеными, русские потеряли около 40 тысяч человек. — *256.*

[256] См. примечание 75. — *257.*

[257] Имеется в виду рейд кавалерийского корпуса Уварова и казачьего корпуса Платова, посланных Кутузовым в обход наступающих войск французского левого фланга. Появление русской кавалерии на фланге и в тылу французов заставило Наполеона приостановить атаки в центре, что дало возможность Кутузову произвести перегруппировку сил для отражения последующих атак. — *259.*

[258] Имеется в виду: Th. Bernhardi. «Denkwurdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll». Bd. 1 — 4, Leipzig, 1856 (Т. Бернхарди. «Записки из жизни императорского русского генерала-от-инфантерии графа Карла Фридриха Толя»). — *261.*

[259] В сражении при *Витории* 21 июня 1813 г. во время войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814) союзная англо-испано-португальская армия под командованием Веллингтона нанесла поражение французским войскам Жозефа Бонапарта. Сражение явилось важным этапом в борьбе за освобождение Пиренейского полуострова от наполеоновских войск. — *262.*

[260] Публикуемый набросок схемы был составлен Ф. Энгельсом на основании описания сражений на реке Бидасоа 1813 г. и планов этих сра-

жений, приведенных в книге: W. F. P. Napier. «History of the War in the Peninsula and in the South of France from the year 1807 to the year 1814». Vol. VI, London, 1840. Explanatory Sketch № 5 (У. Ф. П. Нейпир. «История войны на Пиренейском полуострове и на юге Франции с 1807 по 1814 год». Т. VI, Лондон, 1840, приложение № 5). На схеме Энгельса приведены следующие обозначения: Уронье, Руне, Санкюлоты, Пуэрто, Байонетте, Хогсбак, Комиссари, Круа-де-Буке, Бириату, Бильдокс, Мандале, Вера, Салинас, Ирун, Сан-Марсьяль, Леса-ка, Пенья-де-Ая. Внизу справа надпись: «Поле сражения на Бидасоа». — *См. иллюстрацию между стр. 266 — 267.*

[261] Имеется в виду так называемый «Itinerarium Antonini» («Путеводитель Антонина»), составленный около 300 года; в этом путеводителе были указаны важнейшие пути сообщения Римской империи, а также расположенные на них пункты и расстояния между ними. — *269.*

[262] A. Gorgei. «Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849». Leipzig, 1852 (А. Гёргей. «Моя жизнь и деятельность в Венгрии в 1848 и 1849 годах». Лейпциг, 1852); G. Klapka. «Memoiren. April bis Oktober 1849». Leipzig, 1850 (Г. Клапка. «Мемуары. Апрель — октябрь 1849». Лейпциг, 1850). — *269.*

[263] *Гонвед* — см. примечание 130. — *271.*

[264] Иосиф Флавий. «Иудейская война», третья книга, гл. 5.

Осада Иерусалима римским полководцем Флавием Веспасианом, а затем, после провозглашения Веспасиана императором, его сыном Титом происходила в 68 — 70 гг. н. э. во время Иудейской войны (66 — 73 гг. н. э.), вызванной восстанием иудеев против римского господства. После взятия римлянами городских стен осажденные долгое время сопротивлялись в Иерусалимском храме и на улицах города. — *274.*

[265] *Левиты* — особый разряд священнослужителей у древних евреев;

Скиния — согласно библейскому преданию, переносный храм.

Описание лагеря израильтян дано в Библии, четвертая книга Моисеева, Числа, гл. 1 — 2. — *276.*

[266] *Авгуры* — жрецы в Древнем Риме, игравшие большую роль в политической жизни; их гадания по крику и полету птиц и т. п. предшествовали каждому важному государственному акту.

Гномон — древнейший астрономический инструмент. — *277.*

[267] Речь идет о битве при Верцеллах (Северная Италия) в 101 г. до н. э., в которой римский полководец Марий одержал победу над германским племенем кимвров. Этой победой закончилась борьба Рима с кимврами и тевтонами (113 — 101 гг. до н. э.), совершившими ряд вторжений в Южную Галлию и Италию. — *278.*

[268] Перечислен ряд военных событий периода войны Франции в союзе с Англией (отошла от союза в 1674 г.) и Швецией против Голландии, испанских и австрийских Габсбургов, происходившей в 1672 — 1679 годах. Война, вызванная торговым соперничеством между Францией и Голландией и стремлением Людовика XIV захватить Южные (Испанские) и Северные Нидерланды, привела к территориальному расширению монархии Людовика XIV за счет испанских владений, однако

главной цели — разгрома Голландии — французам не удалось достигнуть. — *279.*

[269] *Нимвегенский мир* — мирные договоры, заключенные правительством французского короля Людовика XIV в 1678 г. с Голландией и Испанией и в 1679 г. с австрийскими Габсбургами и завершившие начатую в 1672 г. войну между ними и Францией. По этому миру Франция приобретала Франш-Конте и несколько городов в Испанских Нидерландах; Голландии возвращалась захваченная у нее во время войны крепость Маастрихт и наследственные земли Оранского дома; в свою очередь, Голландия признавала французские колониальные захваты в Гвиане и Сенегале. — *280.*

[270] Имеются в виду военные действия во время первых трех лет войны 1688 — 1697 гг. между Францией и европейской коалицией, так называемой Аугсбургской лигой, объединявшей Голландию, Англию, Испанию, Германскую империю во главе с австрийскими Габсбургами, Савойю, Швецию, ряд немецких и итальянских князей. Война закончилась заключением в 1697 г. Рисвикского мира, подтвердившего с некоторыми изменениями довоенные границы. Франция должна была признать государственный переворот 1688 г. в Англии, приведший к возведению на английский престол врага короля Людовика XIV голландского штатгальтера Вильгельма Оранского.

Ниже упомянуты события последующих лет этой войны. — *280.*

[271] *Война за Испанское наследство* 1701 — 1714 **гг.** — см. примечание 68. — *280.*

[272] M. Coehoorn. «Nieuwe Vestingbouw». Leeuwarden, 1685. — *280.*

[273] *Гвельфы* и *гибеллины* — политические партии в Италии в XII — XV вв., в период борьбы между римскими папами и германскими императорами. Гвельфы — сторонники папы, принадлежали к верхушке торгово-ремесленных слоев итальянских городов. Гибеллины — преимущественно представители феодальной знати, поддерживавшие императоров. — *284.*

[274] Имеется в виду оккупация Венеции французскими войсками в 1797 г. **во** время кампании генерала Бонапарта в Северной Италии, повлекшая за собой ликвидацию Венецианской республики (существовала с V в.) и раздел ее владений между Францией и Австрией по Кампоформийскому договору (см. примечание 152). — *284.*

[275] К завоеванию Бирмы английские колонизаторы приступили с начала XIX века. В результате первой бирманской войны (1824 — 1826) войска Ост-Индской компании завоевали граничившую с Бенгалией провинцию Ассам и прибрежные Аракан и Тенассерим, отошедшие от Бирмы по навязанному англичанами бирманцам Иандабоскому договору, который был заключен 24 февраля 1826 года. Согласно этому договору на Бирму налагалась также контрибуция в размере 1 млн. фунтов стерлингов. Вторая бирманская война (1852) привела к захвату англичанами провинции Пегу. — *285.*

[276] H. Yule. «A Narrative of the Mission sent by the Governor-General of India to the Court of Ava in 1855». London, 1858. — *292.*

[277] Первоначальный вариант статьи, составленный Энгельсом, был существенно дополнен Марксом и в готовом виде отправлен в Нью-Йорк. Работая над статьей, Маркс и Энгельс, как это видно из сделанных ими выписок, а также из письма Энгельса Марксу от 11 марта 1858 г., собирали для нее материал из разных источников: Энгельс использовал главным образом книгу Нейпира о войне на Пиренейском полуострове (см. примечание 260), Маркс же — справочники и энциклопедии. — *294.*

[278] Упомянут ряд завоевательных колониальных экспедиций Англии, участником которых был Бересфорд.

В 1806 г. англичане, воспользовавшись восстанием местных голландских колонистов-буров против голландских колониальных властей, захватили южноафриканские земли вокруг мыса Доброй Надежды (Капская колония). Предлогом для вторжения было участие Голландии — в то время вассала Наполеона — в его войнах против Англии. Официально Капская колония перешла к Англии по окончании наполеоновских войн.

В 1806 г. военная экспедиция англичан под командованием капитана Попэма и генерала Бересфорда пыталась захватить Буэнос-Айрес, принадлежавший Испании — тогдашнему союзнику наполеоновской Франции. Отряд Бересфорда, не встретив серьезного сопротивления испанских колониальных властей, овладел Буэнос-Айресом, но был окружен и принужден к сдаче патриотическим ополчением аргентинцев. Новая экспедиция, направленная англичанами в 1807 г. в устье Ла-Платы, также потерпела поражение.

Захват в конце 1807 г. острова Мадейры, принадлежавшего Португалии, был осуществлен войсками Бересфорда под предлогом защиты острова от французов. Остров оставался в руках англичан до 1814 года. — *294.*

[279] *Соглашение в Синтре* (Португалия) — военная конвенция, заключенная 30 августа 1808 г. между главнокомандующими английскими и французскими войсками в Португалии Далримплом и Жюно. Согласно конвенции французы должны были эвакуировать свои войска из Португалии (были введены туда осенью 1807 г.). Соглашение явилось результатом поражений, понесенных французскими войсками в 1808 г. от англо-португальской армии, а также повсеместного победоносного народного восстания на Пиренейском полуострове против наполеоновского господства. Летом 1808 г. французские оккупанты почти полностью были изгнаны из Испании. Несмотря на критическое положение французов, по условиям конвенции англичане обязались доставить на своих кораблях войска Жюно во Францию, где они были включены Наполеоном в состав 200-тысячной армии, с которой он в ноябре 1808 г. осуществил вторичное вторжение на Пиренейский полуостров.

При *Корунье* (Испания) 16 января 1809 г. во время вторичного вторжения французов на Пиренейский полуостров отступавшая английская армия генерала Мура отбила атаки войск маршала Сульта, а 17 и 18 января под прикрытием дивизии Бересфорда погрузилась в порту Корунья на суда и отплыла в Англию. — *294.*

[280] Речь идет о ряде сражений на завершающих этапах войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814), в которых союзные англо-испано-португальские войска под командованием Веллингтона нанесли поражения французским войскам.

В сражении при *Саламанке* 22 июля 1812 г. войска Веллингтона отбросили армию маршала Мармона, понесшую большие потери. В результате сражения при *Витории* 21 июня 1813 г. (см. примечание 259) основные силы французов были оттеснены к Пиренеям и к концу 1813 г. война была перенесена на французскую территорию. В боях под *Байонной* (Юго-Западная Франция) 9 — 13 декабря 1813 г. войска Веллингтона вели наступление на укрепленный лагерь армии маршала Сульта и потеснили ее.

Весной 1814 г. во время общего наступления войск шестой антифранцузской коалиции во Франции наступающая армия Веллингтона одержала победы над армией Сульта 27 февраля при *Ортезе* и 10 апреля под *Тулузой.* 18 апреля после отречения Наполеона Сульт заключил с Веллингтоном перемирие. — *295.*

[281] Имеется в виду участие Бересфорда в подавлении национально-освободительного восстания против португальских колонизаторов, вспыхнувшего в 1817 г. в северо-восточной провинции Бразилии Пернамбуку. Повстанцы, провозгласившие борьбу за независимую республику, потерпели поражение. Возглавившие в дальнейшем движение за отделение от Португалии — в 1822 г. была провозглашена независимая Бразильская империя — помещичье-аристократические элементы сохранили в Бразилии реакционный монархический строй и рабство негров. — *295.*

[282] Речь идет о поддержке, оказанной Бересфордом реакционным помещичье-клерикальным кругам Португалии, возглавляемым принцем дон Мигелем, в подавлении португальской буржуазной революции 1820 — 1823 годов. В мае 1823 г. контрреволюционные генералы и офицеры, подстрекаемые английской и французской дипломатией, подняли мятеж и восстановили в Португалии абсолютистскую монархию и феодальные порядки. — *295.*

[283] Имеется в виду роман Т. Хоупа: «Anastasius: or Memoirs of a Greek; written at the close of the Eighteenth Century». Vol. I — III, London, 1819 («Анастасий, или Мемуары грека, написанные в конце восемнадцатого века». Тт. I — III, Лондон, 1819). — *295.*

[284] Италия была превращена карфагенским полководцем Ганнибалом в основной театр второй Пунической войны (218 — 201 гг. до н. э.). В 218 г. во главе наемной армии Ганнибал совершил поход из Испании через Альпы в Северную Италию. В октябре 218 г. до н. э. на реке *Тичино* он нанес поражение передовым отрядам одной из консульских армий, высланных ему навстречу, а в декабре того же года разгромил обе соединившиеся армии на реке *Треббии.* Прорвавшись в Центральную Италию, Ганнибал наголову разбил римлян в августе 216 г. в Апулии, при *Каннах* (все три сражения ниже подробно описаны Энгельсом). Успехи Ганнибала были, однако, сведены на нет победами римских войск в Испании и Сицилии, а также высадкой римской армии в Северной Африке, побудившей карфагенский сенат отозвать Ганнибала из Италии. В 202 г. до н. э. последовало поражение Ганнибала в битве при Заме. Война закончилась подписанием мира на тяжелых для Карфагена условиях. — *300.*

[285] *Пунические войны* (264 — 241, 218 — 201 и 149 — 146 гг. до н. э.) — войны между двумя крупнейшими рабовладельческими государствами древ-

ности — Римом и Карфагеном — за установление господства в Западном Средиземноморье, за захват новых территорий и рабов. В итоге первой Пунической войны Карфаген вынужден был уступить Риму господство над Сицилией и прилегающими островами, в результате второй — он лишился флота, всех неафриканских владений (Испания, Балеарские острова и др.) и должен был выплатить Риму огромную контрибуцию. Сломив могущество Карфагена, римляне добились в результате третьей Пунической войны ликвидации карфагенского государства; город Карфаген был разрушен. — *302.*

[286] Имеется в виду сражение на реке Казилинуме (близ г. Капуи в Юго-Западной Италии) в 554 г., в котором византийский полководец Нарсес нанес поражение германским племенам франков и алеманов. В начале сражения франки глубоко вклинились в центр византийского войска, но затем, обойденные с флангов и атакованные с тыла конницей Нарсеса, были окружены и уничтожены. Отразив нашествие франков и алеманов и уничтожив остатки итальянского королевства ост-готов (493 — 554), основные силы которых были разбиты еще до столкновения с франками, армия Нарсеса на короткое время установила в Италии господство рабовладельческой Восточной Римской империи (Византии). — *303.*

[287] В сражении при *Мерзебурге* (933 г.) войска германского короля Генриха I Птицелова и в сражении на *Лехе* (955 г.) войска его преемника Оттона I нанесли поражения венграм, вторгавшимся в X в. на территорию Германии. Эти победы были подготовлены в значительной мере реорганизацией германской рыцарской конницы, проведенной Генрихом I. — *303.*

[288] 9 апреля 1241 г. в сражении при *Вальштадте* под г. Лигницем (Легницей) союзное войско польских и германских феодалов потерпело поражение от монгольских завоевателей, вторгшихся в Центральную Европу (об этом вторжении см. примечание 34). — *304.*

[289] В сражении при *Новаре* (Северная Италия) 6 июня 1513 г. швейцарские наемные войска, находившиеся на службе у герцога Миланского, нанесли поражение французскому войску, основную силу которого составляли конные рыцари, и принудили его к отступлению через Альпы во Францию. В результате этого потерпел провал завоевательный поход французского короля Людовика XII в Италию в 1513 г. — одно из многочисленных вторжений на Апеннинский полуостров иноземцев во время итальянских войн 1494 — 1559 гг. (см. примечание 37). — *305.*

[290] При *Марстонмуре* (Йоркшир) 2 июля 1644 г. и при *Нейзби* (Нортгемптоншир) 14 июня 1645 г. в период английской буржуазной революции парламентская армия разбила контрреволюционные войска английского короля Карла I. Решающую роль в этих сражениях сыграла возглавляемая Кромвелем кавалерия, ядро которой составляли отряды, навербованные из крестьян и ремесленников и отличавшиеся высокими боевыми качествами, дисциплиной и сознанием революционного долга. Исход обоих сражений, особенно второго, в значительной мере определил победу парламентских сил в первой гражданской войне 1642 — 1646 гг. (о ней см. примечание 51). — *307.*

[291] *Силезские войны* — часть общеевропейской войны за Австрийское наследство (см. примечание 43), охватывающая военные действия

между Пруссией и Австрией в 1740 — 1742 гг., с момента вторжения Фридриха II в Силезию до заключения им первого сепаратного договора с австрийцами (первая Силезская война), а также военные действия Пруссии против Австрии и ее союзника Саксонии в 1744 — 1745 гг., с момента возобновления войны в августе 1744 г. до заключения Фридрихом II нового сепаратного мира (вторая Силезская война). Главной целью Фридриха II в этих войнах, отразивших борьбу Пруссии и Австрии за гегемонию в Центральной Европе, было завоевание и удержание в своих руках богатой польской провинции Силезии. — *307.*

[292] Энгельс приводит в вольном изложении ряд положений из инструкций Фридриха II, в частности, из «Инструкции кавалерии на случай боя» от 17 марта 1742 г., «Инструкции для полковников и всех офицеров гусарских полков» от 21 марта 1742 г., «Инструкции о порядке действий кавалерийских офицеров при встрече с противником» от 25 июля 1744 г., «Инструкции для генерал-майоров кавалерии» от 14 августа 1748 г. и других. — *308.*

[293] Перечислен ряд сражений периода войны за Австрийское наследство (1740 — 1748) и Семилетней войны (1756—1763), в которых крупную роль играли действия кавалерии.

В сражении при *Хоэнфридеберге* в Силезии (иногда обозначается как сражение при *Штригау)* 4 июня 1745 г. прусские войска под командованием Фридриха II нанесли поражение союзным австрийско-саксонским войскам; при *Кессельсдорфе* (Саксония) 15 декабря 1745 г. прусская армия разбила саксонские войска, что дало возможность королю Фридриху II подписать в Дрездене мирный договор с Австрией и Саксонией, завершивший вторую Силезскую войну (см. примечание 291).

В сражении при *Росбахе* (прусский округ Мерзебург) 5 ноября 1757 г. войска Фридриха II нанесли поражение объединенным силам французов и враждебных Пруссии немецких государств.

О сражении при *Лейтене* (5 декабря 1757 г.) см. примечание 118.

При *Цорндорфе* (Восточная Пруссия) 25 (14) августа 1758 г. Фридрих II дал русской армии сражение, в результате которого обе стороны понесли тяжелые потери, не добившись успеха. Сопротивление русских войск сорвало расчеты Фридриха II на разгром своих противников по частям и подготовило последующее успешное наступление русской армии. — *208.*

[294] В сражении при *Вюрцбурге* (Бавария) 3 сентября 1796 г. во время войны Французской республики против первой антифранцузской коалиции австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла нанесли поражение французской армии генерала Журдана, которая была вынуждена отступить за Рейн. Решающую роль в победе австрийцев сыграли действия их многочисленной кавалерии. — *309.*

[295] *Великое герцогство Варшавское* — вассальное государство, созданное Наполеоном I в 1807 г. по Тильзитскому мирному договору из небольшой части польских земель, присоединенных ранее к Пруссии; в 1809 г. после разгрома Австрии к ному была присоединена часть польских земель, находившихся во владении Австрии. Решением Венского

конгресса 1814 — 1815 гг. территория герцогства Варшавского была разделена между Пруссией, Австрией и Россией.

Рейнский союз — см. примечание 199. — *309.*

[296] При Даннигкове (или при Мёккерне) в Саксонии союзные русско-прусские войска под командованием русского генерала П. Х. Витгенштейна 5 апреля (24 марта) 1813 г. нанесли поражение французским войскам вице-короля Евгения. — *310.*

[297] W. F. P. Napier. «History of the War in the Peninsula and in the South of France from the year 1807 to the year 1814». Vol. III, London, 1831, p. 272. — *311.*

[298] La Roche-Aymon. «De la cavalerie, ou des changements necessaires dans la composition, l'organisation et l'instruction des troupes a cheval». I-re partie, Paris, 1828, p. 140 (Ларош-Эмон. «О кавалерии, или о необходимых изменениях в составе, организации и обучении кавалерийских войск». Часть первая, Париж, 1828, стр. 140). — *313.*

[299] В 451 г. на Каталаунских полях (близ современного французского города *Шалон* на Марне) произошла битва между гуннами — кочевниками-завоевателями тюркского происхождения, предводительствуемыми Аттилой, и армией западноримского полководца Аэция, состоявшей из воинов различных народностей: германцев, римлян, галлов и т. д. В состав войска Аттилы входили также воины многих покоренных гуннами племен Европы. Конница гуннов опрокинула центр армии Аэция, но затем, атакованная с флангов, была принуждена отступить с большими потерями. Полному разгрому гуннских орд помешали раздоры среди победителей.

Восстание сипаев — крупнейшее народное восстание в Индии в 1857 — 1859 гг. против английского владычества. Восстание вспыхнуло весной 1857 г. среди так называемых синайских частей бенгальской армии, вербовавшихся из местных жителей, и охватило крупнейшие районы в Северной и Центральной Индии. Основной движущей силой восстания было крестьянство и ремесленная беднота городов. Руководимое местными феодалами восстание потерпело поражение из-за феодальной раздробленности Индии, религиозных и кастовых различий, а также ввиду военно-технического превосходства колонизаторов. — *319.*

[300] См. в мемуарах Наполеона «Семнадцать замечаний на работу под названием «Рассуждение о военном искусстве», изданную в Париже в 1816 г.», замечание 3-е: Кавалерия. Опубликовано в книге: «Memoires pour servir a l'histoire de France, sous Napoleon, ecrits a Sainte-Helene, Par les generaux qui out partage sa captivite, et publies sur les manuscrits entierement corriges de la main de Napoleon». Tome premier, Paris, 1823, p. 262 (перевод заглавия книги см. в примечании 72). — *319.*

[301] В сражении при Ватерлоо 18 июня 1815 г. (см. примечание 55) корпус генерала д'Эрлона по приказу Наполеона атаковал левый фланг союзной армии Веллингтона своими четырьмя дивизиями, построенными каждая в одну колонну. Батальоны в них располагались один за другим. Такое построение при первой же атаке привело к потере корпусом значительной части своего состава. — *322.*

[302] 23 июля 1812 г. при *Гарсия-Эрнандес* в период войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814) кавалерия германского легиона, входившего в состав английских войск Веллингтона, напала на арьергард французской армии, отступавшей после поражения при Саламанке (см. примечание 280), прорвала и рассеяла каре пехоты, захватив несколько сот пленных. — *324.*

[303] Редакция «New American Cyclopaedia», публикуя данную статью в 1859 г. в седьмом томе издания, присоединила к ней таблицу с перечнем построенных или сооружаемых фортификационных укреплений США по данным на октябрь 1859 года. В таблице указаны также суммы, израсходованные на строительство, ремонт и модернизацию этих укреплений. — *226.*

[304] Имеется в виду немецкий инженер Д. Спекль и его книга: «Architectura vou Vestungen». Strassburg, 1589 («Архитектура крепостей». Страсбург, 1589). — *328.*

[305] Имеется в виду шестая книга сочинения Н. Тартальи: «Quesiti et inventioni diverse» («Различные исследования и изобретения») в издании, вышедшем в Венеции в 1554 году. Первое издание книги вышло в Венеции в 1546 году. — *333.*

[306] G. Alghisi. «Delle fortificationi». Venetia, 1570 (Г. Альгизи. «О фортификации». Венеция, 1570); G. Maggi e J. Castriotto. «Della fortificatione delle citta». Venetia, 1564 (Дж. Маджи и Дж. Кастриотто. «О фортификации городов». Венеция, 1564). — *234.*

[307] См. примечание 39. — *337.*

[308] Во время войны за Испанское наследство (1701 — 1714) крепость *Ландау* (Западная Германия), находившаяся в руках французов, была в 1702 г. осаждена и взята германско-имперскими войсками. В 1703 г. французы вновь овладели крепостью, а в следующем году имперцы снова осадили ее и после трехмесячной осады крепость была вынуждена капитулировать. В 1713 г. город Ландау был снова взят французами. — *341.*

[309] Имеется в виду оборона Вены против осадившей ее в июле 1683 г. турецкой армии, завершившаяся разгромом турок 12 сентября 1683 г. австро-немецко-польскими войсками. Решающую роль в этом разгроме сыграли польские войска под командованием Яна Собеского, пришедшие на выручку австрийской столицы. Сражение под Веной остановило продвижение турок в Центральную Европу. — *343.*

[310] Основной труд Монталамбера по фортификации: «La Fortification perpendiculaire, ou Essai sur plusieurs manieres de fortifier la ligne droite, le triangle, le quarre et tous les poligones». Tt. 1 — 5, Paris, 1776 — 1786 («Перпендикулярная фортификация, или Опыт исследования различных способов укрепления прямой линии, треугольника, квадрата и всех многоугольников». Тт. 1 — 5, Париж, 1776 — 1786). — *344.*

[311] *Максимилиановы башни* — построенные в 1828 — 1836 гг. вокруг г. Линца 32 башни специальной конструкции австрийского эрцгер-

цога Максимилиана д'Эсте. Эти башни были рассчитаны на оборонительные действия в качестве самостоятельных фортов. — *345.*

[312] *Укрепленный лагерь у Бунцельвица* — система укреплений полевого типа в Силезии, сооружавшихся по приказу прусского короля Фридриха II с 1760 г. во время Семилетней войны (1756 — 1763); армия Фридриха II в 1760 — 1762 гг. несколько раз занимала в этом лагере оборону против русских и австрийских войск.

Укрепленный лагерь у Торрес-Ведрас (Торриж-Ведраш, близ Лиссабона) был сооружен по приказу Веллингтона в 1810 г. для прикрытия расположения англо-португальской армии от французских войск. Этот лагерь, имевший три ряда мощных укреплений, сыграл важную роль в войне на Пиренейском полуострове (1808 — 1814); в 1810 — 1811 гг. лагерь помог остановить наступление французской армии маршала Массена на Лиссабон.

Французские укрепленные *линии у Вейсенбурга* (Эльзас) были построены в 1706 г. во время войны за Испанское наследство (1701 — 1714) армией маршала Виллара, которая занимала на них оборону против германско-имперских войск; впоследствии они были усовершенствованы Кормонтенем. Особенно острая борьба между французами и австрийцами за обладание этими линиями развернулась во время войны Французской республики против первой антифранцузской коалиции (1792 — 1797).

Об австрийских укреплениях перед *Вероной* и их роли в ходе военных действий контрреволюционной австрийской армии против пьемонтских войск в 1848 г. см. работу Ф. Энгельса «По и Рейн» и его статью «Как Австрия держит в своих руках Италию» (настоящее издание, том 13, стр. 233 — 281 и 202 — 209). — *350.*

[313] Во время национально-освободительной войны венгров против Австрии в 1848 — 1849 гг. укрепленный лагерь у крепости Коморн (Комаром) дал возможность венгерской армии дважды, 2 и 11 июля 1849 г., выдержать бои с численно превосходившими ее австрийскими войсками. Сама крепость в 1849 г. дважды (январь — апрель и июль — сентябрь) выдерживала длительную осаду и была сдана австрийцам лишь 27 сентября. — *351.*

[314] *Дорийцы* — одна из основных групп древнегреческих племен, переселившаяся в XII — XI вв. до н. э. с севера на Пелопоннесский полуостров и южные острова Эгейского моря. По сравнению с племенами, ранее обосновавшимися в Греции — ахейцами, ионийцами, эолийцами, — дорийцы сохранили больше патриархально-архаических черт в своем общественном строе. Однако процесс разложения первобытно-общинного строя привел и у дорийцев к выделению родовой аристократии, а в VIII — VI вв. до н. э. к образованию рабовладельческих государств, среди которых самым сильным была Спарта. — *352.*

[315] *Периэки* — см. примечание 14. — *352.*

[316] *Греко-персидские войны* — см. примечание 8. — *353.*

[317] *Илоты* — см. примечание 15. — *353.*

[318] *Пелопоннесская война* — см. примечание 12. — *353.*

[319] *Самнитские войны* (343 — 341, ок. 327 — 304 и 298 — 290 гг. до н. э.) — войны между римлянами и самнитами (группой италийских племен, населявших горную область в Средних Апеннинах) в период борьбы Рима за господство над Средней Италией. Победа над самнитами явилась важной вехой в укреплении римского рабовладельческого государства и объединении италийских племен под властью Рима. — *357.*

[320] Имеется в виду шестая книга сочинения Полибия «Всеобщая история в сорока книгах».

Пунические войны — см. примечание 285. — *357.*

[321] При *Лаупене* (близ Берна) 21 июня 1339 г. швейцарская пехота, состоявшая из свободных крестьян, нанесла поражение союзному войску австрийских, немецких и итальянских феодалов. Сражение явилось важным этапом в борьбе швейцарских кантонов за независимость (см. примечание 35). — *364.*

[322] Имеется в виду война 1481 — 1492 гг. объединенного королевства Кастилии и Арагона (испанской монархии) против Гранадского эмирата, явившаяся заключительным этапом отвоевания Пиренейского полуострова у мавров — реконкисты (см. примечание 207). Война завершилась взятием испанцами Гранады. — *365.*

[323] *Военная граница* — см. примечание 42. — *374.*

[324] При *Лексингтоне* и *Конкорде* (Массачусетс) 19 апреля 1775 г. английские регулярные войска потерпели поражение от американских повстанцев, сражавшихся в рассыпном строю. Эти бои положили начало войне североамериканских колоний Англии за свою независимость. — *374.*

[325] Имеется в виду война между Францией и Сардинским королевством (Пьемонтом), с одной стороны, и Австрией, с другой, длившаяся с 29 апреля по 8 июля 1859 года. Война была развязана Наполеоном III, стремившимся под флагом «освобождения» Италии к территориальным захватам и к укреплению бонапартистского режима во Франции посредством успешной «локальной» военной кампании. С помощью войны, итальянская крупная буржуазия и либеральное дворянство надеялись осуществить объединение Италии без участия народных масс под властью правившей в Пьемонте Савойской династии. Однако напуганный широким размахом национально-освободительного движения против угнетателя Италии — австрийской монархии, стремясь сохранить политическую раздробленность Италии и опасаясь военных осложнений в случае продолжения войны, Наполеон III после нескольких побед франко-пьсмонтских войск заключил 11 июля сепаратно, за спиной Сардинии, Виллафранкский мирный договор с Австрией. В результате войны Франция получила Савойю и Ниццу, Ломбардия была присоединена к Сардинии. Венецианская область продолжала оставаться под властью австрийцев.

Trotha. «Beitrag zur Erorterung der Frage: Welchen nothwendigen Einflus haben die bis jetzt gebrauchlichen weittragenden Handfeuerwaffen auf das Gefecht der Infanterie?» Wittenberg, 1857 (Трота. «К изучению вопроса о том, какое влияние должно оказывать применяемое до настоящего времени дальнобойное ручное огнестрельное оружие на боевые действия пехоты». Виттенберг, 1857). — *379.*

[326] К концу данной статьи редакция «New American Cyclopaedia» присоединила абзац, в котором приводятся сведения о развитии военно-

морского флота США, начиная с 1775 года. В этом абзаце приведены данные о составе американского военного флота к моменту издания двенадцатого тома энциклопедии (1861 г.), в который была включена статья Энгельса, написанная несколькими месяцами раньше. — *380.*

[327] В ходе первой Пунической войны 264 — 241 гг. до н. э. (см. примечание 285) римляне, первоначально не располагавшие средствами для борьбы с крупными военно-морскими силами Карфагена, построили мощный для своего времени флот, с помощью которого нанесли карфагенскому флоту ряд поражений. В результате этого военно-морская мощь Карфагена была подорвана. Успеху римлян способствовало введение на их кораблях абордажных мостиков. — *381.*

[328] Речь идет о брошюре принца Жуанвиля: «De l'etat des forces navales de la France» («О состоянии военно-морских сил Франции»), изданной в 1844 году. — *387.*

[329] 17 (5) октября 1855 г. во время Крымской воины (1853 — 1856) небольшая русская 1;репость *Кинбурн,* защищавшая вход в Днепровско-Бугский лиман, была подвергнута бомбардировке с моря союзным англо-французским флотом. В бомбардировке участвовали три французские бронированные плавучие батареи. — *389.*

[330] Памфлет Маркса «Господин Фогт» явился ответом на клеветническую книгу вульгарного демократа, бонапартистского агента Карла Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»», направленную против Маркса и возглавляемых им пролетарских революционеров. Брошюра Фогта вышла в декабре 1859 г., а в январе 1860 г. берлинская буржуазная газета «National-Zeitung» в двух передовых статьях воспроизвела клеветническое содержание фогтовской книжки. В интересах формировавшейся пролетарской партии Маркс решил ответить Фогту в печати, а газету «National-Zeitung» привлечь к суду за клевету. С конца января 1860 г. Маркс начинает собирать материал для книги против Фогта и для процесса против «National-Zeitung». С этой целью он обращается с письмами к ряду лиц, с которыми он был связан в своей политической и революционной деятельности, прося прислать изобличающий Фогта материал. С середины февраля-1860 г. Маркс начинает посылать обвинительный материал против редактора «National-Zeitung» Цабеля в Берлин своему адвокату юстицрату Веберу. Однако в течение апреля — октября 1860 г. иск Маркса без всяких оснований отклоняется всеми прусскими судебными инстанциями.

Одновременно с подготовкой и посылкой материалов для процесса Маркс продолжает работу над памфлетом против Фогта. Он изучает политическую и дипломатическую историю XVIII — XIX вв., делает многочисленные выписки из книг и газет по вопросам внешней политики, едет к Энгельсу в Манчестер для просматривания находящихся у Энгельса писем и документов, отражающих деятельность пролетарских революционеров и их борьбу с различными враждебными направлениями. В сентябре 1860 г. Маркс заканчивает в основном работу над памфлетом; однако после отклонения его жалобы на Цабеля прусскими судебными инстанциями он заново пишет дополнительную главу «Процесс», в которой подвергает уничтожающей критике прусскую судебную систему. В ноябре Маркс завершает работу над книгой против Фогта и дает ей название «Господин Фогт».

Памфлет «Господин Фогт» вышел в свет 1 декабря 1860 года: он был издан в Лондоне книгоиздательством Печа и напечатан в типографии Хиршфельда. При жизни Маркса и Энгельса памфлет не переиздавался. Четвертое приложение к книге «Господин Фогт» («Кёльнский процесс коммунистов») было воспроизведено в дополнении к авторизованному (второму) изданию работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», вышедшему в 1875 году. Выпуская третье издание «Разоблачений» в 1885 г., Энгельс поместил это приложение с небольшим добавлением.

Произведение «Господин Фогт» на русском языке было впервые издано в 1933 году. — *295.*

[331] *«Volks-Zeitung»* («Народная газета») — немецкая ежедневная демократическая газета, выходила в Берлине с 1853 года.

«Die Reform» («Реформа») — немецкая ежедневная буржуазная либеральная газета, выходила в Гамбурге в 1848 — 1892 годах. — *399.*

[332] *«National-Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, под данным названием издавалась в Берлине в 1848 — 1915 годах. — *399.*

[333] C. Vogt. «Mein Prozess gegen die «Allgemeine Zeitung»». Genf, im Dezember 1859.

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная консервативная газета, основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. В 50 — 60-х годах поддерживала планы объединения Германии под главенством Австрии. — *399.*

[334] Маркс здесь имеет в виду свои разногласия с Лассалем по вопросу о путях объединения Германии и Италии (см. предисловие к настоящему тому, стр. XXII — XXIII).

Об Итальянской войне см. примечание 325. — *401.*

[335] *Серная банда* — первоначально название студенческого объединения в Йенском университете в 70-х годах XVIII в., пользовавшегося дурной славой из-за дебошей, учинявшихся его членами; впоследствии выражение «серная банда» стало нарицательным. — *402.*

[336] Высмеивая Карла Фогта, Маркс часто использует совпадение его фамилии с названием средневековых должностных лиц — наместников императора Германской империи, именовавшихся «фогтами», или «ландфогтами». «Наследственный фогт из Нихильбурга», т. е. из замка, которого не существует *(nihil* по-латыни означает *ничто)* — персонаж, упоминаемый на титульном листе сатирического романа Иоганна Фишарта «Полное приключений грандиозное историческое повествование о деяниях и изречениях героев и господ Грангошира, Горгеллянтюа и Пантагрюэля». Произведение Фишарта, являющееся обработкой на немецком языке романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», вышло в свет в 1575 году. Ниже Маркс использует слова из названия этого произведения. — *402.*

[337] Так Маркс называет разбираемую им книгу Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» в отличие от других, более мелких, выступлений Фогта в печати на ту же тему. — *402.*

[338] Маркс имеет в виду статью Фогта «Предостережение», датированную 23 мая и опубликованную в приложении к № 150 газеты «Schweizer Handels-Courier» от 2 июня 1859 года.

«Schweizer Handels-Courier» («Швейцарский торговый курьер») — ежедневная буржуазная газета, издававшаяся в швейцарском городе Биле (кантон Берн). Под данным названием выходила в 1853 — 1909 годах. В 50 — 60-х годах выражала бонапартистские взгляды. Маркс иногда иронически называет эту газету бильским «Коммивояжером». — *402.*

[339] *Республиканское восстание* в Бадене, происходившее в конце сентября 1848 г., было поднято группой немецких эмигрантов во главе с Густавом Струве, вступившей 21 сентября на баденскую территорию из Швейцарии. При поддержке вооруженных отрядов баденских демократов и местного гражданского ополчения Струве провозгласил Германскую республику. Через несколько дней восстание было подавлено баденскими войсками, а Струве и ряд других участников восстания были арестованы и приговорены к длительному тюремному заключению, для отбывания которого они были отправлены в тюрьму в г. Брухзаль (Баден). В мае 1849 г. во время нового восстания в Бадене Струве вместе с другими политическими заключенными был освобожден повстанцами.

Кампания в защиту имперской конституции, принятой франкфуртским Национальным собранием 28 марта 1849 г., явилась последним этапом буржуазно-демократической революции 1848 — 1849 гг. в Германии. Конституция была отвергнута большинством немецких правительств. В мае 1849 г. вспыхнули восстания в Саксонии, Рейнской Пруссии, Бадене и Пфальце с целью защиты конституции. Однако франкфуртское Национальное собрание не оказало восставшим никакой поддержки. В июле 1849 г. движение было окончательно подавлено. Характеристика кампании за имперскую конституцию дана в работах Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (см. настоящее издание, том 7, стр. 111 — 207) и «Революция и контрреволюция в Германии» (см. настоящее издание, том 8, стр.89 — .102). — *406.*

[340] В сентябре 1849 г. Маркс был избран в состав Комитета помощи немецким эмигрантам в Лондоне, образованного при местном Просветительном обществе немецких рабочих. С целью пресечения попыток мелкобуржуазных демократов-эмигрантов подчинить своему влиянию пролетарские элементы лондонской эмиграции Комитет по предложению Маркса и других руководителей Союза коммунистов был преобразован в Социал-демократический эмигрантский комитет, в руководство которого входили Маркс и Энгельс. В середине сентября 1850 г. Маркс и Энгельс заявили о своем выходе из Эмигрантского комитета, большинство членов которого подпало под влияние авантюристско-сектантской фракции Виллиха — Шаппера. — *407.*

[341] *Карбонарии* (carbonaro — буквально: угольщик) — члены тайного заговорщического общества, существовавшего в Италии в первой трети XIX в. и во Франции в 20-х годах XIX века. Итальянские карбонарии, объединявшие в своих рядах представителей городской буржуазии, обуржуазившегося дворянства, офицерства, мелкой буржуазии и крестьянства, ставили своей целью осуществление национального освобождения, воссоединения Италии и проведение политических реформ. Французские карбонарии, к которым принадлежали

представители различных политических направлений, ставили своей задачей свержение монархии Бурбонов. — *407.*

[342] Маркс называет Радемахера врачом-знахарем, намекая на название его книги: J. G. Rademacher. «Rechtfertigung der von Gelehrlen misskannten, verstandesrechten Erfahrungsheillehre der alten scheidekunstigen Geheimarzte und treue Mittheilung des Ergebnisses einer 25 jahrigen Erprobung dieser Lehre am Krankenbette» (И. Г. Радемахер. «Оправдание непризнанной учеными разумной практической врачебной науки старых врачей-знахарей, занимавшихся алхимией, и правдивое освещение результатов 25-летнего применения этой науки у постели больного»). — *407.*

[343] *Декабрьской бандой* Маркс называет участников бонапартистского государственного переворота 2 — 4 декабря 1851 г., приведшего к установлению во Франции контрреволюционного режима Второй империи (1852 — 1870) во главе с Наполеоном III. В подготовке этого переворота крупную роль сыграло созданное в 1849 г. тайное бонапартистское Общество 10 декабря (названо так в честь избрания его покровителя Луи Бонапарта 10 декабря 1848 г. президентом Французской республики), характеристику которого Маркс ниже приводит. — *407.*

[344] В цитируемом отрывке из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» Маркс везде слово «общество» заменяет словом «банда». — *408.*

[345] Речь идет о предпринятых в период Июльской монархии попытках Луи Бонапарта произвести государственный переворот путем военного мятежа. 30 октября 1836 г. ему удалось с помощью нескольких бонапартистски настроенных офицеров поднять два артиллерийских полка страсбургского гарнизона, однако уже через несколько часов мятежники были обезоружены. Сам Луи Бонапарт был арестован и выслан в Америку. 6 августа 1840 г., используя некоторое оживление бонапартистских настроений во Франции, он высадился с кучкой заговорщиков в Булони и пытался поднять мятеж среди войск местного гарнизона. Эта попытка также окончилась полным провалом. Бонапарт был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но бежал в 1846 г. в Англию. — *408.*

[346] *Национальные мастерские* были созданы после февральской революции 1848 г. французским временным правительством (в нем преобладали буржуазные республиканцы), стремившимся дискредитировать среди рабочих луи-блановские идеи об организации труда и, с другой стороны, противопоставить организованных по-военному рабочих этих мастерских революционному пролетариату. Однако провокационный план раскола рабочего класса не удался, и занятые в национальных мастерских рабочие все более проникались революционными идеями, что побудило буржуазное правительство принять меры к их закрытию. Это вызвало сильное возмущение парижского пролетариата и явилось одним из поводов к пролетарскому восстанию в Париже 23 — 26 июня, во время которого повстанцы использовали сложившуюся в национальных мастерских военную организацию. После подавления восстания правительство приняло 3 июля 1848 г. декрет об упразднении национальных мастерских.

Мобильная гвардия была создана декретом временного правительства от 25 февраля 1848 г. для борьбы против революционно настроенных

народных масс. Отряды мобильной гвардии, состоявшие в основном из люмпен-пролетариев, были использованы для подавления пролетарского июньского восстания 1848 года. — *409.*

[347] Имеется в виду регентство Филиппа Орлеанского во Франции в 1715 — 1723 гг. во время малолетства Людовика XV. — *410.*

[348] *Трирский священный хитон* — хранившаяся в Трирском соборе католическая реликвия, представлявшая собой якобы священное облачение, снятое с Христа во время казни. Трирский священный хитон был предметом поклонения паломников. — *411.*

[349] См. настоящее издание, том 8, стр. 167 — 169 и 215 — 217. — *411.*

[350] *«Das Volk»* («Народ») — еженедельная газета, выходила на немецком языке в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 года. Была основана как официальный орган лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Первый номер вышел под редакцией немецкого публициста, мелкобуржуазного демократа Эларда Бискампа. Начиная с № 2, газета выходила при ближайшем участии Маркса, выражавшемся в неофициальном сотрудничестве, в постоянных советах и помощи, в редактировании статей, организации материальной поддержки газете и т, д. В № 6 от 11 июня редакция газеты официально объявила о сотрудничестве Маркса, Энгельса, Фрейлиграта, В. Вольфа и Г. Хейзе (см. настоящее издание, том 13, стр. 639). С начала июля Маркс фактически сделался редактором газеты, которая становится органом пролетарских революционеров.

На страницах газеты «Volk» находила свое отражение разработка Марксом и Энгельсом вопросов революционной теории и тактики пролетарской борьбы, освещались классовые бои пролетариата, велась непримиримая борьба против представителей мелкобуржуазной идеологии. В газете анализировались с позиций пролетарского интернационализма события австро-итало-французской войны 1859 г., вопросы объединения Германии и Италии, разоблачалась внешняя политика Англии, Пруссии, Франции, России и других реакционных государств, велась последовательная борьба против бонапартизма и его открытых и скрытых сторонников.

В газете «Volk» было напечатано предисловие Маркса к его работе «К критике политической экономии», 5 статей Маркса, в том числе незаконченная серия статей «Quid pro quo», 9 статей Энгельса, а также его рецензия на работу Маркса «К критике политической экономии», составленные Марксом при участии Бискампа обзоры газеты немецких мелкобуржуазных демократов «Hermann», публиковавшиеся в разделе «По страницам печати». Кроме того, многие статьи и политические обзоры носят следы непосредственной редакционной работы Маркса. Всего вышло 16 номеров газеты. Выход газеты прекратился 20 августа 1859 г. из-за отсутствия денежных средств. — *412.*

[351] *О двух Ричмондах,* или еще об одном Ричмонде на поле брани, говорят в тех случаях, когда появляется второй неожиданный противник. Эти слова ведут свое происхождение из трагедии Шекспира «Ричард III» (акт V, сцена четвертая). — *413.*

[352] В апреле 1848 г. в Бадене произошло республиканское восстание, одним из руководителей которого был Ф. К. Геккер. Отряд Геккера,

как и другие повстанческие отряды, был разбит правительственными войсками. Восстание потерпело поражение. Некоторые участники баденского восстания вошли позднее в отряд, организованный Виллихом из немецких эмигрантов — рабочих и ремесленников — в Безансоне (Франция) в ноябре 1848 года. Бойцы отряда получали пособие от французского правительства, но в начале 1849 г. выплата пособия была прекращена. Впоследствии отряд вошел в состав добровольческого подразделения, принимавшего под командованием Виллиха участие в действиях баденско-пфальцской повстанческой армии в мае — июле 1849 года. — *414.*

[353] *Великой авантюрой с «потерянным барабаном»* Маркс иронически называет поддерживаемые Фогтом в печати стремления Наполеона III и бонапартистских кругов Франции к захвату левого берега Рейна. Маркс сравнивает эти планы бонапартистов с комическими эпизодами из пьесы Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается» (акт III, сцена пятая и шестая, акт IV, сцена первая и третья), в которых капитан Пароль отправляется на поиски потерянного барабана и в конце концов разоблачается своими бывшими товарищами как трус, хвастунишка и продажная личность. Под Паролем Маркс имеет в виду Фогта. — *414.*

[354] *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции, входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революций, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре — декабре 1848 года.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й, номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!». — *416.*

[355] Национально-освободительная война Шлезвига и Гольштейна за отделение от Дании была начата в марте 1848 г. под влиянием февральской ре-

волюции во Франции и мартовской революции в Германии и продолжалась с перерывами до конца июня 1850 года. Учитывая, что общественное мнение Германии было на стороне Шлезвига и Голыптейна, прусские правительственные круги в апреле 1848 г. начали показную войну против Дании, в ходе которой они на каждом шагу предавали революционную шлезвиг-гольштейнскую армию, потерпевшую в конечном счете поражение.

Штурм цейхгауза в Прюме 17 — 18 мая 1849 г. был предпринят демократами при поддержке рабочих Трира и близлежащих населенных пунктов. Целью участников штурма было захватить оружие и поднять восстание в защиту имперской конституции. Хотя цейхгауз и был на время занят повстанцами, движение вскоре было подавлено подоспевшими правительственными войсками. — *415.*

[356] *«Revue contemporaine»* («Современное обозрение») — французский двухнедельный журнал, выходивший в Париже в 1851 — 1870 годах. В период Второй республики — орган партии порядка, объединявшей легитимистов и орлеанистов; после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистский орган.

Статья Эдуара Симона «Процесс господина Фогта против «Аугсбургской газеты»» была напечатана в «Revue contemporaine» от 15 февраля 1860 года. Данную Марксом характеристику статьи см. на стр. 464 — 465, 482 — 483 и 576 — 578 настоящего тома. — *415.*

[357] Имеется в виду работа К. Маркса «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, том 13, стр. 1 — 167). — *416.*

[358] Упоминая здесь о «Башмаке» — тайном революционном крестьянском союзе, действовавшем в Германии накануне Крестьянской войны 1525 г., — Шили имеет в виду руководимый Марксом и Энгельсом Союз коммунистов. Шили подчеркивает отсутствие какой-либо связи между членами серной банды и Союзом коммунистов. — *417.*

[359] *Cercle social* (Социальный кружок) — организация, созданная представителями демократической интеллигенции и действовавшая в Париже в первые годы французской буржуазной революции конца XVIII века. Место Cercle social в истории социалистических идей определяется тем, что его идеолог К. Фоше выдвигал требования уравнительного передела земли, ограничения крупных состояний, а также требование предоставления работы всем трудоспособным гражданам. Данная К. Фоше критика формального равенства, провозглашенного в документах французской революции, подготовила значительно более смелые выступления по этому вопросу руководителя «бешеных» Жака Ру. Большинство буржуазных революционеров-якобинцев относилось отрицательно к идеям уравнительного социализма, высказывавшимся идеологами Cercle social и особенно «бешеными». — *420.*

[360] *Грютли-союз* — швейцарская мелкобуржуазная реформистская организация, основанная в 1838 г. в качестве просветительного союза ремесленников и рабочих. В 1901 г. Грютли-союз присоединился к швейцарской социал-демократической партии, а в 1925 г. окончательно слился с ней. Название «Грютли» подчеркивает национально-швейцарский характер организации. Согласно преданию, в 1307 г. представители трех швейцарских кантонов сошлись на лугу Грютли и заключили союз о совместной борьбе против австрийского владычества

и, в частности, против австрийских наместников — фогтов. Это обстоятельство использовано Марксом для иронического замечания в адрес Фогта. — *420.*

[361] *Баденге* — прозвище Наполеона III, данное ему в связи с тем, что в 1846 г. он бежал из тюрьмы в одежде каменщика по имени Баденге.

Марианна (Marianne) — название тайного республиканского антибонапартистского общества во Франции, возникшего в 1850 году. В период Второй империи ставило своей целью борьбу против Наполеона III. — *421.*

[362] *Союз коммунистов* — первая международная коммунистическая организация пролетариата. Созданию Союза коммунистов предшествовала большая работа Маркса и Энгельса, направленная на идейное и организационное сплочение социалистов и передовых рабочих различных стран. С этой целью в начале 1846 г. ими был организован в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет. Маркс и Энгельс отстаивали идеи научного коммунизма в упорной борьбе против грубо-уравнительного коммунизма Вейтлинга, «истинного социализма» и мелкобуржуазных утопий Прудона, которые оказывали влияние, в частности, на членов Союза справедливых — тайной организации рабочих и ремесленников, возникшей в середине 30-х годов и имевшей свои общины в Германии, Франции, Швейцарии и Англии. Лондонское руководство Союза справедливых, убедившись в правильности взглядов Маркса и Энгельса, предложило им в конце января 1847 г. вступить в Союз, принять участие в его реорганизации, а также разработать программу Союза, основанную на провозглашенных ими принципах. Маркс и Энгельс дали на это свое согласие.

В начале июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс Союза справедливых, вошедший в историю как первый конгресс Союза коммунистов. В работе конгресса приняли участие Энгельс и В. Вольф. На конгрессе организация была переименована в Союз коммунистов, прежний расплывчатый лозунг — «Все люди — братья!» — был заменен боевым интернационалистским лозунгом пролетарской партии — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Конгресс рассмотрел также «Устав Союза коммунистов», в разработке которого принял деятельное участие Энгельс. В новом уставе были четко определены конечные цел» коммунистического движения, устранены пункты, придававшие организации заговорщический характер; в основу организации Союза были положены демократические принципы. Окончательно устав был утвержден на втором конгрессе Союза коммунистов (см. настоящее издание, том 4, стр. 524 — 529). В работе второго конгресса, состоявшегося в Лондоне 29 ноября — 8 декабря 1847 г., приняли участие Маркс и Энгельс. В многодневных прениях они отстаивали принципы научного коммунизма, которые были приняты конгрессом единогласно. По поручению конгресса Марксом и Энгельсом был написан программный документ — «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, том 4, стр. 419 — 459), опубликованный в феврале 1848 года.

С началом революции во Франции Центральный комитет Союза в. Лондоне передал в конце февраля 1848 г. руководство Союзом Брюссельскому окружному комитету во главе с Марксом. После высылки Маркса из Брюсселя местопребыванием нового Центрального комитета в начале марта становится Париж, куда переезжает Маркс. В состав Центрального комитета избирается также Энгельс. Во второй половине марта — начале апреля 1848 г. Центральный комитет орга-

низует возвращение на родину нескольких сотен немецких рабочих, в большинстве членов Союза коммунистов, для участия в начавшейся германской революции. Политической платформой Союза коммунистов в этой революции явились сформулированные Марксом и Энгельсом в конце марта «Требования Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, том 5, стр. 1 — 3).

По приезде в Германию в начале апреля 1848 г. Маркс и Энгельс и их сторонники убедились в том, что ввиду отсталости Германии, разобщенности и недостаточной политической сознательности немецких рабочих две-три сотни членов Союза коммунистов, рассеянных по всей стране, не в состоянии оказать заметное воздействие на широкие народные массы. В связи с этим Маркс и Энгельс признали необходимым выступить на крайнем левом, фактически пролетарском, фланге демократического движения. Они вошли в кёльнское Демократическое общество и рекомендовали своим сторонникам вступать в демократические организации, чтобы отстаивать в них позиции революционного пролетариата, критиковать непоследовательность и колебания мелкобуржуазных демократов, толкать их на решительные действия. Вместе с тем Маркс и Энгельс направляли внимание своих сторонников на организацию рабочих обществ, на политическое воспитание пролетариата, на создание предпосылок для образования массовой пролетарской партии. Руководящим и направляющим центром для членов Союза коммунистов явилась теперь редактируемая Марксом «Neue Rheinische Zeitung» (см. примечание 354).

В апреле 1849 г. Маркс, Энгельс и их сторонники вышли из Демократического общества. Политический опыт, приобретенный рабочими массами, разочарование их в мелкобуржуазной демократии — все это позволяло теперь практически ставить вопрос о создании самостоятельной пролетарской партии. Но осуществить этот план Марксу и Энгельсу не удалось. Вскоре началось восстание в Юго-Западной Германии, поражение которого явилось концом германской революции.

В ходе революции обнаружилось, что воззрения Союза коммунистов, изложенные в «Манифесте Коммунистической партии», оказались единственно правильными и что Союз был прекрасной школой революционной деятельности.: его члены повсюду энергично участвовали в движении, отстаивая в печати, на баррикадах и на полях сражений позиции наиболее революционного класса — пролетариата.

Поражение революции нанесло тяжелый удар Союзу коммунистов. Многие члены Союза находились в тюремном заключении или в эмиграции, были утрачены адреса, нарушены связи, общины повсеместно перестали функционировать. Значительный урон потерпела также организация Союза за пределами Германии.

Осенью 1849 г. большинство руководящих деятелей Союза собралось в Лондоне. Усилия руководимого Марксом и Энгельсом нового, реорганизованного Центрального комитета привели к восстановлению прежней организации и к оживлению деятельности Союза коммунистов весной 1850 года. В написанном Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» (см. настоящее издание, том 7, стр. 257 — 267) подводились итоги революции 1848 — 1849 гг. и выдвигалась задача создания самостоятельной, независимой от мелкой буржуазии партии пролетариата. В «Обращении» впервые была сформулирована идея непрерывной революции. С марта 1850 г. издается новый орган коммунистической пропаганды «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue».

Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились принципиальные разногласия по вопросу о тактике. Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступило против предлагаемой фракцией Виллиха - — Шаппера сектантской, авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета объективных закономерностей и реальной политической обстановки в Европе. В противовес этому Маркс и Энгельс всемерно подчеркивали в качестве важнейшей задачи Союза коммунистов в обстановке наступления реакции пропаганду научного коммунизма и подготовку кадров пролетарских революционеров для будущих революционных боев. Раскольническая деятельность фракции Виллиха — Шаппера привела к разрыву с этой фракцией в середине сентября 1850 года. На заседании 15 сентября 1850 г. (см. настоящее издание, том 8, стр. 581 — 585) по предложению Маркса полномочия Центрального комитета были переданы Кёльнскому окружному комитету. Общины Союза коммунистов в Германии повсеместно одобрили решение большинства лондонского Центрального комитета. По указанию Маркса и Энгельса новый Центральный комитет в Кёльне составил в декабре 1850 г. новый устав Союза (текст его с пометками Маркса см. в 7 томе настоящего издания, стр. 565 — 568). Полицейские преследования и аресты членов Союза привели в мае 1851 г. к фактическому прекращению деятельности Союза коммунистов в Германии. 17 ноября 1852 г., вскоре после кёльнского процесса коммунистов, Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске.

Союз коммунистов сыграл большую историческую роль как школа пролетарских революционеров, как зародыш пролетарской партии, предшественник Международного Товарищества Рабочих (Первого Интернационала). — *422.*

[363] См. работу К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, том 8, стр. 478 — 481. Работа была в январе 1853 г. напечатана отдельной брошюрой в Швейцарии, в Базеле (Фогт пользовался этим изданием). В США она первоначально печаталась по частям в демократической бостонской «Neu-England-Zeitung» («Газета Новой Англии»), а в конце апреля 1853 г. была опубликована в издательстве этой газеты отдельной брошюрой. В памфлете «Господин Фогт» Маркс цитирует «Разоблачения» по брошюре, изданной в Бостоне. — *422.*

[364] *Пале-Рояль* — дворец в Париже. В период Второй империи был резиденцией младшего брата Наполеона I Жерома Бонапарта и его сына принца Жозефа Наполеона (по прозвищу Плон-Плон). — *422.*

[365] См. настоящее издание, том 8, стр. 481.

«Немецко-американский революционный заем» — заем, который Кинкель и другие лидеры мелкобуржуазной эмиграции пытались в 1851 — 1852 гг. распространить среди немецких эмигрантов и американцев немецкого происхождения с целью мобилизации денежных средств для того, чтобы немедленно вызвать революцию в Германии. Для распространения займа Кинкель в сентябре 1851 г. приехал в США. Попытка распространения «революционного займа» потерпела провал. Маркс и Энгельс в ряде своих произведений резко высмеяли авантюризм этой затеи Кинкеля, рассматривая ее как одну из вредных

и бесплодных попыток искусственно вызвать революцию в обстановке спада революционного движения. — *423.*

[366] В *соборе св. Павла* во Франкфурте-на-Майне с 18 мая 1848 по 30 мая 1849 г. происходили заседания франкфуртского Национального собрания. — *424.*

[367] *Великий Кофта* — выдуманное известным в XVIII в. шарлатаном графом Калиостро (Джузеппе Бальзамо) имя египетского жреца, якобы всемогущего и всеведущего главы некой масонской «египетской ложи», за создателя и деятеля которой Калиостро себя выдавал. — *425.*

[368] *«L'Independant»* («Независимый») — швейцарский буржуазно-демократический еженедельник, под данным названием издавался в Женеве в 1851 — 1852 годах. — *426.*

[369] *Союзный совет* — название правительства Швейцарии. — *427.*

[370] В сентябре 1851 г. во Франции были произведены аресты среди членов местных общин, принадлежавших к фракции Виллиха — Шаппера, отколовшейся от Союза коммунистов в сентябре 1850 года. Принятая этой фракцией мелкобуржуазная заговорщическая тактика, игнорирующая реальную обстановку и рассчитанная на немедленную организацию восстаний, позволила французской и прусской полиции, с помощью провокатора Шерваля, возглавлявшего одну из парижских общин, сфабриковать дело о так называемом немецко-французском заговоре. В феврале 1852 г. арестованные были осуждены по обвинению в подготовке государственного переворота. Провокатору Шервалю был устроен побег из тюрьмы. Попытки прусской полиции приписать участие в немецко-французском заговоре Союзу коммунистов, руководимому Марксом и Энгельсом, полностью провалились. Член Союза коммунистов Конрад Шрамм, арестованный в сентябре 1851 г. в Париже, был вскоре освобожден за отсутствием улик. Лжесвидетельства Штибера на кёльнском процессе, имевшие целью доказать причастность обвиняемых к немецко-французскому заговору, были опровергнуты Марксом в работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» в главе «Заговор Шерваля» (см. настоящее издание, том 8, стр. 436 — 449). — *428.*

[371] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848 — 1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии, — *428.*

[372] *Кёльнский процесс коммунистов* (4 октября — 12 ноября 1852 г.) — провокационный процесс, организованный прусским правительством. Суду было предано 11 членов международной коммунистической организации Союза коммунистов (1847 — 1852) по обвинению в «носящем характер государственной измены заговоре». В качестве обвинительного материала фигурировали сфабрикованная прусскими полицейскими агентами «подлинная книга протоколов» заседаний Центрального комитета и другие фальшивки, а также документы, выкраденные полицией у авантюристской фракции Виллиха — Шаппера,

исключенной из Союза коммунистов. Семеро подсудимых, на основании подложных документов и лжесвидетельств, были приговорены к заключению в крепости сроком от трех до шести лет. Провокационные действия организаторов процесса и подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством против международного рабочего движения, были полностью разоблачены Марксом и Энгельсом (см. статью Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» и памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, т. 8, стр. 416 — 422, 423 — 491). — *428.*

[373] См. настоящее издание, том 8, стр. 450. — *428.*

[374] Лондонское *Просветительное общество немецких рабочих* было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849 — 1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристским меньшинством (фракцией Виллиха — Шаппера) Общество стало на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности Просветительного общества. Общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX в. Общество посещалось многими русскими политическими эмигрантами — *429.*

[375] *«Republik der Arbeiter»* («Республика рабочих») — рабочая газета, издававшаяся В. Вейтлингом в Нью-Йорке в 1850 — 1855 годах; выражала взгляды представителей сектантского уравнительного коммунизма. — *430.*

[376] К. Фогт был одним из пяти членов *имперского регентства,* которое было создано в Штутгарте «охвостьем» франкфуртского Национального собрания взамен так называемой центральной власти, существовавшей в Германии с июня 1848 г. во главе с имперским правителем эрцгерцогом Иоганном и открыто придерживавшейся контрреволюционного курса. Свое местопребывание в Штутгарт франкфуртское Национальное собрание перенесло в начале июня 1849 г. в связи с угрозой его разгона, после того как консервативные депутаты и значительное число либеральных депутатов покинуло Собрание. Попытки регентства обеспечить с помощью парламентских средств проведение в жизнь выработанной Франкфуртским собранием и отвергнутой немецкими монархами имперской конституции потерпели полный провал. 18 июня «охвостье» парламента было разогнано войсками Вюртемберга. — *431.*

[377] См. настоящее издание, том 8, стр. 436 — 449. — *432.*

[378] *Гамбахское празднество* — политическая манифестация 27 мая 1832 г. у замка Гамбах в баварском Пфальце, организованная представителями либеральной и радикальной буржуазии. Участники празднества выступали с призывами к единству всех немцев против немецких государей во имя борьбы за буржуазные свободы и конституционные преобразования. — *432.*

[379] См. настоящее издание, том 9, стр. 497 — 527. — *437.*

[380] *«New-Yorker Criminal-Zeitung»* — сокращенное название еженедельной газеты «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристический листок и Нью-йоркская газета по вопросам криминалистики»), основанной в Нью-Йорке в 1852 г. представителями немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Под данным названием выходила с 18 марта 1853 по 10 марта 1854 года.

Маркс имеет в виду клеветническую статью А. Виллиха «Доктор Карл Маркс и его «Разоблачения»», которая была помещена в этой газете в номерах от 28 октября и 4 ноября 1853 года. — - *437.*

[381] *«Vossische Zeitung»* («Фоссова газета») — так называли по имени ее владельца ежедневную газету «Koniglich privilegirte Berlinische Zeitung von Staats-und gelehrten Sachen» («Берлинская королевско-привилегированная газета по вопросам политики и науки»), выходившую под этим названием с 1785 г. в Берлине. — *438.*

[382] *Процесс Ладендорфа* — судебный процесс, который состоялся в Берлине в 1854 г. над мелкобуржуазными демократами Ладендорфом, Герке, Фалькенталем, Леви и др., арестованными в 1853 г. по доносу перешедшего на службу полиции бывшего члена Союза коммунистов Хенце. На основании ложного обвинения в заговорщической деятельности они были присуждены к различным срокам тюремного заключения (от 3-х до 5 лет).

Союз мертвых — тайная заговорщическая организация, существовавшая в Бремене в 40-х — начале 50-х годов XIX века. В 1852 г. была раскрыта полицией. — *438.*

[383] См. настоящее издание, том 8, стр. 488. — *439.*

[384] См. настоящее издание, том 8, стр. 486. — *439.*

[385] Здесь Маркс перефразирует два выражения; 1) *«спокойствие — первый долг гражданина»* (слова из обращения прусского министра Шуленбурга-Кенерта к населению Берлина от 17 октября 1806 г. после поражения под Йеной) и 2) *«под этим знаком ты победишь»* (с такой надписью, согласно римскому историку Евсевию Кесарийскому, император Константин I в 312 г. н. э. накануне победы над Максенцием якобы увидел на небе крест). — *440.*

[386] «Das Centralfest der Deutschen Arbeiterbildungsvereine in der Westschweiz (Lausanne, 1859)». Genf, 1859, Markus Vaney, rue de la Croix d'Or. — *441.*

[387] Намек на заглавие вышедшей в 1851 г. книги К. Фогта «Исследования о государствах животных», написанной с позиций вульгарного материализма. — *441.*

[388] Jacob Venedey. «Pro domo und Pro patria gegen Karl Vogt», Hannover, 1860.

Кобес I — прозвище Венедея, закрепившееся за ним благодаря стихотворению Г. Гейне «Кобес I». В этом сатирическом стихотворении Гейне высмеивает Якоба Венедея как образец филистерства. *Кобес*

на местном кёльнском наречии означает *Якоб* (Якоб Венедей происходил из Кёльна). — *442.*

[389] *«Frankfurter Journal»* («Франкфуртская газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась во Франкфурте-на-Майне с XVII в. по 1903 год. — *443.*

[390] Иронический намек на название вышедшей в 1855 г. книги немецкого физиолога Бюхнера «Сила и материя», являвшегося, как и Фогт, представителем вульгарного материализма. — *443.*

[391] «Die Schiller-Feier in Genf. Nebst einem Nachtrag enthaltend die diesjahrige Todtenfeier fur Robert Blum». Genf, 1859 («Шиллеровские торжества в Женеве. Вместе с приложением о чествовании памяти Роберта Блюма в этом году». Женева, 1859). — *444.*

[392] C. Vogt. «Studien zur gegenwartigen Lage Europas». Genf und Bern, 1859 (К. Фогт. «Исследования о современном положении Европы». Женева и Берн, 1859). — *444.*

[393] *«Kreuz-Zeitung»* («Крестовая газета») — так называли (благодаря изображению креста в заголовке) крайне реакционную немецкую ежедневную газету «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»); начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. — *445.*

[394] Имеется в виду книга: «Die Kommunisten in der Schweiz nach den bei Weitling vorgefundenen Papieren. Wortlicher Abdruck des Kommissionalberichtes an die H. Regierung des Standes Zurich». Zurich, 1843 («Коммунисты в Швейцарии, по документам, обнаруженным у Вейтлинга. Полный текст доклада комиссии правительству кантона Цюрих». Цюрих, 1843); автором доклада был И. К. Блюнчли. — *450.*

[395] *Брюссельское Просветительное общество немецких рабочих* (или Немецкое рабочее общество) было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников Общество сделалось легальным центром объединения немецких революционных пролетариев в Бельгии и поддерживало прямую связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Лучшие элементы Общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. После февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции деятельность Общества была нарушена арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *451.*

[396] *Зондербундом* (Особым Союзом), по аналогии с сепаратным объединением реакционных католических кантонов в Швейцарии в 40-х годах XIX в., Маркс и Энгельс иронически называли сектантско-авантюристскую фракцию Виллиха — Шаппера, обособившуюся после раскола Союза коммунистов 15 сентября 1850 г. в самостоятельную организацию со своим собственным Центральным комитетом. — *452.*

[397] *Германский союз* — объединение германских государств, созданное 8 июня 1815 г. Венским конгрессом. Сохранение трех дюжин герман-

ских государств с их абсолютистско-феодальным строем закрепляло политическую и экономическую раздробленность Германии и препятствовало ее прогрессивному развитию.

После разгрома революции 1848 — 1849 гг. между Пруссией и Австрией разгорелась борьба за гегемонию в Германии. Австрия стремилась к восстановлению Германского союза, фактически распавшегося в период революции; Пруссия надеялась закрепить свое главенство путем образования союза германских государств под своей эгидой. Осенью 1850 г. борьба между Австрией и Пруссией обострилась в результате конфликта, возникшего между ними из-за Кургессена. Революционные выступления в Кургессене дали повод Австрии и Пруссии для вмешательства в его внутренние дела, причем каждая из сторон претендовала на роль усмирителя движения. В ответ на вступление австрийских войск в Кургессен прусское правительство объявило мобилизацию и послало в свою очередь туда свои войска. Однако под давлением царя Николая I Пруссия уступила Австрии, не оказав серьезного сопротивления. — *452.*

[398] *Союзный сейм* — центральный орган Германского союза, заседавший во Франкфурте-на-Майне и состоявший из представителей германских государств. Союзный сейм являлся орудием реакционной политики германских правительств. — *453.*

[399] Цитируемый Марксом «Третий международный обзор» опубликован в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» в № 5 — 6 за 1850 г. (см. настоящее издание, том 7, стр. 486).

«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал, основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими до ноября 1850 года. Журнал являлся теоретическим и политическим органом Союза коммунистов, продолжением издававшейся Марксом и Энгельсом во время революции 1848 — 1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung». Всего с марта по ноябрь 1850 г. вышло в свет шесть номеров журнала, в том числе один сдвоенный номер (5 — 6). Редактировался журнал в Лондоне, печатался в Гамбурге. Подавляющая часть материалов (статьи, обзоры, рецензии) писались Марксом и Энгельсом, которые также привлекали к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. Из произведений основоположников марксизма в журнале были опубликованы «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса, а также ряд других работ. В работах, опубликованных в журнале, подводился итог революции 1848 — 1849 гг., содержалась дальнейшая разработка теории и тактики революционной пролетарской партии. Журнал прекратил свое существование вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств. — *453.*

[400] Упомянутое заседание Центрального комитета Союза коммунистов состоялось в последних числах августа 1850 года. — *455.*

[401] См. настоящее издание, том 9, стр. 511. — *455.*

[402] См. настоящее издание, том 9, стр. 514 — 515. — *456.*

[403] В памфлете Маркса «Рыцарь благородного сознания», в котором это письмо опубликовано полностью, оно датировано 22 ноября (см. настоящее издание, том 9, стр. 523 — 524). Подлинник письма отсутствует. — *457.*

[404] Намек на древнегреческую комическую поэму неизвестного автора «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия»), представляющую собой пародию на эпос Гомера.

Подробная характеристика Агитационного союза и Эмигрантского клуба (здесь Маркс называет его Эмигрантским союзом), а также взаимоотношений между этими двумя эмигрантскими мелкобуржуазными организациями дана Марксом и Энгельсом в их памфлете «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, том 8, стр. 334 — 352). — *459.*

[405] См. настоящее издание, том 4, стр. 455 — 457. Маркс здесь и дальше цитирует первое, немецкое издание «Манифеста Коммунистической партии», вышедшее в Лондоне в феврале 1848 года. — *460.*

[406] См. настоящее издание, том 4, стр. 65 — 185. — *461.*

[407] См. настоящее издание, том 4, стр. 437. — *461.*

[408] См. настоящее издание, том 4, стр. 435 — 436. — *461.*

[409] Маркс цитирует свою работу «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. настоящее издание, том 7, стр. 16 — 17). — *461.*

[410] См. настоящее издание, том 7, стр. 99 — 100. — *461.*

[411] См. настоящее издание, том 2, стр. 231 — 517. — *461.*

[412] См. настоящее издание, том 4, стр. 459. — *462.*

[413] Маркс цитирует свою речь на процессе против Рейнского окружного комитета демократов (см. настоящее издание, том 6, стр. 268 — 269).

Процесс против Рейнского окружного комитета демократов состоялся 8 февраля 1849 года. Перед судом присяжных в Кёльне предстали К. Маркс, К. Шаппер и адвокат Шнейдер II; им было предъявлено обвинение в подстрекательстве к мятежу в связи с воззванием этого комитета от 18 ноября 1848 г. об отказе от уплаты налогов в качестве средства мобилизации масс на борьбу с наступавшей в Пруссии контрреволюцией (см. настоящее издание, том 6, стр. 33). Суд присяжных оправдал обвиняемых. Протоколы этого процесса напечатаны в «Neue Rheinische Zeitung», №№ 226, 231, 232 и 233 от 19, 25, 27 и 28 февраля 1849 г., а также опубликованы в отдельной брошюре: «Zwei politische Prozesse. Verhandelt vor den Februar-Assisen in Koln». Koln, 1849. Verlag der Expedition der «Neuen Rheinischen Zeitung» («Два политических процесса. Слушались в феврале в суде присяжных в Кёльне». Кёльн, 1849. Издательство экспедиции «Neue Rheinische Zeitung»). — *462.*

[414] Цитата из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Первый международный обзор» (см. настоящее издание, том 7, стр. 232 — 233). — *463.*

[415] Цитата из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Третий международный обзор» (см. настоящее издание, том 7, стр. 463). — *463.*

[416] См. настоящее издание, том 7, стр. 467. — *463.*

[417] *Comite de salut public* (Комитет общественного спасения) — см. примечание 148. — *464.*

[418] *«Neue Deutsche Zeitung»* («Новая немецкая газета») — ежедневная демократическая газета, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1 июля 1848 по 14 декабря 1850 года. Одним из редакторов газеты был видный деятель немецкого рабочего движения, член Союза коммунистов Иосиф Вейдемейер. — *466.*

[419] Цитата из статьи К. Маркса и Ф. Энгельса «Готфрид Кинкель» (см. настоящее издание, том 7, стр. 315 — 316).

Статья Маркса и Энгельса была вызвана недостойным поведением мелкобуржуазного демократа Г. Кинкеля на суде в Раштатте, перед которым он предстал за участие в кампании за имперскую конституцию. В речи, которую Кинкель произнес 4 августа 1849 г. в свою защиту, он пытался отречься от своей причастности к революционному движению и прославлял династию Гогенцоллернов. — *467.*

[420] См. настоящее издание, том 7, стр. 198 — 205. — *467.*

[421] Маркс иронически сравнивает орган Кинкеля «Der Deutsche Correspondent» («Немецкий корреспондент») с французской правительственной газетой «Moniteur».

«Moniteur» — сокращенное название французской ежедневной газеты «Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник»); выходила в Париже с 1789 по 1901 год; с 1799 до 1869 г. — официальный правительственный орган. — *467.*

[422] Высмеивая Фогта, Маркс называет его брошюру «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» «Лаузиадой» («Lausiade»), т. е. «Вшивиадой» (от немецкого слова «Lause» — «вошь»), по аналогии с сатирической поэмой английского поэта конца XVIII в. Питера Пиндара «The Lousiad» — «Вшивиада» (от английского слова «louse» — «вошь»).

«Лузиады» — эпическая поэма Луиса Камоэнса, великого португальского поэта эпохи Возрождения. — *470.*

[423] Маркс, высмеивая призрачность власти Фогта в качестве имперского регента (см. примечание 376), сравнивает его положение с мнимым губернаторством Санчо Пансы на острове Баратария из романа Сервантеса «Дон-Кихот». — *471.*

[424] См. работу Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (настоящее издание, том 7, стр. 166 — 168). — *472.*

[425] 26 августа 1848 г. между Данией и Пруссией, формально принимавшей участие в шлезвиг-гольштейнской войне (см. примечание 355), было заключено перемирие в Мальмё, которое сводило на нет революционно-демократические завоевания в Шлезвиг-Гольштейне и фактически сохраняло там датское господство. 16 сентября 1848 г. франкфуртское Национальное собрание, несмотря на противодействие демократических сил Германии, которые настаивали на продолжении революционной войны против Дании, являвшейся частью борьбы немецкого

народа за объединение Германии, большинством в 21 голос ратифицировало перемирие. Это решение вызвало огромное возмущение в демократических кругах Германии. 17 сентября 1848 г. в северо-восточном предместье Франкфурта-на-Майне на лугу Пфингствайде состоялось многолюдное народное собрание, которое приняло резолюции, требовавшие объявления голосовавших за ратификацию перемирия в Мальмё депутатов предателями отечества и выхода левых из Национального собрания. В то время как ряд представителей крайней левой согласились с требованиями народного собрания на Пфингствайде, Карл Фогт выступил против их принятия. Народное движение, вызванное ратификацией перемирия, переросло 18 сентября во Франкфурте-на-Майне в восстание, которое было жестоко подавлено правительственными войсками. — *474.*

[426] Имеется в виду принятый франкфуртским Национальным собранием 9 октября 1848 г. «закон об охране учредительного Национального собрания и чиновников центральной власти», согласно которому оскорбление депутатов Национального собрания или представителей центральной власти (имперский правитель, его министры и чиновники) каралось тюремным заключением. Этот закон являлся одной из репрессивных мер, принятых после сентябрьского восстания во Франкфурте большинством Национального собрания и имперским правительством против народных масс. — *474.*

[427] *Центральный мартовский союз* во Франкфурте и его филиалы в различных городах Германии были организованы в конце ноября 1848 г. депутатами левого крыла франкфуртского Национального собрания. Союзы провозглашали своей целью защиту завоеваний мартовской революции 1848 г. в Германии. Они возглавлялись такими мелкобуржуазными демократами, как Фрёбель, Симон, Руге, Фогт и другие. Маркс и Энгельс, уже начиная с декабря 1848 г., бичевали в «Neue Rheinische Zeitung» половинчатую, нерешительную политику руководивших союзами лидеров мелкобуржуазной демократии, показывая, что эта политика была на руку врагам революции. — *474.*

[428] Цитируется статья К. Маркса «Мартовский союз» (см. настоящее издание, том 6, стр. 354 — 356). — *475.*

[429] См. статью К. Маркса «Франкфуртский Мартовский союз и «Neue Rheinische Zeitung»» (настоящее издание, том 6, стр. 383), — *475.*

[430] См. работы Энгельса «Эльберфельд» (настоящее издание, том 6, стр. 543 — 545) и «Германская кампания за имперскую конституцию» (настоящее издание, том 7, стр. 123 — 134). — *476.*

[431] Имеется в виду государственный переворот в Пруссии в ноябре — начале декабря 1848 г., который завершился победой контрреволюционных сил. В результате государственного переворота в Пруссии было создано крайне реакционное министерство Бранденбурга — Мантёйфеля и разогнано Национальное собрание.

«Neue Preusische Zeitung» — см. примечание 393. — 476.

[432] См. статью «Kreuz-Zeitung» (настоящее издание, том 6, стр. 533). — *476.*

[433] См. примечание 390. — *476.*

[434] *Воззвание к немецкому народу,* составленное поэтом Уландом от имени умеренных демократов, было продиктовано их стремлением сблизите свою политическую линию с линией либеральной буржуазии. Это воззвание, в котором не предлагалось никакой конкретной программы действий, ограничивалось беспомощным призывом к немецкому народу об оказании содействия введению имперской конституции.

Второе воззвание, предложенное Комиссией тридцати, содержало в себе не менее бесплодный призыв к солдатам тех немецких государств, которые не признавали Национального собрания и его решений, присягнуть имперской конституции.

Комиссия тридцати была создана франкфуртским Национальным собранием 12 апреля 1849 г. для выработки мер по проведению в жизнь имперской конституции в связи с неясной позицией прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в отношении предложенной ему Собранием императорской короны. Фридрих-Вильгельм IV, поставив сначала свое согласие в зависимость от позиции других немецких государей, 28 апреля 1849 г. заявил об отклонении им имперской конституции и об отказе от императорской короны. — *477.*

[435] Здесь, как и в других местах, где говорится о франкфуртском Национальном собрании, Маркс пользовался стенографическими отчетами, которые вышли затем отдельным изданием: «Stenographischer Bericht uber die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Mein». Frankfurt am Mein, 1848 — 1849 («Стенографический отчет о заседаниях германского учредительного Национального собрания во Франкфурте-на-Майне». Франкфурт-на-Майне, 1848 — 1849). — *477.*

[436] В начале мая 1849 г. в Нюрнберге, расположенном в Баварии на территории Средней Франконии, развернулось массовое народное движение в знак протеста против отклонения баварским правительством имперской конституции. Кульминационным пунктом движения, было грандиозное народное собрание в Нюрнберге 13 мая 1849 г., на котором присутствовало 50 000 человек. Находившийся на собрании Карл Фогт, прикрываясь псевдореволюционными фразами, убеждал народ отказаться от решительных действий. Предательское поведение Фогта и колеблющаяся позиция демократов, возглавлявших движение, привели к его поражению.

Нытиками (Heuler) в 1848 — 1849 гг. в Германии демократы-республиканцы называли буржуазных конституционалистов, которые, в свою очередь, называли последних *смутьянами* (Wuhler). — *480.*

[437] Так Маркс называет иронически Луи Бонапарта, который воспитывался в Швейцарии в кантоне Тургау; в связи с этим ему было предложено принять звание почетного гражданина этого кантона. — *481.*

[438] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische

Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *481.*

[439] *«Morgenblatt»* — сокращенное название ежедневной литературной газеты «Morgenblatt fur gebildete Leser» («Утренний листок для образованных читателей»), которая издавалась в Штутгарте и Тюбингене с 1807 по 1865 год. В 1840 — 1841 гг. в ней было помещено несколько корреспонденций Ф. Энгельса по вопросам литературы и искусства. — *483.*

[440] Имеются в виду публицистические статьи Г. Гейне, посылавшиеся им из Парижа в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» в 30 — 40-х годах XIX в., а также очерки немецкого востоковеда Я. Фаллмерайера, публиковавшиеся в этой же газете в начале 40-х годов. Большинство своих статей, напечатанных в «Allgemeine Zeitung», Гейне выпустил в виде отдельных книг под названием «Французские дела» (1832) и «Лютеция» (1854). Очерки Фаллмерайера отдельной книгой в 2-х томах были изданы в 1845 г. под названием «Фрагменты с Востока». — *484.*

[441] Критику Марксом проавстрийской позиции «Allgemeine Zeitung» см. в настоящем издании, том 13, стр. 293 — 296.

«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40 — 50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев допускала вольное обращение со статьями Маркса и Энгельса, печатая многие статьи без подписи автора в виде редакционных передовых, в некоторых случаях редакция допускала вторжение в текст статей. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. ,в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, Маркс был вынужден сократить число своих корреспонденции в «New-York Daily Tribune». Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компро-

мисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *484.*

[442] См. настоящее издание, том 13, стр. 596.

Брошюру Энгельса «По и Рейн» — см. настоящее издание, том 13, стр. 233 — 281; критику теории «великой среднеевропейской державы» в этой брошюре см. на стр. 236 — 237. — *484.*

[443] См. настоящее издание, том 13, стр. 179 — 183.

«Bas Empire» («империя времен упадка») — употреблявшееся иногда в исторической литературе наименование Византийской империи, а также поздней Римской империи; стало нарицательным для обозначения государства, находившегося в стадии упадка и разложения. — *485.*

[444] В начале апреля 1859 г. Фогт направил Фрейлиграту, а также ряду других лиц свою политическую «Программу», в которой он в духе бонапартистской пропаганды выступал за нейтралитет государств Германского союза в предстоящей войне между Францией и Австрией. — *485.*

[445] *«Парламентские дебаты Хансарда»* («Hansard's Parlamentary Debates») представляли собой отчеты о заседаниях обеих палат английского парламента; название получили по имени издателя Томаса Керзона Хан-сарда, регулярно публиковавшего их начиная с 1803 года.

Синие книги (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны, — *486.*

[446] См. серию статей К. Маркса «Лорд Пальмерстон» (настоящее издание, том 9, стр. 357 — 425).

«The People's Paper» («Народная газета») — еженедельная чартистская газета, основанная в мае 1852 г. в Лондоне одним из вождей революционного чартизма, другом Маркса и Энгельса Э. Джонсом. С октября 1852 по декабрь 1856 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс, оказывая также помощь и в ее редактировании. Помимо статей, написанных Марксом и Энгельсом специально для «People's Paper», в газете перепечатывались важнейшие их статьи из «New-York Daily Tribune». В этот период «People's Paper» последовательно защищала интересы рабочего класса и пропагандировала идеи социализма. Сближение Джонса с буржуазными радикалами привело к прекращению сотрудничества Маркса и Энгельса в «People's Paper» и к их временному разрыву с Джонсом. В июне 1858 г. газета перешла в руки буржуазных дельцов. — *486.*

[447] Имеется в виду третья статья Маркса из серии его статей «Лорд Пальмерстон» (см. настоящее издание, том 9, стр. 374 — 385); была перепечатана 26 ноября 1853 г. газетой «Glasgow Sentinel» («Глазговский страж») под названием «Пальмерстон и Россия»; в оглавлении к одному из последующих изданий была названа «Пальмерстон и Польша» (см. том 9, примечание 295). — *486.*

[448] Работа К. Маркса «Падение Карса» была опубликована в газете «The People's Paper» в номерах от 5, 12, 19 и 26 апреля 1856 года (см. настоящее издание, том 11, стр. 633 — 667).

Комитеты по иностранным делам (Foreign Affairs Committees) — общественные организации, создававшиеся Уркартом и его сторонниками в 40 — 50-х годах XIX в. в ряде городов Англии главным образом для борьбы с политикой Пальмерстона. — *486.*

[449] Имеется в виду написанное К. Марксом неоконченное введение к задуманному им труду по истории дипломатии Англии и России XVIII в.; впервые публиковалось в газетах «Sheffield Free Press» и лондонской «Free Press» в июне 1856 — апреле 1857 г. под заглавием «Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century». В 1899 г. издано в Лондоне в виде отдельной книги дочерью Маркса Элеонорой Эвелинг под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century» («Тайная дипломатическая история XVIII века»).

«The Free Press» («Свободная пресса»; выходила в Лондоне в 1855 — 1865 гг.) и *«The Sheffield Free Press»* («Шеффилдская свободная пресса»; выходила в Шеффилде в 1851 — 1857 гг.) — английские буржуазные газеты, издававшиеся Уркартом и его сторонниками. — *486.*

[450] *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год.

Манчестерская школа — направление в экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40 — 50-х годах фритредеры являлись особой политической группировкой, впоследствии составившей левое крыло либеральной партии. — *487.*

[451] *«Die Neue Zeit»* («Новое время») — рабочая газета, орган немецких эмигрантов; выходила в Лондоне с июня 1858 по апрель 1859 года.

«Hermann» — сокращенное название еженедельной газеты «Hermann. Deutsches Wochenblatt aus London» («Герман. Немецкий еженедельник из Лондона»), органа немецких мелкобуржуазных демократов. Газета выходила на немецком языке в Лондоне с 1859 года; с января по июль 1859 г. ее редактором был Готфрид Кинкель. — *487.*

[452] *«Die Hornisse»* («Шершень») — немецкая газета, издававшаяся в 1848 — 1850 гг. в Касселе мелкобуржуазными демократами Хейзе и Кельнером; в 1848 — 1849 гг. в газете сотрудничал Бискамп. — *487.*

[453] *Мормоны* — члены религиозной секты, основанной в 1830 г. в Соединенных Штатах Америки. Основатель секты Джозеф Смит (1805 — 1844) написал якобы внушенную ему божественным откровением «Книгу Мормона». В этой книге, изобилующей фантастическими измышлениями, рассказывалось от имени пророка Мормона о переселении израильских племен в Америку, которое будто бы имело место в древности. — *488.*

[454] Маркс допускает неточность. Слова эти взяты не у Мюльнера, а у Грильпарцера. См. Ф. Грильпарцер. «Праматерь», действие третье. — *489.*

[455] В № 158 «Allgemeine Zeitung» от 7 июня 1859 г. было опубликовано письмо Якоба Венедея, разоблачавшее, в частности, связь Фогта с принцем Жозефом Наполеоном. — *490.*

[456] См. примечание 388. — *490.*

[457] Маркс иронически называет Фогта «Mindrer des Reichs» — поборником уменьшения земель империи — в противоположность употреблявшемуся в средние века титулу германских императоров — «Mehrer des Reichs» — приумножатель земель империи. Ср. также стр. 534 настоящего тома.

Малогерманская печать — печать, отражавшая позицию сторонников создания Малой Германии, то есть объединения Германии под главенством Пруссии без Австрии. — *491.*

[458] См. «Allgemeine Zeitung» № 300 от 27 октября 1859 года. — *496.*

[459] *«Stimmen der Zeit»* («Голоса времени») — немецкий ежемесячный мелкобуржуазный журнал, издававшийся А. Колачеком в 1858 — 1862 гг. сначала в Готе, затем в Веймаре, Лейпциге и Гейдельберге (одновременно), а также в Вене и Лейпциге (одновременно).

«Monatsschrift» — сокращенное название немецкого мелкобуржуазного журнала «Deutsche Monatsschrift fur Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» («Немецкий ежемесячник по вопросам политики, науки, искусства и жизни»), издававшегося А. Колачеком в 1850 г. в Штутгарте и в 1851 г. в Бремене. — *496.*

[460] *«Daily Telegraph»* («Ежедневный телеграф») — английская ежедневная либеральная, а с 80-х годов XIX в. консервативная газета; под этим названием издавалась в Лондоне с 1855 по 1937 год; с 1937 г. после слияния с газетой «Morning Post» («Утренняя почта») выходит под названием «Daily Telegraph and Morning Post». — *497.*

[461] Имеется в виду Германский союз — см. примечание 397. — *502.*

[462] «Correspondence respecting the Affairs of Italy. January to May 1859. Presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 1859». London («Переписка, касающаяся итальянских дел. С января по май 1859 года. Представлено обеим палатам парламента по указанию ее величества в 1859 году». Лондон). — *603.*

[463] *Порт-Сен-Мартен* — театр в Париже, близ которого в дни государственного переворота в декабре 1851 г. произошло побоище республиканцев, учиненное бонапартистской военщиной. — *504.*

[464] *Война за Австрийское наследство* — см. примечание 43.

Семилетняя война — см. примечание 46. — *504.*

[465] *Базельский договор* — см. примечание 193. — *504.*

[466] Маркс имеет в виду секретный договор между Францией, Австрией и Англией о союзе против России и Пруссии, заключенный во время Венского конгресса 3 января 1815 г. с целью не допустить полного захвата Пруссией владений саксонского короля и помешать присоединению к России всех земель бывшего герцогства Варшавского. Заключение этого секретного договора отражало резкое обострение противоречий между бывшими участниками антинаполеоновской коалиции, едва не приведших к открытому столкновению между ними. — *504.*

[467] Имеется в виду соглашение между Австрией и Англией, заключенное Меттернихом и Каслри в октябре 1821 г. во время посещения английским

королем Георгом IV Ганновера. Соглашение было направлено против политики России в греческом вопросе. — *504.*

[468] *Виллафранкский мир* — см. примечание 325. — *505.*

[469] Имеется в виду Сатмарский мир — соглашение между Габсбургами и венгерским дворянством, заключенное 1 мая 1711 г. в г. Сатмаре (Венгрия) в результате поражения национально-освободительного движения в Венгрии. Сатмарский мир укрепил господство Габсбургов в Венгрии, а также усилил власть венгерского дворянства над крестьянами. В то же время по Сатмарскому миру дворянство добилось от Габсбургов ряда политических уступок. — *505.*

[470] Имеется в виду Лондонская конвенция, заключенная 15 июля 1840 г. Англией, Россией, Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Турцией — с другой, об оказании военной помощи турецкому султану против египетского паши Мухаммеда-Али, за спиной которого стояла Франция. Лондонская конвенция явилась отражением соперничества европейских держав, главным образом Англии, Франции и России, в их борьбе за гегемонию на Ближнем Востоке. — *506.*

[471] По договору, заключенному между английским правительством и правительством Королевства обеих Сицилий (Неаполитанского королевства) в 1816 г., последнее обязывалось не предоставлять другим странам торговых привилегий, которые затрагивали бы интересы Англии. В 1838 г. неаполитанский король предоставил французской компании монопольное право на добычу серы в Сицилии, что вызвало резкий протест со стороны Англии. Чтобы заставить неаполитанского короля отменить свое решение, правительство Англии в 1840 г. приказало своему флоту в Средиземном море открыть военные действия. Неаполь был вынужден выполнить требование Англии. — *506.*

[472] В августе 1858 г. было достигнуто соглашение между Россией и Сардинским королевством о предоставлении на время Русскому обществу пароходства и торговли права использовать восточную часть пьемонтской гавани Виллафранка, расположенной на берегу Средиземного моря близ Ниццы, для стоянки судов, ремонта их и загрузки топливом.

В 1853 г. Пруссия купила у герцогства Ольденбург часть береговой полосы залива Яде для сооружения военной гавани (гавань, получившая название Вильгельмсгафен, построена в 1855 — 1869 гг.). — *507.*

[473] «La vraie question. France — Italie — Autriche». Paris, 1859. — *508.*

[474] В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы (Дембовский и Другие). Однако в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией общее восстание было сорвано, и произошли лишь отдельные революционные вспышки. Только в Кракове, объявленном в 1815 г., согласно условиям Венского трактата, вольным городом, под протекторатом Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей. Восстание в Кракове было подавлено в начало марта 1846 года. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. — *508.*

[475] См. настоящее издание, том 9, стр. 374 — 385. — *508.*

[476] «La foi des traites, les puissances signataires et l'empereur Napoleon III». Paris, 1859. — *509.*

[477] Имеется в виду именной указ от 8 (20) ноября 1847 г., согласно которому при продаже помещичьих имений с торгов за долги крепостным крестьянам предоставлялось право выкупать себя с землей (подробнее об этом см. настоящее издание, том 12, стр. 699 — 700). — *509.*

[478] См. Карамзин. «История Государства Российского», т. XI, Спб. 1835, гл. I, стр. 23. — *510.*

[479] P. Dolgoroukow. «La verite sur la Russie». Paris, 1860. — *510.*

[480] Стремясь укрепить свое влияние на Балканах, Россия оказывала поддержку национально-освободительному движению балканских народов, направленному против турецкого господства. Совместно с Францией, также добивавшейся усиления своего влияния на Балканах, Россия поддерживала стремление Молдавии и Валахии к объединению и созданию Румынского государства. В январе 1859 г. господарем (правителем) обоих княжеств при содействии России и Франции был избран полковник Куза. Единое Румынское государство было создано в 1862 году. — *510.*

[481] *«Preusisches Wochenblatt»* («Прусский еженедельник») — немецкая еженедельная газета консервативного направления, выходила в Берлине в 1851 — 1861 годах. — *510.*

[482] *Немировский конгресс,* происходивший в украинском местечке Немирове с 15 августа по 11 ноября 1737 г., был созван по инициативе Турции во время русско-турецкой войны (1735 — 1739), в которую в 1737 г. вступила Австрия на стороне России. В качестве одного из условий заключения мирного договора русская делегация выдвинула требование о превращении Молдавии и Валахии в независимые княжества под покровительством России. Турция отвергла большинство предложений, выдвинутых на конгрессе, и возобновила военные действия.

Фокшанский конгресс, происходивший с 27 июля по 28 августа 1772 г. в местечке Фокшаны (румынская Молдавия), имел целью прекращение русско-турецкой войны, начатой Турцией в 1768 году. Со стороны России на конгрессе было выдвинуто, в частности, предложение о предоставлении независимости Валахии и Молдавии под общим покровительством европейских держав, однако Турция отклонила это требование, а также и другие требования русских уполномоченных. Конгресс закончился безрезультатно, и военные действия возобновились. — *611.*

[483] См. примечание 177. — *511.*

[484] *Органический регламент 1831 г.* — первая конституция Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), принятая по предложению П. Д. Киселева, главы русской администрации в этих княжествах, которые были оккупированы русскими войсками по условиям Адрианопольского мирного договора 1829 г., завершившего русско-турецкую войну 1828 — 1829 годов. Согласно Органическому регламенту законодатель-

ная власть в каждом княжестве предоставлялась собранию, избранному крупными землевладельцами, а исполнительная власть — господарям, пожизненно избираемым представителями землевладельцев, духовенства и городов. Регламент закрепил господствующее положение крупного боярства и высшего духовенства, сохранив прежние феодальные порядки, но вводил в то же время ряд буржуазных преобразований: отменялись внутренние таможни, вводилась свобода торговли, суд отделялся от администрации и др. Во время революции 1848 г. Органический регламент был упразднен. — *511.*

[485] *«Гетерия»* (точнее «Фелике Гетерия») — греческое тайное общество, созданное в 1814 г. с центром в Одессе и отделениями во всех крупных городах Греции; ставило своей целью подготовку вооруженного восстания против турецкого господства. Царское правительство тайно поддерживало «Гетерию». — *511.*

[486] Об интервенции Людовика XVIII в Испанию см. примечание 224. — *512.*

[487] *Битва при Наварине* (Наварин — город и порт в Греции) произошла 20 октября 1827 г. между турецко-египетским флотом и соединенными английской, французской и русской эскадрами под командованием английского адмирала Э. Кондрингтона, направленными европейскими державами в греческие воды с целью вооруженного посредничества в войне между Турцией и греческими повстанцами. Сражение, начавшееся после отказа турецкого командования прекратить зверскую расправу с греческим населением, привело к полному разгрому турецко-египетского флота и ускорило начало успешной для Россия русско-турецкой войны 1828 — 1829 годов. Выдающуюся роль в сражении при Наварине сыграла русская эскадра, особенно флагман «Азов», командиром которого был М. П. Лазарев. — *512.*

[488] «*The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — *513.*

[489] *«Молодая Италия»* — тайная организация итальянских буржуазных революционеров, существовавшая в 1831 — 1848 годах; была создана Мадзини. Ставила своей целью борьбу за объединение Италии «снизу» (революционным путем) и образование итальянской республики. — *513.*

[490] Имеются в виду переговоры представителей Пруссии и Австрии, встретившихся в октябре 1850 г. в Варшаве при посредничестве Николая I с целью урегулирования отношений между обеими странами, борьба которых за гегемонию в Германии обострилась после революции 1848 — 1849 гг. особенно в связи с конфликтом из-за Кургессена (см. примечание 397) и из-за Шлезвиг-Гольштейна. Несмотря на заключение в июле 1850 г. между Пруссией и Данией Берлинского мирного договора, восстанавливавшего в Шлезвиг-Гольштейне дореволюционное положение, Пруссия продолжала оказывать герцогствам помощь **в их** борьбе с Данией. Австрийский премьер-министр Шварценберг требовал допущения австрийских войск в Шлезвиг-Гольштейн с целью полного усмирения обоих герцогств, но прусское правительство противилось этому. Император Николай I, не желавший усиления Пруссии и стремившийся к сохранению феодальной раздробленности Германии, дал понять в Варшаве, что он решительно поддерживает Австрию. Конфликт между Пруссией и Австрией был урегулирован в конце ноября

1850 г. во время переговоров между главами обоих правительств в чешском городе Ольмюце (Оломоуц). Согласно Ольмюцкому. соглашению, подписанному 29 ноября 1850 г., Пруссия вынуждена была отказаться от своих притязаний на главенствующую роль в Германии, а также уступала Австрии в шлезвиг-гольштейнском и кургессенском вопросах. В результате этого соглашения в Гольштейн был послан австрийский армейский корпус. — *514.*

[491] Речь идет о депеше русского посла во Франции Поццо-ди-Борго канцлеру графу Нессельроде от 16 (4) октября 1825 года. Депеша являлась ответом на циркуляр, составленный Нессельроде по указанию Александра I 18(6) августа 1825 г., в котором запрашивалось мнение русских послов за границей о сущности политики, проводимой западными державами по отношению к России в восточном вопросе, и о линии поведения русской дипломатии. — *514.*

[492] Th. Lapinski. «Feldzug der Ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849». Hamburg, 1850. — *517.*

[493] B. Szemere. «Hungary, from 1848 to 1860». London, 1860. — *517.*

[494] Имеется в виду карта «Славянские земли», составленная чешским ученым славяноведом Павлом Иосифом Шафариком для его книги «Славянская этнография» («Slovansky narodopis»), вышедшей в 1842 году. — *520.*

[495] *«Pensiero ed Azione»* («Мысль и действие») — орган итальянских буржуазных демократов, издававшийся под редакцией Мадзини; выходил 2 раза в месяц в 1858 — 1859 гг. в Лондоне и в 1860 г. в Лугано и Генуе. Ниже цитируется манифест Мадзини, который Маркс перевел на английский язык и опубликовал с кратким введением в газете «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание,том 13, стр. 381 — 386). — *521.*

[496] *«Песнь о Людовике»* — стихотворение неизвестного средневекового поэта, написанное в конце IX в. на франкском диалекте. Стихотворение представляет собой панегирик западнофранкскому королю Людовику III, прославлявший его победу над норманнами в 881 году. — *522.*

[497] 11 июня 1849 г. вождь мелкобуржуазных демократов Ледрю-Роллен внес в Законодательном собрании предложение о предании суду президента Луи Бонапарта и его министров за нарушение конституции, выразившееся в осаде Рима французскими войсками с целью подавления Римской республики и восстановления светской власти папы. После отклонения консервативным большинством собрания этого предложения мелкобуржуазные демократы сделали попытку организовать 13 июня 1849 г. массовую демонстрацию протеста против нарушения конституции. Демонстрация была разогнана правительственными войсками. Видные деятели Горы — мелкобуржуазной фракции в Законодательном собрании — были лишены депутатских полномочий и подверглись репрессиям; часть их эмигрировала. События 13 июня обнаружили нерешительность руководителей Горы и их неспособность возглавить революционное движение народных масс (см. об этом настоящее издание, том 7, стр. 33 — 63). — *523.*

[498] *«Наполеон Малый»* — прозвище Луи Бонапарта, которое дал ему Виктор Гюго в речи, произнесенной им на заседании французского Законо-

дательного собрания в 1851 году; получило широкое распространение после выхода в свет памфлета Гюго «Наполеон Малый» («Napoleon le Petit»), опубликованного в 1852 году. — *524.*

[499] В 1852 г. французское правительство разработало план иммиграции негров из Африки, в том числе из африканских владений Португалии, для работы на плантациях во французских колониях в Вест-Индии. Осуществление этого плана, фактически восстанавливавшего работорговлю, привело к конфликту между Францией и Португалией. — *525.*

[500] Под *«lois de surete publique»* (законы об общественной безопасности) Маркс имеет в виду так называемый «закон о подозрительных», принятый Законодательным корпусом 19 февраля 1858 года. Закон давал правительству и императору неограниченное право ссылать в различные местности Франции и Алжира или вовсе изгонять с французской территории всех лиц, подозреваемых во враждебных отношениях к режиму Второй империи. — *526.*

[501] Декрет от 27 января 1858 г. разделял, по примеру Испании, в которой командующие военных округов — генерал-капитаны обладали всей полнотой власти, территорию Второй империи на пять военных округов, во главе которых были поставлены маршалы.

Декрет о регентстве и об учреждении Тайного совета был издан 1 февраля 1858 г., вскоре после покушения Орсини на Наполеона III. Пелисье был включен в состав Тайного совета, который в случае вступления на престол малолетнего сына императора становился Советом регентства. — *526.*

[502] Наполеон III был сыном брата Наполеона I Людовика Бонапарта, занимавшего голландский престол в 1806 — 1810 годах. Называя Наполеона III «племянником Аустерлицкой битвы», Маркс намекает на тот факт, что государственный переворот 2 декабря 1851 г. был приурочен к годовщине Аустерлицкой битвы (2 декабря 1805 г.), в которой Наполеон I разбил союзные русско-австрийские войска. — *526.*

[503] Французский публицист Монталамбер, выступивший со статьей, в которой осуждался режим Второй империи, был в конце 1858 г. привлечен к суду. Наполеон III помиловал подсудимого, но Монталамбер отказался от помилования, требуя оправдания. Маркс иронически сравнивает этот процесс с судом против Джона Гемпдена, одного из видных деятелей английской буржуазной революции XVII в., который в 1636 г. отказался платить королевским сборщикам «корабельные деньги» — налог, не утвержденный палатой общин. Судебный процесс Гемпдена в значительной мере способствовал росту оппозиции против абсолютизма в английском обществе.

В брошюре «La Justice poursuivie par L'Eglise» («Справедливость, которой добивается церковь»), выпущенной в 1858 г. в Брюсселе, Прудон, проводя параллель между династиями Бонапартов и Орлеанов, отдавал предпочтение принципам управления, провозглашенным Орлеанской династией, с оговорками о необходимости некоторых демократических реформ. Эти оговорки Маркс иронически сравнивает с Acte additionel (Дополнительным актом) — конституционными установлениями, введенными Наполеоном I во Франции в 1815 г. после его возвращения с острова Эльбы. — *526.*

[504] Имеется в виду потерпевшее неудачу республиканское выступление армейских частей в Шалоне на Соне 6 марта 1858 года. — *526.*

[505] В феврале 1858 г. под влиянием угроз со стороны французского правительства, обвинявшего Англию в предоставлении убежища политическим эмигрантам, Пальмерстон внес в палату общин билль об иностранцах, согласно которому последние, наряду с англичанами, сурово карались за участие в заговорах. Под давлением массового движения протеста билль был отклонен палатой общин, а Пальмерстон был вынужден уйти в отставку. — *526.*

[506] Имеется в виду секретное соглашение, заключенное в июле 1858 г. в Пломбьере (Франция) между французским императором Наполеоном III и главой сардинского правительства Кавуром о союзе Франции и Сардинского королевства (Пьемонта) в войне против Австрии. Наполеон III обещал Кавуру военную помощь для освобождения Ломбардии и Венеции от австрийского господства и присоединения их к Сардинскому королевству, которое должно было отдать за это Франции Савойю и Ниццу. Во время свидания в Пломбьере был решен вопрос о войне Франции и Сардинии против Австрии, начавшейся в апреле 1859 г. (см. примечание 325).

Осенью 1858 г. Пальмерстон, возглавлявший в то время оппозицию вигов торийскому кабинету Дерби — Дизраэли, был приглашен Наполеоном III в Компьен для выяснения его позиции в предстоящей войне Франции против Австрии. При встрече Пальмерстон не возражал против изгнания австрийцев из Италии. — *527.*

[507] Намек на книгу Луи Бонапарта «Наполеоновские идеи», вышедшую в Париже в 1839 году (Napoleon-Louis Bonaparte. «Des idees napoleoniennes». Paris, 1839). — *528.*

[508] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *528.*

[509] «Napoleon III et la question roumaine». Paris, 1859. — *530.*

[510] E. About. «La Prusse en 1860». Paris, 1860 (Э. Абу. «Пруссия в 1860 году». Париж, 1860). — *530.*

[511] «Correspondence secrete et confidentielle de Napoleon». 7 vols. Paris, 1817. — *531.*

[512] *Колбасным парадом* Маркс иронически называет устроенный президентом Луи Бонапартом 10 октября 1850 г. генеральный смотр войскам на равнине Сатори (близ Версаля), во время которого Луи Бонапарт организовал угощение солдат и офицеров колбасой, холодной дичью, шампанским и сигарами, пытаясь подкупить этим армию для будущего государственного переворота.

Об *итальянской кампании* и *египетской экспедиции* Бонапарта см. примечания 81 и 83.

О *страсбургской авантюре* и *экспедиции в Булонь* Луи Бонапарта см. примечание 345.

Восемнадцатое брюмера — см. примечание 84. — *531.*

[513] Имеется в виду Парижский договор — мирный договор, подписанный 30 марта 1856 г. на Парижском конгрессе представителями Франции, Англии, Австрии, Сардинии, Пруссии и Турции, с одной стороны,

и России — с другой, и завершивший Крымскую войну 1853 — 1856 годов. Россия, потерпевшая поражение в войне, должна была уступить устье Дуная и часть южной Бессарабии, отказаться от протектората над Дунайскими княжествами, согласиться на нейтрализацию Черного моря, означавшую закрытие проливов для прохода иностранных военных судов и запрещение России и Турции иметь на Черном море военно-морские арсеналы и военный флот; в обмен на Севастополь и другие города, захваченные союзниками в Крыму, Россия возвращала Турции Карс. На конгрессе Франция не поддержала требования Англии об отторжении Кавказа от России и требования Австрии о присоединении Бессарабии к Турции. Наметившееся на конгрессе сближение между Францией и Россией в дальнейшем усилилось. — *531.*

[514] Bazancourt. «L'Expedition de Crimee jusqu'a la prise de Sebastopol». Tomes I — II (Базанкур. «Крымская экспедиция до взятия Севастополя». Тт. I — II). Первое издание вышло в Париже в 1856 году. — ***531.***

[515] *Тридцатилетняя война* — см. примечание 40. — *536.*

[516] Намек на *Кампоформийский мирный договор* 17 октября 1797 г. — см. примечание 152. — *589.*

[517] «La politique anglaise». Paris, 1860. — *542.*

[518] *Совет кантонов* — одна из двух палат Союзного собрания (парламента) Швейцарии. Другая палата носит название Национальный совет. — *543.*

[519] *Невшатель* (немецкое название Нёйенбург) — с 1815 г. швейцарский кантон (в прошлом небольшое княжество, подвластное прусским Гогенцоллернам), находившийся одновременно в вассальной зависимости от прусской монархии. В результате буржуазной революции в феврале 1848 г. в Невшателе была провозглашена независимая от Пруссии республика. На этой почве возник конфликт между Пруссией и Швейцарской республикой, достигший особенной остроты осенью 1856 г., когда швейцарские власти арестовали участников неудавшегося роялистского путча в Невшателе, поддерживаемых прусским королем. Весной 1857 г., благодаря дипломатическому вмешательству других держав, в частности Франции, конфликт был улажен; прусский король вынужден был отказаться от притязаний на Невшатель, а швейцарское правительство освободило арестованных роялистов. — *543.*

[520] *Зондербунд* — сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда была разбита войсками союзного правительства. В период войны Зондербунда реакционные западноевропейские державы, — Австрия и Пруссия, — сделали попытку вмешаться в швейцарские дела в пользу Зондербунда. Правительство Луи-Филиппа фактически стало на позицию поддержки этих держав, взяв под защиту Зондербунд.

Даппская долина — горная долина, расположенная на границе швейцарского кантона Ваадт и Франции. Венским конгрессом 1814 —

1815 гг. была признана швейцарской территорией, однако впоследствии Франция отказалась признать это решение. До 1862 г. в силу своего стратегического значения Даппская долина была предметом постоянных споров между Францией и Швейцарией. В 1862 г. Швейцария уступила Франции часть этой долины, получив от правительства Луи Бонапарта территориальную компенсацию. — *544.*

[521] В ноте от 14 марта 1859 г., направленной ряду государств, швейцарский Союзный совет заявлял, что в случае войны в Италии Швейцария будет защищать неприкосновенность и нейтралитет своей территории и на основании постановлений Венского конгресса займет нейтрализованную область Савойи (Северную Савойю).

Венский конгресс, провозгласивший «вечный нейтралитет» Швейцарии, своим Заключительным актом от 9 июня 1815 г. объявлял провинции Северной Савойи Шабле и Фосиньи нейтрализованными и предоставлял Швейцарии право в случае угрозы войны или самой войны между соседними с ней государствами занять своими вооруженными силами эти провинции, а Сардинскому королевству предписывал в этом случае вывести оттуда свои войска. — *544.*

[522] В эпиграфе к данной главе Маркс цитирует *«Плач»* («Klage») — средневековый германский эпос неизвестного автора, созданный в XII веке; является своего рода приложением к «Песне о Нибелунгах».

«Ивейн, или рыцарь со львом» — куртуазная стихотворная повесть средневекового немецкого поэта Гартмана фон Ауэ, в основу которой положена идея преодоления личного счастья во имя чести; является обработкой на немецком языке одноименного романа французского писателя XII в. Кретьена де Труа. — *552.*

[523] *«Имперская хроника»* — средневековый германский эпос XII в., рассказывающий в полулегендарной форме историю римских и германских императоров со времен Цезаря до 1147 года. Автором дошедшей до наших дней редакции эпоса считается немецкий поэт Конрад, живший в первой половине XII века. — *553.*

[524] *«Le Siecle»* («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год. В 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ; в 50-х годах — умеренно-республиканская газета. — *554.*

[525] *«Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *554.*

[526] *«Revue de Geneve»* — сокращенное название швейцарской буржуазной газеты «Revue de Geneve et Journal Suisse» («Женевское обозрение и Швейцарская газета») — орган радикальной партии, издавался на французском языке в Женеве с 1842 года; под данным названием газета выходила до 1861 года. В период Второй империи во Франции имела бонапартистское направление. В 1861 г. слилась с газетой «La

Nation suisse» («Швейцарская нация»). После слияния газета выходила под названием «La Nation suisse» с подзаголовком «Revue de Geneve. Journal la Suisse». — *555.*

[527] Принц Наполеон командовал в 1854 г. дивизией в Крыму. Не обладая достаточными военными способностями и не пользуясь популярностью в армии, принц Наполеон под предлогом болезни старался уклониться от руководства военными действиями, а затем самовольно вернулся в Париж. — *557.*

[528] Маркс намекает на слухи о незаконнорожденности Наполеона III, отцом которого официально считался голландский король Людовик Бонапарт, брат Наполеона I. — *567.*

[529] *Национальный совет* — см. примечание 518. — *560.*

[530] A. Petetin. «De l'annexion de la Savoie». Paris, 1859 (А. Пететен. «Об аннексии Савойи». Париж, 1859). — *561.*

[531] *Корибанты* — в древности жрецы культа богини Кибелы; совершали обряд с диким воодушевлением, сопровождая его музыкой и танцами. — *561.*

[532] *«La Patrie»* («Отечество») — французская ежедневная газета, основана в 1841 году; в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов, так называемой партии порядка; после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистская газета. — *563.*

[533] Vegezzi-Ruscalla. «La nazionalita di Nizza». 3ed. Nizza, 1860. — *665.*

[534] *«Nouvelliste Vaudois»* («Вестник кантона Во») — швейцарская буржуазная газета, основанная в 1798 г., издавалась в Лозанне до 1914 года.

«Neue Zurcher-Zeitung» («Новая цюрихская газета») — швейцарская буржуазная газета; под данным названием выходит в Цюрихе на немецком языке с 1821 года; в 50 — 60-х годах XIX в. занимала пробонапартистскую позицию. — *566.*

[535] Имеется в виду *Societe generale du Credit Mobilier* — крупное французское акционерное общество, основанное в 1852 г. братьями Перейра. Общество было тесно связано с правительством Наполеона III, под покровительством которого занималось спекулятивными махинациями. Оно широко участвовало в железнодорожном строительстве во Франции, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Испании и России. В 1867 г. общество потерпело банкротство и в 1871 г. было ликвидировано. — *566.*

[536] *«Saturday Review»* — сокращенное название английского еженедельного консервативного журнала «Saturday Review of Politics, Literature, Science and Art» («Субботнее обозрение по вопросам политики, литературы, науки и искусства»), выходившего в Лондоне в 1855 — 1938 годах. — *567.*

[537] Имеется в виду швейцарское студенческое общество «Гельвеция», созданное в 1858 г. путем объединения обществ того же названия городов Аарау, Лозанны и Берна с центром в последнем. Подобные общества, носившие либеральную, а в ряде случаев и демократическую окраску, существовали во многих городах Швейцарии (первоначально общество «Гельвеция» возникло в Цюрихе в 1832 году). Упоминаемое Марксом общество «Гельвеция» в 1859 — 1860 гг. выступало против бонапартистских планов присоединения Савойи к Франции.

«Aargauer Nachrichten» («Известия Ааргау») — швейцарская буржуазная либеральная газета, выходила в г. Аарау (кантон Ааргау) в 1854 — 1918 годах. — *571.*

[538] *«L'Esperance»* («Надежда») — бонапартистская газета, выходила в Женеве в 1859 — 1862 годах. — *571.*

[539] *«L'Independance belge»* («Независимость Бельгии») — ежедневная буржуазная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов. — *573.*

[540] *«Revue des deux Mondes»* («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 года. — 573.

[541] *«Journal des Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, так называемой партии порядка. После государственного переворота 1851 г. — орган умеренной орлеанистской оппозиции. — *573.*

[542] *Фузионисты* («fusion» — «слияние») — сторонники слияния легитимистов — приверженцев старой ветви французской династии Бурбонов — с приверженцами младшей ветви — орлеанистами.

College de France (Коллеж де Франс) — одно из старейших французских высших учебных заведений; основано в Париже в 1530 году.

Membres de l'Institut de France — академики, члены Института Франции, высшего научного и художественного учреждения Франции, объединяющего ряд важнейших академий, в том числе Французскую академию. — *573.*

[543] *«Revue europeenne»* («Европейское обозрение») — бонапартистский ежемесячный журнал, выходивший в Париже в 1859 — 1861 годах. В 1862 г. влился в журнал «Revue contemporaine». — *574.*

[544] Имеется в виду Комитет на улице Пуатье — руководящий орган так называемой: партии порядка, представлявшей собой коалицию двух монархических фракций Франции: легитимистов (сторонников династии Бурбонов) и орлеанистов (сторонников династии Орлеанов). Эта партия крупной консервативной буржуазии, возникшая в 1848 г., занимала с 1849 г. вплоть до государственного переворота 2 декабря 1851 г. руководящее положение в Законодательном собрании Второй республики. Банкротство ее антинародной политики было использовано кликой Луи Бонапарта в бонапартистских целях. — *575.*

[545] *«Le Pays»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в Париже в 1849 году; в период Второй империи (1852 — 1870) — полуофициальный орган правительства Наполеона III, имела подзаголовок «Journal de l'Empire» («Газета Империи»). — *575.*

[546] В Кёльнском соборе имеется капелла трех королей — трех волхвов, пришедших, согласно евангельской легенде, в Вифлеем поклониться новорожденному Христу. По преданию, мощи трех волхвов хранятся в этой капелле (ср. Гейне. «Германия. Зимняя сказка». Глава VII). — *576.*

[547] *Мышиная башня* — башня, возвышающаяся на скале посреди Рейна ниже г. Бингена; в этом месте река, сдавленная скалами, носит название *Бингенской ямы.* По одной из версий название башни связано с легендой о майнцском епископе Гаттоне (X в.), который будто бы в этой башне был съеден мышами в наказание за то, что он сжег голодающих. — *578.*

[548] См. примечание 492. — *581.*

[549] «Correspondence relative to the Affairs of Hungary. 1847 — 1849. Presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. August 15, 1850». London («Переписка, касающаяся венгерских событий. 1847 — 1849 годы. Представлена обеим палатам парламента по распоряжению ее величества 15 августа 1850 года». Лондон). — *582.*

[550] См. настоящее издание, том 8, стр. 382 — 384 и 410 — 411. — *584.*

[551] Имеется в виду восстание, поднятое в Милане 6 февраля 1853 г. сторонниками итальянского революционера Мадзини и поддержанное венгерскими революционными эмигрантами. Целью повстанцев, большинство которых состояло из итальянских рабочих-патриотов, было свержение австрийского господства в Италии. Однако восстание, организованное на основе заговорщической тактики и без учета реальной обстановки, быстро потерпело поражение. Оценка этого восстания была дана Марксом в ряде его статей (см. настоящее издание, том 8, стр. 544 — 545, 550 — 553, 572 — 573). — *584.*

[552] *Центральный комитет европейской демократии,* созданный в июне 1850 г. в Лондоне по инициативе Мадзини, представлял собой организацию, объединявшую буржуазных и мелкобуржуазных эмигрантов из разных стран. Крайне неоднородная как по своему составу, так и по идейным позициям, организация просуществовала недолго; из-за обострившихся отношений между итальянскими и французскими эмигрантами-демократами Центральный комитет европейской демократии уже к марту 1852 г. фактически распался. — *585.*

[553] Имеется в виду рукопись памфлета К. Маркса и Ф. Энгельса «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, том 8, стр. 247 — 352). — *585.*

[554] См. статью К. Маркса «Добровольные признания Гирша» (настоящее издание, том 9, стр. 40 — 43). — *585.*

[555] См. статью К. Маркса «Предатель в Черкесии» (настоящее издание, том 12, стр. 171 — 172). — *585.*

[556] *«Journal de Constantinople»* («Константинопольская газета») — турецкая газета, издавалась с 1846 г. на французском языке; субсидировалась турецким правительством и играла роль официоза, являясь в то же время проводником французского влияния в Турции, выходила 6 раз в месяц. — *586.*

[557] См. статью К. Маркса «Любопытная страничка истории» (настоящее издание, том 12, стр. 490 — 496). — *586.*

[558] *Конкордат* — договор между римским папой как главой католической церкви и правительствами отдельных государств, определяющий положение и привилегии католической церкви в государстве. По конкордату 1855 г. между Австрией и Римом католическая церковь в Австрии получала автономию, право непосредственного сношения с Римом, право приобретения имущества, высшую духовную цензуру и огромное влияние на школу. — *587.*

[559] Имеется в виду изданный в Австрии 20 октября 1860 г. австрийским императором Францем-Иосифом Октябрьский диплом, предоставлявший национальным областям империи некоторую автономию. Диплом являлся половинчатой уступкой сторонникам федеративного государственного устройства, особенно венграм, в противовес централистам, по преимуществу австрийским немцам. Однако уже в начале следующего года Октябрьский диплом был отменен изданием патента 26 февраля 1861 г., который снова выдвигал принцип централистского устройства Австрийской империи. — *591.*

[560] «*In usum delphini»* — буквально: «для пользования дофина», в переносном смысле: с купюрами, в искаженном виде. Это выражение получило распространение после того, как в 1668 г. для наследника французского престола (дофина) были изданы сочинения древних классиков с исключением всех «предосудительных» мест. — *591.*

[561] Речь идет о капитуляции венгерских революционных войск 13 августа 1849 г. при местечке Вилагош перед царскими войсками, посланными в Венгрию, Николаем I для подавления революции. Несмотря на то, что венгерская армия сохраняла способность продолжать борьбу и располагала значительными ресурсами, главнокомандующий Гёргей изменнически пошел на капитуляцию в соответствии с интересами контрреволюционных и умеренно-либеральных элементов венгерского дворянства. — *591.*

[562] См. примечание 262. — *592.*

[563] *«Laissez aller et laissez faire»* — «предоставьте свободу действий» — формула буржуазных экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства государства в сферу экономических отношений. — *596.*

[564] «*Le National»* («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; орган умеренных, буржуазных республиканцев. — *597.*

[565] *«Breslauer Zeitung»* («Бреславльская газета») — немецкая ежедневная газета, основанная в Бреславле (Вроцлаве) в 1820 году; в 50 — 60-х годах XIX в. придерживалась консервативного направления. — *601.*

[566] См. статью К. Маркса «Берлинская «National-Zeitung» — первичным избирателям» (настоящее издание, том 6, стр. 210).

Шильда — название города, жители которого, шильдбюргеры, герои одноименной немецкой народной книги конца XVI в. («Schildburger»), стали символом филистерской ограниченности и тупости. — *602.*

[567] Так «Neue Rheinische Zeitung» иронически называет читателей «National-Zeitung», намекая на подзаголовок известной в то время книги: K. Rotteck. «Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten; fur denkende Geschichtsfreunde». Freiburg und Konstanz, 1813 — 1818 (К. Роттек. «Всеобщая история от зарождения исторического познания до нашего времени; для мыслящих друзей истории». Фрейбург и Констанц, 1813 — 1818). — *602.*

[568] Это двустишие взято Марксом из первой книги сатирической поэмы английского поэта Александра Попа «Дунсиада» («Dunciad»), написанной в 1728 — 1743 годах. Название поэмы происходит от английского слова *«dunc»,* означающего: *тупица, глупец.* В поэме автор дает сатирическое изображение своих литературных противников, помещая их в царство *Dulness — Тупости.* В основе «Дунсиады» лежала важнейшая тема эпохи Просвещения: борьба разума против невежества и варварства. — *602.*

[569] *«Neue Oder-Zeitung»* («Новая одерская газета») — немецкая ежедневная буржуазно-демократическая газета, выходившая под этим названием в 1849 — 1855 гг. в Бреславле (Вроцлаве). Была основана в марте 1849 г. в результате раскола в редакции оппозиционной католической «Allgemeine Oder-Zeitung» («Всеобщей одерской газеты»), выходившей с 1846 года. Приняв буржуазно-демократическое направление, «Neue Oder-Zeitung» в 50-х годах считалась наиболее радикальной газетой Германии и подвергалась преследованиям со стороны правительственных органов. Во главе газеты стояли буржуазные демократы Темме, Штейн, Эльснер (последний с сентября 1855 г. являлся ее главным редактором). В 1855 г. Маркс был лондонским корреспондентом этой газеты. — *603.*

[570] *«Schlesische Zeitung»* («Силезская газета») — немецкая ежедневная газета, издавалась в Бреславле с 1742 года; накануне и во время революции 1848 — 1849 гг. — орган конституционно-монархических кругов. — *603.*

[571] См. настоящее издание, том 6, стр. 318 — 319 (статья «Штейн»).

Собрание соглашателей (согласительное собрание) — прусское Национальное собрание, созванное в Берлине в мае 1848 г. для выработки конституции «по соглашению с короной». Было разогнано во время государственного переворота в Пруссии в декабре 1848 года.

Октроированная конституция была опубликована одновременно с разгоном прусского Национального собрания 5 декабря 1848 года. По этой конституции вводилась двухпалатная система, причем первая палата с помощью возрастного и имущественного ценза превращалась в привилегированную «палату господ»; к двухстепенным выборам во вторую палату по избирательному закону от 6 декабря 1848 г. допускались только так называемые «самостоятельные пруссаки». Широкие полномочия, которые предоставлялись по конституции королев-

ской власти, и прямое указание на возможность пересмотра статен конституции, — все это облегчало дальнейшее наступление контрреволюции. — *604.*

[572] 28 апреля 1849 г. правительство Бранденбурга — Мантёйфеля распустило вторую палату прусского Национального собрания, избранного на основе антидемократической октроированной конституции от 5 декабря 1848 года. Причиной роспуска явилось наличие во второй палате значительного числа оппозиционных элементов, в частности, одобрение ею имперской конституции, выработанной общегерманским франкфуртским Национальным собранием. — *604.*

[573] *«Punch»* — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»); выходит в Лондоне с 1841 года.

«Kladderadatsch» («Кладдерадач») — иллюстрированный сатирический еженедельный журнал, издавался в Берлине с 1848 года. — *604.*

[574] *Хлебные законы,* направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, вводились в Англии с 1815 г. в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Промышленная буржуазия, боровшаяся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли, добилась их отмены в 1846 году. — *604.*

[575] Состоявшийся 14 — 17 июня 1848 г. во Франкфурте-на-Майне первый демократический конгресс, на котором были представлены делегаты 89 демократических и рабочих организаций различных городов Германии, принял решение об объединении всех демократических союзов и о создании в связи с этим окружных комитетов и возглавляющего их Центрального комитета демократов Германии с местопребыванием в Берлине. Членами Центрального комитета были избраны Фрёбель, Рау, Криге, Мейен, а их заместителями Байрхоффер, Шютте и Аннеке. Однако из-за слабости и неустойчивости мелкобуржуазного руководства демократическое движение Германии продолжало и после этого решения оставаться расплывчатым и неорганизованным. — *605.*

[576] Маркс имеет в виду клеветническую статью Эдуарда Мейена «Борьба Карла Фогта против аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и марксистов», напечатанную в №№ 17 — 21 газеты «Freischutz» в феврале 1860 года.

«Der Freischutz» («Вольный стрелок») — немецкая буржуазная газета с литературно-художественным уклоном, выходила в Гамбурге в 1825 — 1878 годах. — *605.*

[577] *«Сентябристами»* во время французской буржуазной революции конца XVIII в. называли якобинцев их враги, клеветнически обвиняя их в разнузданной жестокости во время *сентябрьских дней* 1792 года (см. примечание 146). — *608.*

[578] *Левиты* — см. примечание 265. — *610.*

[579] *Магистрат* в Германии — городское управление; в Англии *магистраты* — мировые судьи, а также высшие полицейские чиновники. — *612.*

[580] *Эхтернахская процессия* (точное название: танцующая процессия) — ежегодная процессия, устраиваемая со времен средних веков в троицын день в люксембургском городе Эхтернахе в знак благодарности за прекращение болезни — пляски святого Витта, свирепствовавшей в 1374 году. Участники процессии двигаются не обычным шагом, а совершают более сложные движения вперед и назад. — *613.*

[581] «Juchhe nach Italia». Bern und Genf, Vogt's Verlag. 1859 («Ура, в Италию». Берн и Женева, издательство Фогта. 1859). Книга Бамбергера «Ура, в Италию» была издана без указания автора. — *614.*

[582] Маркс иронически называет Финке *рыцарем веселого образа* по аналогии с *рыцарем печального образа* — прозвищем Дон-Кихота.

Chevalier sans peur et sans reproche (рыцарь без страха и упрека) — ставшее нарицательным (как в прямом, так и в ироническом смысле) прозвище средневекового французского рыцаря Пьера дю Террайля Баяра. — *615.*

[583] Маркс имеет в виду анонимно вышедшую брошюру Ф. Энгельса «По и Рейн» (см. настоящее издание, том 13, стр. 233 — 281). — *615.*

[584] В связи с прибытием 11 июля 1848 г. имперского правителя эрцгерцога Иоганна во Франкфурт-на-Майне консервативная часть франкфуртского Национального собрания устроила в его честь банкет, на котором присутствовал и Финке. — *616.*

[585] *Corpus juris civilis* (Корпус юрис цивилис) — свод гражданского права, регулировавший имущественные отношения римского рабовладельческого общества; составлен в VI в. при императоре Юстиниане. — *616.*

[586] *Соединенный ландтаг* — объединенное собрание сословных провинциальных ландтагов, созванное Фридрихом-Вильгельмом IV в апреле 1847 г. в Берлине, чтобы избавиться от финансовых затруднений путем получения гарантии на иностранный заем. Ввиду отказа короля удовлетворить самые скромные политические требования буржуазного большинства ландтага последний отказался гарантировать заем. Король в ответ на это в июне того же года распустил ландтаг; это усилило оппозиционные настроения в стране и способствовало ускорению революции в Германии. — *617.*

[587] Имеется в виду контрреволюционная позиция германской и австрийской буржуазии по отношению к октябрьскому восстанию 1848 г. в Вене (о восстании см. примечание 112). Такая позиция выразилась, в частности, в действиях большинства франкфуртского Национального собрания и центральной власти, которые под флагом посредничества фактически саботировали оказание помощи революционной Вене. Финке рьяно поддерживал эту позицию. — *619.*

[588] См. примечание 457. — *619.*

[589] *Даймё* — крупные феодалы, владетельные князья в средневековой Японии. — *620.*

[590] *«Министерством дела»* в годы революции 1848 — 1849 гг. называли прусское министерство Ауэрсвальда — Ганземана, находившееся у власти в июне — сентябре 1848 года (см. статью Ф. Энгельса «Падение министерства дела», настоящее издание, том 5, стр. 416 — 418). — *621.*

[591] *In usum delphini* — см. примечание 560. — *624.*

[592] Имеется в виду *Демократическая ассоциация,* основанная в Брюсселе осенью 1847 года. Ассоциация объединяла в своих рядах пролетарских революционеров, преимущественно из числа немецких революционных эмигрантов, и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Активную роль в создании Ассоциации сыграли Маркс и Энгельс. 15 ноября 1847 г. Маркс был избран ее вице-председателем, на пост председателя был выдвинут бельгийский демократ Л. Жотран. Благодаря влиянию Маркса брюссельская Демократическая ассоциация сделалась одним из крупных центров международного демократического движения. В дни февральской буржуазной революции во Франции пролетарское крыло брюссельской Демократической ассоциации добивалось вооружения бельгийских рабочих и развертывания борьбы за демократическую республику. Однако после высылки Маркса из Брюсселя в начале марта 1848 г. и расправы бельгийских властей с наиболее революционными элементами Ассоциации бельгийские буржуазные демократы не сумели возглавить антимонархическое движение трудящихся масс. Деятельность Демократической ассоциации приобрела более узкий, чисто местный характер и уже в 1849 г. фактически прекратилась. — *628.*

[593] *Рабочий парламент,* заседавший в Манчестере с 6 по 18 марта 1854 г., был созван в связи с подъемом массового забастовочного движения английского пролетариата в 1853 г. по инициативе группы чартистов во главе с Джонсом. Эта группа еще в конце 1853 г. (эту дату Маркс здесь неточно отождествляет с датой заседания Рабочего парламента) выдвинула идею создания широкой рабочей организации «Массовое движение», которая должна была объединить и тред-юнионы и неорганизованных рабочих, в первую очередь, с целью координации забастовок в различных районах страны. Организацию должен был возглавлять периодически созываемый Рабочий парламент из делегатов, избираемых на митингах неорганизованных рабочих и на собраниях тред-юнионов. Созванный в Манчестере Рабочий парламент обсудил и принял программу «Массового движения» и образовал Исполнительный комитет из 5 человек. Маркс, избранный почетным делегатом Парламента, прислал письмо (см. настоящее издание, том 10, стр. 122 — 123), которое было зачитано 10 марта. В нем Маркс сформулировал задачу создания самостоятельной пролетарской массовой политической партии в Англии.

Попытка организовать «Массовое движение», однако, не удалась, не встретив поддержки со стороны большинства лидеров тред-юнионов, с предубеждением относившихся к политической борьбе. Спад забастовочного движения к лету 1854 г. также отрицательно сказался на участии в движении широких рабочих масс. После марта 1854 г. Рабочий парламент больше не собирался. — *629.*

[594] По-видимому, имеется в виду роман Бальзака «Утраченные иллюзии». — *630.*

[595] *Code Napoleon* (о нем см. примечание 243) был распространен на завоеванные французами области Западной и Юго-Западной Германии и продолжал действовать в Рейнской провинции после ее присоединения к Пруссии. — *635.*

[596] *Общество друзей отечества* — республиканское общество немецких эмигрантов в Лондоне, существовавшее в 50 — 60-х годах XIX века; среди его членов были К. Блинд, Ф. Фрейлиграт, Ф. Холлингер и др.

Национальный союз — партия немецкой либеральной буржуазии, выступавшая за объединение Германии в качестве сильного централизованного государства под главенством монархической Пруссии (без Австрии); была создана на съезде во Франкфурте в сентябре 1859 года. Основным ядром Союза явилась пропрусская Готская партия, созданная в июне 1849 г. в городе Готе представителями контрреволюционной крупной буржуазии, правыми либералами, ушедшими из франкфуртского Национального собрания после отказа прусского короля Фридриха-Вильгельма IV принять из рук Собрания императорскую корону и решения левого большинства Собрания о создании имперского регентства.

«Открытое письмо» Общества друзей отечества Национальному союзу было опубликовано в ряде немецких газет в ноябре 1859 года. В нем в туманных выражениях осуждался план династического объединения Германии под главенством Пруссии. — *628.*

[597] *Квириты* — официальное название полноправных граждан в Древнем Риме. — *658.*

[598] *«Schweizerische National-Zeitung»* («Швейцарская национальная газета») — ежедневная буржуазная газета, издавалась в Базеле с 1842 года. — *667.*

[599] Шили перефразирует известное выражение *«сожалеть о египетских котлах с мясом»,* вошедшее в поговорку. Согласно библейской легенде, во время бегства евреев из египетского плена малодушные среди них под влиянием трудностей пути и голода стали сожалеть о днях, проведенных в неволе, когда они были, по крайней мере, сыты. — *667.*

[600] Статья Гирша «Жертвы шпионажа» была опубликована в «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» в номерах за 1, 8, 15 и 22 апреля 1853 года. Оценка статьи дана в работе Маркса «Добровольные признания Гирша» (см. настоящее издание, том 9, стр. 40 — 43). — *669.*

[601] См. настоящее издание, том 8, стр. 473. — *672.*

[602] Имеется в виду книга: «Die Communisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts». Berlin, Erster Theil 1853, Zweiter Theil 1854 («Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия». Берлин, часть первая 1853, часть вторая 1854), составленная полицейскими чиновниками Вермутом и Штибером. В приложениях к первой части книги, в которой излагалась «история» рабочего движения в качестве руководства для полицейских, были перепечатаны некоторые попавшие в руки полиции документы Союза коммунистов. Вторая часть представляла собой «черный список» с биографическими сведениями о лицах, связанных с рабочим и демократическим движением. — *676.*

[603] Маркс имеет в виду заявление И. Вейдемейера, А. Якоби и А. Клусса «В редакцию «New-Yorker Criminal-Zeitung»», опубликованное в этой газете 25 ноября 1853 года. — *677.*

[604] См. памфлет К. Маркса «Рыцарь благородного сознания» (настоящее издание, том 9, стр. 506). — *677.*

[605] *«Le Debat social»* («Социальные дебаты») — бельгийская еженедельная газета, орган буржуазных радикалов и демократов; выходила в Брюсселе с 1844 по 1849 год. — *685.*

[606] *«Notes to the People»* («Заметки для народа») — английский еженедельник, орган чартистов; выходил в Лондоне в 1851 — 1852 гг. под редакцией Э. Джонса. Маркс и Энгельс оказывали поддержку журналу, принимая участие в его редактировании и издании, и опубликовали в нем с июня 1851 по апрель 1852 г. ряд статей. — *686.*

[607] В нью-йоркском журнале «Putnam's Monthly» («Ежемесячник Пат-нема») была опубликована написанная Энгельсом по просьбе Маркса статья «Армии Европы» (см. настоящее издание, том 11, стр. 433 — 507), заказанная Марксу журналом через редактора «New-York Daily Tribune» Ч. Дана. Маркс помогал Энгельсу в написании работы, собирая для него в Британском музее материалы. — *686.*

[608] Имеется в виду трехактная комедия Э. Абу «Гильри». — *687.*

[609] *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; основана в Манчестере в 1821 году. — *688.*

[610] *Клиши — долговая* тюрьма в Париже в 1826 — 1867 годах. — *689.*

[611] Речь идет о поездке Наполеона III в Баден-Баден для свидания с прусским принцем-регентом Вильгельмом; свидание состоялось в июне 1860 года. — *690.*

[612] Имеется в виду анонимно вышедшая брошюра С. Боркхейма «Napoleon III. und Preusen. Antwort eines deutschen Fluchtlings auf die Broschure «Preusen in 1860» von Edmond About». London, 1860 («Наполеон III и Пруссия. Ответ немецкого эмигранта на брошюру Эдмона Абу «Пруссия в 1860 году»». Лондон, 1860). Брошюра Боркхейма была написана при содействии Маркса. — *691.*

[613] Это заявление Маркса в газетах «Volks-Zeitung» и «Allgemeine Zeitung» опубликовано не было. — *693.*

[614] В чартистской газете «People's Paper» в №№ 32 и 33 за 11 и 18 декабря 1852 г. была опубликована рецензия на произведение Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В рецензии приводились выдержки из этого произведения. — *694.*

[615] См. настоящее издание, том 13, стр. 470 — 488 (статья «Quid pro quo») и стр. 640 — 648 (обзор «По страницам печати»). — *695.*

[616] Маркс неоднократно называет это заявление, опубликованное отдельной листовкой, циркуляром, так как он разослал его в ряд немецких газет одновременно с заявлением от 6 февраля 1860 г. (заявление см. на стр. 701 — 702 настоящего тома). — *699.*

[617] Имеется в виду установление прусским правительством особо строгой двойной цензуры для редактировавшейся Марксом в 1842 — 1843 гг. «Rheinische Zeitung». — *705.*

[618] Факт посылки заявления в газету «Freischutz» явствует из записной книжки Маркса за 1860 год. Однако эта газета не опубликовала заявления. — *706.*

[619] Настоящее заявление было направлено Марксом также в «Volks-Zeitung» и «Reform». — *707.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абд-эль-Кадир (1808 — 1883) — вождь национально-освободительной борьбы алжирского народа против французских завоевателей в 1832 — 1847 годах; в 1847 г. захвачен в плен французами, в 1852 г. с разрешения Наполеона III переселился в Турцию. — 101, 108, 223, 224.

Абд-эль-Мумин (1094 — 1163) — первый халиф (1130 — 1163) мусульманского государства альмохадов в Северо-Западной Африке и Южной Испании. — 197.

Абд-др-Рахман (1778 — 1859) — марокканский султан (1822 — 1859). — 224.

Абель (Abel), Карл (род. в 1837 г.) — немецкий филолог и журналист, берлинский корреспондент «Daily Telegraph». — 611 — 615.

Аберкромби (Abercromby), Ралф (1734 — 1801) — английский генерал, в 1795 — 1797 гг. командовал экспедицией английских войск против французов в Вест-Индии. — 294.

Абт (Abt) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в начале 50-х годов XIX в. эмигрировал в Женеву, был исключен из женевского Общества немецких рабочих за клевету. — 412, 413, 415, 417, 418, 420.

Абу (About), Эдмон (1828 — 1885) — французский журналист, бонапартист. — 488, 530, 551, 554, 573, 578, 635, 687, 690, 691.

Август (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император (27 до н. э. — 14 н. э.). — 24.

Август (1779 — 1843) — прусский принц, генерал и военный деятель, участник войн против наполеоновской Франции, в 1808 — 1843 гг. занимал пост начальника прусской артиллерии, руководил ее реорганизацией. — 189.

Агассис (Agassiz), Луи Жан Рудольф (1807 — 1873) — швейцарский естествоиспытатель, в своих естественнонаучных воззрениях держался крайне реакционных взглядов, враг дарвинизма. — 418.

Агесилай II (ок. 442 — ок. 358 до н. э.) — спартанский царь (ок. 399 — ок. 358 до н. э.) и полководец. — 13.

Александр I (1777 — 1825) — русский император (1801 — 1825). — 93, 94, 114 — 116, 121, 134, 166 — 169, 184, 193, 507, 509, 511, 512, 516, 521.

Александр II (1818 — 1881) — русский император (1855 — 1881). —

306, 507 — 511, 513 — 515, 519, 521, 522, 533, 534, 539.

Александр Македонский (356 — 323 до н. э.) — знаменитый полководец и государственный деятель древнего мира. — 9, 15 — 17, 26, 72, 155, 197, 298, 299, 302, 305, 355, 356, 363, 558.

Аллен (Allen) — английский офицер. — 290.

Аломпра (Алаун-Пай) (1711 — 1760) — бирманский король (1753 — 1760). — 291.

Альба (Alba), Фернандо Альварес, герцог (1507 — 1582) — испанский полководец и государственный деятель, в 1567 — 1573 гг. наместник Нидерландов, — 31, 335.

Альберони (Alberoni), Джулио (1664 — 1752) — испанский государственный деятель, кардинал; в 1717 — 1719 гг. первый министр короля Филиппа V. — 590.

Альбертс (Alberts) — в 50-х годах XIX в. секретарь прусского посольства в Лондоне. — 669, 670.

Альгизи да Карпи (Alghisi da Carpi), Галассо (ок. 1523 — 1573) — итальянский архитектор. — 334.

Альтенхёфер (Altenhofer), Август Йозеф (1804 — 1876) — немецкий журналист, один из редакторов аугсбургской «Allgemeine Zeitung». — 482.

Ангулемский (Angouleme), Луи Антуан, герцог (1775 — 1844) — сын французского короля Карла X, в 1823 г. командовал французскими войсками, подавившими буржуазную революцию в Испании. — 222.

Андерсон (Anderson), Роберт (ум. в 1696 г.) — английский математик и военный инженер, автор ряда работ по артиллерии. — 205.

Анна Ивановна (1693 — 1740) — русская императрица (1730 — 1740). — 511.

Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт и грамматик, автор поэмы «Аргонавтика». — 567.

Аргайл (Argyll), Арчибалд *Кэмпбелл,* граф (1629 — 1685) — шотландский аристократ, в мае — июне 1685 г. возглавлял восстание, направленное против Якова II; после разгрома восстания был казнен. — 445.

Арисменди (Arismendi), Хуан Баутиста (род. в 1770 г.) — венесуэльский генерал и политический деятель, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, в 1819 г. вице-президент Колумбии. — 230 — 233, 235.

Армстронг (Armstrong), Уильям Джордж (1810 — 1900) — английский изобретатель и фабрикант, известен изобретением особой нарезной пушки. — 157.

Арндт (Arndt), Эрнст Мориц (1769 — 1860) — немецкий писатель, историк и филолог, участник освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства; не был свободен от элементов национализма; в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру. — 503.

Арним (Arnim), Гарри (Генрих), граф (1824 — 1881) — немецкий дипломат, противник Бисмарка; в 1874 г. был осужден за присвоение дипломатических документов. — - 671.

Арним-Бойценбург (Arnim-Boytzenburg), Адольф Генрих, граф (1803 — 1868) — прусский государственный деятель, представитель реакционного прусского юнкерства, министр внутренних дел (1842 — 1845) и министр-президент (19 — 29 марта 1848); в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, в 1849 г. один из лидеров правых во второй палате. — 618.

Арриан, Флавий (ок. 95 — ок. 180) — греческий писатель, историк и географ, автор ряда работ по истории древнего мира. — 155.

Ассерман (Assermann), Ференц (1821 — 1893) — венгерский офицер, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии. — 591, 592.

Аугустенборгский (Augustenborg), Кристиан Август, герцог (1768 — 1810) — датский аристократ, генерал, в январе 1810 г. усыновлен шведским королем Карлом XIII под именем Карла-Августа. — 166.

Ахмад-шах Дуррани (1724 — 1773) — афганский шах (1747 — 1773), основатель афганского государства. — - 77 — 79.

Б

Бабст, Иван Кондратьевич (1824 — 1881) — русский экономист, историк и публицист, профессор политической экономии в Казанском (с 1851 г.), а затем Московском (с 1857 г.) университетах; в начале 60-х годов выступал с публичными лекциями по политической экономии. — 416.

Бабур (1483 — 1530) — азиатский полководец и завоеватель, падишах Индии (1526 — 1530), основатель государства и династии Великих Моголов; потомок Тимура. — 77.

Багговут, Карл Федорович (1761 — 1812) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 258.

Багратион, Петр Иванович, князь (1765 — 1812) — выдающийся русский полководец, участник ряда суворовских походов и войн против наполеоновской Франции, командовал одной из русских армий в период Отечественной войны 1812 года. — 93, 256 — 259.

Баденге — см. *Наполеон III.*

Базанкур (Bazancourt), Сезар (1810 — 1865) — французский писатель, бонапартист. — 531.

Байрон (Byron), лорд — командующий частью английских морских сил, боровшихся с испанской армадой в 1588 году. — 174.

Байрон (Byron), Джордж (1788 — 1824) — выдающийся английский поэт, представитель революционного романтизма, — 449, 609.

Бальзак (Balzac), Оноре *де* (1799 — 1850) — великий французский писатель-реалист. — 410, 630.

Бамбергер (Bamberger), Людвиг (1823 — 1899) — немецкий публицист, буржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; в 50-х годах эмигрант во Франции, позднее либерал, депутат рейхстага. — 614, 615.

Бандья (Bangya), Янош (Иоганн) (1817 — 1868) — венгерский журналист и офицер, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии; после поражения революции эмиссар Кошута за границей, одновременно был тайным полицейским агентом; позднее под именем Мехмед-бея перешел на турецкую военную службу и действовал как турецкий агент на Кавказе (1855 — 1858) во время войны черкесов против России. — 585 — 587.

Бараге д'Илье (Baraguay d'Hilliers), Ашиль (1795 — 1878) — французский генерал, с 1854 г. маршал, бонапартист; в 1854 г. командовал французским экспедиционным корпусом в Балтийском море. — 293.

Бараге д'Илье (Baraguay d'Hilliers), Луи (1764 — 1812) — французский генерал, участник войн Французской республики и наполеоновской Франции, отец предыдущего. — 531.

Барклай-де-Толли, Михаил Богданович (1761 — 1818) — видный русский полководец и военный деятель, с 1814 г. генерал-фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции, командующий русскими войсками в русско-шведской войне 1808 — 1809 гг., военный министр (1810 — 1812), командующий одной из русских армий в период Отечественной войны 1812 г., в 1813 — 1814 гг. командовал русскими и русско-прусскими войсками. — 92 — 94, 115, 116, 181, 256 — 259.

Барош (Baroche), Пьер Жюль (1802 — 1870) — французский политический деятель, юрист, бонапартист, входил в состав ряда кабинетов до и после государственного переворота 2 декабря 1851 года. — 561.

Барро (Barrot), Одилон (1791 — 1873) — французский буржуазный политический деятель, до февраля 1848 г. глава либеральной династической оппозиции; в декабре 1848 — октябре 1849 г. возглавлял министерство, опиравшееся на контрреволюционный блок монархических фракций. — 428, 475.

Бартелеми (Barthelemy), Эмманюэль (ок. 1820 — 1855) — французский рабочий, бланкист, участник тайных революционных обществ в период Июльской монархии и июньского восстания 1848 г. в Париже, затем эмигрант в Англии, один из руководителей французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне; примыкал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера; казнен в 1855 г. по обвинению в уголовном преступлении. — 455.

Бассерман (Bassermann), Фридрих Даниель (1811 — 1855) — немецкий буржуазный политический деятель, умеренный либерал, депутат баденского ландтага; во время революции 1848 — 1849 гг. представитель баденского правительства при Союзном сейме, депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру, — 476, 667.

Батлер (Butler), Самюэл (1612 — 1680) — английский поэт-сатирик. автор поэмы «Гудибрас». — 558.

Баттяни (Batthyany), Казмер (Казимир), граф (1807 — 1854) — венгерский государственный деятель, представитель либеральных кругов венгерской аристократии, министр иностранных дел в венгерском революционном правительстве в 1849 г.; после подавления революции эмигрировал из Венгрии. — 583.

Баттяни (Batthyany), Лайош (Людвиг), граф (1809 — 1849) — венгерский государственный деятель, представитель либеральных кругов венгерской аристократии; возглавлял венгерское правительство (март — сентябрь 1848), проводил политику компромисса с австрийской монархией; расстрелян после подавления революции. — 583.

Бауэр (Bauer), Эдгар (1820 — 1886) — немецкий публицист, младогегельянец, в 50 — начале 60-х годов жил за границей, в 1858 — 1859 гг. редактор лондонской газеты «Neue Zeit». — 487.

Баяр (Bayard), Пьер (ок. 1475 — 1524) — французский рыцарь, прославлен современниками как образец мужества и благородства, как «рыцарь без страха и упрека». — 615, 616, 618 — 622.

Бедо (Bedeau), Мари Альфонс (1804 — 1863) — французский генерал и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в 30 — 40-х годах участвовал в завоевании Алжира; в период Второй республики вице-президент Учредительного и Законодательного собраний, после государственного переворота 2 декабря 1851 г. выслан из Франции. — 224.

Бёйст (Beust), Фридрих (1817 — 1899) — прусский офицер, вышедший в отставку из-за политических убеждений, в 1848 г. член комитета кёльнского Рабочего союза, один из редакторов «Neue Kolnische Zeitung» (сентябрь 1848 — февраль 1849), участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; после революции эмигрировал в Швейцарию, профессор педагогики. — 448.

Бек (Beck), Христиан Даниель (1757 — 1832) — немецкий филолог, автор ряда работ по античной литературе и истории. — 11.

Беккер (Becker), Готфрид (1827 — 1865) — немецкий журналист, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; в 1853 г. эмигрировал в Америку, участник Гражданской войны в США; сын Иоганна Филиппа Беккера. — 434.

Беккер (Becker), Иоганн Филипп (1809 — 1886) — рабочий-щеточник, участник демократического движения 30 — 40-х годов в Германии и Швейцарии; в качестве офицера швейцарской армии участвовал в войне против Зондербунда; активный деятель революции 1848 — 1849 годов; во время баденско-цфальцского восстания командовал баденским народным ополчением; после поражения восстания эмигрировал из Германии; в 60-х годах один из видных деятелей I Интернационала, участник всех его конгрессов, редактор журнала «Vorbote»; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 424, 432 — 437, 449, 453, 593 — 601, 615, 627, 631, 664, 668, 689.

Беккер (Becker), Макс Йозеф (ум. в 1896 г.) — инженер из Рейнской области, демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., после его поражения эмигрировал в Швейцарию, затем в США. — 404, 406.

Бекман (Beckmann) — в начале 50-х годов XIX в. прусский полицейский шпион в Париже, парижский корреспондент «Kolnische Zeitung». — 428, 429, 671.

Белидор (Belidor), Бернар *Форе де* (1693 — 1761) — французский военный инженер, автор ряда работ по фортификации, артиллерии и математике. — 205.

Белльгард (Bellegarde), Фридрих Генрих, граф (1756 — 1845) — австрийский фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции. — 165.

Бем (Bem), Юзеф (1795 — 1850) — польский генерал, деятель национально-освободительного движения, участник восстания 1830 — 1831 годов; в 1848 г. участвовал в революционной борьбе в Вене; один из руководителей революционной армии в Венгрии; затем служил в турецкой армии. — 134 — 137.

Бенда (Benda), Роберт (1816 — 1899) — немецкий политический деятель, либерал, с 1859 г. член палаты депутатов, с 1867 г. член рейхстага, впоследствии национал-либерал. — 617.

Беннигсен (Bennigsen), Левин Август Теофиль (Леонтий Леонтьевич) (1745 — 1826) — генерал на русской службе, выходец из Ганновера, участник убийства Павла I; принимал участие в войнах против наполеоновской Франции, в 1807 г. главнокомандующий, в Отечественной войне 1812 г. начальник главного штаба русских войск. — 113 — 116.

Бересфорд (Beresford), Джордж, маркиз *Уотерфорд* (ум. в 1826 г.) — английский аристократ, отец У. К. Бересфорда. — 294.

Бересфорд (Beresford), Уильям — английский католический священник, архиепископ Туамский (в Ирландии). — 295. .

Бересфорд (Beresford), Уильям Карр, виконт (1768 — 1854); — английский генерал и политический деятель, тори, один из организаторов и руководителей ряда колониальных экспедиций, в 1808 — 1814 гг. участвовал в войне на Пиренейском полуострове, главнокомандующий португальской армией (1809 — 1823); начальник английского артиллерийского управления (1828 — 1830). — 53, 294 — 295.

Бёрли — см. *Сесил,* Уильям.

Берлинерблау, Исидор — см. *Оппенхейм,* Генрих Бернхард.

Бермудес (Bermudez), Хосе Франсиско (1782 — 1831) — венесуэльский генерал и политический деятель, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, противник Боливара. — 230.

Бернадот (Bernadotte), Жан Батист Жюль (1763 — 1844) — французский маршал, участник войн французской республики и наполеоновской Франции; в 1810 г. усыновлен шведским королем Карлом XIII, стал наследником престола и регентом Швеции; в 1813 г. принимал участие в войне против Наполеона I, король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Иоанна (1818 — 1844). — 93, 114, 138, 161 — 171, 179, 180, 183 — 185.

Бёрнс (Burnes), Александр (1805 — 1841) — английский офицер, один из организаторов английской колониальной экспансии в Центральной Азии; в 1836 — 1838 гг. находился со специальной миссией в Кабуле, в 1839 — 1841 гг. выполнял функции политического советника при штабе английской армии в Кабуле. — 80, 81, 83.

Бернулли (Bernoulli), Иоганн (1667 — 1748) — выдающийся швейцарский математик, профессор Гронингенского (Голландия) и Базельского университетов, известен работами в области дифференциального и интегрального исчислений, а также механики. — 205.

Беррийская (Berry), Мария Каролина Фердинанда Луиза, герцогиня (1798 — 1870) — мать графа Шамбора, легитимистского претендента на французский престол; в 1832 г. пыталась поднять восстание в Вандее с целью свержения Луи-Филиппа. — 222.

Бертье (Berthier), Жан Батист (1721 — 1804) — французский военный инженер, отец маршала Бертье. — 95.

Бертье (Berthier), Луи Александр (1753 — 1815) — французский маршал, участник войн. Французской республики и наполеоновской Франции, начальник генерального штаба армии Наполеона I. — 95 — 98, 144, 187.

Берье (Berryer), Пьер Антуан (1790 — 1868) — французский адвокат и политический деятель, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, легитимист. — 526.

Бесьер (Bessieres), Жан Батист (1768 — 1813) — французский маршал, участник войн Французской республики и наполеоновской Франции. — 65, 138 — 139.

Бидерман (Biedermann), Карл (1812 — 1901) — немецкий буржуазный историк и публицист, умеренный либерал; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к центру, впоследствии национал-либерал. — 667.

Бираго (Birago), Карл (1792 — 1845) — австрийский военный инженер, разработал систему понтонных мостов, принятую в середине XIX в. на вооружение армий ряда европейских государств. — 156.

Бирингуччо (Biringuccio), Ванноччо (1480 — 1539) — итальянский химик и инженер-металлург, автор книги «О пиротехнике». — 200.

Бискамп (Biskamp), Элард — немецкий демократ, журналист, участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал, входил в редакцию органа немецких эмигрантов в Лондоне «Volk», издававшегося при непосредственном участии Маркса. — 487, 488, 496, 606, 626, 628, 630, 638 — 640, 642, 650, 651, 654, 661, 666, 705.

Блан (Blanc), Луи (1811 — 1882) — французский мелкобуржуазный социалист, историк; в 1848 г. член временного правительства и председатель Люксембургской комиссии; стоял на позициях соглашательства с буржуазией; в августе 1848 г. эмигрировал в Англию, один из руководителей мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне. — 442, 629.

Бланки (Blanqui), Луи Огюст (1805 — 1881) — французский революционер , коммунист-утопист,

организатор ряда тайных обществ и заговоров; активный участник революций 1830 и 1848 годов; виднейший руководитель пролетарского движения во Франции; неоднократно приговаривался к тюремному заключению. — 442.

Бланшард (Blanchard) — английский офицер, разработал в 1828 г. одну из систем понтонных мостов. — 157.

Бланшне (Blanchenay), Луи (1800 — 1881) — швейцарский буржуазный политический деятель; депутат Национального совета (1848 — 1860); директор таможен (1861 — 1873). — 565.

Блинд (Blind), Карл (1826 — 1907) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848 — 1849 годах; в 50-х годах один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне; позднее национал-либерал. — 486, 487, 489, 491 — 500, 553, 606, 632, 638, 640 — 642, 648 — 651, 654, 680 — 684, 692, 693, 695 — 700, 702, 704, 705.

Блондель (Blondel), Франсуа (1617 — 1686) — французский архитектор и военный инженер, автор работ по фортификации и артиллерии. — 205.

Блонден (Blondin) (настоящее имя Жан Франсуа *Гравеле)* (1824 — 1897) — знаменитый французский акробат-канатоходец. — 590.

Блэк (Blake), Роберт (1599 — 1657) — английский адмирал, участник английской буржуазной революции XVII в., сподвижник Кромвеля; в 50-х годах командовал флотом в англо-испанской войне, вел борьбу с тунисскими и алжирскими пиратами. — 102.

Блюм (Blum*), Роберт* (1807 — 1848) — немецкий мелкобуржуазный демократ, по профессии журналист; возглавлял левое крыло во франкфуртском Национальном собрании; в октябре 1848 г. принял участие в защите Вены, расстрелян после взятия Вены контрреволюционными войсками. — 117 — 119, 413, 444 — 446, 560, 608.

Блюнчли (Bluntschli), Иоганн Каспар (1808 — 1881) — швейцарский юрист и реакционный политический деятель; один из организаторов полицейского преследования участников революционного движения; член созданной в 1843 г. швейцарским правительством комиссии по расследованию деятельности немецких эмигрантов в Швейцарии и составитель опубликованного в 1843 г. отчета этой комиссии. — 450.

Блюхер (Blucher), Гебхард Леберехт (1742 — 1819) — прусский генерал-фельдмаршал, в 1793 — 1794 гг. участвовал в войне против Французской республики, в 1806, 1813 — 1814 и 1815 гг. командовал войсками в войнах против наполеоновской Франции. — 164, 169, 178 — 195, 311.

Бобцин (Bobzin), Фридрих Генрих Карл (род. в 1826 г.) — немецкий ремесленник, в 1847 г. член брюссельского Общества немецких рабочих; участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрант в Лондоне; вместе со Струве возглавлял буржуазно-демократический Союз немецких эмигрантов в Лондоне. — 407.

Бовес (Boves), Хосе Томас (ум. в 1814 г.) — испанский офицер, предводитель отрядов льянерос, боровшихся против помещиков-креолов и до 1814 г. использовавшихся испанцами для подавления национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 229, 230,

Богарне (Beauharnais), Евгений, принц (1781 — 1824) — французский генерал, пасынок Наполеона I, участник войн наполеоновской Франции; в 1805 — 1814 гг. вице-король Италии. — 64, 164, 163, 257 — 260, 513.

Бодиско, Яков Андреевич (род. в 1794 г.) — русский офицер, впоследствии генерал; в начале Крымской войны (1853 — 1856)

комендант крепости Бомарсунд. — 293.

Боливар-и-Понте (Bolivar y Ponte), Симон (1783 — 1830) — выдающийся южноамериканский политический деятель, один из главных руководителей войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, президент Колумбийской республики (1819 — 1830). — 226 — 240, 585, 690.

Бонапарт — см. *Наполеон I.*

Бонапарт (Bonaparte), Жером (1784 — 1860) — младший брат Наполеона I; король Вестфалии (1807 — 1813), с 1850 г. маршал. — 538.

Бонапарт (Bonaparte), Жозеф (1768 — 1844) — старший брат Наполеона I, король неаполитанский (1806 — 1808) и испанский (1808 — 1813). — 162.

Бонапарт (Bonaparte), Жозеф Шарль Поль, принц Наполеон (1822 — 1891) — сын Жерома Бонапарта, двоюродный брат Наполеона III, принял имя Жерома после смерти своего старшего брата (1847), в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, в 1854 г. командовал дивизией в Крыму, в австро-итало-французской войне 1859 г. командовал корпусом; известен под кличками Плон-Плон и Красный принц. — 56, 414, 422, 431, 432, 486, 492, 517, 538, 542, 555 — 558, 561, 564 — 566, 572, 573, 578, 579, 587, 588, 591, 622, 623, 681.

Бонапарт, Луи — см. *Наполеон III.*

Бонапарт (Bonaparte), Людовик (1778 — 1846) — брат Наполеона I, голландский король (1806 — 1810). — 557.

Бонапарт (Bonaparte), Люсьен (1775 — 1840) — брат Наполеона I, один из организаторов государственного переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 года; посланник в Испании (1800 — 1802). — 166.

Бонапарты — императорская династия во Франции (1804 — 1814, 1815 и 1852-1870). — 543, 556, 561.

Бонериус (Bonerius), Ульрих — средневековый немецкий, поэт, монах-проповедник; автор сборника басен «Драгоценный камень», написанного на основании латинских источников и вышедшего в 1350 году. — 561.

Бонифас (Boniface), Луи (род. в 1796 г.) — французский журналист, бонапартист. — 554, 578.

Бониш (Bonis), Шамуэль (1810 — 1879) — венгерский юрист и политический деятель, участник революции 1848 — 1849 гг., сторонник Кошута. — 690.

Боркхейм (Borkheim), Сигизмунд Людвиг (1825 — 1885) — немецкий журналист, демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., после поражения которого эмигрировал из Германии, с 1851 г. купец в Лондоне; находился в дружественных отношениях с Марксом и Энгельсом. — 403 — 406, 415, 416, 433, 691.

Бороздин, Николай Михайлович (1777 — 1830) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 258.

Боске (Bosquet), Пьер Жозеф Франсуа (1810 — 1861) — французский маршал, буржуазный республиканец, позднее бонапартист; в 30 — 50-х годах участвовал в завоевании Алжира, в 1854 г. командовал дивизией, затем корпусом в Крыму (1854 — 1855). — 56, 140 — 141.

Боярдо (Bojardo), Маттео Мариа (1434 — 1494) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор поэмы «Влюбленный Роланд». — 677.

Брайдон (Brydon), Уильям (1811 — 1873) — английский военный врач, участник англо-афганской войны (1838 — 1842). — 84.

Бранденбург (Brandenburg), Фридрих Вильгельм, граф (1792 — 1850) — прусский генерал и государственный деятель, глава контрреволюционного министерства (ноябрь 1848 — ноябрь 1850). — 620.

Брасс (Bras), Август (1818 — 1876) — немецкий журналист, участник революции 1848 — 1849 п. в Германии, после поражения революции эмигрировал в Швейцарию, в 1859 — 1860 гг. был главным редактором газеты «Neue Schweizer Zeitung», впоследствии сторонник Бисмарка. — 555, 556.

Браун (Brown), Джордж (1790 — 1865) — английский генерал, участник войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814), в 1854 — 1855 гг. командовал дивизией в Крыму. — 56.

Брентано (Brentano), Лоренц (1813 — 1891) — баденский мелкобуржуазный демократ, по профессии адвокат; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 1849 г. стоял во главе баденского временного правительства, после поражения баденско-пфальцского восстания эмигрировал в Швейцарию, затем в США. — 424. 468, 619.

Брийа-Саварен (Brillat-Savarin), Ансельм (1755 — 1826) — французский писатель, автор книги «Физиология вкуса». — 564.

Брион (Brion), Луи (1782 — 1821) — колумбийский негоциант, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, сторонник Боливара; по происхождению голландец. — 231 — 233.

Бруннов, Филипп Иванович, барон (1797 — 1875) — русский дипломат, посланник (1840 — 1854, 1858 — 1860), затем посол (1860 — 1874) в Лондоне. — 514.

Брусье (Broussier), Жан Батист (1766 — 1814) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции. — 258.

Брюн (Brune), Гийом Мари Анн (1763 — 1815) — французский маршал, деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., правый якобинец-дантонист, позднее сторонник Бонапарта, участник войн Французской республики и наполеоновской Франции. — 142 — 145.

Буашо (Boichot), Жан Батист (род. в 1820 г.) — французский политический деятель, республиканец, депутат Законодательного собрания (1849), участник восстания 13 июня 1849 г., впоследствии эмигрировал за границу. — 426.

Бубна фон Литиц (Bubna von Litic), Фердинанд, граф (1768 — 1825) — австрийский генерал и дипломат, по происхождению чех; в 1813 — 1814 и 1815 гг. участвовал в войнах против наполеоновской Франции. — 190.

Буггенхаген (Buggenhagen) (XVIII в.) — мекленбургский военный инженер. — 344.

Буксгевден, Федор Федорович, граф (1750 — 1811) — русский генерал, в 1805 и 1806 гг. участвовал в войнах против наполеоновской Франции. — 114.

Бурбоны — королевская династия во Франции (1589 — 1792, 1814 — 1815 и 1815 — 1830). — 169, 222.

Бурмон (Bourmont), Луи Огюсг Виктор *де* (1773 — 1846) — французский генерал, с 1830 г. маршал, роялист; в 1830 г. командовал завоевательной экспедицией в Алжир. — 103, 104.

Бурьенн (Bourrienne), Луи Антуан *Фовеле де* (1769 — 1834) — французский дипломат и политический деятель, школьный товарищ Наполеона Бонапарта, его личный секретарь (1797 — 1802), поверенный в делах в Гамбурге (1804 — 1813), перешел на сторону Бурбонов. — 120 — 121, 144.

Буска (Busca), Габрио (ок. 1540 — ок. 1601) — итальянский военный инженер, автор сочинения по фортификации. — 334.

Бусмар (Bousmard), Анри Жан Батист (1749 — 1807) — французский военный инженер, с 1792 г. контрреволюционный эмигрант, состоял на прусской службе, в 1807 г. руководил обороной Данцига против наполеоновских

войск; автор сочинения по фортификации. — 342.

Бусс (Bus), Франц Йозеф (1803 — 1878) — немецкий юрист и политический деятель, противник прусской гегемонии, ярый клерикал, депутат рейхстага. — 477.

Бутенев, Аполлинарий Петрович (1787 — 1866) — русский дипломат, посол в Турции (1830 — 1842), в 1843 — 1856 гг. посланник в Риме, а затем, в 1856 — 1858 гг., в Турции. — 513.

Бухер (Bucher), Лотар (1817 — 1892) — прусский чиновник, публицист; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому центру; после поражения революции 1848 — 1849 гг. эмигрант в Лондоне, корреспондент берлинской «National-Zeitung», впоследствии национал-либерал, сторонник Бисмарка. — 459, 485.

Бьют (Bute), Джон *Стюарт,* граф (1713 — 1792) — английский государственный деятель, тори, премьер-министр (1761 — 1763). — 504.

Бэкон (Bacon), Роджер (ок. 1214 — 1294) — английский философ и ученый-естествоиспытатель, сторонник экспериментального метода в науке; монах-францисканец. — 197.

Бэрд (Baird), Давид (1757 — 1829) — английский генерал, в 1800 — 1802 гг. командовал экспедицией английских войск в Египет. — 294.

Бюжо де ла Пиконри (Bugeaud de la Piconnerie), Тома Робер (1784 — 1849) — французский маршал; орлеанист, член палаты депутатов в период Июльской монархии, командовал войсками, подавившими республиканское восстание в Париже в 1834 г., один из организаторов завоевательных войн в Алжире и Марокко, в 1841 — 1847 гг. генерал-губернатор Алжира, в 1848 — 1849 гг. главнокомандующий альпийской армией, депутат Законодательного собрания. — 222 — 225.

Бюлов (Bulow), Фридрих Вильгельм, граф *Денневиц* (1755 — 1816) — прусский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 169, 183, 186, 190, 191.

Бюлье (Bullier) — французский журналист, бонапартист. — 554.

Бюргерс (Burgers), Генрих (1820 — 1878) — немецкий радикальный публицист, сотрудник «Rheinische Zeitung» (1842 — 1843), в 1848 г. член кёльнской общины Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», с 1850 г. член Центрального комитета Союза коммунистов, на кёльнском процессе коммунистов (1852) приговорен к шести годам тюремного заключения; впоследствии прогрессист. — 627.

Бюро (Bureau), братья, Гаспар (ум. в 1469 г.) и Жан (ум. в 1463 г.) — французские военные инженеры, в 30 — 50-х годах возглавляли французскую артиллерию, внесли в нее ряд усовершенствований. — 199.

В

Валевский (Walewski), Александр Флориан Жозеф *Колонна,* граф (1810 — 1868) — французский дипломат и государственный деятель, сын Наполеона I и польской графини Валевской; участник польского восстания 1830 — 1831 гг., после поражения восстания эмигрировал во Францию; министр иностранных дел (1855 — 1860); председательствовал на Парижском конгрессе (1856). — 560.

Валленштейн (Wallenstein), Альбрехт (1583 — 1634) — полководец периода Тридцатилетней войны, в 1618 — 1630 и 1632 — 1634 гг. командовал имперскими войсками. — 33.

Вальер (Valliere), Жан Флоран *де* (1667 — 1759) — французский генерал, в 1720 — 1747 гг. начальник французской артиллерии,

реорганизовал ее на основе своей системы. — 206.

Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1170 — ок. 1230) — немецкий средневековый поэт-миннезингер. — 479.

Вандам (Vandamme), Доминик Рено (1770 — 1830) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции, в 1813 г. капитулировал со своим корпусом у Кульма. — 93.

Вар (Публий Квинтилий Вар) (ок. 53 до н. э. — 9 н. э.) — римский политический деятель и полководец, правитель провинции Германии (7 — 9 н. э.), погиб в сражении в Тевтобургском лесу во время восстания германских племен. — 616.

Варвик (Warwick), Ричард *Невилл,* граф (1428 — 1471) — английский феодал, играл крупную роль в войне Алой и Белой розы (1455 — 1485); за влияние, которым он пользовался при возведении на королевский престол, получил прозвище «делателя королей». — 621.

Васильчиков, Илларион Васильевич (ок. 1777 — 1847) — русский генерал, впоследствии военный и государственный деятель; участник войн против наполеоновской Франции. — 258, 259.

Вебер (Weber) — прусский юрист, адвокат Маркса в процессе против берлинской «National-Zeitung» в 1860 году. — 626, 629, 632, 633, 647, 648, 658 — 660, 707.

Вега (Vega), Георг, барон (1756 — 1802) — австрийский офицер и математик, составитель логарифмических таблиц. — 206.

Вегеций (Флавий Вегеций Ренат) (конец IV в.) — римский военный писатель. — 25.

Веджецци-Рускалла (Vegezzi-Ruscalla), Джовеналле — итальянский публицист середины XIX в., автор брошюры «Национальность Ниццы». — 565.

Веерт (Weerth), Георг (1822 — 1856) — немецкий пролетарский поэт и публицист, член Союза коммунистов, в 1848 — 1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», друг Маркса и Энгельса. — 685.

Везендонк (Wesendonck), Гуго — прусский адвокат в Дюссельдорфе, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 1849 г. депутат второй палаты, принадлежал к крайнему левому крылу. — 476.

Вейдемейер (Weydemeyer), Иосиф (1818 — 1866) — видный деятель немецкого и американского рабочего движения; в 1846 — 1847 гг. «истинный социалист», под влиянием Маркса и Энгельса перешел на позиции научного коммунизма, член Союза коммунистов; участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, один из ответственных редакторов «Neue Deutsche Zeitung» (1849 — 1850), после поражения революции эмигрировал в США, участник Гражданской войны на стороне северян; положил начало пропаганде марксизма в США; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 466, 677.

Вейтлинг (Weitling), Вильгельм (1808 — 1871) — видный деятель рабочего движения Германии в период его зарождения, один из теоретиков утопического уравнительного коммунизма; по профессии портной. — 450.

Велизарий (ок. 505 — 565) — византийский полководец, вел войны с персами, вандалами, ост-готами и франками; один из сподвижников императора Юстиниана I в его реакционной политике реставрации рабовладельческого строя в Северной Африке и Италии. — 361.

Веллингтон (Wellington), Артур *Уэлсли,* герцог (1769 — 1852) — английский полководец и государственный деятель, тори; в 1808 — 1814 и 1815 гг. командовал войсками в войнах против наполеоновской Франции; начальник артиллерийского управления (1818 — 1827), главнокомандую-

щий английской армией (1827 — 1828, 1842 — 1852), премьер-министр (1828 — 1830), министр иностранных дел (1834 — 1835). — 194, 262, 265, 266, 295, 324, 350.

Венедей (Venedey), Якоб (1805 — 1871) — немецкий радикальный публицист, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; после революции 1848 — 1849 гг. либерал. — 442, 474, 479, 490, 616.

Вергилий (Публий Вергилий Марон) (70 — 19 до н. э.) — выдающийся римский поэт. — 419, 449, 647, 667.

Вермут (Wermuth) — полицейдиректор в Ганновере, свидетель на кёльнском процессе коммунистов (1852); вместе со Штибером составил книгу «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия». — 430.

Верон (Veron), Луи Дезире (1798 — 1867) — французский журналист и политический деятель, до 1848 г. орлеанист, затем бонапартист; владелец газеты «Constitutionnel». — 410.

Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан) (9 — 79) — римский император (69 — 79). — 614.

Вестфален (Westphalen), Фердинанд *фон* (1799 — 1876) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел (1850 — 1858), реакционер; сводный брат жены Маркса, Женни Маркс. — 445.

Вие (Wiehe), Иоганн Фридрих — рабочий-наборщик; в 1859 г. работал в типографии Холлингера в Лондоне. — 495, 497 — 499, 632, 640, 648, 682 — 684, 700, 705.

Визенрислер, Якоб — см. *Лассаль,* Фердинанд.

Виктор (Victor), Клод Виктор *Перрен* (1764 — 1841) — французский генерал, с 1807 г. маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 180, 188, 190, 191.

Виктор-Эммануил II (1820 — 1878) — сардинский король (1849 — 1861), итальянский король (1861 — 1878). — 542, 567.

Виллих (Willich), Август (1810 — 1878) — прусский офицер, вышедший в отставку по политическим убеждениям, член Союза коммунистов, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; один из лидеров сектантско-авантюристской фракции, отколовшейся от Союза коммунистов в 1850 году; в 1853 г. эмигрировал в США, участник Гражданской войны на стороне северян. — 407, 413, 415, 418, 423, 437, 452 — 458, 460, 467, 606, 625, 631, 669, 671, 674.

Вильгельм I (1797 — 1888) — принц Прусский, принц-регент (1858 — 1861), прусский король (1861 — 1888), германский император (1871 — 1888). — 185, 536, 558, 605, 679, 690 — 691.

Вильгельм II (1777 — 1847) — гессен-кассельский курфюрст (1821 — 1847); в 1813 — 1814 гг. участвовал в войнах против наполеоновской Франции. — 186.

Вильгельм III Оранский (1650 — 1702) — штатгальтер Нидерландов (1672 — 1702), английский король (1689 — 1702). — 279.

Вильмаре (Villemarest), Шарль Максим *де* (1785 — 1852) — французский литератор, составитель ряда фальшивых мемуаров. — 121.

Виндишгрец (Windischgratz), Альфред, князь (1787 — 1862) — австрийский фельдмаршал; в 1848 г. руководил подавлением восстаний в Праге и Вене; в 1848 — 1849 гг. командовал австрийской армией, участвовавшей в подавлении революции в Венгрии. — 119, 136, 453, 608.

Винцингероде, Фердинанд Федорович, барон (1770 — 1818) — русский генерал, по происхождению немец, участник войн против наполеоновской Франции. — 183, 190 — 192.

Висс (Wys) — в 50-х годах XIX в. адвокат в Берне. — 665, 666.

Витгенштейн, Петр Христианович, граф. (1768 — 1842) — русский генерал, впоследствии генерал-фельдмаршал; участник войн против наполеоновской Франции, в апреле — мае 1813 г. главнокомандующий русско-прусскими войсками. — 180, 190.

Владимиреску (Wladimiresco), Тудор (ок. 1780 — 1821) — румынский национальный герой, вождь народного восстания 1821 г. в Валахии, направленного против крупных землевладельцев и турецкого гнета. — 512.

Вобан (Vauban), Себастьен ле Претр (1633 — 1707) — французский маршал, военный инженер, автор ряда работ по фортификации и теории осады. — 89, 201, 279, 280, 329, 336, 337, 339 — 342, 346, 348, 350.

Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари (настоящая фамилия *Аруэ)* (1694 — 1778) — французский философ-деист, писатель-сатирик, историк, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII в., боролся против абсолютизма и католицизма. — 575, 688, 691.

Вольф (Wolff), Бернхард (1811 — 1879) — немецкий журналист, с 1848 г. владелец берлинской газеты «National-Zeitung», основатель первого телеграфного агентства в Германии (1849). — 641.

Вольф (Wolff), Вильгельм (1809 — 1864) — немецкий пролетарский революционер, по профессии учитель, сын силезского крепостного крестьянина; участник студенческого движения, в 1834 — 1839 гг. находился в заключении в прусских казематах, в 1846 — 1847 гг. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, с марта 1848 г. член Центрального комитета Союза коммунистов, в 1848 — 1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», депутат франкфуртского Национального собрания; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 427, 444, 445, 451, 476 — 480, 485, 488, 641, 650, 651, 653.

Вольф (Wolff), Христиан (1679 — 1754) — немецкий философ-идеалист и математик. — 205.

Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 — ок. 1220) — немецкий средневековый поэт, автор рыцарской поэмы «Парцифаль». — 580.

Воронцов, Михаил Семенович, князь (1782 — 1856) — русский государственный деятель, генерал, участник войн против наполеоновской Франции; в 1844 — 1854 гг. главнокомандующий войсками на Кавказе и наместник Кавказа. — 192.

Врангель (Wrangel), Фридрих Генрих Эрнст (1784 — 1877) — генерал, видный представитель прусской реакционной военщины; один из главных участников контрреволюционного переворота в Пруссии и разгона прусского Национального собрания в ноябре 1848 года. — 620.

Вреде (Wrede), Карл Филипп (1767 — 1838) — баварский генерал, с 1814 г. фельдмаршал; командовал баварскими войсками, участвовавшими с 1805 г. в войнах наполеоновской Франции, а с 1813 г. в войнах против наполеоновской Франции. — 187, 190.

Вреде (Wrede), Фабиан, граф (1760 — 1824) — шведский генерал, с 1816 г. фельдмаршал; в 1810 г. послан с чрезвычайной миссией в Париж, активно содействовал избранию Бернадота наследником шведского престола. — 166.

Вуароль (Voirol), Теофиль, барон (1781 — 1853) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции, в 1833 — 1834 гг. генерал-губернатор Алжира. — 108.

Вюрт (Wurth) — немецкий политический деятель, депутат франкфуртского Национального собрания. — 479.

Вюртембергский (Wurttemberg), Евгений, герцог (1788 — 1857) —

русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции; племянник жены Павла I. — 259, 260.

Вюртембергский (Wurttemberg), Фердинанд Фридрих Август, герцог (1763 — 1834) — австрийский фельдмаршал, участник войн против Французской республики и наполеоновской Франции. — 187, 190.

Г

Габсбурги — династия императоров так называемой Священной Римской империи с 1273 по 1806 г. (с перерывами), испанских королей (1516 — 1700), австрийских императоров (с 1804 г.) и императоров Австро-Венгрии (1867—1918). — 517, 518, 619, 638.

Гавас (Havas), Огюст (1814 — 1889) — один из владельцев французского информационного агентства. — 641.

Гаген (Hagen), Карл (1810 — 1868) — немецкий историк, политический деятель, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к крайней левой; с 1855 г. профессор в Берне, — 471, 478.

Гагерн (Gagern), Генрих, барон (1799 — 1880) — немецкий буржуазный политический деятель, умеренный либерал; депутат и председатель франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру, имперский министр-президент (декабрь 1848 — март 1849), после мая 1849 г. один из лидеров Готской партии. — 471, 479, 523.

Гайнау (Haynau), Юлиус Якоб (1786 — 1853) — австрийский генерал, жестоко подавлял революционное движение в Италии и Венгрии в 1848 — 1849 гг., за проявленную жестокость получил кличку «бешеная гиена». — 284, 593.

Гайон (Guyon), Ричард Дебофр (1803 — 1856) — турецкий генерал под именем Хуршид-паша, по происхождению англичанин, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии, после поражения революции эмигрировал в Турцию; в 1853 г. командовал частями турецких войск на Кавказе. — 581.

Гакстгаузен (Haxthausen), Август (1792 — 1866) — прусский чиновник и писатель, автор работы, посвященной описанию остатков общинного строя в земельных отношениях России, по политическим взглядам реакционер-крепостник. — 515.

Галер (Galeer), Альберт (1816 — 1851) — швейцарский учитель и литератор; демократ, участник войны против Зондербунда в Швейцарии в 1847 г, и баденско-пфальцского восстания 1849 г., член Большого совета Женевы, вначале сторонник Фази, впоследствии глава оппозиции. — 405, 597 — 599.

Галер (Galeer), Оскар — брат предыдущего, студент. — 405.

Галилей (Galilei), Галилео (1564 — 1642) — великий итальянский физик и астроном, создатель основ механики, борец за передовое мировоззрение. — 205.

Гамилькар Барка (ок. 270 — ок. 228 до н. э.) — карфагенский полководец и государственный деятель, в 247 — 241 гг. до н. э. руководил в Сицилии борьбой против римлян, в 237 — ок. 228 гг. до н. э. командовал завоевательной экспедицией в Испании; отец Ганнибала. — 299, 300.

Гамильтон (Hamilton), Джемс (ум. в 1580 г.) — шотландский дворянин, сторонник шотландской королевы Марии Стюарт. — 61.

Ганнибал (ок. 247 — 183 до н. э.) — выдающийся карфагенский полководец. — 17, 72, 299 — 302.

Гардан (Gardane), Клод Матьё *де* (1766 — 1817) — французский генерал и дипломат, участник войн наполеоновской Франции, в 1807 — 1808 гг. находился со специальной миссией в Тегеране. — 80.

Гарибальди (Garibaldi), Джузеппе (1807 — 1882) — итальянский ре-

волюционер, демократ, вождь национально-освободительного движения в Италии; в 1848 г. во главе корпуса добровольцев самоотверженно сражался на стороне пьемонтской армии в войне против Австрии; главный организатор обороны Римской республики в 1849 году; в 50 — 60-х годах возглавлял борьбу итальянского народа за национальное освобождение и объединение страны. — 590.

Гарни (Harney), Джордж Джулиан (1817 — 1897) — видный деятель английского рабочего движения, один из вождей левого крыла чартизма; редактор газеты «Northern Star» и ряда других чартистских периодических изданий, был связан с Марксом и Энгельсом. — 457.

Гарсиа де ла Куэста (Garcia de la Cuesta), Грегорио (1741 — 1811) — испанский генерал, участник освободительной войны против наполеоновского господства (1808 — 1814). — 138.

Гартман фон Ауэ (ок. 1170 — ок. 1210) — немецкий средневековый лирический и эпический поэт. — 552.

Гартман (Hartmann), Мориц (1821 — 1872) — австрийский писатель, в середине 40-х годов «истинный социалист», депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к крайней левой. — 552.

Гасдрубал — карфагенский полководец, участник второй Пуническойв ойны (218 — 201 до н. э.). — 302.

Гацфельдт (Hatzfeldt), Максимилиан, граф (1813 — 1859) — прусский дипломат, с 1849 г. посланник в Париже, участник Парижского мирного конгресса 1856 года. — 429, 671.

Геберт (Gebert), Август — столяр из Мекленбурга, член Союза коммунистов в Швейцарии, переехал затем в Лондон, после раскола Союза в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, член ее Центрального комитета. — 425.

Гёгг (Goegg), Амандус (1820 — 1897) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в 1849 г. член баденского временного правительства, после поражения революции эмигрировал из Германии, в 70-х годах примкнул к германской социал-демократии. — 469, 678.

Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770 — 1831) — крупнейший представитель немецкой классической философии, объективный идеалист, наиболее всесторонне разработал идеалистическую диалектику. — 695.

Гейден, Логин Петрович (1772 — 1850) — адмирал русского флота, командовал эскадрой в Наваринском сражении 1827 г., во время русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг. главнокомандующий русским флотом в Средиземном море. — 512.

Гейне (Heine), Генрих (1797 — 1856) — великий немецкий революционный поэт. — 442, 479, 484, 549, 601, 645.

Гейнцен (Heinzen), Карл (1809 — 1880) — немецкий публицист радикального направления, мелкобуржуазный демократ, выступал против Маркса и Энгельса; участвовал в баденско-пфальцском восстании 1849 г., затем эмигрировал в Швейцарию, а потом в Англию; осенью 1850 г. окончательно переселился в США. — 598.

Геккер (Hecker), Фридрих Карл (1811 — 1881) — баденский республиканец, мелкобуржуазный демократ, один из руководителей баденского восстания в апреле 1848 г., после поражения восстания эмигрировал в Швейцарию, затем в США, участник Гражданской войны на стороне северян. — 413, 619.

Гелиогабал, или *Элагабал* (204 — 222) — римский император (218 — 222), имя которого стало символом

расточительства, деспотизма и разврата. — 422, 557.

Гемпден (Hampden), Джон (1594 — 1643) — видный деятель английской буржуазной революции XVII в., выражал интересы буржуазии и обуржуазившегося дворянства. — 526.

Генри (Henry), Томас (1807 — 1876) — английский полицейский судья. — 498, 683, 684.

Генрих II Лотарингский, герцог *Гиз* (1614 — 1664) — один из деятелей Фронды. — 409.

Генрих IV (1553 — 1610) — французский король (1589 — 1610). — 31 32 61

Генрих VII (1457 — 1509) — английский король (1485 — 1509). — 382.

Генрих VIII (1491 — 1547) — английский король (1509 — 1547). — 60, 382.

Георг II (1683 — 1760) — английский король и ганноверский курфюрст (1727 — 1760). — 113.

Георг IV (1762 — 1830) — принц-регент (1811 — 1820) и английский король (1820 — 1830). — 193.

Гер (Heer), Хрйстоф (ум. в 1701 г.) — немецкий математик и военный инженер, автор сочинения по фортификации. — 338.

Герборт (Herbort), Иоганн Антон (XVIII в.) — вюртембергский военный инженер, автор работ по фортификации. — 344.

Гёргей (Gorgey), Артур (1818 — 1916) — военный деятель венгерской революции 1848 — 1849 гг., главнокомандующий венгерской армией (апрель — июнь 1849); опирался на реакционное офицерство и контрреволюционную часть буржуазии, саботировал революционную войну. — 269 — 271, 517, 581, 582, 592.

Герлах (Gerlach), Эрнст Людвиг (1795 — 1877) — прусский юрист, реакционный политический деятель, основатель «Neue Preusische Zeitung». — 612.

Герман (Hermann) — немецкий юрист, в 1859 г. адвокат Фогта в его процессе против «Allgemeine Zeitung». — 402, 407, 494, 606.

Геродот (ок. 484 — ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк. — 8, 155.

Герцен, Александр Иванович (1812 — 1870) — великий русский революционный демократ, философ-материалист, публицист и писатель; в 1847 г. эмигрировал за границу, где организовал русскую вольную типографию и издавал сборник «Полярная звезда» и газету «Колокол». — 598.

Гессенский курфюрст — см. *Вильгельм II.*

Гёте (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749 — 1832) — великий немецкий писатель и мыслитель. — 443, 446, 551, 592, 616.

Гёце (Gotze) — прусский юрист, в 50-х годах XIX в. вице-председатель прусского верховного суда. — 635.

Гешейдт, Штерн — см. *Бамбергер,* Людвиг.

Гиз, герцог — см. *Генрих II Лотарингский.*

Гизо (Guizot), Франсуа Пьер Гийом (1787 — 1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, с 1840 до февральской революции 1848 г. фактически руководил внутренней и внешней политикой, выражал интересы крупной финансовой буржуазии. — 224, 410, 451, 628.

Гипперих (Gipperich), Йозеф — немецкий портной, член одной из парижских общин, принадлежавших после раскола Союза коммунистов к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, один из обвиняемых по делу о так называемом немецко-французском заговоре в Париже в феврале 1852 года; впоследствии эмигрировал в Англию. — 672.

Гирш (Hirsch), Вильгельм — приказчик из Гамбурга, в начале 50-х годов XIX в. прусский полицейский агент в Лондоне. — 669 — 676.

Гнейзенау (Gneisenau), Август Вильгельм Антон (1760 — 1831) —

прусский генерал и военно-политический деятель, с 1825 г. генерал-фельдмаршал; играл видную роль в освободительной борьбе немецкого народа против наполеоновского господства; после разгрома прусской армии Наполеоном в 1806 г. принимал участие в разработке основ военной реформы, в 1813 — 1814 и 1815 гг. начальник штаба войск Блюхера. — 180 — 181, 190,195, 515.

Гогенцоллерн (Hohenzollern), Карл Антон (1811 — 1885) — прусский генерал и государственный деятель, глава правительства (ноябрь 1858 — 1860). — 603, 612.

Гогенцоллерн-Хехинген (Hohenzollern-Hechingen), Фридрих Франц Ксавер, князь (1757 — 1844) — австрийский генерал, впоследствии фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции. — 66, 69, 139.

Гогенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов (1415 — 1701), прусских королей (1701 — 1918) и германских императоров (1871 — 1918). — 558, 619, 638.

Голицын, Александр Михайлович — русский дипломат, в конце 50 — начале 60-х годов XVIII в. посланник в Лондоне. — 504.

Гольдхейм (Goldheim) — прусский полицейский офицер, в начале 50-х годов XIX в. один из тайных агентов прусской полиции в Лондоне. — 430, 674 — 676.

Гольц (Goltz), Карл Генрих Фридрих (1772 — 1822) — прусский генерал и дипломат, участник войн против Французской республики и наполеоновской Франции, в 1814 — 1822 гг. посланник в Париже. — 179.

Гомер — полулегендарный древнегреческий эпический поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». — 9, 27.

Гонсалес (Gonzalez) — испанский офицер, в начале XIX в. командовал частями войск, боровшихся против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 229.

Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65 — 8 до н. э.) — выдающийся римский поэт. — 400, 504, 581, 612.

Готфрид Страсбургский (конец XII — начало XIII в.) — немецкий средневековый поэт, автор рыцарской поэмы «Тристан и Изольда». — 524.

Готье (Gautier), Жак Луи — французский журналист, роялист, в конце 80 — начале 90-х годов XVIII в. один из редакторов газеты «Journal general de la Cour et de la Ville». — 142.

Граббе, Павел Христофорович (1787 — 1875) — русский военный и государственный деятель, принимал участие в подавлении польского восстания 1830 — 1831 гг. и в интервенции царских войск против революционной Венгрии в 1849 году. — 592.

Грангийо (Grandguillot), Альсиде Пьер (1829 — 1891) — французский публицист, бонапартист, с 1859 г. главный редактор «Constitutionnel», редактор «Pays» (1863 — 1865). — 544, 554, 687.

Гранье де Кассаньяк (Granier de Cassagnac), Адольф (1806 — 1880) — французский журналист, беспринципный политик; до революции 1848 г. орлеанист, затем бонапартист; депутат Законодательного корпуса (1852 — 1870), занимал крайне правую позицию; сотрудничал в газете «Constitutionnel». — 410, 554, 578.

Грейнер (Greiner), Людвиг — немецкий юрист, мелкобуржуазный демократ, в 1849 г. член пфальцского революционного временного правительства; после поражения революции эмигрировал в Швейцарию, затем в США. — 471, 472, 480.

Грейф (Greif) — прусский полицейский офицер, в начале 50-х годов XIX в. один из руководителей прусской агентуры в Лондоне. — 428, 430, 669 — 675.

Грибоваль (Gribeauval), Жан Батист *де* (1715 — 1789) — французский генерал, в 1764 — 1789 гг.

(с перерывом) занимал пост инспектора французской артиллерии, сыграл крупную роль в ее реорганизации. — 40, 203, 206 — 208, 210.

Григорий XVI (1765 — 1846) — папа римский (1831 — 1846). — 513.

Гритти (Gritti), Андреа (ок. 1455 — 1538) — венецианский полководец и государственный деятель, в 1510 — 1521 гг. главнокомандующий войсками в итальянских войнах, в 1523 — 1538 гг. дож Венеции. — 284.

Груних (Grunich) — немецкий мелкобуржуазный демократ; в начале 50-х годов XIX в. эмигрант в Лондоне. — 407.

Груши (Grouchy), Эмманюэль, маркиз *де* (1766 — 1847) — французский генерал, с 1815 г. маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 258.

Гумбольдт (Humboldt), Александр (1769 — 1859) — великий немецкий ученый, естествоиспытатель и путешественник. — 414, 535, 545, 551, 611.

Густав II Адольф (1594 — 1632) —шведский король (1611 — 1632), видный полководец и военный реформатор. — 32 — 34, 203, 204, 306, 368, 369, 373.

Густав IV Адольф (1778 — 1837) — шведский король (1792 — 1809), в 1809 г. свергнут с престола в результате военного заговора. — 92, 144, 164, 167.

Гутшмидт (Guthschmidt) — прусский судебный чиновник. — 648, 655, 656.

Гюго (Hugo), Виктор (1802 — 1885) — великий французский писатель. — 524, 525, 530. 531, 557, 587, 689.

Д

Да-Да — арабский публицист, в 50-х годах XIX в. по поручению алжирских властей переводил бонапартистские памфлеты на родной язык. — 550 — 552, 554, 555, 573, 577, 578, 687, 690.

Даву (Davout), Луи Никола (1770 — 1823) — французский маршал, один из ближайших соратников Наполеона I, участник войн наполеоновской Франции. — 64, 66, 97, 116, 134, 163, 164, 179, 257 — 259.

Дадли (Dudley), Роберт (1574 — 1649) — английский морской офицер и изобретатель, автор сочинения по навигации. — 383.

Далгрен (Dahlgren), Джон Адольф (1809 — 1870) — американский морской офицер и военный изобретатель, с 1863 г. адмирал, автор ряда работ по морской артиллерии. — 215.

Дана (Dana), Чарлз Андерсон (1819 — 1897) — американский прогрессивный журналист, один из редакторов газеты «New-York Daily Tribune» и «Новой американской энциклопедии». — 629 — 630, 686, 687.

Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265 — 1321) — великий итальянский поэт. — 423, 446, 447, 471, 576, 643.

Дантон (Danton), Жорж Жак (1759 — 1794) — один из видных деятелей французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь правого крыла якобинцев. — 142, 143.

Дантю (Dentu), Эдуар Анри Жюстен (1830 — 1884) — один из владельцев французского издательства Дантю, бонапартист. — 503 — 505, 507-509, 521, 529, 530, 533, 540, 542, 548, 550, 687, 690, 691.

Дарий I Гистасп (550 — 486 до н. э.) — древнеперсидский царь (522 — 486). — 7, 155, 326.

Д'Аспре (D'Aspre), Константин, барон (1761 — 1809) — австрийский генерал, участник войн против Французской республики и наполеоновской Франции. — 165.

Деваль (Deval) — французский консул в Алжире (1815 — 1827). — 103.

Декатур (Decatur), Стивен (1779 — 1820) — американский коммодор, в 1815 г. командовал эскадрой, действовавшей против Алжира, Туниса и Триполи. — 103.

Деламар (Delamarre), Теодор Казимир (1797 — 1870) — французский банкир, публицист, с 1844 г. владелец газеты «Patrie», бонапартист. — 574, 575.

Делаод (Delahodde, также de la Hodde, псевдоним: Дюпре), Люсьен (1808 — 1865) — французский публицист, участник тайных революционных обществ периода Реставрации и Июльской монархии, полицейский агент. — 428, 445, 672.

Деларажаз (Delarageaz), Луи Анри (1807 — 1891) — швейцарский политический деятель, радикал, сторонник Фурье, редактор газеты «Nouvelliste Vaudois». — 565.

Дельвинь (Delvigne), Анри Гюстав (1799 — 1876) — французский офицер и военный изобретатель. — 41, 378.

Де Местр (De Maistre), Ксавье (1763 — 1852) — французский писатель, генерал, эмигрировал в Россию во время французской буржуазной революции конца XVIII в., его творчество выражало настроение контрреволюционной аристократии. — 613.

Демосфен (384 — 322 до н. э.) — выдающийся древнегреческий оратор и политический деятель, вождь антимакедонской партии в Афинах, сторонник рабовладельческой демократии. — 441.

Дерби (Derby), Эдуард Джордж Джефри Смит *Стэнли,* граф (1799 — 1869) — английский государственный деятель, лидер тори, впоследствии один из лидеров консервативной партии; премьер-министр (1852, 1858 — 1859 и 1866 — 1868). — 527, 545, 589.

Джемс (James) — английский офицер. — 61.

Джемс (James), Джордж Пейн Рейнсфорд (1799 — 1860) — английский писатель, автор ряда исторических романов. — 61.

Джонс (Jones), Эрнест Чарлз (1819 — 1869) — выдающийся деятель английского рабочего движения, пролетарский поэт и публицист, один из вождей революционного чартизма, один из редакторов «Northern Star», редактор «Notes to the People» и «People's Paper»; друг Маркса и Энгельса. — 486, 629, 686.

Джусти (Giusti), Джузеппе (1809 — 1850) — итальянский поэт-сатирик. — 570.

Дизраэли (Disraeli), Бенджамин, с 1871 г. граф *Биконсфилд* (1804 — 1881) — английский государственный деятель и писатель, один из лидеров тори, во второй половине XIX в. лидер консервативной партии; канцлер казначейства (министр финансов) (1852, 1858 — 1859 и 1866 — 1868), премьер-министр (1868 и 1874 — 1880). — 610.

Диккенс (Dickens), Чарлз (1812 — 1870) — великий английский писатель-реалист. — 443, 542.

Дилих (Dilich), Вильгельм *Шеффер* (ок. 1575 — 1655) — немецкий военный писатель, автор учебных пособий по военному делу и фортификации. — 339.

Диоген из Синопа (ок. 404 — ок. 323 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основателей кинической школы, отражавшей пассивный протест беднейших слоев народа против господства имущих. — 419.

Дионисий I Старший (ок. 431 — 367 до н. э.) — сиракузский тиран (ок. 406 — 367 до н. э.). — 274.

Диффенбах (Dieffenbach), Эрнст (1811 — 1855) — немецкий естествоиспытатель, профессор геологии в Гиссене (1850). — 578.

Диц (Dietz), Освальд (ок. 1824 — 1864) — немецкий архитектор из Бисбадена, участник революции 1848 — 1849 гг., эмигрант в Лондоне, член Центрального комитета Союза коммунистов, после раскола Союза в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера; член ее Центрального комитета; впоследствии участник Гражданской войны в США. — 671.

Дицель (Dietzel), Густав (1827 — 1864) — немецкий ученый, юрист. — 577.

Долгоруков, Петр Владимирович, князь (1816 — 1868) — русский публицист и историк, либерал, в 1859 г. эмигрировал за границу, в 60-х годах издавал ряд газет и журналов оппозиционного направления, сотрудничал в «Колоколе» Герцена. — 510.

Дост-Мухаммед (1793 — 1863) — афганский эмир (1826 — 1839 и 1842 — 1863). — 80 — 82, 85.

Дохтуров, Дмитрий Сергеевич (1756 — 1816) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции, командовал корпусом во время Отечественной войны 1812 года. — 258, 259.

Дрейзе (Dreyse), Иоганн Николаус (1787 — 1867) — прусский военный изобретатель и фабрикант. — 378.

Дрейк (Drake), Фрэнсис (ок. 1540 — 1596) — английский мореплаватель, адмирал, в 1588 г. участвовал в разгроме испанской армады. — 174.

Дронке (Dronke), Эрнст (1822 — 1891) — немецкий публицист, вначале «истинный социалист», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; после революции 1848 — 1849 гг. эмигрировал в Женеву, а затем в 1851 г. в Англию; во время раскола Союза коммунистов в 1850 г. сторонник Маркса и Энгельса; впоследствии отошел от политической деятельности и занялся торговлей. — 414, 415, 418, 465.

Друэ д'Эрлон (Drouet d'Erlon), Жан Батист, граф (1765 — 1844) — французский генерал, впоследствии маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 262, 265, 266, 322.

Дрюэ (Druey), Анри (1799 — 1855) — швейцарский государственный деятель, радикал, член Союзного совета (1848 — 1854), глава департамента юстиции и полиция (с 1848 г.), в 1850 г. президент Швейцарского союза. — 417, 418, 425 — 427, 661, 662, 664 — 666.

Дуано (Doineau), Огюст Эдуар (род. в 1824 г.) — французский офицер, с 1853 г. начальник одного из арабских бюро в Алжире, в 1856 г. за убийство алжирца приговорен судом присяжных к смертной казни, в 1857 г.. замененной Наполеоном III пожизненным тюремным заключением; в 1859 г. амнистирован. — 109.

Дулон (Dulon), Рудольф (1807 — 1870) — немецкий пастор, сторонник оппозиционного официальной церкви движения «Друзей света»; в 1853 г. эмигрировал в Америку. — 459.

Дунс Скот (Duns Scotus), Иоанн (ок. 1265 — 1308) — средневековый философ, схоластик, представитель номинализма, являвшегося в средние века выражением материализма. — 616, 620.

Душек (Dusek), Франтишек (1797 — 1873) — венгерский государственный деятель, по национальности чех, министр финансов в революционном правительстве Семере (1849). — 589.

Дьюлаи (Gyulay), Игнац, граф (1763 — 1831) — австрийский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 187.

Д'Эстер (D'Ester), Карл Людвиг Иоганн (1811 — 1859) — немецкий социалист и демократ, по профессии врач; член кёльнской общины Союза коммунистов, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; с октября 1848 г. член Центрального комитета демократов в Германии, играл видную роль в баденско-пфальцском восстании 1849 года; впоследствии эмигрировал в Швейцарию. — 472, 603.

Дюгамель, Александр Осипович (1801 — 1880) — русский генерал и дипломат, в 1842 и 1848 гг. посылался с особой миссией в Дунайские княжества. — 512. :

Дюкен (Duquesne), Абраам, маркиз (1610 — 1688) — французский ад-

мирал, в 1680 — 1683 гг. вел военные действия против Алжира и Триполи. — 102.

Дюко (Ducos), Роже (1747 — 1816) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., представитель крупной буржуазии; по профессии адвокат. — 163.

Дюкоммён (Ducommun), Эли (1833 — 1906) — швейцарский государственный деятель и журналист, радикал, с 1855 г. редактор «Revue de Geneve». — 567.

Дюкудре-Хольштейн (Ducoudray Holstein) — французский офицер, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, автор тенденциозной книги о Боливаре. — 240.

Дюлон (Dulong), Франсуа Шарль (1792 — 1834) — французский адвокат и политический деятель, с 1831 г. член палаты депутатов, принадлежал к либеральной оппозиции. — 223.

Дюмон (Dumont), Йозеф (1811 — 1861) — немецкий буржуазный журналист, умеренный либерал; с 1831 г, издатель «Kolnische Zeitung»; изменил фамилию на дель Монте. — 608, 694, 695.

Дюмурье (Dumouriez), Шарль Франсуа (1739 — 1823) — французский генерал и политический деятель периода буржуазной революции конца XVIII в., жирондист; в 1792 — 1793 гг. командовал северной революционной армией; в марте 1793 г. изменил Французской республике. — 142.

Дюпа (Dupas), Пьер Луи (1761 — 1823) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции. — 165.

Дюпен (Dupin), Андре Мари Жан Жак (1783 — 1865) — французский юрист и политический деятель, орлеанист, затем бонапартист. — 594.

Дюпон де л'Этан (Dupont de l'Etang), Пьер Антуан (1765 — 1840) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции, в 1808 г. во время войны в Испании капитулировал со своей дивизией при Байлене. — 144.

Дюпюи де Лом (Dupuy-de Lome), Станисла Шарль Анри Лоран (1816 — 1885) — французский военный инженер-кораблестроитель. — 387.

Дюрер (Durer), Альбрехт (1471 — 1528) — великий немецкий живописец и гравер; занимался вопросами фортификации. — 328, 335, 343.

Дюфор (Dufaure), Жюль Арман Станисла (1798 — 1881) — французский адвокат, буржуазный политический деятель, орлеанист; приобрел широкую известность участием в политических процессах; в 1848 г. депутат Учредительного собрания, в октябре-декабре 1848 г. министр внутренних дел в правительстве Кавеньяка. — 526.

Е

Евгений, принц — см. *Богарне,* Евгений.

Евгений Савойский, принц (1663 — 1736) — австрийский полководец и государственный деятель. — 254, 255.

Екатерина II (1729 — 1796) — русская императрица (1762 — 1796). — 113, 114, 507, 511.

Елачич (Јелачuh), Иосип, граф (1801 — 1859) — австрийский генерал, бан Хорватии, Далмации и Славонии (1848 — 1859), активно участвовал в подавлений революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии и Австрии. — 64, 453.

Елизавета (1533 — 1603) — английская королева (1558 — 1603). — 26, 61, 173.

Ж

Жерар (Gerard), Этьенн Морис, граф (1773 — 1852) — французский генерал, впоследствии маршал и политический деятель, участник войн наполеоновской Франции. — 258.

Жирарден (Girardin), Дельфина *де* (1804 — 1855) — французская писательница, жена Эмиля де Жирардена. — 410.

Жирарден (Girardin), Эмиль *де* (1806 — 1881) — французский буржуазный публицист и политический деятель, в 30 — 60-х годах (с перерывами) был редактором газеты «Presse», в политике отличался крайней беспринципностью; перед революцией 1848 г. находился в оппозиции к правительству Гизо, в период революции — буржуазный республиканец, депутат Законодательного собрания (1850 — 1851); позднее бонапартист. — 574.

Жотран (Jottrand), Люсьен Леопольд (1804 — 1877) — бельгийский юрист и публицист, в 40-х годах мелкобуржуазный демократ; председатель брюссельской Демократической ассоциации. — 628, 629, 685.

Жуанвиль (Joinville), Франсуа Фердинан Филипп Луи Мари *Орлеанский,* принц *де* (1818 — 1900) — сын Луи-Филиппа, в 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, после победы февральской революции 1848 г. эмигрировал в Англию. — 108, 387.

Журдан (Jourdan), Жан Батист (1762 — 1833) — французский генерал, с 1804 г. маршал; участник войны Французской республики против первой коалиции европейских государств. — 161.

Журдан (Jourdan), Луи (1810 — 1881) — французский публицист, сторонник учения Сен-Симона, затем бонапартист, с 1849 г. редактор газеты «Siecle». — 554, 573, 578.

Журниак Сен-Меар (Jourgniac Saint-Meard), Франсуа *де* (1745 — 1827) — французский офицер и публицист, роялист. — 142.

З

Зауэрнгеймер (Sauernheimer) — немецкий щеточник, в начале 50-х годов XIX в. эмигрант в Швейцарии, председатель женевского Общества немецких рабочих. — 413, 418.

Захарие (Zachariae), Генрих Альберт (1806 — 1875) — немецкий юрист, депутат франкфуртского Национального собрания (1848 — 1849), принадлежал к правому центру. — 474, 478.

Зедт (Saedt), Отто Йозеф Арнольд (1816 — 1886) — прусский судебный чиновник, с 1848 г. прокурор в Кёльне, выступал обвинителем на кёльнском процессе коммунистов (1852). — 439.

Зейденштикер (Seidensticker), Георг Фридрих Карл Теодор (1797 — 1862) — немецкий юрист и политический деятель, за участие в гёттингенских волнениях в 1831 г. был приговорен к тюремному заключению, в 1845 г. эмигрировал в Америку, где занимался журналистской деятельностью. — 468.

Зейдлиц (Seydlitz), Фридрих Вильгельм (1721 — 1773) — прусский генерал, в Семилетней войне 1756 — 1763 гг. командовал кавалерийскими частями,сыграл крупную роль в реорганизации прусской кавалерии. — 36, 307, 308, 311, 325.

Земан-шах — афганский шах (1793 — 1800). — 79.

Зигель (Sigel), Альберт (1827 — 1884) — баденский офицер, журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848 — 1849 го-дах; в 1853 г. эмигрировал в США, участник Гражданской войны на стороне северян. — 467, 468.

Зигель (Sigel), Франц (1824 — 1902) — баденский офицер, мелкобуржуазный демократ; участник революционного движения в Бадене в 1848 — 1849 гг., главнокомандующий, затем заместитель главнокомандующего баденской революционной армией во время баденско-пфальцского восстания 1849 года; затем эмигранта Швейцарии и Англии; в 1852 г. пере-

ехал в США, участник Гражданской войны на стороне северян; брат предыдущего. — 467, 468.
Зоммер (Sommer) — в начале 50-х годов XIX в. прусский полицейский агент в Париже. — 428, 671.

И

Ибрагим — алжирский дей. — 102.
Иван III (1440 — 1505) — великий князь Московский (1462 — 1505). — 557.
Имандт (Imandt), Петер — немецкий учитель, демократ, участник революции 1848 — 1849 гг., поело поражения которой эмигрировал в Швейцарию, затем в Лондон; член Союза коммунистов, сторонник Маркса и Энгельса. — 413 — 416, 418, 661, 666.
Ингленд (England), Ричард (1793 — 1883) — английский генерал, в 1854 — 1855 гг. командовал дивизией в Крыму. — 56, 59.
Инглис (Inglis), Уильям (1764 — 1835) — английский генерал, в 1809 — 1814 гг. участвовал в войне на Пиренейском полуострове. — 265.
Иоганн (Johann) — немецкий инженер, в середине XVI в. работал над укреплением г. Юлиха. — 335.
Иоганн (1782 — 1859) — австрийский эрцгерцог, фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции,в 1809 г. командовал одной из австрийских армий, с июня 1848 по декабрь 1849 г. имперский правитель Германии. — 65, 70, 431, 477 — 479, 618, 619.
Иосиф II (1741 — 1790) — соправитель императрицы Марии-Терезии (1765 — 1780), император так называемой Священной Римской империи (1780 — 1790) — 517, 518.
Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 95) — еврейский историк и военачальник, автор ряда сочинений по истории Древней Иудеи и Древнего Рима. — 274, 277.
Ипсиланти, Александр (1792 — 1828) — деятель греческого национально-освободительного движения, организатор восстания 1821 г. в Молдавии, после поражения восстания бежал в Австрию, был арестован и до 1827 г. находился в заключении. — 512.
Ификрат (ок. 419 — ок. 353 до н. э.) — афинский полководец, командовал наемными войсками. — 10, 13, 14, 354, 355.

Й

Йекельфалуши (Jekelfalussy) — венгерский каноник, в 1848 — 1849 гг. епископ в Ципсе. — 690.
Йорк (Yorck), Ганс Давид Людвиг (1759 — 1830) — прусский генерал, с 1821 г. генерал-фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции. — 181, 186 — 190.
Йоркский (York), Фредерик Август, герцог (1763 — 1827) — второй сын английского короля Георга III, с 1795 г. фельдмаршал; главнокомандующий английской армией (1798 — 1809, 1811 — 1827); войска под его командованием неоднократно терпели поражения в войнах с Францией конца XVIII века. — 143.

К

Кабе (Cabet), Этьенн (1788 — 1856) — французский публицист, видный представитель мирного утопического коммунизма, автор книги «Путешествие в Икарию». — 459, 460.
Кабот (Cabot), Джон *(Кабото,* Джованни) (ок. 1450 — 1498) — итальянский мореплаватель, состоявший на английской службе, в 1497 г. открыл часть побережья Северной Америки. — 381.
Кавеньяк (Cavaignac), Луи Эжен (1802 — 1857) — французский генерал и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в 30 — 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, в 1848 г. генерал-губернатор

Алжира (с марта), затем военный министр Франции (с мая), с исключительной жестокостью подавил июньское восстание парижских рабочих, глава исполнительной власти (июнь — декабрь 1848). — 108, 428, 522, 523.

Кавур (Cavour), Камилло Бензо, граф (1810 — 1861) — итальянский государственный деятель, идеолог и лидер либерально-монархической буржуазии и обуржуазившегося дворянства; глава сардинского правительства (1852 — 1859 и 1860 — 1861), проводил политику объединения Италии сверху, под главенством Савойской династии, ориентируясь на поддержку Наполеона III, в 1861 г. возглавил первое общеитальянское правительство. — 426, 548, 549, 562, 563.

Кальдерон де ла Барка (Calderon de la Barca), Педро (1600 — 1681) — выдающийся испанский драматург. — 402, 616.

Камбасерес (Cambaceres), Жан Жак Режи (1753 — 1824) — французский государственный деятель, юрист, председатель Конвента (1794 — 1795), затем консул, один из ближайших сотрудников Наполеона I, один из составителей «Гражданского кодекса». — 564.

Каменский, Михаил Федотович, граф (1738 — 1809) — русский генерал-фельдмаршал, в 1806 г. главнокомандующий в войне против наполеоновской Франции. — 114.

Камм (Kamm), Фридрих (ум. в 1867 г.) — немецкий ремесленник, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., после поражения революции эмигрировал в Швейцарию; член женевского Общества немецких рабочих; в 1852 г. эмигрировал в Америку. — 413, 418.

Камоэнс (Camoes), Луис (ок. 1524 — 1580) — крупнейший португальский поэт эпохи Возрождения, автор эпической поэмы «Лузиады». — 470, 558.

Камран — сын афганского шаха Махмуда, с 1829 г. правитель Герата. — 80.

Каннегиссер (Kannegieser), Карл Людвиг (1781 — 1864) — немецкий поэт и переводчик. — 446, 471.

Канробер (Canrobert), Франсуа Сертен (1809 — 1895) — французский генерал, с 1856 г. маршал, бонапартист; в 30 — 40-х годах участвовал в завоевании Алжира; один из активных участников государственного переворота 2 декабря 1851 года; в 1854 г. командовал дивизией, затем главнокомандующий армией в Крыму (1854 — 1855). — 56, 108.

Кантерак (Canterac), Хосе (ок. 1779 — 1835) — испанский генерал, в 1816 — 1824 гг. начальник штаба войск генерала Серна, боровшихся против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 176.

Каподистрия, Иоанн, граф (1776 — 1831) — греческий государственный деятель и дипломат; в 1809 — 1822 гг. находился на русской службе, второй статс-секретарь (министр) по иностранным делам России (1815 — 18.22); президент Греции (1827 — 1831); проводил прорусскую политику, убит иностранными агентами. — 512.

Капцевич, Петр Михайлович (1772 — 1840) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 188 — 189.

Карамзин, Николай Михайлович (1766 — 1826) — выдающийся русский историк и писатель, официальный историограф Александра I. — 510.

Карл Великий (ок.742 — 814) — франкский король (768 — 800) и император (800 — 814). — -519.

Карл-Людвиг-Иоганн (1771 — 1847) — австрийский эрцгерцог, фельдмаршал, главнокомандующий в войнах с Францией (1796, 1799, 1805 и 1809), военный министр (1805 — 1809). — 64, 65, 69, 97, 161.

Карл Мартелл (ок. 688 — 741) — франкский майордом, с 715 г. фактический правитель франкского государства. — 303.

Карл Смелый (1433 — 1477) — бургундский герцог (1467 — 1477), пытавшийся завоевать Швейцарию; упоминается в тексте в ироническом сравнении с ним Карла Фогта. — 423, 424, 426 — 428, 479.

Карл-Эммануил II (1751 — 1819) — сардинский король (1796 — 1802), — 143.

Карл II (1630 — 1685) — английский король (1660 — 1685). — 281.

Карл V (1500 — 1558) — испанский король под именем Карла I (1516 — 1556) и император так называемой Священной Римской империи (1519 — 1556). — 101, 200, 335.

Карл V Леопольд, герцог *Лотарингский* (1643 — 1690) — австрийский фельдмаршал, в 1683 — 1688 гг. командовал войсками в австро-турецкой войне 1683 — 1699 годов. — 269.

Карл VII (1403 — 1461) — французский король (1422 — 1461). — 28, 29. 199.

Карл VIII (1470 — 1498) — французский король (1483 — 1498). — 30, 199, 200.

Карл X (1757 — 1836) — французский король (1824 — 1830); свергнут с престола в результате июльской революции 1830 года. — 103, 104, 514.

Карл X Густав (1622 — 1660) — шведский король (1654 — 1660). — 92.

Карл XII (1682 — 1718) — шведский король (1697 — 1718). — 34, 307.

Карл XIII (1748 — 1818) — шведский король (с 1809 г.), затем король Швеции и Норвегии (1814 — 1818). — 166, 167, 170.

Карлье (Carlier), Пьер (1799 — 1858) — префект парижской полиции (1849 — 1851), бонапартист. — 428.

Карманьола (Carmagnola), Франческо *Буссоне* (ок. 1380 — 1432) — итальянский кондотьер, в 1426 — 1432 гг. командовал союзными войсками Венеции и Флоренции в войнах против Милана. — 284.

Касас — см. *Лас Касас,* Мануэль Мариа.

Каслри (Castlereagh), Роберт *Стюарт,* виконт (1769 — 1822) — английский государственный деятель, тори, министр военных дел и колоний (1805 — 1806, 1807 — 1809), министр иностранных дел (1812 — 1822). — 504.

Кастелла (Castella) — швейцарский политический деятель, радикал, в 1847 — 1856 гг. член правительства кантона Фрейбург (Фрибур). — 425.

Кастильо (Castillo), Мануэль (ум. в 1816 г.) — колумбийский генерал, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, в 1815 г. начальник гарнизона Картахены, противник Боливара. — 228, 230.

Кастриотто (Castriotto), Джакомо (ум. в 1562 г.) — итальянский военный инженер. — 334, 341.

Катакази, Гавриил Антонович (1794 — 1867) — русский дипломат, по происхождению грек, посланник в Греции (1833 — 1843), сенатор. — 512.

Катилина (Луций Сергий Катилина) (ок. 108 — 62 до н. э.) — римский политический деятель, патриций, организатор заговора против аристократической республики. — 432, 440, 548.

Каткарт (Cathcart), Джордж (1794 — 1854) — английский генерал, в 1854 г. командовал дивизией в Крыму. — 56.

Катон (Марк Порций Катон Старший) (234 — 149 до н. э.) — римский политический деятель и писатель, выступал в защиту аристократических привилегий; в 184 до н. э. избран цензором, строгость его цензуры вошла в поговорку. — 610.

Каули (Cowley), Генри Ричард Чарлз *Уэлсли,* барон (1804 — 1884) — английский дипломат, посол в Париже (1852 — 1867). — 527, 529, 543, 560, 562, 563.

Кауниц (Kaunitz), Венцель Антон, князь (1711 — 1794) — австрийский государственный деятель и дипломат, сторонник так называемого просвещенного абсолютизма, ярый враг французской буржуазной революции конца XVIII в., государственный канцлер (1753 — 1792). — 504.

Кахигаль (Cajigal), Хуан Мануэль (1757 — 1823) — испанский генерал, в 1813 — 1815 гг. командовал войсками, боровшимися против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 228.

Квирини (Quirini), Анджело Мариа (1680 — 1755) — итальянский кардинал и писатель. — 283.

Келлерман (Kellermann), Франсуа Кристоф (1735 — 1820) — французский генерал, с 1804 г. маршал, участник войны Французской республики против коалиций европейских государств. — 95.

Кембриджский (Cambridge), Джордж Уильям Фредерик Чарлз, герцог (1819 — 1904) — английский генерал, в 1854 г. командовал дивизией в Крыму, главнокомандующий английской армией (1856 — 1895). — 56, 59.

Керн (Kern), Иоганн Конрад (1808 — 1888) — швейцарский буржуазный политический деятель, юрист и дипломат; в 1849 г. глава правительства кантона Тургау, председатель Федерального суда, в 1857 — 1883 гг. посланник в Париже. — 426, 543, 561, 563, 564, 598.

Кин (Keane), Джон (1781 — 1844) — английский генерал, в 1839 г. командовал войсками в англоафганской войне (1838 — 1842). — 81.

Кинглек (Kinglake), Александр Уильям (1809 — 1891) — английский историк и политический деятель, член парламента (1857 — 1865), либерал. — 540, 575.

Кинкель (Kinkel), Готфрид (1815 — 1882) — немецкий поэт и публицист, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; приговорен прусским судом к пожизненному заключению, бежал из тюрьмы и эмигрировал в Англию; один из лидеров мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, редактор «Hermann» (1859), вел борьбу против Маркса и Энгельса. — 413, 423, 458, 459, 466 — 469, 482, 487, 678 — 680, 693, 695.

Киселев, Павел Дмитриевич, граф (1788 — 1872) — русский государственный деятель и дипломат, в 1829 — 1834 гг. губернатор Молдавии и Валахии, с 1835 г. постоянный член всех секретных комитетов по крестьянскому вопросу, с 1837 г. министр государственных имуществ; сторонник проведения умеренных реформ. — 511, 512.

Киш (Kiss), Миклош (род. в 1820 г.) — венгерский офицер, демократ, эмигрант, агент Кошута во Франции и Италии, был связан с бонапартистскими кругами. — 584, 587.

Клапка (Klapka), Дьёрдь (Георг) (1820 — 1892) — венгерский генерал, в период революции 1848 — 1849 гг. командовал одной из венгерских армий; в июне — сентябре 1849 г. комендант крепости Коморн; в 1849 г. эмигрировал за границу; в 50-х годах поддерживал связи с бонапартистскими кругами, в 1867 г., после амнистии, вернулся в Венгрию. — 269, 557, 564, 566, 581, 585, 587, 589 — 593.

Клари (Clary), Евгения Бернардина Дезире (1777 — 1860) — жена Бернадота. — 162.

Клаузевиц (Clausewitz), Карл (1780 — 1831) — прусский генерал и крупнейший буржуазный военный теоретик; в 1812 — 1814 гг. служил в русской армии. — 241.

Клебер (Kleber),Жан Батист (1753 — 1800) — французский генерал, участник войны Французской республики против первой коалиции европейских государств. — 161.

Клейст (Kleist), Фридрих Генрих Фердинанд Эмиль (1762 — 1823) — прусский генерал, впоследствии

генерал-фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции. — 186, 188 — 190.

Клеомен III (255 — 219 до н. э.) — спартанский царь (235 — 221). — 12.

Клервиль (Clairville), Луи Франсуа (настоящая фамилия *Николе)* (1811 — 1879) — французский драматург. — 687.

Клерфе (Clerfayt), Карл (1733 — 1798) — австрийский фельдмаршал, участник австро-турецкой войны (1788 — 1789), в 1794 — 1795 гг. главнокомандующий австрийской армией в войне против Французской республики. — 74, 161.

Клозель (Clausel), Бертран, граф (1772 — 1842) — французский генерал, с 1831 г. маршал; в 1809 — 1814 гг. участвовал в войне на Пиренейском полуострове, генерал-губернатор Алжира (1830 — 1831 и 1835 — 1837). — 104, 108, 262, 265 — 267.

Клосман (Closmann) — немецкий офицер, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрант в Швейцарии. — 555.

Клотильда, принцесса Савойская (1843 — 1911) — дочь сардинского короля Виктора-Эммануила II, с 1859 г. жена принца Наполеона. — 579.

Клусс (Clus), Адольф (ум. после 1889 г.) — немецкий инженер, член Союза коммунистов, в 1848 г. секретарь майнцского Рабочего просветительного союза, в 1849 г. эмигрировал в США; служащий в адмиралтействе в Вашингтоне; в 50-х годах находился в постоянной переписке с Марксом и Энгельсом, сотрудничал в ряде немецких, английских и американских рабочих и демократических газет. — 677.

Кмети (Kmety), Дьёрдь (Георг) (1810 — 1865) — венгерский генерал, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии, после поражения революции эмигрировал в Турцию, где принял турецкое подданство и имя Исмаил-паши, в чине турецкого генерала участвовал в Крымской войне (1853 — 1856). — 270, 271.

Кнецих (Knezich), Карой (ок. 1808 — 1849) — венгерский генерал, в период революции 1848 — 1849 гг. командовал частями венгерских революционных войск. — 271.

Колачек (Kolatschek), Адольф (1821 — 1889) — австрийский журналист и политический деятель, в 1848 — 1849 гг. член франкфуртского Национального собрания, принадлежал к мелкобуржуазной демократии; издатель журналов «Deutsche Monatsschritt» (1850 — 1851) и «Stimmen der Zeit» (1858 — 1862). — 471, 496, 689.

Коллет (Collet), Коллет Добсон — английский журналист и общественный деятель, редактор органа уркартистов «Free Press» (1859 — 1865). — 492, 493, 697, 698.

Коловрат-Краковский (Kolowrat-Krakowsky), Иоганн Непомук Карл, граф (1748 — 1816) — австрийский генерал, с 1809 г. фельдмаршал, участник войн против Французской республики и наполеоновской Франции. — 65.

Колумб (Colombo), Христофор (1451 — 1506) — выдающийся мореплаватель, открывший Америку; состоял на испанской службе; по происхождению генуэзец. — 381.

Кольб (Kolb), Густав Эдуард (1798 — 1865) — немецкий журналист, один из редакторов аугсбургской «Allgemeine Zeitung». — 493, 705.

Кольядо (Collado), Луис (XVI в.) — испанский военный инженер. — 200.

Конгрив (Congreve), Уильям (1772 — 1828) — английский офицер, военный изобретатель, в 1808 г. изобрел ракету, названную его именем. — 134.

Конде (Conde), Хосэ Антонио (1765 — 1820) — испанский историк-арабист, автор ряда работ по истории арабского господства в Испании. — 197.

Константин Николаевич (1827 — 1892) — русский великий князь, второй сын Николая I, генерал-адмирал; стоял во главе морского ведомства (1853 — 1881) и флота (1855 — 1881). — 486, 492, 522, 681, 695, 697, 699.

Константин Павлович (1779 — 1831) — русский великий князь, с 1814 г. главнокомандующий польской армией, фактически был наместником Польши (1814 — 1831). — 134.

Конхейм (Cohnheim), Макс — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848 — 1849 годах; после поражения революции эмигрировал из Германии. — 404, 406, 407, 424.

Кордоба (Cordoba), Хосе Мариа (1799 — 1829) — колумбийский генерал, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке. — 176.

Кордова — см. *Фернандес де Кордова,* Гонсало.

Кормонтень (Cormontaigne), Луи *де* (ок. 1696 — 1752) — французский генерал, военный инженер, автор ряда работ по фортификации. — 89, 335-337, 341 — 343, 346, 350.

Корн (Korn), Адольф (1822 — 1904) — прусский офицер (до 1845 г.), участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал в Швейцарию, а в 1857 г. в Аргентину. — 404, 406, 424.

Кортес (Cortes), Эрнан (Фернандо) (1485 — 1547) — испанский конкистадор, завоеватель государства ацтеков (Мексики) (1519 — 1521). — 326.

Корф, Федор Карлович, барон (1774 — 1826) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 258.

Кошут (Kossuth), Лайош (Людвиг) (1802 — 1894) — вождь венгерского национально-освободительного движения, возглавлял буржуазно-демократические элементы в революции 1848 — 1849 гг., глава венгерского революционного правительства; после поражения революции эмигрировал из Венгрии, в 50-х годах искал поддержки среди бонапартистских кругов. — 269, 518, 532, 557, 581 — 590, 678, 689, 690, 695.

Край (Kray), Пал (1735 — 1804) — австрийский генерал, по происхождению венгр, участник войн против Французской республики и наполеоновской Франции. — 161.

Краузе, Карл Фридрих Август — см. *Флёри,* Чарлз.

Крейц, Киприян Антонович, граф (1777 — 1850) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 260.

Кремер — см. *Шерваль,* Жюльен.

Кристиан-Фредерик (1786 — 1848) — датский принц, в 1813 — 1814 гг. наместник, в 1814 г. король Норвегии, в 1839 — 1848 гг. король Дании под именем Кристиана VIII. — 169.

Кромвель (Cromwell), Оливер (1599 — 1658) — вождь буржуазии и обуржуазившегося дворянства в период английской буржуазной революции XVII века; с 1653 г. лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии. — 307.

Кроши (Crawshay) — в 50-х годах XIX в. английский журналист, сторонник Уркарта. — 585.

Крюденер (Krudener), Барбара Юлия, баронесса (1764 — 1824) — писательница, проповедница пиетизма; в XIX в. ей неверно приписывалась идея создания Священного союза. — 507.

Ксенофонт (ок. 430 — ок. 354 до н. э.) — древнегреческий историк и философ, идеолог класса рабовладельцев. — 12.

Ксеркс (ок. 519 — 465 до н. э.) — древнеперсидский царь (486 — 465 до н. э.). — 6, 9, 155.

Ктесий (середина V — начало IV в. до н. э.) — древнегреческий историк и врач, автор сочинений по истории Древней Индии и Персии. — 196.

Куза (Cuza), Александру (1820 — 1873) — румынский политиче-

ский деятель, в 1859 — 1866 гг. под именем Александра Иоанна I господарь (правитель) Дунайских княжеств Молдавии и Валахии, образовавших в 1862 г. единое Румынское государство; был отстранен от власти в результате реакционного заговора и эмигрировал из страны. — 510, 511, 530, 532.

Кук (Cook), Джемс (1728 — 1779) — известный английский мореплаватель, совершил три кругосветных путешествия. — 326.

Кутузов, Михаил Илларионович, князь (1745 — 1813) — великий русский полководец. — 93, 256 — 258, 261.

Кухорн (Кохорн) (Coehoorn), Менно, барон (1641 — 1704) — голландский генерал, военный инженер, автор ряда работ по фортификации. — 89, 279 — 281, 342, 343.

Куэста — см. *Гарсиа де ла Куэста,* Грегорио.

Кювье (Cuvier), Жорж (1769 — 1832) — крупный французский естествоиспытатель, известен трудами в области сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных. — 445.

Кюстин (Custine), Адам Филипп, граф *де* (1740 — 1793) — французский генерал и политический деятель, участник войны Французской республики против первой коалиции европейских государств. — 95, 161.

Л

Ла Героньер (La Gueronniere), Луи Этьенн Артур *Дюбрёй-Эльон* (1816 — 1875) — французский публицист и политический деятель, в 50-х годах бонапартист. — 483, 507, 554, 574 — 576, 578.

Лагербьельке (Lagerbjelke), Густав, граф (1777 — 1837) — шведский дипломат, в 1810 — 1813 гг. временный полномочный представитель в Париже. — 166.

Ладендорф (Ladendorf) — немецкий мелкобуржуазный демократ, философ, в 1854 г. на основании ложного обвинения в заговорщической деятельности был приговорен к 5 годам тюремного заключения. — 438, 440, 676.

Ла Мар (La Mar), Хосе (1778 — 1830) — перуанский генерал и политический деятель, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, противник Боливара, президент Перу (1827 — 1829). — 176, 238.

Ламартин (Lamartine), Альфонс (1790 — 1869) — французский поэт, историк и политический деятель, в 40-х годах буржуазный республиканец; в 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава временного правительства. — 574.

Ламорисьер (Lamoriciere), Кристоф Луи Леон (1806 — 1865) — французский генерал и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец, в 30 — 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, в 1848 г. принимал активное участие в подавлении июньского восстания, затем военный министр в правительстве Кавеньяка (июнь — декабрь), находился в оппозиции к правительству Луи Бонапарта, после государственного переворота 2 декабря 1851 г. выслан за границу. — 224.

Лангеншварц (Langenschwarz), Максимилиан (род. ок. 1806 г.) — немецкий поэт-импровизатор, пытавшийся создать научную теорию импровизации. — 590.

Ландсберг (Landsberg), Герман (1670 — 1746) — немецкий военный инженер, автор ряда работ по фортификации. — 344.

Ланжерон, Александр Федорович (Луи Александр Андро), граф (1763 — 1831) — генерал на русской службе, по происхождению француз, контрреволюционный эмигрант, участник войн против наполеоновской Франции. — 181, 182, 186, 188, 191.

Ланн (Lannes), Жан (1769 — 1809) — французский маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 66, 69, 70, 114, 115, 163.

Лапи (Lapie), Пьер (1779 — 1850) — французский военный инженер и топограф. — 166.

Лапинский (Lapinski), Теофиль (1827 — 1886) — польский полковник, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии, под именем Тевфик-бея перешел на службу в турецкую армию, воевал против России в Черкесии (1857 — 1858). — 517, 581, 582, 586, 591 — 593.

Лара (Lara), Хуан Хасинто (1778 — 1859) — венесуэльский генерал, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке. — 176.

Лараби (Larabit), Мари Дени (1792 — 1876) — французский политический деятель, в период Июльской монархии член палаты депутатов, принадлежал к либеральной оппозиции; впоследствии бонапартист. — 222.

Ларош-Эмон (La Roche-Aymon), Антуан Шарль Этьенн Поль, граф *де* (1772 — 1849) — французский генерал и военный писатель, автор ряда работ по кавалерии. — 313.

Лас Касас (Las Casas), Мануэль Мариа — венесуэльский офицер, в 1812 г. начальник гарнизона Ла-Гуайры, сторонник Боливара. — 227.

Лассаль (Lassalle), Фердинанд (1825 — 1864) — немецкий мелкобуржуазный публицист, адвокат, в 1848 — 1849 гг. участвовал в демократическом движении Рейнской провинции; в начале 60-х годов примкнул к рабочему движению, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863); поддерживал политику объединения Германии «сверху» под гегемонией контрреволюционной Пруссии, положил начало оппортунистическому направлению в германском рабочем движении. — 614, 673.

Латур-Мобур (Latour-Maubourg), Мари Виктор Никола (1768 — 1850) — французский генерал, впоследствии военный деятель, участник войн наполеоновской Франции. — 259.

Лафайет (Lafayette), Мари Жозеф Поль (1757 — 1834) — французский генерал, один из вождей крупной буржуазии в период французской буржуазной революции конца XVIII в. и буржуазной июльской революции 1830 года, — 95, 142, 464.

Лаффит (Laffitte), Жак (1767 — 1844) — крупный французский банкир, политический деятель, орлеанист, представитель финансовой буржуазии. — 170.

Леви (Levy), Джозеф Мозес (1812 — 1888) — один из основателей и издатель газеты «Daily Telegraph». — 608 — 613, 615, 622.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin), Александр Огюст (1807 — 1874) — французский публицист и политический деятель, один из вождей мелкобуржуазных демократов, редактор газеты «Reforme»; в 1848 г. член временного правительства, депутат Учредительного и Законодательного собраний, где возглавлял партию Горы; после демонстрации 13 июня 1849 г. эмигрировал в Англию. — 523.

Лейф (Leiv), Эйриксон (ок. 975 — ок. 1020) — норвежский мореплаватель, в начале XI в. достиг берегов Северной Америки. — 381.

Лёйхтенбергский (Leuchtenberg), Максимилиан Эжен Жозеф Наполеон, герцог (1817 — 1852) — сын Евгения Богарне, женившийся в 1839 г. на дочери Николая I. — 513.

Лекурб (Lecourbe), Клод Жак (1759 — 1815) — французский генерал, участник войны Французской республики против коалиций европейских государств. — 144.

Лелевель (Lelewel), Иоахим (1786 — 1861) — выдающийся польский историк и революционный деятель; участник польского восстания 1830 — 1831 гг., один из вождей демократического крыла поль-

ской эмиграции, в 1847 — 1848 гг. член комитета брюссельской Демократической ассоциации. — 628, 629, 685.

Лёнинг (Loening) — немецкий издатель. — 490, 552, 553.

Леонид — царь Спарты (ок. 488 — 480 до н. э.); во время греко-персидских войн командовал отрядом спартанцев, героически сражавшимся против персов в Фермопильском ущелье. — 571.

Леопольд, князь *Ангальт-Дессауский* (1676 — 1747) — прусский фельдмаршал, участник ряда войн; реорганизовал прусскую пехоту. — 372.

Лепид (Марк Эмилий Лепид Младший) (89 — 12 до н. э.) — римский государственный деятель, сторонник Юлия Цезаря, консул (46 и 42 до н. э.), член второго триумвирата (43 — 36 до н. э.), в котором играл второстепенную роль по сравнению с первыми двумя триумвирами — Октавианом и Антонием, в 36 до н. э. лишен полномочий триумвира. — 168.

Лестер (Leicester), Роберт *Дадли,* граф (ок. 1532 — 1588) — фаворит английской королевы Елизаветы, в 1588 г. командовал войсками, предназначенными для обороны Англии от испанского вторжения. — 173.

Лесток (L'Estocq), Антон Вильгельм (1738 — 1815) — прусский генерал, в 1806 — 1807 гг. участвовал в войне против наполеоновской Франции. — 115.

Лети (Laity), Арман Франсуа (1812 — 1889) — французский офицер и политический деятель, участник страсбургского путча Луи Бонапарта (1836), с 1857 г. сенатор. — 422, 567.

Либих (Liebig), Юстус (1803-1873) — выдающийся немецкий ученый, один из основателей агрохимии. — 608.

Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм (1826 — 1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848 — 1849 гг., член Союза коммунистов, один из основателей и вождей германской социал-демократии; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 404, 423 — 426, 482 — 484, 487, 489, 491. 493, 494, 496, 498, 500, 606, 612, 626, 627, 632, 638, 640, 649 — 651, 653, 674, 675, 682 — 684, 692.

Лидерс, Александр Николаевич (1790 — 1874) — русский генерал, в 1849 г. командовал корпусом, принимавшим участие в подавлении революции в Венгрии, в 1853 — 1856 гг. командовал войсками, участвовавшими в Крымской войне. — 137.

Ликург — легендарный законодатель Древней Спарты. — 12.

Лимерак (Limayrac), Полен (1817 — 1868) — французский журналист, сотрудничал во многих крупных газетах Франции, в 1861 — 1868 гг. главный редактор газеты «Constitutionnel», бонапартист. — 687.

Линдхёрст (Lyndhurst), Джон Синглтон *Копли,* барон (1772 — 1863) — английский государственный деятель, юрист, тори; лорд-канцлер (1827 — 1830, 1834 — 1835 и 1841 — 1846). — 504.

Липпе (Lippe), Леопольд, граф (1815 — 1889) — прусский государственный деятель, юрист, в 1860 г. прокурор в Берлине, министр юстиции (1862 — 1867). — 633.

Лихновский (Lichnowski), Феликс, князь (1814 — 1848) — прусский офицер, реакционер, депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому крылу; убит народом во время франкфуртского восстания в сентябре 1848 года. — 473, 616, 618.

Лихтенштейн (Liechtenstein), Венцель, князь (1767 — 1842) — австрийский офицер, впоследствии генерал, участник войн против наполеоновской Франции, в 1814 г.

адъютант фельдмаршала Шварценберга. — 190.

Лихтенштейн (Liechtenstein), Иоганн, князь (1760 — 1836) — австрийский генерал, с 1809 г. фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции. — 69.

Ловендаль (Lowendal), Ульрик Фредерик *Вальдемар де* (1700 — 1755) — французский генерал, с 1747 г. маршал, по происхождению датчанин, командовал французскими войсками в войне за Австрийское наследство. — 280.

Ломмель (Lommel), Георг — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания в апреле 1848 г., затем эмигрировал в Швейцарию. — 440, 444.

Лонга (Longa),Франсиско — испанский офицер, впоследствии генерал, участник освободительной войны против наполеоновского господства (1808 — 1814), один из командиров герильерос. — 265, 266.

Лонгин, Кассий (ок. 213 — 273) — греческий философ, неоплатоник. — 489.

Лоренц (Lorenz), Йозеф (1814 — 1879) — австрийский офицер и военный изобретатель. — 378.

Лористон (Lauriston), Жак Александр Бернар *Ло* (1768 — 1828) — французский генерал, впоследствии маршал и государственный деятель, участник войн наполеоновской Франции. — 93.

Луи Бонапарт — см. *Наполеон III.*

Луп-Филипп (1773 — 1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830 — 1848). — 104, 108, 222 — 224, 429, 509, 514, 526, 532, 543, 544, 560, 597, 614.

Лукулл (Луций Лициний Лукулл) (ок. 106 — ок. 57 до н. э.) — римский полководец, известен своим богатством и роскошными пирами. — 564.

Людовик — см. *Наполеон III.*

Людовик XII (1462 — 1515) — французский король (1498 — 1515). — 200.

Людовик XIV (1638 — 1715) — французский король (1643 — 1715). — 102, 204, 255, 341, 504, 591.

Людовик XV (1710 — 1774) — французский король (1715 — 1774). — 40, 410, 519.

Людовик XVI (1754 — 1793) — французский король (1774 — 1792), казнен во время французской буржуазной революции конца XVIII века. — 95, 138.

Людовик XVIII (1755 — 1824) — французский король (1814 — 1815 и 1815 — 1824). — 98, 121, 144. 145, 511.

Люкнер (Luckner), Никола (1722 — 1794) — французский маршал, участник войны Французской республики против первой коалиции европейских государств. — 95.

М

Магомет — см. *Мухаммед.*

Магон (ум. в 203 г. до н. э.) — карфагенский полководец, участник второй Пунической войны (218 — 201 до н. э.); брат Ганнибала. — 301.

Маджи (Maggi), Джероламо (ок. 1523 — 1572) — итальянский военный инженер и писатель. — 334.

Мадзини (Mazzini), Джузеппе (1805 — 1872) — итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей национально-освободительного движения в Италии, в 1849 г. глава временного правительства Римской республики, в 1850 г. один из организаторов Центрального комитета европейской демократии в Лондоне; в 50-х годах выступал против вмешательства бонапартистской Франции в национально-освободительную борьбу итальянского народа. — 521, 548. 549, 584, 585, 587, 598.

Майер (Mayer), Карл (1819 — 1889) — немецкий мелкобуржуазный демократ, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, после поражения революции эмигрировал в Швейцарию. — 489, 571, 572.

Макдональд (Macdonald), Жак Этьенн Жозеф Александр (1765 — 1840) — французский маршал (с 1809 г.), участник войн наполеоновской Франции. — 64, 134, 181, 182, 188 — 191, 221.

Макиавелли (Machiavelli), Никколо (1469 — 1527) — итальянский политический мыслитель, историк и писатель, один. из идеологов итальянской буржуазии периода зарождения капиталистических отношений. — 30, 200.

Макк (Mack), Карл (1752 — 1828) — австрийский генерал, в 1805 г. командовал войсками в войне против наполеоновской Франции. — 97.

Макнотен (Macnaghten), Уильям Хей (1793 — 1841) — английский дипломат, посланник в Кабуле (1838 — 1841), один из организаторов английской колониальной экспансии в Центральной Азии, сыграл ведущую роль в развязывании англо-афганской войны (1838 — 1842). — 81 — 83.

Максимилиан д'Эсте (1782 — 1863) — австрийский эрцгерцог, генерал, изобретатель особого типа крепостных сооружений, названных по его имени «Максимилиановыми башнями». — 345.

Максимилиан I Иосиф (1756 — 1825) — баварский курфюрст (с 1799 г.) и король (1806 — 1825), участник войн наполеоновской Фракции, в 1813 г. перешел на сторону антифранцузской коалиции европейских государств. — 97.

Максимилиан II Эмануэль (1662 — 1726) — баварский курфюрст (1679 — 1726), командовал баварскими войсками в войне за Испанское наследство. — 254.

Малатеста (Malatesta), Сиджисмондо Пандольфо *ди Римини* (1417 — 1468) — итальянский кондотьер. — 200.

Малколм (Malcolm), Джон (1769 — 1833) — английский дипломат и чиновник на службе Ост-Индской компании, посланник в Тегеране (1799 — 1801, 1808 — 1809, 1810), в 1826 — 1830 гг. губернатор Бомбея, автор ряда работ об Индии и Персии. — 79.

Малмсбери (Malmesbury), Джемс Говард *Харрис,* граф (1807 — 1889) — английский государственный деятель, тори, во второй половине XIX в. видный деятель консервативной партии; министр иностранных дел (1852, 1858 — 1859), лорд-хранитель печати (1866 — 1868, 1874 — 1876). — 503, 545 — 547, 549, 560.

Мальборо (Marlborough), Джон *Черчилль,* герцог (1650 — 1722) — английский полководец и политический деятель, в 1702 — 1711 гг. главнокомандующий английскими войсками в войне за Испанское наследство. — 254, 255, 280.

Манилий Брут — римский юрист. — 657, 658.

Мантёйфель (Manteuffel), Отто Теодор, барон (1805 — 1882) — прусский государственный деятель, представитель дворянской бюрократии; министр внутренних дел (1848 — 1850), министр-президент и министр иностранных дел (1850 — 1858). — 602 — 604, 621, 622, 630.

Мантон (Manton), Джозеф (ок. 1766 — 1835) — английский оружейный мастер и изобретатель. — 61.

Марий, Гай (ок. 156 — 86 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, консул (107, 104 — 100, 86 до н. э.). — 19, 357, 360.

Марийе (Marilley), Этьенн (1804 — 1889) — фрейбургский епископ (1846 — 1879), вдохновитель антидемократического мятежа 24 октября 1848 г. во Фрейбурге (Фрибуре). — 600, 601.

Мариньо (Marino), Сантьяго (1788 — 1854) — венесуэльский генерал, один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, одно время противник Боливара. — 228 — 230, 232, 233, 235.

Мария-Елизавета-Амалия (1784 — 1849) — дочь баварского герцога

Вильгельма линии Пфальц-Цвейбрюккен-Биркенфельд. — 97.

Марк Грек (Гракх) — средневековый византийский алхимик. — 197.

Марки (Marchi), Франческо (1504 — 1577) — итальянский военный инженер, автор сочинения по фортификации. — 334.

Маркс (Marx), Женни, урожденная *фон Вестфален* (1814 — 1881) — жена Карла Маркса, его верный друг и помощник. — 445, 628, 685.

Маркс (Marx), Карл (1818 — 1883) (биографические данные). — 399 — 401, 403, 406 — 407, 412, 414 — 417, 419, 427 — 430, 433 — 438, 440, 443,445, 446, 451 — 453, 455 — 463,466,469 — 474,476, 481 — 489, 491 — 497, 499, 500, 518, 574, 575, 585, 591, 603, 606, 611, 612, 624 — 636, 647 — 655, 658 — 660, 677, 680, 682 — 688, 692 — 695, 697 — 701, 703 — 708.

Мармон (Marmont), Огюст Фредерик Луи *де* (1774 — 1852) — французский маршал, участник войн наполеоновской Франции, в апреле 1814 г. перешел на сторону Бурбонов, во время июльской революции 1830 г. командовал войсками Карла X. — 185, 186, 188 — 192.

Маролуа (Marolois), Самюэль — французский математик, в первой половине XVII в. работал в Нидерландах, один из основоположников старо-нидерландской школы фортификации. — 338.

Марсен (Marsin), Фердинан, граф *де* (1656 — 1706) — французский маршал и дипломат, командовал французскими войсками в войне за Испанское наследство. — 254.

Мартен (Martin) — французский журналист, сотрудник газеты «Constitutionnel», бонапартист. — 554.

Мартинес де Рекальде (Martinez de Recalde), Хуан (ум. в 1588 г.) — испанский адмирал, в 1588 г. помощник командующего испанской армадой. — 173, 175.

Массена (Massena), Андре (1756 — 1817) — французский маршал, участник войн Французской республики и наполеоновской Франции. — 65, 96, 97, 143, 145, 165.

Массон (Masson), Огюст Мишель Бенуа (1800 — 1883) — французский писатель. — 524.

Матвей (Матиаш) *Корвин* (1440 — 1490) — венгерский король (1458 — 1490). — 269.

Махмуд II (1785 — 1839) — турецкий султан (1808 — 1839). — 512.

Махмуд Бегара — шах Гуджерата (1458 — 1511). — 147. .

Махмуд Газневи (971 — 1030) — глава тюркского Газневидского государства, охватывавшего Хорасан, Сейстан и Афганистан (998 — 1030), полководец и завоеватель, совершил ряд грабительских походов в Индию. — 77, 78.

Махмуд-шах (ум. в 1829 г.) — афганский шах (1800 — 1803 и 1809 — 1818), затем правитель Герата. — 79, 80.

Медина-Сидония (Medina Sidonia), Алонсо *Перес де Гусман,* герцог *де* (1550 — 1615) — фаворит испанского короля Филиппа II, в 1588 г. командующий испанской армадой. — 173.

Мезон (Maison), Никола Жозеф (1771 — 1840) — французский генерал, впоследствии маршал и политический деятель, участник войн наполеоновской Франции. — 180.

Мейен (Meyen), Эдуард (1812 — 1870) — немецкий публицист, младогегельянец; мелкобуржуазный демократ, после поражения революции 1848 — 1849 гг. эмигрировал в Англию; впоследствии национал-либерал. — 467, 604 — 607, 673, 693 — 695, 706.

Мелас (Melas), Михаэль Фридрих Бенедикт (1729 — 1806) — австрийский генерал, в 1799 — 1800 гг. главнокомандующий австрийскими войсками в войне против Франции на территории Италии. — 96.

Мелвилл (Melville), Роберт (1723 — 1809) — английский генерал, изобрел морское орудие, названное в 1759 г. карронадой. — 384.

Меллине (Mellinet), Франсуа (1768 — 1852) — бельгийский генерал, француз по происхождению; активный участник бельгийской буржуазной революции 1830 г. и демократического движения в Бельгии, почетный председатель брюссельской Демократической ассоциации. — 628.

Мельдер (Melder), Херард (XVII в.) — нидерландский военный инженер, автор работ по фортификации. — 338.

Мемнон Родосский (ум. в 333 г. до н. э.) — предводитель греческих наемников в армии персидского царя Дария III. — 9.

Мендон (ум. в 1878 г.) — бирманский король (1853 — 1878). — 291.

Мендоса — см. *Хуртадо де Мендоса.*

Меншиков, Александр Сергеевич, князь (1787 — 1869) — русский военный и государственный деятель, в 1853 г. чрезвычайный посол в Константинополе, главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму (1853 — февраль 1855). — 55, 56.

Меррей (Murray), Джемс *Стюарт,* граф (ок. 1531 — 1570) — брат шотландской королевы Марии Стюарт, с 1567 г. регент Шотландии, вел борьбу против Марии Стюарт и ее сторонников. — 61.

Мёрнер (Morner), Карл Отто, барон (1781 — 1868) — шведский офицер, способствовал избранию Бернадота наследником шведского престола. — 166.

Метелл Нумидийский (Квинт Цецилий Метелл) (II — I вв. до н. э.) — римский политический деятель и полководец, в 109 г. до н. э. консул, в 109 — 107 г. до н. э. командовал римскими войсками в Югуртинской войне (111 — 105 до н. э.). — 19.

Меттерних (Metternich), Клеменс, князь (1773 — 1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, реакционер; министр иностранных дел (1809 — 1821) и канцлер (1821 — 1848), один из организаторов Священного союза. — 504, 517.

Мигел, дон (1802 — 1866) — португальский принц, в 1828 — 1834 гг. король, глава клерикально-абсолютистской партии в Португалии. — 295, 512.

Миллер (Miller), Джон — брат английского генерала Уильяма Миллера, участника войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, издатель тенденциозно обработанных мемуаров Уильяма Миллера. — 240.

Мильтиад (ум. в 489 г. до н. э.) — древнегреческий полководец и государственный деятель. — 10.

Минье (Minie), Клод Этьенн (1804 — 1879) — французский офицер, изобретатель винтовки нового образца. — 41, 59, 219, 251, 378.

Миранда (Miranda), Франсиско (1750 — 1816) — венесуэльский генерал и политический деятель, один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Америке, в 1811 — 1812 гг. главнокомандующий венесуэльской армией. — 226, 227.

Мисковский (Miskowsky), Генрик Людвик (ум. в 1854 г.) — польский офицер, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии; после подавления революции эмигрировал в Турцию, затем в Лондон. — 455, 456.

Моден (Maudin) (XVII в.) — французский военный инженер. — 333.

Моле (Mole), Луи Матьё, граф (1781 — 1855) — французский государственный деятель, орлеанист, премьер-министр (1836 — 1837, 1837 — 1839), в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний. — 514.

Молль (Moll), Иосиф (1812 — 1849) — видный деятель немецкого

и международного рабочего движения, по профессии часовщик; один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, в июле-сентябре 1848 г. председатель кёльнского Рабочего союза, член Рейнского окружного комитета демократов; после сентябрьских событий 1848 г. в Кёльне эмигрировал в Лондон, откуда вскоре вернулся под чужим именем и вел агитацию в различных округах Германии; участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., убит в сражении на Мурге. — 451.

Монбрен (Montbrun), Луи Пьер, граф (1770 — 1812) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции. — 260.

Монталамбер (Montalembert), Марк Рене, маркиз *де* (1714 — 1800) — французский генерал, военный инженер, разработал новую систему фортификации, широко применявшуюся в XIX веке. — 89, 344 — 347.

Монталамбер (Montalembert), Шарль (1810 — 1870) — французский политический деятель и публицист, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, орлеанист, глава католической партии; поддержал Луи Бонапарта во время государственного переворота 2 декабря 1851 г., но вскоре перешел в оппозицию. — 526.

Монтальво (Montalvo), Франсиско (1754 — 1822) — испанский генерал, в 1812 — 1816 гг. вице-король Новой Гранады (Колумбия). — 230.

Монтеверде (Monteverde), Доминго (1772 — 1832) — испанский морской офицер, в 1812 — 1813 гг. командовал войсками, боровшимися против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке, после капитуляции Миранды исполнял обязанности генерал-капитана (командующего военным округом) в Венесуэле. — 227 — 229.

Моньe (Monnier), Анри Бонавентюр (1805 — 1877) — французский карикатурист и писатель. — 573.

Мопа (Maupas), Шарлемань Эмиль (1818 — 1888) — французский адвокат, бонапартист, префект парижской полиции (1851), один из организаторов государственного переворота 2 декабря 1851 г., министр полиции (1852 — 1853). — 672.

Моралес (Morales), Томас (1781 — 1844) — испанский генерал, в 1813 — 1823 гг. командовал войсками, боровшимися против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 232.

Моран (Morand), Шарль Алексис Луи Антуан (1771 — 1835) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции. — 258.

Морильо (Morillo), Пабло (1778 — 1837) — испанский генерал, участник освободительной войны против наполеоновского господства (1808 — 1814), в 1815 — 1820 гг. главнокомандующий войсками, боровшимися против национально-освободительного движения испанских колоний в Америке. — 231, 234 — 236.

Мориц Нассауский, граф (принц *Оранский)* (1567 — 1625) — штатгальтер Нидерландов (1585 — 1625), военный деятель и полководец в период войны Нидерландов за независимость. — 31, 204, 306.

Морла (Morla), Томас (1752 — 1820) — испанский генерал, член Верховной хунты, в 1808 г. перешел на сторону французских оккупантов, военный и морской министр в правительстве Жозефа Бонапарта. — 206.

Морни (Morny), Шарль Огюст Луи Жозеф, граф *де* (1811 — 1865) — французский политический деятель, бонапартист, депутат Законодательною собрания (1849 —

1851), один из организаторов государственного переворота 2 декабря 1851 г., министр внутренних дел (декабрь 1851 — январь 1852), председатель Законодательного корпуса (1854 — 1856, 1857 — 1865). — 410, 528.

Мортье (Mortier), Эдуар Адольф Казимир Жозеф (1768 — 1835) — французский маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 115, 188 — 191.

Москера (Mosquera), Хоакин (1787 — 1877) — колумбийский политический деятель, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, в 1830 г. президент Колумбии. — 240.

Мур (Moore), Джон (1761 — 1809) — английский генерал, в 1808 — 1809 гг. главнокомандующий английскими войсками в Португалии. — 294.

Мухаммед (ок. 570 — 632) — арабский религиозный проповедник, считающийся основателем ислама, по мусульманским представлениям — пророк, «посланник аллаха». — 197, 413, 621.

Мухаммед-Али (1769 — 1849) — правитель Египта (1805 — 1849), осуществил ряд прогрессивных реформ; в 1831 — 1833 и 1839 — 1840 гг. вел войны против турецкого султана с целью превращения Египта в независимое от Турции государство. — 103.

Мухаммед-хан — правитель Пешавара (1818 — 1834). — 80.

Муций Сцевола — римский юрист. — 657, 658.

Мюллер (Muller) — председатель Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне в 1860 году. — 629.

Мюрат (Murat), Иоахим (1767 — 1815) — французский маршал, участник войн наполеоновской Франции, неаполитанский король (1808 — 1815). — 164, 179, 260, 311, 320 — 322.

Мюфлинг (Muffling), Фридрих Фердинанд Карл, барон (1775 — 1851) — прусский генерал, впоследствии генерал-фельдмаршал, военный деятель и писатель, участник войн против наполеоновской Франции. — 181, 190, 194.

Н

Надир-шах (1688 — 1747) — персидский шах (1736 — 1747), полководец и завоеватель, в 1738 — 1739 гг. совершил грабительский поход в Индию. — 78.

Нансути (Nansouty), Этьенн Мари Антуан *Шампьон,* граф *де* (1768 — 1815) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции. — 259.

Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821) — французский император (1804 — 1814 и 1815). — 38, 40, 41, 46, 49, 64 — 66. 69 — 73, 80, 83, 93 — 98, 114 — 116, 120, 121, 123, 130, 134, 138, 143 — 145, 149, 158, 161 — 169, 179 — 194, 207-209, 218, 220 — 222, 226, 233, 257. 259, 260, 273, 275, 284, 309 — 311. 319, 321, 322, 346, 376 — 378, 381, 408, 410, 411, 464, 467, 504, 506, 507, 511, 516, 525, 528, 530 — 532, 538, 551, 557, 558, 571, 625, 647, 652, 653, 656.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонд-парт) (1808 — 1873) — племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848 — 1851), французский император(1852 — 1870). — 42, 140, 211, 225, 401, 408 — 411, 421, 433, 467, 479, 481, 492, 500, 502, 503, 507 — 510, 519, 521 — 536, 538 — 544,546 — 551,553, 555 — 560, 562, 565 — 568, 570,572, 573, 577, 580, 584, 587 — 591, 593, 594, 596, 597, 600, 608, 614, 681, 686 — 688 — 690, 694, 695.

Наполеон, Жером, принц — см. *Бонапарт,* Жозеф Шарль Поль.

Нарсес (ок. 472 — 568) — византийский полководец, по происхождению армянин, один из сподвижников императора Юстиниана и его реакционной политике реставрации рабовладельческого строя в Италии. — 303.

Ней (Ney), Мишель (1769 — 1815) — французский маршал, участник

войн Французской республики и наполеоновской Франции. — 188, 190, 191, 208, 257 — 259, 324, 412.

Нейбауэр (Neubauer) (XVII в.) — немецкий военный инженер. — 338.

Нейпир (Napier), Уильям Фрэнсис Патрик (1785 — 1860) — английский генерал и военный историк, участник войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814). — 311.

Нейпир (Napier), Чарлз (1786 — 1860) — английский адмирал, в 1854 г. командующий флотом в Балтийском море. — 293, 504.

Немурский (Nemours), Луи Шарль Филипп Рафаэль *Орлеанский,* герцог (1814 — 1896) — второй сын французского короля Луи-Филиппа, генерал, в 30 — 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, после февральской революции 1848 г. эмигрировал в Англию. — 224.

Николай I (1796 — 1855) — русский император (1825 — 1855). — 32, 170, 306, 508 — 514, 516, 592.

Нордман (Nordmann), Йозеф Арманд (1759 — 1809) — австрийский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 65.

Нотт (Nott), Уильям (1782 — 1845) — английский генерал, участник англо-афганской войны (1838 — 1842). — 81, 84.

Ньюджент — см. *Шерваль,* Жюльен.

Ньютон (Newton), Исаак (1642 — 1727) — великий английский физик, астроном и математик, основатель механики как науки. — 205.

О

О'Доннель (O'Donnell), Энрике Хосе (1769 — 1834) — испанский генерал, участник освободительной войны против наполеоновского господства (1808 — 1814); в середине 1819 г. командовал в районе Кадиса экспедиционным корпусом, предназначавшимся для подавления национально-освободительного движения испанских колоний в Америке. — 236, 237.

Ожеро (Augereau), Пьер Франсуа Шарль (1757 — 1816) — французский генерал, с 1804 г. маршал, участник войн Французской республики и наполеоновской Франции. — 143, 145, 190.

Окленд (Auckland), Джордж *Иден,* граф (1784 — 1849) — английский государственный деятель, виг, занимал ряд министерских постов, генерал-губернатор Индии (1836 — 1842). — 81.

Оксенбейн (Ochsenbein), Иоганн Ульрих (1811 — 1890) — швейцарский генерал и буржуазный государственный деятель, радикал, затем один из руководителей либералов, председатель Союзного сейма в период войны с Зондербундом, глава Союзного правительства (1847 — 1848); в 1848 г. председатель Национального совета и член Союзного совета. — 597.

Оли (Ohly), Карл Фридрих Христиан Герман (1825 — 1881) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 — 1849 гг., после поражения революции эмигрировал в Швейцарию, а затем в Лондон; корреспондент «Allgemeine Zeitung». — 481, 482, 626, 650. 651.

Олифант (Oliphant), Лоренс (1829 — 1888) — английский путешественник и журналист; в 1855 г. находился на Кавказе в качестве корреспондента «Times». — 548.

Олсуфьев, Захар Дмитриевич (1773 — 1835) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 188,189.

Ольга (1822 — 1892) — русская великая княгиня, дочь Николая I, впоследствии королева Вюртембергская. — 664.

Ольденбургский (Oldenburg), Георг Петер Фридрих (Георгий Петрович), принц (1784 — 1812) — зять русского императора Александра I, в 1809 — 1812 гг. генерал-

губернатор Тверской, Ярославской и Новгородской губерний и главный директор путей сообщения России. — 166.

Омальский (Aumale), Анри Эжен Филипп Луи *Орлеанский,* герцог (1822 — 1897) — сын французского короля Луи-Филиппа, в 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, генерал-губернатор Алжира (1847 — 1848), после февральской революции 1848 г. эмигрировал в Англию. — 108, 224.

Оппенхейм (Oppenheim), Генрих Бернхард (1819 — 1880) — немецкий политический деятель, экономист и журналист, мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. один из редакторов берлинской газеты «Reform», в 1849 — 1850 гг. эмигрант; впоследствии национал-либерал. — 467, 614.

Оранский, принц — см. *Вильгельм III Оранский.*

Оргес (Orges), Герман (1821 — 1874) — немецкий журналист, с 1854 по 1864 г. один из редакторов аугсбургской «Allgemeine Zeitung». — 493, 577, 628, 682.

Орлеаны — королевская династия во Франции (1830 — 1848). — 409, 410.

Орсини (Orsini), Феличе (1819 — 1858) — итальянский революционер, буржуазный демократ и республиканец, один из видных участников борьбы за национальное освобождение и объединение Италии; казнен за покушение на Наполеона III. — 526.

Орудж Барбаросса (ок. 1473 — 1518) — турецкий корсар, правитель Алжира (1515 — 1518). — 101.

Освальд (Oswald), Эйген (1826 — 1912) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ; участник революционного движения в Бадене в 1848 — 1849 годах; после поражения революции эмигрировал из Германии. — 407.

Остен-Сакен, Фабиан Вильгельмович (1752 — 1837) — русский генерал, с 1826 г. генерал-фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции. — 181, 182, 186, 189, 190.

Остерман-Толстой, Александр Иванович, граф (1770 — 1857) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 259, 260.

Оттон I (912 — 973) — германский король (936 — 973) и император так называемой Священной Римской империи (962 — 973). — 284.

Оуэн (Owen), Роберт (1771 — 1858) — великий английский социалист-утопист. — 459.

П

Павел I (1754 — 1801) — русский император (1796 — 1801). — 114.

Паган (Pagan), Блез Франсуа *де* (1604 — 1665) — французский военный инженер, автор сочинения по фортификации. — 336, 338 — 340.

Падилья (Padilla), Хосе (1778 — 1828) — колумбийский генерал, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, в 1828 г. казнен по обвинению в организации заговора против Боливара. — 237, 239.

Пайинда-хан (титул: Сарафраз-хан) (ум. в 1800 г.) — глава заговора против афганского шаха Земана. — 79.

Пален, Петр Алексеевич, граф (1745 — 1826) — русский генерал и государственный деятель, петербургский военный губернатор (1798 — 1801), один из организаторов и участник убийства Павла I. — 114.

Палестрина (Palestrina) — французский полицейский чиновник. — 575, 578.

Пальмерстон (Palmerston), Генри Джон *Темпл,* виконт (1784 — 1865) — английский государственный деятель, в начале своей деятельности тори, с 1830 г. один из лидеров вигов, опиравшийся на правые элементы этой партии; министр иностранных дел (1830 — 1834, 1835 — 1841 и 1846 —

1851), министр внутренних дел (1852 — 1855) и премьер-министр (1855 — 1858 и 1859 — 1865). — 170, 486, 505, 508, 512, 526 — 528, 541, 547, 569, 582, 583, 609, 680, 694.

Папачино д'Антони (Papacino d'Antoni), Алессандро Витторио (1714 — 1786) — сардинский военный инженер, автор ряда работ по артиллерии и фортификации. — 205.

Папиниан, Эмилий (ок. 140 — 212) — видный римский юрист, последовательный защитник рабовладельческого строя. — 657, 658.

Паравей (Paravey), Шарль Ипполит *де* (1787 — 1871) — французский инженер и востоковед. — 196.

Пармский, герцог — см. *Фарнезе;* Александр.

Парсеваль-Дешен (Parseval-Deschenes), Александр Фердинан (1790 — 1860) — французский адмирал, в 1854 г. командующий эскадрой в Балтийском море. — 293.

Пас Салас (Paz Salas), Педро *де* (XVI в.) — составитель отчета об испанской армаде. — 172.

Паскевич, Иван Федорович, князь (1782 — 1856) — русский генерал-фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции, с лета 1831 г. главнокомандующий русскими войсками, подавлявшими польское восстание 1830 — 1831 гг., с 1832 г. наместник Царства Польского, в 1849 г. главнокомандующий русской армией, участвовавшей в подавлении революции в Венгрии. — 258.

Пачотто (Paciotto), Франческо (1521 — 1591) — итальянский военный инженер. — 334.

Паэс (Paez), Хосе Антонио (1790 — 1873) — венесуэльский генерал и политический деятель, один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, с 1814 г. командовал отрядами льянерос, перешедших на сторону национально-освободительного движения, в 1826 — 1830 гг. выступал против Боливара, возглавляя борьбу за отделение Венесуэлы от Колумбии, с 1831 по 1863 г. (с перерывами) президент Венесуэлы. — 230, 234 — 236, 238, 239

Педру I (1798 — 1834) — бразильский император (1822 — 1831), португальский король под именем Педру IV (1826), отрекся от португальского престола в пользу своей дочери Марии II да Глориа. — 135.

Пексан (Paixhans), Анри Жозеф (1783 — 1854) — французский генерал, военный инженер и изобретатель, автор ряда работ по артиллерии. — 215, 385.

Пелисье (Pelissier), Жан Жак (1794 — 1864) — французский генерал, с 1855 г. маршал, в 30 — 50-х годах участвовал в завоевании Алжира, главнокомандующий армией в Крыму (1855 — 1856). — 108, 526.

Пеллетье (Pelletier), Жан Батист (1777 — 1862) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции, в период Июльской монархии занимал пост начальника ряда артиллерийских школ во Франции. — 134.

Пенья (Pena), Мигель (1781 — 1833) — венесуэльский адвокат и политический деятель, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, сторонник Боливара; в 1812 г. губернатор Ла-Гуайры, после отделения Венесуэлы от Колумбии министр внутренних дел и юстиции в правительстве Паэса. — 227.

Перейра (Pereire), Исаак (1806 — 1880) — французский банкир, бонапартист, в 1852 г. вместе со своим братом Эмилем Перейрой учредил акционерное общество Credit Mobilier, автор ряда работ по вопросам кредита. — 614.

Перикл (ок. 490 — 429 до н. э.) — афинский государственный дея-

тель, стратег (444 — 429 до н. э.), способствовал укреплению рабовладельческой демократии. — 11, 14.

Персий (Авл Персий Флакк) (32 — 64) — римский поэт-сатирик. — 579, 609, 610.

Персиньи (Persigny), Жан Жильбер Виктор *Фиален,* граф (1808 — 1872) — французский государственный деятель, бонапартист, депутат Законодательного собрания (1849 — 1851), один из организаторов государственного переворота 2 декабря 1851 г., министр внутренних дел (1852 — 1854 и 1860 — 1863), посол в Англии (1855 — 1858, 1859 — 1860). — 542, 566.

Перцель (Perczel), Мориц (1811 — 1899) — венгерский генерал, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии; после поражения революции эмигрировал в Турцию, в 1851 г. в Англию. — 518, 589.

Перье (Perrier), Джон — швейцарский политический деятель, радикал, член Большого совета (1852 и 1856 — 1860), сторонник Фази. — 564, 566 — 568.

Пететен (Petetin), Ансельм (1807 — 1873) — французский публицист, сначала республиканец, затем бонапартист; префект Савойи (1860 — 1861). — 560.

Петион (Petion), Анн Александр *Сабес* (1770 — 1818) — вест-индский политический деятель и генерал, участник борьбы за освобождение Гаити от колониального господства, президент республики Гаити (1807 — 1818). — 231, 232.

Петр I (1672 — 1725) — русский царь с 1682 г., император всероссийский с 1721 года. — 486, 511.

Пиар (Piar), Мануэль Карлос (1782 — 1817) — венесуэльско-колумбийский генерал участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, в 1817 г. казнен по обвинению в организации заговора против Боливара. — 232 — 234.

Пий IX (1792 — 1878) — папа римский (1846 — 1878). — 510, 523.

Пиль (Peel), Роберт (1788 — 1850) — английский государственный деятель, лидер умеренных тори, названных по его имени пилитами, министр внутренних дел (1822 — 1827 и 1828 — 1830), премьер-министр (1834 — 1835 и 1841 — 1846), при поддержке либералов провел отмену хлебных законов (1846). — 695.

Пиндар, Питер — см. *Уолкот,* Джон.

Пирр (319 — 272 до н. э.) — царь Эпира (307 — 302, 296 — 272 до н. э.), известный полководец древнего мира. — 21.

Питт (Pitt), Уильям Младший (1759 — 1806) — английский государственный деятель, один из лидеров тори; один из главных организаторов войны против французской буржуазной революции конца XVIII в., премьер-министр (1783 — 1801 и 1804 — 1806). — 431, 504.

Пифагор (ок. 571 — 497 до н. э.) — древнегреческий математик, философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. — 604.

Пиччинино (Piccinino), Никколо (1386 — 1444) — итальянский кондотьер, в 1426 — 1443 гг. командовал войсками Милана в междоусобных войнах итальянских городов. — 284.

Пишон (Pichon), Луи Андре, барон (1771 — 1850) — французский дипломат и политический деятель, в начале 30-х годов гражданский интендант в Алжире. — 107.

Плавт, Тит Макций (ок. 254 — 184 до н. э.) — крупнейший древне-римский поэт-комедиограф. — 482.

Плон-Плон — см. *Бонапарт,* Жозеф Шарль Поль, принц Наполеон.

Плюмике (Plumicke), И. К. — немецкий офицер, автор книги «Руководство для офицеров королевско-прусской артиллерии». — 437.

Полибий (ок. 201 — ок. 120 до н. э.) — выдающийся древнегреческий историк, автор одного из первых трудов по всеобщей истории. — 357.

Поллок (Pollock), Джордж (1786 — 1872) — английский генерал, впоследствии фельдмаршал, участник англо-афганской войны (1838 — 1842). — 84, 85.

Поншарра (Poncharra), Шарль Луи Сезар *дю Пор,* маркиз *де* (1787 — 1860) — французский офицер и военный изобретатель. — 378.

Понятовский (Poniatowski), Станислав Август (1732 — 1798) — польский король под именем Станислава II Августа (1764 — 1795). — 120.

Понятовский (Poniatowski), Юзеф, князь (1763 — 1813) — польский политический и военный деятель, генерал, в 1809 — 1813 гг. участвовал в войнах наполеоновской Франции. — 257.

Поп (Pope), Александр (1688 — 1744) — английский поэт, представитель просветительского классицизма. — 602, 603, 613, 615, 640, 688.

Потемкин, Григорий Александрович, князь (1739 — 1791) — русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий в русско-турецкой войне 1787 — 1791 годов; фаворит Екатерины II. — 113.

Поццо-ди-Борго, Карл Осипович, граф (1764 — 1842) — русский дипломат, по происхождению корсиканец; с 1814 по 1821 г. посланник, с 1821 по 1835 г. посол в Париже, затем в Лондоне (1835 — 1839). — 514.

Принсипе-и-Видауд (Principe y Vidaud), Мигель Агустин (1811 — 1866) — испанский буржуазный писатель, автор ряда работ по испанской истории и литературе, принадлежал к партии прогрессистов. — 177.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809 — 1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма. — 461, 526.

Псамметих I — египетский фараон (663 — 610 до н. э.) и полководец. — 6.

Птолемей, Клавдий (II в.) — знаменитый древнегреческий астроном и географ. — 99.

Птолемей Лаг (ок. 360 — 283 до н. э.) — македонский полководец, участник походов Александра Македонского, с 323 до н. э. сатрап, затем царь эллинистического Египта (305 — 285 до н. э.), основатель династии Птолемеев. — 9, 298.

Пугачев, Емельян Иванович (ок. 1742 — 1775) — вождь крупнейшего антифеодального восстания крестьян и казаков в России в 1773 — 1775 годах. — 113.

Пульский (Pulszky), Францишек (1814 — 1897) — венгерский политический деятель, писатель и археолог, по происхождению поляк, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии; после поражения революции эмигрировал за границу, в 50-х годах сотрудничал в газете «New-York Daily Tribune», в 1867 г. после амнистии вернулся в Венгрию, депутат сейма (1867 — 1876 и 1884 — 1897). — 590.

Пухнер (Puchner), Антон, барон (1779 — 1852) — австрийский генерал, в 1848 — 1849 гг. командовал войсками в Трансильвании, действовавшими против венгерской революционной армии. — 136.

Пфуль (Pfuel), Эрнст (1779 — 1866) — прусский генерал, один из представителей реакционной военщины; в сентябре — октябре 1848 г. министр-президент и военный министр. — 621.

Пьетри (Pietri), Пьер Мари (1809 — 1864) — французский политический деятель, бонапартист; префект парижской полиции (1852 — 1858). — 421, 422.

Пюизе (Puisaye), Жозеф Женевьев, граф *де* (1755 — 1827) — французский генерал, роялист, в 1793 — 1797 гг. один из руководи-

телей контрреволюционных мятежей шуанов; впоследствии эмигрант. — 142.

Р

Раво (Raveaux), Франц (1810 — 1851) — немецкий политический деятель, буржуазный демократ; в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания от Кёльна, принадлежал к левому центру; имперский комиссар в Швейцарии, в июне 1849 г. один из пяти имперских регентов; член баденского временного правительства, после поражения баденско-пфальцского восстания эмигрировал из Германии. — 618.

Раглан (Raglan), Фицрой Джемс Генри *Сомерсет,* барон (1788 — 1855) — английский генерал, с 1854 г. фельдмаршал, в качестве штабного офицера Веллингтона участвовал в войнах против наполеоновской Франции (1808 — 1814 и 1815), военный секретарь канцелярии главнокомандующего (1827 — 1852), начальник артиллерийского управления (1852 — 1854), главнокомандующий армией в Крыму (1854 — 1855). — 56, 63.

Радемахер (Rademacher), Иоганн Готфрид (1772 — 1849) — немецкий врач, известен своеобразной классификацией болезней по средствам их лечения. — 407.

Радецкий (Radetzky), Йозеф, граф (1766 — 1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. командовал австрийскими войсками в Северной Италии, в 1848 — 1849 гг. жестоко подавлял революционное и национально-освободительное движение в Италии; с 1850 по февраль 1857 г. генерал-губернатор Ломбардо-Венецианского королевства. — 505.

Радовиц (Radowitz), Йозеф (1797 — 1853) — прусский генерал и государственный деятель, представитель придворной камарильи, в 1848 — 1849 гг. один из лидеров правого крыла во франкфуртском Национальном собрании. — 616 — 618.

Раевский, Николай Николаевич (1771 — 1829) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 256 — 260.

Ракоци (Rakoczi), Ференц (Франц) (1676 — 1735) — руководитель национально-освободительного движения в Венгрии против господства Габсбургов в начало XVIII века. — 590.

Рамсес II (в греческой традиции: Сесострис) — египетский фараон (1317 — 1251 до н. э.) и полководец. — 5.

Ранджит Сингх (1780 — 1839) — правитель Пенджаба (1797-1839). — 80.

Рандон (Randon), Жак Луи Сезар Александр, граф (1795 — 1871) — французский генерал, с 1856 г. маршал; в 30 — 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, военный министр (1851 и 1859 — 1867), генерал-губернатор Алжира (1851 — 1858). — 109.

Раникель (Ranickel) — немецкий ремесленник, по профессии переплетчик, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал в Швейцарию. — 413, 414, 418, 427, 436, 448 — 450, 488 — 490, 561, 572, 573, 616, 663.

Распайль (Raspail), Франсуа (1794 — 1878) — видный французский ученый-естествоиспытатель, публицист, социалист, близкий к революционному пролетариату; участник революций 1830 и 1848 года; депутат Учредительного собрания. — 442.

Рассел (Russel), Джон (1792 — 1878) — английский государственный деятель, лидер вигов, премьер-министр (1846 — 1852 и 1865 — 1866), министр иностранных дел (1852 — 1853 и 1859 — 1865). — 544, 562, 564.

Рафаэль Санти (Raffaello Santi) (1483 — 1520) — великий итальянский художник эпохи Возрождения. — 283.

Резен (Raisin), Пьер (1820 — 1870) — швейцарский юрист и политический деятель, член Большого совета. — 662, 663.

Рёзер (Roser), Петер Герхард (1814 — 1865) — деятель немецкого рабочего движения; по профессии рабочий-сигарочник; в 1848 — 1849 гг. заместитель председателя кёльнского Рабочего союза; член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), приговорен к шести годам тюремного заключения; позднее примкнул к лассальянцам. — 674.

Рейль (Reille), Оноре Шарль Мишель Жозеф (1775 — 1860) — французский генерал, впоследствии маршал и политический деятель, участник войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814). — 262, 265 — 267.

Рейнах (Reinach), Арнольд (ок. 1820 — 1870) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, затем эмигрировал в Швейцарию. — 489, 663, 664.

Рейнлендер (Rheinlander), Георг Фридрих — член Союза отверженных в Париже, затем эмигрант в Лондоне. — 433, 593, 594, 596.

Рейс-Плауен (Reus-Plauen), Генрих, князь (1751 — 1825) — австрийский генерал, участник войн против Французской республики и наполеоновской Франции. — 69.

Рейтер (Reuter), Пауль Юлиус (1816 — 1899) — в 1851 г. основал телеграфное агентство Рейтер в Лондоне. — 641.

Рейтер (Reuter), Макс — в начале 50-х годов XIX в. прусский полицейский агент в Лондоне. — 671.

Рейхард (Reichard), Йозеф Мартин (1803 — 1872) — немецкий юрист, мелкобуржуазный демократ, депутат франкфуртского Национального собрания, член пфальцского революционного временного правительства 1849 г., после подавления восстания эмигрировал в США. — 620.

Рейхенбах (Reichenbach), Оскар, граф (род. в 1815 г.) — силезский помещик, мелкобуржуазный демократ, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, с 1850 г. эмигрант в Англии, затем в Америке. — 679.

Рейхштадтский, Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт, герцог (1811 — 1832) — сын Наполеона I и Марии-Луизы; выдвигался бонапартистами в качестве претендента на французский престол. — 167.

Рекальде — см. *Мартинес де Рекальде,* Хуан.

Ремюза (Remusat), Шарль Франсуа Мари, граф (1797 — 1875) — французский государственный деятель и писатель, орлеанист, министр внутренних дел (1840), в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, министр иностранных дел (1871 — 1873). — 429.

Рёслер (Roesler), Густав Адольф (1818 — 1855) — немецкий учитель и журналист, в 1848 — 1849 гг. член левой франкфуртского Национального собрания; с 1850 г. эмигрант в Америке. — 469.

Решид-паша (1802 — 1858) — турецкий государственный деятель; неоднократно занимал посты великого визиря и министра иностранных дел. — 518, 584.

Рибас (Ribas), Хосе Феликс (1775 — 1814) — венесуэльский генерал, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке. — 226 — 231.

Римплер (Rimpler), Георг (1636 — 1683) — немецкий военный инженер, автор работ по фортификации. — 343, 344.

Рингельгардт (Ringelgardt) — директор театра в Кёльне, затем (с 1832 г.) в Лейпциге. — 118.

Рингс (Rings), Л. В. — член Союза коммунистов, в начале 50-х го-

дов XIX в. эмигрант в Лондоне, сторонник Маркса и Энгельса. — 674.

Риссер (Riesser), Габриель (1806 — 1863) — немецкий юрист и политический деятель, выступал в защиту равноправия евреев, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал вначале к правому центру, а с сентября 1848 г. к левому центру. — 479.

Ришельё (Richelieu), Арман Эмманюэль *дю Плесси,* герцог (1766 — 1822) — французский государственный деятель, после начала французской буржуазной революции конца XVIII в. эмигрировал в Россию, в 1813 г. возвратился во Францию, председатель совета министров и министр иностранных дел (1815 — 1818 и 1820 — 1821). — 511.

Робинс (Robins), Бенджамин (1707 — 1751) — английский математик и военный инженер, автор ряда работ по математике и артиллерии. — 205.

Родригес-Торисес (Rodriguez Torices), Мануэль (1788 — 1815) — колумбийский политический деятель, участник национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке, в 1812 — 1814 гг. президент Картахены, затем один из руководящих деятелей Новой Гранады (Колумбия). — 228.

Рожье (Rogier), Шарль Латур (1800 — 1885) — бельгийский буржуазный государственный деятель, умеренный либерал; в 1847 — 1852 гг. министр внутренних дел. — 628.

Розенберг-Орсини (Rosenberg-Orsini), Франц Сераф, князь (1761 — 1832) — австрийский генерал, участник войн против Французской республики и наполеоновской Франции. — 69.

Розенблюм (Rosenblum), Эдуард — немецкий студент, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-лфальцского восстания 1849 года; после поражения восстания эмигрировал из Германии. — 404 — 407, 424.

Росетти (Rossetti), Доменико (XVII в.) — итальянский военный инженер, автор сочинения по фортификации. — 334.

Романа (Romana), Педро *Каро-и-Суреда,* маркиз *де ла* (1761 — 1811) — испанский генерал, в 1807 — 1808 гг. командовал испанским корпусом на побережье Северного и Балтийского морей, участник освободительной войны против наполеоновского господства (1808 — 1814). — 164.

Роон (Roon), Альбрехт (1803 — 1879) — прусский государственный и военный деятель, с 1873 г. генерал-фельдмаршал, один из представителей прусской военщины, военный министр (1859 — 1873) и морской министр (1861 — 1871), провел реорганизацию прусской армии. — 617.

Россио (Roscio), Хуан Херман (1769 — 1821) — венесуэльский юрист и политический деятель, участник национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке, вице-президент Венесуэлы (1819 — 1820), затем Великой Колумбии (1820 — 1821). — 234 — 236.

Роттек (Rotteck), Карл (1775 — 1840) — немецкий буржуазный историк и политический деятель, либерал. — 602.

Рувруа (Rouvroy), Фридрих Густав (1771 — 1839) — саксонский офицер, автор ряда работ по артиллерии. — 2(56.

Руге (Ruge), Арнольд (1802 — 1880) — немецкий публицист, младогегельянец; буржуазный радикал; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 50-х годах один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Англии; после 1866 г. национал-либерал. — 458, 459, 467 — 469, 673, 693.

Румянцев, Петр Александрович, граф (1725 — 1796) — выдающийся русский полководец, генерал-

фельдмаршал, государственный деятель; командовал войсками в русско-турецкой войне 1768 — 1774 годов. — 113.

Руперт, принц (1619 — 1682) — английский генерал, роялист, во время английской буржуазной революции XVII в. командовал королевской конницей в первой гражданской войне (1642 — 1646). — 306.

Руссо (Rousseau), Жан Жак (1712 — 1778) — выдающийся французский просветитель, демократ, идеолог мелкой буржуазии. — 598.

Рэ (Reh), Теодор — немецкий адвокат, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому центру. — 477 — 479.

Рюльер (Rulhieres), Жозеф Марселен (1787 — 1862) — французский генерал и политический деятель, участник войн наполеоновской Франции, в 30-х годах участвовал в завоевании Алжира, в 1848 — 1849 гг. член Учредительного и Законодательного собраний и военный министр, после государственного переворота 2 декабря 1851 г. уволен в отставку. — 224.

С

Савари (Savary), Анн Жан Мари Рене, герцог *де Ровиго* (1774 — 1833) — французский генерал, политический деятель и дипломат, участник войн наполеоновской Франции, министр полиции (1810 — 1814), генерал-губернатор Алжира (1831 — 1833). — 107.

Сазонов, Николай Иванович (1815 — 1862) — русский журналист, либерал, в начале 40-х годов эмигрировал за границу, где сотрудничал в разных журналах и газетах. — 415, 416.

Сайплс (Cyples), В. — в 1856 г. секретарь шеффилдского комитета по иностранным делам. — 680.

Сакен — см. *Остен-Сакен,* Фабиан Вильгельмович.

Саксен-Кобургский, герцог — см. *Эрнст III.*

Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп) (86 — ок. 35 до н. э.) — римский историк. — 19.

Саль (Salles), Шарль Мари *де* (1803 — 1858) — французский генерал, в 30 — 50-х годах участвовал в завоевании Алжира, в 1855 г. командовал корпусом в Крыму. — 224.

Сандс (Sands) — английский полковник, в 20-х годах XIX в. принимал участие в войне за независимость испанских колоний в Южной Америке. — 237.

Санмикели (Sanmicheli), Микеле (1484 — 1559) — итальянский архитектор и военный инженер, один из первых представителей бастионной фортификации. — 332, 334.

Санта Крус (Santa Cruz), Альваро *де Басан,* маркиз *де* (1526 — 1588) — испанский адмирал, в 1576 — 1588 гг. командовал испанским флотом. — 173.

Сантандер (Santander), Франсиско *де Паула* (1792 — 1840) — колумбийский генерал и политический деятель, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, вице-президент Великой Колумбии (1821 — 1828), противник Боли-вара, в 1828 г. изгнан по обвинению в организации заговора против него; в 1832 — 1837 гг. президент Новой Гранады (Колумбия), лидер партии либералов. — 234, 235, 237, 239.

Сарафраз-хан — см. *Пайинда-хан.*

Сеа (Zea), Франсиско Антонио (1770 — 1822) — колумбийский политический деятель, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, сторонник Боливара, вице-президент Колумбии (1819), затем Великой Колумбии (1819 — 1820). — 233, 235.

Себастиани (Sebastiani), Орас, граф (1772 — 1851) — французский генерал и дипломат,

с 1840 г. маршал; участник войн наполеоновской Франции. — 188.

Сейл (Sale), Роберт Генри (1782 — 1845) — английский полковник, участник англо-афганской войны (1838 — 1842). — 84.

Сеймур (Seymour) — английский адмирал, в 1588 г. командовал эскадрой, посланной для преследования испанской армады. — 175.

Селевкиды — царская династия, правившая в крупнейшем из эллинистических государств Азии (312 — 64 до н. э.). — 356.

Селим I Явуз (Грозный) (1467 — 1520) — турецкий султан (1512 — 1520). — 101.

Селим Кутеми (ум. в 1515 г.) — эмир Метиджи (Алжир). — 101.

Семере (Szemere), Берталан (1812 — 1869) — венгерский политический деятель и публицист, участник революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии, министр внутренних дел (1848) и глава революционного правительства (май — август 1849 г.); после поражения революции эмигрировал из Венгрии. — 416, 517, 591, 690.

Сен-При, Эммануил Францович (Гийом Эмманюэль Гиньяр), граф (1776 — 1814) — генерал на русской службе, по происхождению француз, контрреволюционный эмигрант, участник войн против наполеоновской Франции. — 191, 193.

Сен-Реми (Saint-Remy), Пьер *Сюрирей де* (ок. 1650 — 1716) — французский генерал, с 1703 г. заместитель начальника французской артиллерии. — 204.

Сен-Симон (Saint-Simon), Анри (1760 — 1825) — великий французский социалист-утопист. — 459.

Сент-Арно (Saint-Arnaud), Арман Жак Ашиль *Леруа де* (1801 — 1854) — французский генерал, с 1852 г. маршал, бонапартист; в 1836 — 1851 гг. участвовал в завоевании Алжира; один из организаторов государственного переворота 2 декаоря 1851 г., военный министр (1851 — 1854), в 1854 г. главнокомандующий армией в Крыму. — 56, 109, 224.

Сент-Илер (Saint-Hilaire), Луи Венсан Жозеф *Ле Блон,* граф *де* (1766 — 1809) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции. — 70.

Септимий Север (Луций Септимий Север) (146 — 211) — римский император (193 — 211) и полководец. — 24.

Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra), Мигель (1547 — 1616) — великий испанский писатель-реалист. — 557 — 558.

Серна (Serna), Хосе *де ла* (1770 — 1832) — испанский генерал и политический деятель, в 1816 — 1824 гг. командовал войсками, боровшимися против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 176, 177.

Сесил (Cecil), Уильям, барон *Бёрли* (1520 — 1598) — английский государственный деятель, первый министр (1558 — 1598). — 172.

Сефер-паша — черкесский князь, будучи на турецкой службе, участвовал в русско-турецкой войне (1826 — 1828), а в 1855 — 1859 гг. руководил военными действиями горцев-черкесов против России. — 585, 586.

Сибли (Sibley), Генри Хопкинс (1816 — 1886) — американский офицер, изобретатель военной палатки. — 275.

Сиверс, Карл Карлович, граф (1772 — 1856) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 259.

Сиейес (Sieyes), Эммануэль Жозеф (1748 — 1836) — французский аббат, деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., представитель крупной буржуазии. — 163.

Симон (Simon), Людвиг (1810 — 1872) — адвокат из Трира, мелкобуржуазный демократ, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому

крылу; эмигрировал в Швейцарию. — 575, 691.

Симон (Simon), Эдуар (1824 — 1897) — французский публицист, уроженец Берлина, бонапартистский шпион. — 415, 464, 482, 483, 573 — 578, 601, 605, 610.

Синьёль (Signeul) — в начале XIX в. шведский генеральный консул в Париже. — 166.

Сирмои (Szirmay), граф — в начале 50-х годов XIX в. венгерский эмигрант, эмиссар Кошута в Париже. — 584.

Сорбье (Sorbier), Жан Бартелеми (1762 — 1827) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции, в 1810 — 1812 гг. начальник гвардейской артиллерии. — 260.

Соссюр (Saussure), Теодор *де* (1824 — 1903) — швейцарский государственный деятель, писатель, художник, лидер оппозиционной аристократической партии, член Большого совета (1854 — 1856 и 1858 — 1872). — 566.

София (1805 — 1872) — австрийская эрцгерцогиня, мать императора Франца-Иосифа, оказывала большое влияние на политику реакционной придворной камарильи. — 588. 608.

Спекль (Спеклин) (Speckle, правильнее Specklin), Даниель (1536 — 1589) — немецкий военный инженер, один из основоположников бастионной фортификации. — 334 — 338, 340 — 342, 344.

Спирмен (Spearman) — английский офицер, в начале XIX в. реорганизовал английскую полевую артиллерию — 208, 210.

Станбёри (Stanbury) — владелец одной из лондонских типографий. — 673.

Стерн (Sterne), Лоренс (1713 — 1768) — известный английский писатель, один из основателей сентиментализма, автор романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». — 610.

Струве (Struve), Густав (1805 — 1870) — немецкий мелкобуржуазный демократ, по профессии журналист; один из руководителей баденских восстаний в апреле и сентябре 1848 г. и баденско-пфальцского восстания 1849 года; после поражения революции эмигрировал из Германии; один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Англии; участник Гражданской войны в США на стороне северян. — 406, 407, 423, 424, 426, 598.

Струэнзе (Struensee), Карл Август (1735 — 1804) — прусский математик, экономист и государственный деятель. — 206.

Стюарт (Stewart), Чарлз Уильям (1778 — 1854) — английский генерал, политический деятель и дипломат, в 1813 — 1814 гг. участвовал в войне против наполеоновской Франции. — 169.

Суворов, Александр Васильевич (1730 — 1800) — великий русский полководец. — 113.

Сукре (Sucre), Антонио Хосе (1795 — 1830) — южноамериканский генерал и политический деятель, один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, сторонник Боливара, президент Боливии (1826 — 1828). — 176, 237.

Сулейман I Кануни (Великолепный) (1494 — 1566) — турецкий султан (1520 — 1566). — 101, 269.

Сулук (Soulouque), Фаустин (ок. 1782 — 1867) — президент негритянской республики Гаити, провозгласивший себя в 1849 г. императором под именем Фаустина I. — 410.

Сульт (Soult), Никола Жан (1769 — 1851) — французский маршал, государственный деятель, участник войн наполеоновской Франции, в 1808 — 1814 гг. командовал французскими войсками в войне на Пиренейском полуострове, во время Июльской монархии военный министр (1830 — 1834, 1840 — 1845), министр иностранных дел (1839 — 1840) и премьер-министр (1832 — 1834, 1839 — 1840 и 1840 — 1847). — 53, 54, 163, 164, 179, 223, 262, 265 — 267.

Сухтелен, Петр Корнилович (1751 — 1836) — русский генерал, военный инженер и дипломат, по происхождению голландец; участник войн против наполеоновской Франции, в 1808 г. руководил осадой крепости Свеаборг, с 1809 г. посол в Стокгольме. — 167.

Сципион (Публий Корнелий Сципион) (ум. в 211 г. до н. э.) — римский полководец, консул (218 до н. э.), затем проконсул в Испании (217 — 211 до н. э.). — 300, 301.

Сю (Sue), Эжен (1804 — 1857) — французский писатель, автор сентиментально-мещанских романов на социальные темы. — 671.

Т

Такер (Tucker) — издатель в Лондоне. — 486.

Талейран-Перигор (Talleyrand-Perigord), Шарль Морис, князь (1754 — 1838) — знаменитый французский дипломат, министр иностранных дел (1797 — 1799,1799 — 1807, 1814 — 1815), представитель Франции на Венском конгрессе (1814 — 1815), посол в Лондоне (1830 — 1834). — 162, 169.

Таллар (Tallard), Камилль (1652 — 1728) — французский маршал, командовал французскими войсками в начале войны за Испанское наследство. — 254, 255.

Тамерлан (Тимур) (1336 — 1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель, основатель обширного государства на Востоке. — 78.

Тарталья (Tartaglia), Никколо (ок. 1499 — 1557) — итальянский математик, занимался также вопросами артиллерии и фортификации. — 200, 333, 334.

Таузенау (Tausenau), Карл (1808 — 1873) — австрийский политический деятель, видный представитель левого крыла мелкобуржуазной демократии, глава Центрального комитета демократических союзов в Вене в период революции 1848 года; с 1849 г. эмигрант в Лондоне. — 468.

Тацит (Публий Корнелий Тацит) (ок. 55 — ок. 120) — известный римский историк. — 524, 665.

Телеки (Teleki), Ласло, граф (1811 — 1861) — венгерский политический деятель и писатель, во время революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии представитель Венгерской республики во Франции, после поражения революции остался во Франции. — 587.

Темме (Temme), Иодокус Донатус Хубертус (1798 — 1881) — немецкий юрист, буржуазный демократ; в 1848 г. депутат прусскою Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 1849 г. депутат франкфуртского Национального собрания. — 620.

Темпельхоф (Tempelhoff), Георг Фридрих (1737 — 1807) — прусский генерал и военный писатель, автор работ по математике и артиллерии. — 206.

Техов (Techow), Густав Адольф (1813 — 1893) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник революционных событий 1848 г. в Берлине, начальник генерального штаба пфальцской революционной армии; после поражения баденско-пфальцского восстания 1849 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1852 г. переехал в Австралию. — 447 — 449, 455 — 457, 459 — 470, 606, 607, 625, 647, 650, 652, 656.

Тилли (Tilly), Иоганн, граф (1559 — 1632) — немецкий полководец периода Тридцатилетней войны, с 1610 г. командовал войсками Католической лиги, в 1630 — 1632 гг. соединенными войсками императора и Католической лиги. — 33.

Тимофей (ум. в 354 г. до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель. — 13.

Тимур-шах (1746 — 1793) — афганский шах (1773 — 1793). — 79.

Тискар (Tiscar), Антонио (ум. в 1845 г.) — испанский морской офицер, в 1811 — 1815 гг. коман-

довал частями войск, боровшихся против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 228.

Тициан Вечеллио (Tiziano Vecellio) (ок. 1477 — 1576) — великий итальянский художник эпохи Возрождения. — 283.

Толь, Карл Федорович (Карл Фридрих), с 1829 г. граф (1777 — 1842) — русский полковник, впоследствии генерал, участник войн против наполеоновской Франции, в Отечественной войне 1812 г. исполнял обязанности генерал-квартирмейстера первой западной армии, а с сентября главной армии. — 258, 260, 261.

Торре (Torre), Мигель *де ла* (ум. в 1838 г.) — испанский генерал, в 1820 — 1822 гг. главнокомандующий войсками, боровшимися против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке. — 235, 236.

Торричелли (Torricelli), Эванджелиста (1608 — 1647) — выдающийся итальянский физик и математик. — 205.

Торстенсон (Torstensson), Леннарт (1603 — 1651) — шведский полководец периода Тридцатилетней войны, главный помощник Густава II Адольфа в реорганизации артиллерии, в 1641 — 1645 гг. главнокомандующий шведскими войсками. — 203.

Траян (Марк Ульпий Траян) (53 — 117) — римский император (98 — 117) и полководец. — 24, 360.

Трог (Trog), Иоганн (1807 — 1867) — швейцарский государственный деятель, член Национального совета (1848 — 1857), федеральный судья (1852 — 1856). — 598, 662, 666.

Трота (Trotha) (XIX в.) — прусский офицер, занимался разработкой вопросов тактики пехоты. — 379.

Тувенель (Thouvenel), Эдуар Антуан (1818 — 1866) — французский государственный деятель и дипломат, бонапартист, министр иностранных дел (1860 — 1862). — 543, 562, 563, 565.

Тувенен (Thouvenin), Луи Этьенн (1791 — 1882) — французский офицер и военный изобретатель. — 41.

Турт (Tourte), Абрахам Луи (1818 — 1863) — швейцарский государственный деятель и дипломат. — 426, 563, 601, 662 — 664.

Тучков, Николай Алексеевич (1761 — 1812) — русский генерал, участник войн против наполеоновской Франции, командовал корпусом во время Отечественной войны 1812 года. — 257, 258.

Тюрр (Turr), Иштван (1825 — 1908) — венгерский офицер, эмигрант в Турции, принимал участие в Крымской войне на стороне союзных войск и в войне черкесов против России. — 585.

У

Удино (Oudinot), Никола Шарль (1767 — 1847) — французский генерал, с 1809 г. маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 69, 188, 190, 191.

Удино (Oudinot), Никола Шарль Виктор (1791 — 1863) — французский генерал, орлеанист, в 1849 г. командовал контрреволюционными войсками, посланными против Римской республики. — 523.

Уилкинсон (Wilkinson) — английский оружейный фабрикант и изобретатель. — 378.

Уилкинсон (Wilkinson), Джон Гарднер (1797 — 1875) — английский путешественник-египтолог, автор ряда работ о Египте. — 6.

Уилсон (Wilson), Джемс (1805 — 1860) — английский буржуазный экономист и политический деятель, фритредер, основатель и редактор журнала «Economist»; в 1853 — 1858 гг. секретарь казначейства (министерства финансов),

в 1859 — 1860 гг. канцлер индийского казначейства. — 528.

Уилсон (Wilson), Джон (1780 — 1856) — английский офицер, впоследствии генерал, участник войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814). — 266.

Уилсон (Wilson), Хорас Хейман (1786 — 1860) — английский востоковед, изучал медицину и химию, автор ряда работ о санскритском языке и санскритской литературе. — 197.

Уланд (Uhland), Людвиг (1787 — 1862) — немецкий поэт-романтик, в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому центру. — 4:77 — 479.

Уллоа (Ulloa), Джероламо (1810 — 1891) — неаполитанский генерал, участник национально-освободительного и революционного движений в 1848 — 1849 гг. в Италии, после разгрома революции эмигрировал во Францию, в австро-итало-французской войне 1859 г. командовал тосканской армией. — 414.

Ульмер (Ulmer), Иоганн — член Союза коммунистов, в начале 50-х годов XIX в. эмигрант в Лондоне, во время раскола Союза коммунистов сторонник Маркса и Энгельса. — 674.

Ульпиан, Домиций (ок. 170 — 228) — знаменитый римский юрист и государственный деятель. — 657, 658.

Ульрих (1487 — 1550) — герцог Вюртембергский с 1498 года; в 1519 г. был изгнан; пытался использовать крестьянское движение в 1525 г. для восстановления своей власти; в 1534 г. вновь утвердился на вюртембергском престоле. — 571.

Уолкот (Wolcot), Джон (псевдоним: Питер Пиндар) (1738 — 1819) — английский поэт-сатирик. — 470.

Урбан (Urban), Карл (1802 — 1877) — австрийский офицер, с 1850 г. генерал, по происхождению румын, в 1848 г. возглавил спровоцированное австрийскими агентами сепаратистское восстание румын в Трансильвании против венгерского правительства, принимал участие в подавлении революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии. — 136.

Уркарт (Urquhart), Давид (1805 — 1877) — английский дипломат, реакционный публицист и политический деятель, туркофил; в 30-х годах выполнял дипломатические поручения в Турции, в 1847 — 1852 гг. член парламента. выступал с разоблачениями внешней политики Пальмерстона и вигов. — 485 — 487. 492, 516, 518, 581 — 585, 694, 695, 697.

Уфано (Ufano), Диего (XVI — начало XVII в.) — испанский военный инженер, автор сочинения по артиллерии. — 200.

Уэлсли (Wellesley), Ричард Колли, маркиз (1760 — 1842) — английский государственный деятель, генерал-губернатор Индии (1798 — 1805), посол в Испании (1809), министр иностранных дел (1809 — 1812), лорд-наместник Ирландии (1821 — 1828, 1833 — 1834), жестоко расправлявшийся с национально-освободительным движением в стране. — 226.

Ф

Фази (Fazy), Жан Жак (Джемс) (1794 — 1878) — швейцарский государственный деятель и публицист, радикал, глава правительства Женевского кантона (1846 — 1853 и 1855 — 1861), проводил пробонапартистскую политику. — 405, 426, 446, 483, 486, 555, 557, 560 — 564, 566 — 570, 573, 581, 593 — 601, 625. 661, 663, 689.

Фаллмерайер (Fallmerayer), Якоб Филипп (1790 — 1861) — немецкий историк и путешественник. — 484.

Фарнезе (Farnese), Александр (Алессандро), герцог Пармский

(1545 — 1592) — испанский полководец и государственный деятель, в 1578 — 1592 гг. наместник в Нидерландах. — 173, 174.

Фатх Джунз — сын афганского шаха Шуджи, в 1842 г. в течение нескольких месяцев занимал афганский престол. — 85.

Фатх-хан (ум. в 1818 г.) — - визирь афганского шаха Махмуда. — 80.

Фаухер (Faucher), Жюль (Юлиус) (1820 — 1878) — немецкий публицист, младогегельянец; сторонник свободы торговли, эмигрант в Англии, сотрудник газеты «Morning Star», в 1861 г. вернулся в Германию, прогрессист. — 486 — 488.

Фёгеле (Voegele), А. — в 1859 г. наборщик в типографии Холлингера в Лондоне. — 489, 492 — 499, 631, 632, 640, 641, 648 — 650, 682 — 684, 699, 700.

Фёлькер (Volker) (XVII в.) — военный инженер, один из основателей старонидерландской школы фортификации. — 338.

Фемистий (317 — ок. 387) — греческий политический деятель, ритор и философ-эклектик, комментатор Аристотеля. — 196.

Фердинанд фон Эсте, эрцгерцог (1781 — 1830) — австрийский фельдмаршал, участник войн против наполеоновской Франции. — 163.

Фердинанд IV (1285 — 1312) — король Кастилии и Леона (1295 — 1312). — 198.

Фердинанд V Католик (1452 — 1516) — король (1474 — 1504) и правитель (1507 — 1516) Кастилии, король Арагона под именем Фердинанда II (1479 — 1516). — 101.

Фердинанд VII (1784 — 1833) — испанский король (1808 и 1814 — 1833). — 177, 512.

Фернандес де Кордова (Fernandez de Cordoba), Гонсало (1453 — 1515) — испанский полководец, участник войны против Гранадского эмирата (1481 — 1492). — 365.

Ферхад-паша — см. *Штейн,* Максимилиан.

Фетх-Али-шах (1762 — 1834) — персидский шах (1797 — 1834). — 80.

Фиален — см. *Персиньи,* Жан Жильбер Виктор.

Филипп II (1527 — 1598) — испанский король (1556 — 1598). — 172.

Филипп II Македонский (ок. 382 — 336 до н. э.) — македонский царь (359 — 336 до н. э.). — 15, 17, 298.

Филипп V (ок. 237 — 179 до н. э.) — македонский царь (221 — 179 до н. э.). — 21.

Филипсон, Григорий Иванович (1809 — 1883) — русский генерал, участвовал в покорении Кавказа. — 586, 587.

Филострат (ок. 170 — 245) — греческий ритор, философ-софист и писатель. — 196.

Финк (Fink) — немецкий эмигрант в Женеве. — 426.

Финке (Vincke), Георг, барон (1811 — 1875) — прусский политический деятель, в 1848 — 1849 гг. один из лидеров правого крыла во франкфуртском Национальном собрании; в 1849 г. депутат второй палаты, принадлежал к правому крылу, в 50 — 60-х годах избирался в палату депутатов прусского ландтага, умеренный либерал. — 434, 473, 474, 615 — 623.

Фицуильям (Fitzwilliam), Уильям (1526 — 1599) — английский государственный деятель, наместник Ирландии (1572 — 1575 и 1588 — 1594). — 175.

Фишарт (Fischart), Иоганн (ок. 1545 — 1590) — немецкий писатель-сатирик. — 407, 432, 442, 617, 619.

Фламинин (Тит Квинкций Фламинин) (ок. 228 — 174 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, консул (198 до н. э.), командовал римской армией во второй Македонской войне (200 — 197 до н. э.). — 21.

Флёри (Fleury), Чарлз (настоящее имя Карл Фридрих Август *Краузе)* (род. в 1824 г.) — купец

в Лондоне, прусский шпион и полицейский агент. — 428, 438, 669 — 676.

Флокон (Flocon), Фердинан (1800 — 1866) — французский политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ, один из редакторов газеты «Reforme», в 1848 г. член временного правительства. — 628, 684.

Флорес (Florez), Хосе Сегундо *де* (род. в 1789 г.) — испанский буржуазно-либеральный историк и публицист. — 177.

Флориани (Floriani), Пьер Паоло (1584 — 1638) — итальянский военный инженер, автор работ по фортификации. — 334, 340.

Фогт (Vogt), Адольф (род. в 1823 г.) — швейцарский врач, брат К. Фогта. — 570.

Фогт (Vogt), Густав (1829 — 1901) — швейцарский юрист, публицист и политический деятель, радикал, в 1860 — 1862 гг. директор статистического бюро, брат К. Фогта. — 568, 570.

Фогт (Vogt), Карл (1817 — 1895) — немецкий» естествоиспытатель, вульгарный материалист, мелкобуржуазный демократ; в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в июне 1849 г. один из пяти имперских регентов; в 1849 г. эмигрировал из Германии; в 50 — 60-е годы тайный платный агент Луи Бонапарта,один из активных участников клеветнической травли пролетарских революционеров. — 399 — 403, 406, 407, 412 — 418, 420 — 434, 436 — 438, 440 — 449, 464, 465, 467, 470 — 476, 478 — 511, 513 — 525, 527, 529 — 555, 557 — 561. 563 — 566, 568, 570 — 573, 575 — 581, 590, 591, 593, 594, 601, 602, 604 — 607, 611, 614 — 618, 622 — 626, 628 — 632, 637 — 639, 641 — 649, 652 — 656, 664 666, 668, 669, 677, 678, 680 — 683, 687, 689 — 691, 693, 695 — 701, 703, 706 — 708.

Фогт (Vogt), Филипп Фридрих Вильгельм (1786 — 1861) — немецкий врач, с начала 30-х годов жил в Швейцарии, с 1835 г. профессор медицины в Высшей школе в Берне, примыкал к либералам, отец К. Фогта. — 437, 576.

Фогт (Vogt), Эмиль (1820 — 1883) — швейцарский юрист, брат К. Фогта. — 570.

Фолар (Folard), Жан Шарль (1669 — 1752) — французский офицер, военный теоретик и писатель. — 156.

Форе (Forey), Эли Фредерик (1804 — 1872) — французский генерал, впоследствии маршал, бонапартист; в 30 — 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, один из активных участников государственного переворота 2 декабря 1851 г., в 1854 — 1855 гг. командовал частями войск в Крыму. — 56.

Фосколо (Foskolo), Уго (1778 — 1827) — известный итальянский поэт. — 570.

Франк — см. *Шерваль,* Жюльен.

Франк (Franck), Густав — австрийский мелкобуржуазный демократ, в начале 50-х годов XIX в. эмигрант в Лондоне. — 459.

Франкини, Виктор Антонович (1820 — 1892) — русский офицер, впоследствии генерал, участник Крымской войны (1853 — 1856), участник войны против горцев Кавказа. — 586.

Франц (Franz) (XVI в.) — немецкий военный инженер. — 335.

Франц-Иосиф I (1830 — 1916) — австрийский император (1848 — 1916). — 506, 539 — 541, 590.

Франциск I (1494 — 1547) — французский король (1515 — 1547). — 30, 200, 366, 541, 542.

Фрёбель (Frobel), Юлиус (1805 — 1893) — немецкий публицист и издатель прогрессивной литературы, мелкобуржуазный радикал, участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; после поражения революции эмигрировал в Америку,

в 1857 г. вернулся в Европу; либерал. — 486, 498.

Фредерик VI (1768 — 1839) — датско-норвежский (1808 — 1814), затем датский (1814 — 1839) король. — 166, 169.

Фрейлиграт (Freiligrath), Фердинанд (1810 — 1876) — немецкий поэт, в начале своей деятельности романтик, затем революционный поэт, в 1848 — 1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», член Союза коммунистов; в 50-х годах отошел от революционной борьбы. — 485, 697.

Фрейре (Freire), Мануэль (1765 — 1834) — испанский генерал, участник освободительной войны против наполеоновского господства (1808 — 1814). — 265 — 267.

Фрейтаг (Freitag), Адам (XVII в.) — нидерландский военный инженер, один из основателей старонидерландской школы фортификации. — 338.

Фрейтес (Freites), Педро Мариа (ум. в 1817 г.) — венесуэльский офицер, участник войны за независимость испанских колоний в Южной Америке. — 233.

Фрей-Эрозе (Frey-Herose), Фридрих (1801 — 1873) — швейцарский офицер, буржуазный политический деятель, либерал; в 1848 г. член Союзного совета, депутат Национального совета; в 1854 и в 1860 г. президент Швейцарского союза. — 544, 562, 565.

Фремоса (Fremosa), Эммануэль — испанский матрос, один из участников экспедиции испанской армады в 1588 г., захвачен в плен англичанами. — 175.

Фрерон (Freron), Луи Мари Станисла (1754 — 1802) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., затем один из вождей термидорианской контрреволюции. — 143.

Фриан (Friant), Луи (1758 — 1829) — французский генерал, участник войн наполеоновской Франции. — 258, 259.

Фридрих II (1712-1786) — прусский король (1740 — 1780). — 35 — 38, 40, 74, 123, 178, 205, 206, 300, 307, 308, 310, 311, 317, 323, 350, 372 — 374, 442, 504.

Фридрих-Вильгельм (1620 — 1688) — курфюрст бранденбургский (1640 — 1688). — 619.

Фридрих-Вильгельм I (1688 — 1740) — прусский король (1713 — 1740). — 35, 307.

Фридрих-Вильгельм III (1770 — 1840) — прусский король (1797 — 1840). — 169, 179, 180, 193.

Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — прусский король (1840 — 1861). — 622.

Фрундсберг (Frundsberg), Георг (1473 — 1528) — командир немецких ландскнехтов, находившийся на службе у германского императора и Швабского союза, участвовал в итальянских войнах, в 1525 — 1526 гг. в подавлении крестьянского восстания в Швабии и архиепископстве Зальцбургском. — 30.

Фуа (Foix), Гастон *де* (1489 — 1512) — французский полководец, в 1512 г. командовал французской армией во время одного из походов в Италию периода итальянских войн. — 284.

Фуа (Foy), Максимильен Себастьен (1775 — 1825) — французский генерал и политический деятель, либерал, участник войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814). — 262, 265, 266.

Фултон (Fulton), Роберт (1765 — 1815) — американский инженер и изобретатель, создатель первого парохода. — 386.

Фуль (Phull), Карл Людвиг Август (1757 — 1826) — прусский генерал, в 1806 г. начальник генерального штаба прусской армии, в 1806 — 1812 гг. служил в русской армии. — 93.

Фурье (Fourier), Шарль (1772 — 1837) — великий французский социалист-утопист. — 412, 459, 460.

Фуше (Fouche), Жозеф (1759 — 1820) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в. и наполеоновской империи, в период революции яко-

бинец, министр полиции при Наполеоне I; отличался крайней беспринципностью. — 165.

Фьерро (Fierro), Мануэль — испанский генерал, служил в войсках, боровшихся против национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке, в июле — августе 1813 г. губернатор Каракаса. — 228.

Х

Хабрий (ум. ок. 357 до н. э.) — афинский полководец. — 14.

Хадсон (Hudson), Джемс (1810 — 1885) — английский дипломат, посланник в Турине (1851 — 1863). — 562, 563.

Хазед — индийский поэт начала XIII века. — 197.

Хайдеман (Heidemann) (XVII в.) — немецкий военный инженер, работал в Голландии. — 338.

Хайр-эд-Дин Барбаросса (ок. 1467 — 1546) — турецкий корсар, правитель Алжира (1518 — 1546). — 101.

Хаклендер (Hacklander), Фридрих Вильгельм (1816 — 1877) — немецкий писатель. — 551.

Хансард (Hansard), Томас Керзон (1776 — 1833) — английский издатель; публиковал отчеты о заседаниях парламента. — 486.

Хардинг (Hardinge), Генри, виконт (1785 — 1856) — английский офицер, впоследствии фельдмаршал и государственный деятель, тори, участник войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814). — 53, 295.

Харрис (Harris), Эдвард Альфред Джон (1808 — 1888) — английский офицер и дипломат, поверенный в делах в Берне (1858 — 1867). — 544, 545, 547, 549, 560 — 564.

Хартман (Hartmann), Георг (1489 — 1564) — немецкий механик и физик. — 200.

Хауард (Howard), Чарлз (1536 — 1624) — английский адмирал, в 1585 — 1618 гг. возглавлял адмиралтейство (морское ведомство), в 1588 г. главнокомандующий английским флотом, разгромившим испанскую армаду. — 173, 174.

Хауг (Haug), Эрнст — немецкий мелкобуржуазный демократ, австрийский офицер, участник революции 1848 — 1849 гг. в Италии; после поражения революции эмигрировал в Англию, один из редакторов еженедельника «Kosmos». — 458.

Хаупт (Haupt), Герман Вильгельм (род. ок. 1831 г.) — немецкий торговый служащий, член Союза коммунистов, один из арестованных по делу кельнских коммунистов, дал предательские показания во время следствия, освобожденный полицией до суда, бежал в Бразилию. — 439, 674.

Хафиз, Шамседдин Мохаммед (ок. 1300 — ок. 1389) — крупнейший персидский поэт, таджик по происхождению, классик таджикской литературы. — 417.

Хейзе (Heise), Генрих (ум. в 1860 г.) — немецкий демократ и публицист, один из редакторов газеты «Hornisse» (1848 — 1850), участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, затем эмигрант в Англии. — 487.

Хенци (Hentzi), Генрих (1785 — 1849) — австрийский генерал, командовал австрийским гарнизоном в крепости Буда во время осады ее венгерской революционной армией в 1849 году. -270, 271.

Хёрфель (Horfel), Густав — австрийский мелкобуржуазный демократ, с 1850 г. эмигрант в Париже, один из обвиняемых по делу о так называемом немецко-французском заговоре в Париже в феврале 1852 г., французский полицейский агент. — 458, 459, 469.

Хефнер (Hafner), Леопольд (род. в 1820 г.) — австрийский журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии, затем эмигрировал за границу. — 458, 459, 469, 470, 555.

Хильгертнер (Hillgartner), Георг — немецкий мелкобуржуазный демократ, после поражения революции 1848 — 1849 гг. эмигрировал за границу. — 679.

Хинкельдей (Hinckeldey), Карл Людвиг Фридрих (1805 — 1856) — прусский правительственный чиновник, с 1848 г. полицейпрезидент Берлина, с 1853 г. начальник департамента полиции в министерстве внутренних дел. — 437, 439, 440, 459, 674.

Хипписли (Hippisley), Густав — английский офицер, автор описания и участник экспедиции английских добровольцев в Южную Америку (1817 — 1818) для борьбы за независимость испанских колоний. — 240.

Хирон (Giron), Педро Агустин (1778 — 1842) — испанский генерал, участник освободительной войны против наполеоновского господства (1808 — 1814). — 266.

Хойер (Hoyer), Иоганн Готфрид (1767 — 1848) — прусский генерал и военный историк, автор ряда работ по фортификации и артиллерии. — 206.

Холл (Hall), Эдуард (ок. 1498 — 1547) — английский хронист. — 60.

Холлингер (Hollinger), Фиделио — владелец типографии в Лондоне, в которой печаталась газета «Volk». — 489, 491 — 495, 497 — 500, 606, 640, 648, 682 — 684, 695, 698 — 700, 705.

Хорсмен (Horsmen), Эдуард (1807 — 1876) — английский либеральный государственный деятель, в 1855 — -1857 гг. главный секретарь по делам Ирландии. — 526.

Хоуп (Hope), Томас (ок. 1770 — 1831) — английский антиквар и писатель. — 295.

Хофман (Hoffmann) — журналист, бонапартист. — 578.

Христерн (Christern), Иоганн Вильгельм — автор вышедшего анонимно сатирического памфлета «Поездка доктора Эйзеле и барона фон Бейзеле на заседания ландтага в апреле 1847 года». — 500, 638.

Хуртадо де Мендоса (Hurtado de Mendoza) — венесуэльский политический деятель, участник национально-освободительного движения испанских колоний в Южной Америке, сторонник Боливара. — 229.

Хусейн (ок. 1773 — 1838) — алжирский дей (1818 — 1830). — 103.

Ц

Цабель (Zabel), Фридрих (1802 — 1875) — немецкий либеральный публицист, редактор берлинской «National-Zeitung» (1848-1875) — 601, 612, 624 — 643, 645 — 660, 673, 687, 688, 707, 708.

Цах (Zach), Антон, барон (1747 — 1826) — австрийский генерал. — 69.

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (ок. 100 — 44 до н. э.) — знаменитый римский полководец и государственный деятель. — 22, 23, 72, 155, 274, 300, 302, 360.

Циммерман (Zimmermann), Эрнст Вильгельм Эдуард — бургомистр Шпандау, депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу. — 474, 479.

Цинциннат (Луций Квинкций Цинциннат) (V в. до н. э.) — римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор. (458 и 439 до н. э.), согласно легенде, вел простой образ жизни и сам обрабатывал землю. — 622.

Циц (Zitz), Франц (1803 — 1877) — немецкий адвокат, мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; после поражения революции 1848 — 1849 гг. эмигрировал в США. — 469.

Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (106 — 43 до н. э.) — выдающийся римский оратор и государственный деятель, философ-эклектик. — 432, 440, 441, 443.

Ч

Челси (Chelsea), виконт — английский дипломат, в 1859 г. секретарь посольства в Париже. — 529.

Чен-байу-Майяйен (Баиннаунг) — бирманский король (1550 — 1581). — 291.

Чернышев, Александр Иванович (1786 — 1857) — русский офицер, с 1812 г. генерал, государственный деятель, участник войн против наполеоновской Франции, в 1809 — 1812 гг. военно-дипломатический представитель при штабе Наполеона I, в 1828 — 1852 гг. возглавлял военное министерство. — 167.

Чингис-хан (ок. 1155 — 1227) — монгольский полководец и завоеватель, основатель монгольской империи. — 78.

Чирнер (Tzschirner), Самуэль Эрдман (ок. 1812 — 1870) — немецкий адвокат, мелкобуржуазный демократ, во время революции 1848 — 1849 гг. вождь крайней левой в Саксонском ландтаге, один из руководителей майского восстания 1849 г. в Дрездене, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; после поражения революции эмигрировал в Швейцарию, член Центрального комитета «Революционной централизации»; позднее эмигрировал в Англию. — 465.

Чичагов, Павел Васильевич (1767 — 1849) — русский адмирал и государственный деятель, морской министр (1807 — 1811), в 1812 г. главнокомандующий Молдавской (Дунайской) армией и Черноморским флотом, в ноябре командовал войсками, вышедшими в тыл отступавшей армии Наполеона I. — 93, 168.

Ш

Шабелиц (Schabelitz), Якоб (1827 — 1899) — швейцарский издатель и книготорговец, буржуазный радикал; в конце 40 — начале 50-х годов поддерживал связи с Марксом и Энгельсом. — 430, 438.

Шайбле (Schaible), Карл Генрих (1824 — 1899) — немецкий врач и писатель, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрировал в Англию. — 499 — 501, 579. 632, 648. 649.

Шаллер (Schaller), Жюльен (1807 — 1871) — швейцарский государственный деятель, глава правительства кантона Фрейбург (Фрибур) (1848 — 1856). — 425.

Шаппер (Schapper), Карл (1812 — 1870) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, участник революции 1848 — 1849 годов; в 1850 г. один из лидеров сектантско-авантюристской фракции во время раскола Союза коммунистов; в 1856 г. вновь сблизился с Марксом; член Генерального Совета I Интернационала. — 423, 452, 456, 631, 671.

Шарлотта, принцесса (1796 — 1865) — дочь Люсьена Бонапарта. — 166.

Шарнхорст (Scharnhorst), Герхард (1755 — 1813) — прусский генерал и военный деятель; после разгрома прусской армии Наполеоном в 1806 г. председатель комиссии по разработке основ военной реформы, военный министр (1807 — 1810) и начальник генерального штаба (1807 — 1813); играл видную роль в освободительной войне против Наполеона в 1813 году. — 180, 206.

Шатобриан (Chateaubriand), Франсуа Рене, виконт *де* (1768 — 1848) — известный французский писатель, реакционный государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1822 — 1824), представитель Франции на Веронском конгрессе (1822). — 511.

Шафарик (Safarik), Павел Йозеф (1795 — 1861) — выдающийся словацкий филолог, историк и археолог, представитель либе-

рального крыла чешского и словацкого национального движения; сторонник программы австрославизма. — 520.

Шварк (Schwarck) — обер-прокурор прусского королевского апелляционного суда. — 633, 707.

Шварценберг (Schwarzenberg), Карл Филипп, князь (1771 — 1820) — австрийский фельдмаршал и дипломат, участник войн против наполеоновской Франции, в 1813 — 1814 гг. главнокомандующий объединенными войсками антифранцузской коалиции. — 186, 187, 188, 190, 191, 193.

Шведт (Schwedt), Генрих Фридрих (1709 — 1788) — последний маркграф Бранденбург-Шведтский (1771 — 1788). — 178.

Шверин (Schwerin), Максимилиан, граф (1804 — 1872) — один из представителей прусского дворянства и бюрократии; министр до делам культа, просвещения и медицины (март — июнь 1848), депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому крылу; впоследствии национал-либерал. — 604.

Шейтер (Scheither), Иоганн Бернхард (XVII в.) — немецкий военный инженер, последователь Спекля, автор работ по фортификации. — 338.

Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564 — 1616) — великий английский писатель. — 403, 407, 408, 412, 414, 420 — 422, 428, 430 — 432, 438. 442, 443, 445, 446, 457, 472, 485. 486, 496, 517, 545, 558, 564, 565, 570, 573, 578, 610, 616, 622, 637, 643.

Шеню (Shenu), Адольф (род. ок. 1817 г.) — участник тайных революционных обществ во Франции в период Июльской монархии, провокатор и агент тайной полиции. — 445.

Шерваль (Cherval), Жюльен (настоящее имя Йозеф *Кремер)* — прусский полицейский агент-провокатор, проникший в ряды Союза коммунистов, после раскола Союза возглавлял одну из парижских общин, принадлежавшую к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера; один из обвиняемых по делу о так называемом немецко-французском заговоре в Париже в феврале 1852 года; с помощью полиции бежал из тюрьмы, в 1853 — 1854 гг. занимался шпионско-провокаторской деятельностью в Швейцарии под именем Ньюджента. — 417, 428 — 436, 471, 488, 548, 626, 627, 631, 643, 644, 650, 651, 653, 654, 668, 669, 671 — 673, 676.

Шерцер (Scherzer), Андреас (1807 — 1879) — немецкий портной, член одной из парижских общин, принадлежавших после раскола Союза коммунистов к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, один из обвиняемых по делу о так называемом немецко-французском заговоре в Париже в феврале 1852 года; впоследствии эмигрировал в Англию, один из руководителей Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, издатель газеты «Neue Zeit» и сотрудник газеты «Volk». — 487, 488, 680, 681.

Шили (Schily), Виктор (1810 — 1875) — немецкий демократ, по профессии адвокат, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрировал из Германии, член I Интернационала. — 413 — 419, 426, 427, 433. 448, 449, 471, 661 — 667.

Шиллер (Schiller), Фридрих (1759 — 1805) — великий немецкий писатель. — 118, 409, 413, 414, 421, 444, 472, 554, 556, 560, 574, 623.

Шиммельпфенниг (Schimmelpfennig), Александр (1824 — 1865) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрант, примыкал к сектантско-авантюристской фракция Виллиха — Шаппера; участник Гражданской войны в США на стороне северян. — 447, 448, 455 — 459, 462, 464, 467, 469, 470.

Шисс (Schiess), Иоганн Ульрих (1813 — 1883) — швейцарский бур-

жуазный политический деятель, канцлер Швейцарского союза (1848 — 1881). — 547, 561.

Шлейниц (Schleinitz), Александр, граф (1807 — 1885) — прусский государственный деятель, реакционер, министр иностранных дел (июнь 1848, 1849 — 1850, 1858 — 1861). — 613.

Шлёффель (Schloffel), Густав Адольф (ок. 1828 — 1849) — немецкий студент и журналист, революционер, активный участник революции 1848 — 1849 гг. в Германии и Венгрии. — 476.

Шлёффель (Schloffel), Фридрих Вильгельм (1800 — 1870) — силезский фабрикант, демократ; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу. — 478.

Шликман (Schlickmann) — прусский судебный чиновник. — 659, 660.

Шмерлинг (Schmerling), Антон (1805 — 1893) — австрийский государственный деятель, либерал; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру, в 1848 г. имперский министр внутренних дел (июль — декабрь), министр-президент и министр иностранных дел (сентябрь — декабрь). — 619.

Шнейдер II (Schneider), Карл — немецкий юрист, мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. председатель кёльнского Демократического общества и член Рейнского окружного комитета демократов; защитник Маркса и Энгельса на процессе «Neue Rheinische Zeitung» 7 февраля 1849 года; один из обвиняемых на процессе Рейнского окружного комитета демократов 8 февраля 1849 года; в 1849 г. депутат второй палаты, принадлежал к крайнему левому крылу; защитник на кёльнском процессе коммунистов (1852). — 429, 430, 627, 631.

Шрамм (Schramm), Конрад (ок. 1822 — 1858) — видный участник немецкого рабочего движения, член Союза коммунистов, с 1849 г. эмигрант в Лондоне, ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», во время раскола Союза коммунистов в 1850 г. сторонник Маркса; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 455 — 457, 650.

Шрапнел (Shrapnel), Генри (1761 — 1842) — английский генерал и военный изобретатель. — 247.

Шталь (Stahl), Фридрих Юлиус (1802 — 1861) — немецкий юрист и политический деятель крайне реакционного направления, с 1840 г. профессор Берлинского университета. — 612.

Штейн (Stein), Максимилиан (1811 — 1860) — австрийский офицер, во время революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии был начальником штаба революционной армии, после поражения революции эмигрировал в Турцию, где принял имя Ферхад-паши; воевал против России в Черкесии (1857 — 1858). — 586.

Штейн (Stein), Юлиус (1813 — 1889) — силезский учитель, публицист, буржуазный демократ, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 1849 г. депутат второй палаты, принадлежал к крайнему левому крылу. — 603, 604.

Штемпфли (Stampfli), Якоб (1820 — 1879) — швейцарский буржуазный государственный деятель,радикал; президент Швейцарского союза (1856, 1859 и 1862). — 547, 560, 561, 570.

Штеффен (Steffen), В. — бывший прусский офицер, свидетель защиты на кёльнском процессе коммунистов (1852), в 1853 г. эмигрировал в Англию, затем в США; в 50-е годы был близок к Марксу и Энгельсу. — 457, 458.

Штехер (Stecher), Г. К. — бывший директор реального училища в Бадене, после поражения революции эмигрировал из Германии; занимался литографированием. — 434, 435, 668, 669.

Штибер (Stieber), Вильгельм (1818 — 1882) — прусский полицейский чиновник, один из организаторов судебного процесса в Кёльне против членов Союза коммунистов и главный свидетель на этом процессе (1852); вместе с Вермутом составил книгу «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия»; начальник прусской политической полиции (1850 — 1860). — 424, 428 — 430, 432, 438, 440, 446, 653, 669, 671, 672. 674 — 677, 694.

Шуджа-шах (ум. в 1842 г.) — афганский шах (1803 — 1809 и 1839 — 1841), английский ставленник. — 79 — 83, 85.

Шульце (Schultze) — прусский судебный чиновник. — 648, 655, 656.

Шурц (Schurz), Карл (1829 — 1906) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; эмигрировал в Швейцарию; позднее государственный деятель США. — 458, 459, 467, 469, 470.

Шюлер (Schuler), Эрнст (1807 — 1881) — немецкий политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ; с 1833 г. эмигрант в Швейцарии, учитель, с 1853 г. издавал газету «Schweizer Handels-Courier», в 50 — 60-х годах пропагандировал бонапартистские идеи. — 488.

Э

Эванс (Evans), Джордж де Лейси (1787 — 1870) — английский генерал, либеральный политический деятель, член парламента; в 1854 г. командовал дивизией в Крыму. — 56, 59.

Эд (665 — 735) — герцог Аквитании, участник борьбы франков против арабского нашествия. — 303.

Эдуард, принц Уэльский (прозвище: Черный принц) (1330 — 1376) — сын английского короля Эдуарда III, один из полководцев периода Столетней войны между Англией и Францией. — 363.

Эйзенман (Eisenmann), Готфрид (1795 — 1867) — немецкий публицист, врач; в 1848 — 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к центру, затем к левому крылу. — 474.

Эйлер (Euler), Леонард (1707 — 1783) — великий математик, механик и физик, по происхождению швейцарец, работал в академиях наук в Петербурге (1727 — 1741 и 1766 — 1783) и в Берлине (1741 — 1766). — 205.

Эйлмер (Aylmer) — английский офицер, участник войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1814). — 266.

Эйххоф (Eichhoff), Карл Вильгельм (1833 — 1895) — немецкий социалист, в конце 50-х годов разоблачивший в печати шпионско-провокаторскую деятельность Штибера и привлеченный за это к суду; один из первых историков I Интернационала. — 438.

Эксмаут (Exmouth), Эдуард *Пелью* (1757 — 1833) — английский адмирал, в 1816 г. командовал флотом, действовавшим против Алжира, Туниса и Триполи. — 103.

Элиан (II в.) — греческий военный писатель. — 196.

Элленборо (Ellenborough), Эдуард *Ло,* с 1844 г. граф (1790 — 1871) — английский государственный деятель, тори, генерал-губернатор Индии (1842 — 1844), в 1846 г. первый лорд адмиралтейства (морской министр), председатель Контрольного совета по делам Индии (1858). — 84.

Элфинстон (Elphinstone), Маунт-стюарт (1779 — 1859) — английский дипломат и чиновник на службе у Ост-Индской компании, в 1808 — 1809 гг. занимал пост посла в Кабуле, в 1819 — 1826 гг. губернатор Бомбея. — 80.

Элфинстон (Elphinstone), Уильям Джордж Кит (1782 — 1842) — английский генерал, в 1841 г. командовал войсками в Кабуле во время англо-афганской войны (1838 — 1842). — 82, 83.

Эльснер (Elsner), Карл Фридрих Мориц (1809 — 1894) — силезский публицист и политический деятель, радикал, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 50-х годах один из редакторов «Neue Oder-Zeitung». — 627.

Эммерман (Emmermann), Карл — лесничий из Рейнской провинции, командовал стрелковым подразделением баденско-пфальцской революционной армии в 1849 году; после поражения революции эмигрировал в Швейцарию. — 448, 449.

Энбер (Imbert) — французский социалист, участник лионского восстания 1834 г., в 40-х годах эмигрант в Бельгии, вице-президент брюссельской Демократической ассоциации, после февральской революции 1848 г. комендант Тюильри. — 628.

Энгельгардт, Антон Евстафьевич (1795 — 1872) — русский генерал, принимал участие в подавлении польского восстания 1830 — 1831 гг. и революции 1848 — 1849 гг. в Венгрии. — 136.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820 — 1895) (биографические данные). — 405, 407, 451 — 453, 455 — 457, 459 — 461, 466, 467, 472, 473, 476, 484, 488, 606, 627, 650, 651, 694.

Энглендер (Englander), Зигмунд (1828 — 1902) — австрийский журналист, в 1848 г. эмигрировал в Англию, тайный полицейский агент. — 641.

Эпаминонд (ок. 420 — 362 до н. э.) — выдающийся древнегреческий полководец и государственный деятель, один из вождей фиванской рабовладельческой демократии. — 13, 72, 74, 355, 373.

Эрбийон (Herbillon), Эмиль (1794 — 1866) — французский генерал, в 40-х годах участвовал в завоевании Алжира, в 1855 г. командовал дивизией в Крыму. — 108.

Эри (Airey), Ричард (1803 — 1881) — английский генерал, в 1854 — 1855 гг. генерал-квартирмейстер армии в Крыму, затем всей английской армии (1855 — 1865). — 63.

Эрлон — см. *Друэ д'Эрлон,* Жан Батист.

Эрмани (Ermani) — издатель и книготорговец в Лондоне. — 498,684.

Эрнст III (1784 — 1844) — герцог Саксен-Кобургский (1806 — 1826) и Саксен-Кобург-Готский под именем Эрнста I (1826 — 1844); участник войн против наполеоновской Франции. — 186.

Эррар (Errard), Жан (1554 — 1610) — французский военный инженер и математик, автор сочинения по фортификации. — 338.

Эспартеро (Espartero), Бальдомеро (1793 — 1879) — испанский генерал и государственный деятель, лидер партии прогрессистов, регент Испании (1841 — 1843), глава правительства (1854 — 1856). — 177.

Эфиальт — грек, изменнически указавший персам в 480 г. до н. э. обходный путь в Фермопильское ущелье, что привело к гибели защитников ущелья во главе со спартанским царем Леонидом. — 571.

Ю

Юба I (ум. в 46 г. до н. э.) — царь Нумидии, один из активных участников войны Помпея и его сторонников против Цезаря (49 — 46 до н. э.). — 101.

Ювенал (Децим Юний Ювенал) (род. в 60-х гг. — ум. после 127 г.) — знаменитый римский поэт-сатирик. — 417, 637.

Югурта (ок. 160 — 104 до н. э.) — царь Нумидии, в 111 — 106 до н. э. вел упорную войну с Римом. — 19.

Юл (Yule), Генри (1820 — 1889) — английский востоковед, географ и историк, в 40 — 50-х годах инженер на службе у Ост-Индской компании. — 285, 291, 292.

Юнг (Jung), Георг (1814 — 1886) — немецкий публицист, младогегельянец, один из ответственных издателей «Rheinische Zeitung»; мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. депутат прусского Нацио-

нального собрания, принадлежал к левому крылу. — 620.
Юстиниан I (483 — 565) — византийский император (527 — 565). — 303.

Я

Якоби (Jacobi), Абраам (род. в 1832 г.) — немецкий врач, член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), оправдан судом присяжных; впоследствии эмигрировал в США. — 677.
Яков II (1633 — 1701) — английский король (1685 — 1688). — 445.
Ян (Jahn), Фридрих Людвиг (1778 — 1852) — немецкий писатель и публицист, организатор спортивно-гимнастического движения в Германии; активный участник освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства; националист. — 503.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Аввакум — библейский пророк. — 609.
Авель — по библейскому преданию, второй сын Адама, убитый из зависти своим старшим братом Каином. — 642.
Авихаил — библейское имя. — 612.
Аполлон — в древнегреческой мифологий бог солнца и света, покровитель искусств. — 24.
Аргонавты — в греческой мифологии герои, отправившиеся на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном, охранявшимся драконом; поход аргонавтов, в котором участвовал мифический поэт и певец Орфей, был воспет в III веке до н. э. Аполлонием Родосским в поэме «Аргонавтика». — 566 — 568.
Арлекин — персонаж итальянское комедии масок, влюбленный слуга, часто находящийся в затруднительном положении и ловко из него выходящий. — 473, 616.
Ахиллес (у римлян Ахилл) — в древнегреческой мифологии храбрейший из греческих героев, осаждавших Трою, один из главных героев «Илиады» Гомера. — 276.
Аякс Теламонид — один из героев «Илиады» Гомера, участник осады Трои. — 276.
Бахус (или Вакх) — у древних римлян бог вина и веселья. — 558, 572.
Бейзеле — см. *Эйзеле* и *Бейзеле.*
Винкельрид — полулегендарный швейцарский воин; согласно преданию, во время сражения швейцарцев с войсками австрийского герцога Леопольда III при Земпахе (кантон Люцерн) 9 июня 1386 г. ценой самопожертвования решил исход битвы в пользу швейцарцев. — 565.
Гамлет — главный герой одноименной трагедии Шекспира. — 485, 558, 610.
Генрих IV — герой одноименной исторической хроники Шекспира. — 422, 446.
Георгий Победоносец — мифический христианский «святой», победитель дракона. — 620.
Гильри — герой одноименной комедии Э. Абу. — 690, 691.
Горгеллянтюа, или Гургельгрослингер, — главный герой романа немецкого писателя XVI в. И. Фишарта «Полное приключений грандиозное историческое повествование о деяниях и изречениях героев и господ Грангошира, Горгеллянтюа и Пантагрюэля», подражание образу Гаргантюа из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». — 407, 432.
Гудибрас — герой одноименной сатирической поэмы английского поэта XVII в. Батлера, отличавшийся склонностью к бессмысленным рассуждениям и спорам и способностью с помощью сил-

логизмов доказывать самые абсурдные положения. — 558.

Джек — см. *Фальстаф.*

Дон-Кихот — главный герой одноименного романа Сервантеса. — 557 — 558.

Дунс I — персонаж из поэмы А. Попа «Дунсиада». — 603, 640.

Дунс II — персонаж из поэмы А. Попа «Дунсиада». — 602.

Иезекииль — библейский пророк. — 7.

Ифигения — в древнегреческой мифологии дочь царя Агамемнона, принесенная им в жертву перед походом греков на Трою ради умилостивления богов. — 579.

Каин — по библейскому преданию, старший сын Адама, убивший из зависти своего брата Авеля. — 612.

Квазимодо — персонаж из романа В. Гюго «Собор парижской богоматери»; имя Квазимодо стало олицетворением уродства. — 577, 587.

Киприано — персонаж из пьесы Кальдерона «Чудодейственный маг»; образ, близкий Фаусту. — 616.

Кларин — персонаж из пьесы Кальдерона «Чудодейственный маг». — 402, 616.

Кобес I — герой одноименного сатирического стихотворения Г. Гейне; прозвище Якоба Венедея. — 442, 479.

Кревель — персонаж из романа Бальзака «Кузина Бетта», образ выскочки, стяжателя и развратника. — 410

Кунигунда — героиня философского романа Вольтера «Кандид». — 575, 691.

Ласарильо — герой анонимной испанской повести «Ласарильо с Тормеса и его беды и несчастья», появившейся в середине XVI века; образ ловкого плута. — 551.

Лепорелло — персонаж из оперы Моцарта «Дон-Жуан», слуга Дон-Жуана. — 414, 566.

Мефистофель — одно из главных действующих лиц трагедии Гёте «Фауст». — 592.

Моисей — по библейскому преданию, пророк, который освободил древних евреев от преследований египетских фараонов («исход из Египта»). — 610, 612.

Москон — персонаж из пьесы Кальдерона «Чудодейственный маг». — 616.

Мюнхаузен — имя безудержного хвастуна и враля в немецкой литературе, ставшее нарицательным. — 673.

Орфей — согласно греческой мифологии, поэт и певец, пение которого укрощало диких зверей и очаровывало даже камни; участвовал в походе аргонавтов за золотым руном. — 567.

Основа — персонаж из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». — 408.

Офелия — героиня трагедии Шекспира «Гамлет». — 610.

Павел — по библейскому преданию, один из христианских апостолов; до обращения в христианство носил имя Савл. — 449.

Панталоне — персонаж народной итальянской комедии масок, купец-венецианец, богатый, скупой и глупый старик. — 616.

Панч — персонаж английской народной кукольной комедии; горбун с длинным носом, буян, хитрец и острослов. — 604.

Пароль — персонаж из комедии Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается». — 414.

Пексниф — персонаж из романа Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», ханжа и лицемер. — 542.

Перси Хотспер (Хотспер буквально означает: «горячая шпора») — персонаж из исторических хроник Шекспира «Ричард II» и «Король Генрих IV»; образ пылкого, отважного и благородного рыцаря. — 457.

Поза, маркиз — одно из действующих лиц трагедии Шиллера «Дон-Карлос»; образ благородного и свободомыслящего придворного, пытавшегося оказать влияние на короля-деспота. — 556.

Полоний — персонаж из трагедии Шекспира «Гамлет»; тип хитрого

и болтливого царедворца. — 438, 545.
Прометей — в греческой мифологии один из титанов, похитивший огонь у богов и принесший его людям; в наказание был прикован Зевсом к скале, где орел клевал его печень. — 664.
Прюдом, Жозеф — образ самодовольного и ограниченного мещанина, созданный французским писателем и карикатуристом Анри Монье. — 573.
Пульчинелла — персонаж итальянской комедии масок, остряк и весельчак. — 473.
Ричмонд — персонаж из драматической хроники Шекспира «Ричард III». — 412.
Савл — см. *Павел.*
Сайкс, Билл — действующее лицо романа Диккенса «Оливер Твист»; разбойник. — 443.
Силен — согласно греческой мифологии, спутник бога вина и виноделия Диониса. — 420, 446, 572.
Сирены — в греческой мифологии полудевы-полуптицы, завлекающие моряков своим пением и губящие их. — 541.
Слокенбергий — персонаж из романа английского писателя Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»; незнакомец, приводивший в смятение целые города величиной своего носа. — 610.
Телль, Вильгельм — герой народных сказаний об освободительной войне швейцарцев против Габсбургов в конце XIII — начале XIV века; меткий стрелок из лука, убивший австрийского наместника (ландфогта); главное действующее лицо одноименной драмы Шиллера. — 414.
Фавн — согласно древнеримской мифологии, низшее божество, соответствующее греческому сатиру; обитатель лесов и полей. — 622.
Фальстаф — персонаж ряда произведений Шекспира («Веселые виндзорские кумушки», «Король Генрих IV»), хвастливый трус, балагур и пьяница. — 403, 407, 412, 414, 421. 430, 432, 442. 443, 445, 446, 472. 496, 517, 564, 565, 570, 573, 578, 616. 622, 643.
Фарамонд — легендарный король франков, живший, согласно преданию, в V в. нашей эры. — 144.
Фауст — главное действующее лицо одноименной трагедии Гёте. — 616.
Флёр де Мари — героиня романа Эжена Сю «Парижские тайны», девушка, выросшая среди преступников, но сохранившая благородство и душевную чистоту; автор дал ей имя цветка, лилии, растущей в грязном болоте, но сохраняющей ослепительно белые лепестки. — 671.
Шуфтерле и *Шпигельберг* — персонажи из трагедии Шиллера «Разбойники»; образы лишенных каких-либо моральных устоев грабителей и убийц. — 409.
Эгерия — согласно римской мифологии, мудрая нимфа-прорицательница. — 556, 564, 566.
Эдип — герой фиванского цикла древнегреческих мифов, главное действующее лицо трагедий Софокла; согласно легенде, отгадал загадку сфинкса и этим избавил Фивы от кровожадного чудовища. — 566.
Эйзеле и *Бейзеле* — комические персонажи из вышедшего анонимно сатирического памфлета немецкого писателя И. В. Христерна «Поездка доктора Эйзеле и барона фон Бейзеле на заседания ландтага в апреле 1847 года». — 500. 638.
Юпитер — согласно римской мифологии, верховный бог, громовержец, соответствующий греческому богу Зевсу. — 24, 610.
Янус — древнеримское божество, которое изображалось с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны; в переносном смысле Янус — двуличный человек. — 557.
Яромир — главное действующее лицо трагедии Грильпарцера «Праматерь». — 489.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«Аугсбургская газета» — см. «Allgemeine Zeitung».

«Всеобщая газета» — см. *«Allgemeine Zeitung».*

«Кёльнская газета» — см. *«Kolnische Zeitung».*

«Коммивояжер» — см. *«Schweizer Handels-Courier».*

«Новая Рейнская saaeta» — см. *«Neue Rheiniscne Zeitung. Organ der Democratie».*

«Aargauer Nachrichten» («Известия Аарау»). — 571.

«Abend-Post. Demokratische Zeitung» («Вечерняя почта. Демократическая газета») (Берлин). — 407, 466.

«Abend-Zeitung» («Вечерняя газета») (Дрезден и Лейпциг). — 118.

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета») (Аугсбург). — 399, 402, 413. 431, 443, 444, 446, 448, 471, 481 — 485, 489 — 491, 493 — 497, 499, 500, 547. 553. 555. 575, 576, 605, 606, 613, 624 — 628, 631, 632, 636, 638, 640 — 642, 647 — 649, 682, 683, 685, 692, 693, 695, 697 — 705. 707, 708.

«Baltimore Wecker» («Балтиморский будильник»). — 469.

«Baltische Monatsschrift» («Балтийский ежемесячник») (Рига). — 613.

«Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристический журнал и Нью-йоркская газета по вопросам криминалистики»). — 437, 585, 669.

«Berliner Militair-Wochenschrift» («Берлинский военный еженедельник»). — 433.

«Breslauer Zeitung» («Бреславльская газета»). — 601, 603.

«Der Bund» («Союз») (Берн). — 547.

«Le Constitutionnel» («Конституционалистская газета») (Париж). — 410, 554, 575.

«Correspondent» — см. *«Der Deutsche Correspondent».*

«Courrier du Dimanche» («Воскресная почта») (Париж). — 687.

«Criminal-Zeitung» — см. *«Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung».*

«Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф») (Лондон). — 497, 499, 608 — 612, 615, 703.

«Le Debat social» («Социальные дебаты») (Брюссель). — 685.

«Der Deutsche Correspondent» («Немецкий корреспондент») (Балтимора). — 467.

«Deutsche Monatsschrift» («Немецкий ежемесячник») (Штутгарт). — 471, 496, 689.

«Dresdner Zeitung» («Дрезденская газета»). — 670, 676.

«The Economist» («Экономист») (Лондон). — 528.

«Eidgenossische Zeitung» («Газета Швейцарского союза») (Цюрих, Берн). — 547.
«L'Esperance» («Надежда») (Женева). — 571 — 573, 578.
«Frankfurter Journal» («Франкфуртская газета»). — 443, 666, 667.
«The Free Press» («Свободная пресса») (Лондон). — 486, 492, 493, 496, 497, 585, 586, 632, 654, 681, 694, 695, 697, 699.
«Der Freischutz» («Вольный стрелок») (Гамбург). — 605 — 607, 693, 706.
«Galignani's Messenger» («Вестник Галиньяни») (Париж). — 541.
«La Gazette du Nord» («Северная газета») (Париж). — 416.
«Giornale della provincia Bresciana» («Газета провинции Брешиа»). — 283.
«The Glasgow Sentinel» («Глазговский страж»). — 486, 587.
«Hamburger Anzeiger» («Гамбургский указатель»). — 470.
«Handels-Courier» — см. *«Schweizer Handels-Courier».*
«Hermann» («Герман») (Лондон). — 487, 678, 695.
«Herold des Westens» («Глашатай Запада») (Луисвилл). — 458.
«Die Hornisse» («Шершень») (Кассель). — 487.
«L'Independance belge» («Независимость Бельгии») (Брюссель). — 573, 578, 685.
«L'Independant» («Независимый») (Женева). — 426, 662.
«La Jeune Italie» («Молодая Италия»). — 512, 513.
«Journal de Constantinople» («Константинопольская газета»). — 586.
«Journal de Geneve» («Женевская газета»). — 666.
«Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов») (Париж). — 573.
«Journal du tir federal» («Бюллетень федерального стрелкового празднества»). — 663.
«Journal general de la Cour et de la Ville» («Всеобщая газета двора и города») (Париж). — 142.
«Kladderadatsch» («Кладдерадач») (Берлин). — 604.
«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета»). — 428, 429, 496, 497, 607, 608, 613, 671, 675, 685, 694, 702, 705.
«Der Komet. Unterhaltungsblatt fur gebildete Stande» («Комета. Собеседник для образованных сословий») (Лейпциг). — 118.
«Koniglich privilegirte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrlen Sachen» («Берлинская королевско-привилегированная газета по вопросам политики и науки»). — 438.
«Kreuz-Zeitung» — см. *«Neue Preusische Zeitung».*
«Lithographierte Correspondenz» («Литографированная корреспонденция») (Париж). — 554.
«The Manchester Guardian» («Манчестерский страж»). — 688.
«Le Messager du Leman» («Вестник Лемана») (Женева). — 434.
«Monatsschrift» — см. *«Deutsche Monatsschrift».*
«Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник») (Париж). — 163, 467, 476, 488, 503, 522,528 — 530, 550, 599, 688, 701.
«Morgenblatt fur gebildete Leser» («Утренний листок для образованных читателей») (Штутгарт и Тюбинген). — 483.
«The Morning Chronicle» («Утренняя хроника») (Лондон). — 578.
«The Morning Star» («Утренняя звезда») (Лондон). — 486.
«La Nation suisse» («Швейцарская нация») (Женева). — 573.
«Le National» («Национальная газета») (Париж). — 597.
«National-Zeitung» («Национальная газета») (Берлин). — 399, 445, 452 485, 494, 496, 497, 601 — 603 611, 612, 624. 625, 629, 630, 632 636, 638, 642, 647, 648, 650, 652 654 — 659, 686, 688, 701, 703, 706 707.
«National-Zeitung» — см. *«Schweizerische National-Zeitung».*
«Les Nationalites» («Национальности») (Париж). — 578.

«Neue Deutsche Zeitung» («Новая немецкая газета») (Франкфурт-на-Майне). — 466.
«Neue Hannoversche Zeitung» («Новая ганноверская газета»). — 638.
«Neue Oder-Zeitung» («Новая одерская газета») (Бреславль, ныне Вроцлав). — 603, 627.
«Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета») (Берлин). — 445, 458, 476, 612, 613, 621, 622, 638, 639.
«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Democratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») (Кёльн). — 403, 414, 428, 446. 473 — 476, 481, 523, 602 — 604, 607, 608, 615, 625, 629, 636, 641,646, 651, 653, 656, 685, 694.
«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») (Лондон, Гамбург). — 453, 461 — 463, 466, 467, 472, 479, 480, 485.
«Neue Schweizer Zeitung» («Новая швейцарская газета») (Женева). — 555, 556.
«Die Neue Zeit» («Новое время») (Лондон). — 487.
«Neue Zurcher-Zeitung» («Новая цюрихская газета»). — 565.
«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»). — 484 — 486, 584, 586, 630, 686, 687, 693, 694.
«The New-York Times» («Нью-йоркский таймс»). — 694.
«New-Yorker Criminal-Zeitung» — см. *«Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung».*
«New-Yorker Humorist» («Нью-йоркский юморист»). — 406.
«Notes to the People» («Заметки для народа») (Лондон). — 686.
«Nouvelliste Vaudois» («Вестник кантона Во») (Лозанна). — 565, 578.
«L'Opinion nationale» («Народное мнение») (Париж). — 542, 573, 578, 691.
«La Patrie» («Отечество») (Париж). — 563, 574, 575.
«Le Patriote savoisien» («Савойский патриот») (Шамбери). — 560.
«Le Pays» («Родина») (Париж). — 575.
«Pensiero ed Azione» («Мысль и действие») (Лондон). — 521,522, 548, 587.
«The People's Paper» («Народная газета») (Лондон). — 486, 680, 686, 694.
«The Players» («Актеры») (Лондон). — 610.
«Der Postheiri» («Постеири») (Золотурн). — 572.
«Prager Zeitung» («Пражская газета»). — 541.
«Preufiisches Wochenblatt» («Прусский еженедельник») (Берлин). — 510.
«Die Preusische Zeitung» («Прусская газета») (Берлин). — 613.
«Le Propagateur du Nord et du Pasde-Calais» («Информатор департаментов Север и Па-де-Кале») (Лилль). — 573.
«Publicist» («Публицист») (Берлин). — 676.
«Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»). — 604.
«Putnam's Monthly» («Ежемесячник Патнема») (Нью-Йорк). — 686.
«Die Reform» («Реформа») (Гамбург). — 399, 444, 493, 693, 696, 702, 704, 706.
«Republik der Arbeiter» («Республика рабочих») (Нью-Йорк). — 430.
«Revue contemporaine» («Современное обозрение») (Париж). — 415, 464, 482, 550, 573, 574, 576, 601.
«Revue europeenne» («Европейское обозрение») (Париж). — 574.
«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» — см. *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue».*
«Revue de Geneve et Journal Suisse» («Женевское обозрение и Швейцарская газета»). — 555, 557, 560, 561, 564, 567 — 570, 573, 599.
«Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового света») (Париж). — 573, 574.
«Rheinische Volks-Halle» («Рейнский народный зал») (Кёльн). — 608.

«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») (Кёльн). — 481.

«Rummeltipuff» («Руммельтипуфф») (Женева). — 405, 406, 417.

«Sachsische Vaterlands-Blatter» («Саксонская отечественная газета») (Дрезден и Лейпциг). — 118.

«Saturday Review of Politics, Literature, Science and Art» («Субботнее обозрение по вопросам политики, литературы, науки и искусства») (Лондон). — 567, 609.

«Seeblatter» («Озерные листки») (Констанц). — 428.

«Schlesische Zeitung» («Силезская газета») (Бреславль, ныне Вроцлав). — 603.

«Schweizer Handels-Courier» («Швейцарский торговый курьер») (Биль). — 402, 403, 412, 488, 490, 500, 560, 564, 565, 570, 573, 630, 680, 701.

«Schweizerische National-Zeitung» («Швейцарская национальная газета») (Базель). — 667.

«*The Sheffield Free Press*» («Шеффилдская свободная пресса»). — 486.

«Le Siecle» («Век») (Париж). — 419, 554. 573.

«Stimmen der Zeit» («Голоса времени») (Гота). — 496, 689.

«*Tablet»* («Записки») (Лондон). — 513.

«Telegraph» — см. *«Daily Telegraph».*

«The Times» («Времена») (Лондон). — 513, 525, 543, 563, 566, 584, 607, 683.

«Tribune» — см. *«New-York Daily Tribune».*

«L'Univers religieux, philosophique, politique, scientifique et litteraire» («Мир религии, философии, политики, науки и литературы») (Париж). — 419.

«Das Volk» («Народ») (Лондон). — 412, 487 — 489, 496, 498, 547, 548, 606, 607, 630, 639, 640, 642, 682 — 684, 695, 698 — 700.

«Folks-Zeitung» («Народная газета») (Берлин). — 399, 444, 493, 603, 693, 702, 705.

«Vorwarts» («Вперед») (Лейпциг). — 118.

«Vossische Zeitung» — см. *«Koniglich privilegirte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen».*

«Weekly Mail» («Еженедельная почта») (Лондон). — 610.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Ааре, река — 565.
Абенсберг — ***64*** (см. примечание 54), 97.
Або (Турку) — ***168,*** 169.
Абукир — ***138.***
Ава — 286 — 288, 291.
Ава, королевство — см. *Бирма.*
Авиньон — 142, 143, 145.
Австралия — 447, 525.
Адерби (Адербиевка), н. п. на Кавказе — 585 — 587.
Адлерклаа, н. п. в Австрии — 165.
Азенкур, н. п. во Франции — ***26, 60,*** 73.
Акарнания, провинция в Греции — 10.
Аквинкум, древний город — 269.
Акен — 184.
Алабама, штат — 157.
Аландские острова — 293.
Алеппо (Халеб) — 137.
Алжир — 41, 49, 99 — 110, 140, 197, 223 — 225, 313, 377, 425.
Алжир, город и провинция — 100 — 104, 109, 225.
Алидан, н. п. в Афганистане — ***84.***
Аликанте — 198.
Алле (ныне Лына, Лава) — 115.
Альбуэра, н. п. в Испании — ***53*** — ***54,*** 295.
Альбуэра, река — 53.
Альма, н. п. в Крыму — 56.
Альма, река — ***55*** — ***59,*** 140, 556.
Альпы, горы — 17, 503, 529.
Ангальт, земля — 536.
Англюр, н. п. во Франции — 191.
Ангостура (Сьюдад-Боливар) — 233 — 235.
Ансбах, н. п. в Германии — 179.
Антверпен — ***146, 165,*** 334, 335, 455. 525, 606, 628.
Апольда — 163.
Аравия — 296.
Арад — 582.
Аракан — 285.
Арбелы (Эрбиль) — ***16,*** 17, 26, 298, 299, 302.
Арва, река — 414.

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение.

Цифры, набранные полужирным курсивом, обозначают страницы в тексте, где географические названия, упоминаемые в качестве мест сражений и заключения международных договоров, имеют соответствующие пояснения в самом тексте или в справочном примечании. *Ред.*

Аргуита — 230.
Арекипа, город и департамент — 177.
Арзев (Арзеу) — 107.
Аркадия, область в Греции — 13, 440.
Арси-сюр-Об — 193.
Асперн — ***64*** — ***70,*** 73.
Ассам — 285.
Ассирия — 6.
Атлантический океан — 381, 463, 472.
Атлас, горы — 99, 101.
Аттика, область в Древней Греции — 10.
Атток — 77.
Аугсбург — 97, 254, 402, 407, 488, 493 — 495, 628, 638, 649, 682, 692, 698.
Аурес (Орес), горы в Алжире — 99.
Аустерлиц (Славков) — ***130,*** 138, 163, 179, 526.
Ауфид (Офанто), река в Италии — 301.
Ауэрштедт — ***164,*** 165, 179, 374.
Афганистан — 76 — 85.
Афины — 8 — 10, 12, 14, 354, 512.
Ахен — 429.
Ачагуас — 235.
Аякучо, город и департамент в Перу — ***176*** — ***177.***

Б

Бавария — 97, 254, 255, 520, 536, 632.
Бадахос — ***53,*** 54.
Баден — 403, 424, 451, 477, 537, 670, 676.
Баден-Баден — 690.
Базель — ***179,*** 337, 430, 437, 438, 504, 664, 667.
Байонна — 90, 262, ***295.***
Байрёйт — 179.
Балагисар, предместье Кабула — 83.
Балаклава — 63, ***141,*** 317, 320.
Балтийское море — 92, 173, 535.
Балх, страна в южном Туркестане — 77.
Бамберг — 95, 98.
Банат, ист. область — 137.
Бантелн, н. п. в Германии — 113.
Бар-ле-Дюк — 338.
Барима, провинция — 235.
Барселона, город и провинция в Венесуэле — 228, 230, 232, 233.
Бар-сюр-Об — 186.
Баса — 198.
Баскские провинции (Страна Басков) — 262.
Бауцен, н. п. в Саксонии — ***93,*** 180, 182, 183.
Бахчисарай — 55.
Безансон — 413, 425, 428, 453, 454.
Белград — 268.
Белуджистан — 76.
Бельт — см. *Большой Бельт.*
Белый Майн, река — 535.
Бенгалия — 288.
Беотия, область в Греции — 11, 297.
Бергамо — 282.
Берген-оп-Зом — 280.
Бержер, н. п. во Франции — 189, 190.
Бери-о-Бак, н. п. во Франции — 191 192.
Берлин — 117, 404, 433, 437, 438, 440, 446, 484, 488, 519, 540, 602, 603,611 — 613,619 — 622,624 — 627, 629, 630, 633, 635, 636, 643, 648, 659, 674 — 676, 688, 703, 707.
Берн — 424, 426, 447 — 449, 488, 500, 544, 545, 547, 549, 560 — 568, 598, 601, 662, 664, 665, 667, 689.
Берн, кантон в Швейцарии — 143, 481, 543, 548, 549, 555, 570,597.
Бернардин (Сан-Бернардино), перевал в Альпах — 545.
Бернбург — 184.
Бессарабия — 116, 511, 533.
Бидасоа, река — ***262*** — ***267.***
Бизамберг, горы — 64, 65.
Биль — 453.
Бильдокс — 267.
Бинген — 413, 436, 578.
Бириату — 267.
Бирма — 285 — 292.
Бискра — 101.
Бишофсверда, н. п. в Германии — 182.
Бле — 222.
Бледдин — 183.
Бленхейм или *Блиндхейм* — ***254*** — ***255.***
Бобер (Бубр), река — 182.
Богемия — см. *Чехия.*
Богемские горы (Чешский лес) — 64.

Богота — 228, 230., 234, 235, 238 — 240.
Бодвин — 287.
Боденское озеро — 565.
Болан, горный перевал — 81, 82.
Боливия — 177, 237, 238.
Большой Бельт, пролив — 164.
Большой Бернар — см. *Большой Сен-Бернар.*
Большой Сен-Бернар, горный проход в Альпах — 545.
Бомарсунд, пролив — ***293***.
Бомбей — 82.
Бон — 100, 107, 197.
Бонайре, остров в Караибском море — 232.
Бонн — ***280***, 413, 435.
Боргетто, н. п. в Италии — 95.
Бордо — 177.
Бородино — 93, 123, 208, 220, ***256*** — ***261***, 324.
Босния — 539.
Босуэрт, н. п. в Англии — ***60***.
Босфор, пролив — 155.
Ботнический залив — 92, 293.
Ботуэлхо, н. п. в Шотландии — 61.
Бразилия — 238, 295.
Брайтон — 673.
Бранденбург — 520, 521.
Брауншвейг — 113, 535, 542.
Брахенфельд, н. п. в Германии — 185.
Брегенц — 545.
Бреда — 280, 338.
Брейсгау, географ. обл. — 537.
Бремен — 438, 459, 669.
Бреславль (Вроцлав) — 404, 477, 603, 604.
Бретань — 143.
Брешиа (правильнее: Бреша), город и провинция — 282 — 284.
Брив-ла-Гайард, н. п. во Франции — 142, 145.
Бриенн — 120, ***186***, 187.
Бриенн-ла-Вьей — 187.
Брухзаль — 406.
Брюнн (Брно) — 163.
Брюссель — 451, 526, 628, 629, 685.
Буда, левобережная часть современного Будапешта — 268, ***269*** — ***271***.
Бужи — 101, 107.
Бужи, залив — 101.
Буковина — 136, 533.
Булонь — 144. 309. 376 — 377, 385, 408, 531.
Бунцельвиц (Болеславице), н. п. в Силезии — 350.
Бургос — 138.
Бургундия, ист. обл. — 27.
Бурж — 135.
Бухарест — ***168***, 511, 512, 533.
Буэнос-Айрес — 294.

В

Ваадт (Во), кантон в Швейцарии — 579, 598.
Вавилон — 327, 612.
Ваг, река — 593.
Ваграм — *97,* 158, 164, 165, 208, 221, 322.
Валанжен, н. п. в Швейцарии — 97.
Валахия — 136, 510 — 512, 514, 530, 533, 534.
Валенсия — 229, 232, 236, 237.
Валхерен, остров — ***138***, 165.
Вальдек, н. п. в Германии — 535.
Вальштадт (Легницке-Поле), н. п. в Силезии — ***304***.
Вальядолид — 138.
Вандея, департамент — 95.
Вандсбек — 605, 607.
Вара, река — 144.
Вардьё, остров в Ботническом заливе — 293.
Варна — 63.
Вартенбург — 183.
Варшава — 114, 120, 134, ***133*** (штурм 1831 г.), ***514*** (переговоры 1850 г.), 515.
Ватерлоо — *66, 70,* 71, 73, 94, 144, 149, 194, 311, 320, 322, 324.
Вахау, н. п. в Германии — ***321***, 322.
Вашингтон — 677.
Вейденталь, н. п. в Германии — 179.
Вейкел, н. п. в Нидерландах — 281.
Вейсенберг — 185.
Вейсенбург (Виссамбур) — 350.
Вель, река — 191.
Вена — 64, 70, 117, 119, 120, 135, 136, 162, 165, 268, 269, ***343*** (оборона 1683 г.), 445, 446, 459, 488, ***504*** (секретный договор 1815 г.), 519, 527, 591, 592, 608, 613, 683.

Венесуэла — 226, 227, 229. 231, 232, 234 — 239.
Венгрия — 29, 137, 269, 270, 312, 367, 400, 476, 477, 486, 492, 493, 517 — 519, 522, 527, 533, 538, 539, 553. 582 — 585, 587, 588, 591, 593, 607, 618, 681, 689. 690, 695, 697, 699.
Венеция, город и республика — 284, 334, 505, 506, 530, 531, 548.
Венло — 280.
Вера — 262, 265, 266.
Верона — 282 — 284, 332, 347, 350, 505, 511.
Версаль, предместье Парижа — 95.
Вертю — 188.
Верхний Ассам — 285.
Верхний Перу — см. *Боливия.*
Верхний Энгадин, округ в Швейцарии — 448.
Верхняя Швабия, герцогство — 537.
Вест-Индия — 294.
Вестфалия, провинция — 537, 538, 541, 615, 620 — 622.
Веттин — 184.
Виамала, горный перевал в Альпах — 545.
Вилагош (Ширия) — 591.
Виллафранка, н. п. в Италии — ***505***, 540, 541, 560, 590, 695.
Виллафранка (Вильфранш), н. п. во Франции — ***507***.
Вильно (Вильнюс) — ***113***,
Винчестер, н. п. в Англии — 278.
Висла, река — 515, 520.
Витория, н. п. в Венесуэле — ***227***, 228.
Витория, н. п. в Испании — ***262***, 295.
Витри, н. п. близ Парижа — 193.
Виттенберг — 184, 273.
Вифор, н. п. во Франции — 189.
Вогезы — 186.
Воеводина, область — 591.
Война, река близ Бородино — 259.
Вокулёр, н. п. во Франции — 186.
Волынь — 312.
Вольгаст — 168.
Вольта, река — ***143*** — ***144***.
Воля, н. п. близ Варшавы — 135.
Вошан, н. п. во Франции — ***189***, 190.
Вулидж, предместье Лондона — 251.
Вустер, н. п. в Англии — 278.
Вюртемберг — 435, 537.
Вюрцбург — ***309***.
Вье-Мезон — ***189***.

Г

Гаага — 279.
Гавр — 664, 665.
Гаген — 623.
Гагенау (Агно) — 337.
Газни — 77, 80, *81* (штурм 1839 г.), ***84*** (военные действия 1842 г.).
Галиция — 134, 516 — 519, 521, 539.
Гаити, остров в Караибском море — 231
Гайнау (Хойнув) — ***180***, 311.
Галле — ***164***, 184, 185.
Галлия, древняя страна — 23.
Гамбург — 116, 120, 121, 144, 180, 273, 453, 517, 676, 677, 693.
Ганг, река — 285.
Гандамак — 84.
Ганновер — 113, 163, 442, 490, ***504***, 514, 535, 537, 542.
Гарсия-Эрнандес — ***324***.
Гарца, река — 282.
Гасконь, ист. обл. — 365.
Гватемала — 238.
Гвиана — 233, 234.
Гебридские острова — 175.
Гейдельберг — 428.
Геллеспонт — см. *Дарданеллы.*
Гент — 98, 198.
Генуя — 550.
Герат — 76, 79, *80,* 81.
Гёрлиц, н. п. в Германии — *93.*
Германштадт (Сибиу) — ***137***.
Гессен — 542.
Гессен-Дармштадт — 537.
Гессен-Кассель (Кургессен), курфюршество — 452, 535, 537.
Гетулия, древняя страна на территории Африки — 101.
Гжатск — 93.
Гибралтар — ***198***, 506.
Гильменд, река в Афганистане — 77.
Гималаи, горы — 77.
Гиндукуш, горы — 76, 77.
Гиссен — 478.
Глазго — 533, 590, 694.
Глогау (Глогув) — 404.
Гогенлинден (Хоэнлинден) — ***241***.
Гольдберг, н. п. в Германии — 182.
Гольштейн — 169. 406, 535.

Гондсхоот (Ондсхот) — ***142***.
Гонконг — 613.
Госпорт — 272.
Гохштедт (Хёхштедт), н. п. в Баварии — ***255***.
Граве — 279.
Градиска — ***162***.
Гранада — 365.
Гранд-Рюн, гора в Испании — 267.
Граник (Коржасу), река — *9,* 17, 298.
Граубюнден, кантон в Швейцарии — 448.
Грейфенхаген (Грыфино) — ***204***.
Грейфсвальд — 404.
Греция — 9, 11, 12, 14, 16, 25, 297 — 299, 327. 334, 355, 380, 512.
Грос-Берен, н. п. близ Берлина — ***169***.
Гуаякиль — 237.
Гюи (Юи), н. п. в Бельгии — 280.

Д

Далмация, ист. обл. — 64.
Данди — 413. 415.
Даннигков, н. п. в Германии — ***310***.
Данциг (Гданьск) — ***115*** (осада 1807 г.), ***134*** (осада 1813 г.), 342.
Даппская долина — 543, 544.
Дарданеллы, пролив — 155.
Дейхсель — см. *Шнелле-Дейхсель.*
Дёйц — 272.
Дели — 79, 197.
Денневиц, н. п. в Германии — ***169***.
Дербент — ***114***.
Джагдалакский (Джагдалак) перевал в Афганистане — *84.*
Джелалабад — 84, 85.
Джерси, остров из группы Нормандских островов — 430, 457, 655.
Джурджура, горы в Алжире — 99.
Диенвиль, н. п. во Франции — 186.
Доброй Надежды, мыс — 294.
Донкастер, н. п. в Англии — 278.
Дора (Дора-Рипария), река в Италии — 545.
Дорман, н. п. во Франции — 188.
Дорнбург, н. п. в Германии — 163, 164.
Дрезден — ***182,*** 477, 519, 671, 676.
Дубен (Дюбен), н. п. в Германии — 184.
Дунай, река — 64, 65, 155, 158, 168, 254. 268, 270, 351, 513, 514, 520, 593.
Дунайские княжества — см. *Молдавия* и *Валахия.*
Дунайские провинции Римской империи — 24.
Дюнкерк — 174.
Дюссельдорф — 673.

Е

Евпатория — 55.
Египет — 5, 6, 24, 96, 138, 276, 294, 296, 299, 319, 505, 506, 538, 542, 550.

Ж

Женева — 402 — 406, 412 — 415, 417, 419, 425, 426, 430, 431, 433, 434, 436, 437, 441, 444 — 446, 448, 471, 483, 485, 486, 492, 499, 502, 543, 545, 548, 549, 552, 554 — 556, 560, 561, 563, 564, 566 — 569, 571, 572, 581, 590, 593 — 595, 597 — 601, 625, 631, 636, 639, 643, 654, 661 — 663, 666 — 669, 681, 683, 689, 699.
Женева, кантон — 405, 432, 570, 662.
Женевское озеро — 405, 565, 595.
Женевуа — 563, 568.
Жиронда, департамент во Франции — 143.
Жуанвиль, н. п. во Франции — 186.

З

Заале, река — 183, 184.
Заб — 101, 108.
Зальцбург — 520.
Зеландия, остров Датского архипелага — 164.
Зигмаринген — 479.
Зирра (Гауди-Зирра), озеро в Афганистане — 77.
Зоадч — ***108***.

И

Ивангород — 515.
Иглау (Йиглава) — 163.
Идштедт, н. п. в Германии — 406.
Иерусалим — ***274***.

Изар, река — 64.
Иккерн, н. п. в Германии — 616, 617, 622.
Ингольштадт — 337.
Инд, река — 6, 77, 79, 81, 356.
Индийский океан — 76, 285.
Индия — 76, 78 — 82, 84, 85, 196, 197, 286, 290, 292. 294, 316, 381, 528.
Индокитай, полуостров — 326.
Индостан, полуостров — 78, 290.
Инкерман — 41, 141.
Инн, река — 64.
Инстербург (Черняховск) — 92.
Ионические острова — 505, 506.
Иравади, река — 285, 287, 291.
Ирландия — 175, 294.
Ирун — 262.
Исли, н. п. в Марокко — ***223*** — ***224***.
Истрия, провинция — 162.

Й

Йена — ***138,*** 164, 179, 194, 374.
Йер, река во Франции — 190.

К

Кабилия, ист. обл. — 109, 140, 224.
Кабул — 77, 79 — 82, *83,* 84, 85.
Кабул, река — 77.
Кадис — 177, 227, 231.
Кайенна — 408.
Кайес (О-Ке), на острове Гаити — 231, 232.
Кайзерслаутерн — 179.
Кай-фын-фу (Кайфын) — ***147,*** 196.
Калабосо — 229, 234, 235.
Каламитский залив — 55.
Кале — 174.
Калифорния — 463, 525.
Кальвадос, департамент — 142.
Кампоформио, н. п. в Италии — ***143,*** 162, 539.
Кан — 120.
Кандагар, город и провинция — 77, 79-81, 84.
Кандия (Гераклион) — 334.
Канны (Канне), н. п. в Италии — 74, ***301*** — ***302***.
Капитолий, холм в Риме — 18.
Капуа — ***303***.
Карабобо — ***236***.
Каракас — 226, 228, 229. 234, 237, 239, 240.
Каракута — 239.
Карелия — 92.
Каринтия — 520.
Карлсбад (Карлови-Вари) — 94.
Карлсбург (Алба-Юлия) — 136.
Карлсруэ — 670.
Каррон — 245.
Карс — 486, 531, 680.
Картахена — 227, 228, 230, 231, 236, 237, 239.
Карупано — 230, 232.
Карфаген — 380, 381.
Каспийское море — 114.
Кассель — ***279,*** 487.
Кастель — 272.
Каталония, область в Испании — 222.
Кауб, н. п. в Германии — 186.
Кацбах (Качава), река в Силезии — ***181*** — ***182,*** 194.
Кашмир — 76.
К ель — ***272***.
Кёльн — 117, 185, 272, 345, 347, 403, 421, 428 — 430, 435, 437 — 440, 446, 452, 457, 458, 462, 576, 603, 608, 626, 627, 631, 636, 669, 671, 672, 674, 675, 685, 694, 705.
Кент — 294.
Кёнигсберг (Калининград) — 347.
Кёнигсварта, н. п. в Германии — *93.*
Кессельдорф, н. п. в Германии — ***308***.
Киль — ***169***.
Килька, н. п. в Перу — 177.
Килькенни — 538.
Кинбурн — ***389***.
Кингстон — 231.
Кирвейлер, н. п. в Германии — ***179***.
Китай — 147, 196, 197, 285, 287, 288, 290, 292, 394.
Кирхгеймболанден, н. п. в Германии — 472, 614.
Кито (Эквадор), провинция — 230, 237.
Китцинген, н. п. в Баварии — 254.
Кобленц — 186, 272. 347.
Кодоньо — 95.
Колеа, н. п. в Алжире — 101.
Колин — ***123***.
Колоча (Колочь), река — 256 — 259.
Колумбия — 226, 235 — 240.
Кольмар, н. п. во Франции — 337.

Комо, озеро в Италии — 545.
Коморн (Комаром) — 269, ***271,351,*** 517, 581, 585, 591 — 593.
Компьен — 98, 527.
Конкорд — ***374.***
Константина, город и провинция — 100, 101, 107 — 109.
Константинополь (Стамбул) — 102, 104, 144, 381, 511, 512, 514, 534, 584 — 587, 606.
Корбени, н. п. во Франции — 192.
Кордова — 198.
Корсика, остров — 294.
Корунья (Ла-Корунья) — 173, 174, 294.
Косвиг, н. п. в Германии — 676.
Кохинхина (Намбо), провинция в Индокитае — 522.
Кохистан, ист. обл. — 76.
Коцк — 134.
Крайна, ист. обл. — 64.
Краков — 508, 522.
Краковская республика — 508.
Краонн, н. п. во Франции — 191, 192.
Красная земля — см. *Вестфалия.*
Кремона — 282.
Креси, н. п. во Франции — *26,* 73.
Крибловиц, н. п. в Силезии — 178.
Крит, остров — 10.
Кройч (Кротошице) — 181, 182.
Кронштадт — 345, 388.
Круа-де-Буке — 267.
Крым — 41, 42, 55, 59, 211, 404, 511, 530, 557.
Кукута — 237.
Кумана, город и провинция — 228 — 230, 232.
Кундинамарка, провинция — 230.
Кунерсдорф, н. п. в Германии — ***123,*** 206.
Кунцендорф (Дрогослав), н. п. в Силезии — 180.
Кургессен — см. *Гессен-Кассель.*
Куско — 177.
Кьен-Двен, река в Бирме — 285.
Кюлоз — 545, 547.
Кюрасао, остров — 227, 233.
Кюстрин (Костшин) — 335.
Кютахья — 518, 581, 582, 584.

Л

Ла-Вилья-дель-Норте — 232.
Ла-Гуайра — 227, 229.
Ла-Манш, пролив — 174, 175, 472, 506, 631.
Ламбесса (Ламбез) — 101.
Лангр, город и плато — 190, 193.
Ландау — ***341.***
Лаон — 190, ***192,*** 193.
Лаос, область — 287.
Ла-Плата — 238.
Ла-Попа, холм в Колумбии — 231.
Ла-Пуэрта — 229.
Ла-Ротьер, н. п. во Франции — 186, ***187,*** 193.
Лаупен, н. п. в Швейцарии — ***364.***
Лаутербург (Лотербур) — 519.
Ла-Фер, н. п. во Франции — 205.
Ла-Фер-Шампенуаз (Фер-Шампенуаз), н. п. во Франции — 189.
Ла-Ферте-су-Жуар, н. п. во Франции — 188, 191.
Левктры, н. п. в Греции — *13,* 74.
Лейпциг — *33* (сражение 1631 г.), 34, *70* (сражение 1813 г.), 93, 116, 118 — 120, 169, 183 — 185, 321, 404.
Лейтен (Лютин), н. п. в Силезии — ***123,*** 206, 308.
Лексингтон — ***374.***
Лемберг (Львов) — 134, 135.
Леон, остров — 236, 237.
Лерида — ***222.***
Лестер — 278.
Лет, река — 191, 192.
Лех, река — *33* (сражение 1632 г.), ***303*** (сражение 955 г.).
Леэварден, н. п. в Нидерландах — 280.
Либерозе — 520.
Ливерпуль — 414, 472.
Ливония — 92.
Лидо — 334.
Лима — 237.
Лимбург — 280.
Лиможк, н. п. во Франции — 222, 225
Линц — 65, 345, 347, 519.
Линьи, крепость в Бельгии — ***194***, 324.
Лион — 121.
Липпе — 536.
Лиссабон — 172, 173.
Литва — 114.
Ло, департамент во Франции — 138.
Лобау, остров на Дунае, близ Вены — 65, 69, 70.
Лоди — *95,* 282.

Лозанна — 440 — 442, 444, 471. 489, 552. 553, 560. 607, 639.
Ломбардия — ***226, 282,*** 283, 505, 506, 513, 540, 541, 548.
Лондон — 175, 226, 231, 240, 292, 399, 401 — 403. 406, 407, 413, 415, 421. 425. 427, 429 — 431, 433, 439, 440, 445, 447, 449 — 452, 456 — 459, 465, 467 — 469, 481 — 483, 485 — 490, 492 — 496, 498, 499, 506. 514, 517, 527, 568, 578, 579, 583 — 590, 606. 608, 609, 611 — 613, 624, 625. 627 — 629. 631, 633, 638, 639, 641, 647. 649, 653, 655, 656, 662. 668 — 677, 679 — 681, 683 — 686, 691 — 695, 697 — 699, 701 — 703, 705, 708.
Лос-Тагуанес, н. п. в Венесуэле — 228.
Лугож — ***137.***
Луисвилл — 458.
Льеж — 280.
Люббен — 520.
Любек — 164, ***179*** — ***180.***
Люксембург — 179.
Лютцен, в Саксонии — *33* (сражение 1632 г.), 138,***139*** (сражение 1813 г.). 180, 185, 311.

М

Маас, река — 280.
Маастрихт — ***161*** (осада 1794 г.), ***279*** (осада 1673 г.).
Магдебург — 184, 273.
Мадейра, остров — 294.
Мадрид — 138, 177, 226.
Майн, река — 535, 536.
Майнц — 185, 186, 191, 272, 535, 614.
Македония, ист. обл. — 355.
Малахов курган, близ Севастополя — ***141.***
Малая Азия — 24, 296, 298.
Малая Кабилия — см. *Кабилия.*
Малороссия — см. *Украина.*
Мальмё — ***473,*** 618.
Мальплаке, н. п. в Бельгии — ***204,*** 372.
Малый Бельт, пролив — 92.
Мальта, остров — 505, 506.
Мангейм — ***186,*** 280.
Мандале, холм в Испании — 267.
Манипур — 285.
Мантинея, город в древней Греции — *13,* 74.
Мантуя — ***282.*** *Манчестер* — 405, 445, 455, 488, 489, 491, 589, 627, 629 — 631, 704, 706.
Маракаибо — 237, 239.
Марафон — *8,* 9, 10, 73.
Маргарита, остров — 230 — 232, 235.
Маренго — *96,* 138, 241.
Мариньяно (Меленьяно) — *-30,* 200.
Марк, н. п. в Вестфалии — 619 — 621.
Марна, река — 188 — 191.
Марокко — 99, 224, 506.
Марсель — 143, 583.
Марстонмур, н. п. в Англии — ***307.***
Мартос — 198.
Мархфельд, область — 64 — 66.
Матурин — 231.
Маунт Ванашрис, гора в Алжире — 99.
Медина-де-Рио-Секо — ***138.***
Мезериц (Мендзыжеч) — 520.
Мезьер — 342.
Мейсен — 183.
Мёккерн, н. п. в Германии — ***185.***
Мекленбург — 168, 535, 537, 542.
Мекленбург-Шверин (Мекленбург), земля — 178.
Мексика — 157, 238, 326.
Мелла, департамент — 284.
Мелла, река — 282.
Мерзебург — ***303.***
Мери, н. п. во Франции — 190, 193.
Метиджа, равнина в Алжире — 101.
Мец — 140, 347.
Мидлсекс, графство в Англии — 683.
Микале (Самсун-Даг), мыс — *8.*
Милан — *96,* 162, 333, 531, 570, 584.
Минчо, река — 484, 618.
Мо, н. п. во Франции — 191.
Модена — 505.
Модлин (Ново-Георгиевск) — 515.
Можайск — 256, 257, 259.
Мозель, река — 186.
Молдавия (Молдова) — 137, 510, 511, 514, 530, 533, 534.
Молдова, река — 520.

Мольвиц (Малуёвице) — *35,* 307.
Момпос, н. п. в Колумбии — 235.
Монагал, ущелье в Кабилии — 140.
Монбозон — 144.
Мондови — *95.*
Монмартр — ***193***.
Монмирай, н. п. во Франции — 188, ***189,*** 190.
Монсени, перевал в Альпах — 545, 551.
Монтекаль — 235.
Монтеро, н. п. во Франции — ***190***.
Моравия — 518 — 521, 534, 538, 539.
Морунген (Моронг), н. п. в Польше — ***164***.
Моршгейм, н. п. в Германии — 179.
Москва — 83, 93, 97, 168, 256, 260, 416.
Москва, река — 256.
Мостаганем — 107.
Мохаммедия — 197.
Мульде, река — 183, 184.
Мур, река — 64.
Муртен — 423 — 425, 427, 428, 443, 626, 636, 653, 667, 668.
Мюльхаузен — 179.
Мюнстер — 179, 620.
Мюнхен — 405, 519.

Н

Наварин (Пилос) — ***512***.
Намюр — ***280***.
Нанси — 453, 454.
Наполи-ди-Романья (Навплион) — 334.
Нарев, река — 114, 135.
Наумбург — 163.
Неаполь — 42, 505, 506, 513.
Небель, ручей в Баварии — 254.
Невшатель — 97, 98, 543, 572.
Нёйвид — 596.
Нейзби — ***307***.
Нейссе (Ниса-Лужицка), река — 181, 182.
Неман, река — 114, 241.
Немиров, н. п. на Украине — 511.
Нетце (Нотец), река — 520.
Нидер-Крайн — 182.
Нижние Пиренеи, департамент — 140, 161.
Нижний Египет, область — 6.
Нижний Перу (Перу) — 237.
Нижняя Шаранта (Приморская), департамент — 225.
Нил, река — 5, 77.
Нимвеген (Неймеген) — ***280***.
Ниневия, древний город — 327.
Нион — 579.
Ницца — 426, 484, 541, 542, 548 — 550, 560, 562 — 565, 567, 575.
Новара — ***305***.
Новая Гранада (Колумбия), республика — 228 — 230, 232, 234 — 236, 240.
Новая Зеландия, остров — 326.
Новая Шотландия — 294.
Ножан — 188, ***190***.
Нумидия, древняя страна в Сев. Африке — 23.
Ньебла — ***197*** — ***198***.
Нью-Йорк — 408, 430, 437, 455, 463, 468, 587, 655, 676, 677, 686.
Нью-Йорк, штат — 678.
Нюрнберг — 480, 519.

О

Об, река — 187, 188, 191.
Оденвальд — 417.
Одесса — 404.
Оканья, н. п. в Колумбии — 238, 239.
Оксус (Аму-Дарья) — 17.
Оксфорд — 193.
Окумаре, н. п. в Венесуэле — 232.
Ольденбург — 535, 542.
Онтарио, озеро в США — 246.
Оран — 101, 108, 109.
Оран, провинция — 109, 223.
Ордаль, н. п. в Испании — ***222***.
Ориноко, река — 234, 240.
Оркнейские острова — 175.
Ортез, н. п. во Франции — ***295***.
Остенде — 606.
Ост-Индия — 505, 506.
Остроленка — ***135***.
Офен (Старый Офен), немецкое название г. Буды — 268.
Очаков — ***113***.
Ошмяны, н. п. близ Вильно (Вильнюса) — ***113***.
Оярсун — 262, 265.

П

Павия — *30*, 60, 365.
Падунг, провинция — 289.
Пампатар, н. п. на острове Маргариты — 232.
Памплона, н. п. в Испании — 262.
Памплона, н. п. в Колумбии — 235.
Панама — 238.
Панамский перешеек — 236, 237, 687.
Париж — 71, 98, 108, 120, 121, 135, 140, 142 — 145, 162, 165, 166, 169, 181, 186 — 188, 190, 191, ***193*** (договор 1814 г.), 194, 222, 226, 240, 346, 347, 404, 406, 409, 411, 413, 415, 416, 428 — 433, 436, 438, 450, 451, 458, 459, 464, 469, 471, 482, 483, 505, 508, 509, 514, 526,527, 529, 530, ***531*** (договор 1856 г.), 532, 540 — 543, 545, 550, 554, 560 — 562, 564, 565. 567, 573, 574, 579, 583 — 585, 587, 594, 596 — 598, 600, 614, 615, 626 — 628, 631, 641, 653, 655, 669, 671 — 673, 676, 684, 685, 688, 690.
Парма — 505.
Паропамиз, хребет — 77.
Парте, река в Саксонии — 185.
Пасто — 230, 237.
Пегу, город и провинция в Бирме — 285, 291.
Пенджаб — 76, 79, 80.
Пенья-де-Ая, гора в Испании — 265.
Персия (Иран) — 76, 79, 80, 114, 296. 355.
Перу — 176, 177, 237, 238, 240.
Перуджа — 28.
Пескьера — 347.
Петерсберг, н. п. в Германии — 185.
Петербург — см. *Санкт-Петербург.*
Пешавар — 77, 79, 80, 84, 85.
Пешт, левобережная часть современного Будапешта — 136, 268, 271, 588, 591, 690.
Пештский округ — 268.
Пикардия, ист. обл. — 365.
Пиренеи, горы — 138.
Пиренейский полуостров — 295.
Пирмазенс — ***209***.
Пистоя — 28.
Платеи (Платея), древний город в Греции — *8,* 10, 13, 73.
Плацентия (Пиаченца) — 301.
Пломбьер — ***527***, 548, 549, 560, 565.
По, город во Франции — 140, 161.
По, река — 484, 615, 694.
Познань — 347, 516, 517, 538.
Померания — 167, 178, 180.
Померанское побережье — 520.
Понтекорво, н. п. во Франции — 165.
Порт-о-Пренс — 231.
Портсмут — 272, 345.
Португалия — 135, 294, 295, 463, 525.
Поццалло, н. п. в Италии — 144.
Прага — 519.
Праузниц (Прусице), н. п. в Силезии — 181.
Прейсиш-Эйлау (Багратионовск) — *92,* 114, 115, 138.
Прессек, н. п. во Франции — 138.
Проме, н. п. в Бирме — 289.
Прут, река — 92.
Прюм, н. п. в Германии — 415.
Пуатье, н. п. во Франции — *26* (сражение 1356 г.), 73, ***303*** (сражение 732 г.).
Пултуск — ***114***.
Пуно — 177.
Пуэрто-Кабельо — 227 — 229, 236 — 238.
Пфальц — 179, 415, 472, 477, 670.
Пьемонт — 143, 144, 314, 372, 505 — 507, 513, 522, 525, 531, 533, 539. 542, 545 — 548, 560 — 564, 570, 573, 601.
Пюи-Гийом, н. п. во Франции — 198.

Р

Рааб (Дьёр) — 592.
Рамрюйт, н. п. во Франции — 188.
Ранти, н. п. во Франции — ***200***.
Ратекау — ***164***, 180.
Раштатт — 162, 347, 468, 676, 679.
Регенсбург — *64,* 97, 519.
Реймс — 190 — 193.
Рейн, река — 24, 155, 163, 185, 186, 190, 254, 280, 414, 419, 435, 484, 503, 529, 538 — 542, 545, 553, 565, 571 — 573, 615, 694.
Рейнская область — 404, 514, 537 — 542, 572, 575.
Рейнская провинция — 118, 466, 477, 635, 691.

Рейнская Пруссия — см. *Рейнская провинция.*
Рейнские провинции — см. *Рейнская область.*
Рейхенбах — 181.
Риволи — *96,* 138, 143.
Рим, государство и город — 18, 24, 96, 359, 380, 513, 523, 590.
Римасомбат (Римавска-Собота) — 592.
Римини — ***200***.
Римская Галлия — 22.
Римская область — 165.
Риппах — 139.
Роверето, н. п. в Италии — ***138***.
Романья — 512, 513.
Рона, река — 145.
Росбах — ***308***, 317.
Росток — 178, 194.
Ротьер — *см. Ла-Ротьер.*
Рудные горы — 182, 535.
Румыния — 532.
Рурмонд — 280.
Рюген, остров — 144, 178.

С

Саар, река — 186.
Сабольч (Сабольч-Сатмар), область в Венгрии — 690.
Савойя — 426, 484, 541, 542, 546 — 550, 559 — 565, 567 — 570, 572, 573, 575, 598, 683.
Саксония — 118, 139, 182, 183, 514, 521, 535, 536, 542, 670.
Саламанка, город и провинция — 138, ***295***.
Салуэн, река в Бирме — 285.
Самос — *14.*
Сан-Карлос, н. п. в Южной Америке — 235, 236.
Сан-Марсьяль, горы в Испании — 265, 266.
Санкт-Петербург — 114, 134, 167, 168, 613.
Сан-Матео, н. п. в Венесуэле — 227.
Сан-Педро, н. п. в Южной Америке — 226, 240.
Сан-Себастьян — 262, 266.
Санс — 120, ***190***.
Санта-Марта — 226, 230, 231.
Сантандер — 175, 234.
Сан-Фернандо на Апуре (Сан-Фернандо) — 235, 236.
Сарагоса, город и провинция — ***197***.
Сардиния — см. *Пьемонт.*
Сардиния, остров — 550.
Сатледж, река — 17, 81.
Саутгемптон, н. п. в Англии — 583.
Сахара — 99.
Свеаборг (Суоменлинна) — ***150***, 152, 467, 216, 388.
Святой Елены, остров — 93, 145, 163.
Севастополь — 55, 59, ***150***, 214, 345.
Северо-Германская низменность — 502, 534.
Северное море — 103, 175, 381, 535.
Сегед, н. п. в Венгрии — 581.
Сезанн — 188, 191.
Сейстан — 77.
Семеновская, н. п. близ Бородино — 208, 258 — 260.
Семеновский овраг, близ Бородино — 256, 258, 259.
Сена, река — 188, 190, 194.
Сен-Бернар — см. *Большой Сен-Бернар.*
Сен-Блез, н. п. в Швейцарии — 571.
Сен-Дени, н. п. в Бельгии — ***279***.
Сен-Дизье — 193.
Сен-Жан-д'Акр (Акка) — ***138***.
Сен-Жан-де-Люз — 262. 266.
Сенеф, н. п. в Бельгии — ***279***.
Сент-Леонардс, н. п. в Англии — 491.
Сент-Уан, н. п. во Франции — 188.
Сент-Элье (Сент-Хёльер) — 457, 518.
Сент-Этьенн — 542.
Сербия — 512, 539.
Сиам (Таиланд) — 290, 291.
Силезия — 27, 178, 180, 181, 304, 307, 515, 519 — 521.
Симплон, перевал — 545, 563, 683.
Синд — 76, 81, 82.
Синтра, н. п. в Португалии — ***294***.
Сиракузы — 12, 274.
Сирия — 24, 505, 506.
Сицилия, остров — 380, 505.
Словакия — 591.
Смоленск — *93.*
Снек, н. п. в Нидерландах — 281.
Солимановы (Сулеймановы) *горы* — 77.
Солы, н. п. близ Вильно (Вильнюса) — ***113***.

Сомпюи, н. п. во Франции — 188.
Сомюр, н. п. во Франции — *95.*
Спарта — 8, 12, 13, 353, 354.
Средиземное море — 6, 17, 99, 101 — 103, 269, 299, 381, 463, 505 — 507, 509.
Стивенсуэрт — 280.
Стокгольм — 161, 164, 166, 167, 170, 613.
Страсбург — 272, 335, 337, 406, 408, 428, 531, 610, 672.
Стура, река в Италии — 545, 551.
Суассон, н. п. во Франции — 191, 192.
Суэцкий перешеек — 506.

Т

Табаско — 326.
Тальяменто, река в Италии — 162.
Тарнов (Тарнув) — 134.
Таррагона — 222.
Тафна, река в Алжире — ***223***.
Тезин — *84.*
Темешвара (Тимишоара) — ***137***.
Темешварский Банат (Тимишоара), область — 533.
Темза, река — 608.
Тессин, кантон в Швейцарии — 545, 570.
Тибет — 285.
Тильзит (Советск) — 115, ***164,*** 180.
Типпера — 285.
Тироль — 64, 282, 507, 521.
Тихий океан — 463.
Тичино (Тессин), река — ***300*** — ***301***.
Тлемсен — ***101,*** 107.
Тонго — 289.
Тонон (Тонон-ле-Бен) — 566, 567.
Торгау — 273.
Торн (Торунь) — *93,* 164.
Торрес-Ведрас (Торриж-Ведраш) — 350.
Тортоса — 222.
Тоскана, область — 28, 561.
Трана — 186.
Трансильвания — 136, 137, 533, 591.
Трапезунд (Трабзон) — 586.
Трарбах (Трабен-Трарбах) — 280.
Трахенберг (Жмигруд) — 168 — 169, 180.
Треббия, река — ***301***.
Трильпор, н. п. близ Парижа — 189.
Трир — 413, 575, 691.
Троя — 276.
Труа — 188, 190.
Трухильо — ***236***.
Тулон — 145, 294, 531.
Тулуза — ***295***.
Тунис, город и страна — 99.
Тунха — 230, 235.
Тургау, кантон в Швейцарии — 481, 543, 560.
Турин — 143, 205, 334, 426, 518, 548, 550, 562, 563, 579, 589, 590.

У

Удине — 162.
Уисбич — 583.
Украина — 312.
Ульм — *97,* 337, 347.
Умео — 92.
Уотерфорд, графство — 295.
Урбино — 334.
Урдакс (Урда) — 266, 267.
Урк, река — 191.
Уронье — 267.
Утица, н. п. близ Бородино — 256, 257.
Уши-ла-Виль, н. п. во Франции — 189.
Уши-ле-Шато, н. п. во Франции — 191.
Уэст-Энд, район Лондона — 483, 606.

Ф

Фарсистан (Фарс), ист. обл. — 7.
Фельдкирх — 545.
Фенестрелле — 545, 551.
Фермопилы, горный проход в Греции — *8,* 73.
Фессалия, ист. обл. — 11, 21, 297.
Фетьё — 192.
Филиппвиль — 109.
Фим — 189. 191, 192.
Финикия, древняя страна на Ближнем Востоке — 380.
Фирвальдштетское озеро — 561.
Фиуме (Риека) — 589.
Фихтель, горы — 535.
Фишау (Бад-Фишау) — 135.
Фландрия, ист. обл. — 174, 175, 254, 279, 280, 362.
Флёрюс — ***161*** (сражение 1794 г.), 279.

Фокшаны — 511.
Фонтен-л'Эвек, н. п. в Бельгии — 121.
Фонтенуа, н. п. в Бельгии — *74.*
Форново (Форново-ди-Таро), н. п. в Италии — ***200.***
Фосиньи — 548, 562, 563, 565, 568, 683.
Франкфурт-на-Майне — 119, 445, 453, 466, 474, 475, 480, 552, 577, 605, 611, 613, 617, 622, 672, 703.
Франкфурт-на-Одере — ***204.***
Фрауштадт (Всхова) — 404.
Фредерикстад — 169.
Фрейбург — 423.
Фридланд (Правдинск) — ***115,*** 138, 208.
Фридрихсгам (Хамина) — ***166.***
Фрисландия, провинция — 279, 281.
Фуэнтеррабия — 262.

Х

Хайберский перевал — 84.
Хейльсберг (Лидзбарк-Варминьский) — 115.
Хельсингборг — 166.
Хёхст — 185.
Ходжакский (Ходжак) перевал — 81.
Ходцизен — 520.
Хорасан — 76, 79, 303.
Хорватия — 591.
Хоэнфридеберг — ***308,*** 323.
Христиания (Осло) — 169, 170.
Хуангриего — 230.
Хунин — ***176.***
Хурд-Кабульский (Хурд-Кабул) перевал — *84.*
Хэмпстед, н. п. близ Лондона — 483.

Ц

Царево-Займище — 257.
Цорндорф — ***308,*** 323, 442.
Цюрих — 427. 445, 448, 465, 468, 482, 489, 569.

Ч

Чампанир — ***147.***
Челси, район Лондона — 63.
Черкесия — 486, 517, 521, 585-587, 591.
Черная, река — 141.
Честер — 278, 457.
Чехия, ист. обл. — 163, 180, 183, 312. 518 — 521, 534, 537 — 539.
Чивита-Веккиа — 523.
Чиппева — *74.*
Чукисака (Сукре), департамент в Боливии — 177.

Ш

Шабле — 548, 562, 563, 565, 568. 683.
Шалон — 189, 190, ***319,*** 526.
Шамбери — 545, 547.
Шампобер, н, п. во Франции — 188, ***189,*** 190.
Шарлеруа — 121.
Шатильон — ***186,*** 187.
Шато-Тьерри — 188, ***189,*** 190 — 191.
Шварцвальд, горы — 468.
Швейдниц (Свидница) — 180.
Шелифф (Уэд-Шелифф), река в Алжире — 99.
Шелленберг, гора в Баварии — 254.
Шёнбрунн — 165, 530.
Шербур — 345, 589.
Шершель — 101.
Шессбург (Сигишоара) — ***137.***
Шеффилд — 680, 694.
Шильда (Шильдау), н. п. в Германии — 602.
Шлахтен, н. п. близ Берлина — ***144.***
Шлезвиг — 169.
Шлезвиг-Гольштейн — 415, 514.
Шлетштадт (Селеста) — 337.
Шлосберг (Шаштин) — 268.
Шнелле-Дейхсель (Скора), река в Силезии — 182.
Шомениль, н. п. во Франции — 186.
Шомон — 186, 193.
Шотландия — 60, 61, 175, 245, 384, 587.
Шпандау — 474.
Шпейербах (Шпейер), река в Баварии — *90.*
Шплюген, горный перевал в Альпах — 545.
Шпрее, река — 611.
Штеттин (Щецин) — 168, 179, 194.
Штирийские Альпы, горы — 520.
Штирия — 520.
Штольпе — 520.
Штральзунд — 168.

Штригау (Стшегом) — ***308***.
Штутгарт — 480, 576.

Э

Эгер, река — 519, 520.
Эденкобен — 179.
Эдесгейм, н. п. в Германии — 179.
Эдинбург — 445.
Эйдер, река — 381.
Эйдсволль — 169, 170.
Эйзенах — 185, 620.
Эйлау — см. *Прёйсиш-Эйлау.*
Экмюль, н. п. в Германии — *64,* 322.
Экс — см. *Экс-ле-Бен.*
Экс-ле-Бен, н. п. во Франции — 545, 547.
Эксидёй, н. п. во Франции — 222.
Эльба (Лаба), река — 168, 169, 179, 180, 182 — 184, 241, 273, 381, 520.
Эльба, остров — 71, 94, 98, 121.
Эльберфельд — 476.
Эльзас — 519.
Эльмира — 678.
Эльс — 469.
Эльстер, н. п. в Германии — 182, 183.
Эн, река — 191, 192.
Эноа, н. п. в Испании — 266.
Эперне, в. п. во Франции — 188.
Эрбис, н. п. во Франции — 191.
Эребру — 166, ***168***.
Эренбрейтштейн, н. п. в Германии — 272, 345.
Эри, озеро в США — 246.
Эрфурт — 179, 190.
Эслинг, н. п. в Австрии — *64* — *70,* 73, 138.
Эслинген — 489, 571, 572.
Эспелет, н. п. во Франции — 267.
Эстремадура, провинция в Испании — 53.
Этож, н. п. во Франции — ***189,*** 190.
Этолия, провинция в Греции — 10.
Этьенн — см. *Сент-Этьенн.*
Эч (Адидже), река — 505.

Ю

Юлих, н. п. в Германии — ***161,*** 335.

Я

Яде (Яде-Бузен), залив — 507, 535.
Яксарт (Сыр-Дарья) — 356.
Ямайка, остров — 231.
Ястров — 520.

СОДЕРЖАНИЕ*

Предисловие ..... V—XXVI
Ф. ЭНГЕЛЬС. АРМИЯ (ARMY) ..... 5—50
Ф. ЭНГЕЛЬС. АДЪЮТАНТ (ADJUTANT) ..... 51—52
Ф. ЭНГЕЛЬС. АЛЬБУЭРА (ALBUERA) ..... 53—54
Ф. ЭНГЕЛЬС. АЛЬМА (ALMA) ..... 55—59
Ф. ЭНГЕЛЬС. АРКЕБУЗ (ARQUEBUSE) ..... 60—62
Ф. ЭНГЕЛЬС. ЭРИ (AIREY) 63
Ф. ЭНГЕЛЬС. АСПЕРН (ASPERN) ..... 64—70
Ф. ЭНГЕЛЬС. АТАКА (ATTACK) ..... 71—75
Ф. ЭНГЕЛЬС. АФГАНИСТАН (AFGANISTAN) ..... 76—85
Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАСЕКА (ABATIS) 86
Ф. ЭНГЕЛЬС. БАРБЕТ (BARBETTE) 87
Ф. ЭНГЕЛЬС. БАСТИОН (BASTION) ..... 88—89
Ф. ЭНГЕЛЬС. ШТЫК (BAYONET) ..... 90—91
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ (BARCLAY DE TOLLY) ..... 92—94
К. МАРКС. БЕРТЬЕ (BERTHIER) ..... 95—98
Ф. ЭНГЕЛЬС. АЛЖИР (ALGERIA) ..... 99—110
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОЕВЫЕ ПРИПАСЫ (AMMUNITION) ..... 111—112
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. БЕННИГСЕН (BENNIGSEN) ..... 113—116
К. МАРКС. БЛЮМ (BLUM) ..... 117—119

* В скобках указано заглавие на языке оригинала, под которым статья была опубликована в «New American Cyclopaedia». *Ред.*

К. МАРКС. БУРЬЕНН (BOURRIENNE) ..... 120—121
Ф. ЭНГЕЛЬС. СРАЖЕНИЕ (BATTLE) ..... 122—126
Ф. ЭНГЕЛЬС. БАТАРЕЯ (BATTERY) ..... 127—129
Ф. ЭНГЕЛЬС. БИВУАК (BIVOUAC) 130
Ф. ЭНГЕЛЬС. БЛИНДАЖ (BLINDAGE) ..... 131—132
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОНЕТ (BONNET) 133
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. БЕМ (BEM) ..... 134—137
К. МАРКС. БЕСЬЕР (BESSIERES) ..... 138—139
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. БОСКЕ (BOSQUET) ..... 140—141
К. МАРКС. БРЮН (BRUNE) ..... 142—145
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОМБА (BOMB) ..... 146—147
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОМБАРДИР (BOMBARDIER) 148
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОМБАРДИРОВАНИЕ (BOMBARDMENT) ..... 149—150
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОМБАРДИРСКИЙ КЕЧ (BOMB-KETCH) 151
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОМБАРДИРСКИЙ КОРАБЛЬ (BOMB-VESSEL) 152
Ф. ЭНГЕЛЬС. УКРЫТИЕ ОТ БОМБ (BOMB-PROOF) ..... 153—154
Ф. ЭНГЕЛЬС. ВОЕННЫЙ МОСТ (BRIDGE MILITARY) ..... 155—160
К. МАРКС. БЕРНАДОТ (BERNADOTTE) ..... 161—171
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. АРМАДА (ARMADA) ..... 172—175
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. АЯКУЧО (AYACUCHO) ..... 176—177
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. БЛЮХЕР (BLUCHER) ..... 178—195
Ф. ЭНГЕЛЬС. АРТИЛЛЕРИЯ (ARTILLERY) ..... 196—221
К. МАРКС. БЮЖО (BUGEAUD) ..... 222—225
К. МАРКС. БОЛИВАР-И-ПОНТЕ (BOLIVAR Y PONTE) ..... 226—240
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАМПАНИЯ (CAMPAIGN) ..... 241—242
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАПИТАН (CAPTAIN) 243
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАРАБИН (CARABINE) 244
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАРРОНАДА (CARRONADE) ..... 245—246
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАРТЕЧЬ (CASE SHOT) ..... 247—248
Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЖИГАТЕЛЬНЫЙ СНАРЯД (CARCASS) ..... 249—250
Ф. ЭНГЕЛЬС. ПАТРОН (CARTRIDGE) ..... 251—252
Ф. ЭНГЕЛЬС. БЕРМА (BERME) 253
Ф. ЭНГЕЛЬС. БЛЕНХЕЙМ (BLENHEIM) ..... 254—255
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОРОДИНО (BORODINO) ..... 256—261
Ф. ЭНГЕЛЬС. БИДАСОА (BIDASSOA) ..... 262—267
Ф. ЭНГЕЛЬС. БУДА (BUDA) ..... 268—271
Ф. ЭНГЕЛЬС. ПРЕДМОСТНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ (BRIDGE-HEAD) ..... 272—273

Ф. ЭНГЕЛЬС. КАТАПУЛЬТА (CATAPULT) ... 274
Ф. ЭНГЕЛЬС. ЛАГЕРЬ (CAMP) ... 275—278
Ф. ЭНГЕЛЬС. КУХОРН (COEHOORN) ... 279—281
Ф. ЭНГЕЛЬС. БРЕШИА (BRESCIA) ... 282—284
Ф. ЭНГЕЛЬС. БИРМА (BURMAH) ... 285—292
Ф. ЭНГЕЛЬС. БОМАРСУНД (BOMARSUND) ... 293
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. БЕРЕСФОРД (BERESFORD) ... 294—295
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАВАЛЕРИЯ (CAVALRY) ... 296—325
Ф. ЭНГЕЛЬС. ФОРТИФИКАЦИЯ (FORTIFICATION) ... 326—351
I. Долговременная фортификация ... 326
II. Осада ... 348
III. Полевая фортификация ... 350
Ф. ЭНГЕЛЬС. ПЕХОТА (INFANTRY) ... 352—379
I. Греческая пехота ... 352
II. Римская пехота ... 357
III. Пехота в средние века ... 361
IV. Возрождение пехоты ... 363
V. Пехота XVI и XVII веков ... 366
VI. Пехота XVIII века ... 371
VII. Пехота эпохи французской революции и XIX века ... 375
Ф. ЭНГЕЛЬС. ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ (NAVY) ... 380—394
К. МАРКС. «ГОСПОДИН ФОГТ» ... 395—691
ПРЕДИСЛОВИЕ ... 399—401
I. СЕРНАЯ БАНДА ... 402—411
II. БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ ... 412—420
III. ПОЛИЦЕЙЩИНА ... 421—446
1. Собственное признание ... 421
2. Революционный съезд в Муртене ... 423
3. Шерваль ... 428
4. Кёльнский процесс коммунистов ... 437
5. Центральное празднество просветительных обществ немецких рабочих в Лозанне (26 и 27 июня 1859 г.) ... 440
6. Разное ... 444
IV. ПИСЬМО ТЕХОВА ... 447—470
V. ИМПЕРСКИЙ РЕГЕНТ И ПФАЛЬЦГРАФ ... 471—472
VI. ФОГТ И «NEUE RHEINISGUE ZEITUNG» ... 473—480

VII. АУГСБУРГСКАЯ КАМПАНИЯ ..... 481—501
VIII. ДА-ДА ФОГТ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ..... 502—551
IX. АГЕНТУРА ..... 552—580
X. ПАТРОНЫ И СООБЩНИКИ ..... 581—623
XI. ПРОЦЕСС ..... 624—660
XII. ПРИЛОЖЕНИЯ ..... 661—691
1. Высылка Шили из Швейцарии 661
2. Революционный съезд в Муртене 667
3. Шерваль 668
4. Кёльнский процесс коммунистов 669
5. Клевета 677
6. Война мышеи и лягушек 677
7. Полемика против Пальмерстона 680
8. Заявление г-на А. Шерцера 680
9. Статья Блинда в «Free Press» от 27 мая 1859 г. 681
10. Письма г-на Оргеса 682
11. Циркуляр против К. Блинда 682
12. Affidavit Фёгеле 683
13. Affidavit Вие 683
14. Из документов процесса 684
15. Брошюры Дантю 687
16. Дополнение.....689
a) Карл Фогт и общество «Цемент» 689
b) Кошут 689
c) Эдмон Абу. «Пруссия в 1860 г.» 690
К. МАРКС. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ALLGEMEINE ZEITUNG» 692
К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ «REFORM», «VOLKS-ZEITUNG» И «ALLGEMEINE ZEITUNG» ..... 693—696
К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ «ALLGEMEINE ZEITUNG ..... 697—698
К. МАРКС. ПРОЦЕСС ПРОТИВ «АУГСБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ» ..... 699—700
К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ ..... 701—702
К. МАРКС. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY TELEGRAPH» 703
К. МАРКС. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ALLGEMEINE ZEITUNG» ..... 704—705

К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ «FREISCHUTZ» И «REFORM» 706

К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ «ALLGEMEINE ZEITUNG» и ДРУГИХ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ ..... 707—708

Примечания ..... 711—810

Указатель имен ..... 811—874

Указатель периодических изданий ..... 875—878

Указатель географических названий ..... 879—892

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Титульный лист первого тома «Новой американской энциклопедии» 3

Схема сражения на р. Альме 20 сентября 1854 г. 57

Схема сражения при Асперне 21 — 22 мая 1809 г. 67

Карта Афганистана в период первой англо-афганской войны 1838—1842 гг. ..... между 82-83

Карта национально-освободительного движения в Алжире в первой половине XIX в. 105

Карта военных действий в Центральной Европе с 13. VIII. 1813 г. по 1. IV. 1814 г. ..... между 192—193

Карта борьбы стран Латинской Америки за независимость (походы армии Боливара) ..... » 236—237

Схема сражения при Бородино 5—7 сентября 1812 г. ..... » 256—257

Схема сражения при Бидасоа 31 августа и 7 октября 1813 г. 263

Набросок схемы, составленный Ф. Энгельсом во время работы над статьей «Бидасоа» ..... между 266—267

Титульный лист первого издания книги «Господин Фогт» 397

Том подготовлен к печати
Б. А. Крыловым (работа К. Маркса «Господин Фогт»)
и *Е. И. Удальцовым* (статьи К. Маркса и Ф. Энгельса
из «Новой американской энциклопедии»)
Помощник подготовителей *К. И. Коннова*
В подготовке справочного аппарата принимали участие
И. А. Дмитриева и *Г. Б. Ковганкин*
Редакторы *И. А. Арманд* и *Л. И. Гольман*

*

*Сдано в набор 14/IV 1959 г. Подписано
к печати 23/IX 1959 г. Формат 60X92 1/16.
Физ. печ. л. 57 3/4 +5 вклеек (1 1/8 п. л.).
Условн. печ. л. 58,87. Уч.-изд. л. 52,37.
Тираж 165 тыс. экз. Заказ № 1173.
Цена 10 руб.*

*

*Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.*

*

*Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.*

———

*Типография № 1 «Печатный Двор»
им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.*